

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
по отдѣленію этнографіи.

Т. XX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ
СМОЛЕНСКІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

СОСТАВИТЕЛЬ

В. Н. ДОБРОВОЛЬСКІЙ.

ЧАСТЬ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предлагаемый XX томъ «Записокъ по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» содержитъ въ себѣ первую часть обширнаго «Смоленскаго Этнографическаго Сборника», составленнаго неутомимымъ, беззавѣтно преданнымъ своему дѣлу, наблюдателемъ и изыскателемъ народнаго быта, языка, памятниковъ народной словесности Смоленскаго края, чл.-сотр. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества В. Н. Добровольскимъ. Весь доставленный до настоящаго времени трудъ его рукописи представляетъ пять большихъ фоліантовъ, изъ коихъ одинъ первый составилъ настоящій томъ. Въ остальныхъ фоліантахъ содержатся вѣстныя пѣсни, свадебныя пѣсни, свадебный обычай, погребальныя обычаи, причитанія, очерки семейныхъ нравовъ, игрища, колядныя пѣсни, масляница, веснянки и т. д.; припѣвки, пѣсни голосовыя, круговыя и т. д.; духовскія пѣсни и др.; пословицы.

Редакцію и наблюденіе за печатаніемъ этой первой части „Смоленскаго Сборника“ принялъ было на себя Предѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи проф. В. И. Ламанскій, но, по недостатку времени, принужденъ былъ оставить редакцію, доведя печатаніе „Сборника“ до 20 листа, и съ 1 мая 1890 г. передалъ это дѣло чл.-сотр. Общества И. Н. Половинкину, который и закончилъ печатаніе 1-й части въ Февралѣ 1891 г.

Редакція главнымъ образомъ старалась сохранить всѣ особенности мѣстной рѣчи, отмѣченныя въ рукописи, отступая отъ подлинника только въ тѣхъ (немногихъ) случаяхъ, гдѣ ошибка переписчика или неточность записывателя были очевидны.

19 Февраля 1891 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предлагаемый XX томъ «Записокъ по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» содержитъ въ себѣ первую часть обширнаго «Смоленскаго Этнографическаго Сборника», составленнаго неутомимымъ, беззавѣтно преданнымъ своему дѣлу, наблюдателемъ и изыскателемъ народнаго быта, языка, памятниковъ народной словесности Смоленскаго края, чл.-сотр. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества В. Н. Добровольскимъ. Весь доставленный до настоящаго времени трудъ его рукописи представляетъ пять большихъ фоліантовъ, изъ коихъ одинъ первый составилъ настоящій томъ. Въ остальныхъ фоліантахъ содержатся вѣтныя пѣсни, свадебныя пѣсни, свадебный обычай, погребальныя обычай, причитанія, очерки семейныхъ нравовъ, игрища, колядныя пѣсни, масляница, веснянки и т. д.; припѣвки, пѣсни голосовыя, круговыя и т. д.; духовскія пѣсни и др.; пословицы.

Редакцію и наблюденіе за печатаніемъ этой первой части „Смоленскаго Сборника“ принялъ было на себя Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи проф. В. И. Ламанскій, но, по недостатку времени, принужденъ былъ оставить редакцію, доведя печатаніе „Сборника“ до 20 листа, и съ 1 мая 1890 г. передалъ это дѣло чл.-сотр. Общества И. Н. Половинкину, который и закончилъ печатаніе 1-й части въ Февралѣ 1891 г.

Редакція главнымъ образомъ старалась сохранить все особенности мѣстной рѣчи, отмѣченныя въ рукописи, отступая отъ подлинника только въ тѣхъ (немногихъ) случаяхъ, гдѣ ошибка переписчика или неточность записывателя были очевидны.

19 Февраля 1891 г.

Предисловіе.

Предлагаемый трудъ—этнографическій.

По мнѣнію собирателя, такой трудъ съ внутренней стороны своей долженъ быть отображеніемъ народнаго міросозерцанія, а съ внѣшней представлять точную передачу народнаго говора со всѣми отгѣнками и оборотами народной рѣчи.

До сихъ поръ еще въ народныхъ воззрѣніяхъ живетъ много слѣдовъ миѣической старины; дѣло собирателя—замѣтить ихъ и привести въ извѣстность.

Собиратель былъ совершенно чуждъ стремленія дѣлать научныя выводы и обобщенія, хотя нѣкоторыя научныя соображенія руководили имъ, по необходимости, при группировкѣ довольно значительнаго матеріала; главная же забота собирателя заключалась въ томъ, чтобъ собрать возможно большее число разнообразныхъ этнографическихъ фактовъ.

Указатель къ этимъ фактамъ и указатель къ лексическимъ даннымъ наглядно знакомятъ съ содержаніемъ сборника и даютъ возможность легко найти, что нужно.

В. Добровольскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ 1.	Замѣтка къ изслѣдованію «Различія гово- ровъ Смоленскаго нарѣчія»	1
№ 2.	Особенности <u>Смоленскаго</u> нарѣчія	6
№ 3.	Матеріалы для словаря и теоріи ударенія.	29
№ 4.	Разсказъ Матрешки Антоненкавой а сваей жисти.	45
	1) Дятныне годы	—
	2) У дѣвочистви	49
	3) За первымъ мужемъ	51
	4) Заутарога мужа зайшла.	52
	5) Марка войтымъ стау.	54
	6) Матрешка у прочкахъ ать Марки. Маланья и валаснѣй пупикають Марка.	57
	7) Аблыжная хвароба. Валѣсть и смерть Марки	59
	8) Вытница Матрешки па мужу	60
	9) Суита у дварѣ и дялежка	61
	10) Сходка и асмотръ Матрешкиныга двара	62
	11) Дялежка. Постройка хаты.	64
	12) Валаснѣй сходъ. Уплата доуга	65
	13) Суита съ Пракопымъ послѣ пажара	—
	А сѣлиташнѣй жисти Матрешки	67
№ 5.	Дукьянь Андреевъ изъ Бѣликова, Бѣльскаго уѣзда.	68
№ 6.	Купрей Набажный	71
№ 7.	Якъ Арина здѣлалась знахаркью	74
№ 8.	Якъ празрѣла и здѣлалась знахаркью Стипаннѣна, што ў Дамарачини	75
№ 9.	Савѣты Дамарачихи	76

№ 10.	Дахтара праѣздымъ	77
№ 11.	Лисная дѣука	78
	1) У паўдни збывайтца влятба матири. Лѣшій уводитъ у матеи дачеу.	—
	2) Житѣе-бытѣе дѣуки у лѣшига. Лисавэй учить дѣўку знахарству и усяму пырядеу	79
	3) Возвращеніе къ родителямъ	81
№ 12.	Знахари приваражють	81
№ 13.	Чарненыкъ къ драки приводитъ на свадьбы	82
№ 14.	Состязаніе знахарей на свадьбѣ	84
№ 15.	Добры знахари Божымъ именимъ пумагають лю- дѣмъ, а злы знахари тиризь аггала чарадѣй- ствуютъ	—
№ 16.	Знахыри заломы дѣлають	85
№ 17.	Знахырь унистыжають поддѣль	—
№ 18.	Змѣи повинуются знахарю. Знахарь наказываетъ змѣю.	86
№ 19.	Атчаво ета лисавыи завялись, вадяныи, палявыи, дамавыи?	87
№ 20.	Атвуль лисавэя?	—
№ 21.	Лисавэй	88
№ 22.	Лисавиха	—
№ 23.	Лисавиха даеъ баби трубку палатна	89
№ 24.	Пятроезъ прымерывають у ясу рабенка и палучають за ета знанья ать слишний ляснэй дѣуки.	—
№ 25.	Дамаха тветъ	90
№ 26.	Дамаха и Паляха	91
№ 27.	Лисавиха выить	92
№ 28.	Русалки	—
№ 29.	Крикъ русалокъ	93
№ 30.	Приспанная дѣти русалками дѣлаются, и замѣсть ихъ хто-та пурбанъ падѣндаить	—
№ 31.	Домовой похищаетъ дѣтей	—
№ 32.	Нигадитца ругатца у ясу	94
№ 33.	На Здвизинна нигадитца у лѣсь хадить	—
№ 34.	Скрабъ у ясу сабачій и ваўчинный	96
№ 35.	Змѣй наситиль усякыга быгатства	—
№ 36.	Нильзя раскладывать игня на гумнѣ падъ чуды (5 сентября). Видѣнья падъ чуды	97

- № 37. Нильзя рубить падесялибныга древа 97
- № 38. Суевѣрія при насыпке платины 98
- № 39. Якъ бабка Марьяха угадала, атчаго ета баба торчмя палятѣла у чулани и нагѹ у дваѣмъ мѣсти зламала . . . . . —
- № 40. Ибъ Марскомъ Итемани. Нильзя пить набгомъ 99
- № 41. Знахырѣ-пчилаводѣ 101
- № 42. Прапускатъ пчоль тиризеъ ваучиную пасть іостъ ня-угодна Богу, хотъ чужея пчолы на тваю пасину залитать ня будутъ . . . . . —
- № 43. Прудниковъ сынъ, при помощи незнакомаго прудника, принимаетъ образъ шпанскаго королевича и женится на дочери короля; за услугу прудника прудниковъ сынъ 12 іорданъ водою прогоняетъ съ мѣста (съ—подъ мельничнаго колеса) атамана чертей и ставитъ на его мѣсто прудника 102
- № 44. Пачѣмъ вѣдѹму узнать 105
- № 45. Знахарѣ-атрошникѣ . . . . . —
- № 46. Видьмаки, што малѹки у кароѹ атымають 108
- № 47. Якъ парень (іонъ троху шупилъ) изъ вѣдѹминны даенки малако у абротѣтя шприманилъ, и якъ надъ тымъ малакомъ, што вѣдѹма у кароѹ атымала, пошъ заелѣчиння дѣлалъ 109
- № 48. Дѣѹка-вобратинѣ 110
- № 49. Якъ на мужика найшло, што іонъ жонку свою було зѣѹ 112
- № 50. Калдунѣ,—людаѣдѣ—кравашіѹца 113
- № 51. Паповѣ-вулдунокѣ 115
- № 52. Якъ сынаѹя батьку, видьмака, харанили 117
- № 53. Похарыны видьмака 118
- № 54. Якъ Голубѣ хараніѹ свайго сусѣда Увароусьельга видьмака и назарѹшня лапти прибуваѹ, штобъ ать яго утѣгать 119
- № 55. Якъ рылатыга чорта изъ видьмаковнѣй шкуры варымъ праганяли, ажно загагатаѹ аттѣль 122
- № 56. Способъ погребенія змѣя-чудовища: мальчижи и дѣвочки запрягли въ телѣжечки пѣтушковѣ и курочекѣ и возили землю на могилку змѣя. 124
- № 57. Якъ хазяинѣ кладища (первыи пакойникѣ, схарѹ-

- № 78. Ибъ скамарохи 142
- № 79. Скымарохъ 143
- № 80. Якъ жонка малалѣтнѣго мужа свайго забиждала, а
потѣмъ мужъ яе, по людѣмъ пахадіуши, узду-
жіу и сваей жонки паказау, што іонъ ей му-
жикъ іостъ 145
- № 81. Ибъ скамарохи съ тыварышами 146
- № 82. Фараоны аднаглазны—людаѣды 147
- № 83. Людаѣды, похожіе на коня, изъ двухъ половинокъ;
когда они въ полномъ видѣ, половинки соеди-
нятся, то людоѣдовъ по ихъ быстротѣ никто не
можетъ догнать . . . . . —
- № 84. Деревня Медвѣдовка Смоленскаго уѣзда. 148
- № 85. Ибъ гарошинеи да нѣби, ибъ козычкахъ обѣ од-
нымъ, двухъ и трехъ глазахъ 149
- № 86. Ѳедыръ Барма-Пьяница 150
- № 87. Варливока. Якъ ждлудъ, бичовычка, силазень и
старикъ супрати Варливоки ваковать пашли. 152
- № 88. Мачиха сы своей дачкой обѣ трехъ глазахъ пад-
чирку пагубить хатить, а падчирки матушкина
карова пасабляить 153
- № 89. Билея. 154
- № 90. О кривыхъ недѣляхъ 157
- № 91. Вьюнушъ дабывають калъцо, што яго мать атдала
чоргу 158
- № 92. Зима съ лѣтымъ стрѣлася 161
- № 93. Мухи скрываютъ кладъ отъ приходящихъ . . . . . —
- № 94. Якъ черти падманули мужикыу, када яны чорную
папорыть стирягли . . . . . —
- № 95. Листокъ волшебнаго папоротника, дающій возмож-
ность видѣть клады 162
- № 96. О слободскомъ кладѣ . . . . . —
- № 97. Кладъ водли Хмары-ряи 163
- № 98. Кладъ-вобратинь: каму хатить, таму кладъ и здаецца. . . . . —
- № 99. На кладъ церъеву построить надаби; кладъ съ за-
рокымъ . . . . . —
- № 100. Кладъ даецца извѣстному чилавѣку 164
- № 101. Кладъ къ смерти . . . . . —
- № 102. Кладъ къ балѣсти. / . . . . . —

№ 103. Кладъ здастца таму, хто сполнить тоя, што на- дыби	165
№ 104. Старикъ убиваить адинъ за аднымъ двинацать разбойникы и дабро ихъ атдаеть вущецкыму сыну	—
—	
№ 1. Атъ Стня.	166
№ 1. Св. Авксентій заключаеть сестерь-лихарадокъ въ колодези, потомъ выпускаеть изъ колодезя, пред- варительно выспросивъ заговоръ отъ лихорадки.	167
№ 2. Отъ лихорадки (заговоръ).	—
№ 3. Отъ лихорадки	168
№ 4. То-же	169
№ 5. То-же	170
№ 6. Атъ лихарадки	172
№ 7. То-же	—
№ 8. То-же	173
№ 1. Атъ суроць	—
№ 2. Атъ уроць (суроць).	—
№ 3. То-же	174
№ 4. То-же	—
№ 5. То-же	175
№ 6. То-же	—
№ 7. То-же	177
№ 8. Атъ глазу.	—
№ 1. Атъ тимянога зубищи.	—
№ 2. Атъ криксыу	178
№ 1. Атъ криксыу (село Даньково).	—
№ 1. Обращеніе къ водѣ	179
№ 1. Отъ убушенія уха	—
№ 1. Атъ змяи	180
№ 2. То-же	—
№ 3. Отъ укушенія змѣи	182
№ 4. То-же	—
№ 5. То-же	184
№ 6. Атъ змѣи.	—
№ 7. Отъ убушенія змѣи	185

№ 8.	Ать змѣи	186
№ 9.	То-же	—
№ 1.	Ать шалу	187
№ 2.	То-же	—
№ 3.	Ать бѣшиныга пса	188
№ 1.	Ать чемири	189
№ 2.	То-же	—
№ 3.	Заговоръ ать чемери	190
№ 4.	Ать чемери	—
№ 5.	Ать чемири	191
№ 6.	Отъ чемери	192
№ 1.	Ать ламоты	—
№ 1.	Ать грыжи	193
№ 2.	То-же	—
№ 3.	Ать дѣтскый грыжи	194
№ 1.	Ать урюмый скулки	195
№ 1.	Ать зубнѣй боли	—
№ 2.	То-же	196
№ 3.	То-же	197
№ 4.	Ать боли зубоу	—
№ 1.	Отъ перелома костей	198
№ 1.	Ать усихъ хваробъ	—
№ 1.	Ать вогника	—
№ 1.	Ать жабы	—
№ 1.	Ать ичмяню на глази	199
№ 1.	Ать притча	—
№ 2.	Ать притыи	—
№ 1.	Ать порчи	200
№ 1.	Кровь загаваривать	201
№ 2.	Отъ кровотеченія	—
№ 3.	Ать крови	—
№ 4.	То-же	—
№ 5.	Отъ кровотеченія	202
№ 6.	То-же	—
№ 7.	То-же	203
№ 1.	Женщинѣ на благополучное разрѣшеніе младенцемъ	—
№ 1.	Заговоръ идущему на судъ	—
№ 2.	Заговоръ, чтобъ быть оправданному на судъ	204
№ 3.	Штоба власти и судьи были милостивы	205

№ 4.	Чары на успѣхъ въ судѣ	205
№ 5.	Ать несправедливыга абвинѣнїя	—
№ 1.	Штобъ дѣла сайшло	—
№ 1.	Ать неприятнастей, издабражилатия и ниудачь	206
№ 1.	Отъ воровъ	—
№ 1.	Серца заговаривать	—
№ 1.	Къ любви	207
№ 1.	Малитва ать злога чаруванїя	—
№ 1.	Штобъ конь быу здароу	—
№ 1.	Ать ляганья каровы ва время даенья	208
№ 1.	Отъ болѣзни телятъ, отъ притки	—
№ 2.	Ать падежа телятъ	209
№ 1.	Ать балѣзни ската	—
№ 2.	Штобъ скотъ ни падау	—
№ 1.	Ать звѣря	210
№ 1.	Отъ пожара	—
№ 1.	Насланїе червей	—
№ 2.	Отъ червей	211
№ 3.	Ать чарвей	—
№ 4.	Якъ капустныхъ чарвей унистажать	—
№ 1.	Якъ канаплю сѣить	212
№ 2.	Штобъ канопя хорошо зародилась	—
№ 1.	Штобъ жалось спорна	—
№ 1.	Чтобъ коровы были молочны	—
№ 1.	Штобъ хазяинъ-дамовой и хазяюшка-дамавая сохра- няли скотъ отъ наброжихъ хляўникоу и хляў- ницъ	213
№ 1.	Хазяина упрашивають када дома ни благополумна	214
№ 1.	Отъ притки	—
№ 1.	Ать усихъ хваробъ	—
№ 1.	Отъ звѣря	215
№ 1.	Штобъ урожай на хлѣбъ былъ, бабы катаютца раз- дѣтыя по пылю, штобъ хлѣбъ у трубку йшоль	—
№ 1.	Какимъ святымъ крестьяне молятся въ извѣстныхъ случаяхъ	—
	Травникъ	216
№ 1.	Абъ царѣуни-красавицы, абъ ваўшебнымъ зеркальцы, абъ птицы колпицы; якъ Иванъ, купеческій сынъ,	

- двумя камушками здѣлаѿся, ать царейны сху-
ваѿся, а потѣмъ зъ ею жаніѿся 223
- № 1. Вражда Саваоха и Саваула, свѣтлаго и темнаго
духа. 224
- № 2. Громъ гремитъ—Богъ поражаетъ дьявола стрѣлами —
- № 3. Споръ Бога и сатаны. Атеуль грамавыя стрѣлы, и
якея яны бываютъ . . . . . —
- № 4. Михаила Архангила Гаспотъ изъ кремня выскыъ,
якъ искырку 227
- № 5. Громъ гримитъ—Ильля на калясины ѣдитъ, Бож-
жія Матирь ни знаить, хто громъ приводитъ,
а Иванъ Багаслоу скрываетъ ета. . . . . —
- № 6. Ни руби суровыя палатно рубцомъ: пашкадуишь—
замѣсть тогда ўрага Гаспотъ Бохъ громымъ забѣтъ. 228
- № 7. Якъ два брата: Петръ и Павелъ, жинатый и халостый,
суятились праміжда собе. Камары музыканты
съ Питра доўгъ узыскиваютъ . . . . . —
- № 8. Сотвореніе міра. Бохъ и чертъ, въ образъ лебедя,
творятъ міръ. Болота созданы чертомъ—чертъ
нахаркалъ ихъ 229
- № 9. Сотвореніе человѣка. 230
- № 10. Смерть и сабака, у двюхъ, рай стирягутъ ать ни-
каявныва 231
- № 11. Происхожденіе горъ, трясинъ: всѣ эти неудобства
чортъ понадѣлалъ 232
- № 12. Абъ Воўги, Днѣврѣ и Сажі, и батьки ихъ Ни-
висномъ, якъ Нивиснэй ихъ у путь-дарогу бѣчь
благаславляю . . . . . —
- № 13. Прежде было 2 солнца: луна—солнце, высосанное
змѣемъ, оттого лишившееся яркаго цвѣта—
блѣдное 235
- № 14. Отчего жену свою Адамъ назвалъ Евой . . . . . —
- № 15. Грѣхопаденіе Адама и Евы . . . . . —
- № 16. Прѣжда у Адама и Евы была тѣла кожаныя, якъ
ногаты, потомъ, сагрятіѿши, крапіѿнымъ прядіѿ-
цымъ накрывались, а тады ужъ ленъ пашоу . 236
- № 17. Якъ прѣжда, послѣ Ноивыга патопа харанили жи-
выхъ старикоу; атчаго ихъ харанить пиристали. —
- № 18. Ибъ Нои Правиднымъ 237

- № 19. Адамъ и Ева сагрѣшили: пакушили ать запретныга древа яблчыкы 239
- № 20. Божія Матирь абманулась: листападъ атдала чорту (а ета ни листападъ былъ, а души). Христу нада на мученья паступать, возрачать ихъ,—души пакойныбы 240
- № 21. Нячистый духъ у Бога людей просить . . . . . —
- № 22. Адамъ мяртвыхъ чорту записаў и самъ ашукаўся . 241
- № 23. Якимъ родымъ Гуда жидамъ Христа показаў. Атачаво ложки нигадитца кверьху дномъ влась . . 242
- № 24. Христа мучуть. Жидоўка прикрываить личиння Христа кисейкыю. Христось отъ жидоў вырваўся . . . . . —
- № 25. Свинья жидоўская тетка. На жидоўскую шеолу нада жерствувать, штобъ свиньи хорошо вялись . 243
- № 26. Жиды за Христомъ гонютца. Жэнщина сваймъ рабенкымъ жертвуйть, штобъ Христа спасти—абманила жидоў: жиды рады . . . . . —
- № 27. Христось воскресъ ужу, и съ апосталами и съ Матирью трыпезуйть. Божія Матирь ни пазнаеть сына и загадыть абъ ёмъ на рыбки камбали и на сухимъ дуби 244
- № 28. Отчего мы яйцами христосуемся . . . . . —
- № 29. Отчего осина листьями „трыпечить“ 245
- № 30. Христось хочеть оказать Гудѣ милосердіе . . . . . —
- № 31. Объ Царѣ Саламонѣ . . . . . —
- № 32. Абъ Саламонѣ 258
- № 33. Купецъ увозить прачку на караблѣ. Яе мужъ и сыны шукали яе, да разблудились па разнымъ вастравамъ 267
- № 34. Абъ Андреи Критскымъ 269
- № 35. Ибъ Андреи Привазваннымъ 270
- № 36. О купчихѣ, пустившей по обѣщанію сына своего на воду 272
- № 37. У кожынга чилавѣка три матири 276
- № 38. Происхожденіе куушки . . . . . —
- № 39. О происхожденіи кукушки 277
- № 40. Происхожденіе соловья, куушки, лягушки. Козни лютой тещи, убійство нелюбаго зятя . . . . . —

- № 41. Якъ сокылъ и кукушка, и другія пташки супрати
Кука ваювались, што на трехъ дубахъ сѣдючи,
примножества птицъ пажираль. 278
- № 42. Якъ варона ястриба вывила. Съ якихъ поръ ва-
рона кричить: урода, урода 279
- № 43. Абъ лягушки. . . . . —
- № 44. Якъ мужикъ богатый тараканоу спекъ и зжѣся,
потѣмъ за ихъ бальшея деньги атдау 280
- № 45. Происхожденіе ячменя и рака. Асотъ да либида—
чортава ида 282
- № 46. Не пчелы убиваютъ трутней, а „посѣкаеть“ ихъ
матка . . . . . —
- № 47. Атчаво ета слиза котитца изъ глаза, якъ табабъ
нюхائمъ? Па чортавыи матки плачимъ . . . . . —
- № 48. Якъ Никола съ Пятромъ научились у чорта вотку
гнать 283
- № 49. Чортъ съ жидымъ перва уздумау вотку гнать изъ
жалуда. Атчаво ёлка и сасонка зиму и лѣта
зиляненьки. Микола заўжда чорту и жиду даў-
жонъ . . . . . —
- № 50. Пьяница, исполняя привязаніе чертей, жарить въ
аду души грѣшниковъ; освобождаетъ души за
чарку горѣлки; черти прогоняють пьяницу изъ ада. 284
- № 51. Пьяница въ рай попадаетъ. Переговоры пьяницы
съ апостолами: Петромъ, Павломъ и Иоанномъ. 285
- № 52. О святомъ Зосимѣ. Откуда у насъ пчолы? 286
- № 53. Зосиму удалось пчолъ изъ Ягипца принесть, а Ми-
коли ніудалось 287
- № 54. Укушеніе пчелы было прежде смертоносно . . . . . —
- № 55. Павукъ ябидникъ—чорту правидникъ. . . . . —
- № 56. Баба хатѣла Бога спужать—мядвѣдицей здѣлалась. 288
- № 57. Якъ Никола бабу разымаль у драки съ чортымъ.
№ 58. Отчего теперь у ржи маленький колысъ 289
- № 59. Атчего колысъ у ржи таперъ нибольшой . . . . . —
- № 60. Касьянъ косо глядитъ 290
- № 61. Якъ Микола и Петръ лашадей на Украинѣ за-
купляли. . . . . —
- № 62. По какому поводу дана была когда-то власть жен-

- щинамъ и отнята у нихъ (за грубое обращеніе одной женщины съ Петромъ) 291
- № 1. Гаспотъ храмы со свайми угодниками закладаить . 292
- № 2. Якъ купецъ хатѣу работника спагубить, и замѣсъ тога самъ сябе спагубиу — и придсказанія прарокыу сполнялась. 293
- № 3. Якъ Кузьма-Димьянъ сказали купцу, што іонъ женитца на валюватый дѣвущки и, дѣйствительна, купецъ жаниуся 295
- Купецъ женитца супрати своей воли на гарлуватый дѣвущки. У свадьбы якая каму судьба. 297
- № 4. Абъ Ивани Бизщастнымъ. Абъ Николи, абъ Ягорьи. 298
- № 5. Ибъ святымъ Николи и Ягорью. Якъ Микола пумагау мужику, а св. Ягорій, насупрати Миколы. усякую уряду дѣлау 302
- № 6. Якъ Никола помохъ бѣдному мужику, а пѣтѣмъ бѣдный мужикъ, стауши тѣмаримъ, ниуважча супрати Миколы пуступиу 306
- № 7. Гурій-Самойла за несчастную женщину заступились. 307
- № 8. Старець съ ангеломъ путешествуетъ, и ангель показываеть старцу справедливость Божию, гдѣ старецъ не признаеть ее и не видитъ 308
- № 9. Абъ судьи Правиднымъ, абъ лягушки, вугри, смерти и Николи угодники 310
- № 10. Абъ Ивани Сямѣныви, якъ іонъ искау правидныва чилавѣка и са смертію падружѣся; якъ са смертію Иванъ Сямѣныу сабѣ багатства нажиу, потѣмъ самое смерь надуу и ащо трехъ яе дачокъ. 311
- № 11. Якъ мужикъ искау кумоу справядливыхъ 316
- № 12. Якъ сыны батьку карили, што іонъ у церькыу ня ходить 318
- № 13. Атчаго Бохъ плахому мужику даеть харошую жонку и харошой жонки плахога мужика. Святыи лянныму мужику вѣку прибавили, штобъ яму пароботать. И за одну часиньчку своей смерти ни угадаишь. Святыи наказыють жаднаго и гордыга мужикоу 319
- № 14. Бада чилавѣкъ багатъ—нихай тутъ нахарчуйтца, а на тымъ свѣти муку аттерпить; а бѣдный тутъ

- аттерпить-за то яму на тымъ свѣти прасвѣт-
 лый рай 321
15. Отъ пьянства всевозможные грѣхи . . . . . —
16. Якъ братъ нависъ на шни брата. . . . . —
17. А брати, каторый назваў сястру змяёй. 322
18. Разсказъ абъ аднѣй жэнщины. Якъ у вангиля крылья
 атабрали, и хадіў іон на землѣ 323
19. Вары стали калітками пиряхожими 325
20. Разбойникъ, страннапримецъ, нимиласерный ви-
 дють видѣнья, икаво имъ будить на тымъ свѣти. 326
21. Якъ мальчикъ старику сказку сказываў (ня то што
 сказку, а былъ). Старикъ абъясніў, мальчику што
 къ чаму у тымъ видѣнья, што здалось мальчику:
 што тады бываить, якъ у сямѣ свары, нилюбоў.
 якъ хазяйства вядетца спустя рукавы, зря и лянн-
 ва, и нячиста, — и што тады бываить. якъ у
 сямѣ миръ и добрыя сагласія. 327
22. Какъ прахожиму чилавѣку хазяинъ загадки загады-
 валь, ды билъ яго, — послы таво прахожій хазяй-
 скій домъ заждѣтъ и самъ хазяину загадычыи за-
 гадываль 331
23. Якъ мужикъ съ жонкыю паклялись ниправидно,
 сами пра сябе думаўши: „Богъ ня видъ, и ня
 чуй“ — и жисть сваю скоро паконъчили 333
24. Вопытныи манахъ райть сямейному чилавѣку кинуть
 манастыръ и жить у сваей сямѣ. 334
25. А манахи, што рано ёў да службы 335
26. Счастье зависить не отъ богатства и благополучія,
 а отъ спокойствія совѣсти 336
27. А чилавѣчиской нирадитильнасти, ніабдуманнасти,
 ниразумію . . . . . —
1. Абъ упирливый жонки и абъ бабскихъ уверткахъ.
 Отголоски Новгородскаго преданія о Щилѣ.
 Историческія повѣсти. Якъ купецъ Гулитыў и
 Ваксонскій каралевичъ ѣздили умѣсти и къ жен-
 скимъ уверткамъ присматривались. 337
2. Абъ бабскихъ уверткахъ. Штобъ наказать, што
 ина дужа хитра, баба мужу вочи туманить. . . 340

- № 3. Якъ бурмистръ штобъ пану свайму выличить воки, малако даставаў ать частной бабы 341
- № 4. Абъ женскихъ уверткахъ. Якъ мужъ казау, што яго жонка ни ўвертлива, а ина за то надъ имъ увертку представила. 344
- № 5. А благачасливыхъ мужи и жонки, и чорти. Якъ чортъ ать сваго начальника пулучіў поду и дѣхтю за то, што пассоріў благочасливыхъ: мужа и жонку. Жонка свайго мужа бутцахъ зарѣзать хатѣла—увираў іонь 346
- № 6. Какъ нявѣрная жина притварила мужа ворынымъ и сабакой 348
- № 7. Якъ мужикъ абмираў, а потѣмъ жонку свою падучилъ, што ина дужа любаштна 354
- № 8. Мужикъ мертвымъ притворился, штобы узнать, любить-ли его жена. 355
- № 9. Якъ дваровый чилавѣгъ вѣрнысть сваей жонки спытываль . . . . . —
- № 10. Якъ споріў мужъ съ жонкыи: стрыжина или голіна; ни пиряспоріўши жонки, утапить яе паряшіў; утапіўши жъ, чартей ею пужаў. 357
- № 11. Упирливая дѣўка; якъ Иванъ Бѣдныи жаниўся зъ ею, потѣмъ яе атхадіў 359
- № 12. О чеботарихъ. 361
- № 13. Абъ купечиский дачеѣ, якъ ина атметила прикащикю 366
- № 14. Отрывокъ изъ сказанія о князѣ Петрѣ и Февроніи Муромской 372
- № 15. Якъ сынъ влалатіў и стараўся, штобы пакойный батька пиристаў вобратнимъ-канѣмъ быть и спасення пулучіў ба 378
- № 16. Якъ панъ правалиўся у тѣй церькви, што самъ выстрыў. Мужикъ праатвѣдываить пана и видить, што панъ канѣмъ стаў и на емъ атгалы катаютца. Барыня варачаить пана милыстынію 37
- № 17. А шемакинымъ сѹди. 37
- № 18. Витовтъ 378
- № 19. Св. Меркурій быў кажимяка. Лютву побиваў, са-

- маму галаву атрубилн, на каніи несъ буйную го-
лаву, стрѣушнсь съ багатыркнѣю. абраніу яе. . . 379
- № 20. Лютва . . . . . —
- № 21. О происхожденіи растенія „Иванъ Безголовый“
(*Veronica officinalis*) . . . . . —
- № 22. Мервурьева лошадь 380
- № 23. Петръ загадытъ сванмъ синатбрамъ. якъ неба ви-
сока и якъ змля глыбока. Мужикъ Пятру раз-
сказытъ, куда іонъ зарбатыкъ дываитъ: якіи
деньги за доухъ платитъ, якіи у доухъ отдаеть,
якіи на вѣтирь пуцаитъ . . . . . —
- № 24. Какъ на охоту Петръ ѣздилъ. 381
- № 25. Якъ Петръ у Риги присматривауся къ литью пу-
шакъ. Якъ іонъ утѣкъ изъ Риги. Пріймаитъ у
Масквѣ гостя рижскаго купца. Мѣдникъ раитъ
пирялитъ калаколы на пушки 383
- № 26. Воръ збаўляитъ Питра атъ смерти 384
- № 27. Петръ вялитъ принесъ у дварець пьяныва мужика
и бѣуляитъ яму, што іонъ на неби; хатитъ
знать, што будитъ казатъ и рабитъ мужикъ. . . 385
- № 28. Петръ монастырь асматриваитъ, вялитъ жирному
мануху у кузницы паработатъ 386
- № 29. Рыбакъ умѣсти съ царимъ асвабаждають сына
Петра I атъ яго жонки. презлэй вѣдмы . . . 388
- № 30. Ирусалимскій патріярхъ и яуреискій дохтаръ при
султани сунятца абъ тымъ, икая вѣра луччи:
ти магамитанская, ти яўрейская, ти христیانь-
ская 393

С К А З К И.

- № 1. Илья Муромецъ 397
- № 2. Якъ Илья Муромецъ пубядіу Салаѣя разбойника,
Абжору, Альбадима . . . . . —
- № 3. Богатырь Димьянъ Ельнинскаго уѣзда Каноцльскоя
волысти 402
- № 4. Дема быгатырь Снаво-Деминскаго приходу . . . 403

- № 5. Абъ рыбки-блалакрылки и трехъ багатыряхъ: царицнымъ, кароѳимъ и служебкинымъ сынаѳяхъ. Ябъ багатыри Салаѳя-разбойника пубядили и яго сямейства 405
- № 6. Сказка абъ Ивани Кабыльлимъ сыни 410
- № 7. Абъ Ваньки Ширамышки, сучкинымъ сыни, абъ яго братьтихъ: поварывымъ и царскимъ сыни, абъ трехъ малайцахъ—воласъ у воласъ, голасъ у голасъ; пабѣда ихъ надъ разбойникымъ Салаѳемъ и яго сямействамъ 416
- № 8. Абъ Ивани Гадимывичи, Алексѣи Гадимывичи, Стаѳури Гадимывичи—Самъ-Малалѣтинъ-Пьяници 433
- № 9. Якъ Иванъ-дуракъ паймаѳ у рѣпи лятучига старика. Иванъ-дуракъ съ кримсалымъ лятучига старика заичаить каралеѳства и женитца на каралеѳни. Каралеѳна са спулубоѳникымъ атерали кримсала и загубили Ивана-дурака. Быкъ и баранъ ать лятучига старика (тожа лятучи) атѳѳѳляють Ивана-дурака 444
- № 10. Абъ Игри Игравичи, абъ старикѣ палугрими 455
- № 11. Абъ старикѣ—„самъ на кутѣ, носъ на крѳку, ноги на грядкахъ“; якъ тѳй старикъ двумъ братьтамъ па паласѣ мяса изъ спины вырзаѳ, а третѳй братъ старику тоя жъ здѣлалъ. Сказка, што мяншой братъ старику баѳѳ; ѳ тѳй сказки дубъ да нибѣсъ 467
- № 12. Абъ дѳунымъ лятучимъ старикѣ самъ съ кокытъ, а барада семьдесять сажонъ; абъ яго лашадяхъ, скидываѳшихся сароками и воронами. Иванъ Царевичъ 471
- № 13. Гаспотъ посылаить святыхъ узнать, сколько правидныхъ душъ іостъ на свѣти 478
- № 14. Ибъ трехъ братьтихъ ахотникахъ, двухъ изъ ихъ у каминь абрашонныхъ, и абъ Бабѣ-Ягѣ, кастаней назѣ 492
- № 15. Якъ Ивана Иванывича, русскаго царевича, сестра съ нѣкимъ злѳдѳимъ загубить хатѣла 495
- № 16. Ибъ трехъ братьтихъ, аднымъ изъ ихъ дуракѣ, Бабѣ-Ягѣ кастаней назѣ и яе дачкахъ 498

- № 17. Ибъ Игри Игравичи, якъ іонъ сабѣ жонку дабы-
вау ажно изъ Царь-града, якъ іонъ жа съ пад-
земнаго царства царѣну ать 12 — галовыга змѣя
свабадіу 501
- № 18. Якъ купецъ атыскау прапѣдлага сына на вастрыви:
якъ сынъ яго Ирыду падисаўся. абъизжау
Ирыдскыга ваўшебнага жирябца 511
- № 19. Абъ смушенники Мильяни, удовымъ сыни, ваўшеб-
нымъ калыцы. ваўшебный алмазки, игуminyи
Исаули и птицы Камъ 517
- № 20. Ибъ Ивани Миласернымъ 530
- № 21. Ибъ Ивани Бизшастнымъ 533
- № 22. Якъ купецъ у Двины (у Двинѣ) пабыў, споръ
мижъ рачнымъ царѣмъ и царицый рашіу (споръ
мижъ Нѣпамъ и Нявой) и разбагатѣу ать да-
роу Нѣпра (Нѣца) 540
- № 23. Сказка абъ Ивани Иванывичи, купеческымъ сыни. 547
- № 24. Якъ салдатъ три начи старажіу пакойницу у бани,
и яго хатѣли пагубить храмѣя, сляпяя, кривзя
и абъ 12 галавахъ; якъ потѣмъ у церкви іонъ
яе старажіу и жаніўся зъ ею 554
- № 25. Абъ Етари бизшастнымъ, якъ іонъ дочъ индійскага
царя даставаў 556
- № 26. Якъ двѣ сястры брата загубили, а дудычка зъ
липинки тоя дѣла усимъ рассказала 560
- № 27. Абъ члавѣки, што ни паспить — сто залатыхъ падѣ
падушный яўляитца; абъ царѣўни — ина на ком-
нати бѣгаитъ, а жаніхъ ей деньги сыпъ, пака-
мистъ ина ни притомитца; якъ ана жаниха свайго
правадипла, а потѣмъ іонъ яе атхадіу, рохъ при-
садіу; потѣмъ атхадіўши, выличіу и жаніўся зъ
ею. Абъ ваўшебныхъ: 1) тилятахъ, 2) шапки —
вивидимки, машинѣ — трясейки, плети, 3) яблочныхъ. 561
- № 28. Суита мышки съ вярѣбемъ, абъ багатырѣ — орлѣ,
абъ купеческымъ сыни Василии Иванывичи и
сыни яго Ивани Васильивичи, абъ присыпанки.
нявѣсти Ивана Васильивича 568
- № 29. Якъ вихыръ и вѣтирѣ дарували мужуку жаренцы;

- якъ стын дары вапрасіў у мужика пошъ, и якъ
малайцы изъ торбы праўчили жадныга пуца. 587
- № 30. Якъ изъ трехъ братаў меншій пажойныга батьку
старашіў, ать яго валшебную лашатку пулучіў, а
лашатка тая пумагла яму на цареўни жанитца. 590
- № 31. Илья Мурамецъ 594
- № 32. Сказка а бѣднымъ и багатымъ брати, ваўшебный
курицы, скатирти, трубачки 597
- № 32. Черемшинка 601
- № 33. О купеческомъ сынѣ, собакѣ, котѣ и змѣѣ, мышин-
номъ царѣ, ракѣ Хаберѣ, царѣ раковъ, и Лука-
пѣрѣ 607
- № 34. Якъ старуха свайго сына Воху на обученье атдала,
а потѣмъ яго узнавала; научившись, старушкинъ
сынъ самага Воха прихитриў 615
- № 35. А цареўни Нисмїяни 620
- № 36. Оама-Широкая Барада, багатырь магучій и хитрѣй. 622
- № 37. Катигарошинка 624
- № 38. Ибъ чатырехъ цареўнахъ, змѣихъ абъ трехъ, шасти,
двяти, двинаццти галавахъ, абъ шьялннѣй гар-
рѣ, абъ мядвѣдихъ, ваўкахъ, ильвахъ, пу па-
рарчки, у дварцахъ: абъ зялѣзныхъ ширцатыч-
кахъ, абъ ваўшебный тростычки 630
- № 39. Шавра 632

Ч О Р Т Ъ .

- № 1. Якъ чортъ мужику мельникыву дачку высватаў, а
потѣмъ мужика загубіў и яго сусѣда. 633
- № 2. А бѣднымъ и багатымъ брати.—Якъ бѣдный братъ
разжіўся ать игня, што даў яму якѣй-та дѣ-
душка; а багатый братъ пагарѣў ать таго-жъ
аганьку. 635
- № 3. Якъ три браты спорили, хто помохъ имъ хату сру-
бить: Бохъ или чортъ 637
- № 4. Якъ мельникъ чорта надуваў 638
- № 5. Жадный бабыль 640

№ 6.	Абъ лисавымъ и ахотники.	642
№ 7.	А бѣднымъ и багатымъ брати	644
№ 8.	Якъ мужиць пириспоріѹ чорта, хто пѣсню падаѹжѣй затянить, и якъ чортъ атъ мужика ажно за ва- блаки утикаѹ.	649
№ 9.	Якъ дякынъ чорту падписаѹся, а потѣмъ чортывы деньги спазиѹ.	650

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

(Шутливый).

№ 1.	Якъ мядвѣдь, воѹкъ и пятаухъ лисицу изъ зайчыга домика турили, и якъ лисица вымудрилась мядвѣ- вѣдя загубить.	652
№ 2.	Якъ воѹкъ хазяина заставиѹ кармить сабачку и якъ сабачка ваѹка абманіѹ.	653
№ 3.	Якъ котъ и сабака съ ваѹкомъ дружбу вадили, и воѹкъ ихъ кармиѹ, пдѣтѣмъ сабачку зѣѹ.	655
№ 4.	Абъ хвѣрый свиньи.	657
№ 5.	Якъ стариеъ ваѹка забіѹ.	658
№ 6.	Ерасть Ерастовичъ и Хворастъ Хворастовичъ.	—
№ 7.	Шутливая (дер. Чепищево Смол. у.).	659
№ 8.	„ (село Пречистое Духовщ. у.)	660
№ 9.	„ (Пра ахотникыѹ)	661
№ 10.	Атчаго ахотникъ пиристаѹ ахотню займатца	662
№ 11.	А мужикѣ, што лоѹка ѹрать умѣѹ	663
№ 12.	Лгала и Палагала	665

БЫТОВЫЯ.

№ 1.	О добросовѣстномъ бѣднякѣ	669
№ 2.	Якъ старуха съ сынымъ деньги зарабатяла: сынъ чужии вещи хуваить, а старуха схову атгадаить.	673
№ 3.	Якъ попь съ дяканымъ дянгю наживали: дяканъ чужей вещи хуваль, а попь атгадываль.	675

№ 4.	Абъ убогихъ старцахъ, якъ ихъ мазурикъ надуў.	676
№ 5.	Якъ Андрея Хвадей за грошь мучиў.	677
№ 6.	Якъ храмѣй, сляпѣй и глухей парю служпли.	679
№ 7.	Ибѣ чудаѣ Никули: якъ іонъ праўчиў любоўника вучихи, паўтапіў глупыхъ муживоў, папу шутку спутіў и ў батрачки, замѣсть бабы, у пуца наймаўся.	681
№ 8.	Шуть Шуткинъ, якъ іонъ пуца, муживоў и пана правёў.	686
№ 9.	Якъ мужикъ съ салдатымъ папоў губили.	690
№ 10.	Якъ муживъ съ цыганымъ денги сѣили.	692
№ 11.	Якъ поць абманіў аднажды, а Тарасъ яго дважды.	693
№ 12.	Якъ папоў батраѣ пуцадью праўчиў и дьякана, яе спалюбоўника, и пуца нацѣтъ пуцадди абразуміў.	696
№ 13.	Якъ мужикъ свайго батюшку паднадіў.	700
№ 14.	Абъ паповымъ батраѣ.	701
№ 15.	Якъ поць казломъ здѣлаўся.	703
№ 16.	Баѣъ поць тѣліўся.	704
№ 17.	Якъ панъ атняў у мужика пирохъ да гуся, а му- жикъ за ета трожжи набіўся пана.	—
№ 18.	Мужикъ пану шутычку спутилъ.	707
№ 19.	Баринъ — яму мужикъ параіў — лападей сабѣ язъ тыѣвъ высиживаў.	708
№ 20.	Калядныи гость.	709
№ 21.	Хлѣбъ-соль! — Просимъ пакорна пакупать!	710
№ 22.	Подъ порогомъ иголка.	—
№ 23.	Хмя — дрена имя.	—
№ 24.	Розвисня.	711

Б Ы Л Ь.

№ 1.	Дѣўка викавуха, якъ яе цыгани абманили.	711
№ 2.	Дильба.	712
№ 3.	Съ заробытныў варлуўся.	713
№ 4.	Шерстобить.	714

УКАЗАТЕЛЬ

къ изслѣдованію: „Особенности Смоленскаго нарѣчья. Различія говоровъ Смоленскаго нарѣчья“.

(Стр. 6).

1) А и ѧ = ѡ.	20) Ъ — а.
2) Ъ — е — ѣ — о.	21) Ъ — и.
3) ѣ — е.	22) Переписьрь.
4) э — ѣ — е.	23) Опущеніе гласной.
5) е — о.	24) Паѣхыля.
6) а — и.	25) еч.
7) и — а.	26) пчол-и-ки.
8) я — и.	27) ен — ьн.
9) я — е.	28) ец.
10) и — ѣ.	29) нѡрау (нравъ).
11) я — ѣ.	30) кѣки — ваекъ.
12) ѣ — ѡ (вм. е).	31) Дъ въ началѣ слова.
13) ѣ — о.	32) ем — им.
14) ѣ вм. конечнаго е.	33) ер — ир.
15) ѣ — е — я — і.	34) е — п.
16) е вмѣсто ѣ.	35) и — е.
17) я — е и ѣ.	36) ы — а — о.
18) о — о.	37) у — ы.
19) ь — ѣ.	38) ы — у.

- 39) и — ы.
 40) ы — и.
 41) еч — ич.
 42) ес — ис.
 43) эй — ый.
 44) я — а.
 45) ей, ой = ёў, оў.
 46) ём — ем.
 47) ён — он.
 48) ій — ей.
 49) ія, ія — ёя, ѣя.
 50) о — а.
 51) ьск.
 52) у — в.
 53) опущеніе гласнаго.
 54) стяженіе гласныхъ.
 55) приставка (и, а, у).
 56) въ . . . . . (а).
 57) вставное в.
 58) удвоеніе согласнаго.
 59) умягченіе в.
 60) жд — ж.
 61) жж — жд.
 62) д = н.
 63) д — т.
 64) дн = нн.
 65) ды = ди; ди = ды.
 66) ня = на; ню — ну.
 67) ны = ни.
 68) отвердѣніе н.
 69) нь = нь.
 70) ж — г.
 71) з — г.
 72) г (мягкое по произноше-
 нію) = з.
 73) г = ж.
 74) ш = х.
 75) с = х; х = с.
 76) ч = щ.
- 77) ц = с.
 78) щ = ст.
 79) ст = чт.
 80) ст = щ.
 81) сл = ст.
 82) ч = ц.
 83) л = р.
 84) л = й.
 85) отвердѣніе л.
 86) умягченіе р.
 87) ль — л.
 88) пра = пре.
 89) рь = р; рь = р.
 90) рү = рю.
 91) ря = ра; рю = ру; рү = рю.
 92) ры = ри.
 93) тя.
 94) тю.
 95) с — ш.
 96) ш — с.
 97) ск — зг.
 98) скь = сх.
 99) к = х.
 100) в = в.
 101) т = н.
 102) же = жа, жи.
 103) ща = ще.
 104) щ = ч.
 105) ск = щ.
 106) тб = ъб.
 107) з (опущеніе).
 108) т (опущеніе).
 109) д (опущеніе).
 110) г (опущеніе).
 111) г (опущеніе въ началѣ сло-
 ва и срединѣ); опущеніе
 слога.
 112) измѣненіе сочетанія дн.
 113) дч = ч.

- 114) сокращенныя слова. 133) Глаголь.
- 115) тп = цп. 134) Союзъ.
- 116) л, в = у. 135) Предлогъ.
- 117) отсутствіе вставного н. 136) Междометіе.
- 118) метатезисъ. 137) Отрицаніе не, ни, на, нѣ.
- 119) р = в. 138) Обь особенномъ значеніи отрицанія на. ни.
- 120) з = г. 139) Образованіе дифтонговъ и удвоеніе гласныхъ въ живой народной рѣчи.
- 121) с (вставное). 140) Синтактическія замѣчанія:
- 122) р (вставное). а) „юсть“ при подлежащихъ всѣхъ лицъ и чиселъ,
- 123) ч (вставное) б) пролепись.
- 124) мн = мл. в) дѣепричастіе безъ вспомо- гательнаго глагола,
- 125) льн = нн. г) неправильное согласованіе,
- 126) Дзеканье (д. т = дз, ц). д) слѣды греческаго и сла- вянскаго въ живомъ народ- номъ говорѣ.
- 127) Склоненіе существитель- наго.
- 128) Прилагательное.
- 129) Мѣстоименіе.
- 130) Мизъ себе, соби.
- 131) Нарѣчье.
- 132) Числительное.

СМОЛЕНСКІЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ
СБОРНИКЪ.

Замѣтка къ изслѣдованію «Различія говоровъ Смоленскаго нарѣчья».

1) Отвердѣніе *л. р* замѣтно болѣе по сосѣдству съ Могилевской губерніей, но и въ смежныхъ уѣздахъ оно не проявляется во всей полнотѣ.

2) Въ Бѣльск. у. *е* рѣже замѣняется чрезъ *я* и сохраняетъ часто твердое произношеніе.

3) Въ Дорогобуж., Бѣльск., Рослав. уѣздахъ *е* въ 3 лицѣ ед. числа смягчается въ *ѣ*.

4) Въ Бѣльск., Духовщ., Сыч. *е* смягчается въ винит. пад. отъ „ина“ (См. *лѣ*).

5) *и* вмѣсто *е* въ Росл., Бѣльск. у.

6) *е* вмѣсто *и* въ Бѣльск. у.

7) Замѣтна въ достаточной степени наклонность къ удержанію гласнаго: одни гласные являются, какъ *survival* глухихъ, другіе принадлежать полногласію, третьи, вставочныя, вводятся для устраненія неблагозвучнаго стеченія согласныхъ.

8) Примѣчательно произношеніе слова *вьюнь* (рыба)—*вьюнь-ваюнь*. „Юноша“ произносится иногда *юнош* съ приставкою въ началѣ слова „въ“ *юноша* = *вьюнушь* (*ваюнуш?*).

Есть слово „*ваѣнчики*“ (*plug*)—вѣроятно, растеніе. „На у поли два *ваѣнчики* *вјютца*“.

Въ деревнѣ Свалы, гдѣ я записалъ это слово, мнѣ не могли объяснить его значенія. Въ селѣ Даньковѣ крестьянка Матрѣна Антоненкова сказала мнѣ, что „*ваѣнчикъ*“ относится къ орлу и къ ястребу, когда они, распластавъ свои крылья, кружатся въ небѣ.

9) Д прибавляется къ нѣкоторымъ словамъ, начинающимся съ плавнымъ н, произносится съ „придержкой“ — послѣ произношенія д слѣдуетъ нѣкоторая пауза. Такой фактъ указываетъ на слѣды глухихъ.

10) Слышалось разъ въ глухое (звукъ произносился какъ ъ и какъ е — трудно было опредѣлить, какъ передать его начертаніемъ): зват. пад. отъ сынъ: „Христосъ васкрѣсь сыне (ъ) Божій.“

11) Въ произношеніи замѣтна наклонность къ протяжности, особливо когда рѣчь крестьянина находится подъ вліяніемъ какого нибудь аффекта: гнѣва, огорченія; протяжность замѣтна и при обыкновенномъ теченіи рѣчи, въ нѣкоторыхъ словахъ.

Протяжность выразилась двумя явленіями: удвоеніемъ гласныхъ, образованіемъ дифтонговъ; иногда второй гласный, образовавшійся въ слѣдствіе удвоенія, протягивался въ дифтонгъ, такъ что два вышеприведенныя явленія существовали одновременно.

12) Оканье разбивается по мѣрѣ приближенія къ сѣверу; оно замѣтно по всюду у людей грамотныхъ, оно замѣтно въ тѣхъ памятникахъ народнаго творчества, которые болѣе или менѣе соприкасаются съ грамотностью и письменностью (апокрифы, заговоры).

13) Въ Смоленскомъ уѣздѣ, въ трѣхсложныхъ словахъ изъ 2-хъ а (одного съ удареніемъ, другаго безъ него); 1-е одинъ звукъ = а, другой ђ; оба звука произносятся отчетливо. 2-е о безъ ударенія = а . . . ђ; такая-же отчетливость въ произношеніи. Такое сочетаніе звуковъ крайне любимо: а . . . (1-й слогъ) + ђ (2-й слогъ) . . . + ђ (3-й слогъ.)

14) Въ связи съ оканьемъ измѣняется постановка ударенія: часто, гдѣ въ южномъ говорѣ оно стоитъ въ концѣ слова, въ южномъ — въ самомъ началѣ на о.

15) Къ сѣверу произношеніе *и* становится болѣе твердымъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ въ См. у. *и* произносится очень мягко: нильга (нельзя).

16) Умягченіе *к* — въ Бѣльск. и Сыч. уѣздахъ.

17) Въ Бѣльскомъ уѣздѣ въ склоненіи замѣчаются слѣдующія черты, принадлежащія сѣв.-велик. нарѣчью:

1) Въ им. ж. р. вмѣсто *ъ* предлож. ы; предл., какъ и дат. смѣшивается съ родит.

2) Во множ. твор. употребляется въ формѣ дат.

3) Употребленіе окончанія *а* въ им. множ. ч. въ словахъ мужск. р.

4) Иногда вин. мн. = им. мн.

18) Черта великорусск. и южнорусск. смѣшеніе род. и дат. женск. и мужск. именъ на *а*.

19) Творит. оканчивается на *и*.

Можетъ быть, это винит. внутр. дѣйствія, заимствованный изъ греческаго черезъ славянскій *) (см. ист. грам. Буслаева); можетъ быть, это такія-же архаическія окончанія для винит., какія встрѣчаются въ языкѣ былинъ: „шутеи блазнутися“ (Б. у.), сравн.:

Заросла дорога лясы брявскими
Собиралися стады они стадами.

20) Въ южной части Рославльск. у. на окончанія скло-
няемыхъ именъ вліяетъ неорганическое умягченіе согласныхъ
н и *т*.

21) Нѣкоторыя особенности въ спряженіи обусловливаются
измѣненіемъ глагольной темы; большею частію замѣчается сокра-
щеніе, а на сѣверѣ и югѣ (Бѣльск., Рославл. у.) иногда къ
темѣ прибавляется гласный.

22) Паѣхыля 1 разъ встрѣтилось. Сравн. виденск. быля
господары, хадзиля стральцы (я изъ ѣ) (ислѣдованія въ
области русской грамматики А. Соболевскаго стр. 34).

---

*) Историч. грам. Буслаева.

Особенности смоленскаго нарѣчья.

Различія говоро́въ смоленскаго нарѣчья.

(Исслѣдованіе первое).

1) а и à——ò.
à=ò

Скъмьи (рлуг. пом. отъ скамья), брѣнить, брѣнютца (отъ бранить), падѣримъ, ня брѣнся, кургѣнь (курганъ), кургѣнушикъ, жѣднѣй (каждѣй).

1) а=ò

à . . . а†З слогъ——а . . . ò—З слогъ.

а—а†З слогъ——а . . . ò—З слогъ.

Сахарнѣй = сахѣрнѣй, гаварѣтъ = гавѣрѣтъ, халастѣй = халѣстѣй.

2) а=ò.

Перескачѣлъ = перескѣчилъ, вѣчерамъ = вичарѣмъ, кѣжанъ = кѣжѣнь.

2) ѣ—е——ё——о.

Чѣпъ, чѣпкѣй, чѣпкѣй, чѣпъ; цѣдѣтъ.

3) ё——е

а) чѣй, маѣй, тваѣй, сваѣй; абъ ѣй, абъ ёмъ (родит. и дат., прѣтяжат. мѣстоим., предлож. личнаго мѣстоим.), ѣй чаще, чѣмъ ей, напр., я „дала ѣй“ (дат. пад.). Въ Бѣльскомъ уѣздѣ: надъ „ей“, но у „ёмъ“ (село Шоптово).

б) склон. сущ. 1) предлож. и дат. пад., им. сущ. свинь-нѣмъ, чартѣмъ, галаѣни (рыба и прозвище мужик.) галаѣнѣмъ; объ чартѣхъ, галаѣнѣхъ.

2) родит. множ. числа

Палѣу, наздѣръ.

с) 2 лиц. множ. числ. будущ. и наст. вр. смѣтѣсь, пишѣтѣ, возьмѣтѣ; въ Бѣльскомъ уѣздѣ — ни наймѣте? = ни наймитѣ (Шоптово).

Говорятъ: умѣръ, памѣръ, да нѣби (до неба), сѣмѣй (седьмой).

4) э . . . —ѣ——е.

Слѣдствѣ, плаждѣнѣ, утварждѣнѣ, асвятѣнѣ, напуцѣнникъ, варѣпъ, здѣсь, вучѣнѣй.

5) е—о.

Пѣпиль и пѣпиль, скелѣпакъ и скелопакъ, шѣстый, задѣргай те воўкъ.

6) а——и

амбаръ, аўса, аднагò, абъ и имбаръ, іўса, иднагò, ибъ; абѣдви, ауца = ибѣдви, іўца, астрѣть = истрѣть.

7) и——а

индыкъ — андыкъ.

8) я ..... и

ячмѣнь, дьявалы, смярѣтныи, явиўся, языкъ, якъ = ичмѣнь, дьявалы, смирѣтныи, ивиўся, изыкъ (рѣдко), изыка, икъ.

9) я ----- е

мѣкчи, дрянъ = мѣкчи, дренъ.

10) и — ѣ.

Сѣвирка: стрилѣть, усмишка, бидѣ, твиў, змиѣ, баби Кулини (не бабѣ и—Кулинѣ—дат. пад.), въ чисти поли (Лѣт. Р. у).

С. Лытошники Рославскаго уѣзда.

пѣять (такую же форму мнѣ пришлось слышать отъ переселенцевъ изъ Виленской губерніи, живущихъ въ деревнѣ Киселевкѣ Смоленскаго уѣзда). Будущ. время припиѣте (припиѣята).

11) я — ѣ.

Твятòкъ, сякѣтца, лясина, рязникъ.

Лытошники Р. у.

Твиты.

Бѣльскій уѣздъ, Шоптово.

Надіеть = надыеть.

12) ё = ѳо вм. е.

іонъ, іость.

13) ё _____ о

душлѣ, нутрѣ.

14) ё _____ е.

питиннѣ, идиннѣ.

15) ё = е = я = і.

ёё (село Никола Ядρείчъ Духовщ. уѣзд.) = ее = её = іё.
(Бѣльскаго уѣзда).

16) е _____ вѣсто _____ ё.

3 лицо ед. чис. наст. врем. дярѣтца, смяѣтца, вядѣть

2 лицо множ. числа наст. вр. дярѣтисъ, смяѣтисъ, вядѣтя.

Отступленія.

Село Егорье Дорогобужскаго уѣзда.

абатрѣтца, сатрѣтца.

Село Лытошники въ юго-восточной части Рославльскаго уѣзда.

перепіѣте; ведѣть, но и видѣть (вм. вядѣть), сикѣть.

Ча вы стаитѣ? Эта форма настоящаго времени, имѣющая удареніе на послѣднемъ слогѣ, совершенно сходна со Смоленскою.

Село Шоптово Бѣльскаго уѣзда.

надіѣть (надыѣть), однако несѣть, несѣть, нясѣть; наймите—наймитѣ.

Далѣе, въ Смоленскомъ уѣздѣ встрѣчаются формы: зернушка, пѣрушка; въ Бѣльскомъ уѣздѣ „разжѣхъ“.

17) я _____ е и ѣ.

1) я вм. е и ѣ, предшествующихъ ударяемому слогу. Ягѣрій, заплятѣся плитень, сястрѣю, ляжить, лясѣ.

2) вм. е и ѣ, слѣдующихъ за удареннымъ слогомъ. Слѣхайтя, падѣтя, палѣжѣтя, за синія (ее) моря (е).

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

яё (вмѣсто яе)—её.

Но больше е замѣняется и: вирьхоуя (спусканый лень), змиртвился (змяртвился), лижить (ляжить), ривѣтъ (рвяѣтъ), развирнѣсь (разварнѣсь).

ѣ—и

надіѣть = надыѣть.

Иногда е = е:

мечѣ, несѣть, летѣть (мачѣ, нясѣть, лятѣть).

Рославскій уѣздъ, село Лытошники.

e = e

Катымъ тебе закати, палетю, селезеня—vosat. (силязеня).

и = e, я, ѣ

Бирѣзу, девириль, твиты, видѣть (и ведѣть = вядѣть).

18) o = o.

Освященіе, вѣжаснулся, пѣплы, пѣзабыль. С. у. побиваю Б. у.

19) Ъ — — è.

Христось вѣскрѣсь! Сынъ(е)- Божій.

При пѣніи волочебнаго стиха крестьянинъ деревни Медвѣдовки въ высшей степени неотчетливо произносилъ Сынъ: нѣсколько разъ я прослушалъ вышеприведенный стихъ и не могъ опредѣлить, какъ слѣдуетъ передать блуждающій звукъ ъ-ю или е. (Крестьянинъ Семень Григорьевъ).

УДЕРЖАНІЕ ГЛАСНОЙ (случаи различныхъ категорій).

Силязѣня, смысель, шапѣчить и шапѣчить, вѣсимый, лавѣчи, смѣрадъ, нарѣвитца, вѣюнъ, аскарѣтыкъ, валянѣль, даражѣйшій, припѣлакъ (полѣа), съ дятѣми, смярѣтный, салодѣй, быгатаства, жѣрдака, жамѣнька (жменька), болѣка (о)болѣка). худудѣць.

20) Ъ — — а

вьюнъ — вѣюнъ

21) Ъ — — и

восьмый — вѣсимый, быгатыства, сѣмярѣтный (смярѣтный).

22) Перещиръ (трипятиня) — берѣста, колеблемая вѣтроль и трепещущая — верхніе листки на березовой корѣ. По поводу этого слова сдѣлаю сближенія: Сербск. прѣпор (такого-же корня). coitus piscium, „кад се риба бије.“ . . . . Сербск. прапорац, звонокъ (прати въ знач. бить, ср.-било); ст.-слав. прапоръ = чешск. ргарог, ргарог. Польск. ргоровзес, Русск. (потер.) поропор („надымаяся поропоръ. . . надымаяся яко водный говоръ“). Къ исторіи звуковъ русскаго языка А. Потебни 134, 136 стр.

23) Опущеніе гласной. (Случаи различныхъ категорій).
Пхнулъ, древа, жавроныкъ, умёртъ, терть, блахонъ, замбать,
блаки, сцали (сосали), сдлный, тмяный (смуглый, темноватый)
браднйкъ, браничка.

Ѣ.

(1 изъ формъ на ѣ).

24) Паѣхыля (встрѣтилось 1 разъ).

Рѣдкая форма на ѣ. Виленск.: быля господары, хадзиля
стральцы (я изъ ѣ) (Исслѣдованія въ области русской грам-
матики А. Соболевскаго стр. 34).

25) Еч

канечикъ (Д. у.).

и.

26) Пчол—и—ки

27) Ен = ѣн (е = ѣ, удерживается, какъ постоянный звукъ)
молебны, кѣреня.

28) Ец.

Сердецами.

29) О словѣ нѣраѣ (нравъ).

Нѣраѣ (нравъ). Нырѣвитца, спыныравитца. Но отъ этого-же
самаго слова „нартъ“ — упрямый, вздорный; „нартитца“ —
упрямиться.

30) Кѣки = какъ.

Кѣки ѣ мори,

Кѣки ѣ бори;

Кѣки ѣ баркатѣнни,

Кѣки ѣ маркатѣнни,—

Засунъ, атсунъ, присунъ,

Христе Боже нашъ.

(Сельцо Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда).

Кѣки = какъ — въ старинномъ заговорѣ — образовалось,
вѣроятно подъ влияніемъ смягченія звука к, замѣчаемаго, если

не въ данной мѣстности, то немного южнѣе. *К* умягчается и передъ *а*, и передъ *о*.

31) Д въ началѣ слова.

Прощай, прасти, дз мая Марбина,
Роща-й зелиная. . . .

Въ другой пѣснѣ:

Надъ Кистринымъ слаўнымъ горыцымъ,
Надъ Кистринскими варотами,
Тамъ стыяла дз нова свѣтилка.

(Ср. дщань, по Тцну, отъ усть Тцны, по Тцснѣ (Дог. гр.) отъ зьль, дньсь... Къ исторіи звуковъ русскаго языка. А. Потебни.

Длительное произношеніе *д* въ началѣ слова я встрѣчалъ всего у одного пѣвца — Тимофея Григорьева изъ Смоленскаго уѣзда, села Данькова. Тимофей Григорьевъ старикъ очень древній. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи мнѣ приходилось встрѣчать приставку *д* въ началѣ слова. Факты мною будутъ приведены при указаніи особенностей, встрѣчающихся въ языкѣ народныхъ пѣсень.

32) ем—————им.
напаёмши.

33) ер—————ир.
мундёръ, хватёра.

34) е—————и
пренеси (Бѣльскій уѣздъ, Шоптово)
зле = зли (Рос. у.).

35) и—————е
лжѣть, дивиря, брихала, вичаромъ, твитить (3 л. ед. ч.).

С. Лытошники въ юговосточной части Рославльскаго уѣзда. Смѣна *е* на *ы* чаще: видѣть, бирёзу, тимнѹ тучу, тирѣмъ, плитѣнь.

Съверная часть Черниговской губернии, южная часть Рославльскаго уѣзда Смоленской губернии.

Вичаруха.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

i—e

блѣять, кримса́ла (огниво, отъ кремьнь), однако же кремишдѣть, а не кримашдѣть (Смол. уѣздъ), ривѣть.

36) ы _____ а _____ о

тады, кады, заўсягды, кырыва́ть, никья́нный, бры́ть (не употребляется), я́, брыть... вы́ить, выркы́тъ, кызъ, мынастырь, бырыда.

37) у _____ ы.

Було́ (было), бувайтя́, бѣтца́ и бѣтца́.

38) ы _____ у.

Глыбина́, слыхъ.

39) и _____ ы

висо́кій, висо́ка (Смол. уѣздъ); крѣ́тѣи, забѣ́тѣи (Сыч. у.), сти́дѣный (студѣ́нный, стыдѣ́нный), дѣрка́.

40) ы _____ и.

прымѣ́й, тавѣрыши́, сыйчасъ́.

41) еч _____ ич

яѣшня́, яѣчна́.

42) ес _____ есь.

Купаресъ́.

43) эй _____ ѣй

бялѣ́й, чарнѣ́й; но другѣ́й.

44) я _____ а

акѣянь.

45) ей, ой = ѳѳ, оѳ

пнѳѳ (genit. plur.), далѳѳ (далѳѳ), дамѳѳ.

46) ъм——ем.

твор. п. ед. ч. сущ. и. м. р.
камянѣмъ, прѣстнѣмъ, гагалѣмъ.

47) ѣн——он——

сасѣнъ.

48) ій——ей.

Кѣдній, грѣшій (genit. plur.), пій (сокр. пи).

49) ія, ія——ѣя, ѣя

шія, змія = шѣя, змія.

50) о——а.

О безъ ударенія произносится, какъ а.

Люди грамотные оказываютъ противъ обыкновенья; оканье замѣчается въ словахъ, заимствованныхъ изъ священнаго писанія; оно поддерживается среди раскольниковъ, начитанныхъ въ святомъ писаніи. Оканье начинается въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи, а въ Тверской губерніи говорятъ уже совсѣмъ отмѣнно.

Захожій коноваль деревни Виселевой Осташковского уѣзда говорилъ: холодно, великолѣпно хорошо, говорка, однако — мажно.

51) ѣск.

быгатѣрскій, мищанскій, дрявѣнскій, царскій.

52) у——в.

Усѣ, уремя, устанъ, укѣсна.

Коноваль деревни Виселевой Осташковского уѣзда Тв. г. мѣнялъ у на в въ началѣ словъ: вгѣдна.

(Семень Васильевъ).

53) Опущеніе гласнаго.

Бысока (обходъ звѣря), (о) болыба, (и) скуситель, скусный.

54). Стяженіе гласныхъ.

ирусалимъ, призвадитъ.

55) Приставка (и, а, у).

и.и-льну, и-ржи, и-ржа.

а. а-заль, а-лишился, а-рясина, а-змустить, а-лгешъ = аўгешъ.

у. у-красивый. Ні-у-вѣга (Бѣл. у., Шостово) у-вѣжливый. См. у.

56) въ. . . . . (а)

въ-юнушъ, младѣи в-бюнуш-ъ (юноша).

57) *Вставное в.*

вос-в-а, в-ужу-жь, в-ужака, в-окны, в-окунь.

В-ольга, ни-в-одинъ, в-оби, в-атгуль.

58) *Удвоеніе согласнаго.*

Юрь-р-я, Ягорь-р-я, зварь-р-ё, лошада-дю,

Малань-н-я, каравать-т-ю.

И с к л ю ч е н и е .

Анисья = Анись-ся = Анись-т-я.

Кажется, вслѣдствіе подобной же причины (требованія большей крѣпости фонетическаго состава слова) являются слѣдующіе замѣны с на т.:

2 лицо ед. ч. выдасишься = выдасишься = выдасишься, праснешься = праснешься = праснешься. Атгуляишься = атгуляишься = атгуляишься. Сосеешь = съсешь = съсешь.

3 лицо ед. ч. Съсешь = съсешь.

59) умягченіе к.

Бѣльскій уѣздъ грѣшнике (accus.).

60) жд — ж.

праваждать, забиждать.

61) жж = жд

трожжи (Бѣльскій уѣздъ) = трожды (Ельн. у.)

62) Д = н (уподобленіе)

мидвяненыхъ.

63) д ————— т

сныдычка и снытычка

дн = нн; напр. маладня и маланья.

64) т ————— д

лотычка, вотычка.

65) ды = ди; ди = ды

жолуды, жалуды; дирка.

66) ня = на

канешня
ню = ну.
выню.

67) ны = ни.

ни ўныкали.

68) *отверденіе* н

деньги, конъчили.

69) нъ = нь

Аминъ.

70) ж-----г

спужаўся.

71) з-----г:

у парози.

72) г (мягкое по произношенію) = з

нильга почти нильха.

Нужно замѣтить, что есть нѣсколько степеней твердости и мягкости произношенія г. Къ сѣверу усиливается твердость г, сопровождаясь оканьемъ: на сѣверѣ Смоленской губерніи — говореа; го — совершенно твердо.

73) г = ж

бягутъ.

74) ш = х: дышаніе.

75) с = х; х = с

у гароси, цалѣхинькѣй, цалѣхтинькѣй = цалюсинькѣй.

76) ч = щ

ваабчѣ; амчарина.

щ = ч; напр. атвѣщать.

77) ц = с.

цапаги, божецкѣй.

78) щ = ст

блищить.

79) ст = чт
унистожить.

80) ст = щ
прибстить.

81) сл = ст
благачасливый, учливый.

82) ч = ц: чарствія, чепъ, чирамонія, чопкій.

83) л = р: калидоръ, калаурить.

84) л = й
л-ѣдва.

85) *Отвердѣніе* л
сильный См. у., мальцы Кр. у.

86) *Умяченіе* р
зирьняты.

87) ль ————— л
архангиль.

88) пра = пре: прасвѣтлый.

89) рь = р: рь = р
дохтарь, сталарь; угѣръ (Дух. у.).

90) ру = рю
румка.

91) ря = ра; рю = рю и ру = рю (рѣдко)
кряпива, дрюхъ (Бѣльскій уѣздъ), румка.

92) ры = ри
таварыщи, трызнить (брeдить).

93) тя
тяперь, Кастяктинъ.

94) тю
хатю.

95) с ————— ш

штаны = пастанья.

96) ш ————— с

шпекушъ, шклянка = спекушъ, склянка.

97) ск ————— зг

роска, набрыскай.

98) сѣ = сх

паска.

99) к = х

брамъ, блапатить, мозыкъ, гòкыть.

100) к = в.

кукшинъ.

101) Т = в:

стрѣнимъ.

102) Же = жа, жи = жизломъ, жазломъ, жарѣбъ и жерибъ.

103) Ща = ще: щамель, щемель = шмель.

104) Щ = ч: пирщатки; щамель.

105) Сѣ = щ: искить

льля (при удвоеніи-л) = льня (рѣдио).

кельля = кельня.

106) Тб = бб.

Сялибба = сялитба.

107) З (опущеніе): драстуй (Б. у.).

108) Т (опущеніе).

радысь.

109) Д (опущеніе.)

сѣмый (седьмой).

110) Г (опущеніе): кады, усяды. тады = кагды, усягды,

тагды.

111) Въ началѣ слова и въ срединѣ, опущеніе слога - адѣ, ляди, застяни. Чаго = ча, ча вы здикайтесь?

112) Измѣненіе сочетанія: дн = сяни (сенни изъ седни) абѣня.

113) Дч = ч — пачирка; ане (го) жъ = анѣжъ = няжъ

114) Сокращенныя слова: прихмать, босла (благослови Б. у. ватца = кажется (См. у.).

115) Тц = цц; бытца = быцца.

116) Л, в = у: атцоўскій, ва ўбу.

117) Отсутствіе вставнаго н.: у ёмъ, у ёй.

118) *Метатезисъ.*

Нымастырь.

Калмата (суета) = клум = клумата = вулмата = въ слѣдствіе аналогіи у—ата—калмата. (Клумъ изъ тлумъ, тлумитцо).

119) р = в : хвабрый

120) з = г : Зоргій

121) Вставныя согласныя.

с.

жер(с)тва, запра(с)титъ, естѣмъ (Б. у)

122) р (Бѣльскій уѣздъ)
щук(р)ѣныкъ

123) ч
товариш(ч)имъ (Бѣльскій уѣздъ)

124) мн = мл
Самливатца

125) льн = нн
Цулуванникъ

126) Дзеканье.
Д и т = дз и ц.

Порой д и т только приближается къ ц; является звукъ, не передаваемый транскрипціей—дрожачій—не дз и не ц, но не д и не т.

Въ мѣстностяхъ бѣлорусскихъ д и т явственнѣе замѣняются въ произношеніи дз и ц.

Люди грамотные совершенно отвыкають отъ дзеканья — считаютъ дзеканье принадлежностью „пушнова“ („мужицкыга“) нарѣчья.

127) Склоненіе существительнаго.

Пахваль (nomin.) вмѣсто сущ. ж. р. похвала. Капель = капля. Мечъ вострая (жен. р.), багатель (богатый человекъ), архангиль, угоръ (Дух. у.), авіань, жораў, журавель, журюша. Сынъ (е) „Христось васкрѣсь, сыне Божій“, — канѣчиць. Питинѣ—идинѣ, ржище, аўсянице. Касьсѣ (палка, къ которой прикрѣплено лезвіе косы), быгатества, вѣдюче = вѣче. Свекра, снашна. „Нядѣля сваякры, нядѣля снашны“. Сахвѣа (Софья), жадоба, гразѣтба (угроза), влѣтба, мѣтца, подпирѣза, пякота, гримота, гулявизна, любавизна (мясо безъ костей), шія.

Genit. Кузьмѣ = dat. „Кузьмѣ нѣту“, у Кузьмѣ, у муцини, паталока, малебена, кореня.

Палиў, зайцоў, чуду (accusat.). смѣш. женск. и ср. рода. Съ наздѣръ, вѣдъмыў. Якога ты роду племя? да нѣби.

Vocativ. Аўдұл, бабъ, зянужъ (отъ жена) абака, хотя и мужскаго рода съ окончаніемъ женскаго рода, имѣеть зват. абакъ.

Зват. муж. р. сына, сынку, Адаме.

Dt. Божиньку, гастѣмъ, сянѣмъ.

Accus. юнуша, Гасподя.

Ablat. Листимъ = лестью, меччу.

Nom. plur. пчолики.

Ablat. plur. пчалми, курми, сердцами. Предл. у гастѣхъ,

у сянѣхъ.

Рославльскій уездъ, сельцо Лытошники (юговосточная часть Р. у.).

Жанчонка, родъ—племи (nominat). Баршунъ и свекоръ = свѣкыръ, коршунъ. Селезеня (vocat.).

Да синій панѣве, да сахьянъ сапогъ (genit.).

Accus. На цвѣти, салоўю, каралеўню.

Ablat. Съ прячистью мать.

Предл. въ чисти поли.

Село Егорье, Дорогобуж. уѣзда.

Съ кудирь = съ кудріў.

Село Никола Ядрейчъ, Духовиц. уѣзда.

Вышинѣй.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

И. ждраў, ждраўля (genit.), зятѣ—зити (въ см. зятѣ, какъ вароноўя, братѣ и друг.), два мечи, двѣ звѣри, времени (genit.) къ рѣны (dat.), бабамъ, батькамъ, мальчикамъ (dat. и ablat.), грѣшнике (accusat.), на гары (предлож.), у сусѣдихъ = у сусѣдихъ или у сусѣдіў. Симаюў (genit. plur.).

Я видиль два, какъ приближали (форма именит. пад.).

Бѣльскій уѣздъ, с. Дунаево.

Им. мн. пана (отъ панъ), лошада, раскольницки, дириўна, драўна (дрова).

128) *Прилагательное.*

Аўдотынэ братья, бялэй, чарнэй.

Купецку сыну.

Даражѣйшій, сильнѣйшій. Сильнѣйшій за мяне.

не, ни, ня (во множ. ч. окончанія для всѣхъ родовъ): добрыи кони, крупныи птушки, неучливыи мужики. ширакѣга, бялѣга.

Льтошники Рославльскаго уѣзда.

Съ Пречистую мать. У чисти поли.

129) *Мѣстоименіе*

ѣй, абъ ѣй, абъ имъ (безъ вставнаго н)

чей, чягѣ, чямў. Якій, якага. Тэй, тѣга. Нийкій, ниякинъ-кій. Самъ, саминъкій. Мизъ соби = между собою. Иногда слышится мизъ себе.

130) *Мизъ себе, соби.*

Мизъ (между) употребляется и съ творительнымъ, и съ родительнымъ, и притомъ какъ въ древнемъ и народномъ языкѣ, такъ и у позднѣйшихъ писателей; промежду, промежь особенно употребительно въ старинномъ и народномъ языкѣ.

а) съ творит. „по ямамъ промежь своими землями изгороды ставити вобчѣ“ Юрид. акт. 1518.

б) съ родит. „Крымская орда промежь моря Азовскаго и моря Чернаго“ кн. Больш. Черт. 76.

в) съ винит. падежомъ; напр. въ олон. былин. — „И бей бурка промежу уши, и бей бурка промежу ноги“ — „хлеснулъ промежь ясны очи.“ Рыб. 1,126,344. (Историческая грамматика Буслаева стр., 274).

Какой падежь соби, себѣ?

Сябе (родит. и винит. пад.): никто сябе ниударить. Дат— сабѣ, сѣби и себѣ. Мы предполагаемъ, что сѣби и сѣбѣ послѣ „мизъ“ — затерявшаяся форма родительнаго падежа, сходная съ формой дательнаго: такое сходство замѣчается при склоненіи именъ существительныхъ мужскаго и женскаго рода:

— „Я дамъ Кузьмѣ хлѣба“; — „Кузьмѣ нѣту“; у Маланѣ и къ Маланѣ.

Каторые... каторые = нѣкоторые... нѣкоторые, одни... другіе. Каторыи пупришли, каторыи нѣ = одни пришли, другихъ нѣтъ. „Тэй“ часто употребляется въ значеніи члена, не указывая на опредѣленный предметъ. Тэя чарцы (пьянство) увядуть у старцы. Прѣхаѹ іонъ у тоя чарства, у тэй змяинѣй горать.

Маиго и магò; свайго и свадò.

Нѣшта, нѣштачка = что-то.

Я пакажу тябѣ нѣштачка.

Бѣльскій уездъ, село Шоптово.

падъ ей, ево, на ево = на яго,

ѣстьимъ, зъ ѣстьимъ, у ѣмъ, онъ и іонъ,

іѣ, яѣ = (См. у.) яѣ.

С. Никола-Ядремъ, Дух. у

ѣѣ.

С. Лѣтошники, Р. у.

Чиво, кае-што.

131) *Нарѣчье.*

Багда и кадѣ,
тагда и тадѣ,
заўсигда и заўсяды,
ногды = нойды (иногда),
негди = нойды; вѣроятнo и гдѣ-то:
нейди я паклаў касу;
нейди ionъ пришоў
сѣлита = теперь,
пазадѣ = позади.
тка присоединяется къ нарѣчью:
аттулитка, тяперитка.
Змалку, патиху; патихѣньку, палягѣньку.
Некали = нѣтъ времени,
абѣпыль = съ 2 сторонъ.

132) *Числительное.*

аднае (асс. fem.), абѣдви и ибѣдви, абадвѣ = двѣ;
двуми, трѣми и тремя: у пятѣхъ, у шастехъ; вѣсмирка коній.
Адинъ, ни водинъ, вѣдныга и ни вѣдныга.
У двюхъ, у дваихъ.
Сѣмый, шѣстый, вѣсимый.
Трожды (Е. у.), трожжи, двоужи (Б. у.), троичи (См. у.) =
трожды.
За двинацѣтми двирам (Б. у.).

133) *Глаголь.*

ѣ ѣ особеннoсти, условленныя измѣненіемъ глагольной темы.

Тема а вм. ива, ива.

Натягаеть = натѣживаить.

і вм. ива

насматрїить (насмѣтриваить),

пахѣжить (пахѣживаить).

ы вм. ыв

прика̀зыить (приказываить).

Бѣльскій уѣздъ, Шоптово.

Усиленіе глагольной темы посредствомъ гласнаго.
Яснї—я—ить (яснѣить).

Южная часть Рославльскаго уѣзда.

Пи—я—ть (пѣть).

Духовщинскій уѣздъ, село Никола Ядремъ.

Сіаить, зіяить сократилось въ зьяить.

Замѣчательно, что форма зьяить употребляется отъ глагола совершенно другаго значенія для выраженія крика сокола.

Въ народной сказкѣ: „конь зарзаў,
Хортъ завылъ, а сокылъ зазьяў,
—Ты, лошадиныя сѣмя, чаго зарзаў?
А ты, песься мяса, чаго завяў?
А ты, истрибиныя перья чаго зазьяў?—

Въ малороссійской поэзіи употребляется для выраженія крика сокола глаголь тхилить, проквилить:

— „Стый, пся стерво, не спотыкайся;
Ты, бурсуча шерсть, не надымайсь,
Ты, соколе, не тхіли; ты, хорте, не вый!“ —
(Сказка про Сученка).

Пій, пи = пей. Палджьтя, далджьтя = положите, доложите. сьтѣть (сосѣть), вѣдасисьтя — отвердѣніе темы, какое является въ случаяхъ = Анисья = Анисьяся = Анисьятя.

Смяѣшься, смяѣтись 2 л. ед. и мн. наст. врем. || смяѣтѣсь, ча вы смяѣтись и ча вы смяѣтѣсь (2 якая форма). Глядитѣ, пишитѣ 2 л. мн. ч. наст. врем. Идѣть, нясѣть, дмѣть, арьть (пашетъ), тѣщитъ (тащитъ) 3 л. ед. наст. врем. Яси наст. вр. 2 лицо (ѣшь); даси будущ. 2 лицо. Пропадльий (пропавшій).

Дорогобужскій уѣздъ, Елорье.

Абатрѣтца, сашьѣтца (абатрѣтца, сашьѣтца) См. у.

Льтошники, Рославльскаго уѣзда.

Перепіѣтѣ (перепіѣтя, припяѣтя, припіяѣтѣ. Смол. у.

Бѣльскій уѣздъ.

Закричали = закричѣли (С. у.) прамоучаль = прамдучиль (С. у.)
пѣбиваль = пѣбиваль, пѣчали = пѣчали, неситъ и несѣтъ = нясѣтъ.
Хѣдичи = хѣдючи, тѣпишья = тѣписья, надіѣтъ = надяѣтъ.

134) *Союзъ.*

Иногда употребляется о вмѣсто а; въ этомъ о есть отгѣнокъ указанія.

Ионъ и многа и приданата бяреть:

Гарады съ пригородачками,

Ящо селы и съ приселачками,

О деревни и съ памѣщичками.

(Пѣсня объ Иванѣ Васильевичѣ, грозномъ царѣ).

О употребляется въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи:

— „О яе роза раствила“.—

Ажно, въ Рославльскомъ уѣздѣ Айно = однако, но

— „Сказали пра молайца,

Да што безъ вѣстей прापаль,

Айно добрый моладиць

Вдоль на улицы прайшоль...“

Усиленное ажно, ажну = ажну—тъ.

Въ Рославльскомъ уѣздѣ употребляются частицы ся, та, ни но; въ Бѣльскомъ уѣздѣ та.

Ся = то.

Хто ся са мною у свахахъ поѣдить?

Прячистыя Мать са мною у свахахъ поѣдить.

Ни но = не то, не то.

Нино тепло, Нино халадно.

та заключаетъ въ себѣ отгѣнокъ противоположности, соотвѣтствуетъ „а, то, же“, но сильнѣе же, произносится съ нѣкоторою важностью.

Мая жъ та матка

На баярскимъ на дварѣ.

Няўкомъ, няўкомъ-жа = однако, съ отвѣнкомъ неудовольствія:
— „Няўкомъ жа вотку сами папили“. —

135) *Предлогъ.*

Въ Смоленскомъ уѣздѣ „гаварить на кого“, а въ Бѣльскомъ уѣздѣ отказывать (отвѣчать) на кого (кому).

У — въ изби.

Въ Смоленскомъ уѣздѣ мнѣ всего разъ попался предлогъ „зде (для) одно;“ этотъ предлогъ мнѣ встрѣчался въ Рославльскомъ и Бѣльскомъ уѣздѣ, но произносился „зли“ и сочетался съ родительнымъ падежомъ „зли мяне.“

136) *Междометіе.*

Цопъ (цапъ), цалмыкъ.

137) *Отрицаніе* не, ни, ня, нѣ.

Не иногда соотвѣтствуетъ литературному ни, и, наоборотъ, ни замѣняетъ часто не.

Я ни хачу. Ионъ табѣ и ни свать, и ни братъ. Якей бы ионъ сабѣ не былъ, якъ бы тамъ сабѣ не была.

Коноваль деревни Виселевой Осташковскаго уѣзда Тверской губерніи говорилъ:

— „Какъ бы то ни было“.

Въ ни иногда скрывается вопросительное ли. Ни мой ета Ягорька идетъ?

Ни мья ета матка? (ни = не *ли*).

Ня замѣняетъ ни и не:

Ня мой и ня твой братъ. Ни я и ня ты. Употребляется ня, какъ ни, и въ вопросахъ, поглощая ли.

Нѣ въ односложныхъ отвѣтахъ:

— „Ти былъ ты у кабакѣ?“

— Нѣ, нѣ, нѣ... Ни Бойжа мой (нисколько) гарѣлки ни ўживаю (не употребляю).

— „Ти видилъ ты што?“

— Ничагеничка и никагусинька ни выдаў?

— Ти принёсь жа ты съ сабой што?

— „А ни калива, ни злыдни (ничего), ни трясы“.

Нима = не имѣется.

— Ти іосьть у тябе табака?

— „Нима: ниўживаю“.

Ни, ни = и... не

— Ни батька мой ни куріў, ни дѣдъ ни куріў—уси мае сродычи ни курили.

138) Обь особенномъ значеніи ня, ни.

Отрицаніе ня, ни, присоединяясь къ словамъ особенно отрицательнаго значенія, имѣеть иногда характеръ частицы утверждающей, а не отрицающей; бывають такіе случаи, что ня и ни не отрицають, а подтверждаютъ цѣлыя мысли и предложенія.

Вопратитьтю = скоро; нивопрамитю (якъ ня можна скарѣй).

Въ приведенномъ выше выраженіи — „якъ ня можна скарѣй“ ня имѣеть тоже усиливающее значеніе.

„Ніўдалэй“ сильнѣе, чѣмъ „удалэй“ (смѣлый, отчаянный).
Никаянный = акаянный, самый акаянный:

Отрицаніе ня усиливаетъ цѣлую мысль:

Лѣни сѣвба ранняя —

Ня чимъ тая поздная:

А на ранней пшаница,

А на поздней мятлица.

(Бѣлорусскія пѣсни, собранныя
П. В. Шейномъ, № 216).

139) Образованіе дифтонговъ и удвоеніе гласныхъ въ живой народной рѣчи.

Интересно наблюдать за произношеніемъ словъ во время различнаго настроенія говорящаго.

Когда крестьянинъ находится подъ вліяніемъ какого нибудь аффекта: удивленія или испуга, въ рѣчи его замѣчается протяжность.

Протяжность эта выражается двумя фонетическими явлениями: удвоением гласных и образованием дифтонговъ въ срединѣ слова.

Выраженіе горя и испуга.

Воджинька, Бажуутухна, Бойжа, гаалуубынька.

Удивленіе.

Званы зазваниліи, папы запѣли.

Во многихъ словахъ замѣтно присутствіе дифтонговъ въ обыкновенномъ теченіи рѣчи.

Бойжа (Бѣжа).

Дайжа (даже).

Въ слѣдующихъ выраженіяхъ г предшествующее д опущено, а гласная предшествующая гд протянулась въ дифтонгъ.

Ногды (иногда) = нойды.

Негды = нейды (вѣроятно). Нейды ты прозябъ.

Ажно = айно. Айно употребляется въ южной части Рославльскаго уѣзда.

Сказали пра молайца,
Да што безъ вѣстей праналь,
Айно добрый моладыць
Вдоль на улицы прайшоль.

Синтаксическія замѣчанія.

а) При всѣхъ трехъ лиц. множ. и ед. числа употребляется іость (3 лицо ед. ч. наст. вр. отъ гл. быть).

Ты іость судья правидный.

б) Пролепсисъ:

Атрубила дѣука голыву
Ивану Бизгаловому.

в) Дѣепричастіе для выраженія прошедшаго времени употребляется одно, безъ вспомогательнаго глагола.

— „Астаўши у атца адны клеши“.

Един. ч. вмѣсто множ.:

г) — „Двѣ курицы нясетца“.

Матеріалы для словаря и теоріи ударенія.

- Аббѣитиѣ** — кувшинъ, немного разбитый. **Аплашѣль** — оплашалъ.
Абрѣминна — беременна. **Архангиль** — архангелъ.
Абиждать, абиждѣйтца. **Аряйна** хворостина.
Абидна сѹпрати кагѣ. **Аскѣрбила** — ускѣрбила.
Абаду узвестъ на кого. — На- ласѣ силъ.
праслину взвестъ на кого. **Асѹмитца** — опечалиться.
Абѣкъ зват. отъ абѣка. **Астанувѣласѣ** — остановиласѣ.
Абрѣтѣтя — обротѣтя. **Атвѣщѣли** — отвѣчали.
Абрадувѣласѣ — обрадоваласѣ. **Атвищѣй** — отвѣчай.
Агражѹсѣ, часто ягражѹсѣ. **Атказать** — отвѣчать.
Адѣме (vosat.) — отъ Адамъ. **Атрошникѣ** — чарадѣйникѣ.
Адалѣть — отдалѣть. **Аттѣль**
Анѹшка — Аннѹшка. **Аттѹль** } оттуда.
Анѹтка. **Аттѹлитка** }
Ажнѹть — ажнѣ — ажнѹ } такѣ что **Атщѣпѣть** — оттворить.
Ажъ. } однако. **Атарапѣласѣ** — поспѣшила.
Азмустѣть — смутѣть. **Атрячить** — давать отвѣтъ.
Азбаѹ (Бердибяки Е. у) — избавъ. **Ать (итъ) шутъ (шутѣкъ)**
Азѣль — заль. **Ахаживать** — бить кого
Акѣнцѣя — условіе. **Аѹгешъ = а — лгешъ.**
Акѣянъ — океанъ. **Аявитца** — явиться.
Амялѣть — обѣднѣть.
Амчарина — низина, поросшая мхомъ. **Бѣба, бѣби (dat), бѣбъ (vosat).**
Аминъ — аминъ. **Багѣтѣй, багѣтѣй.**
Алишился — лишился. **Бадѣй (малоросс.). Дай, Боже!**
Ангълъ — ангелъ. **Балаѹства** — непристойная жизнь.
кѹтѣжъ.

- Балёнъ. Воздухъ, па воздухъхъ — по воз-
 духу.
 Баранъ } на роунымъ мѣсти, дуку.
 } якъ на баранѣ. Возьмутъ, возьмимъ — возьмёмъ.
 Бѣлазе — хорошо. Вальню — валною.
 Бѣжинька. } Зват. отъ Бога. Вѣить — вѣить — вѣть.
 Бѣжа мой! } Вѣдымъ (genit. plur.) — вѣдымъ.
 Бѣжецкій — бѣжескій. Вѣдрѣи, ва — (въ ссорѣ);
 Бѣла — избѣненіе. Ваушебный — волшебный.
 Бѣлка — бѣлки, обѣлаки — обла- Вада, у вадѣ, у вѣди — въ вѣдѣ.
 ка. Въ, у-въ избѣ въ избѣ.
 Бѣшѣть — блещѣть. Вѣби — оба.
 Бѣзнутѣся шутки — шутѣте. Вѣрѣдѣть — командуетъ.
 Бѣтъ — зват. отъ бѣтъка. Вѣдѣси — вѣдѣть.
 Бѣтѣйникъ — бѣтъ.
 Бѣничка — бѣраночко. Вѣпрѣмя, ни-вѣпрѣмя — поспѣш-
 нѣ.
 Бѣднѣся — бѣранѣсь. Вѣспѣтъкъмъ — ударомъ ногѣ.
 Бѣдникъ — бѣродникъ. Вѣлю дѣть — побѣть.
 Бѣтъца, бѣтъца, бѣтъцѣкъ — будто. Вѣля — валкуватый — болѣзнен-
 нѣе строеніе шеѣ.
 Бѣло, будѣ — бѣло. Ваучаненѣкъ — волченѣкъ.
 Бѣрыхъ и сѣвыхъ щѣтѣть. — Уто- Вѣнки — у вѣнкахъ — вѣнѣ избѣ.
 нѣть (вѣтрѣчается и въ Са- Вѣсѣдѣля — радѣсть, пѣръ.
 марскѣй губерніѣ). Вѣбчѣй — общѣй.
 Бѣмши ихъ работникъ — будучѣ. Вѣжаснѣуѣся — испугалѣся.
 Бѣгѣть — бѣгѣть.
- Вѣдѣоче — вѣче.
 Вѣченѣхъ — учѣнѣхъ.
 Вѣмудры = затѣи.
 Вѣтъча — зв. вѣтъчѣй и вѣтъчимъ.
 Вѣднѣму, ни вѣдинъ.
 Вѣтърѣвать, травѣть, травѣльнѣй.
 Вѣчѣрамъ и вѣчѣрѣмъ.
 Вѣню — вѣну.
 Вѣлѣй — лучше.
 Вѣры — вѣры.
 Вѣюнѣшъ — юноша.
 Вѣкылытырѣть — вѣпросѣть всѣ-
 ми силѣми.
- Гѣвѣрѣть на каго 3 л. едѣн.
 числа — говорѣть кому.
 Гѣвѣрка — говоръ.
 Гѣмнѣнь — дѣяволъ, чѣртъ.
 Гѣдмнѣнь — говоръ.
 Гѣрдѣшинка, гѣрдѣвинка, гѣрдѣ-
 вина.
 Гѣздѣу (genit. plur.) — гѣздъ.
 Гѣратъ = игрѣть.
 Гѣгѣдѣль, ни гѣгѣдѣль — не говори.
 Гѣнѣздѣ, у гѣнѣздѣу, у гѣнѣздѣ —
 гѣнѣздо.
 Гѣнаѣвой — наѣвознѣй.
 Гѣребѣжнѣй — нагреблѣннѣй.

- Грудѣхъ на—на груди.
 Гѣлава — голова.
 Грѣбувать — пренебрегать.
 Губяшичка — наростъ на березѣ.
- Дайжа — даже.
 Дамоу — домоу.
 Дапрѣжда — прежде.
 Дарѣзи, у дарѣзи — въ дорогѣ.
 Дазнаѣся — вызвалъ.
 Держить, дяржить — держать.
 Деньги — деньги.
 День — да Пятрѣвыга дни —
 genit.
 Дырчка — дыра (уменьш.).
 Двѣми — двумя.
 Двѣохъ, у — (вдвоѣмъ — объ жен-
 щинахъ, двѣохъ genit отъ двѣ).
 Диравѣмъ — деревомъ.
 Другѣй, у другѣи — другой.
 Другѣи, другѣе, другѣу — друзья.
 Дахтарѣи — докторъ.
 Дитѣмъ — дѣтямъ.
 Да кѣжныга миласердинъ — къ
 каждому.
 Дарить, дарувать — дарить.
 Дно — дѣна — дно.
 Дѣубакѣмъ сядить = ничего не
 дѣлаетъ.
 Дѣубить, дѣубѣть — долбить.
 Дѣтинный — дѣтскій.
 Дѣсыть, у дѣсталь — вдоволь.
 Дѣуть, придѣулить — дуетъ, за-
 дуть.
 Дѣвѣчѣй — дѣвушкѣинъ.
 Дѣдичка — уменьш. слово отъ
 дѣдъ.
 Дрѣнь — дрянъ.
 Дѣдинъ — старикъ, дѣдъ.
- Дауждѣнъ — долженъ.
 Дѣхать — дышать.
 Дастѣ — дадите.
 Дяржитца — держится.
 Дѣумшѣй — думчѣй.
 Души паслушаѣуши бить = изъ
 всей силъ.
 Дряжить = дрожить.
- Е. Зѣ етимъ, зѣ естимъ — съ этимъ.
 ёю, зѣ ёю — съ нею.
- Жарѣта — жаръ.
 Жарѣха — жареное изъ рѣбръ
 свиньи.
 Жардѣе — жерди.
 Живатѣи — рѣг отъ животъ: „под-
 вело ему животы“.
 Жѣиренъ, жируватѣи, жиры — кор-
 миться на волѣ.
 Жѣизлѣмъ (Е. У) — жезломъ.
 Жѣуныеть (при жѣуныести) —
 жизнь.
 Живитѣе — живете.
 Жѣнщина, у жѣнщини.
 Жѣбрау, жаравѣ журавль.
 Жѣлудъ, жалудъ, жалудѣ — жо-
 лудъ.
 Жѣрствунить, жѣрства — жертво-
 вать.
 Жѣвыи — живой.
 Жѣуда — жгучая печаль.
 Жарѣбъ, жѣрибъ — жребій.
 Жѣднѣй — каждый.
 Жѣрдѣдю — жердю.
- Зачѣтѣе, съ зачѣтѣю вѣка — на-
 чало, возникновение.
 Замѣсть — вмѣсто.

- Забиждаў—обижалъ.
 Завистуйть хазайкью—зависить на человекѣ).
 отъ кого.
 Зайстриль—заострилъ.
 Зварьё—звѣри.
 Зладѣў, злѣдїїў—(genit. plur. отъ злѣдѣй).
 Зѣмельна—(много земли).
 Зазвизжѣть—(ѣтъ... ать).
 Звясѣть—увѣдомить.
 Запяю—запою.
 Зѣрь, зярѣчикъ = просвѣтъ въ лѣсу.
 Загнѣтка—мѣсто въ печи, гдѣ остается зола, уголь.
 Збавить; нпр. съ свѣту—убить, умертвить.
 Зѣль = золь.
 Здарѣў, здарѣвинька вамъ—здравствуй!
 Зѣрнушка—золь.
 Запазуха ср. пупрыяникъ (вмѣсто прыяникъ, какъ и за пазуха вмѣсто „пазуха“).
 Засилить—зацѣпить.
 Забавитца—замедлить.
 Заўсягдѣ—всегда.
 Заклячиння—заклятіе.
 Здаліку—издали.
 Замість—вмѣсто.
 Займайтца—занимается.
 Зачиніў—затворилъ.
 Заўмши—(м. вмѣсто в. въ при-частїи).
 Запрастїль—Запретилъ.
 Засталась—осталась.
 Змустїль—соблазнилъ.
 Затанули—утонули.
 Знатѣць—Знатокъ.
 Зварцаць—(о дѣйствиі рвоты на человекѣ).
 Займаць—занимать.
 Зле одно дѣла—(ради одного дѣла).
 Зачаў—началь.
 Зьяить,—блестить.
 Зазьяў—ять (о соколѣ).
 За распорыжатца (за распорыженіе).
 Зацкуваў—(сталъ травить со-баками, наускивать ихъ).
 Змія—змѣя.
 Зачапїть—зацѣпить.
 Зялѣзныи—желѣзныи.
 Зварѣтъ, возварѣтъ—возвраще-ніе.
 Загаварію—заговариваю.
 Заўрядїть—повредить.
 Заўжда—всегда.
 Зблышїть—сказать неправду.
 Злѣдїи—злѣдїи.
 Зварьё дикїи—мон. plur. отъ звѣрь.
 Заклумитца.—засуетиться.
 Зрадїть—испортить, повредить.
 Злучай—случай сглазить.
 Здѣсь—здѣсь.
 Змірныи—смирныи.
 Замыжъ—замужъ.
 Икѣанъ, на икѣани—океанъ.
 Ищѣ—еще.
 Иминня—имя.
 Ичмяню—ячмень, dat.
 Ирусалїмъ—іерусалїмъ.
 Ивангялїсть—евангелисть.
 Ивился (Росл. у.)—явился.
 Имбаръ—амбаръ.

Итца — отца.	Камѣга — комья.
Идѣтя — идете.	Канѣпея — диванъ.
Икаанный — окаанный.	Кукиинъ — кувшинъ.
Имъ и ёмъ — ablat. отъ іонъ (онъ).	Крѣзбины — хрѣзбины.
Ибъ — абъ — объ.	Кургонушигъ — курганъ.
Искить — ищить — ищеть.	Калаурить — караулить.
Извиняйтѣя — извините.	Кианъ — мѣра — океанъ.
	Кладѣща — кладбище.
	Кужурѣна — кожа.
Іость, іось, есь — зл. ед. чи. отъ быть.	Клапатить, клапаты — безпо- коиться, тужить, безпокойство.
Што ты іость за чилавѣвъ?	Капторъ — ноготь.
Хто ты такей іось? — вмѣсто еси.	Кѣжинъ — каждый.
Іудѣ — овца.	Купѣцау сыну (дат. пад.).
Іѣргій (Георгій).	Катца — кажется.
Іўляйтца — является.	Кѣвыть — коготь.
Іўса — овса.	Кѣлихъ — рюмба.
	Кѣлида — коляда.
	Калидоръ — коридоръ.
Купарѣсь — кипарисъ.	Клятба — клять.
Курница — куряжка.	
Канчѣніе — конецъ.	Лѣдва — едва.
Кармазыничка — цвѣтная ру- башка.	Личинна — лицо.
Канѣчнѣя — конечно.	Личухна — ум. лицо.
Катѣрѣя... Катѣрѣя — нѣкото- рые... нѣкоторые.	Любоу — ать любви.
Кѣльня, у кѣльны — въ кельѣ.	Лаптѣхъ — у — въ лаптяхъ.
Куплять — покупать.	Лажомпѣсь — ложась.
Кѣнъчѣсь.	Левъ — лева — левъ, льва.
Клапатить — безпокоиться, ту- жить.	Лѣхъ — лѣкъ — расоль отъ селедокъ.
Кажѣдна — ежедневно.	Лѣунна — вишки, желудокъ, „пар- вила яго лѣунна“.
Кремѣнь, кримнѣя — кремь.	Лютва — литва
Кырыватъ — кровать.	Лобъ — ва ўбѣ.
Кѣжнѣя — каждый.	Лавѣтъ — лавѣта.
Кучарѣя — кучера.	Ливанѣныкъ — уменьш. отъ левъ.
Красивѣя, у — красивый.	Лазбѣнь — лобъ.
Кроу, да кривѣя — кровь.	Лѣшитъ — скородить.
Кляўшитъ — попрекать.	Мѣтца — матушка (уменьш.).

- Мѣмши—прич. отъ мыть.
 Мѣйся—мойся.
 Мѣлѣдня—молонья.
 Мѣчу—мечемъ.
 Мѣній—меньше.
 Мѣжда соби, собѣ, мѣзь сабою.
 Мужьѣу (genit. plur.)—мужѣу.
 Мѣтирь, съ мѣтирью—звать.
 Мѣстина—мѣстечко.
 Малѣтабойца—кузнецъ.
 Мужучкѣй—мужички.
 Магѣтъ, магѣтъ, магѣтъ—можетъ.
 Малѣтокъ и бѣрдущъ (оружье богатѣрей).
 Малѣня—молонья.
 Мушѣни (dat.)—мушина.
 Михайли (у) genit.
 Мѣчимъ (ablat.), съ голымъ мѣчимъ—отъ мечъ.
 Мѣчимъ—мѣчѣмъ—(ablat отъ мечъ).
 Махтурѣча—маленькѣй горшечекъ.
 Моспѣне—господинъ (зват.).
 Мамъ (зват.)—отъ мать.
 Матѣмъ, благимъ матѣмъ кричѣтъ.
 Малѣки plur.—молоко.
 Махѣимахѣ—(мохъ—plur. nom.).
 Мѣртвѣхъ—мертвѣхъ.
 Мѣить—моеть.
 Моучинька—молча.
 Мѣхъ, махѣхъ—plur. ablat.
 Мищѣнъ (genit. plur.)—мѣщѣнъ.
 Муздѣнѣтъ—ударить сильно.
 Мѣдвѣнѣнокъ—мѣдвѣженокъ.
 Млѣшка.
 Мохъ съ балотѣмъ—чушь, вздоръ.
 Масѣлъ—голая кость.
- Ни—не; напр. ни хачу.
 Иногда не соотвѣтствуетъ ни:
 Якѣи бѣ яни не были.
 Нутрянѣй—внутреннѣй.
 Нѣбальшѣнѣкѣй—небольшой.
 Нѣскалькѣи—нѣсколько.
 Нѣкодѣи—никогда.
 На двѣи—на двѣ части.
 Нѣйдѣи—нигдѣи.
 Найдѣить—найти.
 Нѣкодѣи—никогда.
 Нѣвалѣи—никогда.
 Нѣльгѣи—нѣльзя.
 Набѣдѣмъ, пить—пить изъ большой посуды черезъ край.
 Нѣмастѣрь—монастырь.
 Нѣчѣдѣи ни бѣрѣтъ—ничего не беретъ.
 Няжъ—неужели (въ вопросахъ).
 Няго жѣ—а то какъ же (въ отвѣтахъ).
 Нѣбнакѣнавѣнный—необыкновенный.
 Нѣшта—что то.
 Нѣмычъ, ня сила мая.
 Нѣвалѣкѣи—этажъ.
 Нашнѣй—ночной.
 Нагѣвѣръ (пов. накл.).
 Нутрѣд (внутренности).
 Ни наслѣу (не наговори).
 Няѣздѣмитъ.
 Нѣѣздаляка, нѣѣздалящѣи.
 Наклѣнчѣивать—навѣючѣивать.
 Нѣба, да нѣби.
 Начнѣтѣи—начанѣтѣи—начнете.
 Найтѣить—найтѣи.
 Наччѣу—ночью.
 Назнарѣдѣшнѣи—нарочно.
 Наймитѣца—найметѣся.

- Нужны — нужны.
 Надьби — нужно.
 Наздёръ съ — (genit plur. отъ „ноздри“).
 Нихай — пускай.
 Нахристь — накрестъ.
 Никаянный — икаянный — окаян-
 ный.
 Нѣскальки. Тиризъ нѣскальки
 ўремя.
 Нивисной — низрячий, слѣпой.
 Набажинъ да бѣжныга — почти-
 теленъ къ каждому.
 Нечій — чей-то.
 Нищинькій — нищій, бѣдный.
 Нораіў — насовѣтоваль.
 Освѣтила — освѣтило.
 опасли — послѣ.
 опадъ — умершіе люди (особливо
 о скотѣ).
 Пѣчаў — началъ.
 Па рай, у рай, у рай.
 Праті начі — ночью, предъ на-
 ступленіемъ ночи.
 Присѣдъ — (ь-и).
 Прасвѣтлый (рай).
 Падѣбствія — подобное.
 Пильнўить — бережетъ.
 Пиривиньчали — перевѣнчали.
 Пинавѣхъ (съ-подъ пня).
 Пришѣмши — прійдя
 Прашнаётца — просыпается.
 Приплулѣ — переплыла.
 Приблїжся — приблизься.
 Припѣчка — булочка (печется
 на свадьбѣ).
 Пазычїть — брать взаймы.
 Питиннѣ — идиннѣ — пища, ѣда.
 Пиривиньчаўся — перевѣнчался.
 Призвѣдїть — производить, при-
 чинять.
 Пуварачаесться — поварачиваешь-
 ся.
 Прашнаётца — просыпаются.
 Пискляты — ципляты.
 Паямъ — подѣлся.
 Прѣстыня — простыня.
 Полугрїмъ — странникъ.
 Пупирѣшка — палка.
 Пасашѣкъ — послѣдняя прощаль-
 ная рюмка.
 Пакланяха, пакланяга — чело-
 битчикъ.
 Поль, у поль чилавѣка (въ 1/2).
 Партупѣя (Черпетуя).
 Пирярѣзъ — большой чанъ.
 Пасматрїть — смотреть.
 Пирискачѣмши — перескачивъ.
 Панагатувѣў — понаготовилъ.
 Пѣплыла — поплыла.
 Паклѣнсья — поклонись.
 Патурїть — погнать.
 Пѣрїть — подзадориваетъ.
 Прядїўца — прядево.
 Призвѣль — причинилъ.
 Плаждѣнііў — gen. plur.
 Пакладина — положено.
 Пакѣлича, пакўль — покуда.
 Прѣжда — прежде.
 Пойдимъ — пойдѣмъ.
 Падшоль — подошѣль.
 Падгатувѣать — приготовить.
 Праглїтїть — проглотить.
 Прибразїлся — преобразился.
 Прѣжда — прежде.
 Павутїна, иивучїння — паутина.

- Пайграў — пошутить, натѣшилъ. Прѣпитъ — пропитаніе.
 Памрѣте — помрѣте. Пиряпиръ — береста, трепещущая
 на вѣтрѣ.
 Пойдимъ, пойдить — поидеть. Пирятѣны — пересуды.
 Прибѣтѣть — приобщить. Пищѣна — пища.
 Пѣпилъ, пипялище — пепель. Прымать — принимать.
 Патѣнютъ — потонуть. Прѣтка. Атѣ прѣтки и атѣ
 прѣтка.
 Прасѣдѣу — прослѣдилъ. Прирѣда. Прирѣдѣкъ (им. над.
 почти не употреб.) съ при-
 рѣдку.
 Пѣтръ — Пѣтръ. Пупирядѣть. Пупирядѣу таво дни
 идить — поспѣшилъ.
 Пѣшли — пошли. Пѣрша — сперва.
 Пазайстрина — заострены. Пѣршій разъ — первый разъ.
 Платѣмши — плата. Пѣшта — для чего.
 Пригугуваный — приготовленный. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Пѣра — перо. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Пѣхыля — поѣхали. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Пѣрва — сначала, сперва. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Пупадѣдя — попадѣдя. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Пролыбка. } прорубь.
 Панаўка. }
 Паслухмѣный — послушный. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Патихѣнку — потихоньку. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Падыдѣть — поворожить. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Притулитца — спрятаться. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Прибѣтѣть, прибѣтѣть — приоб-
 щить. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Падивѣ — сглазить. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Падыдѣть — поворожить. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Пѣсадъ — садить невѣсту на Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 посадъ — садить на повозку къ Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 жениху. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Пасѣживать — (отъ сидѣть). Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Праваждѣить — провожаетъ. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Паўзучихъ — ползучихъ. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Падѣурить — подвурить. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Пупугѣлися — пупужѣлися. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Пацугъ — шпугъ. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Прѣжиръ — добыча хищной рыбы. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Приукрѣсный — прекрасный. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.
 Приганѣять — пересказывать нѣ-
 сколько разъ. Пѣшма — атѣ пламини, атѣ пламя.

- Прати — пратиў — противъ.
 Пасякыть — пасякѣть — (будущ. отъ посѣчь).
 Приганяць — рассказывать вторично, повторять).
 Пусудина — посуда.
 Прять — прячуца — (прять пря-душая).
 Прападлыи — пропавший.
 Пѣминки — поминки.
 Пиряйдить — перейдетъ.
 Пѣнись — понесъ.
 Прѣжда — прежде.
 Причѣлась — слышалось.
 Пѣчали — начали.
 Пойдимъ — пойдѣмъ.
 Пабрыскай — побрызгай.
 Пиряскачѣў.
 Пиридаси — передать.
 Племя. Якого ты роду и племя?
 Пляменница — племянница.
 Пыль — мука.
 Паръ. Са ўсей пары — со всей силы.
 Привыдиць.
 Пракаўзнѣть — прокатить.
 Пристѣдить — остановиться, постоять.
 Пиряхѣдныи — перекрещенный.
 Паавѣў — повель.
 Радая, радсая — веселая.
 Размуздѣть — разуздать.
 Рѣту, къ рѣту, отъ ротъ.
 Рѣмка — рюмка.
 Рѣзьскѣй — рижскѣй.
 Рюсть — ревѣть.
 Разнапѣрыи — (ѣ — ѣ).
 Рѣна (жен. род.).
 Разгѣль — разгуль
 Рейскѣй — гуменный.
 Рада — совѣтъ.
 Раитца. }
 Радитца. } совѣтоваться.
 Ретивѣга сѣрца.
 Распрашалисѣтка — распрощались.
 Раздѣлимъ — раздѣлимъ.
 Раждѣнъ — рождѣнъ.
 Сабрачаў — укрощаю.
 Сѣня — vocat — отъ сынъ.
 Спѣлнить, суполнить — исполнить.
 Стѣрпъ, стѣрпу нима — терпѣнье.
 Смирдѣчѣй — вонючѣй.
 Смирдѣ — смрадъ.
 Свѣтка — свидѣтель.
 Спрасѣнку — спросонья — не оправившись отъ сна.
 Стратить — погубить.
 Святѣй — святой.
 Смарѣтныи — смертный.
 Супрати — противъ.
 Сѣрибра — серебра.
 Слязмѣ — слезами.
 Спусташить — опустушить.
 Сирдувала — сердилась.
 Съ — зъ.
 Съ ею, зъ ею жаниўся.
 Самаѣ (assis отъ сама).
 Салѣль — сопли.
 Старѣхъ (зват. отъ старуха).
 Суитѣ — споръ.
 Судыньѣ — (сутокъ).
 Сѣвалка.
 Спастить — спасти
 Сѣмѣй.
 Сѣрца — сердце.

Спажѣть — похитить.

Сѣвнй — сѣвалка.

Сваѣй — своей.

Сѣвалка — „костра“ отъ пеньки, льна. Перезрѣлыя волокна посконней (мужской экземпляръ конопли — „паконни“) и ломающіяся.

Скатерѣтка — скатерть уменьш.

Сухавѣица — „вѣтрѣная погода бизъ дажда — ядриная пагода; сухая мятелица идетъ — снѣгъ мятеть. Сухавѣица“.

Сдрагнѣлъ — дрогнулъ.

Слабѣда — свобода.

Синаторѣ — сенаторѣ.

Сладкѣй, салѣдкѣй, салажѣйшій.

Сасѣди, у сасѣдиѣ.

Самлювѣтца — сомнѣваться.

Смѣшна — смѣшно.

Сквѣртца, сквярѣтца — пищитъ пронзительно (о птицахъ); 2) о неприяномъ разговорѣ людей.

Слѣшнѣй — прекрасный.

Сзѣду — сзади, позади.

Сухѣй — сухой.

Стыѣйши. Тамъ стыѣйши 12 апосталѣѣ, и кала ихъ ишло 12 сѣстрицѣ дявицѣ.

Садиржаитъ — закричаитъ — содержитъ.

Стѣшникѣ — стѣшница — источникъ.

Спасѣнѣе — спасенѣе.

Схарѣнитѣй — похороненнѣй.

Сынаѣѣ — сыновѣя.

Стѣрпѣй — вынесѣ.

Сагласѣсьтѣя — согласисьтѣя.

Супоѣнитъ — исполнитъ.

Схватаѣ — схватилъ.

Скѣрыстѣ, у скѣрыстѣихъ — вскорѣ.

Стѣла са — со столѣ.

Спахвѣй, сбѣтца спакхвѣй; 2) спанталѣкѣ — лишѣтѣся состоянѣя, подѣзѣпастѣ; 2) лишѣтѣся разсудка.

Сѣстра — сестра.

Сѣнни — сегодня.

Скаварѣда — сковѣрода.

Сурѣдѣ — дѣйствѣе чѣловѣчѣскаго глаза на людей и животныхъ, по народному повѣрѣю.

Сѣрѣдина — спина.

Сакрушитъ (въ народн. загов. „сакрушитъ небо и землѣ, также лихѣрадѣкѣ-трясовѣцѣ“).

Старѣна, старану.

Сильнамѣчѣй — сильнѣй, могучѣ.

Спраѣдитъ — сказатъ правду.

Сблѣшитъ — сказатъ неправду, вздорѣ.

Сѣдыкѣ — сутокѣ.

Сѣ, и-сѣ сыннѣмъ.

Сѣпухъ — мѣсто на печкѣ, куда кладутъ дрова.

Судѣ — сюда.

Спакусѣитъ — искуситъ.

Спаѣсенѣе — спасенѣе.

Сынатѣрѣ — сенаторѣ.

Сваѣмъ обѣ — также абѣ сваймъ.

Силѣпъ — силицѣтѣ — глотатъ жидкое кушанѣе — супъ, крупенѣю.

Спагубѣитъ — погубитъ.

Стальнѣица — брусъ, что поддерживаетъ потолокѣ — „подмостники“; доски, образующѣя потолокѣ — „стольнѣица“.

- Схватау — схватиль.
 Скѡльки времени — сколько времени.
 Святѡць — разщѣсь, куда лучину вставляють — обыкновенно желѣзные клещи.
 Сляга — бревно, шесть.
 Сѣрцамъ крикнуть — съ гнѣвомъ.
 Трѣмя, трѣми — ablat.
 Тряпичить, тряпѣчить — трепещеть.
 Трипѣзывать, трипѣза, трипѣза.
 Тоа — то.
 Тѣй, тѡга, тѡму, тагѡ, тѣмъ, абъ тѣмъ; тыи, тѣхъ, тѣми, абъ тѣхъ.
 Та, тѣй, тѣй, ту, тае, абъ тѣй, тыи, тѣхъ, тѣмъ, абъ тѣхъ.
 Тѡльки, тѡльки што.
 Токма — ня токма што.
 Три раза, три разы.
 Трая сѣдыкъ.
 Тѣмарь, тѣмарь — богачъ.
 Тулува — туловище.
 Твитѣть, твитѣть — цвѣтеть.
 Тѣхинько, патѣху — тихонько.
 Трѡжды (Бердибяки, Е. у.) — трижды.
 Таварыши — товарищи.
 То царства, тѣй змайный горадъ.
 Талкануѣ и таѣхануѣ.
 Трѣбаить — требуетъ.
 Трисянѣца — лихорадка.
 Тѡръкаить — торкаетъ.
 Таварышка — подруга.
 Ткѣть, ткачуща — ткеть, ткающая, способная ткать.
 Трѣбаить пуvinчатца — требуетъ.
 Трѡвуръ — трауръ.
 Трѡдичи — трижды.
 Тѡды — тогда.
 Трипятѣничка — береста.
 Татѣюль — уменьш. отъ Татьяна.
 Таѣхануѣ см. талкануѣ.
 Ужѣ — уже.
 Угѡжѣй, угадить — приятный, угодить.
 Унистѡжить — уничтожить.
 Устрѣча, устрѣкать — встрѣча.
 Умрить — умереть.
 Урѣми (genit.) отъ время.
 Ужасна — ужасно.
 Уряжда, урижда — вредъ.
 Усѣ 12 Ивѣныѣ.
 Ульянѣя.
 Упирливый — упорный.
 Умѣрли.
 Узжалѣѣся — сталъ жалѣть.
 Ужахнуѣся — испугался.
 Умримъ — умремъ.
 Ускѡчѣѣ — вскочилъ.
 Уплутѣтца — запутаться.
 Уружайтца — собирается.
 Уватнѣть, пуватнѣть — отпять.
 Угнѣнуть — сгнѣнуть, пропасть.
 Упратѣѣниѣѣ — врагъ.
 Ускѡчить — якъ — вскочетъ.
 Увѣтлѣѣ — привѣтливъ.
 Утѡить — утаить.
 Хворъ — болѣзнь.
 Хвартѣкъ — фартукъ.
 Худаба — худая година, несчастье.
 Хвароба — болѣзнь.

Хйтрати — хитрость.
 Хлапѣць — мальчикъ.
 Халостый — холостой.
 Хвѣбрый — храбрый.
 Цалмыкъ — пуцулуваў.
 Цыцкй — грудь женщины.
 Царю, царимъ — дат. отъ царь.
 Цинувать — цѣнить.
 Церьква — церковь.
 Цулуванникъ — цѣловальникъ.
 Чимъ — чемъ. А чимъ, а чомъ.
 Чепъ, чипать, чапать — цѣпъ.
 Чимъ-ся — чѣмъ.
 Чуднѣй — удивительный.
 Чарства, чарствія — царство.
 Чинить, чинить поля — (богатыри создаютъ поле предъ сраженіемъ — мѣдное поле).
 Чарѣдъ — очередь.
 Чіе лошаты и сабака — чьи.
 Чурѣкъ — палка.
 Чистѣ поля.
 Чатыри угалочка, Е. у.
 Чимъ (тв. п.).
 Чвѣртка — четвертка.

Чуду (accus.) — чудо.

Шавѣлитца. Шавали = ѣшь (въ переносномъ значеніи).
 Шметьтя — шматьтя.
 Шабля — сабля.
 Шерстю — шерстью.
 Што — завуть, што Иванъ Бизчастный — „што“ указывать на чужія слова.
 Шю — за шю — за шею.
 Шюють — шьють.
 Шупить — понимать.
 Шѣпчить — шалочить.
 Шкляннѣй — стеклянный.
 Ширакйстый — широкий.
 Ширъ шеренга.
 Шивальнуўся.
 Щипчинникъ — колючій кустарникъ.

Юнуша (accus.) — юношу.

Яркихъ — яркихъ.
 Яѣчикъ — яиць (genit. plur.).
 Ябламить — обламить.
 Яблитать — обломить.
 Янд — оно.

Бѣльскій уездъ, Шоптово.

Алгала — лгала.
 Адалбала — аддѣбала.
 Атвичать на хазяина.
 Абитиральникъ — полотенце.
 Ангиль — ангель.
 Асѣняль — асѣнилъ.
 Абапаль — также и въ См. у. — съ двухъ сторонъ.

Астаўши у атца адны клешни.
 Атказать на отца (атеузатъ въ С. у. безъ предлога съ дат. атказать каму).

Большакъ — бѣльскій братъ.
 Бѣдра адѣўшись — красива, нарядна одѣвшись.

Байсьтя—бойшься.

Быўши. Патомъ іўляитца ина,
або быўши жина.

Братя—братья.

Бліять—блеять.

Болазе (какъ и въ См. у.).

Великоднюю.

Всиндщную.

Вирьхоўя (слусканный лёнъ).

Ватцоўскій.

Выть—вить, вѣдь.

Вага—бревно.

Валю дать.

Времи (genit.).

‘Вина—Авина.

Ваиватца.

Выжить—выжечь.

Гласить—вѣщать.

Гнилѣтъя—гнилая часть бревна.

Грунтъ—бумага, документъ.

Грѣшнике (accus.).

Галстугъ—галстикъ.

Гаварить—говорить.

Дворѣкъ—дворъ

Дохтаріў } докторъ.

Дохтаръ } докторовъ.

Двинацтитимъ двирямъ, за.

Драстуй—здравствуй.

Дрюхъ любезный.

Два. Я два видилъ какъ про-
бижяли.

Далдзьтя—доложите.

Ѣй—надъ ей.

Ево—на ево—на яго.

Естьимъ—зъ естьимъ.

Есь—есть.

Емъ у—въ немъ.

Ждраўля.

Ждравъ (ждраў).

Ждстка ѣдишь—ѣшь грубую
пищу.

Жѣрствую—жертвую.

Жалѣзныи—жалѣзный.

Зити—зятя.

Зятѣ мае.

Закричали—забричѣли.

Захрибѣтникъ—отецъ или дѣдъ,
не могущій работать въ слѣд-
ствіе болѣзни или пожилыхъ
лѣтъ и находящійся на попе-
ченіи сына, внука или зятя.

Забѣхатъ—убить.

Зварѣе assus. Біў разныя зварѣе.

Звѣри двѣ—два звѣря.

Змиртвился—помертвѣлъ.

Зосичу—защиту.

Зялѣзнымъ—желѣзнымъ.

Зимлитрисѣнія—землетрясеніе.

Ищѣ—ещѣ.

Іѣ—сѣ.

Клешня (нога по самый задній
составъ у людей и скота, и—
клюшня).

Кашдла—корзинка.

Кажный—кджный.

Кричатъ ва весь горатъ

Калдья—калдья.

Кутній угыль—куть.

Кишкѣмъ. Ablat. plur.

Кѡнскимъ — кѡньскимъ.
 Бръквѣть (о крикѣ ворона).
 Кримса́ла (огниво).
 Кремашо́къ (уменьш. отъ кре-
 мень).

Лошадѣ (nom. plur.).
 Лижѣть — ляжѣть.
 Лѣтитѣ — летѣть.

Мижѣ сѣбе, мизѣ собе, пра-
 межѣ собѣ.

Малади́ца — маладуха.
 Мущина. Ли мущина пакорна
 баби, ли баба мущини.

Майка — шалашъ на баркѣ.

Мечи — два мечи.

Мѡситѣ -- можеть бытъ.

Мѣста. Есть адно мѣста.

Мысѣтъ — мысѣтикѣ.

Нѣпрѣ } Днѣпрѣ.

Нѣпа } Днѣпрѣ.

Надѣтъ — надѣваеть.

Ніувѣга — невѣжа.

Несѣтъ, несѣтъ, нясѣтъ — несеть.

Ни наймите — не найметѣ ли.

Ніабнакнавенная — нибніакна-
 венна — необыкновенная.

Пачирка — падчерица.

Пренеси — принеси.

Плѡхатѣ — болтать, нести
 вздорѣ.

Пражилѡй — пажилѡй.

Паказалась ни ѹ лицѡ (ня ѹ носѡ).

Притваритѣ ворынымъ — обра-
 титѣ въ ворона.

Пражаждѡй — проходимецѣ.

Писать подѣ каго — за кѣмѣ.

Подзѣміе — пу падзѣмію.

Прикрасный — прекрасный.

Прихматѣ — вредѣ, препятствіе,
 происходящѣ отъ заклятія.

Приѹзашолѣ — превзошолѣ.

Пѡчали — начали.

Пѡбивалѣ — побивалѣ.

Пайгры — музыка.

Палитѣль — полетѣль.

Побивѡю — пабиваю (См. у.) —
 побиваю.

Прамоучалѣ — прамоучилѣ.

Раѹнитѣ — дялитѣ.

Рябѡю — рябую.

Рѣпы — къ (dativ).

Развирнисѣ — разварнисѣ — раз-
 вернисѣ.

Разжѣгѣ — разжегѣ.

Ривѣтъ — ревьѣтъ.

Снуватѣ — битѣ. П. (См. пря-
 тать въ перенос. знач.).

Саракавица (бочка) — сарака-
 вуха.

Сикѣтъ — сякѣтъ.

Спорѣ дѣлатѣ — поритѣ.

Сидѣтъ — сядѣтъ — сидѣтъ.

Сусѣдихѣ — у сусѣдихѣ — у со-
 сѣдей.

Спѣны на (предл. пад.) — на
 спины.

Сѡпка — кочка; на сѡпки.

Сабака етъѣ, masculini generis.

Стѣдникѣ — пастухѣ.

Симяноѹ купитѣ — купитѣ сѣ-
 мянѣ.

- Састрйкаль — сустрйкаль — Ударить свае мысли — утвер-
встрѣчалъ. диться въ какой нибудь мысли,
Стражёнья — сраженіе. принять известное рѣшеніе.
Смѣтрить, сматрѣть — смотреть. Узлитѣль — узлятѣль.
Узялся — узялся.
Трипѣзывать — трапезовать. Умѣстихъ — вмѣстѣ.
Таваришчймъ съ — товарищемъ съ. Убаялся — убаялся.
Требувай — повел. накл. — требуй.
Тирибить — Тирябить — пер. зн. Хулудецъ — хворостина.
Хѣдичи — ходя.
Топишься — тописься.
Цопъ — отъ цапнуть.
Трѣджи — трижды. Цану дѣлать — условливаться о
цѣнѣ.
Трдуръ — трауръ.
Тетевйна — листья въ стеклѣ.
Ти ни тигаить ли яѣ хто? — Ши — ши (См. у).
Ти ни тигаить яѣ хто? Шарпъ — шарпъ, шорѣхъ.
Той — то. Щукреннѣкъ — щученокъ.
Убаявши таго. Яѣ — яе — сѣ.
Упунилась — упулилась — устре-
мили глаза.

Село Пречистое Духовщинскаго уѣзда.

- Асирцали — осерцали. П. На печи — на печи.
Атшѣбъ — отѣмникъ.
Арванъ — оборвышъ. Узнялся итить — пошоль.
Адалйтца — удалиться.
Бурдѣть — шумѣть.
Цатварѣхъ — четверыхъ.
Цатѣри — четыре. Т. На три года.
Крицѣть — кричить.
Кажухъ — чалѣ — (сводъ въ Угоръ (угоръ — рыба).
отверстіи печки).
Хѣдить — хочеть. Закачивать хату. (Запотапочи-
вать).

Лягушка — лягашка.

Есть Судьбы Правильный.

Хрусты — фрукты.

Малджи молодья зарости, молодой лѣсь.

Есть.

Хто ты такая есть?

Г. На гваздѹ — на гвоздѣ.

Село Иньково Порьскаго уѣзда.

Х. Съ хитрыстими = съ хитры- Вирятѣница (эпитетъ змѣи, въ
щами. Б. у.).

Хляўнийѣ, хляўница (эпитетъ Смоленскомъ уѣздѣ названіе
змѣи въ заговорѣ) въ. рыбы);

М. За мхи — см. махи.

Р. За ржаўцы патоны — за боло-
та, покрытыя ржавчиной.

Атрыхъ, пакрятъ — возвращеніе.
Атвидитя — отведете.

Падкурчѣжный — (водящійся
подъ курчами).

Урдцы — суроцы — „призоръ“
очесъ — стглаживанье.

Нѣдимъ — (dat. plur.).

Ч. На чѣмъ — начѣмъ.

Разсказъ Матрешки Антоненкавой а сваей жисти.

1) Дятинныя годы.

Малинькин, паночикъ, были мы хитруваты. Якъ бывала на мяльля выйдимъ, и ўсё гаворимъ:

— „Мой горадъ,
Мой горадъ!
Я на горади стаю,
Калачики прадаю!“—

И пихаемъ одна другую съ горада.

Приходятъ мальцы:

— „Нашъ горать! Ахъ, вы, чирипахи!...“

Турнуть насъ — и бягимъ мы па возиру, якъ каторому видна.

Тады будимъ бѣчь, а пѣтэмъ сами сабѣ:

— Зачимъ мы будимъ бѣчь етага карнаухыга?!

— Карнаухий, даўганосый, тупаносый, криваногий, криваротый!—

Усимъ хвамилию наложимъ, и начinemъ мы на кулачики, да и атў мальцыў съ горада. Ипать яны за насъ примутца, мы на ухоть. Ипать жа мы узбигаимъ на мяльля,—мальцы за нами. Начанемъ ипать на кулачики.

— „Ну, стойтя, досыть—будимъ на миръ!“—

Запьемъ пѣсню на расходъ, идѣ каму ночку начувать:

— „Краснымъ дѣвушкамъ на тѣримъ,

А робятушкамъ на с.....!“

— А ды вотъ якъ вы намъ?

Тады мы изнову ихъ дражнимъ:

— На пановы лазни дымъ казломъ,

За ребятами чортъ зѣ ражномъ,

А за дѣўеами попъ съ хрястомъ...

Ипать у насъ валка тады. А то:

— „Квачъ бильмачъ,
А уси квачи бильмачи,
Адинъ я нѣ!...“

А то:

— „А йшла свинья пу бару,
И рвала траву—либяду;
Друженьчики—бярвеньчики,
Я шишіў, а вы вышіў.“—

Вотъ и застанитца идна.

Якъ кушаемъ, кричимъ:

— „Казà, казà, дай малака;
Кузнецъ, кузнецъ, дай дѣхтю!“—

Нѣскалькы ашмѣтакъ зачепимъ, запрегемъ, связёмъ у поля,
сложимъ ихъ, якъ гной, и пѣемъ:

Паѣхыли, паѣхыли:
Хто пражйра,
Хто пражарѣныкъ,
Хто жлўкта,
Хто гàнець,
Хто карыта...
Стой, дубина!...

Што ты ѣдишь, дубина, у катку?

Хто несмысиль, тэй сматреть, а хто и панимаить, што катокъ бизъ дубины (оси) ни бываить.

Хто наслѣдню клѣцку съѣсь, тогда у барану качать.

Пѣтамъ разсорютца:

— „Не хади къ намъ на дворъ: я тябе сабаками зацую.“—

— Ни баюсь я сабакъ.—

— „Я батьки скажу.“—

— Ни баюсь я твайго батьки.—

— „Забайсьтя, якъ хахоль надѣмь.“—

Забралась я разъ у макъ съ братьямъ, а іонъ, братиць мой, и малинькый, и картавий, іонъ яще щиплеть макъ, а я ужу досыть; хажу, да кричу:

— „Хади скарѣй двору—а то увидють!“—

— Падажжи, падажжи, Маерёска: во яще макъ сядить, во іонъ! Ого, го, Матрёска, во сколько нарвали... Яще няўсѣ!..

— „Хади скарѣй, мышь — велій другимъ разымъ сходимъ.“ —

Якъ мы придимъ двору, большіи и спрашіють насъ, атеуль мы набрали маку и гароху. Я ни сказала, а маханьбій братиць ать чистыга сердца усѣ разказаў: „тамъ еще іость, вичаромъ ящо туды сбѣгаймъ съ Матрѣской, яще болій нащипимъ“.

Забяретца малый у гародъ, хозяйинъ ловить яго, ловить, да и лавить яго баитца—іонъ отъ хазяина на канопляхъ хувайтца и канопли топчить; дагонять яго — ящо болій пакомсить канопли. Ужу хазяинъ хатѣў яго за ручиньку схватать, — іонъ ипать шархъ у канопли.

Тэй хазяинъ:

— „Госпади, твая воля! Што тутъ дѣлать?! Хади ка мнѣ, душичка дѣтычка: я яще табѣ болій гарошку падщиплю на рубашичку, зайди ка мнѣ“...

— Да ты жѣ пасякѣшь!...

А то зайдимъ мы на гумно, на хливарычкы, тамъ ли лошади усигда будить дѣгать.

Во напали дихтарку—бвачъ вонъ, и кожная бернушка мазать. Приходить дѣдъ.

— „Што вы надѣлали?! во золатари, такъ золатари! яжъ возьму крапиву, да пасяку васъ“... Мы у канопли...

Мы якую штуку ящо удрали... Вылезилъ дѣдъ шмоль на-начоўки и поставилъ въ амбари. Мы пасабрали къ сабѣ другихъ дятишкы: дячювича, да Ганну, — знаете Ганну Артемыўну.

Миску узали, меду наклали; кулпанію собраўши, за столъ сѣли. Дячювичъ у етый кулпаніи. Призжаить дѣдъ изъ поля.— Мы пируемъ.

— „Ну, што жѣ вы, дѣтки, ета дѣлаитя? Кто жѣ вамъ мядку даль?“

— Сами узали, дѣдичка.

— „Ну, што жѣ зъ вами таперя дѣлать? Якоя вамъ наказанія налажить?—Медъ етый паѣсьтя!“

Мы ѣсть етый мѣдъ (дѣдъ нашъ надъ нами стаить) — на сила наша яго ѣсть: мы давай яго падъ столъ брасать.

Дѣдъ нашъ и гаворить:

— „Ну, ѣсьтя жѣ, ѣсьтя, штобъ паѣли!...“

Паглядить падъ столь: мы падъ столь яго набрасали. Мы мижда собе засуятились. Тады дѣдъ ипать гавдрить:

— „Хто махайт падъ столь—ета грѣхъ!“

Мы на дячковичъ:

— „Ета етый даўгагривый махайт падъ столь“.

Дѣдушка гаворить на дячковича:

— Иванъ Василичъ, такъ нихарашо дѣлатъ: я твайму батюшки скажу...

А дячковичъ плачить, просить ни гаварить. Тады мы што дячковичу етому здѣлали? Засадили яго у букъ, давай яго качать—іонъ кричить. Закачали мы было яго.

Хто-та намъ—ужъ ня помню—крикнуў:

— Што вы дѣлаитя?

Такъ мы и разышлись: дячковичъ пашоль сваей дарогый, а мы сваей...

Таперича вотъ идѣ гумница, тамъ садъ былъ бальшей—вишанниѣ; паспѣли вишни и стали такея—ажно чорныя, причорныя. Я была ладная ужу дѣвачка, а систра мая паменій, да ящѣ Степашка Маркина, да ящѣ мальчикъ—и забяришь мы у вишни, и ни замѣтили, што баринъ, вашъ дядуна, паўзѣтъ къ намъ. А у дядуни вашига былъ сабака Балабонъ (бальшущій у няго ищѣ былъ такей калтунуватый хвостъ); Балабонъ забрехалъ на насъ.

— Балабонъ, Балабонъ, што ты на насъ брепишь, Балабонъ?

(Балабона мы харашо знали).

А тутъ глянь—ажно и самъ баринъ усталъ пиридъ нами:

— „Ну, малинькіи, идитя за мною!“

Каторыи паболіи, тыхъ іонъ узялъ за рученки и павѣлъ за сабою.

Мы идемъ, а баринъ вядетъ насъ по саду, у горницу увѣу сы парадныга сы крыльца у заль. Печка у зали была така красивая, кафельки у етый печки такея нарядныя.

Мы и разсматриваемъ, што усѣ тутъ такъ харашо, пригожа.

Приходить барыня (чарствія ей нябесныя!), а баринъ ей гаворить:

— „Госька, палавилъ я дятей у саду!“

— Што яны у саду здѣлають? Ты ихъ нейди перипужалъ...
На што ты ихъ пупривѣлъ?!

Вотъ баринъ гаворить:

— „Я васъ буду сѣчь!...“

Якъ справили мы гукъ у зали етымъ; тѣй гаворить: „я ни щипаль!“ И тая — „я ни щипала!“ Баринъ гаворить: „нада бѣ задать и маткамъ!“—А барыня:

— „Ну, ужъ поўна табѣ пужать ихъ! Ти спужались вы яго?“

— Нѣ, ни спужались, а спужались сабаки Балабона!

Баринъ смеетца. Барыня намъ сахарцу дала, и пашли мы двѣру такея радья, што минула насъ граза.

Идѣмъ пираццитымъ вишни и сваримся мижда себе.

Якъ пришла я двору, матка мая якъ забрѣнитца:

— „Чаво у вишни лѣзла? Мнѣ супрати барина и барыни совисна, што ты такая сваяволка!“

За роску, да за мяне.

— Мамычка, баринъ и барыня знаютъ, што мы у вишнихъ были...

А дѣдъ съ печи кричить:

— Паддай, паддай!

Такъ мнѣ и паддали. Потѣмъ сыйшоўшисъ и спрашнимъ друхъ у дружки:

— Ти сѣкли тябе, Стяпашка?

— „Ды, нѣ!“

— А мнѣ такъ пупала.

2) У д я в ѳ ч и с т в и .

Я была дужа гульлива, была бойкая, бядовая дѣўка. Была и на работу хараша, хазь, ну, и на гульну тожа дока.

Идѣ свѣчи, крезбины, свадьба—тамъ я; пирушки-гулюшки бизъ мне ни бхадилисъ. Паскакать-пагулять то я, — ну, и на работу жѣ ни была я „вилія“.

Бывала Филиппыўцами у насъ пасидѣлки. Аткупимъ у хазяина хату за паўштохъ гарѣлки, на стисканни сабярѣмся, на-бярѣмъ крупы, муки, картошкѣ, блиноў, пирагоў. Къ намъ придуть рибятки—ну, мы ихъ угацаимъ.

Хохать такей справимъ, вазню; асирчаимъ на рибяць, прагонимъ ихъ, а то воўси у хату ня пустимъ.

Божжа мой, во ли ихъ наказанія!

— Такѣя, сякѣя, красавицы, пуститя насъ!

Ходють кала хаты и просють насъ. Ну, зжалимся, пустимъ:

— „Ну, што ужъ дѣлать зъ вами?!“

Темень, ночь, а у насъ страпня—идёмъ за вадою. Ипятъ валка: палимъ идна у другой мычки, играимъ у жмурки, у скубкѣ.

Прядёмъ ночь, прядёмъ другую, прядёмъ и третюю.

Маханькая я была литами и ростамъ; ну, за маю висялость-удалость узали мяне кумою, только дужа и горька, и абидна была мнѣ, што кумъ былъ кривѣй.

Ирмакъ и Андрей давай прасмихатъ мине:

— „Съ кривымъ кумымъ крестить,
Съ кривымъ кумомъ щигалиха!“

Я плакыть наўзрыдъ.

Хуть любила я дужа жартувать зъ ребятами, ну, ништо мнѣ ни знаравился. Ахъ, только бядовый — прибядовый быў Карней Якушоу.

Якъ пиряскочить съ воза на возъ, — пиримахнеть, словакъ тѣй хортъ, альба гоньчій; ну, такой жа былъ маладцуватнй изъ сябе и галузливый! Мы зъ имъ зажартувались на сѣни, да абаи и грякъ съ воза на полъ у сарай, а полъ былъ усланъ мостамъ.

Больна прибольна, да плакыть пастыдна: ета ребятамъ на гару.

Нѣ, нѣ! нихай ни дяруть кверьху насъ ети пастрялы, нярушь имъ ни патачка!

Стиснула губы и змоўчила.

Прасватали мяне за ўдаўца. Одно дѣла, што іонъ старъ, другая, што ўдоў, третія — палавина галавы стрыжиная (іонъ, сярдешный, ариштантыу упустиў; хуть и ни знарошняя, а три гады атсѣдїў у астрози—тамъ яго и аббарнатили).

Во горя, такъ горя, ня сѣиная и ни скарожиная—навялилась жа на мяне ниўсхадимая горюшка, ниўталимая пичаль.

Во ребятушки на сѣни кала мине рягочуть таўхаютъ адинъ водныва подъ бакѣ.

Адинъ гавдрить:

— „Палюбуйся на сваё соўнушка, любезная. якъ яно свѣтить!“

А другей;

— „Во твой дихтарь!“

Ета, вы думайта, мнѣ дужа харашо была!?!... Ну, тады я была молады, тато, тэй праўды ни панимала:

— „Хуть іонъ трубачисть,
Да душою чисть!...“

Кривѣй кумь, жаныхъ, галава стрыжиная — плакала я и заливалася па етыхъ горюшкахъ гарючими слязми.

То-та былъ разумъ, то-та разсудыкъ дывоччій!...

3) З а п е р в ы м ь м у ж и м ь .

На свѣти бывають: и харошія скідайтца худымъ и худоя харошимъ, а пра харошія ни скажышь дурнова.

Нечива Бога гнявить; харошъ былъ первый мой мужъ—ня тольки ня прыняла я ать яго таўчка альба саўчка, дайжа дурнова и глупыва слова ни паслышала — сказать таеъ: жалѣль іонъ мне, якъ рабенка, проста трѣсса нада мною, якъ мать.

Ну, и я жъ жалѣла и приглядала яго дятишыкъ: прихолю и пирямыю ихъ, штобъ пиридъ людьми сѣвисна не была. Аднѣнь бальной былъ. Мать мнѣ сказала:

— „Ты жъ яво присматривай: тябѣ совисна будить, када ты яво ни присмотришь!“

Ну, я и приглядала яво. Дѣти за мой приглядъ жалѣла мяне, а бальной мальчыкъ больши усихъ. Я дятишекъ ня била и ни бранила, была мизъ ихъ ня то, што старшая, а какъ роўница: пьемъ умѣсти зъ ими шѣсни, жартуимъ, работанмъ тожа умѣсти.

Была мнѣ харашо. Дома тиха, съ сямьѣй ладъ, мужъ мне никѣму въ обиду ни даеъ.

Адывались мы ня то штобъ багата, ну, и ня хужа за людей: дастатыкъ быў, дайжа свѣчи спраўляли.

Пріятна была, што я была хазайкнй у дома, „крышилый“—хуть маладая я, да хазайка жъ я, а ни бабылка, ўсихъ распаряжаюсь: „и миски, и латушки—ўсѣ мае кланатушки“.

Другея мае таварки пунавышли замыжъ. Сыйдемся умѣсти и талкуимъ пра жытьтѣ-бытьтѣ. И жалкуютца уси, што тапершнiя жытьтѣ-бытьтѣ хужій за дявоцкыва: пяруть нашага брата; бьютъ насъ наши мужики биза ўсякiй причины, ни наскипаўши лучины.

Хто жаны ня бьеть,
Тэй и домымъ не живеть.

Разъ я забрала сабѣ ў голыву, якъ ета мужьё дярутся. Усигда дратца ета нихарашо, такъ ни нада, а разъ нихай прыбѣть, чортъ зъ имъ, нихай нагляжу, икаво дастаетца другимъ бабамъ.

Узила: кравать разграмастила падъ имъ — маўчить, каўку зъ лаўки вынила — маўчить, падушку зъ-падъ голывы вытащила. а iонъ смяетца — што ты думаишь? да ўстаеть, бытца ужъ и за пушку примаитца, хатить троху паўчить мине; а дѣти у гуль, потѣмъ якъ ускдочуть, якъ згрябли яго усѣ троя — iонъ знову хахочить.

А маладэй мужъ (етыть вумиръ—за другога зайшла), тэй, красивый и видный, паўчiў, братъ, якъ на свѣти жить.

Во и таперъ слышу въ ухахъ: дзынь, дзынь! бiттa хто съ калакаломъ ѣдить.

4). За ўтарога мужа зайшла.

Помиръ Паўлюкъ, стала мяне забиждать Паўлюкова радня. Знаю я и то, што худоя нада вясти зѣмистъ харошига: када затишна—и слава Богу,—такъ мадѣй, да мадѣй!

Ну, якъ ни стала силы маея тярпѣть абыды, такъ я и пашла къ барыни и рассказала ей пра своё жытьтѣ-бытьтѣ.

— „Нада тебе замужъ атдать!“

Гаворить барыня (а ина, пакойница, мяне любила):

— За кого бъ?

И нѣчала пирибирать жинихоў.

— Нравитца тибѣ Марка Антонинкыў?

Я бойкая была и гаварю прямиа, што нравитца:

— „Чаму ни наравица?“

Іонъ быў бойкій, красивый, видный изъ сябе, ну, успыльчиватый: у пылѹ адно слова скажить, а другога ня жжи. Ну, правилась мнѣ тольки яго красатость: іонъ быў гаразда укрсивій майго пакойныга мужа.

Сыйграли свадьбу. Іонъ украсивый и видный изъ сябе вьюнушъ, а я удава, и у мяне троя дятей, и гаразда я за яго старій.

Стали жить. Вотъ Марка мнѣ и признаетца:

— „Нѣтъ у насъ сѣминъ, нѣтъ у насъ фминъ, што дѣлать намъ, чимъ и якъ жить?“

А у маладыхъ людей умъ-разумъ расхожі: три браты, маладея парни—хуть работники, ну, прижились такъ, што хуть на каго, призадумаеся пулумаишь галоўку.

А у насъ, у мужичистви, такая палаженія: якъ упустишь и ни надточишь, такъ потѣмъ ня будишь знать, чимъ надтачить.

Зѣрнушка за зѣрнушка. Нынишний годъ адно застанитца, а на другой гарчикъ, а на третій асминку нави намалотишь, и старыва ища іость съ асминку.

А худабина тожа якъ варветца, дасть памити: злыдни прасились у каво та на три дни, ну, ихъ за цѣлый годъ ня вывидишь,—ня вывилъ ихъ тѣй чилавѣкъ за ўсю свою жисть.

Якъ падуналъ, такъ и на вѣки запрапалъ. Якъ худабина, забудуть пра тябе и дядьки, и тѣтѣи, и твае близкіи родныи искѣса, изъ-падъ лаятя, будутъ на тябе паглядывать.

Правють усѣ и годы.

Нѣту хлѣба, нѣту и скатинки, а бизъ скатинки плахая жисть: живеть чилавѣкъ, якъ тая былина у поли: абѣдъ абѣдаў, а животъ пра то ня вѣдаў!...

Якъ стаў мнѣ Марка жалкуватца, я и гаварю яму:

— „Ты адинъ, мой Марка, у мене за хазяина: пади, разстарайся у сусѣдїу, у радни, у добрыхъ людей!“

Іонъ ни пайшоў: ти яму совисна, ти што? ни пайшоў мой Марка, сѣў и призадумаўся.

Дѣлать нечига: нашла я къ сваей раднѣ, дастала сѣминъ-фминъ, гряхихи, іўса.

Многа нужды приняли. И тяперь помню, якъ мы естины спраўляли.

Спрятаўся мой Марка—нѣтути яго, хазяина. Потѣмъ я яго знайшла, а іонъ гаворить:

— „Ня буду звать кумоу? На што я ихъ буду звать: ти у насъ гарѣлка будеть, чимъ добрыхъ людей привѣтити, ти што?“

Матка мая тадѣ двѣ халстины вынила и атдала:

— „Сыночиль, мой сыночиль, мы жъ твайму горю пумагѣмъ, только жъ ты ни хувайся!“

Ионъ съ печи злесь, три рубли узяў, пашоў у кабаць, принёсъ гарѣлки; пазвали кумоу и начали кетины гулять.

Ну, якъ жили мы щитна, то стали заганять зѣрнушка за зѣрнушка. Радня насъ вызвала у нўжди, барыня ни кидала у бядѣ, хароши были годы. Усѣму двару я была апорый. Я раила блазнамъ, якъ што и къ чаму пригнать, приладить; идѣ што укаратить и идѣ надтачить; раила харашо и сама была лоўкая работница.

Настушила вольница, и тѣмныхъ людей перестали тярпѣть, стали яны прибиватца на сваю старонушку: пришоў съ прѣчиемъ Антиць, старшій братъ Марки — ета намъ тожа паденорья у дварѣ.

И вотъ да чаго дастукались мы маимъ умомъ-разумымъ, маимъ старанымъ.

Прежда не была сѣминъ и фминъ ни на душу, ни ў душу; была одна лопать и адна карова; — якъ разжились: сѣминъ и фминъ удосталь, атъ аднѣй да дивятѣрки лапалыкъ дагналы; пристали мы у людей пазычатца, а люди у насъ пазычаютца. Только къ самому житью пришло!

5) Марка войтымъ стаў.

Стаў нашъ Марка войтымъ.

Извѣсна, што войту ни такая жисть, якъ нашему брату, асаблива у бальной вотчини: вайтамъ и вотычка принадець и угашенія, яны и бабами рядують: и старыми, и маладухами.

Серца ни каминь: хуть якей ни наестъ чилавѣкъ, а, набыўши войтымъ, звихнетца.

Гарѣлычка ня свой братъ; што красная дѣвчычка, ина приушина.

Звихнуўся и мой Марка, якъ стаў ходити пу вайтахъ. Пакуль низнама ничагеничка, только стала примичать: тотъ, да ня тотъ мой Марка, слоўна мизъ насъ чорная кошка прабижала.

Якъ яму ласкатца съ сынкомъ, іонъ сабѣ ласкайтца, а па глазахъ вижу, што душою къ намъ ня лънетъ, ни прилигайтъ яго душа да свой да сямейки. Сама сабѣ думаю: што-та ниладна!

Нядобрыя чула маѣ сердца.

Далій и далій мы болій пратіўны: ни пригалубить насъ, ни публагадарить никали, ни угадимъ мы яму ни якъ—ужъ іонъ насъ съ сердцымъ атпихаитъ атъ сябе.

Што за акказія? Пакаль што худоя вялось у насъ зѣмистъ харошига.

Тольки была разъ я на пригони, брали мы банопли. Прикащикъ узялъ мене за руку и гаворить:

— Пасматритка, Хаминишіўна, што твой милый Марка падѣлываитъ. Ти ни праказникъ іонъ? ишь ты!—Глянула—ажно іонъ пьетъ вотку у казлѣ су маея сыпратіўнищый.

Ёкнула маѣ сердца, и забилась, и затрипитала, якъ итушка. Хуть у мене у груди во якъ прикицѣла,—ну, тады я змоўчила, стиснуўши зубы, сябе ня выдала.

Якъ іонъ пришоў, тады я гаварю:

— „А што у Паўлюковыхъ ти уси дабры—здоровы?“—

— А?! у Паўлюковѣхъ?!

И давай мяне бузывать, и давай—тады заварилась тоя пива,—и ни дай Богъ ни якому хрящоньму ня токма што пить яго, дайжа видить, якъ другии пьютъ.

Далій вошто была. Накапали мы съ свякровый картошикъ и скоблѣмъ ихъ. Приходитъ мой Марка у шляпи, якъ тѣй купецъ, разадѣтый, и гаворить іонъ:

— „Мамъ, дай мнѣ пайдать!“—

А я падъ тоя слова:

— „Хараша жъ Улька: день прадержила, а ѣсть ни дала... Вить ты у яе былъ“... Во іонъ тады мяне за валосьтя, да въспѣткымъ, и ня вѣдаю ужъ далій ничога. Посли ужъ разглѣдила я, што іонъ усѣ мае добрая пакаверкаў и пулумаў, сундуки мае паразбилъ и пакримсѣлъ. Ашнулась и ляжу я, уся избитая, тужу ни па имъ, а па горю: у мене мать застаецца и дѣвачка. Ночь, а на дворѣ мѣсичина и видна, якъ днѣмъ. Закапашісѣя Марка, надѣў сапажонки, усхватиў куртенку на плечи и пабѣхъ. Якъ у тѣй пѣсни пьютца:

— Ахъ, ты, бестія, змя ты падкалодная, кроў мою сътѣшь!

— „А ты битыва ищишь“.

Я палькью замахнула, ударила бѣ змаху, ну, кумъ Кастюкъ придержилъ:

— „Стой, кума, ни дярись!“

Ну, пассорились, пассорились; приходимъ двору:

Марка мой сядить на лаўцы, у трубучки пакурить. Хатѣла было сказать на свякрову:

— „Вотъ, мамъ, якъ ты мне прадала!“

Пубаялася: сичасъ начанеть бить—змоўчила.

Тады да заўтрига іонъ маўчалъ—ничога, назаутрига ипать:

— „Ты каго шукала? Чаго ты ходишь на чужымъ имбрамъ? Каго табѣ нада?“

Пачаў трипать. Я у дымъ, на печку—тады чорны избы были.

Сядѣла, сядѣла у дыму—хуть прападай!

Приходить на нашу сутылку Саўба (яго Бохъ принёс) пилы прасить:

— „Што ты эта дѣлаишь? Ина жѣ затхнеца у дыму, усимъ будить намъ плоха“.

Я тада съ печи на загнетъ саскачила, да за парохъ пракаўзнула.

Якъ пустить у мене завалымъ, заваль таѣ и загудѣл мима мяне.

6) Матрешка у прочкахъ атъ Марки. Маланья и валаснѣй пупикають Марку.

У прочкахъ была и зѣ малинькимъ: святѣами чуть галаву прочъ было ни тваратіў и малинькыва у снягу затапталъ.

Приходить іонъ за мной, люльку зѣ малинькимъ сняў, узяў на руеи и гаворить на мене:

— „Ступай дамой!“

Гонить мене двору. Прихажу; паслани пастель, малинькыва у люльку.

Марка гаворить:

— „Я пайду на йгрища“.

(Надрыгайтца нада мною).

— А я пайду къ своимъ.

— „Ты ня смѣишь идить къ сваймъ“.

— Ты пайдѣшь на игрища, а я пайду къ сваймъ.

Ни папоў жа: тэй разъ нучуваў дома.

Пришла жъ Маланья, пакойная мая сестра (вы жъ яе помнитя), стала выгаваривать яму и свякрови.

— „Якъ вамъ, сватѣтя, ета ня стыдна и табѣ, Марка? Мы тады табѣ гаварили, што ина табѣ ня роўница, якъ ты яе браў—ина старій тябе; а ты даваў клятбу на сонца глѣдючи, што я яе буду бяречъ... Ажно бирягѣшь ты яе харашо!...“

И зъ дитѣнкымъ ей ать тябе пакою нѣтути и у чужимъ дварѣ.

Ни паможить Бохъ за тваю клятбу у здароўи, што ты клятбу сваю злумаў и прѣсигу, што ина у гори залилася за табою. Якъ ина вывила тябе на люди?!..

А якъ была у тябе худуба, вясною аблупишься ты хужѣй за рака пячоныга, а тяперь, якъ вывила ина тябе на люди, а ты яе вычишь.

Ды хужъ бы у яе дитѣнка ни було бѣ, — дакъ у яе жъ руки абкащоны! Чимъ ты ею нидаволинъ? Ты ходишь ни каряў, ни дирѣў. Вывили мы тебе на люди, а ты еще насъ вучить“!..

Тадѣ гаворить на свякрову:

— „А ты, старая каргѣ, куды жъ ты глядишь?“

Вить ты прикадила разъ пять у сваты и казала, што Матрѣшка будить у насъ ни абижина. Ажно жъ во якъ вы яе ни абижаитя“?!..

Пуправилась и я:

— „И я жъ табѣ, Маркъ, казала:

Што жъ ты ак мнѣ свѣтаишься? Дитѣныкъ ни ўзрацоный, и ты будишь гребувать. Я казала табѣ, што ни захачу, штобъ дитѣныкъ идѣ нибуць валяўся, а быў ли мне нашнѣю справью: я захачу къ сабѣ палажить яго, а ты ни захочишь. А ты хрѣстился, на сонца глѣдючи:— „Я етыва ни разу ни падумаю.“— Ажно таперь, ты ня токма што ни даволинъ приваднымъ рабѣнкымъ, дакъ и съ тваймъ дѣтца ать тябе нейди!

За што жъ я етакая горюшка тярплю; што ты, якъ палачъ явей, што глянуў, то и грянуў; што я табѣ ни ўлажу ни спечъ, ни зварить, ни принять, ни падать; пускаишь ты

на мине и пиратами. и блинами; мечишъ у мине и мисками, и ложками — ни улажу я табѣ и ну масницы прайдить?!...

Зачимъ упярѣдъ у насъ съ табою была усѣ харашо? Чатыри года мы жили съ табою, якъ золыта важили; а тыперя и дятей нажили, и атъ дятей ты атчураўся, бытцакъ яны ни твае. Я жъ тябе ни нуждаю, каторыхъ привила, бизнакоитца абъ сваихъ — хуть ба ты ихъ ужъ ни забиждаў:—дакъ ты пьѣшь и гуляишь и съ чужими жонками и баранычки мѣишь чужимъ дитѣмъ, сваймъ жа крошечки павытрисишь съ кармака и бросишь: якъ сабаки кусокъ хлѣба, дакъ ты имъ. За што жъ я тая горюшка тярплю, за увесъ родъ свой? Знать, за то, што я вывила тябе на люди, а ты мине вучишь и казнишь, якъ палачъ?!..."

Іонъ вѣдайтца къ зубамъ:

— „Я тябе убью, и самъ у Сибирь пайду“.

Я яму атказую:

— „Дай Бохъ табѣ етыга мѣста давидатца, буда ты жиляишь самъ, а мнѣ, видна, атъ чаво нибуть разъ пумирать!..."

Свякрова гаворить:

— „Бойжа мой, Бойжа мой, што ты ета, Марка, уздумаў, якей ты ета дуръ на галаву сабѣ навалокъ?! Вить у васъ зайшло, што больши худога ня будить ничога!..."

А сынъ матки атказантъ:

— „Сказаў: убью! дакъ и убью“.

А я ў атвѣтъ:

— „Дакъ и я на ета пуццуся—пумирать разъ“.

Марка ка мнѣ; а свякрова и сестра яго придержили. Тады я смялѣй ищѣ кричу:

— „Злодѣй ты, злодѣй! ни баюсь я тябе“.

Путрѣу и валасоѣй Марку (Муўра Тиханыўна пупрашла); пришоў іонъ тады, на печку лѣхъ и, якъ добрый, уздыхантъ. Ахъ, ты мой бѣдненькій!..

Такъ мы усѣ и били барану.

7) Авлыжная хвароба. Балѣсть и смертъ Марки.

Стала па ўсей нашій дярѣўни качать авлыжная хвароба. стали мы мерть, слова мухи, двары наши запусѣли: у тымъ

двару хворэй, у тымь покойникъ; у тымь выздариў и знову зихвараў, а па ўторому разу узвароту ужу не была—ужи мёрли.

Аткуль навялилася на насъ такъ пошастъ? знать прагнѣвали мы Бога миластывага, и наказаў насъ Гаспотъ милосерный, Царица Нябесная. Ахъ, лихабыла у ту пору: работай, да и за бальнымы хади, а на серцы такъ и ныть, такъ и ныть.

Пѣсенъ ня слышна, а на кладищи гудуть наши па сваихъ радитилихъ: хто па сыну, хто пу брату—и жѣ больши бѣдны; заможныхъ—тыхъ Бохъ милуваў.

Съ тыхъ поръ и замялѣла наша диярвенюшка: намѣрли сильныи, спраўныи работники, а атсталась адна милюзга, подскрѣбушки.

Забалѣў и мой Марка. Я дужа харашо хадила за имъ, пригладала яго—выкачаўся іонъ, тольки галава аблѣзла, якъ качань; ну, устаў якъ мядвѣдъ.

Яму и гаворють таварыши:

— „Косишь ты слова у три касы!..“

Даўжно зглазили: изноу захварѣў, мечитца у жару, па тѣлу виступили краснинькіи мѣтки; рветца изъ рукъ маихъ: пусти, пусти! такъ и пылаить такъ и пылаить. Вырваўся, выбижаў на хлѣў, развярнуў навозъ и лѣхъ на лёдъ грудьми.

Падушничку разстяю я падъ павѣтими, штобъ іонъ успоўзъ; ўспаўзеть, дый ляжить. Чатыри насъ, пятая свякрова, насеми яго у вѣ избу, а іонъ ругаить насъ, самъ ничога ня вѣдаить. Во якая хвароба была!

Ачуняить, станить жалкуватца:

— „Стерпу майго нѣтути!“

— Якъ жа ты ня хочишь ать Бога тярпѣть?

Я жь ить тябе тярпѣла...

А іонъ:

— „Госпыди падыми! Вѣрна, за ея ты мене и наказаў! Никда ня буду!...“

Коньчиўся.

8) Вытнйца Матрешки па мужу.

— Марычка Тимафеичъ, што ты ета уздумаў, што ты мяне нищастныю съ дитѣнычыымъ здѣлаў? А я жь думала, што я дитѣнычка узрашу, и ты будишь мнѣ у пѣмычъ. Ажно ты скоро

а́тъ ми́не отка́заўся! На каго мнѣ надѣйтца? Якъ мнѣ свой вѣкъ даваковывать? Съ кимъ мнѣ дитѣнка растити-гадувати!...

Бабы мяне утишають:

— „Досыть табѣ убиватца такъ, Хамивишіўна, досыть: ета пѣсня доўга—ни разъ ища павыишь!...“

— Ачуняль ты, Марачка, падняў тебе Гаспоть Бохъ на ноги, а пахадіў ты послѣ таго трошки—и зачимъ ты, Госпади, ипять мяне сказніў: майго Марычку къ собѣ узяў? Куды жъ вы ета нашига гаспадаречка вязета? Каму жъ вы сваю дамовычку кидаетя? Каму жъ ты мамухну кидайшь? Каму дѣтку? Няжъ мы тибѣ уси и ня больны, и ни жалки? Зачимъ хадила я за табою, биригла тебе—тольки къ жисти самэй пришло, и ты къ намъ сваймъ серцымъ пиривярнуўся, а потѣмъ а́тъ насъ ты атлитаў, пакинуў насъ наўсягды. Плахую думушку ты задумаў! Хуть ба біў, абы жиў! Гарькуша я бѣдная!...

9) Сунтѣ у дварѣ и дялѣжка.

Ипять пайшла мая жисть тымъ жа вагымъ, якъ па смерти Паўлючка.

Пракопъ, мой девирь, быў за хази́на; плахоя была зъ имъ жила: ета студѣный печи загнетъ, криви ни ложки, жалысти ни крошки.

Пашоў мой сынъ Иванъ на заработки вяликимъ пастомъ, пришоў пиридь Праздникымъ Христовымъ днѣмъ, принѣсь хази́ну пользы адинъ рубъ, а сабѣ купіў сья́бру, купіў пилу. Хази́инъ за ета узсердіўся, што мала пользы принѣсь іонъ, а праработаль мой Иванъ только три надѣли.

Ни давать намъ за то хлѣба. Ета была на святѣй надѣли.

Сами павужинали, хлѣбъ спрятали ить мяне и а́тъ дятѣй. Приходють дѣти мае ить пастоялику: Зена, Иванъ и Хрузка. Была святая надѣля и люди клумились вокыла пастаялику.

— Што эта ти ашалѣў ты, Пракопъ: сами павужинали, а я зъ дитяи и такъ.

— „Твой сынъ быў у заработкахъ—можитя купить“.

— Што жъ табѣ ить сына маяво нада? три надѣли праработаў и за три надѣли купіў сабѣ пилу 1½ рубля и сья́бру

девить гривинъ съ питачкомъ и табѣ рубѣ принёсъ, а табѣ дужа многа надаби.

Лягли спать мае дѣти ня ужинаўши. Пуплакали, пуплакали... Што дѣлать? На заўтрива устали, я пагнала скотъ на ранки.

Приходить ка мнѣ мая нявѣстка. Яны печки павыгыпили, пабѣдали, хлѣбъ спрятали—ни дають дитѣмъ маимъ.

— Такъ и такъ, мамычка!

Плачуть и заливаютца гарючими слязми.

Я и гаварю:

— „Бѣўши, вы, ня бѣўши, дѣтки, а пахатъ нибхадима, работать нада!“

Яны пабѣхали пахатъ ня ужинаўши, ни бѣдаўши.

Увидала Пракопа:

— „Пракопъ, што ты ета дѣлаишь? Што ты ета маимъ дитѣмъ хлѣба ни даёшь?“

— И ни дамъ.

— „За што жъ ты такъ ни даси?“

— Вы мнѣ ни нада.

Я заплакала, пашла хлѣба даставать. Принесла крайчикъ хлѣба, патащила у поля. Принашу имъ хлѣбъ.

Плачуть мае дѣти, заливаютца. Сынъ плачить и абиждаетца, зачимъ яго зъ батькиныва дома вывила.

Нявѣстка абиждайтца:

— „Зачимъ ты дольника жанила, чужую галаву завизала?“

Ахъ, Божа мой милысливый, што я приняла тольки горя—адинъ Господь знаить!

Такъ мы усе плакали.

— Пашитя зямельку! Нильзя ни пахаўши: бизъ сахи и бизъ бараны и царь хлѣба ни пойдатъ.

Пріѣхали дамой вичаромъ. Ипяць іонъ павужиналь, а хлѣбъ вопъ вынисъ:

— „Ты мнѣ ни нада!“

Назаўтрига сходка.

10) Сходка и асмотръ Матрѣшкиныга двара.

Пашла я на сходку, пакланилась міру.

— „Ну, што жъ, рибятушки, хлѣба мнѣ ни дають и зъ дитями?“

— Пракопъ, што ты ета дѣлаишь? Ти ашалѣу ты, ти што?

— „Ды ни дамъ: яны мнѣ ни нада“.

— Вамъ жа грѣхъ яе абидить: ина вамъ дворъ нажила. Бизъ яе у васъ ничога не была: семира варотъ и усѣ на гародъ, таперъ жа у васъ дивятерка коній, ня бывши прежда куска хлѣба. Ина васъ жить заставила, а вы яе гонитя.

— „Ну, дакъ дялитца!“

— Што жъ ты имъ даси?

— „Адинъ надѣлъ дамъ“.

— Нѣтъ, я съ аднымъ надѣлымъ дялитца ня буду,—луччи душой да тѣлымъ выду, а ета ня жила: адинъ надѣлъ ни кусокъ хлѣба.

— „Ну, Пракопъ, такъ ня будить, якъ ты думайшь. Если дялитца, вамъ абаймъ роўна по 2 надѣла — п усѣ пупаламъ“.

— Зачимъ я Матрешкиному сыну два надѣла дамъ? іонъ привыдиць, іонъ ни природный двару.

— „Хуть іонъ ни природный, дакъ на яго зимля далина у вашимъ доми на рязивіи, а другой надѣлъ старухинъ; ни магѣшь ты яго атабратъ, а кали ни хатишь ты умѣсти жить, тоже пупаламъ“.

— Нѣ, я вашимъ судомъ нидаволинъ.

— „Нѣ, нѣ, ня будить на тваимъ, а на нашимъ. Яеъ бѣ ни йна, распаўзлись бы вы яеъ мыши, стогъ зѣѣуши“.

Са сходки пришло къ намъ у дворъ усѣ вобчиства намичать, што мнѣ, што яму.

Идѣ? ни за што! Іонъ зѣ ими беда:

— „Ни дамъ вамъ дялить! ня бытъ таму!“

Пубыли, пубыли, міръ идеть сваей дарогый. я яго праважаю съ Пракопымъ Силукомъ.

— Ну, старухъ, хлѣба табѣ ни дають; идѣ нибутъ вазьми, да раздабуть!

Ипяць яго бранить:

— „Ты жъ хазяинъ, а мы тебе нїйдѣ съ сахой ни видали: сынъ яе, да нявѣстка яе“.

— Што яны мнѣ? Я забылъ и думать на етыхъ работникахъ.

Шли мы, шли, сѣли на бернушкахъ:

— Ну, што жъ, рибятушки, якъ мнѣ жить? Настырна такая житьтѣ-бытьтѣ!

— „Разживись на хлѣбъ, а будить сходъ валасной; тада патребуимъ у валасноя правленія.

Што зъ имъ дѣлать, ни сабразисья: настыринъ іонъ, якъ воўкъ“.

11) Дялѣжка. Пастройка хаты.

Иднака мѣръ настѣилъ на сваимъ; началась у насъ дялѣжка. Сала дѣлили усимъ вобщиствомъ:

— „Я васъ знать ни хачу!

Кричить намъ Пракопъ:

— „Ня вы мнѣ сала наживали, ня вы и дялить будитя!“

Самъ іонъ мнѣ хунтъ узяў и атвѣсіў, а самъ іонъ сасѣду у дежку сала спрятаў—такъ яно тамъ и пошло шутывыю кашію:

Ни ў гаршку, ни ў мяшку,

Ни у торбачки на крючку.

Лападей была четира: яму пара и мнѣ пара; мнѣ жирябѣначикъ другачѣкъ, якъ печь, и конь читвиртакъ.

Кароў яму двѣ сямейскихъ, а мнѣ идна сямейская, да идна нявѣсткаина.

Свинню мнѣ атдали нявѣсткіну, трехъ авецъ, да имбаръ адинъ, пуньку на гумнѣ, пуню ящо на хлѣў, сѣнницу.

А яму: хлѣў увесь, іўчарникъ, два имбары, два разнамѣты (два наугольники умѣсти), увесь дворъ старый.

Съ пасудины мнѣ ничога: ни бажницы, ни кадычки. — ничагусинька. А якъ стали гарѣть, такъ увесь посудъ пагарѣў, што іонъ узяў съ сабою.

— Пракопъ, што ты ей даѣшь изъ пастройки?

А я прашу Пракопа:

— „А ты мнѣ уступи хуть двѣ стѣнки бани!“

А іонъ ни мичить и ни телитца.

(Баня ета была у насъ за хатку, своихъ денегъ 9 рублѣў я на яе стратила).

Мѣръ говорить:

— Ина жъ съ тябе нялишнія просить: уступи ей двѣ стѣнки.

— „Ну, дакъ нихай сабѣ пирадъ ею.“

Тады я приплатила за итстальныя 2 стѣнки девить рублѣў и паставила баню на изобку. Гумно разбили на двѣ части.

Зямли по два надѣла, и навозъ пупаламъ. Иванъ сабѣ здѣлалъ триножичку ли корму: чатыри сошки (малинькіи шуньцы) поставили, на сошкахъ шлапины, на шлапинахъ патяжички, на патяжички чяпѣлачку (диржаву крыши), потомъ крючичи и наплѣтъ; тады здѣлали саломинную крышу. Иванъ привѣзъ мелкыга бярезнику, да и залѣлъ увакругъ, штобъ ни дуло успи три стѣныччи; на четвертую здѣлаў воротцы, куда бяруть кормъ. Печку въ избки пупрасили паставить пакойника Прошку. А крыть яе нечимъ: калі дожь у въ избі, тагъ и тянеть прима у въ избу — хуть ты ать яе откажись. Палавиначку избки пакрыли, идѣ печку залажили. Ни якой пристройки не была — стаить наша хатка идна, якъ булдырь: задметь, зама-теть, хуть три дни ня ѣшь и съ печи ня лѣзь. Тады падох-димъ усѣ утраёмъ пады дверь, атваряимъ яе, хуть нямножка атсунимъ; а то Иванъ босый изъ хаты вылизить, дверь ата-пайть: — послі живёмъ, пашли работать, што нужна. Дагдау-шись лѣта, нажали саломки, пакрыли избу усю, паставили проти избы имбаръ, пастроили хлѣў, пастроили яше имбаръ, пастроили павѣтку, завѣсили ворота. И дай Бохъ, штобъ послі пажару такъ жить, якъ стали жить послі раздѣлу, хуть горя многа приняла я, якъ камышь — горькая трава.

Валдастнэй сходъ. Уплата доуга.

Иднава жъ пришлось намъ съ Пракопомъ пубывать у ва-ластнымъ правленіи.

Пракопъ затрубіў:

— „Иванъ, Матрешкинъ сынъ, привадиць у етымъ дварѣ“.

Яму гаворють.

— „Была крипастная права, што гаспада хатѣли, то и дѣлали; а теперь іонъ усѣ раўно палавинникъ дому, якъ и ты“.

Нильзя яму пупятца: ни ў сваимъ вобщиствіи. Распрасили жиніе усѣ абъ нашимъ хазяйствіи, патомъ стали пупшкать Пра-копа, што іонъ ни даў намъ нашій палавинки пагноя и свой пагной ня вывизъ на ніўку.

— „Якей жа ты хазяинъ, што навозъ застаўся зимувать у хлѣви? Якую ты пользу пудучіў зъ яго? И самъ ты ня жи-тиль, и ей ни даешъ. Нада была падылить навозъ на хлѣви;

тады бы въ сваей части якъ бы хатѣ; а ина бы вывизла—
можа бы и тябе, на яе глядя, зависть узила. А ета ты здѣ-
лалъ атъ криваты: тябе, братъ, паддаты нада бѣ за ета и ха-
рашенька. А таперъ какой ета навозъ?—іонъ ужю мукою здѣ-
лаўся, только што добрая пагамбили. Правядлива сказана:—
„съ дурнымъ чилавѣкымъ у бани ни памнысьтя!“ Суятитесь вы
яще абъ доўгу. Хлѣбный доўгъ пуцаламъ, а денешнага, старухъ,
ты ни плати,—скажи дворницы, штобъ ей была извѣсна!“

Иднача деньги мнѣ пришлось заплатить. Стала мне пуш-
кать Маўра Тиханыўна.

— „Пракопъ мнѣ нибали ни заплотить, а ты умна, ты
дужа дѣйшла, атвиливайшъ“.

Я и уплатила, штобъ мнѣ глаза ни калоли, часть доўга—
8 рублей. Ета ужъ два года атдылѣмшисъ.

Пятнить мяне усѣ Пракопъ.

— „Звязу, да звязу Гарбатыку четверть иржи!“

— Такъ я дурна, штобъ сваѣ добрая атдала табѣ везь,
я сама звязу.

И пришлось мнѣ на поли съ Гарбатыкымъ видитца. У поли
іонъ гряхиху забираить.

— „Памаги Бохъ, Васильевичъ!“

— Благодарю, Хаминишнѣна — (такъ пратягаить грубымъ
баскомъ). Ну, яеъ жа ты паживайшъ, Хаминишнѣна? Нѣшта
ета дѣламъ ты пришла?

— „Съ извиненіемъ пришла винуватца вамъ: винуватый
праў ни бувайть.“

— Абъ чимъ жа абъ харошимъ?

— „Да вотъ што: я вамъ даўжна; больши ждали—меньши
ждать вамъ. Серца мяне мучить абъ маёмъ даўжку“.

— Слушай, Хаминишнѣна: мнѣ уси люди раўны; мнѣ нада
пиридъ Богомъ итвѣтитъ. Ты мнѣ ни даўжна ни калѣва—ета
я пу прашенію сказаў; а ты мнѣ ни даўжна.

Я яму пакланилась:

— „Спасиба вамъ, Васильевичъ: мае сердца мучиў вашъ
даўжокъ“.

А іонъ мнѣ атказайть:

— Я яму на деньги атдаў, а ни узаймы. Дакъ іонъ мне
прасиль, штобъ я съ тябе четверть жита узай и яму атдалъ;
а я ни хачу.

— „Ну, спасиба жъ табѣ, што ты развизаў маё серца: судьдими была присуждона, штобъ табѣ атдать“.

13) Слита съ Пракопымъ послѣ пажара.

Якъ задали Пракопу ходу у волости, іонъ носъ падъ сябе, сѣў и задумаўся.

Я иду абѣдъ давать талакѣ сваей и гаварю на яго:

— „Пракопъ, ходи гарѣлки стакань выпить!“—

— Вужи, кроў тваю такъ ци, яеъ ты пьешъ маё добрая.—

— „Памилуй, Бохъ, мяне чужоа пить и чужимъ пользаватца, а мяне итъ чужова атвяди, Бохъ, и атъ харошыва, и атъ дурнова; а што мнѣ Гаспоть даеъ и худоя, и хорошія,— за то бѣими рукамі“.—

Пагарѣли мы. Приѣхыў нѣкый панъ и ни вялить намъ строитца у прежнюю старану. Идѣ намъ нужна строитца, на новымъ мѣсти, Пракопъ засѣіў бураки—узыйшли яны щетачкою.

Иванъ ставить шульбя на буракахъ, а Пракопъ яго атпихаить.

— „Пастройтись тольки на буракахъ—тады паглядитя, што вамъ будить“.—

Приѣхыў валаснѣй, прамиряў нѣшта усю старану.

— „Тимафей Андреичъ, идѣжъ намъ строитца?“—

Іонъ вымиріў, якъ два двары, памѣстя такая и гаворить:

— Ета вамъ, а ета яму. Ахъ, ты сляпой Мѣрусь—и самъ ни живешъ, и людѣмъ ни даешъ!—

И таперь, паслухайтя вы, Пракопъ ни завѣтъ майго сына хазяинымъ, а дольникомъ, и хатить атабратъ надѣль. Ну, якъ ни скажутъ пра ета якому умному, то и гаворють, што нильзя атабратъ надѣла.

14) А сѣлиташній жисти Матрешки.

Притамились мае ножиньки, апускаютца мае ручиньки, патускнѣли мае глазыньки; балить мае усѣ тѣла,—якъ псеужъ падъ калѣнками кусаить: пара адубливать, пара дать спакой старымъ кастѣмъ.

Сайдусъ съ прежними падружьками и ужъ болій ни хвастаю.

— Глядишь ты весила и ходишь бодро, Хаминишійна, а сагнулась на нашиму у клюку.—

— „Ни мнѣ вамъ ни ста атвичать, и ни вамъ у мене спрашивать. Тярплю я горюшка папти што збрання да вечера.“—

— Праўда, праўда, Хаминишійна.—

Вспомнимъ старая, пуплачимся и усміхнемся, панюхаимъ троху табачки, позюкаимъ, прочъ разыйдимся.

Маладость—буйндеть, а падъ старость кайшеть. А благодарю Бога на Вышняга, усигда благодарю яго. Сыта, одѣта; ни я пазычаюсь у людей, а болій сасѣди съ добрымъ и дурнымъ ка мнѣ. Сына даўно жанила. Нявѣтка ня рѣдная, ня рѣдная дачка, ну, женщина ища париданнал. Дачку замужь выдала у своей дирявеньки: хуть за плута, такъ тута. Ина мнѣ рубашку памыить, ина мяне праатвѣдаить.

Пирушки и гулюшки и теперь я ище люблю.

На пасидѣлкахъ съ дѣўками пупридаю, дитенка пирибаблю и на кситинахъ гарцѣкъ капи разабью, на свадьби пупляну ня хужи за маладыхъ, на хаўтурахъ павью—павьють и ну Матрешки добрыя люди. Во якъ ты, мой паночикъ!

№ 5.

Лукьянъ Андреевъ изъ Бѣликова Бѣльскаго уезда.

— Старикъ лѣтъ 80, роста високаго, съ просторною грудью, съ замѣчательно свѣжей для своихъ лѣтъ памятью и бодрой силой. Говорить громко и протяжно, словно выкрикиваетъ:

— „Званы зай-гра-лій,
Папы за-пѣ-лій“.—

Работаетъ и теперь отлично, наравнѣ съ молодыми сильными парнями, но думами совсѣмъ ушолъ въ прошлое.

Самое пріятное воспоминаніе Лукьяна отмѣна крѣпостнаго права, открытіе вольницы; однако старое время, по его мнѣнію, было тоже хорошо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Веселѣе и беззаботнѣе жилось въ старину; не было вредной роскоши; люди были проще и чистосердечнѣй, да и ростомъ крупнѣй нынѣшнихъ во многихъ отношеніяхъ:— „теперь народъ муха. комаръ“...

Молодежь прерывала разсужденія и назойливыя сѣтованія Лукьяна:

„Дѣдъ, а, дѣдъ, ты бѣ намъ сказку бѣ велій салгаў, а то ужъ очень ты разбалтаўся... Пріятна намъ ета, дѣдичка, слышать, какъ васъ пароли... Да, вѣрна, ужъ таво вы стѣили, што вамъ такъ пунадала—ни задарамъ выть ета.“—

— Нѣ, нѣ, вы перва былъ паслухаитя, наўчитись чаму нибудь ладному, пѣтному, якъ жить, якъ бытъ...

Слушалъ ли кто дѣда или нѣтъ, а онъ нѣсколько разъ съ обычнымъ энтузіазмомъ возвращался къ любимой темѣ.

— „Вы всѣ-народъ обалдѣлый!“... говорил Лукьянъ:

— „Старшихъ ни пуважаитя! Нада паслать каво, маладова ни дашлесья. Кто зъ бародою, тѣму итти за вадоеу. Шагу ня ступить дарымъ. шагъ яму рубъ. Кали што здѣлаў—нидарымъ, ни на Божьиму.“

За бальшимъ барышомъ, мильи мае, ни ганитесь,—и малинкій барышокъ клади яго въ мяшокъ.

Бабамъ падай цапаги, хвартушокъ, а няхошъ, какъ да-преждо, лапатки, да бѣленькій сарахванокъ.

Муживи услѣдъ за бабамъ—дай яму цапогъ, 5 рубликы заплаги. И што жъ выходитъ? пагляди ты у ихній горшки—постныи щи, хуть галаву палащи;

На брюхи шоўкъ, а ў пузи шоўкъ;

Сапохъ скрипитъ, а у гаршкѣ тряса кипить.

Стала, стала сирабро, а ў симъ жнть ни добро.

Я стану памѣщикъ!... Ахъ ты, чухка, ты етакій, а ни памѣщикъ!.. Ищѣ даляко, братъ, тябѣ да памѣщикъ, дужа даляко; У памѣщика ума три, чатыри. А у тябе сколько умоў—ну, скажи! За то жъ и живутъ плоха, и мала живутъ: 30, 40 лѣтъ праживеть, а потѣмъ вазьмѣтъ и пакалѣить.

Малы, слабасильны... Што-о?! Праўда гнила, да Богу мила—ана падъ елкій и сасонкый начувала, а мы асинку да личку гладали, фли и мезічку, куль жа на плячо—и пашли. Прежда у наша ўремя, жили багатыри, тавыхъ таперича нѣтъ: возьмѣтъ страявоя бряўно—и падняль. Стали жить послѣ ихъ тѣжикѣ. Вотъ вы тѣжикѣ. Въ старину хадили бодрѣ и сматрѣли весела (Лукьянъ шею вытануль и посматрѣль на своихъ слушателей довольно величаво).

А таперь харашо ли вамъ ай худа, усё тужитя, ходитя, какъ вароны подстрялѣнныя, слоўна въ воду анущдныя (презрительная гримаса вдругъ появилась на лицѣ Лукьяна).

Посли жъ тужикыѣ будутъ жить пѣжикки. Мы па кулю насили, а тѣ у двайхъ иза ўсей мѣчи мѣрку, хлѣба будутъ падымать—охъ—и абарвутца.

За то вы граматныи, пишитя, читайтя — вамъ присылать бумаги ни управютца; учёныхъ дивать нейди,—а у стари куды луччи была, якъ граматни знали.

Писаў Минка,
Писаў и Яўтухъ;
Писалій бѣ болій,
Да агонь патухъ...

Старинный крестъ во якоѣ, а таперь крестъ только што мухъ атганять. (Старикъ помахалъ рукой около носа). Прежда за вирсту: — „Здрастуй, батюшка!“ — А таперь устричайтисъ съ кимъ, паклону ни тдаета! Дурнѣя, дурнѣя вы! Ни чилавѣку кланіитисъ, а яво ангилю; ни кланіўшисъ, ня Бога, а агиля узвисилантя. У хмяли сярдиты, Божжа мой, какъ сярдиты: чилавѣка на мѣсти палажить гатовы, а съ кабака пришоўши, жонныкъ у бальницы кладете. Кармань—ста биряги.

Ниблагадарны. Сказать такъ: на нонишнему вѣку чилавѣка бойся болій за таво звѣря; кабыльлю галаву велій рятуй, а ни чилавѣччу. Скажу а сваѣй жисти.

Пашоў я 12 лѣтъ у приганъ и работалъ во якъ. Змалатіўши, два вазы дроў насяку, а тавариши мое только возъ насякутъ. Стануть ихъ пароть, а мнѣ благодаренія: „вотъ старательный чировѣкъ!“

Пошлютъ мине къ пацѣ—я работаю и пацѣ, лны жъ увайдуть съ работы. Попъ мнѣ падаріў рубаху красную, и баринъ мине благодаріў. Зѣбли мы 8 кулей у барина хлѣба цу биднатѣ.

— „Вывизи мнѣ за зиму 50 сажонъ дроў!“ Пара лошадей у мине было. Я, бывало, атсяку и вывизу; мнѣ баринъ 50 цалковыхъ и хлопъ денихъ. Да вазму за десятину издержу 26 цалковыхъ, да пакаструю еты ўси дрови на сорахъ капѣикъ сажинъ. Бывала, на динь 2 сажня тройнику есяку и слажу у закладъ. Бывала, валасы на рубахи макры отъ пота. Десятину круглую за день испашу 50 и 50 саж. во ўсѣ углы. Жать

пайду — три сотни снапоў иржи; и тяперь ищѣ магу жать. Да заўтрика кашу дома, а съ заўтрика пайду три вазы нажну. Призываить баринь.

— „Штоба сжата была десятина!“

— Сажну, сажну іѣ.

И заўрима къ барину прихажу. Баринь благодарить мине и даѣтъ награціи 2 рубля денихъ узвыши цаны, што, ржи, ни упустиль іѣ ва ўремя у дожъ.

— Ти увязешъ пару сотъ за день?

— „Увязу, баринь.“

— Когда увязѣшь, на рубъ тибѣ награціи.

Пріѣхаль на дной лошади и увѣзъ, а тяперь у дваихъ ни ўвязуць.

(Одинъ изъ слушателей проговориль: „правда, правда!“)

— Дома кашу да заўтрика.

— „Што ты, Лукьянъ, забаўляисья—снопы ни ўвязѣшь.“

— Увязу!

Какъ начну увазить, какъ у карты играю.

— „Ти многа асталась вазоў вазить?“

Спрашиваить баринь вичаромъ.

— Вазоў 5.

— „Хто тибѣ пумагаить?“

— Гасподь пумагаить.

— „Ну, прихади ка мнѣ у домъ.“

Прихажу у домъ—далъ іонъ мнѣ 2 стаканы вотки и рубъ сирибра денихъ; благодарить.

Барыня жъ говорить:

— „Ни кидай ты етыва чоловѣка: такова больши у насъ у вотчини нѣтъ.“

№ 6. Купрей Наважній.

Купрей быў нибальшенькага росту, рыжинькій, —ня то, што рыжинькій, а такъ свѣтларусый. Етавыга добрыга у свѣти я ня видила и никада ня ўвижу. Нѣтъ, нѣту таперича такихъ людей: таперича усѣ съ хитринькю, усѣ ладють, якъ бы аби-дить, надуть друхъ дружку; — а штобъ часымъ ать свайго ат-ступитца, да падылитца зъ раднымъ сусѣдымъ... А, Божжа мой!

нѣ, нѣ, етыга и ў памини у насъ нима, и ни на томъ нынчи свѣтъ стаить...

Купрей — такъ тѣй да кажныга быў набажинѣ. Бохъ сказаў: „пупрасящиму нада даць.“ Якъ прйдить къ яму нищяя братыя, тады тольки откажить ей Купрей Пятровичъ, кали у яго самога ничога нѣтъ, — а сымить съ сябе паслѣднюю рубаху и атдасть. Гостей приближныхъ и дальнихъ дужа любіў. Якъ праздникъ, и никога у яго нѣтути, такъ іонъ и кланатить.

— „Татюль, Татюль! (старуху яго звали Татьянй). Нада жъ такъ: праздникъ, а адны мы съ табою ядимъ, — некыга накармить!“ А якъ у яго гостики, такъ іонъ упрашиваить ихъ:

— „Астаньтись вы ў мяне, пабудьтя ў мяне нядѣлку; што Бохъ даў, то и будимъ спаживать, на ўсихъ Господь родить, и усѣ, хто и ня сѣить, хатять ѣсть.“

Хлѣба Купрей никоды ни прадаваў, а скармлива ўяго на нищихъ и добрыхъ людей. Хуть су ўсякимъ добрымъ чилавѣкымъ пиль вотычку, — ну, пьянъ ни наливаўся и ракымъ ня поўзаў, якъ мы грѣшныи. Чаго вы смяѣтись? Ей Богу, праўда-жъ! Съ сусѣдами и су ўсѣми людьми: и съ старымъ, и зъ малымъ, и зъ роўнымъ быў дужа увѣтлїў, ласкыў, и усѣ яго шанували и цуважали, — усѣ звали дѣдушкыю:

— „Здароў дѣдушка!“

— Здароў, дитятка, здароу!

Ну, ў сѣлиташнія ўремя наши малыи на ніўцы и ни знаи, якъ работать, заливайся гарючими слизами: ниhto яму ни покажить, никѣму да тога дѣла нѣту, што іонъ гародить мохъ съ балотымъ, и ниhto таперъ ни разсудить такъ:

— „Іонъ блазинъ, — такъ ни пакажи яму пахать, ничога ня будить путнага, дельнага, тольки самъ іонъ сябе измучить и скатинку притомить.“ А Купрей Пятровичъ, тѣй кали замѣтитъ, што малыи ни сьумѣить сахи падладить, либа разладитца у яго што, то сичасъ на падмогу.

— Чаго ты, дитятка, плачिशъ?

— „Нялоўка: саха дрянъ, ни пашить.“

— Пастой, дѣтитка; я пумагу табѣ. Ну, такъ работай, такъ! Ну, што пашла писать, харапа саха?!.. То-та жъ!.. Ни съ кѣмъ іонъ ня мѣў суяты. Чужея свиньи, бывала, гуляють на яго ніўцы; а іонъ ни прагонить ихъ, да яще принясетъ имъ вадицы напнтца:

— „Што жъ вы паѣли, а ни напились?“

Жина Купреива сярдуить:

— „Што ты дѣлаишь? Бала насъ люди будуть сміяцца, што ты чужихъ свинней кормишь?“

— Пускай люди смяются, а намъ Бохъ дастъ. Абиды ня помніў. — И атродки Купреевы ни ругаецца. Платонишка Хра-мэй, тэй никоды ни зругайтца, а абидна яму што станить, заплачить.

Купрей учіў сваихъ дѣтыкъ:

— „Глупѣя, за днымъ тарчкомъ ни ганайся: Бохъ зъ имъ, Бохъ зъ имъ! Ни ‘тдавай у вь атвѣтъ, ня ўди и ня ўди ў драку!..“ Тарчокъ! А иншій якъ разахотуитца, такъ и пять, шесть тарчкоў дастъ. Разъ пьяный якъ напаў на Купрея, біў яго, біў,—потомъ и говорить Купрею:

— „Приняся мнѣ калчишку: пачану тябе калчишкью бить!..“

Принёсь. Барыня замѣтила—загразилась: тады тылу, прочки ить Купрея удалэй мядвѣнникъ. Злучалась, што крали злѣз люди у Купрея, и зналь Купрей, хто крадитъ,—тольки скажить:

— „Нихай сабѣ! Бохъ зъ имъ: кали яму меога нада, ни-хай бярьт!..“

Да службы Божьей быў дужа усердинь. Буды бъ ня ѣхаў, злучись ета вичаркомъ, пидъ святѣй день, застаѣнаўливаўся и атпригаў лышадей. На святѣй день нипримѣнна пайдеть у церкыў, будь стужа, будь зима,—и ни аднѣй службы ни прапу-стить.

Баринь ета знаў и захатѣў шутить шутычку: вялѣў пустить лышадей у Купрееву пышаницу и пыслаў яму сказать у церкыў. када іонъ стняў на службы Божьей, што „панскея лошади тваю пышаницу приўталочили.“

А што жъ Купрей атвѣтилъ:

— „Нихай ядуть на здароўя—и намъ застанитца!“ Панъ узналь ибъ етымъ и призвалъ яго къ сабѣ.

— Купрей Пятровичъ, я тябе тольки хотѣў спытать, а за пышаницу я табѣ заплачу.

— „За ета благодаримъ васъ, баринь!“

Што ни дѣлаў Купрей, то усѣ чинна, больши іонъ знаў насъ грѣшныхъ, якъ дѣлать налѣжить (мы тога ни знаимъ)—быў слова тѣй знахырѣ. Заборъ гародить ни такъ, якъ мы, а паложить у суколы забора маслѣ коньскіи и кароўи, штобъ ни

разъезжались. Дивіў іонь насъ ящо чимъ. Жирабѣнка яго воўкъ тѣшитъ, а іонь и ня думаить даганяць.

— „Што у ваўка на зубахъ, то святэй Ягорій даў!..“

На хляву никада ни зругаўся. Калі бь хто такъ уцускаў своё добра ни за шта, ни прѣ шта, да пумагаў бы людѣмъ усею душою, зжился бь да паслѣдній нитычки, а Купрею, видна, Бохъ пумагаў — ни иначе — я такъ сама сабѣ думаю.

Лашадей Купреивыхъ, бывала, арканамъ ня здержишь! А чимъ яны сыты? Падъ часъ іўнику наложить — и только; а цупадетца яму икая, работайть на ей три дни бяземѣнна. А ў каво таперъ изъ напига брата такея кони?

Жита яго заўжда, якъ трасникъ; пышаница ярушка — хуть ты ле на йглу нанижи; хлѣбъ атмѣнный, якъ стина, на ўсѣ поля.

Пчила сильная. Маса у ва весь годъ: свяжина, шырсытина, тилытина.

Люди ни запомнють, што хто такъ смашна піў, да фў, якъ Купрей.

Баринь нашъ любіў Купрея и хадіў зъ имъ у зимнію пульгу лавить вирабѣў съ хванаремъ и мятелкью.

№ 7.

Якъ Арина здѣлалась знахаркью.

Арина панисла работникамъ фсь; суетричайтца зъ ёю сивенькій, пресивенькій старичекъ.

— Здрастуй, дѣтычка! кудажь ты ета идешь?

— „Нясу на пакось работникамъ фсь“. —

— Пастаў ряжички: я табѣ траўку покажу. —

— „Дѣдичка, нада мнѣ несть“. —

— Да ты жь ни забависьтя: ну пайдёмъ!

И три дни іонь ле вадіў и усе іонь наказываў травы, каторыя атчаво и усе угавариваў:

— „Ня йди ты замыжь... но ты выйдишь — ня вытиришишь, — ни паслушаишь мене!..“

И усѣ іонь вадіў яе и наказываў травы и вывіў іонь яе на прежня мѣста.

Тожа и вышла (Ина яще жива).

Съ тыхъ поръ, якъ шыгаварила ина сы старичкомъ — дите-

нычикъ забалѣить, ина дитенычку пользу даетъ; ать глазу, ать ламоты, и если вокыла сердца ныть— ать усяго пользу: усѣ таўхи іонь ёй паказаў.

Стала ина сама сабѣ кусоць хлѣба зараблять. А якъ выйшла замужъ, усѣ знанія забыла и зъ мужимъ ина ни живётъ, и таперъ ина яще жива, только пашти што слѣпа: глаза яе стали низки, только зярочикъ нямнога видить придь сабою.

№ 8.

Янкъ празрѣла и здѣлалась знахарныю Стипаныўна, што ў Дамарачини.

А ета ти жива, ти нѣ, што у Дамарачини Стипаныўна? Во якъ ина сама мнѣ казала, лгѣ стала видить.

— „Ни видала я ничагеничка и ужъ замужимъ была. Вотъ на самыи на Христоў день хто ў церкыў, хто куды; — застапись только я и мужъ мой дома, и говорить на мяне мужъ:“

— „Хуть ба ты, слипая, вады принисла, а то сядишь діўбакомъ, да сядишь!..“

Я пушлакала, ведры на плечи и пашла пу ваду; иду и плачу. Сустрикантга са мной чилавѣкъ.

— „Здароў!“ —

— Здароў! —

— „Чаво ты плачишь?“ —

— Да якжа мнѣ ни плакыть? Ня вижу воды, идѣ тая вада. —

— „А хади: я тебе давяду.“ —

Привѣў мяне къ калодисю и даў мнѣ палычку убросить у калодись.

— Што ты думаишь, галубынька мыл? я и видить стала, и палычка ета плаваить паверьхъ вады у калодиси. Я бухъ тому старичку у ноги: рада—радешанька, што увидила свѣтъ Божій!

— „Чирнай вадицу!..“

Я пачарпнула.

— „Костычку ету вазьми къ сабѣ: и будишь ты знать многа, дужа многа знать, станишь атхаживать ать балѣсти скотъ и людей, станишь атгаваривать ать злога чилавѣка и

дурнога призору;— табѣ вѣдамна будить, якъ здѣлать, штобъ скотъ вѣўся, у каво ни вядетца,—якъ домъ строить нужна... тольки гляди, дѣтычка, штобъ костычу ету ить тябе ни аткралі!..“

А мужъ слушайть разговоръ нашъ и любуитца, на жонку глѣдючи (у тоя уремя Дамарачиха, яго жонка, дужа была у слави), да и гаворить:

— Вить жа дайшла!.. во слиная, такъ слиная! — А ина (Дамарачиха) такъ сабѣ скромненька сказаить:

— „Ета Бохъ Милыствивый мнѣ показаў!..“

№ 9.

Савѣты Дамарачихи.

I.

Каровы у насъ стали падать якъ забитыя на самый праздникъ. Нявѣстка мая схадила къ знахарки.

— „Ета вы такъ ни абиждайтись на Бога: Богъ такъ ня бьетъ, а ета ить лукаваго, ать урага — злэй усигда тиризь Бога. А Гаспотъ зъ имъ, Гаспотъ миласливый! Гаспотъ миласливый усё вамъ будить пасылать, и вы будитя жить, ну, усё будутъ вамъ паддержки ить злова, усё іонъ будить давать вамъ тычѣкъ...“

И сказала ина намъ:

— „Стаўтя хлѣў на паўдни!..“ Да вотъ яще чаго мы ня здѣлалі:

— „Падъ чатыри вирия упуститя живога серибра: ни якій урахъ вамъ ничога ня здѣлаить, и будитя жить харашо сы сваимъ мужимъ, будитя имѣть кусоекъ хлѣба... Я знаю: твой мужъ чилавѣкъ змирный, іонъ привыдиць, ня здэсь іонъ раждонъ и ать юнысти пиривядонъ у етый домъ..“

И праўду сказала Дамарачиха: дѣйствительна, іонъ привыдиць.

II.

Я сама была у яе. Етакая костычка у яе чудесная: вадицу ильеть тиризь яе и ў ваду глядить.

И сказала йна майму Паўлюку:

— „Ты ня вытрывайшъ; а кали паможить, ни паможить табѣ пылявэй часнокъ!..“ Водивилась я ей. Дварочикъ быў нибальшенькѣй, а то повинъ дворъ лынадей, и дваровыи люди, и усимъ ина атгадаить.

— „Знаю я,“ гаварила ина мнѣ: „и прато, идѣ што украдинья, и хто яго украў, только сказать ни магу—а то мне сажгутъ.“ —

Варсжить ина, а мужъ аблакатіўся, глядить и дивитца, и ухмылка у яго такая довольная.

Ина яму и гаворить:

— „Якъ слѣпа была, тады я табѣ ни нада была—помнишъ, якъ гаваріў ты: валакитя сляпую пу дурахъ!..“

— Э—до, Сטיפаньўна, мала што была! Атказаить ей мужъ.

— „А мнѣ, Антоныўна, ажъ абидна!..“ Гаворить мнѣ старуха.

А купцы то и дѣла падходють къ ей:

— Сטיפаньўна, Сטיפаньўна, што намъ здѣлать? —

Падашла къ ей дачка, да гаворить:

— „Мамачка, пасматри на ихъ (ета на мяне съ Паўлюкомъ маймъ): ета жъ здалёка къ намъ заѣхали!..“

— Да нада паглядѣть, што имъ нужна ѣхать дамой далёка.—

— „Что жъ выздоровѣлъ твой Павлюкъ?“ — спросилъ я у разсващицы.

— И годъ ни пабыў: хиріў, хиріў—и схиріў!—Дамарачиха вѣрна гаварила, што іонъ надарваўся.

№ 10.

Дахтаря праѣздымъ.

Бальна была баба гады три и съ настели ни ўставала; мужъ яе бывала кричить на яе:

— „Валакитя яе пу дурахъ! Сабавами бѣ яе, хворую, за-травить—на што ина?—А сабакамъ и то няўгодна яе зѣбсть: высохла на былинку.

Заѣхали у дворъ къ имъ нѣмцы, траў ликарствинныхъ

вязуть вазы большущіе. И зайшолъ разговоръ, даўноль хазяйка бальна.

— „Надабъ ёй помычи дать!..“

Стала прасить:

— „Сдѣлаитя Божецкую милысть!..“

Дали ей травы на три разы:

— „Три раза натапитя!..“

И сказали, икаво будить ить травы:—Перша спать будить, а тада скарѣжить яе, и дужа худа будить—ну, усѣтаки, три раза здержита!..“ Третій разъ якъ дали, звярнула морду у патылицу—мужъ ажъ дивитца:

— „Во уродъ, такъ уродъ! Ну, ужъ ета ни самимъ глядѣть, ни людѣмъ показать!..“ Захатѣлысь ей у баню, —пашла, и сыйшла у ёй шкура, якъ рубаха. Выздаравѣла жъ, и стала сама знахаркый и кастапраўкый.

№ 11.

Лисная дѣўна.

1) У паўдни збываитца клятва матери. Лѣшій уводитъ у матки дачку.

Была идна дачка у матки. Стала ина прасить ў паўдни ѣсть и надаѣла матки. (А ў паўдни matka ня брднѣся на свайго рабенка и ни кляни яго, а рабѣныкъ ни давади да брани: іосьть такая минута у паўдни—што matka ни прагавѣритъ, то ўсѣ збудитца).

А matka гаворить:

— „Иди ты къ чорту, убирайся! Чаво ты ка мнѣ приви- залась?!..“

Якъ стаяла дачка у въ избѣ, лѣшіў узяў яе за руку и павѣў съ избѣ.

Matka ня видитъ лѣшига, а дѣўка видитъ яго, хазяина,— іонъ яе—и павѣў, и павѣў! Сабрались ужу съ поля, палуд- нувать пупришли; matka гукантъ дачку палуднѣвать.

— Идѣ жъ ана дѣлася? Ина жъ тутъ была,—са избѣ пашла нидаўна. Пагукантъ ея: ина нейди тутъ на кѣлицы.—

Тутъ яны на колицу гукать яе: и туды, и сюды—дѣўки нѣту нїйдѣ.

Тронула матку у сердца. Усѣ стали палуднувать, а матка еядить и плачить. Дѣўки тѣй нѣту и нѣту: яны туды пѣйдуть прапытывать—нѣту; яны сюды—нѣту;—куды ни пѣйдуть нїйдѣ нѣтути. Стали у вѣди искать, стали ужу панахвиды служить и поминѣ спраўлять—якъ нима, дакъ нима...

Ужѣ и годъ прайшоль нѣтути и другей прайшоль нѣтути. Якъ пуминають, якъ службу спраўляють—матки буцакъ на сердца лехчи.

2) Житьѣ-вытьѣ дѣўки у лѣшига. Лисавѣй учить дѣўку знахарству и усяму пырядку.

Семь лѣтъ дѣўки не была: вадїу яе лѣшїй по лису. Чимъ ина тольки питалася, чимъ тольки яе душухна жива была?!

Дастъ ей лѣшїй губяшичку. Губиначка, словна якъ прасви-рарка, смашная такая—сказывала послї: «якъ зѣмѣ, ипать да заўтри ѣсть нїхачу и падумать нї хочитца». Спать урема прїдїть. Прїдуть яны къ купинки—ей и мякка, и тепло. (А ина усѣ у аднѣй рубатенчыки, усѣ у аднѣй рубашички).

Прайдуть на виселья. Будить тамъ тиха, хмурна чаво та, — уси призадумаютца, призатуманютца, словна темный воблакъ на ўсїхъ понадвинить,— уси маўчать:—Сичасъ, якъ прїдуть, аткель што вѣзъмїтца: вяселья, игры, шутки—растабары, хохытъ; пра-каўзнуть мїма стола—и пѣсни, и шумъ, и гоманъ, малады и цалуватца.

„Ну, ужѣ и ў хати“, сказывала: „мой путивадитиль пырядку глядїть: калї што ни ў парядки дужа морду свою крївить—ни пу нутру яму.—Кадажъ хлѣбъ изъ сѣинїй, ладныи муки—прїстѣять, пажалуй, атеушаить;—а ужѣ изъ ясеѣинїй—надумай: ни зѣшта ни вѣзъмїть (нужна муку непремѣнна прасивать).

Хто жѣ абѣдаўши хлѣбъ на лаўцы кладеть назадъ—сау-симъ нїхарашо—да таво хлѣба ни прїтронїтца. Ящѣ жѣ, братцы, хто воду праѣдїть, удяжу лїўшеи—и хлѣбъ дужа спорїнъ, и ѣсь яго прїятна. Ящѣ жѣ, братцы, у закрамыхъ нада наерывать муку пакрышыю.

Входимъ мы разъ въ їзбу.

Адны спяць нямалёмнісь, а тыя нумалёмнісь лягли. То вихарашо, а ета харашо. Ложомнісь, нада кетитца и Богу малитца. Кады дитенкы ляжить пиряхшоный ета лаўка, кады ни пиряхшоный — ета нѣтъ. Узыйпомни у хату, сичасъ якъ свары нѣтъ, — пастаить, пабудить, наглядить и навернитца няйдрухъ; а если свара, то ни дай Бохъ — таронить: „здѣсь ня будишь, ня будишь — тутъ и Бохъ ни бываить“.

Ну, ня больши, якъ у двухъ дварахъ, пабудимъ тутъ сыйчасъ и лѣсь; у лѣсь іонъ и пойдить са мною.

Якъ пристоля у сялѣ, якъ ярманка — мы ужу и тутъ, — будимъ хадить на рынку. Ибѣдня идеть, народъ молитца. Пайдѣть іонъ кала лавыкъ и тавару ня будить братъ бумажныга, а тольки што глядить на яго.

Адинъ платокъ махинь, другой швыргинь — словакъ гулитъ.

Пайдѣть — прайдѣть кала лавыкъ, кала ўсихъ: послышитца крикъ: вотку пьютъ и льютъ, якъ разліўноя моря; таргоўда удашная, купцы дярутца ажно ать азарту, народъ на пирябой расхватаить таваръ, а Бохъ цѣны строить.

Возьमितъ и мнѣ дастъ цупряникъ, баранька и арѣхи со два и со три: ну, тутъ зѣмъ, а ў запасъ ничога ни бяри..

Будить, словакъ назнарошня, вадить на ярманки, вокала матки, вокала усей маея раднѣ. Якъ гляну я слезы покатымъ изъ глазъ, ноги подкашнютца, жалка мнѣ, — стараюсь тирнутца, задѣтъ ихъ хуть лабаткѣмъ. Ета назваляить: — ну ни батьки, ни матки я ня видна.

— „Табѣ радни ни нада, давольна — пайдѣмъ!“ Увидеть мне ать ихъ! Ти чутно то ихъ серцу, што я такъ близинька была вокала ихъ...

Стаимъ мы разъ пиридъ валномъ. Агонь гарфѹ, а то загасъ. Сядить мать надъ бальнымъ дитѣнычкымъ, а дитѣнычикъ кричить — и день, и ночь усе кричить.

— „О, Господи миласливый, наняси челоўчика хуть ба таўхануў нямножка, да дурь збіў!..“

А іонъ усѣ стаить и слушаить.

Пайдѣмъ, дѣўка, — калыхнемъ дитенка! Дитѣнычикъ успокоўся и затихъ. якъ іонъ увайшоў у хату; три разочки калыхнуў — дасть спать матки.

— Благодарю Господа на Вышнига! — Слава Богу: мой дитѣнычикъ спить, — Ну, и спить три дни. Приходить іонъ.

три дни пагадёмши—дитёнычкѣ ипать закрывавать.

— „Господи Миласливый, хуть бы ищѣ чилавѣка етыва Бохъ принесъ—я бѣ малебинъ благодарный отслужила бѣ!..“

— Зайдимъ жа, дѣўка, ипать — калышнѣмъ яго, пакулъ жисть прикончить іонъ: іонъ нямнога паживеть.

Ина Богу молитца—памолитца и за наша здароўя. Дитёныкѣ стишитца, а намъ будить ать матки благодарнысть!.. Аба ўсихъ іонъ падумаить, добрый, ти падумаить жа аба мнѣ, ти привядеть кали къ маей матки съ батькыю?!..

3) Возвращеніе къ родителямъ.

Якъ сѣмый годъ вышіў, пришли мы къ кабаку, што выстаўнѣя бывають лавычки.

Пьетъ matka зъ батькый гарѣлку. Батька выпить стаканъ и матки даеть, matka што-та ня пьетъ.

— Пей ты самъ!

Батька наліў другой стаканъ, ипать даеть матки, а я усѣ пагаўхиваю матку: а matka якъ крикнула:

— Гарѣлка икая пратиўная!

Да шлѣпъ тиризъ плячо прями мнѣ въ очи. Тады лѣший:

— Во кадѣ тебе matka вѣзьмить.—Атпихнулъ мне ать себе. Видна я стала людѣмъ и кинулась на груди матери...

— Дачушка мая радимая!..

Схватала яе за шыю—ни разымишь! Якъ убарѣзи трипятничка тряпешитца—такая стала ина изъ сябе блѣдная...

— Ажно жѣ сы мохымъ абрасла и шматки ать адѣжи прирасли къ твайму тѣличку!.. Наахадилась, дѣтычка?

— А наахадилась, а наахадилась, мамычка!..

Сталъ народъ приходить дивитца ляснѣй дѣўки; стала варажить и сказывала усимъ усю щірую праўду.

Тимохъ нашъ Михалъ быў у ей. Сказывалъ: дѣўка изъ сябе звязная, ну, сурьѣзла, дужа сурьѣзна.

№ 12.

Знахари приваражіють.

У Чарненка была жонка, ищѣ ничего—баба слаўная, а спалюбоўница куда хужѣй: и ета, сабѣ, танкуватая, а тая ящѣ танѣй.

Сама спалюбоўница мнѣ признавалася:

— Съ тыхъ поръ яе іонъ мне приваражѣю и ня вижу яго дни со три, со два—тошна мнѣ, ажно мўтарна—дѣтца нѣйди! А калі увижу яго—ничога.

Выду я на крыльцо, плачу—хуть ты птушкыю ляти кь яму! Матеа бѣеъ мне, брднить: така, сякая!

Саскрябѣть мяшулку—и мяшулкую.

Маўчу и плачу,—рада-бѣ скінутца сѣрыю пирипалкыю или сызю какушкыю, да лятѣть кь яму пу вудухахъ.

Выбрала минутку—я за сѣнцы; стричаютьца са мною два ваўки—и пувядуть мне да стрѣчи или кь яму у дярѣню.

Іонъ самъ мнѣ казаў:

— Хуть ты ни пайдѣшь па сваей воли, унѣшься, а пойдѣшь, прйдѣшь: мае сабачки тибѣ мнѣ руками даставють!

Сичасъ яны мне вядуть подъ руку, иду я съ ними, сястрица, иду—и горюшка мала.

Якь прихажу у дярѣню—слова якь назнарошня упихнуть мне—ти яны, ти другой нѣхта таўханѣть мне кь яму на парохъ.

Ну, назадъ ать яго ать чаго-та храбрюсь, сама ни знаю ать чаго, иду прѣма, ни баюсь ни маткѣ, ни рода—племини, дѣйжа горюшка мала,—иду слова законъ, слова жонка.

Ти чула ты ета?! Прихажу двору—и матка ня кривитца, ни бранитца.

Ну, и я ужу сублюдаю сибѣ ни якь набуть, усѣ гажу ей,—да таво ужъ выбиваюсь, пильную.

Тады матка гаворить на явѣстку:

— „Ни кривися и ты на яе (ета на мне): пуста яе бутъ—ина усѣ дѣлаить: и мяшки аграменные носить и на малатѣбу ходить.

Умѣрла Чарненкыва жонка—спортеў яе: высыхла, высыхла, на былиначку, ляжить у гроби якь дѣвчычка, галоўка слова махтўрычка. Жаниўся іонъ потѣмъ съ храмѣю.

№ 13.

Чарненыкъ кь драки призводит на свадьби.

Была свадьба у Крутялѣвыхъ: нашъ Васька племянника жаніў. Висялились, висялились; во Чарненыкъ и гаворить:

— „Ти хочитя вы: зъ етыхъ шалыгъ ажко пухъ насыплитца, и сичасъ яны палитять?“

— А ни мяли ты пустова.

— „А во глядитя, глядитя; глядитя жъ, бабы!“ Падышли сичасъ адинь къ водному, бѣхъ, бѣхъ повуху.

— „Паѣхали, паѣхали... Глядитя, глядитя! И стала прас-тора у изби. Вотъ тыперь еѣву нибюга; во харашо, дакъ харашо!..“ А жонка гѣворить:

— Жимычка, витъ ета на нашимъ Гараськи паѣхали!.. Чортъ сунть усѣ ни чужими, а нашими.

— Цѣль, цѣль, дудить... Нярушь, нярушь пагуляють... Ня босьтись!..

Вышилъ тады:

— Ахъ, такъ васъ, етакъ! Што вы ета забясились... Што-жъ вы ета уздумали сами сабѣ?!.

Гаворить ета іонъ, стончи ли ихъ—и захыхаталъ.

— „Ту, ту, ту, пѣу, пѣу, пѣу! (Заплювалъ на ихъ).

Чаго ета васъ забрала? Ни дуритя, а хадитя, дураки, у въ избу. Што вы ета раздикались: ти шалъ якой на васъ напалъ, ти што!“

Идетъ у избу, и яны гужикымъ за имъ:—„изнову я вяду свадьбу къ вамъ“.

Стаѣ тады Чарнѣныкъ играть на скрипки; стали изнову пить гарѣлку, и пашла вяселья.

Чарнѣныкъ весилъ и шутить.

Пришоль Чарнѣныкъ у гости и дядька, уси радня. Якъ яны налили стаканъ гарѣлки, стаить етый стаканъ; зазюкались.

Што ты думайшь? Аглянулись: стаканъ троху припаднѣся, гарѣлка къ паталоку, и дно вывалилась у стакана.

Дядька зъ-за стала побѣхъ:

— Я, братъ, баюсь; братъ Дмитрыѣ, ей Богу баюсь.

— „Ня бось, ня бось, садись за столъ“.

Гаворить казяинъ:

— Мамъ, а мамъ, благаслави гарѣлку пить.

— А Бохъ тябе благаславить. Ня бось, мой сынокъ: у тябе многа помирла радитиліѣ—пригукни ихъ!

Сталъ пригукивать:

— Батюшка мой Дмитрокъ Оедоровичъ, благаслави, Мирёнъ Дмитривичъ, брахяинька мой, благаслави!..

— Паднаси таперь, мой сынокъ, паднаси: нярушь съ Богымъ пьютъ...⁴

Стали пить, стали гулять, пауспакоились, а Чарненыкъ бизпакоитца ня думаў: сидить у углушкѹ и смяётца.

№ 14.

Состязаніе знахарей на свадьбѣ.

Была свадьба у Мачулахъ, и были на тѣй свадьби скымарохи, а двоя изъ ихъ троху шѹпили—ну, урахъ на урага и найшоль,—то я вы сабѣ замѣтѣя, што воба съ крючками.

Адни на свадьбу прошины, другея иѣтъ.

Дзынь! У прошиныхъ скымарохыѹ струны парвались адъ разу.

— Пагади, пастой: идѣ Марачи, тажъ ж.. ни тачи! Марачъ траху падыдѣѹ, падыдѣѹ: во тѣй знахарь якъ начаѹ зъ лаўки и да парогу и абъ парохъ и абъ другей парогъ и за варотами битца—бѣётца, а устать ни магить.

— Стаѹ тады знахырь прасить пращѣннѣя у Марача.

—Ты жъ мала смылишь, ты бѣ ня трогаѹ луччи: Идѣ Марачи, тамъ ж... ни тачи—и дитѣмъ сваймъ закажи. Мы забыли, братъ, што ты знаишь. Ты магишь спортить и ни атдѣлаишь; а я спорчу и атдѣлаю; разлажу и налажу; мы сами зъ вусами, а у тябе только носъ паабрось!..

Стали пить гарѣлку.

№ 15.

Добрыи знахари Божымъ иминимъ пумагають людѣмъ, а злыи знахари тиризь аггала чарадѣйствуютъ.

Скорчила у Рудни у Лапоткина Ганну, високою яе звали—усѣ ета въ поддѣлу. Стали малебны служить,—кудѣ, кудѣ ни кидались—прикарѣжила: готъ пабыла и умѣрла.

Тады дойжа и знахари пуприкали и бранили тога злога видѣмака, што поддѣль здѣлаѹ.

Памилуй, Госпыдь, и пакрый ать злыхъ слоў; сакрути, Госпыди, зло ли добра!

№ 16.

Знахыри заломы дѣлають.

Систра мья ни видамши да сжала заломъ. Стала ей мутарна, и мужъ яе на лугахъ кричить:

— Ай, жиў ня буду, ай, жиў ня буду!

Стаў битца, якъ зимля почарнѣль. Привяли знахаря: іонъ былъ нидалеча.

— Ну, таланьтвая, братъ, што ты скоро щипянуўся—а было бь табѣ, братъ, акаливать скоро: дужа лоўка здѣланъ заломъ на тябе и на твою жонку.

Талань, талань, што захачили и тябѣ, бабѣ, былъ ба рядь; ящо талань што плоха здѣланъ заломъ—бытца кь на скоть.

№ 17.

Знахырь унистыжантъ поддѣль.

Балѣла у мене рука и нага нахристь: правая нага, лѣвая рука,—балѣла у мене такъ, ажно стерпу не была: кричала, рубаху на сабѣ драла.

Привяли ка мнѣ Лаўриненка мне атхаживать.

— Охъ, падшутіў надъ табой нѣхта Маркыўна, слаўна падшутіў!

Паставіў жбанъ вады прида мнсю.

— Гляди у етый жбанъ и кали у етый жбанъ, у личиння, што тамъ увидишь: ета тэй, што табѣ поддѣлаў; а то рѣжь руку. Ти баецьга ты грѣху?

— Нѣ, Васильевичъ, баюсь грѣху, ни хачу брать грѣху на сваю душу.

— Гляди: сюда придить тая баба;—ни давай жа ей ничего.

Приходить сусѣдка, приносит мнѣ рыбки солиный:

— Натка табѣ: у тябе двоя дѣтыкь;—ты подкрѣпился, тябѣ будить хараше.

— Дай-ка ты мнѣ луччи етый рыбки.

Сичасъ іонъ яе узялъ и падъ печъ бросиль.

Ина атмоучила, ни слова ни твѣтила: видно яще хатѣла поддабрить; узяла сичасъ и пашла за двери. Якъ выпила я Лаўриненькывый вады, стала у мене ирвота—думала, што жива ня буду, пдѣтѣмъ палѣвшила, а стала я пумаленьку аздараўливать

№ 18.

Змѣи повинуются знахарю. Знахарь наказываетъ змѣю.

Бхаль мужикъ на дароги, атпрѣхъ лошадь вокала Бернѣскай гѣти.

Укусила лошадь яго змѣя, и плачить мужикъ, што лошадь дѣмѣть.

Бдитъ кучирь на лошадахъ, адинъ, паражнѣмъ.

Іонъ спрашить:

— Што ты, мужичекъ, плачишь?

— Какъ, батюшка, ни плакать? Атпрѣхъ лошадь цакармить, а гѣдина яе укусила: уся лошадь распухла.

— Іось у тебе тапоръ? Бяри, атруби асиनावую палку.

Іонъ побѣхъ, атрубиль асиनावую палку; узялъ кучирь палку, зайстрѣль, убиль у землю, узяў зверьху канецъ разщациў и кляпѣнь палажѣў, штобъ канецъ ня слизкываўся:

— Ня бойся ничова! Хади—ни рабѣй...

Свиснуў—крикнуў кучирь:

— Сабирайтись уси гады ко мнѣ!

Змѣи паўзи, якея вутрымъ собирались!..

— Ня бось, ня бось!

Яны поўзали када ихъ.

— Хуть и станишь, ня бось, ни рабѣй—ня ўкусить! Ну, ну, ну? ня ўси ящѣ...

А тая паўзетъ и схувайтца.

— Ну, винуватая, падхади ближе!

Падпаўзывать.

— Ну, винуватая, лѣзь у кляцотки, што разняў!

Улѣзла въ розники,—кляпѣнь и выніў.

— Падарожнига ни кусай, а такова!

— Ну, па свайхъ мѣстахъ!

Тада каторыя куда...

— Бяри лошадь, паизжай зъ Богымъ!..

Атчаво ета лисавыи завялись, вадяныи, палявыи, дамавыи? Эта ать дятей Адамовыхъ, что онъ посовѣстился Богу показать за тымъ, што яго жонка цѣлую араву нарадила.

У Адама нарадилась многа дятей. Вотъ разъ и гаварить Гаспотъ Адаму:

— Пакажи ка мнѣ сваихъ дятей!

Ева пасавѣтывала:

— Ни вяди ихъ усихъ къ Богу, а застаў у ситники, у камыши: совистна паказывать такую араву.

Вотъ іўляйтца Адамъ къ Богу ну, ни са ўсѣми своими дятми; а ужъ Гаспотъ знаить, што яны ня ўси и знаить, идѣ атстатнія дѣти.

Какъ шоль Адамъ ать Бога, думайть:

— Дай: зайду, вазьму сваихъ дятей у камышй!

А ихъ ужу тамъ и званія нѣтъ,—паложимъ сабѣ яны ни пранали, а здѣлались сильй темный: хазяевами па дамамъ, лисавыми па лисамъ, палявыми па палямъ, вадяныи па вадамъ — идѣ которому Бохъ жить призвель.

Атчаво ета лисавыи завялись, водяныи, полявыи, дамавыи? Эта ать дятей Адамавыхъ, што іонъ пасовѣстился Богу паказать за тымъ, што яго жонка цѣлую араву нарадила.

Бохъ вялѣў Адаму паказать сваихъ дятей. Адамъ пасовѣстился усихъ вести къ Богу, што ихъ дужа многа—цѣлая арава. Абярнуўшись назадъ, іонъ ни знайшоў ихъ знова—стали яны сильй темный: лисавыми па лисамъ, водяныи па вадамъ, дамавыи, па дамамъ, лугавыми па лугамъ.

Аткуль лисавэя?

У зачатїи свѣту, якъ ища Сусъ Христось на муку ня шоў, ходють нихряцонныя за Госпыдымъ Богымъ, ни дають яму спакою. Гаспотъ гаворить:

— Аткаситись вы ать мине, акаянныи, будьтя прокляты ать мине ать нынѣ да вѣку.

Яны застались: каторый у вадѣ, каторый у лѣси, каторый у поли, каторый у дварѣ, каторый у гумнѣ. Даўжно бытъ, у нихъ іосьть и дѣти.

№ 21.

Лисавэй.

Хадили у лѣсь мущины; дядька мой съ сваякымъ, родныя, сѣбли смалу при маладику, ноччу.

— Братъ, ти баисьтя ты?

— А ни мяли ты! чаго баятца?—А ты ти баисьтя...

— Ды, нѣ, ни баюсь.

Такъ сабѣ пагаварили, сякутъ ета яны—у вадну минуту надъ ими якъ свиснить—и уши ажнѣ заклала.

Спужались абая, стали уतिकать. Якъ свиснулъ знова,—мы бягимъ, а лѣсь надъ нами слова валитца.

Бягимъ мы, а іонъ снова нагибайть и надъ нами пугью.

Зъ лѣсу выбигли, а іонъ усѣ надъ нами хлещить; видить—никогда ня видили.

Кинули усѣ,—ледва сами ушли.

Такъ лисавэй ганяить пугью и птушикъ, и звярѣў: ваўкоў, мидвадѣў, зайчыкыў, лисичикъ; надъ усими іонъ хазяинъ, уси яму падвластны.

№ 22.

Лисавиха.

Хадила жэнщина у лѣсь, у ягады и слухаить, што дѣтычки маханькїи плачуть.

— Госпыди Милысливый, што тутъ такая?

Сичасъ глянула, падходить къ бярѣзи—бярѣза бальшая, у бярѣзи тѣй сядить двоя дѣтычкы.

Ина удыва—наметку далоў съ галовы и завяртѣла, пупаламъ раздраўши, абиохъ; сама двору пашла.

Ни паспѣла ина двору придить, идеть лисавиха услѣдъ за ею:

— Ахъ ты, мая бабычка, пратапи ты мнѣ баню.

— Ахъ, галубачка мая, я и рада бѣ пратапила, да ўда-

винья маё дѣла, мнѣ и свайё нечимъ тапить—я усё нараўлюсь: кали такей дянёкъ вытыплю, кали ни такэй, ни таплю.

— А нѣ, бабычка, мнѣ твае дровы ни нада: ты иди, щепычкё у фартукъ назбирай—во и зё насъ; аганьку вазьми, затапи—зё насъ духу и дѣть нейди будить.

Щепки пагарѣли, а ина сядить, дажданть. Вѣничкё намачила, вадицы паставила — духу и дивать нейди: цѣлая баня. Вымались. Памыла яе, пупарила:

— Спасибо тябѣ, мая бабычка: я ужъ тебе за усё атблагадарю и за свайхъ дѣтыкё, што яны голинькин ни сядять. На жъ табѣ за труды палатенца. Гляди жъ ты, бабычка: на што надаби, на усё рѣжъ, будить съ тебе и зё дятей твайхъ на вижъ. Хто напросить на нужду, можно дать—тольки ни раскатывай, рѣжъ да и рѣжъ.

Ня утѣршила, раскатила—хочитца ей паглядѣть, што та-коя: Трубачка ни вяликая, а усё Бохъ споръ даеъ.

Якъ раскатила, усё и кончилась.

№ 23.

Лисавиха даеъ баби трубку палатна.

Нашла баба на голинькихъ лисавыхъ и накинула на ихъ хвартукъ; за ета лисавая (матка ихъ) гаворить:

— Дарю я тябѣ трубку палатна—никогда ни раскатывай яе—и во вѣкъ яе ни раскотишь.

№ 24.

Пятрокъ прикрываить у лясу рабенка и получаить за ета знанья атъ слишный ляснэй дѣуки.

Касіу Пятрокъ сѣна на аборку; стала яго къ пазднотѣ атамливать сномъ. Видить іонъ ужу ти ва снѣ, ти на яву: ляжить рабенычкё голинькій, голинькій—и весь у твитахъ.

Дужа жалка яму стала тога рабенка, прикрыву іонъ яго сваею курткью. Посли таво, быццакъ ва снѣ, ти на яву, яўляитца къ яму слишная, прислишная дѣвица, волысы распустѣмши—и гаворить:

— Што дать табѣ, Пятрокъ, за ета, што ты прикрыў майго рабенка: ти багатыя ты хочишь, ти власти, ти знанья?

— Ни хачу я власти, ни багатыя тога;— а ти ня можна мнѣ пулучить знанья?

Спадабалась ета слишний дѣвицы.

— Ну, харашо, Пятрокъ! Ли тябе я ета здѣлаю: ты будишь шупить, многа шупишь—и многа дашь спальзэння и людёмъ, и скату.

Съ тыхъ поръ нашъ Пятрокъ и стаў знахаримъ, и слишная дѣвица яго ни забывала, а часта атвѣдывала, и іонъ ралися зъ ею и многа тудкуваў—абъ чимъ—ета ужъ ихъ дѣла, а намъ найзвѣсна. Мнѣ сама яго жонка баила:

— Ляжу съ Питракомъ, а къ Питраку надходить слишная дѣвица, волысы распустемши, уся ў бѣлымъ—и я ляжу ни жива, ни мёртва, притудёмшись.

— Што ты, кумынька мыя?!..

То страшна мнѣ, а то ни хачу пумишати ихъ бясѣди, якъ ины свае таўхи наводють, што къ чаму налѣжить. Охъ, хитра, дужа хитра!..

Такъ и скромнинька пайдетъ ина атъ яго, якъ пришла. Такъ ета вялось у ихъ.

Разъ Пятрокъ пассажирку на чугунки астануваў. Ти чули вы ета?

Пьяный яшавубитца:

— Застанаўлю и застапаўлю!

И, дѣявительна, пассажирка цупъ и стала. Потѣмъ іонъ изъ горыда, куда яго связли, пиряѣзда со два мясіў па грязи.

№ 25.

Дамаха ткеть.

Баня ли двара стаить, теплая баня. Пажилая маладуха пайдетъ у баню и начуптъ. Муцины слова пригаварили:

— Чаго ты пресься у баню—слова ни баисьтя?!

Ина дѣтей паукладеть, узила и пайшла. Пашла у баню и ляжить на полку: тамъ тепло и харашо, спить крѣпка таково, харашо. Заснула ти многа, ти спала,—агонь гарить, лучинка тарчить у градки: Пришла хазяйка (а ина прашнулась и гля-

дить: аткуль ета свѣтъ узяўся, и аткуль ета хто пришоў). Хозяйка забивайтца кросны ткеть, тольки цѣўка звизжить у чіўнаку, якъ ина пракидываить—такъ и гримить, якъ ина прибываить дужа бѣрдами. Ина и думайть:

— Хуть кали яе прашла бѣ—баюсь.

А Дамаха хуть и видить, што ина ня спить—бытца на іе ни глядить. Баба потиху атторнула вяршокъ и глядить, ти гарить агонь на дярѣни. Дамаха задомъ сядить и усе видить.

— Куды бѣ мнѣ утечь?

Паўночь, самая глушь, усе спять, агни патухли. А Дамаха усѣ знаить, што баба и думайть. Минуўся у баби сонъ: ни заснетъ ина.

Дамаха удрухъ загаварила:

— Маладухъ, маладухъ, што ты ета усѣ у вяршокъ глядишь?

— Ахъ, Божа мой, чаго я гляжу у вакно? Дуброва шумить, и дѣти вричать нечѣи.

— Ти ни мае ета дѣти?!

Згарнула кросны наханыкъ и папѣрла, патуль и была; а за ею и баба ни вопрымить до двору.

— Зарякусь и вырикюсь у баню хадить.

А мужины ей гаворють:

— Мы казалы, што ты смѣла, и марозъ тябе дойжа ни бярьеть!

№ 26.

Дамаха и Паляха.

Пашли бабы тиять искать. Хадили, хадили—кусты растяребы. Доугавечира ужъ, а маладикъ свѣтитъ.

— Ни найдишь тиять—пайдѣмъ ужу двору!

Выходитъ жѣнщина съ кустоў праставалосая, бѣдильная, гукаить ихъ:

— Маладухи, маладушички, варнитесь: вонъ ваши тиятычки—идитя па стежички, у права.

Яны глянули—спужались.

— Ня босьтя, маладушички, ня босьтя! вонъ тиятѣи—ганитя ихъ двору—и скажитя у дворѣ, маладушички, скажитя, маладушички, Дамахи, што умѣрла Паляха.

Пригнали двору телятъ, и горюшка мала; събли вчечерить. Стали мушины спрашивать:

Маладухи, идѣ вы телятъ нашли?

— А, Божа мой, хадили, хадили — хатѣли ужу такъ двору идить. Бохъ яе вѣдаить, выходитъ жѣнщина съ вустоу бѣдильная такая, стогнить, стогнить:

— Ахъ, мае маладушнички, скажитя Дамахи, што умерла Паляха.

Якъ прагаворили ета, што-ты якъ у ладошки хлопнула — сейчасъ што-та загаласила и завыла — голысь такой пріятный, слова тая какушичка, дварьми хлопнула, зашагала на гароду у поля.

Пирипужались дѣўки, а мушины старшіи:

— Ня бойтись, ня бойтись — Бохъ зъ ею, нихай сабѣ идеть.

№ 27.

Лисавиха выить.

Якъ маладая я была, пашла у малину у Асмолкава. Бяру, идуть Давькаўскея дѣўки у малину; я дай ихъ спужать: кала пня хряпъ, хряпъ: мумъ, мумъ!

Бойжа мой, мядъвѣдъ — маршъ на уходъ мае дѣўки; а я радая такая, што спужала: набяруся малинки.

Чутна мнѣ тольки:

— Хлопъ хто-та у ладошки, „вю, вю — низнаю, като мнѣ искать“.

Тады и я шарпнула за сваими на ўходъ.

№ 28.

Русалки.

Русалки качаютца на вѣткахъ дярѣу и кричатъ:

Рели, рели!

Чилавѣкъ имъ ни пуцадайся: у воду утощуть и зацакочуть.

Злучалась у старину, што дѣти русалкѣ прибивались къ мужубамъ; ихъ нада кармить парью атъ горячига. Таперь русалкѣ мала: ихъ запрастили.

Крикъ русалокъ.

Разгудь русалкамъ, загавѣушись у Пятроўцы; качающыяны на развитыхъ винкахъ и кричатъ:

Гутыньки, гутынькѣ.

Дѣўку пыймають защачочуть—и усѣ будутъ кричатъ:

Гутыньки, гутынькѣ.

Приспанная дѣти русалками дѣлаются, и замѣсть ихъ кто-та цурбанъ падкидаить.

Приспанная дѣти, по народнымъ воззрѣнїямъ, не умирають, а ихъ уносить какое-то сверхъестественное существо, потому они дѣлаются русалками.

Одна баба приспала ребенка. Она, конечно, думала, что онъ умеръ, и плакала по немъ, какъ по мертвомъ, а ребенокъ-то не умеръ: его колдунья унесла, а вмѣсто ребенка чурбанъ положила.

Чурбанъ, подкинутый колдуньей, былъ очень похожъ на ребенка: только не дохнѣтъ и слова не скажетъ. Къ счастью прохожій, остановившійся у несчастной бабы, видѣлъ, какъ ея малютку похищала колдунья, одѣтая въ бѣлую одежду.

Прохожій отнялъ ребенка у вѣдьмы, припряталъ его, потомъ отдалъ матери:

— Ну, не огорчайся, баба; вотъ твой ребенокъ, а надъ которымъ ты причитываешь, тотъ чурбанъ.—При этихъ словахъ прохожій бросилъ чурбанъ въ огонь, а ребенка, поданнаго прохожимъ, мать признала за своего.

Домовой похищаетъ дѣтей.

Одна мать, потерявъ пятилѣтняго сына, пришла къ знахаркѣ спросить:

— Правду ли говорятъ, что мой сынъ утонулъ? Нельзя-ли его какъ нибудь возвратить?

— Твой сынъ похищенъ царёмъ домовымъ.

Потомъ знахарка дала калачъ, совѣтуя положить его въ уединенномъ мѣстѣ, произнося слѣдующія слова:

— Царь домовый, царица домовая, возьмите хлѣбъ-соль! (Вѣроятно, для того, чтобы покормить ребенка).

№ 32.

Нигадитца ругатца у лясу.

Тяпло расклали бальшоя у лясу, привѣмши кони. Рубятки въ адныхъ рубашѣнкахъ бѣгають, ругаютьца; ругались, ругались, спать лягли, Богу палѣмшиесъ.

Чую я: зямля трясетца—идеть, идеть, сичасъ галавешки уси у кучу скидывать. Тяпло снову запылала, потэмъ, находіўши вобыла агня (стала видна, видна) говоритъ:

— Полна вамъ сюда вадить: а то вы, привѣўши сюды, только спаксю ни даея!

Три раза такъ прагавариль, пашоль на лухъ, къ конимъ. Ляжу и ня сплю: чутна мнѣ, якъ атъ яго шагаў зямля трясетца.

— Слышишь, Анистичка?

— Маўчи, маўчи!

Привеши, дѣду разсказываю.

— Дурачки, дурачки: ета лисавэй, іонъ гнѣвайтца, што у лясу вы на сасонки лавіятъ, друхъ друга чурками шкубуняйтя; ета хазяину ня дужа пріятна...

№ 33.

На Здвижиння нигадитца у лѣсѣ хадить.

Якъ мужикъ на Здвижиння пашоу у лѣсѣ и проваліўся у ямку, потэмъ са зміями питаўся отъ бѣлаго камня; якъ главная змія подхапила тогда мужика и изнову вывисла на свѣтъ Божій. На самага Ягорья.

На Здвижиння нигадитца у лѣсѣ хадить; иднакааъ му-

жикъ узаль и пашоль. Ишоў, ишоў по лѣсу, ступиў нагою и пралѣль у яму; яма тая закрылася—улятѣль іонь у яму, слова якъ у авинь.

Тамъ іонь стаць нагамі стаячкомъ. Ляжить тамъ бальшая змя, и галава у ле бальшущая, слова якъ у кабыли.

Ина, якъ зашпѣла,—другіи змѣи паменьши мѣста пустили сѣсть—якъ кателки стали ать яво катитца; и сядить іонь—ня троганть, и явы яго ня трогаютъ. Сядить день, сядить и другой ня ѳўши, сядить и третій. Ляжить тамъ каминь такей бѣлий.

Сичасъ бальшая змя атхнитца, тѣй каминь ать станы лизнеть; ну, и стануть усе лизать, пирявернутца да аднѣй.

Глядѣў, глядѣў—душа вонь лѣзить: ѳсть хочитца.

— Погади-жъ папробую и я: што мнѣ Бохъ дастъ.

Злѣзь—яны ничѣга: мѣста уступають яму. Становитца чиризъ ихъ, узаль пригнулся къ тому камню, три раза лизнулъ и пайдалъ—и дѣсыть къ тому камню лѣзь.

Да Ягорья саминькава да вясеннива каминь тѣй, якъ асѣтитъ, имъ такъ виднинька у ями.

Дастъ Бохъ день; бальшая змя устаеъ лубымъ, три раза якъ лизнеть—и сыта; три тысяччи змѣй паменьши усе такъ пирявернутца.

— Слава Богу, што я ѳсть ищѣ ни хачу!

Иднакажъ приляжить и іонь къ камню, лизнеть. Самъ сабѣ думайть:

— Госпади Божа, што мнѣ Гасподь дастъ? Ти доўга я тутъ буду сядѣть?

Даждаўся Ягорья, сичасъ яма ета свитлѣить: тиризъ щелачку свѣтъ и деть.

— Слава тибѣ, Госпади, свѣтъ я увидиў!

И пашли змѣи у тѣе диричку: во и лѣзуть, и лѣзуть амгла ета уся—ажно ужасна глядѣть на ихъ, слухать ихъ шелестъ. Идутъ, идутъ, и деть и бальшая змя, паднила голов яму—и зямля раздвинулась, расшитнулась на бакы, и видн яму стала усѣ. Сама спить и хвостомъ яго абгарнула.

Госпади, што тутъ будить? Вѣрна, мнѣ канченіе приходить!

Ина, якъ абхапила яво вокругъ, стиснула дужа и, вѣ палзши назнаружу, выкинула яго вонки—бутца къ вярхамъ я вывизла на сябе изъ земли.

Я пирякстился: слава-жь тибѣ, Госпади! ня думалъ и ня гадалъ на свѣти жить; благодарю Госпыду и Царицы Нябесный, што узварнули мене на свѣтъ Божій. Идетъ іонъ двору; рады яму жонка и дѣти:

— Атеуль ета Гаспотъ тибѣ узварнуль, радимый нашъ? Мы жъ и ня думали што ты живиникъ, мы жъ прамизъ живыхъ тябе ни щитали и ужъ пуминали!

— Ну, мае радныи, што мяѣ люди казали, я тѣму вѣры ни няѣ, а таперъ зарякусь и вырикусь, и вамъ дѣти закажу: на Здвижанья у лѣсь ни хади!...

№ 34.

Скрабъ у лясу сабачій и ваўчиный.

Идетъ челавѣкъ па дарози и видить: исчерчина, исцарапана дарога; па тѣй дарози прахадить пильзя: а то устушишь у скрабъ, будить чисатца тѣла. Скрабъ бывають сабачій и ваўчиный.

№ 35.

Змѣй, наситиль усякыга быгатства.

Змѣй выводитца изъ питушиныва яйца. Нясеть яго пятухъ пяти годоѣ. Яйцо ета, какъ гулубинныя. Яво бяруть падъ паху, падвѣзкуютъ, шесть надѣль носють, ня ходють ни ў храмъ, ни ў баню—тада змѣй выходить изъ яйца.

Яво узрацають и кормють да вырыста малакомъ, саблюдають, штообъ ништо ни видаль—усиитають лѣтъ да сями. Тада іонъ начинають литать и носить, што прикажутъ: носить хлѣбъ, малако, дянги, вотку, —тольки зирнятки, што змѣй носить, стягать кверху вострымъ канцомъ, пяткю унизъ.

Разъ у хазяина, каторый змѣя вырыстиль, была талока, у яго навозъ вазили, наступила пара-ўрема заўтрикать. Хазяинъ паслалъ змѣя за воткю.

Мушкики гаварять:

— Пара-урема заўтрикать!

— Пагадитя—вотки нѣту!

Прилитаять змѣй.

— Што ты доўга былъ?

— Закрешиная вотка — насилу знайшоль; адинъ кабагъ вотка ни закрепиная.

Если съ диньгами идетъ — ясинъ; съ хлѣбнымъ идетъ — тьянъ, съ малакомъ — бѣль.

№ 36.

**Нильзя раскладывать игня на гумнѣ падъ Чуды (5 сентября).
Видѣнья падъ Чуды.**

Пашоў адинъ мужикъ на гумно начувать. Вотъ іонъ разлажѣ агонь и лѣхъ спать. Падходить дѣла къ паўночи (а ета была падъ самыи Чуды); приходитъ къ яму чилавѣкъ найзвѣсна явей, у бѣлыи адѣжи, а валасы пў пяты. Стаить іонъ кала вина и гаворить на етыга хазяина, каторый тамъ начуваў на вини.

— Хазяинъ, загаси ты агонь!

А іонъ быў малый ни рабавитый, и гаворить:

— А хто ты такэй?

— А я чуды: сяводни мой праздникъ; а ежили ты ни загасишь авина, то будить дѣла ниладна.

Во іонъ загасѣ агонь, вылизъ изъ-падъ авина и пашоў дамой.

Во тутъ и спрашіють у яго дома:

— Што ты ета пришоў?

— На мяне тамъ вышіў нищасный злучай: еслибъ ни пашоў дамой, гумно бъ згарѣла.

№ 37.

Нильзя рубить падсялибныга древа.

Пракопъ Лунавокій захатѣў срубить древа, што стьяла ли яво гумна. Якъ стаў іонъ рубить аграменную сасну, што ища дяды яго садили, — приутамился и лѣхъ атдыхнуть. Уво снѣ налятѣль на яго бонь и чуть было ня сеѣкъ кашытами. Скура іонъ послѣ таго захвараў и Богу душу отдаў. Якъ бы ни рубилъ сасны, былъ бы жиў. У Шаталыви атець и сынъ Кастылевы помирили, срубѣўши на гароди ябланки. Бохъ правидный

знать съ якимъ приговорымъ сожина древа,—што въ умѣ диржау тѣй чилавѣбъ, хто яго садіу.

№ 38.

Суевѣрія при насыпни платины.

Штобы насыпать платину, непремѣнна нужна палажить въ основаніи яе сабачую или коньскую голову; послѣ таго въ той дереўни сабаки и лошади будутъ вадитца плоха, ну, платина будить диржатца крѣпка. Прахожій слыхау разговоръ чартей, пачаму у тѣй дярёўни, идѣ іонъ занучуваль, ни магутъ ни якимъ родымъ аснувать платину; черти тутъ жа и казали, што нады бы едѣлать ли яе атсыпки. Потѣмъ прахожій видить, што мужики дужа впапатыть радъ атсыпкой платины: ета была на ўремя крипастнаго права, а баринъ былъ ихъ дужа строгій.

Прахожій и расказажи мужичкамъ, што іонъ надслухау у чартей. На ета ўремя бягить бѣлая сабака; мужики яе царапъ, да хлудомъ яе у платины и завалили. Тады платина устояла; ну сабаки у тѣй дярёўни ни вадились.

№ 39.

Якъ бабка Марьяха угадала, атчаго ета баба торчмя палтѣла у чулани и нагѹ у дваёмъ мѣсти зламала.

Мой батька былъ ища ни вяликъ. Баба накойница зама-
рилась, вячеріюць варива падъ сериду.

— Сынокъ мой, схади: тамъ на сундуку малако стаить гарлачикъ.

Пашоу у чуланъ. Аттѣль якъ идеть, якъ сунитца у сѣнцахъ.

— А, нутя, васъ съ малакомъ—я буду васъ искать, у шатемкахъ, у сѣнцахъ!!..

Съ естыми славами бухъ у ямку.

Бабка на яво забранилась.

— Вы же идѣта, ни зная, идѣ стаить што: вамъ и ямби, вамъ и палки. Атчаго-жь я иду,—я чую и ямку, я чую и палку падъ нагами, а вы дакъ ничога ня чуитя.

Сморхъ, пабѣгла у чуланъ, узила тѣй гарлачъ и нясетъ.

Якъ нисла, такъ и сунилась; малако падъ ноги; нагу у
дваемъ мѣсти зламилла.

Ляжить сама, ни ўстанить. Дѣда звали Димбянь Храменькій.

— Дѣдичка Димбаниччо, хади ты ка мнѣ, рятуй ты мене!

— Чаго ты, чаго ты?—Ну, кали жъ твой языкъ такей
лапатливый: тихинька нїйдѣ ни прїйдешь...

— Мине, дѣдичка, слова хто якъ дастъ подъ калѣна и
пувалилѣ.

Палажили бабу на калѣсы и ѣдутъ къ Марьянни, а Марьянна
якъ завидила маю бабу, прарячить:

— Ти чуишь ты палеу и ямку?

Ти слышили вы ета, а?!

Назадъ наччу ни паѣхали — забаялись палки и ямки: у
Марьяхи заначували.

№ 40.

Ибъ Марскомъ Игемани. Нильзя пить набгѣмъ.

Въ нѣкатарымъ царстви, ў нѣкатарымъ гасударстви, а на
иминна ў томъ, ў томъ, ў каторымъ мы живемъ, какъ жиў быў
кароль, или гасударь, патомъ іонъ и паѣхаў ў сваю имперію, а
хазайка яво асталась у яго царскимъ дворцѣ и была ина об-
ременна. Патомъ іонъ абѣѣхаўши ўсю сваю имперію, и ѣдитъ
іонъ ужъ дамой; нямнога іонъ праѣхаўши, и захатѣлысь яму
пить. На дароги, канешна, нейди исбать ни кружки, ни сты-
кана, то іонъ слѣзъ съ сваей кареты и пашоў ў ряку нанитца.
Толька іонъ пригнуўся къ рякѣ, хатѣў напитокца, а яго вадя-
ной машенникъ хватъ за бараду и гаварить:— „Стой, ты ни
пу правилу дѣлаишь: разви можна тябѣ изъ ряки набгѣмъ пить
ваду?—ты-жъ называеесья гасударь,—ты-жъ принимаў карону!“
Вотъ іонъ и гаварить:—Ну, идѣ жъ мнѣ была искать у дароги
пасуды?—Пусти мяне!—А іонъ гаворить:— „Я тябе пуцу,
только атдай мнѣ тоя, чаго ты дома ни знаишь!“—Іонъ ду-
маў, думаў:—чаго я дома ни знаю?—У мяне кашетца ў доми
усѣ на пирячоти, и гаворить:—ну, бяри сабѣ!—Патомъ и га-
ворить:— „ну, изволь расписатца!“—Кароль расписаўся, патомъ
сѣў на каня и паѣхаў къ свайму дому; призжаить дамой: тутъ
яму усѣ рады. Іонъ и спрашїить:— „Усѣ-ли у насъ тутъ бла-

гапалушна?“—А слава Богу ўсё, и ящо во што: мы тебе предвѣщаймъ и зъ наслѣдникымъ паздраўляймъ!—Патомъ іонъ самъ сабе кусъ за языкъ и гаворить самъ сабѣ:—„Да, во што я дома ни знаю!—Ну, таперъ ужъ ни варотишь?“—Патомъ и гаварить:—„Да, ўсяму то я радъ, и ўсё балапалушна, и ўсё слава Богу, а эле адно дѣла я нидаволинъ.“—Тутъ ў яго спрашють:—што вы ета такъ?—У насъ кажитца ў доми глуныга нѣтъ ничаво!—Патомъ іонъ и гаварить:—„Да во чѣмъ я нидаволинъ, што ў мяне радѣся наслѣдникъ,—то я яму ни радъ.“—За чѣмъ такъ?—спрашють ў яго.—„Да, во зачѣмъ“, гаворить іонъ: „Я яго атдаў вадяному валшебнику; таперъ я и самъ ни знаю, што мнѣ дѣлать.“—Вотъ (скора ета гаваритца, да ня скоро дѣлаитца).—приходить уреми, какъ яны расписывались, да какога года атдавать сына сваяго. Вотъ іонъ заплакаў и гаворить:—„Ну, сынъ мой любезный, я тебе атдаў вадяному валшебнику, за тридесять зямель, въ тридсяты царства, марскому гасударю, гаспадину Игеману. Вотъ іонъ павеў яго и атдаў. Патомъ прашло таму тридцать лѣтъ, пашолъ и гаворить етытъ гасударь:—„Пастой: паѣду за сынымъ, каторыга я атдаў марскому царю Игеману.“—Вотъ іонъ и паѣхаў.—Падъизжаитъ къ таму дому, идѣ жиў марской Игеманъ, пасматрить: увесъ дворъ абторганъ кольемъ, усё пазастроина, и понабиты кольля вострымъ канцомъ, и на каждымъ калу тарчить па чилавѣчій галавѣ, и адинъ толька ѣсть коль низанятый.—„Во идѣ маеі жизни канецъ будить!“—падумаў кароль. Патомъ іонъ пирихрестіўся и папоў туда; падходить іонъ къ дому, а наўстрѣчу идеть марской царъ Игеманъ.—„Здрастуй, гаспадинъ марской Игеманъ!“—Здрастуй Гасударь!—Што ты ка мнѣ приѣхаў: вѣрна за сынамъ?—„Да!“—гаворить гасударь—„іонъ ба нужинъ мнѣ быў!“—Ну, вазьми, да сматри: етыга самъ ня дѣлай, и дитѣмъ сваимъ прикажи, и ўсей сваей имперіи, и ўсей сваей Расеи, штобы ня пить набгомъ, съ ряки, ни съ видра, ни съ возира: на то намъ Богъ даў руки, штобы мы имѣли паднось къ сваимъ устамъ!

Сказка ўся, и рассказывытъ нильзя.

Знахырь-пчилаводъ

У аднаго пупа харашо вялісь пчолы. Мужыку захатѣлась разжитца у батюшки на испраўныхъ пчалишыкѣ.

Паѣхаль мужыкѣ къ папу, да и купиль у яго вуліі пчоль, ну, и пажилаль атставить вуліі да вѣсени: ныхай іонъ палѣтуить.

Осинню пріѣхаў, када батюшка дома не была: іонъ уѣхаль у горыдъ за пакупкамі. Пупадья сказала, што батюшка будить ни сяни вичаромъ, дакъ заўтри вутрымъ нипримѣнна.

Пасига батюшкіна была вярсты за дві; пашоў туды мужыкѣ, думайт сабѣ: заначую у батюшкіны пасики! Придя у пасику, узьял курницу, буряжку, глядить: у пчоль ни сатинкы мѣду... Камедія!

Вичаромъ батюшка пріѣхаў благаслаўляить мужыка, да гаворить: — „Ты жѣ, сматри, начуй у мене, Пятроў: заўтри пчалишыкѣ паглядимъ!..“ Пірякстилися, апахмялилися, запалили курницу, атварили уліі: уліі повинъ мѣду, и мѣдъ, яѣ кроў.

— Бѣжжа мой, Госпади, Царица ты мая Нябесная, нѣ, нѣ, нѣ! сколько я жилъ бязъ пчоль—и жить буду. И денитъ вашихъ ни хачу и ульѣя ваша ни хачу!..

— Што, што ты?—А ничога, батюшка!

— Сматри жѣ ты, сматри: никѣму ни глаголь!..

Прапускатъ пчоль тиризь ваучиную пасть іостъ нягодна Богу, хотъ чужея пчолы на тваю пасику залитать ня будутъ.

Жечь щучьи зубы и подкуривать дымомъ чужихъ пчелъ во время нападенія ихъ на пасѣку считается средствомъ „вражьимъ и не особенно симпатичнымъ“.

Во избѣжаніе этого несимпатичнаго средства совѣтують обходиться „дядовникомъ, орловыми перьями, иглами ежа“.

Пропускають чужихъ пчелъ черезъ волчину пасть; но это тоже „іостъ не угодно Господу“. -- Разъ одинъ мужыкѣ едѣлаль

такъ, смотреть: пчелы сыплють ужъ не изъ волчиного, а изъ змѣйнаго рта.— „Э, э, э! Спаси и памилуй ать етыга, Госпади!“

№ 43.

Прудниковъ сынъ, при помощи незнакомаго прудника, принимаетъ образъ шпанскаго королевича и женится на дочери короля; за услугу прудника прудниковъ сынъ 12 іорданъ водою прогоняетъ съ мѣста (съ-подъ мельничнаго колеса) атамана чертей и ставитъ на его мѣсто прудника.

Якъ жиў прудникъ, и у прудника былъ сынъ Иванъ. Якъ дайшоль Иванъ ды сываршенналѣтій, уздумалась батьки жаниць сына. Савѣтуитца съ жаною прудникъ:— „што я задумаль, жана? женимъ мы нашага сына“.

Прудницкая жонка и гаворить:— „што нада, то нада; я и сама то-жь думаю—атправляйся у сваты!..“

Прудникъ и паѣхаў у сваты; быў іонъ у разныхъ мистахъ, и ни хто ни тдаеть дѣўки за яго сына; сынымъ хуть и ня гребують, а яго бѣднастью: у яго идна кабыла; да и ту порши стачили.

Приѣхаў двору; жана пытаить у яго:— „ти высватаў адѣ дѣўку за сына?“—Нѣтъ, жина, нїйдѣ ня высватаў: вишь сынымъ нашимъ ни хто ня грябуить, ну, только яго бѣднастью: у яго идна кабыла, да и ту порши стачили.

Нихай таперь самъ іонъ ищитъ сваей талани!

Итправляйси-ка, сынокъ, у сваты, ищи сабѣ нявѣсту; только адѣ будить платина, саскакивай съ лошади и правди яе пу платини у рукахъ!

Падѣхаў къ платини, слизайть прудникыў сынъ съ лошади, бяретъ лошадь у руки, а лошадь ни съ мѣста; іонъ падаить на платину и черезъ галаву пирикувыркнуўся.

Тады узяў за повадъ лошадь, и лошадь ишла пу платини, и только што прайшоль платину, яўляитца яму на ўстрѣчу чилавѣкъ.— „Здароў, Иванъ, прудницкій сынъ!..“—Здароў, добрый чилавѣкъ!.. Гаворить яму и Иванъ.— „А куды ты ѣдишь?“

— Ъду, братъ, у сваты.— „Да разви у тябе батьки нѣту, што ты самъ ѣдишь?“—Батька былъ у сватахъ, да ни хто дѣўки ни тдаеть ни на мнѣ, а па бѣднати нашій.

— Вазми мяне сватымъ: я табѣ высватаю нявѣсту.

— Да я съ радыстію тебе вазьму, гаворить яму Ивань.

— Давай-ка ты мнѣ паршивую сваю кабылу.

Узяў мельникъ лошадь и павѣў за кусть, свезаў:—сароки, вароны, пулучайтя сабѣ мяса, а кожу кабылину на кусть: во табѣ, кусть, теплыя адіянія.—Свиснуў патомъ маладецкымъ посвистымъ; яўляйтца къ яму тройка лихихъ лашадыкъ. А прудницкыму сыну сказаў:—„скынся мухыю, улижай у лѣвыя уха лошади, а у правыя вылижай: тады ты будишь такей маладецъ и такей красавица“.

Абразина яго тэй часъ сдѣлалася, якъ шпаньскага каралевица, и уся адежа на ёмъ и карона царская. И гаворить яму (прудницкыму сыну) мельникъ:—„умъ твой, разумъ мой. Таперь паѣдимъ у сваты къ царю Дадону Дадоничу у чужоа царства; и сматри ты: ничога ни гавари тамъ, а я буду усе дила запраўлять“.

И пріѣхали къ Дадону. Дадонъ Дадонывичъ прымаить жиниха за шпаньскага каралевица да чести; и гости начинаютъ свататца къ царскыи дачкѣ. Дадонъ Дадонывичъ заветъ дачку сваю и гаворить ей:—„ти нравитца табѣ шпаньскыи етый каралевичъ и ти сыгласна ты идить за яго замужь? Когда нравитца, будимъ дѣла дѣлать; а ни нравитца и ня думайшь выхадить за яго, то нада яму ужу аказывать“.

— Батюшка, гаворить дачка: пазволь мнѣ нямнога времени падумать; тады я табѣ скажу сваё намѣренія.—И пайшла у сваю ачывальню.

Схватала нижнюю галавную падушку, а падь падушкыю лижалъ чартѣныкъ, и спрашійть у яго: ти идить ёй за шпаньскага каралевица, ти тказать яму. Чартѣныкъ гаворить ёй:—„Цареўна, тебе абманяють: ета ни шпаньскыи каралевичъ, а прудницкыи сынъ“.—Дочъ Дадона избѣўляить итцу, што ета ни шпаньскыи каралевичъ, а прудницкыи сынъ, што „сватъ съ женихомъ насъ праводють“.—Пака Дадонъ съ дачкою разгавариваў, сватъ смѣтіў, у чѣмъ дѣла: схватаў залѣзныи пруть да у пачывальню цареўны и давай бизувать чартенка, избизуваў усяго и прутуриў яго изъ дыму вонь, а самъ написаў на бумаги:

— Прости мнѣ за мою шутку, цареўна: я хуть и сказаў табѣ, што жанихъ прудницкыи сынъ, но сказаў шуткыю: етый

жанихъ, дѣйствительна, шпанскій каралевиць, “ — и палажилъ іонъ записку ету подъ падушку, да яще написаў:— „ты кали мѣшъ желанія идить за яго замужь, ступай!...“ Сватъ и гаворить каралеўни:—кали думна идить за каралевица замужь, давай намъ слова; а ня думна, отказывай!

„Ну, минуту времени патярпитя: сійчасъ буду къ вамъ и скажу ряшительныя слова“.

Ина прачитала записку; а какъ чартенка тога ни було пыдъ падушкыю, то ина и пычла, што іонъ ушолъ ать стыда. Приходить цареўна, гаворить ряшительныя слова:—„сыгласна итить замужь!“ И атець яе сыгласилъ. Начинають пива варить и свадьбу играть. Свадьбу сыйграли, пувисялились и нагулялись. Пажили яны можа мѣсиць, а можа и два. Сватъ Иваныў царя Дадона задушилъ, а за имъ у скорости и жану яго каралеўну; а шпанскій каралевиць застаецца царствувать у етымъ царстви.

Сватъ Ивана и гаворить Ивану:—„я тябе сдѣлалъ каралемъ, а ты мяне пастаў атаманымъ. У етымъ царстви іостъ мельница пустая и ляжить сяредъ мельницы калода, и тамъ сядить нашъ атаманъ, мы уси яму винуемъ: у нашимъ быту ни такъ, якъ у вашимъ: хто идѣ мѣста займетъ, ни хто яго ни спихнетъ“.—Но якъжя мнѣ паставить тябѣ атаманымъ?—„А вотъ якъ“, гаворить яму сватъ: „сыци двинацять напоў и асвати двинацять Іорданъ вады, вазьми яе у тазъ и крали на ўсей мельницы — яны уси будутъ сынатца падъ кола, якъ градъ; а мяне спрячь падъ адѣжу; а якъ кончишь акрапленія на мельницы, тады лей святую ваду на калоду,—и іонъ, якъ сѣнная капа, пакотитца падъ калоду, а я тады сяду на калоду на яго мѣста.

Шпанскій кароль сабралъ двинацять напоў свѣтитъ двинацять іорданскія воды; и асватили и пашли крапить усю мельницу — и уси черти и чертинята сыпались, якъ сильный градъ, подъ кола. Падходитъ мельникыў сынъ къ калоди и линуў вадою на калоду сы ўсяго судна, атаманъ ни ўсѣдѣў, а пабѣгъ падъ кола, якъ сѣнная капа, а сватъ яго и сѣў на калоду на яго мѣсти; съ тога времени сдѣлаўся атаманымъ.

Прудницкій сынъ Иванъ сдѣлаўся шпанскимъ каралевиць, а сватъ яго атаманымъ; съ тыхъ поръ жили яны дружна и часта адинъ другога навѣдывали.

Пачёмъ вѣдьму узнать.

Якъ раздялились браты, адна у ихъ карова; карова тая хадила, хадила и забаўталась у Хмѣри, Папоў у горыдъ старшій братъ Аўсей и купиў карову, карова тиризь два мѣсицы и прапала. У яго дѣти—ипять папоў куплять; купиў карову ящю луччи за 30 руб. Тая жъ пубыла, ни гарѣла, ни балѣла — акалѣла. Купиў ипять нетилка, пахадила да восени и прапала.

Фетись, меньшій братъ, гаворить:

— Я табѣ безъ денихъ аздамъ карову, што яны у тебе ни вядутца: съ маеи руки пайдуть.

Іонъ приносить усѣ таки брату 17 руб. денихъ и гарниць гарѣлки.

Сичасъ свѣчку запалили, стали Богу малитца.

— Нярушь, якъ я запраста прадаю, штобъ табѣ была и мнѣ.

— Вазьми деньги.

— Нѣ, ни вазьму за адинъ парокъ, што ты важишь вѣдьма на маю жонку.

Теща забранилась:

— Ни вымудрай ты: мала, што люди гаворють.

Стали пить гарѣлку. Девирь и гаворить:

— Ну, хади: я узнаю, кали ты вѣдьма.

Пирякстилась, падходить.

— Гляди мнѣ у вочи! Я буду глядѣть на тебе ярка, и ты на мене гляди.

Хто знаить, чилавѣчки у глазахъ ня будутъ галоўками, а кверьху нагами.

Салдать и шурьякъ стали глядѣть.

— Мелють-ста цустоя: чилавѣчки, якъ чилавѣчки.

Знахарь—атрошникъ.

Якъ знахарь атрошникъ маладота парня збиваў ать Бога атречца; якъ паринь забиў знахаря; якъ широдъ панымъ заступилась за парня сама мать св. Бугуродица.

Быў у барина лясникъ, знаўся съ икальнымъ; шли къ яму харашо на стрѣль звярё—усихъ билъ, и баринъ имъ даражй, такъ даражй, што имѣнимъ такъ ни даражй.

Толька гаворить ionъ (знахарь):

— Мнѣ нада помычь: иднаму тижало хадить по лису!..

Баринъ абабраў яму харошига малыга въ имѣни, приказаль тѣму малому лвитца на лицо.

Далажили барину, што прйшлоь.

— Слушай етыва лясника, пумагай служить яму у лису!..

— Слушаю, баринъ!..

Приставиль яго къ лѣсу. Старый лясникъ бѣеть, а ionъ ничаво у глаза ня видить. Падзѣляйтца къ барину у вечери.

Старый гаварй:

— Я бй столько мядвѣдй—ваўкоў...

Спрашйть баринъ у маладога:

— Ты што, братиць, убй?

— А ничаво, баринъ, ни видаў у глаза.

Старому пахвѣль, рюмка водки, маладому пени и выгавыръ бальшей:

Ты, аселъ, дуракъ, ня видишь ничаво!..

Звярѣ пасабяруть вичаромъ, етыва благодарить баринъ, а тому падзубники даеть.

Просить маладѣй лясникъ старика:

— Будь такей добрый: научи мене, штобъ и я бй...

— Што будить за ета? я научу: будутъ къ тибѣ идить звярѣ усякыя.

— Яжъ ни знаю, што зъ мене патребуитя ..

— Тридцать рублей—наўчѣ.

Прадаў атець карову; мала ни хватила—приплатили.

— Ну, на, сыночикъ, няси!.. (Худа и батюшки приходють пени).

Панѣсь, атдаў тридцать рублей.

— Пайдѣшь на постъ гавѣть, ня ѣшь крошки святыхъ таинъ, а прняси мнѣ!..

Онъ кроў праглатиль, а тѣла аставиль ва рту и атдаў яму. Пайшли у лѣсь хадить. Тольки старикъ—лясникъ аткавырилъ шкуру асины и залажилъ тѣла.

Хадили, хадили; приходють къ асины, и знаютъ, што ляжить тамъ.

— Стрилай у асиу у тоя—то мѣста!..

Кричить лясникъ. Кладеть малый ружьё на плячо старика и стволь приставилъ къ етому самому мѣсту, идѣ влалъ тайны. Ружьё на плячи у старика.

Кричить сзадю:

— Вей!..

Маладой лясникъ прицѣлился; стаить Божія Матирь и Спаситиль—нильзя бить.

— Вей!..

— Нѣтъ, дѣдушка, ня буду!...

— Атчаво?

— У Бога ни сагласинъ бить!

Я тебе убью!..

Утарой разъ прицѣлился—и усе Спаситиль и Божія Матирь.

— Будишь бить?

— Ня буду!..

Ну, я тебе забью!..

Атварнулся малый и самаво убилъ старика: жисть кончилъ старикъ. Узваратился вечирымъ у гасподскій домъ. Далажили барияу, што лясникъ пришолъ.

— Што жъ ты убилъ што сянни?

— Убіў, баринъ... мядвѣдя!..

Сичасъ фхать за мядвѣдимъ. Призжають на тоя мѣста—ляжить убитый лясникъ.

— Эта старикъ убитый! Біў за мядвѣдя: мядвѣдимъ іонъ мнѣ придаўся...

Паклали старика на тилѣгу и вязуть дамой.

— Будить, братъ, тебѣ за старика Сибирь!..

Привозють дамой. Далажили барину. Идетъ къ яму баринъ дужа гнѣбный, вялить закувать яго у калодки и приставить къ яму стражу. Патребываў судъ.

Нафхаль судъ судить у Сибирь, падъ наказанія.

— Гаспада, пазвольта мнѣ сказать адно слова!..

— Кали мне Гаспотъ—Божья Матирь собирагеть, ни пайду у Сибирь!..

— Атчаво?

— Іонъ мне застаўлялъ тѣла Христова бить тамъ и тамъ.

Ѣдитъ судъ на тоя мѣста, къ таму древу; призжають.

Тамъ вырвала пашанишная прасфара и подпись Божій Матири. Сказали судъ:

— Сабаки сабачья честь!

Аправили и дали двацять пять цалковыхъ и вольную: Ищо маладецъ: убіѹ чародѣйника и атрошника!...

№ 46.

Видьмаки, што малѣки у кароў атымають.

Ишоў старикъ са старухю малитца Богу у Кііѹ. Ишли яны па дароги, пупалась имъ третія таварышка; садились яны атдыхать падъ бярезкью. Старикъ са старухю сѣѹ падъ бярезкью, а жэнщина, третія, вотдаль атъ ихъ. Старуха гаворить на старика:

— Што будимъ палуднивать?

А старикъ гаворить:

— Мы найдемъ, што палуднивать!

И гонить старикъ па тымъ баку большака кароў.

Старикъ тѣркаить ножъ у бярэзу.

Якъ торнуѹ, карова закричѣла у стади благимъ матымъ, ряѹнула—пабѣгла зъ ножика малако; іонъ ряжку падставиль.

Пастухъ видить, што малако бягить съ бярэзи па нажу, и карова, услыхалъ, крикнула благимъ матымъ;—скидываить съ себе кахтанъ, владеть на землю, складаить кнутъ удвоя—и ну па кахтанѹ цудить кнутомъ. Па кахтанѹ слѣсть, а старикъ кричитъ падъ бярэзый:

— Памилуй!...

Да таво пробралъ кнуттимъ. што старикъ упустился кричаѹши:

— Баатюшка, ня буду!...

— Ну, зарядися и выривися дѣлать—брошу сѣчь!..

— Зарядуся, батюшка, и выривуся!...

Камокъ зямли зѣѣлъ—тада сѣчь бросиль.

№ 47.

Якъ парень (іонъ троху шупиль) изъ вѣдьмины даенки малако у абротья пириманиль, и якъ надъ тымъ малакомъ, што вѣдьмау кароу атымала, попъ заклѣчиння дѣлаль.

Быль чилавѣкъ на наш леги и устау бѣчъ лашадей искать. Зарёю убѣгаить на пыля, нападаить на жѣнщину: стаить жѣнщина и махаить хвартукдмъ: „Малако у даѣнку!..“ А іонъ бѣгши гаворить

— Урешъ: у абрѣти малако!...

Ина ипять:

— У даѣнку малако!...

Іонъ тады ипять:

— Урешъ: у вабротья малако!

Жѣнщина утикать—іонъ дыгынять. Приходши дамоу, никому ничога ни гаваря, абротья павѣсіу, лѣхъ, пирибуватца сталъ. Бягить сабратей малако.

Сямейства пытаить:

— Што съ тваихъ абратей малако бягить?

Іонъ гаворить:

— А я знаю, чаво бягить. Икая-та баба (я напаль яе на пыли—далѣка прашла на пыля) махала па расѣ хвартукомъ, казала:

— У даѣнку малако!...

А я пачуўши сказаль:

— У абротья малако!...

Ина трѣжды пракричѣла, и я кричалъ сваѣ за ёю у слѣдъ. Ну, ина, замѣтя мяне, ударила на ўхадалую.—Атъ етыва, знать, у мине малако у абрѣттихъ.

Поставили сѣдны—поўны вѣдры набѣгла малака етыва, никто-жъ яво ня ёсть. Далажили священнику. Призжаить іонъ къ имъ у домъ, приказзыть:

— Няситя тоя малако, што бягить у васъ низнама аткель!..

Принясли усѣ малако у хату.

Попъ заклѣтнюю малитву читаль надъ малакомъ. Атчитаўши малитву, хрястомъ хрястиль па суднахъ, идѣ тоя малако.

Малако абярнулася кроу. Во яно што!...

№ 48.

Дѣйка-вобратинь.

Якъ дѣйка-вобратинь пана заѣла, якъ тѣй пань ать судьбы сваей ни хуваѣся.

Ѣхаѣ баринь на дароги. Мужичекъ роже сѣить, сѣить роже и пасѣживаить: кинить—и пасядить.

— Што-нибудь, іонь примичаить:—знатьь етій мужичекъ!..—Паслалъ лакея:—спроси, што эта іонь пасѣживаить!.. Вѣрно, што нибуть знаить!..

Приходить лакей:

— Здрастуй, дѣдушка?!.. Што эта, дѣдушка, сидитя, а тамъ ипать начнетя сѣить?!..

— Вотъ, дитя, пачемъ: нихарошая минута узыйдетъ, я абнараѣливаю.

Пашоль съ етымъ къ барину, барину гаворить:

— Онъ знаить минуты нихарошія—абнаравливаить!

— Схади къ яму, штообъ онъ ка мнѣ приполъ.

Онъ (мужикъ) приходитъ.

— Здрастуй, баринь!..

— Што ты, братецъ, знаишь минуты?

— Знаю, баринь!..

— А знаишь ли смерть сваю и маю?

— Знаю, баринь, сваю и ващу знаю.

— Какъ мы умримъ?

— Расскажу, баринь: васъ воѣкъ зѣсть у такой та годъ и день.

Баринь записалъ ета.

— А ты какъ памрешъ?

— А я послѣднива сына жанить буду, дакъ пайду за водный въ имбаръ—мине жолыбымъ убеть, буря устамши съ крыши.

Баринь и эта записаѣ. Баринь ращитау, што мужикъ будить упередъ яво умирать.

— Пажалуста, мужичекъ, када сына будитя жанить, я вамъ падарю хорошинькіи падарычки—дайтя мнѣ вѣдама!

Мужикъ сагласіѹся. Приходить тоя ўремя, тэй годъ. Мужикъ свадьбу сабираить и за баринимъ паслау.

Яўляйтца баринъ на свадьбу.

Принили барина да чести, угащали харошими водками. Ночь гуляли. Падарки даріў маладымъ. Пашоў старикъ за водкыю въ имбаръ—устала буря и убила старика жилабомъ.

Баринъ узналь, што праўда и то, што яму быть зьѣднимъ. Баринъ дожидаў тога время. Дождаѹся.

Заказаў ружейникамъ, штобъ онака дома съ сабаками пастали. Челавѣкъ да триста пастала, штобъ воўку къ дому нильза была пристуитца.

Схараніўся баринъ у дальнюю комнату.

Праваждаить уремя, чянишній день, и на возира смотреть: за возирамъ дѣўка выить жаластна.

Узжалѣўся баринъ, што ина выить харашо.

Ужахнѹйся баринъ, што выить жаластна—приказаў, штобъ съѣздили на лотки, узнали. чаво она вдить. Поўхаў адинъ чидавѣкъ на лотки. Подъизжаить къ ей и спрашійть:

— Ибъ чомъ ты, дѣвица, плачিশъ?

Ана атказнить:

— Какъ мнѣ ни плакать? мене сяни воўкъ зьѣсть.

Онъ съ етымъ паўхылъ назать къ барину дакладать.

Призжаить далажить барину, што воўкъ яе зьѣсть, а томъ ана слезна плачить.

Баринъ приказаль:

— Привясти яе ка мнѣ!..

Онъ сѣлъ на лотку:

— Галубучка, призжайтя къ барину—и яго сяводни воўкъ зьѣсть—у кучу: сахранять васъ будимъ умѣсти. Привезъ къ барину. Пувяли яе у комнату, падводють къ барину; баринъ гаворить:

— Пажалуй сюды, тябе воўкъ зьѣсть и мене—такъ будимъ, душичка, умѣсти праваждать день.

Сядѣли нѣкатырныя ўремя. И ета дѣўка ваўкомъ скиналась и заѣла барина, заѣла—и сталъ народъ вхадить. а воўкъ прашоль мима народа и утѣкъ.

№ 49.

Якъ на мужика найшло, што іонъ жонку свою було зѣў.

Якъ жиў-быў адинъ мужичекъ, и была у яго жина ни туда, ни сюда, ищѣ жѣнщина парядышная. Вотъ іонъ адинъ разъ пашоў у кабакъ и напиўся вотки. Патомъ приходитъ іонъ дамой; усѣ яго семейства садитца вужинать, а іонъ найдеть.

Яны на яго и гаворють:

— Што ты найдешъ зъ нами вужинать?

А іонъ гаворить:

— Нѣтъ, я вужинать ня буду, патаму што хачу сяводни жонку зѣўсть.

Што ты ета гаворишь, што ты ета уздумаў? Пирякстись ты!...

А іонъ гаворить:

— Ну, што вы мяне унимаите? Я што уздумаў, то и здѣлаю.

Яны жѣ думали, што ета іонъ шутить: паужинали и лягли спать.

Спряди начй яго мѣтца и гаворить:

— Што ета нашихъ ня чуть? Ти іонъ сміаўся, а, можа, и праўду гаваріў? Дай-ка пайду, пасматрю... Ти живы вы?...

Маўчавъ. Пашла ина на постель пащупаить: нѣтъ ни водныга.

Вотъ ина и говорить:

— А, Божеа мой, идѣкъ ета наши? Нѣтъ ни водныга.

Тутъ сичасъ уси пушаўскачили и давай ихъ шукать—нѣтъ нийдѣ. Патомъ іонъ вытарнуў галаву изъ-падъ печки увесь у криви. Яны и спрашіють:

— Што ты ета?

А іонъ гаворить:

— Да жонку ѣмъ.

Вотъ яны и гаворють:

— Вылизай вонъ!

А іонъ ня лѣзить, да плачить, а усѣ ѣсть.

Патомъ яны и гаворють:

— Ну, што намъ таперъ дѣлать?

Вотъ яны узjali яго аттуда вывылыкли: увесь іонъ у криви;

пато́мъ вы́вѣлыкли яго жо́нку съ-паде́ печи. Вотъ у яе на́б-
дины усе груди и усе пя́реты на рукахъ.

Вотъ яны спра́шють у яго:

— Што ты ета узду́маў?

— Я и самъ ни зна́лъ, што са мной случи́лось,— я и самъ
ни знаю.

№ 50.

Калдунъ,—люда́бдъ—краваніўца.

Якъ калдунъ люде́й заидаў, каторыи. спать лажо́мнись, на
кстились, ворыта ни растягывали и ни распаясывались; за́бмши
тыхъ люде́й, калдунъ кроў ихъ лактаў.

Стра́нника у дарози обняла но́чь. Видитъ іо́нъ ро́щу, пу-
варати́лъ къ ей и заначуваль тамъ, паде́ дыряво́мъ.

Но́ччу видитъ: и́де́тъ къ яму чилавѣ́къ у бѣ́лымъ аді́яніи
и новыхъ ла́пцѣхъ: яму стала што-та ўжа́сна.

Низнако́мый па́дшо́лъ къ яму, талену́лъ яго и гаво́рить:

— Уставай, пайде́мъ!

— Да, куда́жъ мы пайде́мъ?

— Гаваря́тъ: пайде́мъ!—такъ пайде́мъ—ну, иди!

Прахо́жій са стра́хымъ ишоў за низнако́мымъ.

Пришли у дьяре́ўню. Падашли къ и́дному до́му; калдунъ
нагла́дѣ́лъ на вароты (ета калдунъ быў), гаво́рить:

— Пашоў бы сюды, да за́пирта крѣ́пка.

Прахо́жій видитъ, што са́усимъ ня крѣ́пка, атка́заятъ:

— Да яны лё́два приперты.

— Да, гавари ты мнѣ! еты вароты ха́зяинъ за́ксти́лъ на
нычъ, а тири́зь хре́сть и мнѣ ни́льзя праха́дить.

Та́къ иво́бми́ръ са стра́ху прахо́жій: видитъ, што чилавѣ́къ
е́тій штука ни яка́я нибу́дь.

Пришли къ дру́тому двору; вароты е́тыга двара бы́ли крѣ́пка
за́перты.

Калдунъ то́льки ногой таў́хануў, усе за́поры уро́зь: варо́ть
тыхъ ха́зяинъ ни захсти́лъ.

Ухо́дють у вь и́збу, усе спать крѣ́пка. Калдунъ свѣ́чку
пали́лъ, па́дшо́лъ къ и́дному чела́вѣ́ку и гаво́рить:

— Етыга и іосьць узять за што, да пильзя: іонь на нычъ хата и ворыта ни растягнуль и ни распаясался, ну, пиряхра-стился.

Къ третьему пидходить, каторый спалъ съ жонкыю, кал-дунъ гаворить:

— Ну, етыга узять можна, да и іосьць за што: іонь ни пиряхрастился на нычъ, да и ворыта ни растягнуль и ни рас-паясался.

Узяль калдунъ этыга чилавѣка аднэй рукой за поясъ, а другой за ворытъ и вынесъ яго сонныга на сярѣдку избы, сѣль на яго вярхомъ, якъ на барана, узяль у руку ножъ и гаво-рить прахожиму:

— Ну-ка падай вядро!

Прахожій подалъ яму вядро.

Калдунъ хазяина зарѣзалъ и кроў у вядро спустиль, по-тѣмъ пачаў жадна лактатъ кроў, а ина такъ и такѣтъ и тя-кѣтъ пу барадѣ и жупану.

До сыта напиўся, тады надасть прахожыму вядро съ кроўю и вялить пить.

Прахожій и туды и сюды атвливать, ну, атказыватца нильга: паказытъ для виду, што пьеть, а самъ льеть кроў на груди.

Пѣтѣмъ прахожій паставиль вядро и гаворить:

— Ну, я напился!

— Даўно бы такъ!

Тымъ часымъ калдунъ бросиль мертвыя тѣла на пражнія мѣста, а самъ изъ хаты вышилъ.

Тольки яны вышли на вулицу, а тутъ зацѣль пятухъ. Кал-дунъ „залапатѣў“, пылятѣў прима къ кладбищу. Прахожій улазни застаўся и да вутра праспалъ крѣпкимъ сномъ.

Праспыаитца прахожій, слышитъ: выють у дярѣўни, и пай-шоў у тэй дворъ, идѣ бабы галасили.

Выли у тымъ самымъ дварѣ, идѣ калдунъ заѣль чилавѣка; да яще па жонку пакойника абѣду узвали, што ина мужика загубила. Бѣдная баба влялась, што ни ина, а ёй вѣры нима.

Прахожій у хату увайшоль и гаворить, што самъ видиль.

Тады мужики атказыють:— „Такъ и будить! у насъ ни-даўна памѣръ калдунъ—Мартынъ—такъ яго прадѣлка.“

Сичасъ сабрамшись, на кладбища пайшли, калдуна атрыли, видють: іонь акраваўлинъ. Маладуху аправили.

Калдуна асинывымъ колымъ прабивать. Якъ яго прабивали, изъ магила гукъ вышіў, слова карова ряветь.

Нипримѣнна заўжда, якъ спатъ ложысься, крестись, распаясьвайся, и ворыть растягивай.

Отъ крестьянина деревни Медвѣдовки
Емельяна Данилова.

№ 51.

Папокъ-кулдунокъ.

Салдатикъ паўчилъ пупка-калдунка за то, што онъ на свадьбахъ добрыхъ людей ваўкулаками дѣлалъ: папокъ-кулдунокъ атъ салдатскыга паддѣлу падали абажрался са сваею старухой.

Стаяли пастои салдатскіи. Мужичекъ уздумалъ свадьбу игратъ, — пашолъ къ священнику, пумирилъ священника:

— Я тибѣ благаслаўляю свадьбу игратъ — тольки праси тогда старика видьмака!...

Приходить атъ священника дамой и гаворить:

— Аднаво пупа пумириў — и таво нада мирить!

А салдатъ, што на пастои быў, спрашнить яго:

— Якой жа у васъ ящо попь?

А іонъ атказыить:

— А, служивинькій! тэй хитрѣй пупа — таво нада мирить.

— Чимъ?

— А вотъ чимъ: бальной калдунъ — паддѣлаить свадьбу усю ваўкулаками.

— Харашо, хазяинъ! Праси мене у ротныва, штобъ я тибѣ дружомъ ѣхаў — ни утрачивай ты денихъ на видьмака: мы бизъ яво свадьбу стуляимъ.

Іонъ пашоў къ ротному:

— Ваша блугородія высокая, увольнитя майво салдата-пастаяльца на свадьбу мнѣ: я вамъ за ета подарачикъ подарю — подарю парасенка и мядку дамъ!

(Онъ тада ища панѣсь парасенка и мѣдъ къ яму).

Публагодарилъ ротныва, што апустилъ салдата и цряшоу дамоу. Тада служивый гаворить хазяину:

— Хазяинь, іость ли у васъ на дярёуни сродичь-братъ?

— Іость родный братъ.

— Што у яво лошади будуть пахужій тваихъ?

— Пахужій.

— Ну, цуминяй! яму атдай харошую, а худую вазьми: пада мной адна лошадь прападетъ.

Онъ sibѣ лошадь пиремѣнилъ—у брата худую узялъ. Служивый дружкомъ поѣхалъ у свадьби надъ вянецъ.

Ѣхали терезъ тѣе дярёую, идъ напокъ—колдунокъ.

Ѣдутъ прати яго двора. Яны, старикъ са старухою, глядять у вакошка. Старикъ атвичаить салдату:

— „Ты малалѣтинъ на свадьбыхъ ѣздить!“...

— А идѣ жъ старыхъ набратца? малалѣтнимъ надоби ѣхать.

— Ни спрасясь у мене, идитя!...

— О, будимъ мы спрашиватца у старыхъ чартей?!.

Прапустимъ ихъ да храма. Раўняютца пиривинчамнись прати вакна. Какъ ѣхалъ прати вакна, лошадь бухъ и унала надъ салдатымъ. Приказалъ лошадь валочъ къ акну. Палажили лошадь прати вакна; сани привизали къ другимъ санёмъ.

Выхадіу старикъ вонки са старухою умѣсти и стали лошадь эту грызъ зубами, вѣби. Сыны узнали, што атець зъ матерью лошадь ядутъ, пашли у хату за цѣшою. Яны жъ атарвутца атъ лошади и знову ѣсть, морда у ихъ у криви—скубуть. Привязывали сѣны атца съ матерью на цѣшь на вярёўки, штобъ лошадь ня ѣли,—ничога ни ўзяло: вярёўки пираидали зубами и усѣ къ лошади бѣгали—лошадь ѣли.

Сыны пашли къ стыму салдату пращенья прасить:

— Прасти, служивый: наши атець зъ матерью абѣѣлись канятины.

— Я имъ ни пращу ва вѣки вякоу: яны многа зла панадѣлали людёмъ. Идитя дамоу—нѣтъ пращенья! Ни праситя—и па мѣ хто нибуть Богу намолить, што я злодѣіу жѣіу.

На нычъ сынауѣ привязали кулдуноу у въ ізби. Сарвались nochу и абѣѣлись кабылятины: оба ряпились.

№ 52.

Якъ сынауя батьку, видьмана, харанили.

Жіў адинъ мужучокъ, и такей іонъ быў багатина, што іонъ прѣма ни знаў своей казны. Було у яго три сына: два жинатыхъ, а третій халдестый. Вотъ іонъ забалѣў, патомъ сабраў усихъ свайхъ сыноў и давай ихъ благаблаўлять: каторыга хлѣбнымъ, каторыга диньгами, а каторыга скатомъ; патомъ и гаворить: „Ну, дѣти мае, ня гнѣвайтись вы на мяне: а какъ я буду памирать“. Патомъ, черизъ нѣскалька ўремя, чувствать іонъ сваю слабасть и смерть. Вотъ іонъ сазвалъ своихъ сыноў и нявѣстыкъ. Стаять яны и жаластна плачуть. Патомъ іонъ и давай имъ приказывать: — „Ну, сыночки мое, галубчики, што я буду гаварить, и буду васъ прасить, то вы и здѣлайте. Какъ я буду умирать, то вы вазьмитя, да нада мною разбярить стальницу: тада я сканчаюсь.“ — Патомъ и началъ ужъ прасить службу, и гаворить: — „Дѣтачки мае, ящо буду прасить васъ здѣлать адну службу: какъ я скончусь, то вы вазьмитя, вытапнѣте печку, и нагрѣйте три катлы вады, да какъ ня можна нажарчѣй, патомъ палажитя мяне ў карыта и ваду ету узлейте на мяне.“ — Патомъ и начаў канчатца. Вотъ яны, думали, думали: — „ну, какъ ацоўскага пуваленія ни исполнить?“ — Узали, стальницу разабрали — іонъ и кончѣся. Патомъ думали, думали: — „ну какъ можна мертвыя тѣла варить варымъ?“ — Старшій братъ гаворить: — „ну, какъ можна атцоўская приказанія ни исполнить?“ — Узали, затопили печку, накіпятяли воды; патомъ уняли карыта, и палажили яго туда, да какъ линули варымъ на яго тѣла: патомъ іонъ какъ зашавелитца, какъ высачить изъ яго ни извѣстна хто, какъ захачить, какъ засмятца, какъ пубажить низнама буда. Патомъ яны вынили ета тѣла изъ карыта. абмыли яго и палажили на кўтъ. Патомъ пашли за священнымъ и схаранили. А ежили бѣ яны етаго ня сдѣлали, што іонъ имъ приказаў, то іонъ ба ни даваў имъ пакою дома: патому што ў яго тѣли сядѣў акаанный духъ, и іонъ бы ў яго тѣли хадѣў.

Похарыны видьмана.

Быў адинь старикъ, и було у яго 2 сына; аднаво атдали у службу. Старикъ быў бальшэй видьмакъ. Етый старикъ памерь; якъ яго схували, то іонь пришоў съ кладѣнца и навывнуў усихъ зъ дярѣўни. Изъ другой ужъ дярѣўни насили яму вужинь у сваю хату. Пришоў яго сынъ са службы, и была у яго сыбачка. Заходить іонь у свой дворъ, нѣту ни кога—гарить адинь аганекъ; пасматрить: стаить гробъ сяредь хати. Приходить іонь у хату, садитца на кутъ. На сталъ на етымъ стаить водка (нявѣстки вужинь яму принасили), блины, каша. Давай салдаты етый вужинь прибирать. Павужинаў іонь, падходить полночъ. На грабу на томъ було 12 абручоў. Упалночъ еты вубручи усе палопали. Устаець етый старикъ зъ гробу: — „во хто ета у мой дворъ пришоў?... Кто мой вужинь паѣль?“ — Стали еты батька съ сынымъ дратца, а салдатыва сабачка усѣ етыга старика за ноги кусаить. Дрались яны да свѣту. Сынъ спрашійть: — „тата, идѣ палажить тябе?“ — Старикъ яму ничога ни гаворить, только усѣ дяретца. Изъ питухи працѣли, старикъ етый заваліўся: яго и палажіў сынъ у гробъ. На другой день къ вечиру, салдаты пяты пришоў старецъ атца. Ипяты упаўночъ абручи на грабу палопали, старикъ вышій изъ гробу: — „а-а, ты тутъ?“ — Ды тутъ. — Ипяты яны стали дратца. Сынъ ипяты спрасіў: идѣ тябе схувать? — Старикъ усѣ зъ имъ дяретца, а ничога ни гаворить. Ныканецъ видьмакъ гаворить: „ну, я табѣ скажу, идѣ мяне схувать, а только ты заўтри привязи мнѣ 40 ведирь вотки, да 60 валоў.“ — Вотъ яму за динь мужуки усѣ ета даставили. Салдаты на третью ночь ипяты у етый хати. У паўночъ старикъ зъ гробу устаў. Шаходить, паходить на хати, — падъ бочку надляжить, ды й гарѣлки папъеть; вола раздыреть, да й зѣветъ. Усѣ ета іонь папіў, паѣў и гаворить на сына: „іосъ сысна на поли, падъ твою сасною мяне схувайтя: тамъ мнѣ мѣста“, Ну заўтрича павѣзъ сынъ атца; за динь зvezъ только на $\frac{1}{2}$ вярсты. Абхватила ночь. Салдаты етый ширябуў питами упаредъ лапти, штоба яго на слидамъ ни нашоў батька. Уздѣзъ іонь на влку. У паўночъ старикъ изъ гроба устаець. Искаў іонь яго, искаў,

нашоу на ёлен. — „Э-э-э, братъ, во йдѣ ты!...“ И палѣзь къ яму на ёлку. Нямнога іонъ да яго ни далѣзь, запѣли питухи — іонъ абъ землю брякъ! Салдаты яго у гробъ палажѣю. Приходигь вутрымъ салдатыу братъ, салдаты гаворить: — „ну, братъ, пристау мнѣ 6 лападей... Привяли яны шесть лападей, запрягли и цувязли етыга видьмака. За динь уѣхали тольки адну вярсту. Абнила ихъ ночь. Салдаты гаворить: — ну, братъ, заўтри, привяди мнѣ 12 лападей.“ — Салдаты ипцять ширябуѣся пятами напярѣдъ, наслідіу вала гроба и узлѣзь на сасну. Старикъ у палночь устайши зъ гроба, доўга искау яго, нашоу на саснѣ и лѣзить къ яму. Чуть чуть яго ни дастау, запѣли питухи. На заутрича запрягли ужу 12 коній и вязуть видьмака харанить. Насилу даѣхали къ паўночи къ саснѣ — ужу абручи на грабу стали лопать. Тольки падвязли къ саснѣ: сасна паднилась. Яны яго падъ сасну; душа тады ў видьмака вонь.

Отъ кравца Лаврина Егорова.

№ 54.

Якъ Голубъ хараніу свайго сусѣда Увароуськыга видьмака и назнарѣшняя лапти пирибувау, штобъ ать яго утінать.

Іостъ сяло Ляхава, дярѣня Уварава. Быў вѣ Уварави бальшей видьмакъ, и быў тамъ мужикъ бѣдныи, хвамилиа Голубъ. Тольки іонъ съ видьмакомъ пастаянна быў у вздѣри, и дужа видьмакъ на Голуба етыва былъ сярдить.

Чуѣствувау видьмакъ сваю скорыю смерть.

Были у видьмака три сына. Призываить къ сабѣ сынѣу на лицо:

— „Вотъ, дѣти мае любезныя, приказываю вамъ при жіўнысти, если я памру скоро, супоўнить мой приказъ, што я буду приказывать.“

Ни харанить мне ў Ляхави“!..

— А гдѣ жъ, батюшка, тибѣ схувать?

— „Наймита мѣста у Хмарѣ и выкыпайта яму, штоба къ вечиру была гатова... И наймита свящѣнника, штобъ іонъ мне у ночь схувау, заплатита, што яму стоить...“

Наймита Голуба мне везть туды. Если-жъ ни наймитца,

то съ тога свѣту ни дамъ вамъ життя; если вы мае приказы супоунитя, то на тымъ свѣти вами буду даволинъ...

Многа ль, мала ль, пожіѹ видьмакъ, сабирайтъ свайхъ дитей да кучи ипять:

— „Дѣти мае любезныя, ни астаѹтѹ жь маеі просьбы, абь чомь я васъ ужу прасіѹ: Голыба наймитя! я скоро намру“.—
Кончіѹ захвараѹши жисть.

Приходють яны къ Голубу.

— Братъ Голубъ, што ты зь насъ вѹзьмишь атца нашива звесть у Хмарѹ? тамъ яво будимъ харанить.

— Вы даваитя Бохъ знайтъ што, я атца вашива ни пу-
вязу, патаму что іонъ видьмакъ, мине зѣѣсть.

Што тутъ дѣлатъ? Паѣхыли у Хмару, аткунили мѣста, священника запрасили, штобъ ноччу харанить, када придитца. Священникъ пытайтъ:

— Якую ночь будити привазитъ?

— Батюшка, пийзвѣсна—када наймемъ како везть.

Ипять приходють къ Голубу.— „Ну, штожъ, Голубъ, сагла-
сйсьятя нашива атца везть?

— Нѣтъ!

— Вотъ табѣ сто рублей!..

— Нѣ-ѣ!..

— Вотъ табѣ двѣста рублей!..

— Нѣ-ѣ!..

Ну, Голубу челаѣкъ падраіѹ:

— Абуѹ лашти напередъ пѣтами, тольки прикази гробъ
крѣника скрутитъ елипнями, и штобъ ихныи лошади были. Иди
кала гроба,—ни садись нійдѣ,—и тапоръ съ сабой зѣ пайсъ
вазьми!..

Приходють сынаѹбъ къ Голубу:

— Ну, што, Голубъ, ти раздумаѣся везъ атца?

— Раздумаѣся.

— На якій акѣнциіи?

— Триста рублей—пувязу!..

— Ну, триста и триста!

— Вашихъ нара лашадей, штобъ была!

— Будуть!..

— Гробъ скрутитъ елипнями харашенька!..

Къ начѹ усѣ приготовили:

У гробъ пиридь вичаромъ батьку улажили, канатыми гробъ скрутили, пару лошадей запрягли.

Приходятъ къ Голыбу:

— Сабрайся, Голыбъ: са усимъ усё спраўлина—начикъ!..

Голубъ узяў разуўся, галоўки у лаптѣхъ разрѣзаў, пярэплёў у питахъ лыкамі; іўляйтца къ імъ пярэбуўшисъ. Талоръ за пайсъ заторнуў, и атпраўляйтца са двара съ пакойникымъ.

Штоў усё кала гробу, дайшоль да Ладапкина сасонника—астанаўлютца лошади—ни зъ мѣста!.. Какъ еты вярэўки уси на гробу параскачилися, а Голубъ ударіў бѣчъ ать страху у сасонникъ—вылазитъ мятвецъ изъ гроба.

— Ну, ужъ тыперъ ты мѣ пуцаўся, Голубъ! я тибѣ дауно ажидалъ!..

Глядь, слѣдъ пашоў назатъ—іонъ ударіў за імъ у дагонъ. (А Голыбъ улѣзъ тымъ часымъ на сасну). Пабыль видьмакъ, идѣ думаль найтѣть Голыба, абхадилъ—нѣту яво. Прибигаить къ гробу, разсматрѣў: слѣдъ пашоў у сасонникъ; падходить къ саснѣ—слѣдъ кончіўся. Усматрѣў на сасну.

Голубъ на саснѣ. Кричить:

— Лѣзь, Голыбъ, далоўки!..

— Нѣтъ, ни палѣзу!..

— Ни палѣзишъ—я самъ къ тибѣ палѣзу!..

Маўчить и трясётца, якъ асннывыи листъ.

— Лѣзь далоўки!..

Кричить Голыбъ не ў галаву:

— Рятуйтя, ай, рятуйтя: видьмакъ заидаить.

Аткель ямщикъ ѣдитъ па дароги, кричить:

— Атстранай дарогу!..

— Батюшка, памилуй: видьмакъ заидаить!..

Саскакываить кучиръ, падбигаить къ саснѣ, чаво кричить.

— Што такая?

— Видьмакъ на сасну лѣзь.

— Лѣзь, ня бось: тутъ никѣва нѣтъ у низу.

Слѣзь; пашли туды, къ тьялѣги, къ лошадамъ.

Приходятъ.

— Идѣ жъ твой видьмакъ?

— Ни знаю, батюшка! а іонъ заидаить мене.

Пасматрѣть: падъ павозкыю ляжить.

— Тащи яво съ павозки, клади яво у гробъ!

Палажили у гробъ. Злазить сидакъ съ лашадей, каторый на дароги Ъхаў:

— Накрывайтя крышку!

Крышку накрыли. Сидакъ выймаитъ шаблю съ-падъ боку, сикануў нахристь грабницу и гаворить:

— Цѣль будить тянерь, галубчикъ, ня вылизить—вязи!

Ни стала ни имщика, никова ли яво близка.

Ионъ и павезъ пакойника у Хмару, благапалушна привозить; далажили священнику, што мертвеца привезъ чиларѣкъ, а поць ужъ знаить, што харанить нада. Шубудили причетникыў, пашли у храмъ, провяды атслужили и схаранили начью.

Голыбъ астаўся благапалушинъ, триста рублѣў цулучилъ.

№ 55.

**Якъ рыла́тыга чорта изъ видьмаковый шуры в`арымъ пра-
ганяли, ажно загагатау аттѣль.**

Сынъ ничога ни знаить видьмавства, а батька дужа знаить.

— А, сынокъ, мнѣ стольки жить и стольки!..

А сынокъ гаворить:

— Што ты сваю смерть знаишь? Илья ты прарокъ, ти што?

— Када бъ я ни знаў, ни казаў-ба; а то я знаю, да якога урѣми жить буду.

Приходить яму тоя уремя.

— Я сяни буду умирать.

— Што ты такъ сяни будишь умирать?

— Я чуўствую, што мнѣ жить нямнога застаецца.

И лѣхъ ионъ.

— Хадитка ка мнѣ, сыночикъ, хади!

Ионъ падышоль, пришоль къ яму.

— Сыночикъ мой, паслухай ты мене: я такъ ни умру.

— Ну, якъ жа ты такъ ни умрешь?—Якъ Вохъ дастъ, то и умрешь.

— Узлѣзь на паталокъ: ты увидишь увесь мой трудъ!

А нявѣстка гаворить:

— Уси сміятца будутъ! нярушь-ка нярушь-ка такъ паляжить?

Ляжить ионъ день, ляжить и другой—усѣ такъ.

Стали люди сына угаваривать:

— Якъ такъ ни послухать батьки? просить, такъ нада послухать.

Узлѣзь сынъ на хату, паталѳчину падняль и глядить, у двери якъ идуть акаянны. Ня тутъ то будь сказана: и усѣ крющча залѣзныя нясутъ съ сабою, а іонъ на лаўки ляжить нямытй.

Чартоў па десить засилють крющчами рябро и нясутъ яво засилѣмши, усѣ идуть, усѣ идуть, зашлють и валакутъ, зашлють и вылакутъ—и чиста уси ребры паразабрали.

Сячасъ идеть зъ елкъю и у двери ня лѣзить (ета былъ павѣшеникъ, іонъ на ели задавіўся — апасля чартомъ здѣлаўся и зъ елкъю пастаянна, якъ часавой ходіў и къ тому видѣмаку пришоў. Мой дядя казаў: дужа страшны павѣшинники. Повѣсіўся у аднымъ лѣси парень съ дѣвушкой, тамъ дасѣль абухѳдачикъ іось. Бѳлозе, дядя крестную малитву знаў. Адинъ къ вѳдному качаютца — и неподалеку отъ дяди, якъ іонъ прахадіў — и гукаютца: татосій, татосій.

Завярнулся тѣй чортъ назадъ, а хрибетная кость ужъ адна асталасъ — астатнѣя усѣ да чиста абабрали.

Шкура тожа лѣжить.

Во тады лѣзить и самый атаманыщѣкъ, — галавюга матирая у шляпи, — идеть; тады узяль шкуру, надѣль на сябе, слова чахоль, лѣхъ и ляжить.

Нявѣстка и завыла:

— Батичка мой, галубчикъ!..

Во сынъ лѣзить съ паталоку (іонъ видіў, якъ грибатй и рылатй чортъ залѣзь у батькину шкуру), на жонку забранился:

— Вытницы ни видать — выть будить! нада за мущинами иттить: мыть нада.

— Да, надаби схадить.

Пришли мущины, чилавѣкъ съ шастокъ, пазвалъ назнарошнѣ ихъ, на жонку закричѣль:

— Клади скарѣй дровы у печку!

— Што ты адурѣў?

— Стаў чугуны зъ вадой у печь!

— Да, у мене вада тѣплая іось.

— Икая ето вада? ни горяча, ни калива.

Дроў наклали, два чугуны бальшихъ налили.

Мущины сидять.

— Пагадита, братцы, пагадита! нярушь, закипитъ бѣлымъ ключимъ.

Кипятъ чугуны бѣлымъ ключимъ; во тады ихъ выймятъ. Самъ узялъ чугуны и другога сусѣда затѣиу.

Мущины глядятъ, што такая будить.

— Глядита, ребяты, будьта свѣткью!

Несеть чугуны, и яще мущины абы чугуны нясутъ. Іонъ лжить.

Якъ зашоу снѣ, сичасъ съ лысины якъ шархнуу тиризъ галаву чугуны—уси мущины видили, якъ цѣхта загагатау: го-го, го-го—и пашоу кверьху, и пашоу.

Аднѣй шкуры съ пригорщи засталась; усе патухла, ничаво на кутѣ нѣтути.

Во якъ мой батька помиръ—и пашоу звать ня нужна!

№. 56.

Способъ погребенія змѣя-чудовища: мальчики и дѣвочки запрягли въ телѣжечки пѣтушковъ и курочекъ и возили землю на могилку змѣя.

Около Боровскаго (деревушки Смоленскаго уѣзда Прудковской волости) околѣлъ огромный звѣрь.

Никакъ не могли похоронить праха чудовища, отъ котораго распространялось нестерпимое зловоніе. Наконецъ, одинъ колдунъ далъ совѣтъ, какъ похоронить чудовище. По совѣту знахаря, отрядили маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые запрягли въ телѣжечки пѣтушковъ и курочекъ и возили на могилу змѣя землю, пока безслѣдно засыпали его прахъ.

№ 57.

Якъ хазяинъ кладища (первый пакойникъ, схарѣнитый на кладищи) съ прочими радитилими разговоръ мѣу.

Ишоу старичекъ старинькѣй; ишоу, ишоу.

Узвалиуся:

— Дай-ки ляжу на кладищи.

(У лѣтку ета дѣла была).

выли, а дярёўня нидалёка. Самъ сабѣ и думайт етый старый:

— Жалка, што да дярёўни ни дайшоль ли нашлега: дярёўня близка.

Стаѣ, пумаліўся — пириначую тутъ.

Якъ завѣѣи тамъ, усё къ яму падходють пакойники.

— Нада у хазяина спраситца, ти можна намъ итти у дярёўню, на пѣминь.

(А тамъ, у тѣй магилки, идѣ лижаў старикъ, быў хазяинъ кладица, первый пакойникъ, схаронитый на кладищи).

Хазяинъ — пакойникъ и гаворить прочимъ пакойникамъ:

— Идитя, идитя — идитя сабѣ зъ Богымъ!

— Пайдешъ жа и ты?

— Мнѣ сяводни нильзя: у мене наплешникъ начуить.

— Нярушь съ Богымъ начуить: чужей чилавѣць пришоў нада яго бяречь.

Идутъ съ пѣминькъ къ хазяину, ипать падходють.

Хазяинъ пытаить:

— Ти многа народу была?

— Было-тки народу давольна.

— Ти харашо жъ вамъ тамъ была?

— Усе харашо, слаўна была — только адно дѣла: парядку бальшого нѣтъ, хуть сабѣ и харчоў давольна. Нясутъ кашу, нясутъ и блинцы. Блинцы ниразризаны нясутъ на столъ. Узыскались ножика, ищуть — порють: яны и тамъ, яны и тамъ.

Узсирчались за етый ножикъ, ни найдуть нажа и гаворють:

— А ня йщитя нажаў: ета радитили падввили!

Такъ ета жалка намъ стала, ни харашо: мы усѣ сичасъ узали съ-за стала и нашли — и ни пакушали мы етый ни кашѣ, ни блинцоў.

А хазяинъ гаворить:

— Ахъ, имъ ни нада было такъ гаворить на васъ, а вамъ ни нада было ужу гнѣватца, нада было дасѣдить да канца.

Ляжить. Только якъ стала тѣмна, сонца зайшло — во и за-

Якъ жанихъ изъ мѣртвыхъ, съ тѣга свѣта, за навѣстый прѣйхаў, навѣсту съ сабой увѣзь и лѣдва ни стрѣтилъ, да, болозе, пакойная хрѣстная matka парѣила дѣўки, якъ збавитца агъ чѣрта.

Засватались паринь съ дѣўкаю; паринь тѣй захвараў и умираѣ. Дѣўка тая ташнуить — бядуить, гудѣтъ па ѣмъ; matka зъ баткаю ничога: умираѣ дакъ и умираѣ — женихоў многа.

А ина сядить па дъ акномъ — плачить. Вотъ юнъ и ѣдить — лошаты харошая.

— Што ты ти байсяты мине?

(А ночь видная).

— Чаго жъ я буду баяца тибѣ? я рада, што табе увидила, рада да смерти.

— Напрятайся патяплѣя, штобъ тепла была.

Шубу-жупанъ напранула, сѣла на лошаты; ѣдутъ зъ имъ, ѣдутъ.

Мѣсиць свѣтитъ,
Мертвый зъ живымъ ѣдить.

Ти байся ты? — ипать проѣдутъ:

Мѣсиць свѣтитъ,
Мертвый зъ живымъ ѣдить.

Ти байся ты мине?

— Чаго я буду баяца съ табою? Я рада да смерти, што тибѣ увидила.

Мѣсиць свѣтитъ,
Мертвый зъ живымъ ѣдить.

Ти байся ты мине?

ѣдутъ; у церкви свѣчи гарять.

— Ну, иди жъ ты у церкаў, а ни станавись на правый рукѣ, а стань на притвори, а туды ня йди.

Пришла у церкаў, стала на притвори. Глядитъ: блѣдный такой народъ, блѣдный, а matka хрестная стайтъ ли царьскихъ дварей, ли самыга круга. Глядь назадъ: ина стайтъ.

— Боджинька, ты мой, што ты ета пришла? — Ахъ, мая дачушка, ета мертвый народъ, ни живой.

Ина ни кажитъ ей.

— Што ты ета ни кажишь?! А ета ты прѣѣхала, знаю, зъ женихомъ сваймъ. Вить іонъ тибѣ стратить, іонъ ни прастый чидовѣкъ, а глупить. Ня стой жа ты тутъ: а то сичасъ церкаѹ запретца, выходи съ церькви скарѣй и бяги. Гляди: будить агонюшикъ гарѣтъ и ли етыва агонюшка будить ихъ троя сядѣтъ: тѣя и тѣя—ихъ мать змля ни примаить. А ты напранъ адежу, а руки ни ѹдивай у рукавы, ни ѹдивай!

Іонъ тибѣ саскрябеть:

— Куды жъ ты идешъ? Што ты минѣ ни даждалась?

— А ты кидай адежу, спускай яе съ плечъ, а сама сколько іость у тибѣ силы, утикай ать ихъ: ты ня близиньѣа завезина: и бяги, и бяги: у такей дярѣѹни сидять—старикъ умиръ.

Ина бѣгла, бѣгла; іонъ схватаѹ яе и усѣ адежу зъ ей, комкаѹ, комкаѹ—на лускуты парваѹ, сама жъ ина убижала.

Бягить, бягить; сама сабѣ думайтъ:—„ня быть миѣ у живыхъ!“ Сѣнцы атпѣрты. Якъ бѣгла, у ту избу; народъ сядить многа надъ тымъ чѣлавѣкамъ. Глянули на іѣ и спужались.

— Што ты ета дѣѹка зъ лица змянилась?

— Ахъ, вы, маѣ тетычки и дядички, на силу Бохъ унесъ.

— Ахъ, ты, такая и сякал, ета сатана змустиль тябѣ: честный чидавѣкъ, якъ ѹмреть, такъ іонъ и ляжить сябѣ спакойна.

Прашнулися matka зъ батьѣай, уздули лычинку: дѣѹки нѣту.

— Божжа мой кармилицъ, ета дѣѹка дурная нѣшта уздумала! Чаво ина у голува заходитца, што ей женихоѹ нѣту!..

Дали ей тамъ напранутца; идетъ жа, идетъ.

Батьѣа зъ маткѣй стали бранитца; рассказала имъ:

— Праститя минѣ: ня буду тяперитка па имъ плакаты: нихай паѣмъ лиха плачить, а ни я. Спасибо matки хрестный кармилицы: вѣкъ яе буду пуминать—када-бъ ни ина, на свѣти бъ минѣ не была.

№ 59.

Якъ пакойница старуха дитѣмъ сваймъ спакую ни давала, пакель ей нявѣстка свой пристоль на неби отказала.

Идна баба умѣрла. У вагароди яе сына зъидайтца капуста,—за нычъ качаноѹ пять и шесть. Жана и гаворить мужу:

— Сходи и падкарауль, хто ета нашу капусту ёсть?..

Лехъ у баразнѣ, ляжить. Приходить мать съ таво свѣту, узила капусту ёсть.

— Мамъ, што ты насъ агалажаишь?

— Сынокъ мой, скажи сваей жонки, маеі нявѣстки, што у ёй три престола на томъ свѣти, а у мине ни водныва; ни-хай ина мнѣ аткажить адинъ.

Приходить у хату, наполь жонку, .разказаль ёй: такъ и такъ; потѣмъ и просить яе: — „аткажи матки адинъ престолю,— падумаі!..“

— Пажалый сибѣ ёй адинъ!

Пристала хадить па зямлѣ... А matka ета ни давала милытини нищимъ, а нявѣстка, сколько яны ни хадять къ ёй, заўжда атрѣжить и падасть хуть адинъ ломтикъ.

№ 60.

Якъ мяртвецъ гнаўся за войтымъ, а другей мяртвецъ за-ступіўся за войта.

Пасылаў баринъ зъ диньгами, у другога имѣнія, свайго вайта: Іонъ садился вярхомъ. Многоль, мала праѣхыў, смирьякайтца; лѣтнія время: пріѣхыў у дярёўню уси спить — въ одной хати агонь гарить.

Падъизжаить къ хати, привязываить лошады; пашоў у хату:

— Здрастуйте вамъ!

Хозяйка атвичаить:

— Здрастый, друхъ!

— Што жъ ета у васъ мужъ помиръ, ай яцо што?

— Мужъ помиръ, дядюшка...

— Нѣтъ ли у тебе іўса али сѣна? Лошаты подкармилъ ба...

— Пагади, галубчикъ: я спраўлюсь сичасъ...

Пашли, Атамѣрила ямў два гарца іўса и 10 фунтыў сѣна атпуетила; палажилъ іонъ лападымъ кормъ.

— Ти ня хочишь, самъ галубчикъ, ёсть?

Када милысть ваша—я заплачу—деньги—пажалуйтя...

Наливаить ина яму малака чашку. Іонъ садіўся ёсть; ну-благодаріў яе пайўши за хлѣбъ, за сыль. Пасядѣў тоя ўремя,

пакамість лошаты паўла кормь; атдаеь хазяйки ращотъ за сѣна и за вѣсь, за ўси прадуеты.

— Што, галубушка, можна мнѣ пиринучувать, щакнуть са-маму маленичка?

Дала мѣстичка на дворѣ патдыхнуть.

Приходить у хату хазяйка. Паднаравя, устаеь мяртвецъ и гаворить:

— Што жъ ты, такая-сякая, при живымъ ты дѣлала дила нихароши,—и тыперъ ты чужова приласкала къ свѣѣ, каторый ѣдить у дароги!

Падняли драку—шумъ, крикъ у хати. Ета услышалъ старыста, што шумать — кричать. Пасматрѣу теризъ парохъ, што за шумъ у хати. Пасматрить: мужъ съ жаною дяретца. Тады онъ атвязывау лошаты и садіўся, (урабѣў, што пакойникъ устаў), іфхыў шибка, и при имъ сабака быў. Даганяить пакойникъ етыга старысту. Сабака зъ имъ нагрудки—паступіўся. Якъ пакойникъ хатить за старысту—сабака на пакойника; пакойникъ съ сабакый здѣлаить драку, а старыста увайдеь далій. Ну, тольки што старыста призжаить у скорыстяхъ къ мельницы,—привизалъ лошаты вокыла крыльца, на печь ускачіў, схараніўся: агонь гарить: адинъ іонъ ляжить, пакойникъ—мяртвецъ (натаму адинъ, што уси съ напугу зъ имъ быть, изъ хаты паразбѣ-глись.

Прибѣжау и тэй мяртвецъ, што гнаўся за старыстымъ, разарвау лошаты старыстину и сабаку разарвау. Идетъ у хату:

— Ни схаронисья ты у мяне!.. Ишь куда на нычь забраўся!..

А етый пакойникъ-прудникъ устаеь яму на ўстрѣчу.

— Якъ жа ста табѣ ня совѣтна, што ты сколько версть тонисья за чилавѣкымъ, перво жъ яго пирипужалъ?!..

И здѣлали драку сярѣдъ хаты. Падрались. Прапѣли питухи—яны и ударились ибъ полъ.

Даеь Бохъ свѣтъ. Приходить народъ у хату. Ляжать миртвяцы на масту (Етыва прудника палажили на свае мѣста, а абъ тымъ яўку дали—жана къ яму и призналась). Глидять съ боку хаты: лошаты и сабака разорваны.

— Даўжно іостъ хто у хати. Чіе лошаты и сабака!..

Іонъ на печи ледва прарячилъ и рассказалъ, якъ было; потѣмъ казау:

— Пажалуйтя мнѣ священника!

Причастіюся, ускорести съ напугу умиръ. Деньги, што везъ, усе аказались; атдали ихъ барину.

№ 61.

**Якъ старуха иднаго салдата змарила и заѣздила, а дру-
гей салдатикъ самъ съ ею пайграѣ.**

Салдаты жили на пастои, на дярёни. Адинъ салдатикъ сбился саўсимвъ сплахвѣй: ня ѣлъ ничаво на квартири.

Таварышъ яму и гаворить:

— Братиць ты мой, што ты, словна низдаровый, сланяись-тя? Увесъ жа ты учарнѣлъ! Што ты такъ аплашѣлъ, братъ?!..

— Братиць, сяду за столъ—ничаво ня ѣмъ; када два раза укусилъ, дакъ и сытъ!..

— Ну, харашо, я тибѣ пиривяду на сваю хватеру!..

Пашли вѣби къ ротному; сталь таварышъ гаварить ротному:

— Ваша блугородіе, етый салдатъ ня можить служить на служби.

— Пачомъ такъ?

— Ваша блугородіе, ничаго пици ни патрибляить.

— Низдароў?

— Нѣтъ, ваша блугородіе, гаворить: ѣсть до смерти хачу! а сядить за столъ, ничаво ня ѣсть.

— Што съ ёстымъ дѣлать?

— Нада яго на мою хватѣру пирявестъ, а мине на яго. Ета, ваша блугородіе, хазяйекою завѣстуйтъ.

— И ты, братъ, тамъ будишь галодинъ.

— Я ни баюсь: я буду сытъ у яе.

— Пиримянить-ета можна пиримянить!..

Привозють другога салдата на хватеру.

— Бабушка, сянни пиримѣна у ваеъ—новый салдатъ!

— Ну, што-жь, ничога и свѣжинькій!

(А ина таго заѣздила: день іонъ ня ѣсть, а ноччу лошады абернитца и возить яе).

Пришоў абѣдать.

— Давай абѣдать!..

Наливають яму кушання. Тѣрѣкаить ножикъ падъ столъ,

у стальницу. Салдаты садіўся за столь, сѣў за столь—запретъ здѣлоўся у ядѣ: то хатѣў, а то и шабашѣ. Пасматрѣў: падъ сталомъ ножикъ тарчить. Узяў ножъ выбрасіў, — пайдаў салдаты, якъ бытъ. Даждалися вечира. Падторнула падъ салдатымъ ипятъ ножикъ. Салдаты пощупалъ: ножикъ падъ сталомъ тарчить. Узяў бросіў яго, паўжинаў салдаты съ сямействомъ, якъ бытъ. Приходить тоя ўремя, што спать лажитца. Падобраў салдаты чуракъ, роўна съ собою, и паставіў яго у сѣнцахъ. Лажіўся спать, накрыўся шинелью; выходіў на дворъ, выносиў въ избу чуракъ, клаў на своё мѣста, якъ ложіўся, и накрыў шинелью. Приходить пулначъ. Прашнаетца ета старуха, бяретъ съ-падъ полу вузду и сякетъ па етымъ чураку и приговарітъ:

— Быў ты маладцомъ,—
Стань ты буланымъ жирябцомъ!..

А іонъ выскакывайтъ съ-падъ лаўки, выхватывайтъ у ея съ рукъ вузду, сякетъ яе самае и приговаривайтъ:

— Была ты маладицый,—
Стань ты сѣрый кабылицый!..

Стала кабылицый. Абратываў іонъ яе, садіўся на яе и уизжаў у чисто поля. Абѣздіў усе пала, сколько знаў; на зарѣ пріизжаитъ у дяреўню. Куютъ кузняцы у кузни рана и гаворитъ іонъ имъ:

— Братцы-кузняцы, бросьта свою работу: падгуйта кабылицу. Вотъ вамъ плата па рублю атъ наги!

Жива падгували на чатыри наги. Садіўся салдаты и паѣхаў. Пріизжаитъ дамой на хватеры, узъизжаитъ на дворъ, слизайтъ съ кабылицы, скидывайтъ узду.

Сикануў па кабылицы:

Была ты кабылицый,—
Стань теперя маладицый!..

Пашла у хату хазяйка—подкованы руки и ноги.

Дайшло да начальства: такъ и такъ. Ряшили старуху са свѣту.

№ 62.

Якъ вѣдьма, скинуўшись суною, хатѣла салдата зѣѣсь, а салдаты ей лапы атсѣнкъ.

Якъ были пастои, палюбилъ салдаты хазяйскую дачкѣ. Узнала хазяйка-вѣдьма, што любить салдаты яе дачкѣ, бросилась суною и кинулась у пуню, куды салдаты хадилъ къ яе дачкѣ, — ну, салдаты грызъ.

Салдаты ускѣчїѣ, пуправїѣся зѣ ею, узяѣ за пареднїи лапы, и падводитъ суку къ калодки, а у калодки тарчѣлъ тапоръ; узяѣ тымъ тапаромъ атрубїѣ сукѣ лапы:

— Воўкъ те зѣѣшь: ня будишь болїи мене грызъ!

На заўтрига пасмотрїть: у старухи руки заверчины.

№ 63.

Якъ вѣдьма, зѣ мартвыхъ устауши, свайго сусѣда за валостья патигала.

Въ Бердибякахъ гады три пумирла вѣдьма. Пашоѣ атецъ сѣ сыннмъ спать на гумно. Гўляйтца кошка и клычить батьку за валосѣтя. Батька атъ валасоѣ яе атарваѣ, шмиакъ абъ токъ. Ина, нямнога уремени пагадя, инять увилась у валосѣтя. Батька на сына и гаворить:

— Кастюкъ, дай-ка мнѣ цѣпъ: я яе парашу!..

Кастюкъ палѣзъ за цѣпнмъ, — скригнула хвортка сѣ гумна, ни стала кошки.

— Дай-ка пасматрѣть, хто ета скригнуѣ!..

Ночъ была видная: замѣтна была, якъ на сасѣдскїи дворъ узабралась черная кошка.

Батька сказаѣ:

— Таперича я ни дїѣлюсь: у тымъ дварѣ умѣрла вѣдьма (ета ина къ намъ на гумно прибигала). Ищо ширядъ смертю яе братъ гаворїѣ:

— Вы сябѣ и ня думайтя, што мая систра такъ умреть, а нужна ища перва паталокъ у хати разабратъ!..

Такъ яно и выходитъ...

№ 64.

Якъ вѣдьмы на Кармилицкую гору литали.

Быў у кристьянина на хватори салдаты. У мужука была дачка. Вотъ етытъ салдаты и пиривинчаўся зъ стью дѣўкыю. И патомъ іонъ стаў примичать: — што такоя? Ноччу прашнаіотца жонка и теща, и тайкомъ ата ўсихъ некуды ходють“. У вадну ночь, а иминна падъ Ивана Купала, іонъ притваріўся спящимъ. Къ самый паўночи адиваитца жонка и теща. Іонъ ета усё и видить. Вынимають яны съ падпечча кукшинъ, бяруть изъ яго теща и жонка па руки парашкў, и брасають на жарь. Закричаў удругъ нѣхта страннымъ голысымъ: „ляти, ляти, ляти!..“ Во яны и палятѣли воби у трубу. Салдаты узяў съ кукшина зелья и бросіў на жарь. Во и яму нѣхта закричаў страннымъ голысымъ: — „ляти, ляти, ляти!“ — Палятѣў за ими у трубу салдаты. Іўляитца іонъ на Кармилицкую гару. Во тамъ дужа многа видьмакоў, сядить тамъ на креслахъ бальной 7-ми главный змѣй и смотреть у ва ўси сторыны. Тиха таково було, змѣй свиснуў: удругъ узнилась бальная музыка, пѣсни, скоки: уси видьмаки пустились у скокъ. Салдаты етый стаить и глядять, и видить, што яго теща скачить праставалосая са старикомъ бизъ штаноў, бизъ шапки, бизъ поиса. Стала яму смѣшна: салдаты разміяўся. Мядвѣдь етый якъ свиснуў у 7 галоў, сичасъ усе стихла: хто ротъ разинуў пѣсни пѣть, — тэй такъ и астаўся; хто нагу падняў скакать, — тэй тожа. Мядвѣдь крикнуў: — „Эй, узнайтя, хто тутъ іось съ прастыхъ людей!“ — Падходить къ салдату жонка и гаворить; -- „Чаво ты тутъ? Ляты дамой!“ — Тольки іонъ пиривярнуўся, — глядь на настели ляжить. Черизъ нѣскалька ўремя, іўляитца, и жонка, и теща. Во яны у яго спрашіють: — „ты чого тамъ быў?“ — Іонъ гаворить: — „и я сыпнуў таго зелья на жарь.“ — Яны яму тоя зелья запростили братъ.

Отъ старика Емельяна Даниловича.

№ 65.

Якъ вѣдьма у трубу литала, а салдаты уси яе штуки приузышдль.

Стаяль на пастои салдаты. Прашнулся салдаты наччў падъ тоя уремя, какъ хазайка устаеть. Хазайка дуить агонь

(салдаты ня спить — слышать). Сичась кладеть ли мужа голый галень, вѣникъ, падымаить у хати мастницу, выймаить бутыль съ мастими: мажить мастію падъ калѣнками, суставы, мажить падъ пахами, падходить къ печки падмазаўши—и патаццала яе духымъ у трубу.

Салдаты ета дѣла усѣ и видиў. Прайшло нѣскольки уремени, (салдаты ни спаў), ипать у трубу вѣдма улятѣла и явилася въ изби, дуить агонь, примаить ать мужа галень, лажилася спаты къ мужу. Салдаты ета ўремя стѣршіў — ничаво ни гаваріў.—Даждался салдаты вечира, лажіўся спаты; самъ ни спалъ, а притулился соннымъ.

Уставала хозяйка. Устаеть и дуить агонь. Кладеть ли хазяина голый вѣникъ, аттваряить ипать масницу, выймаить масти съ бутылки: мажить падъ калѣнками суставы и падъ пахами мажить, падходить къ печки—пувалакло яе у трубу.

И хатѣлись салдату пулюбаццтывываить идѣ ина бываить.

— Дай, и я тамъ пабуду!..

Выніў салдаты бутель и мазаў сябѣ пу яе примѣру, становіўся къ печи, къ трубѣ—и яго патаццала.

Прилитаить салдаты на сасну, на Кііўськимъ бальшаку, на гарѣ. Гара та „Лысая“ заветца, и на той гарѣ бальшоа бываить сабранія вѣдмыў. Тамъ служивыга яго хазяйка и наслѣдила.

— А, служивый, напрасна ты такъ здѣлаў, патаму тутъ тебе разарвуть, а мне абъ тибѣ спрашиваить будуть. У етый кадущки матила усихъ вѣдмыў, а у етый мази.

Падвадила салдаты къ кадущки съ мазями, изнову яво угаваривала:

— Ступай дамой: тутъ ни твае дѣла бытъ.

Пѣтѣмъ падмазала яму падъ калѣнками и падъ пахами—палятѣў салдаты дамой, прямиа у трубу, на сваю хватуру, и лажитца спаты на сваймъ накой, на лаўки.

Услѣдъ за салдатымъ прилитаить хазяйка, принимаить галень ать мужа, лажитца спаты.

На заўтрыва устають. Была салдату харашо, а то ящо палучила пища и абхамженіе (ладила хазяйка салдату, штобъ іонъ маўчаў).

Дажидаячи вечира, лажилися спаты.

Салдаты ни спалъ, штобъ калаурить яе, якъ ана палатить.

Устаеь хазяйка, дуйть агонь, дастаеть масти, падмазыить падь калѣнками и падь пахами, станавитца ли трубы, ли печи — патянула яе у трубу—палатѣла на свои миста.

Салдаты дастаѹ масти и сонныва хазяина мазаѹ падь калѣнками, падь пахами, будіѹ яво:

— Устань, прашнись!..

Разбудіѹ; падводить яго къ печи:

— Хади къ печи, пагляди!..

Патащила яво хазяина у трубу. Прилитаеть на зборища, идѣ вѣдьмы собраны; пасматрїть: жана яво тама разгуливайтца.

Вѣдьма-хазяйка тада загаварила:

— Законный друхъ, тибѣ тутъ сичасъ рїшаты—я ни хачу етыва: зварачивайся дамой назатъ!..

Падвадила яго къ кадки, идѣ масти.

Іонъ сичасъ палатѣѹ, и ина услѣдъ за имъ; станавилися лятемши абои сяредъ избы.

— Такая сякая, идѣ ты была?

— Нїйдѣ! ты у ва снѣ ета видаль!..

Увѣрила мужа, што яму саснилась;—іонъ и павѣрїѹ.

А салдату сначала гразила, — послѣ, распїѹши водку, гадѣла—и жили харашо.

№ 66.

Какъ мужъ, перенявъ ухватку жены своей, вѣдьмы, въ трубу за ней леталь.

Была лихая вѣдьма. Скидывалась она сорокой и улетала въ трубу, да постоянно отнимала здоровье у мужа, такъ что онъ сдѣлался блѣдный, какъ смерть, еле живой.

Разъ таки мужъ замѣтилъ, какъ его жена дѣлается сорокой: обольетъ себѣ кругомъ лицо чѣмъ-то жидкимъ изъ какого-то горшочка, скинется послѣ того сорокой, да и нырь въ трубу—и полетить.

Мужъ сдѣлалъ, какъ и жена, сталъ сорокой и умчался вслѣдъ за вѣдьмой.

За сорокъ верстѣ отъ дома вѣдьма замѣтила мужа и упрашивала его вернуться: дальше ужъ ему было опасно летѣть.

Мужъ вернулся домой, да заложилъ юшкой трубу. Приле-

тѣла утромъ вѣдьма и упрашивала мужа впустить ее въ избѣ. Какъ впустилъ онъ ее, ему была отъ жены большая честь, и перестала съ тѣхъ поръ жена летать сорокой, да отнимать здоровье у мужа, стали супруги жить дружно.

№ 67.

Якъ вѣдьма салдату паддѣлала, што іонъ на липинки за тысичу верстъ слитау и сваю родину пувидаў.

Были пастои. Адинъ салдатикъ и гарюить:

— Гаспада усихъ диньщицоў дамоў атпуцають у пабыўки, а какъ мой домъ у атдалѣннысти, мне ни пуцають.

Хутьба на часиничку, на адинъ часокъ, атвѣдаў бы свайхъ радныхъ!..

Старушка яму и гавѣритъ:

— Што будить? атпуцу на нычъ да дому.

— Какъ ты, бабушка, мне атпустишь?

— Галубчикъ, пабудишь ноччу дома и назадъ узваротисья!..

— Ахъ, бабушка, ти у Бога ты была за пазухый, штоли мне здѣлаишь такая адалженія!?

— Ну, ну, будишь ты нѣччу тамъ и усихъ радныхъ увидишь—ни разказывай зъ ими; усихъ пирягѣдишь и ў ночь назадъ обернисья!..

Выводить на дворъ, выводить яму съ канюшни буланую лошадь:

— Садись на яе, служивенькій,—смотри: на во шта ина будить дарогой лѣзть—ня тпрукай: тиризъ ёлку—нихай сабѣ ина тиризъ ёлку!..

Паѣхнуў, падъбизжаить къ полю, къ гародамъ; лошаць пряма на згароду узѣхала—дый тпрукнуў іонъ на яе. Мизъ нохъ, тэй часъ, тую минуту, у яго липина—нѣту лошади—куды падѣлась, а іонъ няможить узнятца, суступить, ноги атбіў. Ходить у дярёню, пазнаў свой домъ, дабудіўси радныхъ. Радны рады, исто свой аявился къ имъ; стали иба ўсемъ распрашивать. Іонъ же имъ разказаў, а самъ балѣнь здѣлался. Далажили станавому, што балѣнь салдатець; атдали яво у казенную бальницу, списали пахождѣнія яго, якъ іонъ ѣхаў съ хватеры; съ полку увѣдали, штобъ іонъ аздоровіўши падъявился.

Пять мѣсицѹ салдаты пралежили. Якъ наказалъ свою хватеру, присудили старуху къ разстрѣлу, што калдуння: яе валшабствомъ салдата за тысичу версть шуты насили.

№ 68.

Мужикъ съ ваўками гавѳрить.

Ишоў мой батька съ карчебнью воткью. Наѳхнѹ на ихъ разѳвѳздъ у лясу Чирнаѳськамъ. Знають уси стежки и дарожки— такъ яны паразѳбѳглись уси одинъ на воднымъ у лѳсь.

Даждались начи. Адинъ водныга ни знають, куды пазашли— „а што Богъ дастъ—я одинъ пайду: ишо гуртымъ хужи вышѳиши кричать.“

Ну, ionъ идетъ. Сичасъ на дарогу узыйшоў, прайшоў только троя гони:

— Што тутъ такая? Кто ета на дароги стаить?

12 ваўкоў стали и стаять пасярѳдъ дароги.

— Я ношку паставѳи: два вядры на пирявѳсь, на калѳначкахъ сталь, руки сащанѳи. Бухъ имъ у ноги (аны ать мене нидалеча— разоў 5 ступить).

— Малайцы, прупуститя мнѳ дарогу! Идита жъ вы зъ Богымъ, куды Бохъ вамъ дарогу паказаў.

Яны сичасъ смотрятъ, што старый воўкъ будить дѳлать, а ionъ на ихъ „гаррр!“ и души у мене нѳтути, што-та Бохъ мнѳ дастъ.

Язъ прайшоў, вярнуѳся: дай, публагодарю ихъ:

— Спасиба вамъ! дай Бохъ вамъ здароѳя, малайцамъ, што вы мене прапустили. Вы идитя сваей дарогый, а я сваей патащусъ.

№ 69.

Якъ сивенькѳй старичекъ мужицкыга сабачку прутикымъ забиў, што тѳй сабачка дужа ваўчноў забиждаў.

У иднаго мужука щанилась сучка. Ахотникъ паслышаў и пашоў куплять сабѳ сабачку. Выбраў ionъ сабѳ сабачку воягъ. Адинъ задался такей бряхунъ: якъ зыбрешиць, другея къ замѳѳ

припадуць. Тога сабачку брихуна іонь и купіў. Якъ узяўса сабачка у ахотника такей злющій, призлющій; якъ уздўжіў, нападець на ваўка, удариць обь земь — у ваўка духъ вонь. Ахотникъ ужу ладныга пубраў денихъ за ваўкоў; дакъ устрѣтиўса іонь аднажды съ сивымъ старичкомъ.

Сядить етый сивый старичекъ надъ ваўками; а яны и лизать и сидять: и малыи, и аграменныи, и сивыи, и сѣрыи, а прамезъ ихъ усихъ бѣлый царикъ. Тэй бѣлый царикъ, кали тронить чилавѣка, то и уси на яго: а ня тронить, то ни водинъ ня тронить.

Во сивый старичекъ и гаворить на ахотника:

— Пазволь, душичка, маимъ сабачкамъ пубаротца съ твоимъ; и ня то, штобъ усѣ мае сабачки на твайго гуртомъ навялились, а па диночки будутъ выхадить.

— Изволь!

Ахотникыў сабачка десить ваўкоў пиридушилъ.

Тады старичокъ атдаў ахотнику задўшинныхъ ваўкоў и гаворить:

— Вазьми сабѣ ихъ, и то я табѣ прашаю, што ты забихдаў маихъ сабачикъ дапрежда и таперишнія абида; ну, таперъ, галубчикъ, ни давадетца табѣ болій ахотитца на ихъ, — будь жа даволинъ, што пулучіў.

Съ етими славами старичекъ, якъ сикануў ахотникыва сабачку сваймъ прутикымъ, тэй издохъ.

№ 70.

Собственныя дѣти колдуна по его неосторожности подѣлались волками; отъ удара палкой обь мяльлицу они могли бы принять прежній образъ.

Какой то колдунъ изготовилъ питье съ злою цѣлью сдѣлать „поддѣлъ“ на свадьбѣ. Но собственныя дѣти колдуна выпили волшебный напитокъ и стали волками.

Послѣ того колдунъ просилъ сосѣдей не стрѣлять волчатъ, а ударить, при видѣ ихъ, палкой обь „мяльлицу“; случись при этомъ оборотни, они могли бы принять прежній образъ.

Мужичекъ-оборотень.

Любовница, колдунья, превратила мужичка въ волка; долго мужичекъ „страждалъ“, покамѣстъ не узналъ, что нужно, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ, перекинуть черезъ себя три раза рѣзвины.

Во время крѣпостнаго права спознался одинъ мужичекъ съ колдуньей; а какъ пересталъ онъ любить ее и знаться съ нею, покинутая любовница превратила его въ волка.

Много лѣтъ „страждалъ“ мужикъ.

Только съ виду онъ казался волкомъ, а думалъ и чувствовалъ, какъ человѣкъ.

Пошолъ странствовать. Подерается къ жнеямъ, стащить у нихъ кусочекъ хлѣбушка, выпьетъ водицы, — тѣмъ бывало и сытъ.

Особенно плохо было оборотню зимою, когда по глухимъ снѣжнымъ полямъ и лѣсамъ бродили одни звѣри; весною, когда „разставалъ“ снѣгъ, тутъ ужъ ему было ничего. Пробовалъ ѣсть даже падло. Къ настоящимъ волкамъ онъ не прибывался, и тѣ къ нему не подходили, будто его чуждались.

Разъ оборотень замѣтилъ волка, крадущагося къ стаду овецъ. Волкъ укралъ овечку и потащилъ на гумно; съѣвъ её тамъ, такъ что пастушекъ не замѣтилъ похитителя, онъ три раза перебросилъ черезъ себя рѣзвины и сталъ человѣкомъ.

Замѣтивъ невольнаго оборотня, мужика, волшебникъ угрозою убѣждалъ его никому не передавать видѣннаго.

Мужикъ, поступивъ по примѣру колдуна, принялъ прежній образъ и вернулся къ пану.

Панъ хотѣлъ наказать за „сбѣги“ мужика, провинившагося долгимъ отсутствіемъ, однако простилъ, когда мужикъ указалъ уцѣлѣвшій у него на груди клочекъ шерсти, какъ доказательство превращенія.

Поводокъ у оборотней.

Продающій скотину хозяинъ для прочности купли отдаетъ проданное животное съ поводкомъ; отдача поводка особый актъ

продажи, послѣ котораго продажа считается завершонною — продавецъ и покупатель пьютъ „могарычъ“.

Вѣдьма обратила свою дочку въ козу и вывела ее продавать на рынокъ.

Красивая съ виду козочка была вѣдьмина дочка — точно золотая. Сколько разъ продавала ее колдунья, она постоянно возвращалась домой, принявъ свой прежній образъ.

Купилъ на этотъ разъ козочку солдатъ, самъ смыслившій кое-что въ колдовствѣ, — онъ не отдалъ вѣдьмѣ поводка, безъ котораго козочка уже не могла убѣжать, и повелъ козочку къ ковалю.

Видитъ колдунья, што „ея дѣло не полоса“: въ крѣпкія руки попала ея дочка.

Между тѣмъ ковали куютъ козочкины копытки, а гвозди больно вонзаются въ руки и ноги вѣдьминой дочки, — и терпитъ козочка страшную муку.

Въ горѣ мать упала кузнецу въ ноги и стала просить его помиловать дочку. Существуетъ народная примѣта, по которой продающій скотину хозяинъ, для прочности купли отдаетъ ее съ поводкомъ, а послѣ этого акта продажи торговецъ и покупатель пьютъ водку за „поводья“.

№ 73.

Дѣвушка, чтобъ избавиться отъ нелюбаго мужа скинулась козой и убѣжала.

Однажды случилось одному крестьянину отдавать свою дочь замужь. На свадьбѣ подмѣнили молодаго жениха старымъ: дѣвущкѣ пришлось перевѣнчаться съ хилымъ старикомъ.

Когда молодой нужно было лечь спать съ мужемъ, она попросила отпустить ея на короткое время съ брачнаго ложа; отпущенная (привязанная однако крѣпко веревкою), скинулась козой и убѣжала.

№ 74.

Када мальчикъ надѣнитъ на гдыву дявоччія — яго дразнятъ:
— Кабыла галаву аткусить!

Когда мальчикъ надѣнетъ на голову платокъ, а дѣвочка шапку; то ихъ дразнятъ словами: кобыла голову откусить! „чтобъ мальчикъ не надивалъ дѣвочкива, а дѣвка мальчива!“

№ 75.

Дѣвичьи посидѣлки.

Для своихъ посидѣлокъ дѣвушки выбираютъ обыкновенно нежилыя избы, а то просто бани. Свободно, вольготно имъ тамъ: никто не мѣшаетъ имъ предаваться веселью; шутятъ онѣ и поютъ самыя разудалыя пѣсни, какія только придутъ имъ въ голову.

Вдругъ какойнибудь проказникъ подкрадется посмотрѣть на ихъ веселье — съ крикомъ и визгомъ прогнать его отъ себя: поднимется возня, громкій хохотъ.

Угомонятся наконецъ; одна, другая, третья расскажетъ страшную быль или волшебную сказку, — пойдутъ всётакіе страшные рассказы, что самимъ рассказщицамъ станетъ отъ нихъ страшно.

Полночь, всеобщая тишина... Вотъ, вотъ къ нимъ заглянетъ домовой, волкодлакъ, лаума, какаянибудь нечистая сила. Да и отъ бабокъ, тѣтокъ и дѣдовъ не разъ слышали онѣ, что именно на посидѣлкахъ и сдаются дѣвушкамъ разные страхи; но снова смѣхъ, веселая молодость беретъ своё. За рѣзвыми шутками, за работою, за рассказами и за страхомъ, не замѣчаютъ дѣвушки, какъ летитъ крылатое время. пока лучина гаснетъ въ избѣ и блѣдный разсвѣтъ приходитъ на смѣну длинной зимней ночи.

№ 76.

I.

Разъ дѣвушки собрались на посидѣлки; въ скоромъ времени къ нимъ подошли и парни. Самая маленькая изъ собравшихся дѣвушекъ пригнулась за чѣмъ-то къ полу и вдругъ, къ немалому своему удивленію и страху, замѣтила у всѣхъ ребятъ волчьи хвосты.

Тотчасъ, не говоря ни слова, побѣжала она къ своей теткѣ, рассказала ей, что видѣла. — „Ахъ, ты, моя душинька!“ воскликнула тетка: — „якъ жа ета тебе Бохъ пронесъ? жива ты, здаровинька!.. Ахъ, Божжа мой, ета жъ ваѹеудлаки, а ни парни, — яны жъ пазаядуць нашихъ дѣвушекъ“... Скорѣе за мушпнами, за народомъ; но когда народъ сбѣжался въ хату, гдѣ дѣвушки справляли свои посидѣлки, было уже поздно: волкодлаки переѣли дѣвушкамъ шеи, а сами куда-то ушли.

II.

Разъ дѣвушки собирались на посидѣлки. Идя въ баню, назначавшуюся по временамъ для игрищъ и для супрядокъ, дѣвушки замѣтили лежавшую тутъ дохлую кобылу. Одна шалунья обратилась къ кобылѣ съ такими словами: — „Приглашаемъ тебя на наши посидѣлки“. — Въ полночь, среди самаго разгара посидѣлокъ, идетъ въ баню къ дѣвушкамъ кобыла и спрашиваетъ, зачѣмъ ее звали. Дѣвушки оторопѣли отъ страха; однако старшая изъ нихъ нашлась, что отвѣтить: предложила кобылѣ сосчитать нитки въ такой-то рубашкѣ. И вотъ кобыла принялась считать, отхватывая зубами отсчитанныя нитки.

— Если сосчитаю, то я васъ переѣмъ!... грозила кобыла дѣвушкамъ. Оставалась несосчитанною всего одна нитка; но тутъ ужъ наступилъ рязсвѣтъ, пѣтухъ пропѣлъ, и кобыла была принуждена удалиться изъ бани.

№ 78.

Ибъ скамарохи.

Ва днэй дярэўни быў притлишннй скамарохъ: идѣ тольки свадьба ни была бѣ, усё яго зовуть на свадьбу.

Скамарохъ етый зѣ дьявылымъ знаѹся: на сколькои-то гадоў дьявылу подписаѹся.

Вотъ и выскалась разъ идна дѣвица, яниральская дочка, итти за яго замужь; ина етыга дѣла и ни знала, што скамарохъ съ дьявылымъ сазнаѹся.

Приходить дьявыль за скамарохомъ. Скамарохъ съ жаною спить и гаворить іонъ жанѣ:

— А што ты, жина моя милая, а што ты знаишь? Приходить мнѣ худа.

А ина гаворить яму:

— Ну, лажись за мене!

Дьявыль гаворить:

— Ну, выходи, друхъ: а то и сы убою зѣмь.

А скамарохава жонка атричала:

— Нѣ, ни зъясн! Вырви-ка съ голыви волысь, чтобъ іонъ закрутіўся.

Дьявыль, якъ ня вырвить берижна, такъ іонъ и ня крутитца.

Жонка скамарохава и гаворить тады:

— Кали волысь вырвишь и іонъ закрутитца, — тоды я атдамъ табѣ мужа.

Дьявыль абскубъ усю сваю галаву, а волысь усѣ ня крутитца; тады скамарохава жонка яму и гаворить: „кали волысь у тебе ни закрутитца, то и дѣла наша у расходъ съ табою“.

№ 79.

Скымарохъ.

Якъ жонка свайго мужика абманывала и дѣйжа съ свѣту хатѣла збавить, а іонъ яе уси вѣмудры спалняў, пакаместъ добрый чилавѣкъ яго ни бризуміў. Якъ мужикъ сы скымарохамъ жонкиныхъ уверткы (наслухаўся), а потѣмъ жонку стаў ахаживать.

Была жонка харошая, а мужикъ плашѣй. Ня хочить жонка съ мужикомъ жить, — другихъ пазнайшла харошихъ: Такъ ина притваритца, захварайтъ, а яго (мужука) пасылаить за зельимъ и пасылаить падалій, штобъ іонъ тамъ даўжѣй быў, а мужикъ са ўсихъ силъ выбиваитца.

Якъ іонъ зелья принясетъ, ина знову притваритца; тады яще далій пашлетъ; знову яму закажить урокъ да якова дни.

Іонъ знову принѣсь.

— Нѣтъ, душичка, калибъ ты дастаў мядвѣжжива малака, а бъ и была здарова.

Іонъ идетъ, а сусѣдъ стаить:

— Здароў!

— Здароў!

— Идѣ быў?

— Да хадіў жа жонкі за зельдзімь: жонка мяя ляжить.

А сусѣдъ гаворить:

— Дуракъ, дуракъ, ни выбивайся ты са ўсѣхъ силъ: ина у тябе ляжить, а балѣсти водить съ другами.

(А іонъ пушпярядіў таво дни идить, каторый ина приказала).

— Хади-ка ты къ намъ: мы научимъ, што табѣ дѣлать ей, якъ яе атхадить

У мяне начуить старецъ са скрипкаю, а ина такихъ людей ищить, штобъ были съ музыкый.—Пришоль іонъ сюды къ сусѣду. Сусѣдъ яго у мяшокъ усадилъ, да саломью заторнулъ.

Тады хазяинъ памохъ скамароху узять мяшокъ на плечи.

Приходитъ скамарохъ; у яе гуляють.

— Галубушка, ти ня пустишь на нычъ?

— Не, у мяне гости, бясѣда.

— Галубушка, када бясѣда, я и съ музыкуй хажу.

— А, дѣдичка, еты жѣ и харашо, што ты съ музыкый ходишь...

Во тады гаворить (ана яго пустила):

— Няси мяшокъ, у тую избу пастаў.

— Нѣ, галубушка, я тутъ ли углушка пастаўлю.

А самъ паставилъ мяшокъ падъ лаўкуй, у вуглушку.

— Ну, дѣдушка, ладъ-ка ты сваю музыку!... Играй, дѣдушка!

Іонъ играить, а ина скачить и пригаварить:

— Хто па яблычки пашоў,

Штобъ тэй вѣкъ ни пришоў!...

Скамарахъ сваё завядеть:

— Ти чуишь ты, салома,

Ти видишь ты, салома,

А што дѣятца дома?

— Да не, дѣдичка, ти такъ играй:

— Хто па яблычки пашоў,

Штобъ тэй вѣкъ ни пришоў!...

А хазяинъ сусѣдъ наўчиль, када іонъ вылѣзить изъ мѣшка, што дѣлать:

— Пѣрша другоўя хватай, а тады яе атходишь и хваробу атгонишь. и ня будить ина за ликарствомъ пасылать.

Вылизъ изъ мѣшка мужикъ и атхватаѣль пѣрва яе другоў, а ина стаить, слова тая дурычка, рубли сащала.

Сусѣдъ тада гаворить на сусѣда (а іонъ пришоў палюбапытствывать и сзади стаяў).

Што глядишь?!.. вазьми яе харашенька, атгонь хваробу!..

Такъ атхадиль жонку мужикъ, што и пасичась, ищѣ здарова.

№ 80.

Якъ жонка малалѣтнига мужа свайго забиждала, а потѣмъ мужъ яе, по людѣмъ пахадіўши, уздуніў и сваей жонки паказаў, што іонъ ей мужикъ іостъ.

Жаили малалѣтнига. Хазяйка и пазвала малалѣтнига мужа братъ лёнь. Іонъ стаў лёнь етнй братъ — и ня стольки лёнь бярець, сколько съ сабакню гуляить.

Жана видить балаўства, падбѣгла къ мужу, сащамила мужинькѣ прамезъ нохъ, да давай яго парить и пригаваривать:

— Бяри, бяри бѣлы лёнь —
Ни гуляй съ Сабалемъ!

Разабидіўся мужъ тады и пашоў у дабравольцы, и прахадіў іонъ лѣтъ 15, съ годымъ 20. Хадѣмши па свѣту, наўчіўся у скрипчыку гратъ; приходит дамой, а у жонки вичаринка, другій панайшли.

Іонъ пупрасіўся пустить яго на нычъ, бытца инастраннаго гостя. Пустили.

Вотъ іонъ и гаворить:

— Пайзвольта, хазяюшка, у скрипчыку пайгратъ!..

— Эта жъ намъ будить дайжа вочинь пріятна!

Гость тады запѣль и зайгралъ:

— Што при старі бывала,
Што мужъ жаны байтца;

То тыпера станавитца:
Жана мужа байтца.
Висить кистень на стянѣ—
Будить гастёмъ и жанѣ!

Тады и пачаў бизувать и жану, и другоў.
Съ тыхъ поръ и стаў хазяинымъ у дварѣ, якъ нада быць.

№ 81.

Ибъ скамарохи съ тыварышами.

Ва днэй дярёуни ни было скамароха. Во у святки дѣўки дярвеньскія хатѣли вичаринку справить.

Скамарохъ пытаить:

— Ти у багатыва мужука будить вичаринка?

Да ти многа у яго коній?

Дѣўки кажуть:

— Сивый, бурый, билагривый!

И пашоў скамарохъ съ тыварышами на вичаринку.

Во скамарохъ и гаворить на тыварышіў:

— Вы идититка на хлѣў,
Вы бярититка каней:
Каня сивыга, билагривыга;
А бурый самъ пайдеть
И у сихъ пывадеть.

Во яны пашли съ избы и стали коній брать; кони застучѣли.

Пачуў хазяинъ, зажёхъ пукъ лучины и на хлѣў идеть.
Скамарохъ ящо заиграў:

„Во жъ ты, шапычка,
Во жъ ты, ярыча,
Ты пригнись, прикланись:
Во хазяюшка идеть,
Пукъ лучиницы нясетъ“.

Тады тыварыши скамарохывы узали да за камью и брыгъ Хозяинъ пашоў у вѣ избў; яны и вывели кони.

Потёмъ тыварыши падашли ёъ скамароху подѣ вакошка и гаворють па-тиху:

— Сала набрали, да неўвашта клась.

Скамарохъ жа на скрипычки зайграў:

А и бабская рубаха
Ти ня мѣхъ жи жь то?
Я рукавы завязу;
Скольки хочишь, улажу.

Яны такъ и налажили, да пайшли. И вичаринка павончилась, и дѣўки разыйшлись; а коній скамарохи павывили и сада паѣли.

№ 82.

Фараоны аднаглазыи—людаѣды.

Ягипцикіи цыгани што за жидами гнались, у мори затанули, да фараонами аднаглазыми падѣлались. Яны людаѣды, чিশуя на ихъ рыббя, абъ нинастю свайго Фараона просють.

Ягиптескіи цыгани гнались за жидами, каторыхъ изъ Ягипта Маисей увадилъ. Жиды узышли на моря, вада разступилась пирядъ ими и идуть яны по суху; цыгани услѣдъ за жидами.

Маисей якъ пиряхетить жазломъ, такъ цыгани и патѣнють.

И таперъ тыи цыгани живы у вѣди, тольки на палавину на людей пахожи: голывы и руки у ихъ челаѣвѣчы, па аднаму глазу, а кара рыббя; яны людаѣды, ажидають свѣтапристаўленія и датўль жить будутъ. Якъ нивастя, цыгани давольны, што дажжокъ; якъ пагода, тады аны гаворюць: — „Пупрашу свайго Фараона объ нинастю.“ Такжа яны у Фараона спрашюць:

— Ти скоро будить пристаўленія свѣта, Фараоня, Фараоня?

Ихъ ловюць и пристаўляють у чанахъ: на суши яны травать ни магуть, патаму что полурыбы.

№ 83.

Людаѣды, похожіе на коня, изъ двухъ половинокъ; когда они въ полномъ видѣ, половинки соединятся, то людоѣдовъ по ихъ быстротѣ никто не можетъ догнать.

Въ старину были людоѣды. Одинъ людоѣдъ головою, туловищемъ, ногами былъ похожъ на лошадь и распадался на двѣ

части. Когда сходились одинаковыя половинки людоѣда и составляли одно тѣло, то въ полномъ своёмъ видѣ людоѣдъ отличался необыкновенною быстротою: по народному повѣрью, никакое существо въ свѣтѣ не могло его догнать.

№ 84.

Деревня Медвѣдовка Смоленскаго уѣзда.

„Прилятѣли маленькія дѣвчюки да ребятки, узали душиньку, Пасадилы на каляску и пувязли на нибяску.“

У нѣўкатарымъ царстви, у нѣўкатарымъ гасударстви,

Паявился сильный магучій багатырь Курнабиль.

Воласть яго да земли, а голась да нѣби;

И пришла къ яму мать-лисица и гаворить:

— Сильный магучій багатырь Курнабиль, я тебе зѣмь!

Разсярдіўся и абразуміўся силный магучій багатырь Курнабиль

Пашоў ать яе и знайшоў карову здохлую;

Стаў думать и гадать, што съ каровы зработать,

И здѣлаў съ каровы чатыри вещи:

Шкуру, мѣхъ, а съ трибуха торбу...

И пайшоў дарогю и пайшоў широкюю

И знайшоў три пуды зялѣза.

Стаў думать и гадать, што съ зялѣза зработать.

Здѣлаў тапоръ три пуды вѣсымъ,

И тапарыща съ кымарова стягнища.

И пашоў у лѣсъ искать тоўстага древа,

Да знайшоў тоўстую крапиву.

Гонъ разъ сикануль,

Гонъ два сикануў,

Ни пупаў па тымъ древу,

Да пупаў па бѣлыму калѣну:

Гонъ день лижаў,

Нихто къ яму ни приходить:

Ни батька, ни matka, ни тая жонка

К... б.

Тольки прилятитъ камаръ да муха,

Пузвинить кала вуха да и палатить.

Прилятѣли маленькія дѣвачки да ребятки, узали душиньку.

Пасадили на каляску и пувязли на нибяску.
 Тамъ день хадіў и другой хадіў,
 Ничога тамъ ни нашоў,
 Толька нашоў церкаўку
 Съ пирагоў зрублина,
 Приснабама вымащина,
 Блинама пакрыта,
 А ладкама расшита,
 Калбасою замкнута,
 Баранкамъ защеплина.
 Калбасу тутъ пирекусіў,
 Баранка тоя пириламіў
 И вайшоў у тую церкаўку.
 Тамъ стаить папокъ
 Саўсяный снапокъ,
 Гарошавыя кудри,
 Цибульны...
 Пастырначій...

√ № 85.

**Ибъ гарошинка да нёби, ибъ козычнахъ обь однимъ, двухъ
и трехъ глазахъ.**

Жіў дѣдъ зъ бабю. Разъ, якъ яны абѣдали, у ихъ упала гарошинка са стѣла. Гарошинка ета рости да расти; вырысла надъ палати — дѣдъ палати разабраў; гарошинка вырысла да паталѣка — дѣдъ патылыкъ разабраў; гарошинка вырысла падъ крышу — дѣдъ крышу разобраў. Дарасла гарошинка да самы до нёби.

Старуха гаворить дѣду:

— Узлѣзь-ка ты, дѣдъ, на гарошинку, да пагляди, што дѣйтца на макушки.

Дѣдъ, лѣзь, лѣзь, узабраўся наконецъ, сматрить: хатка, а ў тэй хатки што масла, што сыра: лауки и столъ усё ета изъ малознага. Дѣдъ наўся—и подъ лаукуй схувайся.

Вярнулись дамоў козы, хазяйки хатки, видють, што нѣхта у ихъ пашаліў,—завыли:

— Хто наши сырныя печи яблалаль

Хто наши масляныя лаўки яблизаль?

Козычки, якъ имъ итить наўругу, вядѣли домикъ свой старечъ аднавокий казѣ.

Старикъ усе пригаварить:

— Спи вочка, спи вочка!

Козычка и заснула—закрылась вочка.

Старикъ изнову наѣлся, да падъ лаўку шмыхъ.

Козы варнуўшися запароли сонную козу, а замѣсть яе поставили казу а двухъ глазахъ, и съ тѣю казою тѣтъ жа злучай.

На третій разъ старажила каза ибъ трехъ глазахъ: старикъ и праглядилъ на ўбѣ глазокъ, а іонъ усѣ старикоўськіи праказіи видѣлъ.

Хатѣли козычки было запароть старика, а патѣмъ адумались и узяли старика пастивить ихъ, а старику даить, да малачко сабирать.

№ 86.

Өедырь Барма-Пьяница.

Өедырь Барма достаецъ царю скипитръ-диржаву у заморскымъ змяинымъ царствіи, атплыўши на караблѣ бритвенныя снасти. Прислужника Өедыра Бармы царица зѣбла, таварыши яго затанули. Казымъ кривому послѣднія вока вышпикъ, а самъ атъ яго утѣкъ. Леў са змѣимъ дяретца; милуить лева, а змѣя пасикаить, приплываить на лѣви къ свайму царю, привозить скипитръ-диржаву, просить у яго награду, штобъ царь яго и другдѣ яго апахмялилъ.

Өедырь Барма пьяница быў у кабацѣ; нечимъ яму была апахмѣлитца, а іонъ дужа вотычку любіў: якъ увидить яе, такъ и трясетца.

На ту пору царь найшоў:

— Я бѣ тебе апахмялилъ, Өедырь Барма, якъ ба ты мнѣ дастаў скипитръ и диржаву!..

Апахмялилъ царь Өедыра Барму. И стаў Өедырь Барма гатовитца къ атпраўки за скипитрёмъ-диржавый.

— Прѣжда усяго, ваша вяличества, закажитя мнѣ карабль—бритвинныя снасти!

Якъ карабль быў гатоў, Барма набраў сабѣ таварышіў и паплыў у змяинныя царства.

Пріизжають у то́я змяинныя царства, у тэй змяинный горать: кругомъ горада ляжить змѣй; галава и хвостъ умѣсти.

Царица съ тога горада и гаворить Бармѣ:

— „Даляко ты, Барма, литаишь, буйну голыву тиряишь“!..

Өедырь пупрасіу у царицы пазваленія схадить у храмъ пумалитца Богу.

— „Да я ня тэй вѣры: ни магу туды вьести тябе“.—

Өедырь Барма узяль тады у царицы влючи, а ёй заставилъ свайго прислужника, да и пайшоль у храмъ. Узяль у храми скипитръ и диржаву, да скарѣй на карабъ. Царица застаўлинныга матроса зѣбла.

Якъ двинить на карабъ нязмѣтная сила змѣй и хатять карабъ затапить; ну, усѣ тьи змѣй парѣзались на палавинки абъ бритвинны снасти, только грядцы знай выгрибай ихъ съ карабля.

Уйшоу Өедырь Барма атъ змѣй и стали яго таварыши завидывать яго сдабычи и хатять сбросить Өедыра Барму съ карабля: Өедырь Барма узналь объ тымъ, сѣу на шлюпку и уѣхыу атъ таварышіу.

А таварышы Өедыра Бармы, якъ яны усюдахъ набирали золыта, дарагога камення, атижжали карабъ и затанули.

Пріизжаить Өедырь Барма къ багатырю Казымъ Кривому (іонъ быу фармазонъ — ни нашій вѣры).

Ляжить тэй багатырь за стинами, упустиу къ сабѣ Өедыру Барму за стѣны и зачиніу яго.

Просить Казыма Барму уставить яму другой глазъ.

— Іось олыва?

— „Да, іось“.

— Вьареўка?—

— „Іось“.

— Валасяная?—

— „Іось и валасяная“.

— А калясо.—

— „Знаидетца и калясо“.

Привизау Барма быгатыря къ скамейки, да якъ линеть гарячимъ волывымъ да у здаровый глазъ — паслѣдній выжигъ.

Тады разсвирапѣу Казыма и гукъаить казла:

— Барму пакажи!—

А Барма ухватился за брюха казлова; такъ казёлъ и бѣгаить зъ имъ.

Казёлъ мѣчичинька тыкаить Казьму, тольки ни проговорить:

— „Барма тутъ“!

А Казьма на казла сирчаить: згрѣбъ яго и пирякинуў за стяну умѣсти съ Бармою.

Барма жъ кричить Казьмѣ:

— „Спасибя, што выкинуў“!

Казьма притваріўся тады добринькимъ:

— Дѣлатъ нечига съ табой: на, няси своему царю у подарыкъ шаблю!

Ягъ узяў шаблю—ина къ пальцу прикипѣла.

Атсѣкъ сабѣ Барма палиць и далій пайшоў.

Видить на дароги: дяретца леў са змѣимъ.

Леў просить памочь, и змѣй просить памочь.

Барма выхватиў саблю, разсѣкъ змѣя пупаламъ;

Леў тады парваў тыя палавинки на шматътя.

Сбў Барма на льва и паѣхаў на ёмъ къ свайму царю тиризь моря, явиўся къ яму, привезъ скипитръ-диржаву, каторыя таперъ у нашига царя хранятца.

— Чимъ наградитъ тябе, Оедыръ Барма?

— „Ничога мнѣ ни нада, акрамя таго, ваша вяличества, штобъ у якей кабакъ увайду—была бѣ мнѣ тамъ вотка,—скольки народу ни привяду, уси были бѣ пьаны“.

У № 87.

Варливока. Якъ ждлудъ, бичовычка, слиязень и старикъ супрати Варливоки ваювать пашли.

Жиў старикъ са старухю, и було у яго три ўнучки. Пасѣили ани гарохъ, патомъ старикъ большію ўнучку паслаў гарохъ стяречь, ина сядѣла, сядѣла ў гарохи—идеть Варливока на днѣй нагѣ, ў дирявымъ сапагѣ, на галавѣ щатина, на лбу смарщина, носъ крючкомъ, барада влачкомъ, зъ залѣзнымъ кастылькомъ, идеть къ ей и зубы скалить. Іонъ тую дѣўку забіў да смерти. Старуха дажидала, дажидала яе съ поля, а яе нѣтути. Паслала ина сяреднію дачку и яе тожа нѣтути. И меньшую паслала, и яе нѣтути. Старуха лижала на печки, съ

печи звалилася, на парогъ накатилася зъ вотырыцу, што нѣ-
туту ѣнучикъ, ѣзила у парогѣ кѣичикъ и пашла сама къ гаро-
ху, прущла ѣ гарохъ и сѣла. Идетъ къ ей Варливока, на днѣй
нагѣ, ѣ диравымъ сапагѣ, на галавѣ шатина, на морди смар-
щина, носъ брючкомъ, барада клачкомъ, зъ залѣзнымъ кастыль-
комъ, идетъ и зубы скалитъ; яеъ стаѣ битъ старуху, и забіѣ
яе да смерти. Старикъ дажидаѣ, дажидаѣ старуху: нима. Узяѣ
старикъ кѣичикъ и пашоѣ на судъ на Варливоку. Идетъ іонъ
кала пруду и видитъ, што на пруди плаваитъ слязень вуднѣй.
Іонъ и гаворитъ на старика: — „здраслуй, дѣдъ, на сто лѣтъ,
пайду и я съ табой и іонъ (Варливока) мнѣ вырваѣ хвостъ“. —
Ишли яны, ишли, ляжитъ бичовычка и гаваритъ: — „здраслуй
дѣдъ, куда идешъ“? — Старикъ сказалъ. — Бичоѣка и гаваритъ: —
„пайду и я съ табою“, тады старикъ сказаѣ: — „платись за
мною ѣслѣдъ. — Идитъ яны, идитъ кала дубу, жалудъ и гаво-
ритъ: — „пайду и я съ табою“. Пашли. Ишли аны, ишли, што-
ба Варливоку битъ. Жалудъ бягитъ наярѣдъ и пѣсни плетъ:
„пипѣ, пипѣ Варливоку битъ пришли!“ — Пришли къ Варли-
воки ѣ хату. Уходятъ у хату, а ѣ хати нѣтъ никого. Слязень
узлѣзъ на пиравозину и сѣѣ; бичовычка на лаѣку, а жалудъ
улѣзъ у печку и улѣзъ у гаршоникъ, идѣ Варливокѣна каша
варилася, старикъ лѣгъ на печь. Идетъ Варливока: — „хто ѣ
маемъ дома?“ — А жалудъ съ печи и гаворитъ: — „пипи, пипи,
Варливоку битъ пришли!“ — Варливока и гаворитъ: „пагади,
толька кашѣ падѣмъ, я зъ вами спраѣлюсь!“ — Вынимаитъ
кашу, толька стаѣ ѣсть яе, а жалудъ скакнуѣ яму ѣ глазъ и
выбіѣ паслѣднѣй. Іонъ толька хатѣѣ утечъ, а бичовычка упли-
лася яму ѣ ноги, слязень саскаѣ, старикъ съ печи саскакнуѣ
и стали яго битъ, — забили яго да смерти.

№ 88.

**Мачиха сы своей дачкой обѣ трехъ глазахъ падчирку
пагубитъ хатитъ, а падчирки матушкина карова пасабляитъ.**

Одна мачеха преслѣдовала свою падчерицу. Давала она
тяжелую работу сиротѣ, а за исполненіемъ велѣла присматри-
вать своимъ дочерямъ. Падчерица должна была въ одинъ день
къ вечеру смыкать нѣсколько павѣсть льну, спрясть и въ тру-

бочку скатать. Двѣ старшія дочери не могли усмотрѣть, кто помогаетъ бѣдной дѣвушкѣ исполнить трудную возложенную на нее задачу.

А дѣвушкѣ помогла справиться съ работою приданка покойной ея матери—корова. По совѣту коровы, дѣвушка станетъ искать въ головѣ сестры и приговаривать:— „спи вочка, спи другая!“—сестра заснетъ; потомъ дѣвушка въ одно ухо коровы влѣзетъ, а изъ другаго вылѣзетъ и, вылѣзши, вынуть готовую трубочку холста.

Но за третьимъ разомъ уловка падчерицы не могла ускользнуть отъ наблюденій младшей сестры ея.

Сестра эта была уродъ: у нея было три глаза, и третій-то глазъ во лбу—его позабыла убаюкать сирота; онъ все и видѣлъ.

Мачеха, къ великому очорченію падчерицы, велѣла убить ея благодѣтельницу—корову. Но передъ смертію корова дала дѣвушкѣ совѣтъ вынуть изъ ея ребуховъ камень. Дѣвушка сдѣлалась обладательницей камня, который помогъ ей скоро выйти замужъ и сдѣлалъ ее счастливою во всевозможныхъ трудныхъ случаяхъ жизни.

Село Шоптово Вѣльскаго уѣзда.

№ 89.

Билея.

Карова цумагаить сиратѣ. Ваўшебный садъ—куды хатить, туды и двигытца; у тымъ саду птички—нялюбоба члавѣка саўсимвъ заключють. Мачиха рысю сирату здѣлала. Мачихину дочку къ коньскимъ хвастамъ привизали.

Была у хазяина Билея—карова. Атираўляить мачиха пацирку у поля и даеть путь вирхоўя (спусканый лень):

— „Среди жъ ты, падчерка, вытки и принеси мнѣ халстинку у дворъ“!.

И гонить ина у поля и несить путь ильну и гукаить ина карову:

— „Билеюшка-матушка, приди ка мнѣ у поля и вынь мне зъ горя-гарямышница.—

Карова атвѣчайть члавѣчьимъ голасомъ:

— Што табѣ за горя?

— Дадина мнѣ горя, штобъ етыть лень пупрять и выт-
гать и халстину несть маей матушки.

— Пализай у лѣвья ушка—у правья вылизишь. У лѣвья
палѣзла, у правья вылизла—ляжить халстина спрядина, вы-
ткана.

Гонить карову дамоу и несеть матки халстину.

Атпраўляить назаўтри у поля ящо, даеть пудъ ильну—и
мачеха идеть калаурить яе. И видить ина, какъ падчарица
гукать Биленю. Карова пумагла ей апать, а мачеха и видить
посли таво: на сопки (курганѣ, кочкѣ) халстина.

Хазяйка пашла дамоу и захварала. Приходить хазяинъ
зъ лѣса.

— Баба, идѣ ты?

— У пастели бальна, дѣдъ!

— Чимъ жа ты бальна?—ти ня хочишь чаго?

— Ничога я на свѣти ни хачу—хачу билениныва мяса.
Зарѣжишь Биленю—буду жива, а ни зарѣжишь—памру.

Іонъ атвичаить:

— Баба, ни умирай: заўтри зарѣжу.

Дачка пашла къ каровы:

— Биленюшка, моя матушка, батюшка тибѣ заўтри за-
рѣжить:

— Гарямышница, ни плачь! Праси у батюшки мае кишки!..

— А што я буду съ тваимъ кишкамъ дѣлать?

— Дастъ тибѣ батюшка кишки, пасадь на ўсемъ гораду—
и вырыстить садъ—пайдуть гиниралы у сваты и скажуть:

— Каторая принесетъ мнѣ изъ сада яблага,—тую я за-
мужь вазьму.

Призжаить гинираль у сваты къ етому хазяину.

— Хазяинъ, каторая изъ трехъ дачокъ принѣсетъ мнѣ
яблагыу на блюди,—тую буду за сына замужь свататца.

И нарижаить ина свою дочку съ саду принестъ яблагыу, и
пошла яе дачка радная за яблагымъ у садъ, и навалились
на ету дачку птицы, издаубали усѣ лицо, здѣлали ее рябою.

Гаварить гинираль:

— Што жъ ета яблочки май ня скоро идуть съ саду?

А ана отвичаить гиниралу!

— Больна здѣлалась мая дачка.

А іонь гаварить:

— У тябѣ три дачки; пасылай другую.

Послала другую, усе сваю.

— Што же ета мае яблaки ня скоро идуть съ саду?

— Бальна здѣлалась.

(И ету дачку птицы обдаўбали чиста).

Патомъ падчерку паслала. Ета пашла, узаяўши блюда. Пришла у садъ—птушички пають разныя пѣсни и яблaчки съ самѣй вярхушички наклали ей цѣлая блюда.

И гаварить гинираль:

— Вотъ ету я возьму замужъ нявѣстку за свайго сына.

На третій день приѣзжайтѣ и бяретъ замужъ падчерку. Узаяў, павезъ, п садъ за ей пашоў.

Ина, какъ вохнула, мачиха,—нядѣлю па саду пралижала:

— Яблaки не намъ ѣсть, а царямъ, да панамъ.

Забеременила падчерка, радила сына и дачка тожа.

Пашла мачиха „въ двѣтѣ“ и навилла падчерку, и гаварить на хазяина:

— Я павиду яе парить, животъ спраўлять“.

Парить и пригавариваить:

— Рысью ў лѣсь!...

Ана галая и побѣгла у лѣсь, и приводитъ ана свою дачку и палажила съ гинираломъ.

А дитя noci ни ўсыпантѣ, а сиси ни ўсысайтѣ, и гаварить онъ, гинираль:

— Няситя дитя у чистоя поля прагулятца: што ино намъ спатъ ни даеъ.

Пувезли у чисто поля, бѣгитъ воўбъ и спрашяить у ваўка слуга:

— Ваўкъ, ти ни видалъ рыску?

— Видилъ ды далѣка.

Бягитъ лисица.

— Лисица, ти ни видала ты рыску?

— Сзаду вонъ идетъ.

А ана идетъ галая. Палажили дитя на мяжу, сами прочъ пашли атъ дитя. Накармила и уснакоила, такъ што цѣлыя сутки и разу ни кричала, на другія стала кричать дитя. Панысли другей разъ и пашоў атець караўлитъ, какъ яны дитя спакаивають у поли. И гукають слуги:

Рыска, рыска ступай дамой:
Дитя ночи ни ўсыпайть,
Сиси ни ўсысаить.

И бязить рыска гола. Человѣкъ идетъ. Видить, што идетъ жана кармить дитя: палажила дитя на мяжу и стала кармить. Мужъ тулупамъ яе и абхватилъ—и рвѣтца ана ать яго вонь.

— Што ты, дрюхъ любезный, ать мне рвесья?

— А што жь, когда рыскый мне атправила мачеха?

— Ня бось, жина; ни упушу тябе—пайдемъ самною дамой.

Приводить ювъ яе дамой, а тую жану узяў съ сабой у чистыя поля и привизаў къ конскимъ хвастамъ, штобъ яе кони разбили и разодрали.

№ 90.

О кривыхъ недѣляхъ.

Особыми суевѣрїями сопровождаются двѣ недѣли святокъ, святая недѣля послѣ Христоваго дня, Духовская, также масляница.

Въ эти недѣли нельзя чинить ничего стараго, починять что либо изъ „пѣсада“, нпр. кадки; нельзя городить згородь, нельзя ничего вить, поправлять въ колесахъ, что нужно.

Если всё это дѣлать, то какая-то волшебная сила караетъ, вліяя дурно на нарождающееся поколѣніе—„молодытину“: все молодое (и скотина, и человѣкъ) рождается уродливымъ, (нпр. кривоногое или съ шестью пальцами (шистяренькою).

Недѣли эти называются кривыми. Разъ этими недѣлями свили заверту—котилась овечка, а у нея одна нога назадъ.

— Бременная жэнщина ни влады на кривѣй надѣли къ галому тѣлу ни якій краснаты: рабеныкъ народитца съ пятномъ.

Карпиха палажила заблатъ за пазуху, и Ягоръ собственна ать таго и нарадилса краснащокимъ. Мало того:—„Карова атялилась, и малако ни пайшло съ саскоў.“

— Итець Икатарины Падгрудкавыи святкѣми прибилъ у коляды чипялу, а жина яго была бременна.

Ина:—„Ни прибывай, ни прибывай!...“

И братъ:—„Ни прибывай: наспѣвимъ, абыйдѣмся!“

Іонъ ни паслухаѣ. То-та падгрудки настырны:

Падгрудки ети успгда наўгрудки. Прибилъ.

И таперь жива дачка яго — радилась тригубая. Другая жъ дачка Лукерья сядѣла на загнети, да припаўзла къ пачурки, засадила нялоўка руку, ажъ заўрядила яе.

У Ривонавыхъ, у Атрога, радіўся мальчыкъ, и у яго на прарету слова калакольчыкъ съ гарохывую бубычку, а бубычка краснинькая, слова якъ налитая, и жилачка краснинькая, краснинькая, якъ кроў.

У другога крестьянина за несоблюденіе кривой недѣли овца котилась — „адинъ глазъ съ кудакъ, а вуши бальшея, бальшея, — такъ и висять.“

Въ с. Бороўськомъ крестьянинъ здѣлалъ грабли на Духовской недѣли — невѣстка радѣла дитенка съ аднѣй санычкый, три недѣли тольки побыль. „На паслѣднюю кутью (Хрященьскую) разсикають галеньчыкъ: іонъ туда и туда пакотитца — и Вохъ памилуитъ“.

Этимъ обрядомъ снимається языческое заклятіе двухъ недѣль святокъ.

№ 91.

Вьюнушь дабывають кальцо, што яго мать атдала чорту.

Узнакъ тѣй, што сынъ яе сатанской, а ни христіянскій: служить у прудника; потѣмъ, угадіўши службый пруднику, ѣдитъ зъ имъ къ куму, чартоўськыму атѣману; тамъ вилятъ чартенку храому принесъ изъ воды кальцо. Ваўшебная грабница; прудникъ, па яе савѣту, штобъ збавитца ать зялѣзныи кравати на тымъ свѣти, самъ сябе спалиль.

Дѣвку замужь выдали сўпрати яе воли, дакъ ина съ да-сады падписалась сатанѣ и ў знакъ тѣй, што сынъ яе будитъ „сатанской“, ватдала чорту сярэбриная кальцо.

Ня успѣла йна кальцо кинуть, якъ ужъ чортъ схапиль яго и прапаў зъ нимъ у води.

Атукаўшись, мужъ съ жонкыю стали жить у любви и добрымъ сыгласіи, — тижало имъ была тольки падумать, што адинъ сынъ чорту принадлежить.

Када сыну ихъ вышла 20 лѣтъ, мать призналась сыну:

— Такъ и такъ, сынокъ: ты сатанскій, а ни христiянскій. Вьюнушъ вочинъ абизпакоился и пашоу къ папу, што тэй яму нараить.

— Батюшка, таперъ я сатанскій; — парай миѣ, якъ миѣ быть христiянскимъ!

Ну, етый попъ, якъ и другіи, ни знали, што скызать вьюнуши, только адинъ старецъ-пустынникъ во што яму присавѣтывалъ:

— Ступай ты, млáдый вьюнушъ, у такая-та и такая мѣста; тамъ висить грабница, падайди къ ей тихинька и кашляни: грабница панизитца, и, када ты спросишь, парайть табѣ, што нада дѣлать.

И, дѣйствитильна, идѣ старикъ казау, вьюнуша знайшоу грабницу; только іонъ пирьхануу, грабница панизилась, а изнутри яе тиха зигамонила:

— Якой бѣсѣ тутъ ходить!

Парай миѣ: я сатанскей—якъ миѣ быть христiянскимъ?

Грабница атказайть:

— У такимъ-та и такимъ мѣсти живеть прудникъ; паступай къ яму у батраки и старайся якъ няможна луччи яго приказаніи спалнять!

Вьюнушъ заставился къ пруднику у батраки и служиль яму съ усимъ усердіимъ.

Разъ прудникъ замѣтилъ, што работникъ нявесиль.

— А чомъ ты тужишь, млáдэй вьюнушъ?

Разказау іонъ пруднику, якъ мать яго чорту запродала и у залогъ сяребриная кальцо ватдала.

— Ти ня можно, дѣдичка, якимъ нибудь родымъ раздабыть то калечко? Научи мяне, радимый!

— Ли другова бѣ я ня здѣлалъ етыга — ли тябе, галубчикъ мой, здѣлаю!

Выводить прудникъ вьюнушу на платину:

— Во мы сичасъ нырнемъ съ табою у вадяную глыбъ, у вадяноя царства—даржись жа дѣжѣй за мой поись!...

Три раза яны атступили, а патѣмъ бросились разымъ у воду. Яны ужъ на двѣ, видють тамъ палаты атамана надъ усими чиртями.

Атаманъ етый буу бальшей пріятиль и дайжа кумъ мель-

нику; іонъ да чести приняў сваихъ гостей. Выпили, закусили; тады мельникъ свайму куму стаў рѣчь держать:

— Ну, кумъ, слухай: ни тетаў ты маеі просьбы, а чомъ я тибѣ дакучать буду! а ни паслухайшь, кумъ — тоды ня гнѣвайся: уся дружба мяду нами, што пасеичасъ вядетца, угрозы пайдеть.

— Усе ли тибѣ, кумъ, здѣляю... А чомъ жа ты просишь?

Видишь ли якоя дѣла. Хто-та изъ тваихъ черткыў кальцо стаціў вотъ такая и такая. Такъ, кумокъ, вяли яго намъ придаставить нямедлинна.

Троху жалка атаману была калечка, иднача атъ свайво слова атступитца была ніўвозможна.

Крикнуль-гаркнуў на чартей атаманъ:

— Падать кальцо сію минуту!

И тэй кричить: ни брау! и тэй.

Застаетца вочирить за храмымъ чортымъ, а іонъ, ня будучи глушь, ни даждидатца свайго черида: хуваўся идѣ-то у вуглушки. Принужданы яго доўга атыскивать.

— Ну, слухай, казаў яму атаманъ: если ты мнѣ сію минуту кальцо ни придаставишь, то палажу сичасъ тибѣ на кумуву пастель.

Храмыі чортъ сійчасъ кальцо атдалъ.

Тутъ ужъ прудникъ палюбапыствываў:

— А якоі ты пастели гаваришь, кумъ?

— А, куманекъ, ты ни знаишь ища сваей пастельки... Да а тэй, каторая тибѣ пригатувана.

— Ну, пакажи-ка, кумъ, маю пастелю.

Падходють къ пастели, сматрять; а пастель та убитая цалюсинька зялѣзнымъ гвоздимъ.

— Даўно ужу, кумъ, ты намъ падписался! — Абъясниль атаманъ мельнику.

Када прудникъ дамой вартился, стаў свайго слугу упрасивать:

— Во, дѣтка, я дабыль табѣ кальцо: таперъ, дѣтка, ты ни принадлежишь ужу нячистымъ силы: ты ни сатаньскій, а христіяньскій. Научи жъ ты мяне ради самаго Бога, якимъ родымъ мнѣ здѣлатца христіяньскимъ, якъ збавитца атъ зялѣзныи крвати!

Вьюнушь парайль хазяину абратитца къ пустыннику, паадитца зъ имъ харашенька, пабывать у валшебныи грабницы.

Быў ужо прудникъ у пустынника, падходить къ грабницы. Якъ падашоў прудникъ къ ей, якъ кашлянуў, грабница сталъ панижатца: якъ заgrimить, слова громъ, — ажно зимля задрожѣла.

— Якую ты на мене паложышъ пакуту!

— А во якую: нанасить, залажа руки назадъ, семь сажонъ хвораста.

Доўга трудіўся прудникъ у поти лица, сабираў сухія сучеи. Работа споўнина. Мельникъ стаў сради хворыста и зажёхъ яго. Пламя ахватила мельника, тольки ворыны съ крикомъ насились вакрыхъ яго:

— Баркь, каркь! во, во: куманекъ нашъ гарить.

Мельникъ атъ гряхоў ачистился и во святыхъ сталъ.

№ 92.

«Зима съ лѣтымъ стрѣлася».

Зима съ лѣтымъ стрѣлася. Вотъ зима гаворить:

— „Вонъ, лѣта, ты панворка: пунатвѣрила ты людей, што идутъ, да падъ кустомъ ляжуть—адалить ихъ жаръ.

А, якъ я зима, да у мяне и старыи луччи за маладога нясетца, ажъ барада трясетца—ужъ ни ляжить падъ кустомъ“.—

№ 93.

Мухи скрываютъ кладъ отъ приходящихъ.

Разъ мухи скрыли кладъ отъ приходящихъ: такъ обѣли волшебную папороть, что послѣдняя была незамѣтна для глаза.

№ 94.

Якъ черти падманули мужику, када яны чорную папороть стирягли.

Какъ жили были три товариши, значить, еусѣди. Яны искали, искали къ Ивану Купалу чорный папарати, хатѣли яе штобы састяречь, якъ ина твѣтѣть, и хто то имъ сказаў хто чорный папарати твѣтъ сарветь, тотъ усѣклады найдеть. Вотъ

яны нашли ету чорную напарать, уняси ле ў хату, и давай яе старечь. Вотъ яны стирагли, стирагли, только падходить ужъ дѣла къ полначи: сичасъ, какъ зашумить вѣтирь, какъ узнимитца съ таго канца дярѣўни, и дальшій, ближій даходить да ихъ. — Яны етому ня вѣрють, патомъ ужу заниматца огнемъ ихъ хата, идѣ яны караулили, а яны ўсё етому ня вѣрють. Патомъ ета кончилась; сичасъ заряить, усходить сонца, и идуть рибяты касить и смяютца кала ихъ; тоя ны думали, што ета праўда и гаворють другъ на друга: — „Братцы, ти видитя вы, што кала насъ смяютца: вить ета ужу большой день, пайдемъ дамой!“ Вотъ яны какъ бросили и пашли дамой, пасмотрють: свѣту таго ища ни завадилася, а дня и воўси нѣтъ, а ихъ тая напарать ужу атцвила, а твѣту ужу нѣтъ; яны и гаворють: — „Ну, какъ мы ни хитрили, а черти хитрѣй насъ: во какъ насъ яны паднадули!“

№ 95.

Листокъ волшебнаго папоротника, дающій возможность видѣть клады.

Одинъ крестьянинъ получилъ способность видѣть, гдѣ клады лежать, потому что къ нему попалъ въ лапоть листокъ чудеснаго папоротника.

Защолъ мужикъ въ избу переодѣться, чтобы уже итти за кладомъ; въ это время изъ лаптя выронился листокъ папоротника, — куда дѣвалось способность мужика видѣть клады!

№ 96.

О слободскомъ кладѣ.

(Кладъ не дался братьямъ, потому что они скрыли его отъ сестры).

Въ сельцѣ Слободѣ существуетъ такое преданіе о кладѣ, приуроченное къ одному колодезю.

Два брата съ сестрою замѣтили кладъ въ колодезѣ; тотчасъ вмѣстѣ пошли они добывать его. Сестра уснула подлѣ колодезя въ ожиданіи клада, а братья нарочно не будили сестру,

чтобъ кладъ достался имъ однимъ — за такую жадность не дался кладъ никому и навсегда ушелъ изъ колодезя.

№ 97.

Кладъ водли Хмары—ряки.

Существуетъ преданіе, что изъ рѣки Хмары появляется кладъ въ видѣ бочки, выкатывающейся изъ русла.

Это преданіе главнымъ образомъ принадлежитъ деревнѣ Руднѣ.

— Разъ 10 мужикоу — руднякоу сидять водли Хмары. Выходить къ имъ дѣвица, выить, чито никто ни бяретъ яе замужь.

Падходить къ иднаму мужичку:

— „Возьми мяне замужь!“ —

— Ды я жинать.—

(Быў жа іонъ удоу и жинать на другой жонки). Три раза пу-
ѣтарила свае слава дѣвица, потѣмъ скрылась у гарѣ, а изъ гары
посли таго выкатилась бочка; ина прарячйла:

— „Лижала тридцать лѣтъ въ гарѣ, таперъ паляжу трид-
цать лѣтъ въ Хмарѣ“.—

№ 98.

Кладъ вобратинь; каму хатить, таму кладъ и здаецца.

Два братѣ знали, што іостъ кладъ: и бѣдный, и багатый.

Багатый пайшоу у здабычу, а бѣдный гаворить:

— „Самъ кладъ прйдить ка мнѣ, када надаби.“ —

Багатый клада ни знайшоу, а зъ дасады, у насмѣшку,
швырнулъ бѣдному у вакно дохлую собаку.

Дохлая сабака скинулась бѣдному багатымъ кладымъ.

№ 99.

На кладъ церькву пастроить надаби; кладъ съ зарокымъ.

Дѣвушка изъ сила Черипыва знайшла кладъ, а абъ тымъ
клади была сказана, што церькву нужна пастроить на тѣй
кладъ.

Пастроили церкыѣку ни тѣй кладъ, разъ у годъ у ней служба бываить.

№ 100.

Кладъ даецца извѣстному чилавѣку.

Умираѣу богатый мужикъ.

А якъ ва ѣсихъ багачоѣ атымайтца языкъ пирадъ смертю, то юнъ ня мохъ сказать, идѣ деньги схуваѣ.

Приснилась потѣмъ сынамъ, што кладъ схуванъ у дуплиня-стый липи, што близъ ряки; только кладъ дастца, ни дастца Двумъ Иванамъ,

Да двумъ канямъ буланымъ.

Иднача сами сыны узались рубить липу; только срубленная древа имъ ни даѣтца у руки — пакатилась атъ ихъ у рѣку.

Плыветъ и плыветъ — ни даѣтца имъ, застанувалась ли дяреѣни.

Входятъ сыны у дяреѣню, находятъ двухъ Иваныѣ, а у ихъ два каня буланыхъ.

Привяли Иваныѣ съ канями къ липи — липу вытигнули; кладъ достали, ле разрубѣиши.

Сыны отказыютца атъ атцоѣскага клада, гастятъ день и другой и третій у Иваныѣ: приняли ихъ да чести.

Иваны у благодарнысть имъ закатали золота у хлѣбъ, и тѣй хлѣбъ дали на дарогу. Што ты думаишь?

Нихто тога хлѣба ня зѣѣу и па разнымъ случаемъ тиризъ сколько рукъ юнъ къ Иванамъ варатѣся.

№ 101.

Кладъ къ смерти.

Када свѣчка гарить и приздаецца на кладѣ; тѣй кладъ къ смерти. Такей кладъ, гаворють, юсть у Прудкаѣскимъ гаю.

№ 102.

Кладъ къ балѣсти.

Аднаму мужичку приснѣся сонъ: возьми кладъ водли ручай: только тады тябе чемиръ забеть да смерти.

№ 103.

Кладъ здастца таму, хто сполнить тоя, што надыби.

Присніўся маладухи сонъ (у яе у то ўремя свекрырцумираў).

— „Паскачъ па ёмъ, якъ іонъ памреть, галая: кладъ тады знайдись“.—

Ина давай плизать па ёмъ, якъ іонъ прикончўся.

Усеі думали, што ина тронуўшись. Ну, ина кладъ таки знайшла.

№ 104.

**Старикъ убиваить адинъ за аднымъ двинацѣтъ разбойникѣмъ
и дабро ихъ атдаеть купецкѣму сыну.**

У аднаго купца былъ сынъ. Ни давалась таргоўля купецкѣму сыну: сколько ни таргуваль іонъ, ничага ня вытыргываль, а пачти усѣ атцоўськая стратилъ.

Забраў іонъ астатніі дянъжонки и у паслѣдній разъ щастя спытать захатѣль: ипять на торхъ паѣхаў.

На дарози видить купецкїй сынъ, што якей-та чилавѣкъ надъ мертвымъ тѣлымъ наругайтца.

Пакойный быў даўжонъ етому чилавѣку, да ни атдаў деньги, што у пазыкъ бралъ; вотъ етытъ чилавѣкъ надъ пакойникѣмъ и наругайтца: таскаить яго за валасы.

Купецкїй сынъ усеі сваи деньги атдаў, штобъ тольки іонъ ни наругаўся, мертвыя тѣла схаранїў и дамой зваратїуса. Батьку свайго абманилъ, што на свае деньги скату накупилъ, и што яму за пакупкай ѣхать нада.

Ипять паѣхаль іонъ бязъ денїхъ, самъ ня вѣдая куды.

Ѣдїть іонъ тиризь темный сасновїй боръ.

На дарози вышіў къ яму приагромный чилавѣкъ.

Праѣхаўши яго, па лашадямъ: дужа страшонъ іонъ.

Ухадїў, ухадїў, а іонъ усѣ знай кричить:

— „Стой! ни увайдешъ, купецкїй сынъ!“...

Увайти купецкѣму сыну ни пришлоситки, аглянуўся іонъ: а великанъ стаить на запяткахъ саней и каньми править.

Великанъ привезъ купецкага сына прѣма у свой домъ.

У доми виликана шолъ пиръ гарю. Виликаны, ну, тольби галавой панижи, за сталомъ сядѣли, за паисами у ихъ нажи, слова, якъ у разбойниеныѹ.

Спужался Иванъ купецкїй сынъ.

— „Ня бойся, Иванъ купецкїй сынъ!“ —

Сказаѹ яму старикъ; ножъ узяѹ и усимъ разбойникамъ, паменїй за яго, головы пасрубїѹ, потѣмъ ихъ усе быгатества, нѣскальки бочикъ золота, атдаѹ купецкыму сыну; паѣхаѹ іонъ дамой багатый, прибагатый.

№ 1.

А т ь С т н я.

Стень, якъ хто сохнить, худѣить.

Пасади рабенка бальнова стнемъ на дежку, но смятъти, троици абѣй яго зирнятками и пумяни курыкъ усихъ мастей, штобъ яны падбирали зирнятки — стѣнь бальнога; нужно бальнога и валицыю абдать; нужна, штобъ бальнѣй быѹ падпирязанъ трехлѣтнюю уймаю (пряжею, атставшію атъ красенъ). Падпирязки ни сымай, пакаль што видна будить: када на пользу пайдеть, вуйма урѣжитца у тѣла, а ни на спальзѣнїе, чилавѣтъ схудняить еще болий, — сама уйма спаўзеть и сброситца.

Мужицкія паговорки:

Высыхъ, якъ стѣнь, на былинку.

А ты мене высушіѹ, — штобъ тябе такъ стѣнь сухой сушіѹ (асоблива жина на мужика бронитца).

П р и м ѣ ч а н і е.

Стѣнь отъ сущ., «тѣнь»; склоняется какъ сущ. муж. род. пень, лить и др.

Отъ Матрены Антоненковой.

№ 1.

Св. Авксентій заключаєть сестеръ—лихорадокъ въ колодези, потомъ выпускаєть изъ колодезя, предварительно выпросивъ заговоръ отъ лихорадки.

(Бердбѣяки).

Хадіў угодникъ на землѣ, прапавѣдываў.

Нашоль лихарадокъ у глубокомъ, абрубленномъ колодцы: цялещутца, кричатъ у вадѣ.

Іонъ узяў, приходши, хрестъ и палажѣў:

— „Госпади, што ета за смятенія?!“...

Затваріў лихарадыкъ у калодцы.

Спрашюць сестры: — „Хто затваріў насъ?“ —

— Я затваріў васъ. Хто вы такея? —

— „Рѣдны сестры лихорадки“. — Чимъ жа вы займаєтисъ? —

„Народъ затрасаимъ на тэй свѣтъ.“ — Тутъ жа вамъ и сядѣть. —

— А ты хто такой затваріў насъ? —

— „Я отча Авксентій“. —

— Ты насъ выпусти: насъ Госпотъ сатваріў. —

— „Вы скажита, чимъ спользуватца (спальзитца) ать васъ!“

— Вотъ мы тибѣ скажимъ. Будитя вы жѣвы, и, васъ будить хто паздраўлять—у тэй домъ ня пойдимъ; а памрѣте, пуминать васъ будить хто,—у тэй домъ мы ня пойдимъ.

№ 2.

Отъ лихорадки.

(Заговоръ, который Св. Авксентій узналъ отъ сестеръ-лихорадокъ).

(Бердбѣяки).

Пресвятая мати Бугуродица, пасаби у мамѣ нагавори, абъ чомъ тибѣ буду прасить, буду малить.

Пумяни Госпади отча Аксентія у царствѣ нябеснымъ, сатвари яму Госпади царства нябесная, свѣтлый рай.

Сакрутилъ іонъ (отча Аксентій) 12 систеръ у калодцы.

Сакрути ать раба 12 сестеръ лихарадыкъ:

Арину, Польку, Катьку, Аудотью, Праскою, Дамнеку, Ампаду, Ховру, Марюшку, Хрузку, Яүгешку, Фяклушку.

На ваду духъ пустишь.

Пумяни Госпыди отча Аүксентія, у царстви нябеснымъ, сыблюди яму свѣтлый рай.

Отча Аксентій, тебе прашу, тебе малю: вышли лихарадку на чести зъ кастей, зъ мащей, зъ жилъ и съ суставыў, изъ буйный главы, изъ ясныхъ вачей.

Выхадитя вы у пуховыя пярины къ гаспадамъ: тамъ вамъ чай, кахвяи и стульи мяккая—а то я буду прасить отча Аксентія: заганить васъ у махъ, у гнилыи балота гнилыи калоды гладить.

Нагаварилася вада на 12 зорь ать 12 васъ лихарадыкъ, ата ўсихъ.

Арина, большія систра, ты упрашивай усихъ свайхъ систёръ. Пиританяишь заговоръ и дуишь на вадѣ.

№ 3.

Отъ лихорадки.

(Сухой Починогъ Е. у.).

На святой гарѣ,
На Синаи,
Тамъ стыяўши
12 апостылыў,
И гала ихъ шло
12 сястриць дявиць.
Святэй Исманъ у ихъ,
И спрашиваить:
— Куда вы идѣта?—
Святэй жа у ихъ
Спрашиваеть Маисей,
Святэй жа у ихъ
Спрашиваеть Симіонъ,
Святой у ихъ
Спрашиваеть Кузьма—
И спрашиваеть у ихъ

Святѣй Михаилъ,
И спрашиваетъ у ихъ
— Святѣй Пётръ,
И спрашиваетъ у ихъ
Святѣй Андріанъ,
И спрашиваетъ у ихъ
Святѣй Кирикъ,
И спрашиваетъ у ихъ
Усѣ 12 Ивану—
И усѣмъ яны
Атвѣщали:
— Идемъ мы
У христіянску вѣру
Бить-калатить,
Къ смерти варатить,
Штобъ онъ страдаѹ-скарбѣѹ,
Да смертію умиръ.—

№ 4.

(Сухой Починокъ Е. у.).

Усѣ апостылы
На ихъ узирчались,
Узирчались и сказали:
— Если вы будитя бить-калатить,
И не выступитя у раба
Зѣ буйнѣй галавы,
Зѣ ретивога сердца,
Зѣ чуткихъ вушей,
Зѣ нутря зѣ живата—
То, истинна, мы вамъ гаваримъ
(Узяли яны 12 зялѣзныхъ дубинъ):
Пабѣмъ мы васъ
12-ю зялѣзными дубинами,
Загонимъ васъ
У махи и у ва рѣки,
Гасподь жа васъ
Вудить бить краменьнимъ

И будить бить грамами
И палить маланьями
И сашлетъ за вами Гаспотъ,
Съ неба на землю,
Вѣтрыѹ и вихрыѹ:
— „Вѣтры и вихры,
Сыйдита зъ неба на землю!“ ...
Вѣтры и вихры
Попилъ вашъ разнясутъ
И размятуть:
Ня будить васъ на земли.
И прашу я на памычъ
Всеѣхъ святыхъ:
Утишитя-сакратитя.
Избаўтя раба
Атъ 12 сястрицъ
И разныхъ трисяницъ!
Прашу я на помычъ
Святую Зарю Зарницу,
Вечернюю Марью,
Нашнюю Дарью,
Увутреннюю Мархву,
И прашу я на помычъ
Царя Давыда, царя Кастянтина,
И сына Саламона.
Вы укратили зямлю и ваду,
Укратитя рабу 12 сястрицъ
Нутрянныхъ, кашавыхъ
И ўсякыхъ.
Аминь.

№ 5.

Отъ лихорадки.

(Ельнинскій уѣздъ, Сухой Починокъ).

У горыди, у Пудани,
Стать святая ябланка,
Падъ тѣю святѣю ябланкаю

Ляжить три листа,
У тыхъ листахъ трехъ апостылу:
У первымъ листу
Святого Кузьмъ,
У другомъ листѣ
Святого Михайли,
У третьимъ листѣ
Святого Исимана.
Къ святому ка Исиману.
Пришло 12 сестриць дявиць
Разныхъ трисяницъ,
Пришли яны
Ка святому къ Исиману
Разадѣтыя, распаясаныя.
Святой Исиманъ
У ихъ спрашиваетъ:
—Куда вы идете?
—„Мы идемъ у христіанску вѣру,
Идемъ бить-калатить,
Къ смерти варатить,
Штобъ іонъ страдаў-скарбѣу
И смертію вумиръ.
Святой жа Исиманъ
На ихъ жа узсирчаўся;
Аны жа пунугалися
И назвали святого Исимана
Госпыдамъ:
—„Святой Исиманъ, Госпыди,
А не бей ты насъ 12-ми
Зелѣзными дубинами:
А ня будимъ мы
Бить-калатить
И къ смерти варатить.“—
А святой Исиманъ атвѣщаль:
—„Хто будить егу ваду патреблять
Три раза у день,
То удалятца и сакратятца 12 сестриць-дявиць
И разныхъ трисяницъ
На вѣки вѣшныя! Аминь.

№ 6.

Ать лихарадки.

(Бердбики Е. у.).

Если мущина ў лихарадки, зними съ передній наги лошади дичь, самую корачку; если жь баба у лихарадки, нужна снять дичь у кабылицы. Потэмъ корачку высуши и сатри у парашокъ, развяди у стаканѣ зъ водою и пастаў прати бальнога и гавари:

— „Ты, лихарадка с... а дочка, Ирадыва ты дочь, пугубила Придтечу Ивана чиризъ сваю пляску, — зрубилѣ яму голыву: но тябе святая галава праклила и паслала митатца кала лѣсу, кала кустоў, кала лошади, кала гривы и капытоў..... Ты ступай, лихарадка, ать р. Б. (имя) — я тябе высылаю праклятую — ступай ты ни путями, ни дарогами — усѣ махами и патонами, да кривыми згородами — на дасы на дрямучіи, на диявы на скрипучіи; — тамъ ты живи, паживай, да назадъ ни бувай. Питайся ты камарами и машкарою, а толька р. Б. (имя) астаў! Аминъ.

Посли етыва заговору нужна бальному: мущини или баби, выпить ету ваду; но тольки штоба ни знаў бальнэй, чимъ ина разведина. Паймать потэмъ рыбу и найдить у яе прѣжирь, высушить яе и потэмъ на игни яе пакурить пиридь бальнымъ.

Теризъ згороды бальному ни лазить, а можна — ли у дирьбу, ли ў вароты.

Ета средствія самыя вѣрныя!

Ать старика Василія Михайлова.

№ 7.

Ать лихарадки.

(С. Митюли Рославльскаго уѣзда).

Варагуша, атыди ты, варагуша праклятая, ать тавова-та челаѣка, — иди ты, праклятая, низжаными дарогами, кривыми згородами, на мхи, на балота, на скрипучіи диява.

Отъ Лиганьба.

№ 8.

Ать лихарадки.

Ва имя Ацца и Сына и Святога Духа. Аминь.

У началѣ бѣ Слова, и Слова бѣ къ Богу, и Бохъ бѣ Слова.

Напиши слава на верхній корки хлѣба и давай натащахъ ѣсть яго па вутренний зарп.—

№ 1.

Ать суроць.

Вадица, красная красавица! Хто етыю вадиццю памытца, избавитца ать 12 причинныхъ ссудныхъ глазоў.

Прашу я на памычъ усихъ Божжихъ матиріу: Святую Божую Матирь Кирсанскую, и Ивирескую, и Сипидаўскую, и Нижагародскую, и Валадимірскую, и Тиханскую, и Смалёнскую, и Старопольскую—и усихъ Божжихъ Матиріу прашу я на памычъ святую зарю-зарницу, вечернію Марью, нашную Дарью, вутреннюю Мархву—и сыдита ка мнѣ 12 зорь, зарницъ—вячернихъ и раннихъ. — Утишита, сакратитя ать 12 причинныхъ и ать чарадѣйскихъ и ать асудныхъ глазоў—аць сѣрыхъ, аць бѣлыхъ и аць красныхъ!

Што ня іостъ на свѣти глаза, усѣ, утишита, сакратитя и избаўтя (имя) — укратитя у яво у нутрѣ, у живатѣ и ў кастяхъ, и ва ўсѣхъ тѣлесахъ, и ва ўсимъ яго сердца. Прашу я на памычъ!

Пумяни, Госпыди, царя Давыда, царя Кастянтина, и мать ихъ Алену, и сына Саламона!

Укратили вы зямлю и ваду, укратитя рабу 12 глазоў!

И прашу я на памычъ: сыдита ка мнѣ, хирувимы и сарахвимы, зъ неба на зимлю, на памычъ.

А утишита—сакратитя 12 глазоў усякыхъ на вѣки вѣшныя!

№ 2.

Ать уроць (суроць).

(Село Иньково Порѣчскаго уѣзда).

Уроць урошныя пуяарешныя и стрѣшныя пуяарешныя, на чомъ вы стали, на чомъ вы пристали; ни на торный дароги,

ни на мяккій пастели, ни на витянни, ни на идянни, ай ать злова чилавѣа, нинавистнаго глаза, ать бѣлыга, ать шѣрыга глазу и ать синига глазу и ать бѣлазорага глаза, ать кривога глазу и ать сляпога глазу, ать бѣлыва волыса, ать русыва волыса, ать чорныга волыса, ать сивага волыса, ать рыжига волыса—атвидитя, аткаситись уроцы ать етыва раба чилавѣа, выхадитя изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, пажилыкъ сустаўцыў, полусустаўцыў, ать буйный галавы, ать быстрыхъ глазъ и ать румяныва лица, ать рабочихъ рукъ, ать быстрыхъ нохъ и ать усей нутриннасти чилавѣческой—атидитя уроцы ать етыва раба чилавѣа,—идитя вы за мхи, за балоты, за ржаўцы-патопы!

Ни трыгатца вамъ ни на маладыку, ни на палнатѣ, ни на пирякраи мѣсица, ни на сходи витаха!

№ 3.

Ать суроць.

Сыйди, глаза сѣрыи,
 Бурьи, карьи,
 Нада ўсими чорный глазъ,—
 Сыйди уси пирятѣцы,
 Пирясуды, пиригаворы,
 Ать старыхъ, ать малыхъ,
 Ать нижинатыва, ать перваженца,
 Ать другаженца.—
 Атыйди на етытъ часъ,
 На ету минуту,
 Уси хваробы, уси балѣзни,
 И съ пальчыкыў, и съ сустаўчыкыў,
 И съ буйнэй галавы, и съ хрыбетный касты,
 Ать ретивога сердца!

№ 4.

Ать суроць.

(Сельцо Рудня).

Святая мать Бугуродица Суса Христа парадила, ни видала ни крови, ни боли, ни якій муки надъ сабою.

Слауна рика Вутя, слауна рика Саламанида выхадила зъ востока, съ биластока и са ўсихъ четырехъ старонь, атмывала крутны бирагй, аткрывала жаўты пяски:

Атврый етакыму-та рабу атъ чирна глазу и сбра глазу, сива глазу и крива глазу, желты глазу и каса глазу, и атъ усихъ разныхъ глазоў.

Сахрани, Госпыди, и памилуй раба Божья. (Хукнуть и— справа на лѣва трончи).

№ 5.

Атъ суроць.

(Бердибяки).

„Пирыкстить у вадрѣ каўшомъ на хресты, Госпади благи слави“ прагаварить, тада къ абразамъ становитца.

— „Пресвятая Бугородица, пумаги ибъ маёмъ нагавори, ибъ чомъ я буду прасить, ибъ чомъ я буду малить.

Пумяни, Госпади, царя Давыда, царя Кастянтина, царя Саламона и матирь ихъ Алену, всю кротость ихъ, помяни ихъ, Госпади, въ царствїи нябеснымъ, сатвари имъ царства нябесная, свѣтлый рай.

Сакрутили яны ваду и землю, сакрути суроць: стрѣшныи, пуцярешныи, нашныи, палуношныи, дячныи, старивоўськїи, старушиччи, женьскїи, мужецкїи, рибяччи, дячиныи.

(Дуть на ваду).

Чатыре угалѣчка укинуть у коўшь, адинъ засипить—тада дать папить челавѣку и нахристь верхнюю частью руки умывать лицо, руки, прати сердца. Тада са рта брызнуть на бальнова:

Съ гуся вада,

Съ тебе худаба.

Тада вылить изъ каўша воду у тѣй угалокъ, гдѣ завѣсы дварей.

№ 6.

Атъ суроць.

(Сельцо Бердибяки Ельнинскаго уѣзда).

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа. Аминь.

Пресвятая Бугородица Дѣва Марїя,

Ты хадила и гуляла на ўсімъ на лугамъ и на райскимъ садамъ са сваимъ сынымъ Сусымъ Христомъ, съ ангилами, са архангилами и са ўсими апосталами. —

Вы разны травы искали и ўси твяти сабирали; ты, Присвятая Бугуродица, уси твяти тапила и ўсихъ бальныхъ лячила, — палячitia и пасабитя ать суроць: —

Госпыди Сусъ Хриосъ и Мати Прячистая Бугуродица и вяликая, ты, Спамошница, и ўсяму миру Памощница, пумаги и пасаби, ибъ чомъ мы тябе просимъ:

Умыть раба Божія (имя) ать зломнава глазу, ать злова пиригавору, ать вучёныхъ кулдуноў, ать ураждённыхъ, ать женскава роду, ать мужскова пола, ать рибяцкихъ шугъ, ать дявиччихъ прасмѣхыў и ать старика, сядэй бароды — и какея бы яны не были: дянныи, палудённыи, нашнэя, палуношныя, а такжа пу вичарамъ и пу вутрамъ. —

Слаўная рика Ирданъ Саламанида, ты ишла па святымъ гарамъ, па жаўтымъ пискамъ, пу крутымъ бирижкамъ, пу зяленымъ лужкамъ, пу махамъ, пу балотамъ, па гнилымъ калодамъ, — ты змувала и мхи, и балоты, и гнилэя калоды, — змыи зъ р. Б. (имя) суроцы пиригаворныи!

Ну, я пайду у ряку — Ирданъ валу братъ, я ни самъ сабою — Божія Матирь са мною.

Ана будить умувать, пилинами утирать, ўси яго балѣзні унимать ать видмавищіў, ать учёныхъ, ать ураждённыхъ, ать жэньскихъ, ать музсьькихъ, ать дявоччихъ, ать рибяччихъ, ать старика, сядэй бароды — якея бъ яны не были.

Ты святымъ Сваимъ Духымъ Ты насъ и питаишь, Ты ить ўсихъ балѣзній избаўляишь — святымъ сваимъ духымъ — ва вѣки вякоў. Аминь.

Пумяни, Госпыди, царя Давыда, царя Саламона, царя Ка-
стянтина и матирь Алену и кротысть ихъ!

Сакратили агни и вѣтры и крутэя горы —

Сакрати, Госпыди, р. Б. (имя), ать р. Б. (имя заговаривающаго), ать суроць! Аминь.

№ 7.

Ать суроць.

Ключь-свѣча съ край свѣта выхадилъ, круты берега вырывать, жолтый песокъ вымывать,—у р. Б. суроцы умываль съ буйный галавы, зъ русыхъ бравей, съ ясныхъ ачей, съ румяныга лица, съ ретивога сердца, съ бялыхъ рубъ, съ барзыхъ нохъ, съ спины, изъ сяредины, съ пальцеѹ, съ суставахъ:

Суороца зависная, радосная, падумная, паглядная, денная, пулудѣнная, нашная, пулуношная, вяхохавая, маладиковая.

Па, сичасъ, па сию минуто, миѣ свѣтъ свитаить, заря заряить, мѣсичъ ѹсходить.

Какъ ня будить вѣку канца, у р. Б. (имя) ни бывать суороцамъ па сйчасъ, па сию минуто.

№ 8.

Ать глазу.

(С. Михайловка Рославльскаго уѣзда).

На мыри, на кыяни, стыяѹ дубъ съ каринями; съ-падъ тога дуба бягить вадица кипучая и гримучая.

Божжія Матирь вадицу брала, на Солянскей гарѣ пасвищала, такога то чилавѣка па галавѣ умывала.

№ 1.

Ать тимяннога зубища.

Балѣсть ета дятіная.

Атыщи дубовыя шула съ сухымъ (балѣсть пайдеть къ суку). Вазми вады свѣжій и ня мѣриный и привяжи тряпычку къ суку, ваду жъ пастаѹ вокала шула; вазми пѣтѣмъ рабенка на руки, пѣтѣмъ патискывай тимяннѣй зубища и гавари:

Ва имя Атца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Благаслави, Госпыди Христось и Пресвятая Багародица, ты, Вяликая Стошница, усимъ диламъ Памощница, пумаги намъ и пасабѣ сваимъ Святымъ Духымъ выгнать теминнѣй зубища

и зубъ на зяленый дубъ у рату натискывать, а на дубъ ваду выливать.

Вы, зубы, зубища, идитя на дубища, но ты, тимянной зубъ, ступай на зяленый дубъ!

На зяленымъ дубу, на дивятымъ сѣку, тамъ царица Марea и присвятая Праскавѣя.

Аны шатры разбивали, кровати становили и вяночки савивали: но ты, тимянной зубъ, ня будь тупъ — паспишай туда; саѣють и табѣ — а то табѣ бясѣдывать зъ ими некыда.

Я тебе пувяду на Чорныя моря.

На Чорнымъ мори тамъ стаить вострыѣ.

На томъ вострыви ляжить сѣрый каминь.

Тамъ ты стань, приживись, вальною ты умувайся, — рыбу ты питайся; — только рыбы ѣшь тѣй сортъ, якей ня ѣсть хрящонный народъ.

Штоба табѣ и звароту аттѣль ни було.

Ваду вокала шула вылий.

№ 2.

Ать криксыѣ.

Беруть бальнаго ребенка на руки, берутъ голень и идуть на „крусадню“. Слегка ударяя ребенка гальнѣмъ, приговариваютъ:

Устрѣшныя криксы, пупярешныя криксы, падумныя криксы, пагодныя криксы, батькины криксы, маткины криксы, маладиковы криксы, витаховыя криксы, вячерни криксы, раньни криксы, дянины криксы, нашины криксы, палундшныя криксы, рябаччи криксы, дявоччи криксы, рябыи куры, бѣлыи куры, крапцестеньвыи куры, чорныи куры, жолтыи куры, хахлатыи куры.

Царь Давыдъ, сакратиль свѣтъ — сакрати и криксы!

(Послѣ этого говорятъ имя ребенка, отца, матери).

№ 1.

Ать криксыѣ.

(Село Даньково).

Криксы, вярексы,

Атхаживаю младенцу Клаѣдію,

Курки бѣлыя, курки сѣрыя, курки рябыя,
Курки жоўтыя, кричпта вы на крусадни, а младенцу Кла-
удіа даіта сонъ на ўсё время!

№ 1.

Обращеніе къ водѣ.

(Самохотовка Смоленскаго уѣзда).

Вадица царица
Красная дявица,
Пріўкрасная Ульянѣа,
Идѣ жь ты, зь рѣкъ затокъ,
Сь крутыхъ бирягоў,
Сь жаўтыхъ пяскоў,
Я табе бару на збаўленіе,
Души сваей на спасеніе.—
Стань ты, Госпыди, на памычъ,
Мать Прячистая, на раду,
Святэй Спасъ, памилуй насъ грѣшныхъ!

Отъ Лукерьи Бѣляёвой.

№ 1.

Отъ укушенія ужа.

(С. Митюли Р. у.).

Царь кудыка, царь мудыка, унимай вужа, слушнага мужа;
и унимай, и вынимай юнысти, ярысти, гадысти съ такей та
святини!

Ня ўнимишь и ня выдишь сваю янысть, ярысть, гадысть—
што пайду къ усимъ святымъ, буду прасить Госпыда Бога
Ісуса Христа и Масіера, зь небесными силами:

Нашлетъ Госпади три тучи грозныхъ: адну камянную, дру-
гую витравую, третію агняную,—агнѣмъ пупалить, камнимъ ра-
забѣтъ, вѣтримъ попилъ разнясетъ.

Отъ Лиганька.

№ 1.

А т ь з м я и.

(Село Иньково Порѣчскаго уѣзда).

Царь змѣй Скурупей и царица змѣица Скурупяица, сабирайтя свайхъ змѣй и спрашивайтя, каторыя хадили, каторыя брадили и такую-та животную кусали и злая жигала пускали и лютую ярысть.

И вы сабирайтя и спрашивайтя, змѣи балотныи, змѣи лугавыи, и змѣи куставѣи, и змѣи падкалодныи, и змѣи падкурчѣжныи, и змѣи дамавѣи падугольныи. и змѣи чорныи, и змѣи рудыи, и змѣи припялѣсныи, и ты, лютия змѣя, злая вирятѣнница.

Сабирайтисъ, уси змѣи, вынимайтя свае злая жигала и лютую ярысть, штобъ вамъ тутъ ня быть и ня жить и такую животную скатину ни нудить и ни марить и яе кожу ни кусать и вопуху ни пущать.

Вынимайтя свае лютыя жала и лихую ярысть ать етѣи животный изъ кастей, изъ мащей, изъ жиль, изъ пажилыкъ, изъ сустаўцыў; изъ поль-сустаўцыў и малинькихъ сустаўцыў, и ать буйный галавы, и ать быстрыхъ нохъ, и ать хрябетный касты и ать дѣинныга хваста,—то мы будимъ прасить святого Михаила Архангѣла и нябесныи силы, напраганяющихъ усѣхъ ўрагоў и супастатыў: святой Михаилъ Архангѣль и нябесныи силы усѣхъ змѣевъ пажсетъ, пушакетъ, святымъ сваймъ кѣпимъ пасякетъ; сами огниная хадила агнемъ запякетъ и витрами и вихрами у паганья моря погилъ знясетъ.

№ 2.

А т ь з м я и.

(Сельцо Бердѣяки Ельнинскаго уѣзда).

Ва имя Ацца и Сына и Святого Дѣуха. Амнь.

На мѣри, на кѣяни, на гарѣ на Сѣвѣи, тамъ стайтъ яблань, залатая яблѣка и сѣребреная.

Тамъ хадила и гуляла Мать Присвятая Багародица са сваймъ Сынымъ Исусымъ Христомъ.

Мы придемъ, приклонимся къ Матири, Пресвятый Багародицы:

— „Пресвятая Мать Багародица, памилуй насъ ать акаянный силы, ать змѣи“!...

— Нѣтъ. ни памилую, а памилуютъ васъ Самъ Господь Бохъ Исусъ Христось.

„Мы прйдимъ, приклонимся къ самому Госпаду Богу Исусу Христу:

— Госпади, памилуй насъ ать акаянный силы, ать змѣи!..

Памилую! Я сашлю трехъ вапостылу: первыга апостыла святога Горгія (Ягорья) съ вострымъ капьемъ, другога апостыла Николу Чудатворца съ востру меччу, третьяга апостыла Михаила Архангила съ грамкѣмъ громымъ, съ жаркью молнію. съ буйными витрами.—

Вотъ выизжалъ святѣй Ягорій на сваймъ бѣлымъ конику, съ вострымъ капьемъ, у чпстия поля.

— „Што ты, змѣя Шкуруея, што ты, змѣя Таруея, распустила дѣтей свайхъ дьявалоу? если ты ихъ ня будишь унимать, будить тябе Мать Прячистая карать; — я тебе прабью вострымъ капьемъ. прати злога тваяго сердца“.—

— О, святой Ягорій храбрый! Я униму свайхъ дѣтей— дьяволоу: ня бей мне вострымъ капьемъ, прати злога маяго сердца,—униму: падь дарогью и падь згародью, палявыхъ, мижавыхъ, лугавыхъ, падкупныхъ, балотныхъ, баровыхъ, лисавыхъ, пинавыхъ, курчавыхъ, пискавыхъ, дваровыхъ, гнаявыхъ, стрихавыхъ, лятучихъ, ярыхъ, переярыхъ, и каторыя на Сияньскыхъ гарахъ.

И унуки, и прауноки—и тѣхъ будимъ унимать, змяиня жала выбирать, мы изъ такой та масти, мы изъ длиннаго хваста, съ буйный галавы, съ чорный печини, съ красный криви, съ ретивога сердца, изъ такей-та шерсти.

Выизжалъ святой отча Никола Чудатворецъ на сваймъ бѣлымъ конику, зъ острымъ мѣчимъ, у чистия поля..

· Такимъ пырядкымъ гывари етытъ загызырь три разы: значала съ именимъ Ягорія, потѣмъ съ именимъ Нивалаа Чудатворца и наканецъ съ именимъ Михайлы Архангила.

Якъ скончишь заговоръ, читай малитву:

Пумяни, Госпыди, царя Давыда, и царя Кастянтина, и царя Саламона, матирь Алену и кротысть ихъ!

Сакратили агни и вѣтры и крутны горы — сакрати, Госпыди, рабу скатину (такой та масти) ать раба Божжиги (имя знахаря).

Ва имя Агца и сына и Святаго Духа.

Аминь.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 3.

Отъ укушенія змѣи.

(С. Митюли Р. у.).

Змія Шкурупея, унимай сваихъ дѣтей и вынимай сваю змяиную ярьсть съ такей та скатины!

Ня ўнимишь сваю змяиную ярьсть, буду прасить Госпыда Бога и зъ нябесными силами! Госпыди пашлетъ три тучи грозныхъ: адну камянную, другую витравую, третію агняную. — агнѣмъ пупалить, камнемъ разабѣть, вѣтрымъ попилъ разнясѣть.

Отъ Лиганька.

№ 4.

Отъ укушенія змѣи.

(Сухой Починокъ Е. у.).

На ржаномъ на живищи
Стать кустъ ракитывый,
Падъ тымъ кустымъ ракитывымъ
Стаятъ кравати тисавы,
Перины пухавы,
Адїялы шелкавы,
Ляжить руно шерсти;
И ў томъ руни шерсти
Сядить змія Шкурупея,
Змія Шкурупея,
Змія Партупея,
Змія Настасея,
Змія Марея.—

И прашу я васъ
Всѣхъ змѣевъ набальшихъ:
Унимайтя вы
Всѣхъ свайхъ змяёу:
Падкутныхъ,
Вуглавыхъ,
И дамавыхъ,
И паднавозныхъ,
И палявыхъ,
И мижавыхъ,
И выдяныхъ,
И усѣхъ гадыу,
Палзучихъ па зямли,
И махавыхъ,
И балотныхъ,
И плавающихъ па рѣкахъ.
И летающихъ па воздухахъ:
Што аны ходя
Збродничаютъ,
Распутничаютъ:
Ужусили скатину разный шерсти
И сваё змяинья жала упустили.—
И скажитя вы имъ,
Штобы аны
Взяли къ себѣ свае жала;—
А если аны не вѣзъмутъ
Къ себѣ свайво жала,
То я буду прасить Спасителя
И Михайлу,
Великыга Архистратига.
Михаиль,
Великій Архистратихъ,
Придидь судить
Съ сваймъ страшнымъ судомъ,
Съ жизломъ зялѣзнымъ—
Разабьетъ кровати тисавыи,
И пярины пухавыи,
И руну шерсти—
И ваши будить на зялѣза

Матать кишкы,
И вась самихъ будить бить
Малатами.
И вась самихъ будить
Агнѣмъ палить,
Штоба вась не была
На земли—
Ня будить вась
На зямли,
И ня будить вашига змяйнага жала.
Аминь.

№ 5.

Отъ укушенія змѣи.

(Ельнинскій уѣздъ, селцо Лукино).

На мыри, біяни, на вострыви на Буяни, стаить дубъ.

Падъ тымъ дубымъ стаить ракитыѣ кустъ; падъ тымъ кустомъ ляжить бѣль каминь алатырь; на томъ камни ляжить рунецъ; падъ тымъ рунцомъ ляжить змѣя Скарпея;

Гость у ней сестры: Арина, Катерина.

Мы Богу памалаяемся, на ўсѣ чатыри сторыны пакланяимся—
вазьмита сваю лихысть ать раба или ать скатины (сказать цвѣтъ шерсти), на сей день, на сей часъ!

Нахристь дунуть.

№ 6.

А т ь з м ѣ и.

(Бердбяки).

Станавись еъ абразамъ.

Присвятая Мать Богородица, пасаби въ маимъ нагавори.

На мари, на Буяни, на вострыви, на Кіяпи, стаить ракитывый кустъ.

Падъ ракитывымъ кустомъ ляжить змѣя Шкурупея.

— „Што ты, змѣя ляжишь?—

Што ты тутъ сядишь?—

Унимай свайхъ змѣй, змѣнятъ: палявыхъ, лисавыхъ, падкалодныхъ, мижавыхъ, стрихавыхъ, дваравыхъ.

Если ты ня ўнимишь и ня вынишь ярая жала съ ачей и съ кривей, и изъ жилъ, и съ сустаў, и съ буйный галавы,— то буду малить Михайлу Архангила: прѣдтить іонъ съ голымъ меччимъ, съ молнію и гразою, пасякнѣть васъ и парубить и молнію пажгѣть и понилъ размятеть.

(3 раза).

Наговоръ па вѣтру и на хлѣбъ.—

№ 7.

Отъ укушенія змѣи.

(Рудни).

На мыри, на кіяни.
Стаить кусть,
Липавый кусть,
У томъ кустьѣ
Ляжить скаварода;
Падъ скавародный
Ляжить чорныя руна.
У томъ чорнымъ руни
Ляжить змѣя Шкурапѣя.
Унимай свайхъ лютыхъ дятей,
Если штобъ они ни кусали:
Сипѹху, хралѹху,
Падстрѣшную, падмежную,
Лугавую, палявую,
Зимляную, щипяную,
Дравяную,
Ня ўнимишь,
Буду прасить
Михайлу Архангила.
Громнымъ забѣть,
Праскамайцый
Сквозь гняздо
Тябе возьмѣть.
(Дунуть три раза (троичи) у

тую старану, идѣ члавѣка
змія укусила).

№ 8.

А т ь з м ѣ и.

(Село Лобково Смоленскаго уѣзда).

Хадилъ Бохъ
Съ Мать-Прячистый
Па зялёнымъ лугамъ,
Сабирали— првали
Разныи травы
И прикладали къ змяинный рани.
Божія трость
Абламилась,
Змяинная жала
Атвалилась
Атъ раба....
Атъ скатины (такой-та шерсти)

Передъ началомъ заговора и въ концѣ трижды читается „Отче нашъ“; молитву произносятъ, обратясь къ восходу солнца.

№ 9.

А т ь з м ѣ и.

(С. Проверженка Е. у.).

На мари, на мари, на бѣлымъ лукамари, стаить ракиты-
вый кустъ; у тымъ у ракитывымъ кустѣ есть змяинная гняздо.

У тымъ гнѣздѣ ляжить змія Шкурупея, Палагея, усимъ
зміямъ мати (старая змія съ природку).

Змія ты, Шкурупея, Палагея, унимай свайхъ гадыў: пад-
курчижныхъ, падкалодныхъ, падстѣнныхъ, паднавозныхъ.

Унимай, Шкурупея—Палагея, свайхъ гадыў!...

А ежили ты ня ўнемишь свайхъ гадыў, будимъ прасить
апостылыў, Ильлю надиляцага, штобъ тябе ня толька штобъ
громьмъ убить,—ну, и маланьёю бѣ спечь.....

А ня вынишь ты жала съ гнядэй лошади ядъ свой, — то будить табе на ўсенхъ сястеръ на вашихъ аганчѣнїе: на Палагею, на Сихвею, на Малгариту, на Стипаниду.

Унимайтя свайхъ гаднѣ, а то будимъ прасить Михайлу-Арханлу зялѣзынмъ жезлымъ, штобъ васъ и пасѣчь, и пурубить, и ў грудяхъ пуналить.

Отъ Хатуля.

№ 1.

А т ь ш а л у .

(С. Митюли Р. у.).

Ишолъ Исусъ Христосъ сы рдою.

Христосъ вратися рыбація Артема (3 разы приригаворїни тдыхаючи) потэмъ:

Христосъ вратися, Госпади не ѳстаў.

Отъ Лиганька.

№ 2.

А т ь ш а л у .

(Сельцо Бердбики Ельнинскаго уѣзда).

На синимъ на морї

Стаить дубъ кудрявый,

Падъ тымъ дубымъ кудрявымъ

Стаить кровати тисавыя

И залатыя пярїны пуховыя

И адїялы шалговыя.

У тыхъ у пярїныхъ пухавыхъ

Ва дїялахъ шалкавыхъ

Ляжить рўна шерсти,

У той руни шерсти

Сядить плица

Садяржица и Сакратица, каторая садиржаить

И закричайть

Всѣхъ свайхъ птицъ палетныхъ

И сабакъ забѣжныхъ.

И захожихъ,
Разныхъ шарстей,
Што ины
Ходя збродничаютъ,
Распутничаютъ:
Укусили скатину,
Свае жала упустили.
Скажита имъ,
Штобъ ины ўзяли къ сабѣ,
А если яны ня возьмутъ яго къ сабѣ,
То я буду прасить Михайлу,
Вяликыга Архистратига.
Онъ придить судить
Сваимъ страшнымъ
И грознымъ судомъ,
Съ жазломъ зялѣзнымъ, —
Разабеть кровати тисавыи,
И пярины пуховыя.
И адіялы шалковныя,
И руку шерсти,
И будить васъ бить
Па галавахъ малатами,
И будить ваши матать
Кышки на калясо,
И агнѣмъ палить,
Штоба васъ не было на земли
И вашига шалу.
Аминь.

Атъ Василия Михайлова.

№ 3.

Атъ бѣшиныга пса.

(Лукино Е. у.).

На мыри, на кіяни, на вострыви на Буяни, стаить домъ;
у томъ доми стаить стаить старйца и держить ана жала.

Ты, старица, вазьми свае жала и приди къ р. Б. (имя),
вынь изъ р. Б. (имя) жала смертныя!

Загаварию раны калючія на рукахъ, на ногахъ, на галавѣ, ва ўбу, на затылки, на брывяхъ и на падбародки.

Будьтя ва вѣки вякоў на сабаки чорный, сѣрый, красный, сядой, рыжій, бѣлый—сядита и ва вѣки ни схадиця!

№ 1.

А т ь ч е м и р и .

(Сельцо Михайловка Рославльскаго уѣзда).

На мыри, на кыаніи, ляжить каминь Ардынъ; на тымъ камни сядить сизэй арёлъ съ зялѣзными калтюрями.

— „Польна табѣ, арель Ардынъ, каминь драть!

Михаилъ Архангилъ на памычъ—пирістанъ чемирь битъ.

№ 2.

А т ь ч е м и р и .

(Село Пиньково Порѣчскаго уѣзда).

Басла Божа, басла Божа, басла Божа!

Есть у свѣти есть у свѣти, есть у свѣти три цари, три цари, три цари: первый царь, первый царь, первый царь—мѣсиць на неби, мѣсиць на неби, мѣсиць на неби; утарой царь, утарой царь, утарой царь—ракъ у мори, ракъ у мори, ракъ у мори; третій царь, третій царь, третій царь—сѣрый воўкъ у балоти, сѣрый воўкъ у балоти, сѣрый воўкъ у балоти.

Какъ еты цари адинъ у аднаго ни бывають и нашити и наѣдки ни кушають и ни бесѣдывають—такъ етый чемири у р. Б. ни бывать и р. Б. ни нудить, ни марить и пу румянному тѣлу ни хадить и бѣлую кость ни ламить и гарючу кроў ни разганяць, пухавова волоса ни раздумать.

И ты выходи, чемирь злая, чемирь лихая, ать етыва раба изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, изъ пажилыкъ; ать буйный галавы, ать быстрыхъ глазъ, ать рабочихъ рукъ, ать быстрыхъ нохъ, ать нутринастей чилавѣчскихъ!

Ни трыгатца тябѣ, чемири, ни на маладину, ни на палнатѣ, ни на пирякрои мѣсица, ни на сходи востока!

№ 3.

Заговоръ отъ чемери.

(Рославльскій уѣздъ, Митюли).

Ишла Божія Матирь съ усимъ сваймъ архангельскимъ саборымъ на ярскія луги гулять, вялыхъ твятоу сарвать, раба такога прикладать, у Ярдани ряки вадицы набирать, такова рабацію умывать.

Отъ Лиганька.

№ 4.

А т ъ ч е м е р и .

(Ельвинскій уѣздъ Сухой Починокъ).

Падъ карянѣмъ карянистымъ,
Падъ листымъ ширакистымъ.
Сядить ваперь,
Рылымъ пашить,
Зубами рветь.
Што ета онъ дѣлаить?
Ета онъ дѣлаить:
Искить таго кариня,
Што выгнать
Атъ асудныхъ причинныхъ
Двинацать чемерей,
Зъ буйный галавы,
Съ чутыхъ вушей,
Зъ наздѣрь и зъ жилъ,
Изъ пажилыкъ, изъ сирядины,
Изъ нутря, изъ живата
И су ўсяго сердца,
Зъ нохъ, са кашытоу.
Рыжая, буланая (разнаго цвѣта).
Аминь.

№ 5.

А т ь ч е м и р и .

(Ельнинскій уѣздъ Сухой Починокъ).

На синимъ на мори
Стаить церкыѹ Саламанида;
На тѣй церкви Саламашиди
Стаить Божжія Матирь,
Въ рукахъ дѣржитъ (вм. дяржитъ)
Живатварящій крестъ. —
Ина сваймъ Живатварящимъ крестомъ
Атганяить три раза (вм. три разы)
Чемиръ дянную,
Пулудѣнную, нашную,
Палундшную,
Зъ буйнэй галавы,
Зъ ретивога сердца,
Съ чуткихъ вушей,
Зъ нутра изъ живата
И съ сярѣдины
И су ўсихъ разныхъ тѣлесъ
(о человекѣ)

И рясныхъ ачей
Са ўсихъ разныхъ копытоѹ
(о скотѣ)

Атгднъ три раза чемерь
Зъ разный шерсти!
Ну, не самъ я сабою
Утѣшаю и сакрачаю
12 чемерей,
А Божжію Матирью:
Чисавыхъ
И полчасаовыхъ,
Минутныхъ
И полминутныхъ,
И усякихъ
На вѣки вѣчныя. Аминь.

№ 6.

О т ь ч е м е р и.

(Проверженка Ельнинского уѣзда).

На мари, на мари,
На икѣни,
Стаить ракитывый кусть,
На тымъ кусти ляжить галь каминь,
На тымъ камни сидять 12 маладцоў,
12 богатырѣў,
Диржать 12 малатоў,
Бьють, какъ день, какъ ночь,
Выбивають чемирь
Зь рыжій шерсти, изъ буйный галавѣ,
Изъ яркихъ вачей,
Изъ жилъ, изъ пажилъ,
Изъ лехкыга вздыханія....
И просимъ тебе
Прасвятую Багародицу....
— О, Госпыди, закрой и памилуй
Ать усякыга упадку!
Михайла Архаила
Су ўсею небесною силой....
Цумаги!....

Отъ Хатуля.

№ 1.

А т ь л а м о т ы.

(Вердибяни).

Нужны красныи суконныи нитки.

Сичасъ узять пять хлѣбѣў зирнять: іўса, иржи, ячменя, пышайцы, грѣчици у одну чашку.

Тада палажить нитки на чашки, стать къ иконамъ Божьимъ и сазать:

— „Присвятая Бугуродица, азбаў, абъ чомъ тибѣ буду прасить и малить: (имя челоўѣка) избаў ать боли, ать ламоты

бастяннэй, жильный, сустаўный: Асвитѣтя сваей святѣю рукою
пять хлѣбѣу ибсѣить сваими святыми зирнатыми челавѣка.

Скачиваитца съ яго пять хлѣбы съ галавы—и скатися ла-
мата изъ кастей, изъ мащей и жиль, и суставыѣ, изъ ачей,
изъ глазъ и буйный галавѣ!

Пресвятая Бугуродица, вазми ать свайво сына слащай-
шига свае золаты ключи и ать Госпада Бога и замкни яму
ламоту ламотнѣю балѣсть на вѣки вѣшныя.

Аминь балѣсти.

Узять красны нитки, завизать руки и ноги, нахристь за-
визать на чатыри узла руки въ кистяхъ и ноги въ кистяхъ,
и на ниткахъ крести 4 раза, палагая крестъ и пригаваривая:
„ва вѣки вѣковъ аминь балѣсти!“...

№ 1.

А т ь г р ы ж и .

(Сухой Починокъ Е. у.).

На мыри, на кіяни,
На тѣй рѣчки на Сіяни,
Лижаѣ камиль Латырь.
На томъ камни Латыри
Двѣ сястры Марьи,
Третій братъ Микѣфырь.
А у брата Микѣфыра
Конь карь.
Грызъ пиристань
На етѣй часъ, на ету минуту
У раба...

№ 2.

А т ь г р ы ж и .

(Ельнинскій уѣздъ Сухой Починокъ).

Грызъ, грызица, идѣшь,
Идетя вы
Пу путяхъ и па дарогахъ,

И ни спускаитя вы
Ни стрѣшному, ни пуярешному,
И приключаетисъ вы
Па вѣтри и па дыму и па вадѣ, —
Утѣшитися и сакратитися (утѣ-
шитися вмѣсто утишитися),
Нутрянѣи, кашавы,
Асудныи и причинныи.
А если вы ни сакратитися,
Ни утишитися,
То я буду прасить
Усѣ святыхъ:
И святую зарю зарницу, Марью,
Нашнюю Дарью,
Вутриннюю Мархву
И светога маладика.
Пумяни, Госпыди,
Царь Давыда,
Царя Кастянтина,
И мать ихъ Алену,
И сына Саламона!
Вы укратили
Зямлю и ваду, —
Укратитя рабу
И 12 грызѣй-грызицыѣ.
Утишаю я и сакрачаю
Всѣми святыми,
Всею силою нябесною. —

№ 3.

Ать дѣтскый грыжи.

(Ельнинскій уѣздъ сельцо Лукино).

Бабушка Саламанидушка у Пресвятой Багародицы грыжу заговаривала (или заѣдала) мѣдными щиками, зялѣзными зѣ-
бами, — такъ и я заговариваю у раба Божія.

Имярекъ.

№ 1.

Ать урюмый скулки.

(Заговоръ на водѣ).

Вада даўжна быть свѣжая, пусудина чистая; пиридь тѣмъ какъ пириганать заговоръ, вымый чиста руки. Если изъ ряки бярешъ ваду, черпай яе па тяченію за разъ и изъ калодца, если бярешъ ваду, бяри яе сразу. Няси ваду маўчинька, на стѣроны ни паглядывай. Патомъ гавари, якъ принясешъ ваду.

Ва имя Итца и Сына и Святова Духа. Аминь!

— „Ты, заря зарица, ты раса расица, раннія и вячернія, ты, скулища ты, асудица, ты, скула бѣлая, ты скула черная, ты, скула синія, ты скула багровая, ты, скула жоўтая, ты, скула зависная, ты, скула радѣсная, ты, скула урошная, ты, скула угрюмая, ты, скула грудйща, ты, скула залатнйца — якая бы ты ни была — ну, я, рабъ Божій, я тябе вупрашаю. я тябе высылаю изъ кисти, изъ мащей, изъ ясныхъ вачей, изъ буйнйи галавы, изъ ритизога сердца, изу ўсикъ жилъ, изу ўсикъ пулусустаў, штоба р. В балѣсть пиристаў.

Ты ступай, скула, на синія моря: на синимъ мори ляжить бялой каминь, на бяломъ камни сядить тамъ дявица, ана ни шйть, ана ни мйть, ана ни ткеть, ана ни прядеть, только рабу Божию помащъ ать скуль даеть.

Мы же просимъ:

— „Красная дявица, сама чистая вадица, ты йшла зъ марскога ключа, изъ зимлянога нутра, ты размувала жалтыи няски, ты падмувала крутны баряжки, — змый зъ р. В. (имя болящаго) скулу ўрюмую и ўсю балѣсть!“.

Якъ прагаворишь, улей у втарую пусудину 21 ложку вады и давай тѣя вазды пить и мачисъ ею грудь семь зорь утреннихъ и вячернихъ.

Изъ избы тоя время выхадить нильзя.

№ 1.

Ать зубнэй боли.

(Бердибяки Ельнинскаго уѣзда).

У каво баять зубы, вазьми явырнйи коринь, разрѣжь яго на три части. Када будить видны звѣзды, вывиди бальнова на

сирядину двара, вазьми у праваю руку кыряшокъ и абвади кругомъ бальной щаки и гавари малитву:

— Вы, святэя святитили, вы, Божжія угодники и скорыи памошники, пумагитя и пасабитя, абъ чомъ васъ просимъ—выганяь боль изъ зубоў на щиры бары, на темныи ласы, на мхи, на балоты, на гнилэя калоды.

На щирахъ барахъ, на темныхъ лисахъ, на мхахъ, на балотахъ, на гнилыхъ калодахъ стаить избенка, у той избенки ляжить тамъ рабъ Божій (имя послѣдняго похороненнаго на кладбищѣ).

— „Рабъ Божій мяртвецъ, балять ли у тябе зубы?“

— Нѣтъ, ни балять.— „Ну, каму я загавариваю, нихай вѣкъ ни балять“.

— Маладикъ маладэй, што мы тябе тры дни нй видали—идѣ ты дасюль былъ?— „Быў я далеча на томъ свѣти“.

— Каво ты тамъ видіў— „Видіў Бога, усихъ святыхъ и усихъ мяртвыхъ“ — Што ты зъ ими гаваріў тамъ? — Пра зубы“.

— Ти балять у ихъ зубы?— „Нѣтъ“, гаварили: „ни балять“.

— Ну, нярушь у раба В. (имя) и вѣкъ ни балять.—
Аминь.

(Послѣ этага узять часть кориня и дать бальному у правую руку, только прагаваріўши малитву или загаворъ. Посли жъ, прагаваріўши у другэй разъ загаворъ, и дай у другую руку, у лѣвую, 2-ю часть. Прагаваріў у третій разъ загаворъ, палажи бальному третію часть у ротъ, на ту старану, идѣ балять зубы.

Коринь дяржи ва рту усю ночь, потэмъ вазьми и палажи у ротъ тэй коринь, каторый у правый рукъ—на день, съ лѣвой руки коринь палажи на нычъ.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 2.

Ать зубнэй боли.

(Бердбьяки Ельнинскаго уѣзда).

Хто приходитъ за загаворымъ, тэй даўжонъ абаўдить пзбу знаружи и найдить бярно на вуглу съ сучками нахристь,

атщипить ать етыхъ сочкѣу щепычку и зъ ею загаваривать будить знахаръ зубы.

Щепку даѣжонъ принясти бальнэй.

Бада балить правая старана, възми яго за лѣвую руку, кала кисти; если жа забалить лѣвая старана, то възми за правую руку, кала кисти.

Кали щепкый у томъ мѣсти, идѣ узяѣ, у жилы, и гавари:

— „Вы, жилы, астипянитися!

Ты, кроѣ, разайдися на тѣлу и на жиламъ!“...

Тады пирядвинь руку далій, напалавину ать лагтѣ, накальвай у жилы и гавари:

— „Ты, кость, крипка, якъ зялѣза, якъ самая быстрая сталь; но вы, зубы, балѣтъ пристанѣтя у р. Б. (имя).

Узять руку вокала лактя, накальвать у жилы и гаварить:

— „Ты, чирвякъ, чирвячищѣ, выходи на верхнія вакно, зъ верхнига вакна на нижній вянецъ бирна: тамъ табѣ будить тѣпла, тамъ табѣ будить мякка, штоба табѣ извароту ни будѣ.“—

Щепку приставить, идѣ ана была.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 3.

Ать зубнэй боли.

Каинь, Каинь, Каинь, вяли спрасить брата сваяго Авиля, ни баять ли у яго зубы.— „Нѣтъ“.— Таеъ и у р. Б. нѣтъ.

Ва имя Итца и Сына и Святага Духа.

Аминь, аминь, аминь.

Наговоръ на соль и клади на зубы.

№ 4.

Ать боли зубѣу.

(Бердибяки).

— Быѣ на томъ свѣти? — „Быѣ“.

(Гляди на мѣсиць, звѣзды).

— Мяртвыхъ видіѣ? — „Вядіѣ“.

Што жѣ яны? — „Лижатъ замяртвѣѣши“.

— Штобъ и зубы замяртвѣли у такого то!...

№ 1.

Отъ перелома костей.

Раднэй бальнова или знакомый становитца пиридъ иконами, хреститца, хрестить пирыломъ у бальнова и гаворить:

Иштоу Бохъ мяжою, па чистыму полю.

Святэй Михайла Архангиль, стань Богу на нагу.

Ни пашатнулся, ни пакіунуўся:

Сустау суставамъ, кость костью, жила жилию.

Царь Давидъ, сакратиль неба и землю — саврати и насъ грѣшныхъ.

Аминь.

№ 1.

Ать усихъ хваробъ.

Хади, уси хваробы, съ пальчыкыў, съ сустаўчыкыў, и съ кастей, и съ мащей, и съ буйнэй галавы, и зъ хрябетный касты, и ать ретивда сердца!

№ 1.

А ть вогника.

Агонь, агонь, гарючий, балючий, табѣ макрата, а мнѣ сучата—на етый часъ, па ету минуту.

Прагаворъ надъ бальнымъ три разы.

№ 1.

А ть жабы.

У горыди Русалими, на рьякѣ Ирдани, стаить древа купа-ресъ; на томъ древи сядить птица арѣль, щипить и тирабить кахтами и нахтами и паць щиками и паць зябрами у р. Б. (имя) жабу.

Ва имя Итца и Сына и Св. Духа. Аминь. (Когда этотъ заговоръ будешь говорить, то въ это время нужно тыкать въ горло указательнымъ пальцемъ и проговорить слова три раза).

№ 1.

Ать ичмяню на глази.

Штобъ унистожиўся ячмень, тольки ни ў примѣту таму хто яго мѣить, у бальной глазъ плюнь знѣтигу или падняси къ бальной глазу кукишь и гаварь:

„Ячмень, ячмень!
Вотъ табѣ кукишь,
Што хочишь, то и купишь;
Бупи сабѣ тапарокъ,
Сяки сябе пуцарекъ!“...

№ 1.

А т ь п р и т ч а.

(Бердибяки).

Бярешь красныи нитки и вербу атломишь, паложись ету вербу у чистую пасуду съ зирнятами ить пяти хлябоў.

Нитки даўжны быть суконныи.

Пресвятая Бугуродица, посаби у маимъ нагавори, а чомъ тибѣ буду прасить и малить:

— „Асвятитя пять хлѣбмѣ абсѣить такому-то!“...

Пресвятая Бугуродица по саду гуляла, ить Госпада Бога Сына ключи брала и замкала притча:

Кастянная, нутрянная, жильная, сустаўныя (три раза проговорить).

Пиривязаишь нитьями нахристь руки и ноги:

Пресвятая Бугуродица, завязываитца балѣсть и ўсыбая притча на вѣки якоў.

Тада етымъ хлѣбмѣ (прежде яго поставить къ ибразамъ) ибсивдишь челавѣка, а куры, штобъ зерны выбирали, куры тольки,—больши жѣ нихто.

№ 2.

А т ь п р и т к и.

Буры рябы, хахлаты, разнапѣры, выбирайтя боль и притча изъ жилъ—суставамѣ у рабы, раба....

У вербы атламить три сучки и патроя, штобъ девить сучкоу была, тапить у печки, абтапить, штобъ навипѣла вада,— вербу вынить вонки, жижку прастудить, а прутья сійчасъ сушить:—тада маладенца, проти абразоу, у стерпъ тепленькью вадичкью вербнью абдать; а рубашка тутъ шгобъ лежала пады кутомъ; тада сухю вербаю курить: гдѣ дирка у лаўки жарку накатить, сухихъ прутыкыу ать вербы набрасать, тутъ рабенка падекурить—Бохъ и милуить!

№ 1.

А т ь п о р ч и .

(Село Пньково Порѣчьскаго уѣзда).

Пумяни, Госпыди, царя Давыда, царя Саламона, прамудрысть ихъ и съ хитростими ихъ.

Царь Давыдъ, царь Саламонъ, сакратили зямлю и ваду и весь мѣръ православный—сакратитя етыва раба, чилавѣка, ать вѣдьмы калмыка и ать калдуна чараўника и ать вѣдьмы калмыцы и ать калдуницы чараўницы.

И вы, вѣдьмы калмыки и калдуны чароўники, на чомъ дали, на чомъ саздали етому рабу порчу и нарядъ: или вы на питянии, или вы на ядыни, или у паходи, или на работи, или на торный дароги, или ни мяккѣй пастели, ти на пищи даваўши или слѣдъ вынимаўши—выхадитя, порчи и наряды, ать етыва раба и чилавѣка, изъ кастей, изъ мащей, изъ жиль, пажиль, суставыу и малинькихъ сустаўчикиу, ать буйный галавы, ать рабочихъ рукъ, ать быстрыхъ нохъ.

Я васъ пасылаю, порчу, ать етыва раба за мхи, за балоты, за ржаўцы-патопы, на Чорныя моря.

На бирагу Чорныга моря, тамъ стаить избушка; у той избушки сидятъ двѣ Анны-панны, яны ни гуляють — ету порчу принимаютъ ать такова-то раба Божія; маладыхъ малайцоу женють, а дявиць замужь атдають.

Тамъ етый порчи гуляння, тамъ ей красування!

№ 1.

Кровь загаваривать.

(Бердибяки).

Пресвятая мать Бугородица на залатую пряслицу прила,
нитку атарвала, кроў завизала.

Аминь три раза скажи, дунь шесть разоў.

№ 2.

Отъ кровотеченія.

(Сельцо Рудня).

Чиризь моря-акіянь

Ишла Божжія Матирь.

Стрѣўся зъ ёю Сусь Христось,

Самъ Госпотъ Бохъ.

— Куда, Божжа матушка, идѣшь

Куда золты ключики нясешъ?

— Такому-та рабу кроў замѣнуть.

№ 3.

А т ъ к р о в и .

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа. Аминь.

Даселева были при Агарянѣ царѣ неба мѣдна, зимля залѣзна и ни дала плоду ать себе.

Какъ утихнулись и ужаснулись рѣки и ручьи малыи источники—такъ бы утихнулась у р. Б. (имя) щипата и ламата.

Многа пасабляить сіе слова.

Ключъ неба, а замокъ зимля.

Аминь, аминь, аминь.

№ 4.

А т ъ к р о в и .

Пумяни, Госпыди, царя Давыда и ўсю кротысть яго, —
украти, Госпыди, карову сію крѣпастями свайми ва имя Атца
и Сына и Св. Духа. Аминь.

Утреннія заря Марія, вѣчернія Мармеанія, уталита маю
таску-кручину. Нынѣ и присна и ва вѣки якоу. Аминь.
Аминь.

№ 5.

Отъ кровотеченія.

(Село Даньково).

Тякеть рѣчка крававая,
На тэй рѣчки бѣдѣй кѣминь,
На ёмъ три дявицы;
Ляны шіють красною нитачкью.
Нитычка пырвалась,
Кроу увырвалась.
Праговоръ 12 разоу надъ бальнымъ, кроу пиристанить тити.

№ 6.

Отъ кровотеченія.

(Ельнинскій уѣздъ, Сухой Почпнокъ).

На гарѣ, на Сіянѣ,
На рякѣ на Ирдани,
Стать древа купарёсь.
Падъ тымъ дровымъ купаресымъ
Стаять стали дубовыи
Ни тясовыи;
За тымъ за сталами
За дубовыми, за нитясовыми.
Сидять три сястрицы,
И дѣвицы красавицы,
И прядуть красный
Разный шолкъ,
Прядуть, выпридають
И ўзоры набирають.
Сястрицы дявицы,
Прядитя красный
Разный шоукъ,
Выпридайтя—

И ўзоры вабирайця,
И красныга шоўку
На зямлю ня ўраняйця,
И съ зямлі ня падьмайця!
У раба крови ня бывать!
Аминь.

№ 7.

Отъ кровотеченія.

(Сельцо Рудня).

На мыри, на кіяни,
Три дѣвушки сидять,
Нитычки прядять,
Па нитычки' тарвали
... рабу кроў завизали
(Дунуць тройчи).

№ 1.

Женщинѣ на благополучное разрѣшеніе младенцемъ.

Напиши на бумагѣ:

— „Пумяни, Госпыды, сына Едомскіи, въ дни Ирусалимскіи глаголющии: истащайця да асनावанія яго“.

Письмо палажи раженицѣ у пазаху.

№ 1.

Заговоръ идущему на судъ.

Иду я р. Б. (имя) къ р. Б. (имя) ать Духа Свята и ать Христовый пичати и ать Спасавый руби, ать Прячистага замка, ать Престола Гасподня.

Ангель мой Хранитель, сахрани маю душу, кой домъ, сердца мае прими къ себѣ, въ пріятіе, р. Б. (имя).

Ключъ неба, земля замокъ. Аминь.

(Прочеть до конца „Багародица Дѣва, радуйся!“...

Съ востоку идетъ Гаспотъ нашъ Исусъ Христосъ, изъ па-

лудня Михаилъ Архангель, съ вечерній зари Никалай Миластивый; гарадятъ каминную аграду вокала р. Б. (имя идущаго въ судъ), замыкають трѣмя замками, трѣмя ключами; ключи относятъ въ акіанъ-моря, падъ кить-каминъ, въ щуку-рыбу.

Хто можить акіанъ моря выпить, тѣй можить и mine р. Б. (имя) асудить и агаварить. Ключъ неба, земля замокъ.

Аминь, аминь, аминь!

№ 2.

Заговоръ, чтобъ быть оправданному на судѣ.

(Бердбьяки Е. у.).

Ва имя Итца и Сына и Святога Духа. Аминь.

Устану я р., Б. (имя идущаго въ судъ), ранѣшанька, я умкюся бялѣшинька, я уватруся жаркымъ соўнышкымъ, падцаашуся яснымъ мѣсицымъ и пайду я къ самому Госпаду Богу, и вазьму я на пристоли тридевить замкоў, тридевить ключоў и тридевить падзамкыў, и пайду я, р. Б. (имя), на сходъ міра, кругомъ уси сходъи абѣйду, уси сирца ихъ лихѣя пазамкну — усимъ, атъ верхниха чилавѣка да паслѣднита: сборщику, дисяцкыму, сельськыму, уряднику, валасному, становому, испраўнику и ўсимъ тымъ, каторыя при сходи будутъ.

А самъ пайду, р. Б., (имя) къ самому Госпаду Богу и палажу на пристоли тридевить замкоў, тридевить ключоў и тредивить подзамкаў.

А самъ пайду; рабъ Божій, змѣрїю двери зъ варотъ и у ў вароты и ў чистыя поля; на выстрѣчу ка мнѣ, къ р. Б., звѣрь леў. Я сяду на звѣря-лева и стану пиридъ усимъ мірымъ — краши краснага сонушка, ясныѣя ясныга мѣска, — быў бы я милѣй ихъ атцоў и матирій, — быў бы я милѣй ихъ жонъ и дятей, — быў бы я милѣй усяго роду ихъ!...

Живатварящій нашъ хрестъ заўсигда ныни и присна и ва вѣки вякоў, аминь.

Защїщина зямля нибисами, — защити мяне, Госпыди, харопими слависами. Заўсигда — ныни и присна и ва вѣки вякоў. Аминь.

Отъ старика Василія Михайлова.

№ 3.

Штоба власти и судьи были милостивы.

Госпади, благослави, Отча! Адѣюсь свѣтымъ яко ризню, пакрыюсь воблакъмъ, препаяшуся поясымъ Пресвятныя Багародицы, миластивыя заступницы.

Свяжи уста, и языкъ, и гартань у князей и баярей, у правитилій, и ву ўсякыхъ властей, и ў приказныхъ служителей.

№ 4.

Чары на успѣхъ въ судѣ.

Якъ идешъ на судъ, вазьми съ бязезки „пиряпиръ“, каторый трясетца и гавари:—якъ сей „пиряпиръ“ трясетца, такъ бы мойго супустата (имя) языкъ трепитау!...

№ 5.

Атъ несправедливыга абвиненія.

Иду я. р. Б. (имя), изъ избы въ дверь, изъ двара въ вараота, въ зялёны луги, въ чистыя паля, въ темныя лясы; нашошь тридисять прѣтыѣ. Ляжить тридисять грабоѣ, тридисять миртвацоѣ; въ тяхъ тридесяти миртвецахъ сирдца ни разгараютца, руки ни припаднимаютца, уста ни атваряютца—такъ и на мене (имя) пусть сирдца ни разгараютца, руки ни припаднимаютца, уста ни атваряютца.

Аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа.

Христось съ нами астаѣся вчера и днесъ и нынѣ.

Ты если Бохъ валикъ—пашли пубядить деманскіи силы, и мнѣ, р. Б. (имя), пубядить всѣхъ врагоѣ, востающихъ на мя неправдна.

Аминь, аминь, аминь!

№ 1.

Штобъ дѣла сайшлось.

Какъ етый вузилъ завязынъ, такъ у насъ, рабовъ Божьихъ, дѣла (такоя-та) сыйшлось бы. (Гавари ети слава три разы,

завизаўши узёлъ на нитки и палажѣўши узелъ тиризь парохъ.
— Якъ прагавѡришь, иди куды табѣ нужна).

№ 1.

Атъ нипрїятнастей, нидабражилатиля и ниудачь.

Пыймать лося, урѣзвать правый наги капыта, здѣлать пер-
стинь, насыть на рукѣ: на тябе ни прїдить ни якая злая при-
года, ни зѣль чилавѣкъ.

№ 1.

О т ь в о р о в ь .

(Ельнинскій уѣздъ, село Лукино).

На мыри, на кїйни, на вострави на Буяни, стаить зялѣз-
ный сундукъ, а ў зялѣзнымъ сундуки лижать нажи булатныи.

— „Падитя вы, нажи булатныи, къ такому-та и сякому-та
вору, рубитя яго тѣла, калитя яго сердца, штобы іонъ, воръ,
варатилъ пакражу такога-та, штоба іонъ ни утайлъ ни синя
порыха, а выдаў бы усѣ спална“.

Будь ты, воръ, проклитъ маийъ сильнымъ заговорымъ у
землю преисподнюю, за горы Араратскїи, у смалу выпучюю, у
залу гарючую, у тану балотную, у домъ бяздонный, у куўшинъ
банный,—будь прибитъ у приталки асиннымъ каломъ,—изсу-
шинъ суши травы, замарожинъ суши ильду,—акривѣй, ахрамѣй,
ашалѣй, адирванѣй, абязручїй, агаладѣй, атащай, валайси у
грази, съ людьми ни звыкайси и ни сваей смертью умри!

№ 1.

Серца загаваривать.

(Бердїбяки).

Иду я къ сваяму начальнику, гаспажѣ, судѣ, яснымъ мѣ-
сяцнымъ надпаяшуся, сонцу ягражуся, начальнику я свайму яв-
люся.

Другей разъ:

Мѣсяцнымъ надпаяшуся, сонцымъ ягражуся, неўталимая сердца
яго утишу.

№ 1.

К ъ л ю б в и.

Зари мое ясны,
Зари мое красны,
Палудѣнны
И палуношны,
Придита!
Какъ у печи ать синю жарка.
Штобъ я была жалка
Па етый часъ, па ету минуту!

№ 1.

Малитва ать злога чаруванія.

Ва имя Ата и Сына и Св. Духа. Аминь.

Правамъ причастникъ и апосталамъ намѣстникъ, апосталамъ бнѹ, дѣянїя абрѣлъ еси, боговдохновенне, въ видѣнїихъ восходѣ,— сего ради слова истинное исправляя, вѣры ради пострадалъ еси даже да криви, священномучениче Киприане.

Священномучениче Киприане и Іустине, малитя Христа Бога избавити р. В. ать всякага злага волхаванїя и калдаванїя, ать врага и суцустата и всякихъ вядовъ, казней и золь.

Либъ ангильскїй ать художества волхаванїя абратилса, Богомудре, къ пазнанїю Бажественному, паказалса еси міру, врагъ мудрѣйшїй, исцѣленїя даруя чествующимъ тя, Киприане и Іустине; съ нею же малїся челавѣкалюбчу Владыцѣ ачиститиса и избавитиса рабу Божию ать всякага злога ачараванїя, аба-янїя, калдаванїя и валшебства, козни и всѣхъ злыхъ дѣйствїй— ать сего часу и минуты па весь яго вѣкъ и на ўсю яго жизнь ва вѣковъ вѣкъ. Аминь.

№ 1.

Штобъ конь быў здароў.

Устану пу вутрѹ, пу раннїму,
Па вечарѹ па позднїму,
Выйду на сильный вѣтирѹ,

На лехкій воздухъ,
Вазьму я асиныву вѣтку,
Пайду я къ добрыму хазяину,
На честѣнь пирь.—
Изъ-падъ лѣвый наги,
Изъ-падъ правыга копыта,
Аблажу и абвяжу
И кругомъ аблясу,
Штоба быў па старыму,
Па прежнему,
Чищей и луччій,
Штобы не была болій недуга,
Куды бь ни паѣхали.

№ 1.

Ать ляганья каровы ва время даенья.

Госпади Божа, благаслави!

Какъ основана зимля на трехъ китахъ и на трѣхъ китицахъ, какъ съ мѣста на мѣста зимля ни шаволитца—такъ бы любимая скатинка (чарнушка, пеструшка) съ мѣста ни шавалилась.

Ни дай ей, Госпади, ни нажнога ляганья, ни хвастовага маханья, ни рагавага баданья!

Стай гарой, дой рякой, озира сметаны, рѣка малака, ключъ и замокъ словамъ маймь.

Нагавѣриныю вадою абмывають вымя боровы.

№ 1.

Отъ болѣзни телятъ, отъ притки.

(Рославльскій уѣздъ, Митюли).

Царь вадица Аликсандра Паўлаўна, парица вадица Аликсандра Паўлаўна, ты мышшь круты биряги, сырая варення, жолтыя пяски; измый рабацию ать женскихъ притчій, ать мужскихъ притчій, ать рыбацкихъ притчій, ать дявоцкихъ притчій.
Вожжія Матирь кала Ирдани ряки хадила, варбовыя пруж-

тики лумала, въ Ирдани-вады вадицу брала, рабацію умывала:

Змый, Божія Матирь, зъ буйнѣй галавы, зъ ясныхъ вачей, зъ ламучихъ кастей, су ўсихъ жилъ, пажиль, зъ бялога тѣла, съ сердца, съ пичанѣў, и зъ лехкыга и съ усихъ нутрѣў.

Отъ Лиганька.

№ 2.

Ать падежа тилать.

(С. Лукино Е. у.).

Пумяни, Госпыди, царя Давида, матери Алены...

Какъ бѣлая березынька стаить вѣки по вѣки, ни тронитца, ни варохнитца — такъ бы и тилаты жили вѣки по вѣки, ня дрогонулись, ни вардохнулись.

№ 1.

Ать балѣзни ската.

(С. Лукино Е. у.).

Святые мучиники и чудатворцы вяликии: Мадестъ, Хроль и Лавѣрь, Власій и Харлампій, Никалай Чудатворецъ и Ягорій Пубиданосецъ, вашими всеильными малитвами ка Госпаду Спасу Всемиластиваму исцалитя и избаўтя ската сего (такого-та) ать павѣтрія, ать падежа, ать тлетворнага воздуха, ать смертаноснага недуга, ать смертаносный язвы, ать усяеый немащи, хвѣри, скорби и балѣзни и ать усяеага зла,—спаситя, сохранитя и памилуйтя Матерью Божію, Пречистыю Владычицыю, и Багародицыю, и Приснадѣвную Марією — сатваритя и явитя милысть, купна же ваздвигнута съ сабою святыхъ бязсребренныкў: Кузьму и Даміана, Кира, Іоанна—весь скоть памилуйтя и сохранитя, са Атцомъ и Сынымъ и Святымъ Духымъ.

Нынѣ и присна и ва вѣки вѣковъ. Аминѣ.

№ 2.

Штобъ скоть ни падаў.

(С. Лукино Ельнинскаго уѣзда).

Христось съ нами уставися вчера и днесъ и нынѣ.

Ты еси Богъ великъ—пашли, Госпыди, Пубядителя Архан-

гила Михаила пубядить деманскіи силы защититъ щитомъ сваймъ ать тлетворнаго воздуха и апасный балѣзни и ать падижа скотскаго — и благаслави скоть сей, избави его ать всяваго зла и абстоянія: видимыхъ и не видимыхъ враговъ и губительныя смерти, надежа и всѣхъ дьявальскихъ зладѣній — и умножи иминимъ Тваймъ Святымъ и воспользуй симъ исцѣленіимъ и даруй здравія.

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа. Аминь.

№ 1.

А т ь з в ѣ р я .

(С. Митюли Рославльскаго уѣзда).

Царь Аронъ прашу я тебе и жану твою прашу Маланью: унимай свайхъ дятей и маленькихъ дитинятыжь, — унимай на западъ солнца: гнилую калоду на сніданія, а скатину, штобъ ни тримать.

Отъ Лиганька.

№ 1.

О т ь п о ж а р а .

(Сухой Почпнокъ).

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа.

Сядитъ багатырь агромный и магучій.

Сядь, багатырь, ни кверьху, ни книзу, ни на стырыну!

Надъ табою стыять тучи грозныи, падъ табой стайть моря синія, агаражены вы зялѣзнымъ тынымъ.

Пумяни, Госпыди, царь Давыда, царя Кастантина, вы украсили зямлю и ваду—укратитя етыга багатыга багатыря на етымъ мѣсти.

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа.

Аминь.

№ 1.

Насланіе червей.

(Сельцо Понизовка Ельнинскаго уѣзда).

На дворъ чарвей,
На гародъ чартей.

№ 2.

О т ъ ч е р в е й.

(С. Лукино).

Татаринъ, Татаринъ, зладѣйскій пароды, уродъ изъ уроды!..
Зачѣмъ, Татаринъ, сѣишь чарвей у маей лошади?

Если ня вывидишь чарвей, то вырву тябе съ карнѣмъ.
заброшу за синюю даль,—ты засохнишь, ягъ парашинка!..

Успомнишь сваю ашибку—да будить позна!..

№ 3.

А т ъ ч а р в е й.

(С. Лукино).

Если чирвякъ на лошади или челавѣки, дѣлай вотъ што:
плюнь на камень или на руки и гавари надъ маслымъ или
надъ солью:

— „Сѣдла гримать, вузды бринчатъ, въ парожній мѣхъ
ѣхати на хмѣль, на легкій тываръ чирвямъ!

Лягитя зѣ мыря: тамъ у чарвей свадьба, іѹца ялвынца—
пищина ;о здѣся чирвямъ агонь, сѣра гарючія, смала кпчу-
чія—бягитя, черви, атсея зѣ мыря!“ ..

№ 4.

Якъ капустныхъ чарвей унистажать.

1. Сабяри чарвей у атопачикъ (истрепанный лапоть) и
вывизи ихъ на чужоя поля и высыпи.

2. Якъ увидишь первый разъ чарвей на капусти,—ня
дыхаѹши, вазьми чирвичка, нитычкый вокыла яго заважи, да
и павѣсь на згароду, пригаваривай:

— „Якъ на згароди пагода трясетца, такъ штобъ чирвякъ
трѣсса, а на капусти штобъ не была“.

3. Сабяри чарвей у тряпычку, пахарани ихъ, и, закапаѹши
у землю, причитывый па ихъ и вый якъ пу пакойниксахъ:

— „Вы, чирвячочки, ня ѣсьтя бѣлу капусту; вы, чирвя-
чечки, ваша смерть тутъ закапана, а нихай бѣда капуста мнѣ!“

№ 1.

Якъ канаплю сѣить.

Када ня ўсходють канапли. мима ихъ три разы праѣдь на качарыгѣ и гуэни:

— „Канапельки, гу!“

Хто сѣить канапли (канапельки дужа упирливы), прайди мима ихъ ничога ни гаворь, а хто скажить табѣ што, атма-ўчись.

№ 2.

Чтобъ канапля хорошо зародилась.

(Духовщинскій уѣздъ село Никола Ядренчъ).

Дай, Божа, штоба канапельки зарадились, какъ мядвѣжій хвостъ!

№ 1.

Чтобъ жалось спорна.

(Духовщинскій уѣздъ, село Никола Ядренчъ).

Шишка супурыжка,
Абыйди вакрыгъ палати,
Пасаби мнѣ жати;
Пади къ намъ полыдничать
И съ сваю лустычыю.

№ 1.

Чтобъ коровы были молочны.

(Бердибяки).

Нада у баню идить, вымытца, тада адѣтца саўсімъ; тада узять вады, абдаты полыкъ чиста и абдаты вѣникъ и паставить на палкѣ съ чистую вадою и палажить вѣникъ на вадро, кланитца въ уголь ни хрястѣмшись и гаварить:

— „Хазяинъ частной и хазяюшка честная, хазяинушка дамавой и хазяюшка дамавая, вотъ вамъ чистый вѣникъ и чистая вадица: парьтись на добрыя здароўя!“...

На заўтрига идить рана утрымь у баню и гаварить:

— „Здраствуйта вамъ, добрымъ людёмъ честнымъ!“...

Бланитца ва ўсё чатыри углы ни хрястимши.

— „Хазяинушка батюшка дамавой, хазяюшка матушка дамавая, честные вы люди, благодаримъ васъ за вашу вадицу; вамъ на добрая здароўя, а маея скатины на злячєніє!“...

Идить съ бани и благодарить:

— „Аставайтисъ дабры-здоровы и прашайта!“...

Тады етый вадой падмытъ кароўя судно и змачить етый вадицы ать рохъ на морду, патомъ на хвостъ вадицыю етый пляснуть, змытъ—всё благапалушна будить, малако прибудить.

№ 1.

Штобъ хазяинъ-дамавой и хазяюшка дамавая сахраняли скотъ ать наброжихъ хляўникоў и хляўницъ.

(Село Пиньково Порѣчскаго уѣзда).

Дамавой хазяинъ и дамавая хазяюшка, прашу васъ-упрашиваю, малю васъ-умаливаю, што у етымъ доми живитя и животныхъ ни абиждайтя: каней и кароў,—и бармита, паитя и приглидайтя, а нахожихъ и наброжихъ хлѣўникоў и хляўницъ, и дамавикоў и дамавицъ да етыва хлѣва ни дапускайтя — и вѣдьмыў калмыкыў и калдуноў чаріўникоў, вѣдьмыў қалмыцыў и калдуницъ чараўницыў да етыва дома ни допускайтя, што яны падносы падносятъ и падклады падкладають и ў благачастивымъ доми скотъ умаляють.

Вы, вѣдьмы калмыки, калдуны чаріўники, выбирайтя зъ благачистивыга дому свае падносы паднасящїи и паклады падкладящїи.

Вѣдьмы калмыки и калдуны чарыўники, выхадитя изъ благачистивыга дому у шары бары, на тямны лясы, за мхи, за балоты, за ржаўцы балоты—а у етымъ доми ни трыгатца вамъ ни на маладику, ни на палнатѣ, ни на сходи витаха, ни на пирякроу мѣсица,—ни бытъ имъ атрыгу, ня бытъ имъ пакрату!

№ 1.

Хазяина упрашивають када дома ни благополушна.

(Бердибяки).

Атрѣзайшь хлѣба крайчиѣ и соли узсыпишь на бѣлую тряпычку, завѣртаишь и выходишь на дворь у домъ, становисьтя на калѣнки:

Хазяинъ батюшка частнай, дамавой, хазяюшеа дамавая, матушка частная, вотъ я вамъ хлѣбъ-соль принѣсь — примитя!

(Къ шулу даръ нада класть),

Можить, сказаѣ глупая слова, — хлѣбъ-соль примитя, праститя и бирагитя статку и падворья. Можить, іонъ васъ унизиѣ глупымъ словымъ, — праститя!

№ 1.

О т ъ п р и т к и .

(Рудня).

Жіѣ быѣ Захаръ Магдалинывичъ, жана Дарья, а сынъ Никита.

Памагитя и пасабитя челавѣку у вистяхъ, у нутряхъ, у жилахъ и ѣ пажилкахъ, прашу я тибѣ!

(Вазьми паклонься ни ксясь низка у землю).

Тавжа прашу дамавога, и пылявога, и лисавога, и вадянога (ипять у землю паклонься); хазяюшиѣ: дамавую, палявую, лисавую, вадяную; дѣтыкъ вашихъ: бнязей и княгинь — абъ етымъ чилавѣки.

(Паклонься низка ва землю, всѣ стишки праговоръ на чатыри сторыны троичи и ни естясь, руки унизь апустѣмши).

№ 1.

А т ъ у с и х ѣ х в а р о б ѣ .

Хазяинушка дамавой, и мижавой, и лисавой, и гуменный (рейскій).

Хазяинушки и хазяюшки, и прашу пакорна: придитя, ѣси хваробы вазьмитя — на махи, на балоты, на рнилыя балоды.

№ 1.

О т ь з в ё р я .

(Сельцо Рудня).

Призвать имя удавленника столько разъ, сколько скатинъ мѣишь у себе и прасить яго збаречь стада.

Паклѣнся на чатыри сторыны, и, дасть Бохъ, цѣль будить скоть, и ня тронить яго звѣрь съ Ягорья да Йвана.

№ 1.

Штобъ урожай на хлѣбъ былъ, бабы катаютца раздѣтыя по пыли, штобъ хлѣбъ у трубку йшолъ.

(С. Медвѣдовка).

На Ягорья бабы выходятъ толпами въ поле и катаются раздѣтыя по полю, приговаривая:

— Какъ мы катаемся по полю, таеъ пусть хлѣбъ растеть въ трубку.

Въ Медвѣдовеѣ существуетъ повѣрье, что на Ягорья злые люди могутъ дѣлать поддѣлы, если они знахари; напр. отнять у коровъ молоко.

Одинъ парень сдѣлалъ таеъ: собралъ молоко въ кнутъ; оно послѣ таеъ и сочилось изъ кнута.

№ 1.

Какимъ святымъ крестьяне молятся въ извѣстныхъ случаяхъ.

(С. Лукино Ельнинскаго уѣзда).

Атъ зубной боли св. Антипію,
Атъ вара и абидчика Іоанну Ваинственниѣу,
Абъ лашадяхъ св. Хралу и Лаўру,
Ибъ іуцахъ св. Анастасію,
Ва ўсѣхъ Божжій Матири
(Образу Всѣхъ Скорбящихъ),
Абъ скатѣ св. Власію,
Абъ даждѣ св. Ильлі Прароку,

Абъ свиньяхъ св. Василью Вяликому,
Абъ пчалѣ св. Зосиму и Саватью,
Абъ гусяхъ св. Никити Мучинику.

Т р а в н и к ъ .

1. Тихоня.

Растеть окала зелени, листички маленькія рядышкымъ, рядышкымъ, твяточиѣ сининькѣй.

Растеть каа земли, стелитца у разныи сторыны.
Атъ скулы топюуть, пьюуть; голыву мыють.

2. Расходниѣ.

Листиеъ круглинькѣй, слова насиканинькѣй.
Топюуть, голыву мыють атварымъ и пьюуть.

3. Чаборъ.

„Атъ грудей пьюуть“.

4. Пижа.

Атъ боли падъ ложечкыи.

5. Братъ съ сястрой.

Дядей абдають.

6. Таўстушки.

Шишички високинькѣи, листъ длининькѣй — яны ни „твитуть“.
Топюуть и абдають, каа рабѣныѣ худняить: атъ питья
станить у яго тѣльца прибывать.

7. Занахтица.

Листъ насиканинькѣй, твѣтъ глишка дудкыю, жоўтинькѣй.
Въ злучаи персть балить, персть имъ мажуть.

8. Валасниѣ.

Листъ длининькѣй, касматинькѣй, колбынькѣй, твѣтъ жоўтинькѣй, шишка каа зямли ў роди подбѣла.

Въ злучаи персть балить, таўбуць яго зъ нутряннымъ са-
ламъ и прикладають персть. Бываить польза.

9. Рѣпка.

Твѣтъ сининькій, листь яе круглинькій, насиванинькій.
Польза ать яе, если малинькаму мача займаить.

10. Падбѣль. Гость красная падбѣла и бѣла.

У женскихъ балѣстяхъ пьють.

11. Палявэй хмялѣкъ.

Пахожъ на правядливый хмель, только мяльчѣй.
Маханькихъ абдають хмяльгомъ; скарѣй растуць ать яго.

12. Звирабой ать боли груди.

13. Трилистникъ на балотахъ.

Ать грудей пьють.

14. Мижипарщица.

Высокая на каряни, словакъ пять пальцѣу.

Твѣтъ на ей растеть лапью.

Если мизъ пальцѣу здѣлаитца пухлина, таѣъ яё укла-
дають сухими листими мижипарщицы.

Лѣтымъ яе сушуть; у случаи надьбоньсти размачивають
теплинькай вадицѣй и смѣшивають съ маслымъ.

15. Прастрѣль-трава.

Растеть бизъ сукалѣна, шишка съ кулакъ загарнуўшись.

Если скатина ня скоро телитца, прапусьбають ваду тиризь
весь стволь прастрѣла (іонъ хуть вочинь високъ пашти што
съ чилавѣка, да у имъ нѣтъ сукалѣна), — прапустіўши поють
кароу.

Бываить спальзѣнія и чилавѣку.

16. Дѣдъ, дядовникъ.

Пьють ать калотья.

Нипримѣнна пастаў дѣда на скотнымъ дворѣ у варотъ,—
скатина будить харашо вадитца.

17. Шальникъ.

Атѣ боли зубоў.

18. Крапива глухая.

Атѣ кашлю.

19. Пчалины маташникъ.

Атѣ прастуды.

20. Гарлянка.

Атѣ боли у глотки топяць, пьютъ и укладывають.

21. Елычка.

Яѣь мятѣлычка, твяточиеь палавину краснинькѣй, палавину
синицькѣй. Топяць и пьютъ атѣ радоў, атѣ крывѣй.

22. Залатникъ.

Слова Зоричка.

Атѣ боли живата.

23. Палявѣй часноекъ.

Топяць и пьютъ атѣ нутряныхъ болѣзніў.

24. Чернабыль.

Купають залатушныхъ дятѣй.

25. Званецъ.

Атѣ младенца.

26. Бранецъ.

Атѣ вошѣй на голыви

27. Сныдычку.

Ли бушання варюць.

28. Василёвъ дятей курить.

29. Надошникъ.

Бабы натираютца, штобъ красными быть.

30. Ягады зимляники.

Атъ груди.

31. Малинникъ.

Атъ прастуды.

32. Мохъ съ саломиннэй крыши.

Атъ вадянэй бадѣзни.

33. Лапухъ.

Атъ вадянэй боли.

34. Виха.

Атъ валася.

35. Трипутникъ.

Атъ скулы.

36. Пижда атъ глистоу.

37. Патруха.

(Тертое сѣно)

Атъ кашля.

38. Осинка.

Атъ удушша.

39. Мудычки.

(Маленькя ягоды по ельнику).

Атъ кашля.

40. Грудникъ.

(Трава ў родѣ чарнишника).
Ать боли грудей.

41. Кураслѣпъ (бѣлый и красный).

Ать паносу.

42. Дрима.

На духавѣй надѣли дятей ею пакуришь и абдаси.

43. Чертапалохъ.

Курють имъ скатину, если чужей хазяинъ нападетъ на яе и начнетъ тамить яе: дай жа ина макра станить.

44. Багунъ-трава.

Ать клапоў кури ею.

45. Дурнишникъ

Ать боли у нутрѣхъ.

46. Смородникъ.

Ать залатухи.

47. Якъ каўтунъ лачить.

Выбири съ старыхъ ризъ пазументы и убей у галаву, штобъ здѣлаўся влобъ; яго ни разчешишь и атризать его нильзя: галава будить дужа балѣтъ—іонъ самъ атвалитца яеъ придить ўремя.

48. Явырь.

Пьютъ яго ать калтуна; грызутъ яварывы карення.

49. Калакалуша.

Пьютъ яе ать пухлины.

50. Елянецъ.

Пьютъ ать вопуху.

51. Древа топиль.

Пьють листь ать вопуху.

52. Сярёну (сирень) пьють ать кашлю.

53. Крушину.

Пьють и ядутъ ать кашлю. Ни ўсякїй зьѣсть: супратїўна дужа, ну, якъ тривога да самыга Бога.

54. Щавель-ли пищи.

55. Палынь.

Топють ать боли живата.

56. Бѣлая лилія.

Макыўки зь яе идять.

57. Зябяръ.

Якъ атвйтїть, идять.

58. Сныдычка.

Идять.

59. Рѣпку идять.

60. Зѣиччую капуству идять.

61. Арѣхи зимлянѣя идять.

Капають ихъ, идѣ ручей бальшей; лизать яны тамъ агу-
лымъ и платѣнкою, такея идрянистыи, сдшныи.

62. Брушничниѣ.

63. Чарнишннѣ.

64. Клюквиннѣ.

65. Палкї.

66. Ракавыи шїики.

67. Живагасть.

68. Дуброўки.

69. Крючки.

70. Конскій щавѣль.

71. Воўчья лыка.

72. Божьи слёзки.

73. Лапухъ.

74. Лягушичья икра.

1. Трутца ею, штобъ руки ни свипались,

2. Трутъ ею щеи ать боли зубоў.

75. Мачъ.

Пьютъ яе ать лихарадки.

76. Атваръ асиनावый кары.

Пьютъ ать лихарадки.

77. Пятроў хрѣсть трава.

Краска зялёнинька, сининькии твяточки, а ростамъ ина нибальшая, верхка два, три, растеть у ясу. Коринь на хрѣсть у тоўстый персть.

Накапать карення зъ естий травы, нарубить яго, усыпать у зирняты съ аўсомъ парубѣмши и тады давать каровамъ.

Каровы ать етйи травѣи малолшны бывають и тѣла диржать.

78. Бадяга.

Бадягу высушить, съ іўсомъ смшать и давать лашадѣмъ: будить у живатѣ у ихъ здарова.

79. Журавинный гарохъ.

Корень у имъ два аршина у зямли.

Капають яво, дастають, а у канцу корня булка бѣлая

фунты пять. Тае булку вазьмутъ, парубють, у авёсь лашадямъ дадутъ: тѣла будутъ кони держать харошія.

80. Мижи паризица, заног-тица, волосникъ } болѣзни рубъ и пальцевъ.

81. Зѣнычка рыбъ, птицъ ѣсть, штобъ ѣсть хатѣлась.

82. Знахари не всегда пользуются знаніемъ травъ ради хорошей цѣли, — иногда они злоупотребляютъ своими свѣдѣніями, имѣя отвратительное намѣреніе повредить людямъ или животнымъ.

Не только травами пользуются они, но и насѣкомыми.

Берутъ, напр. водянаго паука, живущаго на днѣ водъ (изъ числа пауковъ Argyronetida), Argyroneta, закатываютъ его въ хлѣбъ и даютъ животнымъ, — немедленно мрутъ отъ него собаки, коровы, лошади; паукъ этотъ вреденъ и людямъ.

83. Скрабъ-трава.

Атъ падкрапіўницы.

/ № 1.

Абъ царейни красавицы, абъ ваўшебнымъ зеркальцы, абъ птицы колпицы; якъ Иванъ, купеческій сынъ, двумя камушками здѣлаўся атъ царейны схуваўся, а потѣмъ зъ ёю жаниўся.

Одна царевна была така красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать; но никто не могъ ее взять замужъ, хотя и было много жениховъ.

Веѣмъ искателямъ своей руки царевна задавала задачи, да такія трудныя, что веѣ ея женихи погибли: волшебница-царевна поставила условіемъ, что кто къ ней посватается, а задачи не отгадаетъ, тому смерть. — „А кто отгадаетъ мою задачу, за того замужъ пойду“.

Наконецъ прійскивается женихъ Иванъ, купеческій сынъ; вотъ волшебница и говоритъ ему:

— „Объ трехъ разъ спрячься, чтобъ тебя не нашли!“...

А волшебница, какъ посмотритъ въ волшебное зеркало, такъ тамъ ей все видно, о чемъ только она вздумаетъ — все какъ на ладони.

Иванъ самъ былъ волшебникъ оборотень.

Сначала онъ разсыпался на 12 зорь по всѣмъ цвѣтамъ (чтобъ скрыть свои слѣды) и сталъ ракичкой, потомъ здѣлался рыбкой.

Во всѣхъ этихъ превращеніяхъ волшебница отыскала купеческаго сына при помощи своего волшебнаго зеркальца; но въ третій разъ онъ былъ ловко спрятанъ птицей-колпицей.

Купеческій сынъ защитилъ птенцовъ колпицы отъ каменнаго града, прикрывъ ихъ отъ града своимъ платьемъ; за то Иванъ въ свою очередь былъ хитро спрятанъ колпицей отъ волшебнаго зеркальца царевны.

Колпица превратила Ивана, купеческаго сына, въ два камушка, да положила тѣ камушки въ карманы царевнѣ.

Напрасно царевна велитъ зеркальцу отыскать и подать купеческаго сына, а онъ изъ кармана:

— „Я тутъ, я тутъ!“ Дѣлать нечего, — сойграли свадьбу.

№ 1.

Вражда Саваоха и Саваула, свѣтлаго и темнаго духа.

(Сельцо Шталово Смоленскаго уѣзда).

Низверженіе Саваула въ «пучину о тьма». Грѣхъ и смерть произошли отъ Саваула во время его паденія. Саваулъ бесѣдуетъ съ своими дѣтьми: грѣхомъ и смертью. Грѣхъ пропускаетъ Саваула къ смерти, а смерть пропускаетъ своего «отчу» въ рай. Но райскія птицы съ ожесточеніемъ квахчуть на темнаго духа за его «смеродъ», и Михаилъ Архангелъ жезломъ изгоняетъ Саваула изъ рая.

У Госпада „Саваоха“ былъ памошникъ Саваулъ. Гаспотъ сѣлъ на востоки упраўлять нябесный калясницый, памошника сваяго Саваула апрядялилъ на запади.

Саваулъ сталъ развратна дѣлать напротіу Бози, тада Гаспотъ Саваохъ проклялъ яго:

— „Будь ты проклятъ, нечистый духъ, уйдѣ отсюда: ты не долженъ быть здѣсь!“ ...

Нячистый духъ, низвергнутый Господымъ, лятѣлъ трой суткъ и ўлятѣлъ іонъ у тьму крамѣшную, и тамъ пучина о тьма.

У нечистыга духа пумрачилась башка ать паденія: знать іонъ, што іостъ рай, да ни знать идѣ.

Утамился нячистый духъ, „ваздохнуль“ и са рта у яго выскачилъ грѣхъ, и сталъ іонъ на стражи у варотъ межда свѣтлай и темнай пучинай (пучина о тьма).

Сталъ на стражѣ грѣхъ, утамился и ваздахнуль, и изъ яго, грѣха, выскачила смерть, и стала ина межда раю и свѣтлай пучины.

Нячистый духъ, литаючи па темнай пучины (пучина о тьма), увидилъ грѣхъ ва образи стаящаго челаѡѡка, и началъ іонъ жечь грѣхъ пламеннымъ игнѣмъ.

Грѣхъ вартѣлся, вартѣлся—стѣрпу нѣтъ яму ать пламя, просить нячистыга духа болій яго ня мучить:

— „Отча, пачаму ты мяне палишь?“

Ужаснулся нячистый духъ:

— „Пачаму ты мяне вотчій называишь?“

— Пачаму: я ать тебе созданъ.

— „Какимъ парядкымъ ты ать мне созданъ?“

— Када вы литали по пучины о тьмы, нѣскальки уреми астанавились вы и „ваздохнули“ — изъ васъ, са рта, выскачилъ я, грѣхъ;— вотъ пачаму я отчимъ васъ называю.

— „Но када жа я вѡтча твой, пакажи, идѣ іость рай!“...

Грѣхъ растварилъ варота отъ тьмы къ свѣтлой пучины— нячистый духъ влятѣль у свѣтлую пучину и, даўга литаючи па ней, увидѣль смерть ва образи стаящаго челаѡѡка.

Приступилъ къ смерти нячистый духъ и началъ жечь яе пламеннымъ игнѣмъ—смерть стала пажиматца ать пламени, пажалась ина у „нѣскальки рядей“: ни ў магату ей стала тярпѣть лютый жаръ. Тада ана, абратясь къ нячистый силы, гаварить:

— „Отча, да пѡ шта мяне жгѣшь?“

Нячистый духъ вожаснулся.

— „Да пачаму ты мяне отчій называишь?“

— Да я ать тебе созданъ.

— „Да па якой причини ты ать мне созданъ?“

— Када вы литали по пучины о тьма, утамились и ўздахнулі, то у васъ выскачилъ са рта грѣхъ, и сталъ іонъ между тьмою и свѣтлай пучинай;— грѣхъ стыяль у варотахъ, утамился, уздахнуль—и тада я, смерть, выскачила у яго са рта: вотъ пачаму я васъ называю отчимъ.

— „Да, када ты ать мене, то пакажи мнѣ, идѣ іость рай!“...

Смерть аттварила двери рай—и нячистый духъ влятѣль у рай.
Удрухъ атъ яго пашоль смирдячій духъ — райскіи птицы
завапѣли и заഖохтали:

— „О, Госпади, духъ смирдячій ванить“.

— Подь, Михайль Архангель, изгонь нячистый духъ!

Михайль Архангель взяль жезль и загналь нячистыга ду-
ха—пакатился іонъ, якъ клубокъ, вѣбаримъ, падъ стѣну.

№ 2.

Громъ гремитъ—Богъ поражаетъ дьявола стрѣлами.

Святъ, святъ, святъ Гаспотъ Бохъ нашъ!

Такъ гавари, када громъ гремитъ — ва ўремя гразы. То
Бохъ паражааетъ дьявыла стрілами и ни щадить іонъ чила-
вѣба, если ва ўремя гразы схувантца у яво сатана: убьетъ Га-
спотъ такога чилавѣба; ну, гряхи яму атпустить.

Бьетъ Гаспотъ такихъ (у каторыхъ чортъ схувался) и жи-
вотныхъ, палить страенія.

— Ни падаражѣ чилавѣкымъ — убью яго, гряхи жъ яму
атпушу!

№ 3.

**Споръ Бога и сатаны. Аткуль грамавыя стрѣлы, и якея
яны бывають.**

Якъ хадіў Гаспотъ на зямли, зъ дьявылымъ споріў.

Стаў Гаспотъ гразить дьявылу.

Дьявыль.

— Я ухитрюся змяѣи сквнутца.

Гаспотъ.

— Я усѣтаки убью тебе.

Дьявыль.

— Я сквнуса житнымъ зарномъ.

Гаспотъ.

— Я, чымъ ня сквнхся, узаю: што думаишь, усѣ твае
мысли угадаю.

Дьявыль.

— Я на двинадцять сажанъ у зямлю увайду.

Гаспоть.

— Я землю растварю, ўсё ўрага убую.

Дьявиль.

— Я увайду у чилавѣка, укажуся зѣрнышкымъ: ти за шью, ти за пазуху.

Гаспоть.

— Я чилавѣку тѣму грѣхи атпущу, а, ўсѣтаки, имъ ни падаражу, штобъ унистожить тебе.

Примѣчаніе.

Народъ думаетъ, что Господь поражаетъ дьявола громовыми стрѣлами на камни особаго рода народъ указываетъ, какъ на громовыя стрѣлы:

— Кремушки съ абаихъ баваў застрины, свѣтлиньки, бытца на ихъ пяромъ подпись падписана:

— „Стрила, што Бохъ ўрага бьетъ“.

№ 4.

Михаила Архангила Гаспоть изъ кремня высикъ, якъ искырку.

Михаилъ Архангиль ни съ платі, а съ кремнй.

Гаспоть яго высикъ съ кремня, сибануў—іонъ и стаў чилавѣкымъ.

№ 5.

Громъ гримить—Ильля на калясницы ѣдить, Божжія Матирь ни знаить, хто громъ призводить, а Иванъ Багаслоў скрываить ета.

Громъ гримить—Ильля на калясницы ѣдить.

Божжія Матирь ни знаить, хто громъ призводить.

„Што ета гримить?“

Спрашіить Божжія Матирь у Ивана Багаслова.

А Ильля Прарокъ и Михаилъ Архистратихъ просють Ивана Багаслоў ни казать!

— „Иванъ Багаслоў, да ни наслоў?“

Иванъ Багаслоў цаць сябе за уста и змоўчіў.

№ 6.

**Ни руби суровыя палатно рубцомъ: пашкадуишь—замѣсть
тѣга ўрага Гаспотъ Бохъ громымъ забьѣть.**

Не руби суровыя палатно рубцомъ!

Въ рубецъ прячетца сатана—ўрахъ. Иной разъ пашка-
дуить хто атрѣзатъ и упуститъ сатану у рубаху—тога чила-
вѣка ва ўремя гразы громымъ можеть убить.

№ 7.

**Якъ два браты: Петръ и Павелъ, жинатый и халостый,
суятились прамйжда сѣбе. Камары музыканты съ Питра
доўгъ узыскивають.**

Жили-были два браты: Петръ и Павиль; Петръ былъ жи-
натый, Павелъ халостый.

Якъ уздумаў Петръ жанитца, паназваў къ сабѣ музыканты-
камароў на свадьбу.

Музыканты пабыли, а Петръ имъ ни заплатиў:

„Прихадитя на Ильлю:

Придись Ильля—

Заплотить за миня!“

И на Ильлю ни заплатиль:

— „Придись Спасъ—заплотить за насъ!“

— Нѣтъ ужѣ, гавѣрють камары Пятру:

Придись Спасъ,

Ня будить и насъ!

Якъ привинчаўся Петръ, Павелъ и стаў суятитца зъ имъ:

— „Талерь ты гряшнѣй мяне: я твой старшій братъ“.

Пасуятились и пашли къ ибѣдни. А вышли жъ, што да
абѣдни тваріў грѣхъ ни жанатый, а халостый братъ.

За то Бохъ сдѣлаў Петра старшимъ братымъ и падаріў
яму ящо карову:

— „У тебе сямейства: табѣ кароўка ни мишаить“.

Абидна паказалась Паўлу — и съ тыхъ поръ у братыў и
пасейчасъ суита вядетца за карову.

№ 8.

Сотвореніе міра. Бохъ и чертъ, въ образѣ лебедя, творять міръ. Болота созданы чертомъ — чертъ нахаркаль ихъ (болота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зовутся «Краховення»).

Чортъ ўлѣзъ у лебидя и хатѣу Бога падбить падъ цоги (зямли ища не была, а была усѣ моря, и па тымъ морю лебидь плаваць—чортъ, и Бохъ хадиль, іонъ собирався зямлю тварить).

Ни ўдалось чорту падбить Бога падъ нѣги, и самъ чортъ застряу у лебиди, нимагить изъ яго выбратца.

— „О, Госпади Божа, выпустите мене вонь!

Взмаліўся чортъ Богу.

— Дастань пяску са дна моря—тады я тибѣ выпущу.

Пагади: я наўчѣ тибѣ, якъ пяску дастать“:

Якъ нырнѣшь на дно марскоя и набярѣшь пяску у носъ, тольки скажу: Госпади благаслави!

Чортъ у одинъ разъ нырнуў, набраў пяску у носъ якъ ня можна болій, и, пакуда вынырнуў, вымыла у яго пясокъ изъ носу.

— „Да, ты скажи: Госпади благаслави! а то ня вынисишь!“

Чортъ у другой разъ нырнуў у бездну марскую, больши прежнига набраў пяску, а наружу ничаго ня вынись.

— Да чуднѣй жа ты! вить я гаваріў табѣ, што ня вынисишь, када ни скажишь „Госпади благаслави!“

Тада чортъ нырнуў на марскоя дно и прихрястіўся, начаў гаварить „Госпади благаслави!“ и ни даказаў, а тольки „Божа Басла... И поўна: далей пастыдїўся.

Якъ вынись изъ вады пяску, часть атдаў, а часть за-таіў у насу, да и думайть сабѣ:

— „Што Гаспотъ будить дѣлать съ етимъ пяскомъ, то и я: такія надобствія“.

Гаспотъ кидаў пясокъ кругомъ сябе пу вадѣ, и съ етыга пяску начала заплатыватца зимля.

— „Прастрѣюь Гаспотъ зямлю, яко кляновий листь!“

Началось штащѣніе у насу у лебидя: Больна яму дужа,

узмалиўся къ Богу. (Зимля ища ни заплаталась: была яму идѣ плавать).

— „Харкай-плюй, занимай няўдобныя миста!“

Сказаў Гаспоть чорту.

Запливаў-захарваў чортъ, и, куды яго пляўки пупадали, тамъ занимались балотныи трясины, мхи;—аттаво и таперь у нѣкатырыхъ мѣстахъ, и пасейчасъ, лужины-топи завутца „кархавѣнними“.

Тиризь нѣскальки ўрѣмени Гаспоть выпустиў чорта изъ лебидя.

№ 9.

Сотвореніе челоуѣка.

Съ какихъ поръ на собакѣ шерсть. Отчего собаку непускають въ церковь, а кошку пускають. Съ какихъ поръ у челоуѣка кашель.

Думають Госпоть:

— „Што жъ я сатвариў неба и землю, — нужна сатварить людей!“

Сатвариў Бохъ Адама и ватлучиўся, патаму што была нѣдстаўка матерьяла (для дальнѣйшаго творенія).

Боясь, што аггаль асбварнить сатвареннава челоуѣка, Гаспоть сатвариў „абаку“ и приставиў караулить Адама:

— „Ни пускай никога къ етому челоуѣку, павелича я ни приду!“

Яўлянтца аггаль:

— „Пусти мене, абакъ, къ Адаму!“

Абака гримить.

— „Пусти мене: а то я тебе смарожу!“

Дьявыль напустиў хольда на абаку, а абака (іонъ быў галэй и дужа хольду баяўся) сагнуўся и стаў дрыжѣть.

— Пусти мене: тибѣ шубу дамъ!

Абака дапустиў дьявыля къ чилауѣку, за то яго дьявыль шѣрстю пакрыў.

Атъ тово та што абака Божьего пувялѣнія аслушаўся, яго у церкыў Божьую ни дапускають, а кошку (ана у етымъ нѣпавивна) запирають частенька у церкви мышей лавить.

Съ тыхъ то поръ абака празываитца урѣю ни „абака“, а „сабака.“

А сатана удаліўся, толькы ахаркаў, апливаў, агадіў чплавѣка.

Приходить Госпоть.

— „Што, абака, сагрѣшіў ты? Аткуль на табѣ такая шереть?“

— Госпади, виновинь я приѣъ тобою: смутіў мине сатана. Дьявиль злучіўся па близысти.

— Якъ ты смѣў, дьявиль, чплавѣка змуцать?“

— „Ни извольтя, Госпади, бизпаконтца: я здѣлаў хорошо.“

— Какъ такъ?

— „Вазьмпта скверну зъ етыга чплавѣка и вываратпта ме во внутрь.“

Если ать унутренній нпчастаты здѣлантца у яго кашиль, то іонь кашляючи перва на васъ уздуманть и васъ пумянетъ:

— Ахъ, Госпади, какой кашиль!

Ну, какъ плюнить, потомъ нагою разатреть:

— „Пфу, нячистая сила ка мнѣ привизалась!“...

Какъ черть пасавѣтываў, такъ Вохъ и здѣлаў. Потому чортъ говоріў:

Если Адамъ будить здароў, то на васъ, Господи, и на мине іонь пазабудить.

Съ тыхъ поръ у чплавѣка бывають кашиль.

№ 10.

Смерть и сабана, у двюхъ, рай стирягутъ ать никаянныва.

Дьявиль падкасаўся въ смерти: двюхъ яе сабакъ шеретью адѣў, а смерть яму шелачку рая атварила. Са смертю дьявиль спазнауся, дачокъ отъ дьявила смерть прижила. Прежню смерть Госпоть пратуріў, а, замѣть яе, нявѣр-ный паставіу смерть правильную, вѣрную.

Гаспоть поставіў смерть стяречъ рай ить никаянныва и даў ей на памычъ двюхъ сабакъ. Лятѣў акаянный па ваздухахъ—сабаки забрихали. Станть никаянный на ваздухахъ проти смерти, напустіў на сабакъ бальной холыдъ—сабаки голыи пагнулись и ни магли брихатъ (у ихъ тады ища шерсти не была).

Апуцайтца дьявиль унизъ, ну, и гаворить:

— „Здрастуй, сторыжъ райскій!“...

Мѣў съ ёю разговоры:

— „На што табѣ сабаки еты?“

— Ета сторожи мае на помычъ рай старечь.

— „Пазвольтя мнѣ хуть у щелычку рая пасматрѣть!“...

— Нѣтъ, Гаспотъ ни приеязаў дайжа двярей аттварять. —

— Ну, ваши сабаки памерзнуть: вы видитя, якъ съ холыду яны трысутца—тады некыму будить калаурить рай—адны застанпцись. Аттваритя мнѣ рая пасматрѣть: я и сабакъ адѣну—шубы дамъ.“

— Разви я за ета табѣ щелачку аттварю, када сабакъ адѣнпшь.

Узяў и адѣў ихъ у шерсть, шубы адѣў икаянный.

— „Ну, типерь ваши абаки цѣлы будуть“.

Сабакы стали хадить свободна, никуда ни прячутца: теплы стали. И смерть абрадавася:

— „Я нямножка малинькую щелачку тибѣ аттварю на-сматрѣть!“

Аттварила щелочку, — икаянный и глянуў у рай. Смерть въ икаяннымъ пазналася, хадила усюдахъ и такъ—доўга, рай жа затварила и замѣамн замкнула, туда ни вадила и радила отъ икаянныва трехъ дачарей.

Гаспотъ приходитъ къ смерти, — дьявыль скрыўся.

— „Хто жъ, смерть, ета твоихъ сабакъ адѣў?“

А смерть гаварить:

— „Яны такея были.“

— Я жъ тибѣ голыхъ даваў.

— Дакъ, Госпади, сама шерсть на ихъ вырысла“.

Тада Гаспотъ гаварить:

— Зачѣмъ икаянному рай сматрѣть давала?

— „Госпади, сагрязила!“

— Ну, када сагрязила—иди къ икаянному жить!

Ну, яе прагнаў, а смерть сатварилъ ужъ правильную, вѣр-ную. — та смерть осталася и пасейчасъ. —

№ 11.

Происхождение горъ, трясинъ: всѣ эти неудобства чортъ понадѣлалъ.

Дьявыль дабыль пяску са дна моря, а Гаспотъ съ етыва пяску простѣръ зямлю роўна—ширако, якъ кляновыи листъ.

Дьявилъ (іонъ быў у вобразі лебидя) утаіў у насу зямлі п панатваріў съ тэй зямлі балотъ, трысннъ, горъ.

— „Зачѣмъ ты панадѣлаў такіхъ горъ?“

Спрасіў Гаспотъ у чорта:

— „Якавò-та челаўѣку будить падыматца на ихъ?“

Ахъ, Госпадн, ета н харашо, што трудна, гаворить чертъ:

Абъ васъ успомнить чплавѣъ н мяне то ни забудить...

Вотъ, якъ іонъ будить задыхаючись на гару падыматца, скажпть:

— „Пумаги, Госпадн!“...

А какъ съ горы станить спускатца, вѣрна, н мяне успу- мянеть:

— „Чортъ мяне пдннсь на такую высоту: тутъ голову сла- яать можна.“

Абапмъ намъ будить ня плоха.

№ 12.

Абъ Воўги, Днѣпрѣ н Сажі, н батьни ихъ Нивисномъ, якъ Нивиснэй ихъ у путь—дарогу бѣчь благаславляў.

Сожь н Воўга была раднэя сестры, а братъ Днѣпрѣ. Отець ихъ былъ ихъ Нивиснэй. Вазвращалнсь яны. Воўга Нивисному была любезная дочка, а Днѣпрѣ быў яму упратіўникъ. При- зваў еъ сабѣ Нивиснэй Воўгу н Сожь, а Днѣпрѣ, хуть яго батька ни зваў, падъ двірями слушаў, што будить отецъ дачкамъ гаварить.

— „Вотъ вы, мае дочки любимы! Вотъ ты, Воўга, приходи ка мяѣ у паўночь!“

Я тебе пашлю прекрасными гарадами; прекрасныя барки па табѣ будутъ хадить.

Ну, н ты, Сожь, приходи! Пашлю тябе прекрасными мѣ- стами, а Днѣпра пашлю махами, балатами.“

У паўночь Воўга ускочила н приближала къ итцу:

— „Батюшка, пора посылать!“...

А ета ты, Воўга?

„Я.“

(А старикъ быў Нивиснэй).

— „Падайди, дачушка, ближій!“

(Дачушки были касматы — щастливы).

Пащупаў яе.

Благаслаўляю тебе прекраснымі м'ёстамі птти: сяленіямі і гарадамі!“

Загрим'ёла — пашла.

А Дн'бірць прашнуўся, поб'ѣхъ, пасматр'ѣў на крывати: Воўгі н'ѣту, а Сожъ спить. Нильзя Дняпру пад'явитца зам'ѣсть сястры: у яго была т'ёла чыстыя — пащупаюць і узнаюць.

Абварт'ѣў рукі посканнямі, бягить къ атцу:

— „Батюшка, батюшка, пара ідць!“

— Ты, Сожъ?

(Піримяніў гаворку, якъ систра).

Ну, падайди сюда, дачушка!

Падайшла.

Ипяць спрасіў:

— Ты, Сожъ?

— „Я, батюшка.“

— Пара пуцать: а то скоро свѣтъ будить.

Руки падіржаў, видить, што касмата.

— Благаслаўляю тибѣ. дачушка, птти прыкраснымі гарадамі — м'ёстамі!

Дн'бірць, якъ махнуў — знанць, што систра прашнется — ірваў горы, д'ѣлаў кал'ёны.

Прашнулаць Сожъ — н'ѣтъ ни водныва на кравати. усхвалілася біжать къ батюшцы подъ благаславенія.

— Батюшка, пара пуцать!

— „Ты жъ хто?“

— Ды Сожъ.

— „Я жъ тибѣ пасылаў.“

— Даўжно Дняпра і Воўгу — я праспала!

— „А. дачушка, в'ёрна, Дн'бірць — машеннікъ, абманіў мяне — пашоў на твоімъ м'ёсти... Ну, дачушка, видна, п'йдішь на Дняпровымъ м'ёсти — іди ужъ махамі — балатамі!“...

Усе махамі — балатамі ідць Сожъ.

№ 13.

Духовщинскій уѣздъ, село Ядренчъ.

Прежде было 2 солнца; луна—солнце, высосанное змѣемъ, оттого лишившееся яркаго цвѣта—блѣдное.

Прежде было два солнца, но Богъ, разгнѣвавшись на одно изъ нихъ, наслалъ змѣя, который такъ высосалъ солнце, неудобное Богу, что оно стало совершенно блѣднымъ—и зовется оно съ тѣхъ поръ уже мѣсяцемъ и свѣтитъ только ночью.

№ 14.

Отчего жену свою Адамъ назвалъ Евой.

Ужъ Гаспотъ придѣлау Адаму рай, и Адамъ ужу нѣскаль-ки ўремни прасіѹся ў рай.

Адумался Гаспотъ, што у Яго адинъ чплавѣкъ:

— Давай, вѣню у Адама ва ўремя сна дивятя рябро и сатварю изъ ребра яму жану.

Гаспотъ палажіу сатваренную Имъ жэнцину обыла спящага Адама.

Адамъ прашнувантца:

— Е—во! што такой значить? лѣхъ я адинъ, а таперъ ужу двоя.

Гаспотъ и ни пирмяніу названія Адамыый жанѣ — такъ и застѣлась ина „Ева“.

№ 15.

Грѣхопаденіе Адама и Евы.

Гаспотъ пувадіу Адама и Еву па рай и указау имъ, каторые винаграды можна кушать, а каторые нѣ.

Доўга Адамъ и Ева жили у рай согласна, наконецъ „аггаль“ падкасаўся къ Еви и змустиу яе.

— Всѣ вы винаграды кушайта, а етытъ винаградъ за то што іонъ самый харошій, Гаспотъ вамъ яго запрастиу.

Ева, па савѣту аггала, сарвала винаградъ съ непаказаннага древа и Адаму дала.

Винаградъ етытъ ни удалось праглытѣть настѣяща ни Адаму, ни Еви: іонъ такъ и застряу у ихъ у горли костычкый, и съ тыхъ поръ у чплавѣа, у горли, и сидитъ ета костычка.

№ 16.

Прѣжда у Адама и у Еви была тѣла кожаныя, якъ ногать, патомъ, сагрѣшіуши, крапіунымъ прядіуцымъ накрывались, а тады ужъ лёнъ пашоу.

Прѣжда у Адама и у Евы была тѣла кожанная, якъ ногать, а какъ сагрѣшили яны, то снялась ета кожа,— и стали яны стыдъ имѣть.

Врали яны листочки съ крапивы и насаживали ихъ на крапіуныя прядевца и давай сябе закрывать.

Патомъ ужу Гаспотъ наказау Адаму и Еви лёнъ, якъ яго сѣить, прѣсть, твѣть.

№ 17.

Якъ прѣжда послѣ Ноиыга потопа харанили живыхъ старикоу; атчаго ихъ харанить прирѣтали.

(Дер. Проверженка Ельнинскаго уѣзда).

Какъ жиу на зямли адинъ старикъ: правднѣй скоро послѣ Ноиыга потопа. Тады старикъ жили на 700 гадоу и смерть сваю знали, кали умрѣть. Какъ станитъ батька каторага плохъ, то, ни даждауши смерти, садили на лубочки, да у роу. Адинъ сусѣдъ такъ звезъ и абаратіу и другей звезъ. Вотъ старикъ вышли лига, сколько слѣдунтъ, сынъ пасадіу яго на лубочки, да и вязетъ прѣма у роу. А у яго быу унуецъ и бягитъ іонъ глядѣть, што будитъ дѣлать батька дѣду. Привезъ яго къ рову и брасатъ яго зъ лубочкымъ, а етѣй унуецъ стоя:— „бать, дѣда сабѣ кидай, а лубочки ни нада: аны пригадѣтца: на чимъ жа я тябе пуваю у роу.“ Стала етому мужуку жалка:— „Госпыди, итъ жа и мнѣ ета будитъ!“— „А што, сыноу, пуваемъ мы дѣда двору!“— „А пуваемъ, татычка“.—Привязли яны дѣда дамой и бѣатца, што имъ будитъ за ета, што дѣда назадъ привязли. Злажили яны яму у погребѣ печичку; етытъ дѣдъ тамъ

и жиў нёсколькн гадоў. И вышли гады плахея: три гады уражаю нёту: за тыспчу версть ни ў кога ни було жита. Старикъ етйй гаворить:— „сынъ, сымай салому съ крыши, сёй на свайхъ нивахъ: будить жита“.—Пришла пара жита сёить. Ионъ возить ету салому, да на нивахъ разстиланть, а сусёди кала яго смяютца:—Во хазяинъ! Усп крыши пазлупіў: яму зъ гнилэй саломы жита вырыстить?!... Прайшло нядёлькн паўтары, прайшоў дожинъ, стала усадить съ саломы такая зелинъ, што луччи ни нада. Даў Богъ вясну. Къ Ильли рожь вырысла луччэй затёй, язь упредъ радилысь: на ваторый ніўкн упярёдъ набирали два вазкн, а то три-чатыри. Намалатіў іонъ хлёба многа, и стали у яго сусёди пытать:

— „Братъ, скажи ты намъ, хто ета нардиў табъ саломы сёить!“—Ионъ баптца, ни кажить. Данёсли побъ етымъ да самыга царя; а царь приказаў:— „Засадить яго у тямницю,—скажить“.—Сядёў іонъ ти многа, ти мала, пака у яго стали дапрашивать. Тада іонъ признаёся. Съ тыхъ поръ и старикоў вазить у роў прирстали.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

18.

Ибъ Нои Правиднымъ.

Ной калчехъ стронть, а чортъ любашествунть. Дьявиль къ Ноивый жонки падкасался и у калчехъ мышъ прашмыгнуль. Леў, кошка, мышъ, таганрохъ (идинарохъ).

За тридцать лётъ Гаспотъ сказаў Ною, што патопъ будить и вялёлъ яму калчехъ дёлатъ, а прагавариватца запрастіў, дай жа штобъ іонъ работу надъ калчегымъ призвадиў тайна и штобъ свая жонка абъ яво Ноивыхъ работахъ ни знала ничаво.

Дьявиль видить, што Ной Правидный суетитца, клапатить и клапатить надъ чимъ та важнымъ и сврытничанть, — таё и пырить дьявила узнать, надъ чимъ Ной бётца.

Скинулся прекраснымъ статнымъ молыйцымъ и къ жанё Наивый падъявиўся. Ноя на ту пару-времичка дома ни злучилась.

Пытаить:

— Расскажи, галубушка, чимъ ета твой мужъ займидтца!

— „Ни магу знать!“

— Вотъ вижу я: вы несагласна съ мужимъ живитѣ: іонъ криў, да табѣ ни гаворить нечаво. Пупытай ка, пупытай ка, куда ета іонъ ходить кажѡдна.

Ной приходить абѣдать. Жина, какъ стала спрашивать яго, куда іонъ ходить, то іонъ, замистъ атвѣта, крикнуў, топнуў ногою:

— „Какая тебе дѣла?“

Пакушаў и пята на работу ушоў.

Чортъ пята приобравіўся у молыйца, пришоў къ Нонвыи жанѣ и спрашиваетъ у ей а томъ, а чомъ и ў первый разъ.

Нонва жонка пята чорту ничаго ни твѣтила.

— Якъ гаваріў табѣ, што вы несагласна живитѣ зъ мужимъ. Вазьми-ка завари къ заўтриму бражки, а я табѣ траўенъ принасу.

Жонка бражку сварила, а дьявыль принѣсъ хмелю падсыпать у ету бражку.

Падгатувала бражку съ хмелимъ.

Приходить Ной Правидный къ абѣду; жонка набиваецца бражкой:

— „Ня можна ли бражки выпить?“

— Ахъ, я замаріўся: я велій бы паўў што, чѣмъ ся бражку пить.

Жонка зачарпнула коўшикъ и наставила пирядъ имъ:

— „Панюхай, яней только духъ харошій идетъ атъ бражки!“...

Спанаравилась Ною; чарка за чаркый—іонъ ахмялѣў.

Якъ пувисялѣў Ной, жонка пята у яго распытывать абъ тымъ жа.

— „Ну, вотъ, жина мая, Гаспотъ ни вялѣў мнѣ сказывать, што будить затоць сораць дней и сораць начей, и приказаў іонъ мнѣ калчехъ строить, штобъ прочіи люди ни знали“.

Пазюкаўши съ жонкый, Правидный Ной пришоў къ своей пастройки, а калчехъ развалиўся. Упаў на калѣнки:

— „Госпади Правидный, што я надѣлаў—простита!“

— Я тебе працаю! Штобъ ты здѣлаў калчехъ у три года, и дамъ табѣ помачи са ўсеми небесными силами.

Ной Правидный хаднў у двѣ сутки разъ кушать къ жанѣ, а то и два раза у надѣлю: ўсе ўремя быў на работи. Надаужъ калчехъ атдѣлывать

Чортъ здѣлку сматрѣў; сталъ ближій падзіўляцца; но ўннеўць у дѣла, пумпшашь Ною Гаспотъ ни дапусціў.

Дьявыль приходить въ Нонвыи жонки:

— „Скора мужъ твой калчехъ кончить, то какъ придить іонъ за табою, штобъ у калчехъ садитца, у „дўхи“ ня йди, а накажи злѣ“.

Стаў Ной сваю сямью у калчехъ убирать.

Была у яго семь сынавей, семь нявѣстыкъ — усѣ яны сагласна пашли у калчехъ; Ной узяў у калчехъ яшо пу пари усѣхъ плаждэнііў—толька дѣла за Нонвыи жонкой.

Ужу достычка пакладина, штобъ у калчехъ ўвайти; ужу достычка ета стала пу вадѣ падыматца, а жонка Нонва—слова на яе затинка найшла—ня йдетъ и ня йдетъ.

Ной схватаў яе за руку и патаціў, тутъ и зругнуўся:

— „Ахъ, ты, нячистая сила, што жъ ты са мной ня йдешь?!“

Якъ пумянуў Ной нячистую силу, ана мышью и прашмыгнула на калчехъ и пубижала пу палу.

Леў, якъ стыяў, чихъ на нячистую силу, а изъ носа льва выскачїў сапель, изъ сапля кошпи, царапъ мышъ и зѣбла.

Ужъ вада стала ападать.

Адинъ звѣрь таганрохъ (идинарохъ) ни пашоў у калчехъ—думаў іонъ:

— „Праплаваю сорокъ дней и сорокъ начей“.

Какъ стала вада спадать, идинарохъ пупалъ пашиний лѣвый наги на пень—и съ тыхъ поръ нѣтъ яму плаждэнія: супратїў Бога птитъ нильзя! Атъ Ноя Правидыва стали пладитца народы.

Посли Ноя жили люди па 500 лѣтъ, а Адамаўскїи па тысячи.

№ 19.

Адамъ и Ева сагрѣшили: пакушили атъ запретныга древа яблычкыў.

Адамъ и Ева жили у раю. Дьявыль падашоў къ имъ и стаў ихъ змуцать. Подыйшоў къ Еви и гаворить:

— „Дѣва—Ева, ня слухай ты сваго Адама, што іонъ гаворить: съ двухъ етыхъ древоў кушайтя, а зѣ естыга не... Не, тѣ дравы дренъ, а слащи за етыва у свѣти нѣбути“.

А якъ побушала Ева, а услѣдъ и Адамъ запретныга яблочка, тѣла ихъ стала другая: то адіянія ихъ была, якъ ногаты на рубѣ, а то адіянія ета такъ и объѣхала;—застались только ногтики на пальцахъ на рукахъ и на ногахъ, — и стали люди галы и стали стыдъ имѣть и отъ стыда было поразбѣглпсь адннѣ ать водныва.

№ 20.

Божжія Матирь абманулась: листападъ атдала чорту (а ета ни листападъ былъ, а души). Христу нада на мученья па-ступать возвратать ихъ,—души пакойникиў.

Потѣмъ гаворить дьявыль на Божжую Матирь:

— „Вотъ ета древа зялёная, ета угожія ета табѣ, а листападъ то ета мнѣ!..“

(А якей ета листападъ?! ета ни листападъ, а души пакойникиў).

Божжія Матирь сама сабѣ думанть:

— На штобъ той листападъ каму нужннѣ?!..

Да и распишись пна. што:

— „Уступаю дьявылу листопадъ!“

Посли таго стали души покойникиў паступать въ адъ: усѣ туды падають и терпють тамъ муку вѣшную.

Приходитъ Гаспотъ и гаворить на Божжую Матирь:

— Што ты панадѣлала?

— „А што?“

— Да души челаѣвѣческія дьявылу атдала.

— „Я атдала дьявылу только што листападъ—сухея лнста“.

— Да, какей листападъ—ета души пакойникиў: анѣ прежда были Богавы, а таперъ стали дьявылывы.

Ну, таперъ паступать тваяму Сыну на муку, а то тымъ дѣшамъ узвароту ня будить!..

№ 21.

Нячистый духъ у Бога людей просить.

Нячистый духъ етаў прасить Господа:

— „Дай ты мнѣ людей!“

Гаспотъ пасѣвѣтываў сходитъ къ Адаму:

— „Адамъ, дайте мнѣ людей!“

Говорить іонъ, пришоўши къ Адаму.

Адамъ самъ сабѣ думанть:

— „Атдать малалѣтннга — іонъ будить мнѣ у пользу; атдать мнѣ старыга — самъ старъ буду; атдать мнѣ мертвыга — на што мнѣ тэй мертвый? Памёръ, дакъ и памёръ“.

Адамъ атдаётъ нячистому духу мяртвыхъ.

Гаспотъ іўлянтца къ Адаму:

— „Атдаў народу?“

— Атдаль, Госпади!

— „Якихъ жа ты атдаў?“

— Мяртвыхъ, Госпади:

— „Ну, няўжели самъ пумирать ня будишь“.

— Госпади, сагряшилъ я придь Табою.

— „Да, ошибся, Адаме“.

№ 22.

Адамъ мяртвыхъ чорту записаў и самъ ашукаўся.

Нячистый духъ стаў прасить Госпада:

— „Дай ты мнѣ людей!..“

Гаспотъ пасавѣтываль:

— „Абратись къ Адаму!..“

Нячистый духъ приходитъ, идѣ жиў Адамъ.

— „Адаме, дайте мнѣ людей!“

Адамъ самъ сабѣ думанть:

— „Атдать малалѣтннга — онъ будить мнѣ у пользу; атдать мнѣ старага — самъ старъ буду, атдать мнѣ мертвага — мертвый бесполезинъ: умиръ и умиръ“.

Адамъ атдаў нячистому духу мертвыхъ.

Гаспотъ іўлянтца къ Адаму:

— „Атдаў народу?“

— Атдаў, Госпади.

— „Якихъ жа ты атдаў?“

— Мертвыхъ, Госпади.

— „Но неўжели, Адаме, самъ умирать ни собираешься!“

— Госпади, сагряшиў я придь Табою.

— „Ашибся, Адаме!..“

№ 23.

**Якимъ родымъ Іуда жидамъ Христа показай. Атчаво ложки
нигадитца кверху дномъ клась.**

Сѣли трапезовать святыя апостылы съ Сусымъ Христомъ, —
сѣѹ трапезывать и Юда. —

Во пьетца:

— „Яко Юда, яко разбойникъ!..“

Запрѣдаѹ іонъ Суса Христа жидамъ, узяѹ зъ ихъ трид-
цать сяребреникѹ.

Жиды пытаютца, якъ призвать Христа мизъ апостылыѹ, а
Юда имъ твичантъ:

— „Во якъ! Мы усе будимъ ложки барачивать, а Хри-
стось. якъ хлябнетъ. паложить ложку кверху. (Атгаго-та ни-
гадитца ложку кверху дномъ класть—ета грѣхъ).

Когда замѣтитя ета, вы бяритисъ за яго!..“

Узялися за Христа жиды: узнали яго, — и пашоѹ іонъ на
муку вѣшную.

№ 24.

**Христа мучуть. Жидоѹна прикрываить личиння Христа ни-
сейкыю. Христось ать жидоѹ вырваѹся.**

Вотъ Суса Христа Яѹреп вядуть на муку вѣшную—злѣдін
абсѣли у яго на плечанькахъ капою, мучуть яго; а ў тоя ўремя
яѹрейка садить у вагна и дяржить у рукахъ кисяю бѣленькую,
прѣбленькую.

А у Спасителя губы засмягли, пылью занясло Яго личухна,
а яѹрейка, сѣдючи у вагна, и говоритъ:

— „За што мучуть етыга челаѡѡка?!“

За што іонъ вѣшную муку примѣеть?!“

И губы твае крававыю смагню занясло, и глаза твае пыль-
лю запылила!..“

Кинула сваю ксеейку жидоѹка на Госпада:

— „Пратри ты, Госпади, личинька своѣ святоя, свѣтлая!
За што яны Тябе такъ мучуть?!“

Тада Гаспотъ вырваѹся ать никаянныхъ жидоѹ, а жидоѹка
периставилась: приставиѹ яе Гаспотъ у святыхъ.

№ 25.

Свинья жидоўская тетка. На жидоўскую школу нада жерствувать, штобь свиньи хорошо вялись.

Якъ мучили Ісуса Христа жидаы, то никаянныи чимь тольки ни змуцали яго, ну, іонь ать ихь усими документами атбиваўся. Во їдуть на ёмь капою злѣдін, а уприяди засадили у кораби сваю тётку и гаворють:

— „Ну, кали ты Бохь нашъ—атгадай, што у кораби!“

— А што у кораби—а свинья!

— „Вить зблышйль!..“

Закричали жидаы.

Аткрыли корыбь,—думыли увидать сваю тетушку, ажно запраўду свинья на ихь такая страшная, якь дось — „у-ухъ, у-ухъ!“

Са страху жидаы усе свае пантохвильки растиряли.

Съ тыхъ порь яны ня молютца у хати, кали тамь свинья находитца, а просят:

— „А ўзу, паздаслыста, выгынтя свинью!“

Кали свинни у тябе ни вядутца, пожерствуй на жидоўскую школу со 2 или со 3 кашѣйки — будуть весца свиньи, парасить памногу, и поводь будить харошій“.

№ 26.

Жидаы за Христомь гонютца. Жэнщина сваимь рабенкымь жертвуйть, штобь Христа спасти—абманила жидоў: жидаы рады.

Гаспоть ать акаянныхъ жидоў ускачіў у горницу, а тамь жэнщина кормить грудью дитѣнка.

Гаспоть крикнуль на жэнщину:

— „Дитенка брось у печь, а мяне вазьми!“...

— Божжа мой, да іонь згарить!

— „Нябось! ничога нябудить твайму дитѣнку, только тоя дѣлай, што я скажу“.

Баба бросила сьайго дитѣнку у печь, а Христа узяла къ сабѣ на руки.

Жиды тоя видють, што баба укинула дитёнка у въ агонь, а тога ня видють, што Христось на рукахъ, а дитённѣъ тэй на тую пару-ўремичка бутца крикнуў у печн.

Забили жиды у ладони:

— „Христа спалили, спалили, спалили!“...

Дитённѣъ приростаўіся весь у твитахъ п сталь у святыхъ, а Христось пашоў съ двпнацятью апосталами.

№ 27.

Христось Воскресъ ужу, и съ апосталами и съ Матирью своею тряпезуить. Божжія Матирь ни пазнаётъ сына и загадыть абъ ёмъ на рыбки камбали и на сухимъ дуби.

Христось васкресъ ужу, и сядить Іонъ съ Божжію Матирью и съ апосталами, тряпезуить зъ ими. А Божжія Матирь ни пазнаётъ свайго Сына: то Іонъ малъ быў, а то стаў веллѣъ; апостылы жъ ни кажутъ ей.

Атѣуепла Божжія Матирь палавину рыбкн:

— „Какъ атживетца ета рыбка, ускряснётъ Христось!“

Рыбка трѣпъ, трѣпъ—устрипиталась, Божжія Матирь узрадувалась.

Рыбку ету Божжія Матирь бросила у моря—и живеть ета рыбка съ тыхъ поръ у мори; у етій рыбки глазъ выидинь, и ў бачку выимка.

— Станть дубъ сухой пиридъ вакномъ:

— „О, Госпади Миласливый, вада етій дубъ сухой станить зелинь и листьа пустить,—тады ускряснётъ мой сына узлюбленый!“...

Тады стаў дубъ зелинь и пригожь, и листьа на емъ широка.

— Апостылы паказали Божжіи Матери Суса Христа, и ина стала рада, рада.

— „Слава жъ тябѣ, Госпади, што васкресъ Сусъ Христось, сынъ мой вазлюбленый!“

№ 28.

Отчего моя яйцами христосуемся.

Када Исусъ Христось воскресъ, то мелкое каменя абратилась у яйцы; аттаво мы яйцами христосуемся.

№ 29.

Отчего осина листьями «тряпечить».

Іуди тошна стала, што іонь продаў Христа.

Када онь хатѣ удавитца, то Гаспоть унизь палажѣ усѣ даревья, а адна асинка легла пуярекь рва; на ней Іуда и удавіўся.

Съ тыхъ поръ асина, якъ витарокъ, хуть сабѣ и нибальшёнській, тряпачить листьями, слоўна ать страху, — такъ и бьетъ у ладошки.

№ 30.

Христось хочеть оказать Іудѣ милосердіе.

Какъ удавіўся Іуда, то весь адъ зарывѣў: испужаўся Іуды. Гаспоть сказаў: „ни яви — пагади: я пунами и панами запаланю тябе, а старцами, яѣ гонтамъ, пакрыю“. Гаспоть Іуду къ сабѣ у рай звалъ, а Іуда, лежа на пяци, гаворитъ: „мнѣ и тутъ харашо“. Гаспоть яму сказалъ: „ну, такъ, какъ хочеш“.

№ 31.

Объ Царѣ Саламонѣ.

Во чревѣ матери возбуждаетъ противъ себя ея гнѣвъ, рѣшая споръ между ковалемъ и гончаромъ.

Спасенъ отъ гибели и мести матери ея служанкой.

Отданъ ковалю, воспитывается вмѣстѣ съ его сыномъ, а сынъ коваля воспитывается царицей, которая выдаетъ его за своего сына.

Отрокомъ Соломонъ удивляетъ мудростью своихъ сверстниковъ и избранъ ими старшимъ за рѣшеніе слѣдующихъ задачъ: 1) чтобъ березка согнулась и разогнулась, 2) чтобъ коровы не „зикали“, 3) чтобъ лягушки вдругъ замолчали и снова закричали по приказанію.

Приказалъ повѣсить мальчика-вора и вытребованъ за это къ царю.

Удивляетъ царя находчивостью въ отвѣтахъ. Царь задаетъ

ему слѣдующія задачи: 1) чтобъ изъ вареныхъ яицъ цыпляты повывелись, 2) чтобъ воли потелились.

Соломонъ очень остроумно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, а воловъ, присланныхъ царемъ, ноѣдаетъ съ товарищами.

За эту продѣлку и за прочія царь хочетъ казнить Соломона, но, по условленному сигналу изъ рожка, является войско Соломона и освобождаетъ отъ гибели начальника.

Восторжествовавъ надъ врагами, Соломонъ казнить мать и бабушку, признается отцу въ своемъ происхожденіи и рассказываетъ ему свою исторію.

Заѣхалъ гаршеникъ къ кавалю съ своими гаршками, и проситца у кавалья на нычъ. Каваль и гаворить яму;

— „Братъ ты мой, и радъ бы пустить тебе на нычъ, да у мене на дварѣ стайтъ кабыла, да къ таму жъ жарѣбная“.

— Я свой возъ съ лошадыю пастаѣлю къ старанѣ, а ты сваю кабылу пусти на воли, гаворить ганчаръ.

— „Паизжай сабѣ!..“ Паставилъ гаршеникъ сваю лошадь надъ павѣтью и занучуваль. Каваль легъ въ адномъ мѣсти, а ганчаръ окала сваей лошади у другомъ.

Каваль усе сматрѣѣ лошадь, кабы убяречъ жирибенка; только іонъ ни убярегъ кабылицы—ина и жирибилась.

Ганчаръ ушпрѣдъ яго прашнуѣся и видитъ, што кабылица ужу жирибилась, и жирибеныкъ падбѣѣся надъ возъ ганчару.

Ганчаръ и гаворить: „ну, слава Богу, мое гарчки жирибились!“

Прашнуѣся и каваль и гаворить гаршенику: „што ты мелишь?—эта мая кабылица жирибилась“.

А гаршеникъ твирдитъ, што яго гарчки жирибились, и стали спорить. „Ну, пайдемъ на судъ: якъ присудють, такъ и будить“. Пашли яны на судъ къ царю, царя не была у доми, а только цареѣна, и цареѣна была абременна.

Цареѣна и гаворить имъ: „што ты, каваль, пришолъ и ты, ганчаръ?“ Каваль обѣяснить цареѣни.

— Вотъ якоя дѣла. Ганчаръ учора пупрасіѣся ка мнѣ на нычъ. Я, праѣда, и ни хатѣѣ было яго пускать, што мая кабылица часъ отъ часу жарбитца, а іонъ мнѣ сказалъ, што іонъ свой возъ паставить у аднымъ мѣсти, а кабылицу, гаворить, пусти на воли. Мы такъ и сдѣлали. Ганчаръ легъ у сваяго воза, а я у другомъ мѣсти. Ганчаръ ушпрѣдъ прашнуѣся и

увидіў. што мая кабылица жирыбилась, и жирыбенкѣ падбіўся падъ яго возъ. Вотъ и пашоў у насъ споръ объ жирыбенку.

Царица разсудила такъ: „кабы твая кабылица жирыбила жирыбенка — іонъ бы и быў ли кабылійцы; а то жирыбенка нашоў ганчаръ падъ сваимъ возымъ, — стала быть, жирыбились яго гарчки, а ни твыи кабылица“.

Рабеныкъ ва чреви царицы и говоритъ: „за то бабы и дешивы, што глушы. Даўно сказана, што у жэнщины волась долагъ, а вумъ каротыкъ. Жирыбила жирыбенка кабылица, а ни гарчки ганчара: никада ня слыхивана, штообъ горшки жирибятъ жирыбили“.

Царица и думать: „кали іонъ ва чреви маемъ да што байць? А родитца, да вѣдить на свѣтъ — ня то ужу будить ать яго“. Ина у скорымъ времени радила сына и, абярнуўши у прѣстыню, прислужную дѣўкыю атираўляить затапить етыга сына у рѣкъ. Дѣўка панисла царскага сына тапить у рѣчки и нажалѣла яго; — думать сама себѣ: „вить большой грѣхъ ангельскую душу пагубить!..“ А у етые самые часы родила сына и жана каваля. Царская прислуга занесла царскаго сына на гумно къ кавалю и захувала у саломы; тады приходить къ кавалю и гаворить: „царь приказалъ принесть вашига сына къ царицы“. Каваль съ кавалихыю и гаворють: „царская воля велика. Хуть и жаль намъ нашига сына, а, кали требуютъ царь и вадить атдать яму нашига сына — дѣлать ужу нечига: бяри сына и няси!..“ И атдали яны сваяго сына царскій прислуги; пушлалаки и погарювали на сваемъ сыну.

Бяреть каваль рѣзвины и атираўляйтца на гумно за кормамъ. Толька разлажилъ рѣзвины, бяреть крючекъ наскубывать саломы и запусетіў крючекъ у салому, а царскій рабеныкъ и гаворить яму изъ саломы: „тиши, каваль: глазъ вымылишь!..“ Каваль испужаўся и атваліўся ать саломы, да самъ сабѣ и дивуитца, што ета значить. Апомніўся каваль, да и гаворить самъ сабѣ: „што жъ я буду быятца? Вить ета жъ протіў дня, а не протіў ноци — запусцу-ка я крючекъ падалій у салому“. И запустиль. А царскій рабеныкъ и гаворить ипать яму: — Да, што ты, каваль? Ты жъ мнѣ усю кожу сдярешь!.. Каваль, якъ ти сваянуў крючкомъ харашенька и выташилъ изъ саломы рабенка.

Сталь каваль радъ и гаворить: „Слава Богу! Хуть царь у насъ сына атабраў, а на то мѣста Богъ другога рабенка паслаў!..“

Бросиў на гумнѣ и рѣзвыны свае, схватиў у палу рабенка и панёсь да своей хаты. Приносить у хату и гаворить сваей жанѣ: „Ну, жана! Хуть царь у насъ сына и атабраў, а намъ Гаспоть на яго мѣста паслаў другога рабенка;—я нашоў яго на гўмни, у саломи. Будимъ яго кармить и пайть, и пускай іонъ будить намъ сынымъ! Нада бѣ намъ таперь хрезбины спраўлять и кумоў сазывать“. Пазваў каваль кумоў, прихрястили рабенка и назвали яго Саламонамъ. Хрезбины атгуляли. Кукобить кавалиха рабенка, холить и кормить яго, и рабеныкъ растеть и часъ атъ часу прибываить. У семь гадоў іонъ атражайнѣй тога, катораму и питнадцать гадоў.

Іонъ ужу сями гадоў вадіў лападей на нашлегъ, и водить ихъ у поля. Саламонъ и сгаваріть диявенскихъ своихъ хлопцѹ!— „а, што вы думайта, ребяты? Давайти-ка изъ насъ самихъ заводить набольшига: вить стада бизъ пастуха ни бываить.“

И начали придумывать, якъ имъ избрать набольшага и каго паставить. Саламонъ имъ говорить:— „чуйта: лягушки сквярутца у балоти; хто ихъ уїнимить, тога и наибольшимъ паставить.“

Мальчуганы начали чирядомъ унимать лягушикъ, и ни одинъ ни уняў ихъ.— „Нѣтъ, мальцы.“ гаворить:— „никто изъ васъ ни уняў ихъ; ну, глядитика: я стану ихъ унимать.“— Саламонъ и гаворить:— „ну, тварь бяздушная, замолчать—ни дна штобъ ня кухнула!“

Лягушки ни дна ня кухнула.

Тады Саламонъ и говорить мальцамъ:— „ти видия, работы: вить лягашки маўчатъ?“,— Чуимъ!

Атвѣтили мальцы!— „Таперь, хто ихъ затѣить ипить кричатъ, тога уже паставимъ набальшимъ.“— Малцы пачаредна стали застаўлять лягушикъ кричатъ и ни дна ни закричала. Дашоў чередъ и да Саламона.

Саламонъ началъ зативать кричатъ лягушикъ:— „Ну, бяздушная тварь, начинайта ипать свае пѣсни распивать!“

Лягушки изнову пѣсни зайграли.

— „Таперь чутия, што лягушки вить ипать затѣли?“

Мальцы и говорють Саламону:— чуимъ, уси чуимъ!

— „Вотъ вамъ третія примѣта. Пришоў къ бярезки, гля-

дита на бярэзу и застаўта яе сагнуцца и разгнуцца, — застаўляюць такъ павочыриди!“

Малцы павачаредна и начинають кричать бярэзи:

— „Сагнись, бярэзанька, сагнись, зяленая!“.. А бярэза стаить и ня гнетца. Дашла вочаридь да Саламона. Ёнъ и кажить бярэзи: — „ну, бярэза, сагнись у калыдо!“ Бярэза и сагнулась у калыдо. — „Ну,“ гаворить мальцамъ: — „видитя: бярэза сагнулась?“ — Да, кажутъ мальцы: сагнулась.

Саламонъ ипять гаворить бярэзи — „разагнись!“

И бярэза разагнулась: — „Ну ти видитя уси: бярэза разагнулась?“

Уси закричали во адинъ голась мальчуганы: — „видимъ, видимъ примудрый Саламонъ!“ — Вотъ вамъ чатыри прямѣты!..

Пастухъ близка къ имъ насъ кароў. Была жаркая уремя, и каровы начали бѣгать: зыбъ на ихъ напаў.

Саламонъ и гаворить мальчуганамъ: — „мальцы, хто изъ васъ унимить кароў, штобъ яны стыяли, а ни бѣгала?“ — Мальчуганы взнову павочыриди стали каровъ унимать, а каровы ихъ ни водная ни паслухала. Тады Премудрый Саламонъ и гаворить каровамъ: „прыстаньтя бѣгать, — станьтя и стойтя на дномъ мѣсти!“.

Уси каровы перистали бѣгать и стали якъ укопанныи.

Премудрый Саламонъ и гаворить мальчуганамъ:

— „Мальцы, ну, видитя? каровы перистали бѣгать и стали якъ укопанныи.“

Мальцы уси въ адинъ голась: — видимъ, видимъ, премудрый Саламонъ! — Таперъ мы уси далаемъ тебе набальшимъ, и, што ты будишь намъ приказывать, будимъ и выпылнять слушатца и нувиноватца тябѣ.

Саламонъ ихъ начинаить учить военнымъ артикуламъ, и долгая время училь ихъ военному искуству. Уси мальчуганы у приаудрага Саламона научились военнымъ диламъ и вяли сябе честна; адинъ тольки мальчуганъ аказался ворами: ёнъ у водныга мальчика укравъ кнутъ.

Мальцы и вядуть яго къ примудрыму Саламону на расправу. Примудрый Саламонъ ряшилъ такъ: первую вину прастить мальцу. И простили.

— „А если у другой разъ украдишь, тады уже накажу и ни пращу.“

Мальчуганъ етѣй укралъ у мальчика узду, мальчуганы приво-
дютъ яго къ Примудрому Саламону на судъ.

Саламонъ приказалъ принести розакъ и наказать мальчика-
варешку розгами. па военному. Мальцы и усыпали яму, сколько
пришлось—пу военному.

—Ну, гляди-жь: кали яще што украдишь у третій разъ,
тады тябе я павѣшу!..

Вядуть хлопцы домой лападей и говорить батька мальчу-
гана-варешки:—„Федоръ, тваяго сына Аляксѣя нашъ При-
мудрый Саламонъ за варавство залуцилъ до смерти—будить по-
мнить вѣкъ вѣшний.“—Федаръ и разспрашiтъ у ихъ: „за што
такъ?“

—А якъ жа! гаворють малыцы. Учора твой сынъ Аляксѣй
укралъ кнутъ, а сяводни узду;—Саламонъ первую вину прастіў
яму, а за узду и нахлабучіў, да вить па дѣломъ вару и муча:
ни крадь, ни варуй! Да, яще сказаў Саламонъ:

Кали ни пристанить варувать, то павѣсць, якъ сабаку!

—„Пастой жа: кали іонъ такай, то я яму вастасую за
сынъ?“..

Приходить къ кавалю, сталъ бранитца и сквярнитца раз-
ными славами: „за што мужъ твой Саламонъ маяму сыну кожу
спароў? етакъ жа ужу нильзя мальчикамъ и у поля лападей
гонять!“..

Каваль и гаворить Федору: „Ну, за што ты такъ разсир-
чалъ? и хочшь ты разбирать дятей? Вишь у поли двѣ воли;
дѣти у щепки, а батьки у хахлы... Трясна ихъ разбяреть!
сяводни, може, и Саламону такжа поддадутъ!“..

Разговорамъ такимъ и кончилась суета мушницъ.

Каваль патомъ сталъ ругать Саламона:

—„Што ты за воинъ у поли?!.. Гляди жъ, што бы ета у
первый и у паслѣдній разъ: а то и табѣ кожу слуплю... За
што ты яго дралъ?“

—А за то, што іонъ разъ укралъ кнутъ—тады нихай такъ:
мы яму прастили. У другой разъ вузду—за ето яго и абадрали.

А кали у третій разъ што украдiтъ, то мала етыга заўсѣмъ
повѣсимъ: ни варуй!

Привялось яще надѣли двѣ и три. Усе у ихъ была тиха.
Займались яны военною маршироўкью.

Іонъ имъ за ета время надѣлалъ изъ палыкъ и ружьи.

Въ адно время Ляксѣй утянуў у мальчика полдень.

Мальцы начали праизвадить обыскъ и нашли у торбачки Ляксѣя полдень мальчика, и. многа ни разгаваривая. Саламонъ приказалъ малца-варшкку навѣсить. Мальцы сагнули асину и навѣсили мальчика-варшкку: „ сабаки сабачья честь!“..

Саламанъ сдѣлалъ приказъ мальчуганамъ: узать лашадей Аляксѣевыхъ и сдаты Ѳедару на руки. Вичаромъ мальчуганы пригнали у дярёўню лашадей и кричатъ: „Ѳедоръ, на твоихъ кони!“.

Ѳодаръ спрашiить у ихъ:—а дѣжъ мой Аляксѣй?

— „А табѣ вишь казали: кали ни пиристанить вурувать, то будить повѣшанъ? а iонъ украў поўднiнь.—за то и навѣсили!—Саламонъ сказау:—Ляксѣй своей дураты ни брасаить и приказаў намъ яго повѣсить:—мы на горькiй асини яго и навѣсили: вонъ тамъ на ляде.“

Ѳодоръ написаў прозьбу царю, што Примудрый Саламонъ навѣсиў на ляди яго сына Аляксiя.

Стаў Саламона батька каваль бранить: „я думаў, што ты будишь мнѣ падъ старость кармилицъ, а ты вышiў разбойникъ. Кали ты стаў людей вѣшаты, царъ навѣсить и тябе —ужъ такъ табѣ ня пройдить.“

— Батюшка, за што мяне бранишь и журишь?

Вить и царъ адну вину працаить, за другую наказываить, а за третiю, вѣрна, вѣшайть.

Ну, такъ и я паступилъ съ варомъ!

Царъ присылаить канвойныхъ. Узали канвойные Саламона Примудрага падъ судъ. Царъ и спрашiить у Саламова:— „Што ты начаў тварить и сваймъ адумамъ вѣшаешъ людей?“

— Свѣтъ валикъ гусударъ, винувать придъ вами!

Мальцы и я дѣлали разныи примету, вышла такъ, што усимъ мальцамъ мяне слушатца.

Я ни гуляю и ни гуляў,—я учiў свайхъ мальцыў ваенному искусству и ваенному учениу.

Ляксѣй малыцъ былъ прабоистъ: начаў вурувать; iонъ украў у первый разъ внуть—ету вину я яму прастиў; у другой разъ узду—за то наказаў яго розгами; а у третiй укралъ у мальчика полдень: тутъ ужу, якъ iонъ, якъ ни каядся—и усѣ ва-руить, приказаў мальчуганамъ Ляксѣя навѣсить. Вить-жа и

ты, царь, таъ жа дѣлаишь: первую вину процаишь, за ўтару наказанишь, а за третю: ти къ растрѣлу, ти на виселицу!...

Видитъ царь, што Примудрый Саламонъ паступилъ справядлива, только натвардилъ яму, штобъ яще такъ ня дѣлать.

Царица и гаворить царю, якъ іонъ прастіў Саламона и атиравіў дамой бизнаказанна. Царь и атвичаитъ:

— „Якъ жа судить яго, кали іонъ справядлива паступіў?“

— Такъ-то такъ, кажить царица: а надо-бъ яго была павѣсцитъ: іонъ, якъ вырестить, ня то сдѣлаитъ!

Царь гаворить: „я и самъ вижу, што іонъ астрауминъ.

Нихай-ка падалій: можа, и пупадетъ на виселицу!“

Пасылаитъ царь паслоў къ кавалю съ приказымъ, штобъ каваль быў съ Саламонамъ на лахадяхъ верхами у царскій дворець.

— „Во што ты надѣлаў! „гаворить каваль Саламону: во царь не такъ насъ требунтъ ва дворець: таго и гляди, што и мяне патянутъ на виселицу за тябе.

Саламонъ кажить: „да, ни рабѣй: цѣлы будимъ“.

У назначенный царемъ часъ каваль съ Саламонамъ атиравились къ царю. Царь приказаў падать двухъ асѣдланныхъ лахадей: одну ли сябе, а другую ли свайго сына, и царь съ сынымъ, и каваль съ Саламонамъ паѣхали у поля за гарадь.

Примудрый Саламонъ у поли любуйтца аднымъ мѣстамъ и гаварить кавалю: „Батюшка, вотъ багатыя мѣста ли манеўры!“ А царскій сынъ царю гаворить: „мѣста ета харошее и удобное: приказать бы распахать ета поля и засѣить льномъ-растуномъ: то-та былъ бы лень!“

Ѣдутъ далій. Падѣхали къ темному лѣсу.

Премудрый Саламонъ увидѣлъ толстый арѣшникъ и гаворить кавалю: „превасходныя дяревья! Изъ етыхъ дярёу вышли бы привосходныя ложи для ружій маимъ мальчуганамъ салдатамъ; а то мы терпимъ недастатыеъ у ружьяхъ“. Царь же ета слышитъ и дивитца яго пбачайный смегливасти.

Падъизжають яны къ сасновому дериву, царскій сынъ и гаворить царю: „якея діўныя сосны! изъ етыхъ сасонъ, пурубіўши ихъ, можна выгнать многа дегтю и приабрѣсть угалья; дегать бы пашоў на падмазку фуръ, а вугыль на ваенныя кузницы!“

Царь пасматрѣў на свайго сына и улыбнулся.

Царь отдаеть приказъ Саламону, штобъ іонъ заўтри утрымъ былъ къ яму ва дварець ни сытъ, ни галодинъ; ни голый и ни дѣтый, ни конный и ни пѣшій, и штобъ яму, царю, былъ гастинчикъ и не гастинчикъ.

Приказалъ имъ ѣхать дамой, а самъ вазвратился дамой.

Каваль и гаворить Примудрыму Саламону:

— „А вить сколько ня вартисъ, а ня выкрутисея ать бяды и горя: ужъ видимыя дѣла!“

А Примудрый Саламонъ атвѣчаить: „ни рабѣй, казакъ: будишь атаманамъ! Што будить, то увижу!“

Саламонъ просить мать утварить къ заўтришнему дню кислю. Мать утварила кисель; кисель якъ-та ни ўдаѣся. Саламонъ сватиў яго ложки двѣ, да и досытъ. Сняў съ сябе рубашку и абкрутиўся рыбачью сѣткою, паймалъ сабѣ варабейку. сѣлъ на казла и атправился да царя.

Царь спрашантъ у Примудрыга Саламона: „Што ты сяводни заўтрикаль?“ Саламонъ атвичаить:

— „Мать сварила кислялку, да ни ўдачна—укись!“

И гаворить: „я раза три, пять хватиў, да и досытъ: ни сытъ, ни галодинъ“.—Ну, маладець Саламонъ!

А ти привезъ жа ты мнѣ гастинчикъ?—„Привезъ“.

Выймаить изъ пазухи варобья, а варабей пырхнуў съ руки и палятѣў па комнатамъ царскимъ.

Тада царь пахвалилъ уси яго примудрыи увертки и атпустаиў яго дамой.

На вутро присылаить царь сто яйцъ вариныхъ и приказанить кавалю, штобъ іонъ Саламону сказалъ, штобъ къ такому-та дню были цыпматы, а ня будить выпалнита приказанія, сымуть съ плечъ галаву Саламону. Саламонъ у ета время быў на поли, учиў стрелять свaixъ салдатъ.

Явиўся Премудрый Саламонъ, каваль и гаворить Саламону: „царь прислаў табѣ вариныхъ яйцъ и приказаў, штобъ изъ ихъ вышли цыпматы; а найсполнить приказаніе царя, слятить съ плечъ и галава твоя“.

Примудрый Саламонъ въ атвѣтъ кавалю-батюшки:

— „Не бѣда! Спасибо царю, што яйцы прислаў: я ими заўтри свaixъ салдатъ пахристосываю“.

Забраў яйца у кателъ и атправиўся у поля.

— „Рабята! царь прислаў мнѣ 100 яецъ: палучайта каждый па яйцу и кушайта за здароўя царева“.

Премудрый Саламонъ, паўчіўши сваихъ салдатъ, насыпаятъ у мяшы париный гарохъ и вязеть на ниву сѣить, и пара трубой валить изъ мяшкоу я изъ сѣвалки. Царская прислуга идеть къ Саламону за пискятыми, а Примудрый Саламонъ сѣить гарохъ. „Богъ у помачь, Саламонъ Примудрый!“

Што ты ета дѣлаишь? „Гарохъ сѣю.— „А такъ можить. якъ изъ царскихъ вареныхъ яиць могутъ выйти пискляты: кали мой париный гарохъ узыйдить, тады и изъ вариныхъ яецъ выдутъ и пискляты“.

Царская прислуга пашоу къ царю. — Што принесъ писклять? — „Я“, гаворить прислуга: — „йда двара Саламоныва ни дашоу. Иду къ Саламону, а іонъ сѣить на поли париный гарохъ, изъ сѣвалки пара стаўбомъ валить. Гаварю яму:

— „Што ты, Саламонъ, сѣишь?“ — „Гарохъ, гаворить: до яице париный.— „Я и гаварю яму: париный гарохъ усхадить ня можить; а іонъ мнѣ у въ атвѣтъ: іонъ такъ же можить узайдить, якъ изъ вариныхъ царскихъ яиць могутъ выйти пискляты. Я далій съ Саламонымъ и тулкувать ни стау — вярнуўся“.

Царь прислалъ Примудрыму Саламону сто валоу, штобы валы къ такому-та времени патялились, а ни пателютца — Саламону галава съ плечъ слятить. Саламонъ быу у поли.

Пришоу Саламонъ дамой, каваль-ателъ и гаворить:

— „Прислаў царь сто валоу, штобы валы патялились. а ня будить исполнена приказаніе царя — галава съ плечъ слятить“.

— Ахъ, батюшка, не рабѣй. Спасиба царю за валоу!

Начинаеть Саламонъ валоу рѣзать, сваихъ салдатыну надкармливать, кали у горади прадавать, салдатыкамъ амуниціи и сапаги спраўлять.

Гвардейскому сваяму палку сѣвалъ Саламонъ усю красную адѣжу, 2-му палку усю бѣлую, 3-му палку усю чорную. Саламонъ приказанить своимъ салдатушкамъ: „мяне скоро будить царь казнить; — штобы первый поукъ мой гвардейскій паспѣшау ка мнѣ на ражокъ; заиграю у втарой разъ; штобы явиўся втарой поукъ въ бѣлый адѣжи; а кали у третій разъ, — штобы ямедленна яўляўся третій поукъ у чорный адѣжи“.

Приходитъ царскій пасланецъ за валами и телятами, Саламонъ замѣтиу яго издали, и гаворить сваяму батюшки— кивалю:

— „Пализай скарфѣи на печь и кричи тамъ: животь блятѣ!“ Пасланецъ гаворить Примудрыму Саламону: „Здрастуй, Саламонъ!“ Саламонъ гаворить яму:—Здрастуй!— „Хто ета у тебе на печи кричить?“—А ета мой батюшка усхадіѣся радить.— „Ты, Саламонъ Примудрый усѣ ты чудишь: мущины ня родить.“—А Саламонъ гаварить:—кали мущины родють, тады и быки телятъ пателють.— „А дѣжъ быки царскіе!“—А спасибо царю, што пуприслау ихъ: войска маѣ накарміу и адѣу!..

Пасланецъ, пришедши къ царю, разсказау яму усѣ, што гавариу яму Премудрый Саламонъ.

Узнау Саламонъ, што яму ни здубрувать на свѣти, што царь за валюу яму ни прастить;—пупрастиѣся съ кавалемъ— батюшкый и тайкомъ ушоу изъ города, пришоу у дареѣню и наняѣся свиней паастивить.

Царь узнау, што Саламонъ ушоу изъ города; приказу сдѣлать залатую карету и атправіу своихъ вучароу вазить ету карету на свѣту: пускай у свѣти цаңють люди, чаго стоять залатая карета, а хто луччій ацѣинить карету, тогда узять и даставить къ царю.

Пасланцы ѣдутъ полимъ, вязуть залатую царскую карету, іонъ пригнуѣся и заняѣся необходимымъ дѣлымъ: ноу навладаить, а старъ выкладаить, на гарѣлый корки злодиіу набиваить. Вучары и гаворють яму: „пастухъ, што ты дѣлаишь?“— На гарѣлый корки злодиіу набиваю.— „Ти ня можишь ты цаңувать карету?“—Чамужъ ни магу? Кали ни даяси, за ету корачку атдаси.

Вучары и гаворють: „етый пастухъ якей-та дуракъ: Ти можна жъ за ету корачку залатую карету атдать? Дешива нануишь, пастухъ!“

И цувязли карету ва дварець. Привязли карету и гаворють царю: „адинъ только пастухъ и аданувау твою залатую карету корачка!“..

Царь асерчау нямнога на свайхъ вучароу; „етый цѣнаущикъ кареты быу Премудрый Саламонд; нада была яго братъ и вестъ ва дварець.“

Царь атдаеть приказъ атысать Саламона и даставить яго

къ царю, Гарадовичи разсылъныи сдавили Саламона и доставили къ царю.— „Ну, Саламонъ, полна табѣ мною уродавать: заўтри тебе на вислицу.“

Приказаў пригатовать вислицу.

Саламонъ и гаворить царю: „Батюшка царь, я ў одной пятли ни задаўлюсь, а сдѣлай двѣ пятли: одну дратяную, а другую шалковую.“

Приказана вьести аго къ ишафоту; аго праважають и матушка, и бабушка.

Саламонъ вьщапть: „переднїя каляса лошаты вьзеть; а чаго чортъ заднїе нясеть?“ Царица гаворить:—ахъ, какой дуракъ Саламонъ! Устройства у калясахъ харашо: здѣсь тройня іость, и рисоры устроинны, и связаны калесы наьрѣшка.

Вьзводють Саламона на ишафотъ, и прочитанъ указъ царскїй. Саламонъ просить царя дазволить яму у послѣднїй разъ пувисялитца у дулычки пайграть.

Царь дазволить: „паиграй и пувисялись!“

Саламонъ зайгралъ у ражекъ и придвинуўся красною тучію гвардейскїй паўеъ къ Саламону на ражекъ.

Царь гаворить Саламону: „што ета краснѣить?“

Саламонъ отвичаить царю: „Ета красная туча іость мая кроў.“

Саламонъ зайграў во 2-й разъ во ражокъ, и надвинулася туча бѣлая. Царь гаворить Саламону:

—А што ета такая?— „Бѣлая туча іость слезы мои.“

Саламонъ зайграў яще у ражокъ, надвинулась темная туча. Царь спрашїить: „што такая?“—Ета туча іость смерть мая.—Саламонъ тутъ какъ зайгралъ у ражокъ, уси тучи сдѣлались салдатами.

Саламонъ сичасъ скамандывалъ сваяму войску: „узять царицу павѣситъ у дратяной пятлѣ, матку царицыну—бабушку у шолкавай!“ И павѣсили.

Царь гаворить Саламону: „Што ты ета сдѣлау?“

—Свѣтъ вяликъ государь, батюшка мой родный, мяне мать хатѣла стратить съ свѣту,—такъ я таперъ яе стратїу. Мать мая на томъ свѣти за мяне ни твичаить, а я за яе гатоў атвичать и придъ табою и придъ Богамъ. А бабушку павѣсїу за то собственна, што ина усе знала, а вашїй милысти ни ска-

зала. Васъ, батюшка, знаѣ и уси ваши загадки разгадаѣ. прашу васъ мене выслушать.

„Въ одно время ганчаръ пачуваѣ у кавалѣ. У кавалѣ ночью жирабила кабылица жирабенка.

Каваль и берегъ кабылицу, якъ ина будить жирабитца, но праспаѣ. Кабылица кавалева жирабилася, и жирабеныкъ надбѣся падъ тѣлѣгу ганчара. Ганчаръ гаворить кавалю: „жирабенка жирабили яго гаршки.“

А каваль гаворить, што жирабила яго кабылица.

Спорили, спорили, да и нашли на судъ къ вѣшій милысти. а, якъ васъ дома тады ни було, то мня матушка — нарица разсуждала такъ:

— Калибъ жирабила жирабенка кабылица, то жирабеныкъ быѣ бы съ кабылицью, а то жирабеныкъ найденъ подъ гаршками; стало бытъ, жирабенка жирабили гаршки, и принадлежить жирабеныкъ ганчару, а не кавалю. Я тады быѣ у чреви матери, чуѣ, якъ она разсудила, и сказаѣ:

— „За то бабы дешавы, што глупы, и што у жѣнщинѣ воласъ длиниѣ, да умъ каротакъ.“

Мать-царица и тады жъ ище на мяне разсирчала, и, якъ я радѣся, ина мяне у прастыню завярнула и отдала служанки снясти мяне ѣ рѣчку и затапить.

Служанка мяне пажалѣла. Слышила ина, што у кавалѣ радѣся сынъ у тымъ жа часи, якъ и я; — мяне на гумни у саломи спрятала, а сама пашла къ кавалю и атъ имени вашига атабрала у яго сына и принесла къ моей матери-царицы; ина тогда рабенка и воспитала, а вы яго таперъ называйте сынымъ. Каваль, атдаѣши сваяго сына во дворець, пашоѣ на гумно за саломой, нашоѣ мяне у саломи, принесѣ у свою хату и воскармиѣ мене.“

Царъ Саламона выслушаѣ и астаѣлять яго во дворцы. атдаѣтъ Примудрому Саламону паловину своего царства. Царъ пасылаѣтъ за кавалемъ, гаворить кавалю: „я сваяго сына Саламона узяѣ сабѣ, и ты бѣри сваяго сына сабѣ.“

Каваль, пулучиѣ сваяго сына и привѣѣ яго у своей домъ: прислугу царскую за то, што ни затопила царевича у рѣчки, щедра наградиѣ Примудрый Саламонъ, а кавалѣ наградиѣ диньгами, асвободиѣ атъ рѣкрутскій павинности и атъ усѣхъ падатей и сдѣлаѣ яго вольнымъ.

Абъ Саламонѣ.

Абъ царѣ Саламони, яго отцѣ, нявѣрнымъ царя, бабушки, матушки, куз-
няцѣ, обѣ Саламоновыхъ памошникахъ: Ананѣ, Азаріи и Мисаилѣ.

Въ нѣкоторымъ царствіи, въ нѣкоторымъ гасударствіи, жи-
буѣ царь, а нейзвѣсна какою, и была у яго царица, и была
ина красивая. Ящо ў нѣкоторый дярѣўни или сямѣ жили двѣ
удава, и було у ихъ па мальчику. Яны лягли спать и идна
изъ ихъ приспала сваяго рабенка, патомъ сряди noci прашну-
лась, да узила свайго живого мальчика и падклала къ той
удава, каторая спала съ живымъ рабенкомъ, а у яе узила жи-
вого рабенка и палажила къ сабѣ. Патомъ ета удава прашну-
лась, пасматрѣть: мальчикѣъ живой. Тутъ ина загаласила и
нашла на улицу. Патомъ уходитъ ипать у хату, хатѣла яго па-
мыть и прибрать, пасматрѣть: етатъ рабенакъ ни яе. Тутъ ина
и гаворить на ету удаву: „Што ты ета мнѣ сдѣлала! Ета твой
мальчикъ, а ня мой: ты приспала, а мнѣ падлажила!“... А ета
гаворить: Што ты ета на мяне наносишь? Ты сама такая соня.
— „Нѣтъ!“ гаворить: Я ни упущу свайго рабенка: мнѣ яго
жалка!“... А ина гаворить: „Ну, што хочишь дѣлай, а ета
мой сынъ!“ Вотъ яны и гаворють: „Ну, етага пахаронимъ, а
за етыга мы будимъ съ табою судитца“. Патомъ яны пахара-
нили етыга мертвага, а за етыга пашли судитца къ царю. При-
ходятъ яны къ царю и гаворить ета удава, у каторый маль-
чикъ живой: „Гасударь нашъ, батюшка, сдѣлайтя милысь: раз-
бяритя вы наша дѣла! вотъ у етый удава быѣ мальчикѣъ, а у
мяне другой, то ина што сдѣлала: сряди noci свайго дитя
приспала и узила, падлажила ка мнѣ живого, а майго жи-
вого узила къ сабѣ“. Вотъ яны спорили, спорили, патомъ га-
сударь и гаворить: Я ужъ ни магу васъ разсудить! Патомъ
приходить царица, а ина была бремнина атъ невѣрнага царя
етымъ самымъ Саламонымъ. Царица и гаворить: Ну, я вамъ
разсужу ета дѣла, будитя ли вы согласны на мой судъ: вы
возьмитя етыга живого рабенка и разрубитя папаламъ!.. Ета *)
удава и гаворить:—Ежили вы судитя рубить на дви части, то

*) Которой принадлежалъ живой мальчикъ.

пускай луччи ей увесь!.. Патомъ гасударъ говорить:—Вотъ, вѣрна яе рабенькъ, када ина ня хочить, штобъ яго на дви части рубили!.. А у царицы у брюхи етытъ самый Саламонъ сказаў на сваю мать: Б...ь, по б...и и пагадавайтъ! (За то, што мать сказала пушыламъ рубить). Ива сама сабѣ и думайтъ: Ну, будить хоршій сахаръ!.. И думайтъ сабѣ, какъ ба яго стратить! Када іонъ радіўся, то ина призывайтъ повара и гаворить: Ну, я табѣ приказываю, штоба ты мнѣ етыга рабенка сгатуваў,—сичасъ раскладай агонь!.. Поваръ и думайтъ, какъ можна ангыльскую душу гатувать, да ящо царьская калѣна. Узяў забіў сабаку и аблупіў яго, а галаву прочь атрубіў, патомъ и затапіў печку, и сгатуваў. Паслыхаў, што ў аднѣй дяреўнн радила кузняцова хозяйка, то іонъ паслаў туда етага рабенка и приказаў ей: „Скажи, што пару радила!“... Табъ ина и сказала. Патомъ призывайтъ іонъ къ сабѣ лакея и гаворить: „На, няси царицы етыга сабаку и скажи, што ета рабенькъ, а, голыву, скажи, што утащили сабаки“. Вотъ іонъ приносить етага сабаку на падноси къ царицы. Ина и спрашійтъ. А галава идѣ? А іонъ гаворить: Кабъ я къ вамъ нѣсь, толька у бухни съ крыльца саскачіў, а галава и звалилась. Атеуда быўши сабака и схватиў. Вотъ ина и гаворить: „Ну, сабаки сабація и честь: чимъ араў, тымъ и падавіўся“. Патомъ царица ўзнала, што кузнячиха радила пару дятей, то ина, штоба яе мужъ ни ўзнаў, наслала свайхъ вѣрныхъ слугъ, штоба у етый кузнячихи узять аднаго рабенка. А поваръ приказаў ей, штоба ана ни атдавала ей тога рабенка, каторага іонъ ей перидаль. Тада ина узила и атдала свайго сына, а етыга воспитанца аставила сабѣ. Патомъ етый воспитаникъ ростъ, да ростъ. вырсыъ ужъ парядашный, такъ, што ужъ и каней могъ вадить пастивить. Ну, какъ іонъ Саламонъ примудрый,—то іонъ и давай заниматца военными дилами. Бувала, пувадетъ коіій пастивить; патомъ и давай тамъ учить мальчыкыѣ. Вотъ іонъ такъ училъ нѣскалька ўремя, патомъ одинъ разъ такъ учіў. учіў, такъ што аднаму мальчыку и галаву атарваў прочь. Патомъ падали жалабу царю на етыга Саламона. Гасударъ требунтъ яго къ сабѣ и гаворить яму: „Ну, што, братицъ, какъ ета ты могъ едѣлатъ такъ, што и галаву атарваў прочь?“... Саламонъ и гаворить царю: Ваша вяликыя ампиратарства, што жа мнѣ дѣлатъ съ дуракомъ?—вить сами вы знайтя, што за

аднаго члавѣка ўчинага дають десить няучинныхъ и то ни бяруть!.. „Праўда!“—гаворить гасударь, стаў яго хвалить и гаворить яму: „Старайся, братъ: я тябе за ета публыгыдарю“... Черизъ нѣскалька ўремя гасударь слышитъ пра Саламонавы мўдрости, пасылаить іонъ сваихъ вѣрныхъ слугъ къ яму и приказавъ: „Штоба вы привяли тога самыга кузница, у каторага находитца сынъ Саламонъ: то іонъ сильна примудрый!“... Яўляитца къ гасударю етытъ самыи кузнецъ, вотъ гасударь и гаворить на етыга кузница: „Во братъ, што я табѣ приказываю и прашу: дамъ я табѣ двадцать яецъ вароннихъ и штоба съ етыхъ яецъ вышли типляты!“... Нясеть кузнецъ еты яйцы и скучаить, принесъ дамой. Вотъ Саламонъ и гаварить: „Ну, што ты, батюшка, скучаишь!“—Да какъ жа мнѣ ни скучать? развѣ можна ета сдѣлать, што мнѣ гасударь приказаў;—штоба зъ вароннихъ яецъ вывистъ типляты?... А іонъ и гаворить: „О, батюшка, ни рабѣй! Ета намъ гасударь прислаў закуску: я съ етымъ дѣлымъ спраўлюсь!“... Вотъ іонъ даждидантъ тога ўремя, када гасударь пришлить за цыплятыми. Падходить тотъ день, Саламонъ и гаворить на атца: Батюшка, ты сяводни куда-нибудь увайди!.. Вотъ іонъ запрегъ лошадь и паѣхаў у другую дярѣўню. Пріѣхали атъ гасударя вяльможи за типлятами, а Саламонъ гаворить: „Ахъ Божа мой, батюшки майго таперь нѣту!.. Мае вы галубчики, пріѣдтыя вы другимъ разымъ, а ня то я самъ вамъ придастаўлю етыхъ типляты!.. А таперь я вамъ ихъ ни магу дайжа паказать, патаму, сами вы знаптя, атца майго сянини нима, типляты замкнуты, а ключи у яго“. Патомъ еты посланныя атпраўляютьца и гаворють: Послушай, братъ: какъ ты члавѣкъ мыладэй, а мы пастаршій тябе, то ты пришли намъ атца свайго съ типлятыми!.. Патомъ яны паѣхали. Ну, какъ Саламону доўта думать нешта, то іонъ и гаворить на атца: Ступай къ царю и сважи, што типляты вышли: толька ни вамъ сматрѣть и ни намъ паказывать. Патомъ гасударь и гаворить: „Ну, какея бы не были, да мае,—зачѣмъ ты ихъ ня принесъ?“ А іонъ гаворить: Ваша вяликая ампиратарства, яны саўсими падохли на ѣмши. Патомъ царь требунтъ сваихъ слугъ и гаворить: Ну, слуги мае, во што я вамъ приказью: сваритя вы мѣрку гароху и атдайтя кузняцу: пускай іонъ яго пасѣить и вывармить сваихъ типлятъ. Вотъ іонъ узяў етыи гарохъ и вязетъ яго дамой и сильна гарюить. Пришоў дамой и думантъ самъ сабѣ:

што тутъ будить? Приходить Саламонъ и гаворить на яго: Батюшка, што ты такъ сильна задумаѣся? А іонъ яму ня твѣтїу ни слова и заплакаѣ. Батюшка, чаво ты такъ сильна плачишь? А іонъ яму и гаворить: „Божа мой, Божа, таперь мы съ taboo правали на вѣви! Даѣ мнѣ гасударъ мѣрку гароху, штоба яго пасѣить и тилпять выкармить, да ящо и варинага; то самъ ты знаишь, сыночкѣ: тилпять у насъ нима, и гароху ня будить: какъ можна вариньму узайти?“.

—Ну, малчи-ка, батюшка, ни тарайсь сильна: мы съ taboo ети яйцы паѣли и гарохъ паядимъ, а я съ етымъ самъ пау-праѣлюсь.

Патомъ яны узали и гарохъ етытъ паѣли, патомъ етытъ Саламонъ кушїу сабѣ гарниць гароху и гаворить на ацца: „Ну, батюшка, ты атставайся дома, а я пайду!“ Тольба приходитъ тотъ день, у каторый гасударъ абищаѣся прїѣхать за тилпятами, тоі онъ узая съ сабою катялоѣ и пашоѣ па дароги, куда будить ѣхать гасударъ; іонъ вала етыѣ дароги завѣсиѣ катялоѣ и усешаѣ ѣ яго гароху и давай варить,—то и дѣла памѣшваитъ.

Ѣдить тѣю дарогую самъ гасударъ и спрашїить у яго:—Што ты ета дѣлаишь?—А іонъ гаворить: „Ваша благородїя, гарохъ варю!“—На што?—„Буду заѣтри сѣить.“—Што ты адурѣѣ? Іонъ жа ни ѣзїидеть!—А іонъ гаворить:—Ваша благородїя, намъ прислаѣ гасударъ варинья яйцы и вариньѣ гарохъ, то, вѣрна, тилпаты ня будутъ съ тыхъ яецѣ, а тотъ гарохъ, вѣрна, ни ѣзїидеть.“—Патомъ астанавїѣся тотъ гасударъ и думайть самъ сабѣ:—да я ни харашо свазаѣ!—патомъ и гаворить на кучира:—Заварачивай лашадей дамой! и паѣхаѣ.—Патомъ черизъ нѣскалька ѣрема паслыхаль пра Саламона ипать падобнѣя нѣватырѣя штуки: Стау іонъ на дяреѣни вайска призвать, стаѣ іонъ народъ абучать лѣ военный павинности. То гасударъ посылаитъ своихъ слугѣ или вяльможь:

—Паизжайтя: идѣ найдетья Саламона, то видитя яго ка мнѣ!.. Вотъ яны и паѣхали; ѣхали, ѣхали, падъвизжають близка къ дяреѣни, пасматрѣли на лугъ: тамъ мальчиѣи пасутъ лашадей. Яны падѣхали близка къ имъ, а протїѣ ихъ большая и шурокая лужа. Думали яны, думали, якъ тутъ лужу пиряѣхатъ: глубока ли ина, или нѣтъ?

Яны и гаворють: „дай спросимъ у етыхъ мальчиѣѣ: идѣбъ намъ пиряѣхатъ:—“Яны и спрашивають:—“А што, мальчиѣи, глу-

бока ета лужа? — А Саламонъ выбигаить къ имъ и гаворить: „Ина на ни глубока, ни мелка, а будить сто пакалѣнь!“ Утарапились яны и гаворють между сабою:— Да, сто пакалѣнь—ета глубина парядашная.— И варапились навадъ. А сто пакалѣнь ета глубина ня слишкомъ бальшая: какъ угонишь сто скатинъ, то каждый будить па ка-лѣни,— таеъ ба и имъ была.

Вотъ яны приңзають къ гусударю и гаворють:— Ваша вя-ликия ампиратарства, мы да той дяреѣни ни даѣхали.— „Па-чаму таеъ?“— А тамъ была лужа, сильна шурака и очинь глу-бака. Намъ сказаѣ мальчикъ, што будить тамъ сто пакалѣнь.— „Ахъ вы, дураки!“— гаворить на ихъ гасударь:— „Ета самый Саламонъ: вамъ нужна была его брат!“

Патомъ и приказаѣ ionъ имъ:— „Ну, паизжайтя жа вы ипать, вазьмня маю самую харошую карету; то вы, какъ бу-дятся ѣхать бала тыхъ мальчикъѣ, то сматритя, каторый изъ ихъ, даражѣи ацанить маю карету, таго и возьмня: то будить самый Саламонъ.“ Вотъ яны узали и ипать паѣхали; падъиз-жають ближи къ етымъ мальчикамъ и гаварють на ихъ:— А што, рабятки, ти хараша ета наша карета?— А яны гаворють:— Ахъ, мае вы дядинки, ваша карета дужа хараша!— Патомъ яны и гаворють:— „А што, дорага ина стоить?“ А Саламонъ па-дъигаить и гаворить:— Нѣтъ, ваша благародія: ваша ета карета ни дорыга, ни дешива, а какъ ни падъяси, то и за гарѣлюю скаринку атдаси!— Патомъ яны ипать дамой паѣхали.— Ну, што? гаварють:— Нихто дорага ни ацаніѣ!— Патомъ приѣзжають къ гасударю и гаворють:— Ваша ампиратарская вяличества! Адинъ толька сказаѣ:

— „Ни дорыга, ни дешива; а какъ ни падъяси, то и за га-рѣлюю скаринку атдаси.“ Гасударь и гаварить: „Ахъ, вы, ду-раки; ета самый ionъ быѣ, — нада було яго брат!“ Патомъ га-сударь и гаворить:— Ну, призавитя мнѣ яго атца кузница! Па-томъ сейчасъ къ кузнецу павѣстка:— „Штоба быѣ къ гасударю!“.. Иѣляитца етытъ кузнецъ къ царю. Вотъ царь и гаворить — „Ну, братъ кузнецъ, хароший ты мнѣ чилавѣкъ! послужи вты мнѣ службу: приказываю я таѣ, штоба ты мнѣ придаставиѣ свайго сына: мнѣ бы хатѣльсь съ имъ пра што нибудь пагава-пить.“— Кузнецъ приходит дамой и гаворить:— Ну, сынъ, га-сударь тябе што-та требовать.— А ionъ сичасъ пишить къ яму рисьмо:— „Ваша вяликия ампиратарства! Я ни магу къ вамъ па-

шой идить, а я буду къ вамъ на конницы; извольте пригатовать мнѣ лошадей станки, штоба была ў адномъ бряѹни сто станкоѹ. — Государь думаѹ, думаѹ, пашоѹ къ своимъ синаторамъ, какъ тутъ примудритца, штоба ў адномъ бряѹнѣ сдѣлать сто станкоѹ: синаторы ни магли етыга дѣла расклапатать. Такъ и аставили; сдѣлали сто станкоѹ для лошадей. А іонъ што сдѣлаѹ? Сбраѹ сто мальчыкыѹ и даѹ имъ уснѣмъ на кіѣчку; каждый мальчыкъ сѣѹ на кіѣкъ и паѣхали къ царю съ Саламонимъ. Тутъ етимъ лошадямъ ни бальшея и станки нада: убіѹ-ба ў адно бряѹно сто количкыѹ и анѣ бы пумаетилпсь. Вотъ іонъ прінзжантъ къ государю съ свей конницей. Государь удивіѹся такой примудрысти. Патомъ царь пашоѹ у садъ прагулятца са сванимъ сынимъ, каторый быѹ узять у кузница, а Саламонъ тожа у слѣдъ за ими. Патомъ шили яны, шили, даходють да сирядины сада; государь и гаворить на свайго сына: „А штоба ў етымъ саду можнѣ сдѣлать?“ А іонъ, канешня, какъ мужнѣъ, хамъ, звантъ толька саху да барану; а садъ тотъ стоилъ, можить бытъ, нѣскалька тысячъ или милліоноѹ, то іонъ и гаворить: „А калі бѣ яго вырубить, то была ба такая мѣста хлѣбапахатныя!“ Тады царь гаворить Саламону: „Нужа, разсуди, што мнѣ ў етымъ саду сдѣлать?“ Вотъ Саламонъ и гаворить: „Ахъ, ваша ампиратарская высочпства! Здѣсь мишантъ толька одно дерева, а то ба можна сдѣлать такую харошую баттарею, а мѣста мнѣ нравится, — ни знаю якъ вамъ! Ежли бѣ вашу яблынь срубить, то была ба харошая батарея и мѣста харашо!“ Патомъ государь узяѹ и прагнаѹ свайго сына изъ дому. „Вонъ!.. Какъ ты могъ такъ сказать, штоба такой харошій садъ вырубить на пахатную землю, каторый мнѣ стоить милліѣны, а вотъ Саламонъ сказаѹ очинъ харашо: ета яго дѣйствитильныя праѹда!..“ Патомъ іонъ яго выгнуѹ изъ свайго царскыга дварца вонъ, а съ Саламонимъ стаѹ жить, какъ са сванимъ роднымъ сынимъ. Патомъ іонъ Саламону атдаѹ усю сваю давѣрїю. Нѣскалька ўремя яны прожили, патомъ Саламонъ удаліѹся къ сванимъ вайскамъ упрѹдять тамъ сваними назначинными дилами. Патомъ и пупались къ яму плотники или ахотники: Ананій, Азарій и Мисаилъ. Вотъ яны и давай заниматца разными пастройками. Строили яны па гарадамъ и пу пачотнымъ силамъ, патомъ яны какъ-то и пупали ў адъ; тамъ ихъ и затварили“. Ну вотъ када я прапаѹ, и са мною три брата: Ананія, Азарія и Мисаилъ! гаворить Саламонъ. Патомъ приходють черти и да-

вай бала ихъ ужъ пахарашиватца и гаворють: Ну, таперь нашъ Саламонъ Примудрый: какъ ня быѹ мудирь, да пунаѹся къ намъ ѹ адѹ!.. Вотъ іонъ и гаворить: „Ну, братцы, што мы таперь будимъ дѣлать?“ Ну, какъ Саламонъ сильна мудирь, то іонъ и гаворить: „давайти-ка мы тутъ выстрапмъ саборъ!“ И давай ужъ размирать тамъ аршинымъ: „Во тутъ будить саборъ, а во тутъ будить пристоль“. И давай яны разсужать ѹ ади, и гаворить Саламонъ на Ананію: „Ты будь каваль; а ты, Азарія, будь сталяръ, а ты Мисаилъ, будь плотникъ! А я буду вашъ рядчикъ!“ Патомъ выстраили яны тамъ кузю и давай кувать, а Мисаилъ давай размирать аршинамъ, идѣ што нада строить. Вотъ ети черти сматрѣли, сматрѣли. и гаворють: Ну, што мы будимъ дѣлать? Яны насъ и атеюда выганюгъ! Пайдемъ жалитца свайму старшиму!.. И пашли; а Саламонъ съ Ананією давай кувать тоѹстый ланцугъ. Патомъ, скуваѹши етѹй ланцугъ, ѹбили калцо сиряди кузни у столъ и едѣлали яны двѣ брызготачки на етымъ калцы. Патомъ идетъ самый старшій чортъ, такой сивый и такой страшный, што и глядѣть нильзя; вотъ іонъ падходить къ имъ и гаворить на ихъ: Што вы тутъ дѣлаитя, ега ни ваша мѣста! А яны гаворють: Падайди-ка къ намъ! Чортъ падайшоѹ. Яны и гаворють на яго: „На-ка, пашавали етымъ калечками!“ Іонъ и давай за еты калечки брызжетъ, а яны цапъ яго етымъ ланцугомъ и давай кувать: „Куѹй, рибяты!“ крибнуѹ Саламонъ. Такъ яны узали яго и закували, и таперь іонъ сидитъ закованый и ѹсѣ грызетъ етѹй ланцугъ. Какъ приходитъ празникъ Христоѹ день, то астаецца яму грызъ нямнога: чуть-чуть какъ ни пиригрызетъ; но какъ и скажутъ на Христоѹ день у церевѹ:—„Христось Васкреси! „То етѹтъ ланцугъ астаецца ипать на сваѣмъ мѣсти: усе раѹно, што грызетъ, што и ни грызетъ. Такъ яны и вышли изъ ада: Саламонъ, Ананія, Азарія и Мисаилъ; пришли у свае царства, стали яны па прежниму жить и заниматца свайми дилами, а гасударъ стаѹ имъ радъ, какъ сваймъ дитямъ. — Какъ пожили яны нямнога, и стала имъ заниматца нечимъ: вайска ихъ стала испраѹна. Патомъ Саламонъ и гаворить на свайхъ братіѹ: Ананію, Азарію и Мисаила;—Што я хачу едѣлать? пайду и пувидаюся са сваѣю родныю матирью!—(А ина жила съ нявѣрнымъ царемъ у чуждѣй зямли). Яны и гаворють:— Да, ега бы було ня дурна! — Толька мы знаимъ, што табѣ аттуда живому ни

зваратитца.—А іонъ и гаворить.—Можить быть, я аттуда живой ни зварачусь; а можить быть яны живезя ни атстанутца!—И приказаў, штоба яго вайска стыяла на каравули строга и диржали цѣпъ вѣрна.—„А я съ сабою никакихъ припасу на буду брать,—только вазьму адинъ разокъ, бизъ каторыга я ни магу п аднаго часу быть“. И гаворить: „Сматрится жь: какъ я первый разъ пратрублю, то вы сабирайтися ў паходъ; другой разъ пратрублю, садитись на коній; третій разъ пратрублю, лятитя на каняхъ безатмѣнна, каситя на дароги ўсякую травинку, штоба нашъ пакосъ быў чистъ и штобы были ка мнѣ!“ Приказаўши ета, іонъ паѣхаў у чужоя царства, идѣ жиў нявѣрный царь са яго матушкаю родныю.—Черизъ нѣскалька ўремя приѣхаў іонъ туда: нявѣрныга царя дома нѣту, а застаў іонъ сваю мать и ящо нявѣрныга царя мать (ужу старпньюую). Вотъ іонъ, якъ приѣхаў у дварець, такъ, никаму ни слова ни гаворя, пашоў прямиа у комнату. Приходитъ іонъ у комнату и гаворить:—Зрастуй, драгацѣнная матушка! я ужу даўно сабираюсь къ вамъ у гости приѣхать!—Ина и гаворить:—Миласти просимъ, мой любимый сыночкь!... Патомъ и спрашійть: — „А гдѣ жа вашъ супругъ, ябы хатѣ зъ имъ павидатца?“ А ина гаворить:—Да паѣхаў куда-та у сваю вармію.—Патомъ ина и гаворить:—„А мой ты сыночкь, якъ приѣдитъ мой нявѣрный царь, іонъ тябе и зарубить“. Только ина ета сказала, а іонъ стуеъ и приѣхаў. Ина и гаворить:—А Божа мой, куда мнѣ тябе дѣтъ?—Атварила ина большой сундуеъ и гаворить:—Пализаў у сундуеъ!—Патомъ етытъ нявѣрный царь уходитъ у комнату. Вотъ ина и спрашійть:—А што ты, ѣздиль па разнымъ старанамъ ни слыхаль ли ты пра Саламона?—А іонъ гаворить:—Да, ахъ, какой воинъ и багатырь, а какаа у яго примудрысть!... А ина гаворить: „Да какой ни багатырь, какой ня вумный, а таперь падъ бабскую ж... ю садить“. Какъ такъ? Можна жь таму быть: тавому вумнаму и папасть падъ бабскую ж...у?... А ина гаворить:—такъ вотъ іонъ падамною, у сундуки садить!“—Пакажи! Вотъ іонъ пасмотрить: — правда! Сичасъ тутъ яго закували ў зялѣза и ни дають яму ни пить, ни ѣсть. День яго прадиержали и другой, а на третій день день яго вядуть на вислицу. Абступили яго вайска нявѣрныга царя, самъ царь идеть, мать яго идеть, и мать нявѣрныга царя идеть. Вотъ іонъ пириварнуўся, узлянуў и гаворить на ету старушку: „пускай пяреднія

катки конь вязеть, а заднія чаво чортъ нясетъ?“ А ина и гаворить на яго: „Ну, ступай, ужю, ступай, када пунаўся ў наши руки!“ Патомъ падводють яго къ висилицы, а тамъ питля ужю сдѣлана; іонъ и гаворить: „Пазвольтя, гаспада, што я вамъ буду гаворить! вы мнѣ дѣлайтя яшо двѣ пятли, а то я на аднэй ни пависну, Вотъ етытъ нявѣрныи царь приказаў яшо сдѣлать двѣ пятли: патомъ и гаворить:—Ну, давольна съ тебе будить.

— Да, давольна!—гаворить Саламонъ.—Ну, таперъ палі- зай!—Вотъ іонъ палѣзь. стаў на первую пятлю и гаварить;—Дайтя мнѣ, рибаты, у трубачку патрубить, атца зъ матирью пумянуть: вотъ мая жисть канчаитца!—Вотъ іонъ первый разъ пратрубіў—усё войска сбрайтца; патомъ стаў на другую пятлю и гаворить:—Пазвольтя, гаспада, другой разъ патрубить, атца съ матушкую пумянуть: мая тутъ жисть канчаитца!—Во паку- да была слава Саламонова!.. Вотъ іонъ другой разъ пратрубіў,—уси вайска яго на коній пасѣли, уси гатовы. Патомъ улѣзь іонъ у третію пятлю и гаварить:—„Пазвольтя мнѣ, гаспада, у третій разъ пратрубить, атца зъ матушкую пумянуть: тутъ мая жисть канчаитца!.. Пратрубіў іонъ у третій разъ, какъ наля- тѣли яго войска, какъ начали паласкать, а іонъ ета ўсе ви- дить. Патомъ и гаворить:—„Ахъ, нявѣрныи, ты, царь, дуракъ, какъ ты многа сѣишь пшаницы, а убирать некаму,—лянисься!.. Пасматри ка назадъ, какъ мае голуби пшаницу падбирають, такъ. што аднаго и зернушка ни брасають!“—Пасмотрить етытъ ня- вѣрныи царь: только самъ, и яго матъ, и яго любоўница, а то усѣ пабиты и пакошны, у кучи пасложины. Вотъ іонъ сли- заптъ съ пятель, патомъ у адну пятлю залажѣў сваю матушку, а ў другую нявѣрныга царя, а ў третію нявѣрныга царя ма- тушку, матушку старуху и гаварить старухѣ:—„О табѣ гаварѣў: пускай пярэднія катки конь вязеть,—да зачѣмъ чортъ заднія нясетъ?—Вотъ и табѣ асталась адна питля!“—И ету павѣсіў. Патомъ самъ и паѣхаў у сваё царства, стаў жить да паживать, какъ и ў пяредъ жѣў. Сколька не была у яго ўрагоў, усихъ іонъ пярэжѣў и матъ сваю павѣсіў; за то іонъ и проклятъ стаў: праўда гаворитца: пакорную галаву и мечъ ни бярець.

№ 33.

Купецъ увозить прачку на караблѣ. Яе мужъ и сыны шукали яе, да разблудились па разнымъ вавтравамъ.

Па случаю прачка съ купцомъ и ралня яе сходятна умѣсти, купца къ разстрѣлу приеудили.

Съ заграницы купецъ прѣѣзжаетъ къ портавому горыду, па-сылаеть прикащика свайго атыскать харошую прачку бѣльлѣ пирямыть.

Прикащикъ пашолъ у горыдъ; показали яму харошую прачку. Онъ спугался той прачки: думаль, што ета барыня бакая или асоба: красавица изъ сябе. Приходить апятъ назадъ къ купцу и гаворить: „када мине пасмѣялись вѣрна: паказали мнѣ прачку, — якъ пришлоъ пасматрѣть на няѣ, ета ни прачка—ета какая ни на есть асоба разадѣтая“.—И гаварить хазяинъ прикащику: „ты дуракъ, атчаво ты ей ни сказалъ ета?—Харошая прачка!“

Пашолъ втарой разъ за ней и гаворить, припомши, ей:— Просить купецъ притить въ карабъ, забрать грязныя бѣльлѣ, пирямыть и павыгладить.—Прачка идѣтъ немедленна у караблѣ. Купецъ на яе красату и умъ улюбился въ няе, ана забрала все грязныя бѣльлѣ, панесла дамой, пиримыла, перигладила и пасылаить свайво мужа: „пади въ карабъ, скажи купцу, што бѣльлѣ гатова! Вотъ сколько денихъ заработала—пришлитя прикащикомъ, бѣльлѣ получитя!“

Отъ и гаворить мужу яе купецъ: „штоба принисла ў карабъ сама прачка!“ А када принесла ў карабъ, такъ началъ пирисматривать бѣльлѣ, а рабочимъ приказаль, штоба атправить карабъ у путь.—Расчиталась прачка за бѣльлѣ и гаворить:— благадарю, пращай!—Онъ ей атвичаетъ, купецъ:—Куда жъ таперича, што мы ужъ далеко очень у пути.—А што жъ мнѣ таперъ дѣлать?

— „А таперича будишь мяя, а я буду твой!“

Ина атвѣчаетъ:—какъ жа мнѣ быть: у мяне астался мужъ и пара сынавей?

— „А таперича не бросисья у моря, — будишь жить са мною!“ Приходить мужъ прачкимъ спрасить у свайхъ мальчишнѣхъ:—а гдѣ жъ мать?—„Панесла у карабъ бѣльлѣ.“ Онъ пашолъ на пристынь, пасматрѣть: ужъ карабля нѣту, ужъ тамъ

и слѣдъ прастыль, и жану увѣзь купецъ. Тагда онъ абратился апять въ горыдъ, наняль лѣгкую шлюпку, забраль сваихъ сынавей и тпавился вслѣдъ за караблѣмъ, штоба нагнать сваю жану. Аткуда ўзилася свирѣпая буря, волны, и разбили ево шлюпку и разблудилися на три острова: атець на адинъ острѣу, и еты па разнымъ астравамъ.

Въ скорымъ времени ихъ нашли на астровахъ.

Прачкинъ мужъ думаль, што сыновья ево пазалились, а сыновья думаютъ, што онъ залился, и найдены аны по разнымъ мѣстахъ.

Атець жа предѣлился въ царскимъ дварцы въ малую должность; сынавей знапомши, атдали ихъ въ салдаты, и ане друхъ друга ни знаютъ; всѣ атчаиваютъ, думаютъ адинъ пра другова, што тотъ залился, и тотъ залился,—и ане всѣ живы.

Черезъ нѣскалька время прѣвжаитъ етытъ жа купецъ къ етому горыду и съ жаною и съ прачкою.

Жѣна жъ яво пашла па горыду и атчала: думала, што нѣтъ ни сыноу, нѣтъ ни мужа.

Самшлись два салдаты и начали межда сабою разгаваривать, а прачка у близи стыяла и паслышила. Салдаты гаварять: „здраслуй, зимлякъ! вакова, зимлякъ, горыда?“—Я тавова-то горыда.—„Атца жъ твайво чѣмъ звали?“—Вотъ тѣмъ-та.—„А мать“.—„А мать вотъ тѣмъ звали.“—„Ахъ братиць, и майво атца тѣмъ звали и мать—мы съ табою братья!“

—А идѣ жъ нашъ атець?—„А, вѣрна, залился!“ А мать, ета паслыша разговоръ, ублизи стыямши, и пришла къ нимъ, начала ихъ цалувать: „Ахъ, вы, мае сыночки, а гдѣ жъ ваши атець, а мой мужъ?“ Мы тада паѣхали въ легкый шлюпкѣ въдагонъ за вами.—Купцу дали знать въ карабль, што твья купчиха цалуйтца, съ салдатами абнимайтца.

Купецъ, каеъ прибѣжалъ, таеъ яе въ уха удариль: „непатребная ты женщына, смѣла ты съ салдатами цлуватца и абниматца?“ Сейчасъ яе приказаль посадить и присудиль яе къ разстрѣлу.

Толька и гаварять начальства:—Приказана тибѣ разстрелить.—Ана и гаварить:—„дапуститя мяне до царя!—ня то, што разстрѣлять,—тагда хучъ пу кувалку маѣ тѣла парубить!“ Дайшло ета дѣла да самаво царя, патребоваль на лицо. Ана рассказала, што я невинна етому, штобъ я чужихъ салдаты

палувала: а ета май сынавьѣ, а етытъ кунецъ не мой мужъ: онъ мине увѣзъ ничаянна—абманымъ,—мой мужъ вотъ такой-та.

Патребоваль кунца и атыскаль яё мужа (онъ былъ при дварцы), и началъ спрашивать у кунца: „ета твѣя жина?

— Мья.—Ана-шь атыскала яе сынавей, каторыи въ салдаты атдадины.—Ета ти твае сынывьѣ?—Нѣтъ.—„Дакъ, какжа ета яе сынывьѣ, а твае ни сынывьѣ?“ Значить, пы времени, патребоваль прачвинава мужа п спрашиваетъ: „твае ета сынавьѣ?“—Май, такова-то горыда.—Какъ увѣзъ кунецъ жану, мы поплыли велѣдъ за нею, и свирѣная буря разбрасала насъ; мы не вѣрили адинъ аднаму, атчаивали, што мы пазаливши.

Патребоваль онъ ету прачку, спрасилъ:—твой ли ета мужъ?—„мой, сынавьѣ май“.

Тада на етыга кунца гаварить:—Што жъ ты ета сдѣлалъ, што ты разбилъ семейства беззаонна? Какъ ты судить къ разстрѣлу называющую сваю жаную, но ана ни нашлась твая жана, дакъ вотъ къ етому присутствію самъ долженъ пулучить етытъ судъ.

№ 34.

Абъ Андреи Критскимъ.

Купецкій сынъ пущинъ бабьку у карзинки на рякъ, приплылъ къ женскому монастырю, воспитанъ монашками, уйшоуши аттоль, забіу, на матки жаніѣся.

Матка узнала яго на шраму—развяли ихъ законымъ.

Жилъ кунецъ са сваей жаной. Купчиха забреминила и мучилась родами и здѣлала ина абищанія: када Бохъ распрастаетъ яе, родить ина—тады етыва рабенка, штоба йстратить.

Радила купчиха и приказала бабки, штобы рабенка зарѣзати, у карзинку палажить и пустить на ряку, а бабка яво пажалѣла, палажила на няво табличку съ надписью: „съ таковой та города пущинъ на рякъ младенецъ“.

Младенецъ на востривъ приплылъ. На востривѣ былъ монастырь даячій.

Монашки, мѣмши бяльѣ, и паймали маладенца; узали, начали васпитывать; васпитали да симнацѣти лѣтъ; у монастырь атеркылся блудъ.

Яво съ монастыря прагнали. Іонъ пашолъ у етытъ самѣй

горыдѣ, изъ которава былъ пушинъ маладенцымъ ны рякѣ. Приходить къ самому свайму атцу.

Атець яво ни знаить, што іонъ яму сынъ, наймаить яво балаурить саду и даль яму ружждо:— „Вотъ табѣ ружждо“.

Итдаль приказъ:

— „Два разъ спраси, хто такей у маймъ сади, а ў третій разъ, када іонъ ни твѣтитъ, валай зъ ружжа на мой атвѣтъ“.

Іонъ и пайшоль, взявши ружждо, и балаурилъ саду нѣскальки начей, и захатѣлъ купецъ палюбапытствывать, яго сторыжъ ти вѣрна стирягетъ садъ, и пайшоль купецъ у садъ.

Работникъ кричить адинъ разъ: „хто такей?“

Іонъ другой разъ кричить: „Хто такей?“

Іонъ ни твѣтилъ ничаво; работникъ хазяина зъ ружья и забилъ. Такъ конецъ яму.

Застаетца работникъ жить у етымъ доми и съ приглашенія ближнихъ сусѣдїу, штоба етыва самыва работника принять у зити.

Жанились.

У снѣ, када іонъ былъ раздѣмши, жонка сощупала шарамъ на шѣи (а ета бабка ужъ ризанула яго троху, а потѣмъ адумалась).

Спрашїть: „Аткуда етытъ прамъ?“

— А ета я ни знаю, а тольки я былъ у такимъ манастири, у карзинки; мене тамъ васпитали, а послѣ аткрылась неприятность у манастири. Такъ мне аттеда прагнали,— и вотъ вамъ доказательства: и табличку нашли са мною.

— „Пакажи жъ ты мнѣ ету табличку.“

Іонъ показалъ. Пасматрїть купчиха, и дагодалась.

Развали ихъ тада законымъ.

№ 35.

Ибъ Андреи Привазваннымъ.

Мать младеннымъ яго, у бочку засадѣвши, на моря пустила, патаму іонъ нца ва чреви матери абъявиу: атца забью, на маткѣ жанюсь. Изъ бочки самъ Гаспотъ яго спасъ и васпиталъ сваймъ духымъ. Атца на случаю забїу, на матери жанїуся. Стариннїй папокъ запираить яго у манастирь ли пакуты, ключъ у моря кїдаить. Трицать лѣтъ апасля вымають ключъ изъ нутра рыбы, атпираютъ Андрея—іонъ жиу. Разымъ са стариннымъ папкомъ приретавиуся.

Была жэнщина бременная на дняхъ.

Рабѣнныкъ у чреви яе прарячїу за троя сутыкъ, какъ яво радить: „Батьку убью, матку за сябе замужъ вазьму!“ Ина

ета ужаснулась:— Чимъ-ся ты мяне будишь бить — мяне някто ня ўвидить, какъ я тебе паражу, ды на синее моря зясу!..

Якъ парадила, у бѣлую пилѣнку увяртѣла саўсімъ, приходить къ морю: бочка стайтъ; ина и палажила яво у бочку; бочка пѣплыла съ нимъ у чужей край, у чужея земли.

Какъ пріѣхаў іонъ къ беригу, стаў іонъ маладецъ большой (самъ Гаспотъ питаў яво своимъ духымъ и гадуваў и карміў).

Стали яво спрашивать у чужихъ зимляхъ, якъ твае йминня, чимъ радитиліў тваихъ завутъ.

Якъ іонъ йминня свайго ня мохъ назватъ, то акрѣстили яго закономъ.

Многа ли мала пражіў, саскучіўся на чужей старонки — нашоў исгать сваго рода-племини.

Приходить снова къ морю, сѣў на судно и паѣхаў; призжайтъ у сваю землю, пріѣхыў, аявиўся, Бохъ знаеть якей и атеуля, приставили яго старечъ къ лугамъ, къ зямли. Тутатьба данясли барину (а у етыга барина такей пріугромный садъ). Іонъ призываетъ яго къ сабѣ. Мужички яму данясли, што игдѣ бъ іонъ ни хадиль, у нево нѣтъ пабою ни якыхъ лугоў, хлѣба, а іонъ можить вамъ садъ сберечъ. Призываетъ яго къ сибѣ: „какъ ваша имя, атечества?“— Я Андрей Привозванный.— „Ну Андрей Привозванный, наймѣтисъ вы у мяне саду бяречъ?“— Са ўсѣмъ удавольствомъ, баринъ.— „Сбирягѣте жъ вы мнѣ яго?“— Атчаво жъ? На то я станавлюсь, штоба сбяречъ. „Дамъ тебѣ ружѣ двухъ-стольныя; хто только на яблынь ету дарагую узыйдетъ, то и бей! Разъ спраси, хто такой, и другой разъ спраси, хто такой; если жъ іонъ табѣ не скажетца, то за третимъ разымъ бей, хто ба только ня быў!“ За третьимъ разымъ бахъ и забіў яго; Іонъ и звалиўся съ яблынкп: забиль. Ну, назаўтрига абъявиў, што забіў челаўѣка, — а матеръ яво жила у етыхъ гасподѣ. Гаспада имянистыя, а матеръ хараша, и у етыга барина живеть, а батьку схували.

„Звнчать съ естыю женщиною етыга парня!“ Звнчали, лягли на лажницу,—такъ ина сійчасъ шупъ, шупъ (а какъ палажили яго ў бокау, са ўсею хутрыю, ни бабленага)—ина яго шупъ, шупъ, зашупала: „Ахъ, душичка, што у тябе ета такая на живатѣ?“ А іонъ и гаворить: „какъ мать мяне парадила, такъ и снесла на мыря ни бабленыга и ни абмыван-

ныга“. Такъ ина тады уздумала: „А я яго мать, а ты мой сынъ!...“ Съ лажницы далю—далъ Богъ свѣтъ—за священникомъ! якую пакуту накидывать. Священникъ пришоў, ня мохъ распалажить: ни накинуў имъ пакуту ни якую, яны за другимъ священникомъ, и тэй ня мохъ яму ни якей пакуты накинуть. А быў старенькій папокъ, іонъ ужу атъ службы далю: и старъ, пристаръ;—такъ іонъ гаворить: „я желяю етыга священника: тэй мнѣ пакуту якую наложить.“ Атыскали таго священника, старенькага батюшку: „я такъ и такъ сагрятіу. Якую вы мнѣ пакуту накинитя?“—Матери тваей хадить па намыстыряхъ Богу малитца, пакуда яе Бохъ прибяреть, а васъ—іость падъ саборымъ каплица... Такъ іонъ яго узяў, да ў каплицу тую павѣў, паставіў яму столикъ, образъ, свячу бальшую, палажіў яму книгу, запечатываль яго Богу малитца на тридцать лѣтъ. Тады шоль кала ряки и укинулъ у ряку ключики, што печатываль тую каплицу.—Іонъ тамъ Богу малитца, а батюшка жиў, и дужа ужу батюшка старъ. Выходять годы яму тридцать лѣтъ. Тэй батюшка стаў слабъ, и захатѣлась яму рыбы при жиўности, штоба рыбы мнѣ наловили сичасъ рыбаловы. Пашли, паймали бальшую щуку. Сичасъ ету патрашить щуку; сичасъ патрашили яе, нашли ключики, што укинуў у рѣку батюшка. Такъ онъ тады батюшка уздумаў: „ахъ, ў мене страдникъ нѣкій страдаѣтъ,—Богу молитца“. Такъ іонъ сейчасъ: „вядитя мене къ кельни, къ каплицы тэй!“ Сейчасъ пували яго. Какъ атпечатываў тую каплицу, слова якъ тады: и свѣча гарить, и книга ляжить, и іонъ Богу молитца.—„Ахъ, Андрей Привазванный, ти ни прадоўжиў я время?“ А іонъ гаворить: „нѣ, батюшка. Сколька вы на мене налажили пакуты, столька я и пакутываў: маліўся Богу.“ Аны зъ имъ распростились. Андрей и батюшка такъ яны и переставились. Андрей переставился у тэй кельны, тамъ яго мощи ў залатымъ гроби, и matka переставилась.

Ета скоро намъ сказать, а тридцать лѣтъ не пальцымъ прикивать.

№ 36.

О купчихѣ, пустившей по обѣщанію сына своего на воду.

Купчиха пу обещанію пустила свайго сына на воду у ящички. Дякынъ знайшоў яго, васпитаў са сваймъ сынымъ. Ушоў

аць дьякына п па случаю жаніўся съ маткью; дѣла аткрылась; и уйшоў іонъ у манастырѣ, тамъ быў запертъ, паваль ключъ аць кельни, укинутый у моря, изъ рыбы вынули. Здѣлали яго патрiархымъ. Пувидаўся зъ маткью — и вабоя жить разымъ кончили.

Была у адномъ горади: купчиха трудилась радами цѣльную снадѣлю. Здѣлала абищанiя прирідъ Богымъ: — „Распластай мене! Госпыди: етыва рабенка акряшу и пуцу на ваду у ящикъ и палажу яму дди примѣты табличку съ подписью.“

Радила купчиха. Абмыли, прикрестили рабенка, палажили у ящикъ, а съ нимъ и табличку съ подписью и пустили на вазморьи, іонъ и паплыў.

Влизъ моря была сяло; у тѣмъ сядѣ быў дьяканъ ахотникъ рыбу лавить и паймаў младенца въ ящигу на вазморьи и узяў етыва маладенца. Узрадуваўся: — „Слава Богу! у мене дятей нѣту—мнѣ Бохъ паслаў!“

Начаў питать. У скорымъ времени и дьяканица радила, и у яво ужъ здѣлалась пара мальчыкыў, и іонъ васпитываў обихъ—усе раўно, якъ свaixъ дятей;—росъ собственный дитѣныкъ, съ найдиннымъ.

Павырысли да десяти лѣтъ. Начаў атець обихъ грамати учить. Обихъ граматы панаўчиў, только знайденышъ етый байчѣя читаить и пишить, а сынъ яво пахужій.

И назваў яво сынъ етыва знайдѣна: — „выблюдкыкъ ты!“

Іонъ, ипомши са школы, сказаў ета, а ужъ яны панаўчилися парядашна. Найдѣнь, припомши дамой, и расплакаўся.

— „Батюшка, за што іонъ мене называить выблюдкымъ!“

Іонъ, кажитца, мнѣ братъ—я такъ палагаю.“

Дьякынъ атвичаить:—„Усѣ равно: я считаю тебе за сына пу васпитанiю: я тебе нашоў на вазморьи у ящигу малинькыва и васпитываў.“

Абидіўся на атца дьякына, што іонъ знайдѣнь — стаў праситца у дьякана:—„Батюшка атець-дьякынъ, благаслави мене и атпусти мене: а то мнѣ совѣсна ета слышитъ, што мене сынокъ вашъ радный называить выблюдкымъ.“

Онъ яво благаславіў и наградиў, чѣмъ мохъ, и атпустиў: „Пращай, мой сынъ! хучъ ты и знайдѣнь, но я тебе жалѣю; идѣ ня будишь, паломни аба мнѣ.“

Онъ гаварить, знайдѣнь, атцу—дьякану: „Хушь ты мене и

ни радіў и нашоў мине на вазморы малинькава и васни таль—я вась да вѣку никада ни забуду; благодарю вась—и прашайтя!“

И пашоў путемь-дарогый и прима пришоў у тотъ горыдъ, съ каторыва пущень у ящичу, у етымъ жа горыди нашоў сибѣ должнысть у купца, наніўся у прикащики тыргувать у лаўки, и етыва ни знаить купецъ, што ета къ яму пришоў сынъ, а сынъ ни знаить, што етытъ купецъ, каторый нанялъ ево у прикащики, яво атець. Нѣскальки пражіў, тыргуваў у лаўки.

Купецъ пажимши помиръ. Пришомши сасѣди купчихи купцы гаворють:— „Тибѣ такъ, купчиха, ни пражить вѣкъ, а етытъ, каторый у вась прикащикъ, хушъ іонъ и млажи вась, да чевѣкъ вумный.“

Пу приглашенію купчества, приняла купчиха къ сибѣ у зятя. Ажанидись. Нѣскалька время іонъ имѣў сибѣ асобенную комнату, и спальня тамъ была у яво, и іонъ жиў съ жаною, можить, палмѣсица и къ жанѣ ни ютіўся.

Какъ придѣтъ исъ лаўки, павужинаить, и тады у въ асобенную комнату и читатъ книжку бажественную или исторіи какіи.

Купчиха за етымъ слѣдывала, пачаму онъ такъ, маладой мужъ, и ня ютитца ка мнѣ—асобинна спить. Купчиха пришла у комнату, схватила яво за шыю: онъ атъ няе атарваўся, и захватила ана—у маладова мужа табличка была на шыи, табличка съ подписью. Онъ атъ няе ушоў, а табличка атсталася у купчихи въ рукахъ. И тада іонъ ходу, ни паказаўся купчихи на глаза и пашоў путемь-дарогый. Пасматрѣла ета купчиха каторыю съ шыи сарвала табличку съ подписью, пасматрить: та табличка самая, якую инна на сына палажила дый приказала пустить въ ящикъ на вазморье.

И тада купчиха ужаснуласъ и адумаласъ: „Што такая ета значить, што я съ сваймъ сынымъ пиривинчалася?“

И начала хадить малитца къ священникамъ, къ святымъ мащамъ, къ митрысалитамъ, раскаиваласъ, а іонъ жа яе мужъ (а іонъ находитца ей сынъ) абратіўся съ етыва горыда и пашоў у тотъ горыдъ, идѣ іонъ знайденъ и къ таму дьякану, каторый яво паймаў на вазморы и успитаў и научіў.

Пришоў къ дьякану и сказаў: „Батюшка, ни знаитя ль на мыри острыва такова?“

Іонъ и сказаў:—знаю.

— „Атвези мне на лотки на той острѣ!“

Іонъ яво павёз на тотъ острѣ, привезъ іонъ, на острыви астанавіўся и начаў сибѣ строить кельню.

Выстрѣў, атцу сказалъ: „тиривъ столько урема призжай ка мѣ на острѣ и замокъ привязи“.

Дьякынъ паѣхаў къ яму и замокъ звёзъ и замкнуў ево кельню; тада онъ яму сказаў: „Батюшка, забрось-жа и ключъ у моря!“

И стаў іонъ тамъ малитца Богу, маліўся тридцать лѣтъ.

У старымъ Русалими патріархъ жистъ кончіў.

И тамъ, у Русалими, іостъ знающій народъ, съ чувствіемъ: па ланкарту узнали, што іостъ у етѣй старанѣ, іостъ угодный, дастойный члавѣкъ, и можить іонъ паступить въ Русалимъ у патріархи. И када пашли изъ Русалима съ святыми у ету старану и пришли у етытъ горыдъ, агдѣ дьякынъ затворіў знайдѣна, и спрашіють: „Не слыхали ли: іостъ пустынный — спацитца здѣсь?“

Гаворять житили: „Ни знаимъ мы: живемъ паблїжя, а ни знаимъ. У атца дьякона извольта спрасить!“

У дьякона спрашіють: „Ни знаитя ли атець-дьякынъ такова члавѣка?“

Таперъ только дьякынъ и ўспомніў абъ ёмъ, што замкнуў яво, а ключъ у моря бросіў. И паѣхыль дьякынъ на возморья ловить рыбу и паймаў рыбину парядышную, привезъ дамой; дьякыница начала четить и нашла у етѣй рыби ключъ; гаварить дьякыну: „Я ключъ нашла у рыби“.

Тада дьякынъ успомніў, што іонъ яво атвазіў на острѣ и наказаў етымъ людѣмъ, што изъ Русалиму пришли за имъ. И тправилися на етытъ вострѣ са службою, и іонъ зъ ими пашоў и тправиўся въ Русалимъ.

Въ Русалимъ пришоў, паступіў патріархымъ на мѣста, нѣскалька служіў, а мать яво усигда малилася Богу, хадила ка ўсѣмъ угодникамъ—и только никто ня мохъ етытъ грѣхъ расудить.

Мать и думыть: „Таперича пайду у монастырь къ патріарху, када тотъ мяне расудить, мой грѣхъ“.

Атправилась у Русалимъ, приходитъ у Русалимъ, за нѣскальки гадоу пришла спавѣдыватци къ патріярху.

— Свѣтлыя ваша просвѣщенія, разсудитя вы мнѣ етытъ грѣхъ! Мучилыся я радами и здѣлала абищанія, штоба рабенка етыва пустить ва воду. Етыва рабенка приказала акрестить и табличку на яво палажить съ подпшью и на ваду пустить. Тирязь нѣскольки урема, тиризь двацять лѣтъ, пивіўся ка мнѣ члавѣкъ маладой и былъ у прикащикахъ у майво мужа.

Мужъ мой помирь.

Пригласили сасѣди—купечества, штоба мнѣ прикащика принять къ сабѣ у зити. Такъ и сполнилась. И вада іонъ жиў пиривинчамши са мною у асобенный комнаты, маладой мой мужъ ка мнѣ ни ютіўся нѣскальки урема. Я пашла къ яму, узила яго за шію—и табличка, каторую я клала, засталася у рукахъ маихъ, раздумала: іонъ сынъ мнѣ радной.

Тада патріярхъ разслушаў и узяў за шію: „Ты мая мать, а я твой сынъ“.

Абнялись, ударились абъ зимлю и жисть коньчили.

№ 37.

У кожныга члавѣка три матери.

У каждаго чловѣка три матери: мать родна и двѣ великихъ матери: мать—сыра земля и Мать Богородица,

Дьяволь „змустилъ“ одного чловѣка: чловѣкъ тотъ убилъ отца, а на матери женился.

Съ тѣхъ поръ и началъ чловѣкъ ругаться, упоминая въ брани имя матери, съ тѣхъ поръ пошла по землѣ эта распута.

№ 38.

Происхожденіе кукушки.

(Село Хохлово Смоленскаго уѣзда).

Отчего кукушка жалобно кричитъ: Каптуръ, Каптуръ! Козни лютыхъ братьевъ противъ брата; скорбь вдовы.

Жилъ нѣкто Каптуръ съ своими младшими братьями.

Женившись, противъ желанія своихъ братьевъ, на страстно любимой имъ дѣвушкѣ, Каптуръ поселился на родинѣ своей жены, на берегу моря.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ брака, приглашенный своими братьями въ гости, Каптуръ былъ убитъ ими на пути. Жена долго дожидалась Каптура.—наконецъ узнаеть, что онъ убитъ родными же братьями.

Такъ она была опечалена его смертью, что съ горя превратилась въ кукушку—и, съ тѣхъ поръ еще, всё перелѣтываетъ съ сучка на сучокъ, съ деревца на дерево, все ищетъ своего супруга, всё понапрасну кличетъ его: „Каптуръ, Каптуръ!“...

№ 39.

О происхожденіи кукушки.

(Бердубяки Е. у.).

Была жѣнщина, а у яе двоя дѣтыкъ: сынъ Максимъ, а дочка Аношка.

И патиряли дѣти залатыя ключи ить сундука;—яны играли ими и куды-та забросили.

Мать съѣла дятей прутымъ, дапрашивала дятей, идѣ ключи.

Патэмъ, када мать силна узяла сердца, пражляла: Ты, сынъ, ляти у свѣтъ салаѣмъ, ты, дачушка, будь какѣшка!..

Потэмъ, мать знайшла ключи и узжалилась надъ дятями. узжалилась дачушки и сына — и заѣзда наказыть дачушки: „Аношка—дачушка—какѣшка, варатися, да гукай свайго братчика, салавейку-Максимку,—нихай и іонъ дамой лятить!“

Дачушка, какѣшка, съ тыхъ поръ и гукайтъ свайго брата, салавейку:

Мѣъ—симъ, вяр—нись:

Клю—чѣ, знай—шлѣсь!

№ 40.

Происхожденіе соловья, кукушки, лягушки. Козни лютой тещи, убійство нелюбаго зятя.

Жила мать съ дочерью. Дочь вышла замужъ за лѣсничаго противъ воли матери; — оттого волшебница-мать не влюбила зятя и рѣшилась извести его въ что бы то ни стало.

Лѣсничиха поселилась съ мужемъ за болотною рѣчкой, пе-

реходомъ служилъ мостикъ, тщательно скрываемый отъ колдуньи. Между прочимъ и своимъ маленькимъ дѣтямъ: сыну и дочкѣ, лѣсничиха приказала строго не обмолвиться бабушкѣ, не смотря на всѣ ея разспросы.

Однажды лѣсничаго и лѣсничихи не было дома, а дѣтки ихъ играли на песку, передъ хижинкой. Приходить бабушка, внучатъ обласкала.

„Гдѣ это вашъ отецъ переходитъ рѣчку?“ — спросила она какъ бы невзначай.

Внучекъ молчалъ, а досужая внучка свела бабушку къ заповѣдному мостику.

Вернувшись вечеромъ и не видя мужа дома въ урочное время, лѣсничиха узнаётъ отъ сына, что безъ нея приходила бабушка и вызнала тайну у сестры.

Она спѣшитъ къ мостику и видитъ тамъ трупъ Якуба (имя мужа), зарѣзаннаго матерью.

Въ порывѣ гнѣва и отчаянія лѣсничиха изрекаетъ проклятіе на самой себя и на своихъ дѣтей:

— „Ты, мой дорогой сыночекъ, будь соловьёчекъ, я буду кукушка, а ты, дочушка,—ты погубила отца—будь ты поганая лягушка, чтобъ на тебя люди плевали—харкали, полѣньемъ—роженьемъ швирьгали—бросали!...“

И съ тѣхъ поръ сынъ лѣсничихи—соловей — поетъ въ рощахъ и болотныхъ тростникахъ, дочь—лягушка квохчетъ отвратительно въ болотахъ, служа предметомъ презрѣнія и ненависти людей, а сама печальная, беззутѣшная мать—кукушка—порхаетъ по рощамъ, возлѣ болотъ, ищетъ супруга, жалобно кличетъ его по имени:—„Якубъ, Якубъ!...“

№ 41.

Якъ сокыль, и кукушка, и другіи пташки супрати Кука ваювались, што, на трехъ дубахъ сѣдючи, примножества птицъ пажираль.

Кукъ сидѣлъ на трѣхъ дубахъ и пажираль примножества птицъ. Птицы всѣ саглашались, какъ бы етыва Кука убить. Сабирали всѣхъ птицъ и думали, када онъ спить.

Здѣлали абѣщаніе: каторая птица узнать, дакъ штобъ ина гнизда ни вила и дятей ни кармила.

Сагласилася кукушка:— „Я узнаю, када Куку будить спать. .. какъ я куку, такъ штоба былъ сокыль гатѹ!“

Какъ какнула, сокыль яво, Кука, и убиль, и птицы ат-сталися усѣ довольны: присталъ іонъ ихъ пажирать, и кукушка дѣла спѹднила.

№ 42.

Якъ варона ястриба вывила. Съ якихъ поръ варона кричить: урода, урода...

Снесъ ястрибъ у вароннымъ гняздѹ яйцо.

Варона и вывила, и пасматривать ана, што дитеныкъ ни яе, када іонъ саўсимъ ужъ адўжилъ, удіўлянтца, што ета за урода такая.

Принисла чарвей кармить яго, а іонъ варону кахтями за нысь. Магла толька выrvatца, сѣла на дерева и закричѣла: „урѹда, урѹда!...“

А истрибеныкъ атвичаить:— „Ета наша такая парода!...“

№ 43.

Абъ лягушки.

Ништѹ на свѣти ни пагана. Якъ Бохъ мужика, зѹмистъ куриныхъ, лягушкинымъ яечками, ажно атъ васны да самыта Ильли, праварміѹ.

Ишоѹ старичокъ—ня ўздолиить; идетъ старикъ яму на су-стрѣчу:

— „Здрастуй, батюшка!“

— Здрастуй!

— „Што ты знать низдарѹ?“

— Стацаѹ: хачу ѣсь да смерти—зѣѣ-ба Бохъ вѣдаить што!

— „Ну, што жъ табѣ яечка бѣ зѣѣсь?“

— Яечка бѣ я зѣѣ сѹ ўсею радысью.

— „Ну, таперъ жа висна—можна дыстать атъ каго ни-буть—курычку пупрасить“.

— Батюшка ты мой, галубчикъ, хто мнѣ дастъ бѣдному?

Вить багатому дають за што нибусть, а мнѣ дать нечига.

— „Пайдѣмъ са мною: я табѣ курачку дамъ, кали ништо табѣ ни даетъ“.

— Дай, батюшка,—здѣлй мильсть: я самъ табѣ услужу;—
атвади ты маю душухну!

Сичасъ приходють къ дѣму; узяў сажуѣся, курычку пыймаў:

— „Ну, на—няси, питайся ею;—будить съ тебе!“

— Ти нясетца жѣ ина?

— „Ина у сутки будить нясти па 2 яечки — съ тебе и
давольна. А тады ужу дйржи, пакуль нада будить табѣ.

А паспѣвить усякй хлѣбушка, адўжйишь, дасть Гаспоть—
приняси назатъ; только гляди, атдай!“

— Атдамъ, атдамъ, батюшка — дай, Госпыди, табѣ здо-
роўика за ета—и чаго ты атъ Бога жилаишь...

Ну, курычка знясетъ яечка у ранни и вечири — и сытна
яму; такъ и здаровитца яму.

Усѣ питаѣся, питаѣся, тыми яечками—паздаравѣў; даждаѣся
Ильи и панесъ назадъ курачку, думайт самъ сѣби:

— „Дай Бохъ здороўика яму за то, старику тому!“

Нясетъ, а чилавѣкъ дажидайтца ли дому. Тады пришоль:

— Здрастуй, батюшка! на тваю курачку. Спасибо табѣ: атобъ
я галодныю смертью памѣръ, кали бѣ ня ты—благодарю я тебе“.

Іонъ баретъ, благодарить. Якъ узяў на руки—Кить;—ина
заскакала—лягушка, якъ заскварѣтца, якъ заскварѣтца...

— Ахъ, батюшка, што жѣ ты ета здѣлаў? Ты жѣ маю
душухну апаганіў!...

„Чимъ жа я апаганіў? Вить жа кушалъ яечки — хараши
были. Ета, милый, усѣ Гасподня сазданія, — ета атъ Бога
показана, чимъ питайтца... Вить жа ты видишь: ета курычка,
ина прыгайтъ, вонъ пабѣгла“...

(Гаспоть яво утишайтъ, што ина пабѣгла)...

— Нѣ, нѣ, нѣ! ну, благодарю тебе усѣтаки, што ты мене
выпитаў. Пращивай...

Съ естымъ пашоў.

№ 44.

**Якъ мужикъ багатый тараканоў спекъ и зжйѣся, потѣмъ
за ихъ бальшея деньги атдаў.**

Бохъ усимъ хатитъ добра, а совість на палавину.
Усякыя дыханія да хвалить Госпада Бога!

Нѣўкаторымъ то сялѣ жйў быў мужикъ багатый, ба-
гатства іонъ имѣў бальшая: атдаваў деньгйў займу куп-

цямъ. Потэмъ яго заѣли было саўсими пруссы и тараканѣ у хати.

Што дѣлать зъ ими? Стаў строить сабѣ новый дворъ, выстрыі дворъ новый. Приходить у тэй дворъ, и атстаўся у старымъ доми адинъ самъ начувать. Заходить къ яму старицебъ праситца на нычъ.

— „Ехъ, батюшка, идитя начувать у мой новый домъ!“

— Атчаво у новый домъ?—Мы будимъ начувать у старымъ.

— „А я са старыга саўсѣмъ вышіў у новый“.

— А пачаму табъ вышіў?

— „А патаму вышіў, што мне гадось такая кусала, па-добія“.

— А што ты зъ ею хатишь здѣлать?

— „Спалю етый домъ сичасъ“.

— Нѣтъ, моладыць, ни пали да заўтрива.

Назаўтрива устають—ни пруссоў, ни тараканоў нѣтути.

Старикъ гаворить:

„Ты съ тварью Гасподнію ни захатѣў жить—аставайся жить адинъ!“...

Мужикъ и спрашнить старика:

„Идѣ жъ ети пруссы дѣлись и тараканѣ?

А иди—пасматри у пчильникъ у старымъ ульи бязъ пчоль!“

Пришоў мужикъ у пчальникъ. Атваріў уль, пасматрить: тамъ пруссы, тараканы—повинъ уль.

Іонъ тада на стариковымъ ня здѣлаў: узяў на сваёмъ сдѣлаў. Узяў куль саломы и жѣгъ етый уль и съ пчилами и съ тараканѣми.

Апосли етыга стаў бяднѣть и збяднѣў да таво, што куска хлѣба ня мѣвить.

Зайшоў ипать старикъ къ яму на нычъ.

Стаў свайму старику путешествія рассказывать.

„Упиредъ я жиў богата, имѣў усяго многа—таперича куска хлѣба ни ймѣю“.

— Ну, што жъ таперича зъ етымъ дѣлать? Што таперича денихъ займешъ ли йдѣ?

— „Нѣтъ, я купцамъ упаредъ даваў—таперича мнѣ даўжны дать“.

— Ну, када дадутъ—иди займи рублей пятьсотъ.

А у сусѣдки-салдатки была пруссоў многа.

— „Иди сходи у сасѣдки пруссоу пару вазьми!“

Вотъ іонъ и пашоу, сѣў у сусѣдки.

— „Кума. я пришау ни гулять“.

— А што жъ ты. кумъ. пришоу?

„Прадай ка мнѣ пару пруссоу!“

Кума у шуткахъ и гаворить:

„Купи!“

— А што жъ табѣ за ихъ?

— „А триста рублей“.

— Ну, кума, лави!

Паймау пруссоу и атдаеть ихъ. Іонъ выніў триста рублей и атдаў кумѣ.

— А, ну, кумъ, што ты шутишь? я смиялася: я тибѣ хуть десить царь дарма дамъ.

Тада мужикъ принёсъ дамой, пустилъ у новую хату — съ тогда урёми стаў багатить, зажіў ипять денихъ столько, сколько была.

№ 45.

Происхожденіе ячменя и рака. Асотъ да либида — чортава ида.

Чортъ сдѣлалъ ячменя и сдѣлалъ рака и ни зналъ, якъ назвать ихъ. Гаспотъ имъ имя даў „ячмень и ракъ“ и свазаў: „ета будить християнскій прѣпитъ, а табѣ. чортъ. „асотъ да либида, чортава ида“.

№ 46.

Не пчелы убиваютъ трутней, а „посѣкаетъ“ ихъ матка.

По мнѣнію крестьянъ. не пчелы убиваютъ трутней. а убиваетъ „посѣкаетъ“ ихъ матка; при чомъ трутни не сопротивляются царицѣ пчоль, а жалобно плачуть: „Матужка. ни свѣки мяне!“ ...

№ 47.

**Атчаво ета слиза котитца изъ глаза, якъ табакъ нюхаимъ?
Па чортавый матки плачимъ.**

Хто курить и сплевывають—харашо дѣлають: на чортаву матку сплѣвываютъ

У нячистыга духа была матка. Када ина здохла. то некаму была на ней пуплавать.

Чортъ вотъ што здѣлау: табаки натѣрь. у табакерку усы-
пау и говоритъ: „Хто будить нюхать табакъ. то у таго пай-
дѣть слиза изъ глазъ: усѣжъ пуллачить ну маей матки“. Бохъ,
якъ объ етымъ дазнаѣся, саздау кисеть и трубку: хто будить
курить трубку, будить пливать на чортыву матку.

И. дѣйствиельна. таперъ хто нюхантъ табакъ. у тога слиза
котитца — абъ чортывий матки плачить тѣй; ну. хто курить и
сплѣвывають—на чортову матку тѣй сплѣвывають.

№ 48.

Якъ Никола съ Пятромъ научились у чорта вотку гнать.

Ишоу Бохъ са святыми на зачатіи свѣту: видѣть яны. што
күритца агонекъ.

Бохъ и пасылають Ниеолу съ Пятромъ наглядѣть. што ета
такоя.

Пришли, сматрять: чортъ вотку гонить.

— Хатитя—паспробуйта!

Поднесъ имъ вотычки изъ жалудовой чашички.

Спадабалась—выпили на другей.

Хорошая вотычка была у черта заматались святэя. тольки
што бадрытца, усы свае приглажють.

Пришли къ Богу, хуть и ни гаварять. што атыушали троху
чортавий вотычки, ну, Гаспотъ ета харашо знаить.

— „Чортъ вотку гонить“.

— Ну, ладна! Идята сабѣ къ яму. пахмялитесь.

Пахмялились. Назать къ Богу идуть ужу бодра. весила;
панаучились, якъ вотку гнать и кажутъ:

— „Устроимъ и мы такую штуку. якъ чортъ, штообъ вотку
гнать“.

№ 49.

**Чортъ съ жидымъ перва уздумау вотку гнать изъ жалуда.
Атчаго ёлна и сасонка зиму и лѣта зияяеньки. Микола
заужда чорту и жиду даужонъ.**

(Бердубяки Е. у.).

Ишоу Бохъ и замѣтїу: дымъ идеть. Бохъ паслау Миеолу:

— „Схади пасматри, што ета такоя дымъ идеть!“

Микола пайшоу, видить, што чортъ гонить вотку изъ жалаудѣ и умѣсти и зъ жидымъ, и жидѣ іонъ приняу таргувать воткью.

Тады Микола пупрасіу вотки пакушать, а яны спрасили: „Ти іось у тябе деньги?“

Я ишоу такъ, бязъ денныхъ, и зъ Богымъ; мяне Бохъ паслау пасматрѣть, што вы ета такая рабѣтѣ.

— „Кали жъ ты намъ атдаси деньги?“

— Атдамъ я вамъ деньги ни ў забавѣки, сиради лѣта, кады листъ пасыплитца зъ ёлки и сасонки.

Яны на ета сагласилнсь и пѣчали даждать, якъ листъ пасыплитца.

Микола пришоу къ Богу, а Бохъ яго спрашнть:

— Што ты тамъ доуга забавіўся?

— „Госпыди, глядѣў, якъ чортъ зъ жидымъ вотку гонить, да и самъ ни вѣдаю, якъ тутъ бытъ: узяў я у ихъ шкалигъ гарѣлки, а грошій у мяне нѣтути, абищаўся жъ я имъ доўхъ атдать, якъ пасыплитца листъ зъ ёлки и сасонки“.

Тады Бохъ такъ сатваріў, што листъ на ёлки и сасонки заўсягды застаецца цѣль, а Микола усё жъ даўжонъ чорту и жиду.

№ 50.

Пьяница, исполняя приказаніе чертей, жарить въ аду души грѣшниковъ; освобождаетъ души за чарку горѣлки; черти прогоняють пьяницу изъ ада.

Пьяница попау у пекла. Черти дали яму варить у катлѣ триста душъ.

Но за етыхъ душъ на тымъ свѣти усерна малились ихъ сродствинники.

Приходитъ къ пьяницы ангилъ за тѣми душами:

— „Атдай мнѣ ётыя триста душъ!“.

Пьяница ни тдаець.

Ангилъ дагадаўся, што пьяницы нужна. Тиризь нѣсбалвы урѣми приносить пьяницы палуштохъ гарѣлки.

Пьяница узяу ать ангилѣ вотку и давай яе падить глатокъ за глаткомъ, — апьянѣў и выпустиў ангилу изъ катла триста грѣшныхъ душъ.

Приходють черти. пасматрять—душъ нѣтъ.

— Идѣ души?

Спрашюють у пьяницы.

— Идѣ души, што мы варить приказывали?

Пьяница маучить (іонъ ужю атраказывати ни магить), тольки палель къ рѣту надноситъ, идѣ души наказаниѣ.

Черти панапужалнсь:

— „Ахъ, абжора! у якихъ нибудь два часа слональ триста душъ, да іонъ увесъ адъ спусташнть, ни днаго грѣшника намъ на мученія ни заставнть. Ганнтя яго вонъ!“

Патурили изъ ада. Дѣватна ему нейди—пустили яго у рай.

№ 51.

Пьяница въ рай попадаеть. Переговоры пьяницы съ апостолами: Петромъ, Павломъ и Іоанномъ.

Приходитъ пьяница къ чарству нябесному и у дверь стучить: „Аттваритя!“...

У апостыла Питра ключи ать чарства нябесныга; такъ іонъ слышитъ стукъ, надходитъ къ двирямъ:

— Кто здѣсь?

— „Да я“.

— Кто жъ ты?

— „Да пьяница“.

— Пусти мене у чарства нябесныя!

— „Ну, здѣсь пьяницъ нѣтъ—нильзя!“

— А ты хто, што мяне ни пускаишь?

— „Я апостыль Петръ!“

— Я знаю тябе: ета тѣй, што ать Христа атрикаўся, ня ўспѣў пятухъ три раза пропѣть, а таперъ ты у милости у Бога. А я, хуть и пьяница, а Христа не забываю: када пу-падегца рюмачка вотки, то гаварю:

— „Госпади благослави!“

А ать Христа я ни разу ни атрикаўся, якъ ты.

Я усё, братъ, знаю.

Нечива гаварить Пятру супрати етыга, назать варатіўся. падышоў къ Паўлу:

— Иди, Павиль, пагавари ты зъ имъ!

Подходить Павлиъ къ двирямъ.

— „Хто здѣсь?“

— Я пьяница; пусти мяне у царства небесныхъ!

— „Здѣся пьяницъ ни примають“.

— А ты хто, што мне ня хочишь пустить?

— „Я апостыль Павлиъ“.

— А, Павлиъ! Знаю: ета тѣй самыи, што гнаѹ за Христа ать Ирусалима да Дамаска; а таперь ты у яго у милости! А я жь никада Христа ни гнаѹ, а, када придетца рюмычка вотки, то сейчасъ: „Госпыди, благаслави!“ А ни гнаѹ Христа па твойму.

Нѣчига атвичать Паѹлу проти етыга; вараѹся назадъ и разказаѹ Пятру пра ѹсѣ.

Гаворить Петръ:

— „Ну, нашьлемъ Ивангелиста Иоанна: іонъ ать Христа ни разу ни атрикаѹся—пусть ка зъ имъ пагавѡрить?“

Падходить къ двирямъ Иоаннъ:

— Хто здѣсь?

— „Я, пьяница; пустить мяне у царства небесныхъ!“

— А ты пьяница и яще проснесья! такихъ сюда ни примають.

— „А ты хто такей, што ня хочишь мяне впустить?“

— Я Ивангелистъ Иоаннъ!

— „А ты Ивангелистъ! Зачѣмъ жа вы абмангытя люде?! вы написали въ Ивангиліи: стучитя — и атворють вамъ; праситя—и палучитя! Разви ета ни абманъ?! Я часа два стаю и стучу, а мнѣ ни ттваряють. Если ты мяне ня ѹпустишь у царства небесныхъ сейчасъ жа, то я варачусь на бѣлыи свѣтъ и разкажу людымъ, што вы написали въ Ивангиліи нипраѹду“.

Спужаѹся Иоаннъ страматы и ѹпустіѹ пьяницу у царства небесныхъ.

№ 52.

О святомъ Зосимѣ. Откуда у насъ пчолы?

Святѣй Зосимъ вынсь изъ ягипитской земли у трасти пчалинѹю матку; ать тѣй матки у насъ и пчелы развалясь.

№ 53.

Зосиму удалось пчоль изъ Ягипца принесь, а Миколи нїудалось.

Въ Ягипци были пчолы. Якъ вышїу новый завѣтъ, патребывалась новая жертва—воскъ, нужна была пчолу завезть.

И сказана: „іость пчолы у Ягипци, а нильзя узать: нѣту пропуску“.

Никалай Чудатвориць абѣщался ихъ даставить:

— „Я пранясу, Госпади!“

Хадилъ Никалай Чудатвориць у Ягипциць.

Хадїу на Ягипцу. Потѣмъ атрисау Госпды:

„Нѣтъ, Госпды, нильзя прїнясти пчоль“.

Зосимъ Салавецкїй вызвался, ну, и паслали яго.

Здѣлау іонъ сабѣ изъ трасти патайнэй маташникъ (и длї пчоль и длї матки у тымъ маташники была пумященїя) и пашоу у Ягипциць.

Па Ягипцу хадїу-гуляу, паймау пчалїную матку, пасадиу у маташникъ, пасадиу десить пчолынь.

Ну, и утекъ іонъ, Зосимъ, ранїнька — нїхто ни видау. Даганяли яго Ігїптяни, абтрисали, ни нашли пчоль у яво, хуть сабѣ три разы абтрисали (а пчолы были у трасти).

Такимъ манерымъ принесь Зосимъ пчолынь, и пашоу разводъ на пчоль, и пашла жертва Богу.

Микола прасїу у Бога райковъ:

— „И мае труды были: три разы я хадїу — хуть мнѣ первый рой“.

Первый рой Миколи абїщау Гаспотъ.

№ 54.

Укушенїе пчелы было прежде смертоносно.

Пчела сначала каго ня ўкусить, тѣй умирау. Гаспотъ думанть: „нїладна такъ!“

Пувялѣу пчалѣ: „велїй ты умирай, якъ каго укусишь“.

№ 55.

Павукъ ябидникъ—чорту правидникъ.

Павукъ ябидникъ, чорту правидникъ, ходить пу павутїни и даносить Богу, што видїу, што слышау.

№ 56.

Баба хатѣла Бога спужать—мядвѣдицей здѣлалась.

Жила у аднэй дярёўни магучая жѣнщина. Ина на Бога сирдувала дужа, што людей изъ рая прагнаў. Захатѣла ина Бога спужать, штобъ іонь па зямлѣ ни прахажываўся.

Якъ Бохъ ишоў па дярёўни, ана изъ за угла къ яму да и ну рывѣтъ па звярыныму.

Бохъ ни спужаўся и пракляў яе:

„Будь жа ты на вѣкъ вѣшний мядвѣдицый!“

Жѣнщина стала мядвѣдицый.

Аттаво, што мядвѣдица ать бабы, цыцкэй у яе на грудѣхъ, а ни на цузи, якъ у звярей.

№ 57.

Якъ Никола бабу разымаль у драки съ чортымъ.

Атчаво кума ипрядь кумымъ галаву накрываиць. Съ якшхъ ета порь баба зла.

Якъ ишоў Бохъ зъ Миколыю сваимъ усигдашнимъ палеш-
никымъ.

Слышитъ Бохъ, што трасникъ трящитъ и думайтца.

— „Микола, пыгляди, што ета трасникъ трящитъ!“

Микола пришоў, глядять: дяретца баба съ чортымъ. Ми-
кола атпраўляйтца назадъ къ Богу.

— „Ну, Микола, што ета тамъ дѣйтца?“

— Госпади, баба и съ чортымъ бьетца-дяретца.

— „Такъ ты, Миколушка, подь разыми ихъ!“

Микола разымаў, разымаў бабу съ чортымъ — ни якъ ни
разымить.

— Ни разымишь ихъ, Госпыди, ни якимъ родымъ.

— „Нѣтъ, Микола, разыми ихъ: якъ жа яны будутъ драгца?“

Узсардїўся Микола, пашоў скоринька, узяў и абоимъ, баби
и чорту, пасняў гдывы.

— Ну, што разняў?

— „Нѣтъ, Госпыди, ни разняў, а узяў ды абоимъ голывы
цупасняў“.

— Не, такъ жа ни нада! сичасъ жа подь и присдѣ имъ

голывы, и падуѣ на ихъ мамѣ святымъ духымъ: голывы сичасъ приживутца.

Микола вочинь разсярдѣся, шты шпять нада яму бизнакопта, прибѣхъ и изъ гарачки присадѣ бабину галаву чорту. а чортаву баби—пушириминаѣ!

И съ етыга то уремени дужа зла баба: усѣ ина падбиваить и змушанть чилавѣка на свари и брани: идѣ свара и драка— то усѣ баба; идѣ дильба и сута. то усѣ баба.

За то, што у бабы чортава галава, штобъ ни паказывать рожицъ, даужна баба заужда прикрывать волысы, асаблива кума ширидъ кумымъ.

№ 58.

Отчего теперъ у ржи маленькій колосъ?

Неразуміе лѣнливой жнен, роптаншей на Бога за тяжесть сноповъ. Богъ уменьшаетъ колосъ. Просьба собаки оставить немного зернять на макушкѣ стебелька.

Въ старину колосъ ржи не помѣщался на стебелькѣ— все растеніе представляло изъ себя цѣльный длинный зернистый колосъ отъ макушки до самого корня.

Но однажды лѣнливая баба стала Богу жаловаться, что очень тяжело жать такую рожь.

Богъ разгнѣвался—и колосъ вдругъ сталъ замѣтно умаляться, подбираясь на макушкѣ; только макушка ржи оставалась усаженной зѣрнами.

Собака сидѣла возлѣ жнен и поняла лучше своей хозяйки, что дѣло неладно.

Завыла собака, Богу взманилась:

— Застаѣ—покинь. Божа, коласа хуть на собаччу долю.

Богъ не тронулъ больше волоса по просьбѣ собаки—и съ тѣхъ поръ на ржи колосъ маленькій, и рѣдко посылаетъ Богъ урожай неблагоприятнымъ людямъ.

№ 59.

Атчего колосъ у ржи таперъ нибольшой?

Якъ гнали Адама и Еву изъ раю, сколькои успѣли забрать рубой коласу, такей колосъ и принесли съ собой на землю, та-

кей колысь таперь и родитца. А у раю колысь былъ на ржи приаграженный—да самый земли; нашъ колысь только самая макушка того колыса.

№ 60.

Касьянъ косо глядять.

Касьянъ бывають только у високосный годъ. Іонъ, на што глянить, то усё пувянить: на народъ глянить, дакъ народъ; — на скоть—дакъ скоть.

№ 61.

Якъ Микола и Петръ лашадей на Украинѣ закупляли.

Атчаго ета макушка только да Пятровыга дни кричить, а варона круглая годъ кричить.

Гаспотъ завёу свѣтъ ни такъ, штоба увидѣ усяго была порану: скыта, людей, коній. Сначала была усяго болій на Украини. Настунаеть весна.

Видить Гаспотъ, што бѣлорусскому мужичку нахать нечимъ—кѣній нѣтути.

Ни пращадать жа хуть еибѣ и нашему брату зъ голыду!

Дау Гаспотъ Миколи, апостылу Пятру, денихъ на ращѣту и наслау ихъ вабаихъ на Украинну закуплять коній.

Микола вочинь любилъ вышить, и зайдя іонъ съ Пятромъ у кабакъ. Узяли паштохъ, другей, — выпили. Какъ завяло у Миколи у галавѣ, Микола сталъ вочинь простъ и прапіу уся денги, што ему Бохъ давалъ—да капѣйки. Микола съ Пятромъ таперь не нашта куплять лошадей. Смотричь: бягуть два табуны лошадей.

Микола сѣу на первую лошадь—табунъ за сабою гонить, а тамъ Петръ на лошадь изъ другога табуна—другей табунъ за сабою гонить.

И пыгнали яны етыхъ лашадей съ сабою, а видить етыга ништо ни видау, только што были свидѣтели: первая варона, другая сарока, третія макушка.

Приводють яны етыхъ кони къ Богу и хатѣли яны, штоба Бога абманить.

Спрашнить у ихъ Бохъ:

— Што вы етыхъ кони купили?

— „Купили“.

— А свидѣтели у васъ были, якъ вы купляли?

— Нѣ, свидѣтели не была.

Сичасъ жа прилитаить варона.

— А вы пра варону забыли! Што яны купили коніу!

— „Украали, украали!“...

Сядыть на вѣтки, да сваё арѣты.

Прилитаить сарока.

— Што ты скажышь сарока!

Сарока зъ жердычки на жердычку перапрыгиваить.

— „За ета имъ, Госпыди, чи, чи, чи!“...

Прилитаить третія какушка, — ета усмыльвалася.

— Госпыди, яны купили, да ку-у-шили, да ку-у-шили, да ку-у-шили!..

Петръ и Микола узрадувались, што хуть какушка ихъ рубу держить; тада и гаворюць:

— Вотъ ты, кукуй тольки да Питра — тамъ табѣ далій свабодна; а вы, сарока и варона, што сказали ниправильна — намъ цѣльный годъ какувать: ня будить вамъ роздыху никды.

№ 62.

По какому поводу дана была когда-то власть женщинамъ и отнята у нихъ (за грубое обращеніе одной женщины съ апостоломъ Петромъ).

Припала у апостыла Питра жалысть къ бабамъ, што жэнскій полкъ многа ать мужьёу своихъ тярпить; выпрысиль Петръ у Бога власть бабамъ надъ мужьями.

Такая воля бабамъ дадина, што мужикъ ва усёмъ знай пляши пу бабиный дудки.

Посли таго апостыль Петръ зъ Богомъ на зямлѣ хадил и у мужицкый хати на нашлеги аступувались.

Хазайки дома ни було, тольки мужъ яе дома, дитенка калышитъ, гаршки у печи варочаить.

— Можна пиринучувать?

— „Да аю можно сабѣ!.. Да я ни знаю, якъ баба!“...

— Што такъ ни знаишь!.. Идѣ жъ твоя жонка?

— У кабакѣ!... радимецъ яе забей: дома ни шильнуть саѣсьмъ.

Такъ сабѣ пазюкали, спать палягли: Петръ ляжить на палатяхъ съ краю, а Бохъ къ стѣнки,

Приходють баба, а яны ужю спить. Баба перва мужа обругала:

— Якихъ ты ета хажанъ прѣти начі пустилъ? Визъ майво спроса пускать была ни нада.

Тода бяретъ хлудину, и, ну, ахаживать Питра етыю хлудиню.

Петръ жался, жался—приходитца яму ня ѣстерць.

Сламалась хлудина, и баба пашла за другёю у сѣни.

Петръ думанть самъ сабѣ:

— „Пририкачусь я за Бога: баба, даѣжно, таперь за таго, што къ стѣнки примитца“.

Приходить баба изнову къ палатимъ и гавѣритъ:

— „Ну, зъ етыга сабѣ будить: я яго ладныга пупарола. а таперь нужна дальнига пуѣчить!“

Изнову Пятру пупала.

Тады Петръ изнову умалилъ Бога взять волю у бабѣ,—яеъ узмолитца:

— Нѣ, Госпади, такъ дужа нихарашо; нярушь велій бабы мужикоѣ слушаютьца, чимъ ся мужики бабѣ.

№ 1.

Гаспотъ храмы со свайми угодниками закладаить.

Када Гаспотъ хатѣлъ храмы устроить—и усе храмы стриль, въ адинъ храмъ вялѣлъ сабиратца сваймъ угодникамъ, приеазаль яму Хряститилю прихадить, Никалаю Чудатворцу, Хамѣ, Лугѣ и Марки Ивангиллисту.

— „Прихадитя: будимъ храмъ закладать, а я буду васъ учить, якъ абѣдню служить“.

Гаспотъ пришолъ упередъ у храмъ, сабирались угодники усѣ къ яму, каторымъ приказаль. Яны сами сабѣ и гаворють:

— „Каторый любимый апостыль, яго нѣтути!“

И Гаспотъ маѣчить пра яво. Сичасъ и гаворить Гаспотъ:

— „Рибяты, ни судитя Никалая: іонъ занить: на мари чплавѣеъ заливайтца, а Никалай яго милутъ“.

Приходить Микалай Чудатвориць у храмъ Божій.

— „Госпади, буди мне грѣшныя ждати!...“

Стали облачатца, абѣдню служити, Микалая Господь яконымъ поставиў, Ивана Хрястителя дячкомъ. Атслужили абѣдню.

Микалай Чудатвориць быў душа балшей постникъ: якъ маханикъ былъ, па сридамъ и пятницамъ груди ни бралъ.

№ 2.

Якъ купецъ хатѣў работника спагубить, и затѣмъ тога самъ сябе спагубиў—и придсказанія прарокыў сполнилась.

Въ нѣкаторамъ царстві, ў нѣкаторомъ гасударстві, а именна ў томъ, ў каторомъ мы живемъ, жиў купецъ и такей багатый, што визнаў сваей казны.—Вотъ иднажды іонъ атпраўляйтца ў дареўню или ў сяло чимъ нибуть таргувать. Ъздиў, ѡздиў; приходитъ дѣла къ вечиру;—нада праситца начуваль. Іонъ заѣхаў къ хазяину, хазяинъ багатый быў; у яго начували два какихъ-то нищихъ, а ета были ня нищія, а два прароки Ильля и Микола, (када яны ища хадили па зямлі). Ночу Ильля вышіў на дворъ, патомъ увыйшоў у хату и гаворить Миколи:—„Нашиму хазяину даў Богъ щастя“.—А Микола гаворить:—„Какая щастя?“—Катилась авечка). Ну, какъ ани прароки, то ўсѣ знаютъ). Никола и спрашиць у Ильли:—„Какая яму щастя?“—А вазьметъ воўкъ.—А купецъ ета ўсѣ слышитъ. Патомъ на многа пагада ипять вышіў Ильля. Уходитъ у хату и гаворить:—„Ну, Никола, ящо Богъ даў щастя нашему хазяину“—Іонъ гаворить:—„Какая?“—А хазяйка радила сына.—„Какая жъ яму щастя?—А будить іонъ владѣтъ хазяйствомъ етыга купца.—Ета купецъ и слышитъ. Патомъ даў Богъ утра, прароки еты пашли, а купецъ думайть, што тутъ сдѣлать: какъ можна, штобъ еткыга мужука сынъ будить манімъ хазяйствомъ упраўлять? Падажди: дай испробаю. Вотъ іонъ и гаворить етому хазяину:—Братъ, хазяинъ, што я тебе буду прасить,—уважъ ты мнѣ“—А хазяинъ гаворить:—„Атчаво жъ, можна“.—Спрасиў у купца: што вамъ нужна?—„А во што! у тебе сяводни катилась авечка?“—Да у мяне.—„Братъ, хазяинъ, уступи ты мнѣ етыга агненка!“—А хазяинъ и гаворить:—„Братъ ты мой, гаспадинъ купецъ, я ба радъ вамъ яго уступить, только мнѣ вамъ яго стыдна продать и жалва дарымъ атдать!“

— Ну, што хочишь вазьми, а толька мнѣ уступи!—Вотъ іонъ прадау етыга ягненка, патомъ и гаворить: — „Ну, хазяюшка, егатуй ты мнѣ яго!“—Вотъ ина яго егатувала, патомъ вытащила съ печи, патомъ поставила яго на важно, штобы іонъ на многа прасты; а купецъ пахаживантъ на хати, и думантъ, какъ тутъ можна таму сбытца, што прароки гаварили: какъ тутъ можить воукъ узять, када ужъ сжаринъ и ляжить на вагнѣ? Аткуда ўзяуся воукъ, цапъ етыга ягненка и патациу; тутъ за имъ съ палѣннимъ, съ раженнимъ, а іонъ, какъ пашоу, и пашоу. Патомъ купецъ сѣу, задумаѣся и гаворить ипать хазяину:— „Ну, братъ, хазяинъ, уступиу ты мнѣ адну вещь, уступи и другую“.—Хазяинъ и гаворить:— „Какую яще?“—А во, братъ, какую: прадау ты мнѣ ягненка, а я имъ ни пуудадѣу,—прадай ужъ и мальчика; пускай, какъ я у васъ начувау, дау Богъ вамъ два щастя, то я адно купиу и ни напользавауся,—прадай, братъ, и другая!“—Думаль, думаль хазяинъ и гаварить купцу:— „Ну, какъ можна мнѣ прадать свайго дитя раднога?“—А купецъ и гаворить:— „Ну, што жъ іонъ у мяне будить забижанъ, или што?“—Вотъ мужикъ думау, думау, узяу да й прадау; купецъ узяу етыга рабѣнка, и паѣхау. Ъхау, ѣхау, ўѣзжайтъ у лѣсь, патомъ и думантъ, што съ имъ сдѣлатъ. Стаить пустая липа и дуплинатная; іонъ узяу яго и пасадиу у ету липу и вѣпка закалатиу ету дирку. Вотъ іонъ сядѣу тамъ нѣскалька ўремя, патомъ пашли ахотники на ахоту, прихедють у лѣсь и слышуть: кричить рабѣныкъ. Вотъ яны падхедють къ етому дериву, пасмотрють: дырки закалочины. Вотъ яны узяли, разрубили ета дерива и вытащили аттуда рабѣнка, патомъ принесли яго дамой.—Вотъ етытъ рабѣныкъ у тыхъ ахотникыу жить, да жить, вырасъ ужъ парядажный, патомъ стау нахадить сабѣ прапитанія, начау наниматца то у падпаски, то у работники; патомъ наняуся къ етому купцу у пивный заводъ и спазнаѣся съ яго дочкаю. Патомъ иднажды у ихъ вышиу разговоръ съ купцомъ и спрасиу купецъ у яго:— „Слышь, ты, галубецъ, аткуда ты родинаю находится?“—А іонъ и авичантъ:— „О, братъ купецъ, мая родина далека; я радіуся у міру, а нашли мяне у лясу“.—Патомъ купецъ кусъ самъ сябе за языкъ и гаворить жанѣ:— „Ну, жана, какъ ни старатца, а етыга работника нада истрабить, да ни знаю какимъ родымъ“.—Патомъ сказау:— „Ну, падажжи: я дабарусь!“—Вотъ іонъ на-

писау писемъ ў другой заводъ, штоба яго тамъ спатрыбли и атдасть яму:— „На, братъ, свеси ета письмо ў такой-то заводъ и такой“.— Вотъ етытъ работникъ узяу письмо и панесь. Бяжить обала церкви, пасматрѣтъ: тамъ служенія идетъ; тотъ іонъ и гаворить самъ сабѣ:— „Ну, какъ можна мнѣ прайдить кала перкви мима и ни пумалитца Богу, хотъ хазяинъ мнѣ и строга приказау: ну, я пайду, пумалюсь Богу!“ — Патомъ къ яму подходитъ знакомый чилавѣкъ, и идетъ іонъ ў етытъ заводъ, іонъ и гаворить яму:— „Скажи, братъ, пажалуста, куда ты идешъ!“ — А іонъ и гаворить:— „Я иду на заводъ“.— Іонъ и давай яго прасить:— „Братъ, пажалуста, атнаси ты маѣ письмо!“ — А, пажалуї, свясу! — Вотъ іонъ узяу письмо и панесь на заводъ. Толька падау письмо, такъ яго схватили и убросили ў кателъ; а работникъ етытъ и пашоу дамой. Етытъ хазяинъ увидау, што іонъ пришоу, стау удіудятна и спрашивать у яго:— „Гдѣ ты письмо дѣу?“ — А іонъ гаворить:— „А я устрѣтіу знакомыга чилавѣка, пупрасіу яго пиридать письмо ў заводъ“. — Купецъ, нямнога пагада, написау ящо письмо и приказытъ работнику:— „Ну, братъ, на табѣ ета письмо: няси, да сматри: никуда ни заходи!“ — Вотъ іонъ шоу, и шоу ипять кала церкви, видить: тамъ ипять служатъ. Вотъ іонъ пашоу у церкву; а купцу етому ужю ня терпитца; іонъ и гаворить:— „пайду ў заводъ, да хотъ пасматрю, какъ іонъ будить кипѣтъ у катлѣ. Вотъ іонъ тольба на парогъ, а ети заводчыи и схватили яго, іонъ кричѣтъ, и шумѣтъ:— „Братцы, што вы: я вашъ хазяїу!“ — А яны гаворють:— „нѣтъ пардону ни хазяїну, ни работнику, а твае приказанія нада исполнить!“ — Вотъ етытъ хазяинъ и скипѣу ў катлѣ, ўмѣста работника. А работникъ пришоу дамой, ажаниўся на яго дочери, стау жить, да паживать, да дабро паживать. Я тамъ быу, медъ, вино піу, па губамъ тякло, а ў ротъ ни капли ни цупала.

№ 3.

Якъ Кузьма—Димьянъ сказали купцу, што іонъ женитца на валюватый дѣвушки, и, дѣйствитильна, купецъ жанїўся.

Какъ хадїу Кузьма Димьянъ—на зямли. Какъ яны называютьца апосталами, или Богапасланниками, то яны усѣ знали дажа, што ваму упередъ будить. Вотъ аднажды їдить купецъ

па дароги; наўстрѣчу къ яму Кузьма Димьянъ. Вотъ и гаворить Кузьма Димьянъ на купца:— „Здрастуй, гаспадинъ купецъ!“ — Здрастуй, здрастуй, старичокъ паптѣнный!.. Кудѣ ѣдишь, гаспадинъ купецъ?“ — А іонъ гаворить:— „Ахъ, мой ты старичокъ, я ѣду, — самъ низнаю куды... Хатѣ было жанитца, да и самъ низнаю, кудѣ ѣхатъ у сваты. Пасавѣтай-ка мнѣ, мой милый старичокъ! — „Вотъ, я табѣ пасавѣтаю!“ гаворить Кузьма Димьянъ купцу:— „Паизжай-ка, идѣ ты заначуишь, то тамъ твая и дружка“. Вотъ іонъ ѣхаѣ, ѣхаѣ, падъизжантъ къ дярѣуни; ўремя ужъ начувать. Вотъ іонъ призжантъ къ знакомому мужуку и гаворить:— „Пазволь, братъ, принучувать!“ — „А пажалуйтя!.. Вотъ узѣѣхаѣ на дворъ, приказаѣ работнику атлажить лападей, а самъ увайшоѣ у хату. Ну, какъ хазяинъ багатый, то іонъ приказаѣ сваей хазяйки или дочки паставить сумуваръ. Вотъ яны паставили, патомъ садятца пить чай. А купецъ ходитъ, ходитъ, да пасматривантъ на яво дочку, а ина, такая валюватая, што на яе проста страсть сматрѣтъ. Патомъ іонъ и спрашнть:— „Хто ина вамъ?“ — „А ета моя дочка“. Патомъ етытъ купецъ кусъ самъ сабе зъ языкъ; сичасъ и ўспомнїѣ, што яму гаварїѣ Кузьма Димьянъ и думайтъ самъ сабѣ:— „Няжъ ета моя будитъ дружка?“ Сичасъ и тронула яво сердца:— „Падажжи“, гаворить іонъ самъ сабѣ. — „Вазьму яе и зарѣжу: патаму што, какъ мнѣ, такому малайцу, да братъ жонку тавую валюватую?“ А ина, какъ садитъ сярдешная ажъ хрипитъ, а воля ета на калѣннхъ ляжить. Вотъ іонъ уздумаѣ:— „Какъ ляжутъ спать, то я яе вазьму и зарѣжу!.. Вотъ іонъ найстріѣ ножъ и пасматривантъ, идѣ ина будитъ лажитца. Вотъ ина лигла за сталомъ на лаўки, а іонъ на другой. Патомъ када уси успались, іонъ какъ выхватїѣ ножъ, да какъ парнетъ у ету самую волю, ина брякѣ падъ лаўку, а купецъ скарѣй на лошадей, толька и быѣ такоѣ дамой. Тутъ справили такей припалохъ:— „Хто тебе, хто тебе?“ А купца тога и слѣдъ прастнѣ. Патомъ дѣўку выличили, воли етый ужъ ни стала: тавая стала умная и красивая. Черизъ нѣскалька ўремя, черизъ годъ или черизъ два, призжантъ етытъ купецъ у сваты къ етому мужуку. Патомъ высватаѣ іонъ и ажаниѣся. Патомъ черизъ нѣскалька ўремя замѣтїѣ іонъ у яе етытъ шарамъ и спрашнть у яе:— „Што ета такая, милая мая, у тебе на шеи? А ина гаворить яму:— „Ахъ, милый мой, на мяне быѣ злучай. Аднажды заиз-

жянтъ къ намъ какой-та приизжающій или разбойникъ. Вотъ іонъ хатѣу було мяне зарѣзать: у мяне на шни была тикая бальшая воля. іонъ мяне якъ сикануу нажомъ у ету нарасть. — такъ, што я асталась чуть жива. Вотъ купецъ и гаворить ей:— Ну, милая мая, ета я у васъ тада быхъ: прости мнѣ, милая мая, я ни самъ сабою, а мнѣ случилась на дароги. Стрѣтиўса са мною Кузьма Димьянъ и гаворить мнѣ:—Ета твая нявѣста! Я пасматрѣу на тябе,—пряма и спужаўса:—вотъ я и хатѣу зарѣзать.—Вотъ яны узjali пацулувались. стали жить, да паживать, да добра наживать.

№ 3.

Купецъ женитца супраті сваей воли на гарлуватый дѣвушки. У свадьби якая ниму судьба.

Какъ було у старыя годы: то хадили апосталы и Богъ на зямли. Вотъ аднажды ѣдить купецъ, а къ яму на ўстрѣчу Богъ или апостылъ; канѣчна, какъ Святэя духи, то яны знаютъ, што челаваѣкъ не токма што гаворить, а дайжа што думайтъ. Вотъ яны и спрашіють у яго, ти халостый іонъ, или жинатый, а купецъ гаворить:—„А ящо халостый“.—Ну, а жанитца ты хочишь?—Спрасіў у яго Богъ, а іонъ ни знаў што ета Богъ и гаворить:—„Да, батюшка, хатѣўба, да никакъ ни найду нявѣсты“.—Богъ и гаворить яму:—„Паизжай ў такой-то горыдъ: на дароги будить сядѣтъ дѣвушка, то твая нявѣста“. — Вотъ іонъ паѣхаў и гаворить самъ сабѣ:—„Дай узнаю сваѣ щастя!“ Только ўѣхаў ў горыдъ, на ўстрѣчу къ яму идетъ ваданоска, ваторая на гораду ваду носить, за кусокъ хлѣба, для прапитанія, и такая нукуратныя и гарлуватыя; іонъ и думайтъ самъ сабѣ:—„Я какой маладецъ: и красіў, и багатъ, да такая мнѣ дружка, — падажжи: вазму я яе съ сабою, пувязу ў лѣсъ и убью“. Вотъ іонъ и гаворить ей:—„Паслушай, дѣвушка: пади ка мнѣ!“ Вотъ ина падходитъ къ яму, іонъ бяретъ яе съ сабою, павезъ, увезъ яе ў лѣсъ и давай яе битъ: біў, біў, біў, патомъ узяў и бросіў, а самъ паѣхаў. Вотъ ина тамъ качалась, качалась; патомъ хто-та нашоў яе, и привязли яе дамой. Вотъ ина выличилась, такая стала красивая дѣвушка и панравилась етиму купцу. Вотъ іонъ и давай яе сватать за сябе, а ина сагласна.

Патомъ яны пиривинчалнсь; вотъ яны лягли спать. Патомъ етыть купецъ пратянуль на яе руку и защуналь у её на тѣлу шарамы; вотъ іонъ и спрашнть: Што ета такое у тебе на тѣлу: ты сама сабою хараша, а у тебе ва тѣлу какія шарамы?— А ина и гаворить яму:— „А, мой ты милинькій, разказать табѣ пра мой злучай, што на мяне было? Сказать прауду, я была ваданоскыю. Вотъ я нясу ваду, только іду па вулицы, стричайтца са мною какой то купецъ и гаворить на мяне:—Здрастуй, вумница!“—А я гаварю:—Здрастуй, баринъ!.. „Саднсь са мною, паѣднмъ!“—А я гаварю:—А, мой ты галубчннь, якъ я съ табою поѣду? Патомъ раздумалась, сѣла и паѣхала. Вотъ іонъ мяне вывнзъ за городъ на поля, патомъ ссаднў далоу съ талѣтн, да какъ узяў сваю карнатку, да какъ стаў дўнтъ,— дўнль, дўнль, такъ што зрубнў усю на шмѣтѣя. Патомъ я то ракъмъ, то бокъмъ, припаўзла къ дярѣнн; вотъ я вылнчнлась“. Купецъ и гаворить ей:— „Ну, мнлая мая, признаюся я табѣ: ета я тебе бнў, и разказать табѣ за што. Мнѣ сказаў одннь, што ета твня нявѣста, то я и думаю самъ сабѣ, какъ можна мнѣ, такому лицу, какъ я—называюсь купецъ, а ты была тады ваданоска, усѣ раўно. што нищая, жаннцца на табѣ: такъ мнѣ и тронула серна“. Патомъ яны обнялнсь, пацалувалнсь; стали жнть, да пажнвать, да дабро пажнвать. Я тамъ быў, медъ внопнў; па губамъ тнкло, а ў ротъ нн пупала.

Ж 4.

Абъ Ивани Бнзщастнмъ. Абъ Николи, абъ Ягоры.

Мать Ивана Бнзщастннга аскарбнла Ягорья: выкалала яму вока—за то Ягорья уряждў дѣланть сыну абндчнцы — Ивану Бнзщастнму, а Никола заступантца за Ивана. Ягорья ннўку Иваныву градымъ пабѣть. скотъ яго паморнтъ, нзъ хлѣбушка споръ выннтъ; а Никола усю уряжду на пользу Ивану абрнчанть и, напаслѣдкн, на пнрушкн, мнрнтъ Ягорья съ Иванымъ Бнзщастнмъ.

Шлн аднажды у субботннй день Госпотъ, Ягорнй и Никола дарогаю окала бани, и спрашнть Ягорнй у Госпада назваленн пасматрѣть, хто мынтца у бани. Госпотъ, знаючн, што мыютца у бани жѣнщнны, и гаворнтъ Ягорьюшкн:— „Ягорнй, нн глядн

и ни любашытствуи: такъ ня слѣдуйтъ табѣ“.—А Ягорій на-
станвайтъ на сваёмъ,—кажитъ:— „нѣтъ, Госпади, пасматри!“

Гаспотъ и гаворить яму:— „ну, пасматри сабѣ, да опасли
ни кайся!...“ Ягорій и стаѹ сматрѣтъ у вяршоѣ. Падѣ вярш-
комѣ сядѣла баба бяременная. Ина усматрѣла, што сматрѣтъ
мужской полѣ у вяршоѣ и гаворить яму:— „ни палагантна
мужскому полу сматрѣтъ на жѣньскій полѣ и торнула яму у
глазъ пальцымъ, и папоѹ Ягорій прочѣ итъ бани заплабаѹши.

Гаспотъ и гаворить:— „што ты, Ягорій, плачешь?“ Ягорій
и гаворить Госпаду:

— „Жѣнщина торнула мяне у глазъ пальцымъ—чуть глазъ
ня выкалала“.—Гаспотъ гаворить Ягорію— „Я табѣ гаворилъ,
што глядѣтъ у баню ни палагантца“.

— Ну, Госпади, ни пращу я етъй жѣнщины: ина якъ ро-
дитъ сына—будить атъ яе сынъ Иванъ, Сынъ Бизчастный.

Гаспотъ и кажитъ Ягорію:— „да, чимъ жа рабеныкъ вину-
вать за матку? Іонъ яще у чреви,—ничаво ня смыслить и ни
панимаить“.

— Нѣтъ, Госпади, ни пращу я ей етъй вины: якаво жа
и мнѣ таперъ безъ глаза.

Жѣнщина радѣла сына; налажили яму имя Иванъ. Иванъ
жѣ, жѣ и ужу дайшоѹ да савяршенналѣтій; заводить сабѣ
хазяйства, якъ и добрый стаѹ хазяинъ—усякія живаты у яго
іость. Узнаѹ пра ету яго харошію жистъ Ягорій, пубядіѹ яго
усѣ хазяйства; іонъ паслаѹ на скоть яго ѡпадѣ, а на хлѣбъ
яго гразу. Живаты яго, адѣ хадими, тамъ и прапали; а на
паласахъ яго хлѣбъ, имъ засѣянный, градамъ пумясила и съ
зямлѣй. Заплабаѹ горькими слезами ѡбдныи и горькій Иванъ
несчастный, и кажитъ самъ сабѣ:— „знать, я Госпыду Богу
стольки ужу пагряшіѹ, што Гаспотъ лишѣ мяне и жива-
тины, и хлѣбъ памясѣѹ градамъ“. Яѹлянтца Ивану Нисчас-
тану Николушка батюшка, угодинокъ Божій, скорый памощникъ;
гаворить яму: „Што ты, Иванъ Нищастный, такъ гарюишь; а
чомъ ты такъ слезна плачешь и туга гарюишь?— Ни плачѣ.
Иванушка! лупи вожи, вязи у горать прадавать; што запро-
сѣшь, то и палучишь. Запросишь за кожу пу пяти рублей,
дадутъ деньги; а запросишь па десяти рублей, дадутъ и па
десяти“. — Тады купляй пашаницу и сѣй сваю землю, и, идѣ

будить аставатца у сасѣдїй нясѣйная зямля, засивай и чужую,—ня гляди на то, што зямля худая: Гаспоть зародить“.

Иванъ Нисчастный, разработаў зямельку, забраў чужую землю у сасѣдїй, параспахаў и пазасѣіў пшаницу. Гаспоть и ў праўду зарадиль такую пшаницу, што и срѣзу не была. Идутъ пу мяжи Гаспоть, и Никола, и Ягорій, якъ ужу хлѣбъ зарадїся и начаў сазрѣвать. Ягорій спрашїть у Госпада: „чїя ета пшаница?“ А Гаспоть твичать! — „Свѣтъ Ягорій, ня жъ ты, Ягорій, ни знаишь, чїя ета пшаница?“...—Нѣтъ. Госпади, ни знаю.—Гаспоть кажить яму: „ета пшаница Ивана Нисчастнага“.—Ау, Госпади! нашлю я на ету пшаницу такую большую grazу—пабью ету пшаницу и съ зямлѣю смяшу. — И пашли атъ етїй пышаницы. Никола абратїся къ Ивану Нисчастному и гаворить яму: -- Иванъ Нисчастный, сматри: ни ддерживай пшаницу да большога успѣху, сабирай талаку. жни пшаницу, сваживай и клади у скирды!... Иванъ Нисчастный сабраў талаку, жнетъ пышаницу и сваживанть у скирды: пажали и у скирды памитали. Устали грозы сильныи, пашли грады буйныи: памясили ржищи пшонныи съ зямлѣю. Патомъ Гаспоть, Микола и Ягорій пашли па гумнамъ дасматрѣтца, сколько чернь убрали хлѣба.

Ягорій и кажить Госпаду: „сколько мы хадили па гумнамъ, но нигдѣ ни видали столько хлѣба, што у етыва хазица пышаницы: - адѣ іонъ будить дивать пшаницу?“

(А ета пышаница и гумно были Ивана Нисчастнага). Ягорій свѣтъ и ни знаѣ, чїя ета пышаница и гумно. И спрашїть у Госпада: „Госпади, чїя ета пышаница и гумно?“ А Гаспоть атвичать: „Ахъ, ты, Ягорій, разви жъ ты ни знаешь, чїя пышаница и чїе гумно? Вѣдь все ета Ивана Нисчастнага“.

— Ну, кали ета пышаница Ивана Нисчастнага.—ня будить у ѣй спору: сколько іонъ ня будить садить на авинь, усигда будить выхадить съ авина только пять мѣрѣ. — Атавратїся угодниѣкъ Божїй къ Ивану Нисчастному и гаворить яму:—Иванъ Нисчастный, сади на авинь пу пяти снапоў: у чатыри угла па снапу, а пятимъ снапомъ акно закрывай! Иванъ Нисчастный пакланїся Миколушки батюшки и стаў садить пышаницу на авинь пу пяти снапоў;—намалатїў столько пышаницы, што пазасыпаў ня то што амбары, а и всѣ сараи. Вздумаў Гаспоть асматрѣть, сколько находитца у черни хлѣба у заврамахъ,

узяў сь сабою Миколушку и Ягорія. Хадили, хадили, дашли да дому и Ивана Нисчастнага и увидили у Ивана Нисчастнага столь многа пышанины: усе закрамы у амбарахъ, усе сараи присыпаны.

Вотъ Ягорій и кажить Госпаду: „Госпади, адѣ будить етнй мужичекъ дивать казну сваю?!... Сколька у яго пышанины!...“ Гаспотъ ипять гаворить Ягорію: „Ягорій, ти знаишь, чія ета пышаница?“ А Ягорій атвѣтствуетъ:—не знаю!

— „Ета пышаница Ивана Нисчастнага“.— Ня будить жаму спору!—гаворить Ягорій:—вали будить прадавать, то за адну мѣрку пышаницы у яго будить ухадить двѣ мѣрки. — Атавратіўся къ Ивану Нисчастнаму Никола и гаворить яму: „Иванъ Нисчастный, прасидай у имбара другую дверь у другой станѣ, а ету дверь задѣлай: тады будить у тебе споръ, — ня бойся!... Прадавай пышаницу ды Ягорья и спраўдай двѣ свячи: Микольскую свячу паменій и Ягорыўскую паболій. Мы на гулянья ваша придемъ къ табѣ у домъ у траемъ, а ты насъ выжидай!“

Пасади насъ за столъ: пастарѣйшага на самый кутъ, а другога малажѣйшаго пасярѣдъ, а третьига рядомъ сь малажѣйшимъ, и старайся угащать сяреднига малажѣйшага якъ нильзя болій, а насъ хуть и паменій; — мы за то абиждатца ня будимъ“.

Иванъ Нисчастный справиў двѣ свячи: Микольскую паменій, а Ягорыўскую паболій. Зазвалъ іонъ састѣдїу на багамаленія; сабралісь усе и ажидають парядку. Тутъ сусѣди и гаворють Ивану Нисчастнаму: „Што жѣ ты зазваў насъ на шутку звать? Ни угащаешъ ничимъ!...“ Иванъ Нисчастный и гаворить имъ; „пагадита, братцы: я дажидаю добрыхъ людей ящо къ сабѣ: хлѣба-соли хватить су усѣхъ! Ну, давайте Богу малитца: добры люди авось скоро падыйдутъ“. Пумалились Богу, и яны утраёмъ пришли. Иванъ Нисчастный радъ быў имъ такъ, якъ душѣ сваей; содитъ ихъ за столъ, и увесь народъ пасадїу; стаў ихъ угащать разными наѣдками и разными винами: Госпаду Богу и Миколи на рюмки, а Ягорью двѣ и три. Стаў Ягорья нависели, и гаворить Ягорій:—„Госпади, у якога-та хазяина мы нахадились на чести!“—Гаспотъ и гаворить Ягорію:—„Свѣтъ Ягорій, няго жѣ вы ни знаята, у якога хазяина мы на чести?—у Ивана Нисчастнага“.—Тады

Ягорій змилюваўся надъ Иванымъ Нисчастнымъ и гаворить:— „Госпади, пашли яму щастя и у поли, и у дома, и я працаю яму, што яго мать мине ускорбила!... „Публагодарили за хлѣбъ-соль, за усё утащаніе“: пашли табѣ Госпади счастья и у поли, и у дома, чаго ты ить Госпада Бога желаишь!...“ Съ тыхъ поръ и таперъ Иванъ Нисчастный живеть счастлива и багата.

№ 5.

Ибъ святымъ Николи и Ягорью. Якъ Ягорій пумагаў мужику, а св. Ягорій, насупрати Миколы, усякую уряжду дѣлаў.

Ишоў Никола святэй съ Ягорымъ, идуть яны — мужикъ выѣхаў пахать пашаницу—ляда.

— „Ягорья, пайдемъ пасобимъ яму — спасибо скажить! Приходятъ къ яму:— „Бохъ помачъ, мужичекъ! Што ты хатишь тутъ дѣлать? Мы тибѣ пасобимъ пахать“.

— Што жъ вы мнѣ пасобитя—на аднѣй кабыленки? Я и адинъ запашу.

— Ни нада твая кабыленка: мы таць успашимъ. Пусти яе на лухъ, а мнѣ ана ни нада. Ты, Ягорій, дяржись за рагачъ, а я стану у вобжи. Атиѣтъ, мужикъ, намъ дсятину, скольки тибѣ пахать“.

Атиѣтїу имъ дсятину мѣста. Микола стаў у саху, а Ягорій за рагачъ и паѣхали; здѣлали хрестъ — зимля уся паднилася.

Мужикъ и благодарить ихъ:— „Благодаримъ вамъ пакорна!“

— Скажи, мужичекъ, хто важнѣй: што у сахъ стааў, ай, што за саху диржаўся—хто даражнѣй будить стоить?

Іонъ думаў, думаў.

— „Дорахъ воникъ: бизъ каня пахать ня будишь, а съ канёмъ и баба успашить“.

Пашли яны; Ягорій сказаў:— „Ты мине будишь бабыю звать, будишь сміятца кала мине“.

Гаворить Ягорій Николи:—Я яму зямлю ипять палажу: ляжить зимля и приживетца.

— „Слушай, Ягорья: іонъ ни знаить, што мы угодники Божіи, и іонъ намъ абанімъ гаваріу спасибо. Брось—ня дѣлнй етыва“.

Ипать вадеть Ягорья къ етому мужику. Мужикъ выхну сѣить.

— „Пайдемъ мы къ яму, разсѣимъ: іонъ намъ спасибо абаимъ скажить“.

Приходятъ.— „Бохъ помачъ, мужичекъ! Што жъ ты хочишь пашаничку сѣить? Нихай мы тибѣ разсѣимъ“.

— Добрыи люди, што жа васъ бизунакоить? Я самъ ужъ пасѣю.— „Мы якъ пасѣимъ—съ троя пригарщиѹ Бохъ зародить.

А ету чвѣртку пумяли и накарми дятей паслѣднимъ. Намъ троя пригарщиѹ—болій ни нада!“

Микола усынаѹ троя пригарщиѹ у сивалку.

— „А етый мѣхъ завяжи. дитямъ пумяли: ета дитямъ будить. Ты, Ягорья, палаша мнѣ, а я пашаничку раскину!“

Ягорья стаѹ ляшить нахристь пу паласѣ, хрястомъ при-сѣили.— „Ну, мужикъ, Бохъ съ трая пригарщиѹ зародить — убирай только!“

— А хто у насъ важинъ: ти сявецъ, ти ляшенникъ?

— „Ай, батюшки мае, важинъ у насъ сявецъ, а ляшен-никъ—и баба, и тая лѣшить!“

— Пращай, мужичекъ!

Ишедши, гаворить Ягорій:— „Стала быть я баба, а дорахъ—важинъ сявецъ—ты: таперича узварачу зямлю назадъ—ипать приживѣтца, ипать будить лухъ“.

— А, Ягорья, ня ссорься ты зъ мужикомъ, ня гнѣвайся: якъ ба іонъ знаѹ, што мы угодники, лухъ ба абокъ павѣ-жаѹ—за низнанія іонъ сказаѹ!

— „Нихай сабѣ сѣить — будить яму зарыеть, а владѣтъ ня будить—пустъ растеть сѣинья!“

— Якъ ня будить владѣтъ?

— „Пуцай растеть усе у мѣсиць, а тамъ увидимъ“.

Пашаница вырасла якъ быть—двѣ четверти колысь.

Ягорій гаворить:— „Радапца мужикъ пашаницы, а владать ею ня будить“.

— Чимъ ня будить владать?

— „А я пользаватца ни дамъ!“...

— Што жъ ты яму здѣлаишь?

— „Напрашу Илью Святова, штобъ наслаѹ іонъ бури—грозы,—штобъ навозымъ павлали яго хлѣбушка къ земли,—хлѣбъ пусть прѣвить!“...

Никола іўлянтца къ мужику. — „Мужикъ, продай папу пашаницу: а то усю Ягорій паложить!“

Мужикъ приходитъ къ папу. — „Батюшка, купи мнѣ пышаницу! Видали вы яе?

— Видіў.

— „Купитя вы яе у мене?“

— Што тибѣ за яе дать?

— „Што, батюшка, пажалайта“.

— Я дамъ тибѣ сто рублей.

Узяў сто рублей. Наканецъ пришла ночь, и Ильля паклаў усю пашаницу, прикатиў, якъ барно, бурій—палигла уса.

На заўтрива, деньги атдаўши, попъ выходитъ глядѣть пашаницы, глянуў—руками пляснуў: — „За што я 'тдаў дѣнги—за навозъ!“

Никола къ Ягорью приходитъ: — „Што ты, Ягорья, знаешь? А вить мужикъ хитрѣй за насъ угодникыў“.

— Чимъ таеъ?

— „А іонъ папу пашаницу продаў“.

— Што іонъ узяў?

— „Да сто рублей.—Ты надѣлаў бяды: вить попъ пѣмреть. Ты вить знаишь: папы жадны. Ты ета на сибѣ грѣхъ узяў—попъ на диньгахъ жиў ня будить“.

— А дакъ іонъ папу продаў! Падыму же папу—и аданъ колысь ня учѣнить.

И падняў у ночь усю пышаницу. Якъ была, таеъ и стала ипать. Приходитъ къ мужику Никола: — „Няси папу дѣнги: ипать назаўтрига падымитца пышаница“.

Пабѣхъ пирядъ вечирымъ, яўлянтца къ папу, а попъ яму и гаворить: — „Ухади ты, с... сынъ—абманіў! пышаница палигла—а ты яе продаў“.

— Батюшка, ната ваши дѣнги назадъ: я принеъ да ка-пѣйки.

Пашитаў попъ—уси дѣнги.

Пашоў мужикъ глядѣть пашаницы: уся пышаница, каеъ трость—ни аданъ колысь ня ўгинуў.

Никола іўлянтца ипать къ мужику: — „Хади, мужикъ, ни зивай: ана, пышаница, паспѣить тибѣ у три дни,—толькѣ сабирай талаку бабъ сораеъ, и жни, и вази!“...

Іонъ сабралъ на третій день талаку, бабъ соракаъ узалъ и вазилъ; наклали гумно и скирды змиталя.

Микола абарачаитца къ Ягорью:— „Што ты знаишь, Ягорья?“

— А што?

— „Етый мужикъ хитрѣй за насъ, угодникы Гасподнихъ“.

— Чимъ?

— „А вотъ чимъ. Пирикупилъ пышаницу у папа: сталъ пошь абиждатца, іонъ знёс папу дэнги... А ты поднилъ пышаницу мужибу, мужикъ ею авладаетъ“.

— Ну, ня будить насъ хитрѣй! я здѣлаю яму такую шутку.

— „А што жъ ты яму здѣлаишь?“

— А я яму споръ выню.

— „Якой?“

— А хуть 10 копъ содь—усе асьмина будить выхадить.

Никола абарачаитца къ мужику ипать.

— „Мужиєъ, сматри жъ ты содь пу пяти снапоу у авинт: пу углахъ на снапу, а пятый у вакнѣ—усе асьмина будить выхадить“.

Мужикъ абарачивался садить пышаницу. Пять снапоу пасадить, васьмина выйдить.

Скольки времѣ малатиу, насыпау цѣльный имбаръ.

Микола абарачаитца къ Ягорью.

— „Што ты знаишь, Ягорья?“

— Што?

— „Мужикъ хитрѣй за насъ“.

— Чимъ?

— „А іонъ якъ падлидился пышаницу малатить: пять снапоу пасодить—асьмина выйдить“.

— Нѣ, ня будить іонъ хитрѣй угодникы: я яму здѣлаю шутку.

— „Якую?“

— Утаню злыдню у въ имбаръ: усю пышаницу пираносить.

Микола абарачаитца къ мужику.— „Што ты, мужикъ знаишь?“

— А што?

— „Сматри: забей двери стары наглуха, а новы праруби сзаду“.

Микола абарачаитца къ Ягорью:— „Што ты, Ягорья, знаишь? Мужиеъ хитрѣй за насъ, угодникы Божыхъ“.

— Чимъ хитрѣй?

— „А вотъ чимъ. Забіу старыи двери наглуха — змыдн твая садить, дажидаеть, пакедадь аттворить. а сзадү-та мужиць прарубіу двери и аттуда вынуцаить пышаницу. прадаеть у новыи двери“.

— „А дакъ іонъ хитирь—харашо жь!“

— Што жь ты яму здѣлаишь?

— „Пайду къ Ильи, штобъ іонъ панаслау грозы—вѣтры. бури—моланни, штобъ яво домъ размяло и ни была ничаво на чистымъ полю, када іонъ хитирь“.

Никола абаратіуся къ мужику: — „Мужиць, сматри: твой домъ запалить Ягорья“.

— А чимъ жа мнѣ милуватца!

— „Я тебе научу. Придеть васкрасення, иди у церькву, купи двѣ свѣчки: адну грашавую, другую питаковую; грашавую умарай у сажу, — питаковый ни марай. Стань къ Ягорью. къ образу и гавари:

— Святѣй Ягорья Хвабрый, угодникъ Божій, ты праведникъ Божій: вотъ тибѣ свѣчка чистиньбая; а ету грашовую пастаюлю Миколи-обманьшику.

Падходить Микола къ Ягорью:— „Прасти ужь ты яму: іонъ тебе праведнымъ апостылымъ пачитаить, а я абманьщикъ—а ты жь ищю на мужика гнѣвайсьтя!“...

Прагаваріу тада Ягорья:—Ну, Гаспоть зь имъ: пусть валадаить дабромъ! Бохъ зь имъ!“...

№ 6.

Якъ Никола помохъ бѣдному мужику, а пѣтэмъ бѣднѣй мужиць, стауши тѣмаримъ, нѣувѣжча супрати Микола пупступіу.

Никола угодникъ сжаліуся надъ мужицькѣй биднатой,—стау прасить у Бога дазваленія памочь мужику:—„Госпади, дазволь мнѣ такога-та мужика здѣлать багатымъ!“

Бохъ и гаворить:—„Да, іонъ жа, абагатѣу, табе першыга надуить“.

— Нѣтъ, Госпыди, іонъ глупа ня здѣлаить: я яго знаю.

— „Ну, паглядишь!“

Гаспоть здѣлау такъ, што мужиць разбагатѣу.

Потѣмъ нашу Гаспотъ зъ Миколыю на зямли и зайшли у дѣмъ тога мужика, каторыга дѣлалы багатымъ.

У мужака была у тѣй день талака, была многа народу: Гаспотъ и Никалай угодникъ пунрасились у хазяина на вычь. Хазяинъ зъ гнѣвымъ на ихъ заарау: — „Далій пашли! Няжъ вы, братцы, слѣпы, што у мене талака“.

Гаспотъ было ужъ мима ихъ прайшоу; а Никола давай стучатца, да стучатца. Хазяинъ таки ихъ пустиу. Дягли гости спать: Гаспотъ на печки, а Никола на лизанки.

На другой день ищѣ ни развиднѣла, а хазяинъ своихъ гостей ужу будить: — „Ну, гаспада нашлежники, пашли пужагать на гумно малатить!“...

Яны спрасонку патихоньку напратывались, а хазяинъ асирчау: узяу пруть и давай тымъ прутымъ бизувать Николу, а якъ пруть слумаўся, пашоу за другимъ.

Бохъ тымъ часымъ приказау Николи лечь на печки, а самъ лѣхъ на лизанки.

Хазяинъ, якъ зваратиўся, крикнуу: — „Што жъ вы ящо ни адѣлись?! Ну, теперъ заднему паддамъ — пареднему ужу падлау“.

Николи ипать пупала: нихай за дурака ня просить.

Пашли на гумно.

Снапы съ авина выбрасили и насадили у пасадъ.

Бохъ узяу свячу изъ хванаря да и паджохъ снапы.

— Што ты ета дѣлаишь? Спужаўся мужикъ.

— „А ничога—гляди!“

Сматрѣть хазяинъ: салома сама па сабѣ, а зярно ляжить чистыя на таку. Зярно ўсыпали у машки; тады хазяинъ сказау спасибо нашлежникамъ.

Гаспотъ и Никола пашли сванымъ путѣмъ.

А на другой день вутрымъ хазяинъ хатѣ абмалатить снапы, якъ нашлежники — и падпаліу салому: гумно згарѣла, хлѣбъ згарѣу, и стау хазяинъ бѣдинъ, якъ и дапрѣда.

№ 7.

Гурій—Самойла за несчастную женщину заступились.

Гурій и Самойла были священники при храме Божьимъ. Яны пиривинчѣли па ашибки адну дѣвушку съ жинатымъ члавѣкымъ.

Якимъ-то родамъ у другимъ горади ужъ, а ни Смаленски, не стали мучить и у землю закапали.

Пу малитви Гурія и Самойла. ина пиринислась живая у Смаленскъ и стала жить са свайми сродствинниками.

№ 5.

Старець съ ангеломъ путешествуетъ, и ангель показываетъ старцу справедливость Божію, гдѣ старецъ не признаеть ее и не видитъ.

Адинъ чилавѣкъ сядѣу вѣдди дароги, ни мала прасядѣу— тридцать лѣтъ, и ужъ яму сдѣбалось наваждѣнія.— Праизжали два прикащика, падали яво. атѣхали, увиду яво лашадей атлажили, начали абѣдыть. агонь разлажили, шкатулку денигъ вынули, лашадей выкармили, лашадей залажили, паѣхали, а деньги забыли. Сעותникъ увидау аганекъ, пришоу къ агню, небагда яму абагриватца; узяу шкатулку паде палу и пашоу. Въ скорымъ жа времени идеть чилавѣкъ етымъ жа путемъ за прикащиками; разлажѣся къ гатоваму агню, штоба паабѣдять; а прикащии хватилися, што забыли деньги, вратилися назадъ, начали спрашивать у етыва чилавѣка, каторыва дди агню заспѣли, спрашиваютъ у яво:— „Ты деньги узяу?“— Іонъ атвичаить:— „Я ни видау“.— Аны начали яво нагайками сѣчь:— „Гавари!“ А іонъ атвичаить:— „Я ни брау!“— Аны яму пирилумали рубу:— „Ти ты?“— Нѣтъ.— Аны заваратили лышадей и паѣхали. А етытъ стариць, што дди дароги сядѣу, ету бяду видитъ, што сказнили мылайца бизъ вины. Етытъ стариць бросѣу ета мѣста и атсюда ушоу, пубыяушисъ, што яво будутъ тигать за ета дѣла—пашоу дарогую. Случѣся къ яму тыварышъ, и яны пашли у дваемъ. Абнила ихъ ночь, просеютца яны у хазяина пиринучувать. Хызяинъ ихъ принимау, гаворить:— Прашу паборна: ваши, можа, ноги былять.— Сичасъ іонъ имъ паслау пастелю и паставѣу имъ на столъ кушання, и паставѣу имъ штохъ водки, и сяребриную рюмку вызалачиную:— „Вотъ вы пейтя и ѣштя, и атдыхайтя!...“ Яны заснули нѣскалька ўремя, етытъ жа чилавѣкъ, каторый прилучѣся на дароги къ етому старцу, устаеть рана и будить яво; гаворить:— „Пайдемъ, братъ!“— Стариць етытъ гварить, што нада публагадарить хызяина, а іонъ га-

ворить:— „О, будимъ блыгодарить хазяина!“ И узяу етыть чилавѣкъ рюмку сребриную вышмычичную, уклау у сумку; ипать нашли путьемъ свазимъ. Толька у етыга старца ужъ на сердцѣ начиста, што іонъ прасидѣу длі дароги тридцать лѣтъ, и тамъ чилавѣка да полусмерти прибили у яво виду, и у каторага хазяина начували, таварышь утащѣу рюмку за харошую хлѣбъ-соль. Прайшли яны ящѣ день, просѣтца у другога хазяина пиринучивать. Хазяинъ ни пуцаить, етыть старицъ гаворить:— Пайдемъ, братъ, дальши!... А етыть жа чилавѣкъ, каторый украу рюмку, гаворить:— „Будимъ праситца на нычъ“. — Куда васъ пуцать, лѣшихъ?— „Пажалуста, пуститя!“— Давъ вонъ ступайтя у свинникъ, ляжтя!— Етыть старицъ и гаворить:— „Пайдемъ дальшій: у свиннуху ни харашо“.— „Нѣтъ, пириначумъ, вада пуцаить“.— Лягли яны у свиннуху. Пиринучували. На заўтрига етыть старицъ будить раненька:— „Пайдемъ, братъ!“— Братъ, нада, публыгадарить хазяина.— Старицъ етыть падаждау, што таварышь просить. Хазяинъ устау, пашли яны благадарить хызяина:— „Блыгадарю, хызяинъ, за нашлегъ!“— Вынимаить яму рюмку, за нашлегъ дѣрить:— „Вотъ табѣ за нашлегъ рюмка!...“ Старца узила зазноба: у харошига чилавѣка были прилична приняты, а у етыга плута затворины у свиннухъ, и ету рюмку іонъ яму атдау, а у добрыга чилавѣка уварувау. Пашли ипать путьемъ. Старицъ бальшоя имѣу сумлѣніе, стау расказывать и начау гаварить:— „Богъ нашъ несправядліу“.— А таварышь гаворить:— „Чимъ несправядліу?“— А я табѣ разекажу пра сваю дасаду. Я прасядѣу 30 лѣтъ водли дароги. Праизжали прикащики, мяне падалили, кармили лашадей у виду. Выкарміуши лашадей, паѣхали, а шкатулку денигъ забыли, а скотниѣкъ пришоу къ агню, узяу шкатулку и пашоу за скатомъ.— За што яму дастались денги?— „А за то, што іонъ пасеть нѣскалька лѣтъ, а яму плотють пазаднымъ хлѣбомъ; за ета яму Гасподь и дау“.— А за то што жъ етыму маладцу, руку пириламили?— „А за то, што іонъ удариу атца и матирь; вотъ за то-та яму руку пириламили.— А еты денги падсыланы, иминна, къ табѣ; еты денги разбойницкія, гробѣжныя,—ни сагласисьтя ихъ узять; а ты ни сагласіутя“. Тада іонъ и гаворить ипать на свайго таварыша:— „Аднача, братъ, и ты несправядліу.— У первага хазяина мы были приняты, и питяніе, и идяніе, и пастеля была паслана; а ты яво ни пуб-

лыгадаріу и рюмку у яво увакрау: а у шута-хызяина пупра-сіуса, дынь іонь намъ пазволіу начувать у свиннуху, — и ты за свиннухъ публагадаріу, и рюмку узяу и падаріу, у добрыва чилавѣка увакрауши“. А стариць гаворить: Паслушай, братъ, ета рюмба хвальшивая: ету рюмку найдуть, дакъ за яе накажуть кнутомъ и у Сибирь аташлють. Тога хазяина, каторый насъ приняу харашо, тога ня стоить, а вотъ етыга стоить, каторый насъ пустіу у свиннухъ начувать, идѣ свиннѣя воши. Када паживешъ, услышишь: яво пашлють на дароги — „А ты хто такой?— А іонь яму гаворить: „Я ангиль!“ и улятѣу. Посли етыва етытъ чилавѣкъ, каторый ихъ затваріу у свиннухъ, быу посланъ по дароги.

№ 9.

Абъ Судьи Правиднымъ, абъ лягушки, вугри, смерти и Николи угодники.

(Село Пречисто-Духовинскаго уѣзда).

Была ета время: таперь выбираютъ судій на три года, а выбрали Судью Правидныва на тридцать лѣтъ. и сядѣлъ іонь 30 лѣтъ зъ глазами, никаму пашады ни давалъ, ни съ каво скуны ни бралъ, ниваво ни скарбилъ, ни бругалъ; сколько скажить ударыу, столько и дастъ.

Атефдилъ 30 лѣтъ и здѣлалъ валастнѣй сходъ; штоба оставили яго или панавили.

— „Гаспада міряни, я и атъ міра ня прочъ, и атъ Бога ня прочъ. Кали хочитя, штобъ я у васъ сидѣлъ, выкалия мнѣ глаза“.

Согласился валастнѣй сходъ выкалатъ яму глаза:

— „Яму ни работать—будить сядѣтъ и сляпой“.

Какъ видушій судиль, такъ и слѣпой, тожа тридцать лѣтъ. Здѣлался валастнѣй сходъ, штобъ яво панавить.

А онъ атправился въ баню. Только раздѣлся и узлилъ на галаву вады—шлепъ ему на нагу тяжка и халодна.

— Кто ты?

— „Лягушка я, Судья Правидный“.

— Зачѣмъ ты пришла?

— „Я прибрѣтала себѣ къ зимѣ теплую печурку, штобъ

была гдѣ зимовать. Ательсѣ узялся угорь. выгналъ мене изъ теплый пичуры”.

— Ека мушва да бабу выгнулъ вонъ и ня мохъ призвестъ теплый пичуры. Привяди яго сюды. Ступай къ Судьи Правидному—скажи яму.

Сказаль лягушки перва:

— Ни баюсь Судьи Правидныва, ни найду къ яму.

Приводить угра къ Судьѣ. Шлепъ Судьѣ на ноги тяжка и холодна.

— „Привила?“

— Привила.

— Угарь, какъ ты ета мохъ здѣлать?—Лягушка баба, а угарь такая громкая названія?! Ударить тябѣ 5 удару.

Падай-ка, лягушка, изъ галеня вытяну 5 пругоу и дамъ яму пять ударуѣ. Лажись, бестія! Какъ ты могъ бабу выгнать?! Лехъ вала нохъ.

— И мене вамъ ни упрасить. И прасить вамъ мене—ни упрасить, и купить—ни закупить: я есть Судья Правидный. Падняу сваю руку и прутикымъ стигануѣ—и стау іонъ видить лягушку и вугра.

— „Помни, бестія: за то тябѣ пращаю чатыри удары, што бабы-лягушки скоро послушау, скоро пришолъ!“ (А за то іонъ прастилъ, што увидѣлъ бѣлый свѣтъ и низнама каго сикануу: ти угра, ти ящо каво).

— „Помни, бестія, штобы бабы-лягушки изъ печи ни выгнать!“...

И пашли па сваймъ мѣстамъ. Пришолъ въ власть, приростился и шапку навѣсилъ на гвазду.

Сторажъ и гаварить другому:

— „Судья нашъ Правидный видить“.

— Какъ ета можна, штобъ іонъ видѣлъ!

Ну, видить сабѣ, такъ и видить!

Сазвали валастнѣй сходъ выбирать яго.

— „Я ать Бога ня прочъ и ать міра ня прочъ. 30 лѣтъ сядѣлъ съ глази и 30 безъ глазъ: пара старымъ кастямъ дать пакой—астаути мене!“...

Пакланился міру и пашолъ прочъ. Дашолъ да маложъ.

— „Пириначую здѣсь! а то скажутъ сыны и унуки: плоха служить дѣдъ. што прагнали яво прати начи“.

Завачуваль. Бурдятъ камары бала яво—ни дакъть спать. Тенлушка разложиль. Ляжить на баку.

Яуляйтца Гаспотъ.

— Што вы начуитя? Нилзя ли мнѣ съ вами परिначувать?

— „Ня будишь са мной начувать? Я за вами знаю причину“.

— Какую?

— „Свѣтъ равинъ и глядимъ мы раѹна, другей чилувѣтъ сытъ и адѣтъ и абуть, а у другога нѣтъ ничаво — ни сытъ, ни голыдинъ“.

Гаспотъ адалился прочь отъ Судьи Правидныва.

Гаспотъ саздаеть яму Никалая угодника:

— „Можить юнѣ за табюю ня нашу никакой причины? На мнѣ нашоль“.

Яуляйтца Никалай угодникъ.

— Начуишь?

— „Начую“.

— Можна съ табюю परिначувать?

— „А хто ты такой?“

— Никалай угодникъ.

— „Ня можишь. Я за табой причину знаю“.

— Какую?

— „Хвасливый за деньги купить свѣчку и несеть. а багатый съ свайго воску ставить. А тада ты брови задираишь, усы падымаишь, глаза выгалаишь, смотришь такъ пряма на насъ, на багатыхъ, што харашо свѣчки ставить.“

А бѣднѣй чилувѣкъ сабѣтца и паставить свѣчку: тада ты ня смотришь на яго пряма: глаза зажмуришь, брови апуцаишь, глаза закрываишь, усы вѣшаишь, — ня смотришь ты пряма на насъ, бѣднѣхъ, што нихарашо мы ти бѣ свѣчки ставимъ. Иди—ня будишь са мной начувать!—и етыва ятогналь. Николай пришоль къ Госпаду:

— „И за мной причину нашоль!“...

— Саздадимъ яму смерть и женщину!

Смерть приходитъ къ яму.

— Здрастуй, Судья Правидный!

— „А хто ты такая есть?“

— Смерть.

Судья усталъ и поклонился ей: ни нашоль за ней при-

чинам:— „ета ни възметь ужъ скупы. прасить яе ни упрасить, купить яе ни закупить!“...

Пириначували. Узнялся итить Судья Правидный, сталь глаза вымывать расою. и смерть на яго глядя такжа.

Пумалился Богу и пашоль. Смерть гаворить:

— Я съ тобой найду!

— „Прашу пакорна“.

Пашли вмѣсти.

— Судья Правидный, я тибѣ умарю въ сараке сажиней ать дому.

— „Ахъ, гаспажа смертынъба, мамухна, прасить тибѣ ни упрасить, купить тибѣ ни закупить.—ну, дапусти мине дамой, штобъ ни памеръ бизъ пакаянiя!“...

— Ступай, а усе таки я тибѣ умарю.

Патребывали священника. Паспавѣдалъ его. приабщиль; аўляйтца къ яму смерть.

— Судья Правидный, я тибѣ пумарю.

— Ну, пазволь мнѣ, гаспажа смертынъба, хуть разъ прайтись на маемъ садикю. У мине у саду была пчела, разныя хрухты—хачу пасматрѣть, ти такъ у маихъ сыновей, якъ а мине была.

Приходить у садъ — такжа гудеть пчела, такжу цвитутъ разныя красачки, такжа спѣють разныя хрухты.

Ну, Судья ужъ умиръ: смерть вывила яво душу изъ тѣла, — только тѣла у дворѣ асталось.

Усѣ Судья Правидный хадилъ са смертью на свайму саду, усѣ. любувался садымъ.

— Што, харашо у тибѣ въ саду, Судья Правидный!

— „Усе харашо. Ну ступай—мари мине!“.

(А ина яго уже змарила).

Идутъ къ двару, а тутъ уже воють на яво тѣду.

— Ахъ, смертынъки душа, што еты выють у маимъ доми?

— А ета на тѣду на двайму, а у тибѣ осталась одна душа!

— „А гдѣ мнѣ быть велѣлъ Гаспотъ“.

— Велѣлъ Гаспотъ пустить тибѣ у царствѣ небесная.

№ 10.

Абъ Ивани Сямёныви, якъ іонъ искаў правидныва чилавѣка и са смертію падружійся; якъ са смертію Иванъ Сямёну сабѣ багатства нажійу, потэмъ самое смерть надуіу и яще трехъ яе дачокъ.

Жіу кулець багатый, иминитый, мѣу три лаўки. Растащили прикащени усе яго добрая, стаў доўжинь, а мѣу биліёны, да таво дажійу—куска хлѣба нѣтути. Зваріу сабѣ пару яецъ и сѣу на шрадрѣствахъ.

— „Буду даждать къ сабѣ правидныва чилавѣка яецъ скушать“.

Идетъ чилавѣкъ.

— „Здрастуй, добрый чилавѣкъ! Што ты здѣсь сядишь?“

— Ажидаю къ сабѣ правидныва чилавѣка пару яецъ зѣѣсть зъ имъ.

— „Я правидинь“.

— Кто жъ ты такой есть правидный?

— „А я Микола. угодникъ Божій“.

— Хатя ты сабѣ Микола, у тебе праўды мала: ты вясною галодинь и халодинь—прахади дальши!

Идетъ чилавѣкъ ящо.

— „Здрастуй, добрый чилавѣкъ! Што ты тутъ сядишь?“

— Ажидаю правидныва чилавѣка пару яецъ скушать.

— „Я правидинь“.

— Кто жъ ты такой есть?

— „Святой Ягорій“.

— Хуть ты святой Ягорій. праўды у тебе нѣтути.

— „Па чомъ такъ нѣтути“.

— А ты вясною халодинь и галодинь и ваўку жирибать атдаешъ—прахади дальши: у тебе врауды вѣту!

Идетъ жѣнщина.

— „Здрастуй, добрый чилавѣкъ!“

— Здрастуй!

— „Што ты тутъ сядишь?“

— Жду правидныва чилавѣка пару яецъ зѣѣсть.

— „Ну, я правидна тольки“.

— Какая ты есть правидная?

— „А смерть смерти“.

— Праўда, смерть! Хуть праси, хуть мали, тибѣ ни атлажить дальши. Садись со мною, станимъ ѣсть!

Съѣли яны пару яецъ. Смерть гаворить:

— „Иванъ Сямёну, ты бѣу багатый члавѣкъ. — тачерь ты мѣишь большае нужды!“...

— Ахъ, смертынька — матынька, большую тярплю вужду: ня мѣю сабѣ куска хлѣба.

— „Я тибѣ дамъ, Иванъ Сямену, багатства!“

— Будь миластива, дайтя — па вѣкъ вѣшний васъ буду благодарить.

— „Накупилай сабѣ пузырькоу и надкрась ихъ красна. У васъ у горади будить хварать памѣщикъ багатый, іўляйся ты къ яму, требуй:

— „Далуститя вы мине да самога гаспадина!“

Ты мине будишь видить, смерть, у галавахъ или нагахъ я буду стыять;—то тады гавари, када я буду стыять у ныгахъ. атвищай сваей гольмый, што жиў будить: если у галавахъ буду, гавари, што памреть. Етый памѣщикъ жиў будить: у ныгахъ буду стыять. Тада, если скажишь яму ета слова, іонъ тибѣ тысячу рублей за ета пажерствуить.

Будишь ты дохтарь, у большае слави, будутъ тибѣ дэнги большае давать: маи слависа будутъ приходитца“.

И пашоу Иванъ Семёнуу у большае слави па горыди. у пять лѣтъ пуправіу свае лаўки, нанаяу прикащичьму и лаўки уси пакрыу таварами, дѣти наглидали прикащичьму, а ў дванацать лѣтъ Иванъ Сямёнуу большіи тыщи сабѣ зажиу па сваей доўжнысти па дохтырьскій и па таргоули па сваей. Тольки выжиўши питнацать лѣтъ, памѣщикъ захварау у десяти вирстахъ. Шлетъ лошадей Ивану Сямёнуу и съ запискью кучира:

— „Пріѣдь ты ка мнѣ: я низдароу.“

Пріизжаить кучиръ къ Ивану Сямёновичу, докладають Ивану Сямёновичу, требуютъ іонъ кучира къ сабѣ, кучиръ атдаеть яму записку.

— Я сабарусъ. Ъду.

Сабирауся Иванъ Сяменучъ ѣхать. Садіўся и паѣхау. Выизжаить за гарыдъ, сичасъ видить домъ, гукать яво смерть у вакошка (а кучиръ дома ня видить):

— „Иванъ Сямёнуу, пади ты ка мнѣ!“...

Приходить іонъ у домъ къ смерти.— „Здрастый, смертынька!“

— Здрастый, Иванъ Сямёны! Куда ёдишь?

— „Во, смертынка, ёду къ барину такому-та“.

— Іонъ тибѣ ажидаить. Тибѣ двѣ тысячи ужу атщитаѣ, када ты яго абрадуишь; тольки іонъ будить жиѣ — а буду у ныгахъ стыять.

— „Пращайтя, смертынька!“...

— Пагади!..

— „Чаво?“

— А вотъ што, Иванъ Сямёны: заўтри сабирайся самъ умирать.

— „Смертынька-матынька, ня можишь атлажить хуть на гадокъ?“

— Нильзя, Иванъ Сямёны: я у праўди састою.

Іонъ паёхаѣ. Пріизжаить. Глянуѣ: смерть у нагахъ стаить.

Баринъ пытаить: — Иванъ Сямёны, буду ли я жиѣ?

— „Будитя! ватя майго ликарства, благопалушны будитя“.

— Да вотъ тибѣ. Иванъ Сямёны, двѣ тысячи рублей: ты мне абрадываѣ.

Иванъ Сямёны, палучомши двѣ тысячи, пріизжаить дамой. Пращаѣся и съ дятми свани, и съ жаною, и сказываѣ имъ:

— „Пращайтя, мое дѣти! Пращай, мая супруга!“...

— Куда жъ ты, папаша, зъ нами пращайся?

— „Дѣти мое и супруга мая! Чимъ — ся мнѣ заўтри умирать — атъизжаю я у чужу старану. Какъ ихъ чатыри смерти: мать и три дочири, — дакъ я атъ ихъ схаранюсь буду жиѣ, прислать вамъ буду гастинцы и деньги“.

Присылаить іонъ и таперь деньги дѣтямъ и супруги: мать-смерть ни нашла яго у сванимъ участки. Живеть Иванъ Сямёны ужъ болей ста лѣтъ и ўсе уерываитца.

№ 11.

Якъ мужикъ искаѣ кумоѣ справядливыхъ.

Мужиеъ искаѣ кумоѣ справядливыхъ. Панъ, поць, святѣй нисправядливы, а смерть справядлива. Якъ пукумиѣся мужиеъ са смёртю, зъ ёю усявѣя балѣсти лѣчиѣ, потѣмъ разными вы-
мудрами атъ кумы сваей атдѣлатца хатѣѣ.

Жиѣ адинъ багатый чилавѣкъ, и ни було у яго дятѣй: на-родитца и памреть. Іонъ тада, када радила жонка, уздумаѣ: —

„Пайду: кума и куму вазьму справядливыхъ“. Вотъ идетъ іонъ дарогуй, стричаитца зъ имъ попъ. „Куда идешь, чилавѣкъ добрый?“ Иду или куму, или кума справядливыхъ узять. Священникъ и гаворить:— „Вазьми мяне кумымъ!“ Хто жъ ты такей? — „Я попъ!“— Нѣтъ, ни вазьму: ни справядлива бярешъ, съ живого и мертваго лупишь. Ишоу—стричаитца зъ имъ баринъ. — „Куды идешь, добрый чилавѣкъ?“ Иду кума или куму справядливую искать. — „Вазьми мяне!“— А хто жъ вы такея? — „Баринъ“. Нѣ, ни вазьму! нисправядлива бьешъ, народъ сякешъ. Ишоу, ишоу мужикъ; стричаитца зъ имъ святэй. — „Куда идешь, добрый чилавѣкъ?“ — Иду куму или кума справядливахъ искать. — „Вазьми мяне!“— А хто ты такей? — „Святэй“ — Нѣтъ, ни вазьму: нисправядліу: у каво дятей многа, таму большій даешъ; у каво денигъ многа, таму большій даешъ: а у мяне дятей нѣту, такъ и ни даешъ. Идетъ дарогуй, стричаитца смерть:— „Куда, чилавѣкъ добрый, идешъ?“— Иду искать кума и куму справядливыхъ. — „Вазьми мяне“. — А хто ты такей? — „Смерть“. — Вотъ тябе вазьму! ты справядлива: ты моришь и папоу, и паноу, и купцоу, и мужукоу, — и ни кому ни даешъ пащады. Пашла ина, пирихрястила рабенка. Смерть яму сказала:— „Сматри жъ, кумъ: ты мяне будишь видить; таперъ ты багатъ, — будишь яцо богачи. Низдаровый будить чилавѣкъ, — ты къ яму приди и мяне увидишь. Ежели придешь къ низдаровому чилавѣку, и буду я стыять у галавахъ, то ты яво атхаживай: вадицю памый и скажи:— „аздараўливай!“ — А ежли придешь къ низдаровому чилавѣку. и я буду стыять у нагахъ и буду сматрѣть низдаровому чилавѣку у глаза, то етыва и ни атхаживай, — скажи, што етытъ чилавѣкъ памреть. — Правіўся мужучокъ сильнымъ знатцомъ: яво начали вазить за сто вереть и далій. Вотъ зазвала ета кумъ ў гости кума, папотчивала, и у кумѣ етній агромный азаль и ўсе гарять свѣчи. Іонъ и спрашіть кумъ у кумѣ: — „Какея у тябе, кумычка, свѣчи?“ — А ета ўсё души. — „Дли чаво жъ етыя свѣчи?“ — А вотъ, кумокъ: какъ каторая дагарить, я и паранъ яво. — Кумъ асуміўся. — „Кумычка, пыкажи маю свѣчичку!“ Кума яму паказала и яво свѣчичку, — а свѣчи етній намножка астаецца ужъ гарѣть. Стау іонъ сваю куму прасить: — „Кумычка, можна яе трошку падлиннить?“ — Нѣтъ, кумокъ, у мяне етыва ня будить: у мяне никому пащады нѣтъ. — Кумъ етытъ заклапатіўся.

увдужыў припомши дамой сдѣлать кырывать у воби стораны галавашкамі. Многа ль. мала пажіў, сдѣлаўся виздароў и легь: начаў слабѣть. Кума къ яму и гатова: пришла. Іонъ видить, што ана у ныгахъ стаить,—хатѣў пахитрить. (Ина яму скы-зала, што бада будить у гылавахъ стыять, то жиў будить чилавѣкъ: а кыда у нагахъ, то памреть). Тады іонъ узяў, пирикулдыкнуўся къ ей галавею, штоба она стыяла у гылывахъ: какъ іонъ пирикулдыкнуўся, то ина зайшла зъ ногъ и сматрить на яво,—іонъ нѣскалька разъ буртыкнуўся къ ей галавою: патуда буртыкаўся, пакуль забуртыкаўся.

№ 12.

Якъ сыны батьку карили, што іонъ у церькыў ня ходить.

Сыны батьку карили, што іонъ у церькыў ня ходить, а іонъ быў благачасливый и заўжда хадіў у церькыў; толька што другею, якъ сыны. путиню.

— „Ты у церькыў никали ня ходишь; ми никали тябе ня видашмъ“.

— Што таеъ ни видантя?!..

Ну, ладна сабѣ! А батьба запраўду у церькыў хадилъ.

Вотъ іонъ у церькви, и видить іонъ тоя, што ня видна другимъ людѣмъ—патаму іонъ правидникъ.

Во на патапки тощутъ черти кожу и натягивають, пишуть усѣ пишуть, хто быў у церькви. хто нѣ; хто змирно стаить, а хто нѣ.

Адинъ чортикъ. якъ яны натянули тую кожу што ни іость мочи натаганъ—и угряшись (ти зъ натуги ета іонъ, ти штообъ правидника змустить, толька вдѣлаў іонъ ета сурьезна, быццѣкъ такъ надо).

Батьба и прасмихнись: вить ета черти хуть ба наши бабы али ребяты, нафѣшись гароху—да за то тымъ чачарѣмъ даруть. Чиртамъ ета на руку—праписали яго сыйчасъ, ажно у ихъ перья скригнули. Тады баста! У церькыў батьба йшоў па во-зиру, якъ по суху, а аттѣль пришоў па забаретинъ у води.

Тады толька сыны павѣрили, што батька ихъ ходить у церькыў.

№ 13.

Атчаго Бохъ плахому мужику даетъ хорошую жонку и хорошій жонки плахога мужика. Святыи лянивому мужику вѣку прибавили, штобъ яму паработать. И за одну часнычку своей смерти ни ўгадаишь. Святыи наказуютъ жаднаго и гордыга мужикоу.

Какъ бывала у старинныя годы, то хадили апосталы на земли: вотъ аднажду идуць два апосталы на земли: Ильля прарокъ и Николай угодникъ. Ишли яны на полю; вотъ и жветь адна дѣвушка на поли, да такой степени ина старайтца, што съ яе потъ такъ и заливайтъ, усѣ раўно, какъ зъ видра. Патамъ Ильля прарокъ и гаварить на Николу чудатворца:— „Ахъ, какъ ета дѣвушка сильна старайтца!“... Патамъ ямнога прайшли, идуць яны када саду, ляжить тамъ малиць пады яблыню и надъ имъ виситъ яблечка. Іонъ и гаворить самъ сабъ:— „Ахъ, надымся бальшей вѣтирь, сарви мнѣ ета яблечка прямо у ротъ, то я бы и сѣлъ яго, а самъ я ни устану, патаму, што я лянюсь.“—Вотъ Ильля прарокъ и гаворить Никалаю Чудатворцу:— „Вотъ етытъ мальчикъ той дѣвушки, каторая на поли сильна убивалась. будить другъ“.—А Ильля прарокъ ухъ ета знаѣ. Николо и спрашйтъ:— „За што ета такъ: тая дѣвушка такая работница, а другъ ей такей ляга?“—А іонъ и гаворить:— „А во на што: ежили сабрать абиохъ раўныхъ, то яны и на Бога позабудуть, а ежили адинъ ляга, а другой старательный, то усѣ хуть ямнога уздумають на Бога.“—Патамъ ящо ямнога прайшли, гародитъ мужикъ згароду и колья пиривязыитъ аржаню саломю; яны идуць окала яго и спрашійютъ:— „Здрастуй, мужучокъ!.. —Здрастуйта, здрастуйся, гаворить іонъ: мые, вы, дѣдушки паштѣнныя!“—Яны и гаворють яму:— „Што ты ета дѣлаишь, саломая колья пиривязайшь: няжъ у тебе лавы ни хватайтъ?“—А іонъ имъ и гаворить:— „А патаму, што я скоро буду памирать, то я вяжу саломю: пускай мае ничога никѣму ни дастанитца.“—Патамъ Ильля прарокъ и гаворить на Николу чудатворца: „Ну-ка мы яму сдѣлаимъ такъ, штобы іонъ пражилъ столько, сколько жиѣ“.—Патамъ, яны яму ни сказали ни слова и пашли прочъ. Даживаитъ етытъ мужикъ да тога ўремя, каторая при-

ходить, што яму ужъ нужна умирать, то іонъ и давай пригатоуливать, што яму нужна було на смерть. Патомъ приходитъ тоя ўремя и ужу праходить, а іонъ усё жиў и ни ўмираить, и думать самъ себѣ, што ета такая: послѣ тога пражіў адинъ годъ и другей, а смерти ўсё нѣтъ. А ящо каторныя знали сваю смерть и сванимѣ славами гаварили, што пара имъ умирать, — и усё пристали знать. — Патомъ черизъ нѣскалька уремя идетъ Ильля прарокъ и Никалай угодникъ каля лѣсу и видють, што мужикъ матычить сабѣ ляда. Вотъ яны подхольдють и гаворють: — „Богъ помачъ тваей милости!“ А іонъ на нихъ и гаварить: — „А вялѣў Богъ, штобъ и ты памогъ!“ — Ну, какъ Божимъ угодникамъ, то имъ атказыватца нильзя; яны и гаворють: — „Ну, такъ што жъ дѣлать? Што Богъ вялить, то мы дѣлать.“ — Вотъ яны и давай матычить. — Што етытъ мушчоны матычить день или два, то яны узматычуть у адинъ часъ и чаро меншьій. Вотъ яны нѣскалька ўремя пуматычили, патомъ и гаворить Ильля прарокъ и Никалай чудатвориць: — „Ну, мушчоны, таперь што мы будимъ дѣлать? — Какъ мы будимъ вялѣў у пахати, или ў пасѣви, или ў пасѣхн?“ — А мужикъ вѣскалькы саглашанца, то яны и гаворють: — „Ну, Богъ съ тѣбѣмъ, а сами и пашли отъ яго. — Какъ аташли нямнога, пашаляраць етытъ мужикъ: нѣтъ яго матычинья нйдѣ. А яны пашли, да пашли. Идутъ яны каля дярѣўни, а багатый мужикъ свѣсь грячиху на гарѣди. Вотъ яны идуть каля яго и гаворють:

— „Во зямля харошая!“

А етытъ багачъ гаворить:

— А вамъ што тутъ за спрось?

А яны гаворють: — „Богъ помачъ, гаспадинъ хазяинъ!“

А іонъ гаворить: — „Спасибѣ!“

Вотъ яны и гаворють: — „Во на етый зямли што нибудь Богъ дастъ.“

А іонъ имъ и гаворить: „Тутъ бязъ Бога Богъ; када на етый зямли ни зародитца грячиха?“

Вотъ какъ узыйшла ета грячиха, дыма кой-идѣ только калива; тады и гаворить етатъ самый багачъ: — „Праўда тѣхъ старичкоў, што бязъ Бога нѣтъ ничога: ни зародить ни на плахой зямли, ни на харошій, если Боъ не дастъ!“... Када Богъ ни зарадїў, то и багачъ на Бога усомнїў.

№ 14.

Када чилавѣкъ багатъ—нихай тутъ нахарчунтца, а на тымъ свѣти муку аттерпить; а бѣдный тутъ аттерпить—за то яму на тымъ свѣти прасвѣтлый рай.

Батяли на дярѣѣни бочку золыта самъ Гаспоть сѣсталами. Апосталь гаварить на Бога:

— „Куда мы пакѣтимъ бочку?“

— „А пакѣтимъ къ багатому мужику.

— „А на што мы въ яму пакѣтимъ? У яго и тарѣн бра многа, а велій мы пакѣтимъ къ бѣднѣй удавѣ: у него и тарѣн маленькія“.

— Пастой! Я сейчасъ табѣ пакажу, якоя царствѣ на тымъ свѣти багатому и якоя бѣднѣму.

(А бочку пакѣтили въ багатому).

Глядитъ апосталь: багатый у смалѣ кипить, а бѣднѣ душа у рай.

Када іонь багатъ, пушай тутъ нахарчунтца, а на тымъ свѣти муку патерпить, а бѣдный тутъ аттерпить,—за то яму на тымъ свѣти прасвѣтлый рай.

№ 15.

Отъ пьянства всевозможные грѣхи.

Спасался адинь угодниѣкъ. Гаспоть яму сказалъ:

— Здѣлай адинь изъ трѣхъ грѣхоѣ: или гавядины забилъ, или вина пьянѣ напейся, или челаѣвка забей.

Угодниѣкъ согласился:

— „Велій пьянѣ нашьюсь!“

А какъ напился пьянѣ, то и гавядины наѣлся и челаѣвкѣ забилъ.

№ 16.

Якъ братъ пависѣ на шѣи брата.

Были два брата. Жили, жили умѣсти, раздялилися. У нѣ во дѣти іостъ, а у другога нѣту. Тѣй багатъ, у каторага дѣти нѣту; етытъ амалѣѣ, у каторага дѣти іостъ: свѣту нѣту, а

багачу, — іонъ дужа и бѣдинъ. Ну, жиу, жиу, захварау и па-
мерь. — А багатый па дарогамъ ѣздить. Жина пашла къ бага-
тымъ монки. — Сястрица, дай мѣрычку муки пахаранить чимъ
набуди! — Систра насыпала муки. — „Сястрица, дай мнѣ ящо три
рубля денигъ“!.. — Ахъ, сястрица, іонъ жа приобеть мяне за
деныгъ: можа, іонъ и падѣдить, пакуда харанить яво. — Вотъ,
пашла пна тѣ денги панисла, грюкъ на дворъ багатый братъ
па вшидами, а пна, какъ ишла, чиризъ яво палажпла денги
па вешошка. Жонка выскачила лашадей атпригать, да яму и
сказала: — „Живи здарова: братъ твой приставіўся.“ — А іонъ:
како съ съ нимъ! — „Дала ей мѣрку муки на похараны!“ —
Жу, пшла — и дала! — „Ящо денигъ три рубли дала ей!“ — А
іонъ мѣ закипѣў: — На што ты денигъ давала? — „Чаво жъ
ты спрачпшь? — Калі табѣ жалка денги, иди и вазми ихъ:
яво на вакошки лизать!“ — Ня успѣў іонъ лашадей прибрать,
пна и падпарыть, штоба бѣгъ. — Какъ увышоў ў избу, при-
кріўся, и нада яму пцудувать брата, а другой рукой хо-
вати денги узять. Какъ за тая денги узяўся, братъ ускребся
па шыю и пависъ — и такъ лоўка. Священникъ сказаў ба-
гатому брату: — Если ты пажалѣў денигъ, табѣ и вѣшная мука!

✓ № 17.

А брати, каторый назваў сястру змяй.

Въ адномъ мѣсти, какъ жиу адинъ мужикъ багатый. И
такъ іонъ жиу багата, и ни було у яво никакихъ рѣднихъ, —
только была у яго систра, и такая пна була бѣдная. Патомъ
іонъ друу съ ею и раздліўся. А пна була да такой степени
бѣдина, што и сабаки було нечимъ выгнуть. А іонъ яе ни лю-
біў аднъ разъ только іонъ сѣў абѣдать са сваею хазяйву,
а систра яго задумала што-та къ яму придти, а іонъ только
пашла на столъ парасятину. А пна идеть па двару, и гаво-
рять іонъ на сваю хазяйбу: — Вонъ паўзеть тая змя, вазми ка
пна, приברי ету парасятину!.. Вотъ ета хазяйка схватила ету
парасятину и наставила ў судникъ, патомъ увайшла яго систра
па яву, пубыла пна у ихъ нямнога, патомъ и пашла. Вотъ
іонъ и гаворить: — „Во ходить змя падваруха, пакармѣха“!..
Пна и гаворить на хазяйку: — „Ну, иди-ка ўняси тую па-

расятину“!.. А ина чимъ-то занялась, патомъ іонъ гаворить:—
Падажжи: я самъ ўнясу!... Толька іонъ пашоу у судникъ на
етью парасятиню, пасматрить: идѣ лижала парасятина, тамъ
ляжить змія. Іонъ спужаѣся и гаворить на хазяйку:—Што ета
туть такая ляжить?—А ина гаворить:—Што ты ета шутишь,
штоль?—Тамъ ляжить парасятина.—А іонъ гаворить: „какал
парасятина? Тамъ ляжить змія!“ Толька іонъ хатѣу узять
тую тарелку, а ета змія цапъ яму на шію. Іонъ яе хатѣу
атарвать, да никакъ ни сарветь. Патомъ гаворить:—Во, на-
звау сястру змяёу: во, туть змія и іоеть“.—И намерь.

№ 18.

Разсказъ объ аднэй жэнцины.

Якъ у вангиля крыльля атабрали, и хадіу іонъ на зямлѣ.

Ишла жэнцина дарогю, на дарози радила. Господь пасы-
лаитъ ангыла:—„Пади вазми у жэнцины душу“!... Ангыль
прилятѣль къ жэнцины, пасматрѣль — малютка родился. Іонъ
спалился наць малюткю:—Што жъ я у няе вазму душу?—
Малютка етый астаецца.—Падумалъ Господь, пасылаитъ утаро-
ва ангыла:—„пади вазми у жэнцины душу, а ў таво вангиля
атбярн крыльля“!... Ангыль прилятѣль. душу узять и у ван-
гыля крыльля атабрау: атстаѣся етытъ вангыль на зямли бязъ
крыльля, челаѡѡчецкимъ во образи. Етытъ ангыль апридалился
къ архирею у кучира. Нѣскальви жилъ у архирея. хадилъ къ
абѣдни; тольки служитили начали падмичать абъ архирейскимъ
кучиру, што, када абѣдня идеть, запають ета хирувимскую
пѣсню, то тады кучиръ архирейскій выходить ки храму; вонтъ
служители ета дѣла падмѣтили:—„Какой ета у архирея чела-
вѣкъ?“—Далажили архирею, што іонъ выходить изъ храму на
ижехирувимскій пѣсни; нада класть паклоны, а іонъ выходить
съ церьквы. Архирей требантъ кучира сваво, каторавя нанилъ
и спрашитъ у яво:—скажи, братиць, што ты іоеть за чела-
вѣкъ“?

— Я кучиръ! и пашоль съ естымъ.

Када былъ праздникъ, была служэнія, архирей апридалилъ
двухъ служителяей паслѣдывать за кучиримъ, што іонъ будить
дѣлатъ, када будить абѣдня тить. Запѣли ижехирувимскую

пѣсню, іонъ выходитъ вонъ, узяль кирпичину и бросилъ на самую главу: два служителя за имъ слѣдуютъ. дѣла ета видють. Тада и пашоль кучирь на улицы. Сидитъ калѣка нищій и кричить ва усѣ горла:— „падаритя, падаритя, ради Христа!“— Архирейскій кучирь падайшоль къ етому калѣки, саскрѣбъ яго за лобъ и начау палкую дучть, а два служителя за имъ замичають, што іонъ калѣку атпряталь. Пашоль кучирь на улицы, стричантца зъ имъ мущина, видный изъ себе маладець; кучирь жа архирейскій падарилъ яму палтину сирибра. падарилъ, пашоль на горыду. Усходить на мысть, стричантца зъ имъ младый вьюнышь у бѣлымъ адіянн. Іонъ зъ имъ накланился и варатіѹся назадъ.

Приходить у сваѣ мѣста, а служители, которыхъ пасылаль архирей за сваимъ кучиримъ слѣдывать. Явились къ архирею, рассказыють яво праказы: архирей требантъ сваяго кучира: „скажи, братиць, какой ты чялавѣкъ? Што ты дѣланшь, што за праказы нипадобныя, када ты выходишь на вулицу изъ храма на пѣхирувимскій пѣсни и узяль ты кирпичину и бросіѹ на главу.—въ ета время нужна паклоны власть!“

— Ета я выхажу на дворъ изъ храму: тада праклятѣя духи выходють изъ сабора вонъ и митаютца обьла креста и главы: дакъ я ихъ кирпичинный атбиваль.—Архирей падумаль, што такая значить.

„— Ета идна праказа. Ты, вѣрна, ни добрый якои ни на есть: ишоль ты на улицы, калѣка сядѣль, прасіѹ милыстия,— и ты яво ни падаріѹ, ды прибіѹ—вотъ ета другая праказа.“— Атвичаѹ кучирь архирейскій архирею:— „На што яму тому калѣки деиги, када падъ имъ, идѣ іонъ сядитъ, паѹ мѣрки сирибра дѣжить.“—Архирей уздунаѹ:— „Нада павѣрить“—Павѣрилъ: нашли падъ имъ деньги, съ паѹ мѣры сирибра. Тады архирей гаворить яму, кучиру свайму:— „Вотъ третію праказу ты сдѣлаль: падарилъ маладца. Изъ сябе быѹ маладець: етнй маладець могъ бы заработать, а ты яво падарилъ.—За што ты яво падарилъ?“—Атвичантъ кучирь архирею:— „іонъ третій день ходитъ на горыду и ищитъ работы; работы ни находитъ, а пупрасить совѣститца: вотъ за то я яму на прапитанія падарилъ палтину сирибра“.—Вотъ жа тябѣ чатвертая праказія: Паѹстричался ты на масту съ младымъ вьюнышимъ у бѣлымъ адіянн, и ты накланился и варатился назадъ.—Атвичаитъ ку-

чирь архирею:— „ета самый тэй, што у мяне атабраў крыль-
ля.“ — Кто такей у табе атабраў крыльля? Кто ты такей
іосьть?

— „Я ангыль“.— Архирей спрашаніть:

— „Можишь ты спѣть ангийскую пѣсню?“— Іонъ атви-
чайть:— магу.— „Ну, спой-ка жъ!“— Нѣтъ, я такъ ни магу.—
„А какъ жа ты можишь?“— Вотъ якъ я магу пѣть: прикажи-
тя сдѣлать гробъ, аббить парчою, и вы, владыка прасвящен-
ный, аблачитись въ етакимъ палаженіи усею хормною, якъ обѣд-
ню служить, и таты ляжыти ва гробъ, и тады я зацаю.

Заказаў архирей сдѣлать гробъ, якъ даўжно, архирей узяў
аблачѣся, узяў хрѣсть, вангэлія и лѣхъ ва гробъ, и народу
сборъ примножіеть, а были и тада: ангыль запѣў вангийскую
пѣсню, и народъ весь пупадаў ать звукуѣ, ать грубысти пѣсни
ангийскый. Тада саслаў яму Господь крыльля, етому вангылу,
и архирей падняўся на ваздухахъ, и пашолъ и ангыль съ пѣ-
сними за имъ, и нѣкатырыя народы пупадали, а справядливныя
нѣскалькы увидали, только ня усѣ съ народу видали, а катю-
рыя были дастойны.

№ 19.

Деревня Слобода
Смоленскаго уѣзда.

Вары стали калінами пиряхожими.

У старинныя годы жили два чплавѣки. Яны занимались
только тымъ, што крали у добрыхъ людей добро. Аднажды
аны ноччу сгаварились аднаго мужука абаврасть; пашли, улѣзли
яны у клѣть и давай тамъ абчищать. Только паслыхаў ета ха-
зяинъ и гаворить на сына:— „А што, сынъ, вить у насъ вары
у клѣти?“— А, тата, знать, што такъ!— „— Ну-ка пайдемъ!“—
Пайдемъ.— „Сынъ, дай ка мнѣ иголку!“— А на што?— „Уви-
дишь,— давай!“— Узяў батька иголку и пашли яны ў клѣть.
Были еты хазяины вочинь сильны: яны етыхъ вароў пувизали.
Сынъ гаворить:— „Ну што мы будимъ талерь зъ ими дѣлать?“—
А во што: выкалимъ имъ глаза и пустимъ: нихай вѣкъ мо-
лютца Богу и атмаливають свае гряхи.— Выкалалп яны варамъ
глазы и пустили.

Многа ли, мала прашло, стали еты слячэя вары хадить па

диреўни и пѣть стпхи. Зашли яны аднажды у ту диреўню, идѣ жили батька съ сынымъ, тѣ самыя, каторыя имъ глаза выкалали. Пришли яны ў дворъ ихній; имъ гаворють:— „Съ чаго вамъ приключилась слпата?“—Ахъ, любезныя!—Мы вамъ признаемся:—нѣсчалка лѣтъ таму навадъ мы были такея вары, какихъ ни було нїйдѣ. Аднажды мы сгаварилась абакрась аднаго чилавѣка; насъ хазяинъ паймаў и... выкалаў намъ глаза. Спасибо яму: мы таперь раскаялись у свайхъ григхахъ, а если ба мы были видушця, то были ба варами. Спасибо яму: мы и таперь за яво Богу молимся“!

Отъ крестьянина Петра Васильева Егорѣнкова.

№ 20.

Деревня Слобода
Смоленскаго уѣзда.

Разбойникъ, страннапріимецъ, нимиласерный видють видѣнья, икаво имъ будить на тымъ свѣти.

Ета была сущая праўда. Аднажды три чилавѣка шли па дароги, захатѣлась кджнему изъ ихъ узнать, што будить имъ на тымъ свѣти.

Адинъ изъ ихъ быў разбойникъ, другей даў абищанія принимать прахожихъ, каторый ни напроситца на нычъ, третій быў чилавѣкъ, каторый никогда никдга ни примаў на нычъ.

Стричантца съ ими чилавѣкъ, а етый чилавѣкъ быў Богъ. Іонъ имъ гаворить:— „Куда идетья?“—А мы идемъ, куды глаза глядять: хочитца намъ узнать, што каму будить на тымъ свѣти.— „Ну, я вамъ во што скажу: идитья вы туды, куды я вамъ покажу; черизъ три дни вы уси сабяритись на ета мѣста, приду суда и я,— што вы увидитя, то разскажитя мнѣ“.— Развеў іонъ ихъ на разнымъ мѣстамъ и сьрыўся. Черизъ три дни сабрались уси четвира на то мѣста. Разбойникъ гаворить:

— „Быў я три дни у рьякѣ, а рика горячая, была мнѣ ана па горла,—я думаў, што ни астанусь жиў.—Другей ба надумаў, што тамъ прасядѣў три гады“.—Ну, гаворить Богъ:— ета ни рика была, а кроў людей, каторыхъ ты пагубиў. Ета табѣ будить на тымъ свѣти!—Другей, странапріимецъ, гаворить:— „Я быў у такомъ харошимъ саду, што никагда ни ви-

даў нічога луччи. Прабыў я тамъ три дни, а мнѣ наказалась, што толькы я быў три часы: дужа мнѣ было харашо“.—Ну, ета табѣ и будить на тымъ свѣти за тваё миласэрдія.—Третій, нимиласэрный, гаворить: — „Пуцаў я у лѣсь; найшла граза, дожджъ, градъ, снѣгъ, вѣтиръ, а заначувать мнѣ нейди. Было мнѣ тамъ вочинь холыдна и нихарашо. Прабыў я тамъ три дни, а наказалась мнѣ, што я прабыў три гады“.—Ну, ета и будить табѣ на тымъ свѣти за тваё нимиласэрдія.—Тада разбойникъ накаіўся у сваихъ гризахъ, було яму за ета на томъ свѣти харашо, а такжа и милосэрныму. А нимиласэрный сказаў;—„Ни принимаў я нікога на нычъ и ня буду примать“.—Яму було на тымъ свѣти нихарашо. И ета была сущая праўда.

Отъ крестьянина Петра Васильева.

№ 21.

Якъ мальчикъ старику сказку сказываў (ня то што сказку, а былъ). Старикъ абъясніў мальчику, што къ чаму у тымъ видѣньи, што здалось мальчику: што тады бываить, якъ у сямьѣ свара, нилюбоў, якъ хазяйства вядетца спуся рукавы, зря, и лянива, и нячиста,—и што тады бываить, якъ у сямьѣ миръ и добрыя сагласія.

Хадилъ мальчикъ па хадоби и пупрасился начувать у старика. Старикъ атвичаль:

— „Када сказку скажишь на нычъ, а то ны пуцу“.

Мальчикъ етытъ убьялся: пашоль падяреўни праситца на нычъ; ніхто ни пустилъ пиринчувать яво, іонъ опяты и деть етъ етому старику:

— „Дѣдушка, пусти пиринчувать!“

— Да ти скажишь ты мнѣ сказку?

— „Да, скажу“.

А самъ думать:

— „Утяку атъ дѣдушки“.

— Ну, раздивайся, садись ужинать!

Потэмъ старикъ убрался:

— „Найди лажись спать, и я пайду на гумно“.

Многа ль, мала, малый палижалъ и задумалъ ухадить, што-ба сказку ни сказать старику. Потэмъ только узялся за дверь, за влямку—удрухъ вароты скрипають.

„Ну, вѣрна, знать, старикъ идетъ съ гумна“!

Абаратился мальчишка ипать назатъ на свое мѣста, на лаўку.

Выходитъ дявица у хату, волысы растрепаны.

— „Дабрыдинъ, дабрыдинъ людямъ! Кто чунть да видить, да на заўтрига будить пиріказывать, тѣй на каляни акамянѣить“.

Мальчикъ етытъ изнова началъ ухадить атъ старика етыва. Потэмъ только узялся за сянѣшную дверь, скрипють варота.

— „Ну, знать старикъ идетъ“!..

Мальчишка опять лѣхъ на лаўку. Уходитъ утарая дявица у хату, ина уходитъ у хату да палицы.

— „Дабрыдинъ, дабрыдинъ добрымъ людямъ! А хто и чунть, и видить, да на заўтрига будить пиріказывать, тѣй на пойсъ акамянѣить“.

Потэмъ етому мальчишкен ипать ухадить нада.

Только што узялся іонъ за дверь, за сянѣшную, думайтъ: ипать старикъ идетъ—вароты скрипають.

Мальчикъ етытъ абаратился назадъ—лѣхъ на лаўки.

Уходитъ третія дявица, волысы растрѣпанный, потэмъ да скамейки даходитъ дявица ета.

— „Дабрыдинъ, дабрыдинъ добрымъ людямъ! А хто чунть, да и видить, да назаўтрига будить пиріказывать, тѣй увесь акамянѣить“.

Потэмъ етытъ мальчишка сабраѣся у путь ухадить атъ стариковый сказки: пабѣхъ, лѣхъ у поли, у жнивищи. У аржищи кричить:

— „Срѣжь галаву“!..

Іонъ убывляся, пубижалъ къ згароди и лѣхъ падъ згароду. Кличить тамъ:

— „Винь, да пиривярни, да па старому бей“!..

Думалъ мальчикъ, што ета на няво на казни идетъ—са страху ушолъ на гумно.

Гарить стохъ грячихи на таку.

Мальчикъ пубижалъ у падавинъ старика гукать.

Старивъ лажить наўзнычъ, и у яво тарчить у грудѣхъ тапоръ на самый абухъ. И аттуда мальчикъ ушолъ, пабижалъ теризъ агародъ, теризъ хлѣў, у хвортку.

Тамъ лажить яго сынаўя съ хазяйкыю; межда ихъ змяі ползайть, да пализывайть ихъ абаихъ.

Патомъ падайшоў къ другой пари—и тамъ такъжа змяі поўзайть, аднаво и другова пализывайть. Третій лажамши на переклити, по тэмъ бѣгаить гарнастайка, да прамежда ихъ ласкайтца. Пашоў надъ павѣтъ етый мальчишка и ушлуталь ноги у кишки.

Потэмъ захатѣлась яму папить—іонъ узлў коўшигъ зачарпнуть сибѣ, да и съ кадки кишки валакутца вярѣўкыю.

Потэмъ идеть ужу старивъ изъ гумна, гукайть свайхъ сынавей малатить.

Уходитъ у избушку и гукайть сваю старушку:

— „Уставай, дми агонь“!

— Да, узадми ты тамъ, старикъ, аганька, пакамість я адѣнусь.

— „Ну-ка ,мальчикъ, уставай, мыйся, Богу мались, да разскажи ты мнѣ сказку“!

— Дѣдушка, привяди-ка мнѣ лашатку у хатку!

Узялъ ету лошадь за повыдъ, сталъ на лошадь стоймя; потэмъ и гаворить:

— „Убаялся я вашей казки, што казки ни якей я ни знаю и хатѣлъ увыйти атъ іе; потэмъ только што я узаялся за дверь, скрипнули вароты: я убаялся, што вы идетья изъ гумна. Я ипять лехъ на сваѣ мѣста, на лаўку.

Идеть дявица, волысы растрѣпаны“...

Якъ разказаў мальчикъ стариеу пра ету дявицу, лошадь акамянѣла на поисъ.

— „Пализамши, ипять я уздумаль ухадить. Скрипнули вароты, я ипять лѣхъ на сваѣ мѣста. Идеть дявица, волысы растрѣпыны“...

Якъ разказалъ мальчикъ пра ету дявицу, лошадь акамянѣла саўсимъ.

— „Я, дѣдушка, увыйшолъ у поля и лѣхъ у иржища на такомъ-та мѣсти, напрати такей-та улицы“...

— А ета мая паласа.

— „Вотъ, дѣдушка, на етай-та паласѣ и кричить:

— „Срѣжь галаву“!

— А ета мае неряхи маладүхи: якъ жали, такъ и заста-вили калосься, ни сняўши имъ голывы.

— „Потѣмъ жа я, дѣдушка, убижалъ аттуда и лѣхъ надъ згароду. Кличить члавѣческымъ голысымъ:— вынь, да при-варни, да па старыму бей“!

— Ета мае бязпутныи сынаўя кольля зъ макушки заты-сывають да убивають...

— „Потѣмъ я ушоль на гүмно са страху. Гарить стохъ гряхихи на таку“...

— А ета мае бязпутныи сынаўя да вазили гряхиху, ни прикршта мѣста тоя, идѣ гряхиху клась; да склали гряхиху, да ни прикрятаили стажокъ тѣй: во нячистый духъ выбирать споръ съ зирнять;— ать няво ета полъ и шибайтъ. А нужна была прикретить: лукавый ни выбиралъ бы споръ съ маяво хлѣба!...

— „Но ета, дѣдушка, што—тапоръ у грудѣхъ у васъ на самый абухъ?“

— Ета мае бязпутныи сынаўе ништитильныя: якъ атеу-да ня йдутъ, мусють тапоръ убить у стѣну якъ ня можна глыбшій: то яны ни у хату убивають, а у груди мнѣ.

— „Потѣмъ жа што упутался ты у кишки ныгами“?

— Ета мае бязпутныи сынаўя брысали у нячистыя мѣста рѣзвыи и давали у ихъ кормъ скату.

— „А ета—што ляжить падъ навѣтъю большій дядька и тетка, и прамежда ихъ змя поўзайтъ, да пализывайтъ ихъ абайхъ?“

— Я тибѣ раскажу. Яны живутъ нисагласна,— якъ кошба съ сыбакый: адинъ загурчить, а тѣй яго манкую—яны тольки што нячистыга духа утишають.

— „А другая жъ пара“?

— Также бязпутныи: адинъ адъ аднаво блудъ сатваряють и бѣгають, и у ихъ нячистая сила усилилась.

— „А у третьига дядьки гарнастай бѣгають, да пализы-вайтъ яго и жонку“.

— Ета мой меньшій сыногъ, и навѣстка. Идѣ бы яны тольки не были, сичасъ адинъ къ водному сядуть и разгаваріють между себе дабрасовистна, благачаслива— вотъ примѣръ! Паштѣніе атцу атдають и матери—и тутъ межда ихъ ангилы утишаютьца, у ихнымъ житьѣ...

— „Потэмъ, дѣдушка, захатѣлась мнѣ папить вадицы: узять я кружку. Якъ начарпнулъ изъ кадки вады: яеъ валавутца кишки, што ня вытащилъ изъ кадки вонь“...

— А ета вотъ, дитятка, што: нигадитца ашѹки узивать у кадку, изъ каторый пьешъ, а даўжно вылить: либа у ланку, либо на землю. Благачасливому члавѣку нильзя папить вады етѣй: самыя ашѹки кишками дѣлаютца.

№ 22.

Бѣльскій уѣздъ
с. Шонтово.

Какъ прахожиму члавѣку хазяинъ загадки загадывалъ, ды билъ яго,—посли таво прахожій хазяйскай домъ зажэгъ и самъ хазяину загадычки загадывалъ.

Ишолъ прахожій члавѣкъ. Заходитъ на двѣракъ праситца начувать. Хазяинъ гаварить на яго:

— „Я тебе цуцу начувать зъ дагаворымъ, када ты атгадаишь маихъ три загадки; но када ни тгадаишь, за кажную загадку па разу тибѣ по уху ударить мнѣ.“

Удрухъ приходитъ вечеръ; выдали агонь. Хазяинъ на яво гаварить:

— „Ета што такоя?—на агонь. Юнъ и думантъ:

„Ну, какъ мнѣ сказать, убаявши таго, што, па дагавору, ударить мне у вуха, када ни тгадаю“.

Ну, ня мохъ юнъ на атвѣтъ загадки етѣй атгадать. Гаворить:

— „Да, па нашиму, ета агонь!“

А хазяинъ у ета урема яго у вуха—юнъ абъ землю. Атвичалъ хазяинъ.

— „А па нашиму—красата“.

Посли таво стали мижда себе гаварить харашо.

Нямнога изгада, бжжить кошка цу палу.

Хазяинъ апятъ гаварить:

— „Ета што такоя“?

Онъ думаль, думаль, какъ сказать, прахожій—и гаварить:

— „Ета па нашиму кошка, хазяинъ!“

Ящо яво по уху. Какъ ударіў хазяинъ, гостъ ипятъ абъ землю за ўтарую загадку. Хазяинъ гаварить:

— „Ета чистата у доми“!

Посли таво хазяинъ у ласку сталъ гаварить съ нимъ. Приходить тоя уремя, што уремя кушать садитца. Хазяинъ сталъ руки мыть и на прахожива гаварить:

— „Стунай жа и ты, мой руки: будимъ садитца кушать.“

Пришоль прахожій, руки памылъ. Тада хазяинъ на яво и гаварить:

— „Што ета такая“?

На ваду наказалъ. Прахожій думалъ, думалъ:

— „Ну, какъ мнѣ сказать?“

И гаварить прахожій:

— „Па нашиму, ета вада“.

Яво хазяинъ яцо по уху—іонъ аобъ землю, и съ носу и со рту кроу пашла дажа, за третію загадку ета.

А хазяинъ гаварить:

— „Па нашиму ета благодаць Божія“.

— На воду. Сѣли кушать. Хазяйка кушання падавала, усѣ, што у ихъ была. Наканецъ спрашиваать хазяйка у хазяина:— „Падавать ли, хазяинъ, Бурлынскага?“

Хазяинъ ей отвѣтилъ:

— „Ни нада“!..

Ну, и лягли спать. На заўтрива хазяинъ устаець часа за три свѣту; пашли са усей сямьей на гумно малатить; былъ грудной маленькій — и таго съ сабой узяли. Астаецца адинъ прахожій у въ избы, и уздумалъ прахожій:

— Пагади! прати тваихъ загадыкъ, дамъ жа и я тибѣ загадку“!..

Узялъ прахожій палку, да у жарь у ямку, да яе разжѣгъ, да узялъ палку разщипилъ, узялъ паймалъ яго чистату (кошку), да тую разщеплиную палку съ агнемъ кошки у хвостъ и ўщипилъ, до узялъ яё на дворъ у салому съ агнемъ и выкинулъ. А самъ сичасъ жа у печку: желантъ узнать, што тоя за Бурлынскій у печки. Пасматрить: стаить гарщикъ, скаварадой накрытъ. Іонъ узялъ гарщикъ тотъ вытащилъ вонъ, аткрылъ скавараду; пасматрить: у гаршку ляжить жоравъ. Іонъ узялъ таво жорава изъ гаршка вытащилъ вонъ, палажилъ жорава сибѣ у суму, а у гарщокъ узялъ палажилъ лапаты, да скаварадой накрылъ и у печку поставилъ, самъ надѣлся и у ходъ пашолъ, ни даждая свѣту. за часъ свѣту. Пашолъ прахожій, заходить на гумно и гаварить:

— „Пращай, хазяинушка, благодарю тебе за хлибъ, за сыль за тваю, за начлѣтъ и за угашеніе твое! А твая чистата панесла красату тваю на высату, а ты хватай благодать сваю, но ни ухватишь благодати, ни зянь тибѣ у своей хатѣ. Твой Курлынскій ляжить у сумынскимъ за плячинскимъ, а у гаршинскій ляжить лыпятинскій падъ скаварадинскій и стаить у пачинскій“...

Хазяйка на хазяина атвичала:

— „Выть вотъ ты яво забилъ: тибѣ будить грѣхъ—онъ у роди сумасшедшига.—Прахожій ушолъ сію минуту.

Вляжить кошка на токъ зъ галаунѣй пряма у тую салому, гдѣ ани малотютъ; анѣ, ни упустиўши кошку у салому, убили яѣ. Пасмотрють: крыша у доми гарить. Ани бросіўши пубижа-ли у домъ тушить агонь. Хазяинъ хватайтъ воду и тушить, гдѣ гарить, а хазяйка у печву; цопъ у гарщекъ—жоравля нѣту, а ляжить тама лапаты. Палавина двара згарѣла, а палавину едва магли потушить.

Хазяйка на хазяина ипять гаварить:

— „Ты съ сваимъ умомъ и съ хитрыстами палавину дому зжѣгъ, а, наванецъ, када будишь такія загадки загадывать, да людей битъ, то и тебе убьютъ самаво. Выть іонъ праўду ска-заль, тотъ чилавѣкъ, што твая красата чистату панисла на высату, а ты хватай благодать: а то ни уживати у сваей хати. Но мы съ табой ни дагадались: поставили яго у роди сумасшедшига, а, наканецъ, во всей исторіи астаемся мы съ табой сумасшедшии и дураки.“

№ 23.

Якъ мужикъ съ жонкыю паклялись неправидно, сами прасябе думаўши: «Бохъ ня видь, и ня чуй»—и жисть сваю скоро паконъчили.

Куля чатыри жита стянулъ Трѣхванъ изъ амбара, да тстю и спрятаў.

Патянула у вобьскъ,—пашли—ни нашли; а теть узяў мость подняў, да падъ мость,—якъ пришли къ яму, абыскали—нѣтъ ничога.

Яўрей Гирша, яго были кули (ничога, што пархылъ, а дамышлинъ) гаворить:

— „Я сейчас за священникамъ“.

Привезъ. Жидъ и гаворить, привезши священника:

— „Абъ аднымъ я васъ прапу: присягнѣтя; уличать и пуневать на буду“.

Священникъ Гиршу за парохъ вывѣу, а пдтѣмъ и гаворить Трахвиму (тетю):

— „Трахвимъ! што ты, Трахвимъ, уздумау? Ни присягай: вить ета ни што нибуть: нужна хрѣсть и пвангилья пупузувать—вить ега што нибуть да стоить“.

Матка съ Сяличина прѣѣхала, а у ихъ дѣѣца викавуха.

Матка гаворить патику дѣѣки:

— „Зачимъ ета яны будуть присягать?“

— „Сватья, ты, сватьтя, яны на будутъ праѣдью присягать, а такъ: Ня чуй Бохъ и на видъ!“

Присягнули. Паѣгода на выѣшли, етали сохнуть жа теть и съ жонкью.

Старуха мнѣ гаварила скоро послѣ таво, якъ ужъ ладна захворала:

— „Я сама словна дурачка хажу: буды иду, ни знаю, и за шта вазьмусь, ни знаю. Тяперь, Сяргѣѣѣна, вотъ я иду; а куды—ни знаю, и зачѣмъ иду—ни знаю. Вотъ у мене авечка-глумачка, я яе ишу, и я такая... глумачка: паатвалилась мае усѣ нутрѣ, коньчились мае усѣ пупяченѣя“.

Ня доѣга и мужъ яе пажѣѣ. Тѣѣ якъ етаѣ присягать, ивангилья паѣѣ имъ хадаромъ ходить. Прабыѣ годъ.

Якъ у праѣди чилавѣкъ присягаить, замирають 12 жылъ, а ѣ нипраѣди, то ѣси жилы.

№ 24.

Вопытный манахъ раить сямейному чилавѣку кинуть ма-настырь и жить у сваей сямѣ.

Адинъ маладѣй ница чилавѣкъ. ну ужу сямейный, толькы вочинъ благачасливый, еталь видить сны манашискѣи.

И етаѣ ионъ думать:

— „Ни дарамъ святца мнѣ еты сны“! думаль ионъ: „па-ступлю у маастырь“.

Бросиль жонку и дятѣѣ, приходить къ настыятилю:

— „Ти примѣтя вы мене“?

— Суусимъ удавольтвѣимъ: намъ добрыи люди нада.

Приератились яму у монастырѣ сны манашискіи, а стали снитца сны грѣшныи: утрымъ снитца:

— „Здрастуй, валерь кормный“!

Вечерымъ снитца:

— „Пращай, валерь кормный“!

Запичаліўся маладэй манахъ; съ кимъ ни гаворить, ни хто вѣ магеть яму таго разъяснить, атчаво яво сны испортились.

Хто-та яму паранлъ:

— „Паталкуй ты са старымъ и воньтымъ манахымъ; за-суятиса іонъ абъ чимъ-та съ братіей и живеть отдѣльна.

Старый воньтвый манахъ паранлъ вѣюнуши:

— „Вярнись ты у сваю сямью: у сямьѣ ты болій трудился— аттаго тамъ и снислисъ табѣ сны манашескіи. Якъ падумайшь, якимъ родымъ накормить жану, дѣтыкѣ, да пумахайшь касою и тыпаромъ, да цѣпамъ, скарѣй спастисеся и пухудѣишь, чимея у маньстырѣ—у монастырѣ стольки ни накиваисеся, біўши замъныи паклоны“.

№ 25.

А манахи, што рана ѣў да службы.

Адинъ манахъ рана ѣў да службы. Манахи яво надглѣдили, што рана ѣсть, далажили игумину, што такей-та рана ѣсть, паказали игумину, што кушайть рана. На заўтрива судить пришли братья: рана ѣсть да службы. Іонъ атказайть:

— „Пайдемъ-тя, судитя, чаво я стою, судитя!“

Вядуть яво къ престолу. Привяли. Судить стали.

— Стойтя! ни адинъ я рана ѣмъ.—я знаю, хто ящо ранъши мине ѣсть.

Пашоў вонки. Литять гулубей стада.

— „Вы мине ранъши яеѣтѣ—пуцай мине ни водныва судють—лѣтитя на судъ“!

Уси литять у церькыў, на престоли сѣли. Гаворить іонъ:

— „Судитя мине съ гулубяи“!..

— Стала бытъ, іонъ святой, што гулубей привель.

Пали на калѣнки.

— А, можить, іонъ служіў на нибисахъ и сюда цаспѣў на службу!..

Прастіў ихъ и на третій день приставіўся.

№ 26.

Счастье зависит не отъ богатства и благополучія. а отъ спокойствія совѣсти.

Иднаму учитилю пришлось видить бѣдныга старичка—іонъ, при усей свасей хворысти и биднатѣ, Бога хвалилъ.

— Якъ магешъ ты Бога хвалить, будумчи такъ бѣдень и нищасліу?

Спрасіу учитиль у старика.

— А, милинькій мой, я Бога у серци мѣю. Дайжа и ў ваду буду щастліу: схвачу Бога двумя рямами и буду диржать яго съ сабою и тамъ іонъ будить са мною. Щастя чилавѣка ня ў томъ, штобъ яго тѣлу была харашо, а ў дабрадѣтели, кротысти и змиреніи. Падъ якой бы ты планидый ни радился, щастліу будишь, если будишь дабрадѣтелинь.

Юнаша здивилса старикуоусьбьему вуму и публагадаріу за навуку: ни я, а ты мой учитиль!

№ 27.

А чилавѣчиской нирадитильности, ніабдуманности, ниразумію.

Адинъ мудрый чилавѣкъ гулялъ съ вьюнушіи. Видють яны: тащить чилавѣкъ бряуно у церькыу жертву Богу.

Бряуно длинныя—стала пупярекъ двери и ня лѣзитъ далій. Разъ примѣрилъ, другей примѣрилъ — и, ни падумауши добре, якъ втащить бряуно, вярнулса са сваймъ дарымъ назадъ.

Мудрецъ вьюнуши и гаворить:

— Душу-ль, таеъ дѣлають тѣ люди, каторыи ня ищуть путя къ спасѣнью, а сбиўшись съ няво, живутъ якъ пупала. Изнову видють яны, прайшоуши далій: чилавѣкъ напрасна падымайтъ визанку дроу: тижала ноша!

Надаба бѣ атбавить дроу, а іонъ болій подбаўляить.

— „Усѣ мы такъ дѣлаимъ: многа на нашій душиньки грахоу—тижала ношка, нада адуматца, а мы болій и болій грахоу наелѣнчиваимъ“.

— Видють яны далій: чилавѣкъ напрасна ильеть ваду у диравую камью.

— Ли ниразумныхъ людей дарымъ прападають мудрыи савѣты и правила.

№ 1.

Абъ упирливый жонки и абъ бабскихъ уверткахъ. Отголо-ски Новгородскаго преданія о щилѣ. Историческія повѣсти. Якъ купецъ Гулитыѹ и Ваксонскій каралевичъ ѣздили умѣсти и къ женскимъ уверткамъ присматривались.

Была ета дѣла ў Питарбургѣ. Быѹ купецъ Гулитыѹ, а у яво быѹ сынъ, бальшей красавицѣ. Атець яво паѣхаѹ у Ваксонію таргувать разными таварами. У Ваксонскава караля тожа быѹ сынъ, тожа красавица. Сынъ Гулитава и сынъ Ваксонскава караля воби были жинаты. Быѹ ў Ваксонскава караля баль, были у яво усеи прочія карали. Кончіѹши абѣдъ, усею гудню, били салдаты ў барабанъ сматрѣть валикыва дива: будить вывадить Ваксонскій кароль на показъ свайго сына, показывать яво красату. Дди чаво іонъ яво вывадиѹ? — А дди таво, што ти ня выхвалитца проти яго хто красатою. — „Карали усеи и увесъ народъ, хто проти яго вызывитца ящо подлинникымъ“? — Усеи карали прамаѹчали и ни сказали ничаво. А Гулитыѹ гаворить: — „Харошъ твой сынъ, пригожь твой сынъ, а у мяне іость сынъ, ня будить хужій твайго!“ Гусударъ разсердиѹся и гаворить усемъ: — „Гаспада, будьтя усеи свидѣтели! привяземъ яво сына, пасматрѣмъ: када яны красатою будутъ роѹны, та іонъ будить таргувать ў Ваксоніи 7 лѣтъ, а если яво сынъ будить хужій майво, то на площади яму отрубють голува“. — Купецъ Гулитыѹ сичасъ паслаѹ у Питарбургъ штахвета съ письмомъ къ свайму сыну: — „Штоба сичасъ прибыѹ у Ваксонію“!.. Пулучомши письмо, стаѹ сынъ Гулитывыга сабиратца ў Ваксонію. Апичалиѹся іонъ сильна, што пу вадѣтъ никада ня ѣздиѹ. Пумалиѹся Богу и стаѹ на карабъ, — хватіѹся, часоѹ карманныхъ нѣту. Пубижаѹ іонъ самъ за часами. А ни такъ за часами, какъ захатѣѹ пупращатца съ жаною. Прибѣгъ у домъ, а часы яво были ў спальни. Іонъ какъ бѣгъ, такъ пряма ў спальню. Ускачіѹ у спальню и заспѣѹ прикащива са сваею жаною. Іонъ вочинь улякнуѹся и узгарѣѹ, но ни сказаѹ ничога и паѣхаѹ ў Ваксонію. Прибыѹши у Ваксонію, яво пряма требуютъ къ царю. Атець, на яво какъ пасматрѣѹ, такъ и спужаѹся: увесъ іонъ стаѹ чоринъ и ни пригожь. Кароль

сабраў свидѣтелиў на площадь. Прибыли усп свидѣтели. Глянули свидѣтели: Гулитывыга купца сынъ непригожь, а Ваксонскава караля сынъ, какъ махнў твѣтъ. Гаворить кароль:— „Ну, отыга купца пасадить у вострогъ, а сыну голыву атрубить, какъ и було сказана“.

Усп караля гаворють:— „Нѣтъ, ета ни пу правилу, штоба бязвинному чплавѣку голыву рубить: ionъ первый разъ вадіу пу вадѣ, днѣ ionъ спужаўся, а дайтя яму на 6 мѣсцнцў сроку, харошія питаннѣ, идяннѣ,—тады увидимъ“!—Каралеўскій сынъ ўзяў сына Гулитывыга къ сабѣ ў домъ, адно кушання зъ имъ ѳли и хадили у дваёмъ гулять па саду. У саду была бясѣдка, а ў бясѣдки стыяла канапея съ падушкыма.—Каралеўскій сынъ гаворить на сына Гулитывыга:— „Мы на етнй канапеи, гулямши, атдыхаимъ“!—Ета харашо.—У каралевица была жина валикыя красавица. Каралевиць у ночь паѳхаў са сваимъ атцомъ на троя судыкъ. Гулитывага сынъ быў празарліў. Гуляўни па саду, и думайть самъ сабѣ:— „Дайна, я нагѣзу падъ ету канапею: што тутъ случантца у паўдни“?—Падгѣзь падъ канапею и легъ. Часа у 2 дня приходитъ суда храмѣй шорникъ и лажитца на ету кровать. Чиризъ минуту приходитъ каралевицива жина, а шорникъ гаворить:— „Што ты ета ня сеора? Увидють, днѣ будить нахлябучка.“—Извинитя; я только што улажила свайво атца зъ матирью спать.—Палягли яны на кровать, и давай грѣхъ дѣлать. Атшибахали дила, нангли усп ўрозъ. Гулитнў сынъ вылизъ и думанть:— „Ну, чаго я улягнуўся, када заснѣў сваю жану съ прикацикымъ?—Хуть жъ прикацикы, а то каралеўская дочка съ храмымъ чортымъ“!.. Стаў ionъ послѣ отыва весиль:— „Значить ни адна мая жана“!.. Стай Гулитнў сынъ пупраўлятца. Прибуванть каралевиць дамѣй. Пришли яны на заўтрига съ каралеўскымъ сынымъ ў садъ. Гулитнў зайшоў на кухню, узяў тамъ большей вострый ножъ, заторнуў яво за гальянцу. Пришли къ канапеи, Гулитнў и гаворить: „Каралевиць, давай ка мы ляжимъ падъ канапею: што мы увидимъ?—А только, каралевиць, када ня змоўчишь, што будишь видить, то я тябе закалю во етнмъ нажомъ“!—Буду маўчать. Магуцимъ Богомъ клянусь, што буду маўчать!— „Ну, пагѣзимъ!“ Лягли яны падъ канапею. Черизъ поўчаса приходитъ шорникъ и легъ на канапею. Черизъ минуту пришла и каралевицива жина:— „Во, каралевиць, видишь“?..—Братъ,

вижу!..— „Маўчи, а то во“!.. Вотъ и начали яны дѣла сваё дѣлать, ажну каравать стогнуть... Кончили яны сваё дѣла и пашли урозь.— „Во, братъ, видіў?“— Видіў, братъ!..— Вотъ, каралевиць, атчаво и я быў худъ: дыгъ мья жина съ привацкымъ, а то каралеўская дочка и мужикъ“!.. Каралеўскій сынъ стаў худъ, а купечискій сынъ стаў ящо луччи. Каралеўскій сынъ и гаворить на купечискыва сына: — „Пайдемъ у свѣтъ: вали найдѣмъ ящо такъ, то вѣрнимся двору, а ни найдѣмъ, то и ни пайдемъ назадъ“!.. Вотъ яны и пашли. Узяли съ сабою золыта и сѣребра. Зайшли яны версть за триста. Вышли яны на паянку; мужикъ пашить у адну саху, а за спиною у яво привязанъ мѣхъ. Аны сѣли и загаварили мизъ сабою: — „Братъ ты мой, мужикъ пашить и носить мѣхъ за пличами, што за аказія?“— Яны глядять. Мужикъ пристаў пахать, синуў съ плечъ мяшокъ, развизаў, и вышла аттѣль жонка, стала яму давать абѣдать. Аны смотрють.— Мужикъ утаміўся и, абѣдаўши, заснуў. Какъ іонъ заснуў, то она махнула платкомъ—изъ кустоў выбигъ паринь и давай зъ ею грѣхъ дѣлать. Прашнуўся мужикъ и гаворить:— „Жонка, идѣ ты“?— А я тутъ!— Нечига парию дѣлать, шабоуць и іонъ у мѣхъ. Купечискій сынъ съ каралевицимъ видють, што іонъ завизаў ихъ аобоихъ у мѣхъ. Мужикъ привеў и запрегъ у саху кабылу, завизаў мяшокъ на плечи и давай пахать.— „Ну, каралевиць, пайдемъ памилуимъ яво“!— Принли къ мужуку. — „Пумагай Богъ“!— Благодарю!— „Дядюшка, што ты ета за пличами несишь“?— А вамъ какою дѣла? Ну, ды я вамъ признаюсь: я яе третій годъ такъ нашу: баюсь, штоба чужея ребяты ни любили!— „Братъ, покажи яе намъ: мы табѣ за ета дадимъ горсть золыта“!.. Іонъ развизаў мѣхъ, а аттудава выскачѣў паринь, да ў кусты и схуваўся. Мужикъ давай сваю жонку пароть. Дали яны яму горсть золыта и пашли дальши. Приходють яны ў чужою каралеўства. Ихъ тамъ кароль сичасъ жа сдѣлаў министирами. — „Вотъ, гаспада“, гаворить на ихъ кароль: — „Я выдамъ за любога изъ васъ сваю дочку!“— Ахъ, царь, у насъ ни такъ!— „А какъ“?— А у нашимъ царстви у двухъ бувайт одна жина!— „Ну, харашо: я васъ дваихъ на ей пиривинчаю!..“ Часнімъ пиркомъ іонъ ихъ и ажаниў. Хадили яны по саду, ана и гаворить:— „Закажимъ мы сабѣ шурокую каравать!“— Сдѣлали шурокую каравать и поставили яе ў спальни. Ана ла-

жилась на сиряди, а яны на краямъ.—Ина и гаворить:—„Ну, ваторавя я таўкану, тотъ аткатыся, а съ другимъ я буду спать; а на другую ночь другога таўкану, а съ первымъ буду спать“.—У спальни у столи проти каравати було вакно, яно атпиралысь. Черизъ ядѣлю еты мужья, каралевичъ и Гулитыѹ, пашли ў садъ прагуливатца.—Купечискій сынъ ударіѹ каралевича пѡ вуху. Каралевичъ и гаворить:—„Ахъ, за што жъ ты мяне ўдаріѹ?“—А за чимъ ты усѣ съ жонкыю спишь?—„А не, братъ, ина мяне ўсякыю ночью таўкаить!“—Ну, братъ, прасты: ина и мяне усѣ таўкаить. А мы сянни пасматримъ: кады ана таўканеть мяне.—я аткачусь, а кады тебе таўбанеть, то и ты аткатыся; а пачомъ мы ўсе скотимся ўмѣсти, пасмотримъ, што тады будить!—Лягли яны и спрашюць:—„Милая, на што ета ваконка у столи?“—А ета, кады будить жарка, то атпирать!—Яны замаўчали. Ина таўканула аднаго и другога, яны засапѣли и атъ яе аткатылись, а ни спять: смотрють, што будить далій. Аteryлыся вакно, па халстыни спустіѹся чылавѣкъ прямиа къ ей. Яны разымъ скатылися и паймали яво.—„Падайтя агню!“—Падали агню, паглядѣли: сапожники!—„Чимъ тябя завуть!“—Юда.—„Ну, пращаймъ тебе: а то бѣ було худа! Видна, какъ у насъ, таеъ и ў васъ“. Пустили яго.—Вышли яны и гаворюць:—„Ну, паѣдимъ дамой: видна, какъ у насъ, такъ и ў ихъ!“—Приказали асидлатъ самыхъ лучшихъ лашадей, сѣли и укатыли: каралевичъ у Ваксонію, а Гулитыѹ у Питярбургъ. Стали заниматца свайми дѣлами.—А кароль, тесьт ихъ, гаворить на дочку:—„А идѣ жъ мае зяті?“—А пашли яны у садъ прогулатца и сказали:—„Штобъ намъ вѣкъ ни видатца“.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 2.

Деревня Бердебяки
Ельнинскаго уѣзда.

Абъ бабскихъ уверткахъ. Штобъ паказать, што ина дужа хитра, баба мужу вочи туманить.

Адинъ мужикъ захатѹ узнать бабскихъ уверткѣ. Приходить у адну дярѣюню, заходить ў избѹ; у избѣ адна жанщина топить печку, а хата у яе курная.—„Куда, маладецъ, идешь?—

А иду искать бабскихъ уверткѣхъ.— „Харашо, я табѣ паважу увертку,—харашо, но только ты согласишься грѣхъ са мною дѣлать“!.. А печка топитца жарка.— „Ну, пасяди троху“!.. Принесли вады и наставила на загнетку. Нидалеча було гумно, а съ хаты на гумно було красная вакошка.— „Ну, смотри: я тебе увяду у баду и выведу“.— Поставила двѣ скамейки къ маўки, къ вагну. А семейства усѣ малатила. Ана и гаворить.— „Ну, давай грѣхъ дѣлать“... — Давай! — Только іонъ начаў грѣхъ дѣлать, ана яго схватила кругомъ пады пахи и стала кричать:— „Каравуль!“— Іонъ и такъ, и сякъ выбиватца: ня-выбитца никакъ. Іонъ ужу и дужа абрабѣў, а ина усѣ кричить. Паслыхали мущины и бигать съ ципами ў хату. Вотъ яны только ў сѣнцы, а ина схватила ведро вады, вылила на дровы, а астатки на етыга чилавѣка и притварилась, што будта плачить. Мущины и гаворють:— „Што тутъ такая?“— „Ахъ!“— гаворить ета баба:— „Када ба ня етытъ чилавѣкъ, ня бытъ ба нашему дварочку!..— Загарѣлись дровы надъ сонухомъ, а етыи чилавѣкъ ихъ затушиў!“— Яны яму сичасъ водки, угашеніе яму. Вотъ публыгадаріў іонъ ихъ и пашоў. А ета баба праважаить яго и гаворить:— „Ты иди двору, работай: уси бабы такея!.. Пасловица гаворить:— „Ня вѣрь лошади ў дароги, а бабы ў дварѣ!“

Отъ Василя Михайлова.

№ 3.

Деревня Бердеяни
Ельнинскаго уѣзда.

Якъ бурмистръ штобъ пану свайму выличить воки, малако даставаў атъ частной бабы.

Аднажды быў панъ, а у яго быў бурмистръ, вѣрный чилавѣкъ: панъ яму ва ўсемъ вѣриў. У бурмиистра была жина, вочинь некрасивая: курносая, кривая,—станить гаворить, ажну сюня таяеть. Съ ею на Христоў день ништо ни христосаўся: уси грѣбували. Абувалась ина ня лоўка: анучи валачились, ина ихъ мачила,—связать такъ:— скверная баба! Аднажды баринъ лажіўся спать, найшла на яго глаза черная вада, и іонъ аслѣпъ. Призываў іонъ усихъ дахтароў, дядоў,—яму ни какея дяды ни пумагли. Аднажды іонъ лажіўся спать сляпой и видитъ у

васяѣ: будта приходить къ яму жэнщина и гаворить: — „А што, баринь, ня видишь?“ — „Ня вижу. — „Ну, я вамъ скажу адно ликарства; яно ня дорыга, а толька дастать яво трудна: вотъ, дастаньта вы ать благачастивый жэнщины груднога малака, пумачита глаза тройчи и станита видить“. — Прашнуўся пань и пирякстїўся: — Госпыди, ти прайда то ета будить?..“ Призваить іонь бурмистра: — „Во, братъ, паслухай-ка ты мяне: найди ты мнѣ ать благачастивый жэнщины груднова малака; іостъ у мяне два имѣнія: адно мнѣ, а другога табѣ“. — Бурмистръ абнадежіў барина, што дастанить. Патаму іонь надѣіўся, што у яво жина была ни пригожїа: яе ня могъ ни хто любить. Приходить двору. А яны жили парядашна. Сѣў за столъ, нагнуўся и падгарюніўся. Жина пекла блины и кала яво хадила. Ина и гаворить: — „Ти ня сдѣлаў ты якей бяды?“ — Іонь ничога ни гаворить, а толька плачить. Патомъ и гаворить на сваю жану: — „Вотъ, жина, паслухай: баринь нашъ таперъ аслѣпъ, а када ба мнѣ дастать груднова малака ать бабы, у ваторый іостъ чатыри любоўника: то баринь нашъ стаў ба видить“. — Ана и гаворить: — „Ну, дыеъ што? — У мяне сянни были Гришка, Пятрокъ, Максимъ, ды чатвертый пастухъ — ужу даў у задатнѣкъ лашти, хатѣ сянни придить — во й чатыри любоўника!“ — Ударїў бурмистръ кулакомъ абъ столъ; ни стаў ѣсть и блиноў, и пашоў у свѣтъ искать груднога малака. Идетъ іонь када рѣчки и видить, што на бирагу спить голый чилавѣкъ, а къ етому чилавѣку крадитца воўкъ ужу вочинь близка. Іонь и кричить: — „Ай, чилавѣкъ, чилавѣкъ, прашнїся: табе воўкъ зѣсть!..“ Чилавикъ етытъ ускочїу да ў ваду и нырнуў. — Бурмистръ и думанть: — „Ахъ, напрасна будїў я етыва чилавѣка: ета вѣрна, чортъ: нїхай ба яго воўкъ зѣў!“ Ишоў іонь, ишоў, даганяить яго чилавѣкъ и кланїтца яму ў ноги: — „Благодарю, што избавїў мяне отъ ваўка“... — А хто ты такой? — „А я чортъ!“ — А што жъ ты зѣ ваўкомъ ни справїўся? — „А насъ ба було дужа многа, када ба ваўки насъ ни пайдали. Мы у етытъ часъ купанїся, — аны насъ и пайдають. — Куда ты идошь? Я табѣ какую хочїшь службу саслужу!“ — А иду я ў бѣлый свѣтъ искать ать благачастивый жэнщины груднова малака. — Ну, знаю: у нашїмъ царствї іостъ толька адна благачастивая жэнщина за 500 верстъ атеюда; садїсь на мяне и даржїсь крѣпка: заўтришнїй день и яе спакусютъ паслѣднїю!..“ Бурмистръ

сѣу на яго и отправи́ся у путь. Дарогую у яво звалилась шляпа; іонъ и гаворить:— „Эй, чортъ, пастой: шляпа звалилась!“—Нѣтъ, ужу да твоей шапки 250 верстъ!.. Дагнали ету благачастивую бабу зъ мужимъ и зъ рабенкымъ. Еты благачастивныя мужъ и жина вѣхали кабѣдни. Чортъ и гаворить: „Ну, бурмистръ, ты иди таперь пашкомъ, а я улѣзу у пазуху къ етнй баби и буду у яе кавирять рабенка“.—Дау чортъ яму 2 адинавнхъ пузурька: — „Я буду кавирять рабенка; рабенкыкъ будить кричать, яны у тябе будутъ спрашивать, ты ни знаишь ты чаго, штоба выличить рабенка;—ты имъ гавари, што знаишь; толька для етыга нада, скажи, грудной малако. Яны у тябе будутъ спрашивать, куда ты яго дѣнишь,—ты гавари, што вѣльлишь у ряку. Ана дастъ табѣ пузурекъ малака,—ты иди ў ряку. у другой пузурекъ зачарни вады, а пузурекъ зъ малакомъ схувай. Тады вадою пабрискай рабенка, а я аттуль выду“.—Вотъ бурмистръ идетъ у слѣдъ; чортъ улѣзъ къ баби у пазуху и кавирянтъ рабенка. Рабенкыкъ етытъ кричить. Вотъ етытъ благачастивый мужъ и гаворить бурмистру:— „Здрастуй!“—Здрастуй!— „Ти ня атходишь ты намъ рабенка?“—Знаю аткаживать, — толька для етыва нужна адна вещь!— „Какая?“—А нада грудной малако!—Жэнщина и гаворить:— „Я ниедму ни давала груднова малака и ни дамъ!“—Бурмистръ пашоу, а рабенкыкъ яшо хужій кричить. Мужъ и гаворить на жану:— „Ахъ, жана, какая ты нявѣрная!—Мы ў яво распросимъ, идѣ іонъ ета малако дѣнить!“—Ана заплакала и гаворить:— „Ну, ужу дамъ!“—Мужикъ и кричить на бурмистра:— „Эй, пастой: пагавѣримъ троху!“—Патомъ и гаворють:— „Скажи ты намъ праўду: идѣ ты ета малако дѣнишь?“—А во йдѣ: вы вотъ видита у мяне пузурекъ,—я панясу зъ малитвыю и выльлю.—Дали яму малака: іонъ и пашоу у ряку. Малако іонъ спрятау, а вады у другомъ пузурекѣ принесъ. Збрызнуу у лицо рабенка, на яе и на яво, а астатки атдау ей:— „Ты ў дварѣ рабенка пабриский!“—Атдау пузурекъ. Мужикъ и гаворить:— „Ахъ, чилавѣкъ, публугадариу ба я тябе диньгами,—да у мяне мелвихъ нѣту,—и ступай ты на пастаялнй домъ: тамъ я расплачѣсь съ табою.“—Пришоу іонъ на пастаялнй домъ, а яны ужу са абѣдни пріѣхали. А чортъ и гаворить:— „У каво будить залатой вянецъ, то благачастивый,—у грѣшникыу ня будить“.—Узяу паштофъ водки етытъ благачастивый мужъ и стау потчи-

вать бурмистра. Стаў паяць жану и стаў пияць самъ. Яго жина водычки падпила и стала пияць съ парнимъ. Пуплисали, выскычили вонки, аттулитка вярнулаеь,—ужу у яе нѣту винца на галавѣ. Дьявыль и гаворить:—„Ну, таперь па ўсей Рассеи нѣту часныхъ бабъ.—Садись, паѣдимъ!..“ Вотъ яны, какъ пыхнулі, и нашли шапку, каторую мужиць пацярѣў.—„Ну, вотъ твоя шапка!“ — Приѣхали на тоя мѣста, идѣ лижаў чортъ, и гаворить:—„Ну, слизай: таперь мы квиты“.—Чортъ исчезъ. Бурмистръ приѣхаў еь памѣщикю на свайхъ двайхъ, пумачіў яму малакомъ тройчи глаза,—памѣщикъ стаў видить. Падаріў яму адно имѣнія, бурмистръ пярѣхаў—и таперь тамъ живеть.

Отъ Василя Михайлова.

№ 4.

Абъ женскихъ уверткахъ. Якъ мужъ каза, што яго жонка ни ўвертлива, а ина за то надъ имъ увертку придставила.

Иднажды быў зборъ мужицкій, разгаваривали пра жоныкъ. Адинъ гаворить:—„Отъ мая жина умна: бываить и винувата—ды здѣланца права. Увертлива: рыхкажить и рыхглядить—и права буваить“.—Нѣскальки мушцинь тожа гаворють. Адинъ быў мушцина Аксень, іонъ гаворить:—„Моя жина нибыда мне ни бманываить и ни якихъ женскихъ увертыкъ ни придеѣляить“.—Яму и гаворють мушцины: Приди къ жанѣ, скажи ей:—Вульеъ. якея ета у бабъ увертки бувають? Пупраси яе, то ина тибѣ и пыкажить“.—Жина атказыить мужу:—Дуракеъ, якея у бабы магутъ бытъ увертки? — Забунтувала яго слывами. Етый жа Аксень змоўчилъ и мижда вушь пустилъ. Етый разговоръ случился у полъ лѣта, а па восини жина уздумала яму наказать увертки. Наготовила кушання палуччій и сыскала вотычки. пастелю бѣлую зыслала, а во ўремя ужина пуднаила пущанѣй:—„Аксенича, раздивайся и лажись спать“.—Аксень етытъ раздѣўся и лѣхъ спать позна вечеромъ, варотъ ни затвориў. Сыбаки справили лай. Ана и пасылаить, жина:—„Аксенича, вить жа наши вароты ни затворины!“—Аксень устаў и хатѣў адѣтца зытварить варата. Ана яму гварить:—„Бажитка! Доўгаль тибѣ затворить? Якъ зайчикъ, прыгнуў и вароты затва-

рїу—и тады на теплую пастелю и ляжишь. Аксень только вы-
 бижи́ изъ сянецъ, а жонка двери затварила за нмъ и зыва-
 лымъ завалила. Аксень вырты затварїу и къ синямъ пришоу—
 сѣни затворны. А жина лигла и духъ утаила. Нѣскыльи уре-
 ми іонъ стучѣу,—ина усе ни твыряить. Падуншїу у вавошка
 улѣзъ—вакопичка маливбая, старинныя: у яго улѣзъ нильзя.
 Ана ни захатѣла стукуту и кричить:— „Каго тамъ лихачи но-
 сють?“—Аксень тыда и падумау:— „Ти усвой я дворъ ета пу-
 пау?“ Былъ выпїуши пырядышна—пайшоу двары щитать:—ета
 Исакнїу, а ета Пытапынїу, а ета кумынїу!—Приходить на свой
 дворъ ипать, а ина ни пуцаить—іонъ пайшоу гумны щитать.—
 Начау съ краю:—Ета Пытапыва, а ета Исакыва, а ета кумы-
 ва, а ета мае гумно!—Пашоу ипать на дворъ—жина ни
 пуцаить. Іонъ и думайть самъ пы сябѣ:—Што ета я здур-
 рачїуся? Ето, вѣрно, ѣ гылавѣ ѣ мине хмялина водить?“—
 И пайшоу на дярѣню съ другога канца: только стау заха-
 дить, а священникъ ѣхау съ кѣлды. Священникъ пуѣстричау
 яго и кричить:— „Што за чилавѣкъ нагей ходить?“—Іонъ и
 атказыить священнику:— „Я, батюшка!“—А хто ты?— „Да я,
 Аксень“.—Што жѣ ты такъ ета ходишь?— „А жина паслала
 затварять вароты; я вароты зытвариу, а жина сѣни зытварила,
 мине ни пуцаить“. Священникъ гаворить:— „Ахъ, ты, мой
 Аксеничка, нагой ты ходишь! На тибѣ маю синьтюгу и сяди
 на вазу, а я пайду жану тваю угаварю“.—Уляня, на што ты
 свайго Аксена ни пуцаишь?— „Ти вы ета, батюшка?—Я.—
 —Ахъ, батюшка, мой Аксень са мною спить“.—А священникъ
 гаворить:—Іонъ у мине на вазу спить.— „Ета, батюшка, вы
 ти ня чорта пїймали?!..“ Священника тронула у мысли. Пашоу
 къ свайму возу и гаворить:— „Ти ты ета, Аксень?“—Я.—
 —Ти ни чортъ ты“—Ды не.—Аксень.—Священникъ ипать па-
 шоу къ жанѣ:— „Вазьми, Улькъ, свайго мужа!“—Што вы, ба-
 тюшка, ти шутитя, ти смяѣтисъ, што вы мнѣ другога мужа
 даея?—Священникъ пашоу къ Аксену и гонить яго дажоу.—
 —Далой—ты чортъ!“—А іонъ таки найдетъ. Дыкъ іонъ узялъ
 яво да у шивырыть и съ синьтюгю, а самъ на лопать ды на
 ѣходъ. Аксень тада пашомъ на гумно къ сасѣду. Была малатъ-
 ба. Іонъ пириначувау, на вутра пашоу дамой, а жина ужъ печ-
 бу топить, абѣдъ гатуить. Аксень яе падумау пабить и заста-
 виѣ. што абѣдъ ни згатуить—здумау: жана яго учила ноччу—

„и я яе паўчу ноччу, штобъ нихто ни ўзнаў.“ Жина послѣ абѣду пышла на дярѣю, падгаварила маладуху:— „Пиряси ты зъ маимъ Аксенымъ адну ночь: я тибѣ дамъ за ета намѣтку.“ — Іонъ жа узнать. — „А мы здѣлаимъ такъ, што ни ўзнаить. Прихади то уремя, кыда будимъ ужинать, и пагади, пабуль мы паужинаимъ. Язъ паужинаимъ, тыда са стола убяру, Богу пумалюсь, лучинку загашу, пайду на дворъ—и, нямножка пагодя, да йди жъ ты съ маимъ Аксенымъ и лажисъ спать.“ — Тольки ина пришла къ постели, Аксень пригатуваль вагайку, саскребѣ за валасы ету маладуху и начаў яе пароть. Маладуха ета вричить:— „Аксень, ти шалѣу ты?! я жонка ни твья“. — Іонъ яе абругаў:— „Нѣтъ, ты ўчора гаварила:—Аксень ня мой, Аксень чортъ! И я чорта бью, и я чорта бью, и я чорта бью!..“ Маладуха ета вырвылась, небыда и съ Аксенымъ спать— и ушла. Аксень етытъ зымаріўся, пышитъ, язъ жаробный воўкъ; жина, яво законная, приходитъ къ яму и лажитца зъ имъ. Жина спрашійтъ:— „Аксень, што ты ета пышишь?“ — Аксень гаворить:— „Я жъ тябе біў.“ — Нѣтъ. Аксеничка, ты мяне ня біў. — „А каго жъ я біў?“ — Ета ты біў чорта. Іонъ тады плюнуў:— „Ту, праклятый, язъ мне измустиль!..“

№ 5.

Деревня Бердебяки
Ельнинскаго уѣзда.

А благачасливыхъ мужи и жонки, и чорти. Якъ чортъ атъ сваго начальника пулучіў поду и дѣхтю за то, што пассоріў благачасливыхъ: мужа и жонку. Жонка свайго мужа бутцахъ зарѣзать хатѣла—увиряў іонъ.

У аднимъ мѣсти жили благачастивыя мужъ съ жаною; жили яны сагласна, какъ братъ съ сястрою. У ета ўремя адинъ чортъ быў у ади бязъ доўжнысти: яму ни давали ни кавега правянту. Чортъ приходитъ къ свайму начальнику. Начальникъ яму гаворить:— „Если ты ни змутишь такова-то благачастивыта съ жаною, то я табѣ ни якой доўжнысти ни дамъ: а када змутишь,—дамъ табѣ три бочки поду и дѣгтю.“ — Вотъ чортъ етытъ сдѣлаўся харошимъ чилавѣкымъ и пашоў прямиа къ етымъ благачастивымъ у домъ. А благачастивый мужъ рана ушоў касить, а жана яго была дома. Чортъ уходитъ у хату:— „Зда-

роу вамъ!“—Здрастуй, галубчикъ!—„А мужъ твой идѣ?“—А іонъ у поли косить. А на што іонъ табѣ?—„А я пришоу яво нажалѣть.“—Што такъ ты ета яго жалѣишь?—„А во ать чого:—чилавѣъ іонъ харошій, да памреть скоро.“—Атчого?!—„А во ать чаво: у яво вырысла падъ шыю три бѣлыхъ вылыска.“—Жина яво сильна жалѣла, заплакала и гаворить:—„Ахъ, любезный! Ти ни знаишь ты, якъ яво ать смерти ’збавить?“—Ну, ладна. Ты яму панясешъ заўтрикыть?—А, вотъ, только яешню сжарю—то панясу“.—Ну, ты во што сдѣлай: вазми вострый ножъ, усодь у рукау, приняси яму заўтрикыть. Када іонъ пазаўтрикаить, ты яму скажи:—„Давай я тябѣ вошій пайшу.“—Іонъ табѣ паложить сваю галаву на калѣни, а ты пакапай у яво у голови, — тады патихоньку и вырижь тыя валаски: тада іонъ будить жить болій.—„Ну, спасибо, добрый чилавѣъ, што наўчиу!“—Статувала ана заўтрикъ и сабралась идить.—А чортъ пашоу съ хаты, пашоу у поля къ благачастивому мужу:—„Здароу, мужикъ!“—Здароу!—„Садись, пажюкаймъ!—Сѣли. Чортъ пѣчау мужуку гаварить:—„Вотъ, ты сваей жонки у доми усѣ вѣришь, а ана ня вѣрна табѣ: сяңни я захажу на пыстыялй домъ, а твоя жина съ пулуванниемъ скачить, пляшить, цалуитца, а пулуванникъ ей гаворить:—„Зарѣжь ты свайго мужа: я тебе буду да вѣку любить!“—Ну, какъ жа мнѣ яго зарѣзать?—„А, во, я тебе наўчу: какъ панясешъ ты яму заўтрикыть, вазми у рукау ножикъ,—какъ іонъ пазаўтрикаить, то ты яму скажи:—„Давай я у тебе вошій пайшу!...“ Када іонъ паложить голыву къ табѣ на калѣни, то ты яго и зарѣжь!“—Охъ, ти праўда ета будить?... сирашишь у чорта мужикъ. — „Праўда: я, жалѣючи тебе, зайшоу. А када ня вѣритца табѣ, то ты сваю жонку абайши: у яе, у рукавѣ, ты найдешъ ножъ.“—Задражала у етыва мужука сердца. Чортъ ать яво атайшоу, а іонъ въ кустахъ вырубіу клабазину и схувау ея падъ пакось. Нясеть яму жина абѣдыть. бѣгить шпарка, ища зъ далика кричить:—„Брось ужу, милый, касить: адыхни!“—Пришла ана къ яму и гаворить:—„Ахъ, душа!—Ты дужа выбиваеся изъ силъ: паддыхни!“ Сѣу іонъ заўтриемъ, ну, черизъ дысаду ни можить ѣсть. Ина яго цалуить, гладить па шіи и па галивѣ, а іонъ усѣ думаетъ, што ана ищитъ мѣста штоба яго лаўчѣй зарѣзать.—Ина яму гаворить:—„Душка, давай я тебе у галавѣ пайшу?“—Уска-

чіў іонъ и гаворить:— „Давай-ка я тябе абыйцу: съ чимъ ты пришла?“—Іонъ у яе и нашоў у яе рукавѣ бальной вострый ножъ:— „Ета што?!.. Іонъ яе у вуха и ў другоа, падняў на ей адежу, якъ почаў яе дуть. Біў, біў,—ина ужу и кричатъ пристала. Тада етнй дявыль захыхатаў, пубижаў къ свайму начальнику. Тада, благачастивый мужъ паслыхаў яво хохытъ— дагадаўся:— „Ета вѣрна, падшутили надъ нами!..“ Схватіў вады, давай атливать жонку сваю. Выздарила яво жонка—стали яны жить луччи прежнига. А чортъ палучіў поду и смали 3 бочки за то, што благачастивыхъ людей змутіў.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 6.

Село Шоптово
Бѣльскаго уѣзда.

Какъ нявѣрная жина притварила мужа ворынымъ и сабаной.

Атець уздумаў сына жанить—ну, ѣздить у сваты. Идѣ за яво идуть, онъ не хочить; а идѣ думаль бы братъ, за яво няйдуть. Ну, такъ какъ онъ на отца атказалъ:—паизжай-ка ты свайму пріятелию, такъ онъ паѣхалъ къ пріятелию.

Пріѣхаўши къ пріятелию:

— „Здрастуй, пріятели!..“

— Што вы ка мнѣ ѣздита?

— „Ни такъ и ни дарымъ—у сваты, братъ.“

— Што жъ, братъ, я бѣ атдалъ дачбу—мая дачка ни вольная, а гасподская!

— „Ну, братъ, я бѣхлпачу дѣла, када на ладъ пайдетъ. Пайдёмъ къ гаспадамъ: я гаспадамъ деньги атлажу.“

Гаспада приказали за дѣву атлажить питьдисятъ рублей. Атлажѣши деньги, ни вино курить, ни пива варить—за свадиббу. Патомъ сичасъ свадибку сыйграўши, живутъ яны харашо, друкъ у друга души ня чуўствуютъ. Ну, такъ какъ прахадіў у дярёню кривой работниѣ и застаўляйтца бѣ сусѣду въ той жа дярёни.

Прашоў патомъ слыхъ, што Иваныва жина живетъ съ кривымъ. Иванъ ня вѣріў:

— „Ну, полна, братцы, вамъ ета плюхатъ! Када я самъ сабою увидаю жану сваю, тада ей изругаю!“

Въ великодную субботу атираўляўся атець съ сыннымъ на всинѣшную. дашли яны да рѣки, и хватіўся атець — денегъ нѣтъ.

— „Штожъ, сынъ, гадавой праздникъ — варачайся назадъ дымой, такъ какъ забыли деньги: лижать яны на бажницы.“

Приходить іонъ дамой у свой атцоўскій домъ—сидить жина за сталомъ и зъ естымъ бривымъ палюбовнивымъ.

— „Ни тибѣ бѣ то ета дѣлать, ни мнѣ бѣ то глядѣть на тебе!..“

— Но малчи, ніувѣга!

Жана атезаала:

— Пашоў вонъ!

Здѣлала она яво сабакый. Онъ сабѣ у мысли бреть:

— „И яго то я сабака!..“

Вышіў на вулицу и такъ прибудніўся; у тэй же дереўни и заходить къ тетеньки, кагда жъ мине тетинька назаветь въ етымъ видѣ сабакамъ.

Онъ приходитъ въ избу, то тетинька и гаварить:

— „Пасматри, маладица, какой явіўся къ намъ сабака. Ну, такъ ана атламила яму пирага и падаетъ яму падаянiя, етому сабаки, такъ какъ етытъ сабака съ агарченiя вышіў вонъ.“

— Ну, куда жъ мнѣ теперь ватдалитца?

Атдаліўся іонъ къ пастухамъ у стада и прибіўся іонъ къ пастуху, къ ста́днику, и пасеть съ пастухомъ скотъ. И такъ жестка сабака пиринимаетъ скотъ. Патомъ пастухъ, астаецца да-вслинъ сабакыю.

— „Вотъ што, гаспада дамухазяини, прашу пакорна да-вать прапитанiе на етыва же сабаку!..“

Ну, патомъ какъ пастухъ видитъ сабачiя дастаянiя, атлу-чиўся у праздникъ у тую дереўню, гдѣ пасеть.

Вдрухъ къ етому сабаки іўляютца двѣ звѣри: два ваўка, и хатѣли пагубить ската. Патомъ сабака ударіў свае мысли:

— „Што будить, такъ будить, и ужъ падарусъ зъ ваў-комъ!“

Ваўкоў іонъ пабидіў. Приходитъ у тую жъ дереўню за сваймъ ста́дникамъ, узяў яво за палу и павѣў яво къ скату, приводитъ яво къ етымъ ваўкамъ и паказываў ядиныхъ ваў-коў; патомъ сабираить яму стада и да кучи.

То ба у аднаво памѣщика была завиденiя, сдержжи были

лашадинный заводъ и многа у яго была звырья—нашибали ла-
шадей; то етытъ памѣщикъ атправляетца къ етому стаднику
купить етыва сабаку ли собиращенія свайхъ лашадей.

Призжайтъ у дярёўню:

— Есть у васъ прибудная сабака?

— „Есть; да ни у насъ—у нашива стадника.“

— А кабы мнѣ яво разыскать?

— „А можна: іонъ у мене на хватери.“

Приходитъ онъ къ ему:

— „Што, братъ, есть у тебе сабака?“

— Есть.

— „Прадай ты мнѣ свайво сабаку!..“

— А давай сто рублей!

Ну, такъ памѣщикъ ни жалѣлъ етыхъ денйхъ; атдаў ден-
ги, узяў сабаку, привозитъ дамой у свой барскій домъ.

— Вотъ што, гаспада-канюхи, даю вамъ и сабаку, и
мѣсишнаю: сматрится бирагитя, какъ и сами себе, такъ и сабаку.

Такъ пастухи бирагли сабаку.

Ну, видють пастухи: сабака харашо пасеть лашадей—самая
малая ииъ работа.

— „Давай гульню устроимъ!“

Ва время етый самый гульни іўляютца двинацэтъ ваўкоў.
Сабака етытъ мохъ ба будитъ свайхъ стадникѣў, ну, никакъ
ни разбудіў. Сабака съ сваей атвагнй напустіўся на ваўкаў,
ну, и пазаўў етыхъ ваўкоў. Ну, такъ ранили и сабаку ети
самыи ваўки.

Какъ атпраўлялись пастухи атъ испуга, што сабаку ни
нашли, пришли въ гасподскій домъ, абіўляють памѣщйку:—
працаў сабака, ни найдемъ лашадей!

Такъ памѣщикъ строга пастуніў:

— „Я за ета васъ бизъ зачоту атдамъ у салдаты!“

Ну, такъ большій канюхъ ударіўся упирѣдъ искать ла-
шадей.

— „Пастой, братія, сабаку нашоў, только увесь зра-
нитый“.

Ну, памѣщикъ атказаў:

— „Дай мнѣ хуть раненыва!..“

Приходитъ къ сабаки, лижитъ жа сабака асабнякомъ, тутъ
жа 12 ваўкоў.

Забирають етыхъ ваукоу и съ сабакамъ въ памѣщюу. Памѣщюкъ давай сабаку етыва лачить; онъ многа на сабаку пралачиу — двѣсти рублей. Патомъ етытъ сабака пашоу у объауку. Иньраль узнау пра сабаку, што сабака вочныъ харошия, призваить въ етыму памѣщюу.

— „Прадай, братъ, мнѣ сабаку!“

— А купи—пятьсотъ рублей.

Онъ яму вынимаить деньги ни тургувауши, атдасть яму. Павезъ сабаку къ слабѣ ли сбиряженія малыхъ дятей. И такъ сабака утишаить малыхъ дятей. Сабралась сабранія. Онъ абъуляить:

— „Гаспада, што вы пригласите мине, чимъ мнѣ сабаку наградить?“

Другиѣ лица:

— Ну, чимъ сабаку наградить? Да справить яму залатѣй галстукъ!

Ну, какъ справиу галстукъ, сабака и выходитъ на крыльцо и задумау бизать у сваю старану, у свой ватцовскій домъ и къ сваей жанѣ. Онъ приходитъ у ватцоускій домъ, ана сядитъ пада'кномъ, распиваить пѣсонки. Онъ забигаить напрати вабна:

— А здрастуй, Ванюшка, пади, будимъ жить, какъ жили!

Аттварила важно, бросиуся у важно. Она взяла галстукъ, сарвала, притварила яво ворынымъ; взяла пруть, выгнала съ избы. Онъ узлитѣу на крышку и задумауся:

— Што жъ типерь мнѣ будить?

Отпрауляйтца удалъ литѣтъ. Литѣлъ въ аднаму памѣщюу, прилетѣу у садъ. И становють паничи плѣнычки ли варабѣу. Онъ увидау ету пленку—бухъ у пленку: ну, же-таки, иму любапытна было, што тамъ канапельки были. Приходють паничи. У моеѣ ба пленнычи варабей, а у другога панича самыѣ етытъ ворытъ.

Аны взяли и панисли. Варабейчыкъ етытъ. какъ пустили на гульню, такъ и палетѣу, но какъ воранъ никада.

Аны мижа себе зассорились:

— „Мой улитѣу, а твой нѣтъ!..“

Ну, на ихъ атець ускривнуу:

— Што жа вы ссоритесь?—Ниситя: я вамъ раздѣлю.

Принесли етова ворына и къ пупаши. Онъ пириварнуу яво и рвать.

— Охъ, ворынъ, ды ня тотъ!

Онъ яво абразуваль челаѳччїя видѳня.

— Давно жъ ты, братъ, страдаишь?

— „Ни знаю“.

— „Ну, я тиѳъ скажу: Слава Богу, шесть лѳтъ прастрадау. Ну, што, братъ типерь будишь дѳлать? Паласа твая зарасла, и бурыва каня нѳту, астауши у атца адны влешни бурыва баня.

Даеть яму двѳ узды:

— И отпраляйся дамой. Ну, насмїялась жана, — пасмѳйся и ты надъ ей!

Стать кала Ванькиныва вини сасна. Онъ приходитъ къ сасны, іуляйтца самый жа кривой подъ ету сасну и сказау:

Ніувѳга! абѳщалась придить упиредъ.

Онъ бакъ надѳу на ево узду — сдѳлау ево жирабцомъ. Патомъ іуляйтца ина, яво быуши жина.

Тымъ жа парядымъ надїеть узду и дѳлаить іе кабылицы, садитца верхомъ, атправїуся у балата. Приходитъ къ атцу.

— „Здрастуй, пражилай челаѳкъ, старый старичѳкъ!

А я вашъ сынокъ!..“

— Нипрауда, сынокъ.

— „Нѳтъ, я вашъ сынокъ, атець — Иванъ Иванычъ.“

— Што, атець, што у насъ доми астауши?

— „А што жъ, мой сынокъ? адны буркины влещи“.

— А на поли што дѳйтца?

— „Палоски зарасли вустами.“

— Ну, ничаво, атець; хотьба были тыи признаки, идѳ наша паласа. Схади-ка, атець, пупраси-ка памѳщика плуга изадрать поля!

Ну, атець атправляуся къ помѳщику и выпрасїу плухъ, ну, и запрѳхъ лошадей и давай еты драть облоги у етова памѳщика.

Памѳщикъ думау жанить сына. На упрауляюцава гаворить:

— „Пади-ка пасматри яво лошадей!..“

— Ахъ, баринъ очинь хараши лошади!...

— „Ни можна ли намъ ихъ на свадьбу узать?“

То приходитъ прикащикъ:

— Што, братъ, васъ панъ просить лошадей ни свадьбу.

— „Су ўсिमъ удавольствіимъ, можна—цана будить сто рублей“.

Приводить лошадей на свадьбу. То памѣщикъ атвичаить:

— Што, братъ, нада дать лошадымъ пашаницы?

— Нѣтъ ни нада, павѣртыя! а нѣтъ ли у васъ гнилэй саломы?

Снялъ съ крышки гнилэй саломы — и такъ смашна кони ядутъ; нада ихъ напанть путрыю.

Памѣщикъ и гаварить:

— Вывизитя тарантасъ саўсिमъ лихкавой!

Онъ атвичаить:

— Нѣтъ, гаспада, какъ можна пагрузнѣй!

Вывизли яму читвириковый; онъ и залажилъ у тарантасъ пару сваихъ лошадей.

Просить гасподь:

— „Паѣхали бы, гаспада, упярэдъ!“...

Но гаспадамъ паказались ба ети слава какъ ба ни ў лицо:

— „Прасилибъ мы тебе выхатъ скольки нибудь упирѣдъ!“...

Онъ ишо имъ пуўтарилъ:

— „Братья, да ни ради мене—ради сами себе“.

Ну, и атправился ѣхатъ упирѣдъ ихъ.

Праизжаить многа время упирѣдъ, часа палтара; атгуляўши свадьбу, приглашаить другихъ:

— „Паѣдимъ пакатаймся куда нибудь у прочіи гарада!“...

Ну, и атправились у горыдъ дальній, выизжають на скачку. Адинъ купецкій сынъ астанавливаить Ивана:

— Сѣрый мужикъ, эй, ты, што ты такъ жостка ѣдишь?

Ты паложъ перва денгя. патомъ выизжай жостка!

Онъ денюжки палажилъ тамъ нѣскальки. Проситца зъ имъ мужикъ расписатца, мижда себе расписались.

Атправлялись на абгонъ друхъ съ другымъ, то мужикъ абагналь купческава сына.

Такъ купческому сыну показалась ета ни ў носъ—пустить етыхъ лошадей на торгъ.

— Мужичекъ, прадай мнѣ сваихъ лошадей!

— „Здѣсь нильзя: у мене іость старичекъ семьдсить лѣтъ. А хто можить лошадей пакупать, тотъ прибудъ ба мнѣ дамой“.—Сагласились нѣскальки лицъ етыхъ купить коній.

Іонъ отправился дамою, прїзжаить къ свайму атцу и къ страму старику.

— „Ну, што, атець, у мене пакупали ламадей?“

— Ну, досыть, сынъ, зругатца: атпусти іе на волю!— Ну, и атпустиль іе на волю, здѣлалъ сваей жаной, давелъ яе да клятьбы, даль ей комъ зямли збѣсть.

— Тада я тибѣ павѣрю, када зѣси етѣй комъ.

Но іе раскуваў и вузду зъ іе сняў, но яво ни расковываў, пустіў кованата: задній капыты раскаваў, а ширежніи такъ и асталіся; жиў етѣть конь у сусядихъ.

№ 7.

Якъ мужникъ абмираў, а пѣтэмъ жонку свою падучиль, што ина дужа любапытна.

Какъ жиў адинъ мужучокъ, патомъ и помиръ. Яго узали памыли, прибрали и полажили на куть. Тутъ начали па ёмъ плакать усе раднѣя. Вотъ іонъ лижать день, лижать и другой; патомъ вырала магилу, сдѣлали грабницу и дали знать священнику, штоба яго ужу сусимъ схаранить. Патомъ приходитъ священникъ, надиваить ризу и давай тѣла падымать. Толька начаў іонъ, што тамъ нада було начинать, а етѣть пакойникъ устаў и гаворить:— „Ахъ, Божа мой, какъ крѣпка я уснуў!“— Тутъ усѣ и урабѣли: какъ можна мертвому устать; каторныя ужу и паразбизалися. А іонъ гаворить:— „ня бойтися вы мяне: я ета абмираў“. Тутъ его раднѣя стали такея радны, давай угащать священника и увесъ народъ, каторый быў; патомъ, пакончаўши ета усѣ, давай яны раднѣя яго распрашивать, якъ яму тамъ було; іонъ имъ усѣ паразсказаў. Патомъ и гаворить:— „Пра адно слоўца я ни скажу“. Етому многа ли мала ўремя прайшло, какъ падвизалысь къ яму жонка:— „Скажи ты мнѣ тоя, што я табе прасила, и што ты никѣму ни гаворить!“— Думаў іонъ, думаў:— „ну што тутъ дѣлать? ежили сказать,— нужна умирать; а ежили ни сказать,— то жонка рассердитца“. — А іонъ знаў, хто што гавѣрить: што лѣсъ гавѣрить, што трава гавѣрить, што какая скатина гавѣрить: то іонъ усѣ знаў, а ежили ети слава сказать, то нада умирать. Вотъ іонъ и гаворить жонки:— „ну, во што я табѣ скажу:

унеси мою смярётную адежу, — тада я табѣ скажу. — Вотъ ина унесла яму смярётную адежу. Вотъ іонъ адѣўся и логъ на кутѣ, а пятахъ ходитъ на хати и гаворить: — „И семь жонъ маю, да ўсѣхъ унимаю; а ты и са днѣю ня можинь справитца!“ — Вотъ іонъ узяў адежу ету, якъ скинить съ себе далюу, да какъ узяў вярѣлку, да какъ начау яе дуть, — та туда дуу. пака ина сказала: — „ня буду я ў тебе, мой милинькій, никада спрашивать, — никада ни пугану на смерть твоей жизни!“ Тада іонъ ей прастиў.

№ 8.

Мужинъ мертвымъ притворился, чтобы узнать, любить ли его жена.

Хварау мужикъ и притваріўся, што вумиръ, сказаў на жонку:

— „Атвари мнѣ яѣчикъ!“...

А самъ и лѣхъ — быдта коньчюся.

Жонка и гаворить:

— „Милинькій ты мой, самъ ты ляжишь на лаўцы, а яйны твае падъ лаўкый“.

Сама ина ни хатить выть, а наніла бабу; та и выть:

— „Вью, вью па чужомъ гарю,

А сама ни знаю, чимъ завуть“.

А жонка скокъ, скокъ:

— „Кандрашокъ, сястричинька, Кандрашокъ!“

Тады мужикъ устаў и начаў арасиний ахаживать и плававшицу, и жонку.

№ 9.

Якъ дваровый чилавѣкъ вѣрность сваей жонки спытываль.

Ета ища была ва ўремя крипаднога права. Адинъ дваровый и разскажи сваей жанѣ, што баринъ плоха деньги прачить и што лоўка ихъ украсть. Съ тыхъ поръ жана ни даѣтъ пакою мужу, — слоўна сатана тая шепчить яму на уха денна и ношна: — „пайдемъ, да пайдемъ у панскія денги!“

Мужъ сначала упируваѹ, а потѣмъ ина и змутила яго — пашли гасподекія деньги красть. Тольки мужъ (іонъ знаѹ, што дѣлаѹ) упередъ забѣгъ. бросиѹ сапогъ, далій на дарози бросиѹ калачъ, а у неридъ засадиѹ зайца, да и апустиѹ яго у воду, у ряки.

Идутъ жана съ мужимъ: — „Што ета сапогъ ляжить при у дарози?“ А мужъ жанѣ атказыть: — „разви ты ни знаишь — ета шла туча сапожная, сапаги падали — адинъ и застаѹся — ни подабрали.“

Идутъ далій — ляжить калачъ. Жонка и спрашиеть мужа: — што ета значить?“ А мужъ жанѣ мувить: ета калачная туча шла — адинъ калачъ и тстаѹся.

Идутъ далій, мужъ выймаить зайца изъ нерита.

— „Лянь-ка ты: заиць у нерить пуцаѹся“. — А ета заиць туча шла — заиць и свалиѹся у мой нерить.

Потѣмъ пахдодють къ гасподекаму дому и саду. Мужъ жанѣ и гаворить: — „постой-ты тутъ у згароды, а я пайду идинъ у гасподекій домъ“. Паймаѹ іонъ пайшоуши хряка да и давай яго гнестъ; — хрячокъ тэй и виразжить благимъ матымъ. Узяѹ паньскія деньги и приходить къ жанѣ. Жана давольна, тольки спрашиеть; „а што ета такая вирижжала, якъ ты быѹ у паньскымъ доми“. — А ета нашига барина шешка тармасиѹ — ледва баринъ жиѹ атстаѹся.

Пражили яны нѣскальки ўремя, разсориѹся мужъ съ жаною. Жана чѣмъ-та разабидилась на мужа и пришла къ яму, да и гаворить:

— „Што вы знаиця. панъ? Деньги, што вы ищитя. ета мой мужъ украѹ“.

Пасылаиць баринъ за сваимъ дваровымъ челаѡвѣкамъ: — „ты украѹ мае деньги“.

— Никакъ нѣтъ. — „А вотъ послушай-ка, братецъ, што будить гаварить твоя жина: привядити-ка яе“. — Привяли. — „Ну, што вить мужъ украѹ мае денги?“ — Вѣрна, баринъ, онъ. А мужъ гаворить: — вотъ такъ и луччи, жонушка: и глаза твае ня лупютца. такъ гавариѹши на мяне? — Кали жъ я краѹ? — „А ни знаишь ты, такой сякой разбязсовиственный, кали краѹ?!.. время была дужа атмѣнная! помнишь, тада па небу хадили тучи пирожныя, сапожныя, яще заицьчія... — „Слушайця, баринъ, бабу. што ина трыянить... у няе тутъ ня ўсе... и паказыть са-

бѣ на лобъ...», — Ну, ну еще кали?“...—А, а, ня помнишь, баналья, и вамъ, баринъ, тоя ўремя даужно быть у памяти: вамъ тада душа была ни па сябѣ: вы якъ хрякъ вирижали, якъ васъ паганый шешка, ня тутъ будь пумянуть, мѣста свята—васъ тармасіу“.

Баринъ асирчаў душа, якъ ета баба яго у ета дѣла упутала и нашла сходствія съ хрякамъ, якъ крикнуў:—„на каюшню дуру!“ ...

По варианту, записанному мною въ Сухомъ Починкѣхъ Ельнинскаго уѣзда, мужъ отдаетъ деньги барину, прося барина простить его жену:—„ета, баринъ, я нарощна взяў деньги, штобъ испытать вѣрность своей жаны. Таперь вижу: правдлива сказана: жанѣ праўды ни кажи!“ ...

№ 10.

Якъ споріў мужъ съ жонкый: стрыжина или голина; ни пиряспоріўши жонки, утапить яе паряшіў; утапіўши жъ, чартей ею пужаў.

Какъ жиў адинъ бѣдный мужучокъ, и была у яго жина вочинна паслушлива. Вотъ была у ихъ нѣскальба авецъ. Вотъ ани, даждаўши восини или вясны, давай ихъ стрычь; абстрыгли и гаворить етытъ мужучокъ сваей жонки:—„Вотъ тяперь мы какъ ихъ абгалили“.—А жина яму атвичайтъ:—нѣтъ, абстрыгли.—Мужикъ гаворить ей нарощна, што съ яе будить:—„гавари, што голина“.—Нѣтъ, ни на тваѣмъ будить, а на маѣмъ: стрыжина“.—Вотъ ани спорили, спорили:—„я тябе вазьму, да утаплю: гавари, што голина“.—А жина гаворить:—„ну, тапи и тапи, а будить стрыжина“.—Вотъ мужикъ узяў жану и павѣў у тапину; приводитъ у балота и гаворить ей:—„ну, ти будишь гаварить, што голина?“—Нѣтъ, стрыжина. Вотъ іонъ узяў яе утапіў па калѣни и гаворить:—„ти голина?“—Нѣтъ, стрыжина.—Онъ узяў и утапіў яе па поисъ, и гаворить:—„ти голина?“—Нѣтъ, стрыжина.—Онъ узяў патапіў яе па шію.—„Ну, што, ти голина?“—Нѣтъ, стрыжина,—Онъ патапіў яе саўсѣмъ—чуть только астались адны руки, а ана, подлая, двумя пирстами шаволить, а ўсѣ сваѣ тварить. Онъ думаў, думаў, да ўзяў яе воўси затапіў.—Приходитъ іонъ дамой: то

была худа, а бизъ яе ящо хужій; и гаворить:— „пайду-ка я яе вытащу“.— Вотъ іонъ и пашоу, узяу съ сабою вярёуку, приходитъ къ балоту, навизау на вярёуку каминь и пустиу яго у балота. Вытаскивайтъ іонъ чорта.— „Кто ты такой?“— А я чортъ.— Здѣлай миласть, вытащи мяне: мнѣ тутъ баба ни даеътъ накой. Іонъ яго вытащиу, чортъ и гаворить:— „што тябѣ нада за ета: ти денигъ, ти хлѣба?“— Думау, думау:— давай хоть денигъ.— „Скольки жѣ табѣ дать?“— А насыпъ мнѣ хоть ету маю шляпу; только дай мнѣ адинъ часикъ агдахнутъ. Вотъ чортъ адаліуся, а мужикъ давай на етымъ мѣсти капать яму, выкапау яму; приходитъ чортъ и гаворить мужуку:— „Ну, што, ти справиуся?“— Да, гатоу.— „Ну, выстауляй сваю шляпу“.— Узяу мужикъ яе, да прарѣзау, и паставиу на ету яму.— Ну, сыпъ.— Вотъ чортъ сыпау, сыпау, а поуну ни насыпау. Мужучокъ и гаворить на чорта:— Ну, дасыпай!— „Не чимъ.— Што за ета возмишъ, што я ни дасыпау?“— А во што я вазьму съ тябе: у мяне въ адномъ мѣсти іоеть на вумѣ. Пастроіу гаспадинъ атлишныя харомы, да только іонъ у ихъ ни живеть;— вотъ ты мнѣ разскажи, што дѣлать?— А во што дѣлай: вазьми да загрази сваю бабаю, то и харомы стануть хараша.“— Вотъ пашоу мужикъ къ тому памѣщикъ, чіе харомы.— „А што, гаспадинъ, я ваши харомы атхажу,— што дадита?“— Вотъ тябѣ двадцать пять тысячъ.— „Ну, харашо“,— сказау мужучокъ. И пашоу за еты харомы у садъ, да вырубіу тамъ сухую яланку, да какъ тащить въ вакно за макушку и кричить:— „утибай, чортъ, баба идетъ!“— Вотъ тотъ чортъ какъ крикнѣтъ на усихъ сваихъ друзей:— „Ухадита!— Ета тая баба идетъ, каторая выгнула насъ изъ балота“. Черти паубрались. Вотъ патомъ тотъ памѣщикъ, который прасіу етыга мужучка, призвау яго къ сабѣ и заплаіу яму, што згавариуся, патомъ узяу, пупрасіу священника, ателужіу тамъ, што яму слѣдувала, патомъ стау жить, да паживать, да добра паживать, а худѣ праживать. Я тамъ быу, мѣдъ, вино піу, на губахъ тякло, а у ротъ ни пушала. Дали мнѣ калача у ж... намача, я быу смѣль, узяу, да й сѣбу. Дали мнѣ смыкъ, я падъ вароты шыкъ.

№ 11.

Упирливкая дѣвка: якъ Иванъ Бѣдный жаніўся зъ ёю, потѣмъ яе атхадіў.

У багатыга мужика была три дачкы: двѣ старши, ужъ замужніи, вумницы, рукадѣльницы, третія хуть и красавица, ну, лянивая и ўздорная, яе и замужь боялись брать.

Разъ къ тому мужику приходитъ у сваты сусѣдъ:

— „Атдай за мяне замужь тваю мѣньшую дачку!“...

Старикъ здвѣўся, да и гаворить жинику:

— „Я ужъ ня думаю выдавать яе замужь, тебе шануючи, да и яе жалѣючи: самый добрый мужъ забьетъ яе за ле лѣнасть“.

Иванъ стаў упрашивать старика, а старикъ гаворить яму:

— „Я тебе чимъ нибудь, душинька, спытаю: если ты споўнишь, то и съ маєю дѣўкыю справисься — вить у яе никакая нибудь затинка“!

А ина сядить на пячи, паколь што рада, што жанихъ къ ей знайшоўся.

Падумаў старикъ, да и гаворить:

— „Паѣзди-ка ты на маей лашатки; бали ты справисься зъ маєю лошадьёю, справисься и зъ маєю дачкою. Спытай сябѣ“.

Была у старика приагрѣмная, свирѣная лошадь; яе ни запригали и боялись падайти къ ей, нармили съ крыши.

Иванъ Бѣдный лошадь на сваѣ пуяченія приніў, значала яе голыдымъ маріў, потѣмъ у трехсаженны сани запрехъ яе; ѣздиў, ѣздиў — уси воры, дуры, трущобы изъѣздиў, абъѣздиў таки: стала лошадь змирная, призмирная, якъ ягнѣныкъ — слова баитца.

Старикъ Ивану дачку атдаеть, и трехсаженны сани, и лошадь.

Звиньчаўшись жили харашо; жонка была сваимъ мужимъ довольна, только работать ни хатѣла; якъ гаворитца: палицъ абъ палицъ ни ўдарить; яе дѣла — пила бѣ, да ѣла.

„Ниладна!“ думайт Иванъ и усими силами клапатить, якъ приўчить жану къ работи.

— Ахъ, жина, якей слаўный Бохъ даў намъ ланювь!

Паѣдимъ пасматрѣть, нулюбуймъ на наша добрыя.

А жина и слушать ни хатить ибъ лянкѣ: ета ей скушна.

— „Ну, такъ паѣдимъ ягыдъ пасабираимъ“.

— Во ты ета дужа харашо уздумаѣ—на ета я сыгласна.

Пріѣхали у лѣс. У ласу, ли ели, лижала агрѣмная, прі-агрѣмная муравейная куча.

— Идѣ жъ твае ягыдки? Што-та ихъ ня видна.

— „А вотъ сичасъ будутъ табѣ и ягадки“.

Съ естыми славами іонъ крѣпка схватаѣ яе, рубашку на галаву задраѣ, абкрутиѣ ею голыву и завизаѣ, а руки приви-заѣ къ ели, што ли муравейника была.

Стала жонка Ивана Бѣднага тярѣть няносную муку, усхадилъ мураѣи па ей хадаромъ и прабирають якъ надаби бытъ,

— „Иваничка, а, мплинкій, а такей, сякей! узмиласер-дуйся ты нада мною, атвужи мяне: буду и паслухмяна, и тка-ха, и пряха и рукадѣльница!“ ...

Иванъ быца-кѣ ня слышитъ жонцы,—хуть самъ и зъ мѣста ня тронуѣся; на лошати жа крикнуѣ. быца-кѣ ѣхати зби-райтца.

Тадъ только іонъ атвизаѣ жонку, якъ ина угамувалась, якъ голысъ яе виризжаѣ жалыстна и замирать стаѣ.

Якъ сдѣлалась жа послѣ етйи науки жонка Ивана Бѣд-ныга такая рабатыга, такая рукадѣльница, што ни ѣ кога, ни-вали и нидѣ ни було такей жонцы.

Други жонки только жнуть, а жонка Ивана Бѣдныга жнетъ и косить, да ѣзяѣши цѣльную кату въ ахапку, сѣна но-сить, самъ Иванъ Бѣдный за ею ужъ ни пуспивають, людѣмъ ни нахвалица.

Разъ зѣѣхались къ тстю Ивана Бѣдныга три зяти зъ ня-вѣстками, и кожный сваей жонкыи яшакубитца.

Ударилъсь абъ забладъ, чія жонка паслухмяній. Вотъ, штобъ ета харашенька разузнати, батька рана вутрамъ падхо-дитъ къ ѣзби, идѣ жила старшая дачка, да и бричить:

— „Дочухна, милая, выть ка мнѣ, паслухай, што я табѣ скажу“.

— Ахъ, батька, якей ты только? Табѣ и угаву нима! Падняѣся ни свѣтъ, ни заря, и самъ ня спишь, и людѣмъ спа-кою ни даешь; я только прибиралась, а ты ужу гарѣльную бильмаки сваи заліѣ.

Атець двору тады, а 100 рублей атлажіў.

И ўтарэй дачка тэй жа атвѣтъ атцу даеъ; батька ящо 100 рублей атлажіў.

Къ младшій дачкѣ старикъ забраўся дужа рана, тольки свѣтанька свитаить, а ина ужъ мылась. Якъ гукнуў яе батька, дакъ ина выбигла на улицу галѣя, рубатенку напяливаить.

Батька дужа абрадуваўся:

— „Дититка мае, спадабалася мнѣ, што зятѣкъ мой наўчіў табе вуму-разуму“.

И падаріў старикъ свайму зятю за харошую навуку усихъ триста рублей.

№ 12.

О чеботарихѣ.

Чеботариха выходить замужь за богатаго купца. Оклеветанная сосѣдомъ, выгоняется изъ дому. Дѣлается охотникомъ и, по приказу царской дочери, живетъ во дворцѣ. Царская дочь принимаетъ ее за мушину и влюбляется въ нее. «Охотникъ» становится офицеромъ, открываетъ тайну мужу и убиваетъ клеветника—купца.

Жіў чибатарь, було у яво многа мастяроў, падмастерыў. Была у яво дочка, дочку іонъ атдаў у пансіёнъ. Чиризъ нѣ-скалька ўремя чыбытарева жина пумирла. Чыбытарь атъ агар-ченія начаў пить и гулять, и уси падмастерья атъ яво аташли. Нечимъ яму було за сваю дочку заплатить у пансіёнъ: яго дочку изъ пансіёну выслали. У етытъ горыдъ пріѣхаў купецъ-миліянеръ снятъ шотъ са свaihъ лавыкъ. Гаворить купецъ на етыга прикащика:— „Найди, братъ, харошыва, прикащикъ, са-пожника!“—Атыгскали сапожника; сняў іонъ мѣры, кабы спить сапаги и съ калошими. Купецъ даў яму денигъ и спрасіў, скоро ли будутъ гатовы сапаги. Хадіў аднажды купецъ етытъ на горыду и са свамъ прикащикамъ, и гаворить на яго:—Пай-демъ, братъ, къ сапожнику: я яго работу пасматрю“.—Увай-шоў іонъ къ етыму сапожнику, пасматрѣў скоро ли яво сапаги будутъ гатовы. А чибатарѣва дочка у другой комнати шила и пѣсинки пѣла. Купецъ у сапожника спрашійтъ:— „Хто ета тамъ паѣтъ?“—А ета паѣтъ мня дочка.—Пыныравились купцу ети пѣсни; захатѣў іонъ на яе узглянуть. Гаворить купецъ на сапожника:— „Што ета твоя дочка такае харошія нотныя пѣсни

даеть?“ А мая дочка 6 лѣтъ у пинціѣни училась.—И ўрѣзаўся купецъ у яво дочку. Сапожникъ етому купцу атдѣлаў сыпаги и съ калошами и панесъ къ яму у домъ. Купцу панаравились еты сапаги; атдаеть іонъ сапожнику асталнѣя деньги. Даеть іонъ сапожнику ящо десить рублей и гаворить:—„Гаспадинъ сапожникъ; атдай за мяне сваю дочку!“—Сапожникъ ета и ў рязонъ ни примаить: думайтъ, што купецъ тольки смяетца надъ имъ, и гаворить на етъва купца:—„Идѣ ета слыхана, што вы маю дочку вазьметя?“—Пашоў сапожникъ дамой. Купецъ гаворить на прикащика:—„Привяди ка мнѣ сапожника!“—Пришоў сапожникъ.—„Падумай, сапожникъ: я хачу бытъ тваимъ затимъ,—ты ни самлювайся: пасавѣтнѣйся съ купцомъ сѣдѣшнимъ, и спраси у яво, можна ли атдаты за мяне тваю дочъ!“—Сапожникъ пашоў къ тѣму купцу и спрашійтъ у яго:—„Вотъ у мяне сватайтца такой-то и такой купецъ за маю дочку,—можно ль мнѣ за яво атдаты?“ Купецъ яму атвѣчаў:—„Ты дураекъ: Богъ нищитъ тваю дочъ въ жистъ. Я ба сваю дочку атдаў и даў ба приданова за яе миліѣнъ.“—Пришоў дамой сапожникъ, паслаў дочку за дядькою и теткою; сѣдѣтали яны разговоръ, што нада атдаты. Выпили яны на рюмчѣи водки. Ни паспѣли яны выпитъ,—приходить прикащикъ атъ етъва купца, и заветъ іонъ сапожника къ купцу. Приходить сапожникъ къ купцу.

— „Ну, гаспадинъ сапожникъ, сагласинъ?“

— Сагласинъ.—„Ну, такъ ба и сказаў“.—Даеть яму купецъ три тысячи рублей:—„Атдай сваей дочки: пуцай ана купитъ сабѣ усю адежу и ўсѣ, што нужна, а, вада будитъ мала, то я ящо дамъ. У насъ будутъ заручины такей-то и такей день, и тада-то и тада свадьба“.—Пиривинчаўся купецъ, пабыў нѣскалька ўрема ў горыди, наградіў свайго тстя и паѣхаў са сваёю жаною ў другей горыдъ. Пражили яны тамъ годъ; адинъ разъ къ етому купца пришло 20 писѣмъ,—пишутъ прикащики изъ-за границы и паўсямѣсна, идѣ толька яво лаўки:—„Ни можимъ мы таргувать: таваръ падяшевіў“... Етытъ купецъ пашоў за савѣтымъ къ сасѣду—купцу. Купецъ яму пасавѣтываў:—„Паизжай и парашитай усихъ прикащикъў; табѣ за етымъ дѣлымъ нужна праизвясти щотъ — цѣльный годъ“.—Выпили яны на рюмки вина, завяли разговоръ. Сусѣдъ — купецъ яму гаворить:—„Жану ты сваю вазьмешъ: а то ана бизъ тябе саблзнитна!“—Купецъ яму гаворить:—„Мыя жина ня столъба

глупа, штоба бизь мяне ета ана сдѣлала“.—Завяли яны между сабою споръ: сусѣдъ гаворить, што саблазнитца, а яе мужъ гаворить, што нѣтъ. Сусѣдъ гаворить:—если ана ни саблазнитца, то я падъ закладъ кладу свой домъ!—Мужъ гаворить:— „Ну, када ана саблазнитца, то и я свой домъ кладу падъ закладъ!“—Сдѣлали яны законныя падписки и утвърдили ихъ да прїѣзду купца. Жина етыва купца абъ етымъ спору ни знала ничаво. Распрашаўся купецъ съ нею и уѣхаў. Етытъ купецъ и думайтъ:— „какую бы яму машину пувясти?“—(А срокъ ужу близыкъ: скоро прїѣдить яе мужъ). Приказаў етытъ купецъ сдѣлать сундукъ, штоба у ёмъ можна було сядѣть и съ патайнымъ вакошкымъ. Пришоў къ купецкѣй жанѣ и гаворить:— „Пазвольта мнѣ у васъ паставить сундукъ съ вицами: а то у мяне мала мѣста!“—Можна!— „Ну, харашо: я яво пришлю рабочими, а толька вы яво, пажалуста, пастаўта у спальню“.—Пришоў іонъ дамой, улѣзъ у сундукъ и приказаў:— „Вы мяне знаситя упередъ на адну ночъ и пастаўта у спальни, а на вутра вазьмитя,—патомъ ипять на нычъ принаситя мяне у спальню“.—Принясли яво вечирымъ и паставили у спальню. Купчиха павужинала, пумалилась Богу, снила винчальныя кальцо и палажила на вакно. Купецъ ета усѣ видить, што она дѣлаить. Патомъ ана падайшла къ пастели, пиримянила рубашку свѣжую атъ блохъ. Онъ на яе голыя тѣла пасматрѣў и увидаў у яе, на тѣли, пятно. Купчиха лигла и заснула. Тада купецъ вышіў изъ сундука, узяў винчальныя яе кальцо на рубу, патомъ ипять у сундукъ улѣзъ. На вутри купчиха прашнудась, кальца нѣту. Ана спрасила у дѣвушки, ти ня быў хто, она атвичала, што никога ни видала. Ина яво искала и ни нашла. Тада ана падумала, што ета мышъ затащила яго, или жа яно куда нибудь закатилысь. Пу вутру приходють еты рабочія и гаворють:— „Ну, таперича сундукъ пажалуйтя: хазяинъ приказаў узять.“—Узяли яны етытъ сундукъ и приняли дамой. У скорымъ уремени прїѣхаў купчихинъ мужъ. Сусѣдъ начай распрашивать, какъ яво дила. Выпили яны па рюмьчки вина, паздравіў сусѣдъ яво са прїѣздымъ. Купецъ гаворить:— „Ну, какавы наши дѣла, абъ чомъ мы закладъ диржали?“— „А во пасматри: винчальныя ваша кальцо у мяне на рукѣ!“ Купецъ усуміўся и гаворить:— „Кальцо можна узрасть, или патирять,—дыкъ яно и пупадетъ у твае руки... Можить ящо зна-

ишь примѣты какея на яе тѣли?—Тада я табѣ скажу: у яе тамъ-то и тамъ пятно.—Купецъ етому павѣриу и сильна асирчау на сваю жану. Жина услышала, што прѣвхау мужъ къ сусѣду, бягитъ яво туды сустрикатъ. Мужъ яе ни пустіу на глаза:— „Ни надхадѣ, публичная валачуга!..“ Жина варатилась и пашла. Пиринучувала ана ночь; на заўтрига приходитъ тотъ купецъ, каторый сядѣу у сундукѣ и гаворить:— „Выхадѣ вонь!—Зачимъ?— „Домъ мой“—А я ня вѣрю.— „А вотъ тебе ў даказательства расписка.“—Ана прачитала расписку, вышла изъ дому и наняла сябѣ квартиру! И думанть ана сабѣ:—што ета значить?—Пашла ана за горыдѣ, видить: мужикъ пашить. Ана яму гаворить:— „Мужикъ, давай минятца на адѣжу!“—Іонъ гаворить:— „Ну, пагади: я табѣ принясу адѣжу палуччѣ.“—Принесъ мужикъ адѣжу; ана гаворить:— „Приняси, мужиень, мнѣ ножницы.“—Мужикъ принесъ ножницы. Ана гаворить:— „Абстрыги ты мяне пумужицки!“—Іонъ яе абстрыгъ; ана яво публыгыдарила и пашла. Купила ана сабѣ ружьѣ и начала учитца стрелять. Выўчилась стрелять и начала заниматца диччу. Яе ужу ни хто ня могъ узнать, што ана женщина. Стала ана стрелять дичь и прадавать, и ўсигда была удачна охота. Пришла ана ў сталичный горыдѣ, стала стрелять дичь и прадавать царскому повару. Царъ кушау и спрашивау у повара:— „Идѣ ты ета бярешъ свѣжую дичь?“—А тутъ праявиўся новый ахотникъ; члавѣкъ іонъ харошій и чистый,—дыкъ я бару усигда у яго.“—Царъ гаворить:—Када придетъ ахотникъ, то зави яго ка мнѣ: ти ни найметца іонъ ка мнѣ распарижатца ахотью.—Приходитъ ахотникъ, царъ гаворить:— „Сколько ты у мяне вазьмешъ за распарижатца ахотью?“—Ана атвичаитъ:— „Радъ старатца!“—Начау іонъ распарижатца ахотью: дѣлау аблавы; идѣ царя ни паставить, на царя звѣри идуть—и царъ имъ усигда быў доволинъ. Улюбилась царская дочка у етыва ахотника. Гаворить ана чисавому:— „Скажи ахотнику, што яво требуютъ царъ, привяди яво къ маей спальни и скажи яму, што царъ здѣсь,—уталѣни яво у мою спальню и затвари.“—Часовой такъ и сдѣлау. Цареўна, када іонъ увайшоу у спальню, гаворить:— „Пей водку и што дли васъ угодна!“—Ана выпила рюмку водки и гаворить:— „Што дли васъ угодна? За чимъ вы мяне звали?“—А вотъ зачѣмъ: сдѣлай са мною сабщенія?—Тада ахотникъ разсказалъ царской дочери, кто онъ.

Царская дочь и говорить:— „И сама, царская дочка, увидя у стыдъ себе. Смотри, сестрица: никому ни открывай етыва.“— Ахотникъ етытъ пашоу у свае мѣста, и царскія дочка ать башнова стыду начала гаварить атуу:— „Папа, атирауа етыва ахотника у полкъ: іонъ чилавѣтъ вумный!“— Атець яе савѣту паслушауся и атирауіу етыва ахотника у полкъ. Ахотнику етыму и тутъ счастья: чинь за чиньмъ—даслужіу іонъ шнектыра, начау іонъ разбизжать и палки асмастривать. Мужъ яе быу во чинь сярдитъ на яе. што ана праиграла сваё счастья. а таво и ни падумайтъ. што яво жина ни знайтъ абы чомъ ета дѣла сдѣлалась. Мужъ яе ать дасады прагулау уси свае миліёны и нуштуу у ахотники, у салдаты. Вотъ жина яво разбизжала на шнектырскій части на гарадамъ и увидала у адномъ горыди, што яе мужъ стаить на часахъ. Ана яво узнала, а іонъ яе ни узнау. Ана яму гаворить:— „Я замичаю, што вы ахотникъ?“—Точна такъ.— „А жина у васъ была?“—Была.— „А гдѣ ана таперича?“—А ни знаю.— Тада ана атыриваитъ свае груди и гаворить:— „Видишь ли, хто я?“—Салдаты арабѣу: думайтъ, што заўтри палки будутъ за то, што на часахъ ни харашо стыяу. Призываитъ яво шнектырь:— „Ахъ ты мирзавиць, хто таперъ тваю жану корьмитъ?“— „Ни знаю, ваша блугуродія.— „Ахъ ты мирзавиць, я тваю жану карьмлю. Пашоу вонъ!“—Вышіу салдаты и думайтъ, начаму іонъ знайтъ ета. На заўтрига быу смотрь салдатамъ. Иншнектырь у голысъ крикнуу етыва салдата къ сабѣ ў диньщики. Паѣхали у тотъ горыдъ, идѣ купецъ праиграу свой домъ. Пріѣхали яны къ етыму дому, шнектырь спрашйтъ у хазяина:— „Скажи, братиць, чей ета домъ наўпроти?“—А ета, ваша блугуродія, мой домъ, а зъ етыва дому я выгнуу купца и купчиху.—Купецъ и ни знайтъ, што ета пирадь имъ ета самыя купчиха, а ина яго знайтъ. Тада ана закупила што нада для обѣда и пригласила усихъ асобъ. Када ета було гатова, ана паделастила водки какъ можна пушьянѣй и пригласила къ сталу купца етыва и ўсихъ асобъ. Гаворить на купца:— „Ну, гаспадинъ купецъ, расказитя, какъ вы палучили етытъ домъ.“ У етыва инспектыра была пригатоулена женскія адежа. Выслау іонъ свайво диньщика и паставіу яго на часахъ ли спальни. Самъ пашоу у спальню, сняу свае ўси ардина, палажіу на блюда, адѣўся у женскія платья. Вотъ іонъ узду блюда съ ардинами у руки и выходитъ къ гастямъ. Уси яны ўдіуляюта:

вашоу мущина, вышла женщина. Ана гаворить:— „И не мущина, а женщина. а етытъ купецъ выгнуу насъ съ мужимъ изъ дому. а дяньчикъ мой—ета мой мужъ—іонъ упаредъ бѣу миллионеръ. Слышита, гаспада?“ — Слышимъ.— „Ну, гаспада, етытъ купецъ сабака, а сабани сабачія честь! іонъ мяне развеу съ законимъ мужимъ и патѣръ усеи наши миллиѣны,—дынь я яго сатру жистъ съ лица зямли.“— Вынула ана писталеть, прицѣлилась и убилла етыва купца. Усеи асобы удаставѣрили. што эта дѣла была правыя. Дайшло ета да самыга ампиратыра.— ампиратыръ наградиу ету купчиху. Стала ана съ мужимъ жить. какъ жила.

№ 13.

Деревни Борлебяни
Ельнинскаго уѣзда.

Абъ купечиский дачкѣ, якъ ина атмстила прикащику.

Была, на роунымъ мѣсти, какъ на баранѣ, жиу купецъ богатый съ жаною. Доугая урема ни було у ихъ дятей, яны 7 лѣтъ малились Богу. Радились у ихъ сынъ и дочъ, яны пубищались на 7 лѣтъ ѣхать у монастырь Богу малитца. Дочки ужу було 16 лѣтъ, а сыну було 14. Купецъ съ жаною видили сонъ:— „Исполнитя сваѣ абриканія: съѣздитя у монастырь малитца Богу.“ — Яны устали пумалились Богу и сабрались ѣхать у монастырь, на 7 лѣтъ, на богамаленія. Сына яны узали съ сабою, а дочку аставили. Наняли прикащика сматрѣтъ за домамъ. У дочки ихъ были нянюшки и мамушки, штоба ей воли ни давать. Прикащикъ етытъ ни видау яе лица никада. Аднажды вытапили баню, ана и идеть са свайми нянюшками и мамушками. Увайшла ана у баню, а прикащикъ за ею услѣдъ. Прикащикъ, увидауши яе красату, улюбѣся у яе. Увѣйшоу за ею у баню и гаворить на нянюшкѣ и на мамушкѣ:— „Вы, дѣвушки, ступайтя дамой, а съ етыю дамью памыюся я.“ — Ахъ кабая у васъ совистъ, штоба мытца са мною?... — „А, ничога! — Памыимся.“ — У етнй бани стаяу у печки на затнеткѣ катель зъ вадою, вада кипѣла бѣлымъ ключимъ. Развила ина у тазъ вады; прикащикъ гаворить:— „Дайтя: я васъ памыю!..“ — „А, нѣтъ, упаредъ я васъ памыю.“ — Іонъ сбѣу:— „Ну, мытця, а тада и я васъ!“... Ина яму намылила мылымъ голыву густа. (А ина яму намылила голыву штоба іонъ ничѣва ни видау).—

Узила батель съ вадою какъ зубурахнить на яво. Ина сама дубижала дамой. А етый прикащикъ скакау тамъ три дни и рюу, якъ карова. Волысы съ галавы свалились дадоу, стала яво галава гола, какъ калѣна. Іонъ, апомянушисъ, лячѣся цѣлый годъ, а ина яму цѣлый годъ ни показывалась на глаза. Іонъ и гаворить:— „Ну, ня выскычишь ты ать мяне! — Абварила ты мяне варымъ,—ну, и я тебе пагублю!“... Узду и написау яе атцу штраховая письмо:— „Ваша дочка збунтувалася: ни згароды, ни забору ни глядить. Напишита, што мнѣ зъ вашій дочкыю дѣлать: или сами прибудѣтя, или мнѣ прикажитя яе унять!“— Купецъ, палучомши ета письмо, сильна улягнууся; доуга іонъ думау, што яму дѣлать, да скоро придумау: паслау свайго сына распарядитна ею и узвать уси дила. Приѣхау яе братъ дамой ночью, стуканить у балитку, а яе спальня была вакномъ къ балитки. — „Систра, аттваряй!“ — Выскакываить яво систра и гаворить:— „Што ты, мой братъ, ня воўрима буваишь?“ — Управитиля у ту пору ни було дома. Запала ина свѣчку пасматрѣть братыва лицо, а у яво глаза были, какъ у разбойника,—увесь іонъ трясетца и глядить сярдита:— „А, што, систра, ты пазабыла атцоускыя приказанія, тебе на ўдержуть ни па заборамъ, ни па згародамъ?“... Систра, какъ услыхала ета, то ина самянилися са лица, а іонъ падумау, што ана вочинь виновата. Узяу іонъ шаблю и гаворить:— „Систра, адивай смаретную адежу!“.. Іонъ привеу яе у глубокой роу и гаворить на яе:— „Систра, кайся: я табѣ сыму голову дадоу!“—Ну, братъ, воля твоя: дѣльный што хочишь!— Іонъ выхватѣу шаблю, што ударить яе пд гыльви, а яво какъ ударить ать яе Святымъ Духымъ,—дыкъ іонъ бизъ памяти пралижау цѣлый часъ. Устамши гаворить:— „Систра, скажи: Богъ ли ни дапускыить, или ты знаишь нячистыва духа?— Братъ, воля твоя: я ни знаю ничаво, дѣльный што хочишь.— Іонъ только ипять захатѣу ударить яе шаблю, какъ ударила яво Святымъ Духымъ ать яе,—цѣлыхъ два часа іонъ пралижау бизъ памяти. Іонъ ледва устау ать етыва пабою, замакнууся іонъ у третій разъ штоба ударить яе.— яво какъ ударила Святымъ Духымъ, цѣлыхъ 3 часа пралижау бизъ памяти. Устау и гаворить.— „Ну, систра, признайся: Бога ли ты знаишь, или нячистыга духа?“—Братъ, воля твоя: я ничего ни знаю!— „Ну, систра, када такъ, то иди куда видишь, а я сѣажу атцу, што атрубѣу голыву табѣ.“—И пашла ина па щирыхъ барахъ, па темныхъ

лисахъ, и зайшла у чужоя царства. Зайшла ина у такую пущу, а тамъ усё щипчинникъ, усё аръшникъ, падрала ина усю адежу, стала сусимъ нагая. Была дли моря глубокая яма, а кругомъ той ямы 12 дубоў. На ту пору чужаземный каралевиць ганяў съ сабаками зайцыў. Сабаки, какъ увидили яе, такъ и бросились къ ей, а ина бросилась у яму и лигла ниць. Сабаки у яму ня лѣзуть, а кругомъ ямы ходють и брешуть. Наизжайтъ туда каралевиць; іонъ думаў, што тамъ іось лютий звѣрь. Видить іонъ, што у ями ляжить чилавѣкъ голый; іонъ спрашійтъ: „Хто ты іось за чилавѣкъ: мущина или женщина?“ — Женщина. — „Ну, вылизай ка мнѣ!“ — Ахъ, каралевиць! Я нага, а дайтъ мнѣ свой сюртукъ, то вылизу. — Іонъ сбросіў сюртукъ и кинуў ей у яму. Ана адѣлысь и выходитъ вонки. Ана на лицо была пригожа. Каралевиць у яе и спрашійтъ: — „Какова ты іось роду?“ — Я дѣўка Рассейская; а роду купецкага. — „Ну, а чаво жъ ты суда зашла?“ — А насъ було многа, да пугаў дикій звѣрь. — Іонъ и гаворить. — „Ну, пасяди ты ўетый ями, пабуль я пріѣду.“ — Каралевиць паѣхаў на рынныкъ и купіў ей усю женскую адежу. — „Ну, дѣўка, адивайся палуччи!“ — Вотъ ина сабралася, сурядилася, нарумянилась и яму ана панравилась. Стала ана такая красавица, што у царстви нѣту такихъ. Пасадіў іонъ яе у карету и привезъ дамой. Сняў съ яе патреть и павѣсіў у сваей спальни, глядѣў іонъ на патреть и ня могъ насматрѣтца. Ходить іонъ па дому висялитца, што яму пара жанитца. Стаў прасить атца съ матерью: — „Папінька и маминька! — Позвольтъ мнѣ жанитца“ — Яны и гаворють: — Пазваляимъ, наша чада, пазваляимъ: паизжай па ўсяму царству и найди па свайму праву“ — Папінька и маминька, пажалуйтъ ў маю спальню! — Паказываить имъ патреть и гаворить: — „Вотъ, папінька и маминька: када ина вамъ панаравитца, то и мнѣ!“ — Аны и гаворють: — „Наравитца; идѣ ты ета такую захватіў, у каторымъ царстви?“ — А идѣ ни нашоў, а ина ў мяне ў доми. — Благаславили яны яво и пиравинчали на ей. — Пражили яны; ана ужу сдѣлалась бременна. — У ету пору сдѣлалась сраженія атъ царя Юрика у горыди Ирыслави. Ваювали малатками и бердугами. Царь Юрикъ и написаў етому каралю, штоба іонъ быў на савѣтъ усихъ каралей. Каралевиць аставіў жану дома, а дли распаряженія аставіў маладога сината. Синать, астаўшись адинъ, увидаў яе красату. Узаў и нашоў къ ей на

ночку пагулять. Идетъ іонъ у палаты, а яму нянька и гаворить: — „Ваша сіятельства, ни хадитя: у насъ дау Богъ рады!“ — „Ну, ета ни ваша дѣла, пускайтя!“ — Яво пустили, а при іонъ была палушабля. Приходитъ ана у спальню и гаворить: — „Ваша сіятельства, вы видитя, у какомъ я палаженіи: зачѣмъ вы пришли ў маю спальню?“ — Синать, кагъ услыхау ета, то атъ ярсты выхватаіу палушаблю, уторнуу яе у рабенка, бросіу на полъ. — Ана и гаворить: — „Ну, маладэй синать, ты аставайся тутя, а я пайду на кухню абмыюсь, — тады и я приду суда.“ — Схватила ана сваё царскыя платья и бросилась у поля. Ина са страху бѣгла ўсю ночь. Ни многа, ни мала ана убѣгла, — на 100 верстъ. Стала ужу свитать, ана напала на поли гарѣльнй душлистый дубъ и ўлѣзла туда, патаму што боялась пагони. Маладэй синать сдѣлау пагоню: распустіу 7 палеоу салдаты яе искать и самъ искау, но ни нашоу. Ана сядѣла у етымъ вязу троя сутыкъ, пакудава пагоня абайшлася. На чатвертыи сутыи, вочинь рана пу вутру, играу пастухъ у трубу и выганяу скотъ у поля. Ана публагадарила Бога, што дярѣня нидалека. Подходить ина пу вутру къ пастуху, пастухъ быу у жупанѣ, у лаптяхъ и платенню тясемкнй падпаясанъ, а на галавѣ быу валеннй валпакъ. „Пастухъ, давай мнъ съ taboo барыши дѣлать!“ — А явѣя? — „А пуминяймся мнъ съ taboo на адежу!“ — Што ты ета выдумала? мяне у вострогъ за ету адежу засодють, — пристануть: атвуль етвая у мяне адежа? — „Ня бось: я табѣ яцо денигъ дамъ.“ — Пастухъ сагласіуся. Пирядѣлась ина у пастухову адежу, падабрала валасы, намазала вугалемъ вусы: настоящій мужикъ! — Дала ана пастуху денигъ, патомъ пашла у горыдъ Ирыслау. — А ў горыди Ирыслави ужу вайна утихла. Пришла ана ў горыдъ и давай хадить бала атцоўскава дому. А у яе атца сабрались уси карали, шили-ѣли, гуляли. Выходить яе атець и гаворить: — „Эй, мальчикъ, наймись ка мнѣ ў работники!“ — Харашо, наймусь! — Тольба я буду наниматца съ условіимъ. — „Съ кабымъ?“ — А нигада ня скидывать шапѣи, ни за бѣдымъ, — нійдѣ и нигада. — „Ну, харашо!“ — Приходитъ іонъ у домъ; гости и гаворють: — „Гаспадинъ хазяинъ, ти ня можна вамъ найдить такова чилавѣка, штоба іонъ намъ разсказывау сказки?“ — А, гаспада барали, у мяне іось работникъ; іонъ умѣить харашо сказки гаворить, но тольба іонъ у мяне нанять съ условіимъ: нигада и

нійдѣ ни скидывать шапки. — „Ну, дѣкъ што? — Ничога: мы будимъ яго слушать и ў шапки!“ — Купецъ нашлаў етыва сына, а яе брата, за батракомъ. — Іонъ вышіў и кричить: — „Эй, батракъ!“ — Чаво изволитя? — „Гаспада просятъ тебе ў домъ казки гаварить! — Ну, эта можна! — Уходитъ батракъ у домъ, пакланіўся усимъ каралямъ и гаворить — „Здрастуйтя!“ — А батракъ, здрастуй! — „Ну, гаспада карали! Буду я гаварить казку, но хто яе пирябеть, то съ тога тысичу рублей!“ — Ну, мы сагласны! — „Ну, харашо: станоўтя стулья кругомъ мене и слухайтя!“ — (А тутъ были: атець яе, братъ, лысый прикащикъ, катораму ана абварила голыву, мужъ яе, кароль и другея карали).

Вотъ батракъ начаў:

— „На роўнымъ мѣстѣ, слоўна на баранѣ, у горыди Ир-слави, жиў купецъ, быў іонъ вочинь багатъ и ни имѣў дятѣй. Вотъ у ихъ радіўся сынъ и дочъ. Вотъ яны адинъ разъ лягли спать и видють сонъ: — „Вы абищали, када родютца у васъ дѣти, ѣхатъ малитца Богу у манастыръ на семъ лѣтъ!“ — Яны прашнулись, наняли прибащика распаряжатца домымъ, узали съ сабою сына, а дочку аставили дома и паѣхали у манастыръ Богу малитца. Прикащикъ увидаў красату яе, сильна у яе улюбіўся. Аднажды, купецкая дочка ишла ў баню са свани нянюшками и мамушками; прибащикъ пашоў слѣдъ за нею и гаворить на яе: — „Ну, я съ вами памьюсь!“ — Ана гаворить: — „Ахъ, кабая у васъ совисть мытца съ дамами?“ — Ну, ничаво, я памьюсь! — Вотъ ина намылила етому прибащикеу голыву, катель у печки кипѣў бѣлымъ влючимъ, — ана яму намылила глаза, штоба іонъ ничога ни видаў, схватила катель и вылила яму на голува, — сама пабѣгла дамой“ .... — Врешъ, дуракъ, нипраўда! — Гаворить лысый прикащикъ. — „Ну, гаспада, тысичу рублей: казка пирябита!“ — Вотъ прикащикъ и уплатіў тысичу рублей, а батракъ стаў разказывать: — „Вотъ, прибащикъ етытъ лячіўся цѣльный годъ, а ина яму цѣльный годъ на глаза ни паказывалась. Патомъ іонъ, када выличіўся, сказаў: — „Ну, ты мнѣ голыву абварила, — ну, я тебе пугублю!“ — Написаў іонъ письмо къ яе атцу и написаў іонъ у имъ: — „Ваша дочка балутца: ни згароды, ни забору ни глядить.“ — Атець яе падумаў, што ета праўда, прислаў свайго сына, а яе брата, штоба распарядитца ею. — Пріѣхаў яе братъ

у ночь, систра спугалась, а братъ падумау, што ана виновата, узяу шаблю и павеу яе у роу. Тамъ іонъ яе хатѣу шаблію убитъ и гаворить:— „Систра, признайся ва ўсемъ!“—Ана гаворить:— „Воля твья, братъ, я ничаво ни знаю!“—Іонъ замахнуўся, хатѣу ей атрубить голыву, а яво какъ ударила Святымъ Духимъ, іонъ праляжау часъ. Другей разъ хатѣу ударить—пролежау два часа; третій разъ хатѣу ударить,—яво какъ ударила, то іонъ праляжау три часы. Устау и гаворить:— „Ну, систра, признайся: нячистыва духа ты знаишь или Богъ ни лапускаить?“—Ана яму атвичала:— „Братъ, воля твья: я ничаво ни знаю!“—А купечискій сынъ (яе братъ) гаворить:— „Урешъ! Ни прауда, мужикъ...“ Ну, гаспада карали, тысяча рублей,—патаму казка пирябита!—Братъ яе уплатіу тьсичу рублей.

Батракъ гаворить:

— Тада яе братъ гаворить:— „Ну, систра, иди куды видишь, а я атцу скажу, што атрубіу табѣ голыву.“—Пашла ина, куды глазы глядять, и зайшла ў чужоя каралеўства. Пришла къ морю. Кала моря была глубокая яма, а кругомъ ямы расло 12 дубоу. На ту пору чужаземный каралевичъ ганяу зайцѣу. Сабакі увидили ету нагую женщину, бросились на яе. Ана спужалась и бросилась у яму и лигла ниць. Сабакі у яму ня лѣзуть, акала ямы ходють и брешуть. Каралевичъ наизжаить на ету яму и видить, што тамъ ляжить нагей чилавѣкъ. Іонъ гаворить:— „Какой ты, чилавѣкъ: мущина или женщина? Какова ты роду іось?“—Я женщина, а роду купецкаво. Іонъ и гаворить на яе:— „Вылизай!“—Ахъ, ваша вяличества, я нага!—Бросьтя мнѣ свой сюртукъ, то я выду.—Бросіу іонъ ей свой сюртукъ. Ана адѣлась и вышла. На лицо ана каралевичу панаравилась. Іонъ ей вялѣу падаждать, а самъ паѣхау и купіу ей усю адежу. Ана адѣлася, сурядилася, нарумянилась, и яму ана панаравилася. Привезъ іонъ яе дамой и списау съ яе патреть. Улюбіўся у яе іонъ сильна, глядѣу на патреть и ни наглядѣўся. Пупрасіу у свайхъ радитліу багаславенія и на ей жаніўся. Скора послі таго каралеўска жана забреминила.—Атъ царя Юрика ў горыди Ирыслави праизапла вайна; мужу яе нужна було туда ѣхать на савѣтъ у сихъ каралеу. Іонъ паѣхау, а распаряжатца аставиу маладога сината. Маладэй синатъ, увидіу яе красату, улюбіўся

у яе. Адинъ разъ, када ана ужү радила, іонъ пашоу къ ей. А у яво длі боку висѣла палушабля. Іонъ пришоу къ ей у спальню, а ина гаворить:— „Ваша сіятельства, зачѣмъ вы ка мнѣ пришли, — вы видитя, ў какомъ я палаженіи?“ — Іонъ разсердїуся, выхватиў палушаблю, уторнуў у етыга рабенка и бро-сіў яво абъ поль. Тада ана гаворить:— „Ну, маладэй сынатъ, падажжи ты тутъ, а я пайду на кухню, абмыюсь, тада и приду.“ — Ина схватила сваю адежу и пабѣгла ў поля. Атъ страху ана бѣгла усю ночь и забѣгла за 100 версть. Утримъ ана увидала гарѣлый вязъ, дуплистый. Ана у яво улѣзла, па-таму што баялась синатѣра, штоба іонъ ня сдѣлаў за ею па-гони. Іонъ сдѣлаў пагоню, распустїў усю вармію, и самъ си-натъ искаў яе; но ни нашли яе нїйдѣ. Рана цувутру, иг-раў пастухъ у трубу и выганяў скоть у поля. Ана вылизла изъ дупла и атиравилась къ пастуху. Падашла и гаво-рить: — „Пастухъ, давай съ табою барыши дѣлать!“ — Ка-кея? — „Давай пуминяимся адежію!“ — Пастухъ ни саглашаўся; но ина яму приплатила денигъ, и іонъ ей атдаў свою адежу: жупанъ, лапти, тасемку, каўпакъ валеный, — ина яму атдала своё плаття. Пришла къ старому свайму двару атцоўскаму и нанялась у свайго атца ў батраки: — „Здрастуйтя, гаспада!“ — Ина збросила каўпакъ, каралевичъ стаў сваю жану цудувать, а лысига прикащикъа и яе нимиласердныва брата растирзали. Уѣхала ана са свамъ мужимъ ў сваё каралеўства и таперъ тамъ живеть.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 14.

Отрывокъ изъ сказанія о князѣ Петрѣ и Февронїи Муромской.

Пришли сваты къ багатырки; ина ткала кросны. А тара-пилась, стала адиватца и стала у сватовъ извиненья прасить:

— „Извиняйтя мяне, сваточки: хата мая бизъ вачей, а дворъ мой бизъ вусей.“

— Идѣ твае радны, багатырка?

— „Братейникъ пашоу смерти искать (вошь поставїў ви-сока на деревѣ); мать пайшла у зѣймы плакать.“

№ 15.

Якъ сынъ влпатіў и стараўся. штобы пакойный батька пристаў вобратнимъ-канёмъ быць и спясення пулучіў ба.

Йіў купецъ харашо, дятей у яго ни було—тольки сынъ быў. Радъ, што тэй сынъ нарадіўся. Узрастёмши сына, справадіў у Ригу. Тамъ сынъ таргуйць, баркы ганянтъ,—батьки деньги присылантъ памногу, таргоўля идеть у цуть харашо. Тамъ сынъ заняўся чимъ-та усё на дилахъ. Батька яму письмо адно пишить,—ня чуть, іонъ и другога пишить—усё ня чуть; третія паслаў письмо—идеть къ яму атвётъ, што вумиръ твой сынъ. Іонъ вужахнуўся. Божжа ты мой, каму наша добрая дастанитца! Сичасъ батька зъ маткый заклапатіўся. Батька задавіўся; тольки іонъ задавіўся и ужъ на кутъ ляжить, прыскачіў и сынъ. Стаў матку унимать:

— Ни плачь, мамычка, ни плачь!.. Што жъ дѣлать? знать ни було добрыга чилавѣка разсудить яму, што іонъ такую бяду здѣлаў надъ сабою.

Схаранили яго. На дви хаты усё вужання варитца на поминь. У горыди на ўсихъ цирьвахъ идуть закупнѣя абѣдни да сарака дней. Што у Бога день, усё гатують. Наняў іонъ людей такихъ гатовить, никуды отъ двара ни атходить. Хто ня идеть, хто ня ѣдитъ,—усё гаворить:

— Прашу васъ на поминь души.

Аўса вѣднимъ даеть и ихъ чистить. Што у Бога день, то усё такъ; жодныга дня пуминаить да сарака дней. Приходить саракаусъ. Катить на тройки—и три чилавѣки. Такея кони—и здержа имъ нѣтъ.—„Усе вамъ дастану—толька птичча малака ни дастану,“—гаворить гасѣмъ. Заѣхали въ избу, идуть у хату. Іонъ сейчасъ ихъ за столъ:

— „Садитесь, садитесь!“

Сѣли са столъ. Што гость (одинъ изъ трехъ) скажить:

— „Тоя няситя!“

Нясутъ. Іонъ загадаить мудрина, усё нясутъ. Паставили яму столъ цѣлымъ контыримъ дивать нѣйди, усё пирують.

— Досыта наѣлись—дѣтъ нѣйди!.. Ну, маладецъ, идѣ ня ѣзживали—такова питиння-идиння ни видаў, што у тябе. Вумна ты здѣлаў! Што жъ табѣ за обѣдъ?

— Я ли спасѣннѣ души пращу васъ батиньѣу пуминать.

— „Нѣтъ, я ни хачу, штобъ ты дарымъ насъ карміѹ! Бяри сабѣ ету лошадь; бяри, кали дають. скидавай вобратъ—вотъ табѣ эта лашатка.“

Якъ свинуѹ вобратъ, сичасъ атець яво аявіѹся. Подхацили яво сичасъ два ангилѣ и панясли.

— „Ну, ужъ, братъ, хитерь! Уздумаѹ, якъ атца спасти са тьмѣ съ крамѣшной.“

№ 16.

Якъ панъ праваліѹся у тѣй церькви, што самъ выстрыѹ. Мужикъ праатвѣдываитъ пана и видить, што панъ канемъ стаѹ и на емъ аггалы катаютца. Барыня варачаитъ пана млыстынію.

Строіѹ панъ церькыѹку. Па аваньченіи съ священникымъ раитца:

— „Батюшка, што будимъ дѣлать?“

— А што будимъ дѣлать? Ътъ къ алхирею.

Пріѣхыѹ іонъ къ яму:

— „Я церькыѹку састроіѹ“.

— Кали съ усимъ усердіимъ строіѹ, Ътъ дамой,—скажи священнику, штобъ іонъ выпывидаѹ тябе, пріабстиѹ, тады прикажи, штобъ склепъ тябѣ здѣлали и лажисъ у грабу. Кали пириначуишь, то церькыѹ пасвятить можна.

Пріѣхыѹ дамой. Склепъ здѣлали и у церькыѹ знясли. Якъ служенія зачалосѣ—абѣдня. падыйшоѹ къ священнику, а іонъ яго благаславіѹ:

— „Лажисъ, съ Богоымъ, у склепъ!“

Лехъ—накрыли. Абѣдня атышла. Тады узали съ абѣдни пашли, церькыѹ замкнули. Пиринучували. Каму штѣ, а барыня картить баринъ, ти цѣль, ти нѣ. Пришла, глянула—церькви нѣтутѣ, только яма бяздонныя на тымъ мѣсти. Служалась, што тутъ дѣлать. Галовушка пабѣдная! Тады ина на войта:

— „Ищи ты члавѣба такова, ти ни найдитца ахотникъ спуститца у пропасть.“

Войтъ знаходитъ пьяницу; тѣй гаворить:

— „Праатвѣдаѹ твайго пана за поликъ гарѣлки.“

— Пайдемъ къ барыни: барыня табѣ што угодна дастъ.

Гаворить барыни:

— „Сударыня, мнѣ денехъ ни нада, а тольки апахмяли мине.“

Ина дала яму денехъ гулять у кабацѣ. Гуляють три дни.

— „Ну; сударыня. нада канатъ вить; звѣши канатъ, якъ ня можна падаўжѣй, привизать бачоныкъ прасторый зъ вакномъ; штоба видна была,—штобъ узять харчей, хлѣба, гарѣлычки.“

Набраў хлѣба, закуски, гарѣлычки гарчивъ; пашоў тады къ священнику благаславення просить.

— „Ну, батюшка, благаславитья мине на тэй свѣтъ! Што будить, то и дѣйся,—палѣзу туды.“

Іонъ яво выпсывидаў, прычастіў—усе раўно, якъ на смерть. Удалыи усѣ таеъ: ти вотеу пить, ти кандалы терть. Усадили яво у бачоныкъ, палажили харчей, гарѣлки, штобъ усѣ была, завизали яво и пустили. Канатъ идеть день, идеть другой и третій, астанавіўся; іонъ у вакошичка глядить, прадираить вочи: стаить церкыў.

— „Нѣ; я ни пайдѣ таеъ, а нада падѣбсь. да выпить наболій: тада буду пасмялѣя.“

Падѣў, закусіў, узяў ключи, атперъ церкву. Уходитъ въ церкву, падыйшоў къ слѣпу къ таму, аteryў грабницу. паглядѣў—пана нѣтути. Идеть, іўлянтца къ яму чилавѣкъ:

— „Што ты тутъ ходишь?“

— А што жъ я хажу? Усе раўно прапала: наўдалую хажу.

— „Гавари, што ищишь.“

— Што надаби, то я ищу.

— „Ну, што жъ табѣ нада?“

— Мнѣ нада гаспадинъ мой.

— „Хочишь ты яво пувидать?“

— Хачу. На то я пашоў.—Пажалуста, покажитя!

Котють на тройки три чилавѣки, у ихъ залѣзный пруть; то и дѣла падстебывають каня, ажно галаву дяржить крѣпкымъ. Призжають къ дому, валяску кинули падъ вакномъ, а три лошади вядуть у домъ и дапрашіють пьяницу:

— „Дужа ты хочишь итти пана глядѣть!“

— Да за тымъ пришоў!

— „Гляди, пулюбуйся!“

Скинуў повыдъ съ каня, ачутіўся панъ.

— „Здрастуй, паночикъ, здрастуй, галубчикъ! Ти жиў ты?—

— Здрастуй, душа! Я дужа табѣ радъ.

— „Тамъ жа барыня проста загаривалася па табѣ, идѣ тебе псвать.“

— Хуть ба я записку написаў барыни—нильзя писать: ты видишь, у якихъ я рукахъ.

— „Да, вижу, паночикъ.“

— Прашу я тябе: пригавари ты ей раччу, штобъ ина усю казну маю раздавала па нищій братъги, и хлѣбъ штобъ распускала весь и денъги па бѣдныхъ мужикахъ,—тольки штобъ пакинула ина сабѣ самую малнысть.—Хто аткель ни пачунть—усѣ ѣдутъ къ ей; такъ три гады заставила сабѣ тольки абаротиць ни бальшей, штобъ схачила да навн.

Три гады якъ вышла, такъ и церкьва выйшла—и панъ тэй цѣль—атдѣньчій сваё. Стаў мужикоў жалѣть, якъ родный батъка:

— „Я знаю тяперь, якъ сябуть: сяченню панаўчили.“

Якъ паѣздили на ёмъ, да пупароли, тольки и дѣлаить панъ: што людей вызвыляить.

№ 17.

Изъ рукописи.

А шемакинымъ сѹди.

Въ какой-то дярѣнн жили два брата, па имени ни магу назвать. Адинъ жиў багата, а другой очинь бѣдна: не была у яго ни баня, ни каровы. Пашоў бѣдный къ багачу пупрасить лошади съѣздить ў лѣсъ за дравами (но а багатый братъ ево хто бы ни пупрасиў, то ionъ ни аткажить, толька съ тѣмъ намѣреніемъ праси ее, што нужна сразу, а другой разъ што ни праси, то ionъ ни дастъ). Бѣдный ўзяў лошадь; хамуть, дугу забыў. Стаў бѣдный запригать лошадь багачову: какъ ни мудрiў, ну, бизъ дуги ниваеъ ни приходитца. Онъ вздумаў: аглобли выбрасиў вонъ; хвостомъ закрутиў за галоўку саней и паѣхаў въ лѣсъ; налажиў возъ дроў, немнога ни давезъ да дому,—ѣхаўши черизъ мастокъ, сани звалились ў канаву. Онъ сикануў лошадь кнотомъ. Лошадь какъ дернула, хвостъ атарвала. Приводить бѣдный братъ къ багачу лошадь бизъ хвоста. Батый спрашиваить:— „Гдѣ жа хвостъ маей лошади?“—Вину-

вать, братъ я перидь табою: взяу я у тебе лошадь, дугу зибѣ, — ѳзизу, привизау хвостомъ за сани и паѣхау ѳ лѣсь зр дравами, — вмянога ни даѣхаѣши да двара; сани завалились. — Пагади жь, братъ: пайдѣ на судь на тебе; пуваду съ сабою. — Пашли ани абѣа на судь. Шли ани дарогаю; пришлось имъ начувать на дароги. Зайшли ани на пастаялмй домъ: дворникъ бѣѣ знакомъ багачу. Бѣдний лѣгъ спать на палатихъ, а багача дворникъ пасадѣѣ влчерить съ сабою. Бѣдний на палатихъ паварачитца, и какъ-то на лѣво нищастья, абламились палати, (а ѳнизу палать дворникува жина кармила рабѣнка) палати ети вупали и задавили рабѣнка. Дворникъ етыгъ гаварить: — „пайдѣ и я, братъ, на тебе на судь.“ Пашли ани черизь ряку по масту; на ету парѣ рыбалоу ловить рыбу ѳ лодки. — Вздумалось винуватому: — „брошусь зь маста ѳ ряку; ѳсе раѣно мнѣ прападать.“ — Такъ ѳонъ и бросѣѣся. Ни пунав ѳ ряку, а пунаѣ къ рыбалову ѳ лодку, лодку абаратѣѣ, рыбалова залѣѣ; а сынъ рыбалова сядѣѣ на бирагу и видитъ, што винуватый здѣлаѣ третѣю бядѣ, и гаворить: — „Пайдѣ, братцы, и я на судь!“ Идутъ ани ѳчетверомъ, пахдоютъ ани близъ города, вздумаѣ винуватый: — „вазьму съ сабою бальшой каминь: када судья будить гаварить у маю пользу, то я ня буду яго бить; а када ни ѳ маю, то ѳдарю каминь и судью.“ Падаѣшли ани къ судьдѣ. Стали ани разказувать каждый сваю бядѣ, судья смотритъ: што-то есть у винуватыга за пазухаю, падумаѣ самъ себѣ: „непремѣнно, што ѳонъ винувать, то принѣсь съ сабою многа денигъ“. — Судья, сняѣши данпросъ у ва всѣхъ траихъ, и гаворить: — „Ну-ка, винуватый, падаѣди, братъ, ближи и скажи мнѣ, што ты ета надѣлаѣ?..“ Винуватый падаѣшоѣ и сказаѣ: — „Ну, гаспадинъ судья, суди судь па закону: а то будить мнѣ и табѣ.“ — Судья падумаѣ, што ѳость многа денигъ, и начаѣ судить па закону. — „Ну, братъ, багатый, када бѣдний тваѣй лошади атарваѣ хвостъ, атдаѣ бѣдному лошадь. пакуль выраститъ хвостъ. — А ты, када ѳонъ задавѣѣ тваѣво рабѣнка, атдаѣ яму сваю жонку, пакуль ѳонъ здѣлаитъ табѣ рабѣнка. — А ты, када ѳонъ залѣѣ твайго атца, пусть ѳонъ ѣдитъ на лодки, а ты бросься зь маста къ яму ѳ лодку.“ — И не даѣ винуватый судьдѣ ничаво. Такъ ани и пашли уѣѣ дамой, а бѣднава аправили. Стаѣ винуватый смѣятца надъ правыми.

В и т о в т ь .

Быў у Польши кароль-багатырь, да помирь. Яль караля абабрать, атьедыва? Вотъ што уздумали яны, усе начальства:

— „Акапирүимъ мы лошать багатырскую (прежняга караля) у сядло и паложимъ мечъ и острыя кошя и пустиимъ яго лошать у свѣтъ и будимъ за ею у слѣдъ сладить, идѣ ана сабѣ аббареть издака—таво крулимъ признаимъ.“

Сладили за лошадыю, у слѣдъ ѣхали, а яе пустили, два мѣсяца за ею сладили. Приходить лошать у дярѣню и пашла прямиа зѣ дярѣни на гумно, и виў тамъ старикъ абрыўи за авинимъ. Лошать, какъ ишла, пала передъ старикомъ на калѣна, и находятъ сладитили услѣдъ за лошадыю: стаить лошать на калѣнкахъ.

— „Ну, яны сказали:—ты нашъ круль-царь—тибе признала лошать и мы. Якъ ты абрыўи виў, будь краль Витыўтъ.“

Садүся іонъ на лошать, атираўляўся у каралеўства, къ царьскому дому. Присягнула Польша каралю Витоўту. Ну, іонъ саблюдаў ихъ харашо. Пачуўствуваў сваю смерть, сабраў сванихъ палкоўникиў и виниралыў малыхъ и старыхъ.

— „Ну, дѣти, я чуўствую сваю смерть. Памру я, играйтя музыку, пакель мине пахаронють, зямлѣ придадутъ саўсѣмъ. Ну, если хто васъ абидить. Польшу, вазьмитя музыку и зайграйтя надъ магилыю маею: я устану и пумагу вамъ.“

Сьольки времени праваждалися, абабрали каральба на ўрема, пана паставили каральвомъ. Тольки уздумалась имъ:— „ня можить быть, штобъ іонъ зѣ мяртвыхъ устаў!..“ Сабрали музыку всіе духавую, пашли на яво магилку, на Витаву каралеву. Заиграла музыка. Устаеть кароль съ таво свѣту.

— „Абъ чомъ, дѣти, мине будитя? Хто васъ абиждаить?“

А яны яму атказыють:

— „Кароль Вытыў, насъ ништо ни абижаить, а мы думали, ти праўда ета, што ты казаў, што устанишь.“

— Ну, дѣти мае, ня гнѣвайтесь! Вы мине съ това свѣту збунтували—и будѣтя вы прокляты атъ мине и вѣкъ вѣшний бунтуйтись!“

Съ тыхъ поръ и пашли бунты у Польши.

№ 19.

Св. Меркурій быў кажимяка. Лютву побиваў, самаму галаву атрубили, на капіі несъ буйную галаву, стрѣўшисъ съ багатыркю. абраніў яе.

Меркурій быў кажимяка; разъ іонъ мяу соракаъ кожь. якъ асирчау, рвануу кожи—и ўсѣ пупаламъ. Якъ пришла Лютва, сѣў на лошаты и давай яе пубивать. Самаму галаву сняли. Иднача іонъ ѣдитъ на лошади, а буйну галаву нясетъ на капіі, чѣмъ сражаўся. Падъвизжантъ къ малахоўскимъ варотамъ. Нясетъ багатырка соракаъ ушатыу вады и гаворить:

— „Ахъ, Аврамій, патиряу ты буйну галаву!“

Мяркурій тутъ самлѣў—упала на зѣмель буйная галава.

№ 20.

Л ю т в а.

Навалилась на насъ Лютва нихряцоная. Божія Матирь стала прасить Сына свягто узлюбѣннага, штобъ іонъ пакрыу насъ, защитіу. А Гаспотъ гаворить сваей Матирі: — „Што жъ яны сами мяне ня просютъ?“—Божія Матирь гаворить:— „пра-сита сами!“—Стали прасить,—Богъ дау помычь. и съ тыхъ поръ стау Пакроу.

№ 21.

О происхожденіи растенія «Иванъ Безголовый» (*Veronica officinalis*).

Дѣвка отрубидя нѣкоему Ивану голову. Иванъ пошолъ на жалобу къ Богородицѣ, неся свою голову на копьѣ. Богородица превратила Ивана въ синенькій цвѣтокъ Вероники, который представляетъ изъ себя кисть, помѣщается на обнаженномъ стебелькѣ и оканчивается заостренной макушкой. Въ такомъ положеніи, какъ шолъ къ Богородицѣ, Иванъ замеръ и былъ обращенъ въ цвѣтокъ; цвѣтокъ этотъ въ народѣ называется „Иванъ Безголовый“, а въ ботаникѣ— „*Veronica officinalis*“.

Меркурьева лошадь.

Меркурива лошадь и таперь замурована у стянѣ; якъ заржетъ: то увесь горадъ затрясетца.

Петръ загадыитъ сваймъ синатѡрамъ, якъ неба висока и якъ зимля глыбока. Мужикъ Пятру разсказыитъ, куда юнъ зѡрабатынъ диваитъ: янии деньги за доухъ платитъ, якии у доухъ отдаеть, якии на вѣтиръ пуцаитъ.

Загадау Петръ сваймъ синатѡрамъ:— „Какъ висока неба и какъ глыбака зимля?“— Ни магли яны етыга разсудитъ. Петръ паѣхау у поля. Мужичекъ пахау; Петръ спрашитъ мужика: „Разсудитя мнѣ еты истѡрии:— какъ неба висока?— какъ глыбака зимля?“— Мужикъ атвичау:— Неба очень низка: какъ громъ грянитъ, и глухой паслышитъ.— А зимля глыбака: я сваво дѣдушку пахараниу: къ етому время шистьдисятъ лѣтъ прайшло, и юнъ ни паваратиуся.— Вотъ тады синатѡры начали разыскыватъ, хто ѡб ета разсудитъ. Спрашиють у лаея, каторый за царемъ ѣздитъ;— идѣ царь быу?— „Быу царь у поли и съ мужикомъ разгаваривау“— Тады ети синатѡры паѣхыля у поля и начали распрашиватъ у мужика:— Скажи намъ, пажалуйста, ету загадку, какъ неба висока? какъ зимля глыбака?— Мужикъ атвичалъ синатѡрамъ:— Я вамъ скажу, — што мнѣ будитъ за ета?— „А што ты хатишь?“— Ета будитъ стѡитъ дѣла сто рублѣу, када я вамъ разскажу.— Дѣдушка у мине помиръ шистьдисятъ лѣтъ, и узвароту яму нѣтъ.— Такъ ана очинъ глыбака, зимля, а неба очинъ низка: громъ ударитъ— глухой паслышитъ.— Тада ети синатѡры заплатили мужику сто рублей и вартилися къ Пятру и хвастають:— „Царь, ета, гаворють, дѣла знаимъ!..“ и начали гаворитъ:— „Зимля глыбака: мой дядушка помиръ лѣтъ сорыкъ и ни паваратиуся, а неба очень низка: какъ громъ стукнитъ и глухой паслышитъ.“— Тада Петръ и гаворитъ сваймъ синатѡрамъ:— „Вѣрна, вы у мужика распрасили.“ У етыва жъ мужика распрашивау Пѣтръ:— „Скажи мнѣ, мужикъ, пасколька ты бярѣшь у сутки за ету

пахатү?“—А вотъ сколько, Пётръ: восимъ гривинь.—„Охъ, многа жъ ты денихъ бярешь!.. куда жъ ты еты денги диваишь?“—„Двѣ гриўны долгъ атдаю, двѣ гриўны у долгъ закладаю, двѣ гриўны на вѣтирь пушаю, а двѣ гриўны питаюся съ жаной.—Царь и спрашнить:—Што ета значить такая, што доўгъ атдаешъ двѣ гриўны?“—„А ета у меня іость атець и мать: дакъ ане мяне малыва кармили, дакъ я и ихъ старыхъ за ета кармлю.—Вотъ ета имъ и доўгъ атдаю.“—Скажи, пажаласта, каму ты закладаишь у доўгъ?“—„Мене іость два сына малыхъ; дакъ я ихъ питаю. Вотъ ета у доўгъ закладаю: када я буду старый, дыкъ ане тада мне будутъ питать и доўгъ будутъ атдавать.“—Ну, скажи, пажаласта, яще, што жа ета значить такая: двѣ гриўны на вѣтирь пуцаишь?“—Атвѣчаў мужикъ Пятру:—Вотъ, царь, куды двѣ гриўны диваю—дачоекъ питаю: я ихъ васпитаю и тады атдаю ихъ у люди. Вотъ ета на вѣтирь пушаю.—Царь пріѣхаў у синать, загадаў синаторамъ мужикову загадку; ни дадумались яны и заплатили тѣму мужику, што іонъ имъ сказаў, двѣста рублей.

№ 24.

Какъ на охоту Петръ ѣздилъ.

Погнали гончія въ лѣсъ, и Пётръ паѣхаў по тропинки. Гончія загнали въ бальной ломъ: нильзя на лапаша прѣххать. Гонъ узяў: съ лошади слѣзъ, лошадъ привизаў, пубижаў на слухъ гончихъ. Заблудіў, выбіўся на какую-то дорогу, нашоў салдата на дороге. Вотъ яны шли вмѣстѣ, и салдатъ тотъ тѣже не знаетъ дороги: пошли оба блудить. Приблудилися въ пуши къ разбойницкому дому, заходятъ у домъ,—въ доми ниваво нѣтъ, только одна женщина. Салдатъ гаворить:—„Начувать пуститя!..“ Ина имъ показала:—„Вонъ пади па лѣстницы на чердакъ—на сѣни тамъ и отдыхайтя!..“ Пришли маладцы (разбойники, значить), съ ахоты, и гаворють мижда себе, што ніўдача сяводни: ни пупала никова загубить; а хазяйка атвичаить имъ: „два рябцы сами прилятѣли.“—Яны спрашнють:—„А гдѣ жъ яны?“—На чирдакъ я ихъ паслала, на сѣна, спать.—Начальникъ ихны аднаму приказнить:—„Нади-ка, привяди ихъ сюды: мы съ ими расдѣлаемся. Итить

тёмна, зажги свечу. — Вотъ іонъ и пашоу туды. Пётръ жа снау, а салдаты сваю службу знау: на часахъ стняу и саблю у рукахъ держау. Якъ чуть паказауся, такъ іонъ саблей голыву дамой. Тада начальникъ етый ипать гаворить:—Што жъ абъяреть адннъ іонъ тамъ ихъ?—Другова паслау. Другому сама ета жъ галава дамоу и усѣхъ іонъ прибрау. Астаецца только адннъ начальникъ, и начальникъ пашоу туды, ни дыждауся етыга время—и начальнику голыву зрубіу. Тады салдаты затваріу дверь, лѣгъ спать,—да бѣлыга свѣту праспали. Салдаты устаець и будить яго и спрашнть у яго, у Питра:—„Што ты іостъ за челауѣкъ?“—Іонъ твичанть:—„Я слуга панская.“—Лакей, салдаты гаворить:—ета самый лизаблюдъ, привыкъ блюды лизать, да спать... А пасматриба, сколько у насъ ляжить баранчыку!..“ (Двинацять іонъ ихъ зрубіу).—Пайдемъ таперича у домъ!..—Приходитъ у домъ и спрашнть:—„Дай-ка ключи ать клауавыхъ.“ Ключи атдала, пашоу салдаты исвать денехъ, нашоу мѣдъ; салдаты начау брать, Пётръ ни бяреть.—„Я бяру, а ты ни бярешь: скажишь. растаеь.....“—Принуждонъ и іонъ братъ. Потѣмъ салдаты нашоу сирябро!..„Выбрасывай вонъ мѣдъ и бяри сирябро!“ Тады знайшли золыта. Салдаты камандуить:—„Бяри золыта, а сирябро выбрасывай!..“ Такимъ родымъ набрауши многа золыта, пошли ибратна, и давай салдаты прасить Петра, штобы ни гаваріу етыва Петръ; а Петръ спрашнть у яго:—Якей ты, салдаты?—Чимъ тебе звать и якова палка?—Разказау іонъ Пятру имя и хвамилію; тады спрашнть у яго Петръ:—„Пачау жа ты зашоу у лѣсъ?“—А вотъ я пачау зыйшоу. Начальники ни дадали мнѣ паўтара гарца крупъ привіянта, дыкъ я, якъ пашоу съ малыва начальства, мяне палками атдули, дашоу до самыва бальшова,—усе палками дули: дыкъ я пашоу у лѣсъ прахадитца, штобы мнѣ ня лечъ у лазареть.“—Во тада пашли и распрацалися, царъ сабѣ пашоу, а салдаты сабѣ. Петръ напярѣдъ паспяшіу на застау, приказъ сдѣлау:—„Такой-та салдаты будить прахадить, сдѣлать яму честь усѣ рауно, якъ царю.“—На застау пришоу салдаты, сдѣлали яму честь такъ, усѣ рауно, якъ царю. Салдаты тада и гаворить:—„Ека плутъ какой-та разказау, што у мяне денги іостъ.“—Іонъ имъ бросіу денехъ горсть. Патомъ идить нужна салдату омыла царскыва дварца; тамъ яму сдѣлали честь, и самъ Пётръ выноситъ яму на блюды золыта:—„Благодарю тебе, служивый

кавалеръ, што ты мяне избавиў ать смерти. а я тванхъ паугара гарца крупъ узыщу, усе начальства разжалую.“

№ 25.

Якъ Петръ у Риги присматривауся къ литтью пушакъ. Якъ іонъ утѣкъ изъ Риги. Пріймаитъ у Масквѣ гостя рижскага купца. Мѣдникъ раитъ пирялить калаколы на пушки.

Када ў Расеи не была пушникъ, и Петръ узнаў, што за границу пушки павылили. іонъ браў средствія, бы язь етыва искусства разсматрѣть. Паѣхаў у Ригу: и Риевскія купцы ѣздють за таварами у чужея земли, и іонъ наняўся у купца у работники и паѣхаў за границу съ купцомъ. Пріѣхаў у Ригу, и тутъ яго ужъ начинали падмѣчать, што іонъ Петръ; а тдаинъ быў приказъ на усѣхъ заставахъ, штобы яго ня выпустить. Іонъ ета дѣла узнаў и начаў етыва самыва купца, у каторыва быў у работникахъ, начаў прасить, штоба быў ка мнѣ у Маскву: я самъ купецъ. Купецъ ризьскій спрашиить:— Какъ жа тебе узнать?—Масква вялика.—„А ты пріизжай, только спраси. идѣ здѣсь живеть Петръ купецъ: да када будишь, дакъ дай частноя слова! Мья жина частинька ходить на рынку. и лаўки у мяне іость. А я захатѣў узнать, каеъ у вась торгоўля. Частноя слова вы мнѣ дайтя, што будитя такова-та числа.“—Петръ распращаўся съ имъ, пашоў у горыдъ; мужичекъ бяретъ навозъ. Іонъ просить мужичка:—„Обрасывай навозъ: я тябѣ уплачу болій, чѣмъ ты навозъ будишь вазить.“—Петръ на сани, а мужикъ яво навозымъ прикрнў и вывизъ яго съ горыда Риги; публагодаріў яго, заплатіў яму горсть золыта. Тада Петръ и уѣхаў въ Маскву, и приказаў Петръ расаслатъ ахвишки па ўсей Масквѣ: када будить ризьскій купецъ у Маскву, то тада показать на Петра купца. Вотъ и пріѣхаў ризьскій купецъ, и показали на Петра купца. Приняў яво:—„Гастюй у мяне!..“ Павеў яго на лаўкахъ, наказавъ нѣскалька лавыкъ:—„Вотъ у мяне сколько лавыкъ: я самъ купецъ.“—Пришли дамой; наказаў іонъ жану. Ризьскій купецъ гаворить:—„Да, чистинька жина ваша ходить!“—Два дня гастіў, Петръ быў ня ў хорми; а када на третій день адѣўся Петръ у хорму, а тада ризьскій купецъ абъ землю

ударіўся—спужаўся. Царь яго ни стращаў: — „Ня бойся: я тибѣ усё пращаю, хушь ты мяне и браніў: за низнанія и царя бранють... Ну, вотъ, братиць, прінзжай саусѣмъ у Маскву и таргуй—памѣстья дамъ...“

Царь ходитъ пу Масквѣ и думашь, якъ бы ета пушикъ налить, думашь сабратъ зѣ Расей старыя питаки для литейныхъ пушакъ. Ишоў пу Масквѣ у прастой адѣжи. Стричантца зѣ имъ челавѣкъ. Спрашнть: — „Што ты за мастирь?“ — Я свайму дѣлу мастирь. — „Хто жѣ ты таковый?“ — Я мѣдникъ. — Іонъ яму рубъ падаріў. — Скажи мнѣ, братиць, пра ета дѣла, што я ўздумаў: хачу сабратъ мѣдъ, налить пушикъ. — „Царь, я тибѣ савѣтъ дамъ: вы у цервяхъ па колыкылу сымитя у каждыи церкви и налейтя пушикъ. — На што жѣ тибѣ стольки пушикъ?“ — Пайдү Ригу заваю.

№ 26.

Воръ збаўляить Питра агъ смерти.

Царь Петръ захатѣў узнать, што у Масквѣ дѣлаицца: вотъ іонъ ноччу адѣўся у худую адѣжу, пашоў па Масквѣ у темныя время. И стричантца съ челавѣкъымъ у дурнымъ пираўлеу. Спрашнть: — „Што за челавѣкъ?—Тотъ челавѣкъ атвичайть Пятру:—Я воръ, а ты хто такей?— „И я воръ“— Ну, вада воръ, пайдемъ умѣсти красть. — Потѣмъ спрашнть воръ у Питра: — „Куда жѣ мы пайдемъ красть?“ — А пайдемъ къ царю красть. — Воръ етъи Питра у уха зарядіў: — „Какъ жа къ царю идить красть? Яму многа деннхъ нада“ — Петръ спрашнть: — „Куда жѣ мы пайдемъ?— А пайдемъ къ виниралу, пу хвамилии Бѣларукныму; тѣй бяреть денгги начти дарымъ. — Вотъ яны прійшли къ дому. Воръ узяў, надѣў сабѣ лапы на руки и на ноги и палѣзъ па стянѣ и падлѣзъ па дъ асочка паслушать, што у яво тамъ тваритца. Ане саглашаютьца, нѣскальки асобъ, штоба заўтришній день сдѣлать балъ и пригласить царя Петра Аляксѣевеча и дать яму выпить стаканъ смертннй. Іонъ разслышаў и баратіўся унизъ и гаворить етъи воръ самаму Пятру: — „Ахъ, братъ, кадабъ царю дать знать?!..“ — А што такая?— „А вотъ, братъ: хотять нашига царя абтравить.“ — Ахъ, братъ, и я бѣ паслушіў етъи статьи!.. — „А вотъ я и тибѣ привяжу такжа лапы.“ — И Петръ падпоўзъ

надъ ихъ саюзъ и слышитъ точно такъ, какъ воръ рассказы-
ваѣ. Нѣскалька ане увурвали ли примѣру, а тада итить у
расходъ. Петръ гаворить:— „Какъ ба, братъ, намъ быть съ
табой знакомымъ? Мы съ тобою будимъ друзья... Дакъ вотъ.
братъ, на шапычки пумняемя, и штоба намъ съ тобою быть
въ такей-та церкви у вутрени“.—Царь устау, паѣхаѣ къ вутрени
и приглядываитна, хто у яво шапычки будить итить. Увидаѣ
яво, приказаѣ жандармамъ, штобы за имъ слядили, съ глазъ
ни спущали. Якъ атышла вутрина, царь садитна у карету,
приказыть и вора етыга посадить съ сабой: воръ етый сѣу
ни живѣй, ни мертвый: приѣжають дамой. А за ету ночь сдѣ-
лали яму, етыму вору инастранную адѣжу. адѣли, дажидають
время етыга, якъ етый винаралъ напросить на балъ. — Смотри жъ,
братицъ, хуть ты воръ, а я тебе пращаю ета: хучь ты мяне
ушибъ, да ни умаріу... Икъ насъ назавуть на балъ, то и
табе съ сабою вазьму, начнють потчивать, то іонъ мнѣ будить
падавать упередъ, а я пить ни стану: я буду гаворить:—
„Прежда хазяину нада выпить, а тада гостю.“ — Царь ня
пьеть. Винаралъ атвичаить:—Ваша височества, я упередъ за
мірапамазанника ни магу пить.—Петръ гаворить:— „Мы спро-
симъ: у мене инастранный зямли пасланинѣъ есть;—вотъ мы
спросимъ у яво, какъ у ихъ странѣ, хто упередъ пьеть: ти
гость, ти хазяинъ.“—Спрашіють у пасланика. Пасланинѣъ
атвичаить:— „У нашій старанѣ никада гость ни начинаить, а
прежда хазяинъ выеушанть.“—Привялось выпить самѣму вина-
ралу. Яѣъ выпіѣ, такъ и ударіѣся абъ поль: а тада Петръ
ихъ усне шайбу разбіѣ. Тады амператырь спрашіить у вора:—
Чимъ тибя наградить?— „А ничаво я ни хачу, ни якей награды мнѣ
ня нужна, а прашу васъ ни устрашать вароѣ: вары. собствена, атъ
Госпада Бога... Кабы Богъ ни павѣѣ васъ на такую степень идить
узнавать абъ варахъ... Ну, только Богъ васъ свѣѣ са мною, штоба
вы, амператаръ Петръ I, магли прадаѣжать сваю жисть!..“

№ 27.

Петръ вялить принесь у дварець пьяныва мужика и бѣѣляить
яму, што іонъ на неби; хатить знать, што будить казать и
рабѣть мужикъ.

Прахадіѣ царь пу Масквѣ и увидаѣ мужика пьяныва: ли-
жаѣ іонъ у грязи. Іонъ яво приказаѣ узять сваймъ прислугамъ

и раздѣтъ искудную адѣжу и адѣтъ у харошую, палажить яво у царевую спальню и приказау иднаму служитилю адѣтца у бѣлыя адіянія. А мужикъ етый спау; и прашнууся и видить нибнакнавенныя сіянія, зиркала и наборъ атлишний; іонъ спужауся и узрадувауся и думаетъ сибѣ:— „Идѣ я таперь?“—И крикнуу:— „Ой, ой! идѣ я таперь?“—Прибигаитъ служитиль и гаворитъ яму:— „А ужю, братъ, ты таперь у Бога.—Спрашитъ у етыва служитиля мужикъ:— „А ты жъ хто такей?“—Я ангыль.—Мужикъ етытъ и спрашитъ (у мужика галава балить съ пахмелья):— „Даеъ жа Богъ водку?“—Пайду, спрашу у Бога.—Приходитъ къ Пятру служитиль и гаворитъ:— „Проситъ мужикъ водки.“—Дайтя яму двѣ рюмки, да пирага кавалыкъ.—Съ мужика етыва мала: хатить и ящо. Намедленна закричау:—Ангыль!—Іонъ и бяжить, етый служитиль, спрашитъ:— „Што ли васъ угодна?“—Спраси, братъ, у Бога, ни даеъ ли іонъ яще водки.—Петръ приказау:—Дайтя яму грахвинъ и дайтя яму пирога цѣлый!.. Падали. Мужикъ етый напіуся и наѣуся и гаворитъ:—Слава тябѣ, Госпади, што мяне Гасподь приняу у царствія етабыя: тутъ буду жить да вѣку! И ящо выпіу и закусіу и лѣхъ спать. Царъ приказау яво, етыва мужика, ипять раздѣтъ и адѣтъ яво у шкудную адѣжу и палажить пьянава у тую жъ грязь, аткуда яво узали. Мужикъ етый спау нѣскальки урема, а Петръ падаслау служителей паделушать, што етытъ мужикъ будить гаваритъ. Мужикъ прашнууся и глазъ ни пралупить и кличить:— „Ангыль!“—А глазъ ни пралупить. Іонъ паѣтариу и у третій разъ кличить:—Ангыль!—Пралупіу глаза, пасматрѣтъ: ляжить іонъ у грязи. Іонъ тады и уздумау:— „Госпади, прасти ты мнѣ за ета, што я быу у царствіи, тамъ я саграшіу, за то мяне изъ царствія прагнау! но я яще водки пупрасіу, а булобъ съ мене и двухъ рѣмыкѣ, — я ужъ таперь атстауся на зямли.“

№ 28.

Петръ монастырь асматриваитъ, вялить жирному манаху у кузницы паработать.

Петръ прайзжау пу Масквѣ, зайшоу у кузницу; увидау кузница худова и спрашитъ у яго:— „Атчаго ты таеъ худѣ?“—Іонъ гаворитъ:— „Атъ трудоу.“—Петръ паѣхау у монастырь и

спрашійть у манаха. (пупаўся яму такей жирный манаху):
 „Атчаво ты такъ жйрень?“—Іонъ атвечаў:— „Ать трудоу прав-
 видныхъ: Богу малюсь.“—Іонъ яму и сказаў:— „Штоба бы
 ты къ такому-та кузняцу, на мѣсць, у малатабойцы!..“ И
 спрашійть у настятіля:— „Якей ета вымастырь?“—Атвечаў
 настятіль яму:— „Ета биззаботный“—Я жъ вамъ заботу ска-
 жу: штоба узнали, сколько на небесахъ звѣздъ счотымъ. и што
 я стѣю (Петръ на себя гаворить), и што я думаю.—Вотъ тебе
 срогу на динь мѣсць, а тада даўжонъ аявитца ка мнѣ и
 твѣтитъ: наказать. сколько щоту звѣздъ.—И уѣхаў. Етый на-
 стятіль захадіўся у голыви и думанть, якъ ета дѣла испра-
 вить. Нѣскальки время думаў, усихъ манаху спрашиваў,—ни
 магли ни адинъ етый щотъ прівзвестъ. Быў у яго адинъ ма-
 нахъ (настятіль яво съ маныстыря выслаў), и уздумаў іонъ
 пра яго, пра таго манаха, и ни хатѣў яво пазвать, какъ бы
 сярдитъ на яго,—ну пазваў:— „Вотъ, братъ, принимаю тебе у
 манастыр и будишь у мене старшій за ўсѣхъ манаху, только
 пасабн ету бяду.“—Іонъ гаворить яму, што „пажалуйтя мнѣ
 сваю адѣжу.“—Іонъ адѣўся у настятіливу адѣжу. Время ета
 прайшло, какъ назначинъ быў срокъ ать Петра Первыа. Явіўся
 къ самому Питру. Петръ у яго спрашійть:—Што жъ, братиць, са-
 щитаў ты на неби звѣзды?—Атвечайтъ:— „Сыщитаў.“—Многа ль
 жа?“— „Вотъ столько-то кадрилйону, —большой щотъ—паци-
 тайтя сами.“—Петръ атвечайтъ:— „Можить будить ня вѣрна.“—
 А кыды ня вѣрится,—извольтя павѣрить.—Етому іонъ щоту
 сагласинъ быў. Спрашійть Петръ:— „А што жъ я стѣю?“—А
 какъ нябесный Богъ Спаситель быў прададинъ за тридцать ся-
 ребреникыў, а вы ни зямные боги.—дакъ вы стоить у палавину—
 питнадцать сяребреникыў.—Ета Пятру панправилась. Усмаври-
 вайтъ етыа настятіля.—А што жъ я думаю?— „А вы ду-
 майтя, што я настятіль;—я манахъ.“—И ета царю панправилась.

Успомніў іонъ пра жирныга манаха и захатѣў павѣрить
 и паѣхаў; заѣхаў у тую кузню, каторава манаха атдаў у ма-
 малатабойцы и пасматрѣў на яво, што іонъ стаў худъ, и спра-
 сіў у яво:

— „Атчаво ты такъ худъ?“

Тадъ іонъ паў на калѣни:— „Праститя, царь!..“

Царь яму прастіў и сказаў яму:— „Вотъ труды!.. Богъ съ
 табою! иди у свае мѣста.“

Рыбакъ умѣсти съ царимъ асвабаждаютъ сына Петра I ать яго жонки, презлэй вѣдмы.

Какъ бы бѣдный рыбалоу, и была у яго шестира дятей; іонъ ни якими работами ни занимаѣся акрымя рыбы лавить. И быу у яго законъ: больши трехъ тонь у день ни закидывать: када за три разы што вытигнуть, то прадасть и етытъ кормить дятей. Тольки адинъ разъ на яго злучилася: три разы закинуу, ни водный рыбки нѣту, а хлѣба-то дома ни крошки: дятей карьмить нечимъ. Іонъ уздыхнуу тижало: — „Ну, што будь, а закину черизъ законъ чатвертый разъ.“ — Тольки у чатвертый разъ тянить изъ ряки кукшинъ мѣдный; етытъ кукшинъ закрыть, царькоуныю пичатьтю запичатыванъ, и наварьку кукшина крестъ выбить. Рыбалоу узяу и пидняу ету крышку съ хрестомъ: у етымъ кукшини нѣтути ничаво, тольки изъ яго пашоу гужиемъ дымокъ за узвалъ. Рыбалоу етій самъ съ сабою разсуждаить: — „Ну, хуть рыбки ни паймау, дыкъ етій кукшинъ прыдамъ: усе якей рупъ дадутъ.“ — Тольки зъ-за узвала, куды пашоу дымокъ, идеть аттуда къ рыбалоу чилавѣкъ агромный и гаворить на рыбалова: — „Я тебе, рыбалоу, убью.“ — Іонъ гаворить: — „За што ты мяне будишь бить, нявинныга чилавѣка, — за якоя дѣла?“ — А за то: зачимъ ты мяне бязсрошна выпустіу изъ кукшина? — „Якъ я тябе выпустіу бязсрошна, ни какому дѣлу?“ — А ни такому: я быу запертъ у кукшини на 200 лѣтъ.“ — Рыбалоу гаворить: — „Якъ ты магишь пумаститца у кукшини, етій хлябинница: я етому ня вѣрю, патаму што твоя нипрауда! — „Ну, када ты мнѣ ня вѣришь, то гляди, якъ я буду вонъ зъ-за тэй гары идить дымокъ у кукшинъ — ты видау, што изъ кукшина дымъ ишоу — ета быу я“. — Пашоу іонъ за гару, скинууся дымокъ и идеть у кукшинъ. Рыбалоу дяржить кукшинъ, а дымъ у яго убирантца, и думантъ рыбалоу: вазьму, какъ дымъ убярѣтца, закрыю кукшинъ: а то ни за што убьетъ. Тольки дымъ увубрауся у кукшинъ и гаворить: — „Ну, рыбалоу, ты гаваріу, што я ни убяруся, а таперъ сматри: я ўвесь увубрауся.“ — Рыбалоу сичасъ хляпъ крышку, ды й прпичатывау, што какъ було, гаворить: — „Ну, никаянный, сядѣу ты на 200 лѣтъ, а тяперъ я засадіу тябе на 300.“ —

О, не, рыбалоу! гаворить дымь:—за што настольки засади: нужна памилывать.— „А за што жь ты хатѣ убити мяне за нявиння. таеъ и я тебе?“—Дымь гаворить:— „Я жа зь разу сказау, ды ня убиу, а за што жа ты мяне ать разу хочишь засадить на стольки?—Нѣтъ, рыбалоу, ты мяне пусти: я тебе на вѣкъ писажу на хазайства.“—Ты мнѣ салгешъ, нипраўда, никьянний духъ!...— „Нѣтъ,“ гаворить:— „нашъ духъ варнѣй васъ: я праўду гварю,—тольки выпусти пажалуста.“—Ну, харашо сабѣ: выпущу, када спраудишь тольки мнѣ.—Атерну рыбасеъ кукшинокъ, изъ яго вышю дымокъ и пашоу за узваль. Патомъ идетъ къ яму члавѣкъ агромный и гаворить:— „Ну, вотъ, рыбалоу, ты мнѣ ня вѣриу, што я тебе пасажу хазайнымъ на вѣкъ!.. Вотъ я табѣ пакажу амшарину. игдѣ табѣ лавить рыбу,—привалакывай у тую амшарину сѣть сваю и лодку, такая-то и такая мѣста,—тамъ и лави рыбу:—будишь ты тамъ многа вытятивать рыбы,—ну, ты больши трехъ щучекъ ни бярн: што за ихъ запросишь, то табѣ и дадутъ.—Рыбалоу пашоу у тую амшарину, закинуу сѣть сваю и вытигнуу многа рыбы: тую рыбу назадъ пуупускау, а три щучки съ сабою узяу. Насетъ ионъ на горыду ету рыбу. стричанца зъ рыбаловымъ царскій поварь:— „Што, рыбалоу, прадаешъ рыбку?“—Прадаю.— „Што жь ты за няе просишь?“—По три чарвонца щучку.—Поварь яму 9 чарвонцу выкинуу, а щучки еты пазабрау.—Принесли ихъ на кухню, ионъ пригатувау ихъ, якъ нада, штоба палажить на плиту ихъ жарить. Тольки лажу на плиту етыхъ ионъ рыбкиеъ, сичасъ идуть три дѣвушки изъ кухни и спрашиють:— „Рыбки-сестры, вы тутъ?—Тутъ. атвичають рыбки.— „Пайдемъ зъ нами!“—Сичасъ брыкъ,—у кухни адна стина вонъ; еты рыбки сыскачили съ плиты, скинулись дѣвушками и пашли съ первыми скрозь стяну. Поварь етыхъ штукъ смотреть ды й гаворить:— „Купиу було гусударю рыбы згатовить, а талеръ нечига; Богъ знанть, што злучились!“—Сичасъ зачау пригадывать, какою ба кушанна сгатовать на рыбнымъ мѣсти, якоя ба паслажй. Гусударю пашли ета кушанна на рыбнымъ мѣсти: харашо! И гаворить:— „Ахъ, поварь, якъ ба ты и заўтри еткыя кушанна згатувау!..“ Поварь пашоу и на заўтрига пакупать рыбу. Етытъ рыбалоу ипять насетъ три щучки. Поварь гаворить:— „Прадаешъ рыбку?“—Прадаю.— „Што просишь за ихъ?“—

По три чарвонца.—Поваръ пять выкинуў яму девять чарвон-
цыў. Приносить ихъ на кухню, готовить такъ, штоба палажить
на плиту жарить. Тольки палажіў ихъ на плиту, апятъ идуть
три дѣвушки:— „Што, сестры-рыбки, вы тута?“—Тута.— „Пай-
дежъ зъ нами!“—Ипятъ брякъ: адна стина вонъ; рыбы съшну-
лись дѣвушками, узяли и пашли. А поваръ смотритъ ета дива
апятъ-жатки. Апятъ поваръ зачаў гатувать кушання на рыб-
нымъ мѣсти, каторыя паўкуснѣй, какъ ба и ўчира. Рыбалоў жа,
прадаўши ету рыбу, ипятъ атираўлянтца у амшарину рыбу ла-
вить. Падноситъ пятъ поваръ царю кушання на рыбнымъ мѣ-
сти сладкыя. Гусударъ апятъ спрашйтъ:— „Идѣ ты еткыя ку-
шання наўчіўся гатувать изъ рыбъ?“—(Іонъ знаў, што даваў
повару деньги на рыбу). Поваръ гаворитъ:— „Пазвольта ска-
зать, свѣтъ, вяликій гусударъ: я бяру рыбу у знакомага, бѣд-
нага рыбалова, и тольки вамъ, гусударъ, ни разу тэй рыбы
кушать ни дастаетца. Я рыбалоу за три рыбы выкидываю па-
стаянна девить чарвонцыў, но я самъ примышляю готовить
еткыя кушання на рыбнымъ мѣсти за свой капиталъ.“—А идѣ
жа ваша ета рыба диваитца?—гаворитъ гасударъ:—ты мнѣ
абъ етымъ ни талкуваў.—Онъ атвичаитъ:— „А придитя сами,
свѣтъ, вялнкій гусударъ: вы увидитя, идѣ ана диваитца.“—
Ну, гаворитъ гасударъ: иди къ тѣму рыбалоу, старгуй у яго
три рыбки и, деньги ни платѣмши, привяди яго суда зъ рыб-
кью. Поваръ пашоў на рынкъ и устрѣў тога рыбалова съ
трима рыбками:— „Што, рыбалоў, прадаешъ рыбку?“—Да, ка-
нешня, ни пакупаю: вы сами знаитя пра маю нужду!— „Ну“,
гаворитъ поваръ:— „няси за мною рыбку на кухню, тамъ тябѣ
заплотють, а при мнѣ тутъ деньги нѣту.“—Приведши яго на
кухню, узяў у яго рыбку и давай абчищивать. Прибраў яе такъ,
якъ ставитъ на плиту. Сичасъ пашоў и далажіў царю:— „Свѣтъ,
вяликій гусударъ, падитя, пасматритя, якъ я вамъ рыбу га-
тую!“—Пришедши на кухню, царъ гаворитъ:— „Рыбалоў, ты
мнѣ рыбку прадаешъ, а я яе не кушаю.“—Рыбалоў еткы саў-
симъ ета дѣла ни знаитъ ничаво и гаворитъ:— „Свѣтъ, вялнкій
гусударъ! Я яе прадаю и ни знаю, идѣ жъ вы яе диваитя?“—
Гусударъ гаворитъ:— „Ну, рыбалоў, я самъ ни знаю, идѣ ина
диваитца, а таперь пыглядимъ умѣсти, идѣ она диваитца.—
Поваръ сичасъ наставіў ету рыбу при ихъ на плиту. Сичасъ
идуть три дѣвушки:— „Рыбы-сестрицы, вы тутъ?“—Туть.—

„Пайдемъ зъ нами.“ — Брыкъ! стина адна вонъ вывалилась, три рыбки скинулись дѣвущками и пашли съ первыми. (Яны три разы выхадили съ кухни, и стина три разы вываливалась и изнова становилысь на сваё мѣста). Гусударь спрашнить у рыбалова: — „Вотъ, рыбалоу, самъ видишь, идѣ ана дивайтца!“ — Рыбалоу гаворить: — „Свѣтъ, вяликій гусударь! Я самъ ни знаю, нычаму ета усё дѣлайтца.“ — Расскажи, рыбалоу, гаворить гусударь: — идѣ ета ты ловишь ету рыбу? — „Вотъ, вяликій гусударь, лаѣлю я ў такомъ-то мѣсти, ў такой-та амшарини.“ — Скажи ты мнѣ, хто табѣ тую амшарину показаў? — (У тѣй амшарини изъ вѣку правалиўся горыдъ Питра I). Рыбалоу разсказаў, якъ ета и што було. — „Ну,“ гаворить царь: — вотъ табѣ за рыбу три чарвонцы, и заўтри паизжай съ сѣтъю у тую амшарину, якъ можна ранній, и затяни сѣтъ, — только ни вытягывай, пакеля пріѣду я.“ — Рыбалоу такъ и здѣлаў: закинуў сѣтъ у амшарини и стаў даждидать царя. Гусударь на заўтрига ранинька ўстаў, узяў сваю вострую мечъ и пашоў къ рыбалову. Стаў іонъ искать рыбалова и ни найдеть и біўся цѣлый день, искаў рыбалова и ни нашоў, а заблудиўся у тѣй амшарини. Прабыў да тёмныга, ужу запалили агни. Аднака жъ іонъ замѣтиў пасяряди амшарини аганежъ и дай къ етому аганьку ближи падайдить. Приходить къ етому аганьку — стаить домъ агромнійшій, царскія палаты. Уходитъ іонъ у палаты, тамъ нѣтъ никаво, только сядить Питра Первага сынъ: палавину ламарнага камня, а палавину чилавѣка. Гусударь увайшоў и скланивайтца яму, а іонъ только галавою кіўнуў. Гусударь гаворить: — „Язъ такъ можна: я табѣ такъ низка кланіюсь. а ты мнѣ ня можишь пакланитца?“ — Питра Первага сынъ атвичаить: — „Эка, вяликій гусударь, разви вы ня видитя, якъ я суродувант: палавину ламырынга камня, а палавину чилавѣка?“ — Гусударь и спрашнить: — „Хто ета тибѣ такъ асуродуваў, што ты страдаишь?“ — Свѣтъ, вяликій гусударь! Мыя жина мяне такъ асуродывала: ана угаждаить нивьянныму духу, ана зъ имъ знайтца. Када хатитя пасматрѣть, якъ ана нада мною зругайтца, то извольта схаранитца за шкахъ и сматрѣть аттуда: ина мнѣ важныя сутки па 100 лозаноў даеть и, какъ 100 лозаноў увалить, то на мнѣ субонную рубашку пиридиваить; а корьмить — пасматри чимъ: аднєю валоўю жылий. — Царь спрашнить: — „А идѣ ана талеръ?“ — А ина вяликия валшебница и талеръ идѣ-

то литаить на русьбаму царству и скоро даўжна прилять. — Царь узяў и за шкахъ спрытаўся, штоба пасматрѣть, што ана надь имъ будить дѣлать. Сичасъ ана прилятьла съ палету, сичасъ яму 100 лозаноў увалила и суконную рубаху пириманила и дала яму ў ротъ валоўю жилу жвать. Царь сматрѣў зъ-за шкахва, якъ ана яго наказывала. Патомъ ана падашла къ сундуку, идѣ лижаў никаянный духъ, яе узлюбленный, и начала яго упрашивать. (Ана яго чимъ-то разгнѣвала). Патомъ ана улятьла. Царь вышй зъ-за шкахва и гаворить на сына Петра I: — „Какъ ба тебе спасти атсюда, и штоба здѣлать горыдъ горыдымъ, а чилавѣка чилавѣкымъ?“ — (Вѣдьма, ў угодность узлюбленному, абаратила людей у рыбу и горыдъ у возира). Петра I сынъ гаворить: — „Вотъ, вазьми и пирируби никаяннага духа сваею вострыю меччу крестъ на крестъ, ни больши, — схувайта яго падъ мостъ, а сами ляжыта у сундукъ: када ана апять прилятитъ, — мнѣ 100 лозаноў увалить, суконную рубаху пирядѣнить, то, думаўши, што ў сундукѣ никаянный духъ, то станитъ упрашивать васъ... Царь никаяннага духа хрестъ на хрестъ пираеькъ, а йонъ закричаў: — „Прибаў, вяликій гусударь, ящо разъ!“ — А царь гаворить: — „Будить съ тебе и етыга!“ — Яго съ сундука выкинуў, падъ мостъ схуваў, а самъ у сундукъ легъ. Вѣдьма прилятьла съ палету, даеъ у хрибетъ мужу сто лозаноў, пиримняитъ суконную рубашку, даеъ у ротъ валивую жилу, а сама идеть къ сундуку упрашивать никаяннага духа, ни зная, што йонъ спатрябленъ, и гаворить: — „Што ты на мяне сердисься, што ты мнѣ ни атвичаишь, сколько ўвремя я тебе спрашйю?“ — Царь гаворить: — „Што жа буду табѣ атвичать: какою я изъ тебе вижу давольствйя?“ — Какъ какою? Я усе, што ты мнѣ приказыишь, я ўсе выпалняю. — Царь гаворить: — „На што ты свайго мужа сдѣлала палавину ламырнага камня, а палавину чилавѣка? — Ета намъ ни падъ нужду. — И горыдъ ты здѣлала возирымъ, а людей рыбами? А вотъ ты мнѣ здѣлай удавольствйя: мужа свайго — якъ быў йонъ 35 лѣтъ, такъ и здѣлай такимъ жа, — горыдъ, якъ быў йонъ горыдымъ, такъ и здѣлай горыдымъ, людей сдѣлай людми!.. Пайдетъ тады на нашиму горыду таргоўля: вотъ ета и будить мнѣ удавольствйя, — а то сядимъ мы тутъ, якъ у вастроги, и свѣту ня видимъ.“ — Ана думала, што ета гаворить зъ ею никаянный, сичасъ и гаворить: — Я сама знаю, што

мы таперъ живемъ у ни удовольствіи, ну, я дѣлала, якъ ты мнѣ приказываю. — Сичасъ зъ раднстю набѣгла усе прирѣблывать. Падѣлала, якъ ей царь гаваріу, прирѣбгла къ нисланныму духу и гаворить:— „Ну, усѣ падѣлала, якъ ты мнѣ приказываю: выйди, пагляди!“—Царь гаворить:— „Ну, ти вѣрна ж ты здѣлала?“—Вѣрна.—Царь гаворить:— „Ну, бари мяне залѣвую руку: я залежился и ни устану!“ Ана узила яго залѣвую руку, а іонъ яе якъ сикануу меччу, такъ галава и пакачлася. Патомъ сынъ Питра I абнялись съ царѣмъ и пападувались. Сынъ Питра I гаворить:— „Ну, таперъ руби яе на мелкія кусочки: благодарю, што избавіу мяне.“—Такъ яны узали и пурубили яе зъ нисланнымъ духымъ на мелкія кусочки, вывизли яе на поля, кастеръ дроу злажили и ихъ спалили; попилъ размяли и на мыря на вѣтру пустили,—кто таго смуроду набрауся, на вѣкъ видьмакомъ астауся. Сами пашли па етыхъ палатахъ расказивать и усѣ разглядывать, усѣ ли такъ стала, якъ прежди. Тольки идуть у ва залъ у свой и видють: сядить у залп рыбалоу, што царю прадавау рыбу, и сядить іонъ, абтянуушнись сѣтъю кыла стѣнь. Сынъ Питра I спрашнть у царя:— „Свѣтъ вяликій гусударь, хто жа ета?“—Маучи, братъ, етнй тябе атсель и вывіу. — Ну, собирай, рыбалоу, сѣти, пайдемъ атсель изъ залы! Благодарю тябе, што ты ўказау мнѣ ету мястину: мы тутъ спасли горыдъ, царя и народъ, запаланѣтня нисланнымъ духымъ. Стали яны тады пнть да гулять, да дабро наживать. Рыбалова паставили первый гильдн купцомъ: днтямъ яго на вѣкъ палажили жалаваннн. Пасѣіу мужикъ аўса, а басня мая ўся.

№ 30.

Ирусалимскій патріярхъ и яўрейскій дохтарь при султани сунтятца абъ тымъ, иная вѣра луччи: ти магамитанская, ти яўрейская, ти хрнстіянская.

Въ слаўнымъ Ирусалими быу у турецкыва султана яўрей дохтарь, и захатѣлся етому яўрею, штоба не была пруву-слаўный вѣры въ Русалими, и начау турка угаваривать, штобы яны приняли или вѣру яўрейскую, или турецкую магаметскую. Дакъ туракъ и сказау яўрею:— „Я баюся старца; етытъ ста-

риць патріархъ. — Призваў іонъ патріарха етыга и сказаў яму: — „Прими ты вѣру или яўрейскую правослаўную, или турецкую магаметанскую!..“ Патріархъ сказаў: — „Я вашій вѣры не хую и сваей не хвалю, а іость наша прувуслаўная вѣра.“ — Царь замаўчаў, а яўрей дохтырь падбѣжаў, (а ў ихныхъ книгахъ іость — смертная выпить — и здраў будишь), дасть на шасть дней сроку: — „а на сядьмой явится са ўсѣми манахами на турецкій замыкъ, и ли тебе састаўлю за шасть дней стаканъ мѣду.“ — Приходить патріархъ су сваей братіей, гаворить имъ: — „сагласны вы са мною памяреть: мнѣ выпить смертний стаканъ, а васъ будутъ казнить, када вы ня будитя сагласны у яўрейскую или у турецкую вѣру.“ — Сагласилися: рады пумяреть усѣ, а на етымъ мы ни сагласны. — Вотъ и гаворить патріархъ: — „дакъ будыта гатовы: шесть дней гавѣята, спавѣдуйтисъ, причыщайтисъ!“ — Ане выпылнили ета. Патріархъ рабѣў. Стаў на вутрени; яму явилась Божія Матирь и сказала яму: — „Ня бойся, старча: я табѣ ў помычь.“ — Тады іонъ сдрагнѣў и пувисялѣў. На сядьмой день су усей сваею братією пашоў у турецкій замыкъ. Турки пригутавали разныхъ мученііў: пики и кинжалы. Манахи атеталися на дварѣ, а патріархъ прями у присутственный турецкій домъ пришоў: стаить стаканъ на стагѣ пригутавадннй съ ядымъ, яво турецкая присутствія сядить у атдаленности, и усѣ роты пазакрымши, штобъ воздуху етыга ни набратца. Патріархъ три раза агрузилъ хрястомъ и на три стороны пакланіўся, и свалилась ета пѣра са стакана далоў, еоторая была верхъ стакана: спиртъ и выпіў, и павзаўся яму етый злой сугаў луччій за сладкыга меду, и астанавилася турецкая присутствія, усматрїить, скоро ли іонъ упадеть. — Іонъ патребуваў вады принясти. Принясли яму вады. Царь думаў, што яму сдѣлалась дурна. Патріархъ узяў, налиў вады у стаканъ и сказаў турецкому салтану: — „вы нашу вѣру хулили прувуслаўную: выпіў я увесь язвительный стаканъ; — прикажитя вы яўрею хуть вадичы замѣсть етыга стакана выпить.“ — Яўрей ни хатїть зъ етыга стакана вады пить. У турецкимъ присутствїи принудили выпить вады; выпіў вады яўрей, — нямедленна пубижаў у сваю хватеру, аттварїў двери, на пароги упаў. Турецкій султанъ сядить долгяя время, ажидаить яўрея дохтыря, што завѣў дѣла; манахи тожа ажидають ти суда, ти смерти. Пасылаить винирала за етымъ яўреимъ: — „пади, штобы

іонъ сичасъ бы!..“ Виниралъ пашоу, приходить еъ двирамъ.—
двери растворены, и іонъ ляжить — трябухъ лопнуу. Тада и
гаворить царю:— „Бадай етыга жидюгу парвала яго усё луння!..“
Тада царь срабѣу и думау, што яму нужна пупрасить у па-
тріярха извиненія:— „Што ты ать мне хатишь за ету вину:
ти золыта, ти серибра, ай, ти дарагота камення?“ — Ничаво ни
нада: у нашега Бога усяго многа...— „Падумай!..“ — Вотъ што,
царь, штобъ вашимъ судомъ ни судить нашихъ прувуслаўныхъ
(у ихъ голыву дадой).—Толька и выгрыу ета.

СКАЗКИ.

№ 1.

Ильля Мурамецъ.

Ильля Мурамецъ ляды пряталь и ў моря дубы брасаль. Гасподь яму сказаў: разсѣкай ляды!

№ 2.

Якъ Ильля Мурамецъ пубядіу Салаўя разбойника, Абжору, Алькадима.

Жіў пудъ Брянскымъ мужичекъ, и тольки радіўся у няво сынъ, крестили яво Ильлею. Росъ Ильля тридцать лѣтъ, нидвижимъ быў ни руками, ни нагами. Тольки атець яво сабраў талаку разсикать ляда, дубы—готовіў іонъ ибѣдъ въ талакѣ; матъ пашла у чужей дворъ сабирать талаку, несть абѣдать. Заходить въ Ильлѣ у хату старичекъ.

— Здрастуйтя вамъ!

Ильля атвичаить:

— „Здрастуйтя, дѣдушка..!“

— Дай мнѣ, галубчикъ, напитокца! нѣтъ ли чаво у васъ?—

— „Дѣдушка, я нидвижимъ ни руками, ни нагами. Іостъ жа у насъ квасоеъ напитокъ харошій.“—

— Абапрись руками: можить бытъ, прайдешъ.—

— „Нѣ, дѣдушка! тридцать лѣтъ ужъ я сижу.“—

— Можить, ты устанишь! Абапрись, абапрись руками!—

Абперся Ильля руками и нагами и падаеть яму квасу кружку:

— Пей, дѣдушка!—

— „Папей ты, галубчикъ, самъ, Ильля!“—

Іонъ вышіў кружку квасу етыва.

Спрашіить старичокъ у в'Альлѣ:

— Яеъ ты гяперъ чуѣствуишь, Ильля Мурамецъ, у сибѣ силу?

— „Госпади, еслибы Гасподь утвардіў стоубъ у небу и землю, тобъ я мохъ матъ сыру землю пувярнуть уверьхъ нагами..!“

— Парни, Илья, яшо кvasу кружку!—

Іонъ падаеть дѣдушки. Дѣдушка узаяу:

— „На, пей палавину кружички!“—

Илья пашіу палавину кружки.

— Баяь ты чувствуишь, Илья, силу?—

— „Госпади, палавину силы атбуло.“—

Ни стала старика въ изби. Приходитъ мать Ильи съ дярёни и абрадавалася, што сынъ ходить, и спужалася:

— „Сыночкыъ ты мой, хто тибѣ сздаѹ ноги и руки?“—

— Маминька, сздаѹ мнѣ Гаспотъ усѣ.—

Потѣмъ и гаворить:

— Ну, мать мая. я абѣдать самъ панясу сваймъ рабочимъ къ атцу.—

Абчашіу ушаты вярёукам:

— „Лей варива ета въ ушаты!“—

Налили варива. Падчашіу іонъ заборину падъ еты ушаты и узаяу бачонкыкъ пять ведиръ вотеп, пять хлѣбыѹ,—узаяу усѣ съ сабою, приносить на дубы, на ляда, къ имъ. паставіу за кустами шалашокъ, варива и вотку, и пашоѹ къ сваймъ туды, идѣ сягуть, разчищаютъ ляда.

— „Бохъ помачъ вамъ, атець!“—

Уси кльгнули:

— „Благодаримъ паворна, Илья!“—

— Ну, пайдемтя: я принесъ вамъ абѣдать, кушать и вотчечы.—

Приходятъ къ шалашу, стали вотку пить, стали завусывать.

— Ъсьтя, добрыя люди, и лажитись атдыхать.—Пабѣдали и лягли атдыхать. Іонъ пашоѹ на работу: двадцать пять дясинъ за два часа вырваѹ дубоѹ, паѹкладаѹ усѣ ѹ Дясну, да пазнасіѹ дубы. Приходитъ къ имъ ребятамъ:

— „Ну, уставайтя, атець!“

Паатдыхнули, ѹстали яны. Илья и гаворить:

— „Ну, атець, будить съ тебе етыва, што наработана.“

Глянули: чистая поля здѣлана. Пашли дамоѹ. Ради атець-мать. што сынъ ходить. Тада сынъ посылаить атца къ сасѣду. Дижала кобыла тридцать лѣтъ нагами нидвижима.

— „Купи ты ету кабыленку, батюшка!“

— На што ина табѣ, сынокъ?

А Илья зачашіу:

— Куши да и куши!

Пашоу батька къ сасѣлу:

— Здрастуйтя вамъ!

— „Здрастуйтя!“

— Што, братъ, жива ли твоя кабыла?

— „Я хатѣ ужу убить яе даубнѣю!“

— Прадай ты миѣ яе!

— „На што ина тябѣ, калѣка, спанаравились?“

— На миѣ ина спанаравилась, а майму сыну Ильюхи.

— „Ну давай пятерку!“

Смѣхымъ сказау. Вынимають ионъ аму пятерку денныхъ и отдають ему на руки. Тада приходитъ дамоу:

— „Ну, сынонь, купиу кабылу?“

— Купиу? Я самъ за ею пайду.

Приходитъ на домъ тѣй, идѣ кабыла. Сичасъ кругомъ яе абийшоу:

— „Польна, кабылица, лижать—надо у бѣлымъ свѣтъ бнжать!“

Кабылица сыкачила, зарзала; ионъ яе авуздау, приводитъ дамой:

— Атець, вы сказывали: кабыленка калѣка;—а вотъ ина, ина устала; я устау, и ина устала... Иди, кабылица, гулять у чиста поля, атрауляйся!... Тада ионъ пашоу, справиу сабѣ луку и стрялу, справиу сабѣ багатырскыя сядло и привеу кабылицу съ поля, асидлау яе, садиуся на яе, брау сабѣ у руки стрялу, луку, падъизжау къ сванмъ радитилимъ, хадіу у хату, малиуся Богу и сказау:

— „Пращайтя, мае радитили: атець и мать!...“

— А куда жѣ ты, сынонь, дитя наша?

— „О я, атець и мать, вамъ ни кармилица! блгословитя мине у бѣлымъ свѣтъ фхать—и пращантя!...“

Слышау ионъ на вописяхъ, Ильля Мурамъ, што іостъ на Бривымъ лѣсу Салавей разбойникъ, — нѣту пропуску тамъ ни пашкомъ, ни на лашади,—нихто ни прахадіу мима лво близъ двинацать версть: свистымъ убивау Салавей,—за тымъ туды и пропуску ни было, ни ходу: боялись Салаѣя. Хатѣлась Ильлѣ Мураму атвѣдать Сылаѣя, што за Салавей. Падъизжау къ Бривому лѣсу и спрашитъ, идѣ Салавей-разбойникъ живеть. Слышна, што у етымъ лѣсу живеть,—тольки нѣту ни ходу, ни

ѣзду: убивають. И паѣхаў Ильля Мурамень ни путями, ни дарогами, а ѣхаў іонъ прѣма на яво, на Салаўя-разбойника. Разбойникъ слышитъ: упратіўннѣъ ѣдитъ къ яму, и ударіў громкій свистъ, штобъ яво убить. Только яво лошадь дриганулась падъ имъ ать свисту. Падъизжають близка. Видитъ Салавей-разбойникъ, што ѣдитъ супратіўникъ близка, ударіў свистѣтъ ящо паграмчѣй: лошадь Ильли пала падъ имъ на калѣнки. Іонъ падхватіў лошадь:

— „Ни рабѣй! Ни такъ ты свистишь, Салавей разбойникъ!...“ Сичасъ стряльнуў, наведши лубъ, яво у глазъ ударіў, ссадіў яго съ гнѣзда на 12 дубоў, — и сваліўся Салавей разбойникъ. Привизаў яго къ садлу живого, и паѣхаў іонъ у царскій домъ, къ царю.

У каралеўскымъ доми багатырей сборища.

Ѣдитъ іонъ. Глядятъ багатыри съ окна и удіўляютьца, какой багатырь ѣдитъ, Салаўя разбойника вѣзетъ.

— Уси багатыри, мы собраны, а хто жъ іостъ ящо багатырь па описи, какой багатырь пубядіў Ильлю Мурамца?

А сильный багатырь магучій гаворить у чуланчику:

— Што вы забыли пра Ильлю? Іонъ даўно ужъ нарадіўся, а ни чудіў ящо нейдѣ.

Близъ падъизжають варотамъ—навѣли багатыри досеки чугуныя, вверьху падняли: када плахой къ имъ падъѣдитъ—даска раздавить яму голову. Вѣзжаў Ильля у варота, и даска ударила яво па шляпи; на имъ шляпа чугунная—урида яму, галавѣ, ни дала. Ильля злѣзъ съ лошади, пустіў сваю кабылицу, и яво кабылица усихъ лашадей атагнала ать борну. Уходитъ Ильля у домъ. Багатыри гаворють:

— Ебай навѣжа идетъ: твая лошадь усихъ лашадей паатагнала!

— „Здрастуйта жъ вамъ усимъ! нечива ссоритца! падвиньтисьба, дайтѣ мястечка!“

— Да, скажи пупраўди, хто ты такой преѣхаль: ты Мурамъ?

— „Станемъ зюбать, только дайтѣ мястечка!... Чимъ хочишь, называють“...

— Идѣ стайишь, тамъ и сядь!...

— „Вотъ, ребяты, я іостъ Ильля Мурамъ! я ни хачу садитца, идѣ стою—а падвиньтись, гаспада!“—Якъ падвинуў—

стина выскачила вонъ: каторыхъ пазадавіў, каторыя павы-
катились.

Абжора багатырь сядѣ асаблива; іонъ три вола зьыдаў адінь,
пять вушатыхъ пива выпиваў. Гаворить Абжора:

— Ильля Мурамъ, падайди ка мнѣ, пубратаймся, пур-
каймся!

Ильля падходить къ яму, у чуланчикъ. ня быў яму пакло-
нинъ, багатырю таму, называў яго Абжораю.

— „Абжора, што ты сядишь тутъ?“

— Што такова ета, Ильля Мурамъ, я упративняъ табі?
давай пубратаймся!

Ильля падаеъ яму руку; Абжора схватаў яво за руку ру-
катца. Ни ўзлюбіў Ильля, што іонъ тиснить дужа,—скинуў
сваю шляпу зъ галавы лѣвою рукою, ударіў Абжору: прака-
тіўся Абжора скрозь стѣну. Далажили караю, што Ильля Му-
рамъ пріѣхаў, пабядіў багатырѣў, сильнага магучига багатыря
шляпню убіў. Кароль паслаў къ Ильлѣ людей, штобъ Ильля
пряма па чести пришоў къ караю, на лицо. И узяў іонъ ат-
визаў ать сидла Салаўя-разбойника, засадіў яво за пазуху; ну,
приходить у каралеўській домъ, здрастуйтца съ каралемъ:

— „Здрастуй, бароль и каралеўна!..“

— „Здрастий, Ильля Мурамъ. Куды ты пріизжаў у мой
домъ, якимъ путемъ ѣхаў на Кривой лѣсь, ка мнѣ? — Якл.
тибе прапустиў Салавей разбойникъ?“

— „А што, вамъ хочитца разви Салаўя пувидать? Я мима
яво ѣхаў, пубядіў яво, ищи глазъ выбіў. Дакъ во іонъ!..“

— Прикажи яму, Ильля Мурамъ, свиснуть, якъ іонъ сви-
ститъ!..

— „Нѣтъ, вы ни утраваитя ать яво свисту! Дайтя мнѣ
вы, бароль и каралеўна, свае голывы падъ пахи: а то плоха
вамъ будить!“

Узяў голывы караля и каралевы падъ пахи и приказаў
Салаўю самымъ малымъ свистомъ сыйграть. Салавей якъ сви-
снуў, паталобъ ать свисту разламиўся и крыша звалцлась.
Тада Ильля Мурамъ аспрчаў на яво, узяў шаблю, пурубіў Са-
лаўя на мелкія штуки. Тада узяў крошичку парубемши и ду-
нетъ на крошичку—салавейкый та крошичка и палятить, са-
лаўемъ, а важный салавейка съ крошичку, а, якъ чокнитъ.
аглушаить — и пустиў ихъ усеихъ у свѣтъ. Тада атправіўся

Ильля Мурамъ караля искалъ сабѣ супратіўника. Паѣхаў у Кііў, у ту сторону, идѣ, па слыхамъ, живеть Алькадимъ багатырь Низрацій, сильный, магучій. Ильля искаў яго па лѣсу: іонъ, Алькадимъ, зіў у ясу. Алькадиму снилась всё нѣшта, што ать Ильли іонъ памреть. Тольки наніў іонъ загади сабѣ гробъ дѣлатъ. Ильля ѣдить по лѣсу, слышитъ бальшей стугать, при-изжають: дѣлають гробъ робяты.

— „Богъ помачъ, робяты!..“

— Благодаримъ пакорна, добрый чплавѣкъ!..

— „На каво дѣлають дамавину?“

— На багатыря Алькадима.

— „Но вотъ жа я самъ яво ищу, идѣ іонъ находитца, на якимъ путю“.

— „Што жъ вы такъ зажива гробъ дѣлають няўмерт-вуму?“

— Яму у ва сняхъ сказана ать Ильли Мурамца пуми-рать—тавъ іонъ загади и заказаў.

— „Дѣлайте жъ паскарѣй, гаспада: самъ я Ильля Мура-мецъ, ѣду къ яму у гости.“

— Паизжайте етый трапой: пряма къ яму у гости и преѣдьте!

Домъ агромный запертъ накрѣпка завалами: нильзя къ яму падыйтитъ. Ильля, ни на шта ни ўпываўши, пачаў двери раз-бивать, выспѣткимъ разламаў семира дварей.

— „Здрастуй, багатырь Алькадимъ!..“

— Здрастуй!.. Кто ты такой іось?

— „Ильля Мурамъ.“

— А Ильля Мурамъ!.. Хади парукаимся!

Падаваў Ильля Мурамъ правую руку. Пажаў Алькадимъ крѣпка. Ильля Мурамъ ни ўзлюбилъ: браў лѣвѣй рукой сваю шляпу и біў багатыря Алькадима—придаў яво смерти. Аль-кадимъ воньчїў жпсть, а Ильля паѣхнў у смерть искалъ Бохъ знаить чаво.

№ 3.

Богатырь Димьянъ Ельнинскаго уѣзда Канописькой волости.

За Ельнею, въ Канописькой волости, мужики служили бо-гатырю Димьяну. Іонъ лубья драў, мацалы маціў. Разъ Димь-

янь валакеть лубья на тотъ бокъ ряки; идуть салдаты:— „Ти пувалакешъ ты насъ?“— Іонъ пувалокъ ихъ, пувалокъ и лубья.— „Што табе за ета?—спрашнть царь.—А што аббягу за дннь, та зимля мая.—Што за день аббѣгъ Димьянь, то и стала яго замлей, стала зимля та называтца Дѣменьщина, Канопльскій Приказъ.

№ 4.

Дема, быгатырь Спаса-Деминскага приходу.

У Спаса-Деминскымъ приходи были бальшея лясн. и жиў тамъ Дема. Пашоў іонъ лубья драть, штобъ накрыть гумно. Надраў іонъ длиннага лубья, што теризъ крышу хватала, валокъ іонъ яго на сабѣ. Даганяить памѣщикъ шестириккомъ Дѣму, на кучира гаворить:

— „Узганяй на лубки!..“

Узагналь. Дѣма валакеть шистярикъ лашадей и лубки. Тады баринъ гаворить на кучира:

— „Зварачивай дадой!..“

Кучиръ зваратіў, да и пѣпличъ яво заѣхаў.

— „Здрастуй, мужичекъ!“

— „Здрастуй, баринъ!“

— „Куды ты лубья валакешъ?“

— „Накрыть гумно, баринъ!“

— „Яно жъ длинна.“

— „Я хачу, штобъ тиризы усе гумно хватила.“

— „Чимъ тебе завуть?“

— Дѣмью.

— „Якой дяреўни?“

(Такей-та).

— „Якога пана?“

(Такога-та).

Паѣхаў баринъ. Аписаў потѣмъ царю, што іосьть у такова-та памѣщика мужикъ Дема, сильный магучій багатырь.

— „Самъ я узнаў, што іонъ силянъ дужа: на плячи несь десить лубкоў аршинъ на тридцать и шистярикъ мой везъ лашадей съ акипажимъ.“

Патребуваў гасударъ яво, жива, къ сабѣ. Даставили Дѣму къ царю. Явіўся къ царю. Царь спрашиваить у яво:

— „Будишь-ли жить у мене? Ты, Дема, живи у мене, будь ты мнѣ защитникомъ нащотъ войски!“

Іонъ астаўся у царя. Радъ старатца Дема, но живетъ у асобенный комнаты, мала харчу патребляють Дема—скучають Дема. Гасударь вялить наслушать, ти ня думають іонъ абъ чомъ. Падъ двярьми слушали пасланники. Слушаютъ, а Дема разгаваривають самъ собѣ:

— Если бѣ Дема да быў ба дома, дакъ яво бѣ картошки надвили бѣ, и харашо бѣ была!..

Разъ паслушали гаворки яво, царю далажили, и два паслушали, ужъ и три раза слыхали яво рѣчь—адна гаворка.

Дакладають царю, што Дема гаворить. Три раза паслухывали падъ двярьми падъ комнатами, што гаворить усе адно:

— „Быў ба дома, да падъ авиннымъ, да фў ба картошки!..“
Требуйть Дѣму на лицо къ сабѣ.

— „Ну, Дема, абъ чомъ ты скучаешь?“

— Ваша амператарства, быў ба я дома, да пегъ ба картошки у надавини—была бѣ харашо!..

— „Ну што жѣ, ты дамой хатишь, Дема?“

— Хачу, ваша амператарства.

— „Што жѣ, ты мяне паслушайшь на помачъ, если у мене няустойка будить?“

— Паслушаю усигда васъ.

— „Што жѣ табѣ палажить за ета?“

— Пажалуйтя мнѣ землю и лѣсъ: свая будить у мене зимля и лѣсъ.

— „Вотъ какъ я тебе пажалую: сколько абайдѣшь за динь казенную пушу, то и тваѣ.“

— Многа доволенъ етымъ.

Атправіўся Дема дамой, дали яму расписанія: Пакель Дема зачуруить, абайдеть, патѣль яво владѣнія. За имъ были слядитили, царскіи давѣренни. Абхадя, іонъ выдѣргиваў древы съ карянемъ, ламаў макушки и убиваў на сладахъ сваихъ. Абайшоў іонъ Деминьщину, Спась-Деменскій приходъ и зачуруваў: вырваў древа съ карянемъ и паставіў яго вверху карянемъ.

№ 5.

Абъ рыбки-билакрылки и трехъ багатыряхъ: царицынымъ, нароуимъ и служебкинымъ сынаўяхъ. Якъ багатыри Салаўя-разбойника пубядили и яго сямейства.

Въ нѣкаторымъ царствѣ, въ нѣкаторымъ гасударствѣ, а ня имина ў томъ, въ каторымъ мы живемъ, жила-была царица. И пахатѣлася ей радить. Скольки ина на дидахъ, на бабкахъ ни хадила, нѣтъ ей пользы ни ў чомъ; саснѣся ей сонъ: — „Ты паймай рыбку-билакрылку и сжарь, то родишь сабѣ сына!..“ Ина на заўтрига вялѣла паймать рыбку-билакрылку и сжарить. — Слуги паймали рыбку-билакрылку и атдали служебки сжарить. Ина, сжарѣши, карови атдала намыйки, а сама свѣла крылушка, а царицы атдала усю зѣбеть, и забременили яны усї три: царица, служебка и карова; на сыну радили. Вотъ яны ростъ, да ростъ, ни на часахъ, а на минутахъ. Скора то сяззка кажитца, да ня скоро дѣлаитца. И выросли яны большей, и прасили яны у матери сваей благославитца: — „Ахъ, матушки, вы, наши, багаславия вы насъ у чужея царства идить паваюватца!..“ А имъ жалка було растрятца са свайми сынами, жалка ихъ была атпустить. — „Нѣтъ, матушки, багаславия!..“ Язъ ни жалка було имъ сынавей свайхъ атпустить у чужея царства пувуюватца, яны ихъ багаславили. Яны и пашли на дароги, а съ сабою узали каня, хортъ и сокала. Ишли яны день и другей, а на третій пришли ў лѣсъ; тамъ стыять трехътатажняя харомы. И зайшли яны ў тѣ харомы, пить, да гулять цѣлый день, а яны щитались родныя братья: царскій сынъ большій братъ, служебкинъ сынъ сяредній братъ, а каровинъ сынъ меншій братъ. — День праходить, и ночь праходить: нада меншиму брату идить на службу... Узяў каня, хорта и сокыла, и пашоў, сѣў падъ мость. Ъдить Чуда-Юда на трехъ галавахъ: конь зарзаў, хортъ завяў, а сокыль зазьяў. Вотъ Чуда-Юда и гаворить: — „Ты, лападинныя мяса, чаво ты зарзаў? — А ты, песья мяса, чаво завяў? — А ты, истрябинныя мяса, чаво зазьяў? — Ну, я ў етымъ царствѣ ниеога ни баюсь, толька баюсь аднаго кароуига сына, а яго сюда ворынъ кастей ни занасеть.“ — Ня ворынъ кости заносить, самъ добрый моладыць заходить! — А Чуда-Юда гаворить: — „А, ты тутъ?“ — А каровій сынъ гаво-

рять: — „Тутъ!“ — А Чуда-Юда гаворить: — „Када ты тутъ, то давай поля чинить!..“ Вотъ яны чинили, чинили: каровій сынъ падкачѣтца гарохывымъ зярномъ, якъ ударить булатнымъ нажомъ, — три галавы зняў. Тады на галавахъ па записычел напсаў и ў свае царства кинуў ў варата: — „Ахъ, матушка мыл, служитя малебны, какъ ваши дѣти ваюютца!..“ И матерп служили малебны абъ сванхъ дитяхъ. А братья кароўнга сына етыга ни знають; какъ меншій братъ ваюютца, яны пьютъ, да гуляють. День праходить, ночь приходить: нада сяредниму брату убиратца на службу; а братья ета ничаво ни знають, пьютъ, да гуляють; а меншій братъ и гаворить: — „Ахъ, рибяты, дѣвица пей да гуляй, а дѣльца помни: пара катораму нибудь на службу убиратца!“ — А большій братъ гаворить: — „Меншій братъ схадиў, а таперь сяредниму идить.“ — А сяредній братъ гаворить на меншига брата: — „Ты схадиў, братъ, за сябе на карауль падъ мость, то схади и за мяне!..“ Меншій братъ, ни гаваря имъ ни слова, вылизать пзь-за стала, бяретъ каня, бяретъ хорта, бяретъ сокыла и сѣў падъ Чудинь-Юдинь мость. Якъ ѣдитъ Чуда-Юда на шастѣ галавахъ: конь зарзаў, сабака завьў, а сокыль зазьяў. Чуда-Юда и гаворить: — „Ты, лашадинья сѣмя, чаго зарзаў? — Ты, песья мяса, чаго завьў? — А ты, истрябинья перья, чаго зазьяў? — Я ў етымъ царетви никакво ни баюсь, только апасаюсь кароўнга сына, — яго суда ворынъ кастѣ ни занясетъ!“ — Каровій сынъ выходить и гаворить: — „Ня ворынъ костѣ заносить, а самъ добрый молюдиць заходить.“ — А Чуда-Юда гаворить: — „А ты тутъ?“ — Тутъ. — „Ну, давай поля чинить!“ — Вотъ яны чинили, чинили: каровій сынъ падкочѣтца гарохывымъ зярномъ, якъ ударить булатнымъ нажомъ, три галавы сняў; ящо чинили, чинили: каровій сынъ якъ падкочѣтца гарохывымъ зярномъ, якъ удариў булатнымъ нажомъ, ящо три галавы зняў. Тада падписачки падписаў и ў сваё царства у вароты убинуў: — „Ахъ, матушка, служитя малебны, якъ ваши дѣти ваюютца!“ — Пашоў къ сванмъ братьямъ, а яны етыга ничога ни знають, пьютъ да гуляють. День праходить, ночь приходить: нада большиму брату идить на службу. Меншій братъ гаворить: — „Дѣвица гуляй, а дѣльца помни!.. Пара табѣ большій братъ на службу идить!“ — А большій братъ и гаворить: — „Схадиў ты, братъ, за сяреднига брата, схади и за мяне!..“ Ну, ладна! —

Съ такимъ условіемъ я пойду, братъ, за тебе: поставлю вамъ три кубки;—каки еты кубки спалибють, тады прихадитя ка мнѣ на падмогу.—“ Вотъ меншій братъ пашоу, узяу бана, узяу хорта и собыла, и сѣу пады Чудинъ-Юдинъ мость. Ягъ ѣдитъ Чуда-Юда на двинацати галавахъ: конь зарзау, хортъ завяу, а собыль зазьяу.—“ Ты, лапашинныя сѣмя, чого зарзау?—А ты, песья мяса, чого завяу?—А ты, петрабинныя перья, чого зазьяу?—Я ў етымъ царствіи никога ни баюсь, а апасаюсь аднаго кароўига сына, да яго сюда ворынь касті ни занясетъ!“—А каровій сынъ выходитъ и гаворитъ:—“ Ня ворынь кости заносить.—самъ добрый молыдницъ заходитъ!“—А, ты тутъ?—“Тутъ!“—Чуда-Юда гаворитъ:—“Дуй на двинацять верстъ, штобъ быў сярэбринный мость, а на бакахъ сярэбринныя квѣтачки!“—Каровій сынъ якъ дунуў, сдѣлаў сярэбринный мость на двинацать верстъ и квѣтачки на имъ поставіў; а Чуда-Юда якъ дунуў, на двинацать верстъ сдѣлаў сярэбринный мость, а квѣтачки ни поставіў.—Тада каровій сынъ увазнаў, што яго братытя спяць, и гаворитъ:—“Чуда-Юда!—Кошка мышку валочить—и то даеь ать трехъ разъ атдышку.“—Чуда-Юда на ета сагласіўся. Патомъ каровій сынъ и гаворитъ:—“Ну, давай поля чинить!“—Ну, давай!—Чинили, чинили: убиваить Чуда-Юда кароўига сына па забарстенъ у землю.—“Ахъ, Чуда-Юда! Кошка мышку валочить, и то атдышку даеь: пара атдышку дать!“—Чуда-Юда заваліўся, пѣсинки напиваить, а каровій сынъ якъ дунуў, такъ па столь сняў харомы, идѣ яго братытя были, патомъ на Чуду-Юду гаворитъ:—“Ну, давай ипать поля чинить!“—А Чуда-Юда гаворитъ:—“А давай!“—Чинили, чинили; убиваить іонъ кароўига сына па калѣни ў землю. Каровій сынъ ипать гаворитъ:—“Ахъ, Чуда-Юда!—Кошка мышку валочить, а ўсѣ атдышку даеь: пара атдышку давать!..” Вотъ Чуда-Юда заваліўся и пѣсинку запѣў, а каровій сынъ па калѣни ў зямлі, и яго аткашываить конь, хортъ и собыль: тады якъ дунуў іонъ у трубачку, такъ верхъ сняў харомъ, идѣ яго братытя спали, а яны ўсѣ спяць. Патомъ каровій сынъ гаворитъ:—“Ну, давай поля чинить!“—Давай!—Чинили, чинили, убиваить Чуда-Юда кароўига сына па поисъ у землю. Патомъ іонъ и гаворитъ:—“Ахъ, Чуда-Юда! Кошка мышку валочить,—и то атдышку даеь: пара атдышку дать, у трубачку затрубить, аца зъ матушыю пумануть: вѣрна мнѣ тутъ пуми-

рать! — А Чуда-Юда гаворить: — „А вѣрна тутъ пумирать!“ —
 Патомъ Чуда-Юда завалѣся и пѣсинки пупивантъ, а кароѣяга
 сына конь атѣащывантъ, хорть атѣащывантъ и сокъль атѣащывантъ.
 Тады каровій сынъ якъ дунуѣ у трубычку, такъ па
 воены сняѣ харомы, идѣ яго братья спали. Тады братья
 прашнулись и пашли къ свайму брату на падмогу. Тада давай
 поля чинить: чинили, чинили; выбили брата сваяго изъ зямли.
 Тады ящо чинили, чинили; каровій сынъ какъ падкотитца га-
 рохывымъ зарномъ, якъ ударить булатнымъ нажомъ, — три га-
 лавы сняѣ. Ящо чинили, чинили: якъ падкотитца гарохавымъ
 зарномъ, ящо три галавы сняѣ; ящо чинили, чинили; каровій
 сынъ ящо три галавы сняѣ; ящо чинили, чинили; каровій сынъ,
 какъ падкотитца гарохывымъ зарномъ, якъ удариѣ булатнымъ
 нажомъ, — ящо три галавы сняѣ. Патомъ падписачки падписаѣ
 и гаворить: — „Ну, братья мае, сватитя ета тулава ў моря. а
 голавы у сваѣ царства укшнѣтя, у вароты!..“ А братья ета ня
 могутъ изъ мѣста патронуть. Тады каровій сынъ и гаворить: —
 „Ахъ, братцы, вы, мае, какая у васъ сила?!“ Якъ батнуѣ
 іонъ выпиткымъ, таѣ ета тулавища у моря пакатилась, а го-
 лавы укинуѣ у сваѣ царства, у вароты: — „Матушки, служитя
 малебны, якъ ваши дѣти ваюютца!..“ Тады гаворить каровій
 сынъ: — „Слушали царьскага сына, — ну, таперъ слушайтя мяне!.. —
 Ну, вы, братцы, идитя па дароги, а я скинуся мухью и па-
 лячу на Чудинь-Юдинь дворъ, и паслухаю, што Чудинь-Юдинь
 сестры гаворють!..“ Сѣѣ на вакнѣ, а яны сѣли на печки, вѣ-
 дѣчу сабраѣши, и гаворють. Первая гаворить: — „Я сѣнуся
 садамъ, а ў саду ябланкою; каровій сынъ будить судѣ идить, —
 захатятя яны ѣсть, на яблани будить висѣть яблочка, ста-
 нутъ яны ѣсть, — то я ихъ и паѣмъ.“ — Другая гаворить: — „Я
 буду ў саду калодись: якъ нагнутца пить, то я ихъ и па-
 ѣмъ.“ — Третія гаворить: — „Я буду ў саду каравать: якъ за-
 хочуть яны спать, ляжутъ на ету каравать, то я ихъ и па-
 ѣмъ.“ — А карова-гадина гаворить: — „У мяне адинъ грибъ да
 неба, а другей да зямли: таѣ я наскочу, аднаго схвачу сѣмъ, —
 схажу ў моря напьюсь, и за другимъ приду, — такъ усихъ ихъ
 и паглатаю. Тада адна увидила яго на вакнѣ и гаворить: —
 „Вонъ іонъ, каровій сынъ на вакнѣ сядитъ мухью!..“ Патомъ
 пна схватила кирпичину и бросила ў яго и чуть-чуть да ни
 пупала: такъ іонъ и палятѣѣ къ сваймъ братьямъ. Тада яны

и пашли; даходятъ яны да саду, и захатѣлись имъ ѣсть. Вп-
 сить на ябланки яблчка; яны и гаворють:— „Ахъ, братцы,
 давайта мы ета яблчка зядимъ!..“ А каровій сынъ и гаво-
 рить:— „Пазвольта, братцы, перва мнѣ зѣѣсть!..“ А братья
 гаворють:— „А изволь, съѣшь!..“ Вотъ каровій сынъ какъ вы-
 нуу свой булатный ножъ, какъ ризануу.— кроу и пабѣгла.
 Патомъ и гаворить:— „Ну, ѣсьтя, братцы!..“—Нѣтъ, мы ня
 хочимъ.—Яны и гаворють:— „Ну, пайдѣмъ!“—Ишли яны, ишли,
 и захатѣлись имъ пить. Станть у саду калодись; яны и гаво-
 рють:— „Ну, братцы, давайта мы напѣмся!..“ А каровій сынъ
 гаворить:— „Пазвольта мнѣ напитокъ!“—А яны гаворють:— „А
 пей!“—А іонъ какъ вынуу свой булатный ножъ, якъ риза-
 нуу,—кроу и пабѣгла.— „Пейтя, братцы!“—Не, ня будимъ!..—
 Ишли яны, ишли, захатѣлась имъ спать; пасмотрють: у саду
 станть каравать. Яны и гаворють:— „Ахъ, братцы, давайта-ка
 паспимъ!“—А каровій сынъ гаворить:— „Пазвольта, братцы,
 упаредь мнѣ лечъ!“—А изволь!—Вотъ іонъ якъ вынѣу свой
 булатный ножъ, какъ ризануу па етнй каравати: кроу и пу-
 бижала.— „Ну, братцы, лажитесь!“—Не, ня хочимъ!—Ишли
 яны, ишли, даганяить ихъ карова-гадина: адинъ грибъ да
 неба, а другей да зямли; царскага сына ухватила, пашла у
 моря, напилась. Ипять прибѣгла карова-гадина, схватила слу-
 жибкина сына, пашла у моря и напилась. И ипять даганяить
 кароуига сына. Патомъ дабигаить каровій сынъ у кузницу, а
 тамъ Кузьма-Димьянъ куеть въ двинацать малатоу и кузницъ:
 вотъ іонъ и гаворить:— „Ахъ, Кузьма-Димьянъ, ни дай ка-
 роуиму сыну пагпбнуть!..“ Ускачѣу каровій сынъ у кузницу,
 Кузьма-Димьянъ затварѣу за имъ двери. Наскакиваить карова-
 гадина и гаворить:— „Ахъ, Кузьма-Димьянъ, атдай мнѣ ка-
 роуига сына, а то я тебе съѣмъ!“—А Кузьма-Димьянъ и га-
 ворить:— „пралижи стяну атъ трѣхъ разъ,—то я табѣ ка-
 роуига сына пасажу на языкъ!..“ Вотъ ина разъ лизнула, дру-
 гей лизнула, третій лизнула и прализала стяну:— „Ну сами
 мнѣ на языкъ кароуига сына!“ и выставила языкъ. Тада
 Кузьма-Димьянъ узѣу яе клищами за языкъ и давай бить у
 двинацать молытыу; били, били яе, тада гаворють:— „Кархай
 служебинныга сына!..“ Патомъ били, били:— „Кархай царскага
 сына!“—Выхаргнула. Тады били, били и забили, и вывалакли
 на поля. Каровій сынъ спатрашѣу яе изъѣу. Въ сяредку при-

лятѣу ворань:— „Кроу, кроу!“ —А каровій сынъ схватиу етыга ворана.— „Ахъ, каровій сынъ, ни сироть маиэхъ дятей: што табѣ угодна, я пристаюлю!“ А каровій сынъ гаворить:— „Пристау миѣ живѣй и мертвѣй вады!“ А воранъ гаворить:— „Ну, падвѣжи миѣ надъ крыльѣя пузурьки!“ Каровій сынъ падвѣзау пузурьки и гаворить:— „Атдай миѣ свайго вараненка надъ заставу!“—Воранъ атдау свайго вараненка, а самъ палятѣу, дастау вады живѣй и мѣртвѣй: приносить кароуиму сыну. Каровій сынъ придрау вараненка на двѣ части, мертвую вадю линуу, —абмяртвиу; живѣю вадю линуу, —аживиу. —Тада іонъ свайхъ братѣиу мертвую вадю линуу, —абмяртвиу; живѣю линуу, —аживиу. Вотъ яны пашли па дароги къ сваймъ матерямъ жить. Сказка ўся, —и далій казатъ нильзя. Я тамъ быу, медь-вино пиу, па губамъ тѣкло, а ў ротъ ни пунала.

№ 6.

Сельцо Кнесселска, Смоленскаго ўзда.

Сказка абъ Иванѣ Кабыльимъ сыни.

(Иванъ Кабыльимъ сынъ на палавину лошатъ, на палавину чилавѣкъ).

Дубина. Гарыня. Салыня. Иванъ Кабыльимъ сынъ публѣдаить Чуду-Юду ибѣ 3, 6, 9 и 12 галавахъ, идеть у падземный мѣръ на залѣзный цапи, ищитъ Бабу-Ягу съ помашу трехъ дѣвушкѣ. Каждая дѣвушка кросны ткеть: якъ махнеть чѣунакомъ, выскачить салдатъ съ тисакомъ. Баба Ига спитъ на Сіянскѣй гарѣ, абашыль яе двѣ бочки вина.

Жиу-быу мужикъ, було у яго семь сынавей. У етыва мужика была кабыла. Кабыла жирибила мужуку семь жирибцоу. Аднажды пришли къ яму сыны и гаворють: „Кабыла ужу са-старилась, —пускай ана атдыхаить, а жирибаты будутъ служить за яе.“—Мужикъ сагласиуся. Пастроили яны ей такой хлѣвъ, штоба туды ни прахадѣу свѣтъ. Чпризъ нѣскальба ўремя кабыла жирибила жирибенка, на палавину чилавѣка, на палавину лошади. Жирибенкѣ падрось, жирибенкѣ на кабылу гаворить:— „Какъ ба миѣ прабератца на свѣтъ Вожий!“—Станъ на маю спину, прадиари крѣшу и увидишь свѣтъ.“—Прадрау крѣшу жирибенкѣ и нашоу, куды глаза глядять. Идеть Иванъ Ка-

былинъ сынъ и видить, што багатырь Салыня варочить дивитириковыя камення. Падходить іонъ и гаворить:— „Харашо варочіишь, да ня дужа!“— Салыня бросіў варочить дивитириковыя камення, гаворить:— „А, здароў, Иванъ Кабылинъ сынъ, куда идешъ?“— Иду, куды глаза глядять.— „Вазьми и мяне съ сабою.“— Пайдемъ. Ишли, ишли, видють: у лясу чилавѣкъ вырвить дубъ изъ ямли и бросить яво на паляну. Кабылинъ сынъ гаворить:— „Харашо кидайшь, да ня дужа!“— Бросіў Дубина ирвать дубы, падходить къ яму и гаворить:— „Здрастуй, Иванъ Кабылинъ сынъ, куды ты идешъ?“— Иду я, куда глаза глядять.— „Вазьми мяне съ сабою?“— Пайдемъ.— Ишли яны, ишли, видють: чилавѣкъ капайть горы,— вазьметъ гару, да за'болыки и закинить. Кабылинъ сынъ гаворить:— „Харашо ты брасайшь, ды ня дужа!“— Падходить Гарыня къ Ивану Кабылину сыну:— „Здрастуй, Кабылинъ сынъ, куда идешъ?“— Иду я, куда глаза глядять.— „Вазьми и мяне съ сабою?“— Пайдемъ.— Приходють яны ў лѣсъ; стаить тамъ избушка на куриныхъ ножкахъ, на бараннихъ рожкахъ. Гаворить Иванъ Кабылинъ сынъ:— „Ну, рибяты, будимъ мы тутъ атдыхать.“— Стали яны ў етый избушки жить. На другой день Иванъ Кабылинъ сынъ гаворить:— „Ну, Салыня, ты сяни аставайся тута гатувать абѣдъ, а мы утраёмъ пайдемъ на ахоту.“— Пашли яны на ахоту, а Салыня стаў гатувать абѣдъ. Толька што пригатовіў іонъ абѣдъ, лехъ на лавычку и заиграў у дудычки,— прилитаить Баба-Ига (ета яе была избушка):— „Ти пѣкъ кашу, ти варіў блины?“— Пѣкъ кашу, варіў блины, ды ни табѣ ѣсь.— Ина яго схватила, падъ лаўку падлажила, камнимъ наваратила, сѣла, блины и кашу паѣла, и сама палятѣла. Вылизъ Салыня изъ-падъ лаўки, паѣлаў дроў знова, затапіў; ища и дровы ни разгарѣлись харашо,— приходють яны ужу съ ахоты:— „Э, братъ, ня скоро жъ ты паварачиваеся!“— Ахъ, братцы, ета мнѣ паниздаровилась,— А етыва іонъ и ня хочить сказать, што сдѣлала съ имъ Баба-Ига: стыдна було.— Иванъ Кабылинъ сынъ гаворить:— „Ну, братцы, ета случайтца!“— Гуляли яны да вечера,— пара идить каму-нибудъ на старожу. Пасымаить Иванъ Кабылинъ сынъ Салыню. Салыня пашоў, легъ и заснуў на старожи. Иванъ Кабылинъ сынъ ета знаў. Пашоў и стаў самъ на старожу. У самую поўнычъ ѣдитъ Чуда-Юда на трехъ галавахъ. Конь яво зарзаў, собыль зазяў, сабака завыў.— „Ты, лаша-

диння сѣмя, чаво зарзаў? — А ты, истрибинья перья, чаво зазьяў? — А ты, песься мяса, чаво завьў? — Я нібога ни баюся, — баюся толька аднаго Ивана Кабылиныва сына, — ды яво суда ворынъ кости ни занясеть. — Кабылинъ сынъ вышіў и гаворить: — „Ня ворынъ кости заносить, самъ добрый молюдиць заходить.“ — А када ты тутъ, дуй поля! — „Нѣтъ, Чуда-Юда, дуй ты.“ — Чуда-Юда дунуў: вымастиў мостъ на двинадцать верстъ, а вѣтычикъ ни паставіў. Кабылинъ сынъ дунуў — вымастиў сярэбриный мостъ на двинадцать верстъ, а на бакамъ сярэбринья вѣтычки. Стали яны ваювать: Иванъ Кабылинъ сынъ Чуди-Юди атрубіў три галавы и бросіў у рягу. Пришоў дамой и легъ спать. На другей день аставили Гарыню гатувать абѣдъ, а сами пашли на ахоту. Гарыня статуваў абѣдъ, легъ на лаўбу и заиграў у дудычки. Прилитаить Баба-Ига: — „Ти пѣкъ кашу, ти вариў блины?“ — Пѣкъ кашу, вариў блины, ды ни табѣ ѣсь. — Ина яго схватила, падъ лаўбу падлажила. камнимъ наваратила. блины и кашу паѣла и сама палятѣла. Вылизъ Гарыня изъ падъ камня, налажіў дроў; толька што затапіў печку, приходють яны съ ахоты: — „Эй, братъ, ня скоро жа ты пуварачиваеся!“ — Ахъ, братцы, паниздаровились мнѣ. — „Ну ета случайтца.“ Гуляли яны да вечира, — нужна ужъ Гарыни идить на старожу. Пашоў іонъ на старожу, легъ и заснуў. Иванъ Кабылинъ сынъ знаў, што будить, — пашоў на старожу самъ. У самую полночь ѣдить Чуда-Юда на шести галавахъ. Конь яго зарзаў, совыль зазьяў, сабака завьў. — „Ты, лашадинья сѣмя, чаво зарзаў? — А ты, песься мяса, чаво завьў? — А ты, истрибинья перья, чаво зазьяў? — Я у етымъ царстви нібога ни баюся, а толька баюся аднаго Ивана Кабылина сына, ды яво суда ворынъ кости ни занясеть.“ — Выходить Кабылинъ сынъ: — „Ахъ, ты, Чуда-Юда! Ня ворынъ кости заносить, — самъ добрый молюдиць заходить!“ — Ну, када ты тутъ, выходи! — Дуй сичасъ поля! — „Нѣтъ, дуй ты.“ — Чуда-Юда дунуў и вымастиў сярэбриный мостъ на двинадцать верстъ, а вѣтычикъ ни паставіў. Иванъ Кабылинъ сынъ дунуў и вымастиў сярэбриный мостъ на двинадцать верстъ, а ну бакамъ сярэбринья вѣтычки. Стали яны битца. Кабылинъ сынъ атрубіў Чуди-Юди шесть галоў и бросіў у рягу, а самъ пашоў дамой. Утрымъ аставили гатувать абѣдъ Дубину, а сами пашли на ахоту. Дубина статуваў абѣдъ, легъ на лаўбу и заиграў у дудычку. Лятить

Баба-Ига:— „Ти пѣкъ кашу, ти варіу блины!“— Пѣкъ кашу, варіу блины, да ни табѣ ѣсь.— Ина яво схватила, надѣ лауку надлажила, камнимъ наваратила; сама ина сѣла, блины и кашу паѣла и улятѣла. Вылизъ Дубина изъ-надѣ лауки, наклау дроу, а яны ужу пришли съ ахоты:— „Эге, братъ, што такъ ня скоро пувурачиваеся?“— Ахъ, братцы, паниздаровилмысь!— А призватца ня хочить, што сдѣлала Баба-Ига. Гуляли яны да вечера.— Нада Дубини атраѣлятца на старожу. Дубина пашоу и заснуу на старожу. А Иванъ Кабылинъ сынъ знаить, што случитца: пашоу и сѣу самъ на старожу. У самую поунычъ ѣдитъ Чуда-Юда абъ дивяти галавахъ. Конь яво зарзау, собыль зазыау, сабака завыу.— „Ты, лашадиння сѣмя, чаго зарзау?— А ты, истрабиння перья, чаго зазыау?— А ты, песься мяса, чаго завыу?— Я никога ни баюся у етымъ царстви, — баюся тольба Ивана Кабылина сына, ды яго суда ворынъ касту ни занясетъ!“— Вышїу Иванъ Кабылинъ сынъ: — „Ня ворынъ кости заносить, а самъ добрый молюдиць заходить.“— Ну, вада ты тутъ, то выходи!— Дуй сичасъ поля!— „Нѣтъ, Чуда, дуй упяредъ ты!“— Чуда-Юда дунуу и вымастиу сяребринный мостъ на 12 версть, а вѣтычикъ ни паставїу. А Иванъ Кабылинъ сынъ дунуу, вымастиу сяребринный мостъ на 12 версть, а па бакамъ сяребриння вѣтычки. Стали яны битца. Кабылинъ сынъ атрубїу Чуди-Юди девить галоу и убросїу у ряку, а самъ пашоу дамой. Вутрымъ пашли уси на ахоту, а Иванъ Кабылинъ сынъ астаѣся гатувать абѣдъ. Пригатувау абѣдъ, легъ на лавычеу и зайграу у дудычки. Прилитаить Баба-Ига:— „Ти пѣкъ кашу, ти варіу блины?“— Пѣкъ кашу, варіу блины, ды ни табѣ ѣсь!— Ана хатѣла лѣзть у печку, а іонъ яе схатиу, біу, біу, біу, біу, ажну ина и кричатъ пиристала. Тады іонъ яе узяу и завинуу. Пришли яны съ ахоты, пабѣдыли. Гуляли яны да вечера,— пара ужу идить Кабылиному сыну на старожу, іонъ гаворить на етыхъ рибяты:— „Ну, рибяты, вы сянни ня спитя,— вотъ вамъ еалода картъ, гуляйтя; вотъ вамъ залатая чарка: вада будить у ей кроу, то ка мнѣ на падмогу паспишайтя!“— Пашоу іонъ на старожу и сѣу. У самую поунычъ ѣдитъ Чуда-Юда абъ 12-ти галавахъ. Конь яво зарзау, собыль зазыау, сабака завыу.— „Ты, лашадиння сѣмя, чаго зарзау?— А ты, истрабиння перья, чаго зазыау?— А ты, песься мяса, чаго завыу?— Я у етымъ царстви никога ни баюся,—

только баюся аднаво Ивана Кабылина сына,—ды яво суда ворынъ касты ни занясетъ.“ Выходить Кабылинъ сынъ:—„Ня ворынъ кости заносить,—самъ добрый малыдиць заходить.“—Ну, када ты тутъ, выходи, дуй поля!—„Нѣтъ, дуй ты!—Чуда-Юда дунуѣ и вымастиѣ сребринный мостъ на 12 версть, а вѣтычикъ ни паставиѣ. Кабылинъ сынъ дунуѣ, вымастиѣ мостъ на 12 версть, а на бакамъ маста сребринныя и залатыя вѣтычки. Стали битца. Чуда-Юда ўбиѣ Ивана Кабылина сына на калѣни ў землю, а Кабылинъ сынъ яму атрубиѣ три галавы. Гаворить Кабылинъ сынъ:—„Ахъ, Чуда-Юда! Цари и карали ваюютца, и то роздыхъ мѣють, а мы съ табою ни памѣимъ!“—Ну, атдыхай!—А багатыри тѣя сядѣли, сядѣли—и заснули. Вотъ выбраўся Кабылинъ сынъ изъ зямли, сняѣ съ лѣвнй наги сапогъ, удариѣ у тую избушку и сняѣ съ яе крышу, а багатырей ни разбудиѣ. Стали яны ипять битца: Чуда-Юда Кабылиныя сына на понсѣ у землю убиѣ, а ионъ яму ящо три галавы сняѣ и гаворить:—„Ахъ, Чуда-Юда! Кошка мышку валочить, и то роздыхъ даеъ, а мы съ табою ни памѣимъ!“—Ну, атдыхай!—Вотъ Иванъ Кабылинъ сынъ сняѣ съ лѣвнй руки пирчатку, удариѣ у избушку и сняѣ столь у избушки, а багатыри усѣ спяць. Стали яны ипять битца: Чуда-Юда Кабылина сына убиѣ у землю пу пахи, а Кабылинъ сынъ яму атрубиѣ ящо три галавы:—„Ахъ, Чуда-Юда!—Давай роздыхъ имѣть!“—Ну атдыхай!—Кабылинъ сынъ выбраўся изъ зямли, сняѣ съ правнй наги сапогъ и бросиѣ у хатку: на вокны сняѣ. Ускочили багатыри: у чарей ужу врыви поўна! Схватили яны свае струменты и пабѣгли къ Ивану Кабылину сыну, а ионъ ужу дабиѣ Чуду-Юду.—„Ну, братцы, нямнога вы апаздали.“—Ну, ужу прасты!—„Ну, рибяты, возьмити-ка утраёмъ ета тулувища, ды укннѣтя у ряку!“—Яны брали, брали: ни патрогали зъ мѣста.—„Ну, видна, ета ни пу васъ!—А возьмити-ка вы утраёмъ голывы, укннѣтя у ряку.“—Яны утраёмъ и галавы ни патронули съ мѣста, а Кабылинъ сынъ аднѣю рукою усѣ паўкидаѣ у ряку.—„Ну, рибяты, таперъ пайдемъ искаць Бабу-Ягѣ!“—Пашли яны къ бузняцу и приказали яму скувать залѣзную цѣпь у 12 версть длинны. Узяли яны ету цѣпь, пришли къ дирки, а по етъй дирки можна було прабратца на тотъ свѣтъ. Кабылинъ сынъ гаворить:—„Ну, рибяты, вы мяне спуститя на етъй дирки на тотъ свѣтъ, а сами аставайтисъ

туть; када я за ету цѣнь диргану, то вы мяне тягнута на верхъ.“—Яны яго спустили, іонъ стаў на дно и пашоў. Падходіць іонъ къ зялѣзному горыду, вудіць: сядіць красавія дѣвушка и твѣць кросны: какъ махнець чилнакомъ, такъ и выскачыць салдатъ съ тисакомъ. Іонъ гаворыць:—„Красавіца, здрастуй!“—Здрастуй, Кабылінъ сынъ! Куды ідешъ?—„Іду я іскаць Бабу-Ягу!“—Ну, харашо! вотъ табѣ зялѣзная яйцо: куды яно пакотіцца, туды и іди. Узяў іонъ зялѣзныя яйцо и и бросіў: яно пакатілысь, а іонъ услѣдъ пашоў. Падходіць іонъ къ сярэбрыному горыду,—вудіць: сядіць дѣвушка и твѣць кросны.—„Здрастуй, красавіца!“—Здрастуй! Куды ідешъ?—„Іду я іскаць Бабу-Ягу!“—Ну іди. Вотъ табѣ сярэбрыныя яйцо: куды яно будіць катіцца, туды и іди. Кабылінъ сынъ публагадаріў и пашоў. куды пакатілысь яйцо. Прикатілысь яно къ залатому горыду. Вудіць іонъ: сядіць дѣвушка и твѣць кросны: махнець чилнакомъ,—дыгъ и выскачыць салдатъ съ тисакомъ. Падходіць іонъ къ ей и гаворыць:—„Здрастуй, красавіца!“—Здрастуй, Іванъ Кабылінъ сынъ. Куды ідешъ?—„Іду я Бабу-Ягу іскаць.“—Ну, харашо, я табѣ пумагу: вотъ табѣ залатая яйцо: куды пакотіцца, туды и іди. Увудіашъ ты Бабу-Ягу на Сіянскай гарѣ; ана будіць спатъ крѣпкімъ сномъ, абапыль яе будуць стыгъ двѣ бочки вина; ты падыйди и выпій вина, каторыя будуць стыгъ пу правую руку: ано удвая табѣ сілы дастъ; а па лѣвую руку вино—атымагъ сілу. Выпіўшы вина, ты Бабу-Ягу убешъ.“—Публыгдаріў яе Іванъ Кабылінъ сынъ за савѣтъ и пашоў услѣдъ за яйцомъ. Приходіць іонъ на Сіянскую гару, а на той гарѣ спіць Баба-Іга, абапыль стыгъ двѣ бочки вина. Іонъ ихъ узяў и прикатіў: съ правый руки на лѣвую, а съ лѣвый руки на правую. Упярэдъ іонъ выпіў вина съ правый руки и стау сильнѣй удвая пражніга. Прашнумась Баба-Іга:—„Ага, пу паўся у мае руки!“—Выпіла ана вина съ правый руки и у яе сілы удвая паменшила. Стали яны біцца: Кабылінъ сынъ яе сичасъ жа убіў. Сняў у яе съ галавы чапець, надѣў на галаву и пашоў назадъ. Приходіць у залатэй горыдъ, дѣвушка гаворыць:—„Спасіба, Іванъ Кабылінъ сынъ! Таперъ и я пайду за табою. Вывуді мяне на бѣлыі свѣтъ: я твѣ атблагадарю!“—Узяў іонъ дѣвушку изъ залатова горыду, изъ сярэбрынава, изъ зялѣзнынава и пашоў къ тѣму мѣсту, ідѣ висѣла цѣнь. Привизаў іонъ

упередь адну дѣвушку, яе вытинѹли, патомъ другую и третю и наканецъ самъ сѣѹ. Толька іонъ да палаваны ужѹ быѹ вѣдинь,—завидили багатыри ету шанку Бабы-Яги, думали што ета дѣзить пѣа сама: узали и бросили тянѹть. Иванъ Кабылинъ сынъ ипять астаѹся на томъ свѣти. Пашоѹ іонъ бродить, искать выхѹду. Видить іонъ: стаить deriva, а ѹ тымъ деревнѣ сядить птица. Іонъ прицѣлѹся, штоба птицу убить; ана гаворить:—„Ахъ, Кабылинъ сынъ! ня бей мяне: што табѣ нада?“—А выниси мяне на бѣлый свѣтъ!—„Ну, я вынису тябе, но толька ты пасали 12 чаноѹ мяса!“—Кабылинъ сынъ насалиѹ 12 чаноѹ мяса, птица гаворить:—„Ну, ты ета мяса ка мнѣ падвѣжи и самъ садись. Када я разину ротъ, то ты видай мнѣ кусоць мяса.“—Иванъ падвѣзаѹ ета мяса, сѣѹ и палятѹ. Многа-ли, мала-ли лятѣѹ іонъ, толька прикидаѹ іонъ усѣ мяса,—ничаво ни асталысь. Разинула ротъ птица; іонъ атрѣзаѹ лѣвѹю ногу сваю и бросіѹ ѹ ротъ птицы. Прилятѣли яны на бѣлый свѣтъ; птица гаворить:—„Ахъ, Иванъ, ни бѹло мяса ѹкуснѣй паслѣднѣва куса,—идѣ ты яво узяѹ?“—Иванъ признаѹся. Птица кашлянула и выкинула ногу яго, присадмила яму, и нага сраслась. Пашоѹ Иванъ Кабылинъ сынъ, бѹды глазы глядять. А багатыри тѣя ужѹ захотѣли жанитца и ѣхали ужѹ винчатца на тыхъ дѣвушкахъ. Пришоѹ іонъ ѹ тотъ горыдъ, идѣ яны хатѣли винчатца. Увидали яво дѣвушки, каторыхъ іонъ збавіѹ, закричали:—„Во іонъ, нашъ избавитель!..“ Пиривинчаѹся на ихъ Кабылинъ сынъ и стаѹ жить, паживать, да добро наживать.

№ 7.

Абъ Ваньки Ширамышки, сучкинымъ сыни, абъ яго братѣтихъ: поварывымъ и царскимъ сыни, абъ трехъ малайцахъ—воласъ ѹ воласъ, голасъ ѹ голасъ; пабѣда ихъ надъ разбойникымъ Салаѹемъ и яго семействамъ.

У нѣкаторымъ царстви, въ нѣкаторамъ государствѣ, а ня иминна ѹ томъ, ѹ каторымъ мы живемъ, жиѹ сабѣ царъ и няймѣѹ іонъ сабѣ дѣтей. Штобъ жонка дѣтей радила, іонъ нахадіѹ сабѣ дядоѹ: дяды дидами, а ликары ликарствами,—и ничаво ета дѣла ни бяреть. Ну, нашоѹся такей чилавѣзъ съ

прастанародья:—Ну, свѣтъ великій гусударь! Я магу сдѣлать, штоба ваша царица радила: пажалуйтя мнѣ невадѣ у двѣсти сажаней и народу, сколько я стребую. — И паѣхали яны на ряку, зятянули яны рыбы большую силу. прибрали ету рыбу, а рыбы па ихъ нѣту. — „Ну,“ гаворить: — „гаспада, пускайтя ету рыбу у ряку, а сами пайдемъ у трахтирь пить и гулять!“ — На другой день атправились сваймъ парядкымъ на ряку; зятянули рыбы меній тэй тони; прибрали ету рыбу, — нѣту па ихъ рыбы. — „Ну, гаспада рибяты, пускайтя и ету рыбу у ряку!“... На третійи сутки атпраѣляютца пиять на ряку, зятянули рыбы только три щуки. — „Ну, гаспада рибяты, ступайтя ѳси па сваймъ мистамъ, а я панясу ету рыбу на царскую кухню!“... Падаеть іонъ повару и гаворить:— „Ну, сматри, поварь: чисти ету рыбу и гатуй, — только ни давай никому кушать!“ — Ну, поварь ету рыбу пачистіѳ и вымаѳ; ети памыйки у лаханку выліѳ, а бывшая при царской кухни сучва памыйки етыя пахлибала. Патомъ това поварь пакушаѳ ету рыбу, солина ли, али нѣтъ. Ну, патомъ падаеть іонъ змінный каралеѳни ету рыбу. Упярעדъ хлябнула сучка етыхъ памый, стала щенна. Ну, якъ поварь пакушаѳ етый рыбы, солина ли ана. сталъ и поварь абреминъ. Якъ дасталась змінный каралеѳни послѣ усихъ кушать, стала и змінная каралеѳна абреминна. Приходить той ѳремя: пара сукѣ щанитца; щанила сува мальчика. Дакладають царю:— „Вотъ, свѣтъ великій гасударь, што приважитя дѣлать? Щанила ваша сучка мальчика; — што съ имъ дѣлать: ти саблюдать, или стратить?“ — Гасударь сказаѳ:— Хуть іонъ атъ сучки щаніѳся, да христіянскый крови — прибирагитя! — Ну, таперъ паходить тоя ѳремя: пара повару радить; радіѳ поварь тожа мальчика. Ну, давладывають гусударю: — „Ну, свѣтъ великій гусударь! Радіѳ поварь мальчика.“ Царь приказаѳ яго абмыть, абхолить, и тдять на воспитанья. Патомъ таго дакладають гусударю:— „Радила ваша жана мальчика“. — Патомъ гасударь гаворить:— „Якъ будимъ етыхъ мальчикеѳ хрѣститъ? поваравага и царицынага можна и священнику хрѣститъ, — ну а сучкинага ніѳвозможна.“ — Далажили ѳ синоть: — „Што будимъ дѣлать съ сучкинымъ сынымъ?“ — Синать атказаѳ:— „Дадимъ яму имя Ванька-Ширамышкинъ, Мядвѣжжа ушка, Сучкинъ сынъ.“ — Патомъ повараваму сыну палажили имя „Алешка,“ а царсьому

наслѣднику имя „Петръ,“ и дали имъ мамыкѣ. Якъ яны, еты мальчики, узялись ростъ ни гадами, а часами, ни часами, а минутами, — выросли яны у годъ, што растеть члавѣкѣ 30 лѣтъ. Ну только Ванька-Ширамышка, Мядвѣжжа вушка, Сучкинъ сынъ быў пабыстрѣя ўсихъ! Только яны дайшли да савяршенналѣтій, пашли яны на гуляння. Ванька-Ширамышка, Мядвѣжжа вушка, Сучкинъ сынъ гаворить сваимъ братьямъ: — „Што вы, братья, знантя?“ — А што, Ванька-Ширамышка? — Мы ничаво ни знаимъ. — „Штожъ мы будимъ жить на бяломъ свѣти такъ, што мы никада ня будимъ знать нікога, и насъ ніхто ня будить вѣдать? Намъ нада у чужэя земли праизжаты. усякихъ людей увидать и сваю красату паказать. — Ну, какъ па закону, то вамъ нужна у батикъ благаславенія прасить.“ — Царь имъ гаворить: — „Ну, дѣти мае, Богъ васъ благаславіў. и я васъ благаслаўляю! И спрашійть Ванька-Ширамышка: — „Ну, што вамъ батюшка сказаў? — Такъ и такъ. — Ну, хуть ты царскій сынъ, да младшій за мяне (гаворить Ванька-Ширамышка): на табѣ иголачку и булавучку и ступай у кузню, — скажи кавалю, штоба сдѣлаў намъ пупирашку двинадцять пудоў и штобъ у такихъ-то часахъ принеся яе у запавѣдныя сада!.. Стаў етый каваль думать думу: — якъ зъ етыга матиріялу сдѣлать еткую штуку: балдаву 12 пудоў — са йголкі и съ булаўки? — Узяў іонъ уваратіў у бумагу иголку и булаўку и уторнуў у щель, а пачомъ начаў іонъ работатъ съ свайго матирьялу: съ самаго мягкага зялѣза сдѣлаў балдаву 12-ти-пудовую; прыкинуў на вѣсъ — выходить аккуратъ двинадцять пудоў; прынесить яе у запавѣдныя сада. Ванька-Ширамышка стаў пробувать булаву: ету булаву пустіў у гору. Гуляли яны, можа, часъ али два, и спускайтца ета булава ўнизъ, только падхватіў Ванька-Ширамышка яе сваею рукою, и разсыпалась ета булава на мелкія части. Такъ іонъ и гаворить на кавалю: — „Ну, братъ, спадманіў ты мяне: здѣлай жа таперъ булаву зъ майго зялѣза!“ Каваль апятъ абабраў свайго самага мягкага зялѣза сдѣлать булаву у 12 пудоў; атираўляйтца зъ етию булавою у запавѣдныя сада, атдаеть булаву Ваньки-Ширамышки: — „Ну, што, Ванька-Ширамышка, булаву сдѣлаў!“ Якъ палбросіў булаву Ванька-Ширамышка, ина гуляла часы три, апускайтца ина ў низъ: Ванька апускаить свае правныя калѣна, довить булаву, — разсыпалась булава на мелкія части. — Ну, каваль, ни

бманывать таперь: если ня сдѣлаишь булавы изъ тогда, што я табѣ даѹ, то табѣ тапорь да плаха, да красная рубаха!—Ну, ступай: штоба сдѣлана была булава зъ майго матирьяла!.” Приходитъ каваль у кузницу, бяреть іонь етытъ матирьяль у свае руки, и заплакаѹ горькими слизами, и гаворить:—„Ну, што, сколько ни плачь, сколько ни гарюй, а Масква слизамъ ня вѣрить!.” Узяѹ іонь етый матирьяль, уклаѹ у клещи. Въ клещахъ иголычка и ня видна: нада зялѣза падаѹлять. Вотъ іонь ущаміѹ иголычку у клещи и кладеть у горинь; іонь дуить, а иголычка растеть; стаѹ кувать, а йна растеть. Прикинуѹ на вѣсь, вышла булава двинадцять пудоѹ; іонь стаѹ Богу малитца: — „Слава Табѣ, Вожа: ни аставиѹ мяне Гасподь страдничивать па бѣламу свѣту!.”

Іонь ету булаву панесь Ваньки-Ширамыжки у запавѣдныя поля.

Ванька-Ширамышка якъ запустиѹ ету булаву ни на многа, ни на мала—на цѣльныя сутки. Приходятъ яны у тую пору, якъ пускали прежда булаву, стали на тоя мѣста, аткуль пу-скали: лятить ета булава изъ гары усе дно, якъ быстрая стрила. Падставиѹ Ванька сваю лысину, булава ударилаь, и Ванька атвалиѹся: — „Ну, каваль, благодарю тябе за тваю службу и дарю тябе бальшимъ жалаваннимъ”.—(По совѣту Ивана-Ширамыжки, братья его испрашивають у отца благословенія отпра-виться въ путь; потомъ всѣ вмѣстѣ ѣдутъ „людей пасматрѣть и себя паказать“.) Пріизжають яны у чужоя земли, у чужоя царства. Стала братьямъ Ширамышкинымъ скушна, стала и грусна, и гаворють яны:—„Братъ Ваня-Ширамышка, пуваротимся мы дамой!.. Што намъ нада болій?!.. Ужъ мы пувидали худога и хорошига”.—А іонь имъ гаворить:—„Ну, братья, силою нихто никаво ни смагеть диржать: ступайтя сабѣ дамой, но только будитя вы мнѣ пакланияхи”.—Яны яму атвичають:— „Ну, братъ Ванюша-Сучкинъ сынъ, пакланияхи вамъ мы будимъ, дакъ и пакланияхи: мы ужу нужды-горя многа притярпѣли”.— „Ну”, гаворить:—„братцы, я вамъ ни таварышь: братцы, пращайтя!”. Іонь и атпраўляитца, Ванька Ширамышка. Уизжаитъ іонь у чужоя царства, у чужоя пакалѣнныя, у тридвятыя гу-сударства, къ иѣкamu караю. У етыга караля была крѣпасть и застава, — нильзи тамъ ни прайдить, ни праѣхать, только стаить тамъ дубъ; на томъ дуби сядить Салавей разбойникъ;

у двинадцяти вирстахъ убиваѹ іонъ сваимъ голысымъ чилавѣка. Толька замѣтїѹ, што, вѣрна, воинъ въ ихня царства убиратца, іонъ якъ свиснуѹ сваимъ буйнымъ голысымъ, такъ што ни магла вынисть лошады Ваньки-Ширамыжки: пала на калѣни. Толька іонъ усхватуѹся сваимъ скорымъ поспихымъ: пустиѹ іонъ на дубъ сваю стрялу булаву, іонъ яго тамъ и збіѹ—скалатїѹ и зъ зямлею змясіѹ, а самъ паѣхаѹ у горады. Узджаить іонъ тольки у етїй горады, тольки яму нильзя ни прайдить, ни праѣхать за народымъ. Вотъ іонъ хадїѹ, можа, день, можа, два; ну толька нашоѹ у другомъ мѣсти, напрымѣрь, сказать, у аўраги старика.—„Здрастуй, старичокъ!.. А што ета, старичокъ, у вашимъ горыди случилась?“—А я самъ ни знаю, што случилась, толька слышаѹ здрыженїя зямли, а ни магу сказать, зъ якимъ царемъ, зъ якимъ каралёмъ, зъ якимъ багатыремъ, ета дѣла падѣлалась.—„Ну, вотъ я табѣ скажу, съ кимъ ета дѣла падѣлалась—Ванькью-Ширамышкаю, Мядвѣжжымъ вупкымъ, Сучкинымъ сынымъ“.—Ну, во, братъ, старичокъ: даю я табѣ сваё рукаписання, штоба ты у етымъ горыди быѹ гарадничымъ, а я паѣду на пуцу спасатца: можа я винныхъ и нявинныхъ душъ пагубїѹ.—Ну, ежели съ такога-та и такога царства будутъ табѣ письмы слатца, атписывай на абароти, што Ванька-Ширамыжка у тридывятя царства атправїѹся у пуцу на страды Вожїй“.—Страдничиваѹ іонъ, можа, годъ али два, толька унадились пубядитили у батюшкина царства: приходить яго атцу и съ браттими худа. Батька и гаворить:—„Што, мае дѣти, што будимъ дѣлать?“—Яны яму и тѣазывають:—„А што, батюшка, мы ничаво ни магимъ придумать: нашъ ища розумъ маладѣй“.—Ну, вотъ, дѣти, якъ ба намъ майго сына, а вашага брата разыйскать, Ваньку-Ширамыжку?—Стали яны письмы пасылать на разныхъ гарадахъ. Пришоѹ имъ атвѣтъ изъ того горада, што у тридывятымъ царстви:—„Вашъ сынъ у тридывятымъ царстви спасатца, ну толька іонъ часъ атъ часу, минута атъ минуты думайть на воздухахъ идить: стаѹ іонъ у святыхъ и ни паступаить у кравалитїю“:—Атсылаить старикъ у яго царства письмо. Атець читаить и слезна плачить:—„Вы, дѣти май, паѣдимъ у тридывятя царства!“—Прїизжають яны у тридывятя царства, къ етому гарадничиму.—Бяруть яны сваихъ папоѹ—патрїярхїѹ, бяруть святыхъ, атпраўляютьца яны на пуцу; служатъ яны малебны. Стали яны

малить, стали яны упрашивать Ваньку-Ширамыжку: — „Эхъ, братицъ нашъ, Ванька-Ширамыжка, ни пупусти ты насъ у вабиду“!.. Ионъ и рячить:— „Братья мае, братья, я вамъ гаварию и рячю, што будитя вы мяне прасить, и умалять, и упрашивать, а тяперь я часъ атъ часу, минута атъ минуты думаю на воздуху идить, а мнѣ нада идить у кравалигя.“ — Ионъ варужаитца съ сваей кельни; кланяются яму братья низкими наклонами; стали яны милуватца, стали яны цалуватца: гаворить яму атець: — „Ну, Ваня-Ширамыжка, я на ета ни вубражаю, што вы на бѣлымъ свѣти находитя... Стала у нашимъ царстви ни ладна: наваліўся бальной пубядитиль,—пубиждайтъ усе наша царства, и атпраўляйтца у сваё царства“... Вотъ Ванька-Ширамыжка абмыўся, абхоліўся, сдѣлаўся харошимъ молайцымъ, якъ ба и быю упредъ; патомъ и гаворить:— „Ну, батюшка, дай мнѣ народу, сколько мнѣ нада“... И выбраю ионъ сабѣ трехъ чилавѣкъ голасъ у голасъ, воласъ у воласъ и ростъ какъ адинъ; сидлаитъ ионъ трехъ лышадей, и паѣхали яны сами у чужоя царства, у чужоя гасударства, къ таму пубядитилю. Абхватывайтъ ихъ темная ночь. Видютъ яны горадъ малъ, а дворъ вяликъ. Ванька и гаворить: — „Ну, што жъ намъ тутъ начувать? Паѣдимъ мы луччи къ дому: тутъ воды низнакомья, а травы ниядомья: — мы вады наѣмся, памремъ, а лошади травы наядутца—акалѣють“. — Призжаютъ яны къ дому: вароты чугуныя, заваль зялѣзныи, у четверть талщины, а четверть шарины, а замокъ у пудъ вѣсу. Ванька и гаворить на меньшига брата:— „Ну, братъ, твой рядъ вароты атчинятъ!..“ Разагнаўся ионъ на сваей добрый лошади и ударію ионъ абъ заборъ каблукомъ, вароты дайжа и ни здриганулися. Ванька гаворить:— „Эхъ братъ, плахой іосъ ты мнѣ гаварыщъ“!.. А ионъ на сваей добрый лошади якъ разагнаўся, якъ ударію сваёю ногою: и заваль палумаўся, и замокъ атвалиўся, и вароты аттварилися. Во и гаворить Ванька:— „Во, якъ ба ты атчинялъ“!.. Узъизжаютъ яны на дворъ, привязываютъ сваихъ лашадей къ камяги: авесъ насыпанъ, и вада налита, и сѣна заложина; уходятъ яны у комнату: стали засланы и вужинъ пастаўлинь: баня вытаплина, и вѣники спарины, и бялѣлё паложина. Памылися яны у бани, бялѣлё пиримянили, пришли, сѣли вужинать. Ванька и гаворить на меньшига брата:— „Ну, братъ, твой чаредъ идить падъ калиновый мостъ

на старожу“!.. Ды гаворить:— „На табѣ малаточикъ: услышашь, якъ дарога застогнить, лошадь заржетъ, и кабель забрешить, и салавей засвищить,—тады бяги ка мнѣ и ударь мяне: я прашнусь“. — Іонъ заняў дарогу скорымъ поспихымъ. Снора дарога застагнала, лошадь зарзала, кабель забрихаў, и сылавей засвистаў: акаянный духъ ѣдитъ. Спрашнѣть у свайго каня:— „Што ты, песься мяса, ни надѣистя давязти мяне?“ — А лошадь атказывайтъ:— „Я ни надѣюсь давязти тябе на сябѣ, патаму што нираўняга намъ іось.“ — Нѣтъ, конь, нираўняги намъ у свѣти нѣтъ,—тольки іось мнѣ нираўняга Ванька-Ширамыжка; — ну, тѣй, часъ атъ часу, минута атъ минуты, думайтъ па воздуху идитъ, у святыхъ стать; ну, іонъ воўси у кравалитія ни пайдеть. — Ну, лошадь и пашла на калиновый мость. А мяньшой братъ ужу збѣгаў къ Ваньки-Ширамыжки и ударіў яго малаткомъ у лобъ; Ванька прашнуўся и пубижаў на калиновый мость. Ванька крикнуў: — „Стой, никаянный духъ!—За што ты майго батюшку и маихъ братіў пубиждаишь?...“ А акаянный атвичаитъ:— „Ахъ, Ванька-Ширамыжка, я ни надѣўся на тябе, што ба ты пастуниў у кравалитію.“ — Ну, што дѣлать? кроў за кроў сваю праливаю.—Во яны стали битца и рубитца, Ванька яго убіў и срубіў, атняў у яго и каня, и кабиля, и сакала, усё яго хазяйства. Атраўляйтца іонъ у етый домъ; пустіў каня къ сваймъ лашадямъ, уходитъ іонъ у комнату, лажитца атдыхать. Дасть Богъ бѣлый свѣтъ, устають, мыютца и Богу молютца. Ванька и спрашнѣть у таго малайца, што на каравули быў:— „А што, братъ, ти харашо табѣ було на каравули?“ — А іонъ и гаворить: — „Ничаво, братъ! Скушна-то была, скушна, да горя сваё аттерпіў!—Ну, приди-ка, братъ, паближій!..“ Іонъ узяў яго валаса, сабраў и сдѣлаў яму голыю голува:— „Вотъ я тябе паучу, якъ каравуль садиржать!“ — Папили яны, да пагуляли. Ванька-Ширамыжка гаворить:— „Ну, рибяты, видъ мы ня ў гости сюды пріѣхали—нужна далій атраўляйтца!..“ Ъхали яны можа надѣль десять, только видють яны горыдъ быдта малъ, а домъ вяликъ; Ванька и спрашнѣть:— „А што, братьтя, а идѣ будимъ начувать?“ — А яны яму атказыють:—А значумъ, братъ, здѣсь!“ — А іонъ имъ гаворить:— „А, братьтя, ну якъ можна здѣсь начувать?—Инагда пайдеть нинастя: травы ниядомыя, воды низнакомыя; лошади травы зьядуть—падохнуть, а мы вады напьёмся—па-

времъ.— „И паѣхали яны къ етому дому: вароты чугуныя, завалы залѣзныя у двѣ четверти талщины и у двѣ ширины, а замокъ два пуда вѣсу. Іонъ и гаворить на сяреднига брата:— „Ну, твой рядъ вароты атварять!“—Іонъ разагнаўся на сваей добрый лошади и ударіў сваимъ каблукомъ: ну только іонъ етага завала и ни патривожіў. Вотъ Ванька и гаворить:— „Плохи вы, мае таварыщи!..“ Разганяйтца іонъ на сваей добрый лошади; якъ ударіў у вароты сваимъ каблукомъ: завалъ приламаўся, замокъ атваліўся, вароты растварились:— „Ну, вотъ таперь, братцы, паѣдимъ на етый дворъ!..“ Сичасъ зли, зають яны са сваихъ добрыхъ лападей, привязываютъ къ камяги: авесь насыпанъ, вада налита и сѣна заложина. Уходятъ яны у комнату: стали засланы, вужины нагатуваны и на столъ поданы и бяльлѣ паложина. Памылись яны у бани, бяльлѣ примянили, сѣли и павужинали. Гаворить Ванька-Ширамыжка на другога малайца:— „Таперь, братъ, иди ты на старожу! На табѣ малатокъ: какъ только дарога застогнить, лошадь заржетъ, кабель забрешить, салавей засвищить, тада бяги ка мнѣ у домъ, бей мяне малаткомъ у лобъ: я прашнуса!“— Іонъ атпраўляйтца падъ калиновый мость. Только заняў іонъ каравуль: вотъ скорымъ поспихымъ дарога застагнала, лошадь зарзала, кабель забрихаў и салавей засвистаў. Тады етый маладецъ пабѣгъ за Ванькый-Ширамыжкый. Никаянный духъ ѣдитъ и гаворить на каня:— „Што ты, пестя мяса, ни надѣбистя мяне давезть?“— Лошадь яму гаворить:— „Не, я ни надѣюсь давязти тябе: нираўняга намъ іость.“— Іость у мяне нираўняга Ванька-Ширамыжка: ну, тѣй часъ ать часу, минута ать минуты думайтъ идить па воздуху, у святыхъ стать! Іонъ у кравалитія ни паступить!..“ Уижжайтъ іонъ на калину мость. Только іонъ узѣѣхаў, а Ванька гаворить:— „Стой, акаянный!..“ Акаянный гаворить:— „Ей, Ванька-Ширамыжка, я и ў вумѣ етыга ни диржаў, штоба ты у кравалитію паступіў!..“— Ну, кроў за кроў усигда праливаю!—Стали яны битца—рубитца. Ванька акаяннаго збіў и зрубіў, атабраў каня, и кабиля, и сакала. Атираўляйтца Ванька-Ширамыжка у домъ, каня, кабиля и сакала іонъ пустиў къ сваимъ лападамъ, а самъ пашоў у комнату; лажитца атдыхать. Даетъ Богъ бѣлый свѣтъ. Мыютца и Богу молютца; ну, стали яны пить да гультя. Ванька гаворить:— „Ну, рибяты, польна намъ пить да

гулять:— паѣдимъ далій, увидимъ болій!..“ Ъхали яны мѣсидъ или надѣль десить. Скорато кажитца, да ня скоро дѣйтца: доўга ўрема праваждайтца.

Абхватаить ихъ темная ночь. Видють яны горадъ быдта: малъ, да дворъ вялибъ. Ванька гаворить: — „А што, братцы, идѣ будимъ начувать: ти у тымъ дома, ай тутъ, на поли?“ — Нѣтъ, братъ Ваня, значуимъ мы здѣсь... А іонъ гаворить: — „Ахъ, братыя, можня ли на поли начувать: пагода нинасная, трава ниядомая, вада незнакомая: лошади травы зьядуть — падохнуть, а мы вадыhalbѣмся — памремъ.“ — Паѣѣхали яны къ етому дому: вароты чугуныя, завалы зялѣзныя, у три четвирти ширины, у три таўщины, замонъ три пуды вѣсымъ. Ванька гаворить: — „Ну, рибяты, таперъ мой чаредъ вароты атчиняты!“ И даеъ іонъ гонъ сваей добрый лошади, — якъ ударіў у вароты каблукомъ; ну, атбітъ-то іонъ ни атбіў вароты, а толька увагнулъ. Даў іонъ сярдитій гонъ сваей лошади, якъ ударіў іонъ сваею усей ширый праўдыю: заваль пириламіўся, замокъ атвалиўся, вароты растварились. Узизжають яны на етый дворъ, пускають лападей къ камаги: вада налита, авесь насыпанъ, сѣна накладина. Уходють яны у комнату: стали засланы, вужинъ нагатуванъ и на столъ пастаўлинъ. Ваня вытаплина, вѣники спарины, бяльбѣ паложина. У бани памылись, бяльбѣ пиримянили, павужинали.“ — Ну, таперъ, рибяты, я ня буду у спать, и вы ня будитя дримать; наты вамъ калоду картъ!“ Паставіў имъ чайный стаканъ вады: — „Сматритя: ў картычки гуляйтя и ў стаканъ паглидайтя, а я пайду паѣ калинывый мостъ. Якъ у етый стаканъ капля крови капнить, тады спускайтя и коній, и каблей, и сакалоў, и сами ка мнѣ, къ мосту!“ Іонъ и пашоў паѣ калинывый мостъ займать свой крѣпкій каравуль. Скорымъ поспихымъ дарога застагнала, лошады зарзала, кабель забрихаў, и салавей засвисталь. Акаянный духъ ѣдитъ и гаворить: — „Што, пестя мяса, ни надѣбистя мяне давязти?“ — Нѣтъ, ни надѣюсь я давязти тебе, нираўняга іостъ! — „А мнѣ нираўняги у бѣлымъ свѣти нѣту, тольки іосъ мнѣ нираўняга Ванька-Ширамыжка; такъ тѣй жа часъ ать часу, минута ать минуты думаить идить па воздуху и ў святыхъ стать, — тѣй ни пайдетъ у вравалиття.“ Ну, лошады и атпраўляйтца на калиныў мостъ. Ванька и гаворить: — „Стой, никаянный духъ!“ Акаянный и гаворить: — „Ей, Ванька-Ши-

рамыжка, я на ета ни вубражаѣ, што ты быѣ у святыхъ, уступшь у кравалитію!“—Ну, кроѣ за кроѣ!.. За штожь ты майго батюшку и браттїѣ пубиждаишь?—Ну я тебе самага пубяжду!.. Вотъ яны стали битца — рубитца. Убіѣ акаанный па калѣни Ваньку-Ширамыжку у грязь. Іонъ гаворить:— „Стой, акаанный духъ! Пара роздыхъ давать!“ — Ну, гаворить: атдыхай сабѣ! Ну, атдыхай сколько, ни атдыхай, а я тебе жиѣдомъ праглычу!.. Высвабадіѣся Ванька зъ етїй дрягвы, бяреть іонъ сваю пиршатку; пускаить іонъ яе у етїй домъ, сбіѣ іонъ домъ па самую крышу етїй пиршаткый, патомъ и гаворить:— „Ну, икаанный духъ, давай ипать ваюватца!“ Вотъ акаанный убіѣ Ваньку-Ширамыжку па поиць у грязь. Іонъ кричить:— „Стой, акаанная сила: пара ящо роздыхъ давать!“ Выбіѣся Ванька зъ етїй дрягвы, сняѣ сваю шляпу и пускаить на етїй домъ: па вакошки домъ схватїѣ. Ударила малайцоѣ пу патыльницы: малайцы ашнулись, вочинь ужаснулись, глянупи у стаканъ: кроѣ ручомъ таяеть. Яны сичасъ атвязыють сваихъ добрыхъ лашадей, и кабялей, и сакалей, и сами на калинуѣ мость. Ну, стали яны битца да рубитца, збили и зрубили акаанную силу, и лошадь атабрали, и кабия, и сакала. Тады атпраѣляютца у си на етїй дворъ, конїй пустили къ камяги, а сами уходятъ у комнату: стали засланы, и вужинъ нагатуванъ и на столъ пастаѣлинь. Бани вытаплина, вѣники спарины, и бяльлѣ паложина. У бани памылись, бяльлѣ пиримянили, сѣли и павужинали, Богу пумалились и лягли спать. Заснули на троа сутыкъ багатырскимъ сномъ. На третїя сутки устали, памылись и Богу пумалились; Ванька-Ширамыжка гаворить:— „Ну, рибяты, во таперъ можна па рюмычки выпить и закусить!.. Ну, рибяты, вы у картычки пайграйтя, а я пайду прагуляюсь!“ Іонъ пашоѣ, находить на сякретный домъ, идѣ жила сямейства акаанный силы. Ну, только скинуѣся Ванька мухю, уползъ у ихъ палаты и выслѣшитъ ихъ разгаворы. Только и гаворить мать нявѣсткымъ сваймъ:— „Якъ вы будитя таперъ бизъ свайхъ мужоѣ? Пубядїѣ Ванька-Ширамыжка вашихъ мужоѣ.“—Малая нявѣстка гаворить:— „А вотъ што, матушка, я яго спакушу!“—Свяерова и пытаить у яе:— „Ну, якъ жа ты яго спакусишь?“—А во якъ, матушка: накинупи жары нищисленныя,—захочитца имъ пить, душа ихъ будить вонъ съ тѣла лѣзть,—а я скинуся ли пути—дароги крыницю влючавою, а у крыницы будить чара

залатая: вотъ яны, якъ стануть пить, и сичасъ памрутъ.—
 А сяреднія дочь гаворить:— „Ну, хуть ты ни спакусишь, дакъ я спакушу.“— Свякрова пытаить:— „Ну, якъ жа ты спакусишь?—
 А во какъ, матушка: захочуть яны ѣсть, а хлѣба будить имъ дастать негди, а я скинуся яблыню: залатая яблыка и сяребриная; якъ только яны пайдуть яблыкъ, то сичасъ и памрутъ.—
 А большая нявѣстыка гаворить:— Ну, хуть вы ни спакуситя, дакъ я спакушу; нашлаю усякую тварь,—нильзя имъ будить ни прайтить, ни праѣхать; накину я на ихъ сильную дримату,—нильзя будить имъ нигдѣ присѣсть; ну, я скинуся краватю тисавою и пяринню пухавою: якъ са сну выбьютца, ляжутъ на ету кравать,—туть ихъ и разарветъ.“—Патомъ гаворить старуха, сама свякрова:— „Ну, мае нявѣстушки, када вы ихъ ни спакуситя, то я ихъ спакушу!“ А яны спрашіють:— „Ну якъ жа ты, матушка, ихъ спакусишь?“—А во якъ! Выйдите у ихъ правизія, пріѣдутъ яны къ тремъ дарогамъ на-еристъ: хто паѣдитъ лѣввою дарогю лашадямъ харчъ будить, а сами съ голыду падохнуть; а када правую дарогю паѣдутъ, лошади пакалѣють; а хто среднюю дарогю паѣдитъ—агнемъ сажгу!—
 Ванька-Ширамыжка усе ета дѣла выслушаў, атправіўся на сваю хватеру:— „Ну, рибяты, пара намъ сабиратца!.. Да правизіи бярита сутыць на два!“—Атпраўляютьца у путь, у дарогу. Здѣлалась пагода жаркая да таго, што на ихъ адежа смулить, ажну крававая смага на губахъ, душа изъ тѣла вонь лѣзить, якъ ба найдить вадицы напйтца. Ванька-Ширамыжка гаворить:—Ну, рибяты, ни видаўши горя, ня ўвидимъ добра!“
 Многа-мала праѣхали; ли пути-дарогн стайтъ крыница ключавая, плаваить чара залатая. Яны и гаворють:— „Ну, Ваня, слава Богу, сздаў Господь намъ хуть душу пумачить!“—
 Пагади, рибяты; ни зачаршнуўши, ня выпыишь! Перва я вынью, а тады вы.—Злѣзъ са сваей добрый лошади, пирякстіў ету крыницу хрестъ-на-хрестъ, рубануў яе сваю вострую меччу: заgrimѣла на ихъ кроў ручаемъ. Ванька и гаворить:— „Ну, во пейтя, рибяты!.. А паѣдимъ далій, увидимъ болій!“
 Пріизжають яны къ путю-дарогн, а душа ихъ вонь лѣзить: ѣсть сильна хочитца:— „Хуть ба якую виныградину Богъ саслаў!“
 А Ванька-Ширамыжка гаворить имъ:— „Эхъ, рибяты, када будимъ Богу угодны, ня будимъ галодны!“
 При пути—дарозн стайтъ яблынь: яблынь залатая, а яблыки то сяребриныя.—

„Ну, Ваня, слава Богу, што іонъ сздаѣ намъ яблыню!“ А іонъ имъ гаворить: — „Эй, ребяты, ни хвалитесь: ни саципнуѣши, у карманъ ни клади! Перва саципну я!“ Падходитъ іонъ къ етѣй яблынки, пирыкстіѣ ету яблыню хрестъ-на-хрестъ и рубануѣ сваю востраю меччу: палилася кроѣ ручаѣмъ. Іонъ и гаворить: — „Вотъ то-та, ребяты: я вамъ сказываѣ, што ни саципнуѣши, у карманъ ни кладитя!.. Ну, паѣдимъ далій, увидимъ болій!“ Ъдутъ яны дарогю, нильзя имъ ни прайдить, ни праѣхать за ѣсякю севернастію: за вужами, за зміями; выбились яны сильна ать свайго сна: — „Ахъ, братъ Ваня, хатитца намъ спать: душа изъ тѣла вонъ лѣзить!“ — „Ну, ребяты, када Господъ дастъ, усе будить. У скорыиъ уреми, ли пути-дарози стаятъ кравать тисавая, ляжить пярина пухавая. Яны и гаворють: — „Ну, братъ Ваня, слава Богу!“ А іонъ имъ гаворить: — „Пагади, ребяты: ни лажитяся, а упередъ ляжу я!“ Падходитъ іонъ ки кравати тисавѣй, ки пярини пухавѣй; пирихрестіѣ яе хрестъ-на-хрестъ, рубануѣ яе сваю вострую меччу, — заgrimѣла кроѣ ручомъ. — Іонъ и гаворить: — „Вотъ, ребяты, паляжитя таперъ вы!“ Ну, паѣдимъ далій, увидимъ болій!“ Прізжають къ тремъ дарогамъ съ пирыхрестыкмъ. — „Вотъ, ребяты, давайтя таперъ раду радить! Яѣ насъ три браты, такъ намъ 3 дароги: хто у права паѣдить, тѣй сытъ будить, а лошади пакалѣють; хто у лѣва паѣдить, тѣй самъ памреть, а лошади будутъ сыты, а хто прямиа паѣдить, акаанный духъ будить агнемъ жечь у двинадцати вирстахъ.“ — Стали яны раду радить: — „Што, братъ Ваня, мы лапашинага корму ни магемъ патриблять, а лошади нашъ магутъ упатриблять, — дакъ паѣдимъ мы правюю дарогю: и сами будимъ сыты, и лошади будутъ цѣлы, — а мы ужу притярцѣли многа и голоду, и холоду.“ Тада Ванька — Ширамыжка тольки крикнѣу сваимъ братьямъ: — „Пращайтя!“ — Паѣхаѣ іонъ сярединимъ путѣмъ — дарогю. Толька рачить яму яго добрая лошадь: — „Эй, Ванька, ни жалѣй мяне, а паганяй сильнѣй. За нами идетъ акаанный духъ и жгеть.“ Добрая лошадь ходу придаеть. Прискачили яны къ кузниці; кузница на 7 верстъ авружныстію. Крикнуѣ іонъ сваимъ буйнымъ голысымъ: — „Эй, Кузьма-Димьянъ, атчини кузню!“ Ускакыитъ іонъ у кузницу: — „Ну, Кузьма-Димьянъ, зачини кузницу!“ Схарани мяне ать акаанный силы, Кузьма-Димьянъ.“ Іонъ гаворить: — „Ну, какъ жа тябе ать акаанный

силы спасти? — Клади, говорить, самыя первыя клещи ў горнѣ! Якъ прилягѣла ета никаянная сила къ кузни: — „Эй, Кузьма-Димьянѣ, здѣсь Ванька-Ширамыжка?“ — А Кузьма-Димьянѣ гаворить: — „Здѣсь“. — Падай мнѣ яво: я яго жиўдомъ прагладу! — „Нѣтъ, никаянная сила, ни падамъ я яго табѣ.“ — Атчаго жѣ ты ня хочишь яго падать? — „Аттаво, што у мяне юсь 12 мальчикуў учиникоў; яны атъ роду ни видали акаяннай силы: явѣ увидють, могутъ памерть, а я за ихъ даўжонъ атвичать, — а ты магешъ за три разы маю кузницу прализнуть! (Кузница была три четверти талщины). Я вѣлій табѣ яго на языкъ пасажу и падамъ, штоба наши глаза ни видали, а вуши ни слыхали.“ — Акаянная сила зъ радости скорымъ поспихымъ къ кузницы. Скорымъ поспихымъ явѣ хватила, на четверть паласу выгнула, — утарой разъ, на другую, а у третей разъ и языкъ на четверть у кузню выгнула. Гаворить Кузьма-Димьянѣ: — „Бяри-ка, Ваня, клещи изъ горна вонъ, да хватай акаянную силу за языкъ!“ Гаворить Кузьма-Димьянѣ: — „Ну-ка, рибяты, бяри свае малаты!“ Явѣ начали яны ету валшебницу калатить: избилл, скалатили и ў горни спалили, а попилъ етый на моря пустили; хто етага попилу нахватаўся, тѣй на вѣкъ видьмакомъ застаўся. Гаворить Ванька-Ширамыжка: — „Ну, Кузьма-Димьянѣ, благодарю тябе, што ты спасъ мяне атъ акаяннай силы! Я за ета табѣ паслужу: што ты будишь учиникамъ свaimъ давать на 12 чилавѣкъ, то мнѣ аднаму давать!“

Стукнуть-ляпнуть, идеть яго работа чиста и гладка, пайдуть яны съ Кузьмою пить да гулять. — Служіў іонъ яму годъ, ўсею сваею щирью праўдыю. Благодарить яго Кузьма-Димьянѣ: — „Благодарю тябе, Ваня, за тваю работу! — Ну, я табѣ за тваю работу сдѣлаю зялѣзную кабылу... Ну-ка, рибяты, падпалавай пасканную жменьку, а ты, Ваня, садися и паизжай! — Када ета жменька згарить, тады будимъ кабылу пиряковывать!“ — Ванька-Ширамыжка только паль-кузницы уѣхаў, жменька згарѣла. — „Ну, на-нава будимъ кувать кабылу. Ну, зялѣза падбаўляйтя и павышій падымайтя, да пубайчѣй прибивайтя!“ Вотъ и запалили яны альяную жменьку. — „Када кузницу абѣдшишь, жменька ни згарить, — хараша кабыла будить; а згарить — то дрянъ.“ — Ну, зялѣза прибавіўши, скували кабылу и запалили альяную жменьку; большую палавину кузни уѣхаў Ванька-Ширамыжка, а жменька и згарѣла. Ипать скували ка-

былу и запалили кужалёвачку: — „Ну, садись, Ванька-Ширамыжка: када кузню абъѣдишь, а кужалёвачка сгарить, то кабыла будить дрянъ; а ни згарить, то будить хараша.“ — Ванька сѣў на кабылу, кузницу кругомъ абъѣхаў, а кужалинки и третья часть ни згарѣла. — „Ну, Ванька, хараша кабыла!.. За тваю услугу, Ванька, здѣлаю я табѣ пупирашку у двенадцать пудоў...“ Стаў Ваня атдавать благодарнисть Кузьмѣ-Димьяну. — Атираўляйтца у свой путь-дарогу. Уѣхаў у лѣсь, у пушу нисхадимую. Тольки на яго нищастя навалились больша: нильзя яму ни прайдить, ни праѣхать: засыпаить яму глаза зялёнымъ листымъ. Гаворить Ванька: — „Госпади, твая воля! Ища якей-та урагъ на мяне наваливайтца!“ — Хватаить сляпой Листинъ за яго добрую лошадь: — „Ну, Ванька, я табѣ праходу ни дамъ!..“ — За што жъ ты мнѣ ни даси праходу? — „А во за што: на што ты маихъ сынаѣў пубядіў?“ — А за то пубядіў: на што яны майго батюшку пубядили? — „А за што ты маихъ нявѣстыкъ пубядіў?“ — А за то пубядіў: на што яны мяне хатѣли пагубить? — „За што жъ ты маю старуху сгубіў?“ — А то жъ ни чилавѣкъ, што живой у руки даецца! — „Ну, када даставишь маю старуху, то пушу; а ни дастанишь, то ни пушу!“ — А идѣ жъ я табѣ яе вазьму, када яе избили, скалатили, у горни спалили, а понилъ на моря пустили, — хто таго духу набраўся, тѣй на вѣкъ видьмакомъ астаўся? — Таперъ што знаишь, то и твари нада жноу, а старухи тваей я даставить табѣ ни магу. — „Ну, када захочинъ прайдить, ай праѣхать, то я табѣ скажу, што найдить, а ты найди.“ — Идѣ жъ мнѣ найдить то, што ты мнѣ скажишь? — „Юсть у царя Дадона Дадонавича 12 дачарей; привяди мнѣ самую малую: тада я тебе пушу. — Ванька атдаў яму у залогъ сваю зялѣзную кабылу и скорымъ поспихымъ пашоў у сваты къ Дадону Дадонвичу. Стричайтца зъ имъ чилавѣкъ Абжора: — „Ванька-Ширамыжка, вазьми и мяне съ сабою: я табѣ пригажусь!..“ — Ну, пайдемъ сабѣ умѣсти. — Многа ли, мала яны прашли, устричайтца зъ ими чилавѣкъ Абпоиць: — „Здрастуй, Ванька-Ширамыжка, пайду и я съ табою: бизъ мяне ни какога тоўку ня будить!..“ — Ну, пайдемъ сабѣ умѣсти. — Стричайтца зъ ими ахотникъ: — „Вазьмитя и мяне съ сабою: бизъ мяне ни якага тоўку ня будить!..“ — Ну, пайдемъ! — Пашли яны далій. Стаить стоўбъ; падощить изъ таго стоўба агонь, а

нѣхта кричить: — „Рятуйтя мене, я замерзъ! Ванька-Ширамыжка, вазьми и мене съ сабою: бизъ мене ни ябага тоўку ня будить!..“ — Да пайдемъ сабѣ!.. Пидеть къ Ваньки чилавѣкъ ать стаўба. Ванька спрашнть: — „Ты што іось за чилавѣкъ?“ — А я іось марозъ. — Пришли яны къ Дадону Дадонавичу. Тарчатъ у яго на тычинкахъ чилавѣчскія голавы. Ванька и гаворнть. — „Братцы, будить и намъ ета честь!..“ А марозъ яму атказыпть: — „Нихай-ка іонъ сваю галаву сюда усторонить, а намъ што Богъ дастъ.“ — Ванька гаворнть: — „Здрастуй, Дадонъ Дадонвичъ!..“ — Здрастуйтя, добрыя люди!.. Што жъ вы ка мнѣ ходитя? — „А што, Дадонъ Дадонавичъ? У сваты къ вашій дочки къ милый.“ — Я добрыхъ людей даўно къ сабѣ аждаю. — Примапть іонъ ихъ да чести, соднть ихъ за тисовый столъ, даеть имъ на рюмки вотки и на крошки закуски: — „Вотъ, мае сваточки, я первый разъ усѣ такъ привѣчаю, а далій будить болій. Вотъ, мае сваточки, ни хатитя-ли вы зъ дароги у баню?“ — А ета ни худоя дѣла! — Гаворнть марозъ: — „Што-то яны долга баню топють, — схажутка я, пагляжу.“ — Приходитъ іонъ у баню, пасматрнть: баня харошая; баньщикъ у кадки сяднть, распаліў ету баню жарчѣй агнл. — Іонъ думанть: — „Да, свать, харошую ты баню пригатовіў!..“ Пиривярнуўся, бздыкнуў у ету баню: баня ета и астыла, баньщика кукшинымъ съ кадки выпирли. Патомъ и гаворнть Дадону Дадонвичу: — „А што, сватобъ, скоро ли ваша баня будить гатова?“ — Ахъ, сваточки, я прзабыў!.. Сичасъ пасыланть свайго прислугу: — Ти скоро будить гатова баня?..“ Прислуга сичасъ аематрѣў: баньщикъ застыў, и изъ кадки яго кукшинымъ выпирли. — „Вотъ, мае, вы, сваточки, паслаў я баньщика, а іонъ тамъ змерзъ.“ — Ну, соднть іонъ ихъ за столъ, даеть имъ по двѣ рюмки водки и по двѣ крошки закуски. — „Ну, сваточки, ти ня хочитя вы атдыхнуть?“ — Да, ета ни худоя дѣла. — Увяли ихъ атдыхать у сарай и заперли ихъ на заваль. Сичасъ и приказаў іонъ етый сарай запалнть. Марозъ гаворнть: — „Ну, ребяты, лажитисъ пащитнѣй!..“ Іонъ бяретъ шкуратокъ изъ кармана и атягыпть другъ друга. Закипѣў етый сарай. Якъ тольки звалитца на ихъ галаўня, заснпнть и пагаснть. Дадонъ Дадонавичъ и гаворнть на свайхъ слугъ: — „Ступайтя, сабярнтя у кучу ихъ кости!..“ — Марозъ и гаворнть: — „Во свать: и ў агни мѣста ни даеть!“ —

Слуги сичасъ и абаратились зъ етими ричами: — „Ну, што яны?“ — А што? — Ругають, гаворюць: и у агни намъ мѣста ни дасть. — Сичасъ свать абарачитца и просить ихъ: — Сваточки-галубчики!.. вотъ сукины дѣти!.. Вотка вольная: напились, трубку закурили, у вугыль уранили. Ни жалка то мнѣ сарая, а жалка добрыхъ людей. — „Да, свать, благодаримъ: пажалѣў ты насъ!..“ Сичасъ содить іонъ ихъ за тисовый столъ, даеѣтъ имъ по три рюмки водки и по три крошки закуски. — „Ну, вотъ, сваточки, я для добрыхъ людей даўно загатуваў: сѣмъ валоў наварина, сѣмъ валоў зажарина; сѣмъ пячей хлѣба, сѣмъ пячей пирогоў, сѣмъ купъ вотки пригатувана и сѣмъ купъ пива. Ну, вотъ, када вы усѣ ета папѣтя, паядита, тады я сваю дачку вамъ атдамъ.“ — Ну, сватокъ, што жъ дѣлать? — Нада папить, да пагулять!.. Ну, сѣли за тисовый столъ. — „Ну, сватокъ, ни наси-ка намъ стаканами, а наси намъ вушатами!..“ Закуску ня ношами носюць, а вазами возюць: Абжора вазьмеѣтъ булку хлѣба, да атразу у ротъ — и зѣсть; а Апоиѣкъ атъ разу па цѣлыму вушату вышиваить. — „Ну, свать, выбачивай-ка бочки пива: пива живить кости.“ — Папили яны, пагуляли. — „Ну, сваты мае любезныя, нихай вашъ жанихъ скинитца голу-бымъ, а мая нявѣста сарокью; — пущай яны литяѣтъ на зяленый дубъ: ежили вашъ голубъ приляѣтитъ упярѣдъ, то атдамъ сваю нявѣсту; а ежили мая сарока приляѣтитъ упярѣдъ, то ни атдамъ, — а будить вамъ то, што вы видаѣли у маимъ доми.“ — Атпра-виўся стрялецъ къ етому дубу. Приляѣтѣў голубъ, садитца на етй дубъ; приляѣтѣла сарока, садитца подли яго и зачичика-ла: голубъ уснуў. Стрялецъ здѣлаў стрѣль; голубъ, услышаў-ши етыѣтъ стрѣль, прашнуўся и шибка палятѣў. Приляѣтѣў го-лубъ у домъ; приляѣтѣла и сарока, стала чичикаѣтъ. Голубъ га-ворить: — „Досыѣтъ табѣ чичикаѣтъ: счичикалася!..“ — Ну, зятекъ мой любезный, принимай мою дачку... — „Благодаримъ тябе, Да-донъ Дадоньвичъ, за хлѣбъ, за сьль, за угащенія...“ Атпра-вились яны путемъ-дарогью. Благодарить Ваньку марозъ за свадьбу: — „Папили, пагуляли и пубясѣдывали... Павымаразіў я яго уси рѣки, уси балоты у яго царстви...“ — Благодарить ахотникъ: — „Вотъ паахотіўся: нѣскольки ўрема ня ўвидить и камаря у сваймъ царстви...“ Благодарить Ваньку Апоиѣкъ: — „Папили, пагуляли и пубясѣдывали: нѣскалька ўрема вады ня ўвидить у сваймъ царстви...“ Благодарить Ваньку Абжора: —

„Благодарю, Ванька-Ширамыжка:—папили, пагуляли, пубасѣдывали; на нѣскальки урема крошеи хлѣба ня ўвидить у сваймъ царстви.“—Приходють яны къ сляному Листину:—„На, сляпой Листинь, ету красавицу: ни табѣ ею ўладѣть, а мнѣ, добраму молайцу!..“ Ина заплакала, якъ рика, горькими слезами.—Листинь гаворить:—„Нѣтъ, я яе такъ ни вазьму: ты зъ ею грѣхъ мѣў!..“ Ну, какъ ня ѣла душа чиснаку, такъ ина и пахнуть ня будить. Выкапаў Листинь яму, напаліў поўну вугалья: палощуть полы висока-висока. Гаворить Листинь:—„Ну, када ты зъ ею грѣха ня мѣў, то пиряйдешь; а вада мѣў то пунадешь.“—Бяреть Листинь траву чирнабылинку и кладеть черизъ ету яму, черизъ агонь.—„Ну, када твая душа чиста, то пиряйдешь; а нячиста, то упадешь.“ Ванька сичасъ рухтайтца, идеть черизъ травинку. Змінная каралеўна схватила яго 12-ти пудовую пупирашку и прилажила черизъ яму. Ванька сичасъ шарьѣ, пашоў и пиряйшоў черизъ ету яму. Змінная каралеўна пупирашку сичасъ атхватила. Іонь тады и гаворить:—„Гасподь мяне пирянесь, нявинную душу!..“ Сляпэй Листинь гаворить:—„Ну, бяри сваю кабылу!..“ Ванька-Ширамыжка и гаворить:—„Я сваей кабылы ни вазьму.“—Ать чаго жь?—„А ты зъ ею грѣхъ мѣў“.—Ета пустяки.—„Нѣтъ, ни пустяки“.—Ну, я пиряйду черизъ яму, якъ ты.—И кладеть сляпэй Листинь травину чирнабылинку, атпраўляйтца черизъ агонь. Тольки іонь атправіўся, а змінная каралеўна схватила 12-ти-пудовую пупирашку и давай бить пупирашкую сляпога Листина зверьху: тутъ ина яго и змясила умѣсти съ жарымъ. Тады и гаворить Ванька-Ширамыжка:—„Слава Богу, што я ўсихъ свайхъ пубядитиліў пубидіў!.. Ну, змінная каралеўна, таперь идемъ са мною у маѣ царства!..“ Прывжаньт іонь у сваѣ царства; тутъ яго сустрикають съ пунажы, съ патрiярхами, са ўсёю духавою музыкаю; сустрикають яго атець и братья; стали цалуватца, стали милуватца. Уходитъ іонь у свае палаты: стали пить, стали гулять. Тады гаворють.—„Пайдёмъ, батюшка, лукавицы развязывать“.—Ну, сичасъ іонь приходить къ лукавицамъ. Тамъ нѣскалька лѣтъ билися цари и карали и ни магли тѣя лукавицы развизать и палавину царства узять. (А завизаў еты лукавицы Ванька-Ширамыжка: када еты лубывицы развизить хто, таму яго сястру замужь атдавать). Ванька гаворить:—

„Нѣтъ. гаспада, ня вы визали, — ня вы и развязывать буди-
ти!..“ Ну, якъ самъ завизаѣ, самъ и развизаѣ, и палавину чар-
ства яму атець сичасъ атписаѣ. — „Ну. таперь. батюшка, маю
сестру, а сваю дачку за каго знайти, за таго и атдавайтя!..“
Ну, сичасъ ня пива варить, ня мѣдъ салатить, а свадьбу за-
вадить. Свадьбу сыйграли и палавину чарства узали; застаѣся
Ванька-Ширамыжка жить у сваѣмъ чарстви. съ сваею зминною
баралеѣною, дочирью Дадона Дадонывича. — Сказка уся, а раз-
сказывать далій нильзя.

№ 8.

Деревня Бердебяки Ельнинскаго уѣзда.

**Абъ Ивани Гадимывичи, Алексѣи Гадимывичи, Стаѣри Га-
димывичи-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяници.**

Лошадь Ивана Гадимывича — Лататай. Чуда-Юда Биззѣбанний.
Гадимъ Цимбалдавичъ. Ращей-лошадь. Конюхъ Ивашка — сѣрая
сирмяжка — залатая пугувица. Гаравикъ. Баравикъ. Вусыня.
Рива Малиныѣка. Калиныѣ мость. Чуда-Юда абъ трехъ гала-
вахъ. Чуда-Юда абъ шести галавахъ. Чуда-Юда абъ двина-
цяти галавахъ. Чудинъ-Юдинъ домъ. Свякрова и нявѣстѣи
Чуды-Юды. Ваѣшебныи кравать, ябланы, валодись. Свякрова
примаить личиния (образъ) Змяи Шкурупей. Прыглатила Гарави-
ка, Баравика и Вусыню. Валакаламскій плухъ. Царь Ковыть —
барада зъ локыть, съ 70 валоѣ сумка. Старикъ съ мятлоу
зганяить зори да вучи, штоба святили. Рыбалоѣ. Два парни
ляда полють — агонь у ихъ да нѣби. Царь Ирадъ. Низгаримый
чилавѣкъ. Алена приѣкрасная. Марья Вараноѣна.

Въ нѣкатарамъ царстви, иминна ѣ нашимъ гусударстви, на
роѣнымъ мѣсти, какъ на баранѣ, жиѣ царь Гадимъ, и було у
яво три сына: первый сынъ Иванъ Гадимывичъ, другой сынъ
Аляксѣй Гадимывичъ, третій сынъ Ставѣръ Гадимывичъ-Самъ-
Малалѣтинъ-Пьяница. Разгуливывли уси царевичи по саду, а
атцу уздумалась правѣдать у сваѣмъ царстви. Выходить юнѣ
на паратныя сваѣ крыльцо и кричить громкымъ голысымъ:
„Иванъ Гадимывичъ!“ Иванъ Гадимывичъ въ палатушѣи пад-
ступанить, кармазынчыку симаить: — „Абъ... гасударъ-ба-

тюшка, требуются?—Сынъ мой милый, сынъ любимый, какъ-ба ѱ нашимъ царстви атвѣдать?—„Ета можна!“—Уходитъ Иванъ Гадимвичъ у пылаты, уходитъ, надиваить царскую адежу и падвязыить вострую кѡпю. Идетъ іонъ на ставы-канюшни выбирать па сябѣ лошадь. Выбраѱ іонъ лошадь Лататаа. Иванъ Гадимвичъ са двара саижжаѱ, атцу зѣ матирью честь атдаваѱ. Паѣзжаѱ іонъ за горы крутѣя, за рѣки большея. А за гарами крутymi, за риками большими, тамъ трава шаѱковая, раса зямчужная; стаять тамъ кравати тисавѣя, пярины пухавѣя, адіялы шаѱкавѣя. Лататай бросіѱся на траву, а Иванъ Гадимвичъ легъ на каравать и уснуѱ. Увидаѱ іонъ у ва снѣ сонъ дикый и сонъ страшный: наизжаѱ Чуда-Юда Биззаканный. Прашнуѱся Иванъ Гадимвичъ и абрабѣѱ. Асидлаѱ іонъ свайво Латату, пріѣхаѱ дамой. Баяя свайго паставіѱ на мѣста, копю и адежду царскую палажіѱ у чухавусь, а самъ пашоѱ къ свайму атцу съ пакланеніемъ:—„Атець мой, Гадимъ Цымбалдывичъ!—И ѱ поль ни даѣхаѱ: ударила мяне ѱ потъ и бросила мяне ѱ марозъ!“—Ну, сынъ мой, Иванъ Гадимвичъ, я табѣ усѣ пращю: ты ища никада нійдѣ не быѱ и людей ты ни видаѱ. Выходить царъ Гадимъ на парадныя сваѣ крыльцо и еричить громьымъ голысымъ:—„Аляксѣй Гадимвичъ!“—Аляксѣй Гадимвичъ къ палатушке падступайть, кармазынычку снимаить:—„Абъ чомъ, гасударь-батюшка, требуются?“—Сынъ мой, Аляксѣй Гадимвичъ, ти ня можна правѣдать, што ѱ нашимъ царстви?—„Усѣ, батюшка, мажно?“—Пашоѱ іонъ у дварець, надѣѱ царскую адежу и падпясаѱ залатую шпагу. Пашоѱ іонъ на ставы-канюшни и выбраѱ сабѣ лошадь Ращѣя. Аляксѣй Гадимвичъ съ палатушке выизжаѱ, свайму атцу честь атдаѱ и паѣхаѱ за горы крутѣя, за рѣки большея. За гарами крутymi, за риками большими, тамъ трава шаѱковая, раса зямчужная; тамъ стаять каравати тисавѣя, пярины пухавѣя, адіялы шаѱкавѣя. Ращѣй бросіѱся на траву, а Аляксѣй Гадимвичъ легъ на каравать и уснуѱ. Видить іонъ сонъ дикый и сонъ страшный: наизжаить на яво Чуда-Юда-Биззаканный и хочить яво паразить. Прабудіѱся Аляксѣй Гадимвичъ атъ сну, абрабѣѱ, асидлаѱ свайго рысистаго Ращѣя и паѣхаѱ назадъ. Пріѣхаѱ дамой, паставіѱ свайго Ращѣя на мѣста, сбросіѱ сваю адежу паратную, цѣлыхъ три дни ни паказываѱся на глаза атцу. Пришоѱ атець, а іонъ ляжить на каравати:—„Милый

мой Аляксѣй Гадимовичъ! Ни отвѣдаю ли ты майго царства? — Нѣтъ, папинька, у поль ни даѣхаю. — „Ну, ты людей ни видаю: табѣ я ета пращай!“ — Гуляли царевици па саду. Выходить Гадимъ на паратныя сваѣ крыльцо и кричить громкымъ голысымъ: — „Ставѣрь Гадимовичъ!“ — Ставѣрь Гадимовичъ къ палатушки падступайтъ, кармазынычу сымайтъ: — „Абъ чомъ, гасударь-батюшка, требуишь?“ — Сынъ мой, Ставѣрь Гадимовичъ! Ти ня можна у царстви отвѣдать? — „Ахъ, батюшка! — Када мае братья ня отвѣдали, а я на гатови, — ну, ды папробую!“ — Пашоу іонъ на ставы — ванюшни выбирать па сябѣ лошады; усихъ абайшоу: на каторую руку ни паложить, на калѣнки упадѣтъ, а иная и саѣсимъ прападѣтъ. Заплакаю іонъ; самъ сабѣ и думайтъ: — „Зайду къ конюху Ивашки-Сѣрый сирьяжки-Залатѣй пугувицы.“ — Приходить іонъ и гаворить: — „Здрастуй, Ивашка!“ — Здрастуй, Ставѣрь Гадимовичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница, куда идѣтъ? — „Я зайшоу къ тябѣ: ти нѣту у тябе лошади па мнѣ; — у тябе ихъ вяликий табунъ!“ — Нѣтъ, милый, у мяне лошади па табѣ нѣту: вотъ, выбирай самъ! — Ставѣрь Гадимовичъ стау выбирать лошады па сябѣ: на каторую руку накладеть — на калѣни упадеть, а иная и саѣсѣмъ прападеть. Атыйшоу іонъ атъ Ивана — Ивашки ў чистыя поля. Нямнога атыйшоу, конюхъ Ивашка и кричить: — „Вярнись назадъ у свой атцоускый домъ! Возли анбара стаить погрибъ, а ў погриби стаить лошады твайво дѣдушки Цымбалды; ана ужэ 30 лѣтъ ѣсть ярую пашаницу: вотъ тая лошады будить табѣ годна!“ — Пришоу Ставѣрь Гадимовичъ къ таму погрибу и крикнуу багатырскимъ голысымъ. Тамъ лошады и зарзала, — какъ зарзала, то шестира дварей и атбила, а 6 атбіу Ставѣрь Гадимовичъ (ана стыяла за двинацатми дварями). Высычила съ погриба лошады и узвилась на дыбы, — аттаво ана узвилась, што 30 лѣтъ свѣту ни видала: ўзапирти стыяла. Іонъ яе схватаю за пувады, какъ даріу пу христкахъ, — тамъ ана и стала, какъ убитая. Увайшоу іонъ у погрибъ, а тамъ лажала адежа багатырская. Іонъ надѣу панцырь и падвизаю мечъ-кладянецъ и узяу примѣты багатырскія: залатую чарку и калоду картъ. Сѣу іонъ на лошады, ана ажну кряхнула, — крикнуу Ставѣрь Гадимовичъ багатырскимъ голысымъ: — „Пращай, атець — мати!“ — Какъ паѣхаю, только хвостъ балтануся ў балавахъ. Іонъ ѣхаю, висяліуся и самъ съ сабою разсуждаю: — „Благодарю я Ацца-Бога: хуть на свѣти пуудаяю

нямнога!..“ Падъизжають іонъ къ Балканскимъ гарамъ; горы еты ажъ за болыки заходятъ. Ходить на етыхъ гарахъ Гаравикъ зъ дупатю: чирпанеть гару, такъ и ссунить яе далоу.— „Богъ помычь, Гаравикъ!..“—Спасибя, Ставѣрь Гадимвичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница! Куды ѣдишь?— „Ѣду свѣту паглядѣть и сябе паказать!..“—Вазьми и мяне съ сабою!— „Какъ жа тябе братъ, када ты при доужнысти?“—Ну, ета доужнысть плахая!— „Ну, када такъ, то пайдемъ!“—Ставѣрь Гадимвичъ ѣдитъ на лышиди, а Гаравицъ спраўляйтца за имъ услѣдъ. Падходятъ яны къ дубамъ, Дубавицъ ходить, вырываетъ дубы и раскидываетъ ихъ.— „Богъ помычь!“—Спасибя, Ставѣрь Гадимвичъ - Самъ - Малалѣтинъ - Пьяница!—Куда ѣдишь, куды путь дяржишь?— „Ѣду свѣту бѣлыва пасматрѣть и сябе паказать!“—Вазьми и мяне съ сабою!— „Какъ жа тябе ўзять: видь ты при доужнысти!“—А, ета доужнысть плахая: дубы у вучу пазраслись, дыкъ я ихъ рассажю!— „Ну, када такъ, то паѣдимъ!“—Дубавицъ вырвау дубъ у 12 абхватнѣ, идеть, пупирантца и за ими услѣдъ спраўляйтца. Падъизжають Ставѣрь Гадимвичъ са сваними таварышыми на ряку Донъ, сядить тамъ Вусыня: на дномъ вусу прудъ, а на другомъ—платина.— „Здрастуй, Вусыня! Пумагай Богъ!“—Спасибя, Ставѣрь Гадимвичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница! Куды ѣдишь, куды путь дяржишь?— „Ѣду свѣту паглядѣть и сябе паказать!..“—Вазьми, братъ, и мяне!— „Ахъ, зачимъ жа тябе братъ: ты при доужнысти!“—Ну, вы пириэжайти-ка чиризъ мостъ, тада увидитя, што будить.—Яны пираѣхали. Вотъ іонъ, какъ виртануу сванимъ вусымъ, то и платина, и мостъ далоу съ вусоу. Узяу іонъ съ сабою сѣпилъ у 70 пудоу. Стала ихъ четвира. Вотъ яны заѣхали у тридывятя царства, у тридисятыя гусударства, на ряку Малиныуку, на Калиныу мостъ. Стыяла тамъ избушка на куриныхъ ножкахъ, на бараннихъ рожкахъ.— „Ну, рибяты, давайта мы ў етыи хатки атдыхнемъ сутыкъ двои!“—Ета хатка сама топитца; питяннѣ, идяннѣ само гатуитца. Сталы тамъ дубовыя, скатирсти шауковыя. Гуляли яны да вечира, да дѣлыть имъ нечига—нада идить на старожу. Ставѣрь Гадимвичъ гаворить:— „Ну, Гаравикъ, ты аставайся тутъ на часахъ, а я табѣ дамъ примѣты багатырскіи: чарку и валоду картъ; какъ будить чарка поўна крови, то спяши ка мнѣ на падмогу. Я пайду на ряку Малиныуку, на Калиныу мостъ?“— Буду

старатца, Ставѣръ Гадимывичъ; пубириги Богъ и тябе.— Паѣхаў іонъ на ряву Малиныўку, на Калиныў мость. Сѣў падъ мость и даждайтца, што будить. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда—Биззаканнй, апаланянтъ силу бязвинную, абъ трехъ галавахъ. Іонъ толька на мость узѣхаў, яво конь спатыкнуўся, собыль забрихаў, сабѡль зацыгнў. Іонъ гаворить:— „Ты, лашадинныя мяса. чаго спатыкаеся? А ты, песья мяса. чаго брешышь?—А ты, истрябинныя перья, чаго зацыгнў?—Няужли вы чуитя супратіўніка?—У мяне іось супратіўникъ Ставѣръ Гадимывичъ, ды яво суда ворынъ касти ни занясець!“.. Ставѣръ Гадимывичъ выскачіў сь-падъ маста и гаворить:— „Ня ворынъ кости заносить,—самъ добрый молюдиць заходить!“ — Бросились яны ўрозъ на три версты, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Ставѣръ Гадимывичъ зрубіў яму 3 галавы и бросіў яго ў ряву. Лошадь, собыля и сокыла узяў сь сабою. Пришоў къ хатки и гаворить: — „Гаравикъ, во табѣ каня, сабаля и сакалѣ!“ — Пакорна благодаримъ! — Яны штыгулять да вечира, да дѣлыть имъ нечива, даждались вечира, — нада идить на старожу. Ставѣръ Гадимывичъ гаворить:— „Ну, Дубавикъ, стой на часахъ, вотъ табѣ примѣты багатырскія: чарка и калода картъ: какъ чарка будить поўна кривй,—спяши тада ка мнѣ на падмогу!“ — Слухаю, Ставѣръ Гадимывичъ, буду стаять!—Паѣхаў Ставѣръ Гадимывичъ на ряву Малиныўку, сѣў падъ Калиныў мость. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда абъ 6 галавахъ. Іонъ яго на масту спатыкнуўся, сабѡль забрихаў, собыль зацыгнў. — „Ты, лашадинныя мяса, чаго спатыкаеся? А ты, песья мяса, чаго брешышь?—А ты, истрябинныя перья, чаго цыгнышь? Няужли вы чуитя супратіўніка? У мяне іось супратіўникъ Ставѣръ Гадимывичъ, — ды яво суда ворынъ касти ни занясець.“ — Ставѣръ Гадимывичъ выскачіў и гаворить:— „Ня ворынъ кости заносить, — самъ добрый молюдиць заходить!“ — Бросились яны ўрозъ, на 6 версть, а ўдарились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Ставѣръ Гадимывичъ зрубіў яму 6 галовъ и бросіў ў ряву, а каня, сабаля и сокыла превѣў дамой и атдаў Дубавику. На третію ночь становить іонъ на часы Вусыню и приказынтъ яму, када чарка будить набигать кроўю, штоба спяшіў іонъ къ яму на падмогу. Сѣў іонъ падъ Калиныў мость. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда абъ дивяти галавахъ. Толь-

ка іонь узьѣхаў на мость, яво конь спатыкнуўся, собыль забрихаў, а сокыль зацыгыў. — „Ты, лападинья мяса, чаво спатыкаісьця? — А ты, песься мяса, чаго брешышь? А ты, истрябинья перья, чаго цыгаишь? — Няўжли вы чуітя супратіўніка? — У мяне іосьть супратіўникъ Ставѣрь Гадимвичь, — ды ня ворынъ яго суда кость занясетъ!“ — Ставѣрь Гадимвичь выскычїў и гаворить: — „Ня ворынъ кости заносить, самъ добрый молыдиць заходить!“ — Бросились яны ўрозъ на 9 верстъ, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучїй. Ставѣрь Гадимвичь срубїў яму 9 галоў и бросїў ў ряку, а каня, собыля и сокыла узяў съ сабою и атдаў Вусыни. Гуляли яны день да вечера, да дѣлыть имъ нечива, даждались вечера, — нада идить на каравуль. Ставѣрь Гадимвичь гаворить: — „Ну, рибяты, сянни вы уси ня спитя! вотъ вамъ калода картъ, гуляйтя, а вотъ вамъ чарка: када будить ана набигать кроўю, то спашитя ва мнѣ на падмогу.“ — Пашоў іонь на ряку Малинуўку, на Калинуў мость, залѣзъ падъ мость и слухаить. А ети багатыри: Гарыня, Дубавикъ, Вусыня, гуляли — гуляли у карты и гаворють: — „Зъ имъ никада ничога ни случалась!“ — Узяли ды й заснули. У самую поўнычъ ѣдить по Калинывымъ масту Чуда-Юда-Биззаканный абъ двынаццати гыльвахъ. Узьѣхаў іонь на мость, конь яго спатыкнуўся, собыль забрихаў, сокыль зацыгыў. — „Ты, лападинья мяса, чаво спатыкаісьця? — А ты, песься мяса, чаго брешышь? — А ты, истрябинья перья, чаго цыгыишь? — Няўжли вы чуітя супратіўніка? — У мяне іосьть супратіўникъ Ставѣрь Гадимвичь, — ды яво суда ворынъ касти ни занясетъ!“ — Ставѣрь Гадимвичь выскачїў и гаворить: — „Ня ворынъ кости заносить, самъ добрый молыдиць заходить!“ — Разьѣхались яны ўрозъ на 12 верстъ, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучїй. Вотъ Чуда-Юда какъ ударїў Стаўра Гадимвича, такъ и убїў яво па калѣни у землю, а Ставѣрь Гадимвичь сняў яму 3 галавы. И гаворить Ставѣрь Гадимвичь: — „Ахъ, Чуда-Юда, дай мнѣ атдыхнуть, атца съ матирью пумянуть!“ — Ну, пуминай! — Ставѣрь Гадимвичь выбраўся, какъ ударїў, сняўши сапогъ, у крышу хатки, — такъ и сняў яе па столь, а ихъ ни разбудїў. Яны ипять разьѣхались урозъ на 12 верстъ, а бросились у кучу, какъ громъ пирядъ тучїй. Какъ ударїў яво Чуда-Юда, то убїў яво па поісь у землю, а Ставѣрь Гадимвичь яму 6 галоў сняў. — „Ахъ, Чу-

да-Юда, дай мнѣ атдыхнуть, атца съ матерью пумянуть!“ — Ну, атдыхай!— Вотъ Ставѣръ Гадимвичъ выбраўся съ зями, сняў съ лѣвый наги сапогъ, — какъ ударіў имъ у хатку, то пѣ ваьны сняў. Зачапила тыхъ багатырей, ускдчили яны, нагледять: ужу поўна чарка криви набѣгла. Яны пахватали свае инструменты, бросились на Чуду-Юду и пурубилі яво у куски, пурубилі каня яво, собыля и соьыла и усѣ пубрасали ў ряву. Ставѣръ Гадимвичъ гаворить: — „Ну, рибяты, було—празивали!— „Прасти, Ставѣръ Гадимвичъ!— „Ну, садитесь на бо-ній,— паѣдимъ!“ — Многа ли, мала яны праѣхали, — іонъ имъ гаворить: — „Ну, рибяты, вы ѣдты тихимъ шагымъ, а я вара-чуся назадъ: я пазабыў примѣты багатырскія.“ — Аны яму гаворють: — „Напрасна ѣхать за багатырскую примѣтню: да-ѣдимъ да горыда—купимъ.“ — Нѣтъ, рибяты, гатовая луччи!— Паѣхаў іонъ назадъ, а яны паѣхали далій тихимъ шагымъ. Ставѣръ Гадимвичъ паѣхаў у тридывятня царства, у тридид-сятня гусударства, идѣ стыяў Чудинь-Юдинъ домъ. Успрыгнуў іонъ на третій атажъ, на балхонъ, стаў падъ ваьномъ и слухаить, што будутъ гаварить жонки. Аны и гаворють. Сва-крова и гаворить. — „Ну, мае, вы, нявѣстужки, нѣту вашихъ мужеў, а маихъ сыноў: вѣрна, ихъ пабіў Ставѣръ Гадимвичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница!“ — Патомъ меншія нявѣстка гаво-рить: — „Я думаю во што сдѣлать: накіну на ихъ дримату, забягу ўпяредъ и сдѣлаюсь чатырьми шатрама, а ў тыхъ шат-рахъ чатыри кравати. Яны захочуть спать, ляжуть на ети ка-равати, а ихъ и разарветъ на мелкія части.“ — Сяреднія гаво-рить: — „Я на ихъ накіну жароту; какъ яны захочуть пить, тада я забягу ўпяредъ, сдѣлаюсь калодись. Яны какъ на-пьюцца, то ихъ и разарветъ на мелкія куски.“ — Большая ня-вѣстка гаворить: — „Я на ихъ накіну голыдъ: какъ яны захо-чуть ѣсть, я забягу ўпяредъ и сдѣлаюсь яблыня: залатоя яб-лычка и сяребринныя. Яны какъ паидять ихъ, то ихъ разар-ветъ на мелкія кусочьи.“ — А свякрова гаворить: — „Ну, я ни пу вашиму: я каго даганю, таго и зѣмъ!..“ Ставѣръ Га-димвичъ гаворить самъ сабѣ. — „Ну, ладна: паглядимъ!“ — Паѣхаў іонъ даганяць сваихъ таварышіў: у три часы дагнаў и гаворить: — „Ну, рибяты, хто у насъ будить старшіі?“ — А-будь ты, Ставѣръ Гадимвичъ! — „Ну, када я, то и слухайтя мяне у ваўсѣмъ!“ — Ёхали яны, ёхали, захатѣлысь имъ сильна

спать: ажну валютца зъ лападей. Наѣхали яны на шатры, бросились яны кѣній путать и хатѣли лажитца спать, а Ставѣрь Гадимвичъ гаворить:— „Ну, рибяты, падажжия: уняредъ я сабѣ каравать 'блюбую!“— Яны падаждали. Іонъ выхватиў свой мечъ и давай рубить шатры и каравати: ни стала ни караватій, ничога, только кроў. Паѣхали яны далій. Сдѣлалась жарка, — захатѣлись имъ пить. Увидили яны калодись, бросились туды. Ставѣрь Гадимвичъ гаворить:— „Стой, рибяты! уняредъ я напьюсь!“— Выхватиў іонъ свой мечъ и давай рубить калодись: нѣтъ нїдѣ ничога, только кроў. Паѣхали яны далій, захатѣлись имъ дужа ѣсть. Видють яны: стаить яблынька, залатоя яблычка и сяребринья. Яны бросились скарѣй на ету яблыню, а Ставѣрь Гадимвичъ гаворить:— „Стой, рибяты! уняредъ я!“— Вотъ іонъ выхватиў мечъ, какъ пѣчаў рубить, — нѣтъ нїдѣ ничаво: только кроў.— „Ну, рибятушки, таперь хто увыйдетъ, таво й Богъ упасеть!“— Паѣхали яны ва ўсю силу. Даганяить ихъ ета Змія-Шкурупея, схватила Дубувика и прыглатила и съ канемъ, и съ сабалёмъ, и съ сакаломъ, и съ дубымъ. Патомъ прыглатила Гаравика и зъ лупатю, и са ўсими яго струмен-тами, и съ ахотю. Пакуль ана справилась зъ ими, — аны на 1000 верстъ уѣхали. Даганяить ихъ Змія-Шкурупея, схватила Вусыню и праглытила и съ вусами, и са ўсею яво ахотю. Ставѣрь Гадимвичъ у ету пору прїѣхаў къ залѣзній кузни, тамъ куеть Кузьма-Димьянъ, — іонъ и гаворить на Кузьму-Димьяна:— „Святѣй Кузьма-Димьянъ, избаў ать нячистый силы!“ Кузьма-Димьянъ упустиў яво ў кузню и заперъ дверь. Приятѣла Змія-Шкурупея на кузню и гаворить:— „Кузьма-Димьянъ! Падай мнѣ етыга падлица, а то я тебе съѣмъ!“— Ну, пралижи ать трехъ разъ стяну, — тады я табѣ яго пасажу на языкъ!— Ана какъ стала лизать, то прализала ать трехъ разъ стяну, высунала языкъ да самый накавальни:— „Ну, садъ яго!“ Кузьма-Димьянъ распекъ влещи абъ 12-ти пудоў, схватиў яе языкъ влещами, какъ узяў молытъ у 100 пудоў, какъ стаў жарить пу языку. Патомъ били, били и гаворють:— „Кархай нашага Вусыню!“ Ана варханула и выкархнула Вусыню живога са ўсею ахотю. Какъ стали бить яе у траемъ:— „Кархай Дубувика!“ Ина яво выкархнула саўсимъ и съ дубымъ. Дубавиць какъ стаў яе жарить дубымъ: „Кархай Гаравика!“ — Ина выхаркала и Гаравика са ўсею ахотю. Га-

равикъ яе біў лупатыю. Стаяў каля кузні Валакаламскыя плугъ; яны узялі зялѣзныя ланцуги и запрягли яе у етытъ плугъ. Паѣхали яны на ей къ морю, уздырали роў 12-ти аршинъ глубины и ширины. Падайшла ана къ морю, начала пить. Патуда пила, пабуду лопнула. Яны яе спалили на агни, а залу ету разсыпали па полю; зала тутъ жа атѣвилась и сдѣлалась машкарою. Апускаў ихъ Кузьма-Димьянъ и приказываў:— „Будитя ѣхатъ дарогю, будить кланитца лѣсь зъ лѣсьмь, дарога съ дарогю, трава съ травою.—глядитя: ня смѣйтися!“—Яны ѣхали, вѣдрили ета и ни засмѣялися; а двѣ цурычки съ-падъ пня бутурнулися, яны усмихнулися: аткуль узяўся царь Кокытъ, барада зъ лобытъ, 70 аршинъ зялѣзная пуга, а съ 70-ти валоў у яво сумка. Іонъ ихъ абматаў зялѣзною пугю, усадіў ихъ у торбу, принесь дамой и усадіў ихъ у астрогъ. Патомъ гаворить:— „Ну, Ставѣрь Гадимвичъ, іостъ у тридесятымъ царстви, у тридесятымъ гусударстви царь Ирыдъ, у яво іостъ дочка Алѣна Прикрасныя: кады ни дастанитъ, то на вѣки атсюль ни пуцу.“—Ну, атдай мнѣ маихъ таварышіў, тады я дастану!— „Ну, нѣтъ: я таварышій табѣ ни атдамъ.“— Ну, ладна: таварышіў я табѣ тута астаўлю, толька ты ихъ тутъ ня мучъ.—Атправіўся іонъ у тридесятыя царства, у тридесятыя гусударства, къ царю Ирыду. И ѣдитъ іонъ па крутыхъ гарахъ, а па гарахъ ходитъ старикъ съ мятлою:— „Здрастуй, Ставѣрь Гадимвичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Шьяница! Куды ѣдишь?“— Ъду къ царю Ирыду за Алѣною Прикрасною!— „Вазьми и мяне съ сабою!“— А какъ жа мнѣ братъ тябе: ты при доўжнысти!— „А ета доўжнысть плахая: я сганяю зори у вучу, штоба яны святили!“—Ну, паѣдимъ!—Ѣхали яны каля рѣчки. Сядитъ тамъ рыбалоў. „Здрастуй, Ставѣрь Гадимвичъ! Куды ѣдишь?“— Ъду къ царю Ирыду за Алѣною Прикрасною.— „Вазьми и мяне съ сабою!“—Паѣдимъ! Да какъ мы чиризъ рѣчку пиряѣдимъ: мѣста нѣту?— „А пагадитя!..“ Рыбалоў нагнуўся, выпіў усю рѣчку; кады яны пиряѣхали, іонъ яе ипать выпустиў. Ишли яны, ишли, видють: два парня палють ляда, у ихъ агонь да самыи нѣби.—Ставѣрь Гадимвичъ! вазьми и насъ съ сабою!“—Нѣтъ, рыбяты, вашъ агонь апасинъ: идѣ-нибудъ вы ўсѣ царства выпалитя!—Тады адинъ паринъ зайшоў съ аднѣй стараны, а другей съ другей стараны: адинъ дунуў, другей плюнуў,—ни асталась ня днѣй исырки:

и трубки дайжа нильзя закурить. Такъ сабралысь ихъ 5 чилавѣкъ. Приходятъ яны къ дварцу царя Ирыда. Домъ яго агромный, кругомъ двара аграда зялѣзныя, а на вярху бы тынь, на каждый тычинки па чилавѣчискый галавѣ, толька на 5-ти тычинкахъ ни було галоу. Ставѣръ Гадимвичъ абрабѣу и гаворитъ:— „Ну, ребяты, знать на етыхъ тычинкахъ будутъ сядѣтъ наши голывы!“—Ахъ, Ставѣръ Гадимвичъ, какой ты іосъ багатырь: сичасъ и арабѣу?!.. Богъ милысліу!.. Ты ни рабѣй, а иди пряма къ царю; када іонъ будить пытать, сколько васъ чилавѣкъ, то ты гавари, што пять. Іонъ будить гаваритъ:— „Я буду гатувать къ свадьби 500 быкоу,—ти паястѣ вы?“—А ты гавари:— „Пумиркуимся!“—Іонъ будить гаваритъ:— „Я буду гатувать къ свадьби 500 булыкъ хлѣба, 500 пирагоу, 500 бочикъ пива, ти паястѣ вы, ти пупытѣ вы?“—А ты гавари:— „Пумиркуимся!“—Пришоу Ставѣръ Гадимвичъ у домъ: царь Ирыдъ абѣдаить, и абѣдають зъ имъ крысы, мыши, лягушки и ўсякая тварь. Ставѣръ Гадимвичъ увидіу ету гагадысь, разсміяўся, а Ирыдъ ета приняу у капризъ:— „Што жъ ты пришоу мяне прасмихать?..“—Нѣтъ, ваша царскыя вяличества, я пришоу у сваты!— „Ну, яеъ станить дѣўка на парѣ,—ня ўдержишь на дварѣ: пара атдавать. Сколько васъ усихъ чилавѣкъ, штоба знать, штѣ и сколько приготовить?“—Насъ пять.— „Ну, я сгатую 500 быкоу жаринныхъ, ти паястѣ вы?“—Пумиркуимся!— „Ну, я сгатую 500 пирагоу и 500 булыкъ хлѣба: ти паястѣ вы?“—Пумиркуимся!— „Ну, я наварю 500 бочикъ пива: ти пупытѣ вы?“—Пумиркуимся!— „Ну, када такъ, то мае сваты. Атдаю Алену Прикрасную.—Я вамъ хачу вытапить баню, штоба съ дароги памытца!“—Ну што жъ, ета харашо!—У яво баня была зялѣзная, спаливали у ей 100 сажинъ дроу. Пасярѣдъ бани стаяу зялѣзный чанъ, а у тотъ чанъ лѣзла 500 вушатѣу вады. У етытъ чанъ были укладыны зялѣзныя жезлы—парить ихъ. Быу у Ирыда низгаримый чилавѣкъ,—іонъ и тапѣу баню. Вытапѣу іонъ ету баню; яны и идутъ туды. А къ бани нильзя за 100 сажинъ приступитца. Тада еты парни, каторыя палили ляды, зайшли съ двухъ старонъ: адинъ дунуу, а другой плюнуу,—у катлѣ вада гарачая замерзла на аршинъ и замарозила низгаримому чилавѣку бѣрыду. Пришли яны къ Ирыду и гаворють:— „Што жъ вы бала насъ смяетись: у халодную баню пасылаить мытца?!.. Ни па-

вѣриў царь Ирыдъ и пабѣтъ самъ у баню!— „Што жъ ты, изгаримый чилавѣкъ, ня вѣрна сдѣлаў: я табѣ приказаў тапты жарка, а ты сваю борыду умарозіў?..“ Схватіў яго за бараду и атарваў съ санкамі яе. Приказаў іонъ сдѣлать пасаредъ двара столь, идѣ имъ абѣдать. Упяредъ падали имъ 500 бочыкъ водкы. Рыбалоў какъ захватіў, такъ и пупавыпіў усю водку и ящю пупрасіў. Падали 500 пирагоў, 500 булыкъ хлѣба и 500 быкоў жарыныхъ. Съѣли яны пу кусочку, а рыбалоў разинуў ротъ и гаворить:— „Ну, рибяты, кыдай!“— Яны яму пирывидали усю закуску,—іонъ и ящю пупрасіў. Багатыри думали, што Ирыдъ скачить, а іонъ у харомахъ сядить и плачить. Патомъ рыбалоў гаворить:— „Братцы, стройта ишахвотъ: я на дворъ хачу!“— Выстраили яму ишахвотъ на три ршина, узлѣзъ іонъ на верхъ, напакастіў,—дыкъ 5 дней ачищали на лашадяхъ. Царь Ирыдъ усадіў Марью Вараноўну у залатой бярынъ и гаворить:— „Ну, вязитя: выйграли!..“ Пріѣхали яны къ тому мѣсту, идѣ два парни палили ляда; яны и гаворють:— „Ну, Ставѣръ Гадимывичъ, благодааримъ, што насъ ты напайў и накарміў!..“ Адинъ дунуў. другой плюнуў: ипять агонь да неби; стали аны ипять палить ляда. Падѣхали яны къ ряки; стала ана плакать и дасадывать и пупрасила у ихъ пить. Аны падали ей вады у стакани; ана и гаворить:— „Нѣтъ, вы мяне пуститя: я сама съ ряки напьюся.“— Аны яе выпустили, скинулась ана рыбий-щукью и пашла у ряку. Ставѣръ Гадимывичъ абрабѣў, а рыбалоў выпіў усю ряку, нашоў рыбу-щуку и падаў Стаўру Гадимывичу:— „Спасибо, Ставѣръ Гадимывичъ, што ты мяне напайў и накарміў!“— Патомъ сѣў ипять ли ряки и сядить. Падъизжаить Ставѣръ Гадимывичъ са старикомъ на горы Балканскія. Цареўна гаворить:— „Ахъ, пуститя мяне съ кареты: мнѣ тошна.“— Выпустили яе съ кареты, скинулась ана зорькью и пубижала пд нибу. Тада старикъ схватіў сваю мятлу и паймаў яе. Падаеть яе Стаўру Гадимывичу.— „Спасибо, Ставѣръ Гадимывичъ, што ты мяне накарміў и напайў!“— Пасадіў яе у бярынъ и гаворить:— „Ну, таперь ня бось: ана будить твая!“— Падъизжають яны къ царю Кокыту, ана и гаворить:— „Ну, Ставѣръ Гадимывичъ, я буду твоя!“— Какъ выпустили яе съ бярына, то царь Кокытъ вырыў яму 12 сажонъ ширины и 12 глубины. Пратянута была черизъ яе га-

рячая провылка, а у ями была вугальля горячая. Ана атваратилась и сказала, штоба аны палажили чиризъ яму тясницу, штоба толька ни видаў царь Кокыть. Тады царь Кокыть и гаворить:— „Ну, Ставѣрь Гадимывичъ, фхыли вы съ цареўнюю у дваёмъ,—хто знаить, што у васъ було, а када ты праў, то пирябязи па етый провылкы тиризь яму!..“ Патомъ атваратиўся и стаў гаварить съ цареўнюю.—Еты багатыри пирякинули тиризь яму тясницу, іонъ пирябѣгъ, а тясница згарѣла. Тада и кричить:— „Ну, царь Кокыть, гляди: я пирябѣгъ?“— Ды вижу, вижу!— „А ну-ка, царь Кокыть, можа и ты манхъ рибяць мучіў: пирябязи-ка и ты!..“ Іонъ хатѣў пирябѣць, зваліўся у яму и старѣў. Ставѣрь Гадимывичъ забраў сваихъ рибяць: Гаравика, Дубавика и Вусыню, узяў Алену Прикрасную, пафхаў назадъ. Вусыня астаўся шпять кала рѣчки, Дубавикъ стаў расаживать дубы, а Гаравикъ стаў скапывать горы. Ставѣрь Гадимывичъ жаніўся на Алені Прекрасній и стаў царёмъ.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 9.

Якъ Иванъ-дуракъ паймаў у рѣпи лятучига старика. Иванъ-дуракъ съ кримсалымъ лятучига старика зачичаить каралеўства и женитца на каралеўни. Каралеўна са спулюбоўнымъ аткрали кримсала и загубили Ивана-дурака. Быкъ и баранъ атъ лятучига старика (тожа лятучіи) атжіўляють Ивана-дурака.

Жіў мужикъ, и была у яво три сына. Два сына была вумныхъ, а третій паглупій. Атець и гаворить на сына, каторый называўся у ихъ паглупій:

Хоть ба ты, сынъ, сходиў, идѣ-нибудь грудокъ падабраў—мы бѣ рѣпы пасѣдили малымъ рибятамъ, но и ты бѣ инада бѣ у случаи рѣпину сѣў ба!..“

— О, батюшка, бллазе вы мнѣ сказали!

Какъ саскачіў съ пячи дадой босый и бизъ тапара, у лѣсъ и пабизаў. Прибизаў у лѣсъ, выбраў мѣста харошія на ляда, больши десятины. Онъ быў чплавѣкъ сильна магучій: узяўся ляда ни рубить, а съ каренними тигать. Троя сутыкъ тама

пражіў, у томъ ляди, и дамой ни хадіў. На чатвертыя сутки приходить дамой и гаворить на атца сваяво:

— „Паизжай, батюшка, у горыдъ, купи рѣпы цѣльный куль: будимъ мы сѣить съ табой!..“

Атець и гаворить на яво:

— „Перва жъ, нада выжить и падабратъ яво; ва-втарыхъ, кулемъ рѣпаю цѣльную диситину можна засѣить.“

Сынъ на атца атвичаить:

— „Ты сходи—пасматри: диситина цѣльная ужъ гатова падъ пасѣвъ.“

Атець многа удивляўся и гаворить:

— „Звиди ты, сынъ, мне на то мѣста!“

Сынъ зъ атцомъ пашли на ляда. Приходить атець ў ляда, тольки руками хлопнуў и галавою пакатаў, и сказаў атець на сына:

— „Какъ жа ета Бохъ памохъ тибѣ?“

Патомъ и гаворить:

— „То правда, што куля рѣпы нада!“

Паѣхаў атець у горадъ, кушіў куль рѣпы, привезъ дамой, пашли сѣить съ самымъ зъ ёстымъ сынымъ. Атець узяўся сѣить, а сынъ ляжить и пригавариваў:

— „Расти рѣпа па каретному калясу!..“

Пасѣили рѣпу и пришли дамой. Черезъ три, чатыри дня епустіўши, гаворить сынъ на атца:

— „Ватюшка, нада-бъ сходить рѣпы пасматрѣть, ти ни тигаить ли яе хто!“

— „Глупый ты, мой сынъ, ищѣ рѣпа нейди ни усхадима! Онь, ящо прупустіўши черизъ недѣлю, гаворить на атца:

— „Ватюшка, нада пасматрѣть рѣпу: я и у ва снѣ видіў, што хто-та таскаетъ яе.“

Атець гаворить:

— „А вотъ пайду—пасматрю!“

Приходить атець къ рѣпи, гдѣ пасѣинья—ужъ двѣ кускѣ тетивы натяганы бальшихъ. Приходить дамой и гаворить: бу-

— „Сынъ мой, ужъ рѣпу хто—та вушаить: уже двѣ будаў тетивы натяганы.“ ду!

Сынъ заплакаў, да и гаворить:

— „Вотъ, я тебе даўно пасылаў!..“ быкъ

Сичасъ пубижаў сынъ къ рѣпы, пасмотрить: праўда, іў.— ду!

кучи тетивы натягана. Сичасъ узяў сынъ—вытинуў рѣпину, да на плячо, принесъ дамой, то тая рѣпина у двери, въ избу, ня ўходитъ: слишкъамъ касэй сажинь. Онъ узяў яе разсѣбъ на мелкія штуки, у избу укидаў. Дѣла приходить къ начі. Атець на бѣльшыва сына гаворить:

— „Пайди къ рѣпы на карауль, хто яе тигаить!“

Етыть сынъ уздумаў:

— „Куда я пайду? Какой-нибудь тигаить страшилища, то и мнѣ смерть будить.“

Пашоў у пуню, пиринучуваў и дамой пришоў; гаворить атцу:

— „Никаво я ни видаў!..“

Приходитъ другая ночь. Пасылаить атець второва сына на карауль къ рѣпы. И етый убайўси самый етый страсти—гаворить:

— „И я ни пайду!..“

Забраўся у чужую пуню, пириначуваў, приходить дамой и гаворить атцу:

— „Никаво ни видаў я!..“

Приходитъ третія ночь. Гаворить атець на етыва сына, съ каторымъ рѣпу сѣили.

— „Таперича, сыноекъ, тебѣ идить!..“

Сынъ атвичаў на атца:

— „Ужъ я вижу самъ, што мнѣ нада идить: самъ я лада вырубіў и съ табою сѣіў—самъ пайду на карауль“.

Пашоў сынъ у кузню къ кузняцу, скуваў сибѣ палку жалѣзную у палпуда вѣсымъ и пашоў, гдѣ рѣпа пасѣиная, падъ тую капу. Сидить тама многа урема. Приходитъ самая пѣлунычъ. Зашумѣў сильный вѣтирь, узяла дажа лѣсъ лумать, здѣлалася дажа зямлитрисенія,—прилетѣла агромная чудовища-старикъ и пала на рѣпу. Вытащить рѣпину, тетевину атарветъ да кучку бросить, а рѣпина у роти только хрящить, какъ онъ бѣеть. Етыть жа самый Иванъ и смотреть. Стала яму жалка ѡна рѣпы, разгарячилася яво сердца: онъ выскачѣў аттуда съ падъ капны и етыва старика етый жа палкый мизда и лѣ на спины и на галавы какъ ударіў. Онъ только криебол падняўся и палятѣў, а етыть жа самый Иванъ за нимъ лядгонь—и усе яво пальею бѣеть. Етыть жа старикъ, какъ прилитаить у въ избу у сваю. Самъ старикъ легъ на

палицу, голову палажіў на кутъ, а носъ палажіў на крюкъ, а Иванъ яво усе-таки бьетъ. Онъ (старикъ) атвичаить яму:

— „Ня бей мене: я табѣ дамъ штуку.“

— Давай! а што ты мнѣ дашъ?

— „А вотъ тибѣ быка да барана.“

— А на што яны мнѣ?

— „Када у случаи ты будишъ на чужой стараны и тебе ежели убьютъ, то баранъ будить бліять, а быкъ ривѣтъ: хто дома будить, то и знай, што ты ня жиў.“

Онъ яво ипать пашоў битъ.

— „Ня бей мене: я тибѣ ишо штуку дамъ.“

— Давай! какую ты мнѣ штуку дашъ?

— „А вотъ тибѣ пузырекъ!“

— Ли чаво онъ?

— „А ты павѣсь яво на жалѣзнымъ масту идѣ-нибудъ асобенна. Какъ тебе убьютъ, такъ у пузырекѣ будить полна криви; то тада барана съ быкомъ выпускай: яны тебе атживяць, хто будить дома.“

Онъ яво, Иванъ, ипать узяў битъ; то етй атвичаить:

— „Ня бей мене: я тибѣ ишо штуку дамъ!“

— Давай! Што ты мнѣ дашъ?

Онъ вынимаить яму кремине и мысать. Иванъ атвичаить:

— „Ли чаво жъ ета штука?“

— Ты папробуй сибануть, то насыплетца сила—конница и пяхота, и разны сильны багатыри“.

Иванъ, какъ сибануў три раза, то цѣльная комната салдатъ и зъ саблями; гаворять на Ивана:

— „Што прикажита дѣлать?“

— Вазьмита и зрубита етыва старика у мелкія штуки!

Узяли яво, зрубили у мелкіи штуки, у яму завапали.

Послѣ етыва Иванъ узяў кремине и мысать и усѣ ета спрятаў—усѣ салдаты спрятались. Наконецъ, пашоў Иванъ къ атцу сваяму дамой, павеў быка и барана; приводитъ дамой быка и барана и атдаў. атцу сваяму на руки и пузырекъ атдаў атцу и гаворить таперъ:

— „Батюшка, пращайтя: я таперя зъ вами жить ня буду! Кармита маяво быка да барана! Ежели у случаи станить быць ривѣтъ, а баранъ бліять, то и знайтя, што я на свѣти ня жиў;—

выпускайтя быка и барана изъ хлѣва вонъ, а ва-ўтарыхъ, па-сматрится у пузырекъ, есть ли у ёмъ кроў.“

Попрашаўся и пашоў. Нѣскальки уреми іонъ ишоў. Приходить у адно каралества, къ каралю у горыдъ и у томъ горади усе у чорныхъ трбурахъ ходють и у пичали плачуть. Онъ и спрашиваитъ у аднаво старика старава:

— „Што ета у васъ такая значить? Што у васъ за пичаль такая у вашимъ каралеўстви?“

— Да вотъ пріѣхаў нипріятиль такой и сватайтца къ дочери нашига караля, а каралеўна ни сагласна за яго итти, да и атець ни сагласнаъ, а нипріятиль атвичаитъ на нашиго караля:

— „Када ты ни атдашь сваю дочъ за мяне, силу тваю пабью и горадъ выжгу, а усё—таки вазьму.“

А Иванъ атвичаитъ на етыва старика:

„Даложьтя свайму каралю, што я етыва караля силу усю пабью, зачичу яво.“

Етытъ жа старикъ далажіў каралю:

— „Такой-та хвалитца: зачичу каралества и нипріятильскую силу усю пабью!..“

Кароль гаворить:

— „Паслатъ яво ка мнѣ сюда на глаза!“

Старикъ приходитъ къ Ивану и гаворить: жылаитъ тибѣ кароль видить на глаза—ступай къ яму, пажаласта. Онъ и пашоў къ каралю на глаза. Кароль сустрѣў яво съ честию, су славный, съ барабаннымъ боимъ, посадиў яво кароль рядомъ съ сабой и гаворить кароль:

— „Праўда ли, што ты можишь защититъ мой горадъ атъ нипріятеля?“

— Да, праўда!

— „Вяликую награду я тому даў ба, хто бъ силу яво пабиў, а за мене заступіўся!“

— А какую?

— „А што хочишь?“

— Дочъ вашу хачу за мене.

— „Съ вяликимъ удавольствіимъ,—тольки заступися!“

Иванъ и гаворить:

— „Пишитя къ тому каралю, штоба заўтри у дивятымъ часу на вайну ваизжаў!“

А ужъ тотъ кароль са сваей арміи близка вокыла горыда. На заўтрыва выизжаить тотъ кароль у диватымъ часу, атпраўляйтца Иванъ тожа къ яму у диватымъ часу. Гаварить кароль на Ивана:

— „Ты жъ бери варміи у мене, сколько надоби и сколько есть!“

— Ни нада мнѣ ни аднаво чилавѣка: я—одинъ.

Иванъ атправился на страження и ўзялъ Иванъ мысатикымъ рубить абъ креминь, и пасыпала сила — вармія нязмѣтная, конница — пяхота. Пяхота и багатыри двоя сутыкъ билися съ тымъ каралемъ: прибилъ и притапталъ таму каралю чиста усю силу Иванъ—едва мохъ кароль самъ уѣхать живой. Тада Иванъ абратился къ сваяму каралю. Кароль благодарилъ Ивана за яво службу и на няво гаварить:

— „Нравитца тибѣ мая дочъ?“

— „Да, нравитца.“

— Желаю атдать тебѣ за услугу дочъ сваю.

Пиривинчались и стали жить. Патомъ таво, вдрухъ пажили съ мѣсиць, и гаварить ина на няво:

— „Друхъ мой милый, скажи, чѣмъ ты силу ету такую пабилъ и багатырей—паѣхалъ выть ты биза всякый варміи—одинъ. Я на балхони стыяла и у падзорную трубку сматрѣла, што ты зъ мѣста далой ни тривожилися, а ать тибѣ валила сила вармія, конница и пяхота; — то я усматрѣла, што ты рубилъ у ва што та.“

Онъ и гаварить:

— „Друхъ мой, ни ў ва што я ни рубилъ, ничаво у мене нѣтъ.“

Ана заплакала и атваратилася ать яво, здѣлалася послитыва бальна — толька бальна ана зъ лукаўстымъ, хочить ана яво каба абмануть: онъ ей, мужъ, ни па нраву пришолъ. Бальна ана цѣльную нидѣлю. Такъ какъ онъ узжалѣлся надъ ей и гаварить:

— „Да вотъ чѣмъ я побиваю силу. Есть у мене ружье. Какъ я вазьму имъ махатъ — и пасыплитца конница, пяхота и багатыри.“

Ана и гаварить:

— „Покажи мнѣ тоя ружье!“

Онъ узялъ ей и показаль. Вотъ ана узяла адному салдату дала многа золата:

— „Ты ни гавари нивауму, а сходи во такая жъ ружье купи!“

Показала яму ета. Тотъ салдаты пашоль, купилъ такая жъ ружье. Ана узяла атдала залатарямъ, штобъ яво азалатить, и узяла ета ружье азалатїиши на тоя мѣста поставила, а ета ружьё, каторая іонъ ей показаль, сичасъ узяла, на почту и атправила къ тѣму баралю, каторый ваивался здѣся.

Ана жилаить за таво замужь, кабы етыва іё мужа и убить ба; и написала ина таму:

— „Прїизжай на вайну; зъ етыва ружья махай—сила пашплитца.“

А етытъ (мужь) пасматрить: ружье азалочина. Онъ и гаварить на іё:

— „Жана мая, ли чаво ты азалатила ружье?“

— А я усе раўно, какъ тибѣ бирягу, такъ и ружье твае.

Онъ засмїался наканецъ. Сичасъ выизжаить тотъ кароль на вайну. Сѣлъ и онъ на лошаты и паѣхаль къ яму на встрѣчу, арміи жъ съ сабой ни взялъ нисколько. Какъ выѣхаль, такъ узялъ ипать рубить мысатамъ абъ кремїнь—павалила сила—вармія: конница и пяхота ни абнакнавенная—и багатыри цѣлыхъ двоя сутыкъ билися, и прибилъ, приклатилъ онъ усю тую силу—едва мохъ самъ кароль уѣхать. Када узваратился у горадъ Иванъ, то тестъ яво састриваль зъ радысти и благодарилъ за яго вяликую защиту. Ана, даждаўши, жана яво, да начи, узяла яго апать распрашивать; гаварить:

— „Друхъ мой, када хочишь, штобъ я жива была, дакъ скажи мнѣ, чѣмъ ты сиду ету пабиваишь; но ни скажишь, такъ я умру сїйчасъ.“

Сама заплакала горькими слїзами, сдѣбался надъ ею вобмаракъ, дажа ана цувалилася—чуть живая асталася.

Саскачили даѣтара, аттирали яе разнымъ спиртамъ. Посли етыва и гаварить ей Иванъ, мужь іё:

— „Пайдёмъ у асобенную комнату!“

Тагда вынимаить Иванъ мысатїкъ и кримашекъ, яѣтъ сталъ сѣчъ, три раза сиканулъ—цѣльная комната салдаты и съ саблими; онъ тада и гаварить:

— Вотъ чѣмъ побиваль силы!

Тада ана свазала на яво:

— „Вѣрю, друхъ мой, таперича я тибѣ.“

Сичасъ ана сдѣлала гульбу, мазукантыѣ, разныя паягры; нибнѣнавенна и сама танцувала—зѣ лукавствомъ мужа сваяво Ивана узвисилала, хорошихъ разныхъ крѣпкихъ вогакъ мужа сваяво Ивана угащала, дла славы зѣ лукавствомъ сама пагушила. Наканецъ таво, лягли спать. Ана узила, какъ заснулъ Иванъ, вынила у яво етытъ мысатикъ и кримсада съ кармана, а сама апять жа дала многа чарвонныхъ прислуги сваей и паслала купить такой жа мысатокъ и кримашокъ у лаѣу. Узила на ета мѣста прастой и палажила, а етытъ узила у письмо и запичатывала и паслала къ таму жа баралю; писала яму:

— „Друхъ мой, выизжай на вайну. Эта тяперъ няложныя: папробуй сначала ету штуку дома“

Онъ какъ чиренулъ три раза, такъ цѣлая комната и навалила салдаты. Тада онъ и гаварить:

— „Праўда!“

Сичасъ жа атписываить, штоба етытъ кароль, яго прежній неприятыль, къ дивятаму часу выизжалъ на вайну. Иванъ етытъ и разсардился:

— „Ну, ужъ теперь ни упушу яво.“

Пріизжаить, гаварять: неприятыль близка. Онъ и гаварить:

— „Пушай жа ѣдигъ къ самому гораду.“

Наканецъ гаварять: неприятыль ли самыва горыду. Онъ тада и выихалъ адинъ бизъ варміи. Вынилъ кримашокъ и мысатокъ и узалъ рубить—тольки агонь сыплитца, а ничаво зѣ яво больши нѣту. Но тотъ кароль, какъ узалъ рубить, пасыпала вармія—конница и пяхота, многа множества, и насккали на Ивана, схватили яво и убили. Тада кароль тотъ приказалъ срубить яво на мелкія части. И узали яво, срубіўши тѣла, у бочку улажили, жалѣзнымъ абручкомъ сбили, у моря и ўпустили. То тоя время быкъ дома риветь, а баранъ бліеть. Атецъ и гаварить:— „Вѣрна, майво Ивана сына нѣтъ на свѣти живова!..“

Пашоль пасматрѣтъ, гдѣ пузырькѣ висить, есть ли у ѣмъ кроў—ужъ пузырькѣ цѣлый крави. Онъ узалъ выпустилъ быка и барана. Ане паднялись на воздухъ и паятѣли. Прилитають на то мѣста къ морю.

— Ну, што жѣ намъ съ табою дѣлать?

Гаварять быкъ и баранъ, што бочки имъ ни дастать изъ моря.

— „Пайдемъ искать рыбаловыѣ, ня ловють ли идѣ ни на есть рыбы!.. То будимъ прасить зятянуть тоя мѣста.“

Прабижали каля моря, напали: лотка стаить каля моря, а людей нѣту. Пасматрять: у лотки рыба балтайтца. Ане ѣсть дужа хочуть. Баранъ гаварить:

— „Хуть ба ету рыбинку сѣль ба!..“

Ускачилъ баранъ у лотку, згрѣбъ ету рыбинку. Ни аткуда узялась примагучія сильная рыба, гаварить:

— „Баранъ, ня ѣшь ты майво щукренка, любезныва дитенка: я тибѣ за ета какую угодна службу саслужу.“

Баранъ сказалъ на тую рыбину:

— Есь у мори бочка;—выкати мнѣ іё, то я пуцу тваяво дитенка.

Тая рыба пашла, заказала вѣмъ рыбамъ:

— „Ищитя бочку вотъ такая-то мѣста!..“

Разыскали анѣ бочку и выкатили на берихъ яму. Тада баранъ узялъ пустилъ рыба дитенка. Гаварить баранъ на быка:

— „Нада разбивать бочку!..“

А збитя ана зялѣзнымъ абручамъ. Баранъ атышоль ать бочки далеча, разагнаѣши, какъ ударилъ свани рагами, сичасъ два абруча збилъ далой; у другой разъ разагнаѣши, какъ ударилъ, паслѣдній, третій збилъ;—бочка ета и развалилася розна. Тада узяли ета тѣла и пирямыли и умѣста пазлажили, какъ бытъ чилавѣку. Быкъ и гаварить на барана:

— Што-жѣ намъ дѣлать? Нада намъ атживить. Зарѣжь ты мяне и выварати зѣ мяне трябухъ и кишки, да у сиредву маю и сядь. Палетить ворынъ зѣ варанятами, ворынъ будить старый крыкать, скажить:

— Бривъ, крукъ, свѣжія мяса, да абманъчивата!

А варанята, какъ глуныи рибяты, и пупадають на етый трябухъ,—а ты и схвати вараненка. Онъ скажить на тебе, ворынъ:

— „Не губи майво вараненка, любезныга дитенка: я тибѣ какую угодна службу суслужу.“

То баранъ узялъ и зарѣзалъ быка, вываратилъ зѣ яво трябухъ и кишки и сѣль у средину. Летить ворынъ зѣ варанятами. Ворынъ гаворить:

— Крукъ, крукъ! свѣжія мяса, да абманъчивата!

А вараняты, какъ глупыя ребята, пупадали.—Ионъ, баранъ, вараненка схваталъ. Воранъ гаварить:

— „Ня бей ты вараненка, любезныва дитенка: я тибѣ какую угодна службу суслужу.“

Баранъ гаварить на ворына:

— „Злетай ты! Есть адно мѣста живая вада и мертвая и прекрасная: приниси мнѣ етый трехъ сартоу вады, то тада я пушу табѣ дитенка.“

Ворынъ гаварить на барана:

— Падвяжи мнѣ три пузырька!

Баранъ падвизалъ ворану падъ крылья три пузырька—воранъ паднялся и палятѣлъ; прилетайть воранъ у то мѣста. Три ключа: у адномъ ключу мертвая вада, у другомъ ключу живая вада, у третимъ ключу прикрасная вада. То воранъ са ѳсѣхъ трехъ ключей узялъ вады у кажный пузырекъ и палитѣлъ. Прилетайть ворынъ ипать на тоя мѣста къ барану. Гаварить баранъ:

— „Принесъ, воранъ?

— Принесъ.

— „Ну, давай іё сюда!“

Воранъ узялъ атдалъ пузырекъ барану. Баранъ узялъ и разарвалъ вараненка—воранъ и заплакалъ. Баранъ узялъ вараненка, какъ сбрызнулъ мертваю вадою—онъ змиртвился; сбрызнулъ живою вадою—сживился; сбрызнулъ прикрасный вадою—то былъ вараненкъ харошъ, то ящо луччи сталъ. Сживился вараненкъ и паднялся и палятѣлъ съ ворынмъ. Тада баранъ узялъ быка, сбрызнулъ мертваю вадою—быкъ змертвился; брызнулъ живой вадою—быкъ сживился, мыргайть глазамъ, смотреть, а ни ѳстанить. Какъ сбрызнулъ яво прикрасный вадою, быкъ и ѳскачилъ. Тада узялси еткимъ жа манерымъ и хазина сваяго брызгать. Спрызнули мертвый вадою—онъ смиртвился; спрызнули живой вадою—онъ сживился; спрызнули прикрасный вадою, то ихъ хазинъ и усталъ.

— „Ахъ, какъ я долга спалъ!..“

— Да; спалъ ты у мори, у бочки.

Гаварить Иванъ:

— „Пайдемъ къ атцу дамой!..“

А быкъ да баранъ на яво гаворять:

— „Ты зъ нами ни хади, а ступай къ етыму каралю и за-

стаўся къ яму или ў павара, или у прислужныя кала яво хадить; да высматривай, гдѣ ляжить яво крешашокъ и мысатокъ!.. То ты тайна яво и вынь,—тада што знаишь, то и дѣлай. Идешу купи себѣ харошую!..“ Наканецъ быкъ и баранъ пупрацались зъ Иванымъ; быкъ да баранъ дамой, а Иванъ пашолъ у етытъ горыдъ, купилъ себѣ адежи харошій, адѣлся и патомъ приходить къ каралю:

— Ни наймете ли вы мене у прислужныи или у пувара?—

Кароль и радъ етому дѣлу. А ни ўзнали ане яво ни кароль, ни жана яво, узали и наняли яво. Онъ служить харашо. Прадалжантца время и мѣсиць, и два. Онъ надсматрѣлъ, што мысатокъ и крешашокъ у жалети, у бармани. То онъ каралю адно время раздивалъ и вынилъ мысатокъ и крешашокъ изъ бармана вонъ. То тую жъ ночь самую Иванъ, када ане заснули сильна крѣпка, три раза какъ чиркнулъ, такъ цѣлая вонната саддаты и зъ саблями, и гаварять ане на яво:

— Што прикажитя дѣлать?

Онъ гаварить:

— Узять етыва каралю, изрубить яво на мелкія части и палажить яво тѣла у бочку и жалѣзнымъ абручамъ збить и у моря на то мѣста, идѣ я былъ, укатить!

А жина яво ускачила и стала на калѣни, стала плакать и прасить Ивана и гаварить:

— Друхъ мой, Иванушка, прости мене!

Онъ прастилъ —ни сталъ губить, аднача посадилъ ее на бахту на 12 дней, сутки давалась пища адинъ разъ: 1 фунтъ хлѣба и 1 фунтъ вады.

Наканецъ, када ана атсидѣла, пришолъ Иванъ, узалъ яе за руку и аттудава едва вывилъ, и стали патомъ жить мирна и харашо.

№ 10.

Абъ Игри Игравичи, абъ старикъ палугрими.

Старикъ палугримъ самъ съ локать, кнутикъ на симъ верстѣ, самъ съ каршокъ, а галава съ гаршокъ. Сядить на дубу на границы царства, хранить діунова каня. Абъ трѣхъ систрахъ обаратняхъ: яны зміи съ виду, махають жалымъ да верхниги навылка, а якъ пакотютца у заднии пакои, стануть слышными дявицами. А прекрасный Ирини. Сапохъ—басанохъ. Заморскій лятучій Абжора. Птица—ўсяму свѣту Хлапатница. Мать Абжоры су палета сурьезна, живеть у падземнымъ царстви; у яе питьѣ—и силу даеть, и силу тымаить. У яе плѣнницы скинулись залатыми диріўцами съ сярэбриными вѣтачками. Валшебная хвустка: якъ кивишь яе, ать яе загарайтца зимля и вада. Щетачка: яе якъ винишь, аткуда возмутьца махи и балоты. Игра Игравичъ насильникъ пріўкрасный Ирины, уходитъ ать іе на лошади діунога старика, сапагѣ босаногѣ обаратней слышныхъ дявиць, аграждайтца хвустачкай, щетачкай и грибяшкомъ. Пубиждайтъ заморскыга Абжору, што яго царства апусташіў. Спускайтца зъ булавой у таръ-тарары, убиваить тамъ мать Абжоры, асвабаждайтъ плѣнницъ—обаратней. Хитращами астаўлинъ братьтими у таръ-тарары. Вылитаить изъ падземія на крыльлихъ птицы—ўсяму свѣту Хлапатницы: дѣтей яе іонъ спась. Братьтимъ дабромъ за зло платить, тодьки пригаваріить: „знай, за што получай!“

Въ адномъ дреўнимъ царстви быў царъ Игра, имѣў іонъ трехъ сыноў. Дожили яны да савяршенныхъ лѣтъ, и старшій сынъ стаў прасить благаславенія у атца пувидать чужихъ земель, наказать и сябе.

Атець и дазволіў яму атраўляйтца у чужея земли. Сынъ сидлаить добрую лошадь, садитца и атраўляйтца у путь. Приближайтца ва границы атцоуськага царства, а на границы стаить дубъ, на томъ дубу сядить старикъ палугримъ. Полугримъ имѣў при сябѣ кнутикъ длиною на семь верстѣ; самъ іонъ съ варшокъ, а галава съ гаршокъ. Полугримъ спрашійть, хто ѣдитъ, куды ѣдитъ, ти па хоти, аль па няволи. Каралевичъ у атвѣтъ яму: „Ека диковина! Узабраўся на дубъ—якъ ба че-

лавѣкъ, — а то мальчюганъ ростамъ съ вяршокъ, а галава съ гаршокъ!.. Ёду туды, куды мнѣ нада“.

Услыхаў палугримъ дерзкій атвѣтъ царевича, астанаўліць яго лошадь, бярець свой вьнутъ и усыпаў царевичу, скольки пришлось, избяюдаваў яго ладна и вярнуў яго назадъ.

Царевичъ вазвратіўся къ батюшки царю у сваю сталицу. Атець дивитца, што сынъ яго царевичъ скоро вярнуўся, и спрашійть: „Што съ табай злучилась, што ты скоро вярнуўся? — Ахъ, батюшка, на застави, при границы тваяго царства, мнѣ уси ребр'а переламали — ни магу ужу далій ѣхать, и паэтаму счеў за лучшее вярнутца.“

Проситца другой сынъ, сяредній, у чужея земли, павидать и чужихъ заграничныхъ зямель и людей, да и сваю моладасть паказать.

Батюшка царъ дазваляить и етому сыну атпраўлятца у чужея края.

Приближіўся къ тэй застави и тому дубу и етый сынъ.

Слышійть, якъ съ дубу кричить яму полугримъ: „Стой! Хто ѣдїть? Куды ѣдїшь? Ти па сваёй хѳти, ти па няволи?“ — Царевичъ съ гордастію узглянуў на етый дубъ, видить мальчугана: самъ іонъ съ каршокъ, галава съ гаршокъ, и гаворить яму царевичъ: „Ека диковина какая! туда ёду, куды нада.“ — Ну, кали такъ ты мнѣ рачишь, то я съ табой разсчитаюсь! Тутъ и птица бизъ мне ни адна ни пралитала, ни люди ни праѣзжали. — Прыгъ съ дубу, да и начаў яго кляўмить, вьнутыкымъ ахаживать: избіў царевича, якъ гамана.

Царевичъ избитый вазвратіўся ва сталицу, къ батюшки царю. Царевичъ разказаў яму усё, што зъ имъ злучилась у дароги, атвезаўся атъ дальній паѣздки.

Спустя нѣскальки гадоў, младшій сынъ Игра Игравичъ просить благаславленія у атца пувидать чужихъ зямель и сябе паказать. Царъ сына благаславіў, и іонъ атправіўся у дарогу. Приѣхаў къ границы чужей зямли и къ тому дубу, а полугримъ и гаворить царскаму сыну: „Што, царевичъ Игра Игравичъ, куда ты ѣдїшь, ти па хѳти, ти па няволи?“ — Нѣтъ, палугримъ, не то шта па няволи, а пу батюшкиному благаславленью: хачу праѣхать у чужея края, паглядѣть и чужихъ зямель и сябе паказать.

— „Ну, знаю я твае намѣреніе, — только ты, царевичъ, на

етый лошади ни даѣдишь, а вярнись дамой и праси у сваяго батюшкы ту лошадь багатырскую, на ваторай іонъ ѣзди ать младысти да старысти!..“ Вазвратиўшись къ атцу, разсказаў усё, якъ пастушій зъ имъ палугримъ, и просить атцоуськей багатырскій лошади на праѣздъ яму у загранишныя края.

— „Ну, сынъ мой милый, атпраўляйси-жь ты шпять къ палугриму!..“ Увидаў палугримъ царевича и гаворить яму: Што тыбѣ, царевичъ, сказаў твой атець?—Сказаў мнѣ мой атець, што лошадь стаить у бирагу, у скляпу, а ключики у вашій милысти.

Палугримъ и гаворить царевичу: „Я таперь знаю а тваеѣй паѣздки: ты ѣдишь по свиту сябе паказать и дружкы паискаць“.—Спрыгнуў палугримъ съ дубу, атправились къ склепу. Атмыкаить лошадь, а лошадь ать дреўнысти пасивѣла. Игра Игравичъ, увидаўши ету багатырскую лошадь, гаворить ей:— „Служила ты маяму батюшкы ать младысти яго и да старысти,— пуслуги таперь и мнѣ!..“ — Нѣтъ, Игра Игравичъ, я устарѣла— ни магу тыбѣ служить; а пазволь мнѣ у чистымъ поли пагулять, ярый пшаны паидать, зямчужный расы пупивать!—Царевичъ съ палугримымъ и сами атправились пагулять и пувисялитца. Гуляли яны доуга и придоўга, а ў ета время и лошадь атьѣлась. Приходить Игра Игравичъ къ тѣму мѣсту, свиснуў багатырскимъ посвистымъ, маладецеимъ голасамъ: лошадь бяжить, падъ ёю зямля дрыжить.—Скажи жа мнѣ напередъ, гаворить лошадь Игри Игравичу: якую тыбѣ службу служить!— „Я“, гаворить царевичъ: „хачу чужихъ зямель павидать, сваю красату паказать“.—Ну, скидайся мухню, пализай у мае лѣвыя уха, а у правыя вылизай: таперь ты красіў и силянъ, а тады яще болій будишь и красіў, и силенъ.—Вылизъ изъ уха лошади царевичъ и ў праўду стаў и силянъ, и красивый.— „Садись лягенька и дяржись вряпенька—паѣдимъ!..“ Усѣўшись на лошадь, царевичъ прастіўся съ палугримымъ и усвааў. У минуту времени, царевичъ Игра Игравичъ праскакаў на багатырскій лошади адно чужоа царства. Видить агромный домъ. Астанавясь здѣсь, привязыить іонъ вѣрную сваю лошадь, самъ уходитъ у етый домъ: видитъ агромныга змія, змій жъ етый махаить жалымъ да верхнига навалка. Царевичъ, не рабѣя, владеть сваю шапеу и низка влянитца змію. Змій скатиўся у клубокъ, пакатиўся у дальнія пакои—и выходить прекрасивая дьявица.

Дявица гаворить царевичу: „Здрастуй, Игра Игравичь, куды ты їдишь: ти па хоти, ти па няволи?“—Я їду ни па няволи, а пу батюшкиному благаславенню.—„Знаешъ ли, царевичь: хто далека литаить, тотъ сваю галаву тиряить,—а пагорную и павинную галаву и мечъ ни бяреть. Ты, куды їдишь, туды ты на сваей клячи ни даїдишь. Астаўляй яе у маймъ дварѣ, а я дамъ табѣ сваяго добрага каня.“—Публагадаріў яе за услугу, сѣў на діўнага каня и паскакаў у чатвертыя царства. Якъ воласу пригарѣть, іонъ праскакаў па етому царству, прискакаў къ застави чатвертыга царства, видить громаднй домъ; привизаў діўныга каня, самъ пашоў у тотъ домъ. При ўходи у домъ видить грамадныга змія; ни чуть ви рабѣя тога змія, кладеть сваю шапку къ мѣсту, низка павлавіўся змію—змій свярнуўся у влубокъ, пакатіўся у задніи пакои.—Выходитъ прекрасная дявица, и атькланиваитца ей Игра Игравичь. Дявица гаворить яму: „Куды їдишь? Ти па воли, ай па няволи?“—Ни па няволи, а пу батюшкиному благаславленству.—„Далеко, царевичь, литаишь, сваю голуу тиряишь; ву, а пагорную и паклонную галаву и мечъ ни бяреть: только ты на клячи, куды їдишь, ни даїдишь; а дѣлать ужъ нечига—думаю памочъ тябѣ: бяри майго быстрага багатырскага каня, а свайго астаў у ванюшни.“—Публагадаріў дявицу-красавицу, сѣў на быструю лошадь и паскакаў да слѣдующага чатвертыга царства. Ъхаў такъ быстра, што праѣхаў усѣ царства, якъ воласу пригарѣть. Падъизжаиць къ застави, видить великалѣпнй домъ. Астанавліить быстрага багатырскага каня, уходитъ у домъ, видить агромныга змія. Не рабѣючи, кладеть сваю шапку и визка кланіитца іонъ тому змію. Змій свярнуўся у влубокъ и пакатіўся у задніи пакои. Яўляитца пиридъ яго прекрасная дявица іонъ атькланіўся ей. Дявица спрашиить у царевича, ти па хоти, аль па воли їдить и куда, и за чимъ. Царевичъ атвичаить пріуераснй дявицы:—„Я їду къ мурумскому царю прасить руки яго дочири, пріуераснй Ирины.“—Знаю я етыга царя: іонъ мнѣ роднй, но только ты на лошади ня їзди, а атстаў яе у мяне, а я табѣ дамъ умѣта каня шатеръ—самалеть, шапку—нивидимву и сапогъ бисаногъ... Да, сматри: якъ далятишь, ни ўхади у ихъ палаты, а атетанавись у ихъ зяленымъ саду, штобъ ина ни тваяго голаса ни слыхала, ни тваяго воласа ни видала—а то ина тябе спатря-

бить. Наблюдай яще, якъ царевна Ирина будить итить на гулянья, у садъ, са свайми прислугами и ўзойдись у шатерь на отдыхъ—тады ты скорымъ поспихымъ къ ей у шатерь, патдахни и кольца на кольца пуминяйся, квасу напейся и ухади скарѣй. Выслушаў усё, што яму гаварила и присавѣтывала, публагодаріў яе и сѣў у самалеть, и палятѣў къ мурумскому царю, прекрасный дочери яго Ирины. Прилятѣўши, іонъ оста- навіўся у парскимъ саду и выжидаў выхыду царевны, при- красный Ирины.

У поўдиль вышла изъ дварца царевна съ прислугами нагу- лять по саду и, нагуляўшись, пайшла у шатерь на отдыхъ. Тутъ Игра Игравичъ скорымъ поспихымъ уходитъ къ ей у ша- терь, такъ жа на отдыхъ. Патдахнуўши съ ёю, нагаваріўшись у волю, абмяніўся на кольца, напѣся квасу и, ни накрыўши квашни, улятѣў у обратный путь. Прилятѣў къ прекрасный дявицы; атыланіўшись ей, возвратіў ей самалеть, шапку нивя- димбу и сапогъ бисаногъ, и благодарить яе. Дявица прикрас- ная (звали яе Алёнай) сказала царевичу: „Даляко литаишь и многа бѣдъ дѣлаишь: квасъ піў и квашни ни закрыў. Са- дись жа скарѣй на каня сванго и скачь скарѣй: а то вить за табой будить пагона. Вотъ табѣ мая щетачка. Якъ будутъ тябе даганяты, брасай скоро ету щетку—сдѣлаютца мхи и ба- лоты; а пака ганцы канавы пракапають, масты намастятъ, да- роги правядуть—ты усё то царства праскачишь.“—Даганяють царевича ганцы, а царевичъ брасаить щетку—дѣлаютца мхи, балоты, и, пака ганцы правяли дароги, іонъ ужу праскачіў усё царства. Падъизжаить къ застави другога царства. Уходить ва дворъ, атыланиваитьца прекрасный дявицы, атдаеть ей быстрага багатырскага каня и поклонъ ать сестры Алены.

Другая дявица дала Игри Игравичу грибяшокъ.—„Будить за табой пагона, тады брасай етый грибяшокъ: ать етыга бу- дить сзади тябе агромный лѣсъ. Пака лѣсъ разрубють и масты, дарогу сдѣлають ты прискочишь у третія царства.“—Усѣўся на лашать добрый молыдиць и быў такоў. Даганяить пагона, царевичъ бросіў грибяшокъ, и вырысь агромный густый лѣсъ. Пака ганцы срубвай лѣса занимались, а царевичъ ускакаў у третія царства.

Яўляитьца къ прекрасный дявицы, атдаеть поклонъ ать сестры. Прекрасная дявица гаворить: „Игра Игравичъ, за

вяликою бядою їздишь ты на свѣту. Сматри: ни патирай сваю галовушку; а беда у тебе ужэ на насэ тваемъ. Вотъ жа табѣ ать мяне хустычку. Будить за табой вяликая пагоня— ты ни дупускай да сябе, брасай ету хустычку. Загаритца пазади тебе и земля, и вада; пагоня въ агонь ни пайдетъ, а вазвратитца ва сваяси. Даганяить пагня, царевичъ Игра Игравичъ брасаить хвустку: загарайтца и зимля, и вада; ганцы въ агонь ужэ ня бросились, а тольки дивуютца. А Ирина гаворить: „Ну, Игра Игравичъ, таперь-та ты ать моихъ рукъ ускальзнуѣ; но дажидай мяне съ гастинцымъ у тваемъ царстви!“

Царевичъ падъизжаить къ старику палугриму. Астанаўлить утамленнага свайго вѣрныга багатырскага баня, здрастуитца съ палугримымъ. Палугримъ радеханиеъ балапалушныму вазвращенію Игры Игравича.

— „О, Игра Игравичъ, даляко ты литаишь, да п бѣдъ жа многа надѣлаѣ: то-та маладость—буйндсть! Піѣ квась, да евашни ни наеруѣ!..—„Паизжай жа ты къ атцу тваему: у васъ большоя бизчастя. Налятѣѣ у ваша царства заморскій Абжора—выидаить усѣ у вашимъ царства.“

Даскачіѣ скорымъ поспихымъ да сваяго царскага дварца, входить ва дварець, видитца съ атцомъ и братьями. Начались распросы а путяшествіи царевича; царевичъ ать нити да нити расказаѣ атцу а сваемъ странстваваніи. Атець, нагаваріѣушись съ сынымъ, гаворить и а сваемъ гори.

— „Вотъ, сынъ, и у мене, у маемъ царстви сильныя бизчастя. Налитаить Абжора, па нѣскалька куфъ водки выпиваить и па нѣскальки валоѣ наидаить.“

— Батюшка, прикажита сдѣлать три прута зялѣзныхъ, булку хлѣба и гарниць водки.

Лятитъ Абжора, якъ громъ гримить; яѣляитца ва дварець, якъ синная вапа, и ѣходитъ у палаты, требуить папить и паѣсть.

Яѣляитца царевичъ Игра Игравичъ съ булкою хлѣба и гарниць водки.

Абжора горда рачить царевичу: „Щто, ты шутить уздумаѣ са мной: ти накормишь ты мяне етымъ кусочекымъ?“— Царевичъ и гаворить Абжори.

— Унась была карова-абжора: ѣла усѣ па такой булки хлѣба

и пила пу вядру вады марскоў, да патомъ абѣлася и апилася... Няўжошъ и на тябе ня будить акаливанна?!.. вѣдь акалѣишь и ты!..

Абжора и рачить царевичу: „Ты са мной мала пагаваривай!..“

— Ну, кали ты, галубчикъ, такоў, то я съ табой паборіюсь. Падайти-ка три прута маихъ.—Падають яму три зялѣзныхъ прута. Царевичъ давай яго бизувать па хребетнай касти, сбиў три пруты, а Абжора ни паялся. Тадн царевичъ патребуваў дѣдушкину булаву. Валакуть туу булаву десить члавѣкъ царскихъ прислугъ. Абжора спужаўся ужу булавы—крутнуўся ать царевича такъ силна, што у рукахъ царевича атстаўся и черипъ Абжоры, и паятѣў Абжора изъ царскага дварца. Пустиўся у дагонь за Абжорой, но видить, што яго ни дагонить: пустиў у слѣдъ за имъ дядоўськую булаву—паятѣла булава за Абжорай, якъ зъ ружья пуля.

Видить Абжора, што яго дѣла плоха,—ударіўся объ земель: зямля ать сильныга удара разступилась, и Абжора заморскій праваліўся сквозь землю. Загримѣла услѣдъ за имъ булава, и сдѣлалась на томъ мѣсти окнища. Игра Игравичъ падходить къ тому окнищу, сматривать туды и видить, што и канца-краю нѣту.

Приходитъ ва дварець и гаворить атцу:—„какаво, батюшка, накарміў и напайў заморскага Абжору? Іонъ, якъ крутнуўся, у маихъ рукахъ атстался и черипъ яго съ валасами; но бяду адну сдѣлаў — жалѣю и самъ: булава дѣдушкина паятѣла въ таръ-тарары за Абжорай. Атець гаворить царевичу: „Ладна, што избавились ать Абжоры, а булава, хуть и прапала, нибольшая тутъ яще беда“.

— Охъ, нѣтъ, батюшка, я думаю булаву и тамъ найдить.

— „Ну, што ты чудишь?“ гаворить царь сваяму царевичу.

— „Батюшка, прикажитя сдѣлать блокъ: я на блаку спущусь и найду булаву. — Узяў ружьё, зарядіў и идетъ къ блоку; праваждають яго атець и братьгя. Царевичъ просить атца-царя: „Батюшка, якъ спущусь я у таръ-тарары, ты пастаў старажами ли блака ни салдатъ, а сыноў твайхъ—маихъ братьіў; я кали дерну за вярёўку, то бь яны мяне аттѣль бы тащили.“ — Ну, такъ яго и спустили. Іонъ самоў на тотъ свѣтъ и тамъ начаў искать булаву. Искаўши булавы, нашоў

гняздо птушиняты и прицѣливаютца ихъ бить. Птичиняты испужались и затрясли свайми крылушками, а іонъ адумаўся. Ряніўся узять ихъ и кармить: можа, у ихъ нѣту нїтца, ни матери. Начаў ихъ кармить и паить да узросту ихъ. Птицы стали палетывать, и слышать яны, што лятить ихъ мать-птица, усяму свѣту хлапатница. Стали яны дружка съ дружкою талкавать: — „Што ты знаишь, сястрица? лятить наша мать-птица, усяму свѣту хлапатница; ина, ни растукаўшись, ни разгубаўшись, Игра Игравича спатрабить; нада намъ яго спрятать: хуть іонъ насъ напугаў, да и памилуваў. А буды жъ мы яго схуваимъ?“

А падружка-птичка атвичаить: „А падъ ту скурлупу, изъ каторый мы сами выхадили“. — Таеъ яго туда и спрытали. Прилитаить ихъ мать-птица, усяму свѣту хлапатница, и гаворить сваймъ птенцамъ: „Дѣтки мае, гулубятки, хто васъ ускарміў, и хто васъ успаіў? — я тога и сама бъ аблагатварила!“ — Дѣти—птянцы и гаворють ей: Хадіў тутъ якей-та ахотникъ, хатѣў насъ съ ружья пабить — наши жилачки усѣ пазамерли; патомъ іонъ асумніўся, стаў насъ кармить и стаў насъ паить, пакель мы ужъ стали пирялетывать. — „А дѣ жъ вы яго дивали?“ — Мы спрытали падъ ту скурлупу, съ каторый сами выхадили. — „Идитя и завитя яго ка мнѣ!..“ Птянцы яго вядуть къ сваей матери. Ина; ета птица, яго узнала и гаворить: „Здрастуй, Игра Игравичъ!..“ А іонъ ей: „Здрастуй, птица—усяму свѣту хлапатница!..“ — Вить ты, царевичъ, даляко литаишь, да сваю голаву тираишь; толька тымъ и бярьеш, што пакорную и паклонную голову и мечъ ни бярьеш. Ты тэй свѣтъ увесъ абѣхаў и сюда явіўся! Што жъ табѣ нужна здѣсь и зачымъ сюда у етнй свѣтъ?— „Абжора занесъ булаву; вотъ я пришоў атыскивать яе.“

— Што ты птянцоў майхъ карміў и паіў, за то я тибѣ атблагодарю. Иди и разыскивай сваю булаву.

Іонъ приходитъ къ дому тога Абжоры, и на крыльцы сидятъ двѣ дѣвушки, слезна плачуть и каверь вышивають, и яны таеъ красивы, што идна другой красивой. Іонъ приходитъ къ имъ и спрашнить у ихъ, якога яны званія и горады. Яны атвичають яму: „Мы даяицы; адну завуть Марюхай, а другую Настюхай; званія мы царскага; украдены заморскимъ Абжорай. Марюшка царства Мятлицкага, а Настюшка царства Вьюгина.“

— Скажита мнѣ, ти жиў Абжора? — Тыя дзавицы атвичають: „Жиў“. Іонъ нидаўна сыскаўся и принесъ съ сабой булаву; самъ таперъ атдыхаить и булаву въ угдль паставиў.—Я хачу яго видить; пакажита мнѣ, идѣ іонъ атдыхаить.—Яны яго ввядють у спальню, а Абжора спить. Іонъ узяў сваю булаву и адбіў Абжори галаву.

— „Вотъ, красавицы цареўны, Абжоры таперъ ужу нѣтъ: я яго са свѣту сжиў.“ — Ахъ, царевичъ, у яго іостъ старушка,— та пахитрѣй за яго; яе тольки дома нѣтъ. А мы парадимъ табѣ, кали ты тутъ насъ ни аставишь, якъ справитца со старухай... Яны узяли залатые ключи, пашли у патайныя пагрябы. У пыгрибахъ стыяли двѣ куфы вина: на лѣвымъ баку—сила, а на правымъ—бязсилля.

— „Вотъ, Игра Игравичъ, пей вино съ лѣвой стараны, а съ правый ня трогай. Іонъ, якъ вина напіўся, падносниез подѣимъ сламиўся—пачуяў іонъ у сябе болій силы“.

Перекатили куфу съ лѣвой стараны на правую, а съ правый на лѣвую, заперли патайной погрибъ и ушли; ключи павѣсили на мѣста и гаворють:

— „Придить старуха и вызавить тебе сражатца съ сабой,— и ты яе спашибешъ; ина папросить у тебе роздуха и пригласить тебе папить и пагулять. Вазьметъ ина залотые ключи и пайдетъ у патайныя пагрябы, тамъ іостъ двѣ куфы вина, и предложить пить вино, а ты пей изъ бочки на правый старанѣ: тады ина аслабѣить, а ты пасильнѣбешъ.“

Патомъ узяли Игра Игравича и спрятали.

Лятить старуха—съ палета сурьзна.

Якъ вашла у комнату, и гаворить, што „Русь-Юсь“ пахнить. Атвичають ей цареўны красавицы:

— „Бабушка па Руси литала, да руськуга духа набрала!“ — Вы ўрета — вы мяне праводита! А яны твичають ей: „нѣтъ, бабушка, мы гаворимъ табѣ праўду.“

Глядь, Абжора забить. — „Хто жъ ета маяго Абжору забіў?“ — Прихадіў якей та челаўкѣ за булавой, узяў булаву и атбіў дѣдушки галаву. — Сейчасъ жа усвачила у комнату Абжоры, яе мужа, и увидала, што Абжоры галава атбита, и ляжить галава асоба, а тудува тожа асоба. Разсардилась дужа и пришла у бальшую злостъ, громка закрывчала: „падайтя мнѣ яго сюды: я яго жиўцомъ зѣмь!“

Дявицы пазвали Игра Игравича; яўляйтца къ старухи. — „Ехъ, галубчикъ, ты тэй свѣтъ увесь аблитаў и на етй пришоў; нѣтъ, нѣтъ, таперь ня выкрутисься. За што ты маяго старика убіў?“ — За то, кажить Игра Игравичъ: што іонъ маю булаву унёсь. Вотъ я узяў у яго сваю булаву и атбіў яму галаву.

— „Ну, пайдемъ-ка на расправу!..“ Вышли за варота, и гаворить старуха: „Ну-ка, Игра Игравичъ, дуй поля—токъ!.“ Іонъ, якъ дунуў на 12-ть верстъ, выдуў хрушталный токъ. А ина дунула на 12 верстъ — выдула токъ чугунный; да и начали дратца. Царевичъ старуху сбіў. — „Стой, Игра Игравичъ: пайдемъ, пагуляимъ!..“

Старуха бяретъ свае залатыя ключи, атваряить патайнэя паграбы. — У мене здѣсь іостъ двѣ куфы вина. Съ каторый староны будимъ пить вино: ти съ правый, ти съ лѣвый?

— „Я буду пить хуть съ правый.“ — И, якъ напіўся, ище пасильнѣй стаў; а ина сильна а сала пѣла.

Царевичъ и гаворить: „Ну, што, бабъ, адѣ будимъ вуюватца?“ — А ина яму ня вымалвила и слаечка. Тады іонъ узяў яе за валасы, трихануў — и кости съ кожи вытрись. Пришедши къ плѣнницамъ-дявицамъ, и гаворить имъ: „Ну, таперь я усихъ сваихъ и вашихъ урагоў пубядіў. Таперь ни бяритя ни злата, ни сребра, а забирайтя драгацѣнныя каменья!..“ И атправились утраемъ къ блоку; узяў іонъ и сваю булаву.

Пришедши къ блоку, садитца у яго; а дявицы зарыдали горьками слязми и гаворють яму: „Мы табѣ у тваемъ гори пумагли нашимъ савѣтамъ, и ты абищаўся вывистъ насъ на руській свѣтъ, а между тѣмъ таперь пакидаишь насъ. Луччи ты пасади насъ на блокъ, а тады самъ сядишь: твае братья навѣрна пададутъ табѣ блокъ.“

Царевичъ признаў ихъ слава за праўду, пасадиў дявиць ва блокъ и трахнуў имъ. Братья яго и патянули. Давалаквивають близка ки беригу и замѣтили ихъ красату, и стали другъ съ другимъ гаварить: „Ну, братъ, ти правютца яны табѣ?“ — Атвичаить другой братъ: Агу! а чаму жъ? — якея пригожія красавицы!.. — „Да во што, братъ. Якъ намъ, братъ, явитца, то іонъ възьмить адну сабѣ, а другую каму нибудь изъ насъ уступить... А мы разрѣжимъ вярёўку, вытинуўши ихъ на край, и пустимъ туды адинъ блокъ. Тады еты дявицы бу-

дутъ нашими жонами, а братъ на вѣки застанитца на томъ свѣти.“

Дявицы абразавались залатыми бярезами и листьями на бярезахъ сяребринами и свилсь макушка съ макушкаю, и окнища ета зарасло, и признакъ ни тстались. Тады яны спугались и сами, да и думаютъ, якъ идить къ атцу и што яму сказать.

Приходють ка тцу и гаворють яму: „Батюшка, навѣрна, нашъ братъ на томъ свѣти либа умиръ, а либа убить. окнища заруѣнувалась, и вырыли два памятникъ залатыми бярезами съ сяребринными листьями са свитыми умѣсти макушками.“

Игра Игравичъ, узнаўши, што братья яго яму измянили, атпраўляйтца къ птици, усаго свѣта хлапатницы, и гаворить яму птица:

„Што, Игра Игравичъ, зрадили тебе твае братчики? — И іонъ заплакалъ горькими слизами. — Штожь дѣлать? я надѣўся на ихъ ни такъ, якъ на чужихъ, а яны утварили мнѣ зло хужи чужихъ.“

— Но я тванму горю пумагу: ты манхъ дятей васкарміу и васпаіў. Ступай: набей мнѣ птичикъ и, сколько набѣдешъ, усихъ на нитычку навязи, а заўтри рана ка мнѣ прихади.

Іонъ набіў птицъ цѣлюю низку и приходитъ къ ей. Ина и гаворить яму: „Садись на мяне лягенька и дяржись крыпенька, а, какъ замарюсь, такъ кидай мнѣ въ мой ротъ, штобъ не ослабѣть.“

Бяретъ іонъ будаву и садитца на птицу лягенька и держитца крыпенька, и пашли на руській свѣтъ. Вызнисла яго вочинь висока и спрашитъ яго:

— „Идѣ мы находимся? глянь унизь!..“ Іонъ паглядѣў унизь и гаворить: „Ничаво ня видна, толька адна вада, якъ хрусталь—знать, мы надъ моримъ.“— Ина сійчасъ пиривярнулася унизь спиною, а у верхъ нагами—царевичъ и загримѣў, якъ каминь у воду. Тады изноў падхватила яго и пытаить: „А што, Игра Игравичъ, якъ ты спужаўся?“ — А іонъ ей атвичаить:

— „Я такъ спужаўся, што нямнога атъ смерти атстаўся!“

— Вотъ жа такъ и мае дѣтки атъ тебе пупужались!— вотъ такъ-та хлѣбъ-соль усигда атдаетца!— Вынисла на руській

свѣтъ и пустила. Іонъ и пашоѹ на гораду ка дварцу. Идетъ служба у Божьимъ храми, и пытають іонъ:

— „Якей сяводни праздникъ?“ — Тутъ яму и отвичають:

— „Нашъ царь на сыну сваемъ Игры Игравичу саракаустъ атпраўляить“. — Бейтя у калакала: Игра Игравичъ жиѹ и идетъ дамой. — Царю абъ емъ далажили, и іонъ вышіѹ къ сыну на ўстрѣчу, и радаваѹся царь-батюшка благопалушнымъ вазвраще-нію сына.

Браты приближали, слезна плакали и рыдали, на калѣни упадали и гиварили яму: „Многа мы винуваты приѣдъ табою, якъ и предъ Богамъ.“ Игра Игравичъ братамъ сваймъ прастіѹ ихъ вину. Заветъ царя батюшку и свайхъ братцѹ къ тѹму мѣсту, идѣ стаять двѣ бярезы. Приходють къ тому мѣсту, стыятъ двѣ красивыя красавицы. Падходитъ и Игра Игравичъ и гаворить имъ: „Здрастуйтя, цесареѹны-плѣнницы!“ и яны яму павланились.

Бяреть іонъ за руку адну царевну Мархвуту и гаворить бѹльшиму брату: „Вотъ табѣ нявѣста; а за што—знай, и свадьбу играй!..“

Тадъ бяреть за руку Настасью и гаворить мяньшому брату: „Вотъ и табѣ нявѣста; а за што—знай, и свадьбу играй!..“

— Ну, што жъ ты, сынокъ, гаворить царь: братьямъ нявѣсть атдаешъ, а сабѣ ни водный ни бярешъ?.. Игра Игравичъ ’твичайтъ: „Батюшка, аба мнѣ ни клапатитя: я сабѣ даѹнымъ даѹно нашоѹ.“ — Пашли яны у свае палаты свадьбы гулять; гуляли яны мѣсяць, а можа, и нядѣль десить. Въ адинъ день уся свита царская пашли у зялений садъ гулять, и тольки у етѹй день и часъ у ета царства вѣзжаить мураѹская царевна Алена и падѣзжаить къ царевному саду си сваймъ сынымъ. Сынъ, увидаѹши царевѹю свиту въ саду, гаворить матри: „Пасматри-ка, маминька, какъ нашъ дѣдушка гуляить съ мамимъ папинькай и съ дядюшками по саду!..“

— Пачаму жа ты, милый мой сыночикъ, знаишь, што эти люди твае дѣдушка, папинька и дядюшки?—Сынъ на ета матри гаворить: „Ехъ, маминька, воранъ ворана далеча видить.“ — Игра Игравичъ узнаѹ прикрасную Алену и скорымъ посихымъ прямиа къ ей на ўстрѣчу, пулувались у сахарные уста, и приняѹ ихъ да чести у свае палаты, паказаѹ и разсказаѹ атцу, што ета прекрасная Алена яго нявѣста. Ни мала

ня медля, начали пива варить и свадьбу заводить. Свадьбу сыйграли, пива папили и мѣсяца два и три пувисялились. Царь-батюшка атдаў яму (Игры Игрывачу) палавину царства. Яны стали жить и быть и добро наживать.

№ 11.

Абъ старикъ—«самъ на кутѣ, носъ на крюку, ноги на грядкахъ»; якъ тэй старикъ двумъ братамъ па паласть мяса изъ спины вырizaў, а третій братъ старику тоя жъ здѣлалъ. Сказка, што мяншой братъ старику баіў; у тэй сказки дубъ да нибѣсъ.

Жили три браты: два разумныхъ, а третій дуракъ. И пашли яны на ахоту ў лѣсъ. Цѣлый день хадили и заблудили. Значували у лясу. Яны думали, якъ тутъ нучувать:

— „Агня у насъ, братія, нѣту!“

Старшій братъ гаворить:

— „Узлѣзь-ка, братъ, на високую елку, ня ўвидишь ли йдѣ агонь.“

Средній братъ узлѣзь на високую елку и гаворить:

— „Братцы, у етый стыранѣ видишь аганекъ.“

Старшій братъ пашолъ за 'гнемъ, приходитъ у густыя мѣста, къ балоту—пасматрить: стаить избушка на курыхъ ножкахъ; увыйшолъ у хату ахотникъ — ляжить старичѣкъ, самъ на кутѣ, а носъ на крюку, а ноги на грядкахъ.

Іонъ яму гаворить:

— Здрастуй, дѣдка!

— „Здрастуй, лябѣдка!“

— Дай-ка, дѣдка, игню.

— „Скажи сказку и прикызку, третью небыльницу; а кыда ни скажишь, дыкъ дай пыласу сы спины выкрыю и восьсю патру, и игню дамъ.“— Узяў жа іонъ яму са спины пыласу выкрыў; восьсю патѣръ и игню даў.

Ахотникъ агонь узялъ и пашолъ. Приходитъ къ сваймъ братьямъ: чуть ни дайшолъ—спина у яго разбалѣлась, и агонь пигасть. Іонъ приходитъ къ братьямъ и гаворить:

— „Зыгасъ агонь.“

— Иди, братъ, ссредній братъ, за агнемъ!

И сяреднему брату здѣлылась тожа адно, какъ и старшаму брату—и етыть ни принесъ агня. Пасылають дурака. Дуракъ пашолъ за агнѣмъ, и яны мижда себе разгаваривали:

— „Пушай жа нашему дураку пыласу выкрыть—ня днѣмъ намъ стрѣдать.“

Приходить дуракъ къ збушки, у вайзбушку увашолъ: ляжить старичекъ, самъ на кутѣ, носъ на врюку, ноги на грядкахъ,—и сказалъ яму.

— Здрастуй, дѣдка!

— „Здрастуй, лябѣдка!“

— Дай, дѣдка, агню!

— „Скажи сказку, прыбызку, а третію нибыльницу. А быда ни скажишь, дыкъ дай выкрыю пыласу съ спины и восію патру, и игню дамъ.“

Атвичаить дуракъ:

— „Я табѣ скажу, дѣдъ—тольки ни гавари, што „илгешъ.“ Если жъ скажишь, выкрыю пыласу са спины и восію патру и агня вазму.“—Такъ іонъ, старикъ, на ета сагласилса.

Начаў етыть ахотникъ гаварить сказку.

— „Вотъ, дѣдъ, первыя сказка!“

Какъ я съ дѣдушкыю жилъ, а батюшка ни радилса. Какъ батюшка радилса, паслалъ мне батюшка на крезбины звать. Я пашоў зазывать сасѣдїй: два двора минуў, а третій пазабыў—и усѣ такъ. Усяе дярѣнюю ни зызвалъ, а пришло народу на крезбины множества—ихъ и пасадить нейди. Я былъ дагадлїў: каторыга на колъ, какорыга на рыгатыну—и усѣхъ пасажалъ.

У майго дѣдушки ясяновый коўшъ былъ ни выдалбованный. Начаў я потчивать сасѣдїў ближнихъ: два кыўша у лобъ, а третій гарѣлки; употчиваў ихъ, што анѣ съ-застолья на вылизуть.

Кой-какъ прачухалиса, разыйшлись. Захатѣлъ мой дѣдушка дичинки. Я ўзялъ тыпарокъ и ўзялъ пилу, пашолъ на ахоту. Прихажу—гара високая. Я на ту гару лѣзть. Лѣзъ, лѣзъ, шилымъ пупиралса; узлѣзъ ны гару, сматрю: тамъ возира, плавають три вутычки: двѣ бѣлинныхъ, а третїя, якъ сняжокъ, бѣлинка. Я пустилъ на ихъ тыпарокъ: двухъ мима, а третію ни пупаў—усихъ трѣхъ убіў. Свалилса тыпарокъ съ тыпарища—

тыпарокъ плавать, а тыпарища патанула. Якъ жа яво дыстать?

Я началъ вокрыла липникъ, алешникъ рубить ды драть и рѣзвину визать; навизалъ рѣзвинъ и началъ воду съ возира вынашивать. Воду вынысилъ, дысталъ утычикъ и тыпарищійка и тыпарокъ. Принёсъ дамоу.

— „Благодарю тебе, мой унучикъ! (дѣдушка гаворить): я и съ крезбинъ пупраўлюси-тва дичинкый.“

— Вотъ, мой дѣдичка, узила мне ахота: апать пашолъ къ яму на ахоту и тыпарокъ ни ўзялъ съ сабою. Иду вокрыла трысениу—у трысенику, у былинкахъ, дятлы пищать. Я памѣрился, якъ етыхъ дятлыў узять—рука ня лѣзить.

Я гылаву усадилъ, паѣлъ ихъ тамъ; хатѣлъ идить—гылава аттуда ня лѣзить, — гылаву атставіў. Пабѣхъ дамоу, узалъ тыпарокъ, пришоу ипать къ етому трысенику, разрубилъ галаву сваю, пылажилъ на плечи и пашоу.

Ишоу вокрыла ряки — рѣчка крутабирегая; зыхатѣлъ напйтца; и съ сваей гылавы сняў чиряпокъ, напился палажилъ чиряпокъ на гылаву, пашоу кала ряки, пысмагрѣў за рѣку, увидаў: мядвѣдъ щимиля дяреть. Я тиризь ряку пирискачилъ, пришолъ къ мядвѣдю, тыпаркомъ яво пихнулъ—мядвѣдъ пывалился.

И гыварю мядвѣдю:

— „За што ты етыва чилавѣка дярешъ?“

Мядвѣдъ гыварить:

— „Абищаўся щамель два пуда меду дать—во за ета я яво и дяру“.

Я, дѣдичка, мядвѣдя прыгналъ. Щамель два пуда мѣду мнѣ далъ. Ва што мнѣ етытъ мѣдъ узять? Я быў дагадліў: сыдраў лыка, на лыка яво зывизалъ, да падъ пойсъ. Прижажу къ рякѣ—пиряйдить нейди. Тада у гырячнысти пирябѣхъ скоро, а таперъ пиряйти нейди. Пысмагру падъ вустъ: стыять двѣ лотычки: идна диявая, а другая бяздонная. Я у диявую самъ сѣлъ, а у бяздонную мѣдъ пылажилъ. Пиряѣхалъ ряку, пубижалъ дамой, залажилъ кабылу. Пріѣхылъ за мѣдымъ, нылажлъ возъ мѣду, ящо нямножка и ни забралъ. Привезъ дамой - возъ у вароты ня лѣзить. Я быў дагадліў: прабуравилъ шула буравомъ—мой возъ и съ кабылой прыскачилъ. Кабылу атпрѣхъ, начилъ мѣдъ приберать.

Кабыла атарвалась, пашла къ рябѣ, у лотки наѣлася мѣду, напилась воды—издохла.

Я и нашоль кабылу ету. Абадраў и пувалокъ кожу дамой.

Аглянулся назадъ: идетъ кабыла галая, а мужуки одли да-роги сѣють грячиху. Кабыла и паваталася на гряцкоўи. Вотъ, мой ты дѣдичка, на маеи кабыли стала рось грячиха. Рысла, рысла и затвила, ужъ начала пуспивать.

Отъ, мой ты дѣдичка, якъ увялились у яе татери. Я быў дагадліў: приправіў два карыбѣ, на хвасту даўбню. Што кабыла сходить у поля, то мнѣ два корабы татарь и нясетъ. Хадилла мая кабыла падъ дубами: свалился жалудъ—и пряма на кабылу и убился мижда ряберь, и началъ, мой ты дѣдичка, да на маеи кабыли да ростъ дубъ и маю кабылу прижалъ.

Вырысь іонь вочинь вяликій—падъ самыи небиса.

Вотъ, ты мой дѣдичка, скоро гаваритца, да няскора дѣлаитца.

Я якъ палѣзъ на тэй свѣтъ, пагляжу, што тамъ дѣлаитца: мой батьга да на тваимъ батьен смалу возить.

Дѣдъ и гаворить:

— „Аўгѣшъ!“ — Етытъ жа ахотникъ и гаворить дѣду:

— „У насъ зъ вами былъ дагаворъ, штоба етыва слова ни гаварить.“

Тыда узялъ ахотникъ сы стариковый спины пыласу вы-крыіў, агня узялъ и пашоў къ братьгимъ.

Братья и гаворють:

— „Ну, што, братъ, ти выризаль паласу?“

— Нѣ! Я яму.

Братья здивилися и дамоў пушшли.

Ж 12.

Деревня Бердебяки, Ельнинскаго уѣзда.

Абъ діўнымъ лятучимъ старикѣ—самъ съ кокыть, а барада семьдесятъ сажонъ; абъ яго лашадяхъ, скидываўшихся сароками и воронами. Иванъ Царевичъ.

Падарки діўнога старика Ивану Царевичу: 1) мѣдная лошадь и дырагое зьяющее калыцо, 2) сярэбриная лошадь и гусли самагуды, 3) зылатая лошадь и боты самаплясы. Иванъ Царевичъ збаўляить Димьяна ать нипрїятельскыга царя и яго сына Лукапера; зъ царскый дочкый женитца.

Нѣўкатарымъ царстви, нѣўкатарымъ гасударстви, быў царь, а у яго було войска: мурзы и татары. У етыва царя быў ў близи мужикъ. и було у етыга мужука три сына: два вумныхъ, а третій дуракъ. Пасѣбили яны пашаницу. Пашаница урадилась харошія. Пувадіўся у ету пашаницу хадить нѣхта: пашаница паталочина. Мужикъ призваў свайго сына старшага и приказаў яму пашаницу стяречь. Пашоў іонъ къ пашаницы,—зайшоў у баню и праспаў да вутра. Пришоў двору и гаворить: „Ну, я ни видаў никога!“—На ўтарую ночь пашоў сяредній сынъ, зайшоў у баню и праспаў да вутра. Пришоў двору и сказаў. што никога ни видаў. На третію ночь пашоў дуракъ, увайшоў у пашаницу и сѣў на мяжу. У самую поўныч прилятѣла дрямучія стада лашадей, и стали ети лошади пашаницу бить-таптать.—Пу мяжи идеть діўный старикъ: самъ съ кокыть, барада съ локыть, а 70 сажонъ адна пуга. Идеть іонъ етыю мяжою, идѣ дуракъ сядить. Вотъ дуракъ ускдѣіў, уплутаўся ў бараду діўнога старика и пуваліў яго на землю, сѣў на яго и ни пускаить яго да самыга абѣда; лошади паслыхали шумъ, паскидались сароками и варонами и палятѣли. Цара садитца абѣдать, а дурука усѣ нѣту. Мужикъ гаворить: „Идитя вы яго узбудитя: а то праспить іонъ да самага абѣда.“—Падходють яны къ етыму дураку и думали, што яго звѣрь ѣсть: варочитца у пашаницы. Приводють яны діўнога старика къ атцу; атець и пытаить у дурука: „Дуракъ, а лошади идѣ?“—А палятѣли яны сароками и варонами!—„Во, дуракъ пу дурацки гаворить: када жа лошади литали?“—Атець гаворить:

„Запрігайти-ка вы талѣгу: пувязёмъ етыва старика къ царю.“ — Гасударь етыму старичу сдѣлаў стоўбъ, аставиў толька вакошничка, штоба падавать яму пищу, а ключи атдаў царицы и приказаў ни выпускаць яго. У етыва гусударя быў сынъ. Атець яму для патѣхи скуваў три булавы: мѣдную, сярэбриную и залатую. Царевичъ по саду хадіў и ети булавы кидаў; залатыя адна у вѣду, другая у траву, а третія пупала къ дїўному старичу. Царевичъ гаворить: „Ахъ, дїўнэй старикъ, атдай маю булаву!“ — Выпусти мяне: тада атдамъ! — „А какъ жа мнѣ тябе выпустить: ключи у матери?!.. — А во какъ: приди и скажи: — „Маминька, у мяне балить глытва!“ — Ана станить у тябе ў галавы капать, а ты вытащи у яе ключи, а тада такимъ жа парядкомъ и паложись. — Царевичъ пришоў къ матери: „Маминька, галава балить!“ — А царица свайго сына вочинь любила. Стала ана у яго пытать, чаго галавѣ хварать: стала яго ласкать-цалувать, а іонъ у яе тайкомъ вырваў ключи, пубижаў и выпустиў дїўнова старика. Старикъ сказаў: „Пращай, Иванъ Царевичъ!“ — и палатѣў: толька яво и видили. Царевичъ пришоў анятъ къ матери сваей, гаворить: „Маминька, у мяне галава балить.“ — Царица стала у яго у глытви капать, іонъ ипять патіхынью привизаў ей ключи. А кароль пригласіў усихъ царей и князей. Прибыли уси князи и карали глядѣть дїўнога старика. Аттварили етытъ стоўбъ, паглядять: нѣту тамъ ничаво, тольки адинъ навозъ. Тада етытъ царь вочинъ разсердїўся и гаворить: „Ну, када узнаю, хто яго выпустиў, то я тому голаву атрублю!“ — Уси князи и цари паразѣхались. Адинъ разъ Иванъ царевичъ гуляў па саду съ садоўниковымъ сыномъ, Иванъ царевичъ гаворить на садоўникыва сына: „А што ба було тому, ято выпустиў дїўнога старика?“ — Ахъ, Иванъ царевичъ, ета ужу було даўно: ничога за ета ня будить. — „Ну, дыкъ паслухай: дїўнога старика выпустиў — я!..“ — Какъ такъ? — „А во такъ и такъ!..“ — Садоўникыў сынъ сичасъ прибѣгъ къ царю: „Ваша вяличества, а што вы знаить?“ — А што? — „Дїўнога старика выпустиў вашъ сынъ, Иванъ царевичъ.“ — Какъ такъ?! — „А, вотъ, такъ и такъ.“ — Кароль разгнѣваўся и узяў свайго сына падъ стражу и ка ўсимъ князямъ и царямъ написаў: „Штоба были уси здѣсь у маемъ царстві: я буду казнить свайго сына.“ — Прибыли уси цари и князи и гаворють: „Ну, какая табѣ польза,

што ты свайго сына казнишь? Бада табѣ ужу яго ни жалка, то выгнни яго изъ дварца и лиши наслѣдства.“ — Царь послушаў ихнига савѣту и выгнуў Ивана царевича изъ дому. Пашоў царевичъ, куды глаза глядять, и думать: „Вярнусь я къ атцу, пупрашу сабѣ лошадь, а ў таварыши вадавозывыга сына.“ — Вярнуўся іонъ къ атцу. Яму атець даў лошадь царскую, адѣжу царскую; мать яму дала денегъ, дали яму у таварыши вадавозывыга сына съ лошадью вадавозыўськью. Ъхали яны, Ъхали; захатѣлысь имъ пить. Наизжають яны на калодисъ: вада у іомъ атъ краю аршина на чатыри, а ў калодиси плавайть диривянныя чашеа. Какъ тутъ напйтца? — Вотъ вадавозыў сынъ гаворить: „Вазьмемъ навязимъ пувады, я тябе спущу туды: ты тамъ напьѣся и мнѣ падаси.“ — Вотъ вадавозыў сынъ навизаў пувады и спустиў у калодисъ Ивана царевича. Царевичъ наіўся и гаворить: „Вадавозъ, тани.“ — Ну, нѣтъ ни патыгну! — „Пачаму?“ — А патаму: пиримянись самной на платья и на лападей: будь ты Иванымъ-вадавозымъ, а я буду Иванымъ царевичимъ — патыгну; а ня хочишь — прападай тамъ! — „Ну, тягни: я сагласинъ!“ — Вадавозъ вытигнуў яго, пуминаўся съ имъ на лападей и на платья: Иванъ царевичъ стаў Иванъ вадавозъ, а Иванъ вадавозъ стаў Иванъ царевичъ. Приѣхали яны у царства Димьяныва. Царь Димьянъ гаворить: „Какова вы іось роду?“ — Вадавозъ гаворить: „Я Иванъ царевичъ, а ета мой вадавозъ.“ — Тада царъ гаворить: „Ну, ты у мяне будишь министиръ, и я тябе пиривинчаю на сваей дочки, а вадавоза твайго я пашлю служить на канюшню.“ — Паставили яго на канюшню, а на канюшни тѣя самыя лошади, каторыхъ пасъ діўнай старикъ. На заўтрига выгнуў іонъ етыхъ лападей у поля, за навѣя варата, на шурокыя раздолья. — Выгнуў ихъ, сѣў на купинку, — лошади пасеидались сароками и варонами и палитѣли низнама куды. Іонъ сядѣў, сядѣў на купинки и гаворить самъ сабѣ: — „Ахъ, черизъ каго я пагибаю, кады ня черизъ діўнова старика!?“ — Діўнай старикъ къ яму нясетца, ажну барада трясетца. — „Иванъ царевичъ, садись на мяне: паѣдимъ ка мнѣ ў гости.“ — Иванъ царевичъ сѣў на яго, за бараду дяржитца и паѣхаў у царства діўнога старика. Привѣзъ іонъ яго у свой домъ, а домъ тритажный, и гаворить на сваю жану: „Жина моя милья, хорошига гостя харашо и принимаютъ?“ — А, канешня: вяди яго за столь. — Вотъ яго

старикъ накарміў и напаіў. Идетъ яго бѣльшій сынъ и бѣльшая дочка: „Вотъ табѣ,“ гаворить бѣльшій сынъ: „дарю мѣдную лошадь“. Бѣльшая дочка падходить:— „Вотъ, Иванъ царевичъ, дарю табѣ залатая калечка за то, што ты нашига атца атъ смерти збавіў.“— Иванъ царевичъ публагадаріў ихъ за угашенія и за падарки; мѣдную лошадь пустиў у поля, а калечко надѣў на правую руку, сѣў діўному старіку на плечи и пріѣхаў на тоя мѣста, идѣ Ивана царевича узяў. Кригнуў старикъ багатырскимъ голысымъ,— лошади сабрались уси. Иванъ царевичъ пагнаў ихъ дамой. Увѣйшоў у хату, павужинаў, пашоў на чирдакъ, калечко сняў и палажіў на вакно, а самъ лёгъ атдыхать, а калечко такъ и гарить. Ноччу выходить на крыльцо цареўна и видитъ: идѣ-то блиститъ. Ана пасылаитъ слугу узнать, идѣ ета бліщитъ? Ана вузнала и сказала цареўны: „Ета у Ивана вадавоза калечко“ — Цареўна дала служанки денигъ и приказала ей купить ета калечко. Служанка прибгаитъ къ Ивану вадавозу: „Ванька вадавозъ, прадай цареўни калечко?“— Каму нада, тэй самъ прйдить!— Приходить цареўна: „Ванька вадавозъ, прадай калечко?“ — Я прадаць ни прадамъ, а вашій млысти такъ атдамъ! — Узила цареўна калечко и гаворить: — „Ты ня іось вадавозъ, а ты, вѣрна, роду царскыва!“ — Нѣтъ. я вадавозъ!— Цареўна пашла у домъ, а Иванъ царевичъ лёгъ и уснуў. На заўтрига рана пу вутру выганяитъ Иванъ Иванывичъ лашадей у поля. Выгнуў, сѣў на купинку; лошади паскидались сароками и варонами и палятѣли низнама куды. Прилятѣў діўней старикъ, Иванъ Царевичъ сѣў на яго и паѣхаў къ яму ў гости. Накармили яво и напаили. Выходить сяредній сынъ и сяреднія дочъ. Сяредній сынъ гаворить: „Иванъ царевичъ, вотъ табѣ сяребриныя лошадь за то, што ты избавіў атца нашига атъ смерти.“ — Сяреднія дочъ яму падаеть гусли-самагуды: — „Вотъ табѣ, Иванъ царевичъ, за то, што избавіў атца нашига атъ смерти.“ — Иванъ царевичъ пустиў сваю сяребриную лошадь у поля, узяў гусли-самагуды у руки и пріѣхаў на діўномъ старией на купинку. Старикъ кригнуў багатырскимъ голысымъ, — лошади уси сабрались. Иванъ Иванывичъ пригнаў ихъ дамой, павужинаў, пашоў на чирдакъ, павѣсіў гусли на стяну, лёгъ на кровать и гаворить: „Гусли-самагуды, играйтя!“ — Стали гусли играть

дужа харашо. Паслыхала царевна, гаворить на служанку: „Идѣ эта играютъ?“ — А эта у Ивана вадавоста! — Цареўна дала ей денегъ и приказала купить гусли. Приходить ана къ яму: „Ванька вадавостъ, прайдай цареўни эти гусли!“ — А каму нада, тотъ самъ придетъ. — Пришла цареўна: „Ванька вадавостъ, прайдай мнѣ эти гусли!“ — Я прайдать — ни прайдамъ, а вашій милысти такъ атдамъ! — Узила цареўна гусли и гаворить: „Ахъ, ты царсыва роду!“ — Нѣтъ, я вадавостъ! — Цареўна пашла ў домъ, а Иванъ царевичъ уснуў. На заўтрига рана пу вутру выганяить Иванъ царевичъ коній у поля. Выгнуў, сѣў на купинку, — кони паскидались сароками и варонами и палятѣли низнама куды. Прилятѣў дїўнэй старикъ, пасадїў Ивана царевича на спїну и привезъ яво у свой домъ. Накармили яго и напали. Приходить меншїй дїўного старика сынъ и меншїя дочъ. Сынъ яму падарїў залатую лошадей, а дочъ боты-плисуны. Старикъ пасадїў яго на плечи, принесъ на купинку, идѣ узяў, даў яму 3 горсти зямли: „Абайди 3 разы кругомъ лашадей и абыслъ ихъ етыю зямлєю.“ — Сабраў лашадей пригнаў ихъ дамой, павужинаў, папоў на чирдакъ, боты-самаплясы паставїў на вакно, а самъ лѣгъ на кравать. Цареўна паставила гусли на вакно и гаворить: „Ну, гусли-самагуды, играйтя!“ — Какъ зайграли гусли, боты-самаплясы какъ пашли плисать, ажну увесъ дварець дражить. Паслыхала эта цареўна и пасылаить сваю служанку узнать, хто эта пляшитъ. Служанка гаворить: „У Ивана вадавоста іостъ такея боты-самаплясы, — дыкъ эта пляшутъ еты боты.“ — Цареўна дала служанки денегъ и приказала ей купить у Ваньки вадавоста боты-самаплясы. Приходить служанка къ Ивану Царевичу: „Ванька вадавостъ, прайдай цареўни боты-самаплясы!“ — Каму нада, тѣй и самъ придетъ. Приходить цареўна: „Ванька вадавостъ, прайдай мнѣ боты-самаплясы!“ — Прайдать — я ни прайдамъ, а вашій милысти такъ отдамъ! — Узила цареўна боты и гаворить: „Ты царсыва роду!“ — Нѣтъ, цареўна, я вадавостъ! — На заўтрига, рана пу вутру, Иванъ Царевичъ абайшоў 3 разы кругомъ лашадей, абыслъ ихъ зямлєю, — лашадей разарвала на мелкія куски. Узнаў абъ етымъ царь, приказаў Ивана царевича пасадить у тямницу.

У ту пору Кабардинскїй царь написаў царю Димьяну: „Если ты ня выдаси сваю дачеў за майго сына Лукапера, то

усё ваша царства я выпалю.“ — Вотъ царь Димьянъ гаворить на свайго будущаго зятя (вадавоза): „Ну, што? атдать яму дочку или зъ войскимъ выступать?“ — Эхъ, батюшка, выступимъ зъ войскимъ! На другой день забили ў барабаны, затризвонили у калакала, и гаворить Иванъ царевичъ ў тямницы: Што ета такая: ти табильный день?“ — Нѣтъ, ета ни табильный день, а ета выступать царь Димьянъ прати царя Кабардинскаго. — „Ахъ, выпуститя вы мяне паглядѣть!.. — Вотъ яго выпустили; іонъ черизъ аднатажную стяну пирикачѣу и праспаў сутки. Прашнуўся іонъ и гаворить: „Ахъ, када ба таперь мнѣ мѣдная лошадь, а ба черизъ часъ дагнаў ихъ! — Кабъ лятить мѣдная лошадь, ажну зимля дрыжить. Иванъ царевичъ у адно вуха ўлѣзъ — напѣся, нафѣся, а ў другога вылизъ — стаў увесъ падъ мѣдными латами. Іонъ дагнаў царя Димьяна войска у адинъ часъ, налятѣў на Кабардинскыя войска, — усё войска пирыабѣу. А царь Димьянъ приказаў свайму войску придѣржить яго, што ба атблагадарить, а іонъ, кабъ лятѣў, усё войска пумяў. Пустіў сваю лошадь у поля, пришоў къ тямницы, — яго шпять заперли. Черизъ нѣскалька ўремя Кабардинскій царь написаў царю Димьяну: „Если ты ня выдаси сваю дачку за сына майго Лукапера, то я тваё царства выпалю.“ — Вотъ яго министирь пасавѣтываў, штоба выступать апять зъ войскимъ. Утрымъ забили ў барабаны, затризвонили ў калакала. Иванъ царевичъ гаворить у тямницы: „Што ета за шумъ?“ — А ета Кабардинскій царь хочить узять нашаго царя дочку, — дымъ нашъ царь выступать проти яго. — „Ахъ, ребяты, выпуститя вы мяне?“ Яны яво выпустили. Іонъ пирыскдчѣу черизъ двутажную стяну и праспаў 2-я сутыкъ. Прашнуўся и гаворить. „Ахъ, када ба мнѣ таперь сяребринныя лошадь!..“ Лошадь сичасъ къ яму и прилятѣла. Іонъ у адно вуха улѣзъ — напѣся, нафѣся, у другога вылизъ — стаў увесъ падъ сяребринными латами. Іонъ у адинъ часъ пиригнаў войска царя Димьяна, налятѣў на Кабардинскыя войска и разбіў яго. Царь Димьянъ выстраіў сваё войска ўрядъ, штоба яго задѣржить и публыгыдарить, но іонъ разбіў и ихъ, пустіў лошадь сваю у поля, самъ пашоў у сваю тямницу. Черизъ нѣскалька ўремя Кабардинскій царь написаў: „Када ня выдаси за сына майво Лувалера сваю дочку, то тваё царства усё выпалю: Лукаперъ зъ войскимъ идетъ.“ Кароль Димьянъ спужаўся и павезъ сваю

дочку. Начали бить у барабаны, званить у калакалы. Иванъ царевичъ гаворить ў тамниці: „Братцы, што ета таеоя? Ти ни табильный день?—Нѣтъ, ни табильный день, а ета царь Димьянъ вязеть сваю дочку Лукаперу.—„Братцы, пуститя и мяне паглядѣть!“— Яны яго выпустили. Іонъ прискачѣу черизъ тритажную стяну и праспау троя сутыкъ. Устау и гаворить: „Ахъ, када ба таперь мнѣ залатая лошадь: я ба ихъ сичасъ дагнау!“ — Вотъ лятить залатая лошадь. У ва’дно вуха улѣзъ, а ў другоа вылизъ и стау увесъ у залатыхъ латахъ. Нагнау іонъ войска. Лукаперъ яво какъ увидѣу,—такъ бросились ўрозъ на 12 версть и ўдарились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Лукаперъ Ивану царевичу па локыть руку атрубѣу, а Иванъ царевичъ Лукаперу выбѣу сердца. Царь Димьянъ выстраѣу сваѣ войска, што-ба яго задѣржитъ и атблагадарить; но іонъ, какъ лятѣу, разгнау усѣ войска, а када ѣхау кала царѣуны, то у яе съ галавы сарвау дарагей платокъ. Вотъ Иванъ царевичъ пустѣу каня залатога у чистыя поля, завизау рану етымъ платкомъ, а зверьху завартѣу тряпку, пашоу и сѣу пиять у тамницу. Вотъ царь Димьянъ уздумау сваю дочку выдать за министра (вадавоза). Дочка гаворить: „Батюшка, я сагласна за яго выйдить замужь, но упарѣдъ разыщитя мой платокъ: я бизъ яго виначатца ни магу!“ — Царь приказау абыйскать усихъ князей и вальможъ, но платка у ихъ ни нашли. Царѣуна гаворить: „Ну, ищитя па астрогамъ!“ Стали искать па астрогамъ. Видють, што ў аднаго (Ивана царевича) завернута рука. Атвизали, паглядятъ: платокъ! Яго сичасъ къ царю привяли. „Ты іосъ какова роду?“ Я — Иванъ царевичъ, а што у васъ министиръ, то —вадавозъ!“—Иванъ Царевичъ, атчаво ты ни гаварѣу мнѣ, када я тебе спрашивала?— „Мнѣ було нильзя: я дау такую влятву.“—Іонъ имъ расказау, какъ яго вадавозъ хатѣу залить. Тада етыва вадавоза привизали къ хвасту лашадинному и пустили па чистому полю. Иванъ царевичъ жанѣся на Димьянныый дочири, стау жить, паживать, да царствымъ упраулять.

Отъ старика Василя Михайлова.

Гаспоть пасыланть святыхъ узнать, сколько правидныхъ душъ юсть на свѣти.

Ибъ двухъ братиыхъ Иванахъ Иванавичахъ, икаяннымъ Цмокъ, Баби-Ягѣ. Багатыри (Ивана Иванывичи), при помачи сваихъ вѣрныхъ слугъ: ильвоу, ваўкоу и мядвѣдй, каторыхъ имъ припурчили „хазяины“ етихъ звярей, адаливають сваихъ урагоу: Бабу-Ягу, икаяннага Цмока, — асвабаждають слишную цареуну. Кучирь слишний царевны убиваить сонныга багатыря, но яго слуги приносятъ живей и мяртвей вады и ажйўляють яво. Другей разъ етыга жа самыга багатыря Ига разсикаить на дви части лазовымъ прутыкымъ; ну, иўляйтца братъ багатыря и, при помачи сваей ахоты и ахоты брата, пубиждаить Ягу и, падъ угрозый смерти, вялить ей аживить брата.

Гаспоть паслаў сваихъ пасланникыў свѣта правѣдать, сколько правядливыхъ душъ и сколько нисправядливыхъ. Зашли пасланники къ мужучку, а у етыва мужучка была жина. Яны (супруги) не знали грѣха, ать чего грѣхъ, ать чего спасенье: яны знали только, якъ ня можна лѣпши накармить и напашить прахожига чилавѣка.

Пасланники публагадарили старичеовъ за хлѣбъ-соль и пришли къ Госпаду Богу, падають свае списки; а Гаспоть гаворить имъ, сваймъ пасланникамъ: „Што жъ вы гаворитя, что справядливый старичеоу у свѣти нѣту, што яны ни знають, ать чаго грѣхъ, ать чаго спасинье?!.. Да какъ жа у етыга мужучка жина бремна...“ А пасланники кажуть: Госпади, каму тамъ бременному быть, када яны ужъ древние старики?! — „Ну, ступайтя, паглядитя, када мнѣ ня вѣрите: у ихъ радились два сына!..“ Пасланники Божии ипять пашли къ мужучку и увидили, што старуха, дйствитильна, двухъ сыновъ радила, и старикъ сы старухую горька плачуть и рыдають. Приходятъ еты пасланцы къ Госпаду Богу. „Ну, што, угоднички мае, што тамъ дѣлаетца?“ — А угоднички атвичають: „Госпыди, дйствитильно, твоя праўда!..“ — Но, вотъ, вы сказывали, што ани не знали грѣха ни въ младости, ни въ старости!.. Старикъ сы старухую гарюють и думють: „Што таперь намъ дѣлать? Насъ

Гаспоть, ти жалѣючи, ти караючи, наказываить?“—А старуха кажить старику: „иди, зави бабушку: видь жа нада у христіаньскую вѣру увадить!..

Старикъ нашоу бабушку; бабушка пришла и пирибабила сыновъ ихъ, да и гавдритъ старику: „Ну, иди, ищи кумовъ, да вить надабна двѣ пары.“—Старикъ стау плакать и рыдать ить совѣсти, якъ яму ихъ звать, и пашоу. Многа-ль, мала прашоу, сустрйкайтца зъ имъ старичекъ и гаворить яму: „Здрастуй, братиць, нищій убогій!“—А іонъ яму гаворить: „Здрастуй, добрый чилавѣкъ!.. Куда ты далеча идешь?“—Ахъ, батюшка, ни знаю, какъ вамъ и гаварить ать совѣсти...“—Чого-жь? Ти худоя, ти хорошія у тебе, а нада сязать.“—Да вотъ што: дау Гаспоть, радила мая хазяйка двухъ сыноу—пусть бы падъ младысть, а то вѣдь падъ старысть. Хто ихъ будить расти, хто будить кармить-паить? а мы старики древнія.. Старикъ яму и гаворить: „иди, зави двухъ кумоу ящѣ, а я за двухъ самъ аднѣ кумымъ у тебе буду...“—Іонъ етому богу и радъ, што Гаспоть нанѣсь яму такова челавѣка: пушай жа таперъ окала мене ни смяютца ни старыи, ни малыи!.. Многа, мала-ль прашоу іонъ, сустрйкайтца яму жанщина.—Здрастуй, матушка!—„Куда тебе, старичекъ, Гаспоть нясетъ?..“—А іонъ плачить и горька рыдаить—слеза слязу пашибантъ.—„Дау намъ Гаспоть падъ старысть двухъ рабенкыу—мыя жина родила; вотъ я и иду двухъ кумоу звать.“—Яна яму и твичантъ: „Чѣмъ двухъ звать табѣ,—я адна за двухъ.“—Іонъ прихрестіуся Госпыду-Богу и сказау: „Слава табѣ, Госпыди! Іонъ мяне пакариу,—іонъ мене и пажалавау!.. Таперъ кала мене ништо ня будить смяйтца.“

Приходить дамой. Хазяйка и спрашантъ старика: „Што табѣ Гаспоть дау?“—Ти пазвау каго?—„Слава Богу, старуха! Нашоу старика и старуху. Старикъ будить аднѣ за пару, а старуха адна за другую пару.—Старуха, старикова жонка, и гавдритъ старику: „Слава Богу! Пушай кала насъ ни смяетца ни старыи, ни малыи!..“

Яуляйтца къ имъ кумъ и кума. Старикъ радъ да тѣга, што и самъ ни знаить, што имъ дѣлать. Пасадили гостей за столъ, якъ и законъ гласить, и сами ни знають, якъ-бы палуччи угастить добрыхъ людей. Бабушка дѣтыкъ приямла, приахолила; а старикъ спрашантъ у кумоу сваихъ, якъ луччи

имъ, ти лошадь запречь. А кумъ-старикъ и гаворить: „Нѣтъ, кумъ, сходи вадицы чистый приняси!..“ Старикъ пашоѹ за вадой и принесь суды чистый вады.

Кумъ тады и гаворить старику: „Пригатоѹ яще чистыя вядро! Чѣмъ намъ ѣздить,—я луччи самъ тутъ ихъ прикрищу!..“ И наклаѹ имъ имена Иваны Иваннычичи и прихрястиѹ ихъ и падаѹ ихъ кумѣ на печку. Кумъ-старикъ пасадиѹ кумоѹ сваихъ за тисовый столъ и стаѹ угащать да таво, што и души у ихъ ня чуѹствуваѹ.

Гуляли яны крезбины, якъ законъ гласить; просить хазаинь на хлѣбъ-соль не на сваю, а на 'тоѹськую. Патомъ благодарить яго кумъ за хлѣбъ-соль и за угащеніе и пращаютца и идутъ дамой: „аставайтись здаровеньки! Благодаримъ за угащенія ваша и за пріятнысть вашу!..“

А крестники Иваны Иваннычичи за ими пашли; идутъ и растуць. Расли яны не часами, а минутами. Шли ани день-другей, и выросли яны и сдѣлались ужу ни рябятишкѣми, а настоящими рябятѣми. Благаслаѹляить ихъ итець крестный, даеъ имъ па браничку и па ножичку.—„Вотъ, дѣтки, кали захочитя ѣсть. зѣшьтѣ па браничку; а станить вамъ скушна и грусна, сымитя па дудычки и пайграйтѣ, жуду-горя развядетѣ“. Атець ихъ мать горьѣа плакали.

Старикъ кажить старухи: „Вотъ, старухъ, даѹ намъ Гаспотъ дѣтыкъ и узяѹ ихъ Гаспотъ!.. Хуть ба мы наглядѣлись, хуть ба мы патѣшились сваими дѣтками!..“ Атець и мать Иванны Иваннычичу переставились, и Гаспотъ приняѹ ихъ да хвалы сваей. Хрестный атець пращайтѣа съ сваими хрестниками и гаворить имъ:—„Пращайтѣ, мае хрестнички!.. Вотъ вамъ путь и дарога!..“ Яны пашли аднымъ путемъ, а хрестный батька другимъ путемъ.

Абхватила ихъ темная ночь въ лѣсу темнымъ. Слышуть яны мядвѣжій гласъ. Сабраѹ мядвѣжій хазаинь сваихъ мядвѣдиѹ: яны рявуть, ажно землю дяруть. Аत्वѣщайтѣ мядвѣжій хазаинь: „Идутъ тутъ Иваны Иваннычичи сильнамочіе багатыри. Яны вашига голаса ня ѹлюбють и вамъ голывы парубють. Вы, два мядвѣди аднагнѣздникѣ, ступайтѣ къ нимъ на вѣстрѣчу, кланійтѣся имъ и малитѣся имъ; вада примуть васъ, кланитѣся имъ бытъ па вѣкъ вѣрными слугами!..“ Какъ приближали къ имъ на вѣстрѣчу, стали кланятѣа имъ и урашивать ихъ. Яны атвичали

имъ: „Што вы, звярё дикій, што вы кланітисъ намъ и а чомъ вы упрашиваѣтѣ насъ?“—Иваны Иванывичи, сильна магучіи багатыри, примитѣ насъ да хвалы сваей: будимъ вамъ вѣрными слугами.—Вынимають яны изъ карману браничѣи и дають яны па палавини браничка: адинъ одному мядвѣдо, а другой другому мядвѣдо;—п мядвѣди пашли, якъ вѣрны сабачки: адинъ па'дну сторону, а другой па другую. Скора казка гаваритца, но многа времени праваждайтца. Уходятъ яны у лѣсъ, лѣсъ темный. Сабраў львинный хазяинъ сваихъ ильвоў. Вотъ яны арають сваими галасами. Прецайтъ имъ ильвинный царь: „Ой, вы, паганы, унистожьтѣ свой гласъ: идутъ Иваны Иванывичи, сильномочіи багатыри, яны вашига гласа ни вазлюбють, а вамъ голывы парубють. Вы, два ильвы аднагнѣзники, ступайтѣ къ имъ на ўстрѣчу; кланітисѣ имъ и малитисѣ имъ; када примуть васъ да хвалы сваей, будьтѣ имъ вѣрными слугами!..“ Прибижали къ имъ, стали имъ кланитца и малитца. Иваны Иванывичи спрашють ихъ: „Што вы, звѣрё дикій, чаво вы итѣ насъ хочитѣ, и што нада вамъ?“—Иваны Иванывичи, примитѣ насъ да хвалы сваей, и будимъ вамъ вѣрными слугами па жисть вашу и па жисть сваю!..“ Вынимають іоны браничѣи и дають яны пу палавини браничка,—и лвы пашли зъ ими, якъ вѣрны сабачки, во путь, во дарогу.

Входятъ въ темный лѣсъ, дремучій лѣсъ, слышать яны валчинный гласъ. Сабраў валчинный хазяинъ сваихъ всѣхъ валкоў и вѣщайтъ имъ:—„Ой, вы, ваўки, ваўки, уймаѣтѣ вы свой гласъ: идутъ Иваны Иванывичи, сильномочіи багатыри; яны вашига голысу ня ўзлюбють и вамъ голывы парубють. Вы, два ваўка-аднагнѣзники, ступайтѣ на ўстрѣчу къ имъ, кланітисѣ имъ и упрашійтѣ ихъ;—кады примуть яны васъ да хвалы сваей, будьтѣ вы вѣрными слугами па жисть ихъ и па жисть вашу!..“ Иваны Иванывичи вѣщайтъ имъ: „Што вамъ, звярё дикій, нужна вамъ, и чаго проситѣ у насъ?..“ Патомъ вынили па браничку и дали имъ па палавини браничка: адинъ одному ваўку, а другой другому;—и пашли яны зъ ими, якъ вѣрны сабачки, у путь-дорогу.

Прашли яны мѣсяць и болій, приходють къ пиряхресткамъ, и стали яны, братъ съ братымъ, раду радитъ: „Што, братъ, мы будимъ такъ жить? Мы никгда ни знаимъ, и насъ никто ня вѣдайтъ. Дашли мы да лѣтъ савяршеналѣтнихъ... Ну, какъ

ты думаишь?“ И гаворють яны, братъ съ братьямъ, во што: “— Ты иди адною дарогию, а я другою пайду.—Какъ жа будимъ тоды, якъ на кога худая гадина спастигнётъ?—А во якъ: ли дарози стаить барёза,—уторнимъ мы въ яе свае ножички, каторыми насъ хрестный батюшка благаславиу. Вѣдь мы бранчкыми питаимся, и сами, и звярёу кормимъ, а яны усё у насъ цѣлы. Кали на кога изъ насъ выпадить худая гадина, и кали придетъ хто изъ насъ къ етой барёзи, то изъ ножичка будить итти кроу...”

Вотъ пагутаривши яны такъ, адинъ пашоу на права дарогаю, а другой налѣва. Пашедши налѣва, Иванъ Ивановичъ пришоу у чужую землю, у чужоя царства. Абхватыить яго темная ночь, проситца пиринучувать у адной бабылки. Бабылка увидила звярей Ивана Ивановича и испужалась. А Иванъ Ивановичъ вѣщааетъ ей: „Ня бойся маихъ сабакъ: яны такъ змирны, што и волысъ ать ихъ ня сгинить.“—Иди сабѣ, пириначуй!..

Уходитъ у въ избу, молитца Богу: „добрый вечиръ добрымъ людёмъ!“—Здрастуй, добрый члавѣкъ! Лягчися съ дароги, сядь, пасяди!.. Ионъ садитца на стулочки, а содитъ звярей окала стѣнки. Дали яму паужинать, потомъ ионъ пумаліуся Богу и легъ спать. Назаўтри па вутру устааетъ, мѣйтца и Богу молитца. Стали званить къ вутрени, а ионъ гаворить бабылки: „матушка, я пайду—Богу пумалюсь, а кабяльки мае набудуть здѣсь.“—Хазайка дома, бабылка, атрѣчила яму:

— „Када жилинїя тваѣ пумалитца, то ступай!..“ Ионъ пабыу у вутрини застауся малитца и ў абѣдни. Пріѣзжала къ ибѣдни и каралеуна. Иванъ Ивановичъ замичаить, што каралеуна вочинь скушна. Приходить ионъ съ абѣдни и пытаить у хазайки: „Любезная хазяюшка, што ета значить у вашимъ царстви, у вашимъ горади, чернымъ трѣвурымъ всѣ пути-дароги павысланы?“—Вотъ што, любезный, у насъ икаянный Цмокъ не дау ходу вадѣ: усю ваду у сябе удиржау. Яму каждый день у пищу, на жертву, падають па члавѣку; тада ионъ выпускаить гораду ваду; а кали ни дадутъ, тады и ионъ ваду у сябе дяржить. Стали у насъ народы гаворить, штобъ атдавать Цмоку людей па жѣребу, и вынау жѣребъ на каралевну. И вотъ заўтри каралеву выпывѣдють и прибстѣять и пувязуть къ икаянному Цмоку. На дрўги день Иванъ Ивановичъ ознову

устають параньши и гаворить хозяйки: — „Матушка, ти можна мнѣ сходить къ вутрени?“ — Када желанія ваша, иди! ить Бога нихто ни тбиваить. — Іонъ и тправіўся у Божій храмъ, къ утрени. Пріизжаить туды и ихнія каралева, и ипять Иванъ Ивановичъ замичаить, што ина дужа и скучна, и грустна. Іонъ утриню атстодіў, а абѣдни ни даждаў: приходитъ на сваю кватеру, забираить вѣрныхъ сваихъ кабялѣў и бяретъ съ сабою вострую мечъ. — „Ну, благодарю тябе, хазяюшка! я прайдусь, прагуляюсь!“ И атправіўся къ рякѣ, идѣ находитца икаянный Цмокъ. Перша вазили жерстви у адны часы, а таперъ прастрочили.

Иванъ Ивановичъ пришоў къ рякѣ са сваими кабиями и стаить, а икаянный Цмокъ сразу выпадываить изъ вады шесть галоў, а Иванъ Ивановичъ схватіў етыхъ шесть галоў мячомъ, якъ лукувицы; тады шесть галоў падабраў и ў кармањ палажіў. У скорымъ времени Цмокъ выкидываить яще шесть галоў, а Иванъ Ивановичъ и еты голывы мячомъ атрубіў, а вѣрныя яго кабяля вытащили изъ вады и усѣ тулува Цмока на берегъ, голывы жъ Иванъ Ивановичъ падабраў и ў кармањ паклаў. Вѣрнымъ кабиямъ сваимъ Иванъ Ивановичъ приказыить узять тулава етыга змя, занестъ у балота и зарыть глубока у землю, штобъ не была ни голысу, ни волысу икаянныга Цмока слышна. Зашумѣла вада па ўсяму гораду, якъ громкій громъ.

Вязуть каралеву къ икаянному Цмоку на жерству, и кучирь думаў, увидѣвши Ивана Иваныча ли ряки, што ета стаить самыи Цмокъ — разагнаў добрыхъ лашадей, падламіў калясо и абаратіў каляску и выўратіў изъ каляски каралеву; каралева испужалась и сильна убилась.

Кучирь быў молодой, халостый и вочинь хитрый. Сичасъ атлятѣў у лѣсъ и астанавіўся у край, штобъ видѣть, што будить дѣлать икаянный Цмокъ съ каралеўныю.

Падходитъ Иванъ Иванычъ къ каралеўни, брызнуў ей халодною вадой у глаза и гаворить каралевѣ: „ачнись и глянь на мяне!..“ Каралева слышитъ, што рускій гласъ гласить, глянула на яго быстра; тада Иванъ Ивановичъ сказаў каралеви: „будишь ли ты таперъ падвластна мнѣ?“ — Атвичала каралева: „мала таго, што я наўсигда буду падвластна,

буду и ноги ваши мыть и руду вашу пить.“ — Я вотъ тѣбѣ ать акаянныга Цмока спась; вотъ пасматри яго двинацты атрубленныхъ главъ! — Вынуў сейчасъ изъ кармана голывы и паказаў каралеви. Каралева узрадывалась и спрасила у Ивана Иванывича, аткуда іонъ и якъ яго завуть—имя и атечества.— Я Иванъ Иванывичъ, матучій багатырь. Прашу тѣбе, каралева, када ты мяне палюбила: пайши у маея галавѣ вшей!..

Владеть ей сваю голувау и уснуў іонъ багатырскимъ сномъ. Падскакивантъ кучаръ каралеви, бяреть острый мечъ, штобы атрубить голувау Ивану Иванывичу, но ня могъ паднятъ мечи. У каляски былъ кучарской ножъ, и іонъ етымъ нажомъ атрѣзаў Ивану Иванывичу голувау, аткинуў ать тулова прочъ, и гаворить каралевѣ:—будешь ли ты мнѣ поданныю и пайдешь ли за мене замужь? Если же не сагласна, то будить и табѣ то, што багатырю Ивану Иванывичу. — Ана атвѣтила яму: „А што дѣлать? Сагласна!..“ — Ни скажешь ни 'тцу, ни матушки?—Каралева атвѣчала:— „нѣтъ!“

— Штобы у скорысти намъ и ажаницца!...

Каралева на ўсе сагласна была.— „Нѣтъ,“ кучиръ гаворить: „дай клятву ва ўсѣмъ!..“ И фдуть у домъ. Приѣхали дамой, атець съ матирью были вочень веселы, стали яе цуловать—милувать и спрашивать:— „Дочь наша милая, скажи намъ, хто тѣбѣ спасъ ать Цмока Акаянныга!—Мы тѣму гатовы атдать палавину нашига царства“.—Каралеўна итвичаить:— „батюшка и матушка, спасъ мине ить акаянныга Цмока вашъ кучаръ!“ — И атвичають яны:— „Знать яго счастья! быть па сяму!..“ Каралева и кажить атцу съ матирью: „Када мене вязли къ икаянному Цмоку на жерству, я имѣла абѣщаніе, када Богъ мине спасеть, итти у дальнія манастыри пумалитца Богу, и прашу у васъ а томъ дазваленія.“—Услышивши, кучиръ, што царѣўна хочить итти у манастыри, сказаў каралю, што іонъ ни сагласенъ на ета, и требаваў сейчасъ жа пувинчатца съ каралеўною. На ета ина сказала: „Батюшка и матушка, я хачу исполнить мае абищаніе, — прашу васъ благасливить мяне итти пумалитца“. — А кучиръ требуетъ пувинчатца. Паряшили писать у санодь. Санодь атвѣтіў:— „Кали желаніе каралеви итти пумалитца, то нихай ина и идетъ.“—Каралева итправи-лась у манастырь малитца Богу, а кучира узали у царскій дварець, адѣли и наградили чинами.

Прибѣгаютъ звярьё Ивана Ивановича на то мѣста къ рякъ, стали яны густь, стали яны рюсть, и аглушили сванимъ ревымъ усѣ царства. Рюсти яны сутки адны и другіи не переставая. Леў патомъ и гаворить:— „Масква слизамъ ня вѣрить! Што и намъ панапрасну густь и рюсть? Нада намъ каго такога нахадить, штобъ свайго хазяина атживить!“— Звярьё и гаворить: Гдѣ-жъ намъ каго найдить? На тридцатымъ царствіи есть пастухъ чарадѣй, у яго есть вада живая, — іонъ и можить аживить намъ нашига хазяина—Ивана Ивановича.—Сгаварившись, ударили бѣжать на тридцатыя царства, тридцатыя гусударства. Прибѣгли у тридцатыя царства къ етому пастуху, и гаворить леў мядвѣдо и волку: „Ты, мядвѣдъ, свиной дари, а ты, волкъ, у грудь клади!“ И начаў мядвѣдъ свиной драть, а волкъ у грудь валачить. Пастухъ, увидѣвъ ета, заплакаў и гаворить: „Звярьё, звярьё заграничныя, што вы ета дѣлаитя, свинней маихъ истребляитя, у грудь валочитя—и съ чимъ жа мине астаўляитя?!. Я тридцать лѣтъ пасу, надъ сабой никада такой бяды ни видаў. Скажитя мнѣ, што вамъ нужна?“—Леў атвичаў пастуху: „Да стаў намъ вады живой и мертвый!..“ Пастухъ имъ въ отвѣтъ: „Магу я вамъ даставить, лишь только унистожътя маихъ свиной пубивать!..“ Пастухъ скорымъ паспѣхымъ атправіўся въ запавѣдныи сада, въ чужія земли, набраў онъ два пузыря вады живой и мертвый и предаставіў имъ! — „Палучитя воду живую и мертвую!..“

Леў и гаворить пастуху: „Ти ни сблышіў ты?!. гляди!..“ А мядвѣдо вялитъ завадскаго луччага каба на разадратъ на двая. Мядвѣдъ каба тотчасъ разадраў, а леў живою вадою сбрызнуў — и кабанъ ажіў. — „Ну,“ гаворить пастуху леў: „маладецъ, спраўдїў! Да ня гнѣвайся на насъ, што мы надѣлали табѣ большея убытки“.—Леў, мядвѣдъ и воўкъ атправились скорымъ паспѣхымъ къ мертваму сваяму хазяину—Ивану Ивановичу. Прибѣгли къ тому мѣсту, адѣ лижаў Иванъ Ивановичъ. Лей гаворить мядвѣдо и волку: „Приплатитя галаву Ивана Ивановича къ яго тулуву!..“ Мертвую вадою сбрызнули—трупъ амяртвѣў, а патомъ живою вадою сбрызнули,—на Иванѣ Ивановичѣ явилась краска, и іонъ устаў и улыбноўся.“—Ахъ, слуги мае вѣрныя, вы мене доўга праждались: я уснуў крѣпка!.. — „Да, атвѣчали ему звѣрьё, слуги вѣрныя: „кабъ не мы, заснуў ба ты на вѣки!..“ Ажіўши,

Иванъ Ивановичъ идетъ ипать съ свайми звѣрями на прежнiю хватуру къ бабылки.

— „Здрастуй, мая милая хазяюшка! Пусти мяне изнову пахватурувать;—я за тваю услугу и самъ тябе награжу!..“ — Милысти прашу, отвѣтила бабылка: добрыхъ людей!..

Время правалось круглый годъ. Въ горади етымъ усѣ пути и дароги высланы краснымъ трѳурымъ. Иванъ Ивановичъ у хазяюшки и спрашiить: „Скажи, хазяюшка, што ета значить, што у вашимъ горади высланы уси пути-дарожки краснымъ трѳурамъ!“

Ина яму отвичаить: „Нашъ царь будить дочь сваю замужь атдавать за кучира: iонъ снасъ цареуна атъ акаянныга Цмока“. Цареуна сабираетца ужу падъ вянецъ, и усимъ старцамъ у царскимъ дварци бальшая нистязимасть. Каралева свайми слугамъ приказала усихъ нищихъ раставить по шарамъ. Увидѣвши цареуна нищихъ гаворить имъ: „Я, якъ пулучу законный бракъ, усихъ васъ буду дарить златамъ-серебрамъ!..“ Иванъ Ивановичъ уружаетца у Божiй храмъ, астауляить усѣхъ свайхъ вѣрныхъ слугъ звярьѣу при хватури, надиваить сваю адежу ветхую, бяретъ здарову вязину, падходить iонъ къ етымъ убогимъ ницимъ, и закричау громкимъ голасамъ: „Слишняя каралеуна, саздай намъ милыстыню—не ради маяго прашенiя, а ради сваей души спасенiя,—ради Ивана Иванавича, сильна магучага багатыря!..“ Нищии уси за ета на яго стали арать: „Што ты адинъ у поли за воинъ?! Када желанiе яе милыстыню падать, то яна и сама падасть.“—Iонъ рѣчи еты приняу у свае сердца, заходить iонъ съ правага фланку.—и якъ торнуу iонъ сваею вязинаю усихъ старцыу атъ первага да паслѣдняга. Нищии — убогии стали на яго жалабу падавать. Схватили яго канвойные и гаворють яму: „Што ты за воинъ такей?“ — Иванъ Ивановичъ имъ и гаворить: „Гаспада палицейскiя, када я винувать, вадитя мяне лишна къ Емпиратару. Када я стѳю казни, iонъ прикажить снять съ мене голува, а а ня стѳю—наградить!..“

Приводють яго къ емпиратыру. Емпиратырь и спрашiить у яго:—„Што ты за храбрый такей воинъ, што ты убогихъ-нищихъ многихъ разабидiу? Какъ тваѣ имя и атчества?“ — Я, гаворить Иванъ Иванавичъ: сильна магучiй багатырь. Гасударь, я пакажу вамъ, якей я воинъ!.. Падайте мнѣ столъ абъ дви-

нацѣти нагахъ!—Падали яму столь абъ двинацѣти нагахъ; вотъ іонъ и начаѹ уси голывы змѣвы выкидывать на етытъ столь. Столь етый ни удиржаѹ Цмокавыхъ галоѹ: ноги абламились и головы пабатились.

—Вотъ вамъ даказательства, какой я страшный воинъ! Ваша емпиратарства, я за вашу дочку, слишнюю каралеѹну, сваю кроѹ праливаѹ; я яе, вашу дочку, ить акаянныга Цмоку избавіѹ; — а ня вѣрится маимъ славамъ, спраситя у вашій дочки: пускай ина сама скажить, хто яе ать Цмока избавіѹ!.. Царь спрасіѹ слишнюю каралеѹну: „Хто тябе, милая мая дочь, скажи мнѣ: хто сахраніѹ тябе ать смерти и ать акаяннага Цмока!..“ Ина атвѣчаитъ атцу:—“Батюшка мой, мине забярегъ ать акаянныга Цмока Иванъ Ивановичъ, сильна магучій багатырь. — Емпиратырь гаворить: Яеъ жа кучиръ гаворить, што іонъ тябе сахраніѹ ать смерти, ать икаянныга Цмока? — Ина атказытъ: „Кали вашъ кучиръ везъ мяне на жерству къ икаянному Цмоку, іонъ разагнаѹ сильна коній—калясо падламіѹ, каляску абаратіѹ;—я спужалась и сильна убилась, а кучиръ на лапаяхъ уѣхаѹ у лѣсь, стыяѹ у краю и сматрѣлъ, якъ икаянцый Цмокъ будить мною уродавать“. Ка мнѣ тады падашоѹ скорымъ поспихамъ Иванъ Ивановичъ, сбрызнуѹ мяне халоднымъ водою и гаворить: „Ачнися. слишняя каралева!“ Услышіѹши я русскій гласъ, ачнулась и прасила яго сказать, якъ яго звать и хто іонъ таеѣй.“ — Іонъ мнѣ тады сказаѹ:—Я—Иванъ Ивановичъ, сильна магучій багатырь; я васъ сахраніѹ ить акаянныга Цмока. — И прасіѹ мене быть яго жаною. — И я тады жа атвѣтила яму, што сагласна на усѣ, што яму угодна. Са трудоѹ у яго галава свярбѣла, и прасіѹ мене исекать вашей, — палажіѹ у мае бѣлыи калѣни сваю багатырскую голову и заснуѹ. А вашъ вѣрный кучиръ большимъ поспихымъ падѣѣхаѹ ка мнѣ и узяѹ Ивана Ивинавича вострую мечъ и якъ у яго была мала силы, іонъ мечи тога ня подніѹ, — а узяѹ съ каляски ножъ и атрѣзаѹ Ивану Ивановичу багатырскую голову. А мнѣ вашъ кучиръ гаваріѹ таеъ: ти будишь таперъ мая подданная? — а кали етыга ня хочишь, то и табѣ то жъ будить. Я заплакала слезна, сагласилась на яго требаванья, и дала яму яще и клятву. Но, усе—таки, у душѣ сваей я гаварила: ти ни дасть Богъ маяму сахранитилю ажитца? А кучиръ требоваѹ аблыжна на

мнѣ жанитпа у скорымъ времени,—я жъ прасилась у мана-стырь Бсгу пумалитца. Не кучирь мой сахранитиль, а Иванъ Ивановичь, сильна—мочій багатырь,—мой вѣрный сахранитиль.“

Царь приказаѹ привесть сюда кучира, разжалавать яго, надѣтъ на яго сѣрую шинель, вывести изъ канюшни быструю бѣшаную лошадь, привязать яго къ хвасту етай лошади:—„ябъ іонъ маю дочъ сахраніѹ, нихай такъ яго бѣшаный таперь сахранить!..“

Конь быстрый па чистому полю разнёсъ кости кучира. Ивану Ивановичу, сильна магучему багатырю, надѣли царскую карону, стали пива варить и свадьбу завадить. Абручили яго са каралеѹнаю; приніѹ іонъ законный бракъ. Выхадли изъ Божія храма, дарили нищю братію, и нищія уси крччали имъ „ура“.

Пришли ани ва дварець и стали пить да гулять и свадьбу играть. Атугулявши свадьбу, гаворить царь Ивану Ивановичу: —„Ты не зять мой, а сахранитиль мой! Дарю табѣ палавину маяго царства.“—Иванъ Ивановичь пасылаитъ записку къ сваймъ вѣрнымъ слугамъ—звѣрямъ и просить хазяюшку къ сабѣ ва дварець на честь; заветъ и звярей.

Приходитъ хазяюшка, бабылка удава, пабѣдная галава, къ Ивану Ивановичу, паздраѹляитъ яго съ законнымъ бракомъ и съ яго каралеѹствамъ. Іонъ за яе услугу публагадаріѹ и очень харашо наградиѹ; ина Ивану Ивановичу низехенька па-кланилась.

Иванъ Ивановичь живеть у дварцѣ мѣсиць, другей, и больш; —захатѣлась яму у чистыя поля праѣхатъ пувисялитца, и просить царя дазволить яму пагулять, чистыга поля пувидать и сваю красату паказать. Царь дазвоялитъ яму пагулять и гаворить яму: — „Ну, Иванъ Ивановичь, выбири для сябе, па тваяму трѣктиру, быструю лошадь!..“ Іонъ выбраѹ каня, слуги яго асиддали и подали яму. Иванъ Ивановичь усѣѹся на добрага каня, узяѹ острый свой мечъ. А царь гаворить яму:— „пакатайся па гораду, а за горадъ, у чисто поля, ня ѣзди! Іостъ у мене, у двинадцати вирстахъ, Баба-Яга, пребальшая валшебница; у ёй большой—пребальной адинъ зялѣзный зубъ; на ступи ѣздить, таѹкачомъ паганяитъ, мятлой слѣдъ замитаитъ: ана можить васъ спакусить.“—Иванъ Ивановичь атправіѹся на горадъ; многа-ль мала-ль пакатавшись на горади, атпраѹляит-

на зѣ гарадь:— „што я за воинь, што я никога ня буду знать, ни мяне ни хто ня будить вѣдать“. — Вотъ іонъ ѣдитъ па чисто полю, и устрѣтилась зѣ имъ Баба-Яга на ступи, таѣачомъ пыганяить, мятлой слѣдъ замитаить, съ зялѣзнымъ прибальшимъ зубымъ, и гаворить яму: „Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, сильна магучій багатырь!“ — Здрастуйтя, Бабушка-Яга, кастаная нага? — „Куда ты ета ѣдишь?“ — И атвичанть Иванъ Ивановичъ: „Ѣду“, гаворить:— „у чисто поля, полій пувидать и сябе паказать! Да пара и старыхъ такихъ старухъ убирать!..“ — Нѣтъ, гаворить Баба-Яга:— твае дѣла, Иванъ Иванавичъ, никогда ни придется: мы ни такихъ видали и за сябе брасали!.. Иванъ Иванавичъ схватиў вострый свой мечъ, штобъ срубить галаву Баби-Яга; а Баба-Яга, ашрядіў яго, язь рубанула лазовымъ прутикымъ и пирярѣзала яго на двая: адна палавина трупа па адну сторону, а другая па другую. Хорошая лошадь ускакала дамой, зашла у канюшню и стала.

Дакладають царю: — „Прибижала хорошая лошадь адна, а Ивана Иванавича нѣту!..“ Царь и жина Ивана Иванавича заплакали горьки слязми: — „То-та маладой розумъ! мы сказали яму ня ѣздить за горадь... Вѣрна, Баба-Яга яго спатрябила“...

Стала другому брату Ивана Иванавича скучна у другомъ царстві: думайть іонъ а брати и гадаить такъ:— „Не дарамъ мнѣ скучна: што-нибудъ случилась съ маимъ братымъ неладная. Пайду къ той берези и къ тому мѣсту, идѣ я съ братымъ разлучіўся!..“

Приходить къ барѣзи и видить братній ножичикъ, уторнутый у барезу, увесь у криви. Заплакаў братъ гарючими слезамп:

— „Знать ужу маюго брата постигла большой несчастія!“ — И атправіўся па той дароги, па каторый тоды пашоў яго братъ са свайми звѣрями. Приходить у яго царства; день быў ясный, погодливый. Идетъ іонъ кала саду цареваго и видить царѣўну у саду—гуляить; а царѣўна, увидивши Ивана Иванавича, брата яе мужа, признала яго за сваяго мужа (іонъ быў на брата пахожь).

Падашедши близка къ яму, спрашайть у яго, хто іонъ такей. Итвичанть каралеви:— „я Иванъ Иванавичъ, сильна магучій багатырь.“ — Ти не была у вась брата, яще Ивана Иванавича? — Іонъ и сказаў:— „я радной братъ Ивану Иванавичу, сильна

магучиму багатырю; пришоў у ета царства павѣдать а немь.“ — Каралева здѣсь яму и гаворить:— „Вашъ братъ, Иванъ Иванавичъ, сильна магучій багатырь, быў мой мужъ. Іонъ аднажды паѣхаў пагулять па гораду и атправіўся за горадъ въ чисто поля. А у насъ, у 12 вирстахъ, живеть пребальшая валшебница Бара-Яга: ина, вѣрна, яго спатрябила. Астались у насъ яго вѣрныя слуги, звярьё, такіе жа, яеъ ваши.“ — Ина приказыть привясти къ Ивану Иванывичу льва, мядвѣдя и валка. Звярьё узнали яго, стали у нагахъ яго кататца и лизать яго руки. Иванъ Иванывичъ вынимаить бранька и даеъ имъ пу палавинки каждому звѣрю.

Цареўна пригласила Ивана Иванывича къ сабѣ у царскій дворець:— „Ня будимъ ужу больши гарювать, а будимъ луччи пуминать!..“

Гуляли яны день, другой, и больши; Иванъ Иванывичъ просить у царя лашадки по гараду пакататца. Царъ дазваляить и гаворить яму:— „Можешь па свайму трактиру выбрать у маеи канюшни любую лошадь.“ — Иванъ Иванавичъ па сваеи натура выбраў сабѣ лошадь, приказаў асидлатъ и усѣўся на ей, узяў съ сабой старый свой мечъ, свaihъ вѣрныхъ звярей. Пагулаўши па гораду, атправіўся за горадъ.

Царъ жа уприяди яму сказаў, штобъ за горадъ не вѣзжаты; а то будить зъ имъ то жа самая атъ Бабы-Яги, што и съ братьимъ яго. Іонъ, Иванъ Иванавичъ, не паслушаўся царскага савѣта, атправіўся таки за гарадъ, паѣхаў тымъ путёмъ—дарагаю, куда ѣздиў и братъ яго.

Ѣдитъ Баба-Яга, зялѣзный зубъ у роти, и, пуѣстричавшись зъ имъ, гаворить:

— „Здрастуй, Иванъ Иванавичъ!“ — Здрастуй!—гаворить ей и Иванъ Иванавичъ: — да што ты, старая баба, за воинъ такеи, што на ступи ѣздишь, таўкачомъ паганяишь, пумяломъ слѣдъ замитаишь!..

Иванъ Иванавичъ приказаў сваймъ вѣрнымъ слугамъ—звѣрямъ: ильву Бабу-Ягу мять, мядвѣдю лыки драть, а ваўку вяреўки вить.

Стала Баба-Яга скрипѣть, стала вищѣть и прасить у Ивана Иванавича памилыванья, а Иванъ Иванавичъ не саглашаецца яе памилывать, а требуйть атъ Бабы-Яги васкрясить брата яго, багатыря сильна—мочнага. Баба-Яга гаворить Ивану Иванави-

чу:— „У мяне іосьць воды, и живэя, и мертвыя;— жагу аживить и брата тваяго.“ — Багатырь приказаў пусить Бабу-Ягу живую, и ана садятца на сваю ступу и 'тпраўляйтца у заповѣдныя свае сады за вадой; привозить вады. Иванъ Ивановичъ узліў на кустъ мертвай вады — и кустъ пачарнѣль; патомъ узліў на кустъ другой вады живой — и пашоў дымъ. Иванъ Ивановичъ смѣтіў, што ета не живая вада, а ядъ; — приказываить мять и пакрѣпчи жать Бабу-Ягу. Баба-Яга ипять просить багатыря о памилываньи яе; а Иванъ Ивановичъ атвичаить ей:— „Я тады тѣбе атпущу и памилую, кали ты атживишь майго любезнага брата.“

Пустіў Баба-Ягу Иванъ Ивановичъ, и ина палятѣла ипять у заповѣдныя сады за живой вадой. Привозить два пузыря вады живой и мертвый и 'тдаеть багатырю. Багатырь, пулучивши ваду, привазыить льву держать Бабу-Ягу, а самъ паѣхаў искать брата. Многа-ль, мала-ль ѣхаў, находить на дароги братній трупъ, разрубленный на двѣ части; слажіў іонъ части еты умѣсти, абліў трупъ мертваю вадой — трупъ амяртвѣў; патомъ—живой вадой — трупъ пакраснѣў, а братъ ажіўся. Паздаровавшись братъ съ братымъ, ажившій братъ и гаворить другому брату:— „Охъ, каеъ я доўга спаў!..“ А братъ атвичаить:— „Да, кабы ни я, ты бы и на вѣки заснуў!..“

Перегаваріўши и нагаваріўшись, атпраўляютца къ етй Бабѣ-Ягѣ и гаворють сваймъ звѣрьямъ, вѣрнымъ слугамъ:— „Предай-тя Бабу-Ягу смерти!“ Звѣри сейчасъ разарвали Бабу-Ягу на мелкія части.— „Ну, други наши, напаситя больши дроў у вучу, сдѣлать кастёръ, палажитя на кастёръ Бабу-Ягу, сажечъ яе!..“ Дѣла сдѣлана. Багатыри Иваны Ивановичи атправились ва дварець, у горадъ. Приходють ва дварець; жина багатыря, увидѣўши свайго мужа, вазрадавалась и распрасила у яго а яго и смерти, и ажіўленіи. Узнаўши а ўсемъ, яны снова зажили и весела, и радастна у сваемъ царствіи. Съ тыхъ поръ и живутъ и радуютца сваяму благапалучію.

№ 14.

Деревня Бердебяки Ельнинскаго уѣзда.

**Ибъ трехъ братьихъ ахотникахъ, двухъ изъ ихъ у ка-
минь абрашонныхъ, и абъ Бабъ-Ягъ, кастанэй назъ.**

Жію мужикъ; було ў яго три сына. Были яны великія ахотники; ну, какъ ахатию ни занимались, а ни було никаму щастя. Яны якъ ѣздили па пуццямъ и заблудились. Ыздили 3 дни и выбрались на бальшую дарогу. Яны мизъ сабою гаварили:— „Пайдемъ, братья, кажный сваей доли искать!..“ На бальшей дароги стыяў стоўбъ. Атъ тога стаўба три дароги, а на тымъ стаўбу 3 таблицы:— „Хто паѣдитъ управа, самъ будить сытъ, а конь будить голыдинъ; улѣва, лошадь будить сыта, а самъ будить голыдинъ; а третію дарогию хто паѣдитъ, у Вахрамеивымъ царстви будить царемъ“.—Были яны голысь у голысь, волысь у волысь, ростъ у ростъ, какъ адия. Иванъ Иванывичъ быў старшій братъ. Принжантъ онъ у Вахрамеіўскыя царства; приняў яво царь:— „Какъ тебе звать? Какея ты знаишь мастирства?“—А я самасильный ахотникъ.—Царь яво высылаў на ахоту. Лѣсь быў нисхадимыя пуца. Идетъ звѣрь леў, якъ крутая гара, проти яво. Іонъ прилажіўся яво бить, а леў яму гаворить:— „Ня бей мяне, Иванъ Иванывичъ: я табѣ дамъ свайго дитенка,—іонъ табѣ пригадитца.“—Маленька прайшомши, выходитъ къ яму на ўстрѣчу мядвѣдица. Іонъ прилажіўся яе бить. Ана и гаворить:— „Ахъ, ты, Иванъ Иванывичъ, ня бей ты мяне: вотъ табѣ ў даръ мидвянѣнка,—іонъ табѣ пригадитца.“—Іонъ яе ни стаў бить. Маленька праходить, стричалтца воўкъ и гаворить:— „Ахъ, Иванъ Иванывичъ, ня бей мяне!“—Іонъ яе ни стаў бить, а пна яму дала ваўчаненка. Іонъ кушіў сабѣ лошадь. Яво ливяненыкъ, мидвяненыкъ хадили за нимъ усигда услѣдъ. Царь Вахрамей абвинчаў Ивана Иванывича на сваей дочки. Иванъ Иванывичъ захатѣў послѣ свадьбы праѣхать на ахоту са лвяненыкъмъ, мидвяненыкъмъ и ваўчоныкъмъ. Была у етымъ царстви на сѣвирную старану захожая пуца.—Жана и гаворить:— „Другъ мой милый, ня ѣзди ты у ету пуцу! Тамъ великыя халады и лютея марозы.“—Іонъ ѣздиў па старанамъ и рассуждаў самъ съ сабою:— „Какой я ахотникъ, када ня буду ў етой пуци?—Узяў и паѣхаў у ету пуцу да

сѣвирную старану.—Какъ уѣхаѹ у лѣсъ, сдѣлалась темнѣ. халодный вѣтеръ и лютый морозъ. И сдѣлаѣся яму великый блудъ, заблудіѹ іонъ у тымъ лясѹ и заначуваѹ. Видитъ іонъ, шта идѣ-то аганекъ далека свѣтитца.— „Ну—ка, леѹ, ты силнѣ и прытыкъ, принясѣ-ка намъ огню!—А ты, мядвѣдъ, принясѣ-ка дроѹ!—А ты, воѹеъ, принясѣ-ка парасенка на вужинь!..“ — Леѹ агню принесѣ, воѹкъ парасенка, а мядвѣтъ наносіѹ дроѹ, а іонъ агню разлажіѹ. Стали яны етыва парасенка гатувать на вужинь. У етымъ лясѹ жила вѣдьма, празывалась Баба-Ига, Кастинная Нага; сама ина была смуглы, а глаза у яе, какъ вугыль. Толька яны стали вужинать, а ина нясетца, ажну трясетца:— „Ахъ, милый мой нашлешникъ, абагрѣй мяне: а то я змерзла!..“ — Ахъ, бабушка, пади, грѣйся!— „Нѣтъ, батюшка, баюсь ахоты тваей!..“ — Нябось, бабушка, ступай: цѣла будишь!— „Нѣтъ, батюшка, вырви 5 валаскоѹ са сваей галавы, съ лашадинѣй и са сваей ахоты“. Іонъ вырваѹ и падаѹ ей. Ина ягъ дунула, такъ Иванъ Ивановичъ и яго ахота акамянѣла. А жана дажидаитъ яго дамой.

Ишоѹ дарогыю Ивана Ивановича братъ Данила Ивановичъ. Стричайтца зъ имъ леѹ. Іонъ хатѣѹ убить яе, а ильвица гаворить: „Ахъ, Данила Ивановичъ! ня бей мяне: вотъ табѣ ливяненкѣ, — іонъ табѣ пригадитца!“ — Данила Ивановичъ ни стаѹ яе бить, а ливяненка узяѹ. Нямнога праѣхамши, стричайтца зъ имъ мядвѣдица. Іонъ хатѣѹ яе убить. ана и гаворить:— „Ахъ, Данила Ивановичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ ѹ даръ мидвяненка, — іонъ табѣ пригадитца“. — Узяѹ іонъ мидвяненка и паѣхаѹ дальши. Стричайтца зъ имъ ваѹчица и гаворить:— „Ахъ, Данила Ивановичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ ваѹчаненка, — іонъ табѣ пригадитца!“ — Узяѹ іонъ ваѹчаненка и паѣхаѹ. Пріѣхаѹ іонъ у Вахраменва царства. А царѣѹна думала, што ета яе мужъ. А іонъ увузанаѹ, што ана жана братнѣя. Ана яво цулувала, руки къ сердцу прижимала:— „Я думала, што ты аттуда ни зваротистя: у насъ аттуда звароту нѣту.“ — Ана яво паила и каръмила. бѣлу ложу застилала, спать яво укладала и сама зъ имъ лажилась. Іонъ мизъ сабою клаѹ вострую мечъ на галі:— „Ну, жана моя милая, сяннишнюю ночь хто къ ваму пирявернитца, таму галава прочъ!“ Аны пралижали, ни шивяльнулися. Рана цу вутру сабирайтца іонъ на ахату. Ана яму гаворить:— „Ахъ мой милый, ня ѣзди на сѣвирную старану: у насъ аттѣль нѣту зва-

роту! — Ионъ ѣздѣ на ахоту и заѣхаѣ у тую пуцу. Стала яму тамъ холыдна, и замачуваѣ тамъ. Льва паслаѣ за агнемъ, мядвѣдя за дравами, а ваѣка за парасенкымъ. Стали яны гатовить вужинъ, какъ лятить Баба-Ига-Кастинная-Нага, сама смуглы, а глаза какъ вугыль, нясетца, ажну трясетца: — „Ахъ, абагрѣй мяне!“ — Пади, бабушка, грѣйся! — „Нѣтъ, батюшка, вырви 5 валаскоѣ са сваей галавы, съ лошади и са сваей ахоты!“ — Ионъ вырваѣ и падаѣ ей. Ана какъ дунула, такъ Данила Иванывичъ за сваею ахотюю и акамянѣѣ. — Ъхаѣ па дароги третей братъ Микита Иванывичъ. На сустрѣчу леѣ. Ионъ хатѣ убить яе, а ана и гаворить: — „Ахъ, Микита Иванывичъ! Ня бей мяне; а вотъ табѣ ливаненка: ионъ табѣ пригадитца!“ — Узяѣ ионъ ливаненка и паѣхаѣ. Стричайтца мядвѣдица: — „Ахъ, Микита Иванывичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ мидваненка, — ионъ табѣ пригадитца!“ — Узяѣ ионъ мидваненка и паѣхаѣ. Стричайтца зѣ имъ ваѣчица: — „Ахъ, Микита Иванывичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ ваѣчаненка, — ионъ табѣ пригадитца.“ — Приѣхаѣ Микита Иванывичъ къ етому стаѣбу, а ужу еты таблицы пастерлись. Гаворить ионъ: — „Вѣрна, маихъ братьтѣ нѣту у живыхъ! паѣду искать сваихъ братьтѣѣ.“ — А быѣ ионъ сильный магуцѣй багатырь и храбрый воинъ. Призжапть ионъ къ Вахрамеѣвскѣй цареѣны. Ана сдѣлалась рада, када яво увидала, и пачитала за свайго мужа. Цалувала, къ сердцу руки прижимала. Лажитца ионъ спать и кладеть мечъ падъ голывы: — „Ну, жина, сяннишнюю ночь, хто къ каму пиравернитца, таму галава прочъ.“ — Яны цѣлую ночь ни шивальнулись. Устаѣши, паѣхаѣ ионъ искать сваихъ братьтѣѣ. Уѣхаѣ ионъ у пуцу на сѣвирную старану, падѣѣхаѣ ионъ къ етымъ камнимъ. Паслаѣ льва за агнемъ, мядвѣдя за дравами, а ваѣка за парасенкымъ. Стаѣ гатовить вужинъ. Какъ нясетца Баба-Ига, ажну трясетца: — „Ахъ, милый чилавѣкъ, пусти обагрѣтца!“ — Пади, бабушка, грѣйся! — „Нѣтъ, батюшка, дай мнѣ 5 валосикыѣ са сваей галавы, съ лападинной, а такжа и са сваей ахоты.“ — Тада ионъ и гаворить: — „Ну-ка, леѣ, и ты, мядвѣдь, и ты, воѣкъ, валакити-ка яе на агонь!..“ Вотъ ина крутилась, крутилась, а яе ахота тирзайт; тагда ана какъ закричить багатырскимъ голысымъ: — „Ахъ, Микита Иванывичъ, — ни пали ты мяне: я тваихъ усихъ братьтѣѣ ужѣѣлю!“ — Ну, уживи! — Вотъ ана какъ дунула на еты камни, такъ яны и сдѣлались людьми. — „Ну, Иванъ Иванывичъ и

Данила Ивановичъ, палитя яе!“.. Яе узали и спалили. Приѣхали яны уси троя у Вахрамеіўскыя царства. Вахрамей сабраў вялікы баль, и были уси карали, гуляли яны каля моря. (А Баба-Ига жила у мори). Марская Чудовища выкинула на биригъ письмо. Яво и нашли карали, а у іомъ написана:— „Иванъ Ивановичъ, Данила Ивановичъ и Миелта Ивановичъ! Какъ вы пагубили маю мать, то я пагублю ваша царства; а если ня хочишь, Вахрамей, штоба тваё царства пагубла, то вывизи сваю дочку у залатомъ бярини на край моря.“—Царь Вахрамей пасадіў сваю дочку у залатой бяринь п паставіў на край моря. Вахрамей ускривнуў:— „Ахъ, братыя, ти ня ўтушита вы Чуда-Юда, какъ утушили Бабу-Игу?“—Аны паднялись яго тушить. Стали ноччу каля етый кареты.— „Ну, ильвы, дяржитя крѣпка за заднія колисы; а вы, мядвѣди, ляж-тя на краймъ; а вы, ваўки, када выйдить іонъ изъ моря, хватайтя яво за шію“.—У самую поўнычъ стала валнуватца моря. Сдѣлалась землитрасенія. Выскычѣў зъ моря, стаў тягнуть у моря бяринь, а львы ни пускають. — „Ну, мядвѣди, садитись вы яму на плечи, а вы, ваўки, дярита яму икры.“—И пурубили яво на мелкія штуки. Привязли мядвѣди царѣну у царскій дворець, и сдѣлали вялікыя багамаленія. Ивана Ивановича паставили царемъ у Вахрамеивымъ царстві; Данилу Ивановича у Азію, а Микиту Ивановича у Америку.

Отъ Василя Михайлова.

№ 15.

**Якъ Ивана Ивановича, русскаго царевича, сестра съ нѣ-
кимъ злѣдѣимъ загубить хатѣла.**

Нѣўкатарымъ царстві, нѣўкатарымъ государстві, а иминна ў томъ, ў каторымъ мы живемъ, жиў адинъ бѣдны мужучокъ; іонъ только занимаўся ахотью; и была ў яго систра. Іонъ пайдетъ на ахоту, а систра яго астаецца дома, пригатурвать яму што-нибудь паѣсть. Вотъ яны жили, жили долга ўремя, такъ и харашо, и сагласна, такъ, какъ, канешна, братъ съ сестрою. Патомъ и приходить къ ей такой плутина и машенникъ, а братъ яе пашоў на ахоту. Іонъ и гаворить ей:— „Здрастый, мяя вумница!“ — А ина яму гаворить:—Здрастуй.— „Што ты

думаишь? — А ина гаворить: — А ничаво. — „Идѣ твой братъ?“ — спрасіў іонъ у яе, а ина гаворить: — А пашоў на ахоту. — „Давай мы съ табой спазнаимся!“ — Стаў іонъ яе змушаты. Ина, какъ въ недаумѣннн сваеми, и сагласилась зъ имъ, а брата свайго ужъ бросила. Приходить братъ са 'хоты, а плутина сказаў: — „Ты притварись, будта низдарова.“ — Вотъ братъ и спрашнть въ яе: — „Сястрица, што ты ета?“ А ина гаворить: — А, брахнинька мой, я дужа бална. — „Ну, што жъ табѣ нада?“ — Каба мнѣ дастаў ваўчиньга малака, то бы мнѣ и палуччила. — Вотъ іонъ и гаворить ей: — „Ну, што дѣлать, сястрица моя: пайду, какъ нибудь дастану.“ — Вотъ іонъ и пашоў. Приходить у лѣсь, блжитъ воўкъ. Іонъ только нацѣліўся, штоба убить яго, а воўкъ и гаворить: — „Стой, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, ня бей мяне, ни сиротъ маихъ дятей, — што тябѣ нада?“ — Іонъ и гаворить: — Мнѣ нада твьяго малака. — „На тябѣ мылака и ваўчаненка!“ — И сказаў яму: — „Яно тябѣ када-нибудь пригадитца.“ — Вотъ іонъ приносить дамой малака и ваўчѣнка. Ина узила етыга малака и гаворить яму: — „Не, братъ, ета малако мнѣ ня польза, а када бъ ты мнѣ принесъ мядвѣжжига.“ — Вотъ братъ ипять пашоў ў тотъ лѣсь; идеть къ яму мядвѣтъ. Іонъ только хатѣў, штобы убить мядвѣдя, а мядвѣдь и гаворить яму: — „Стой, братъ, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ; ня бей мяне, ни сирати маихъ дятей! Што тябѣ нада?“ — Мнѣ нада твайго малака. — „На тябѣ майго малака и медвѣненка: іонъ тябѣ када-нибудь пригадитца.“ — Вотъ іонъ узяў мядвѣжжига малака и мидвяненка и пашоў дамой. Приносить ета малака дамой и гаворить: — „Ну, сястрица, принѣсь я табѣ малака мядвѣжжига, — только аздараўливай“. — А зладѣй тотъ гаворить; каторый яе змушаў: — „Во какой братъ твой: яго нибярутъ ни звѣри зляя, ни какая сила, — пашли яго ипять къ сѣсаму злему звѣрю — лъву“. (Хатѣли, штобы стратить яго.) Ана и гаворить яму: — „Ну, братиць, спасибо тябѣ, за тваѣ старанія, — только мнѣ нѣтъ пользы; а кадабъ ты мнѣ принѣсь лъвиньга малака, то бы я паздаровила.“ — Ну, што дѣлать, сястрица моя? пайду, какъ-нибудь дыстану: или голаву пылажу, или малака принясу.“ — Вотъ іонъ и пашоў апять ў тотъ лѣсь: идеть къ яму на ўстрѣчу лъвица и съ ливинятками; іонъ прицѣліўся убить яе. Ина и гаворить: — „Стой, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, ня бей, ни сира-

ти маихъ дятей: што табѣ нада? — Дай мнѣ свайго малака. — Ина яму дала малака и пльвяненка: — „Іонъ табѣ када-нибудь пригадитца“. — Вотъ іонъ узяў ета малако и пльвиненка и пашоў дамой. Ина видить, што онъ ипять пришоў; ипять давай болий стагнуть и гаворить яму: — „Ну, братъ, ня луччїить мнѣ ить таго! ежли бѣ ты: схадиў у ту мельницу, идѣ мелють на двинацать камней и за двинатцами двярми, да принесѣ бы мнѣ пылу, — тады бѣ я, тадабѣ палуччила“. — Ну, што дѣлать, сястрица, скажу и принясу. — Вотъ іонъ и пашоў и забраў съ сабою ўсю сваю ахоту: вуўка, мядвѣдя и льва. Вотъ онъ приходитъ у ту мельницу, стукнуў у двери; яму атварили и ўпустили, патомъ дали яму пылу и гаворють: — „Ну, ступай!“ — Только іонъ вышіў съ тѣй мельницы, яны — хряпъ, и затварили ўсѣ двери, и ўся яго ахота асталась тамъ: воўкъ, мядвѣдь и леў. Приходитъ іонъ дамой, приносить етыга пылу. Систра видить, што іонъ пришоў бизъ ахоты, и гаворить свайму другу: — „Ну, тяперь харашо: знаимъ, што мы сдѣлаимъ! ахоту яго тамъ задержили.“ — Патомъ и гаворить систра брату: — „Ну, братъ, таперь я палуччила, — иднаба мнѣ вытыпи баю: я памыюсь“. — Вотъ іонъ пашоў тапить баню. Тапіў, тапіў; лятить воранъ: — „брукъ, брукъ!.. здрастўй, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ! — Тапи какъ ня можна пу-марудливій: твая ахота ужъ четвира двярей прагрызла!“ — Вотъ іонъ ўзяў такога гнильля дровъ и наклаў у печку, и ўсѣ топить, да топить. Прибиганть систра: — „Ну, што, братъ, ти гатова?“ — Нѣтъ яцо, систра, пададжи намнога! — и стаў ипять тапить баню. Лятить ворынъ: — брукъ, брукъ! здрастуй, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ! пададжи намнога: твоя ахота скоро придетъ: асталась только троя двярей грызть.“ — Іонъ ипять давай гнилушки паглядывать; приходитъ апять систра: ей ужъ ни тярпѣлась. — „Ну, што, братъ, ти гатова баня?“ — Нѣтъ, сястрица, пададжи намнога: сичасъ будить гатова. — Лятить третій разъ ворынъ: — „Ну, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, твоя ужъ ахота идетъ! — Вотъ ина съ сваймъ другимъ и пашли ў баню, а ахота яго на дворъ. Іонъ гаворить на сястру: — „Ну, систра, каго ты ета привила? — Ну-ка, мяя ахота, пастарайся етыга мерина паймать и пащипать на мелкія кусочки.“ — Вотъ какъ стаў мядвѣдь на двяряхъ, а воўкъ на другихъ, а леў якъ начаў паласкать: пар-

ваў, и паццпаў, и кости яго пажваў.—Я тамъ быў, медь-ви-но піў, па губамъ твбло, а ў ротъ ни пуцала.

№ 16.

**Ибъ трехъ братьихъ, аднымъ изъ ихъ дуракъ, Бабъ-Ягъ
настанэй нагъ и яе дачкахъ.**

Какъ жиў старикъ, и було ў яго три сына: два разумныхъ, а третій дуракъ. Наканецъ атець ихъ помиръ, и задумали аны пуминать атца. Вотъ аны наварили пива и слили яго ў бачонки и поставили яго ў погрибъ. Патомъ пасылають дурука ў горыдъ за пакупками:—„Ну, братъ, сѣзди ў горыдъ да купи намъ гаршкоу и соли!..“ Вотъ ionъ запрегъ лошадь и паѣхаў ў горыдъ, накупіў пакупыкъ и ѣдитъ дамой. Захатѣла лошадь пить. Ionъ хатѣў напайть яе,—ина сарпнула и ня пьетъ; вотъ ionъ пасалиў ей: высыпаў усю соль, што везъ,—тада конь напіўся. Праѣхаў ящо дальши у лѣсь, выѣзжають на ляда—стыять пianeўя. Ionъ панадѣў уси гаршки на пни. Призжають дамой безъ пакупыкъ. Братья спрашиють:—„Идѣ твае пакупки?“—А дуракъ атвичаить:—„Я ѣхаў, ѣхаў,—дарогый конь захатѣў пить, то я ўзяў, пасалиў, тады ionъ напіўся. Ящо далій праѣхаў,—идуть къ намъ гости, да галагаловыя, бизъ шапыкъ,—такъ я ўзяў ими шапки панадѣў.“—Ну, штожь намъ таперъ дѣлать съ табой: атстанься ужъ дома, а мы паѣдимъ ў горыдъ за пакупками.—Вотъ яны паѣхали ў горыдъ, а ionъ атстаўся дома. Думаў, думаў, што дѣлать?—„Пастой: вазьму пайду ў погрибъ!“—Пашоў ionъ ў погрибъ; узяў, паразліў уси бачонки съ пивымъ, патомъ искаў, искаў лодки, ни нашоў. Вотъ ionъ узяў карыта, утаціў туды, да и катайтца па погрибу. Призжають братья зъ горыду, а ionъ гаворить: „Хадитя ка мнѣ кататца!“—Яны и кричатъ на яго:—„Ах ты, дурачина, што ты ета надѣлаў?—Чимъ жа намъ таперъ атца пуминать?“ А ionъ гаворить имъ:—„А я думаў, што вы мнѣ ета пива здѣлали кататца?“—Ну, братъ, давай ящо варить пива!—Вотъ яны наварили ящо болій таго пива и послали дурука пазвать людей на пѣминки. Вотъ ionъ пашоў и приказывають усимъ:—„Прихадитя, ўсѣ маладыя и старыя, а за дитями я на кани пріѣду!“—Вотъ уси пупришли. Тады ionъ

запретъ каня и причапѣу вярѣку, сѣу и паѣхау. Вотъ іонъ прѣѣхау у дярѣюню и давай накладывать дятей на валѣсы, якъ дровы, и увизау ихъ жердью. Привозитъ дамой, увайшоу у хату и гаворитъ: — „Ну, привезъ я вашихъ дятей!“ — Матери ихъ пасмотрють дятей и гаворять яму: — „Да идѣ жѣ ты ихъ дѣу, нашихъ дятей?“ — А іонъ гаворитъ: — А псадіу на згу-вальню. — Яны паглядѣли: праѣда. — Патомъ и гаворють одна на адну: — „Пагляди-ка, кумычка, якъ наши дѣти сидятъ радускамъ!“ — А другая выбигла и гаворитъ: — „А, Божа мой, аны жѣ ня живы!“ — Вотъ братья видють, што будитъ худа, пабижали далоу сь дому; а дуракъ глядѣу, глядѣу на ихъ, да какъ пуститца ѣслѣдъ за ими, што іостъ силъ яго, и бягитъ, и кричитъ: — „Падажжитя!“ — Братья ета пачули и спугались, и гаворють адинъ другому: — „Братъ, нужна падаждатъ!“ — Вотъ яны падаждали яго; приходитъ іонъ къ имъ и гаворитъ на ихъ: — „Вы чаго ать мяне ушли?“ — А яны гаворють: — „Зачимъ жѣ ты давіу дятей: намъ ба було дѣла плоха“ — Абнимаитъ ихъ ночь, іонъ и гаворитъ: — „Ну, куда мы тѣперъ пайдѣмъ: вить ночь на дварѣ? — Пайдѣмъ куды-нибудъ, папросимся на начъ!“ — Вотъ яны ишли, ишли, — приходють у лѣсь. Стаитъ тамъ хатка. Вотъ яны приходють ў тую хатку; тамъ сидятъ три дѣвушки. Вотъ яны и гаворють, увайшоуши ў хатку: — Здрастуйтя, вумницы!“ — А аны атвичають: — „Здрастуйтя, гаспада кавалеры!“ — Пазвольтя намъ у васъ пприначувать! — „Можна, гаспада кавалеры! толька у насъ іостъ матушка злая: ина называитца Баба-Ига-Кастинная Ныга. Ина на ступи ѣздитъ, таѣкачомъ пагыняитъ, пумяломъ слѣдъ замитаитъ. Какъ ина дамой придеть, то ина васъ паѣсть!“ — Ну, што жѣ дѣлатъ? — Намъ, пашоуши ў міръ, идѣ-нибудъ умирать; — а мы ужѣ заначуимъ, да падлѣзимъ хуть падъ печку! — Вотъ яны и заначували, да падлѣзли падъ печку. — Вотъ идеть ихъ matka, Баба-Ига-Кастинная Нага, у ступи ѣдитъ, таѣкачомъ паганяитъ, пумяломъ слѣдъ замитаитъ. — Какъ увыйшла ў хату, гарпъ, сарпъ: — „Што ета тутъ у насъ кось-Русь пахнитъ?“ — А яны атвичали ей: — „Маминька, ты па Руси ѣздила, Руси набралась!“ — Нѣтъ, вы мнѣ ета ни гаваритя, а штобъ большій братъ мнѣ сжаринъ быу! — А сама на заўтри уѣхала шпять. Вотъ яны загалили печку и гаворють: — „Большій братъ, выли-зай вонъ!“ — Вотъ іонъ и гаворитъ: — „Братъ дуракъ, лѣзь ты,

паслушай мяне!“—Вотъ іонъ вылизайтъ, а яны палажили лупату на загнетъ и гаворють:—„Садись, я тябе пракачу!“—А іонъ и гаворить:—Я ня ўмѣю: ну-ка перва ты!—Вотъ ина шлѣпъ, и сѣла на лупату, а іонъ коўсь яе у печку: ина тамъ и сжарилась.—Вотъ идетъ Баба-Ига-Кастинная Нага, вытащила яе съ печи и давай ѣсть, сѣла, ипять пашла и приказала:—„Штобъ сяредній братъ сжаринъ быў!—А идѣ жъ ета мая большія дачушка?“—А яны атвичали ей:—„А пашла гулять.“—Вотъ ина и паѣхала ипять. Вотъ яны ипять затапили печку и гукають:—„Ну, сяредній братъ, вылизай вонь!“—А сяредній братъ просить дурака:—„Братъ-дуракъ, вылизай вонь: ты ужъ знаишь, што дѣлать!“—Вотъ іонъ вылизантъ, а ина и гаворить:—„Ну-ка, сяредній братъ, садись на лупату: я тябе пракаўзну!“—А іонъ и гаворить:—„Я ня ўмѣю: ну-ка ты перва!“—Вотъ ина—шлѣпъ, и сѣла на лупату, а іонъ коўзь яе ў печку: ина тамъ и сжарилась; а самъ ипять залѣзь падъ печку. Вотъ и ѣдитъ Баба-Ига-Кастинная Нага, пріѣхала, вынила яе съ печи и зѣбла. Патомъ и гаворить: „Идѣ жъ мыя сяреднія дачушка?“,—А меньшая атвичала:—„Пашли абѣя гулять!“,—А ина гаворить:—„Ну, штобъ меншій братъ сжаринъ быў!“—А сама паѣхала. Вотъ ина затапила печку и гаворить:—„Ну, меншій братъ, вылизай вонь!“—Вотъ іонъ вылизъ,—ина и гаворить:—„ну, садись на лупату: я тябе пракаўзну!“—А іонъ гаворить:—„Я ня ўмѣю: перва ты сядь!“—Вотъ ина шлѣпъ, и сѣла, а іонъ яе коўзь у печку: ина тамъ и сжарилась. Патомъ и гаворить: „Ну, братцы, вылизайта вонь!“—Вотъ яны вылизли, да какъ пабѣгли уткать. А Баба-Ига, какъ застучѣла, какъ заgrimѣла за ими ў-дагонъ; а дуракъ астаўся, да каеъ ухватиў табашникъ, да какъ ударить яе па галавѣ, ина тамъ и сунулась. Іонъ узяў: на одну нагу стаў, а за другую разарваў; патомъ и кричить на братоў:—„Падаждитя: а то я васъ убью!“—Вотъ яны уздумали пра яго дурацкія мысли, останавились, а іонъ нясетъ къ имъ ету Баба-Ягу-Кастяную Нагу, ступу, таўкачъ и пумяло и гаворить на ихъ:—„Пумагитя мнѣ ета несъ!“—Вотъ яны нясли, нясли, принесли къ лѣсу и гаворють:—„Ну, идѣ будимъ начувать?“—А дуракъ и гаворить:—„А вазьмемъ, да узлѣзимъ на елку.“—Вотъ аны ўзлѣзли на ёлку, пумастили сабѣ каравать и лягли спать.—Вотъ

туда ѣхали извошники и заначували падъ етыю ёлкуй. Вотъ адинъ изъ братоў и гаворить:— „Я хачу пумачица.“—А дуракъ и гаворить:— „Мачись у катёлъ“.—Вотъ іонъ и давай мачитца ў катёлъ, а извошники и гаворюць:— „Ета раса идеть!“—А другой гаворить:— „Я хачу мараца!“—А дуракъ и гаворить:— „Марайся ў катёлъ!“—Вотъ іонъ и давай мараца ў катёлъ, а извошники гаворюць:— „Ета шишки литяць.“—Патомъ дуракъ якъ бросить къ имъ Бабу-Ягу, ступу, таўеачъ и пумало: извошники якъ пубижали ўси ўрозъ, а яны злѣзли зъ ёлки, да за ими ўдагоню.—Нашли аднаго ў кустахъ, ўзяли, яму языкъ атрѣзали. Вотъ іонъ и залапатаў разными изыбками, а дуракъ и гаворить:— „Во, я научіў чилавѣка разнымъ изыбкамъ!“—И гаворить на братьіў:— „Научити-ка вы мяне гаворить разными изыбками?“—А яны яму атвичали:— „Мы жъ ня умѣимъ!“—Вотъ іонъ узяў и забіў ихъ обоихъ, а самъ пашоў дамоу; стаў жить, да паживать.

Издаўна ў свѣти рѣчь вадетца,
Што глухому ўсё даецца.

№ 17.

Деревня Бердебяки Ельнинскаго уѣзда.

Ибъ Игри Игравичи, якъ іонъ сабѣ жонку дабываў ажно изъ Царь-града, якъ іонъ жа съ падземнаго царства цареўну ать 12 галовыга змѣя свабадіў.

Какъ у нѣкатарымъ царстви, иминна въ нашемъ гусударстви быў царь Игра, и была ў яво три сына: первый сынъ быў Иванъ Игровичъ, утарой сынъ Аляксѣй Игровичъ, третій сынъ Игра Игровичъ. Рана пу вутру призваў іонъ Ивана Игровича:— „Сынъ мой любимый, Иванъ Игровичъ, какъ видіў я сонъ свой діўный, такъ хачу я прасить васъ правѣдать у царстви, што дѣйтца и што праводитца“—Магу, атець милый, магу узнать, што ў царстви дѣйтца и магу вамъ дать атвѣтъ. Іонъ пашоў на ставы—канюшни выбирать па сябѣ лошадь, выбраў, сѣў и паѣхаў. Принъжаить къ дареўни: у дареўни стаить пуня на пали; іонъ выбраўся у салому и праспаў у весь день и ночь. Рана пу вутру явіўся къ атцу сваяму:— „Атець мой

милий, паѣхаў я у царства и увидаў я страху многа, вара-
ратіўся назадъ.“ Іонъ и гаворить:— „Аляксѣй мой милый, сынъ
мой любимый, какъ ба намъ можна бы у царства атвѣдать.
Ежили ты у царстви атвѣдаишь, што дѣйтца, то полцарства
табѣ атпишу.“ — Іонъ и гаворить:— „Батюшка, усё можна, и усё
атвѣдаю, и праўду усю вамъ скажу.“ — Выизжаить іонъ у сваё
царства, увидаў многа дѣвчыкъ и малыдыкъ, прабыў іонъ сутки
съ ими, прагуляў. Вараціўся у свой домъ къ атцу и гаворить:—
Батюшка мой, у полцарства ни даѣхаў: лошадь мая захрамала,
самъ сдѣлаўся низдароў: забалѣла моя галава, и вараціўся я
дамой.“ — Іонъ гаворить:— „Пò свиту ты ни изжаў, людей ты
ни видаў, атъ вѣтру у тебе забалѣла галава, — ляжь и спи!..“
Выходитъ Игра на крыльцо и кличить:— „Игра Игрывичь!..“ —
Игра Игрывичь съ палатушки выступанть, кармазынычку сь-
маить: — „Абъ чомъ, гасударь-батюшка, требуйтя?“ — Вотъ я
требую, штоба ты во царстви атвѣдаў бы, то я табѣ ўсё
царства паступлю!.. — „Атець мой, если мае братья Иванъ
и Аляксѣй ни магли атвѣдать, но я ища малалѣтинъ; што
Богъ мнѣ пашлетъ!.. Благаславитья, атець мой рòдный! па-
пробаю!“ — И пашоў на ставы - канюшни выбирать па сябѣ
лошадь. Іонъ выбираў: на каторую лошадь руку ни нало-
жить, на калѣни упадеть, а иная саўсимъ прападеть — ня вѣ-
тывать. Іонъ заплакаў и пашоў, узяў съ сабою тьясменную
уздечку и чиркасыкыя сядѣльца, и стричапца зъ имъ чила-
вѣць:— „Ты куда идешъ, Игра Игрывичь?“ — А ты хто? — „Я
панъ панскій, а сынъ дварянской, а па милысти гасподскій — самъ
ваяводскій.“ — А што, милый мой чилавѣкъ, ни видаў ли ты
нашива конюха, Ивана Ивашку, сѣрую сирьяжку? — „А на што
іонъ вамъ? — Тамъ іонъ съ табуномъ у поли. — А ни савѣтываў
ба я табѣ, Игра Игрывичь, яво искать: у няво самыя пага-
ныя лошади, лядація. А я пакажу вамъ, куда идти. Вотъ падъ
Балканьскыю гарою іостъ ракитывый кустъ, падъ тымъ кустымъ
крыница, то ты съ етымъ варагись назадъ, вазьми атцоўськую
булаўку, штоба атець ни видаў; ана ни валикыя: семдсать
пудоў. Самыми паўднями лошадь будить бѣчь у крыницу; какъ
ина падеть на калѣнкахъ у крыницы, то ты яе бей мизъ вушь,
якъ твая сила, — хватай яе за гриву и набрытывай яе тисмен-
ную уздечку, накладывай на яе черкасыкыя сядѣльца, скажи на
яе: — Тпру, Гремил! служи мнѣ, якъ твоя сила!“ — Игра Игры-

вичъ, какъ яму савѣтывали, такъ іонъ и сдѣлау: схватиу лошадь за гриву, забратау яе тисъмянную вуздечкую, и палажіу чиркасска сядѣльца, и сказау на яе:—Ты, мая лошадь мила, служи мнѣ, какъ твоя сила!“—Ударіу яе больна.—„Ахъ, Игра Игрывичъ, ты больна бѣсьтя!..“—Но ты, песься мяса, бальнѣй мяне убила!.. — „Ну, садись на мяне лягенька, дяржися крыпенька, а паганай ни жалѣй!“—Іонъ и паѣхау у тридвятя царства, у тридсятя гусударства, за темныя ласы. за широкія горы. Тамъ станть домъ, агромный домъ, каминный, трехатажный, только ў томъ доми ни двери, ни вакошка.—„Охъ, домъ, ты, домъ, стань, стань, пириварнись, ка мнѣ двирями атварись!..“—Стау, пириварнуѣся, двирями яму атваріѣся; уходитъ у домъ, и садить тамъ дявица на креслахъ и каѣры вышиваить, такъ сильна прикрасна: видить яе ни видать, ни ўказами ни сказать, ни пяромъ написать,—такъ ина красива.—„Здрастуй, дявица!..“ Здрастуй, Игра Игрывичъ! куда ѣдишь, куда путь дяржишь?—„Я ѣду ў Царь-Градъ, царь-дѣўки пувидать, живѣй вады и мѣртвѣй дастать.“—Ну, када дастанисъ, сваякъ намъ будисъ!.. Толька астаўляйтя вы сваю лошадь у мяне, а вазьмита маю!—Іонъ сѣу и паѣхау ў тридвятя царства, ў тридсятя гусударства. Вотъ станть домъ трітажный, ни вакошикъ, ни двярей.—„Ахъ, домъ, ты, домъ, стань, пириварнись, ка мнѣ двирями атварись!“—Стау, пириварнуѣся, яму двирями атваріѣся. Уходитъ іонъ у домъ; садить тамъ дявица, крашій красныва соўнушка, яснѣй ясныва мѣсица.—„Здрастуй, царѣўна!“—Здрастуй, Игра Игрывичъ!—Куда ѣдишь, куда путь дяржишь?—„Ни царскыя ваша честь, што ни даѣта мнѣ ѣсть,—вы напоитя, навармита,—тагда у мяне разпраситя!“—Ина яво напайла, накарьмила и ўсѣ ў яго распрасила:—Куда ѣдишь, куда путь дяржишь?—„Ѣду ў Царь-Горыдъ, царь-дѣўки пувидать, живѣй вады и мѣртвыи дастать!“—Ну, када дастанисъ, сваякъ намъ будисъ; только вы вазьмита лошадь маю, а сваю астаўтя ў мяне!—Только какъ падѣдита къ Царь-Граду (тамъ стина трітажная, каминная, а на третимъ атажій тамъ натянута струны), то ты ни кидайся скакать черизъ трітажную стяну, а будить примѣта: три галаўни будутъ кўрить; то ты какъ усатришь, што двѣ дагаснуть, а одна будить кўрить,—тада скачъ чиризъ стяну. Какъ привязишь лошадь, пирискачѣмши за стяной, у Царь-Гради, будутъ два ка-

лодися раскрытыя.—То ты купи два пузырька раўныя. Ты такъ вады ни вузнаишь, каторая живая, каторая мертвая, а будить хадить птица воранъ, то ты разарви яво на дваѣ, пумагни воби палавинки у калодись: када мертвая, сживить яго, а живая—атживить.“—Вотъ іонъ ува адинъ калодись яво (ворана) пумагнуў, то сживіўся; а у другой калодись пумагнуў, вырваўся и улятѣў. Вотъ іонъ мертвую ваду падвизаў падъ лѣвую паху, а живую падъ правую. Эта было у втаромъ часу дня, када ў Царь-Гради цареўна атдыхала. Уходитъ іонъ у домъ; ана спить па канапен. Какъ іостъ чистыя зеркыла: видна, какъ изъ костки у костку мозгъ пириливантъ. Какъ увидаў яе красату, какъ разгарѣўся маладецъ, раскрыў яе и сдѣлаў съ ёю схаждѣнія съ сонною,—только вынуў іонъ карандашь и написаў на яе бѣлыхъ грудяхъ:—„Быў чужаземиць, квасъ піў, а дежки ни накрыў.“—Выходитъ іонъ изъ палатъ къ сваей лошади; стаў на яе садитца,—лошадь упала на калѣни и гаворить:—„Игра Игрывичъ, ты вочинъ тяжолъ! мѣйся ты ў етыхъ калодисяхъ—ни магу тябе везть: ты вочинъ тяжолъ!..“ Іонъ какъ ня мѣўся, а стаў садитца, — апятъ ана упала на калѣнву:—„Мѣйся ящо, а то ты вочинъ тяжолъ!..“ Іонъ патуда мѣўся, пакуда съ яво патпѣла кроў-руда. Стаў садитца на лашадъ, ана и гаворить:—„Ну, пѣтижилъ, да дѣлать нечива.“ Ана какъ бросилась чиризъ каминную стяну, то сваею ногою зачала струны. Сдѣлалась тривога на ўсемъ Царь-Граду и разбудила дѣўку. Глянула дѣўка на свае бѣлыя груди и гаворить:—“Ахъ, ты, нявѣжа: квасъ піў, да дежку ни накрыў! я тябе даганю и агнемъ тябе сажгу!“—Іонъ прилитаить къ етому самому дому, гдѣ сваю лошадь аставиў. Эта цареўна яму лошадь выводитъ, а сваю принимаить. Царь-дѣўка узила щить огниный, за двинатцять верстъ агнемъ пякетъ.—„Што, систра, ти ни прайзжаў чужаземиць?—Нѣтъ, сястрица, ни видала.—„Атчаво твоя лошадь потна?“—А сичасъ пакупала, ярый пшаницы задавала,—аттаво и потна.—А Игра Игрывичъ прилитаить къ таму двару, идѣ яво истинная лошадь стыяла. Эта цареўна яво лошадь выводитъ, а сваю принимаить:—Ухади, милый чилавѣкъ! сваякъ намъ будишь!“—Услѣдъ систра прилитаить, на щиту пламиннымъ агнѣмъ палить за двинатцять верстъ ўпередъ:—„А што, систра, ти ни прайзжаў чужаземиць?“—Нѣтъ, сястрица, ни видала!—„Атчаво лошадь твая потна?“—Сичасъ купала, ярый

шпаницы задавала, аттаво и потна. — Ана и гаворить: — „У васъ, вѣрна, заговоръ съ тою сястрою! даганю нявѣжу и агнемъ сажгу!“ — А ета царѣйна яму сказала: — Если будить тябе даганянь систра и будить агнемъ печь у плечи, то палатенцымъ етымъ махни упередъ! — И дала яму палатенца. Ионъ махнуу палатенцымъ, и аткрылся моря да самого царя Игра. А ана, даѣхаўши да моря, махнула палатенцымъ — сдѣлаўся мость атъ Царь-Града да царя Игра: залатая масница и сяребриная. Ионъ паскабаў по масту, какъ самый ясныи сокылъ, а ей нильзя ѣхать: патаму квасъ пить и ня мылась ана. Снора ета кажитца, а нѣскара дѣлаитца. Какъ уѣхала ана у Царь-Горыдъ и радила пару сыноу: адинъ сынъ Лицарда, а другей Цымбалда. А Игра Игрывичъ пріѣхаў у сваё царства, у запавѣдныя дуга, разнуздаў сваю лошадь и апустіў павада, а самъ съ атваги легъ падъ зялёный падъ кустокъ. — „Талерь я буду спатъ: нп-каво я ни баюсь, патаму што пришоу на сваю старану.“ — Какъ успаўся іонъ багатырскимъ сномъ; а тую пору прахадилі яво братья Иванъ и Аляксѣй, нашли яво сонныва и гаворюць: — „Какой ета чилавѣкъ, што мы яго ни пазнаимъ, и какой чужаземиць, или багатырь Чалубей наѣхаў на наша царства?“ — Аляксѣй и гаворить: — „Ахъ, братъ, ета ни багатырь Чалубей!“ — Какъ, братъ? — „А такъ, братъ: ета, вѣрна, нашъ Игра Игрывичъ! — Ионъ атцоўскія выизды выиздїу и выходы выхадїу: вѣрна, яму царствымъ владѣть!“ — Ну, што, братъ, будимъ съ имъ дѣлатъ? — „А вошто: ета атцоўскыя булаўка, — вазьмемъ и убѣемъ! яво ею!“ Аляксѣй гаворить Ивану: — „Зачимъ намъ праливать атцоўсьеую ероу? — А луччи — я знаю на тотъ свѣтъ дирку скрозь зямлю — пракинимъ яво туда!“ Узяли яво, привалакли и бросили, и лятѣў іонъ цѣлый годъ. У палавини іонъ прашнуўся и гаворить: — „Ахъ ба, да ни такъ, — за што жъ бы такъ? — Кто ета мнѣ сдѣлаў!?“ Прилятѣў іонъ на тотъ свѣтъ, идѣ соўнушка нѣтъ, — только тамъ чады да бурна. Прилятѣў, стаў на ноги. Ляжить тамъ мечъ складянецъ 12 аршинъ царя Чалубея. Узяў іонъ мечъ у рубу и пакиваў ею. — „Ну, хараша штука, да только троху!“ Стаў прислушиватца и присматриватца. Слышитъ іонъ, што у ва 'днѣй старанѣ выють и плачуть, а ў другой старанѣ играють и скачуть. Такъ іонъ и думаў, куда яму идить: или ў тую старану, идѣ играють и скачуть, или ў тую, гдѣ выють и плачуть. — Пашоу у тую старану, идѣ выють

и плачуть. А у пазямельныга царя выстраинъ калчегъ, и визина дочка на съяденія Чуду-Юду Виззаканнаму, каторый выидаў гусударства. Заходить у тотъ калчегъ и гаворить:— „Здрастуй, царёўна!..“ Здрастуй, Игра Игрывичъ! Чаго вы ета суда залятѣли? Луччій ба я адна прападала, чимся и вы суда зашли!—Ионъ и гаворить ей:— „При двухъ насъ и смерть будить красна!..—Алена Прикрасныя, какая у васъ тутъ смерть ходить?“—А выходитъ у насъ Чуда марская, выила усё царскыя калѣна.— „Ну, какъ жа узнать, када іонъ будить зъ моря выходить?“—Тада будить зимлятрясенія: іонъ вочинъ грузинъ,—на іомъ 12 галоў.— „Ну, харашо: я паляжу троху, а вы мяне узбудитя.“—Патомъ іонъ и гаворить:— „Если вы мяне станитя будить, ды ня ўзбудитя, то бейтя камнимъ у пяты; если и тады ни паслышу, то распаливайтя кирпичъ и кладитя къ маймъ пятамъ, патаму што я роўна годъ ни спаў: можа, усну парядышныга и крѣпкымъ сномъ.“—Ну, харашо: лажисъ и спи!.. А іонъ Чулубейву мечъ паставіў у вуглѣ. Сичасъ па ту пору падвилася буря, и стала тресца зимля. Ана (атъ яво любѣви и атъ крысаты) начала сильна будить. Іонъ заснуў багатырскимъ сномъ и ни слыхаў, какъ ина била яво камнимъ у пяты и палила кирпичомъ жарка и клала къ падопшвамъ, а іонъ усетки ни слыхаў за багатырскимъ сномъ. Какъ выходитъ изъ моря на сухой край Чуда-Юда абъ двинацати галавахъ, такъ ина стала зъ имъ пращатца, и упала яе слиза на яво лицо и спалила яво, какъ агнемъ. Ускачіў іонъ атъ багатырскага сну:— „Ахъ, милая царёўна, чимъ ты такъ спалила лицо мае?“—Нѣтъ, я тябе ничѣмъ ни спалила, а стала пращатца съ табю, и упала мая слиза на твае лицо.— „Што, идеть іонъ?“—Идеть, нидалеча.—Ионъ схватіў Чулубейву мечъ и стаў дли двярей на старанѣ. Какъ идеть іонъ у сирядину, какъ расперъ іонъ калчегъ, такъ царёўна и абамлѣла, а іонъ кривнуў багатырскимъ голысымъ:— „Што ты, Чуда, самъ идешъ и за сабою вядешъ?“—Ионъ паваратіў свае голывы пасматрѣть, хто за имъ идеть.—Ионъ абаратіўся назадъ пасматрѣть, а Игра Игрывичъ какъ ударить яво мѣччу, сбіў яму далоў усе голывы. Тада узяў Чуду-Юду Виззаканнава и укинуў тулувища у моря. Лижаў камень абъ сями тысячяхъ пудоў, узяў кончикымъ сапага и падняў, и палажіў голывы падъ яво. Тада паставіў у вуглѣ мечъ и легъ агдахнутъ,—патаму: ни даспаў. Какъ атъ сонца стала видна у

царстви (када аны пагубили Чуду-Юду, чаць паў на землю). царь и гаворить:— „Ванька—вадавозъ, запряги-ка ты сваю лошада съ бочкою, пазжай ты къ калчегу, — вѣрна, царейна пагубина, — привязи вады на кухню!..“ Ванька запрегъ лошада и сѣў вярхомъ и дяржитца за дугу, за калцо (важней ни було) и такъ ѣдитъ за вадою, и слышитъ, што царейна паецъ пѣсни, а ни плачить. А іонъ думаў заѣхать къ ей и ўзять плаття на кашукъ, ажну царейна жива. Уходитъ у калчегъ:— „Здрастуй, царейна!..“—Здрастуй, Ванька-вадавозъ!..— „Какъ ты жива асталась?“—Вотъ етытъ чилавѣкъ, што спитъ, атрубіу яму голывы.— „А Чуду идѣ іонъ дѣў?“—А бросіу у моря.— „А голывы идѣ дѣў?“—А вотъ пада етымъ бальшимъ камнимъ.—Іонъ стаў булудатца кала етый мечи: узяў коль, атадвинуў яе атъ вугла и завалиў ету мечъ на Игра Игрывича, и атрубіу яму голыву прочъ, свизаў яво ноги, прадернуў палку, атвизаў атъ бочки вярёку, привизаў за палку и причапіў къ кабыли за гужи, пувалокъ яво ў моря и убросіу.—Тада приходить у калчегъ.— „Паслушай, царейна! ежили ты ни скажишь атцу, што я тябе избавіу, то и табѣ атрублю голыву и звалабу у моря.“—Ана пирядъ имъ дала клятвы и зѣбла кусокъ зямли:—Скажу атцу, што ты мяне избавіу, а ни хто!—Тада іонъ яе пасадіу на бочку, ня ліўши вады, а самъ сѣў вярхомъ и падъизжитъ пада царскыя крыльцо. Такъ царъ стаў яму радъ: цалмыѣ яво у шокѣ.— „Што, Ваня, видаў ли ты Чуда, какъ ано асталась живоя?“—Я жъ яго убіу и памилывау яе!— „Ну, таперъ будь мой самый первыи зять!..“—Приказаў строга па ўсяму царству, на три дни, ўсимъ военнымъ па три крышны вина кажныи сутки и па хунту гавядины, а ўсей сваей чѣри и мужукамъ пу палштоху вина, и каша штоба была крутая, и такъ три дня. Багамаленія було три дни, и игры, и музыка.—Царейну паздраўляли, а Ваню-вадавоза васхваляли, што харошъ будить царскій зять, миласердинъ. Стали яны пить-гулять да вечира, а дѣлытъ имъ стала нечива. Другъ на дружку, а ўси на Пятрушку, а Пятрушка быў на мельницы и етыва дѣла ни знаитъ, хто царейну избавіу. Эта дѣла правялося ни далека, ни близка, а роўна 14 лѣтъ. У падъземельныга царя, у яго царстви, ни пива варить, ни вина курить,—у яго усѣ гатова. Я тамъ быў, дали мнѣ палштохъ водки, а на закуску витчины. Вадавоза Ваньку сдѣлали валикимъ князимъ сянни,

заўтри, заўтри больші: чинь па чину. Захатѣў яво царь абручить; ана и гаворить:— „Папінька мой, пазвольта мнѣ прагуляцца!“ — Атець ей пазволіў. Узила ина съ сабою злата—серибра чатыря горсти, приходить ана на пристань.— „Рыбаловы малайцы, закиньта вы свой брадникъ, паймайта мнѣ свѣжій рыбы, а, можа, и ящо што пупадетца!“ — Аны якъ затыгнули и вытащили на край тѣла Игра Игрывича. Ана и гаворить:— „Рыбаловы малайцы, вытщили вы тулувища, вытщита и гольву!..“ Ана имъ дала по дві горсти золата. Аны вытащили голуву.— „Таперь вы, рыбаловы, ступайта на сваю работу, а я пулачу па етому чілавѣу!“ — Ана асталась адна. Ина пріставила голуву къ тулувищу, сѣла на іомъ и стала плакать. И ўздумала:— „Етыть чілавѣкъ ни нашива свѣту, — ти нѣту у яво каеихъ припасу?“ — Стала ана яво абыскывать, нашла падъ лѣвыю пахый пузурѣчикъ мертвый вады, — какъ пумачила, таеъ галава прижилася, какъ и была. Падъ правый пахый нашла пузырекъ живой вады. Ина брызнула, ускачіў іонъ и гаворить:— „Ахъ, царѣўна, какъ я сильна уснуў!“ — Ана и гаворить:— „Еслибъ ни я, то вѣкъ ба табѣ спатъ у мори!—Я ужу іду замужь за Ваньку-вадавона. Пайдемъ къ папіньки, скажымъ, што ты мяне избавіў.“ — Вотъ и пашли къ царю. Пала ана на калѣни:— „Папінька, ни Иванъ вадавонъ мяне избавіў ать Чуды-Юды, а вотъ етыть чілавѣкъ.“ — А царь гаворить: „Ты таперь ужу каво-нибудъ луччи найдишь!“ — Іонъ и гаворить:— „Ваша царскыя вяличества! Если вы ня вѣрїта, то спрасїта у Ивана вадавона, идѣ іонъ дѣў Чуду-Юду?“ — Ванька князь, идѣ ты дѣў Чуду-Юду?— „А ў мори.“ — Ну, а голувы идѣ?— „А падъ камнїмъ.“ — Ну, хади, намъ пакажи!— А Ванька гаворить:— „Ваша царскыя вяличества, дайтя мнѣ полкъ салдатъ, тада я пакажу.“ — Іонъ узяў полкъ салдатъ и абыйшоў етыть камнї:— „Ну, ребята, падымай!“ — Стали салдаты падымать, ничога ни падѣлыють. Игра Игрывичъ и гаворить:— „Ну, ти браў іонъ тада полкъ салдатъ, када блаў ихъ?“ — Игра Игрывичъ паддѣў кончыкымъ салага и падняў камнї. Патомъ схватіў Ваньку вадавона за шиваратъ и убросіў падъ камнї: тамъ іонъ и кончіў сваю жїсть. Гасударь прїглашаў яво жанїтца на сваей дочїри:— „Игра Игрывичъ! Жанїсь на маей дочїри, владѣй мамїмъ царствымъ!“ — Нѣтъ, я ни сагласїнь жанїтца на вашїй дочїи, а пакажїта мнѣ ходъ на бѣлыи свѣтъ.— Царь сагла-

сіўся. Царь даў яму гуляць на цѣлы мѣсяць, пакуль іонь
найдзе дырку, куды яго вывесць. Іонь узяў са скуки ружье и
пашоў на ахоту. Выходить іонь изъ горыда, стаить дубь, а на
тымъ дубу гняздо, и кричатъ тамъ птушныя. Іонь стаў при-
цѣливатца зъ ружья, а явы стали кричатъ жалба. Іонь ихъ
ужалѣўся бить. Паднялася вялікая буря, и пайшоў градъ.
Узлѣзъ іонь на етытъ дубь, сдѣў съ сабе паддѣўку и укрыў
етыхъ птушникъ. Пирійшла буря, іонь сняў сваю паддѣўку и па-
шоў дамой. Царь сабраў усихъ птицъ: варонь, жиравоў, кулю-
коў. Патомъ сабраў у сихъ звярѣў: мядвѣдїў, ваўкоў, зайцыў.
Патомъ и стаў пытать:— „Што, звярѣ, вы рыскантя усюдохъ,—
ти ни знайтя ли вы на бѣлы свѣтъ ходу?“—Нѣтъ, ни знаимъ.—
Іонь какъ ускрикнуў на Жарь-Птицу:— „Што ты, Жарь-Пти-
ца, ти бувала ты на бѣлымъ свѣти, идѣ жареныя сонца?“—Па-
томъ и гаворить:— „Вывиди мнѣ Игра Игрывича на тотъ свѣтъ,
идѣ жаркыя сонца!..“ Птица и гаворить:— „Я вывиду, только
мнѣ нада 12 быкоў жариныхъ да 12 чаноў пива.“—Гасударь
12 быкоў зажарїў и 12 чаноў пива паставїў:— „Ну, яси яго,
а аттуда вазьми расписку атъ царя Игры“. Жарь-Птица и
гаворить:— „Ну, сматри, Игра Игрывичъ: када я буду глядѣтъ
назадъ, то ты кїдай мнѣ часть гавядины и чанъ пива.“—Што
ана назадъ ни глядѣла, то іонь кїдаў ей на части гавядины
и на чану пива. Патуда ей кїдаў, пакуда усе навывїдаў: 12
быкоў и 12 чаноў пива, а на бѣлы свѣтъ усѣтки на выихаў.
Пасматрѣла ана разъ, пасматрѣла ана два; третїй разъ какъ гля-
нула, то іонь атъ лѣвыи наги атрѣзаў їкру и бросїў ей. Ящо ана
глянула назадъ, а ужу свѣтъ бѣлыи видїнь. Іонь съ-падъ правый
наги їкру вырїзаў и бросїў ей у горла. Вынисла яго на бѣлыи
свѣтъ и гаворить:— „Лѣзъ далоў съ крыльїа!..“ Іонь злѣзъ и на
ступить на наги. Она и гаворить:— „Што ты, Игра Игрывичъ,
ни станишь на ноги? Што ты мнѣ на паслѣднїй разъ даваў?“—
Іонь пабаўўся сказать, што ана яго зѣбеть.— „Скажи, а то
зѣмь!“—Ягъ сказаў, птица знову палятѣла. Слитала на тотъ
свѣтъ, принесла аттѣль живой и мертвай вады и атживила на-
гу Игры Игрывичу. Пдѣтѣмъ, усѣ здѣлаўши, ана и гаворить:—
„Напиши мнѣ расписку, што я тебе на бѣлыи свѣтъ благопа-
лушна доставила!“—Іонь написаў; ана и палятѣла назадъ. Іонь
какъ крикнуў багатырскымъ голысымъ:— „Охъ ты, лошадь ма-
мила! Идѣ бѣ ты ни была, а суда прибыла!..“ Лошадь бягѣецъ

ажъ зимля дражить: — „Ахъ, ты, милый мой наѣздникъ Игра Игрывичъ! — Увесь свѣтъ я выбигаю—насилу тебе нашоу!“ — Ионъ сѣу на яе и гаворить — „Што ў нашимъ горыди дѣйтца?—А што дѣйтца? царь-дѣўка усѣ царства знищила: усѣ тебе даискивантца!— Ионъ пріѣхау двору, атець яму быу вочинь радъ. Паслыхала царь-дѣўка, што ионъ пріѣхау, пишить:— „Ты, царь Игра! падай майво мильга!“—Игра Игрывичъ и гаворить на Ивана:— „Сынъ мой, зѣзди ты къ царь-дѣўки: ти ня ты яе милый?“— Ионъ сѣу на лапашъ и палатѣу черизъ мость къ царь-дѣўки. Падъизжаить ионъ къ горыду, увидили яво царь-дѣўки дѣти и гаворють:— „Маминька, ти ни нашъ ета татинька ѣдитъ?“— Какой ета вашъ тятька? Ета диявѣнская варона ѣдитъ!— Ана яму пабила щоки и дала яму расписку:— „Штоба быу мой милый, а то усѣ царства выжгу!..“ Ионъ пріизжаить и гаворить:— „Ну, батюшка, убирайтися у куль да ў воду: разарить царѣуна наша царства!“ Царь и гаворить Аляксѣю Игрывичу:— „Сынъ мой, сѣзди ты къ царь-дѣўки: ти ня ты яе милый?“— Ионъ паѣхау; ну ина и яму пабила щоки и дала расписку:— „Штоба быу мой милый: а то усѣ царства выжгу!“—Тада и гаворить царь на Игра Игрывича:— „Ну, сынъ мой, сѣзди ты: ти ня ты яе милый?“—Сѣу на сваю лошади багатырскую и лятѣу по масту: съ падъ ногъ жаръ гримѣу, якъ громъ, якъ мѣлдня катіѣся. Верстъ за 100 паслышали дѣти, што громъ гримить. Вотъ падъизжаить ионъ къ крыльцу, дѣти и гаворють:—Маминька, ти ни татинька нашъ ѣдитъ?“ — Ина схватала ихъ на руки и гаворить: — „Ахъ, ты, Игра Игрывичъ, ссушій ты маё сердца!..“ А ионъ ударіу ей у морду и гаворить:— „Ты, дѣвушка, б..дь, ты пади-ка ў домъ сядь, да дай папитъ, паѣсть!“—Ионъ узяу царь-дѣўку, якъ пашли по масту, дыкъ и мость гнуѣся; а дѣти ишли, дыкъ и мость лумаѣся. Пришли къ атцу, пиривинчались, сдѣлали свадьбу. Пасѣіу батька аўса, и сказка мая ўся.

Отъ старика Василя Михайлова.

№ 18.

Якъ купецъ атыскаў прапа̀длага сына на вострыви; якъ сынъ яго Ирыду падписаўся, абъязнаў Ирыдскыга ваўшебнага жирыбца.

Купечискыму сыну голыву атрубилі; яго ажіўляць, при помачи тетки Ирыдыва дачкѣ. Хитрашами купеческій сынъ женитца на Прадавай дачкѣ (значала приваражнить ей балѣсть, а потѣмъ лѣчить яе атъ рагоў ваўшебнымъ яблычымъ, што дала яму каудунья). Алишю сваю жонку видьмавства: изъ яе кожи вылѣзають лягушки, мыши. На ваўшебныхъ крыльлихъ мужъ съ жаной къ купцу литяць.

Жіў купецъ багатый, и быў у яго адинъ сынъ жинатый. Паѣхали яны са тцомъ у чужэя земли за разными таварами. Накупили тамъ таварыў цѣлый карабъ; сынъ атпраўляйтца зъ етымъ караблемъ дамой, а купецъ атстаётца тамъ. Ти многа, ти мала ѣхаў іонъ па мѣрю, паднилась вальна и патапилка карабъ: уси патанули, а купецкій сынъ приплыў на вострыў. Жіў іонъ на вострыви три гады. Принжаить яго атець дамой: сына нѣту дома. Іонъ у розыски пріѣхаў къ морю, наняў легкія шлюпки. Ёхали 6 мѣсицыў и 6 дней; становитца вѣтрь. паднимайтца вальна. Гаворють наёмщики:— „Гаспадинъ-купецъ, пристанимъ къ етому вострыву.“— Астановились и просютца у хазяина:— „Пуститя абагрѣтца!“— У етыга у хазяина быў на кватери купецкій сынъ, и ни пазнають яны адинъ аднаго: ни батька, ни сынъ. Купецъ гаворить на хазяина:— „Братъ хазяинъ, ти нѣту у тябе чилавѣка таёга, штоба іонъ мнѣ казычку сказаў?“— А іось.— „Якъ ба яго призвать изъ тѣй компаты у ету?“— Выходить купецкій сынъ и гаворить:— „Да, я казычку магу сказать. У нѣкаторымъ горыди, жіў купецъ и съ сынымъ. Якъ паѣхали яны у чужэя земли за разными таварами. Накупляли тамъ тавару на цѣлый карабъ. Купіў купецъ судно и грузить етый таваръ, и атпраўляйтца купецкій сынъ дамой зъ етими таварами.“— Купецъ думайт:— „Ну, ета ни казка, а истинныя праўда.“— Многа или мала яны праѣхали, узнялись сильныя вѣтры: карабъ разбіўся и патануў, а купецкій сынъ адинъ ни патануў и приплыў на вострыў.“— Купецъ

думать:— „Ти ня мой то быў сынъ?“ — И давай яго пытать:— „Якога ты роду и племя?“ — Купецкій сынъ кажить:— „Я съ такога-то горыду, такога-то роду, такей-то хамили...“ — Купецъ етый сильна узрадываўся, слезна заплакаў: — „Сынъ ты мой любезный, я тотъ купецъ, што атпраўляў сына: ужу третей годъ нѣту абъ ёмъ вѣсти!..“ Сынъ стаў на правыя калѣна и пацалуваў атца.— „Сынъ мой, ни затуживайся, што нѣскальбеа тысячъ прапала, а слава Богу, што ты жиў!— Будимъ жить, паѣдимъ дамой?“ — Сѣли яны на легкя шлюпки и паѣхали дамой. Вышли на сухапутьтя, наняли лошадей и ѣдутъ къ дому: ни многа, ни мала имъ да дому, — вереть 50. Іўляйтца къ имъ на тятѣгу чилавѣкъ, бутца знакомый.— „Я быў у вашимъ домн: у васъ большоя нищастя. А я вашему нищастю пумагу.— Што вы мнѣ за ета дастѣ?“ — (А ета быў чортъ).— Ну, штожь табѣ за ета датѣ?— „Ну, дайтя мнѣ то, што вы у дварѣ ни знайтя.“ — Думали яны, думали: усе у дварѣ знають.— „Ну, ни хай табѣ, чаго мы ни знаимъ.“ — Ну, распишитись кроўю.— Разрѣзали яны мизениць, расписались и паѣхали. А купецката сына жана радила сына. Пріѣхали яны дамой, три дни пражили и уздумали:— „Да, вѣ штѣ мы аемянному атдали...“ „Малютка тая расла ни па часахъ, а па минутахъ, а трехъ гадоў стаў сабѣ каня сидлатъ. Паѣхали яны съ атцомъ вирьхами прагуливатца. Батьба етый ѣдитъ пѣдличъ зъ имъ и усѣ уздыхаитъ. Сынъ у яго спрашнитъ:— „Ибъ чѣмъ, батюшка, тужишь и уздыхаишь?“ — Атецъ яму ничога ни сказаў, тольки сказаў:— „Такъ, сынъ. задумаўся абъ сваймъ здароўн.“ — А сынъ ета самъ знаитъ упередъ, куда яго атписали. Скора казка кажитца, ды ня скоро дѣйтца. Приходитъ етый гамынъ, зъ расписеью, за етымъ сыннымъ; а сынъ сильный багатырь. Проситъ іонъ гамына:— „Дайтя вы мнѣ сроку на 6 дней пупращатца зъ раднымн разнымн.“ — Даў яму гамынъ сроку на 6 сутыкъ. Іонъ быў 6 сутыкъ у кузни. Скуваў сабѣ три пруты зялѣзныхъ на 3 пуды; скуваў цѣпъ зялѣзную у 9 пудоў. Прайшло 6 сутыкъ, гамынъ ипять пришоў за имъ.— „Ну“, гаворитъ купецкій сынъ: пагади! саўсимъ справіўся, тольки падметки падъ сапаги ни палажиў: нада падкўвать сапаги.“ — Абуваў іонъ сапаги: по три пуды жодный сапогъ. Распращаўся іонъ зъ роднымн и пашоў, куды яму слѣдуитъ. Ишоў ня столько дарогю, што лисамн, да балотами, вышіў на край: стаитъ домъ

зьялѣзныѣ. а крыша чугунная. Приходить къ харомымъ, падаѹ письмо. Тамъ письмо прачитали:— „Ну, купецкїѣ сынъ, давно тябе тутъ дажидали. Ну, падѣшь, атыхни, а у 11 часовъ будить табѣ служба.—Када тую службу саслужишь, то будить табѣ награда.“—И іонъ быѹ такеѣ красивый, што Ирыдыва дычкѣя улюбувалысь у яго и сажалѣла ина абъ ѣмъ: ина знала, што будить яму. Іонъ легъ на кухню аднѣнъ и задумаѣся. Приходить чортава дачка.— „Што, купцоѹ сынъ, спишь, ай такъ ляжишь?“—А што, украсивая дѣвушка, ня сплю, а такъ ляжѹ: думу думую.— „А ня думай: вутра мудрянѣѣй вечира. Табѣ дадутъ жирибца абъязжать, то ни жирибець будить, а нашъ батьба. Но ты яго ня бойся, а када іось у тябе ланцугъ, силаѣя яму на шію и садись.“—Ды ета-то у мяне іось.—У самую полночь вадуть у канюшню купецкага сына. Тамъ чугунные двери, зьялѣзныя завалки. Іонъ якъ пришоѹ, двери еты якъ туѹхануѹ: еты двери на аскретки палумались; зьялѣзныя завалы на калѣни палумаѹ. Уходить у канюшню: стаить жирибець—изъ рота агонь пышить, изъ падѣ хваста дымъ трубой, и нильзя къ яму падступитца—капытами засикаить. Іонъ на ета ни пасматрѣѹ: вынимаить пруть зьялѣзныѣ, якъ пѣнисъ таго жирибца пушить пряма пѣ гыльви; накинупѹ на яго ланцугъ зьялѣзныѣ,—накинупѹ, аббрытаѹ яго; па-туль яго бїѹ зьялѣзнымъ прутымъ, пакуль изъ 3 аршинъ асталысь адна четвирть. Іонъ еты атстатки яму заторнуѹ за заднюю правую ногу, за шеуру. Паѹ етыѣ жирибець на калѣни; тады іонъ на яго вярхомъ сѣѹ; какъ вярхомъ сѣѹ, новый пруть узаяѹ и выихаѹ на поля. Жирибець етыѣ якъ узвїѣся вышїѣ лѣсу стаячага, выши 'болыка хадячага, а купецкїѣ сынъ бьетъ ды бьетъ яго прутымъ—путь дабиваить—и жирибець ужу латить панїжїѣ: ужу купецкїѣ сынъ на лѣсу сапагами чирваить. Бяретъ іонъ паслѣднїѣ пруть, а канецъ атстального прута жирибцу заторнуѹ за лѣвую ногу. Жирибець ужу на землю спустиѣся, за нѣскалька тысичъ верстѣ ать тѣга дому. Ня можить жирибець везть купецкага сына, пристаѹ. Іонъ, палажїѹши на плячо ланцугъ, ня стольки етыга жирибца вѣѹ, скольки нѣсь. Привалокши яго къ дому, кричить:— „Дайтя вядро вады пуцаить жирибца: абязсилїѹ, — ни ѹвяду у канюшню!“ Нясутъ слуги вядро халоднїѣ вады, дали жирибцѹ папить: іонъ троху цувисялѣѹ. Увѣѹ у канюшню, приказаѹ служащимъ, штоба прибрать жирибца, дать яму и корму и штоба давали, што іонъ

патребуить. А етыга юнаша, купецкага сына, пустили адых-
нуть на трай судыкъ. Якъ іонъ багатырь, праспаў адны сут-
ки—и ни шавальнуўся.—Къ етому жирыбцу три разы падха-
дила дочь, а іонъ быў замкнутъ за троя дварей и ня могъ яе
услышать. На другея сутки пасылаить купецьыму сыну Ирада-
ва дачка съ тыми, што насили яму ёсть, письмо; у етымъ пись-
мѣ написана:—„У другимъ царстви іось багатырь, у тога ба-
гатыря іось дочь;—какъ ба етый купецкій сынъ паспробуваў
зъ имъ пагулять и яго чарства атабратъ.—Ты таперъ ничаво
ня бойся: хужи первый службы ня будить. Када ты тоя чар-
ства заваюишь, то я за тебе выйду замужь.“—Читаў, читаў
іонъ и задумаўся. Даў Богъ вутра; іонъ Богу пумалиўся, две-
ри еты патлумаў и пашоў къ багатырю. Ишоў іонъ да тога
багатыря ни многа, ни мала—адинъ годъ, а яму паказалысь
адинъ день. Стаў съ багатыремъ ваюватца на такей на магучій
гарѣ. Вуювались яны 10 дней и 10 начей. И купецкій сынъ-
багатырь, ну ища младъ: ни утраваў 10 дней и 10 начей, ни
піўши, ня ёўши, ни спаўши. Замирились на роздыхъ на 3 часа.
Зъ другея зямли багатырь ни заснуў, а купецкій сынъ заснуў.
Увидаў багатырь, што таварышь яго спить. Іонъ яму узяў и
атрубіў голаву и палажіў яе падъ каминь. Ирыдыва дачка пра
ета узнала: прилитаить къ тетушки; а тетка яе была за тымъ
багатыремъ, што голаву атрубіў купецьыму сыну. Давай прасить
яе, штоба ина параила, якъ скатить каминь зъ галавы. У те-
тушки було три сына. Засидлалі яны коній, а matka у каляски
паѣхала на тоя мѣста, идѣ було буйства. Пріѣхали на тоя
мѣста: ляжить каминь. Гаворить багатырёва жана сынамъ:—
„Вотъ, сыны, вашъ батька ваюваўся, дакъ адинъ етый каминь
палымаў,—а вы, сыны, хуть ба самъ третъ падняли!..“—А,
магучка, благаслави насъ!—Пробавали, пробавали, разшитали
и скатили яго зъ галавы. Ина гаворить:—„Ну, дѣти, пакель
дайдета да пары, ни выказывайта сами сябе: а то вы ища мла-
ды.“—Сыны ета ни знали, што падъ камнимъ галава, а matka
имъ ни сказала, штоба яны ни пириказали батьки. Пріѣхали
дамой, а у ихъ у доми плямѣнница. Тетка пытаить:—„На што
ты яго такъ жалѣишь, па какой судьбѣ?“—А за то я яго такъ
люблю, што хачу жанитца зъ имъ. Приходить къ етый галавѣ,
аткапала яе и прилажила къ тулувищу. Дунула ина нѣскалька
разоў: прижилаась галава, и стаў купечискій сынъ дыхатъ. Чи-

ризь 3-я сутыкъ саўсімъ атживіўся. То быў здароў, а те удвай
 силы прибавилысь. А іонъ тога ни знаў, што яму, купецку сы-
 ну, багатырь галаву атрубіў. Іонъ забыў, куды яму идить: ти
 у тэй бокъ, идѣ Ирэдъ, ти у тэй, идѣ багатырь. Идить ды
 идить, падходить къ гамыныву царству, позна вечира пррай-
 шоў рагатку, видить: стаиць изобучка плахая. Іонъ пашоў у яе
 праситца на нычъ. Заходить у изобку, сядить тамъ старинькая,
 старинькая старушка.— „А што, старушка, ти ня можна у тя-
 бе атдыхнуть?“— „Можна.— Іонъ лёгъ и думайт.— Старуха га-
 ворить:— „Э, маладэй юнышъ, абъ чомъ думайшъ?“— „Ахъ, ста-
 рушка! Якъ вамъ сказать?— думаю, идѣ мае рѣдныя.— “Иди у
 такую-то и ў такую рошу заўтри. Іостъ тамъ разныя дирива и
 12 яблынь. На тыхъ яблыняхъ залатэя яблычки да сярэбри-
 ныя. Ты сащипни зъ жѣдныя яблыни по 2 яблычки и прняси
 ихъ ка мнѣ, а я атмѣчу табѣ, атъ чаго яблыка кажныя.“—
 Дала ина яму три карзинки на яблыки; іонъ и пашоў на заў-
 трига. Іонъ ишоў вала рѣчки, и такая тамъ тынѣ, такая ба-
 лота, што нильзя приступитца. Іонъ разсудіў узять двѣ достыч-
 ки: адну достычку палажить, прайти, тада другую. Такъ іонъ
 балота пррайшоў. Уходить у садъ: стаиць 12 яблынь, на жѣд-
 ныя па 12 яблыкъ. Іонъ атщипнуў сь жѣдныя яблыни па 2
 яблака. Приходить на нычъ къ тэй старухи.— „Ну, што, лябе-
 дикъ, дайшоў?“— „Дайшоў.— “А яблыки принесъ?“— „Принесъ.—
 “Ну, лажись, атдыхни “— „Даў. Богъ вутра.— “Ну, што, мо-
 лылицъ, уставай! На табѣ 3 карзинки!..“ И улажила у жѣдную
 карзинку по 3 яблыки, а атстальная пакинула дома.— „Атдай
 ты эти яблыки за денги ли царскаго дому, а тольки прикажи,
 штоба яны ихъ да заўтрига ня кушали.“— Падходить іонъ къ
 царскому дому и кричить:— „Эй, ти ни нада разныя хрухты?“—
 Цареўна паслыхала, што прадають яблыки. Ина ихъ купи-
 ла, а іонъ приказаў, штоба ихъ заўтри вутрымъ зьѣли на тащакъ.
 Самъ іонъ пашоў къ старушки начувать. Уси етыхъ яблыкъ ня
 ѣли, а цареўна ня вытирпила: ина узела, да и зьѣла веч-
 рымъ, и вырасъ у яе ни галавѣ рогъ; зьѣла другая — и дру-
 гей рогъ вярсы. Тутъ што дѣлать? Дахтароў сичасъ эти роги
 звадить;— ни якъ ня вылучуть, а роги ужъ вырасли на аршинъ.
 Увесь горыдъ скалыхнуўся: адна у царя дачка—и тая зъ ра-
 гами. Бабушка гаворить на купецкага сына:— „Уставай-ка, иди
 у царскій дворець: тамъ дадутъ табѣ казну племѣтную и ца-

реўну, а ты ей роги звычай. — Ахъ, бабушка, да якъ жа ихъ звесть? — „А во, лябедикъ: пирядѣнся, а я тебе памью“. — Памыла ина яго — здѣлаўся іонъ старинькій старичокъ. — „Вазьми яблычки: нихай ина етыхъ два яблычки зѣбъсть: у яе роги атвалютца.“ — Приходить іонъ къ дварцу, а тутъ у жодныга пытають: — „Ти ни знаить хто раги атхадить? — Кали хто атходить, таму палавину чарства и цареўну у жоны.“ — Вызваўся купецкій сынъ. Сичасъ дагаворъ падписали. Даў іонъ еты яблычкы: — „Нихай ина ихъ зѣбъсть.“. Адно яблычка ина зѣбла, адинъ рогъ атваліўся; зѣбла другая — и другой атваліўся. Тутъ назаўтрига па ўсімъ цырквамъ звонюць; гульбища такея пашли зъ радысти, што у цареўни роги атвалились. Купецкій сынъ ипать къ бабушки пашоў и денигъ ей панесъ. — „Гляди жь, лябедикъ: ты заўтри пайдешъ у дварець, а цареўна будить низдарова; — даеъ ты вяли, штоба баню жарка вытапили и штоба акрамя тебе у бани ни хто ня быў: а тольки ты да ина. И ты яе у духу да тыхъ поръ царь, пака у яе изъ-за шкуры пунаўзуть змѣи и мышы.“ — Слуги топюць, а іонъ ўсе глядить, штоба жарка було. Натанили да тыхъ поръ, што стали стѣны ясны. Ну, сичасъ цареўну у баню; іонъ яе у бани галую у катѣль. у варъ. Даў ей зелья, што яму дала бабушка: ина атживилысь. Тады іонъ яе якъ стаў парить, дакъ у ея изъ-падъ шкуры и змѣи, и лягушки, и вужаки разны. Іонъ ей тада изъ вуха ў вуха дувуў: то ина была пригожа, а то у три рѣди пупригажѣла; то была малыда, а то у семь рядей пумылажѣла. Привозить яе съ бани, а ина такая красивая. Тутъ сичасъ па ўсімъ цырквамъ тривонъ, а яго ужу царь такъ жалѣить, што луччи и ни нада: слугъ яму, чисавыхъ. Ажаниўся купецкій сынъ, а ўсе ня хочить у ирыдывымъ чарствы жить: — „Якъ ба къ атцу, къ матери, у Рассею атсель?“ — Жана гаворить: — „Вазьму я у батюшки крылушки зъ магнита: на ихъ можна за нычъ палавину свѣта вылитать.“ — Ну, ладна! — Пажили яны ти многа, ти мала, — ни наравитца имъ тутъ жить. Жина атъ атца крылушки еты украла. Якъ уляглись уси спать, тольки были на старожи адны чисавая, — и то ни разгѣдали, какая ета штука заввижѣла. Лятѣли яны нѣскалька судыкъ да свайго чарства. Призжають къ атцу, къ матери, выкинули тую расписку, што давали нячистому духу. Атець и мать расписку пра читали и абрадывались свайму сыну, и усе чарства сыну и

яго жанѣ приручили, штобъ ина ни тужила на родини. Астатися жить и быть.

Сказка записана отъ старика Евдовима Хатуля.

№ 19.

Абъ смущенники Мильяни, удовымъ сыни, ваўшебнымъ калыцы, ваўшебный алмазки, игуminyи Исаули и птицы Камъ.

Мильянь купляить сабѣ слугу, малодыга мальчиба, удовыга сына. Мальчикъ стянущ у Мильяна ваўшебныя калыцо. Духъ ваўшебныга калыца пиряноситъ мальчиба за Карпатскіи горы; ну и тамъ яго находить балдунъ и избивантъ да смерти; таўханущ малца у падземная царства, только малиць калыцо съ сабою снёсь. Малиць находить сабѣ алмазку: духъ тэй алмазки ящо сильнѣй, чимъ духъ калыца. Старичекъ изъ алмазки женить вьюнушу на царьскій дачкѣ, строить баралю, свайму тстю вилигалъныи палаты. Но видьмакъ Мильянь дастаетъ алмазку хитрацями и пиряноситъ яго съ вдовынаго сына жонкый у падземный дварець. Тестъ хочить казнить зятя, ну у зятя іостъ яще калыцо, каторыя спасантъ яго ать гибели. Изъ стаўба іонъ пирянесся ажно у падземный замыкъ. Када видьмака не была дома, наўчиў жонку загубить яго.

У нѣкатарымъ царстви, у нѣкатарымъ гасударстви, у томъ, у якомъ мы живемъ, вызываўся адинъ Мельянамъ, а іонъ не быў Мельянамъ, а быў смущенникъ. Етыи смущенникъ веў знакомства съ купцомъ, и только у етыга смущенника ни было ни кучира, ни лакея, а самъ и за кучира, и за лакея. Вотъ іонъ, быўши у купца, и гаворить яму: гаспадинъ купецъ, надабенъ ба мнѣ якои-нибудь хлапецъ у кучира и у лакеи: ти ни знаишь ты тутъ кога у горади? — Купецъ и гаворить смущеннику: — „У нашимъ горади іостъ бѣдная старуха, у ёй іостъ сыншкя, можна ей пагаварить: можить быть, ина и сагласитца табѣ атдать яго.“ — Разыскали старушку и гаворють ей: — „Старушка, вотъ Мильянь нуждайтца у лакеи и кучари. Застаў-ка ты сваяго сына къ яму, а ня то саўсимъ прадай.“ — Ахъ, батюшка мой, а якъ жа мнѣ бизъ сынка быть? Кто мяне будить вадить по міру? —

Мельянь съ кущомъ и гаворють ей: „Ты палучишь бальшея за сына деньги—хадить по міру болій ня будишь. Агдай, агдай сына, старуха!..“ Мельянь даеть ей, старухѣ, сто рублей, сто рублей на пракармленія, да сыну сто рублей у годъ. Старуха сагласилась и атдаеть сына Мельяну. Сына старухи звали Валадимирамъ.

Бяреть Мельянь Валадимира, сядятца на лашадей, пращаютца са старухаю и тправляютьца у путь.

Блудъ Мильянь съ Валадимирамъ день, другой, третій и болій, и болій. Гдѣ уздумайтъ Мельянь астанавитца и вакармить лашадей и паѣсть имъ самимъ,—тамъ на тымъ мѣсти яўляйтца агромный преукрасный домъ; у етымъ доми для ихъ и напитки и наѣдки разныя, канямъ ихъ и сѣна, и іўса; а якъ уѣзжають са двара, домъ тотъ исчизантъ, такъ што нѣтути ви якихъ признакы двара.

Валадимиръ усё ета замѣчаить да и падумываить: ште-та будить далій? Мильянь Валадимира дужа жалѣў за то, што іонъ служіў яму вѣрна и честна: спаў Валадимиръ съ хазяинымъ Мильянымъ у мягкихъ постеляхъ умѣсти; пили, ѣли, чаго душѣ хатѣлась.

У Мельяна на палцу калъцо залатоя. Въ адну ночь Мельявъ съ Валадимирымъ уляглись спать. Заснуў яго хазяинъ Мельянь, а Владимиръ не спаў, а задумаў, якъ ба тоя залатоя калъцо у Мельяна украсть. И украў залатоя калечка, вышіў на крылечка, ппрякинуў съ руки на руку залатоя калечка,—и удругъ яўляютьца къ яму три молайца и гаворють яму: „Што, Владимиръ, прикажишь дѣлать?“—Атдалить мяне, атвчаить Владимиръ: за Карпатекія горы!.. Яни, три молыйцы, и гаворють Владимиру:—„Харашо! исполнимъ тваё пригазаніе.“ Устаеть Мильянь, заветъ къ сабѣ Валадимира, а Валадимира нѣтъ.

Мельянь долгая время праваждаў, усё Валадимира паджадаў. Ждаў іонъ Валадимира и доўга, а Валадимира якъ нѣтъ и усё нѣтъ. Хватиўся Мельянь залатога калъца: калечка залотага нѣту,—іонъ и дагадаўся, што Валадимиръ калъцо яго украў, и гаворить сабѣ: — „Ну, машенникъ, заставиў таперь мяне три года пастрадать!..“ У Мельяна была книга вратицкая. Іонъ бяреть ету книгу и начинаить читать, и гаворить яму тая книга:—„Валадимиръ, твой кучиръ и лакей, ужу да-

лека: іонъ ужу праѣхаў Карпатскія горы.“ Валадимиръ узнаў, што Мильлянъ да яго дабаретца и будить яму ать Мильяна плоха,—разрѣзаў на нагѣ большой палець, подъ кожу заторнуў залатоя кальцо, кальцо схуваў далѣка

Мильлянъ атправіўся за Карпатскія горы атыскивать Валадимира. Шоль іонъ три гада,—находитъ Валадимира, гаворить яму:—„Хто тебе сюды даставіў и зачимъ ты мяне бросіў?“ Спрасіў также у яго: „а гдѣ жъ мае кальцо?“

Валадимиръ и гаворить Мильяну: „Кальца я у тебе ни браў—у мяне яго нѣту; а хто мяне сюды даставіў, я и самъ не знаю,—не знаю, якъ здѣсь явіўся; ня гнѣвайся, мой ты дядушка: я придъ табою ни ў чомъ нивинувать.“ Мильлянъ начаў яго бить-калатить и сбіў на горькая яблага, а Валадимиръ толька и гаворить яму: „ни знаю, ня вѣдаю!“

Ать большога ужу сердца Мильлянъ стукнуў а земель сваею нагою, и ў зямлѣ сдѣлались большая щель—земля раздванлась; схватіў Валадимира за галаву и бросіў у ету щель. Валадимиръ праваліўся въ таръ-тарары; тады ўдаріў нагу ибъ нагу, земля саядинилась умѣсти, и пропасти не стала; а Валадимиръ тамъ и застаўся. Захатѣлась Валадимиру тамъ ѣсть—іонъ ужу очуняў ать бѣйла. Тамъ тожъ усяго многа и драгацѣнныхъ камній, а ѣсть нечига. Атацаў бѣдный Валадимиръ, а кальцо залатоя и пазабўѣ, што яно у яго палци зарасло. Толька увидіў іонъ тамъ рѣчку, а на другую сторону рѣчки спѣльній, преспѣльній виноградъ; іонъ скинуў съ сябе усе,—раздѣўся и папнуў на рѣчки къ винаграду.

Приплыў іонъ къ беригу—беригъ крутой, ухватіўся за беригъ—беригъ абрушіўся и садраў кожу съ пальца; являютца къ яму три малайцы и гаворють яму:—„Што, Валадимиръ, прибажишь намъ сдѣлать?“—Валадимиръ и гаворить имъ:—„Штобъ вытащили на берегъ!..“ Яны падхватили яго подъ руки и вытащили изъ рѣчки. Просить ихъ Валадимиръ, штобъ яны яму дали питъ и ѣсть. Итвичають яму три молайцы:—„Нѣтъ, мы тутъ ня можимъ тебе ни накармить, ни напаять: здѣсь іостъ сильнѣй и пазнатнѣй насъ. А вотъ мы табѣ пасавѣтуимъ, што сдѣлать. Тутъ іостъ алмазки сяребринныя и залатныя, усѣ новыя—ты ихъ ни бярй, а ищи алмазки, маленькія и старинькія, вазми яе сабѣ и биряги яе: будить табѣ служить тады сивинькій старичекъ.“

Нашоу іонъ дрянинькую, старинькую алмазачку, тярнуу ібъ рукау, и іўлятца предъ яго старинькій старичекъ и гаворить яму: — „Што табѣ надаби?—Хачу пить и ѣсть—пригатоу мнѣ: вить я атащау. — Іонъ падѣў, падніў и старика публагадаріў и пашоу прагулятца. Набрау узиль драгацѣнныхъ каменніў, разныхъ драгацѣннастей; тирнуу іонъ алмазкю—явіўся ипать къ яму старичекъ и спрашіть у яго, што Владимиръ прикажитъ сдѣлать. Владимиръ спрашіть: — „Ти можешъ на тотъ свѣтъ даставить?“ — Старичекъ яму ў атвѣтъ: — „Магу! — „Ти жива мая мать, скажи мнѣ!“ — „Жива.“ — Я хачу лизати на одной лажницы съ матерью, — дастау мяне къ ей! — Старикъ сагласіўся исполнить яго слова и даставіў яго къ матери.

Мать яго устала рана, видитъ такога украсиваго молайца на яе лажницы — сильна ужаснулась и гаворить: — „Госпади, твая воля! хто етій украсивый, аткуль іонъ и за чимъ тутъ улегся — нихай ба я была маладая, а то вить старуха!.. И дивитца сабѣ.

Владимиръ и гаворить матери: — „Матушка, ты ни узнаешъ мне, сына вашага?“ — Ина и гаворить яму: — „Якъ я могла узнать? — Ты тады быў малинькій, а таперь куды якоу маладецъ узяўся — кроў съ малакомъ.“ — Ахъ, матушка, чужея люди и вырстутъ и выгладють — выучуть, якъ на свѣти жить!

Публагадаріў Владимиръ и друга Мельянава — купца тога горада, каторый памохъ Мильяну сгаварить яго и мать у кучира и лакеи. Мала — многа пажіў Владимиръ съ матерью на хватори — наступили Ражественьскіе праздники; гаворить сынъ матери: — „Матушка, я, имѣя савяршенныя годы, думаю жанитца. У нашига царя іостъ дочка: якъ ба ты схадила къ царю у сваты, пупрасила руки дочери царскій!..“ Мать и гаворить яму: — „Што ты задумау, мой сыноекъ?!.. Ти можить статца, што бы царь выдау за тябе сваю дочь?!.. — „Матушка, пасланца ня бють и ня вѣшають. Вазми етій мой узялокъ и няси къ царю: када царь примить етыя вещи, атдасть за мяне и дочь сваю!..“ Старуха, мать яго, итправилась съ узялкомъ, зъ вищами, къ царю у сваты. Приходить ка дварцу, стала дабиватца, якъ ба видитъ самага царя. Яе дупустили къ царю. Царь спрашіть: — „Што табѣ нужна, старуха?“ — Ина гаворить царю: — „Свѣтъ ты нашъ, вяликій гусударь, принисла табѣ атъ сына

маяго гастиниць и пришла прасить за сына маяго рубли тваей царьскій дочири.“

Царь бярець узилъ, паглядѣў: драгоцѣнныя вещи; послаў за министрамъ. Пиритаваріў царь съ министрамъ, изъ узла вылажили на паднось усе драгацѣннати — драгацѣнныя вещи усе царю пынаравились, и вялѣў министару прибрать у царскій кубинетъ, а старухи сказаў царь: — „Иди, съ Богомъ: су временемъ тваё дѣла будить!..“ Пришла дамой и гаворить сыну: — „Ну, сынокъ, царь вещи усе приняў, а мнѣ сказаў: иди дамой, старухъ: дѣла тваё будить.“ — Вялось етму многа-мала время, царь выдаеьт сваю дочь у чужую землю за каралевица и пра старуху забыў. Пашла старуха у горадъ; видить, што на усихъ улицахъ прибиты афишки, штоба усе купцы атпускали бѣ хлѣбъ бизъ платы, а стоимаеть и количества хлѣба записыватъ у книгахъ: послѣ свадьбы цареўны будить уплачиватъ деньги купечеству самъ царь. Приходить мать у хватуру и гаворить сыну, што видила и што слышила у горади. — „Вотъ, сынъ, абмануў насъ царь! выдаеьт дочь сваю за каралевица у чужую землю; прапали твае драгацѣнныя вещи!..“ Сынъ матери атвичаетъ: — Пускай сабѣ выдаеьт, за кога хочить! ни хлапачи матушка! — Выходить дочь царева за каралевица. Паѣхали въ Божій храмъ падъ вянецъ; привинчались и начали гулять свадьбу. Многа была гостей у дварцы на свадьби царскій дочки. Наступіў вечеръ.

Валадимиръ тернуў алмазку абъ рукаў. — яўляитца къ яму старинькій старичекъ и гаворить: — Што прикажитя дѣлатъ, Валадимиръ? — Валадимиръ и приказываетъ старицу: — Сяводни царская дочь вышла замужь — дакъ ты нявѣсту, царскую дочь. палажи на маю лажницу ка мнѣ, а каралевицу стыять у маеи квартири на часахъ! — Усе ето такъ и злучилась. Утрам Валадимиръ бярець алмазку, третъ абъ рукавы. Явиўся яму старичекъ и спрашйтъ: — „Што прикажитя дѣлатъ?“ — Атвяди цареўну съ каралевичимъ у царскій дварець!.. Явились на вутра маладыя ва дварець и ня смотрютъ адинъ на другога, якъ будта и вѣкъ ни видались другъ съ дружкью. Дружка дакладаетъ царю: — „Свѣтъ вяливій царь, каралевиць съ вашій дочирью у большомъ нисагласіи.“ — Царь рячитъ дружку: — „Пусть пабудутъ и пазнакомютца да слѣдующаго дня!..“ Наступила ночь. Валадимиръ приказываетъ ипать старичку: — Ступай ва дварець,

привяди царскую дочь въ мою лажницу и каралевича въ мою хватеру; угастить каралевича питиннемъ и ядиннемъ какъ нильзя хужи, посадить яго у другой комнаты, штоба царская дочь и я каралевича видили!—На утра приказыть старыку атправить ихъ абонхъ ва дварець. Каралевичъ съ царскыю дочирью ни глядять другъ на друга и не ютятся адинъ къ другому. Падходить атець цареўны съ дружкоймъ маладыхъ къ каралевичу и дочири сваей; а каралевичъ падантъ на калѣна передь царемъ: — „Памилуйтя, Бога ради: я хуть и перевинчаўся съ вашю дочирью, но жить съ ею ни сагласевъ, и ина мнѣ ня нужна.“—Царь удивіўся и спрашійтъ у каралевича:— „Што эта значить? чымъ мая дочь табѣ ни нравитца?“—А каралевичъ царю итвичайтъ:— „У вашимъ царствіи іостъ якей-та Валадимиръ: іонъ ужу двѣ начи житытя мнѣ ни даеть.“ — Дочь царя, увидавши атца, такъжа гаворить: — „Батюшка, што хочитя са мной дѣляйтя — воля ваша! я съ каралевпчимъ жить ни буду.“

Царь сильна агарчіўся, чую ихъ такія рѣчи, и даў имъ разводную.

Каралевичъ пулучіў разводную атъ царя, атправіўся у свае царства. Царь призывантъ свайго министра и савѣтуитца зъ имъ, што тутъ дѣлать са Валадимирамъ. Министиръ уталкаваў царю:— „Свѣтъ вяликій гусударь, ти ня тотъ ета Валадимиръ, каторага мать прихадила къ табѣ съ вузломъ дарагихъ вящей и разныхъ драгоцѣннастіў?“—(Царь и уздумаў пра старуху мать, сваху Валадимира, и якъ іонъ даў ей наканецъ слова, што будить усѣ па яе желанію су временемъ).

— „Такъ-та. царь, ни праў и ты самъ: даўши слова дяржись! Надабна за Валадимира и выдать дочь!..“ Царь пасылатъ вистовога за Валадимирамъ, штобъ іонъ явіўся на лицо ва дварець къ царю. Валадимиръ приходитъ къ царю, паклаіўся яму, гаворить:— „Здрастуй, свѣтъ вяликій гусударь!..“ Царь яму гаворить:— „Валадимиръ, ты хочишь мою дочь узять замужь?“—Хачу!—атвичайтъ царю Валадимиръ.

— „Ну, а кали такъ ты хочишь, я атдамъ за тябе мою дочь, на такомъ тольба условіи: кали ты пастроишь ли дочери маеи дварець луччій и красивій майго дварца, и штобъ была улица атъ майго дому да твайго вымащина дарагими каменьями!..“ Валадимиръ атвичайтъ царю паклонамъ, и што іонъ усѣ

приказанныя царемъ условія выпалнить. Мать Валадимира спрашиваетъ:—Што табѣ Богъ даѣ? Чаго требуваѣ ить тябе царь?—А юнъ матери речить:—Усе, слава Богу! Ни скучай, матушка! Свадьба мая будить: я на царскій дочери жанюсь.—Наступаить вечерь. Валадимиръ выходитъ на крыльцо, бяреть сваю алмазку, третъ ибъ рукаѣ.—Яѣляйтца старичекъ.—„Милый мой старикашка, исполни мае приказанія: заутри на утри штобѣ быѣ мнѣ великалѣпный домъ, какога нигдѣ ище ни бѣвала: пятнатажный, у тысичу ваконъ, увесь штобѣ былъ золатамъ атянуть: и стѣны, и крыша, и ѣнутри такжа; штобѣ улипа ать царскага дварца да дварца была выслана драгими заморскими каменными; штобѣ на улицы сабрались народы па сями челавѣкъ разныхъ инавѣрцѣѣ,—штоба у каждага была па торбачки, золатамъ наполненнай; штобѣ ли мяне былъ бяринъ залатой: колисы пяреднія сярбринныя, а заднія залатыя, лошади самыя луччія; упряжъ залатая, и кучира адѣты у самыи луччіи кастюмъ.“

Рана утримъ слѣдующыга дни Валадимиръ выходитъ на вулицу, видить: домъ яму пригатоѣлянь великалѣпный, падають шистерку лашадей, садитца у бяринъ и ѣдитъ къ царю ва дварець за цареѣнаю винчатца.

Паѣхаѣ юнъ ня вулицю, а равами, гарами, разными вяртепами; а люди разныхъ вѣръ высыпають услѣдъ за имъ изъ торбачекъ золота, якъ мякину. Тронуѣся за имъ народъ падбирать деньги—золата, и уси кричатъ Валадимиру „ура“. Емпиратаръ, услышаѣ на горади сильный шумъ, пасылаить свайго пасланца узнать, што такая злучилась у горади.

Пасланецъ царскій увидіѣ Валадимира, якъ юнъ мчитца па гарамъ и вяртепамъ, увидіѣ, якъ и ѣ народъ разныхъ вѣръ сыплють диньгами якъ мякинай; вярнуѣся пасланецъ назадъ и дакладаетъ царю аба ѣсемъ, што видіѣ, и извѣщаетъ царя а пріѣзди Валадимира ва дварець.

Пріѣхаѣ и Валадимиръ ва дварець, входитъ ва царскіи палаты; царъ примаетъ яго да чести вяликий, и начали свадьбу заводитъ; паѣхали въ Божій храмъ, приняли законный бракъ. Пиривинчались и вярнулись ва дварець и стали висялитца; гуляли свадьбу мѣсяцъ и два. Царъ паписаѣ Валадимиру палавину свайго царства и обьявиѣ подданнымъ величать Валадимира каралемъ. Атуляѣши свадебку, пиряѣхаѣ Валади-

миръ съ каралеваю въ каралевскій дворець, узяў къ сабѣ и матушку сваю, старуху, и начали жить и паживать.

Царь видить, што маладой кароль съ яго дочирью живутъ дружна, сталъ наизжать къ имъ каждый день и глядять, ни наглядитна на милыхъ яму маладыхъ. Мельлянъ, астаўшись за Карпатскими горами, вздумаў а Владири, што іонъ, праваліўшись въ тарь-тарары, дѣлантъ тамъ. Бяретъ Мильлянъ сваю ирятчискую книгу и читайтъ; а книга ета ирятчиская и талкуить Мильлянѹ смущеннику, што Валадимиръ ужу жаниўся на царскій дочари, што яго изъ тарь-тарары вывѣ старый старичекъ; што яму алмазка ва ўсемъ пувинуйца и пумугаить; Мильянава кальцо на ёмъ, ну іонъ имъ ня дѣйствуить.

Мильлянъ смущенникъ и самъ насабираў алмазывъ цѣлю карзину и приходить въ то царства, въ тотъ горадъ, гдѣ жиў Валадимиръ, яўляйтца къ царю. Излишняя каралева, жина Валадири, сядѣла на крыльцы. Смущенникъ идеть съ карзинькою алмазы. Каралева и гаворить сваяму мужу, што прихадіў какой-то члавѣкъ и гаваріў громка: — „У каго іость старыя алмазки, будемъ мѣнять на новыя, придачи ничога ня будимъ брать!..“ Кароль и гаворить каралеви: — „Можа, тибѣ присдалось такъ?! Кто будить харошія и дарагія вещи на старыя?!“ Мильлянъ ужу навеў ташнату на Валадири, малодога карала. Валадимиръ, устаўши рана, пачуўствуваў сильную ташноту и гаворить свасей каралеви: — „Такъ што-та мнѣ скушна и груска: пайду къ батюшки прагуляюсь и разведу маю таску.“ — Жана яму и гаворить: — „Иди, прайдись: скука, можа, и пройдить!.. Приходить къ батюшки - царю, сказыить яму а свасей скуки-тоски: ти нѣтъ чимъ жуду-горя развясти? — „Иди у мае зяленые сады: тамъ многа звярей — ты пагуляй и тамъ!“

Въ ета время праходить на царскаму дворцу Мильлянъ и ипать такъ громка кричить, зазывая мѣнять старыя и грязныя алмазки на новыя залатыя и сребренныя, бизъ усямыи придачи. Слыша ета, каралева пасылайтъ сваю служанку пазвать етыга члавѣка на лицо къ каралеви. — „Ну, ты обмѣниваешь старыя алмазки на новыя, а у маяго мужа іость старая алмазка — сагласинъ ты абмѣнять на новую?“ — Мильлянъ съ радасцію абмѣнивайтъ алмазки: бяретъ сабѣ атъ каралеви алмазку старую, а ей даеть новую залатую. Па выхиди изъ дворца, Мильлянъ бяретъ старую алмазку, третъ абъ рукаў, и

дѣляйтца къ яму старѣй старичекъ и гаворить:—Што прикажишь дѣлать, Мильянушка?“—Мильлянъ и гаворить старику:— „Пириняси мяне съ маладою каралеваю за Карпатскія горы, и штобъ на три сажени у земли быѹ сдѣланъ домъ и насъ тамъ памяститъ; а домъ Валадимироѹ, маладога багатыря быѹ разрыть, и вулицу уничтожитъ, а самая мѣста уплантавать.“

Царь, тесть караля, рана вутрамъ сматрить у падзорную трубку и ня видитъ Валадимирывыхъ палатъ. А самъ Валадимиръ гуляить у саду царскамъ. Требуить царь министира, застаўляить яго пасматрѣть, ти іостъ дварець караля Валадимира. Министиръ присматрѣуся и кажитъ царю:—Царь, свѣтъ вяликій, и ўпраѹду вѣдъ дварца нѣтъ!—Паслали пасланца, пасланецъ утвирѣдаить царю, што дварца нѣту, и тоя самая мѣста, идѣ быѹ дварець, уплантована. Министиръ талкуить царю:— „Паслать пасланца у зялений садъ за каралемъ и узнать, ти тамъ іонъ или нѣту яго тамъ.“—Пасланецъ царскій находить караля Валадимира и заветъ яго къ царю-батюшки. Сичасъ яго ариставали. Царь, разгнѣванный увесь, гаворить:

— „Якой ты мнѣ сдѣлаѹ пазоръ: ты на вѣкъ убиѹ маю дочь!..“ И присудіѹ снятъ съ яго голува; но Валадимиръ упрасиль царя не сымать съ яго галавы, а закупарить яго у мрамарный столпъ.

— „Можить быть, дѣла пирядѣлантца, и я апраѹдаюсь!..“ Валадимиръ, сидя у сталпѣ, вынуѹ залатоя кальцо, прилажиѹ зъ рѹки на рѹку, и три малайцы явились къ яму и гаворють:

— „Што табѣ нужна, Валадимиръ?“

— Скажитя мнѣ, адѣ мая жана, каралева, находитца!..

Яны и атвичають: „Твая жина даѹно ужѹ за Карпатскими гарами, у дома, на три сажени у зямли, съ Мильянымъ смущеницьымъ“.

—Теперь сняситя мяне къ Мильяну за Карпатскіе горы: хачу я павидать маю каралеву и узнать, што тамъ дѣетца съ нею. — Яны яго у минуту туда за горы даставили и навяли падзорныи трубы, и видитъ іонъ свою каралеву, видитъ и Мильяна: Мильлянъ смущеникъ саглашантъ каралеву бытъ яму жаною, и пасяму-та стращантъ яе разными страстями: іонъ скидываѹся и звирями, и змѣями — усѣ яе пугаѹ и стращаѹ, а каралева усѣ таки ни саглашалась бытъ яго жаною.

У адно время Мильлянь, сдѣлавшись змѣемъ, вылетѣу изъ падземелья, — атсталась у доми адна каралева. Валадимиръ, у падзорную трубку глѣдючи, и усѣ ета видить.

Вазгарѣўся Валадимиръ вяликий жаластю ки сваей каралевы: бяретъ залатоя кальцо, перекладываитъ оная зъ руки на руку, — явились къ яму три малайцы и гаворють: — „Што прикажишь дѣлатъ, Валадимиръ?“ — Ионъ просить ихъ савѣта: — „Ти можна яму ввайти ки каралеви?“ — Три малайца гаворють яму: — „Сдѣлайся мухой, влетай у домъ, — туда прилятѣуши, примишь видъ челаѣвка, можишь пагаварить съ ёю, скольки угодна: у ета ўремя Мильлянь улятѣу и ня скоро будить.“ — Ина, каралева увидаўши Валадимира, узрадувалась — гаворить яму: — „Благадарю тебе, мой милый, што ты наваястѣ мене у бальной скуки!.. Какъ тебе Гаспотъ сюда принесь?..“

Кароль Валадимиръ ей рачить такжа; — „Якъ ты, милая мая, сюда залятѣла?“

Ана рассказала яму, какъ Мильлянь абмѣниў ей алмазикъ и якъ ионъ яе мучить и страститъ. „А дѣ жъ мой находитца старый алмазикъ? — гаворить ей Валадимиръ.“ — У гартани Мильляна, — гаворигъ каралева. — „Вотъ жа табѣ мой савѣтъ: слушай, каралева. Явитца Мильлянь, заплачь горькими слизами; Мильлянь тебе будить спрашивать а тваей пичали и будить спрашивать, што табѣ нада ить мяне; а ты скажи яму, штобъ ионъ дастаў руськага вина бутылъ и девить стакануў; наливай уси стаканы виномъ руськимъ; выпѣй первый стаканъ сама, а астальныя восемь стакануў штобъ ионъ выпѣу — приглашай яго къ етому!.. Въ паслѣдней васьмой стаканъ усыпь яду, да смотри: угащай яго палуччѣй и будь зъ имъ ласкава; ионъ, якъ апынѣвить, то выпѣить и васьмой стаканъ зъ ядамъ.“

Явиўся къ ей Мильлянь. Каралева скушна и грустна. Мильлянь и гаворигъ: „Што ты, каралева, усе скучаишь; аль табѣ нѣту питиння и ѣдиння; аль я хужи тваяго Валадимира?“ — Ну, знать, такъ и быть, гаворить каралева: я атсель буду твоя! Дай жа таперъ на радацахъ выпѣимъ руський водки, и пригатоу девить стакануў. — Мильлянь сдѣлаўся воранамъ и палятѣу у раздабыгыкъ; чрезъ нѣскальки минутъ накатѣу цѣлый падвалъ руськой водки. Поставили девить стакануў и бутылъ водки.

Каралева налила уси стаканы водкою. — „Ну, таперъ па-

пьемъ, пагуляимъ!..“ Бяреть ина первый стаканъ и пьеть:— „За здароўя тваё, Мильлянушка!..“ Потэмъ и гаворить;— „Ну, Мильлянушка, гадубчикъ мой, больши и ни угащай: я, якъ жанщина слабая—съ мене и будить предавольна-давольна, а ты, якъ здаровый мущина, пей усѣ атстальны!“—Сама жа каралева яду у паслѣдній стаканъ и ўсыпала, да такъ лоўка, што іонъ и ни замѣтїў. Мильлянь выпїў стаканъ, два и три— и пувисялѣў; а каралева яще болїй яго лащить и разными шуткама смяшить яго. Іонъ, развисялїўшись, усѣ стаканы дапїў и атстальный зъ ядымъ и, якъ тольки дапїў,—такъ яго и разорвала. Кароль Валадимиръ у надзорную трубку глядѣў и усѣ ета видїў; а якъ яго, Мильяна, разарвала, іонъ тады бяреть залатоя кальцо, съ руки на руку прилажїў — явились три молайцы и гаворють яму:— „Што прикажита дѣлать?“— Валадимиръ гаворить имъ:— „даставить яго къ каралеви!..“ Три малайца сїю минуту и снясли яго къ каралеви. Іонъ, якъ пришоў, узлѣ изъ гартани Мильяна свой алмазикъ. Приказаў наносить дроў, саарудить кастерь, вазлажить на кастерь трупъ Мильяна и сажечъ яго, а пепель ать трупя усыпать у моря, штобъ и ў зямлѣ не была и пылинки яго трупя. Бяреть алмазку, треть абъ рукаў; явїўся къ яму старый старичекъ:— „Што прикажита дѣлать, миластивый кароль Валадимиръ?“— „Штобъ были и напитки и наѣдки и разныя разнасти: хачу я съ маею каралевою пувисялитца и пагулять.“ Па слову яво усѣ явилась. Стали пить и гулять и висялитца. Пувисялїўшись, алмазкою тернуў ибъ рукаў,—явїўся ипять старикъ, спрашїить: „Што яще сдѣлать надаби?“—А во што: штобъ у маею царстви быў ипять такой жа дварець и такая жа улица, якъ и прежда; штобы была намъ и постель мягкал—усе ета штобы было у адну ночь, и штобъ мнѣ съ маею каралевою ва дварцѣ начивать!.. Слова сказана, и дѣла сдѣлана. Кароль са сваею жаною начунть у сваймъ дварци. Царь-атець каралевы, утрамъ рана устауши, къ немаламу удїўленїю яго, видитъ каралевскїй дварець. Царь призыванть свайго министра и гаворить яму: „пасмотри-ка, якъ слоўна дварець маею дочари каралевы!..“ Министиръ паглядѣў, да и падтверждаить слова царя: „Дїўлюсь и я ни мала: учора я ѣхаў тамъ, ничога сябѣ было, а таперь вїжу и ў праўду дварець тѣй самы, явей быў.“ — Ну, усѣтаки, паслать пасланца, штобъ іонъ узнаў

вѣрна. Паскакаѹ пасланецъ ки дварцу; видить: окала дварць стыять часовни. Яўляйтца пасланецъ къ царю и извищайта царя: „Дяйствитильна, дварець тѣй самый, и стыять часавни.“ Царь атъ радости пубижаѹ пашкомъ къ дочери ва дварець. Кароль съ каралевай замѣтили, што бягить къ имъ ихъ батюшка-царь; выбігають къ яму на ўстрѣчу и стали цудуватпамилуватца. — „А якъ я радъ, што вижу васъ такими, якими ужу и ня думаѹ видить!..“ Кароль Валадимиръ, пака царь разгавариваѹ съ дочирью, алмазкью тирнуѹ ибъ рукаѹ, приказаѹ старику, штобы у зали бальшимъ были стали дубавѣи, накрыты скатирти шалкавыи и пригатоўлины напитки загранишныя: и шимпачины, и рамавины, и разныя такжа ѣдиньѣ, — штобъ каралю съ каралеваю и съ батюшкой-царемъ пувисялитца. Усѣ была гатова. Кароль Валадимиръ приглашанть къ сталу царя и сваю любезнаю каралеву. Ну, да и на славу ужу пугуляли. Такъ-то яны гуляли мѣсиць, два и пять. Были у царя, у батюшки, и тамъ пукутили уволю. Кароль стаѹ ипать паживать у сваемъ царствѣ благапалушна: усѣ была тиха.

У Мильяна спакуситиля былъ радной братъ Исавуль, а Исавуль быѹ такей жа спакуситиль, якъ и братъ яго Мильянь. Юнѣ имѣу у сябе такжа дреўнюю книгу ирятницкую. Въ адно ўремя Исавуль читаѹ сваю книгу ирятницкую; ина яму и гаворить: — „Брата тваяго Мильяна даѹно нѣту на свѣти; яго истрябѣу кароль Валадимиръ за жану сваю; живеть онъ, кароль, за Карпатскими гарами.“ — Исавуль, учуѹши ета атъ сваей книги а пагибили брата Мильяна, стаѹ дабиратца да царства Валадимирыва — и дабраѹся. Приходить юнѣ у монастырь къ игумини. Игуминня была набажна, принимала къ сабѣ и храмыхъ, и сляпыхъ, и калѣзь, и убогихъ, и давала усимъ пользу. Исавуль, пабыѹши у игумини разъ и два и нѣскальки разъ, выбрыѹ удобная ли сябе ўремя, задушѣу яе, а самъ надѣу мавашескую яе мантию, преабразѣу сябе у игуминню и итправѣуся па дамамъ лячить бальныхъ. Праходить окала царскаго дварца. Каралева, увидаѹши игуменню-Исавула, пригласила къ сабѣ у палаты. Быѹ ужу вечирь. Каралева любила гаварить и слухать разговоры а душиспасенѣи и пригласила игуменню начивать у дварци.

Игуминня Исавуль ибрадавася приглашенѣю каралевы и заначувала. Многа гаварили яны а разныхъ вищахъ, и игу-

миння начала хвалить яе мужа и караля у томъ, што у ихъ и дварець великалѣпный, и іость у пхъ ва дварци уси рѣдкасти. Каралева и гаворить игуменни:— „Ахъ, матушка игуминня, мой мужъ, што только уздумать, усѣ сдѣлать можить!“—Нѣтъ, каралева, вашъ мужъ яще ня усю праўду вамъ сказау и иднага дѣла ни дастау!

А каралева спрашнть у Исавула игуменни:— „Якога дѣла?“— А вотъ якога дѣла. Іость на неби Камъ птица, падъ тэю птицаю яйцо. Вотъ, калн іонъ то яйцо дастантъ, тады яйцо усю праўду скажнть,—и то яйцо буднть святнть ва дварци. якъ день, такъ и ночь—точъ у точъ, якъ жаркы сонца.—Игуминня Исавуль, шпринучуваўшн у дварци съ каралевай и назюкаўшнсь давольна, шправнлась на дамамъ горада. Каралн самаго ва дварци тады не была. Каралева, на разгаворн съ игуменнѣй, сдѣлалась ужу гнѣвною къ сваяму мужу—каралю. Яўлянтца ва дварець мужъ каралевы. Замѣтн, што каралева вочннь гнѣвна, спраснль яе:— „Чаго ты такъ, мнлая мая, гнѣвна ка мнѣ?“—Якъ жа мнѣ на тебе, дружокъ, ня гнѣватца? Ты усей праўды нн гаворншь, хуть и усѣ знаншь.— „Якой, какой?!.. Гаварн, мая мнлая.“— А вотъ іость на неби Камъ птица, падъ тэю птицаю іость яйцо. Якъ дастать тоя яйцо, то яно буднть святнть намъ день и ночь.— „О!“ атвнчалть саманадѣннѣй кароль:— „мнѣ ннчога ня стонть дастать ета яйцо—дыстану!“

Бяреть сваю алмазку, третъ нбъ рукау—яўлянтца старнкъ. Кароль и гаворнть старнку:— „Іость на неби птица Камъ, падъ тэю птицаю яйцо; дастанъ то яйцо, прнясн къ намъ ва дварець: яно буднть святнть день и ночь!“ Выслушау старнкъ прнказанн каралн и гаворнть:— „Вотъ я сдѣлау тѣбе каралемъ, а таперъ назаву тѣбе дуракомъ. Што только я могъ табѣ дастаўлять, уснгда дастаўляу и нн ў чѣмъ нн тказывау, а таперъ ты мене застаўляншь иднть на неба и прннести табѣ яйцо, т. е. снять съ неба сонца и луну и прннести табѣ ва дварець. Я нн магу быть большн Бога, — а хто табѣ сказау и внунн такую блажь?“—Святая игуминня Исавуль,—ета баба, а бабн, должно, ужъ чортъ!— „Игуминня ета ня іость игумення, а Исавуль, братъ Мнльянн; а святая игуминня, удаленная Исавульмъ, ляннть падъ мастомъ у свает кельнн.“— Исавуль етнѣй, падъ вднмъ игуменнн, ужу удаўленнай, ходнть па дамамъ ляннть балннхъ,—іонъ ннкога ня лѣчнть, а дабн-

райтца да галавы каралёвай и тваей, носить мечь падь мантией, съ намѣреніемъ, калі яго пазаветя ва дварець, снять съ вась головы. Вась предастиригаючи, савѣтую імѣть и вамъ вострый кинжалъ и диржать при сябѣ на ўсякій дурной случай, якъ будить Исаулъ къ вамъ ва дварець. Вотъ, што сдѣлай-ка такъ, Владимиръ-каралекъ! Зави заўтри къ сабѣ игуминню Исаула ва дварець; скажи ей, што у тябе балить галава: а якъ придить игуминня Исаулъ лячить тебе ать галаўной боли, и будить іонъ читать надь тваєю галавою, то ты старайся лѣваю рукой держать яго мечь, а правую рукою бяри свой кинжалъ и развали яму брюха ать низу да верху; тады изъ шасты сажаней дроў сдѣлай кастеръ, пували на кастеръ и сажги, а ать трупя Исавула пепиль пусти на моря. Кароль приказанія старика старога исполнїу у точности и такимъ родамъ истрябіу игуминню Исаула; а у канцы канцоў, пубядїўши усихъ сванхъ урагоў, царствуваў длинныя годы; подданныя яго яму радувались, и вси таржествували. Царства яго усегда была и мирна, и тиха, и спакойна.

№ 20.

Ибъ Ивани Миласернымъ.

У Ивана Миласерныга храмѣй воўкъ сына пахитїў. Якъ гнаўся за воўкомъ, жонки и ўтарога сына алишіўся. Цѣрнмъ становитца на суду Божьму (свѣчка у яго сама сабою у церевн загарѣлася). Находитъ жонку и сынавей.

Иванъ Миласердный быў миласердинъ да кажныга. Была у яго пара сынокѣ. Пашоў жа іонъ на Христоў день на всенащную. Прайшоў пряулыкъ, ляжить змя на пиряхрѣстви.—Якъ, Иванъ Миласердный, ти луччи змолыда ѣсть бѣлу рѣдку, ай падь старысть?—Іонъ ня мохъ етыва разсудить и варатїўся.—„Чагò ты, другъ, варатїўся?“—Якъ сказаў іонъ жанѣ, што ни знаиць, якъ птвѣтитъ змяѣ, жана яму разсудила:—„Другъ мой, лѣвши змолыду тярпѣть нужду, а падь старысть, штоба харашо была!“—Іонъ тады ать жонки пашоў съ паскью у крамъ Божїй. Приходитъ. Паску пасвятїў, сѣў падь вярешкый.

А нидалеча жила кума яго. — „Паду къ кумушки. — пупрашу хлѣбець!..“ Кумушка пупрасила яго пріеѣсть. Тымъ часымъ ина расплескала двѣ пиряпечки и запекла у меньшую рыжа золыта и дала яму обѣ. — Стричаютца зъ Иванымъ Миласерднымъ убогія старцы — ужъ яны яго ни минуютъ:

— „Мы къ вашій милысти билися, штобъ разгавѣтца.“ — Иванъ Миласердный атдаў имъ бѣольшую пиряпечку, а яны па жалѣли яго, што тоже челавѣкъ бѣдныи, и заставили яму большую, а сабѣ ўзяли меньшую.

Тады убогія старцы пришли къ багатыи кумушки. Ина яще пекла пиряпечки. Старцы, якъ замѣтили бѣольшую пиряпечку, и кажуть: — „На-те вамъ нашу маленькую, а сабѣ возьмимъ большую. Намъ, што болій, то лѣпши“. Такъ яны и пумнялись.

А багатая кумушка идетъ къ сваяму мужу:

— „Я табѣ признаюся, што у Ивана праўды нѣтъ: такъ и такъ.“ — Тады мужъ жанѣ гаворить:

— „Якъ ты жалѣючи давала, такъ табѣ и тваѣ золыта.“

Иванъ жа ппрярѣзаў пирогъ на чатыри частычки: частычку атдаў жонкѣ, па частычки сынамъ и сабѣ ўзяў частычку. И разышлися на разныя стороны. — „Жина моя, када будемъ Богу угодни, то ня будимъ галодны и ўвидимся!..“ Приходятъ жа яны къ синему морю. Аткуда ўзяўся храмѣй воўкъ и унесъ у зубахъ мальчика. Иванъ Миласердный бѣгъ за ваўкомъ и ни дагнаў, а тымъ часымъ стратіўся яго и другей сынокъ. И думайт сабѣ Иванъ Миласердный: — „Люди атбивають у звѣря скатину, а я ни табью атъ яго рабѣнка, ангильскый души.“ — Пришоў у чужоя царства. Абнимаитъ Ивана Визчастнага ночь. Приблудіўся къ изобки, а ў тѣй изобки жила старушка.

— „Старушка, пусти на нычь!..“ — Начуй сабѣ зъ Богымъ!.. Пашоў старикъ па горыду съ сумкый, насабираў торбу хлѣба и денежку. Ипать къ старухѣ на нычь. Три раза хадіў старикъ и сабраў три денежки. Помиръ царь. Дѣлантца публикація у двинадытымъ часу ибъ царю, штоба усякій имѣў свячу: чія свича загаритца, тѣй и будитъ царѣмъ. За распадами, за купцами, за ницію братію у церквѣ праходу не была. Старикъ самъ сабѣ думайт: Паду и я, стану у вуглушку, съ сумучкый. Стаў сабѣ и іонъ са свячой. Якъ зацѣли хирувимы, ни у каво

ни загарайтца свича; запѣли тожа—ни у кова; у третій якъ запѣли,—агу, пырхъ свича у старика—и запалилась. Падхвятили старика падъ пахи и сдѣлали царемъ. Присягнули. На 12 днѣу аteryли банку: пей-гуляй, висялися, народъ! Старикъ раскатываѹ на горыду, ну, только вспомнѹ ionъ а старушки, што пріютила яго у сабе: вальѹ привязти яе честна-блугуродна, штобъ ни испужать;—ина таки ладныга спужалась. Пасадилл старушкѹ у карету, пувязли къ царю. Тады вальможи ўзраптали:— „Якей царь старець, ionъ тѡга и пачитають!..“ Узяѹ старикъ старушкѹ за правую руку и содитъ за столъ, потѣмъ и спрашійть:— „Скажи жъ ты мнѣ, ты якога рода, якога пувядѣнїя!..“ —А я вотъ такога рода и пувядѣнїя!.. Ну, ты жъ скажи мнѣ сваю статью... дакъ ты мужъ мой!..

— „А ты жена моя!..“

Патомъ прїѣзжають съ чужѣй зямли купцы-карабельщики; идутъ яны къ яму, амператыру, съ гастинцами. Амператырь самъ прїѣхнѹ сматрѣтъ карабля. Ходють два вьюнуши па карабляхъ—па калѣни у золыти, па локыть у серебри—такъ и зьяють. Амператырь стыяѹ ать вутрени да вячерни, ни слова ни гаварїѹ, а усѣ дивунтца вьюнушамъ: такога чуда нїйдѣня выдываѹ. Ни даѹ ряду ни якыга карабельщикамъ и уфхаѹ—ужъ ударили у колыкыль. На другой день прїѣзжають къ карабельщикамъ:— „Скажита вы мнѣ, якея ета у васъ два вьюнѹши: знайдины ли, куплены ли!..“ Карабельщики атказыють:—Мы ѣхали, а мужички пахали землю; яны только што атбили у ваўка рабенка,—мы купили яго у мужичкоѹ. Другога рабенка мы купили у рыбаловыѹ. Рыбаловы тыя узяли яго у ставу, слышать: плачить рабеныкъ;—прїѣхали и узяли у лотву. Дѣти ети узрасли и стали большея, якъ и видитя!..

Тоды гаворить царь (ionъ дагадаѹся, што ета яго дѣти):— „Прадайтя юнушїѹ—ня будитя платить цехъ!..“ Хуть жалка была купцамъ, што пригожїя ребяты, иднака жъ якъ ни уважить царя? Продали ихъ амператыру.

№ 21.

Абъ Ивани Бизщастнымъ.

Иванъ Бизщастный нищій. Царская дочка за яго красату выходитъ замужъ за яго. Иванъ къ купцамъ наймайтца и за мѣсяць зъ ими ѣдитъ; брошинъ купцами у бурю у марскую бездну. На марскомъ дони споръ рѣшаютъ межда марскимъ царемъ и царицей, што дарожн: ти серебра, золота, ти драгацѣнныя каменья, ти зялѣза и сталь. За то, што суяту прикратіу межда мужимъ и жаной, царь дарить Ивану ящикъ съ брудіянтами. Даганяитъ сваихъ таваршій; имъ дужа завидва, што Ивана да чести кароль примаить. Дамой варнуѣся; у царя гость, а потѣмъ и зять.

Жіу купецъ богатый члавѣкъ; у яго была три сына. Когда іонъ жисть кончіу, аказау двумъ сынамъ, а Ивану ничаво ни тказау—ни гарѣльва гроша. Иванъ етытъ быу изъ себя красавицъ, и призвали яго, што „Иванъ несчастный“, и нечѣва яму ни гдѣ ѣзять. Іонъ узяу сумку и пашоу по міру. Нескалька ўремя хадіу, и пуѣсмѣна яго знаютъ, што Иванъ Бизщастный. Царская дочка увидала Ивана и красату яго нибнакавенную, задумала, какъ ба за яго выйти замужъ, и узла царская дочка сумку, и узла съ сабою злата и серебра и пашла по міру, штоба найти Ивана Бизщастнава. Нескалька ўремя хадла и яго ни нашла. Адинъ купецъ карміу старцу. Ана ета усахла и пашла на етытъ балъ; приходитъ: нашла Ивана Бизщастнава, пакланилась:—„Здрастуй, Иванъ Бизщастный!“ Атышоу етытъ абѣдъ старцу; тада она начала таварить:—„Вазьми мене за сябе, Иванъ Бизщастный!“—А какъ же мнѣ тебе ѣзять?—„Пупраси купечества, штоба насъ ажанили!—Абъявили купечеству. Купечества множества събралися и сыгласились ажанить ихъ, ишнина для смѣху, и начали складать деньги: каторый двадцать пять, каторый пятьдесятъ, каторый сколько могъ. Жанились, рублыгыдали все купечества, а тыда яны пашли у другой горыдъ. Ана сабѣ купила домъ и начала жить, пансправила все хазийственныя дѣла. Абжимшись, она даеъ пятьдесятъ рублей Ивану.—„Поди, другъ мой, купи мнѣ золота“. Іонъ пашоу у горыдъ. Хадіу, хадіу, нйдѣ ни найдѣтъ. У ва адна-

во старика на угалѣ нашоу золыта, купиу, пришоу дамоу, атдау золыта. Паужинали, легъ Иванъ спать, а жонка запалила свѣчку и начала вышивать платокъ. За нѣскалька ўремя вышила платокъ. Иванъ чаю напиуся, идеть у горыдъ прагуливатца; жина атдаеть платокъ:— „Прадай платокъ!“—Ионъ нашоу, хадіу па ўсяму горду: къ катораму купцу ни пакажитца, усѣ баятца узять и думаютъ, какея ета тавары странныя;—па ўсяму гораду хадіу ништо ни купиу. Заходить къ самаму етому старому, у каторага купиу золата. Ионъ и кличить:— „Што, Иванъ Бищасный, ти прадаешъ, ай пакупаишъ?“—Прадаю платокъ.— „Пакажи!“ Пасматрѣу старикъ платокъ и гаворить:— „Што, Иванъ Бищасный, што бярешъ: ти деньги, ай добрыя слова?“ Иванъ атвичаить яму:— Бяру добрыя слова.—Пришоу дамоу, спрашиваить жина:—Што ты, мой другъ, узяу за платокъ?—Атвичаить ионъ:— „Узяу добрыя слова.“—Ина и сумнась: сама сабѣ и думаетъ, што етытъ дарагой платокъ за добрыя слова. Апать идеть етытъ Иванъ у горыдъ, ана яму даетъ 100 рублей купить золыта. Ионъ пахадіу па горыду, ни находитъ ни ў аднѣй лаўки золыта, апать къ етому старику. Купиу на 100 рублей, прприносить дамоу, атдаеть сваей супруги; ана ипать начала вашивать платокъ. Вышила за нѣскалька ўремя. Апать идеть Иванъ у горыдъ, даетъ ина яму платокъ.— „Прадай платокъ!“—Хадіу па горыду: ў каторыю лаўку ни зайдить, пакажить платокъ,—купечества бантца купить и думаютъ, гдѣ ионъ, Иванъ Бищасный, бяретъ етакія платки. Апать ишоу када етыва старика, старикъ и кличить:—Иванъ Бищасный, ти прадаешъ, ай пакупаишъ?—Прадаю платокъ!— „Што бярешъ: ти деньги, ай добрыя слова?“—Иванъ думаетъ:—Што жъ, узяу добрыя слова,—вазьму и другою.—Патомъ и гаворить:— „Вазьму добрыя слова.“—Приходитъ дамоу. Жина спрашиваить:— „Што жъ ты узяу за платокъ?“—А утароя добрыя слова.—Жина ипать думаетъ:—Што жъ съ естыва будить: слова, да слова,—што жъ съ естыва будить?—Апать замаўчала, терпить. Нѣскалька пожили, ипать ина яму даетъ денигъ палтараста рублей:—Иди у горыдъ, купи золата!—Пашоу, на палтараста рублей золыта у етыва старика купиу, принѣсь дамоу, атдау сваей жанѣ. Жина начала вышивать третій платокъ и вышила луччій прежнихъ. Идеть Иванъ у горыдъ, ина яму атдаеть платокъ:—Иди, прадай платокъ!—И думаетъ, што ионъ

взъметъ за етытъ платокъ. Пашоу іонъ у горыдъ, на ўснхъ даўныхъ насіў, штоба яво прадаць, и нхто ни купиў: усѣ баѣтца пакупать етакія вещи. Идетъ кала етыва старика. Старикъ кричить:—Што, Иванъ, продаешь или пакупаишь?— „Прадаю платокъ!“— Пакажи!— Пасматрѣў старикъ и гаворитъ Иваву:— Што бярешъ: ти деньги, ай добрыя слова?— Иванъ гаворитъ:— Добрыя слова.— Тада старикъ гаворитъ:— „Будь даволинъ, — толька сматри, ни забудь майво приказанія:— „Замахни, да ни рубани, да падумай!..“ Публагадаріў Иванъ етыва старика и пашоу. Прпшоу дамой, жана и спрашивають:— Што жъ ты узяў за платокъ?— „Узяў добрыя слова!“— Жана ў большомъ сумлѣніи, и начали жить. Нѣскалька ўремни жили. Жина гаворитъ:— Што, другъ мой Ваня, я деньги сдержила многа, а тащертка, какъ хатишь, нада имѣть работу.— Иванъ пашоу на пристань и наняўся тамъ у вунцоу у работники, штоба ѣхать съ купцами за границу, и узяў деньги упередъ, агдау сваей жанѣ на расходъ, а самъ Иванъ распрацаўся съ своею жаною и уѣхаў за границу на карабляхъ. Жина яво тутъ забременила. Пріѣхамши, за границей прожили тамъ 16 лѣтъ, набрали тавару на симъ караблѣу купцы и атправились дамой. На мыри сдѣлалась на нхъ тривога: начали карабли танутъ,—такои мѣста, што нужна чилавѣка бросить у моря. Аны начали приглашать Ивана Вищасныва, штоба іонъ сагласіўся у моря—іонъ сагласинъ, и на яво имя штоба карабль атписанъ сядмой яму. И бросили яво у моря, а караблю апустили якырь. Карабль астанавіўся тамъ. Иванъ Вищасный пунаў у пучину, сайшоу у прісподнію, а тамъ свѣтъ такой жа, какъ и здѣсь,—пунаў іонъ къ царю, а яво тамъ знаютъ.— „Здрастуй, Иванъ Вищасный! Разсуди ты насъ съ царицью, што мы живемъ 15 лѣтъ, а усѣ у насъ производитца вражда, и споримъ, а иминна, за што: я гаварю царицы, што у свѣти дарожи нѣту злата, да серибра, да дарагова камѣннѣ, а царица гаворитъ, што стали и залѣза дарожи у свѣти нѣту!.. Иванъ Вищасный, разсуди ты насъ!..“ Иванъ гаворитъ имъ:— Я васъ рассужу: золыта и серибра и дарагея каменнѣ,—ета для царей, для князей, для вяликихъ лицъ; а сталь и залѣза,—ета для мужукоу.— Іонъ ихъ рассудіў, и яны асталнсь давольны Иванымъ, и сейчасъ жа царь и съ царицью памирилися и пацулувалнся.— „Благодаримъ тебе, Иванъ Вищасный, што ты успакоіў сердца наши, а мы тебе

за ета публагадаримъ!..“ Дали Ивану ящикъ бруллиантыва камення придѣлали яму пузыри и надвизали яму ящичикъ съ бруллиантывымъ каменнимъ, а тада и сказали:—Благодарю, Иванъ,—у етымъ и пращай!“—Иванъ и пашоу: усхватила яво етymi пузурями на верхъ моря. Пасматрить Иванъ: карабль тутъ и стаить, каторый купцы на яво имя атказали; іонъ цопъ, цопъ, да ў карабль и атправіўся у путь за купцами. Нѣскалька праѣхаў, пасматрить: наганяить свайхъ купцоу, а купцы пасмотрють:—Иванъ Бищасный ўжъ ихъ наганяить. Нагнаў, пашли яны умѣсти 7 караблѣу. Ъдутъ путемъ. Дли моря живетъ кароль. Даеть знать у карабли, штоба ни праизжали мима, штоба зайшли на паклонъ каралю. Аны астанавились возли дварца каралеўскага и начали выбирать харошія тавары каралю на паклонъ, атабрали ў купцоу и каждый па штуки и спрашіють у Ивана:—„Иванъ Бищасный, што жа ты вазмѣшь?“—Иванъ имъ атвичаить:—Знайтия, братья, какой карабль вы мнѣ пустой дали: зъ рагожами, да зъ михами, да самый паслѣдній таваръ?—няўжли жъ я, няўжли жъ мяне, за вашими падарками, ня примуть? И мяне за вашими падарками примуть.—Купцы еты ни знаютъ, што ва Ивана іостъ браллиантова камення ящикъ. Іонъ атбіў изъ ящика браллиантава камення са куриный жаўтокъ и спрятаў у рукау, и пашоу вмѣсти съ купцами Купцы кала яво смяютца:—„Какъ Иванъ, какъ Бищасный, такъ и Бищасный,—и идетъ ни съ чѣмъ къ каралю“.—Пришли и начали атдавать падарки каралю; а Иванъ кала яво паваратіўся и вышіў кароль ў другую комнату;—Иванъ даў яму драгацѣнный кампъ. Какъ пасматрѣть кароль на етытъ каминь драгацѣнный, такъ и асватила ўсея комнату. Пасадіў кароль Ивана за столъ на кутѣ. Купцамъ падносють вино прислуги каралеўскія, а Ивану самъ кароль. Имъ, етымъ купцамъ, абидна: быми ихъ работникъ—и знаютъ, што карабль яво пустой, и ничаво іонъ ни принесь каралю. Публыгадарили яны карала и пашли къ караблямъ. Иванъ ихъ нагнаў и смяетца кала етыхъ купцоу:—„Вотъ вы хазяины были мае, а кароль мяне угастіў са свайхъ рукъ.“—Имъ ета прискорбна, купцамъ. И захатѣла жина каралева пупрасить къ сабѣ на паклонъ. — „Пажалуйтя, гаспада купечества, ка мнѣ на паклонъ: хочить вамъ каралеўна честь атдать.“—А ета купечества бяруть палуччи таваръ и спрашіють у Ивана Бищасныва:—„Иванъ Бищасный, што жа

ты вазьмешъ на паклонъ? — Иванъ атвичаить купцамъ: — Братцы, вы знаиця, што мой карабъ пустой, — буду я сытъ за вашими падарками. — А самъ Иванъ, атбіў у ящичку ўтарой камушиць, и пашли. Принясли купцы каралеўни таваръ; аны тывары еты принимаютъ, а каралеўна ета кала Ивана вертитца. Иванъ изъ рукава каралеўни падаў камушиць. Каралеўна у другую комнату увыйшла, освѣтила ўсѣе комнату. Пасадили купцоў за столъ, начали подчивать, а Ивана на кутъ. Купечеству етому наднасли служители каралеўски вино, а Ивану сама каралеўна паднасила и подчивала. Купечества пасматривають адинъ на другога: — „Што такая, што Ивану прилишній честь, чимъ намъ?“ — Аны публыгадарили и пашли, и межда сабою купечества гаворють: — „Ну, кадабъ третій разъ цупрасили на паклонъ, то тада ба мы сдѣлали то, чаво Иванъ и ня думантъ! — Захатѣла каралеўская дочка цупрасить на паклонъ: ня дорыги еты тывары, што аны носють, а хатѣлась, штоба Иванъ принесъ каралеўскій дочки камушиць. Вотъ начали яны выбрать самыя луччія тавары, а на Ивана гаворють: — „Иванъ, а што жъ ты панясёшь?“ — А, штожъ, братцы, вы знаиця; за вашими тыварамі и я буду сытъ. — Аны етымъ ужасна абдцились, а Иванъ у рукаў камушиць палажіў, и пашли къ каралю, и мяжа сабою сдѣлали сагласію: — „Што-нибудь будить адно: или мы прападемъ, или Иванъ прападетъ.“ — Пришли къ каралю, атдають тывары, а окала Ивана каралеўская дочка ўетца; іонъ ей изъ рукава тайкомъ падаў камушиць. Вышла каралеўская дочка ў асобую комнату, пасматрѣла: каминь асіяў. Пасадили купцоў за столъ, Ивана на кутъ; начали подчивать: купцоў подчіють прислуги, а Ивана Бицаснава подчіить кароль, каралева и каралеўская дочка. Аны вышли изъ-за стада, публагадарили каралю и сказали ўсп ў голысь, што яны нидавольны. Кароль спрашіить купцоў: — „А чимъ жа вы нидавольны?“ — Вотъ тѣмъ мы нидавольны, што, бывши ўпяредъ работниць, — яму честь больши насъ. — Кароль и гаворить: — „Можить быть, яво таваръ дорожи вашихъ ўсихъ караблеў“. Аны и гаворють: — „Мы сагласны па закону: ежилъ у яво, у нашива работника, у Ивана, да будить таваръ дорожи нашива, — дакъ мы сагласны, штобъ намъ головы парубили; но ежли у яво хужѣй таваръ, то яму атрубить гôлаву.“ — Спрашіить кароль у Ивана: — Согласниъ ты на етытъ судъ: ежли твоей таваръ хужи будить, — сагласниъ ты,

голаву штобъ табѣ рубить?— „Я сагласишь.“ — Сказаў Иванъ, и етымъ дѣла кончили. Патребуваў кароль присуствія сваё и купцоў етыхъ самихъ, штоба и яны магли расписатца у етый атвѣтнысти: „Или Ивана голыву далой, или вамъ.“ — Аны усп расписалисп. Какъ аны, 6 чплавѣкъ, таеъ и сядьмой Иванъ Бищасный, пашли у карабли выгруживать таваръ, выгрузили и пирисматрѣли: аказалася у купцоў, 6 чплавѣкъ, таваръ луччи и багачи, а ў Ивана саўсѣмъ нѣту.— „Ну,“ гаворють купцы:— „вотъ, кароль, за то намъ и абидна: бывшій нашъ работникъ—и честь яму луччий“. — Присудили Ивану атрубить голыву. Еты купцы засмѣлися. Тагда Иванъ гаворить каралю:— Пазвольтя мнѣ схадить у карабъ у пустой“. — Пашоў у карабъ и принеся драгацѣнныва камення ящикъ. Какъ принеся, аткры: засіяла жарчій сонца. Тады еты купцы 6 чплавѣкъ усѣ срабѣли, штобъ лишитца гдывъ; пали на калѣни приидъ Иванымъ:— Прасти ты намъ ету ашибку: ни пагуби нашихъ жонъ и дятей. прости и прости! Мы табѣ за ету ашибку атдаёмъ 6 караблей са ўспми таварамы и обещанья даставить да горыда на самую пристань, будимъ тваими падвластными!.. Ионъ имъ прастіў и палучіў брѣшнеть на ўсп карабли. Атправились аны къ свайму горыду. Приѣхали яны у начп, карабъ Иванъ Бищасный аставиў съ прикащиками на пристани, а самъ пашоў къ жанѣ. Пришоў у домъ тихонька, никакво ни разбудіў, дастаў агня, пасматрѣть на жану: жина спить и два маладцы абаныль лизать. Иванъ и думантъ:— „Я за границыю спраўляюся, а ина тутъ завилла двухъ любоўнибѣ...“ Разсердіўся іонъ, схватиў саблю, только падняў и хатѣ зурубить ихъ, а патомъ уздумаў:— „Мнѣ старикъ сказаў три словы добрыхъ:— „Замахни, ды ни рубани, да падумай.“—Ионъ ни стаў рубить, разбудіў жану; гаворить:— „Здрастуй, жина!“—Жина прашнулася, испужальсь; потѣмъ гаворить:— „Здрастуй, мой другъ, Иванъ Бищасный, даўно ужю я видала тебе: ужю 16 лѣтъ...“—Другъ мой, какея ета лизать кала тебе маладцы?— „А ета, другъ мой, ета твае сынаўя: ты, када атпраўляюся за-границу, аставиў мяне бяреминную,—я двухъ сыноў и радила.—Ну, а тваё дѣла какаво?—А маё, слава Богу: пригнаў семъ караблѣў съ таварамы. — Жина яму ня вѣрить:— „Идѣ табѣ узять ихъ, бизъ денегъ?“—А Богъ мнѣ послаў за то, шта мнѣ атець ничога ни аставиў. Даў Богъ вутра, Иванъ Бищасный папродаў тавары и карабли, а деньги,

каличества ни малыя, принесъ къ жанѣ:— „Ну, жина, таперь паживѣмъ!“—Ну, другъ мой, таперь нада идить къ майму атцу цупрасить прашенія! Знаишь ли, какова я роду?—видь я роду—царскыя дочка!—Иванъ думать:—„Какъ жа ета: шла ана за мяне ницій, а таперь—царская дочка?“—Я,—говорить ана: на тваю красату прилѣстпласъ, — дыкъ и нышла за тябе, и у мнѣ па сю пору хранитца золыта и сирябро, каторыя я у атца узила. Таперича, мой другъ, паслушай и мяне,—да сматри ни ашибись! не назави атцомъ да ўремя, а вазьм-ка брулліянтывый камушикъ атдай, ды няси царю и цупраси пазваленія, штоба пазволіў табѣ царь у виду царекава дому и табѣ выстраицца.“—Пашоў Иванъ Бищасный къ царю и надаріў яму брулліянтывый камушикъ. Царь столька быў доволинъ, што ни знаить, чимъ наградыть Ивана Бищасныва; спрашиць у иво:— Чимъ наградыть тебе?—Иванъ яму атвчачьт.— „Кыда мильсѣ ваша, ваша высочества, пазвольтя мнѣ выстраиць домъ ублизи вашыва дварца.“—Царь гыварить:— „Я тибѣ пазваляю. Када у тябе ни хватить капиталу, то я пумагу тибѣ.“—Иванъ Бищасный царя публыгыдаріў. Начаў Иванъ строиць домъ, наняў разныхъ мастяроў: каминщику, стыляроў, кровильщику и какея мастира яму были только нужны. Домъ етыць атдѣлали у два года. Тада узяў Иванъ нѣскалька комнать,—брилліянтывый камнимъ павыбиліў стѣны. Атдѣламши домъ, узяў брулліянтывый камушикъ и панѣсъ царю у благодарнысть. Царь благодарить Ивана:— „Спасибо табѣ, Иванъ Бищасный. Нѣтъ, ты таперь ни Бищасный, а Иванъ Счасный! Ни знаю, чимъ тябе благодарить!“—А вотъ чимъ: када мильсѣ ваша, то прашу на пасвященія дому майго васъ и лицъ равныхъ вамъ,—вотъ етыва я атъ васъ жилаю.—Царь, видимши Ивана вумныга, пригласіў нѣкатарыхъ каралей и князей быць у Ивана на пасвященіи. У назначинныя ўремя зазванныя лица сабрались къ Ивану Бищасному. Была цирамонія, пили, гуляли, Ивана паздраўляли.— „Ни будь ты Иванъ Бищасный, а будь ты Иванъ Счасный!“—Пришоў Иванъ Бищасный къ жанѣ, говорить:— „Ну, таперь какъ мнѣ у атца прасить прашенія?“—А ты иди и скажи:— „Праститя, царь!“—Приходитъ Иванъ къ царю и гаворить:— „Праститя, царь!“—Да я за табою ня вижу никакой вины, и мнѣ нечыва табѣ пращать.—А іонъ ипать за сваё:— „Праститя, царь!..“ Царь яму гаворить, што яму не ў чимъ

пращать, а цари и карали гаворють:— „Ну, вы яму праститя, хушъ іонъ и ни виновинъ!..“ —Царь гаворить:— „Ну, харашо, я табѣ, Иванъ, пращаю“. —Какъ толька царь сказаў, што „пращаю“,—выходить Иваныва жина и сдѣлала поклонъ царю; Иванъ гаворить: — „Вотъ. ета ваша дочка, а мыя жана.“ —Тада узнаў царь абъ чѣмъ у яво Иванъ прасіў прашенія.—Царь быў вочинь доволивъ, што яво зять вумный чилавѣкъ. Стали яны жить, паживать, да дабро наживать.

№ 22.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

Якъ купецъ у Двины (у Двинѣ) пабыў, споръ мижъ рячнымъ царёмъ и царицый ряшіў (споръ мижъ Нѣпамъ и Нявой) и разбагатѣў ать дароў Нѣпра (Нѣпа).

Быў плахой мужичекъ и занимаўся разными работами. Хадіў на ахотамъ, біў разныя зверьё и такъ три года, набіў три воза, наняў тройку лошадей у сусѣдихъ пу пяти рублей; привозитъ у горыдъ и стаить на площади цѣлый день, ни развязываить. Подходятъ таргаўцы; просятъ іонъ зъ ихъ три тыщи рублей денихъ. Ни магли яны купить ничаво. Пашли работники, отказали купцу благачасливому. Купецъ спрашяить:

— „Чаво вы ничаво ни купили?“

— Была такая-то таргоўля.

Купецъ пашоў къ тому мужичку на рынокъ. И гаварить купецъ:

— „Мужичекъ, што ты ни прадаешъ свае возы?“

— Када жъ мнѣ прадавать свае возы, када сяводнишний день нѣту купцоў на мой таваръ?

— „Што есть твой такей за таваръ?“

— Мне разныи есть шгуры. Скольки есть у ласу птицъ— звѣрья—уси набиты.

— „Што просишь за ихъ?“

— Три тыщи сирябромъ.

Іонъ ни сматрѣўши:

— Паизжай за мной!

Принзжаютъ къ дому купечискаму.

— Работники, убирайтя!

А самъ и ни пасматрѣў, што тамъ убирать.

— Ступай са мною у домъ! Бухарка, дай етому мужику трипезывать.

А самъ выносить деньги, атсчитывантъ три тыщи сирабромъ и двадцать пять цалевыхъ награды звышь цаны и гаварить:

— „Што ты хочишь, мужичекъ, пулучить: три тыщи сирабромъ, ай три слова Божьихъ?“

Онъ и сказываить:

— „Па бѣднати деньги, а па смерти, какъ умирать, нада три слова Божьихъ. Но у мене хазайка дужа страга, будить спрашивать: многа-ль денихъ узяў?“

А іонъ гаварить:

— „А ты скажи хазайки, што денихъ я узяў многа, а привезъ дамой ничога, а я жеретвую табѣ на бѣднату на первий случай узять двадцать пять рублей. А жанѣ скажи: батюшка мой быў долженъ купцамъ, усяму гораду. За доўгъ май денюжки астанавили. Ана скажить: слава Богу! хушь мы бѣдны да зъ даўгомъ разабрались.“

— Ну, батюшка, гаспадинъ купецъ, гаваритя мнѣ теперича три слова Божьихъ.

— „Первья слова: будить тябѣ страшная смерть—ты ле ни убойся. Другоя слова: будишь ты судить, суди па закону. Третія слова: намахнись, да ни ударъ. Теперича, мужичекъ, съ Богомъ дамой.—Вазьми жъ, мужичекъ, на пупраўку двадцать пять рублей денихъ. Ты ня ўбойся, мужичекъ, што три тыщи аставиў. Куда пажиланшь, у работу первую ступай.“

Пріизжаить мужикъ дамой, и спрашиваить жонка:

— Многа-ль узяў денихъ?

А іонъ гаворить:

— Узяў, слава Богу, многа, а привезъ дамой ничога.

— „Гдѣ жъ ты падѣў?“

— Мой батюшка быў усяму гораду должинъ—узали за долгъ астальныя; астались мнѣ 25 рублей.

— „Слава Богу за ета! Хазяинъ, какъ жа мы будимъ жить зъ етымъ деньгамъ?“

— А будимъ жить, какъ Бохъ дастъ.

— „Да тутъ збахана питнадцать рублей: нада атдать за лашадей, за дисить купить у мужика хлѣбца.“

— Бохъ падасть.

И уздумаў іонь у Ригу идить (вѣкъ ни хадіў), а ина атгавариваить:

— Съ кимъ ты мяне дома брасаишь?

— „А я брасаю тябе дома съ Богымъ и сынымъ пяти лѣтъ.“

— Ну, такъ Бохъ съ табой! Ступай съ Богымъ: мнѣ тябе ни удиржать.

Пупрацаўся съ сусѣдимъ и пашоў у Ригу застанавлятца. Приходитъ на площадь въ горадъ. Нанимають купцы у Ригу.

— „Што ты вазьмешь у Ригу за десить барыкъ?“

— А што дашъ на совѣсть?

(Въ старину все было на совѣсть; теперь и бумаги пишутъ, а такъ ни работаютъ).

— „Двинацать рублей сирябромъ.“

— Я и на то сагласинъ.

Давай Богу малитца. Онъ деньги узяў, дамой приходитъ.

— Вотъ, хазаяка, еще, слава Богу, двинацать рублей: Бохъ намъ даў—заставіўся я у Ригу.

— „Ну, слава Богу, будимъ жить!..“

Удрухъ весна аткрылася. Паднимаитца вода. Пупрацаўся съ жаною и сынкомъ, и самъ у Ригу маршь пашоў. Приходитъ къ купцу. Купецъ гаварить:

— Прасрочиў!

А онъ сказываить:

— Впнுவать!

— „Ну, рибятүшки, аткрывай плисамъ воду изъ барагъ. Заўтрипнїй день будить багамалѣпства, малебны будимъ слүжить. Десить барыкъ па тридцати пяти челаўѣкъ на баркахъ.“

Сичасъ съ трехъ царквей падняли усихъ святыхъ и малились яны Богу сутки увесь народъ. Патомъ таво купецъ выносить саракавицу бочку. Удрухъ усхватилася буря, валнами заливаить бочки. Купецъ гаворить:

— Выть пришло намъ успмъ пумпратъ!

И пришоў іонь у сваю комнату на барки, сматрить на столъ: бумаги у сталу, а ляжить бумага на сталѣ. И читаить купецъ, слезна плачить; выходитъ къ сваей сходеи, спрашиваить усихъ на лицо:

— Правослаўныя люди, нѣтъ ли ахотничкыў у моря слазить?“

Народъ атвпчаить:

— „Успимъ умирать, такъ умирать, а ў моря ня лѣзть!..“
Мужичекъ уздумаў. Што мнѣ сказываў тотъ купецъ: „Будить страшная смерть—ни убойся!“

— „Гаспадинъ купецъ, што будить за работу? Я палѣзу у моря.“

— Даю тебѣ за то пять барыкъ и съ таваришчпмъ. Май-му народу прападать—и мнѣ упадать!

— „Иши, гаспадинъ купецъ, падъ мне пять барыкъ!..“
Купецъ записаў и свидѣтелиў паставиў и даеъ іонъ яму бумагу:

— Каму будишь атдавать?

— „Я палѣзу—и бумага са мною пайдетъ.“

Іонъ распращаўся су ўсімъ народамъ:

— Праститя мне грѣшныва!

— „И ты насъ прости!..“

Самъ балтыхъ у воду. Купецъ радъ, пашоў съ бумагой.

— Таперь, робятушки, малитесь Богу: будимъ атваливать!

Пумалились Богу—бура усхватилаь ящю сильнѣй, а онъ дажидайтца погоды. А тотъ по марю ходить палтара сутыкъ.

Темно на мори, какъ у тямницы. Вдрухъ аказывайтца свѣтъ, видная мѣста. Приходить на видныя мѣста, гдѣ свѣтъ яму Бохъ аказаў. На виднымъ мѣсти стаить женьщина и муцнина и дѣлають споръ. Ишоў Нѣпръ пу падземяю и ишла Нева рѣка, дѣвушка. Рѣка Нева не пускаить Нѣва; Нѣпъ ня хочить пакаритца Нявѣ рякѣ. И приходитъ мужичекъ къ Нѣпу и Невѣ рѣкѣ, дѣвушка, и спрашиить у яво Нѣпъ:

— Хто у васъ на свѣти больши, ли муцнина покорна баби, ли баба муцини?

Іонъ гаварить, Нѣпъ:

— Мужичекъ, разсуди па закону!

А пна стаить, ничаво ни атвичаить. Іонъ и уздумаў. Што мнѣ гавариў купецъ: „Будишь судить, суди па закону!“

А іонъ атвичаить, мужичекъ:

— Галубушка, ни прагнѣвайся: мая хазяйка хараша, а мнѣ пакорна.

Удрухъ пна клонитца у ноги. Пацалувались, пашли умѣсти. Патомъ таго, гаварить:

— Благодарю, мужичекъ: па закону разсудиў. Таперича,

мужичекъ ступай: я тебе свяду на старинную жисть, идѣ ты живешь на баркахъ.

Мужичку Нѣпръ даетъ драгацѣнныхъ камнѣи и гаварить мужичку Нѣпръ:

— Ты таму ихъ атдай, хто больши у васъ, у Расен.

Ну, и пашли. Атъ това мѣста палтара сутыкъ да барыкъ. Удрухъ іонъ узяў мужичка на плячо и ускинуў на барку къ купцу. Удрухъ здѣлалась пагода прикрасная. Атвалили, пашли. Купецъ призываетъ етыга мужика къ сабѣ, у майку. И гаварить купецъ мужичку:

— „Атдай мнѣ барки: вотъ тибѣ десить тысячъ.“

А мужичекъ атвѣчаить:

— Нинада мнѣ твае десить тысячъ, а дорга мнѣ слова законная.

— „Я буду съ табой судитца.“

— Када будишь судитца, судись, а у мене бумага—грунтъ здѣлана.“

Привалили у уѣздный горадъ. купецъ падняў судъ, пріу-зашоў усихъ судоў, пазадариў падаркамъ, и стали судить мужика.

— Атдай барки етны купцу за десить тысячъ.

— „Нѣтъ, нада мнѣ слова: у мене есть грунтъ—бумага. Кады вы судитя, атымита такъ, а я ни сагласинъ.“

Суть ни ряшіў, пашли у губернской. И тамъ ни ряшили.

— Ступай, съ Богымъ, да царя!

Приходитъ къ царю. Купецъ на галавѣ падаеть прашенія бѣламу царю. Пасматрѣў царъ у бумагу, спрашїить мужика на лицо.

— Здрастуйтя, ваша амператарства!

— „Што у васъ съ купцомъ дѣла вядетца?“

— Извольтя бумагу.

Пасматрѣў царъ и прачитаў абъ яго пажажденіи.

— Дайте етому купцу 100 палыкъ, зъ горыда вонъ!

Салдаты и дали яму 100 палыкъ и изъ горада вонъ выгнали. И вынимаить мужичекъ драгацѣнныи камни, асѣняла весь дварець, а цареўна упунилась.—Съ гильдіи будить первый купецъ етытъ мужичекъ, вялѣў царь. Удрухъ стаў мужикъ у паўгода ня тогъ. Іонъ и гаварить:— „Атпуститя мне

дамоу. Я жинать. Теперь у мене астауся сынъ пяти лѣтъ. а въ настоящее время яму даўжно бытъ десеть.“

— Ступай за жаною и привяди жану и сына, и дарю я тябѣ деньщика, пару лошадей и два мечи ѣхать за жаною. А у дароги, помни ты мае слава, ня бойся звѣря. а бойся чела-вѣка: челаѣкъ гаварить, а у яго за пазухай каминь ляжить.

И дау онъ имъ, царь, деннхъ на дарогу. Паѣхали. При-пжалтъ у сваю дярѣню, проситца на нычъ у сваей хазяйки въ аено.

— Вамъ нашлетъ таперъ ня йдетъ.

— „Чаво жѣ такъ ня йдетъ?“

— Мая изба каптѣлая,—вы добра адѣушись.

— „Да мы хуть ба абмарались, вѣтирь абдунтъ, сажа палатить прочъ. Пускайшъ?“

— Пускаю.

Патомъ таго мальчикъ кѣдантца пряма къ яму.

— „Мосить, я батья?“

А ина за яго, за мальчика, атвичайтъ:

— Батья твой быу худѣй, дренный!

Юнъ тада спрашиваитъ у жонки:

— Ти ўдава ты, ти жина?

— „Нѣтъ, я ни ўдава, ни жина: мужъ мой прапау безъ вѣсти.“

— А какъ ты яго спаминайшъ?

— „Када жиу, дай Бохъ добрая здароуя, а умеръ, чарствѣя Божѣ.“

— Харашо, галубушка; ета лоука!

— „Ну, малодушка, ета какой дѣдъ привединъ?“

— Ета у мене спитанецъ мой: мне питаитъ. хлѣбъ да-бываитъ, сынка кормить.

— „Што жѣ юнъ тибѣ парабатываитъ? Ты мнѣ, малодушка, атвичай, што рабатаитъ?“

— Пристау ты ка мнѣ, какъ попъ на духу. Я гаварю тибѣ: плитеть лапти, сикѣтъ дровы и спить са мною.

Патомъ таво, полна разгаваривать — пара уѣлнать садитца.

— „Мы — дарожныи люди: ѣсть хочимъ.“

— Чимъ потчивать? щи да хлѣбъ — больши ни чаво нѣтъ.

Онъ дастаетъ хлѣбъ чистый-ситникъ: съ сабой захватиу у дарогу. Ана думаитъ:

— Вотъ благодать пришла!

Сѣли ушпнать вси пять челаваѣкъ. И нарѣзаѹ іонъ бѣлага хлѣба, и мальчикѣ ушаѹ пяты яму ва калѣни.

Ина гаворить:

— Што ты къ еткимъ людамя лѣзишь?

— „Мосить, батька!..“

А яго держитъ крѣпка.

— Какъ ты, малодушка, ня можишь признать мужа?

— „Я яго аблуплинага магу узнавать.“

Распаризжайтца, паўжинавши, абъ упакою, какъ идѣ каму спать.

— „Купцы-паны, вамъ куть: аднаму на аднѣй лаўки, другому на другой. А ты, мальчикѣ, на печку! А мы съ дѣдымъ на кровать, будимъ хлѣба дабывать!..“

Аганекъ пагасил, лягли спать. Деньщикъ захрапѣѹ, а іонъ ня спить: сонъ яво ни бяреть. Даждаѹся тога времн, што хазяйка съ пубратимымъ спитъ какъ зѣ мужимъ! Разгарячѣѹся, узяѹ мечъ и пашоѹ жонки галаву сѣчь. Падашоѹ къ ней, намахнуѹся ужъ жонки галаву снятъ прями далой и уздумаѹ тутъ жа: Што мнѣ сказана: „намахнись, да ни ударь!“ и другой разъ намахнуѹся; третій разъ ангиль дѣрхъ—мечъ брыкъ. Тады плюнуѹ и пашоѹ спать. Какъ лѣхъ спать, да паўдня праспаѹ—хазяйка и печку сташила. Устаеть, умывайтца, ана падаеть яму абтиральникѣ, и падходить къ купцу, и гаворить:

— „Разсуди, мой сынъ, што я видѣла ва снѣхъ нихарашо!..“

— Какой жа ты видала сонъ?

— „Я видала сонъ. Прихадіѹ купецъ, хатѣѹ мнѣ снятъ галаву далой. Малодушка, я сплю на лаўки, а валюсь будта съ брыши, кроѹ астанувалась...“

— Тибѣ пригрезнилась. Брасай-ка прихмати: давай абѣдать.

— „А у мене усѣ гатова.“

— Садись жа и ты зѣ нами: будимъ трапезовать, и сынобъ зѣ нами.

Тады адтрапезывали. Іонъ платья далой и здѣлаѹся, ягъ мать радила. И атвичаить:

— „Ты гаварила: узнаишь, якъ аблуплиннага. Я твой мужъ, а твой законъ.“

— Прасти, мой друхъ! Вотъ тибѣ галава—сымай яе далой! Бухъ яму у ноги.

— „Вохъ тибѣ прастить—и я працаю. Паѣдимъ у мой домъ и сыныя возьмемъ съ сабою; а ты, што пользаваўся маею пуцїей—вотъ тибѣ домъ и харомы, аставайся на маёмъ мѣсти!..“

Сѣли на лошаты и паѣхали къ царю. идѣ царь яму пажа-лаваў домъ. Приѣзжайте къ царю.

— „Привезъ жану сваю съ сыномъ!..“

— Маладецъ, гаспадинъ купецъ! Таргуй съ сваею жаной, твари судъ и праўду: праўда гнила, да Богу мила.

№ 23.

Деревня Бердебяки Ельнинскаго уѣзда.

Сказка абъ Ивани Ивановичи, купечискимъ сыни.

Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ, спасаить ать паруганїя вобразъ Николы Чудатворца. Съ помышу Николы Чудатворца, ѣдитъ у ваексонскїй градъ на 'бломбахъ старыга атпоўскыга карабля. Никола Чудатвориць даеъ яму савѣтъ, якъ старечъ гробъ ваўшебницы, царскыи дочири. Съ помышу Николы Чудатворца И. И. алишіў ваўшебницю злэй силы и жанїўся зъ ею. Жонка И. И. пиридиваитца и дѣлаитца царимъ па Божьму суду (яе свича сама сабою у храми загаряитца).

У нѣкатарымъ царстви, ў нѣкатарымъ гусударстви, имина ў томъ, ў каторымъ мы живемъ, анажды случилися ў адномъ горыди, ища ета було ни сичасъ, а було при царю Юрибу. Жїў купецъ-сильный багачъ; було ў яго три сыны,—іонъ ихъ раздяліў на три двары; была ў яго адна дочка. Дочка пашла къ большимъ братамъ, а яны ѣздили таргувать па синимъ марямъ и пу большимъ гарадамъ. Самыга большага брата пубадила у слаўнымъ горыди Сывастопили: хатѣў іонъ пиряѣхатъ бухту на Малахаў курганъ,—патапила яго карабли бурнымъ вѣтрымъ. Упаў іонъ у большую бѣднысть: прадали домъ съпадъ ацѣнки; а када продали яво домъ, то іонъ ать скуки помиръ съ жаной,—асталася яво систра и сынъ яво, Иванъ Ивановичъ, у бѣдныи хатки. Ня мѣли яны ни куска хлѣба. Питалися яны пирцагками да насвами: тетушка визала, а имъ на рынѣ пасылала; іонъ прадаваў и тымъ сваю тетушку питаў. У адно ўремя ни було у ихъ хлѣба, у тетки были адны

пиршати гатовы, а другея ни гатовы,—ина яво паслала съ адными пиршатками:—„Няси, мой пляменникъ, дорага за ихъ ни праси, а хуть хлѣба приняси.“—Атдау іонъ ихъ за 6 капѣекъ. Въ адно ўремя (було ў етымъ жа горыци, идѣ аны жили) ѣхали каломинскія извощики; ихъ було только 2, на 6-ти лашадей, съ дарагими таварами. Близъ площади быу кабачокъ; еты извощики тамъ абѣдали, и прагуляу адинъ извощикъ 6 лашадей съ дарагими таварами. Адинъ тыварышь, какъ пабѣдау, такъ и паѣхау, а драгея таварышь прагуляу три дни тама, прашіу іонъ усе деньги. Цулуванникъ атправадіу лашадей у Маскву, а извощикъ усе гуляить. Прашнуѣся іонъ атъ свайга пьянства и спрашиваятъ:—„А идѣ жъ мой тыварышь?“—Паѣхау, пабѣдауши, а ты астаѣся водку пить.—„А йдѣ жъ мае лошади съ таварами?“—А ты ни знаишь?—„Ни знаю.“—Ты прашіу деньги и 6 лашадей съ таварами.—„Ну, хушь пахмяли маю галаву за 6 капѣикъ!“—Пахмялю, када деньги іостъ, а нѣту,—ў доўгъ ни дамъ.—„Паслѣхай, братъ, мяне: іостъ у мяне вобразъ св. Микола, вазми яго у мяне падъ заставу да заўтришнига вутра: іонъ за мяне паручитца, што атдамъ заўтри!“—Пашоу извощикъ, куда глаза глядятъ. А цулуванникъ застаўнѣй вобразикъ за бочку закинуу. Устаеть цулуванникъ рана пу вутру, свизау двѣ пары розкы, вынисъ абразикъ на вулицу и ударіу яво сапагомъ.—„Ты іосъ Микола, извощицѣй пуручитяль. Атдай 6 капѣекъ за водку: ты паручаѣси!“—У самую тую пору сирата Иванъ Ивановичъ прадау пиршати и ишоу двору, зайшоу къ етому цулуваннику пасматрѣтъ, каво іонъ сякѣтъ.—„Эй, пракалятый, ты каво наказыишь? Никаво ни видать, а ты наказыишь.“—А ты пасматри, каво я наказыю: я наказыю Миколу Чудатворца,—іонъ паручіѣся за извощика!—„А на сколько іонъ табѣ паручіѣся?—„А паручіѣся за 6 капѣикъ.“—„Ну, на табѣ 6 капѣикъ: атдай мнѣ яго!“—Узяу Иванъ Ивановичъ абразикъ и пашоу къ свайе тетушки.—„Тетушка, вотъ купиу я сабѣ абразикъ!“—У каво бушіу, пляменничикъ?—„А у пракалятава цулуванника: іонъ яво сѣкъ!—„А хлѣба принеся?—„Нѣтъ, тетушка, ни принеся!“—„Ну, што дѣлать? пирябудимъ и такъ!“—А яво два дяди сабирались у градъ Ваксонію съ разными таварами. Тетушка и гаворить: „Пляменникъ мой, сходи ты къ имъ: ти ни вазьмутъ яны тебе хуть съ хлѣбушка!“—Іонъ прибигантъ къ сваймъ дядимъ:—

„Дядюшки мае, вазмита вы мяне хуть съ хлѣбца: питатца нечимъ!“ — Нѣтъ, пламенникъ, узяўши табе, многа будить славы: ударъ табе — асудать бѣдуть, а мы вазьмемъ чужова: яво хуть ударъ — дыжь ничога, патаму — чужой; а табе мы узятыня можимъ! — Іонъ заплакаў: — „А какъ жа мнѣ бытъ?“ — Какъ хочишь, — хуть прапади! — Идетъ іонъ и плачить; стричантца зъ имъ старичокъ: — „Абъ чомъ плачишь, Иванъ Ивановичъ?“ — Какъ жа мнѣ ни плакать: мнѣ не чимъ питатца! — „Пайдемъ са мною на пристаць!“ — Пришли яны на пристынь. — „Вотъ видишь-ли,“ гаворить старикъ, паказывая на разбитый карабъ яво пакойнава атца: „паѣдимъ на іомъ у градъ Ваксонію!“ — Ну, паѣдимъ, — толька я пайду, спрашусь у тетушки! — Іонъ пашоў. Приходить дамой и гаворить: — „Тетушка, мяне братыя твае ни приняли, а пазваў мяне старичекъ ѣхать у Ваксонію на старымъ атцоўскымъ карабли!“ — Ну, када приглашають табе старикъ ѣхать у Ваксонію, то и я табе благаслаўляю: ѣдь! — Прибигаить на пристаць къ старику и гаворить: „Тетушка благаславила: када угодна, то я паѣду съ вами у Ваксонію!“ — А карабъ ужу гатоў: пачиниць, парусы натянуты и машты пастаўлены.

— Ну, Иванъ Ивановичъ, иди и сабирай, идѣ партнэя шіють, акраўки, а идѣ сапожники шіють, абрѣзки и кирпичъ старый, и нагруживай етымъ карабъ. — Яны етыва набыдали сейчасъ повинь, повинь карабъ. Паѣхали яны послѣ дядикъ за три мѣсица, а дагналі ихъ у три часа. Призжають у градъ Ваксонію. Приѣхали яво дядьки и причалили къ пристани: аны привязли разныхъ таварыў и разныга звирья. Набрали яны дарагихъ матерій Ваксонскому каралю у подарыкъ и паяесли. Яўлянтца Ваксонскій кароль на пристаць: — „А што, гаспада кушцы, ни слыхали нашива дива?“ — Нѣтъ, ни слыхали. — „У нашимъ гради, у манастырѣ, ляжить мертвая царѣўна ужу 90 лѣтъ; каждую ночь ана сьбидаетъ па аднаму чилавѣку; то вы начуй-тя у тымъ манастырѣ па ночы: — када приначунтя, тада будитя таргувать у гради Ваксоніи 7 лѣтъ бизданна и бизпошлинна; а къ вашимъ караблямъ я пристаўлю часавыхъ: я васъ ни пушу!..“ Такъ яны гулять да вечира, да дѣлыть то имъ нечига; нада идить у манастыръ начувать. Братъ съ братымъ сгаварились нанять начувать пляменника: — „Пляменникъ, приначуй за мяне!“ — А пайду упередъ спрашусь у дѣдушки! —

Приходить въ старику:— „Дѣдушка, мяне нанимають дяди начувать у монастыри!“— А я во што табѣ скажу: када будишь у яго прасить 2 карабля и дасть—начуй; ни дасть—ни начуй.— Приходить къ дядьки и гаворить:— „Ну, дядя, када даси 2 карабля, то пириначую!“— Ну, што съ taboo дѣлать? Бяри, только начуй!— Пришоў іонь къ свайму дѣдушки. Дѣдъ яму даў книгу патребникъ и гаворить:— „Ну, иди у монастырь, стань пиридь алтаремъ и читай. Што ана ня будить вытварять, ты ни аглядывайся назадъ!“— Пришоў у монастырь, а ли това монастыря навалина груда чплавѣчискихъ кастей съ большую харомину: усѣ пириндала царѣуна людей, а кости аставались. Пришоў іонь у церкву, пумалиўся Богу и паставиў абашылъ двярей свѣчи, стаў читать книгу. У самую поўнычъ, ана какъ выскычила зъ гроба и стала бѣгать па церкви; скидывалась пна разными звирыми и гадами, а іонь усѣ читайть, назадъ ни глядить. Дурачилась пна, пакуль пятухъ прапѣў. Тада ана ударилась вобъ зимь. Іонь яе падняў и палажиў у гробъ и паставиў яе у алтарь. Даў Богъ свѣтъ. Пришоў къ монастырю манахъ паслухатъ, ти жиў чплавѣкъ. Слышитъ, што жиў. Іонь яво выпустиў. На другую nochъ наняў яво другой дядя за два карабля. Ноччу ана што ни дѣлала, а іонь вытириў и ни паглядѣў назадъ, — ать страху у яго ажну кроў выступала. Ну, іонь выдиржиў.— Прадаў старичокъ еты карабли, а деньги атдаў Ивану Ивановичу. На третію nochъ нада идить Ивану Ивановичу. Старикъ яму даў 1 2 свячей и приказаў паставить абашылъ алтаря па 6 свячей и влѣў яму назадъ ни аглядыватца. Пришоў іонь у церкву, пумалиўся Богу, паставиў свѣчи и стаў читать книгу. У самую поўнычъ выскычила пна съ гроба, стала бѣгать па церкви, лазила па иканастасу и на калякольню: какъ ана ни бясилася, а стала и астипянилася, и прислушаватца, што іонь читайть. Какъ ана прислушалась, то іонь узяў книгу у руки, удариў яе по лбу и сказаў:— „Съ нами Богъ!“— Тады и пна сказала: „Съ нами Богъ!“— Тотъ жаразъ прапѣў пятухъ. Ана ужу ни упала, а стала поплить зъ имъ читать книгу патребникъ. Асіяла бѣлымъ свѣтымъ,— ана ўсѣтки читайть. Ишоў манахъ ачистить монастырь и паслхѣў, што у двухъ галасахъ читають; іонь ета дакладывайть царю. Царь гаворить:— „Ну, Ивана Ивановича привадитя ка мнѣ, а яе абвадитя кругомъ церкви 3 раза, вымытйя у бани, прича-

шты; тада привядитя ка мнѣ. — Иванъ Ивановичъ, какъ шоў, ать радысти ни зашоў къ свайму дѣдушки, а прама пашоў къ каралю. Привяли цареўну: то была красива, а то ящо красивила. — „Ну, Иванъ Ивановичъ, ты таперь будь мнѣ зять! — Часнымъ пиркомъ да и за свадибку. Сабрали усихъ инастранныхъ каралѣў на свадбу. Толька яво паставили паць вянечъ на адинь рушникъ, приходить яво дѣдушка: — „Здрастуй, унучикъ! а какъ ты смѣў жанитца бизъ майго дазволу? — Ина наша вѣбчя цареўна: ты яе вычитываў, а я яе вымаливаў, — яе нада намъ дялить!“ — Винувать, дѣдушка, пиридь табою, што ни паслушаў тваю волю, — а если хочишь, бари яе! — Старпкъ выхватиў кинжалъ и разсѣкъ на-двая яе тѣла. Парубиў яе на мелкия кусочки и вялѣў привестъ 12 вушатыхъ вады. — „А на што табѣ вода, дѣдушка мой?“ — А вотъ на што: вы видали, када я яе рубиў, то изъ яе паўзли разныя гады: мыши, крысы, лягушки, ящирки; — нада яе пирямыть, пирисартирувать! — Ионъ яе пирямыў 12 разъ, слажѣў уси куски, какъ яны были, и дунуў на яе Святымъ Духымъ. Ускочила она и стала такая чистая, што видна, какъ изъ кости у кость мозгъ прибигаить. — „Ну, Иванъ Ивановичъ, ты мяне атыупиў ать праклятыва цалуванника, а я тебе избавѣў ать бясоўскый силы и навѣў бытъ каралемъ: я — Никола Чудатвориць! — сказаў и скрыўся. Кароль Ваксонскый абвинчаў Ивана Ивановича на сваей дочки. Посли етой свадыбы одинь министръ пригласѣў Ивана Ивановича са сваею жанюю къ яму на обѣдъ. Жина яму гаворить: — „Сматри, милый, мы прѣйдимъ къ министру абѣдыть, стрѣнить насъ министръ, министирша, яво дочки тебе будутъ уси цалувать, а мяне министирша ни пацалуить. — пагребуйть, то ты прими ета ў капризь, варатись дамой и ня бѣдний у ихъ.“ — Иванъ Ивановичъ такъ и сдѣлаў: у министра яво и яво жану уси цалували, а министирша ни пацалувала цареўну — пагребувала. Иванъ Ивановичъ ни стаў абѣдать, а уѣхаў дамой.

Ана яму и гаворить: — „Найдитя такова рядчика, каторый бы знаў харашо Питярбургъ, и штоба мнѣ сдѣлали гардиропъ абъ 12 пакояхъ“. — Сдѣлали ей гардиропъ и привяли рядчика. Ана ў 11 пакояхъ палажила золыта и драгоцѣнную адежу, а ў двинадцатый улѣзла сама. Патомъ и гаворить на рядчика: — „Ну, дастаў ты мяне ў Питярбургъ, на Гарохываю вулицу, ў

Бизабразыѣ домъ!“ — Іонъ придаставиѣ гардиропъ у Питярбургъ, на Гарохывыю вулицу, ѣ Бизабразыѣ домъ. Патомъ рядчикъ гаворить: — „Идѣ тутъ Ивана Ивановича тѣтушка живеть?“ — Яму паказали. — И гаворить іонъ на тѣтку Ивана Ивановича: — „Вотъ табѣ падарыкъ атъ твайго племянника Ивана Ивановича.“ — Бупецъ атправіѣся дамой. Цареѣна паслыхала, што тѣтка яе мужа асталысь айна, гаворить: — „Тѣтушка, ти адна вы ѣ комнати?“ — Тѣтка абрабѣла: — „Адна!..“ — Тѣтушка, у двинацѣтымъ нумири іостъ винтъ. — вынъ яво! — Ана вынула и гаворить: — „Ну, што?“ — Цареѣна ей у дырычку падала ключи и гаворить: — „Атамени 12-й нумиръ“. — Ана атамкнула. Цареѣна вышла и гаворить: — „Ну, я жина твайго племянника Ивана Ивановича!“ — Стали яны паживать, адна другую уважать. Тѣтушка захатѣла чистить ей бумшаки, а айна тѣтушки — и мизъ ихъ сдѣлалась ссора. Тада ета цареѣна гаворить на тѣтушку: — „Тѣтушка, пасматрѣ: на вулицы ходѣть дѣвѣка!“ — Вижу. — „Ну, призавѣта яе, пажалуста!“ — Призвали яе ѣ горницу и гаворятъ: — „Дѣвѣшка, какова ты роду?“ — А я изъ-за Нявы ряки: атца зъ матирью у мяне нѣту — горькая сирата. — „Ну, наймись ты къ намъ служить: принесть вады, дроѣ, пачистить намъ бумшаки, платѣтя, схадитъ на рынкъ, принесть чаю, сахару, кохвию, цукорію.“ — Айна у ихъ нанилась. Адинъ разъ ана идѣтъ съ рынка дамой: упередъ, видѣтъ ана, идуть 2 купца (дяди Ивана Ивановича) и разгаваріютъ: — „Што, брѣтъ, слыхаѣ, што нашива племянника жина находитца у сястры?“ — Нѣтъ, брѣтъ, ни слыхаѣ! — (А яны етыва ни знають, што ета дѣвѣчка слуга яе). — „Ну, брѣтъ, харашо, када ана здѣсь: мы яе пазавѣмъ абѣдать къ сабѣ и атравимъ.“ — Дѣвѣчка пришла и сказала абъ етымъ цареѣни; а цареѣна сичасъ дагадаалась, што ета были дядьки Ивана Ивановича. Патомъ ана гаворить: — „Тѣтушка, нѣхай ета служанка служѣть табѣ да вѣку; я вазьму сабѣ женскыя и мужская платѣтя и шапку.“ — Пашла ана у горыдъ Аршаву, на Вислу ряку, идѣ Ягорыѣскія вароты іостъ. Была айна у ту пору адѣта, какъ харошія кухарка. У ту пору лавили рыбу 2 маладыхъ парни. — „Здрастуй, милыя дячонка!“ — Здрастуйта! — „Но ты работы пытаишь или атъ работы плутайшь?“ — Нѣтъ, я ни плутаю, а я мѣста у кухарки пытаю! — Наймись къ намъ!“ — Маждо. — Айна нанилась у кухарки къ рыбаловамъ. — Пражила айна мѣсиць, а, можа, надѣль

десять, — стали яны кала яе абхадитца ни такъ-та: стали съ сабою клась спать. — „Кухарка, спи съ нами?“ — Можна: только вы сходитя у баню, памыйтися бѣла, — вотъ тады у насъ будить дѣла! — Пака яны мылись, ина узила увесь ихъ капиталъ и пашла у Аршаў — горыдъ гулять. Пришли яны ў домъ, паглядятъ: ни кухарки, ни денигъ. Аны яе искали, искали и ни нашли. Ана хадила по горыду; стричаитца зъ ею палкоўникъ: — „Што, красавица, наймись ка мнѣ у кухарки?“ — Можна, ваша блугуродія! — Вотъ ина пражила у палкоўника мѣсиць, а, можа, надѣль десить, — захатѣў палкоўникъ любить яе. Ана гаворить: — „Ваша блугуродія, упередъ у бани памыйтися бѣла. — вотъ у насъ будить дѣла; салдатамъ дайтя вальготу: по дви крышки вина ды по дви каши.“ — Іонъ даў вальготу салдатамъ, а самъ паѣхаў у баню мытца. Пакуль іонъ памыѣся, ана узила шкатулку денигъ палкоўника, надѣла мужской платья ды й пашла па Аршаў — горыдъ гулять. Пашла ана на Вислу ряку, нанилась тамъ ў работники къ миснигѣ. А у ту пару у Аршави ни було царя: царъ помирѣ. Сабирались съ разныхъ земель карали и думали, каво паставить царемъ. Уздумали: — „Пагонимъ народъ у Ягорыўскія вароты: у каво свича загаритца, быть таму царемъ!“ — Праганяли: у самыхъ бальшихъ лицъ свѣчи ни загарѣлись. Стали праганять купечества — ни загарѣлись. Стали праганять работникѣў — у етый цареўны-работника свича загарѣлись. Тройчи праганяли — 3 разы загарѣлись.

Тутъ уси ў адинъ голысъ крикнули: „ура!“ — Духоўныя прапѣли: — „Многая лѣта!..“ Уси диржали присигу — съ бальшихъ лицъ и да малыхъ. Съ тризвонымъ и музыккю ували яе ў царскый дварець. Тотъ жа разъ привали харошига живапсеца; ана ў асобый компати завила сабѣ пувли и выходить, какъ царца. — „Вотъ табѣ горсть золыта; штоба быў патреть гатоў чиризъ три дни!“ — Живапсециць сняў снимыкъ и черизъ три дни написаў патреть. Ана яму дала 3 горсти золыта.

Валѣла ина свой патреть на талкушнымъ рынкѣ прибить на стоубѣ и приставила самыхъ строгихъ жандармѣў. — „Хто будить сматрѣтъ на мой патреть и смятца, братъ таво падъ стражу; хто будить ругать, таво бяритя падъ каравулъ.“ — Бѣгли два рыбаловы и засмѣялись, — узали ихъ падъ каравулъ: ѣхали два дяди Ивана Ивановича, увидили патреть, стали ру-

гатца, — ихъ узали падъ каравуль; Ёхаў полкоўникъ, стаў ругать патреть — и яго узали падъ каравуль.

Иванъ Ивановичъ пріѣхаў изъ Ваксоніи у Аршаву, увидаў патреть, стаў плакать, и яво узали падъ каравуль. Больши жандармы никакво ни видали, сняли патреть и пуваля, каторыхъ узали падъ каравуль, къ царицы. — „Што, рибяты, много-ли пасадили? — 6 члавѣкъ. — На заўтрига царица ихъ стала судить. Вывили рыбаловыў; ана и гаворить: — „Ета рибяты ма-ладэя, халастэя, — дачъ имъ по 100 рублей и выпустить“. — Вывили яе дядикъ: — „Дачъ имъ по 120 кнутаў и саслатъ на Сибирь“. — Вывили палкоўника: — „Ты какой палкоўникъ? Чиризъ женщины б...й ты салдатыў сбалуваў! Дачъ яму волчій билетъ, сламать яво шпагу на галавѣ и лишитъ дворянства.“ — Вывили яе мужа, ана гаворить. — „Ну, етыва вядитя ка мнѣ у палаты.“ — Вотъ ина пришла у палаты, стала яво абнимать цулувать, и стали яны двумя царствами упраўлять и тѣтушку привязли къ сабѣ.

Отъ старика Василия Михайлова.

№ 24.

Якъ салдаты три начи старажій пакойницу у бани, и яго хатѣли пагубить храмэя, сляпэя, кривэя и абъ 12 галавахъ; якъ потэмъ у церкви іонъ яе старажій и жаніўся зъ ею.

Какъ жиў адинъ купецъ миллионщикъ, и была у яго дочка валшебница. Наканецъ ина чувствовала сваю кароткую жисть, призываетъ свайго батюшку и гаворить: — „Ну, батюшка мой милый, батюшка любимый, я ужъ умираю, а што вамъ я буду приказывать, то вы исполняйтя тоя, какъ я умру: караульта мяне три начи ў бани и три начи ў церкви.“ Наканецъ, сдѣлаўши ўсѣ заяўленія, ина пумирла. Іонъ и давай нанимать гробъ дѣлать и яму капать; патомъ приказаў кавалю сдѣлать два абручи залѣзныхъ, улажиў яе ў гробъ и нагнаў ети абручи на гробъ и паставиў яе ў бани. Патомъ и давай нанимать старыжъ караулить етытъ гробъ съ купечискою дочкою. Вотъ и сагласиўся адинъ салдатикъ караулить. Приходитъ ночь. Іонъ узяў съ сабою свячей, ладану и книгу, пашоў ў баню, сѣў на стаўбѣ и давай книгу читать; читаў, читаў; патомъ у са-

мую полнычъ какъ лопнуть еги абручи, какъ лѣзить ина изъ гроба и гаворить:— „Хто тутъ такей при мнѣ іость?“— Увидла етыга салдатика на стаѣбѣ и гаворить:— „Эй, сляпэя, кривэя, сабирайтися сюды усн!“— Вотъ яны якъ сабралися и давай етыга салдата даставать са стаѣба: никакъ ня могутъ яго дастать са стаѣба. Патомъ пятухъ кукареку, то яны и прапали. Приходитъ етытъ салдаты, и купецъ яму даѣ сто рублей. Патомъ, узлѣвши деньги, іонъ пашоѣ у кабакъ и для смѣласти выпіѣ водки, сколько яму було нужна. Патомъ купецъ стаѣ прасить салдата на другую ночь, и ужъ набіѣ чатыри абручи злѣзныхъ, и гаворить:— „Ну, братъ, служіѣ ты мнѣ да барады, служи и да вуса. Вотъ табѣ двѣста рублей, только пириначуй и другую ночь!“— Іонъ сагласіѣся, набраѣ съ сабою свячей, узлѣ книгу и пашоѣ у баню, сѣѣ на стаѣбѣ и читантъ книгу. Падходитъ дѣла къ паѣночи; вотъ ина вылизаитъ изъ гроба, и абручи злѣзныя ѣрозъ. Ина и гаворить: „Эй, хто ета такей іость?“ И кричить:— „Сляпэя, кривэя, сабирайтися ѣси сюда!..“ Вотъ яны какъ идуть, какъ двинуть, и давай етыга салдата тянуть: хто ражномъ, хто кулакомъ.— Пароли, пароли, никакъ ни магли яго дастать. Патомъ пятухъ кукареку, и яны низнама—идѣ падивались. Вотъ іонъ слѣзъ са стаѣба и идетъ къ етому къ купцу. Вотъ іонъ и спрашітъ у яго:— „Ну, што табѣ тамъ було?“— А іонъ гаворить:— „Если хочишь спрасить, то можишь самъ схадитъ, а мнѣ пажалуй деньги.“— Вотъ іонъ яму атдаѣ деньги, а іонъ пашоѣ ѣ кабакъ и напіѣся водки пьяна-дѣ-пьяна. Патомъ и гаворить на яго етытъ купецъ:— „Ну, братъ, служіѣ ты мнѣ да вуса, служи и да барады: пириначуй ужъ и третію ночь!.. Вотъ табѣ триста рублей!“— Охъ, салдату ужъ какъ награзила, то ужъ и ня хочитца идить, да нечига дѣлать, нужна паслушать. Вотъ іонъ пашоѣ, набраѣ съ сабою свячей, узлѣ книгу, и нагнали на гробъ восмь абручей злѣзныхъ. Вотъ іонъ узабраѣся на стоѣбѣ и читантъ книгу. Только падходитъ дѣла къ полначи, абручи еты на гроби ѣрозъ, и выходитъ ина изъ гроба. Патомъ и гаворить:— „Хто тутъ іость такой?“— Патомъ и кричить: „Эй, сляпэя, и храмэя, и кривэя, и абъ двинадцатми галавахъ, штобъ были усн суды!“— Вотъ какъ идетъ самый ихъ глаѣный съ двинадцатми галавами, и пасабралися усѣ. Патомъ и гаворють:— „Ну, какъ мы яго аттуда снимимъ?“— А самый стар-

шіѣ съ двинадцати галавами и гаворить:— „А во какъ мы яго дастанимъ: идитя и сабаритя тѣ агарки, каторыя са боихъ старонъ палины.“—Вотъ яны набѣгли ў разные стораны и сабрали са боихъ старонъ агаркаѣ. Вотъ яны и падпалили етытъ стоѣбъ. Видить етытъ салдаты, што дѣла яго плоха: ужъ дабирайтца агонь да яво.—А патомъ пятухъ кукареку, такъ яны пашезли, а стоѣбъ етытъ завалиўся, и салдаты етытъ жиў астаўся. Патомъ даў Бохъ вутра, салдаты етытъ идеть къ купцу и гаворить:— „Ну, гаспадинъ купецъ, то мнѣ была бида ни бида, а сяводни мнѣ была бида: мяне саўсѣмъ стащили, такъ што стоѣбъ старѣў, а я астаўся, слава Богу, жиў.“—Патомъ купецъ атдаў яму триста рублей денигъ, іонъ и пашоў у кабаць, наліўся водки и приходить къ купцу, а купецъ пашоў къ кавалю и приказаў, штоба іонъ увесь гробъ паскуваў зялѣзымъ. Каваль ўсѣ ета исправіў. Вотъ купецъ приказаў, штоба яе нясли ў церкву и схаранили ў яму. Вотъ приняли яе у церкву, а пупа дома нѣту, поставили яе начувать ў церкви. Патомъ купецъ и гаворить на салдаты:— „Ну, братъ, начуваў ты ў бани, пириначуй ужу и ў церкви: я табѣ за ета палавину свайго имущества атдаю.“—Вотъ іонъ сагласіўся, и пашоў ў церкву начувать. Только нямнога ўремя прайшло, сичасъ абручи ети ўси ўрозъ; ина и вылизать изъ гроба. Салдаты и ўрабѣў, а ина на яво гаворить:— „Ня бойся, мой милый, я вижу, какъ ты мяне биягешъ и какъ ты много стараестя!“—Патомъ какъ абвила яго, а іонъ яе за шію крѣпка, такъ што яны ни магги разжатца. А пятухъ—кукареку, такъ ина и атсталась жива; ўзяў яе салдаты за руку и павѣў дамой. Пиривинчались, стали жить, да паживать, да добро наживать. Я тамъ быў, медъ, вино піў, па вусамъ тягло, а ў ротъ ни пупала. Эта сказка ўся и рассказывать нильзя.

№ 25.

Абъ Егари бизшастнымъ, якъ іонъ дочъ индійскага царя даставаў.

Въ нѣкатарымъ царстви, въ нѣкатарымъ гасударстви, а пминна ў томъ, въ каторамъ мы живемъ, быў нишасный Егаръ. Какъ на учення идеть, бьютъ яго, и ни йдѣ іонъ сабѣ щастя

ни найдить: худа жить. Памаліўся Богу и выбраўся ў дарогу. Пашоў туда, куда глаза глядять. Ишоў и день, и ночь, и нѣ-скалька дней: стащѣў Егарь бищасный няѣмши. Прибіўся къ рякъ. Хадіў, хадіў, два пиряходы нашоў. Узыйшоў на гару ать ряки и увидаў: стаить домъ. Тотъ Егарь бищасный ни пубыяўся страху: пашоў у тотъ домъ. Уходитъ у домъ: стаить станы, панакрыты скатиретими бѣлыми; на сталахъ стыять уся-кія вины, и стаить букаль. Егарь пашоў на комнатахъ и ни нашоў никога. Егарь и дивитца, што ета такая, якей тутъ іость житиль, што нѣтъ никаво, да хто та еты вини будить кушать. Егарь Богу пумаліўся, за столь садіўся, у лѣвую руку бяреть бакаль, а ў правую грахвинь, бяреть, наливаць и гаворить:— „За здароўя таго, хто іость у доми, я буду водку кушать.“ — Пакушаў Егарь винца и разныхъ другихъ кушаніў, вылизъ Егарь изъ-за стала.— „Слава Богу, што Богъ даў мнѣ пищу, а то прихадилась памирать!...“ Ходить бищасный Егарь на комнатахъ, у вяселымъ види, пасматрїть: висить кисеть на стянѣ, на гвоздику. Радъ стаў Егарь, што, вѣрна, етый ки-сетъ висить съ табакомъ: дай я яго сниму аттуда!.. Сняў Егарь бищасный кисеть, пасматрѣў: у кисети табаки нѣтъ.—только іость у кисети кремшикъ и мысатикъ. „Дай я папробую сига-нуть! Эта падарожнаму чилавѣку сгадитца.“ — Сикануў іонъ мы-сатикымъ на кремшкку,—выскакывають двинадцать малайцоў: голысь у голысь, волысь у волысь, глазъ у глазъ, глядять якъ разъ. — „Што табѣ ать насъ нужна?“ — А іонъ гаворить:— Нѣтъ, братцы, мнѣ ничаво ня нужна.—Яны узали и скрылись. Ходить Егарь на компати и завидіў кончикъ свѣчки.— „Дай вазму; ина мнѣ сгадитца хоть сапаги пачистить!“ — Торнуў Егарь бищасный етый свѣчкой абъ лѣвый рукаў,—выскачила шесть малайцоў: голысь у голысь, волысь у волысь, глазъ у глазъ, глядять какъ разъ и гаворють:—Што табѣ, Егарь бищасный, нужна?— „А во што: штоба была мнѣ папить, паѣсть и па-гулять.“ — Гатова, гаворють яны: садитесь и кушайте!—Егарь бищасный пакушаў. Патомъ вылизъ изъ-за стала, публагадаріў Бога и гаворить:— „Слава Богу: Богъ мнѣ щастя паслаў.“ — Вынимають мысатикъ и кремшукъ, ударіў мысатикъ абъ кре-мушукъ,—выскакывають двинадцать малайцоў: голысь у голысь, волысь у волысь, глазъ у глазъ, глядять якъ разъ и гаворють:— Што табѣ нужна?— „А во што мнѣ нужна: штоба даставить

мяне у индѣйскыя царства.“—Вотъ яны принесли яго уиндѣйскыя царства.—Хадіў іонъ па горыду и нашоў сабѣ квартеру скрытую. Дадина была комната, а ў тѣхъ комнати никто нигада ни бувайтъ. Приносить къ яму хазяинъ ноччу вужинать, и пашоў у ихъ разговоръ:—А што, хазяинъ, скажи, ни патѣй, іосьть у вашга царя Далмата дочка?—„Да, братъ, іосьть дочка и висьма красива, только ей усяго васимнадцать лѣтъ—Настасься Прикрасная.“—Кончіўши савѣтъ, разашлись. Бяретъ іонъ мысатикъ и кремушикъ, сибануў мысатикымъ, —выскачили двинадцать малайцоў: голысь у голысь, волысь у волысь, глазь у глазь, глядять какъ разъ и гаворють:—Што табѣ угодна?—„Штоба мнѣ была принесина Настасься Прикрасная.“—Сичасъ яе и принесли. Палижаўши съ Настасьсію Прикрасною, Егаръ сатваріў грѣхъ. Патомъ и гаворють:—„Ну, гаспада, идѣ узали, туда и атняся.“—Даў Богъ день, и гаворитъ Настасься:—„Видила я у ва снѣ, што я выла.—Во тамъ-то и тамъ-то, случіўся нада мною грѣхъ.“—Сичасъ сабрали думшихъ синатѣраў разгадывать сонъ. Думшія синатѣры ни разгадали. Паслѣдаваў приказъ сабратъ валшебницъ. Вотъ сабрали валшебницъ, стали яны гадать и разгадали сонъ:—„Ета ня сонъ, а праўда.“—А пачомъ праўда?—„Ета праўда па валшебнаму талисману.“—Даждаўши другей noci, насыпали гароху у мяшокъ и прарѣзали ў мяшку дирачку. Егаръ ипать то самыя дѣлаитъ: приказаў, штоба малайцы ипать принесли яму Настасьсію Прикрасною, —„Да сматрится: няситя ни путемъ, ни дарогую!“—Вотъ яны присвѣдчили и панясли ни путемъ, ни дарогую: пакамість данясли, дыкъ таго гароху нѣтути. Вотъ Настасься Прикрасная палижала съ Егаримъ и атправилась на сваю лажницу. Приходить хрелья къ Настасьсп, пасматрить: гароху нѣту. Тутъ сдѣлаўся па гораду большой розыскъ. Хадили, хадили, а толку ни нашли. Сабрались ипать валшебницы. Паряшили сабратъ маку два гарца и привизать къ ей и прарѣзать ў мяшкѣ малинкую дирачку. Даждаўшись, Егаръ, третій noci, бяретъ мысатикъ и кремушикъ, сякетъ, —выскакивають двинадцать малайцоў.—Што нужна, Егаръ?—„Штоба была мнѣ принесина Настасься Прикрасная! Да сматрится: няситя ни путемъ, ни дарогую, а ўсѣ равами!“... Прискачили, падхватали и панясли, ни путемъ, ни дарогую, а ўсѣ равами. Нямножка Настасься палижала—съ двинадцатага часу да шастога. Патомъ

и гаворить:—Ну, атняситя яе на лажницу!—То яны сколько ни насили, а макъ астаѣся ў мяшочку. На заўтрига сдѣлали большой обыскъ. Вотъ яны и нашли етѹ дарогу. Вотъ яны пришли у тотъ домъ, идѣ жиѹ Егарь. Нашли яны Егара и нашли макъ на лажницы, идѣ лажала Настасья Прикрасная. Вотъ и узали Егара падъ арестъ, атабрали у Егара талисманъ, закрепили яго у стоѹбъ и вялѣли яму выдавать хунтъ вады и хунтъ хлѣба. Прасядѣѹ Егарь двенадцать дней, приносить яму хазяйка мпастыню; іонъ и гаворить ей:—„Ахъ, хазяйка, ляжить у мяне кончикъ свѣчки, идѣ я спачиваѹ, на касякѣ, то ты придастаѹ мнѣ яе!“.. Хазяйка приходитъ рана па вутру и приносить яму миластаню и съ миластынню падаеть яму кончикъ свѣчки. Сичасъ іонъ бяреть свѣчку и третъ абъ лѣвый рукаѹ, выскакывають шесть малайцоѹ:—Што табѣ нужна, Егарь?—„Штоба разламить етытъ стоѹбъ!“—Нѣтъ, Егарь ни магемъ, патаму што мы маласильны!..—„А ти магетя вы старый талисманъ дастать у царя Далмата?“—А ета дѣла сичасъ бѹдуть гатова!—Сичасъ яму и даставили кремушикъ и мысатикъ. Сичасъ рубить абъ кремушикъ мысатикымъ, выскакывають двенадцать малайцоѹ.—Што табѣ угодна, Егарь?—„А што, вы ня видитя, што мнѣ нужна? Штоба етытъ стоѹбъ разбить и размитать и мятлою разместъ, штоба було усюдохъ роѹна!“—Вотъ яны склепъ разлумали, размитали и мятлою размяли. Увабраѣся Егарь за горадъ, павиливаитъ сваими слугами, штобы съ чатырехъ старонъ были навядины арудія, а пишаодамъ и щоту нѣту и конницы тожъ. Написаѹ канвертъ къ царю Далмату:—„Када ты мнѣ ни атдашь дачки у супружества, то я твае царства и спяку, и сажгу, и пѹпилъ размяту!“—Устаеть царь. ўходитъ у кабинетъ, пасматрѣтъ: на сталѣ ляжить пакетъ; іонъ прачитаѹ етытъ пакетъ, узяѹ падзорную трубу и пасматрѣѹ на ѣсѣ чатыри стораны, разматрѣѹ: многа силы сиради горада завлумилася, и гаворить:—„Нежили мнѣ царства кидать, то луччи дочъ сваю атдать!“—Сичасъ идеть стричать Егара съ музыкаю, хлѣбамъ и сольлю.

№ 26.

Якъ двѣ сѣстры брата загубили, а дудычка зѣ липинки тоя дѣла усимъ разсказала.

Была у хазяина двѣ дачкѣй рѣдныхъ и яще пасыннѣкъ, и пашли яны у ягады. Узяли тыи сѣстры и забили тога брата, при ў дарози закапали, рукавами примахали, чибатами притаптали. На ту магилку посадили липинки. Ишли два краўцы, сняли съ тѣй липинки дудачку и зайграли у тую дудучку:

„Патихѣньку, кравецъ,
Пумаленьку, кравецъ;
Была у мяне двѣ сѣстрицы,
Да ня роднинькыхъ,—
Яны мне загубили,
При ў дарози палажили.

Старшую дачку замыжъ выдавали, краўцы на свадьбу зайшли. Дядька нявѣсты и гаворить на краўцоў:

— Икая у васъ дудычка харошая—пынграю-ка я на ей.
Зайграла дудычка сваю пѣсню.

Пупрасила дудычку нявѣста, а дудычка ей играить:

— „Патихѣньку, змя,
Патихѣньку, лютая!
Была у мяне 2 сѣстрицы,
Ды ня роднинькыхъ:
Яны мне загубили,
При ў дарози палажили,
Рукавомъ примахали,
Чибатомъ притаптали,
Липинку сажали.

Пасматрять падъ липинкѣй, а тамъ кости брата тыхъ дѣвѣкъ лижать. Узяли ихъ къ коньскимъ хвастами привизали; растаскали кони ихъ тѣла на чистомъ полю, дайжа и кости-чигъ ни звайшли.

№ 27.

Абъ чилавѣки—што ни паспить, сто залатыхъ падъ падуш-
кый іўляитца; абъ цареўни—ина па компати бѣгаитъ, а жа-
нихъ ей деньги сыпъ, пакаместъ ина ни притомитца; якъ
яна жаниха свайго правадила, а потэмъ іонъ яе атхадіў,
рохъ присадіў; потэмъ атхадіўши, выличіў и жаниўся зъ
ею. Абъ ваўшебныхъ: 1) типлятахъ, 2) шапки нивидимки,
машнѣ трясейки, плети, 3) яблачныхъ.

У мужика курица знісла пару яечкѣ у торговый день.
Іонъ ету пару яечкѣ пѣнисъ прадавать. Спрашнѣтъ яўрей:

— „Нѣтъ ли чаво прадажнава?“

Жйду гаворитъ мужикъ:

— „Пара яечкѣ іостъ.“

— Што ты за нихъ хочишъ?

— „Пятьдѣсятъ рублей.“

— Свиння мужикъ! па капѣйкѣ яичка.

Мужикъ пайшоў, идетъ каля лавыкѣ.

Купецъ увидаў и спрашнѣтъ мужува:

— „Што прадаешъ?“

— Пару яечкѣ.

— „Што табѣ за ихъ?“

— Питьдѣсятъ рублей. На етыхъ типлятахъ подписъ: када
типлятки выйдуть, тады тыхъ типлятыкѣ абжаритъ, зѣбѣсъ кры-
лушки и ножки: атъ етыва будитъ са сну сто залатыхъ іўляитца
падъ падушкый.

— „Вотъ табѣ, братъ, питьдѣсятъ рублей, вотъ табѣ чет-
вирть иржи награды, и тебе прашу: яси ихъ дамоў, падесыпъ
падъ насѣдеу,—и кыда ети типлятки выйдуть, то тыда приха-
ди ка мнѣ: я тибѣ дамъ крупы.“—Етытъ мужикъ насѣдычку
пасадиў, и вывила курица пару типлятыкѣ. Іонъ пашоў, етытъ
мужикъ, къ купцу. Купецъ даў яму крупы, даў яму и муки,
и што яму была нужна—усяго даў.

Када мужикъ пришоў дамой и разсказаў жанѣ, то ина рада.

— „Слава Богу, што Бохъ паслаў намъ таланъ такую.“—
(Мужикъ ни знаитъ, што ета угодныи яечки были).

Када типлятки пулавыйшли, имъ ужъ три надѣли, мужикъ
приходитъ къ купцу.

Купецъ мужику гаворить:

— „Вотъ тябѣ, братъ, валà на гавядину и десить ведръ вина; вотъ тибѣ муки четвирть.“— Даеть яму крупы пять пудъ— и иминна, штобы была усяво дастатчна.

— „Здѣлай балъ, пригласи и мене будта бы и пупраси купцоу, маихъ ближнихъ сусѣдѣу, штоба мнѣ ня стыдна была къ табѣ прѣхать на балъ—а мнѣ твае угашеніе никакоя ни нада, только для мене пару типлятыкъ тыхъ зажарь.“

Ета была пригатована усѣ.

Зѣхались, каторыя были запрошины; пили, гуляли.

Наканецъ, када атыйшоу столъ, тады іонъ, етый купецъ, гаворить:

— „Пажалуйтя, хазяинъ, мнѣ тыхъ жаринныхъ типлять!“

Подали яму типлять. Пасматрить на типлять: аборваны крылушки и ножки.

Купецъ за ета аспрчау и гаворить:

— „Самыя нужныя аборвана, за каторыя стоить мнѣ пятьдесятъ рублей—крылушки и ножки.“

Ать бальной дасады купецъ пуѣхау и мужика етыва разбраниу. Мужикъ етый начау слѣдывать, хто такей ета здѣлау: типлять абарвау. Сынъ яго, мальчишка, аказалась, абарвау. Іонъ на яго злэй годъ, што таперича іонъ яво живого ня пустить, якую іонъ праказію здѣлау. Етый мальчишка спужауся и дау ходу; забижау у дальнію дярёуню.

Приначувау. Приначувамши, забрауся падалій, астана-віуся у аднэй удавѣ.

Та яво узла къ сабѣ:

— „Живи у мене, паси у мене скоть!“

Жалѣла пна яво и приглядала, якъ свайво рабенка. Нѣскальки лѣтъ іонъ пражіу; стали яво люди стыдить:

— „Тибѣ стыдна жить у няё и пастивить скоть.“

Іонъ падумау, и гаворить:

— „Тетка, ня буду я у тебе жить—найду я ать тебе.“

— Пагади торговыга дня.

Тарговый день пришоу. Ина сказала:

— „Пайдемъ са мною, у горыдъ;—я атпущу тебе.“

Пашли яны у горыдъ, купила яму адѣжу, усю, якъ даужно, зѣ нохъ да галавы, и купила яму лошадъ и сядло, и сто зылатыхъ дала яму на дарогу, а етыва пна яму ни сказала пра

яво таланъ, што іонъ, якъ паспить, такъ у яво надъ падушкый сто зылатыхъ іўлянтца.

Сказаў іонъ теты:

— „Блыгадарю, и пращай!“

И паўхыў.

Нёскалькі уреми праўхаў, занжанты къ яўрею и спрашпты, іостъ ли авёсь и сёна, и яму абѣдъ. Яўрей твнчапты:

— „Милннъій, усё іостъ ли тебе.“

Іонъ застануваўся, начаў ібѣдаты и лошаты карматы; пабѣдамши, захатѣў атдыхнуть — устаў, расплатіўся за абѣдъ и паўхаў. Нёскалькі уреми праўхаў, захатѣў спаты. Іонъ астануваўся, зъ лошади сядло сняў, падлажіў сядло у голывы и лёхъ спаты, лошаты навизаў. Прашнуўся надъ вичпръ, начаў лошаты сдлатъ, пасматрытъ: надъ сядломъ сто залатыхъ. Іонъ денгн узаяў, сѣў и паўхыў.

— „Слава Богу, ища денгн іостъ.“

Паўхыў ипаты къ яўрейки, идѣ лошаты карміў, а яўрейка нашла надъ падушкый сто залатыхъ. Якъ къ яўрейки пріѣхыў, такъ яво устрнчапты она и гаворпты:

— „Якой ты чплавѣкъ, што мнѣ здѣсь якую бяду заставіў?“

— Ябу бяду?

— „А сто зылатыхъ забыў падъ падушкыю“.

— Я за пми и пріѣхаў.

Денгн пулупіў и, узнаўши абъ сванмъ щастн, начаў збрпратъ денгн, сабраў множпства и уздумаў жанпнца съ етапымъ щастпмъ.

Праслыхаў: у аднаво царя іостъ дачеа, каторая ни хатітъ за бѣдныа итпты.

— „За таво ппйду, хто мпне заморпты у горнпцы дпнгамп: кожпнъ разъ, якъ на горнпцы ппрпйду, двадцаты ппты рублеп вымап!“

Етпты чплавѣкъ атызваўся, пріѣхаў къ ей и гаворпты:

— „Сыгласпнъ.“

И начала пна хадпты на комнатамъ. Якъ разъ ппрпйдѣтъ, то 25 руб.; сколько разъ ппрпйдѣтъ, усё на 25 руб. Дакъ она хадпла, хадпла и щотъ мпнула, а іонъ усё пу 25 руб. платіў за кажпнъ разъ и щотъ пптырпў. Тада пна замарплася, пптребывала креспль.

— „Садись, мой друхъ! ты мой жанихъ!“ Патребывала вотки и начала яво гастить. Да таво гастила, пакуль іонъ здѣлаўся хмялёнъ, а тада начала распрашивать:

— „Съ якова званія?“

— Ды проста изъ мужикоў.

— „Идѣ казну такую узяў нибнакнавенную?“

— А я зѣў у двухъ тплять крылушки и ножки, ать етыва у мене здѣлалась тылань: падѣ бырадою вырысла костычка малинькая за шкуруй.

Ана яво пырядкымъ распрасла, а тыда яво начала спавать—ды таво напала, што іонъ съ кресла упаў и здѣлаўся бязъ чувствія.

Тада царьская дочь съ-пыдѣ барады вынула костку, прыызала яго вытащить вонъ, бросить, якъ свпнню, у роў.

Іонъ усѣ спаў. Якъ прашнуўся, видитъ, што лпшїўся щастя, и пашоў биднячкомъ.

Нѣскальки ишоў,—дярутца три браты. Іонъ къ имъ пыдайшоў и гаворить:

— „Братцы, за што вы дяретисъ?“

Яны яму атказыють:

— „Помиръ нашъ атець, и застался три вещи: мышна-трясейка, шапка-нвидимка и третія плеть. Мышна-трясейка, што болій трясешъ, то болій денихъ; шапка-нвидимка — надѣнь яе на галаву, и тады, што хочишь, бари; плеть — махнешъ бытаўёмъ — представитца кабыла, а хлопнишь — дыкъ дѣўка. Кабылу прыдашь — деньги; дѣўку прыдашь — деньги; шапку нвидимку надѣнишь — никто ня ўвидить.“

— Вы ни дяритисъ — я васъ рассужу. Атдайте мнѣ уси етыи вещи. (Яму атдали).

— Сами-жъ атыйдитя къ тому дереву и бягитя ка мнѣ. Тыда, ваторый уярѣдъ прыбягить, тому усѣ три вещи.

Яны такъ и здѣлали.

Якъ атдалились ать яго, іонъ узяў шапку нвидимку надѣў; яны яво ни видала, усѣ дураками стыяли.

Пра царейну уздумаў, атправиўся къ ей, абазваўся жинихомъ.

Тада ина начала хадить тиризь комнату; пагуль хадила, накаль затамилась, а іонъ усѣ клаў па 25 руб.

Патребывала креслы и сѣла зъ женихомъ.

Жанихъ думать:

— „Тада пна мене абманила: ну таперича ни бманить.“

Патребывала вотки и начала жиниха сваго паить. Жанихъ пувисялѣў; тада начала ана распрашивать:

— „Якова ты званія и йдѣ стольки денихъ набраў?“

Ионъ усе ей аткравенна пуразсказаў.

Цареўна разгарѣлася на яво вещи, штоба ихъ атабратъ. Начала болій яво спавать,—да таво спавла, што ионъ съ кресла упаў; тада пна усѣ три вещи атабрала, яво раздѣла, приказала:

— „Вытащитя яво на дворъ и бросьтя яво у роў, язъ свинню.“

Прашнуўся няскора, наглядить: чистъ, язъ липинку абадрали—нагъ и благъ, яво нѣтъ ничаго. Пайшоў у поля, хатить ѣсть. Знайшоў у поли яблань; на тэй яблыни яблычки крупныи. Ионъ узрадуваўся, што хуть жа яблыкъ пайдаить. Сарваў яблыка и зѣў—вырысь у яго рогъ на ўбу да самыхъ нохъ. Ионъ пувалиўся, думать: была нищастя и горя,—таперь пагарчѣла: за рогымъ прайтить нильзя:—якъ пайдешъ, а рохъ упирать у землю. Ионъ палозъ бокымъ, увидаў на пыли яблынку зъ мелкими яблачками. Ионъ яблычка сарваў и зѣў—у няво рохъ атвалиўся.

Ионъ тады гаворить:

— „Пастой жа, вещи мае ня прападутъ, што мене цареўна абабрала хмельныва.“

Ионъ узяў съ етэй яблынки вырвыў пять яблыкъ и пашоў у горыдъ; спрасиў, въ каторую церькву ѣздить царская свита. Яму тамъ показали. Ионъ спѣбъ купиў столикъ, на вулицы паставиў и палажиў пять яблыкъ, и садить.

Када цареўна, нарячонная нявѣста яво, ѣхала къ абѣдни и увидла на вулицы яго съ яблаками, пасылать служанку сваю:

— „На вотъ табѣ денихъ, служанка!“

Приходить служанка къ етому прадаўцу, каторый ли столика прадаеть яблыки, и спрашнить:

— „Прадаешъ яблыки?“

— Прыдаю.

— „Што жъ ты возьмишь за яблыки?“

Мнѣ тибѣ ни прадать. Ета ни ли тибѣ — каму нада, тѣй самъ купить.“

Пришла служанка и доклѣдаить:

— Гаспажа, вотъ такъ и такъ.

Царская дачка пу ўсаму горыду запрястила таргоўлю, штоба, пака абѣдня ни тыйдеть, то ва ўсимъ горади штоба праджи не была ни на адну капѣйку!

Када абѣдня атыйшла, царская дачка падъязжанть къ етому прадаяўцу, каторый яблаками таргунть:

— „Прадай яблыка!“

— Купитя!

— „Дорыга ли ано?“

— Двацать пять рублей.

Царская дачка яблычка купила. Взпла яво у платокъ, заваратила, пувизла яво домой. Пріѣхамши, пашла у сваю спальню и удіўлялася, смотрючи на ета яблыка, аткуль ета таюя яблыка зарадилася—очень крупна и харошій наліў, и началъ иво бушать.

Скушила ета яблыка—вырысь у няе рохъ да самыхъ нохъ, и сидить ина, якъ чучила. Посли таво, пришоў царь и смотреть на сваю дачку и спрашійть, што съ табой здѣлалася. Ина твичанть:

— Зѣбла яблыка—дакъ вотъ аттаво у мене и вырысь рохъ.

Царь начаў атыскивать врачоў, дядоў, бабыкъ, штоба маг-ли етыть рохъ у дачки яго снять, и ниhto ни мохъ етыва рога снять. Палавину гусударства атаваў, только рохъ сыми.

Жанихъ, каторыва ина абманила, атазваўся:

— Я магу пснять съ цареўни рохъ, только штоба ў доми ни було ни аднѣй души: только ина, царская дочка, да я, и чисавыя, штоба были на двиряхъ, штобъ никаво ни прупустили ни ў домъ, ни съ дому. Сроку я даю 2 часа;—якъ два часа накончитца, тады прашу итить у домъ.“

Етыть жа жанихъ наряченный приходить къ цареўны.

— Харашо ль тябѣ етакую уродыю быть? Успомни прежніи дѣла, якъ мене абидила: вынула у мене съ-падъ барады щастя, яцо атабрала машну-трясейку, шапку-нивидимку и плеть. Дакъ вотъ я тибѣ прашу паварочи, штоба была меній клапатоў: атдай мае усѣ еты вещи—тады у тибѣ рага ня будить.—Ина сагласна атдать:

— „На вотъ тибѣ ключики, приди у спальню маю, и тамъ ву шкатулки лизать усѣ твае вещи.“

Ионъ пашоу съ ключами, шкатулку знайшоу, атваріу, и усн вещи свае знашоу и забрау. Тады приходитъ къ ей и гаворить:

— „Благодарю, што атдала. Пака жѣ таперича зѣшь мелничная яблычка.“

Звѣла цареуна мелкия яблака, у няе рохъ атваіулся, и гаворить ей:

— „Ну, што, нявѣста нарячонная, икаво тибѣ зѣ рогами была жить? Вотъ такъ и я атъ васъ пастрадау,—дакъ ящо тибѣ ня усѣ страданія.

Узяу нарячонный жанихъ зѣ касы и пачау яе плетью драть, сколько хатѣу. Ина справила крикъ. Часовая гаварять, што кричить цареуна.

Тутъ далажили, пасматрѣли на часы, што двухъ часоу нѣту: „Ионъ, вѣрна, атрѣзантъ рохъ...“

Ионъ жа яѣ дяреть плетью. Якъ атадрау, тады ударіу яе батауѣмъ, и здѣлалась цареуна кабылицый.

Тѣй атходчикъ надѣу шапку-невидимку и пубижау изъ даму; кала часовыхъ прабижау, яны ни видали.

Два часы прайшло—уходитъ туды у домъ самъ ампира-тырь. Пасматрить: яво дачки нѣтути,—тольки што ляжить на палу рохъ аграмадный, а па залу ходитъ кабылица пѣгая.

Царь вожаснуѣся, што ета значить такавдя. Приказау ету кабылу свестъ на канюшню. И многа уреми етыва протякло, царь абвяситіу па усѣму гасударству, што прапала дачка.

Кабылицу пѣгую падкували, а по царскый дочекъ память—саборъ начали строить. Тада царь заявіу ня то, што па сваимъ гасударству, такъ па усѣхъ зимляхъ:

— „Хто ба мохъ маю дачку атыскать, то я атдаю усѣ сваѣ гасударства на вѣшнюю диржаву, а за таго бѣ дачку атдау!“

Сыскауся тѣй самый, што плетью яе атадрау, гаворить:

— „Царь, я вашу дачку атыщу.“

— Што вѣзьмишъ за ета?

Пѣгую кабылицу—болій зѣ васъ ничога ни вазму.“

Царь абидіуся:

— „Што зѣ мяне мала бярешъ?“

Якъ кабылицу атдали яму; павёў яе у кузницу, раскуваў и паставіў на навозъ, пакуль кашты зарасли.

Тады приходить къ кабылицы, хлопнуў плетью — и стала ина дявицью. Царь стаў радъ, и яво признаў за зята, и усю диржаву яму атказаў, и дачьу за яво сваю атдаў.

Я тамъ быў, медъ-вино піў; даў мнѣ синь кахтанъ — куда паду, гаворять:

— „Синь — харошъ, синь — харошъ, а мнѣ кажись: скинь, да паложь!“

№ 28.

Суита мышки съ вирябьемъ, абъ быгатырѣ-арлѣ, абъ купеческимъ сыни Василии Ивановичи и сыни яго Ивани Васильевичи, абъ присыпанки, нявѣсти Ивана Васильевича.

Какъ сыгласіўся вырабей п зъ мышкью на зиму сабѣ хлѣбъ гутувать и здѣлали пичару сабѣ у поли, у зямли. Пакель вырабей принясетъ сабѣ у пичару разъ хлѣба, а мышка два. Стали етый хлѣбъ зимою ѣсть: пака мышка абшалушитъ разъ зернушка, ядрушка галде бяретъ, а мякинку брысаить, а вырабей саўсимъ и зъ мякиною клюеть. И стала мышки абпдна супрыти вырѣбья. Сычасъ п гыварить: — „Ты, вырабей, пыка я зернушка, а ты два, три яси.“ — Вырабей и гыварить на мышку: — „Ты, мышка, на панскый лини живешь, а я — на мужицкый: я ѣмъ зъ мякинью, а ты ядрушка абшалушиишь; — ты большій зы мяне хлѣба портишь: я ѣмъ зъ мякинью, такъ табѣ падаецца, што маё большій.“ — Нѣтъ, вырабей, гыварить мышка: я съ табою такъ ни сыгласна умѣсти жить и такъ хлѣбъ ѣсть. Якъ мы етый хлѣбъ насили, давай мы таперича падѣлимъ етый хлѣбъ урозъ: пусть ни табѣ, ни мнѣ ня будить гнѣўна. — Ну, и стали хлѣбъ етый дялить. Падылили роўна, астаецца адно зернушка; мышка спорить, што „мнѣ ета зарно слѣдуить“, ну, а вырабей сабѣ бяретъ. Спорили яны доўга за ета зернушка, но между етыга сами съ сабой ни разабрались харашо, и ни падылили ета зарно. Гыварить вырабей: — „Пайдемъ, мышка, съ табою на судъ: стрѣнимъ звѣря или птицу, раскажимъ имъ пра ету нашу дяльбу.“ — Стрѣли яны ильва и арла. (А зернушка ета, каторыя ни падылили, съ сабой нясутъ). Гывырать

яны ильву и арлу:— „Сильный леў и сизый арель! Разсудитя насъ па закону Божьиму: какъ мы сыгласились зъ мышкью сабѣ на зиму хлѣбъ гутувать, но тольба стали мы умѣсти ъсть: я ѣмъ съ шалушкью, а мышка голая ядро; я пумушицкью ѣмъ,—значить зъ мякинью, а ина голая ядруша,—значить, пы гасподскью—и мякинки ня хочить: ина и болій зыдаить, значить, зы мяне. Ну, йна захатѣла дялитца ўпяредь, а я ни хатѣў.“ — Яны, сизый арель и сы львомъ, и думють, якъ ихъ разсудить. Арель и гаворить на вырабья:— „Нутка, вырабей, клюй зернушка паскарѣй!“... Мышки ета стала гнѣўна и абидна проти варабья, што яго права пувизла. Вотъ сичасъ леў и гаворить на арла:— „Ну, арель, и я бы, можа, разсудіў, якъ ты. Ну, якъ я іось звѣрь сильный, а ты птица,—ну, ўсе такъ ты ни даўжна судить упередь за мяне; ета ты проти мяне разсудіў;—то давай съ табою ваюватца: я ў гнѣў ета приняў.“ —И давай яны на чистымъ поли битцарубитца, сизый арель сы львомъ, и збіў-скалатіў сизыга арла леў, ни иднаго пира на іомъ ни аставиў— „Ну, вотъ табѣ, сизый арель, за тваю вину: якъ ты ўпередь мяне судіў.“ — Сизый арель заплакаў и суміўся спчасъ сибѣ:— „Придетца мнѣ на етымъ поли таперича прападать, галодный смертію прападать!“.. Ну, и глянуў іонъ на ўсе чатыри сторыны, сизый арель, и увидіў іонъ стаги пшонныя купечискія; пыватиўся да тыхъ стаговъ котымъ и узлѣзъ на стогъ, каѣ-якъ, на верхъ. Патомъ купечискій сынъ, каторыга были еты стаги, пашоў на ахоти ахотитца и нийдѣ ничаво ни забіў, и пашоў къ сваей пшанѣ пасматрѣть стагоў, штоба яны ня ѣлися и ни тигался, и замѣтіў етыга сизыга арла на стагу, съ сянную капу, и гаворить:— „Вотъ якая-то птица сядить: вотъ здѣсь я паахожуся!“.. Прилажіўся яго бить зъ ружья. Арель сизый и гаворить:— „Эхъ, купечискій сынъ, ня бей ты мене: мяне и такъ убили бизъ тябе; а кагда жилашъ ты, купечискій сынъ, Василій Ивановичъ, вазьми мене на три гады пакаръмить. кагда ў тябе капиталу хватить: кагда, дастъ Богъ, перья маѣ абрастетъ, то я табѣ тваю пабиду за три гады узварачу у трай.“ —Купечискій сынъ спрашійть у сизыга арла:—А сколько табѣ нада харчей у три гады?—Арель гаворить:— „Я вамъ раскажу, купечискій сынъ, а вы ращитайтя, таякъ какъ вы імѣитя щоты у гдыви. Я знаю, што вы—купечискій стиска-

вочинь багатый,—апрча вась мяне нхто нмагетъ пракаръ-
 мить; но хатя и ни хватить у вась капитала, на кольки ўрема
 вы можитя занять: я вамъ у-двоа, у-троа вашу пабиду зварачу.
 Кажныи сутки мнѣ нужна харчей атъ вась пулучать пу 12
 паръ валоў; но у етымъ вы ни сумнвайтисъ: я вамъ усе ета
 узвырачу, када мнѣ Богъ дастъ у вась абрость и пулучитъ
 силу сябѣ.“—Іонъ и стаў шитатъ, на щоты битъ, ти хватить
 у яго капиталу пракармить арла три гады: на два съ пыла-
 винью хватить, на паўгода ни хватить,—толька астаецца адна
 рубаха на мнѣ.—„Ня бойся, купечискій сынъ, идѣ нибудь зай-
 мешъ, а мне вазми къ сябѣ и прыкарми три гады, а я
 тваю пабиду у-троа узварачу.“—Ну, іонъ узяў яго въ сабѣ
 кармить; пракармиў усе свае имущства. Жана на яго и га-
 ворить:—„Дуракъ дурака и нашоу: идѣ табѣ птица варотить
 имущства, увесь твой капиталъ, каторый у тебе бѣу?!..
 Мерзкій ты, такой-еткій, вазми яго выниси на площадь, на
 дварѣ и убей етыга арла-птицу?!“.. Узила яво дысада—и,
 дѣйствительна, быдта жана гаворить прауду. Саскребъ арла за
 сиза крылья и панесъ яго на дворъ битъ; пасадіў яго на ся-
 редъ двыра и прицѣліўся яго битъ зъ ружжа. Арель сизый
 гаворить яму:—„Охъ, Василій Ивановичъ, купечискій сынъ,
 пользу ты етымъ ни палучишь, што мне убьешъ, а пабида
 твоя ўсѣ прапала... Ня слухай ты жаны: якъ ня битца, а
 мяне карми. Болій ты мяне кармиў 2½ года, а паўгода якъ
 нибудь карми: занимай у-двай, у-трай, а карми, а ня слу-
 хай жаны: а то ўсе твае прападетъ, што ты мяне кармиў.“—
 Пяты узяў за яво сизыя крылья и панесъ у горницю; пяты
 стаў кармить. Пазычдў у-двай, у-трай, усе кармиў яго; ну,
 и такъ яму нхто ня вѣрить, ни хваталтъ и сабѣ куска хлѣба
 зѣсть. Жина пяты разнѣвалася и стала яго ругать:—„Мерзкая
 ты еткаа сволачъ, идѣ ты видіў, што бѣ табѣ птица усп па-
 бѣды узрачала у-двай, у-трай, у-пятира?!.. На табѣ нѣту
 валасоў стольки на голыци, сколько у тебе далгоў, и сваѣ ба-
 гатыя бящотныя имущства ты правѣў... Я табѣ гварю:
 вазми ты луччи яго забей...“ Апяты іонъ, атъ дысады ти-
 жало уздыхнуўши, и панесъ на дворъ арла битъ. Гаворить
 арель на купечискыга сына:—„Сынъ купечискій, Василій Ива-
 нывичъ, ну, меній таперъ асталысь кармить мяне—адинъ тольки
 нушкъ: ни слухай ты жаны,—ну, карми мяне адинъ мѣсиць:

а то пользы ни палучишь, што мяне забьешъ, а то тваё имущества усе прападетъ, и закабалинь астанисья ты сильна у дауги...“ Ионъ яго апять узяў за сизокрылля, ипять панесъ у горницу, ипять корымить, и ни дакорымить только трехъ дней да трехъ гадоў, а изъ силъ выбіюся: ништо яму ян вѣритъ. Ипять жана крѣпка усердилысь:— „Мерзкая сволычъ, што ты самъ сабѣ думашь?!.. Калі ета було, штоба іонъ тваё узваратіў?!.. Убей яво!...“ Ионъ апять крѣпка уздыхнуў и пашоў арла битъ.— „Ну, сизъ арель, вѣрна усе мае прапала: идѣ табѣ усё узваратитъ?— Охъ, Василій Ивановичъ, купеческій сынъ, карміў ты мяне три гады, а тяперь асталысь кармить три дни. Явъ ня бейся, якъ ня бейся, ну дыстанъ на еты три дни 70 валоў... Жаль самаво сябе и жаль тебе, Василій Ивановичъ, купеческій сынъ! Нясмѣтныя ты сваё имущества усё пракарміў мною и у доугъ вочинъ залѣзь многа,— а якъ ты мяне убьешъ. самъ прападешъ и я прападу: ну, якъ ни битца, а дастанъ ты мнѣ на етыхъ три дни харчей 70 галоў!.. Василій Ивановичъ ипять узяў яго за сизокрылля и панесъ у горницу. Ну, якъ ня біўся, даставіў яму на троя сутыкъ 70 галоў. Тады и гаворить етый арель на купчаскыга сына Василія Ивановича:— „Благодарю я тябе, купеческій сынъ, Василій Ивановичъ, за хлѣбъ, за соль, за то, што ты мяне пракарміў три года: только ты мяне три разы вочинъ испужаў, такъ што у мяне уси жылы замерли и астанавилысь уся кроў. Ну, я на тябе за етый страхъ ня гнѣваюсь: жана тябе у большую дасаду увадила. Ни убойся мяне, Василій Ивановичъ! я табѣ такей страсти ни узвырачу!..“ (Ионъ быў, етый арель, сильный и магучій багатырь; такъ сказать, што іонъ быў самъ вихырь— сизымъ арломъ).— „И таперь, какъ я стаў на стану, якъ и ўпредъ быў, и того сильнѣй: садисъ на мяне лягенька, дяржисъ кряпенька: пайдемъ у нясмѣтныя быгатства тваю пабиду сыйскивать.“ У тридыватымъ царстви, за тридывитъ зямель, живеть мыя большія систра;— палятимъ къ ей тваю пабиду узыйскивать. Но только слушай мяне, Василій Ивановичъ, што буду тябе учить,— такъ ты и дѣлай. Явъ прилятимъ мы къ большій сястрѣ и сядимъ на кастеръ агромный, проти сястриныга балкона, такъ вазьми палку у руки и бей мяне па галавѣ. Но йна, сколько лѣтъ мяне ни видала, ну, йна ужалитца, бакъ ты мяне будишь битъ. Йна выйдитъ къ табѣ и ска-

жить:— „Купечискій сынъ, Василій Ивановичъ, за што майго братца бьешъ и такъ забиваишь: ти іонъ табѣ доўжонъ, али винувать? Када даўжонъ, али винувать, я ўси пабиды яго уплачу: бари злата или сребра, сколько табѣ ўгодна!“— Ну, ты, Василій Ивановичъ, ни бари ни злата, ни сребра, а скажи:— „Ни хачу я ни злата, ни сребра, а атдай мнѣ тую машончыку, што виситъ на стянѣ и машкомъ зарасла!“— И прилятѣли яны къ большій сястрѣ арла. Василій Ивановичъ усе то сдѣлаў, што арель учіў, и потребуаў машончыки, што мохымъ зарасла.— „Ну, нѣтъ, купечискій сынъ, Василій Ивановичъ, хуть ты яго забей, а машонки ни тдамъ!“— Василій Ивановичъ сѣў на арла лягенька, дяржитца кряпенька, и палятѣли яны къ сяредній сястрѣ. Ипать, на кастеръ дроў сѣўши, пачаў купечискій сынъ, Василій Ивановичъ, арла дуить палкыю па галавѣ. Ипать выскакыить сяреднія систра и гаворить:— „Охъ, Василій Ивановичъ, купечискій сынъ, за што майго братца бьешъ, што іонъ табѣ даўжонъ, ай винувать?.. Ну, уси пабиды я табѣ узварачу удвай, утрай, только ня бей, бари злата и сребра, сколько табѣ угодна.“— Брала ина залаты ключи, аттвырала уси сундуки: „бари быгаства, сколько угодна.“ Василій Ивановичъ гаворить:— „Нѣтъ, ня нужна мнѣ ни злата, ни сребра, а дайте мнѣ тую машончыку, што на стянѣ виситъ и мохымъ парасла.“— Нѣтъ, гаворить: якъ ты хочишь, хуть яго забей, а машончыки ни тдамъ.“ Сизъ арель разгнѣваўся на етыхъ двохъ сястеръ и гаворить Василію Ивановичу:— „Ну, Василій Ивановичъ, купечискій сынъ, палятимъ къ третій маей сястрѣ, самый менший!“— Далитають да малый сястры, да дому яе. Якъ стаить яе домъ—ни ў сказкахъ сказать, ни ў ва снѣ видить, ни пяромъ написать: залатой домъ и сяребриный, залатая крыша и сяребриная. Прилитаить къ етому дому, садитца на кастеръ агромный, бяретъ палеу и бьетъ арла па голвы. Завидила миньшая систра зъ висакѡга свайго терима, выскакыивать къ Василію Ивановичу и просить яго:— „Охъ, Василій Ивановичъ, купечискій сынъ! Ня бей майго братца сизага арла: кольки лѣтъ я яго ни видала ў глаза; — если іонъ табѣ доўжинъ, или винувать, то я табѣ уплачу у-пятира, у-десятира уси пабиды твае: бари хочишь злата, хочишь сребра, сколько табѣ угодна...“ Ну, іонъ гаворить:— „Ня нужна мнѣ ни злата, ни

сребра,—толька дайтя тую машонычку. што висить на стянѣ, мохымъ пырысла.“—Ина гаворить:— „Ничаво ни жалѣю.—толька брось яго бить... И прашу пакорна у маи залатыи палаты папить—пагулять и ў мяне пагастювать“.—Іонъ, сизый арель, такъ абрадываѣся, што скинуѣся добрымъ молюдцымъ, пазваѣ Василя Иванывича у сестрины залатѣя палаты: „уся твая пабѣда узваротитца, што ты мяне паіѣ да карьмі!.. Вотъ, што ты мяне хатѣѣ, забить, хатѣѣ жаны паслупать?! у бабы волысь длининѣ, да вумъ каротыкъ... Ну, пайдемъ, папьемъ, пагуляимъ динька три!..“ Ну, яны пили, гуляли, доўга ўремя праваждали, но Василій Иванывичъ думаѣ: три дни гуляѣ, ажну три гады гастюваѣ, — три года за три дни прайшло. И гаворить Василій Иванывичъ: — „Ну, благодарю тябе, сизь-арель, за хлѣбъ-соль и за угашенія,—и съ сестриною съ твоею!.. Ну довольна я ў тябе пагуляѣ — три дня,—ни пыра ли мнѣ дамой къ сваймъ дитѣмъ?—Живы ли аны тамъ;—якъ мы ихъ заставили голыхъ и бязъ крошки хлѣба?“—Ну, Василій Иванывичъ, вы думаетя, што вы прагастили три дни?—Нѣтъ, сяводни канчаитца роўна три гады... Натка жѣ табѣ ету машонычку, што на стянѣ висить и мохымъ парасла, а бярѣ ты сабѣ на дарогу злата и сребра, штоба да дому дайдить; дарогу машонычку ни развязывый, а развяжи, якъ дамой придешь!.. Набраѣ іонъ сабѣ злата и сребра, сколько угодна, и пашоѣ іонъ; дабираѣся да свайго дому три гады; толька ни дайшоѣ да дому — такъ вереть 50 ни болій, и думаеть самъ сабѣ:— „Даѣ іонъ мнѣ машонычку, а тамъ Богъ яе знаить, што у ей іось завязана, и ни вялѣѣ іонъ развязывать да дому...“ И любалытна яму пасматрѣтъ, што у ей іось: а то навалитца жана яго ругать и нязвѣсна чаво искать будить. Якъ развязаѣ ету машонычку на дарози, тады якъ пашоѣ выгадить изъ етѣй машонычки горыдъ приагромный, сталишный,—якъ пышла таргоўля па етому горыду, конница бальная. Якъ ипать убратъ горыдъ у машонычку, ни знаить, якъ искать завязычку, ни знаить. Іонъ сѣѣ, самъ сабѣ гарюить и сильна плачить; сійчасъ находить на яво чилавѣкъ, толька ни нашъ, а чужѣй, и спрашнть у яго: — „Абъ чомъ таскуишь, абъ чомъ гарюишь, Василій Иванывичъ?“—Какъ мнѣ ни плакать, ни гарювать?— Ни магу горыдъ ипать у машонычку убратъ и завязычки тѣй нейди на лугу искать!—Чилавѣкъ етѣй гаворить:— „Пажалуй,

Василій Ивановичъ, я твайму горю пумагу,—толька што мнѣ за ета будить?“—Я жъ низнаю, што табѣ за ета? Што угодна, то и заплачу табѣ.—Іонъ гаворить:—„Атсули мнѣ тоя, што у дварѣ ни знаишь;—я табѣ убяру яго.“—Но іонъ стаѹ думать:—„Што у мяне тамъ іось, чаво ни жаль,—што мнѣ яму атсулить?—Ну, я ўсе знаю, што у мене дома атеталысь: у мяне ничаво ни атеталысь;—а чаво ни знаю, то пуцай сабѣ яму.“—Ну, када такъ, Василій Ивановичъ, то разрѣжъ мязенный персть на правый рукѣ и надпишись мнѣ, штоба ни атрикаѹся!..—„Ну, пуцай сабѣ такъ!“—Василій Ивановичъ разрѣзаѹ сабѣ мязенный палиць на правый рукѣ и расписаѹся съ имъ. Іонъ сичасъ горыдъ етый убраѹ и завязкый завизаѹ; ну, Василій Ивановичъ и пашоѹ дамой. Пришоѹши дамой, сустрिकाить яво етый рабеныѣ, што бизъ яго радіѹся, Василій имя яму, и гаворить:—„Маминька, нашъ папнѣнка идеть съ дароги и гастиньчнѣ намъ нясетъ.“—Нѣтъ, галубчикъ: іонъ, якъ быѹ прахвость, такъ и іось прахвость!—Никада іонъ ня сыйщитъ съ таго сизыга арла, и, што была—и то ўсе прапугаѹ.—Василій Ивановичъ атвичаить:—„Охъ, жана моя милая, ничаво наша ни упала, а ў-пятира, ў-дцятира ўсе паўплатіѹ сизый арель!“—Сичасъ узяѹ машонычку развизаѹ: изъ машонычки пашли гарада сталишныя, пашли тавары, пашла таргоѹля, народъ пашоѹ разный и кажныхъ лицъ, важныхъ вѣръ; даѹги уси пуѹплатіѹ, живеть нясмѣтна багата.—„Во, ты гаварила убить сизыга арла!. А мы ўси даѹги паўплатили, живемъ нясмѣтна багата.. Харашо-ли табѣ, али нѣтъ?“—Какъ жа ни харашо?.. Харошиму усякій радъ.—Но тольки тошна яму видить етага сына, што бизъ яго радіѹся, што акаянному атписаѹ;—іонъ абъ етымъ таскуить: жаль рабенка, што іонъ дужа разумнѣ. Ня феть іонъ и ня петь, а такъ толька душу пасеть, и етытъ сынишка яго видить, што іонъ чѣмъ-та низдароѹ, скушанъ и ни вясель; гаворить:—„Маминька, спрасятя у майго папнѣнки, а ў свайго мужа, атчаво іонъ скушинъ и ни вясель: или ў насъ ни хватаить злата-сребра, или чистаго хлѣба?—Сынъ мой вазлюбленный, можна и вамъ спрасить у атца?—„Ну, якъ іонъ мнѣ атець, а вамъ мужъ, то вы луччи спраситя: или іонъ якими балѣзными низдароѹ, или ящо што такая? Ти ў насъ ни хватаить даhtarѹ и ликарѹ, ай намъ нечимъ имъ заплатитъ?—Абъ чамъ іонъ такъ хлапочить?“—Ина и стала у

яво спрашивать, легши зъ имъ вечеримъ на кровать тисовую, на царину пуховую, а сынъ у патемичку пражрауся падъ ихъ тисову кровать, штоба слышать, якъ мать будить у яго спрашивать, и што іонъ будить ей атвичать. — „Охъ, ты, мой мужъ милый, разскажи, абъ чомъ ты таскуишь-ничалнестя, или болына хвараишь!..“ А іонъ и гаворитъ: — „Табѣ тога ни знать, што я таскую или хвараю.“ — Якой ты мнѣ мужъ, какой ты милый іосъ, вада ты мнѣ ни гаворишь абъ сваёмъ низдароуи или абъ клапатахъ? Усе жъ ба я разгадала или рады какой ба дала... а то што ты адинъ клапатишь?.. Іонъ ей гаворитъ: — „Если табѣ сказать, абъ чомъ я клапачу, то ты магишь зъ ногъ упасть, якъ ты баба іосъ: ты слабѣй мене...“ — Но скажи: можа, Богъ дастъ, я ни упаду съ ногъ и табѣ пасавѣтлю. — Што Богъ даѣ, таго ни минѣшь!.. — „Ну, скажу. — Усе рауно: плюнууши, слюни ни падымишь. Атеуліу я етыга свайго сына, ни знауши, што ты бизъ мене радла, нѣкаму каянному духу злomu!“ — Ну, што жъ дѣлать? Ни клапати: што Богъ дастъ, то и будить. Можа Господь ни дапуститъ яго да акаянныга духа. — Іонъ ета усе паделухау падъ тисовую кровать, што яны гаварили. — „Ну, матушка съ батюшкью, пращайтѣ! Мнѣ у васъ жить нечига: куды атеулинь, туды и нужна идить.“ — Іонъ пашоу, куды яво глаза сматрять, и проситъ Госпада Бога: „Госпади, ни давяди мяне да каянный силы, давяди мяне, Госпади, на истинный путь!..“ И зайшоу іонъ у дрямучіи дѣсь, заблудіу; прибудіуся въ избки: стаить избушка на куриныхъ ножкахъ, на бараннихъ рожкахъ. Ну, кругомъ іонъ яе хадіу, вйдѣ дварей ни нашоу, и гаворитъ: — „Стыгала ты, избка, ка мнѣ задкомъ, а таперь пиривярнисъ и ппрядкомъ!..“ Такъ яго Господь надавуміу сказать. Аттваряютца яму сичасъ двери, и ў тѣй избушки садить старушка. — „Здрастуй, старушка! Ня пустишь ли мене патдыхнуть нямножка: я замаріуся и съ дарожки сбиуся.“ — Ина яго узнала и гаворитъ: — „Охъ, Иванъ Василевичъ, я знаю, ты идешъ ки никаянному духу, — тибѣ атець паписау: но ибъ етымъ ни гарюй и ни таскуй: што Господь дастъ, то и будить. Ужинай паскарѣй: я тибѣ спрячу, твая пращая галава!..“ Атерыла сундукъ и гаворитъ: „Ляжь тутъ у сундукѣ, штоба ня слышна було твайго ни голыса, ни волыса!“ — Ну, іонъ легъ у сундукъ и лижау смирна. Позна вечера сабираютца туда дѣвушки и разный народъ; дѣ-

даютъ тамъ пѣсни, пляски и игры, потомъ и гаворють:— „Матушка, што ета у нашій хати русь-кось пахнить?“—А ина гаворить:— „Вы на Руси налитались, русьскага духу набрались.“ (Ета було сборища присыпанникиў и сьиданникиў). Ну, плисали, ну, скакали, потомъ таго и пашли усѣ. Ана сундукъ атпирала и за бялы руки хватала:— „Ну, Иванъ Васильевичъ, ступай изъ сундука вонъ! Якъ я табе буду учить, такъ ты и дѣлай: ты ужу ўремя прасрочиў, куды тябѣ нада було явитца. Ступай къ яму! куды я тябѣ накажу стежку, туда и иди къ нибьянному духу; што будить гаварить, то ты тада приди и и мнѣ скажи.“—Пыказала яму трапинку; іонъ, Богу пумалаясь, и пашоў. Приходить къ яво дому: дди яго дому усѣ тычки, а на тычкахъ голывы; аднѣ тычокъ только быў ни занить. Іонъ самъ сабѣ гаворить:— „Ну, вотъ ета, вѣрна, будить мыя галава на етымъ тычку!..“ Пришоўши къ яму, іонъ и гаворить:— „Здрастуй, дѣдушья!..“ Іонъ атвѣчаить:— „Здрастуй!.. Ну, ты сваѣ ўремя, мерзый, прасрочиў... Но вотъ табѣ за правинку: іость у такимъ-то мѣсти роцца сасновая; штоба ты яе за нычъ выпрятаў усю и карення выкапаў, штоба сахою узадраў, сдѣлаў ляда, якъ сѣить нужна, и штоба на томъ ляди пшаны пасѣїў, и штоба за нычъ пшана ета паспѣла, и штоба за нычъ ты пшану ету пажаў и пумалатиў, и штоба ты змалоў яе, и, пака жъ я устану, штоба пирогъ мнѣ быў и спечинъ, и принесинъ: тада я тябѣ ету вину пращу, што ты апазниўся прийти ка мнѣ!—Ну, іонъ тижало уздыхнуў и къ етій старушки пашоў. Приходить къ ей и сильна заскучаўся и загарюніўся, слязми абливаўся. Ина у яго спрашитъ:— „Абъ чомъ, Иванъ Васильевичъ, сильна загарюніўся и слезна рыдаишь?“—Якъ мнѣ ни скучать, якъ мнѣ слезна ни рыдать?—Кыда я етыгна сдѣлаю, то мнѣ голува на тычокъ уздернуть.— „Ну, ни плачь-ка, ни радай: утра бувайт мудрянѣй вечира. Ну, малися Богу, лажись спать!“—Пашоў іонъ сичасъ, пумалиўся Богу и легъ спать. Ина сичасъ вышла на крылечка, пирякинула зъ руки на руку балечка и бривнула бурлацкимъ голысымъ, свиснула маладецкимъ посвистымъ:— „Охъ, вы, слуги мае, слуги, слуги вѣрныя мае, сабирайтися ка мнѣ и съ сахами, съ баранами и съ зялѣзными!..“ Якъ сабрались къ ей народу и большая стижма, (усѣ яе присыпанники), и спрашивають у яе: „Абъ чомъ, матушка, требуишь и што прикажишь дѣлать?“—

Вотъ пашлю я васъ у такую-то рощу, у сасновую: штоба ина за нычъ была расчищена и разодрана, и пшина на ей пасѣпа, штоба ета пшина за нычъ пасѣбла, и штоба была ана сжата, и змалочина, и смолана, и штоба да свѣту быѹ пирогъ спечинть и ка мнѣ принесинть.—Тутъ сичасъ якъ ударіѹ етый народъ разымъ на ету рощу. Да яцо ина приказала, штобы и прудниги были съ прудами на ету рощу и жнеи съ сирпами. Тада сичасъ хто рубить начаѹ, хто зялѣзками карення выкапавать, а хто услѣдъ ляда драть; а тутъ услѣдъ съ сіўнями сѣить, — п за нычъ пышаница ета уся узайшла, и за нычъ вырысла, и наэрѣла, и сжали яе, и пумылатили, и пумалоли, и до свиту пирогъ спякли и къ матушки принесли. Сичасъ ина будить Ивана Васильевича:—„Охъ, Иванъ Васильевичъ, устань, прапниесь: усе тваѣ дѣла исполнита. Няси твайму дѣдушки пиражокъ! Тваѣ ляда усѣ пупрятана, пышаница пажата, пумалочина, памолана, и пирогъ ужу гатоѹ.“ — Іонъ устаѹ, Богу пумаліѹся:—„Слава Табѣ, Вожа! Можа, Гасподь и ни дапустить да никаянный силы, штоба мяне сгубила!“ — Узяѹ етый пиражокъ и пашоѹ; принесъ къ яму, а іонъ ища спаѹ; іонъ и гаворить на яго слугъ:—„Дакладитя майму дѣдушки, слуги, што я яму пиражокъ принѣсь!..“ Іонъ устаѹ, приходитъ къ яму и гаворить: — „Ня можить быть ета, штоба ты ета усѣ паработаѹ и принѣсь пиражокъ мнѣ изъ свѣжій ишаницы! — Ну, пашлю сваихъ вѣрныхъ слугъ пасматрѣть: если ета сдѣлана, яѣь доўжна, то я тябе на сваей унучки ажаню (а яго унучки никряшонники, присыпаники и скидуши); а ежели нипраўда, то голыву съ плечъ сыму. Када придетя тваѣ дѣла, то каторую ты толька жилаишь, ту между трехъ станкоѹ за сябе бари!..“ Ну, наслаѹ сваихъ вѣрныхъ слугъ узнать, ти праўда ета, што іонъ усѣ падѣлаѹ: и пумалатіѹ, и пажаѹ, и мѹки намалоѹ, и пирогъ спекъ. Ну, слуги пасматрѣли и яму гаварили:—„Дяйствитильна, усѣ ляда распрытана, и ўсѣ падѣлана.“ — Ну, такъ іонъ гаворить: — Ну, ступай, адумайся на три дня: ище кыда услужишь, ажаню; а ня ўслужишь, такъ голыву съ тябе сыму!..“ Іонъ сичасъ приходитъ къ етый сваей старушки, и спрашійть ина ў яго:—„Ну, што табѣ дѣдушка гаваріѹ?.. — Ета слава те, Госпыди, усе харашо;—што Богъ дастъ далій! — „Ну, ня бойся: када іонъ табѣ сказаѹ такъ, то и аженить — іонъ бокымъ ни атѣдить, а кыда будишь мамѣ зятимъ, то цѣль

будишь!“ — (А яе самая миньшая дачкѣ христіанскый вѣры присыпанка). Іонъ сказау: — „Атчаво жѣ харошага чилавѣка ни ўзять?—Да якъ мнѣ яе узнать, вашу малую дачку?“ — А я тебе павучу: ступай ты на ету ряку, на купальню, и будить лятѣть на етый рякѣ стада лябедыкѣ; будутъ лятѣть лябедками, а сдѣлаютца злишными дѣвушками; а ты сядь длі берига у кустикахъ да и сматри, што аны будутъ дѣлать. Ну, етый первый танокѣ пакупаитца, ты ихъ никакъ ня трогай, ни чипай; и другей танокѣ прилятитъ злишныхъ дѣвушикѣ, ты ихъ ня тронь и тѣй прапусти;—но третей танокѣ такъ же будить лятѣть злишныхъ дѣвушикѣ,—тѣй и сматри, и примичай, каторая апосли усихъ будить раздиватца: каторая апосля будить раздиватца, то малая дочка. Ну, якъ ня можна падкрадайся, штоба украсть у яе платье, штоба ни 'дна ни водныя изъ ихъ ни видала!—Ну, іонъ пашоу къ рякѣ, къ купальни, и сѣу у кустикѣ. Адинъ танокѣ дѣвушикѣ прапустиу—ня трогау, и другей такъ же; но у третимъ примичайтъ, каторая будить апосля раздиватца. Ну, и на счастья яго, па Божій милысти, и раздѣлась па одалъ усихъ, паближи къ кусту, адна апосля усихъ; іонъ изъ кустика и выпаўзъ и яе платье у кустикѣ унёсь. Сичасъ еты дѣвушки изъ вады павыскачили, адѣлись, лябедками скинулись и палятѣли, 11 лябедыкѣ, а ина была 12-ая (У танку была па 12 дѣвушикѣ). Ина хватилась платье,—платье нима, лятѣть зъ ими нильзя; ина навазвратна, улѣзла па поисъ у ваду, у ряку, и гаворить:—„Скажитя, хто мае платье утащіу: зъ муськога полу ай съ женскыга?—Если съ женскыга полу, старшій мяне—тетинька мнѣ; меньшій мяне—пьяменница мнѣ; а роўная мнѣ—сястрица мнѣ родная. Ну, если зъ муськага полу, када старши мяне—дядюшка мнѣ; младшій мяне—братіцъ мнѣ; а раўница мнѣ—другъ мнѣ будить милый!“—Тада іонъ съ куста выходитъ, яе платье кладеть на беригѣ, самъ за кустъ зайшоу, пака ина адѣнитца. Ну, адѣўшись, ина и гаворить:—„Хади ка мнѣ, мой другъ милый, Иванъ Васильевичъ! Такъ тому и бытъ: вѣрна, табѣ мань дружкоймъ бытъ!“—Када іонъ вышіу зъ-за куста, цулувала яго ў сахарныя уста и приказывала:—„Сматри жѣ, мой другъ, Иванъ Васильевичъ! што я табѣ буду приказывать, то ты и дѣлай, када намъ съ табою Богъ судіу бытъ дружками. Ну, дѣдушка твой будить вывадитъ розна

три танка: прежда адинъ, пѣтымъ другой, а тады третій. Первый танокъ будить 12 дѣвушкѣ: голась у голась, волась у волась, и адежда адна, и лицо будить адно; и другой танокъ тожа: голась у голась, волась у волась, росту, якъ адна, и лицо, якъ адно,—и съ таго ни бяри; ну, я буду у послѣднимъ танку и заламлю на правымъ баку нямножка свайго платочка,—узнавай пу платочкамъ; но другой разъ я буду тожа у послѣднимъ танку (выбрать будишь да трехъ разъ), и на канцѣ лентычка, што будить у маей касѣ, будить вѣзлумъ завязана на касѣ; а третій разъ на правый рукѣ будить сдвинута кальцо къ среднему сугтаву: узнавай на кальцу; а если ни узнаишь, то ни вазьмешь, самъ сябя пагубишь, и я прападу.“— Ну, за три дни іонъ усѣ тутъ абхлпатаѣ, приходитъ къ сваей наряченный тещи; ина и гаворить:—„Ну, ти сдѣлаѣ ты такъ, мой любезный наряченный зять, якъ я табѣ гаварила?“—Якъ жа я етыга ня сдѣлаѣ? Извольта пасматрѣть: кальцо у мяне на рукѣ. Благодарю васъ, што вы мяне ать никаянныи силы зѣбригаиця, мая теща наряченная.—„Ну, табѣ гулять некада: ступай ты у кузницу и скуй у 12 пудоѣ булаву и зялѣзную узду... Ну, таперъ, када ты скуваѣ зялѣзную узду и у 12 пудоѣ булаву, ступай къ никаянному духу, што іонъ табѣ скажить!“.. Іонъ пришоѣ къ никаянному духу.—„Ну,“ (гаворить никаянный духъ): — „када хочишь жанитца на маей унучки, то ящо саслужи службу, а ни жаню тябе, якъ балвана, зря. Іость у мине жириябець—тридцять лѣтъ ни выижжанъ: када тога жирибца выиздишь, тада жаню.“—Іонъ сичасъ приходитъ къ нарячонный тещи и задумаѣся.—„Ибъ чомъ, наряченный зять, затужіѣся и горьвыми слизами заліѣся?“—Якъ мнѣ ни тужить, яеъ ни гарювать? Іость у яго жириябець, тридцять лѣтъ ни выижживанъ, и гаворить іонъ мнѣ: — „Када ты таго жирибца выиздишь, то на тымъ жириябцы пувазу падъ вянецъ табе са сваей унукью.“—Я жъ табѣ ни дарымъ приказывала дѣлатъ 12 пудовую зялѣзную булаву и зялѣзную узду. Ета жъ урема, етатъ жа часъ у ва 'динъ мигъ бяри сваю зялѣзную булаву и вузду,—какъ ня можна бяги паскарѣй: іонъ будить къ табѣ на ўстрѣчу бѣчъ, ротъ разинить и ноздри шурока распастреть, якъ бы зѣбѣть; зѣ рота будить, якъ съ галаѣни, агонъ сыпатца, а ў ноздри, якъ у душники, помы играть, а ў вуши, яеъ у трубы, дымъ сувать.—Ну, ты етыга ни убойся.

ни стращайся ничаво,—стой тверда и хорыша, вузду на яго надивай, якъ ня можна паскарѣя; тада садись на яго вярхома и бей межда вушъ сваю булавою—ну, іонъ панясётъ тябе па ўсяму свѣту: па шырымъ барамъ, па тёмнымъ па лисамъ; но ты ўсё яго бей етый булавою по галавѣ... Іонъ браў узду паскарѣи и бѣгъ къ яму пасмалѣи, и сичасъ братаў яго вузду зялѣзныю, и сѣў на яго вярхома. Якъ пѣнисъ конь па ўсяму свѣту: па шырымъ па барамъ, па тямнымъ по лисамъ; а іонъ усё бьетъ яго булавою мижда вушъ; ну, самъ замаріўся и яго прибіў: ну тада ужэ конь самъ вязетъ яго дамоі паклонна, пакорна, якъ и добрая лошадъ; іонъ яго узяў и паставіў у сарай.—Самъ пашоў къ яго вѣрнымъ слугамъ и гаворить: „Далажитя майму дѣдушки, што я выиздїў лошадъ: ина смирна и хараша; а таперъ, хуть и яму праѣхатца, дакъ ня грѣхъ.“—Далажили слуги яму; дѣдушка етый выходить къ яму чуть живой:—„Ну, благодарю, унукъ, харашо, што ты мнѣ етыга жирибца выиздїў; такъ таму й бытъ, што тябе надабна жанить: ну, увяду я табѣ 12 свайхъ унучиць,—выбирай, каторую угодна табѣ!“—Ну, и вядетъ іонъ первый танокъ 12 дѣвушиць: ну, сами сабѣ яны красивы.—„Ну, выбирай мижда 12-ти любую, каторая табѣ панаравитца!“—Ну, іонъ и пашоў укругъ ихъ сматрѣть.—„Нѣтъ, здѣсь у етымъ танку мнѣ ня наравитца ни водная.“—Никаянный и гаворить:—„Якъ табѣ мижда етыхъ красавиць ня выбрать сабѣ ни водную? Тутъ жѣ межда етыхъ красавиць можна выбратъ хоть адну!“—Нѣтъ, дѣдушка, здѣсь пу майму нараву нѣтъ ни водный.—„Ну, падажжи: увяду тябе у другой танокъ: ня выбиришь ли сабѣ межда тыхъ?“—Вядетъ другой танокъ: голысь у голысь, волысь у волысь, и лицо, якъ адналички.—„Ну, сматри-ка: ня выбиришь ли сабѣ мижда етыхъ?“—Пашоў кругомъ разсматривать ихъ, ня выбраў тожа ни водный. Тада гаворить:—„Дѣдушка, нѣтъ мнѣ и здѣсь дружки!“—Ну, я ать свайго слова ня прочъ: увяду тябе у третїй танокъ.—У третїй танокъ увеў: тожа голысь у голысь, волысь у волысь, расту аднаго, платыя адно и лицомъ, якъ адналички, тожа, ну, красотки такея,—браши ихъ и ў свѣти нима. Ну, іонъ пашоў кругомъ ихъ и смотритъ у ихъ на галавахъ платки. Ну, и замѣтиў, што у яе на галавѣ заламиўши краюшиць платка; падалуваў яе у сахарныя уста и гаворить:—„Вотъ ета, дѣдушка, мая друж-

ка!“..—Ну, такой ты мерзкій, ня стоишь ты етій дружкѣ! Якъ ба ты межда Э танкоў выбраў якую другую, дакъ ба я ни стаў съ табою спорить—зразу ба атдаў, но ету зразу ни атдамъ: бада да трехъ разъ узнаишь; а ни узнаишь, такъ голову съ плечъ патиришишь, на тычокъ атдашь.—Ну, ипать пирядѣў ихъ, пиримяніў усп платити усимъ траимъ танкамъ: ипать первый танокъ вядеть упаредь.—„Ну, нарячонную и выбирай межда трехъ танкоў, пазнавай, каторую угодна табѣ!“ Іонъ ипать кругомъ ихъ абайшоў:—„Нѣтъ,“ гаворить:—„наряченный дѣдушка, сабѣ ни водный ни нашоў.“—Ну, уводить другой танокъ; іонъ кругомъ етыга абайшоў, сабѣ ни водный ни знашоў.—„Нѣтъ, дѣдушка, и у етымъ ни водный.“ Увеў третій танокъ, паслѣдній. Іонъ ипать пашоў кругомъ ихъ сматрѣтъ и, какъ ина яму гаварила, пазнавать па якому атличію; замѣтиў яе па ленти, што была завязана на русый касѣ; іонъ ипать яе хватаў, у сахарныя уста цалуваў. — „Вотъ. дѣдушка, мая дружка наряченная: далій етій я ни магу брать ни водной.“—Нѣтъ, урешъ, еткая мерзысть! када третій разъ узнаишь, дакъ вазмешь, а ни узнаишь, такъ голыву на тычокъ повѣсишь.—Ну, ипать жа узяў, пиримяніў платити усимъ тремъ танкамъ, ипать тожа увадіў два танка, и зъ 2-ухъ танкоў ни було яе; тада іонъ увеў третій танокъ; ина стаяла пасярѣдъ танка. Ну, стаў сматрѣтъ па рукамъ. узнавать сваё залатоя кальцо, ипать узнаў:—„Вотъ, дѣдушка, мая нарячонная дружка!“—И прижаў іонъ яе къ сабѣ крѣпка. а ина яво крѣпчи. Ну, какъ хатѣў іонъ ихъ разарвать, ну, ня могъ: анѣ крѣпка диржались. Ну, гаворить:—„Такъ, пажалуй, быть, што тябе зъ ею жанить,—вѣрна, што таперъ я васъ зъ ею жанить буду!“.. И сичасъ жа ихъ винчаў:—„Ну, живитя съ Богымъ,—ну только мнѣ ета ни ў нараў!“.. И заперъ ихъ у тёмную комнату:—„Пасядитя,“ гаворить:—„да майго распаряженія!“.. Но йна была дѣвушка ядурна, ды стала вумна: патайняя двери атваряла, и млыга свайго за бѣлыя руки хватала, яму ў вуши утвирѣдала:—„Пайдемъ, мой милый, съ табой атсюдава на ўходъ: насъ усё раўно здѣсь съ табою патратють, если мы ни ўйдемъ.“—

Ну, и пашли дарыгою къ дому Ивана Васильевича. Только яны бѣгли, бѣгли па широкий дарози, и сказала йна:—„Падажемъ-ка, Иванъ Васильевичъ! приляжимъ къ дарози: па-

слушаемъ нагони.“—И только йна слышитъ, прилегши къ зямлѣ.—„Ну, Иванъ Васильевичъ, сильная пагоня за нами гонитца; если дагонють, то голывы далоў пасымутъ!“—Што жь мы таперь будимъ дѣлать, я ни знаю.—„Ну-ка, када ты ни знаишь, дакъ я знаю: я сама сдѣлаюсь свиньнёю, а тебе сдѣлаю пшаную, и буду хадить па табѣ и буду калосья лавить, штоба ѣсть ихъ.“—Дабѣгла пагоня да етый пшаны и да етый свиньни—далій ужу слѣду нѣту: слѣдъ утоинь, и вярнулись назадъ; но етый никаянный спрашитъ:—„Што, ти дагнали?“—Нѣтъ, ни дагнали.—„На дарози видали што?“—Нѣтъ, ни видали,—только видели пшану да свинью: пшана такая густая, хуть ты барану пристаў къ ей, а свинья цу пшанѣ ходитъ да ѣсть.—„Эй-ка, дураки! ета самыя яны! Нада було пшаницу битъ-калатить и калосья ў землю убить, а свинью було на мелкія части разарвать.“—Анѣ только атъ ганцоў атварнулись, пцять у ходъ пашли. Никаянный духъ гаворить;—„Ступайтя, даганяйтя пцять пшану и свинью: пшану пабейтя, а свинью на мелкія части разарвитя!“.. Прибѣгли къ етому мѣсту, идѣ была пшана и свинья; слѣдъ былъ знашинъ дальши, а на етымъ мѣсти ничаво ужу ни було. Анѣ за ими пцять у пагоню гнатца. Ина пцять гаворить яму:—„Ну, нада прилечь къ зямлѣ пазлущать: ти нѣту за нами пагони?“—Ипцять слышутъ сильную пагоню за сабою; ина яго скинула дубымъ, а сама стала бярёзю. Анѣ апцять дабѣгли да етыхъ мѣсть, да дуба зъ бярёзый: слѣду нѣту далій. Ипцять ганцы вярнулись да етыга нарячоннага дѣдушки и гаворють:—„Нійдѣ мы ихъ ни нагнали.“—А па дароги видали што, ай нѣтъ?—„Видали на дарози: па аднымъ бабу стаить дубъ, а па другимъ бѣлая бярёза.“—Эка, какея вы нишпанятныя дураки! Ина стаяла бѣлая бярёзю, а іонъ дубымъ: нада було ихъ съ пнѣў завалить и на кавалки цурубить. Бягитя пцять у пагоню, ихъ наганяйтя далій!... Авѣ прибигають. На томъ мѣсти, идѣ быў дубъ и бѣлая бярёза, нѣтъ тутъ ничаво, а Иванъ Васильевичъ съ жаною пустились пцять на ўходъ. Ганцы вярнулись и сказали, што нѣтъ ни дуба, ни бярёзы.—„Ну,“ гаворить:—„ступайтя пцять далій у пагоню!“.. Ина пцять прилигла къ зямлѣ слушать сваю сильную пагоню.—„Ну,“ гаворить:—„пагоня сильная гонитца за нами!... Ну, я стану церьевью, а ты папомъ; ты только хадц па церкви, да звани.“—Дабѣгла па-

гона да етый церкви. Попъ ничаво ни гаворить, только ходить па церкви, да пьетъ: „Госпыди памилуй, Госпади памилуй!“ — Далій слѣду нѣту ни якыга. Вярнулись назадъ. Никаянный духъ спрашнить:— „Ну, ти дагнади вы ихъ идѣ?..—Нѣтъ, ни дагнади.—„А видади па дарози што?“—Видили: на дарози церькыѣ, а ѣ церькви адинъ попъ ходитъ, да болій никога нѣту,—тѣй попъ ходитъ да пьетъ:— „Госпыди памилуй!“..— „Эй, какія вы, лѣшія, глупѣя: ина церьквяю, а іонъ папомъ... Ну, таперича я самъ у дагонь пайду!“.. Только іонъ бягитъ, сильна ихъ даганяитъ, натискаитъ. Ина и гаворить:— „Ну, таперь я паслушаю пагони за сабой!“.. Прилигла къ сырѣй зямлѣ и гаворить:— „Ну, таперича, кажитца, намъ съ табою прапастъ: самъ дѣдушка идеть у пагону. Іонъ сгубитъ насъ; но только што Гасподъ дастъ,—ушвай на днаго Бога—болій ничаво! Я скинуся возирымъ, а ты вокунимъ; но іонъ скинитца щукью и будитъ тебе лавить; приказывыть я табѣ буду: ни станавись къ щуки лицомъ, а ўсѣ пириварачивайся хвостомъ: но ўреть, ни сажрѣть—падавитца!“—Ну, іонъ лавиѣ, лавиѣ яго,—ничаво ня можить сдѣлатъ: становитца вокунъ хвостомъ. Іонъ тада вылизъ зъ возира, скинуѣся валомъ и давай ета возира выпивать, штоба етыга вукунька паймать. Но только ма-ла етага возира астаецца,—усѣ выпиваитъ; іонъ и гаворитъ, етый вукунекъ:— „У майго батюшки была каровица—абжорища,—абажралася да и акалѣла; няѣжли жѣ табѣ ать етыга возира ничаво ня будитъ, и ни рванеть, значить, тваѣ брюха?!“.. Ну, яго слову Гасподъ помогъ: якъ рванула яго на нѣскалька частей,—тада ина скинулася прекрасныю дявицью, а іонъ чистымъ моладцымъ; пахдодють къ двару близка и разгаваривають разговоръ:— „Ну, мой другъ милый, Иванъ Васильевичъ, ступай къ атцу и къ матушки дамой: я тебе скину прилятѣть тирязъ синя моря галубомъ, а сама сябе чорныю галкью. Ну, какъ прилятишь ты дамой, и сдѣлайся чистымъ красивымъ маладцомъ,—только са ўсѣмъ здрастуйся и цалуйся, а зъ матирью съ хряндю ни здрастуйся, и ни цалуйся: када ты зъ ею пазрастуйся, то на мяне пазабудишь, а новую дружку искать будишь; а я палячу у Господній монастырь, пумалюсь Госпаду Богу, што Гасподъ Богъ ни даѣ никаянному духу насъ пагубитъ!“.. Ну, іонъ скинуѣся голабымъ и палятѣѣ дамой, а дди дома скинуѣся прекраснымъ моладцымъ. Тутъ яму

атець — мати сильна абрадавались, што іонь пришоў дамоў ать никаянный силы, стали съ имь цалуватца и милуватца; атець и мать, родная яво, крѣпка абнимались, цулувались, но Ивань Васильевичь ать хресный матери усё атварачиваўся, — ни хатѣў ни здароватца, ни цалуватца; но стали яго родныя присаглашать: — „Якъ можна, ты съ хресною матирью ни здрастуйся: ина такжа табѣ рада, якъ и радная мать“ Ну, присыгласили яго паздароватца и пуцулуватца. Якъ жа паздаровўся и пуцулуваўся, то на прежнюю сваю дружку пазабывў. Атець — мати рады, што іонь дайшоў да савяршенства лѣтъ. Стаў атець — мати присыглышать, штоба яго жанить здѣсь, и высватаў яму атець нявѣсту. И толька зачали вичаринку гулять, Ивана Васильевича жанить; ну, нявѣста прежняя Богу пумалилася и, якъ ня можна, стала дабиратца пашкомь, якъ нищя братія; ну, и паслышала, што ў яго вичаринка — іонь женитца. Пришла йна сюда и давай праситца на нычь у Василя Иванывича, гаворить: — „Пусти мене, Василь Ивановичь, у тябе пиринучувать: я и какую нибудь пѣсню спяю, лябую нибудь птичку (изъ тѣста) змяшу.“ — Пажалуй, паначуйта у мяне: наплегъ за сабою чилавѣка ня носить... Пускай вичаринки нашій пасмотрить, падивунтца. — Патомъ стали мясить каравай; ина стала дазвалятца памочь пумсить. Дазволили. Прочія мѣсютъ шишки, а ина стала мясить голыба: сдѣлала голыба и пасадила на верхъ сяредъ караваля, поставили етый каравай на столъ, ну, пасадили яго зъ етью нявѣстью за столъ, ваторую атець высватаў. Падходить ина (прежняя) къ сталу нищю братией и начинаитъ у голаба спрашивать, а голыбъ ей атвчаитъ; ана и спрашитъ у голыба: — „Голубъ мой, сизый мой, ти знаишь, якъ мяне вадили у танки?“ — Онъ атвчаитъ: — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, ти знаишь, якъ мяне первый разъ ни атдали. — Іонъ атвчаитъ: „Знаю!“ — Голубъ мой, сизый мой, ти знаишь, якъ мяне у другой разъ увадили у танокъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишь, якъ ты мяне у третій разъ абщалиў крѣпка, а я тябе ящо крѣпчи? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишь, якъ мы съ табой пашли на ўходъ? — „Знаю.“ — Голыбъ мой, сизый мой, а ти знаишь, акъ я была свиньёю, а ты пашаницью? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишь, якъ я была бярезыю, а ты дубымъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишь,

якъ я была церквью, а ты папомъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишь, якъ я была возирымъ, а ты вукунькомъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишь, якъ я тебе сдѣлала голубымъ, а сама чорною галкью? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишь, што я табѣ приказывала? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а я жъ табѣ приказывала са ўсими здраствуватца, а съ хресною матерью иѣтъ? — Іонъ гаворить: — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а я жъ гаварила, што ты мяне пазабудишь? — Голубъ гаворить: — „Знаю.“ — Ну, вотъ тада Иванъ Васильевичъ узнаѣ яе, прыгну къ ей тпрызъ столъ, цалуваѣ яе у сахарныя уста и гавариѣ: — „Вотъ, батюшка, мая сужиная: ина вывила мяне атъ никаянныга духа.“ — Ина сказала: — „Падаждитя: я на зямчужный расѣ пакатаюся, бѣлымъ зельнымъ паўмываюся — и тада я вамъ покажу лицо сваё!..“ Ну, вотъ ина на расѣ пакаталася, бѣлымъ зельнымъ паўмувалася, и стала такая красавица, што крашій яе у свѣти не було. То сичасъ ня пива варить, ня медъ салатить: давай свадьбу завадить. Вотъ анѣ ажанилися и слава Богу, и таперича живутъ такъ сагласна и харашо; при томъ ўрѣми я тамъ быѣ, медъ — вино пиѣ, на губамъ тьякло, а ў ротъ ни пупала. Сказка ўся, и расказывать нильзя.

№ 29.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ вихырь и вѣтирь дарували мужуку жаренцы; якъ етым дары выпрысиѣ у мужика попъ, и якъ малайцы изъ торбы праѣчили жадныга пупа.

Жиѣ мужучокъ бѣдный, и дятей у яго многа. Падходить празникъ гадавой, старуха и гаворить: — „Ну, што ты, старый песь, сидишь ты дома? Хоть ба жъ ты сходиѣ, у каго пупрасиѣ гарчикъ мучицы, али два!“ — Ну, іонъ и пашоѣ, узяѣши торбачку; только зайшоѣ у дярѣню къ мужучку: — „Братъ дядюшка, сдѣлый милысть: ти ни даѣ ба ты мнѣ гарчикъ али два мучицы для празника?“ — Іонъ узяѣ: — даѣ яму зъ лукошичкымъ: — „на, братъ, тибѣ и зъ лукошичкымъ!“ .. Выходить іонъ изъ дярѣни вонъ; аткуль узяѣся вихырь и вѣтирь, вырваѣ ета лукошичка изъ рукъ вонъ и пакатиѣ па

чистому полю. Заплакаў етый старикъ горькими слизами.— „Ну,“ гаворить: — „таперь дамой ни пайду, а то старуха и дамой ня пустить“... Абхватывають яго темная ночь у тёмнымъ лѣси, и видить аганекъ. — „Пайду“, гаворить: „на етый зѣръ!“.. Стаить тамъ домъ, іонъ и проситца на нычъ. „Пусти“, гаворить: „любезная, на нычъ!“ Старушка и гаворить: — „Ступай, съ Богымъ, начуй!“.. Уходитъ у комнату, пирихрястиўся Богу. — „Добрый вечеръ!“ — Старушка гаворить: — „Здрастуй, здрастуй, нищынъкій, прахади, садись!“.. Іонъ раздѣўся и сѣў атдыхнуть. Пытаить старуха:— „идѣ ты ета буваў?“—Што, гаворить: — матушка, рассказывать ета табѣ—доўгая пѣсня! дѣти драбнѣя, дятей многа, паѣсть нечига, — падходить празникъ гадавэй: я пашоў мучицы даставать; даў мнѣ чилавѣць мучицы гарцы съ два,—я атправіўся було дамой;—аткуль узаўся вихырь и вѣтирь, вырвали у мяне ету мучицу зъ рукъ и пыкатили на чистому полю, — дакъ я и ни пашоў за етымъ дамой. — „Ну,“ гаворить: „нищынъкій, павужинай, пумалися Богу и лажись спать.“—Приходють яе дѣти, вихырь и вѣтирь; стала на ихъ мать бранитца:—На што вы такъ, дѣти мае, шутку шутитя, балуитись; вы бѣ булудвались кала багатыга, а ни кала бѣдныга старика!“..—Ну, матушка, ни бранись: мы яго наградимъ!... Ну, устаў етый старикъ, мышца, Богу молитца,—тады аны яму и гаворють:—„На табѣ, старикъ, жаренцы!“..—Ахъ, батюшки, што мнѣ дѣлать зъ етymi жаренцыми?—„А приняси дамой, скажи сваей старухи: што крутнеть, то куль муки, якей угодна.“—Скорымъ поспихымъ, стаў етый мужикъ дастатышна жить. Дажидаютъ празника большога, Христовага дня; прибраў іонъ, якъ законъ гласить, дажидаютъ священника и гаворить:—„Батюшка, зайдитя ка мнѣ съ иконами; прашу васъ, батюшка, атслужить мнѣ акафистъ али два!“.. Угащайть іонъ пуца; гаворить попъ:—„што, Михалка, атчаво ты стаў багаты?“—Батюшка, ды Богъ мнѣ даў!.. Попъ гаворить:—„Ды нѣ! Богъ ня Богъ, ды ня будь-ка ты самъ плохъ!“.. Хазяйка мужуеова гаворить:—„а я скажу!“..—Ну, скажи, гаворить ей дѣдъ: табѣ худа будить.—„Батюшка.“ гаворить старуха:—„у насъ іось такае жаренцы, што крутнешъ, то куль муки.“—Священникъ гаворить:—„атдай мнѣ! вѣдъ табѣ худа будить: у тебя ихъ хто нибудь украдить; а

када у тебе хлѣба ни хватитъ. то ка мнѣ приди.“ — Старуха и гаворить:— „Дѣдъ. атдадимъ: табѣ худа будить.“ — Священникъ, якъ еты жаренцы узяѣ. сичасъ досытъ хадить съ образами; гаворить:— „Я балѣнт!“ .. Ну, мужикъ пажѣ, можа, годъ, и вышіѣ у яго увесь запасъ хлѣба, и астаѣся мужикъ и пять бѣднѣй, — нечига и паѣсть. Іонъ схадиѣ къ етому священнику разъ али два; іонъ даѣ яму мѣрку, али чвѣртку; третѣй пашоѣ разъ, — дакъ іонъ яму ни даѣ, а па шапки задаѣ. Атпавѣся етѣй старикъ дамой, заплакаѣши: було, да й нима! — Атстались яны изнова страдничивать, биднату тярѣтъ. Пашоѣ етѣй дѣдъ изнова у бѣлѣй свѣтъ къ вихру да къ вѣтру:— „абманю якъ нибудъ ихъ!..“ Заходитъ изнова у етѣй домъ и гаворить:— „Добрыѣ вечеръ добрымъ людѣмъ!..“ Старухка гаворить:— „здраслуй, здрастуй, добрыѣ чилавѣкъ!“ — Ти ня пустига на нычъ?...“ — „А ступай, галубчикъ, — чаво жъ!..“ Іонъ увайшоѣ, раздѣѣся, сѣѣ на лаѣки; ина стала у яго распрашивать:— „Идѣ быѣ, старичокъ?“ — Што, матушка, хадѣ даставать мучицы. — „Ну, што жъ, старичокъ, ти дастаѣ жа ты!“ — Даѣ чилавѣѣ гарца два, дакъ я отправиѣся було дамой: откуда узяѣся вихрь и вѣтиръ, вырваѣ ету мучицу и пѣнисъ на чистому полю; абхватила мяне ночь, — я и зайшоѣ суды начувать. — „Ну, вужинай, малѣся Богу и лажисъ спать: што Богъ дастъ, то и будить.“ — Пумалиѣся іонъ Богу и лѣгъ спать. — Приходють яе сыны, вихиръ ды вѣтиръ. Стала ина ихъ бранить:— „ахъ, дѣти мае, што вы кала старыга чиловѣка шутку шутитя!..“ — Ахъ, матушка, ни брани: мы яму за ета заплотимъ. — Ну, даетъ Господъ день; іонъ устаетъ, мынца, Богу молитца; даетъ ему вихрь да вѣтиръ залатую козку. Іонъ и гаворить:— „Ахъ, батюшки, што мнѣ зъ ёю дѣлыть?“ — А вотъ што: привяди дамой, застяли скатиреть бѣлую на столъ, вазми яе за рожби и пастаѣ яе на ножки, — трихани: будить у тебе и злата, и сребра.“ — Ну, и тпраўляйтца мужучокъ етѣй па дароги дамой; пришоѣ іонъ дамой и гаворить:— „Ну, слава Богу! привеѣ залатую козку!“ — А баба спрашитъ:— „а што ты, дѣдъ, будишь дѣлыть зъ ёю?“ — Застяли-ка ты бѣлую скатиреть на столъ, вазми-ка ты ету козку за рожби и пастаѣ яе на ножки. трихани: будить злата и сребра.“ — Стала ета баба рада таякая:— „Ну, вотъ, дѣдъ, слава Богу, што Господъ даѣ самъ залатую козку!..“ Ну, ажидають яны изнова празника Христовага

дня, ажидають къ сябѣ священника; просятъ яго къ сябѣ службу паслужити:— „Батюшка, атслужити-ка акахвиста два, али три!..“
 Іонъ атслужіў. Содють яны яго, частують. Попъ гаворить:— „Што, братъ Михалка. атчаво ты стаў багаты изнова?“— „А, батюшка, Богъ мнѣ даў!.. — „Но, однака жѣ, Богъ ня Богъ, ды ня будь-ка ты самъ плохъ!..“ Старуха гаворить:— „Дѣдъ, я скажу!“.. Іонъ гаворить:— „Скажишь, табѣ худа будить.“— „А вотъ, батюшка, у насъ іосъ залатая козка.—Попъ гаворить:— „Атдайтя вы мнѣ яе, а то вамъ худа будить: хто нибудь у васъ яе украдуть.“—Баба гаворить:— „Дѣдъ, атдадимъ!“— „Атдавай!“—гаворить. Старуха узила да и атдала. Пожили яны зъ годъ зъ этимъ капиталомъ, вышіў етый капиталъ увесь у яго; пашоў іонъ къ священнику:— „Ну, што ты, Михалка, ка мнѣ ходишь?“— „Што, батюшка? Хуть ба съ пятерычку вы мнѣ дали“...— „Ну, нечига дѣлать: первый разъ ужу дамъ, а ящо ни хади ка мнѣ“. Ну, іонъ ету пятерычку правѣў и ящо къ яму пришоў; іонъ гаворить:— „Ну, што жѣ ты, Михалка, ходишь?“— „Батюшка, хуть ба мнѣ зъ рубликъ... Попъ паставіў яго на парогъ и паказаў ему семь дарогъ, ажну искры зъ глазъ насыпались. Заплакаў іонъ горькими слизами и пашоў. Пашоў къ вихру да къ вѣтру:— „Спадманю якъ нибудь!“.. Приходить въ ихъ дому, стучитца падъ вакномъ:— „Добрыи вечиръ добрымъ людёмъ!“—Старушка атвичантъ:— „Здрастуй, здрастуй, старичокъ!“...— „Ти ня цуетитя на нычъ?“— „А хади, съ Богымъ.“ Іонъ увыйшоў, раздѣўся, сѣў на лаўки. Стала старуха распытывать у яго:— „Идѣ ты, старичокъ, буваў?“— „А, што, матушка? Хадіў мучицы даставать“.— „Ну, што, ти дастаў жа идѣ?“— „Даў члавѣкъ гарцы съ два мучицы; я и атправіўся дамой. Аткуль узяўся вѣтиръ и вихыръ, вырвали ету у мяне мучицу и панясли па чистому полю!“— „Ну, садись-ка жѣ ты, вужинай, малися Богу да лажися спать: што Богъ дастъ, то и будить.—Приходятъ яе дѣти, вѣтиръ ды вихыръ; ина и гаворить:— „Ахъ, дѣтки мае, што вы кала стараго члавѣка шутки блазнуитися?“— „Ну, маминька, ни ругай насъ, ни брани: мы яму за ета заплотимъ.—Даў Богъ бѣлый свѣтъ; іонъ устаеть, мыитца. Богу молитца. Гаворить вихыръ да вѣтиръ:— „Вотъ, старичокъ, на залатую торбу: торба залатая, кисти сребринныя“.—Старичокъ и гаворить:— „Што мнѣ зъ ёю дѣлать?“— „А вотъ што: ни дахадя да свайго дому, здѣнь шапку и стань на калѣнкахъ,

взьми яе за вуши и скажи: три съ торбы! А какъ нада ихъ убрать, то скажи: три ў торбу!“—Атпраўляйтца старикъ да дому; ни дахада іонъ да дому, становитца на калѣни, скидываить шапку, бяретъ сумку за кнѣпц, трѣхъ:—три съ торбы!—Якъ выскычили три съ торбы съ харошими нагайками, якъ пѣчали етыга старика прабирать харошимъ праборымъ и гаворють:— „Ни давай козки, ни давай и жаренцыў!..“ Астаўляють яго чутъ живога; іонъ и гаворить:—три ў торбу!—Ихъ и ни стала. Приходить іонъ у свой домъ:— „Ну, баба, слава Богу! принесъ залатую торбу!“—На што жъ намъ, дѣдъ, залатая торба?— „А лѣзь-ка, бабъ, съ печки далоў, станавись-ка ты на калѣникахъ, бяри-ка торбу за вуши, ды скажи:—три съ торбы!“—Якъ сказала баба, выскычили аны, 3, съ торбы съ харошими нагайками, начпли ету бабу лупить:— „ни тдывай жаренцыў, ни тдывай и козки!“—Забивають ету старуху да смерти. Стала дѣду жалка сваей бабы:— „Скажи, баба, три ў торбу!“—Якъ сказала,—такъ яны и убрались у сваю торбу.—Дѣдъ гаворить:— „ну, што, баба, будимъ дѣлыть? Будить у насъ праздникъ, у насъ таперъ капѣйки денягъ при души нѣту: хуть ба мы паслѣдній андыракъ заставили?“—А харашо, дѣдъ!—Заставили андарагъ капѣикъ за 50; ну, и ажидають священника:—Батюшка, зайдитя ка мнѣ, хуть малебинъ атслужитя!“... Ну, іонъ атслужіў малебинъ ему, быў у яго тамъ съ наўштохъ водки, мужикъ яго стаў угощать. Понъ гаворить:— „Што, Михалка, атчаво ты изнова стаў багатъ?“—Іонъ гаворить:— „Богъ даў!“— „Ну, аднака жъ, Богъ ня Богъ, ды ня будь-ка самъ плохъ!“... А старуха гаворить:— „Дѣдъ, а я скажу, итчаво мы ипять багаты!..“ Дѣдъ гаворить:—Скажи, табѣ жъ худа будить.—А „батюшка, у насъ іостъ такая-то залатая торба, а кнѣпц сярэбринныя.“—Атдайти-ка мнѣ яе, а то васъ хто-нибудь забеть.—Аны узали и ету торбу яму атдали.—Ну, што жъ мнѣ зъ естыю торбыю дѣлатъ? Дѣдъ гаворить:— „Батюшка, ни даизжая да двара, станьтя на калѣнки, вазмитя торбу у руки, здѣньтя шапку,—вы, батюшка, свазитя:—три съ торбы! А якъ нада увѣбратъ, скажитя: три ў торбу!—Скорымъ поспихымъ атправіўся священникъ зъ етыю торбыю. Сичасъ, ни даизжая да свайго двара, становитца на калѣни, здываить сваю шапку, бяретъ торбу у руки и гаворить:— „Три съ торбы!“—Якъ выскычили три съ торбы съ харошими свайми плятьми, начали яго бить и

гаворють:— „Атдай торбу, атдай и жаренцы, атдай и козку!“— Збили яго на горькая яблыка, чуть живаго атставили. Іонъ и гаворить:— „три ў торбу!..“ Падъѣзжають къ свайму дому, уходить у комнату и гаворить:— „Матушка, вотъ я привезъ залатую торбу!“— Што жъ мы будимъ дѣлать зъ эту торбыю?— „Становись-ка, матушка, на калѣни, бяри торбу за кисти и скажи:— „три съ торбы!“... Выскачили яны зъ нагайками, давай прабирать матушку и гаворють:— „Атдай жаренцы, атдай и козку, атдай и торбу!“ Ужъ яны збили яе на горькия яблыка; стала жалка папу, да и гаворить:— „Матушка, скажи: три ў торбу!..“ Патомъ ина гаворить:— „Батюшка, пасылайта батрака, штобы сичасъ везъ жаренцы, козку и торбу,—штоба іонъ сичасъ атдаў ета Михалки, тѣму старыму псу;—штоба іонъ таперъ на мой дворъ и наги ни накладываў!“—Привозить работникъ уси ети вещи и гаворить:— „На, старый песь, да на батюшкинъ дворъ и наги ни накладай,—спаживай самъ, што табѣ Богъ даў!“—Атстаеся етый Михалка жить да быть, да добро наживать.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 30.

Якъ изъ трехъ братьіу меньшій пакѣныга батьку старажіу, атъ яго валшебную лашатку пулучіу, а лашатка тая пумагла яму на царейни жанитца.

Какъ жиў-быў адинъ старикъ, и було ў яго три сына: старшій Данила, сярэдній Гаўрила, а третій Иванюша дурачокъ. Вотъ іонъ самъ помиръ и благаславиў сваихъ сыноў: большиму іонъ атказаў три каўпаки золата, сяредниму два, а Иванюши дурачку адинъ каўпакъ—и тотъ безъ золата; патомъ приказаў имъ прихадить караулить яго. Вотъ и давай яны на бирку братца: каму перва начинать, и дасталася большиму брату идить. Вотъ іонъ и гаворить:— „Братъ-дуракъ, сходи: ты, кажитца, смялѣй за насъ!..“ Вотъ іонъ узяў крайчикъ хлѣба и натеръ рогъ табаку, и пашоў къ атцу на магилу. Приходить къ магилы, и ударіў іонъ дубинаю на грабницы, и кричить:— „Батька, ўстань!“—Вотъ устаў етытъ батька; патомъ яны узяли зъ имъ табаку панюхали, краюшку ету съѣли; іонъ и пашоў дамой. Патомъ на другую ночь дастаетца сяредниму брату идить.—

Вотъ іонъ и гаворитъ: — „Братъ дуракъ, вотъ табѣ калпакъ золыта, — только сходи за мяне на магилу батьки.“ — Вотъ іонъ ипять узяѣ — краюшку хлѣба атрѣзаѣ, рогъ табаку насыпаѣ и пашоѣ на кладбища. Пришоѣ на кладбища, ипять узяѣ удариѣ дубинаю па магилки и кричить: — „Батька, ўстань!“ — Патомъ вылизъ етытъ яго батька. Вотъ яны узяли — табакъ панюхали, краюшку хлѣба зѣбли; іонъ и пашоѣ дамой. — Патомъ настаеъ третія ночь. Нужна идить Иванюши — дурачку. Вотъ іонъ и пашоѣ. Узяѣ хлѣбушка крайчикъ и насыпаѣ рогъ табаку. Приходитъ на магилу, узяѣ дубинаю стукнуѣ па магилу и гаворитъ: — „Батька, ўстань!“ — Батька ўстаѣ. Патомъ узяли — хлѣбушка паѣли, табачокъ панюхали, патомъ іонъ и гаворитъ: — „Ну, сынъ мой милый, сынъ мой любимый, хади-ка мы съ тобой: я табѣ ўсе свае хазяйства откажу“. Вотъ яны и пашли, вышли на поля; вотъ іонъ какъ свиснуѣ маладецкимъ голысымъ, а дявичкимъ похвистымъ: — „Сіўчикъ — бурчикъ, работать наўкавурчикъ, идѣ бѣ ты не быѣ, а сюда прибыѣ, — стань переда мною, якъ листъ передъ травою?“ — и гаворитъ: „служи майму сыну, якъ и мнѣ служіѣ!..“ Вотъ патомъ конь бяжить, ажъ зямля дражить. Какъ бѣгъ, такъ на калѣни упаѣ и гаворитъ: — „Чаго изволишь, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ?

А ў какомъ-то горади или ў вакомъ-то каралеўстві праявилась такая цареўна и вяликая багатырка, и нійдѣ ана ня можить найдить сабѣ багатыря. Вотъ и пасланъ приѣзъ ка ўсѣмъ гарадамъ, и селамъ, и дареўнямъ, штобы сабирались ўсѣ и малыя, и старыя, и пѣшками, и на лададахъ, у такой-то и такой горыдъ, къ такой-та и такой цареўни: — „Хто узлѣзитъ или на лошади ускочитъ на третій иташь, за тога и замужь пайду!..“ Вотъ и сабираютца браты Ивана дурака ѣхать къ цареўни. Дуракъ и гаворитъ: — „Братцы, вазьмитя-жь и мяне!“ — А яны гаворють: — „Куда тебе, братъ, такога дурачину: ты только тамъ людей насмяшишь, а намъ черизъ тебе будить совисна! — Патомъ яны пашли, а іонъ гаворитъ: — „Дайти-ка мнѣ лукошка: я пайду — у грибы скажу!“ — Вотъ яму дали пачапню, што ѣздють на гумно за аторей, — іонъ и пашоѣ ў лѣсь. Вышіѣ на поля и гаворитъ: — „Ну, грибки-гаварушки, сабирайтисъ ўсѣ ў лукошка!“ — а самъ какъ крикнуѣ іонъ маладецкимъ голысымъ, а дявичкимъ посвистымъ: — „Сіўчикъ — бурчикъ, работать ніўкавурчикъ, идѣ бѣ ты ня быѣ, сюда прибыѣ, — стань переда

мною, якъ листъ передъ травою!“ — Вотъ конь бяжить, ажъ зямля дражить, съ ногъ агонь свищить, а зъ ушей дымъ пдеть. — Какъ бѣгъ, такъ на калѣни упаѣ: — Чаго изволишь, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ? — „А во што, конь мой милый, конь любимый! приказываю я табѣ, — да сматри, штобы намъ съ табою ни падгадить: ѣ такомъ-та и такомъ горади іостъ цареѣна, — штобы намъ туда приѣхать и на третій иташь ускачить, цареѣну пацалувать и надарыкъ ѣзять!“ — Харашо, сказаѣ конь: Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, только ты вазми: ѣ правыя вуха ѣлѣзь, а ѣ лѣвыя вылизъ, — садись лягенька, дяржись крышенька, а я палячу стрялой, штобы намъ яе снятъ дадой!.. Вотъ іонъ какъ ѣхаѣ туда, то ажъ дымъ па дароги стаѣбомъ, падѣвзжаить іонъ къ дварцу и пасматрить, хто па стянѣлѣзить, а хто па углу лѣзить, а сколько убитыхъ ляжить. А іонъ какъ ѣхаѣ, такъ и ускачіѣ на балхонъ; съ цареѣную пацалуваѣся и падарыкъ приняѣ; патомъ и атправіѣся ипать на свае мѣста, пустіѣ свайго каня у заповѣдныя луги, а самъ узяѣ ету пачапню съ грибами. Идетъ дамой, а браты ужъ дома и рассказывають ани пра то, што тамъ была. А іонъ и гаворить: — „Ти ни я ета тамъ быѣ?“ — А яны гаворють: — „Ахъ ты, дурачища, ты! табѣ то ета дастанитца сдѣлать: табѣ ни дастанитца дайжа пасматрѣть!“ — А іонъ гаворить: — Низай сабѣ, и ни я тамъ быѣ. — Пашоѣ іонъ у поля, запѣѣ пѣсню:

„Хадіѣ добрый молыдицъ
Па чистыму полю...“

Патомъ черизъ нѣскальба ѣремя праявіѣся слыхъ, што ета цареѣна ипать будить сабирать ѣсихъ, каторыя были тада. Вотъ и сабираютьца ипать еты браты. Патомъ етытъ Ванюшка дурачокъ и гаворить: — „Братцы, вазмита жѣ и мяне!“ — А яны атказывають: — „Ахъ, ты, дурачища, ты пухамелища: ну, буды намъ ета тябе узять: только народъ смяшить и Богу гряшить, да насъ стыдить?..“ Патомъ и гаворють: — „Ты вазми лукошка, да ступай ѣлѣсъ, набари грибоѣ: во ета твае дѣла!“ — Вотъ іонъ узяѣ лукошка, пашоѣ у лѣсъ, патомъ паставіѣ лукошка ѣ лясу, а самъ вышіѣ на чистыя поля, засвистаѣ маладецкимъ голысымъ, а даявическимъ посвистомъ: — „Сіѣчикъ-бурчикъ, работать ніѣгавурчикъ, стань переда мною, яѣ листъ передъ травою!“ — Вотъ конь бяжить, ажъ зямля дражить, съ-падъ ногъ

агонь свищить, а зъ вухей дымъ трубою... Якъ бѣгъ, такъ и паў пирядъ имъ на калѣни:— „Што табѣ нада, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ?“ — А во што, конь мой милый, конь любимый, какъ ба намъ ѣхать у тотъ горадъ, идѣ живеть та царейна, штоба намъ туда падѣѣхать и на ўтарой иташъ ускочить, съ царейною павидатца и падарыкъ принять!“ — „Ладна, гаворить конь Ивану дураку: — „Ну, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, сильный-магучій багатырь, пализай у правыя вуха, а ў лѣвыя вылизай, садись лягенька, дяржись кряпенька!“ Вотъ пирядъ имъ конь лажитца, на яво Иванъ садитца. — Какъ заржаў, захрапѣў и стрялою палятѣў, — толька съ-падъ ногъ агонь свищить, а съ ушей дымъ стаўбомъ стаить. Какъ ускачіў къ царейни на ўтарой иташъ, съ царейною палалуваўся, падарыкъ приняў. А тутъ проста увесь горыдъ загрузонъ народымъ: хто лѣзить па стянѣ, хто па углахъ — и усѣ якъ снапы падають абъ землю. А іонъ атправіўся ипать дамой. пустіў каня ў запавѣдныя луги, а самъ идеть дамой и громка пѣсннки пупиванть; принесъ лукошка грибоў. Тутъ пришли яво браты аттуда и давай дома хвалитца: — адинъ гаворить: — я чуть-чуть, ни далѣзъ; — другой гаворить: — я то и лѣзть ни начинаў: пубыўся што убьесетья; а какой-та пріѣхаў на такой хорошіи лошади, — да какъ ѣхаў іонъ кала мяне, дыкъ я и зъ ногъ упаў.“ — А Иванъ дуракъ имъ гаворить: — „Ти ни я то ета тамъ быў?“ — А яны гаворють: — „Ахъ, дурачица ты: тябѣ тамъ ни дастанитца етыга дайжа пасматрѣть!“ — А іонъ гаворить: — „Ну, пушай сабѣ я тамъ и ня быў! — Узяў іонъ сабѣ краюшку хлѣба, пашоў на чистыя поля, паливая громка пѣсни:

— „Хадіў я, добрый моладыць,
Па чистому полю...“

Патомъ ета царица искать да искать етыга багатыря, — никакъ ни магла найдить. Патомъ ина ипать приказала и славесна наказала, штобы были на паслѣдній сборъ ипать усѣ. Вотъ уси сабираютца и уси сьызжаютца; вотъ ина и выходитъ на треттимъ итажи на балконь. Вотъ тутъ хто лѣзить па стѣнамъ, хто принесъ зъ дому лѣсницу: никакъ ни хто ня можить да-братца да царицы. — Патомъ какъ лятѣў Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, на сваёмъ добрымъ кани. — такъ пряма на балконь и ўскачіў къ царейни. Тутъ усѣ удіўляютца, какъ можна

на кани туда ўскачить. Вотъ ина и дала яму свое имянно калъцо и сказала:— „ты—мой абручонный другъ!“—Патомъ ихъ аттуда ўзяли падъ руки съ царёвную прикрасную и пували ў гасударственный дворець; патомъ черизъ нѣскалька ўрема приривинчались: стали жить, да паживать, да дабро наживать.

№ 31.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

Илья Мурамецъ.

Якъ малый сынъ пакойныга батьку калауріѹ и пулучіѹ за ета Свинку-„залатую щатинку“, Казу-„залатэй рохъ“ и Канька-„сіўчика-бурчика“.

Была у мужика три сына. Умираѹ атець ихъ и приказываѹ, штобъ всѣмъ вамъ на маемъ кладбищи паначувать,

И гаворить:

— „Я вамъ буду па части атказывать, раўнить.“—

Ну, пахаранили яго дѣти и, выходитъ, нада итти калаурить батьку. И каму нада идить? Бальшаку напярעדъ. Бальшакъ спужаѹся, ни пашоѹ; нада идить Ильи Мурамцу. Дають яму за работу пирохъ, кусокъ гавядины. Илья Мурамецъ и пашоѹ начувать адняѹ. Атець гласить съ магилы:

— „Ты, большій сынокъ, начуишь на маей магилачки?“

— „Нѣтъ, Илья Мурамецъ, малый сынокъ.“

— „Вотъ тебѹ часть: у тридвятымъ чарстви есть Свинка-залатая щатинка.“

Приходить дамой.

— Какую часть тибѹ батюшка атказаѹ?

— Атказаѹ?!.. Ти ходють мертвыи съ това свѣта дамой.

Выходитъ итти середнему—и тотъ даетъ пирохъ и кусокъ гавядины Ильѹ. Атказаѹ батька Ильѹ за среднива брата Казу-залатой рохъ. Идетъ Илья на сваю ночь, — атказаѹ яму батька кабылицу съ 11 жирибцами и Сіўчика-бурчика. Приходить дамой, часть сваю атъ атца атабраѹши.

Удрухъ царь разсылайть бумаги па Россіи: выходитъ будить дочь яво на балконъ; хто падѣдитъ къ ней на багатырскій лошади, пацалуить яе, за таво атдасть царь дочеу за мужъ.

И кормють братьтя лашадей, штобъ ѣхать цареўну глядѣть. Илья Мурамецъ узяў кашолку и пашоў у грибы. Приходить у луги, кличить:

— Сивецъ-бурецъ, вѣчный каурецъ, стань пирида мною, какъ листъ пириды травою!

Юнъ бяжить зъ гары да гары, зъ ряки да ряки, пала на калѣнкахъ.

— Илья Мурамецъ, какую службу служить?

— „А вотъ какую службу: падѣхатъ мнѣ въ цареўни на балконъ, такъ штобъ падалавать іе.“

— Ну, пализай у лѣвыя ушка, у правыя вылизь; садись смялѣя, паганяй ни жалѣя.

Дагнаў братьевъ пупаротъ ихъ хулудцомъ; запароў ихъ на смерть. Какъ разагнаўся на лашадеи, чуть ни пуцулуваў цареўну. Аттуль зваратіўся, ящо запароў братыў абайхъ. Приизжаить дамой братьтя—бальныи. Лошаты пустиў у зиланыи луга; самъ пришоў пашой дамой. Вохають братьтя:

— „Запароў насъ нѣкій дуракъ да смерти!..“

— Братьтя, братьтя, ти ни я васъ пароў?

— Дуракъ, дуракъ, ляжи ты на печки: у тебе такей рожы нѣтъ и лошади нѣтъ.“

— Ни я, дакъ и я—ни я.

На заўтришній день ипать цареўну цулувать сабираютца братьтя.

— Паѣдимъ мы братъ другэй дарогый! (юнъ и чуить).

Черезъ недѣлю апать паѣхали цулувать цареўну, а юнъ узяў кашолку, пашой пашоў у грибы. Брикнуў лошаты сѣў; какъ разагнаўся, прима у лицо и падалуваў цареўну—ина яму звезду у лобъ прима и приляпила. Узваратіўся назадъ и ну ипать хлудцами, хлудцами зилѣзными избіў имъ усѣ тѣла. Пришоў дамой, звезду завизаў; апать, па пріѣздѣ, такіе жъ разговоры у него были зъ братьтими. Спрашиваить царь усихъ пашкомъ къ сабѣ. Разъ дуракъ ноччу звезды и ни прикрыў. То темна была—вдрухъ загарѣлась изба ать звезды; братьтя закричали:

— Ой, домъ нашъ гарить!

Юнъ звезду прикрыў—темна стала. Жонки ихъ гаворять:

— Глумныя, избы цѣлы, и вы гаваритя: гарить.

И пабились яны уси чиста: и жонки, и братьтя. Черезъ

мѣсяць пашли пѣшія къ царю; и прибрали весь народъ, и ни находитца тотъ чплавѣкъ са звѣздой. Наканецъ, нашли добрага маладца на печки и жанили на царскій дочери.

У царя еще два зяти; загадывають онъ зптямъ своимъ загадку:

— „Зятѣ мои милыи, зятѣ мои любезныи, хто дастанитъ мнѣ изъ васъ Свинку-залатую шартинку! Кармитя добрыхъ коней, штобъ они ни пристали въ дароги и панзжайтя за дабычій!..“

Паѣхали старшіи два зити у зпленые луга искать свинки.
а Илья, младшій зять, гаворить:

— Жонка, дай мнѣ вадавозную кабыленку!

Ну, и она гаворить:

— Дайте мужу вадавозную кабыленку!

Онъ сѣу и начау битъ лошатъ своимъ кулаками по ж...
Ѣдитъ па гораду, и усн сміютца: царскій сынъ какую кобыленку узаяу.

Прізжанть Илья у зпленныи луга, кликнуу Сивчика-бурчика—а онъ бяжить, какъ жаръ гарить; пріѣхау на Сивчики къ Свинки-залатой шатинки, сгрѣбъ іе и привезъ въ свае царства.

А другіи зити пріѣхали ни съ чѣмъ и просятъ зити:

— „Атдай свинку!“

— Дайте зъ руки пу пальцу атрѣзатъ—атдамъ!

Тѣ зити, хуть и бальныи, привозють Свинку-залатую шатинку, а Илья приносить, атдаеть жанѣ шкуру вадавозный кабыленки.

Пасмылають апать царь зитей своихъ за казой:— „зятѣ мои любезныи, привизите мнѣ Казу-залатой рохъ!..“

Илья Мурамецъ привезъ іе на своемъ Сивчики и атрѣзау за ету штуку у зитей на пальцу съ наги.

Наканецъ, приказывають царь своимъ зитямъ дастать кабылицу у тридивятымъ царстви. Кличитъ Илья своимъ Сивчика: такъ и такъ.

— А ты за мою мамыньку бярешься: трудно дастать іе! Куй 12 хлудцовъ, штобъ каждый хлудецъ быу па пуду. Пализай у лѣвыи ушка, а у правыи вылизъ, садись смѣла, даржись крѣпка!..

Дагнау Илья Мурамецъ Кабылицу и стау смалить іе па вушамъ.

— За што ты бьешь?

— А требунть тебе царь на лицо.

— „Садись на мене, и дѣти маи пайдуть уси.“

Призжають Илья на царскіи дуги и видитца съ прочими зятями; атдаеть имъ сваю дабычу, только штобъ они пазволили яму атрѣзать па рямяю на спины.

Зити скинули платья и дали яму атрѣзать.

Топють зятямъ бани, а яны идуть ніахотна, Илья жъ захватіу у баню у кармани ряни и пярсты.

Приходить царь у баню:

— „А йдѣ падѣлись ваши пярсты?“

А што ета у васъ на спины?“

Маучать; а Илья вынимають изъ кармана ряни и пярсты. атдаеть царю и разказывають яму, за што яны атдаины.

Приказау царь раздергать сваихъ зятей на конскыхъ хвостахъ па чистому полю, а на Ивана сказау:

— „Тибѣ усе мае царства, а я буду тваимъ захрибетникомъ.“

№ 32.

Сказка а бѣднымъ и багатымъ брати, ваўшебный курицы, скатирти, трубачки.

Въ нѣкоторомъ царстви, въ нѣкоторомъ гасударстви, а пминна ў томъ, у каторамъ мы живемъ, праявіўся разказъ не ать насъ, какъ жили два браты: адинъ багатый, а другой бѣднѣй. Вотъ яны пражили нѣскалька лѣтъ; патомъ приходитъ, какъ у насъ называютьца, радитильскій день Раданица,—нужна паминать радитиліу. У багатага брата ўсяго давольна, а у бѣднага нѣтъ ничога. Патомъ іонъ, бѣдный братъ, и гаворить на сваю хазяйку:—Иди-ка, сходи къ майму брату, пуспраси чаго нибудь; можа, и дасть што-нибудь пумянуть радитиліу.—Вотъ ина и пашла къ яго брату багачу. Уходитъ у хату:—„Здрастуйтя!“—Здрастуй, прахади, садись!—А ина гаворить:—„Нѣ, мнѣ некада сядѣть: пришла я къ вамъ дѣлымъ!—Брахнинька, слѣлай милысть, вызвыль ты мяне, што я буду прасить. У насъ сягни радитильскій день,—дай мнѣ кусочикъ мяса пумянуть радитиліу.“—А іонъ гаворить:—На, няси тому брату, атдай

яму, яєъ чорту!.. Вотъ ина узила и панисла дамой; приносить и гаворить: — На, прислаў табѣ братъ атдать чорту!.. Вотъ іонъ и гаворить:—Ну, какъ жа мнѣ ѣсть? іонъ прислаў ня мнѣ, а чорту. Пайду искать чорта!—Вотъ іонъ ишоў, ишоў; стричайтца зъ имъ чортъ и гаворить:—Здрастуй, мужучокъ! куды идешъ?—А пду искать чорта.—А чортъ и гаворить:— „Я—чортъ, дай мнѣ ета мяса!“—А іонъ гаворить:—А ты мнѣ за ета што даси?— „А вѣ-што я табѣ буду давать,—смотри: ни бярп ничога, а толька вазьми курицу черную!“—Мужикъ атдаў чорту мяса, а чортъ гаворить:— „Ну, атступи три шага назадъ!“— Вотъ іонъ атступиў три шага назадъ, пасматривать: такея харомы пригожія, а што панастаўлина питиння, и идиння. и разнага кушання!—Вотъ іонъ тамъ жиў и гуляў. Патомъ яму гаворють:—Ну, што ты сабѣ вазьмешъ за ета мяса: золыта ай сирибра? А іонъ гаворить:—Нѣтъ, ни нада мнѣ ни золыта, ни сирибра. а дайтя мнѣ чернаю курачку.—Вотъ яны и гаворють:— „Ну, што съ табою дѣлать? Каєъ ты чплавѣєъ харошій. та вазьми ужъ!“.. Вотъ іонъ узяў ету курачку и пашоў. Ишоў, ишоў, и гаворить самъ сабѣ:—Ну, на што я узяў ету курицу?—луччій бы я узяў сабѣ золыта или сирибра.—Вотъ сичасъ стричайтца чортъ и гаворить:— „Ты вазьми, да патисни ету курицу!“.. Вотъ іонъ какъ начаў яе тиснуть, то ина и начала пакаститъ золатымъ. Вотъ іонъ нямнога прайшоў, патомъ ипать яе патиснуў, насыпаў іонъ золыта поўнья карманы. Патомъ ишоў, ишоў,—стаить кабакъ. Іонъ зайшоў туда и гаворить на кабашника: дай мнѣ рюмку водки. и другую, и третію!... Патомъ и атдаєтъ яму залатой, а кабашникъ гаворить:—Идѣ ты ета узяў залатой?— А іонъ гаворить: „У мяне война курица,—смотри-ка, што зъ яе будить!“ И давай яе тиснуть; вотъ ина и начала турить золытымъ и сирябромъ. Патомъ ета кабашница напайла яго сильна пьяна. Іонъ легъ, а курицу палажиў у галавахъ. А кабашница узила ету курицу и пиримянила. Патомъ іонъ устаў. схватиў ету курицу и пашоў дамой. Приходитъ дамой и гаворить на жонку:—Ну-ка, жонка, расстаўляй дярюгу!... Патомъ и начаў давить ету курицу; давиў, давиў, толька пабгадила усю дярюгу. Патомъ и гаворить:—Пайду ипать вѣ чорту!.. Ишоў, ишоў, стричайтца ипать съ чортымъ. Іонъ и гаворить:—Нѣтъ, чортъ, дренъ твья курица: нѣтъ зъ яе толку ничаво,—ни даєтъ золыта.— Чортъ и гаворить:— Ну, атступи ипать три шага ўпередъ!..

Пасматрѣть: ипать харомы. Чортъ и гаворить: — „Сматри: ничаво ни бяри,—вазьми только скатирсть!“... Вотъ стали яво тамъ угащать. Патомъ и гаворють:— „Ну, што вазьмешь: золата али серибра?“—А іонъ гаворить:—Мнѣ ничога ни нада.—только дайтя мнѣ ету скатяретку!— „Ну, што съ табой дѣлать? Вазьми!“... Вотъ іонъ узяў и пашоў. Патомъ и гаворить самъ сабѣ:—Ну, што я буду дѣлать съ етыю скатирѣткью? — А ва сустрѣчу къ яму идетъ чортъ и гаворить яму:— „Ты вазьмитрихани ету скатяретку, то табѣ будить, што нада.“ — Вотъ іонъ трихануў етыю скатяреткью, то аткуль узались такае напитки, такае наѣдєц, — тутъ усє: и музыка, и харомы. Вотъ іонъ вышїў, выпасѣся и идетъ. Стаить кабаць. Іонъ туды увайшоў. Увайшоў и давай хвалитца цулуванница. Цулуванница напаяла яго сильна пьяна. Вотъ іонъ легъ, а скатирсть залажїў падъ голавы. Эта цулуванница узла ету скатиртку и абмянила. Прашнуўся іонъ, схватиў ету скатиртку и пашоў дамой. Во и гаворить на жонку:— „Таперъ мы съ taboo паживемъ! Сматри-ба, што я сдѣлаю.“ — Вотъ іонъ узяў, вынїў ету скатиртку, — каєъ трихануў яе, а изъ яе нѣту ничога. Жонка и гаворить:— „Каторый разъ ты ета мяне абмануишь?“ — Вотъ іонъ узяў ету скатиртку и пашоў ипать къ тымъ чиртямъ. Приносить и гаворить:—Што вы мнѣ ета дали? упередъ усє було, а таперъ нѣтъ ничаво.—А яны и гаворють:— „Да, ты то. харошїй чилавѣкъ, атъ насъ ты бярешь и къ сабѣ ни приводишь.—Ну, што хочишь брать золыта али серебра?“ А адїнъ чортъ гаворить:— „Ни бяри ты ни золыта, ни серибра, а вазьми сабѣ трубачку!..“ Вотъ іонъ и гаворить:—Ни давай ничаво,—толька дай мнѣ ету трубочку! — „Ну, што съ taboo дѣлать? вазьми!“—Вотъ іонъ узяў и пашоў.—Ишоў, ишоў и думаць:— „Ну, на што мнѣ эта трубачка?“—Хатѣў іонъ яе ужъ бросить; сичасъ яўляитца чортъ и гаворить:— Ты вазьми у ету трубочку и затруби!... Вотъ іонъ только затрубиў—выскакивають двинадцать малайцоў: голысь у голысь, вогысь у вогысь, глазь у глазь, глядять каєъ разъ и спрашїють:—Што табѣ нужна? А іонъ гаворить:— „А вò што мнѣ нужна: папїть да пагулять.“—Вотъ тутъ сичасъ явилась такая музыеа, и питяне, и идяннє. Патомъ, папїўши, пагуляўши, ипать іонъ падуў у трубачку,—ипать ничаво ни стала. Идетъ іонъ ипать кала тога кабацька. Вотъ іонъ зайшоў туда. Патомъ и гаворить на ка-

башницю: — „Паслухай, вумница! атдай маю чорную курицу и маю скатярку, а ежли ты ни атдаси, то я тябе сичась разарву на мелкія части!“... Вотъ эта кабашица и давай яго на шіямъ таўкать изъ кабака. Вотъ іонъ якъ дунуў у ету трубачку, якъ выскачили двинадцать малайцоў: голысь у голысь, волысь у волысь, глазь у глазь; вотъ аны и гаворють: — „Чаво изволитя?“ — А во чаво: штоба ету кабашицу сичась забить и крошки раздялить. — Вотъ яны яе падхватили, какъ начали трипать, вотъ ина и гаворить: — „Стойтя, стойтя, братцы! атдамъ я вашу курицу и скатяретку!“ — Вотъ іонъ ипять дунуў у ету трубачку, и яны уси пуубрались. Узяў іонъ ету курицу и скатяретку, и пашоў. — Пришоў дамой и гаворить: — Ну, жонка, талеръ наша дѣла — слава Богу! — А ина гаворить: — Ну, полна табѣ кала мяне сміятца! — А іонъ гаворить: — „Ну-ка, иди суда! — Ина падайшла. Вотъ іонъ какъ дунуў у ету трубачку, какъ выскачила двинадцать малайцовъ: што табѣ нада? — А во што: штоба была и папить, и паѣсть, и пагулять!.. Тутъ стали такея харомы, што только сматрѣть на ихъ! Какъ пашла такая музыка, што только дяржись! — Сичась, іонъ якъ трихануў скатяретку, стали такея наптки и наѣдк! Вотъ яны тамъ бясѣдавали нѣскалька ўремя и пазвали сваяго брата багача. Патомъ, паекончившесь ўся ета музыка, дунуў іонъ ипять у ету трубачку: якъ ни було ничога, такъ и нѣту ничога. Патомъ іонъ выніў курицу и гаворить: — Ну-ка, жонка, растяли дярюгу!.. Вотъ ина разаслала дярюгу. — Вотъ ана разаслала дярюгу, а іонъ и давай яе тиснуть, а курица пакаститъ золытымъ и сирябромъ. — Патомъ іонъ и гаворить: — „Схади къ брату за мѣркью! — Вотъ ина пришла къ багачу и гаворить: — Брахнинька, дай ты мнѣ мѣрки! — „На што?“ — Да што-та мѣрпть. — Вотъ іонъ и гаворить на сваю хазяйку: — Дай имъ мѣрку, каторая бизъ абручоў. — Вотъ ина узпла ету мѣрку и панпсела яе дамой. Намѣрили яны цѣлыхъ двѣ четверти золыта и наторкали ў избѣ па щеляхъ. Идетъ багачъ и замѣтіў на вокнахъ золыта, и думать, што ета такая. Увайшоў у хату, пасматрить: па ўсей хати наторкана золыта; іонъ и гаворить: Идѣ ты ета узяў? — „А Богъ мнѣ даў.“ — Вотъ іонъ и давай ета усюдухъ разказывать. Патомъ дачулись паны (а ета було при крипасномъ праві); присылають памѣщнкъ за етымъ мужукомъ: — „Штоба быў іонъ ка мнѣ!“ — Іонъ и пашоў къ памѣщнику. — Памѣщнкъ и гаворить: — Я слы-

хаў, што у табе есть курица, што с.ить золытымъ; да ящѣ скатиретка, а ў ей усякихъ напнткыѣ и наѣдыѣ давольна?— Да, ваша благодарія, іось!— „А идѣ ты ета узяѣ?“ — А Богъ мнѣ даѣ.— „Вотъ жа я табѣ приказью, штоба ета мнѣ принесина была! — Думаѣ, думаѣ мужнєбъ: што тутъ дѣлать?— А баринъ гаворить:— „Ты мнѣ только на адинъ дянєкъ!“— Іонъ атдаѣ.— День праходить—ни нясутъ, и другой, и третій, — а ўсѣ ни нясутъ. Вотъ іонъ узяѣ трубачку и пашоѣ еъ пану. Приходить на гасподскій домъ и гаворить:— „Ну, баринъ, па-жалуйтя мае вещи!“ — А іонъ гаворить:— Эй, вы, слуги мае! Дайте яму вящей, штоба іонъ и ни панєсь!.. А іонъ какъ дунуѣ у трубу, якъ выскачили двинацать малайцоѣ:— Чаво изволитя?— А іонъ гаворить:— „Валяй усихъ!“.. Вотъ яны якъ начали етыхъ слугъ битъ, етытъ памѣщикъ сматрѣѣ, сматрѣѣ и гаворить:— „На, братъ, твае вещи: а то и мнѣ ета будить!“— Вотъ іонъ узяѣ ету курицу и скатиретку и пашоѣ дамой. Стаѣ жить, да паживать, да добра паживать.

№ 32.

Бѣльскій уѣздъ, село Шонтово.

Чаремшинка.

Мужьку стала худа жить.

„Пайдѣ“, гаварить: „утаплюсь!“

Сидить старичекъ надъ якою.

— „Куда ты, мужичекъ, лѣзишь?“

— А я лѣзу у ваду.

— „Зачѣмъ ты лѣзишь у ваду?“

— А худа мнѣ жить: дѣти зъ голыду умирають.

— „Ня лѣзь, мужичекъ, въ ваду: на табѣ скатиреть.“

— А што жъ ты будишь дѣлать съ скатиртью?

— „А ты скажи: разварнисъ — раскатисъ, дай пштинна — пштинна!.. Скатирть тебе и напоить, и накормить.

Онъ узяѣ скатирть и пашоѣ дамой.

Дамой ни дайшоѣ—значуваѣ на дароги. Бабка цуцрасила яго на нычь.

— „Прашу пакорна тибє на нычь, садисъ, паужинай, мужичекъ, лажисъ спать!..“

А сама узяла скатирть, тую сибѣ узяла, а яму дала прастую.

Приходить дамоу.

— „Ну, мались Богу, садись, хазяйка; будимъ сыты — давольны!..“

Сѣли за столъ. Узяў заслаў скатирть.

— „Скатирть мая възлюбленная, раскатись — развярнись, дай питиння — идиння и падгуливання!..“

А скатирть, какъ лижала, ничаво ни даеъ: ни питиння, ни идиння, ни падгуливанна.

Заплакали дѣти, сѣдя за сталомъ съ матирью.

И гаварить ина:

— Мучитель ты мой, замучіў ты мене!..

Іонъ и гаварить:

— „Пращай, жина! пайду, утаплюсь!.. — Пращайтя, дѣтки!..“

Приходить на тоя мѣста тапитца.

— Што жъ ты, мужичекъ, топишься, а дѣти зъ голыду умирають?! Ни тапись, мужичекъ, вотъ табѣ барашку.

— „А што жъ я буду дѣлать зъ барашкамъ?“

— А ты скажи: триханись. барашка! будить табѣ золыта; другой разъ триханись — будутъ тибѣ бумажки.

— „Благодарю, батюшка!..“

Публагодаріў яво и пашоу.

Уходитъ старушка на дарожку.

— „Ступай ка мнѣ на нычъ: будить у мене давольна и питиння и идиння“.

Пришоу къ ей; дала яму паужинать, дала яму прастога барашку, а тога сабѣ узила.

Приносить дамоу хазяйки барашка.

— „Слава Богу: теперъ будимъ зъ деньгамъ!..“

А ина атвичаить:

— „Мучитель мой, замучіў мене!..“

Ужъ не вѣрить яму.

Паставіў барашку на столъ

— „Триханись, барашка!..“

А іонъ стаить, якъ стаяў.

— „Хазяйка, ни плачь: пайду утаплюсь.“

Приходить на тоя мѣста, лѣзить у воду.

Атвичанть яму хто-та:

— „Што у воду лѣзишь?“

— Дѣти зъ голыду зъ жаною умирають.

— „Ни тапись, мужикъ! на табѣ чаремшинку.“

— А што жъ я буду дѣлать съ чаремшинкай?

— „А ты, идѣ начуишь, сважи: Чаремшинка, развярнись!

Атдадутъ тебѣ барашку и скатирть; ани будутъ за 12-ю замками, за двинацатимъ двирямъ.“

Іонъ пять идетъ къ старушки, а ана яго заветъ:

— „Ступай! у мене многа питиння и идиння и накой харошій.“

Онъ легъ спать; а ана палажила яму прастую чаремшину.

Іонъ устаеть.

— „Бабушка, ета ни мая чаремшина.

— Што ты, глумной?! твая.

А іонъ скажить:

— Ни мая! Идѣ жъ вазьму яе, када ни мая?

Закричаѹ іонъ громкимъ голасамъ:

— Чааремшинка мая, раазвярнись, рааскатись!..“

Идѣ не была двинацать маладцаѹ, ударили замки садить, двери лумать; замки пулумали, двери разлумали, ударили ету бабу бить, бить били, били на смерть.

— „Батюшка, памилуй мене!“ Просить ана етыва мужика.

— Атадай маю скатирть, атадай майго барашку.

— „Вазьми, батюшка, вазьми, атпусти толька маю душу на пакаяніе: вотъ тибѣ барашка, скатирть.“

Мужикъ кричить:

— „Звярнись, чаремшинка!..“

Атдала ана яму скатирть и барашку.

И приходитъ іонъ дамоѹ и приносить и скатирть, и барашку, и чаремшину.

— „Тн жива ты, хазяйка?“

— Жива? Замучіѹ мене, мучитель мой!..

— „Садись же, хазяйка! Будимъ пить—гулять, падгудивать!..“

Сѣѹ за столъ.

— „Скатиртъ мая вазлюблина, раскатись—развярнись, дай питиння—идиння!“

Скатиртъ раскатилась—развярнулась.

Што тутъ питиння — идиння?!.. Чаво тольке душа падымайтъ!

— „Ти хочишь, штобъ денихъ табѣ дать?“

А ина гаварить:

— Да када бы ты денихъ даў, ета бѣ слава Богу!..

Паставіў іонъ барашку.

— „Барашка, триханись!..“

Барашка трихануў разъ—стала золыта; другой разъ трихануў—стала серибра; третій разъ трихануў—стали бумажки.

— „Ну, хазайка, ти давольна ты мною!“

— Давольна, дѣдушга!

Даказывають барину:

— „Вашъ мужичекъ гулянтъ—харчуитъ и васъ ужъ знатъ ня хочитъ.“

— Пади, старыста, дай яму вѣлю харошую!..

Абступили мужичка кругомъ:

— „Выходи, Иванъ, на пригонь!..“

— Зачимъ я пайду на пригонь? Ни пайду я на пригонь.—

А самъ пьетъ чай да вино, гулянтъ за сталомъ.

Старыста гаварить:

— „Мужики, бари яво, вяжита у бараній рохъ!..“

А мужичекъ кричить:

— „Чаремшинка, развирнись!..“

Выскачила 12 маладцоў, ударили вотчину тирибить: каму руку, каму нагу атбили.

Іонъ гласить:

— „Старысти наддайтъ!..“

Якъ пѣчали старысту бучить.

Старыста атвичаитъ:

— „Батюшка, памилуй ты мене, грѣшника! Ни паганю я тебе вѣкъ на пригонь!“

Мужинь атвичаитъ:

— „Чаремшинка, згарнись!..“

— „Стуцай—садись са мной попличь: сичасъ будить питиннѣ—идиннѣ!..“

(Мужикоў ужъ ня просить: ихъ усихъ чаремшинка пабила).

— „Ни пайду, мужичекъ: баюсь у тебе абѣдать.“

— А ни пайдешъ ка мнѣ, ящо падемылють больша.

Призжаить дамоу, баринъ спрашптъ старысту на лицо:

— „Ти выгнаў ты Ивана на пригонъ?“

А стараста гаварить:

— „Вы, баринъ, папробуйтя выгнать, а я низдароу: забил да смерти.“

Баринъ кричить на кучира:

— „Запригай!..“

Паўхаў баринъ самъ. Призжаить:

— „Иванъ, выходи на пригонъ!..“

— Зачимъ я пайду на пригонъ?!

— „Какъ ты смѣу мнѣ таеъ атвичать?“

— Баринъ, ни баюсь я тебе!..

— „Какъ ты мене ни баесятя? я тебе у калодки пристаўлю у Сибирь.“

— Баринъ, ня смѣишь.

— „Мужикъ, бир яво, вяжи!..“

Мужики даўжны брать. Мужикъ закричау:

— „Чаремшинка мая, развярнись—раскатись!..“

Выскачила 12 маладцоу, ударили вотчину тирябить: каму галаву, каму руку атарвали.

— „Баринъ,“ гаварить мужикъ: „ступай ка мнѣ абѣдать!..“

— Иванъ, я баюсь къ табѣ идить.

— „Ня бойся, баринъ, я тебе бить ня буду—только мнѣ вольную дай!..“

Пришоу къ яму баринъ:

— „Идѣ ты узяу питиння—идиння?“

(Онъ барина ня біу, а только прибіу старасту. Барина за што бить? Баринъ ни винувать).

— „Пиши, баринъ, вольную!..“

Написау. Вадѣу скатирти накармить барина.

— „Баринъ, ти нада тибѣ за вольную деньги?“

— Када даси, дай!

Іонъ узяу барашку, паставіу на столъ.

— Стриханись, барашка!..

Трихануеся барашка—усе золыта, выши барана.

Баринъ деньги и узяу.

— „Ти ни нада тибѣ сиробра?“

— Чаму, Иванъ? Калі есть сярбро, дай!

(Иванъ зъ баринымъ харошо обрацца, іонъ толькі зъ войтымъ—да то мужикъ—яму ета па дяломъ, яво біць слѣдуить).

— „Дай сярбра барину—триханись!..“

Какъ трихануцца, такъ цѣлая куча сярбра,

— Забирай, баринъ! Ну, баринъ, ти даволинъ ты маймъ деньгамъ?

— „Благодарю тебе, Иванъ, за деньги.

— Ящо прибаўлю!

— Што, барашка, дай барину бумажикъ, триханись!..

Барашка трихануцца—цѣлая куча бумагъ.

— „Што, баринъ, ты зваў мне на пригонъ—ти даволь-но табѣ денихъ?“

— Благодарю, Иванъ, три разы тибѣ за леньги.

— „Кучиръ, падай лошадей, паѣдимъ дамоў“.

А іонъ атвчайтъ:

— Нѣ, баринъ, будимъ ящо гулять—тада лошадей тре-бувай!..“

И гуляў баринъ тамъ троя сутыгъ.

Пупрацца баринъ зъ Иванымъ и поѣхали дамой.

И я тамъ быў, и мнѣ на табаку пупала.

Деревня Бердебяки Ельнинскаго уѣзда.

О купеческомъ сынѣ, собакѣ, котѣ и змѣѣ, мышиномъ царѣ, рацѣ Хаберѣ, царѣ раковъ, и Лукапѣрѣ.

Купеческій сынъ спасаетъ жизнь собакѣ, коту и змѣѣ; змѣя скидывается царевною, а потомъ, принявъ свой прежній образъ, переноситъ купческаго сына въ свое царство, къ своему отцу. Отецъ змѣи за спасеніе дочери даритъ купеческому сыну волшебное кольцо. Купеческій сынъ сватается къ царской дочери и, при помощи волшебнаго кольца, выполняетъ трудныя порученія, которыя даетъ ему царь: строить мраморный дворецъ и серебряный мостъ отъ своего дома до царскаго, по обѣимъ сторонамъ моста ставить золотыя и серебряныя вѣточки, строить церковь восковую — „звоны золотыя, поны патріархи молодые.“ Въ выстроенной церкви купеческій сынъ вѣнчается съ царскою дочерью, но счастье его продолжается не долго: въ первую брачную ночь царевна похищаетъ у мужа кольцо и съ Лукаперомъ Цимбалдовичемъ, при помощи того же волшебнаго кольца, переносится въ другое царство. Царь дѣлаетъ видъ, что подозрѣваетъ купческаго сына въ убійствѣ своей дочери, и заключаетъ его въ темницу. А собачка и котъ плывутъ въ Лукаперово царство; при помощи мышинаго царя и мышки-чунурьжки, похищаютъ волшебное кольцо; теряютъ его, переплывая моря, но снова достаютъ, при помощи Рака-Хаберъ, царя раковъ, выползшаго изъ моря вечернею зарею. Купеческій сынъ которому вручено волшебное кольцо, переноситъ къ себѣ въ царство дворецъ съ женою и ея похитителемъ; Лукапѣра закалываетъ, а тестя прогоняетъ въ чистое поле, потому что жена измѣнила по его навѣтамъ,

Жіў купецъ багатый, и была ў ~~.....~~ жина и сынъ 14-ти лѣтъ. Сынъ яе ни таргуваў, а толька па торыду гуляў. Мать яму гаворить:— „Полна табѣ, сынъ, гулять, — пара табѣ таргувать!“ — Маминька, хто жа таргуйць бязъ денігъ? — Ана дала яму сто рублей. Пашоў іонъ пд гараду и ни нашоў тавара па сабѣ. Вышіў за гарадъ — видить, што вядуть старыва сабаку и бьютъ яво палкамі. — „За што вы яго бьета?“ — А іонъ састаріўся, ня брешить, — дыкѣ мы яго вядемъ давить. — „Рибяты,

уступитя вы яго мнѣ!“—А што даси?—„Сто рублей.“—Ну, бярѣ!—Привеў іонь сабаку дамой, пумястіў яго у анбари, па, слаў яму пастелю, стаў яго карьмить мясымь и панть малакомь. Мать яму гаворить:—„Што ты, сынъ, балуісьтя? Атчаво ты ни таргуішь?“—Маминька! Хто бязъ денигъ таргуить?—Мать яму дала ящо сто рублей. Іонъ пашоў на горыду и ни нашоў тавару па сабѣ. Вышіў за гырыдъ, видить, што вядуть стары-ва ката и бьютъ яво палкамі.—„Рибяты, за што вы яго бьета?“—А іонъ састаріўся, мышей ня ловить, сбродыить,—дыкъ мы яго давить вядёмъ.—„Рибяты, прадайтя вы яво мнѣ!“—Што даси?—„Сто рублей!“—Ну, давай!—Узяў іонъ етыва ката, пумястіў яво у анбари на палцы, кормить яво мясымь и поить малакомь. Мать яму гаворить:—„Сынокъ, што жъ ты ни таргуішь?“—Маминька, хто жъ таргуить бязъ денигъ?—Дала ана яму ящо сто рублей.—Пашоў іонъ па горыду и ни нашоў тавару па сябѣ. Вышіў іонъ за гырадъ и видить, што возли рѣчки сабраўся народъ и што-то бьютъ. Іонъ падашоў и гаворить:—„Рибяты, што вы дѣлантя?“—А пасматри: мы бьёмъ змяю!—Іонъ гаворить:—„Братцы, уступитя мнѣ яе!“—А што даси?—„Сто рублей!“—Узяў іонъ ету змяю, принёсъ дамой, наслаў у карзинку пуху, палажіў яе и стаў каржить. Мать яму гаворить:—„Сынокъ, што ты ни таргуішь?“—Ахъ, маминька, хто таргуить бязъ денигъ?—„Сынокъ, я табѣ ужу дала триста рублей,—пакажи мнѣ свае тавары!“—Привеў іонъ яе и гаворить:—„Маминька, вотъ сабака—сто рублей.“—Ну, ета харашо.—„А вотъ котъ—тожа сто рублей.“—Ну, и ета харашо.—„А вотъ змія—сто рублей“.—Ахъ, ты сабачій сынъ: ета жъ змія—первый зладѣй, няси яе, идѣ ўзяў, а то и на дворъ ни бувай!—Узяў іонъ ету змяю, увизаў у платочикъ, принёсъ къ тѣму мѣсту, идѣ узяў, ударіў яе вобъ-зимъ. Змія скинулась цареўною и гаворить:—„Благодарю, Иванъ Ивановичъ, што ты мяне аткупіў ать зладѣіў, садись на мяне, паѣдимъ у маѣ царства ў гости къ майму атцу!“—Сѣў іонъ на яе и паѣхаў за 12 марей. А тамъ стаить домъ увесь падъ золытымъ. Вотъ палажила ана яво у траву-бурьянъ и гаворить:—„Ну, милый, ляжи тута: када будить атець мнѣ радъ, то за табой пришлю залатѣй бярлинь; а када ня будить радъ, то я тябе апять атнясу у сваѣ царства.“—Пришла ана къ свайму атцу:—„Здрастуй, мой батюшка!“—Вотъ іонъ, какъ садѣў на стули, такъ

и стаў яе абнимать:— „Здрастуй, мая дочь, я думаў, што тыбе ужу на свѣти нѣту!“ — Да, мой батюшка, мяне ба ни было на свѣти, — да мяне избавіў Иванъ Ивановичъ. купечискій сынъ! — „Ахъ, дочка мая любезная, зачѣмъ ты мнѣ яво ни даставила: я ба яго наградиў!“ — Батюшка, іонъ тутъ, — возли моря, у бурьянъ-травѣ. — Сичасъ тутъ залажили у залатэй бярлинъ шастерку лашадей прямиа падъ яво. Привязли яго къ царскыму дварцу и пувяли яво прямиа къ царю. Царь яво стаў угащать. Иванъ Ивановичъ у яго 3 дни гаспяваў. Цареўна яму гаворить:— „Будить тябѣ атець дарить злата, серибра, павяину царства, — ты у яво ничога ни бяри, а толька праси съ правый руки калечка.“ — Царь яго прызваў и гаворить:— „Праси у мяне, чаво хочитца: ничога ни пажалѣю!“ — Ахъ, царь, усѣ мнѣ наравитца, а луччи ўсяго мнѣ наравитца ваша калечка на правый рукѣ! — „На што табѣ, милый, калечка — што толька яво красива?“ — Ну, дыкъ мнѣ ваша ничога ни нада, — толька дастаўтя мяне у мой домъ! — „Ну, када такъ, то нѣ: дарю табѣ калечка!“ — Агдаў царь яму калечка. Запрыгли залатую карету и даставили яго у траву-бурьянъ. Цареўна пасадила яво на спину и даставила яво у тоя мѣста, идѣ іонъ яе нашоў. Паставила яго и гаворить:— „Када табѣ што уздумантца, то толька пирякинъ калечка зъ руки на руку, то табѣ усѣ будить.“ — Пришоў дамой, гаворить:— „Ну, маминька, я у чужихъ зимляхъ наўчѣюся таргувать, — таперь благаславить мяне жанитца!“ — А, мой сынокъ, я тебе благаслаўляю: выбирай сабѣ па нараву. — „Маминька, у мяне ужу нявѣста найдина.“ — Какаля? — „Маминька, я цареўну бяру!“ — Ахъ, сынъ мой, разви ета можна: мы люди бѣдныя, а за цареўну свататца? — „Ну, иди, иди, матушка!“ — Приходить ана къ дварцу и гаворить на часавыхъ:— „Здрастуйтя, рибаты!“ — Здрастуй, матушка! — Куда идешь? — „А я иду къ царю у сваты.“ — Ну, ступай! „Здрастуйтя, ваша царскыя вяличества!“ — Здрастуй, бабушка, што скажишь? — „Пришла у сваты къ вашій дочки за свайго сына Ивана Ивановича, — іонъ мальчикъ харошій, учѣюся таргувать у чужихъ гарадахъ.“ — Ну, харашо: толька пускай твой сынъ выстраить мрамырный дварець чищи майго: выстрыть, — будить зять; ня выстрыть, — голыву срублю. — Пришла ана къ свайму сыну и гаворить:— „Ахъ, сынъ мой! Укаротить ты мой вѣкъ: царь приказаў пастроить дварець, чищи яго: а то

голыву срубить!“—Ну, матушка, лажись спать: вутра вечира мудрянѣй!—Старушка лягла спать, а іонь у самую полночь вышіў на паратныя крыльцо, пирякинуў калечка съ руки на руку; іўляютца 12 маладцоў:—„Што угодна?“—А вѣ што: штоба къ вутру быў гатоў мрамарный дварець, пачищи царскыва!—Ня ўспѣў іонь сказать, а ужу дварець гатоў. Назаўтрига гаворить:—„Ну, матушка, ступай у сваты!“—Приходить ана къ царю:—„Ваша вяличества, у сваты пришла!“—Ну, харашо: если твой сынъ хитирь и мудирь, пускай выстрыить мость: масница залатая, масница сярэбриная,—тада атдамъ за яво дочь.—Приходить ана дамой и рассказала свайму сыну, што приказаў царь.—„Ну, матушка, лажись: вутра вечира мудрянѣй!“—Вотъ яво матъ лигла, вышіў іонь на паратныя крыльцо, пирякинуў калечка съ руки на руку,—выскакывають 12 малайцоў:—„Што угодна?“—А вѣ што: штоба была гатова да заўтришнига вутра сярэбринный мость атъ майго двара да царивыга.—Ня ўспѣў іонь сказать, а мость ужу гатоў. Устаў царь, паглядить: мость гатоў, блищить, ажну аткоски на нибисамъ. Пў вутру старушка идетъ апятъ у сваты:—„Ваша царскыя вяличества, пришла ипятъ у сваты!“—Ну, харашо, бабушка, будить іонь мнѣ зять;—а если къ заўтришнему вутру ни поставить абапыль маста сярэбринныя вѣтычки и ни нагонить птицъ райскыхъ, каторыя ба пѣли пѣсни хурувимскія, то голува срублю.—Приходить дамой и гаворить сыну:—„Ну, сынокъ, царь приказаў абапыль маста поставить сярэбринныя вѣтычки, и штоба на етыхъ вѣтычкахъ сядѣли птицы райскія и пѣли пѣсни хурувимскія—а то голува срубить.“—Ну, матушка, лажись спать: вутра вечира мудрянѣй!—Старушка лигла спать, а іонь вышіў на паратныя крыльцо, съ руки на руку калечка пирякинуў,—выскакывають 12 малайцоў:—„Што угодна?“—А вѣ што: штоба къ заўтришнему вутру абапыль маста було панастаўлина разныхъ вѣтыкъ, залатыхъ и сярэбринныхъ, штоба на етыхъ вѣтыкахъ сядѣли птицы райскія и пѣли пѣсни хурувимскія, и штоба абапыль маста были панастаўлины разныхъ вины.“—Іонь гаворить, а дѣла дѣлайтца. Прашнуўся царь на заўтрига, видить: усѣ, што ни гаваріў, сдѣлана. Старушка на другой день идетъ у сваты, а ей сынъ приказаў:—„Када ни атдасть, то скажи яму, што вазьму няволю.“—Пришла ина и гаворить:—„Ваша царскыя вяличества, када ни атдадита та-

перь. то няволію возьмемъ!“ — Ну, старухъ, слухай: я атдамъ сваю дачку, када твой сынъ сдѣлаить къ заўтришнему вутру васкавую церкву, званы залатѣя, папы — патріярхи маладѣя, штоба ли церкви сядѣла яблынь. — када ба мы ишли у церкву, ана бы твила, — а када будимъ идить съ церкви, штоба были яблыки спѣлыя: сдѣлаить — атдамъ дочку зя твайго сына; ня сдѣлаить — голыву яму атрублю. — Старуха пришла къ свайму сыну и гаворить: — „Ну, сынокъ, заўтри табѣ голыву атрубють: приказаў царь, — дыкъ и ты ня сдѣлаишь таго!“ — „Ну, матушка, ни пичалься: вутра вечира мудрянѣй, а таперь лажись спать.“ — Старуха лигла и заснула; Иванъ Ивановичъ вышіў на паратныя крыльцо, пярэбинуў зъ руки на руку калечка, — выскакывають 12 малайцоў: — „Чаво изволитя?“ — Штоба къ заўтришнему вутру была гатова васкавая церква, залатѣя званы, папы-патріярхи маладѣя, штоба ли церкви расла яблынка — какъ будимъ у церкву идить, штоба твила, — а какъ будимъ выхадить съ церкви, штоба яблыки паспѣли, — штоба мнѣ была адежа, какой и у царя нѣту.“ — Іонъ гаворить, а дѣла дѣйтца, — къ вутру усѣ гатова. Прашпаётца назаўтрига царь, чуить, идѣ-та званы звонють; іонъ гаворить на слугу: — „Идѣ эта звонють?“ — А эта звонють ў новый церкви! — Гасударъ вышіў паглядѣть и видить, што праўда. У восимъ часоў падѣхала залатая карета, посадили цареўну и царя и пувязли у церкву. Идутъ у церкву — яблынь твитить, выходють изъ церквы — ужу яблыки паспѣли. Пазвали на свадьбу Лукапѣра Цымбалдывича; іонъ пріѣхаў изъ-за дванадцати марей у 3 дни. Гуляли яны 15 дней; патомъ ужу атдають нявѣсту у жинихоў дворъ. Привезъ Иванъ Ивановичъ цареўну у свой дварець, и прагуляли у яго доми 3 дни. Стали аны сабиратца спать, ана тайкомъ свайму адъютанту дала расписку и приказала, штоба Лукапѣръ быў гатоў: — „Мы атсюдава уѣдимъ!..“ — Лягли яны спачивать; цареўна абласкала Ивана Ивановича и давай ў яго распрашивать. какъ іонъ пастроїў домъ. Іонъ и гаворить: — „Ета усѣ мнѣ калечка намагаить!..“ Вотъ, када іонъ заснуў, ана скинула у яго съ руки калечка, выбигла изъ дому, прибігла къ Лукапѣру и уѣхала съ имъ у яго царства. Назаўтрига гасударъ присылаить маладыхъ звать на чай. Прибигають ардинариць: — „Иванъ Ивановичъ, гасударъ просить васъ на чай съ жаной и съ матирью.“ — Иванъ Ивановичъ стаў яе искать цу палатамъ,

кликать яе, а яе и слѣдъ ужю прастыѹ. Тада яво узали падъ каравулъ; гасударь сказаѹ: — „Ета, вѣрна, ты пагубиѹ маю дочку, што яе нѣту!“ — Пузяли яго на площадь, посадили на стулъ и залажили кругомъ стула крпичомъ, аставили толька вакошичка, штоба падавать яму пищу. Іонъ тамъ сядѣѹ, можа, мѣсиць, а, можа, нядѣль десить; дамы яго гасударь узаѹ у сваю казну, а мать яво пумястили у багадѣльню. Кату съ сабакий нечига стала ѣсть; котъ гаворить на сабаку: — „Уздумай, сабака, што за насъ заплатиѹ Иванъ Ивановичъ, а мы дли яго ничога ня сдѣлали!“ — Ну, штожь ба намъ сдѣлать? — „Какъ што? — Я знаю, идѣ царевна!“ — А йдѣ? — „У Лукаперы. Сабака, пайдемъ на пристынь!“ — Пайдемъ! — Пришли яны на пристань и лягли падъ ракитывымъ кустомъ. Котъ гаворить на сабаку: — „Вотъ, сабака, ты на силу крѣпчій мяне, а я на глазъ крѣпчій тябе: я атсуда вижу Лукаперыва царства“. — Ну, када видишь, то пулуемъ туды. — Пуплыли яны у Лукаперыѹ домъ. Приплули моря у палтара мѣсца. Пріѣхали яны у Лукаперыва царства и 3 дни атдыхали у травѣ—бурьяни. Котъ гаворить: — „А што ты, сабака, знаишь?“ — А што? — „У етымъ царстви кошикъ нѣту, а мыши паѣли усѣ добрыя“. — Патомъ іонъ гаворить: — „Ну, сабака, ты ни хадн на царскій дворъ; а то тябе сабаки разарвуть, а я пайду туды.“ — Вотъ котъ пашоѹ пряма ѹ харомы. Увидала ката Марья Прикрасныя: — „Ахъ, Лукаперъ! Вотъ кошка таво брадаги: ана яго бросила и пришла ка мнѣ. — Ну, бяри яе скарѣй у харомы!“ — Узила яе Марья Прикрасныя на руки, стала яе гладить, а ина стала мареатать; тутъ яе сичасъ стали карымить. Котъ набраѹ гавядины, бѣлыхъ хлѣбнѹ и атнесъ сабаки: — „Ну, сабака, ляжи, пакуль я спраѹлюсь!“ — Прибѣгла кошка у палаты и видить: Лукаперъ съ царевною абѣдають, а зъ ими мыши. крысы: нѣту кошикъ. — Котъ, какъ стаѹ мптать етыхъ мышей. у 5 часоѹ намитаѹ 5 вазоѹ. Усадили яго у анбаръ на нычъ. дыкъ іонъ къ вутру вазоѹ 20 намитаѹ. Тутъ етому кату такая честь: посадили за столъ, гавядины яму, а іонъ съѣѹ ня многа, а то ѹсѣ сабаки атносятъ. Выкармиѹ іонъ сабаку харашо: стала ана дужа здорова. Аднѣнь разъ котъ сядить на парогн и видить: идеть царъ мышей, лапы и вуши залатѣя. Котъ схватиѹ яво за лапы и стаѹ давить етыва царя мышей. „Ахъ, котъ, памилуй: я услужу табѣ чимъ угодна!“ — Если вы маѣ

кальцо ни дастанця, то я васъ усихъ придаюлю! — „Атцуети мяне: я табѣ ета сдѣлаю!“ — Коть яму павѣриу и атцуетиу. Мышиный царь заставиу усихъ мышей искать кальцо, но яво ни нашли. Коть гаворить: — „Если вы майго кальца ня сыщита, то я вашъ увесь родъ прииваду!“ — Адна касая мышъ гаворить: — „Два глаза — рагаза, а у мяне аднѣ, да зорыкъ: ни нада мнѣ и сорыкъ!“ — Ета касая мышъ пабѣгла у спальню Марьи Прекрасный и сѣла ли свѣчки. Цареуна пумалилась Богу, а кальцо палажила къ сабѣ у ротъ. Касая мышъ прибѣгла къ мышиному царю и гаворить: — „Я видила вѣрна: ана яго палажила у ротъ.“ — Сабрались уси мыши, стали думать, какъ ба ета кальцо вынить. — Была крыса — чипурыжка (у яе быу двойной хвостъ), ана гаворить: — „Нихто у роти ни дастанитъ кальца, а я дастану! Памачу у нужники свой хвостъ, — какъ цареуна ляжить, то я правалаку свой хвостъ ей на губамъ. — ана атъ етыва зварцантъ, а тутъ и выплюнитъ кальцо, — мыши яго и падхватють.“ — Вотъ мышиный царь приказау у спальни мышамъ стать на старожу: какъ выплюнитъ цареуна кальцо, то яго и несть къ царю. Вотъ эта крыса намачила у нужнику хвостъ, какъ цареуна лягла, она и правалакла ей свой хвостъ на губамъ. Ина (цареуна) ускочила и стала варцать, и выплюнула ета кальцо; мыши яво падхватили и принесли къ царю. Царь гаворить: — „Ну, ета харашо и для мяне и для васъ: таперь котъ ня будитъ насъ тривожитъ!“ — Принесъ царь мышей да свѣту коту кальцо: — „Ну, котъ, вотъ табѣ кальцо: тирануу ты насъ давольна!“ — Ну, я ба васъ больши тирануу: ухажу я дамой. — Пришоу къ сабаки: — „Ну, сабака, атпрауляимся дамой.“ — Сабака гаворить: — „Ну, дай мнѣ кальцо!“ — А котъ гаворить: — „Ну, ета ужу ни дама! ты старъ: станишъ кашлять — уронишъ, а у мяне зубы часты — буду диржать крѣпка!“ — Сабака ни стау спорить съ котымъ. Вотъ яны пулули. Пули яны палтара мѣсца, ни пимши, ни ѣмши. Плувуть, аднѣ на другога глядятъ: видить сабака, што котъ ужу тонить. У кѣта ужу глаза пасалавѣли, падняу ионъ голыву висока, а да беригу ища 50 верстѣ. Хатѣу котъ сказать: — „Вазьми у мяне кальцо.“ — Разинуу ротъ, кальцо бултыхъ у воду! — Вотъ яны гаворють: — „Госпыди, приняси насъ хуть живыхъ да краю.“ — Паднилась вальна и принясло ихъ на пристань. Атдыхали яны у травѣ —

бурьяни 3 дни. Лижали яны три дни и три ночи—ни размывали свае вочи: усё спали. На чатвертый день яны гаворють:— „Пайдемъ мы къ сваей бѣднѣй хазяюшкѣ: ти ни пакорьмить ана насъ?“—Пришли яны къ сваей хазяйки на Ѡминой нядѣли ў серицу. Хазяйкина багадѣльня была нидалека ать погаста;—ува ўторникъ падавали ей милыстину: хто ппрага, хто курятины, хто драконы. Увидала ана ката и сабаку, гаворить:— „Ахъ, вы, мае забиряжитили, вы, вѣрна, хатитя ѣсть?“—Ана, што у яе було, то и атдала имъ. Наѣлись, яны и разсмѣялись:— „Ахъ, абѣдъ харошій!“—Ну, сабака, пайдемъ на пристань!“—Пришли яны къ морю и лягли на бирагу, падъ ракитывымъ кустомъ. Вячернѣю зарею асватила беригъ, выходить зъ моря ракъ Хабѣръ,—залатѣя клюшни и залатѣя глаза.— „Што, сабака, видишь ты ету аказію?“—Вижу!—Што мы будимъ дѣлать?— „А иди яго и валаки на гару!“—Вотъ сабака схватаў яго за клюшни, а котъ за вусы, и павалакли яго на гару.— „Ахъ, памилуйтя, за што вы мяне валакѣтя?“—А вѣ за што: мы патпиряли ў такомъ-то и такомъ мѣсти ў мори кальцо: када ты намъ яго ни дастанішь, то мы тябе задавимъ!“— „Пуститя вы мяне на волю: я вамъ яго дастану!“—Ну, ета ужу нѣ: моря вялика—утякѣшь!—Вотъ іонъ крѣпнуў багатырскимъ голысымъ,—сабрались уси раки:— „Чаво изволитя, царь?“—У такомъ-то и такомъ мѣсти ети гаспада патпиряли залатоя кальцо: найдитя яго!—Раки пашли, какъ темныя туча, искать кальца: узбутуражили усё моря, а кальца ни нашли; пускали напередъ клюшни. Вотъ адинъ ракъ быў бизъ клюшонъ: нашоў кальцо, нашоў и падаў царю, а царь атдаў батў; яны етыга царя—рака выпустили и пашли дамой. Думають яны, какъ бы Ивану Ивановичу кальцо доставить. Котъ гаворить:— „Па читвиргамъ атипрають тямницу, и туды ходють купцы падавать яму милыстыню; я пайду и праскальзну къ яму, и придамъ кальцо.“—У чатвергъ пашоў котъ у тямницу.—Аттварили двери, купцы пашли туды съ падаваніимъ, а котъ у двери праскальзнуў и залѣзъ падъ печку. Яво пароли аттудавя, но ня выпарали. Када вышли уси купцы съ тямницы, котъ вылизъ съ падъ печки и узлѣзъ на калѣни къ Ивану Ивановичу. Стаў іонъ яго гладить, котъ палажѣў кальцо на руку Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ зъ руки на руку калечка ппирякинуў, выскакывають 12 малайцоў;— „Што угодна?“—А

во што: штоба раскидали увесь астрогъ! — Вотъ яны, какъ стали раскидывать, дыкъ и народу многа пабили. Иванъ Ивановичъ вышіў изъ тямницы и пашоў къ свайму мрамарнаму дварцу, а ў етымъ дварцы жиў царіў пляменникъ. Пришоў и гаворить:— „Ваша блугуродія, пазвольта мнѣ ў маёмъ дварцы пиринучувать?“ — Можна! — Вотъ Иванъ Ивановичъ у самую полначь выходить на паратныя крыльцо, съ руки на руку калечка пирякиннуў, — выскакывають 12 малайцоў:— „Чаво изволитя?“ — А во чаво: штоба Лукапѣрыў домъ быў къ вутру пирянесняъ суда съ жаною маєю Марію Прикрасною и съ Лукапѣрымъ! — На заўтрига паглядить: домъ ужу тутъ. Узяў Иванъ Ивановичъ сваю залатую шаблю, увыйшоў у домъ, а Лукапѣрь спить, іонъ яго пракалоў шпагыю, а Марья Прикрасная упала на калѣни пирядъ имъ: — „Прасти, милый! ва усёмъ винувать атець: іонъ мяне заставіў абмануть тябе!“.. Іонъ ей прастіў, а царя выгнуў изъ дому ў чистыя поля, мать сваю узяў изъ багадѣльни, ката и сабаку бярётъ, пака у гробъ лёгъ, а съ жаною жиў харашо. —

Отъ старика Василія Мпхайлова.

№ 34.

Якъ старуха свайго сына Воху на абученіе атдала, а потэмъ яго узнавала; научившись, старушкинъ сынъ самага Воха пирихитріў.

Какъ жила старушка, а у яе быў адинъ тольба сынокъ, и такъ ина имъ даражила, што, бувала, када яго ни ўвидить, то и низдарова. И заставила ина яго ў работники къ багатому мужуку. Вотъ іонъ жить годъ и другей, и стала яму дужа тпжало. Приходитъ іонъ къ сваей матушки и жалитца:— „Матушна мая, кармилица, жиў я адинъ годъ ища - ничога, другей—ища такъ сабѣ, а третій—ужъ ни дай Богъ!“ — Вотъ ина и гаворить:—Ну, сынъ, тярпи нямнога: я найду табѣ мѣста харошія и работу легкую.—Вотъ ина и пашла. Ишла ина день и другей, и умарилась. Съла сиряди лугу, на кургонушку, и гаворить:—Охъ, Божа мой!.. А „Охъ“ тотъ, якъ тутъ быў, и гаворить:—Што ты ета, старушка, задумалась и охашъ?—Вить я „Охъ.“ Што табѣ нада, то я ўсѣ табѣ дамъ!.. А ина гаво-

рить:—А во што мнѣ нада: если бы ты даў майму сыну легкую работу и хорошія мѣста!.. „Ну, харашо!“ гаворить етатъ „Охъ“: привади свайго сына ка мнѣ!.. Вотъ ина и пашла дамой за сынамъ. Приходить дамой и гаворить:—„Ну, сынъ мой милый, нашла я табѣ мѣста хорошія и работу легкую: ти сагласинъ ты на маю совисть, я, кажитца, табѣ худога ни хачу ничога?“—Ну такъ штожъ? Пускай будить такъ: идемъ!.. Вотъ ина пашла на тоя мѣста, куда ваялѣу прихадить ей „Охъ“.—Какъ привила, то и гаворить:—„Охъ!“—А „Охъ“ какъ тутъ быў:—Чаво изволитя, милая мая старушка?—„А привила я къ табѣ сына на легкую работу.“—Ну, такъ штожъ? Давай: я яго ни забижу!—Ну, давай распишимся, на сколько ўремя ты мнѣ яго атдаси!.. Вотъ іонъ начаў расписыватца. Патомъ и гаворить:—Ну, я яго бяру на три года!—А старушка ужъ хоть ба и назадь, да ужъ ни варотишь: узяў етытъ „Охъ“ яе сына и павеў нивѣсна куда. Заплакала бѣдная старушка и пашла. Патомъ праходить годъ, и другей, и третій, бѣдная старушка ждеть, ждеть,—ни даждеть тога ўремя. Патомъ прихадить тотъ день, старушка, такая рада, идетъ за сваймъ сыночкымъ. Прайшла ана адну дарогу, и другую, и третію, а на сустрѣчу еъ ей идетъ старичокъ и гаворить:—Здрастуй, старушка!..—„Здрастуй, старичокъ паштѣнный!..—„Куды идешъ?—А старушка гаворить:—А, мой ты старичокъ паштѣнный!—Я иду, сама ни знаю буды. Атдала я свайго сыночка у легкую работу, сама ни знаю каму!—Старикъ и гаворить:—Ты вотъ идешъ, а сама ни знаишь зачѣмъ: ты свайго сына ни узнаишь.—А ина гаворить: „Ахъ, старичокъ, павучи жъ ты мяне, какъ мнѣ яго узнать!“ А быть такъ, мая ты галубушка! Какъ ты туда придешь, то табѣ пригонють двинадцать жирыбцоў—ростъ у ростъ, хвостъ у хвостъ, и нага у нагу, и глазъ у глазъ, и будутъ стыять, якъ разъ,—то ты сматри: уси будутъ стыять прями, и гриўки валясомъ, а у твайго сыночка будить окала гривы бѣлая пятно, то ета и сынъ твой.—Вотъ ина прихадить на то мѣста, идѣ атдавала сваяго сына, сѣла на кургонушву и сказала: „Охъ!“ А „Охъ“ тотъ якъ тутъ быў:—Што, старуха, вѣрна, за сынымъ пришла?—„Да, мой галубчикъ, вѣрна такъ!“—Ну, падажжи нямнога!,—сказаў етытъ „Охъ“: сичасъ будить твой сынъ дастаўдинъ.—Чпризь минуты три и гонить къ ей двинадцать жирыбцоў—ростъ у ростъ и грива у гриву, нага у нагу,

хвостъ у хвостъ, глазъ у глазъ, и глядять какъ разъ.— „Ну пазнавай свайго сына!“ гаворить „Охъ“. А старушка гаворить:—А, мой ты галубчикъ, я табѣ ни такога свайго сына атдавала: атдавала малайца, а вы мнѣ дается жирибца!.. Вотъ „Охъ“ и пагнаѹ етыхъ жирибцоѹ:—Значить, ты свайго сына ни узнала; ступай дамой, а приходи на другой день!.. Заплакала бѣдная старушка горькими слязми, пашла дамой, бѣлыя руки думаючи, гарючія слезы раняючи. Идетъ бѣдная и слѣду пиридь сабою ни видить. Праходить етытъ день и ночь, на другой день старушка ипять идетъ на тоя мѣста, такая рада, надѣйтца, што сына свайго ужю таперъ вазьметъ. Прайшла дарогу и другую, пришла на ета мѣста и сѣла на кургонушку, заплакала и гаворить:—Божа мой, Божа мой, куда то я свайго сыночка атдала!.. И гаворить:—„Охъ“! „Охъ“ якъ тутъ быѹ.—Здрастуй, бабушка!..—„Здрастуй, здрастуй, мой ты галубчикъ!“—Што, вѣрна, за сыночкамъ пришла?—„Да, мой галубчикъ!“—Ну, пагади, сичась!—гаворить етытъ „Охъ.“ —Вотъ, черизъ минуты три, литять двинадцать галубей—пярo ѹ пярo, крыло ѹ ерыло, ножка у ножку, дѣбять панямножку, глазъ у глазъ, глядять, какъ разъ.—„Ну, бабушка“, гаворить „Охъ“: „пазнавай свайго сыночка.“—А ина гаворить:—Ахъ, мой ты галубчикъ! Тутъ майго сына нѣту: я табѣ атдавала малайца, а ты мнѣ дашь галубца!—Вотъ узяѹ „Охъ“ и пагнаѹ гулубей. Заплакала бѣдная старушка горьками слязми и пашла дамой. Патомъ и гаворить ей „Охъ.“ —Ну, бабушка, приходи на третій день: ежилл ты ни пазнаишь свайго сына, то іонъ астанитца на вѣки у мяне.—То було старухи горя, а то ящо пагаршѣла: стала ина саѹсѣмъ вужъ бизъ вума; ина и гаворить:—„Што мнѣ таперъ дѣлать, какъ мнѣ сына пазнать?!.. Вотъ даждадася ина третига дня и пашла. Прайшла ина адну дарогу, прайшла другую, падходить къ третій. Падходить къ ей на ѹстрѣчу старичокъ.—Здрастуй, бабушка!—„Здрастуй, здрастуй, дѣдушка!“ —Куды идешь, бабушка?—„А иду, дѣдушка, сама ни знаю куды. Атдала я свайго сыночка у легкія зароботки, и сама ни знаю, якъ мнѣ яго варатить. Хадила я ужю два раза, да и сына ни видала. Первый разъ паказали мнѣ жирибцоѹ, другой разъ паказали галубцоѹ, а сына майго нѣту.“—Старичокъ ей гаворить:—Падажжи, я тябе паучу. Якъ придишь ты туда, то табѣ привядуть двинадцать малайцоѹ—волась

у волась, голась у голась, глазъ у глазъ, глядять какъ разъ, — то ты сматри: усѣ будуть малайцы, усѣ будуть стыять и весила распивать, на тебе быстра узглядать, а твой сынъ будить усѣ пасуңиўшисъ стыять. — Старушка публагадарила старичка и пашла къ тѣму мѣсту, идѣ атдавала сына „Оху“. Пришла на ета мѣста, сѣла на кургонушку и залилась горькими слязми, и гаворить:— „Охъ“. — А „Охъ“ якъ тутъ быў. — „Здрастуй, старушка!“ — А ина ня можить слова сказать за слязами. А іонъ спрашійть у яе:—Што, вѣрна, за сынамъ пришла? — „Да, мой ты галубчикъ!“ — Ну, падажжи! сказаў „Охъ“: я сичасъ привяду! — Черизъ минуты три вядеть іонъ двинадцать малайцоў: волась у волась, голась у голась, глазъ у глазъ, глядять якъ разъ. „Охъ“ и гаворить: — Ну, бабушка, пазнавай, каторый твой!.. Вотъ ина сматрѣла, сматрѣла, патомъ замѣтила свайго сына и гаворить:—А вѣ іонъ, мой сынъ! — А „Охъ“ и гаворить ей: — А пачомъ ты знаишь, што ета твой сынъ? — „Да какъ жъ я ни пазнаю, мой ты галубчикъ, сваю кроў!..“ „Охъ“ и гаворить: — „Ну, бабушка, што съ табою дѣлать?!.. Вазьми: вѣрна, ужъ ета твой сынъ.“ — Вотъ узила старушка свайго сына и пувила дамой. Вотъ яны ишли, ишли, денигъ у ихъ ни капѣйки, а паѣсь хочитца. Патомъ и гаворить ета старушка на свайго сына:—Ну, што, сынъ, будимъ дѣлать? — А іонъ гаворить:—„Маўчи-ка ты, матушка! Я знаю, што мы сдѣлаимъ: я скинусь лошадьдю, а ты будишь прадаватиль, да вяди мяне и прадай; вотъ у насъ будутъ деньги, купимъ сабѣ, што намъ нада“. — Вотъ іонъ сичасъ чимъ-та пумазаўся и стаў такимъ жпрябцомъ, какога у свѣти никада ни бувала и никада ня будить, и гаворить:—Ну, матушка, вяди мяне ў горадъ и прадай за харошую цѣну, а уздечку вазьми съ мяне назадъ. — Вотъ ина пувила яго ў горадъ; только приводитъ ў горадъ, а іонъ какъ зарзаў, ажъ увесь горадъ закалагіўся. Тутъ сичасъ пасабрались къ ей усѣ кунцы, гаспада и анаралы: — Што, бабушка, прадаешъ лошадь, или купила? — А ина гаворить:— „Да, прадаю: извольта купить!“ — Аткуда узяўся етытъ самый „Охъ“ и гаворить:—Прадай, бабушка, лошадь! — „А купи!“ — Што вазмешъ? — „А давай пять тысичъ, — только съ такимъ угаворамъ: уздечку мнѣ назадъ“. — Да полна, бабушка! гаворить етытъ „Охъ“. — Вотъ таргуватца, да таргуватца, узяў іонъ етага каня съ уздечкай, заплагіў деньги и паѣхаў. Патомъ

уздумала старуха, какъ жить бязъ сына, и гаворить: — „Што я сдѣлала? Іонъ мнѣ приказаў прадавать бизъ уздечки, а я прадала, якъ сама знала, — што мнѣ таперь дѣлать? — И дагададася: — Ета, вѣрна, тотъ самы „Охъ“ кушѹ у мяне лошадь. Патомъ падходить пна къ дярѣни; тамъ стаить у канцы дярѣни кабаць. Ина и гаворить: — „Дай зайду у кабаць!“ — (А ета ужу було прыпазна, падъ вечирь). Падходить къ кабаку, пасматрѣть: стаить лошадь съ падтянутой уздой такъ, што ня можить пна и стаять. Ета лошадь и гаворить члавѣчскимъ голысымъ: — Матушка мая милая, падайди ка мнѣ паближѣй, атвяжи мяне, и скинь съ мяне уздечку, и вазьми сабѣ!.. А ина гаворить: — „Я баюсь тябе: ты мяне убьешь“!.. А іонъ гаворить: — „Я твой сынъ, каторага ты вадила у горадъ прадавать!..“ Вотъ пна сбросила съ яго уздечку и палажила яго у сумку сабѣ. Патомъ уходить у кабаць и гаворить: — „Пазвольта сказать, гаспада: — чѣя ета лошадь стаяла кала кабака, сарвалася и пубижала?“ — Тутъ сичасъ выскачѹ етый „Охъ“, а лошади ужъ и слѣдъ прастыѹ. Вотъ іонъ сичасъ какъ скинитца валкомъ, да услѣдъ за имъ, а іонъ якъ скинитца ахотникомъ — и пацоѹ услѣдъ за ваѹкомъ. Видить „Охъ“, што убъеть, — какъ скинитца агнемъ, и давай етыга ахотника жечь. Патомъ ахотникъ видить, што верхъ яго пашибантъ, — якъ скинитца вадою и давай агонь тушить. Етытъ „Охъ“ видить, што яго ниўзятки, какъ скинитца щукаю и давай ваду размахивать. Видить вада, што агонь бѣситца, — якъ скинитца яршомъ, а щука услѣдъ за имъ. Тада ершь и гаворить: — „Какъ щука ня быстра, а ни вазьметъ ирша съ хваста!“ — Вотъ какъ скинитца щука мелкимъ камнимъ, а ершь питухомъ и давай етый камушки падбирать. Видить „Охъ“, — што и самага събѣтъ; какъ скинитца іонъ ястрибимъ, и давай питуха лавить. Патомъ етытъ патухъ, якъ скинитца арломъ, — какъ ударѣѹ етыга ястриба и съ кашыльля далоѹ; патомъ етый арель скпнууся члавѣкымъ, узяѹ етыга ястриба, парваѹ, а костычки палумаѹ, пашоѹ дамой къ сваей матушки, стаѹ жить, да паживать, да добра наживать. Сказка ўся, и разсказывать нильзя.

А царёўни Нисміянни.

Служіў салдатъ двадцать пять лѣтъ и ни видаў царя. Вотъ іонъ пашоу було дамоў. Патомъ и гаворить: — „Стой, пайду—варачусь, я хоть царя пасматрю: а то мнѣ бабы дпрявенскія выпарюють глѣзы, што я служіў двадцать пять лѣтъ и ни видаў царя“. — Ну, пашоў іонъ черизъ рѣчку; паўзеть ракъ и гаворить: — Дай мнѣ, салдатъ, птнадцатъ капѣикъ: я табѣ пригажусь патомъ. — Ишоў іонъ ящо дальши; бягить мышъ: — „Дай мнѣ, салдатъ, птнадцатъ капѣикъ: я табѣ пригажусь!..“ Іонъ даў. Идетъ дальшій, бягить жукъ: — „Салдатъ, дай птнадцатъ капѣикъ: я табѣ пригажусь!..“ Іонъ и етаму дай. Приходитъ къ царскому дварцу, а ў томъ дварцы іостъ царёўна; ина и гаворить: — Хто мяне разсмяшить, тому я атдамъ палавину царства! — Салдатъ пашоў у кабакъ, заставіў свае рубашки, напиўся водки, пришоў іонъ съ кабака и заваліўся іонъ у царскихъ варатахъ у грязь. Атуда узялись мышъ, и ракъ, и жукъ. Патомъ ета мышъ, и ракъ, и жукъ сняли зъ яго ету шинель и патащили ў ряку мыть. Мышъ валочить зубами, а ракъ сащамиў клюшнями, и палощуть. Патомъ ета мышъ принисла яму ету пшесль, ракъ лажитца уверхъ клюшнями, мышъ усклала на ети клюшни шинель, а жукъ кругомъ литаить и сушить. Патомъ ета царёўна увидала ета чуда, пабѣгла къ свайму атцу и гаворить: — Пасматрится, папаша, яея у нашихъ варатахъ чудиса, какихъ вы никада ни видали!.. И засміялась. Патомъ етытъ салдатъ усхватіўся и идетъ у дварець. Патомъ спрашиваить чпсавова: — Пустптя мяне да гасударя! — Яго дапустили; іонъ увайшоў у дварець. Гасударъ выходить раздѣўши: — Вы, салдатъ, зачѣмъ пришли? — „Да я пришоў, што я двацать пять лѣтъ служіў и ни видаў царя: пришоў царя пасматрѣть!“ — Да ты, салдатъ, пагади!.. Выходить гасударъ адѣўшись. — „Ну, ти видпшь царя?“ — Вижу. — „Ну, ты, братецъ, таперъ иди!“ — Вялѣў яму гасударъ приходить вичаромъ. Салдатъ пашоу у тотъ самый кабакъ, заставіў рубашки, напиўся водки и пдетъ во дварець. Ёдитъ минпстиръ и спрашиваить: — Куда идешъ?“ — „А иду я во дварець.“ — Вотъ табѣ сто рублей: ни разсказывай съ царёўный ничаво!.. Салдатъ узяў сто рублей и варатіўся.

Пашоу у кабаць, купиу хунть канхветь и банку намады и вратиуся ппять во дварець. Патомъ и кладуть спать министра, салдата и цареуна: къ кому цареуна привёрнитца, за таго и замужь идить. Вотъ салдаты прашнууся и гаворить: — Ахъ, я с...ъ хачу!.. А цареуна ужъ спить. Министирь гаворить: — А дауно хачу! — Салдаты и гаворить: — Я пайду напакашу у углѣ!.. А министр гаворить: — А ужъ и я пайду! — Вотъ салдаты ни напакастіу, а министр напакастіу. Прашнууся салдаты и гаворить: — „Што ты, гаспадинь, спишь?“ — Нѣтъ. — „Намъ будить худа: я свае г... паѣмъ!“ — Вотъ салдаты слѣзь у угалъ и начау феть канхветы. Слышитъ министр, што іонъ начау феть, и гаворить: — Пайду и я свае феть!.. Министирь узряу у ротъ, яво и начало тамъ чистить, такъ што іонъ ни могъ феть. Патомъ ихъ вышустили. Салдаты отправиуся ппять у кабачокъ, а вечпрямъ идеть у дварець. Даганянтъ яго министр, даеть яму двѣста рублей: — „Ни рассказывай съ цареуною ничога!“.. А самъ министр купиу сабѣ кусокъ падошвы, бпчоуку и иглу, заѣхау у брезникъ и гаворить на кучира: — Зашивай мнѣ ж... Патомъ ппять ихъ палажили у комнати: къ каму цареуна привёрнитца, за таго и замужь пбидить. — Када министр заснуу, мышъ и пратачила ету падошву. Вотъ жукъ етытъ палѣзь министру ў ж...у и напароу аттуда г..., а ракъ етытъ занесъ на ўсей постели и на пухавникахъ. Патомъ ихъ ппять расшустили. Салдаты пашоу ппять у кабачокъ и напиуся гарѣлки. Патомъ, вечирамъ, салдаты идеть ппять у царскій дварець, а министр ѣдитъ, и даеть яму триста рублей, штоба іонъ ничога ни гаваріу съ цареуною, а самъ забіу ж...у кляпнемъ и зашіу падошваю. Вотъ, када лягли яны спать, министр ужъ заснуу, то мышъ и палѣзла тачить етому министру ж...у. Вотъ она пратачила падошву и гаворить: — Дѣзь, жукъ! — Іонъ палѣзь. Пасмотрить: а тамъ кляпень. Што тутъ дѣлать? Мышь сказала: — „Стой, жукъ! палѣзнимъ мы етому министру хватагомъ у ноздри! — Етый министр якъ чихнетъ, кляпень какъ выскачить: жука и убла. Патомъ мышъ и ракъ и думаютъ: — „Што намъ таперъ дѣлать бязъ жука? — Давай мы яго напробуемъ аткалыхавать.“ — Балыхать, да калыхать, — аткалыхали. Патомъ етытъ жукъ съ сердца якъ палѣзь въ... и наперъ аттуда етыга калу, а ракъ какъ начау вазить сваими кляшнями, такъ што цареуни ужъ и дѣтца нейди; то ета цареуна къ салдату

ближій, ближій, и падпаўзла къ яму падъ шинель. Ина и давай яго распрашивать, идѣ быў, идѣ служіў. Патомъ и гаворить:— „Ахъ, какой нявѣжа етытъ министрѣ!“ Патомъ ихъ выпустили. Министра етыга привизали къ лападинному хвасту за яго дурную и слабую ж . . . , а салдата пирвинчали съ цареўною. Стали жить, да паживать, да добро паживать.

№ 36.

Хама—Широкая Барада, багатырь магучій и хитрэй.

Хама багатырь, Широкая Барада, пахаў на сваей кабыленки. Пустіў кабыленку на паўдни и лёхъ атдыхать. Пасѣли яму мухи на лысину, и ударіў іонъ мухъ етыхъ сибѣ на лысини. Убіў етыхъ мухъ, паглядѣў, што ихъ многа. Быў іонъ грамадинъ; узяў етыхъ мухъ, пащитаў и записаў:

— „Хама, Широкая Барада, силный—магучій багатырь, аднимъ махымъ семъ сотъ пабивахамъ.“—Закончіў такъ:

— „Талерь я силный, магучій багатырь!..“

Узяў серпъ и дярюгу, садіўся на сваю лошадь и ѣхаў на дароги и видаў па дароги записки:

— „Правжайтъ силный-магучій Хама багатырь—аднимъ махымъ семъ сотъ пабивахамъ.“

Падъизжайтъ на запавѣдныи дуги, близка царскій дворець, и разбіў шатеръ съ дерюги, лёхъ атдыхать.

Ѣхаў тымъ путемъ багатырь, падымаў багатырь еты записки и читаў, што праѣхыў силный-магучій багатырь Хама, и падъизжайтъ къ Хамѣ близка, а Хама ляжить, надъ имъ дярюга распята.

Злазитъ багатырь съ лошади, падходить къ Хамѣ, къ Широкой Барадѣ, къ шатру:

— „Здрастуй, Хама Широкая Барада, силный магучій багатырь!—Што мнѣ пазволитя ти мима праѣхать, ай здѣсь астанавитца?“

— Ня смѣтъ мима ѣхать: разбивай шатеръ близка, лажися!

Ѣдять другой багатырь, раскладываитца здѣсь и съ лошадыю, падходить къ етому багатырю:

— Здрастуй!

— „Здрастуй!“

— Ти ты Өама, Широкая Барада!

— „Нѣ, ни я, а тэй вонь;—іонь мине ни пускаить ѣхать далій“.

Падходитъ пріѣзжій багатырь къ Хамѣ:

— „Здрастый, Өама, Широкая Барада, сильный-магучій багатырь!..“

Серцамъ крикнуў: „Здрастый!“

— Што прикажтя: ти мима прапзжать, ай здѣсь астанавитца?

— „Нѣтъ, ня смѣть мима ѣхать,—астанавлей здѣсь!..“

Узяў Өама шпять приляпіў близъ шатра записку:

— „Ня смѣть къ Хамѣ ѣхать!“

Ѣдитъ третій багатырь, глянуў: три шатры разбита, и на шатрѣ записка приложна.

Злазитъ зъ лошади багатырь, здрастуйтца:

— Прикажтя мима ѣхать?

— „Нѣ, здѣсь астанавлїйся!..“

Пасматрїтъ гусударь: три шатры у запавѣдныхъ лугахъ, и лошади ходють.

Гусударь шлетъ багатыря узнать, якея ета за люди. Іонь падъызжайтъ къ шатрамъ:

— „Нявѣжи, шатры на чужихъ лугахъ разбили, лашадей пустили—выхадитя на паядиннѣкъ! Сичасъ голыву сыму!“

Таварыши пришли къ Хамѣ падъ шатерь:

— „Ти сами паѣднтя къ багатырю, ай насъ пашлетя?“

— Васъ пашлю. Паизжай уяредъ тэй, каторый напарѣдъ усихъ пріѣхаў!

Паѣхаў тэй и убіў посланныва багатыря. Гусударь ждаў, ждаў—шлетъ другога багатыря на помычь.

Тэй багатырь закричаў:

— „Нявѣжи, пупустили лашадей на чужимъ лугу, а сами лижать!“

Лны къ Өамѣ. Өама гаворить:

— „Паизжай, братиць, ты, сяредній!..“

Сичасъ паѣхнў етый, пагубїў посланныва багатыря.

Засылаить гусударь третива багатыря на помыщъ. Наиз-

жаить третій багатырь. На етыва багатыря пасылапть Хама третыва таварыша:

— „Паизжай, братиць, живѣй, дай яму холи!..

Паѣхмұ третій багатырь: пагубіў посланныва.

Якъ гусударь лишіўся трехъ багатырей, шлетъ записку:

— „Якой ты іось сильный-магучій багатырь—просимъ тебе у гости!“

Нада ѣхать Хамѣ.

— „Я атпраўлюсь!..“

Дярюгу влажіў, серпъ узяў у руки, паѣхаў къ царю на лицо. Царь яво приніў да чести, упрашваў быць яго защитникомъ; Ѡама сагласіўся у яго жить, давать яму помачь.

На етыва каралька падымантца другой, а у няво адинъ Хама.

— „Ну, Хама, паизжай, братиць на вайну!“

— Падай ты мнѣ лошать самую луччую, багатырьскую!..

Падали яму лошать багатырьскую, асидлали.

Приказаў тонкая бярно у струмена, „слягу“ привизать. бярно уширь струмень привизали.

— Привяжи ноги къ „сляги“. Привизали ноги.

И паѣхаў. Дакъ багатырская лошать тысячи пабила. Якъ крутнеть,—тысячи пабѣеть; якъ павернитца,—таѣъ народъ цувалить и цувалить.

Далажили каральву, што багатырь усѣ войска пабіў.

— „Атставайся у мене жить!..“

Пажіў три мѣсицы, а потѣмъ схватиў лашаденку и удраў къ жонки, дамоў.

№ 37.

Катигарошинка.

Купчиха забренила, праглытіўши гарохвину, и парадила сына Катигарошку. Іонъ дужа быў бальшей багатырь: свабадіў братіў и сястру атъ змѣя Шкурупея. Братья яго сонныга валасянымъ канатымъ къ дубу привизали, а іонъ и съ дубымъ тымъ пришоў дамоў.

Жіў купецъ съ жаною, двумя сынами и красавицый дочкый. На усѣ пмущества купецъ накупіў таварыў и наплыў моримъ. Выскачгла падъ тѣй часъ нѣпагадь,—буря, атъ яе купецъ и затѣнуў са ўсими дабромъ.

Купчиха дужа пичалилась и тушнувала па мужу. Ища ни аправилась ать етый бяды—глядь: за варотами другая бѣда.

Разъ у ясный день дѣти яе прагуливались у сваймъ саду, за камянной стяной—атеуда ни вазьмись на тэй часъ, на ту минуту, лютый змѣй Шкурупей: ня ўспѣли братья абразумитца ать страху, а ужъ іонъ у темнымъ воблаки понисъ ихъ милую сястрицу.

Купчиха чуть ни аслѣпла ать горя, усѣ плачучи; а братья паѣхали у путь дарогу за сястрою.

Купчиха бизъ сыноў жила плоха, абяднѣла, сама таскала воду.

Три года минула, якъ паѣхали сыны,—абъ ихъ ни слуху, ни духу. Идетъ купчиха за вадою, притамилаь сильна, нести поўныи вѣдры; пристѣла атдыхнуть.

— „Вотъ да чаго дажыла!“

Глаза ать большого горя и кручинушки слизами супоўнились.

Выкатилась слязинка изъ глаза и ў вядро канула, сію минуту стала бѣлымъ атборный гарошиный. Спанравилась ина купчихи;—та праглатила яе и забреминила, хуть и сама ни знала, ать чаго ета.

Радіўся мальчыкъ на дива усѣмъ красивый, здоровый. Кумы снясли мальчыка хряститъ папу, тей ни хатить:

— „Ни павѣрю, штобъ такей здаравенный малиць радіўся у старухи.“

Тиризь нѣскальки дней поць самъ навѣдаўся къ купчихи; купчиха яму усѣ атказала, ничога ня ўтдила.

Поць мальчыка ахрястіў, назваў яго па злучаю Катигарошинкый.

Ни па днямъ, а па часамъ росъ Катигарошинка, дайжи, такъ сказать, пу минутамъ; учіўся жъ харашо и скоро писать и читать стаў ня только, што луччи за мальцыў,—луччи самыхъ учітилиў.

Таварищамъ ета была завистна; разъ это изъ ихъ кампаніи и назави Катигарошку „выблюдкымъ.“

За абыду паказалась Катигарошки, къ матери пабѣхъ, стаў жалаватца: жалкуитца и абъ батьки распрашить.

Якъ услыхаў Катигарошка, што сястру змѣй скраў—матва увесъ разказъ, усю исторію гнала пу парядку—гаворпть:

— „Благаславитя, матушка, у путь-дарогу!“

— Куды ты, сынокъ, послѣднiя мая радысть и уташѣнiя?

— „За сястрой! И ни затримать вамъ мяне, маминька — луччи атстаўтя!“

Далà яму иголычку и сваё радительскыя благаславенiя.

Изъ даму Катигарошка идетъ къ кузняцу:

— „Пиряуй на трость иголычку!“

Катигарошка якъ падбросить скванную тростычку, а ладонь падставиў — тростычка и сплющилась, у ей была ажно 25 пудоў.

Изнову скуваў тростычку: абъ багатырская калѣна ударилась и слумалась.

Третiй разъ выйшла добрая трость: якъ падмахнуў яе у верха Катигарошка, ажно завизжѣла да прямиа яво па голыви, — асталась цѣла, и галава тожа цѣла, толькокн волысы на ёй дрогнули.

— Эта тростычка па мнѣ!

Зашагаў багатырь далiй, у путь-дарогу.

Даходитъ да большей раўнины; тамъ канюхъ стада лашадей пастивить.

Якъ увидиў Катигарошку, канюхъ давай кричѣть:

— „Ни хади, ни хади: на верхнiй дарози жирябець тебе затопчить.“

А iонъ усѣ идетъ и идетъ. Якъ жирябець набросиўся, iонъ яго схватаў за хвостъ, да абъ землю удариў и шкуру стащиў.

— „Вд ты мнѣ своею лашадкыю хвалиўся, а таперича шкурую палюбуйся!

Плачить канюхъ: загубить яго таперь змѣй-Шкуруней. Катигарошка, якъ услыхаў абъ Шкуруней, радъ, што на слѣдъ напаў — идетъ къ змѣю; на дарози ящо аблупиў быка-будуна, та жъ сторiя и зъ баранымъ-будуномъ.

Приходитъ къ возиру, у возира растеть магучiй дубъ, а падъ тымъ дубымъ находитца мужиствинный чилавѣкъ.

— Якога ты роду—племени?

— „Завусь я Катигарошинка, а иду я къ змѣю Шкурунею. Вотъ ты мнѣ пакажи дарогу.“

— Питьдисять лѣтъ я бирягу возира свайго гаспадина, змѣя Шкурунея, и ищо никаму ни паздаровилась, хто са мною у бой вступаў. И ты, младый вьюнущъ, лишиьстя сичасъ жиз-

ни, если дѣлій пайдѣшь. Вотъ, вотъ сюда къ возиру, у потѣмъ къ дварцу, што виднѣйтца тамъ, на гарѣ, падлятитъ самъ мой хазяинъ, лютый змѣй — Шкурупей. Ионъ на два аршины вады выпиваить и на аршинъ зямли падаить, и крѣпка-накрпка іонъ приказаў мнѣ никога ни прущать къ яму у дварець.

Катигарошинка задраўся съ мужиствиннымъ чилавѣкымъ, забіў яво и ужъ идетъ и Шкурупейу дварець.

Тамъ у вакна сядѣла скучая Купчихина дочка; якъ увидила чилавѣка, здвигалась и дужа абрадавалась.

Катигарошинка шапку сняў, на галаву письмо атъ матери узлажіў и стаў на калѣнкахъ пирідъ вакномъ.

Систра узила у руки письмо, нѣскальки разъ прачитала яво, ну, усе ища сумливалась, што Катигарошка яе братъ — тады тольки павѣрила тамъ, якъ іонъ у домъ увайшоў: замѣтила йна, што іонъ на маминьку пахожъ.

— Пажалѣй ты сябе, Катигарошка, и увыйди атсюль, пакуль ища жиў; а братыя твае тутъ ужъ жистъ сваю прикончили...

— „Нѣ! ни за етимъ я сюды пришоў, и, пажалуйста, сястрица, ни извольтя сумливатца: я зъ имъ спраўлюсь“...

Схувала систра, якъ магла тольки, свайго брата. Лягитъ сичасъ змѣй, скинуўся чилавѣкымъ и стаў пзъ сябе красивымъ и стройнымъ молыйцымъ.

„Хто-та іостъ у насъ изъ русьскихъ!“ свазаў змѣй.

— Ета ты па Руси налитаўся, русьскыга духа на хватаўся!

Катигарошинка ня стерпіў, кричить змѣю:

— Ета я пришоў къ табѣ у гости.

— „А ета ты, Катигарошка... ну, иди на глаза...“

Катигарошка усходить у комнату къ змѣю са сваею тростычкыю.

— Ну, падать намъ абѣдать!

Уси кушанни были згатуваны, якъ надаби бытъ, тольки напаслѣдыкъ Шкурупей справиў сабѣ алавянныхъ, мѣдныхъ и чугунныхъ аряхоў; такъ кусаў іонъ ихъ, што яны скрипѣли то и дѣла у яго на зубахъ, а самъ искоса паглядитъ на Катигарошку, ти спужаўся іонъ.

— Ти видишь ты, якъ я лушу арыхъ?

Ды вижу! Эта мине ни устрышайтъ: грызи сабѣ.

— „Ну, такъ пайдѣмъ у поля ли паядинка“.

Пришли у поля.

— „Дуй сабѣ поля.“

— Ли мине и ета харашо.

Змѣй Шкурупей стаў дуть — и падъ имъ сдѣлалась зимля мѣдная, а на ей слядоў ни видать.

Катигарошка дяретца тростию, а Шкурупей руками и нагами;—притаміўся змѣй и на три дни просить вотдыха.

Катигарошка даеъ яму вотдыху тольки на три часы. съ тымъ ища, штобъ Шкурупей указаў, куды іонъ падиваў яго братыіў.

Шкурупей ни хатить, бытцц'къ ни знаить; потѣмъ вядеъ Катигарошку, а Катигарошка дяржить яго за горла, штобъ ни увайшоў. Идутъ у садъ.

Ли аграменный дубовый калоды увидаў Катигарошка сваихъ братыіў мертвыми: волысы ихъ утиснуты у расщепъ дубовый калоды — такъ тамились яны доўга, пагамистъ бидняжыи жистъ сваю прикончили.

— Атживи братыіў—а то тутъ жа забью тебе.

— „Пазволь мнѣ, Катигарошка, изъ дому принеъ 2 бутлы.“

Катигарошка ипять идеть за имъ и за горла дяржить.

Дастаў змѣй бутылчыки и изъ аднэй пить хатить, — ужу къ роту паднѣсь.

— Дай мнѣ перва паспробывать! гаворить Катигарошка.

Якъ напѣся валшебный вады, Катигарошка паслышаў у сабѣ яще болій силы и за хитрость хатѣў было змѣя забить. Падашли изнову къ миртвицамъ, перви брызнули на ихъ мертвый вадой — яны стали, словно якъ живыи, тольки дыханія у ихъ нѣтути. Якъ брызнули на миртвяцоў изъ другей бутыли,—братытя ажили; думаўши, што ихъ ать смерти Шкурупей зба-виў, стали пирядъ имъ на калѣнки и благадарять за збаўле-ніе. На ту пору за абиду наказалась Катигарошки, што яво братытя змѣю кланіютца — узяў яму жистъ и прикончїў сваей тростычкый.

Сестра и братья такае радыи пувисялились, потэмъ пустились у путь—дарогу.

Астанувались притдахнуть на зялёный далини, ли возира, падь тымъ самымъ дубымъ, идѣ стыяў мужиствинный чилавѣкъ.

Путникиў абнила ночь.

— Я ни магу итти далей! гаворить Катигарошка:—Мине сномъ атамливаять. — Я засну здѣсь падь тянистымъ дубымъ, прихинусь къ яму, абапрусь на сваю тростычку. — Я сплю ни пу вашему—крѣпка; дакъ я научу васъ, якъ разбудить мене, вада придить уремя трогатца у дарогу: выбійтя изъ майхъ рукъ тростычку—я сичасъ прашнусь.

Тольки прагаваріў ета, а ужъ самъ храпить багатырскимъ сномъ.

Братья завидывали яму—стали мижда себе рѣчь диржать, якимъ родымъ Катигарошку стратить.

— „Нашоўся жъ съ виру чилавѣкъ и праславіўся!

Ня можить быть, штобъ іонъ намъ братъ быў: маминька наша ужъ у такимъ возрасти, што даже ніўвозможна и падумать, штобъ у яе дѣти радлись. Убѣёмъ-ка яго. Ну, аднимъ махымъ, пажалый, яго не забьешъ—тутъ іонъ прашнетца и намъ ни здубрывать тады. Вд што, здѣлаимъ валасяней канать, свяжимъ Катигарошку пу рукамъ и нагамъ, привяжимъ къ дубу—самъ іонъ ни аслабанитца, и памреть галодною смертью.

Аберутили братья Катигарошку канатымъ, привизали къ дубу, сястрѣ жъ вадѣли маўчать.

Вярнулись старшии сыны съ сястрой къ купчихи и хвалились, што са змѣимъ справились и сястру аслабанили.

Мать абъ Катигарошки распрашивать, а яны бутцакъ ничего ни знаютъ и ни вѣдають.

Прашнуўся Катигарошка и гаворить:

— „Ахъ, какъ я спаў доўга!“

Чутно яму, што привязанъ; пуцяўся, патыгнуўся—дубъ задрыжѣў; якъ выпряміўся—дубъ вырваў и пашоў такъ къ матери. а за сабою древа тащить.

Мать дужа зрадувалась, якъ увидила Катигарошку, а братья хуватца.

— Выхадитя, кайтись; развяжитя мине! Ня выйдитя, дужа плоха вамъ будить.— Вышли и развизали яго.

— „Ну, пращаю вамъ першую и паслѣднюю вину.“

Посли таво жили харашо, Катигарошку вали за старшова.

№ 38.

Ибъ чатарехъ царейнахъ, змѣихъ абъ трехъ, шасти, дивяти, двинацѣти галавахъ, абъ шкляннэй гарѣ, абъ мядвѣдихъ, ваўкахъ, ильвахъ, пу парачки, у дварцахъ; абъ зялѣзныхъ пирщатычкахъ, абъ ваушебный тростычки.

Жіў-быў адинъ царь, была у яго красавица жонка и трой сыноў. Царь такъ любіў сваю жонку, што ни тпуцаў яе ать сябе. Разъ толькѣ царица пашла у садъ на прагулку са свайми сынками падъ ручку. Аткуда ни вазьмись на ту пору змѣй, схватяў царицу—сынки дайжа глазымъ ни смигнули.

Бдѣжа мой, царь такъ асирчаў, што старшимъ сынамъ на глаза паказыватца ни приказаў — яны за маткый паѣхали, и младшій сынъ за ими услѣдъ.

Заходить Иванъ Царевичъ па дарози къ старушки; у яе тэй жа змѣй дачку унесъ. Старушка усими ласками и просьбами упрашійть царевича атнять у змѣя яе дачку. Клубочикъ старушкинъ даводитъ Ивана Царевича да другой старушки— и тую змѣй дачкой абидіў. Даходить іонъ и да третій старушки—и надъ тою тожа змѣй падшутіў,—дачку ухашіў.

Падходить іонъ къ крутэй горки, идѣ змѣи жили; здѣсь и братья его были, ни знаючи, якъ на гару узлѣзь. Царевичъ знайшоў пирщатки съ зялѣзными каптюрями, и на гару узлѣзь. Тамъ дварець; увакрухъ дварца широкій дворъ, у вароть двара нара мядвѣдїў. Иванъ Царевичъ прайшоў мижда звярѣў, толькѣ вадицы имъ наліў, пакуль яны занялись пить.

Падашоў къ дварцу, а тамъ сядить пріўкрасная царейна; стаў на калѣнки и письмо узлажіў на галаву ать первый старушки.

Царейна дужа убрадувалася матушкиному письму и схувала Ивана Царевича падъ краватьтю. Ну, якъ прилятѣў змѣй абъ трехъ галавахъ, Иванъ Царевичъ тога змѣя забіў. Потэмъ іонъ пабываў у двухъ дварцахъ, што стирягли ильвы и тигры.

забіў двухъ змѣй а шасты и дивяты галавахъ, свабадіў двухъ царёўнъ, дачокъ старшихъ сястёръ—старушнѣхъ.

Заставаўся чарѣдъ у матушки пубываць; ина жила у сті-вляннѣхъ дварцы.

Мать тожа схувала сына падъ краватьтю; прилятѣў змѣй ибъ 12 галавахъ и стаў съ царицью шутку шутить—хочить яе бытца палицый придусить, а потѣмъ спахватиўся:

— „Што ета у насъ руськимъ духымъ пахнить?“

— Ета, душинька, ты па Руси налитаўся, русьскыга духу набраўся!

Тутъ Иванъ Царевичъ палицу у змѣя выбіў, а потѣмъ и забіў яго самаго. Потѣмъ якъ нападло маханькихъ змінятъ, ажно темно стала—цѣлая туча! Царица дала сыну такей мячикъ—уси змінятки въ аднае кучу паскатились, патомъ ихъ сажгли.

Иванъ Царевичъ дужа пичалиўся, што патряў зялѣзныи пирщатки. Царица и царёўны давай палатенцы шивать, а потѣмъ на шитыхъ палатенцахъ унизъ спустились. Тутъ братья палатенцы и пирярѣзали, штобъ Ивана Царевича унизъ ни пустить:

— Пахвалимся, што мы царёўнъ раздабыли.—Атець дужа пичалиўся, што любимага сына нѣтъ; а старшіи сыны свадыбы зативають съ царёўнами. А царёўны ня бытъ: сунятца съ жиннихами, штобъ яны имъ тоя и тоя здѣлали да свадыбы.

Царевичъ Иванъ тымъ часымъ звярнуўся дамой: пумагла яму тростычка, што іонъ на гарѣ знайшоу.

Атець перва бяды на сыноў, а потѣмъ прастіў имъ: разымъ три свадыбы атпразднывали.

Ш а в р а.

Старикъ пасѣилъ пышаницу, у яе увадился табунъ дивныхъ коніу. Шаўра, младшій сынъ старика, лапшадыкъ етихъ пупавилъ и атдаў сваимъ адиннацѣти братьимъ, сабѣ заставіўши ваўшебную кабылицу. Паѣхали братья сабѣ жонныкъ дабывать и пажанились на вѣдьминыхъ дачкахъ. Шаўра, ня будучи нлохъ, падслухалъ, што вѣдьма хочитъ ихъ загубитъ: такъ ина хвалилась другимъ вѣдьмамъ. Нарядіў братіу у адѣжу жонныкъ и самъ такъ нарядіўся;—дыкъ вѣдьма сваихъ дачокъ загубила, а Шаўра зъ братьими утѣкъ. Паступилъ на службу къ царю и царю спанравіўся. Вальможи научили царя давать Шаўри трудныя работы,—ну яго лапшадка пумагла яму усп тыи трудныя работы пасполнитъ:

1) Пиріадѣўся купцомъ и увѣзъ дочъ ваўшебницы, каторая по мырю гуляитъ и изъ костычки у костычку мозгъ пириваитъ. Хуть и гналась за имъ ваўшебница, ну ни дагнала, тольки заплакала. — „Пубядилъ, Шаўра, ты маю галовушку! Пубядилъ ты мине, ну сваею жистю расплатисься“.

2) Потѣмъ Шаўра спаймалъ табунъ ваўшебницыныхъ лапшадныкъ.

3) Изъ церкви образъ дастаў, атманіўши народушка (народъ высипалъ изъ церкви Шаўраву лошадь 'смагрѣтъ). Утѣкъ съ вобразамъ, а у церкви старыя платья заставилъ.

4) Стаў гуся даставать и ледва утѣкъ. Гусь быў на вярху башни, атъ яго 12 струнъ ишло, и звинѣли тѣ струны, якъ икая беда горыду даўжна злучитца. Шаўра перва 9 струнъ атсѣкъ, а потѣмъ астатнія три. Цареўна-ваўшебница и узнала абъ Шаўри,—удагонъ за имъ.

5) Живой и мертвыи вады дастаў ли царя. Сваю лапшатку забіў и паймаў на ей сиза ворына. Сизый ворынь даў Шаўри у залогъ варанѣнка, а самъ палятѣў за вадой. Ваду ту дужа бирагли у горыди; ну, якъ ворынь низинька литаў — што такоя? давай ворына ли патѣхи давить, а іонъ тады шибка къ вадѣ, якъ яны атдалились, — схватаў ваду и къ Шаўри. Шаўра вадицую лапшадку атживіў и ледва,—ледва утѣкъ атъ ваўшебницы. Царь вялѣлъ Шаўру изрубить; якъ

яго атэживили, — вадица жывая и мертва аказалася харошію; — вядэць сябе изрубить. Изрубить яго — изрубили, а ужэ жывою вадою паливать ни стали — здэлаўся царэмь Шаўра.

Ч О Р Т Ъ.

(Чортъ смѣшивається съ домовымъ и лѣсовымъ).

№ 1.

Якъ чортъ мужику мельникыву дачку высватаў, а потэмъ мужика загубіў и яго сусѣда.

Каекъ жиў адинь мужучокъ, и быў у яго адинь сынъ. Вотъ старичокъ помиръ, астаўся яго адинь бѣднй сынншка. Думаў, думаў, што яму дѣлать, аставшись аднаму дома; патомъ и гаворить самъ сабѣ: — „Вазьму, ажанюсь!“ — И пашоў у сваты. Вотъ іонъ сватаў, сватаў, — нійдѣ ня высватаў, и годъ, и другей прахадіў, и третій, — нійдѣ ня высватайтъ. Патомъ идеть дамой и заливайтца — плачить, гаворить самъ сабѣ: — „Божа, мой Божа, няўжели я такей зарадїўся нищаснй?..“ Пагади, гаворить іонъ самъ сабѣ: — „пупрашу-ка я хуть чорта,“ — и гаворить: — „Хуть ба чортъ мнѣ даў нявѣсту!“ — Вотъ тутъ чортъ выскакывайтъ къ етому мужичку: — „Здрастуй, добрый члавѣкъ.“ — (Іонъ ни знаў, што ета чортъ). — Здрастуй! — „Што ты тутъ ищишь?“ — спрасіў у яго чортъ. Мужикъ и гаворить: — „Ищу сабѣ я нявѣсту: ужэ третій годъ нибакъ ни найду.“ — Чортъ и гаворить мужичку: — „Я табѣ дамъ нявѣсту“ — Мужикъ и гаворить: — „Сдѣлай миласть, развяжи ты мнѣ ету акову!“ — Вотъ чортъ и гаворить на мужука: — „Ну, ступай за мною!“ Вотъ іонъ приводитъ яго къ балоту, да якъ ударить тростю пу балоту: балота тоя растварилась на двѣ части, такъ што яны пашли у тоя балота. Приходють: тамъ стаятъ такея харомы, што толька нѣ пусматрѣтъ и сидять тамъ три дѣвушки. — Чортъ и гаворить на етыга мужучка: — „Ну, выбирай, каторая табѣ наравитца“. — Патомъ мужиеъ етытъ и гаворить: — „Каторую атдадита, то и мая.“ — Вотъ чортъ и гаворить: — „Ну, призжай заўтри, а я табѣ атдамъ дѣвѣу!“ — Мужиеъ спрашїить у чорта: — „У какою жѣ уремя мнѣ призжать?“ — А призжай вечирамъ! — Вотъ іонъ приходитъ дамой и гаворить: — Ну, слава Богу, я сабѣ высватаў нявѣсту, да такую красавицу, што толька ў книги написать!“ — А тутъ яго спрашїють: — Идѣ жѣ

ты ета сабѣ высватаѣ? — А іонъ гаворить: — „А якоя вамъ дѣла? — Идѣ высватаѣ. тамъ и будить“. — Патомъ и гаворить: — „Паѣдимъ на свадьбу!..“ А яму атвичають свае рѣдныя: — „Ну, куды мы паѣдимъ, бали ты намъ ничога ни гаворитьш.“ — А іонъ гаворить: — „А я вамъ и ни кланіюсь.“ — Пашоѣ у горыдѣ, наняѣ тамъ ламавыхъ извощикнѣ и паѣхаѣ у тоя балота. — Вотъ яны прѣѣхали къ тѣму мѣсту, мужикъ и кричить на чорта: — „Сватъ, а, сватъ, выйди къ намъ!..“ Вотъ выскычѣ чортъ и гаворить: — „Ну, паизжайтя за мною!..“ Вотъ ети уси яго зазванныя паѣхали ѣ балота, пасмотрють: а тамъ такей домъ, такея харомы, што вужасъ сматрѣть. — Патомъ чортъ засаживаить усихъ за столъ, атдаѣ имъ дѣѣку и гаворить: — „Ну, таперъ паизжайтя! — А я къ вамъ буду заѣтри вечирымъ, — ажидаить мяне: тады я вамъ увесъ парядакъ пакажу.“ — Вотъ яны прѣѣхали дамой; тутъ приходють яго сусѣди и удѣляютца, аткуда ета іонъ привезъ сабѣ такую красивую нявѣсту. Патомъ пиривинчались, начали играть свадьбу. Вотъ приходитъ вечиръ, ажидають яны чорта къ сабѣ на свадьбу, а іонъ приказаѣ: — Вазьми, налея два пирярѣзы сиряди двыра, адинъ вотей, а другей пива, и атвари вароты!.. Вотъ іонъ узяѣ наліѣ два пирярѣзы, паставѣѣ сиряди двара; патомъ пашоѣ атваряють вароты, ѣзяѣ пприхрястѣѣся и вароты пприхрястѣѣ, пришоѣ у хату, дажидаѣ — дажидаѣ: нима чорта. — „Што тутъ такая? — гаворить іонъ: такъ іонъ забавѣѣся?“ — А іонъ кричить у вакошка: — „Вазьми, выліѣ пирярѣзы и налея другея, и расхрясти вароты!.. Вотъ іонъ пашоѣ на дворъ, выліѣ тья пирярѣзы, каторыя были налиты съ воткаю, да наліѣ другея, патомъ падышоѣ къ варотамъ, да узяѣ рукою надмашъ и атварѣѣ. Ни успѣѣ увайти у хату, а чортъ ужъ тутъ. Вотъ пасадѣѣ яго за столъ и гаворить: — „Вѣ, сватъ нашъ, вѣ сватъ нашъ!“ И давай яго угащать, патомъ, справѣѣши всѣ эти дила, атираѣляйтца чортъ дамой и гаворить: — „Ну, я табѣ ни сватъ и ты мнѣ ни сватъ; а вотъ я табѣ укажу, хто твой сватъ: ѣ такомъ-то и такомъ мѣсти стаить мельница; тамъ живеть мельникъ, ета яго дочка, — то табѣ сватъ, а ета яго дочка.“ Патомъ и пашоѣ. Вотъ яны атгуляли свадьбу. Нѣскалька ѣремя прайшло, ѣздумаѣ сусѣдъ жанить свайго сына. Приходитъ къ етому мужуку, каторому чортъ даѣ нявѣсту, и гаворить яму: — „Братъ, ты-тѣи тамъ знакомъ: нѣтъ ли тамъ ящо дѣвкы?“ — А іонъ и

гаворить:— „О, братъ, тамъ ящо многа!“ — Братъ, сходимъ мы туды!— „Ну, такъ штожь?!“ — гаворить іонъ:— „Пайдемъ, я на-пробую старатца.“ — Вотъ яны пришли къ балоту, давай бить тростью пу балоту и кричать:— „Свать, выйди къ намъ!“ — Ня чуть ничога; яны и ў другей разъ — ня чуть; яны у третій разъ: якъ выходитъ етый чортъ зъ залѣзнымъ пасухомъ. якъ ударіў обоихъ мужукоў; тамъ яны и жлсть сваю кончили.

№ 2.

А бѣднымъ и багатымъ брати.—Якъ бѣдный братъ разжіўся ать игня, што даў яму якей-та дѣдушка; багатый братъ пагарбѣў ать таго жъ аганьку.

Какъ жили два браты: адинъ багатый, а другей бѣдный: такъ бѣдна жиў, што нечимъ було и сабаки выгнуть. Вотъ прайшло нѣскалька лѣтъ, приходитъ праздникъ Христовъ день. У багатыха ўсяго давольна, а у бѣдныха и крошки хлѣба нима. Багатый затапіў печку и ўсяго панагатуваў: питиння, и идиння, и разнага кушання; а бѣдному нечимъ и агня уздуть дома. Іонъ думаў, думаў, што тутъ дѣлать. Патомъ и гаворить на хазяйку:— „Уставай-ка: сходи агня (попросить?) къ сусѣдимъ!“ — Вотъ ина устала и пашла: къ аднаму сусѣду схадила, а такжа къ другому, — ни дають нигдѣ агню: вотъ іонъ и гаворить:— „Падаж-жи-ка! пайду схажу къ брату свайму, багачу: можить быть, іонъ дасть: вить агонь ня хлѣбъ.“ — Вотъ іонъ пашоў къ яму. и тотъ ни даў—гаворить на яго:— „Ты какой-нибудь валшеб-никъ, што падъ праздникъ просишь агню!“ — Пришоў іонъ да-мой, да какъ заплачить горькими слязми:— „Божа мой, Божа!“ — гаворить:— „няжъ я такей зарадіўся нищасный на свѣти, што мнѣ ни дають ничога ўзаймы, дайжа и агню ня вѣрють!“ — и гаворить на хазяйку:— „Дай-ка мнѣ лапти: я пайду ў церкву.“ — Ишоў, ишоў къ церкви; пасматрїть: у поли рошица, и гарить аганекъ. Вотъ іонъ увидаў, узрадуваўся и гаворить самъ сабѣ:— „пайду-ка я къ яму, хто ета тамъ разлажіў.“ — Под-ходитъ іонъ къ аганьку, сядить старичокъ; іонъ и гаворить:— „Здрастуй, дѣдушья!“ — „Здрастуй, здрастуй, гаспадинъ хазя-инь!— атвичаў яму старикъ.— Куда, братъ, идешъ?— „А мой ты дѣдушья, иду ў церкву! Да во што я васъ хатѣў пуцра-

силь: абхадіў я ўсю дярэўню, вийдѣ ни дастаў агня: дайта вы мнѣ аганька!“— А вазьми, брать!— „Да ува што я вазьму, мой ты дѣдушка?“— А іонь и гаворить:— А дяржи палу,— я табы усыплю!..— А іонь и гаворить:— А, мой ты дѣдинька, адна у мяне свитынька плахенькая, и тая прагарить!— „Ня-бось,“ гаворить іонь: „ни прагарить!“— Воть іонь яму выста-віў палу, іонь яму усыпаў аганька; іонь и панесъ дамой. При-несъ дамой и высыпаў на загнѣтку; пасматрить іонь: усѣ зо-лыта, да сѣрибра. Туть іонь и абрадаваўся. И тскачила ис-кырка агня; іонь узяў, ўздуў игню и кричить на хазяйку:— „Пади-ка суда, пасматри, што намь Богъ даў.“— Туть пришла хазяйка; узрадывались, и ни знаютъ, што имь дѣлать. Воть іонь и гаворить— „ну, тыперь я пайду, да што-нибудь куплю: какъ у насъ заўтри праздникъ, то нада кой-што пригатовать. Воть іонь пашоў, купиў што яму було нада ка бѣду, къ празднику Христовому дню. Патомъ и гаворить:— „ну, я таперь пайду ў церкву.“— Приходить съ церквы, Богу пумаліўся; патомъ и гаворить на жану:— „Ну, таперь што я думаю сдѣлать, жана моя милая! какъ у насъ сяводни праздникъ, то я пайду ў ка-бакъ и вазьму ки бѣду палштохъ вотки.“— Воть іонь принесъ палуштохъ водки и гаворить:— „Пайду-тка я пазаву къ сабѣ свайго брата багача.“— А хазяйка яму гаворить:— „Идѣ іонь къ намь пойдить?“— Аднака пайду, пупрашу. — Воть іонь па-шоў, пупрасіў свайго брата багача. Патомъ приходитъ братъ. Сѣли яны за столъ, выпили па рюмки, выпили па другей; па-томъ етытъ багатый братъ и спрашнть:— „Братъ, за што ты ета купиў вотки?“— А Богъ даў.— „Братъ, сдѣлай милысть, скажи!“... Воть прайшло нѣскалька уремя, етытъ бѣдный стаў заживать— все болій и болій, такъ што и багатыга багачи. Па-томъ прайшло яще нѣскалька ўремя, годъ или два, стаў такой тѣмарь етытъ бѣдный братъ, што и казны сваей ни знаить. Па-томъ багатый братъ и зазваў яго на честь брата, и давай яго спрашивать:— „Скажи, братъ, мнѣ, чаго ты пубыгатѣў?“— Воть іонь думаў, думаў, патомъ и гаворить: „Ну, братъ, я табѣ раскажу. Воть какъ быў у насъ праздникъ Вяликадня, Христоў день,— ни случилась у мяне агня ў доми; то я хадіў-хадіў ны дярэўни: ни йдѣ мнѣ агня ни дали. Воть я напру-нуўся и пашоў у церкву. Воть я вижу: ў роши кала церквы гарить аганекъ. Воть я падхажу ка 'гну. тамъ сидить стари-

чокъ. Я прихажу къ яму и гаварю:— „Здрастуй, дѣдушка!“ — А іонъ мнѣ гаворить:— „Здрастуй, здрастуй, гаспадинъ хазяинъ!“ — Патомъ я пупрасію агню, іонъ мнѣ даѹ; я принесъ дамой: якъ высыпаѹ на загнетъ, пасматрю: ѹсѣ золыта да сѣрибра.“ — Вотъ етытъ багачъ и думантъ самъ сабѣ:— „Падажжи: и я такъ сдѣлаю!“ — Вотъ іонъ ждетъ—ни дажжется тогда праздника. Патомъ на другой день приходитъ праздникъ; вотъ іонъ и гаворить на жонку:— „Ну, жонка, тапи печку!“ — Вотъ ина вытапила и гаворить:— „ну, таперъ загаси агонь, штоба ѹ насъ ѹ доми ни днѣй искырки ни було.“ — Вотъ ина узила и вадою залила. Патомъ приходитъ вечеръ, етому багачу ѹсѣ адны думки, какъ ба наболій денигъ дастать. Узаяѹ и пашоѹ кала тѣй роци пасматрѣтъ. Гарить тамъ аганекъ. Іонъ приходитъ къ тому аганьку; тамъ сядить старичокъ. Іонъ и гаворить:— „Здрастуй, дѣдичка!“ — Здрастуй, здрастуй, гаспадинъ хазяинъ!— „Куда ты идешь?“ — А, мой ты дѣдичка, я хатѣѹ у васъ агня пупрасить!— „А изволь, дамъ, гаспадинъ хазяинъ! дяржи палу!“ — Ну, какъ багачъ на денгн жадннъ, то іонъ ни чога ни сказаѹ и выставіѹ палу. Вотъ іонъ яму усыпаѹ, іонъ и пашоѹ дамой; ни дахадя шагоѹ двадцать, домъ багача загарѣѹся,—такъ багачъ и пагарѣѹ!

№ 3.

**Якъ три браты спорили, хто помохъ имъ хату срубить:
Бохъ или чортъ.**

Жили три браты и ѹ три дня три хаты срубили. Адинъ гаворить: „Богъ помогъ“, а двоя гаворють: „чортъ помогъ.“ Шли ани дорогой, стричаитца зъ ими чортъ.— „Куда вы идѣтъ?“ — Мы идемъ да ѹстрѣчи. Разсуди намъ: мы гаворимъ: чортъ помогъ, а іонъ гаворить: Богъ помогъ.— „Я разсужу вамъ: ета чортъ помогъ.“ — Ну, братъ, што мы съ нимъ здѣлаимъ?— „А возьмемъ выкалимъ яму глаза и пустиимъ ѹ лѣсъ!“ — Вотъ яны выкалали яму глаза и пустили ѹ лѣсъ. Нашоѹ іонъ избушку, вайшоѹ у яе и ѹлѣзъ падъ печъ. Збираютца туда черти. Адинъ гаворить:— „я нашоѹ денгн ѹ бани падъ палкѡмъ,“ а другой гаворить: „я сяводни ѹстрѣтиѹ трехъ братоѹ, да аднаму выкалали глаза“; а третій гаворить:— „ахъ, кабы

іонь сюда: ў насъ, на згувальни, растеть такая трава: патри ею глаза, и становить сматрѣть.“ А іонь ега и слыштить; патомъ па утру вышіў изъ хатки, нарваў травы, патерь глаза и стаў сматрѣть. Патомъ сказаў: „падажди, пайду ў ту баню: вазьму тѣ денъги падъ палкомъ.“ Вотъ іонь пашоў ў ту баню, капать, да капать падъ палкомъ, выкалаў іонь карету денигъ. Вотъ іонь еупіў сабѣ лошадь, забраў еты денъги и павезъ дамой; пріизжаить къ варотамъ; жина и дѣти увидали и гаворять:—„Пасматрися: ѣдитъ нашъ батька на трехъ каняхъ и вазеть денигъ цѣлый возъ.“—Ета нипраўда, гаворить жина: ужъ яго и кастей нима! Вотъ іонь и гаворить:—„Жина, сходи къ брату, пупраси мѣрки: мѣрить денъги!“ Вотъ ина пашла и приисла мѣрку, перемѣрили денъги. Яе брату завидна стала и гаворить іонь: „Братъ, идѣ ты ўзяў денъги?—А мнѣ Богъ даў. „Братъ, выкали и мнѣ глаза!“ Вотъ іонь яго ўзяў, выкалаў яму глаза и пустиў ў лѣсь. Вотъ іонь пашоў хатку; искаў, искаў двери, нашеў яе и ўлѣзъ падъ печку. Вотъ сабрались черти и гаворють:—„Вотъ, сянни быў у насъ нѣхта ў хати; вазьмемъ-ка, пасмотримъ: нѣтъ ли каго?“ Нашли яго падъ печкыи и разарвали на дви части.

№ 4.

Якъ мельникъ чорта надуваў.

Въ нѣкатарымъ царствіи, въ нѣкатарымъ гасударствіи жиў адинъ прудникъ и очинъ іонъ харашо панимаў на щотъ мельницы. Вотъ іонъ адинъ разъ малоў, малоў—каминь яго и астанавіўся. Іонъ и то дѣлать, іонъ и другою дѣлать,—ничога ни бяреть; іонъ и гаворить:—„Што за чортъ!“ — А чортъ язь тутъ быў:—„Што табѣ нада?“ — Да какъ, што нада: зачѣмъ ты такъ шутишь?—„Да за тымъ я шучу, штоба ты ни малоў.“ — А што мнѣ дѣлать?—„А давай у карты гулять.“ — На во шта зѣ мы будимъ гулять?—„Хочешъ на арѣхи, а хочишь на щаўкы.“ — Дай мнѣ слабоды на три часы. — Вотъ мельникъ пашоў къ кавалю, да скуваў сабѣ малатокъ на пружини и нажавъ алавяныхъ арѣхаў; тады и приходить къ чорту гулять. Вотъ чортъ разъ узяў, другой разъ узяў, а третій разъ прудникъ схамянуўся. Какъ здали карты, чортъ и спрашнить у прудника:—

„Што у тебе?“ — Хрести! — Чортъ и гаворить: — „Бари. бари!“ — Вотъ аны гуляли, гуляли; потомъ чортъ какъ станить яго арѣхи кусать: жветь, жветь, да й выплюнить, а прудникъ, какъ выйграить, таеъ и пакусаить. Вотъ чортъ и гаворить: — „Ни давольна ли гулять на рѣхи: твае арѣхи дренъ, — давай луччи на щаўчки.“ — Вотъ, какъ здадутъ карты, чортъ и спрашнить: — „Што ў тебе? — А прудникъ гаворить: — „У мяне хрести!“ — Тады чортъ гаворить: — „Бари. бари!“ — Вотъ прудникъ, какъ стаў давать свае щаўчки, чортъ и гаворить: — „Нѣтъ, прудникъ, давольна и на щаўчки гулять!“ — А што будимъ таперъ дѣлать? — „А во што, братъ прудникъ! пайдемъ лядье матычить.“ — Ну, пайдемъ! — Прудникъ матычить пѣлый день на лапичку. а чортъ лисятину распрячить. Вотъ яны наматычили бальшоя поля. — „Ну, што мы будимъ сѣить?“ — гаворить чортъ. — А пасѣимъ пшаницы. — Вотъ яны пасѣили пшаницы; росъ да росъ тая пшаница и ужъ паспѣла. Тады приходить чортъ къ пруднику: — „Ну, прудникъ, давай пшаницу дялить! — Што ты вазьмешъ: макушки или камлюшки?“ — Я вазьму макушки. — А чортъ: — „А я вазьму камлюшки.“ — Вотъ прудникъ ирветъ макушки, да возить дамой и емадетъ ў гумно, а чортъ ирветъ иржища, да носитьъ ў кусты. Потомъ прудникъ начаў сваю пшаницу малоть, пумалоў яе; приходить чортъ къ пруднику. — „Дай мнѣ пакушать сваей части!“ — Мельникъ даў чорту пакушать ляпешки. Чортъ и гаворить: — „А, ты мяне надуў; пагади: таперъ ужъ ни надуишь. — Давай ипать ляда матычить.“ — Вотъ ани взматычили. — „Ну, прудникъ, што мы таперъ пасѣимъ?“ — А таперъ ужъ пасѣимъ рѣпы. — Вотъ ани пасѣили рѣпы. Вотъ рѣпа паспѣла. — „Ну, прудникъ, будимъ рѣпу дялить.“ — А давай. — Да сматри, ни ашибисъ: ни вазьми апать камлюшки. — „Нѣтъ,“ — гаворить чортъ: — „ладна: ты мяне усѣ надуваишь, а таперъ ты ни надуишь: таперъ ужъ я вазьму макушки.“ — А прудникъ етому и радъ; вотъ ани стали дялить рѣпу, прудникъ и спрашнить: — „Ну, што ты вазьмешъ?“ — А таперъ ужъ я вазьму макушки.“ — Вотъ прудникъ стаў выбирать рѣпу, а чертъ давай валачить титиву ў кусты. Вотъ яны зъ етыю рѣпую управились; приходить чортъ къ пруднику и гаворить: — „ну, давай кушать: чіе каму панравитца.“ — Вотъ чорту даў прудникъ пакушать адну рѣпку; чортъ и гаворить пруднику: — „Ну, прудникъ, наша дружба кажитца съ табю

ўрозь.“ — А прудникъ и гаворить:— „Если такъ, то убирайся прочь!“ — Чортъ и гаворить пруднику:— „Што табѣ нада ящо?“ — А прудникъ и гаворить:— „А вò што мнѣ нада: пазычь мнѣ денигъ тысячъ пятнадцать.“ — А, ета можна! — А када ты мнѣ ихъ атдаси? — Прудникъ и гаворить:— „А вò када я табѣ атдамъ: када будутъ идить свиньи съ поля пашкомъ, да будить бальшая жарота.“ — Вотъ чортъ давай выбирать самый жаркій день и пашоў на выгань, и смотреть, какъ свинни идуть: ти шагымъ, или нѣтъ, а свинни идуть сваимъ парядкомъ. — Нильгà чорту у прудника денигъ спрасить. Вотъ июнь и гаворить:— „Ну што, прудникъ, видь мае денги прапали? — Што табѣ ящо нада?“ — Ты падажди нямнога, патомъ ипать приди. — Вотъ черизъ нѣскалька ўремя чортъ ипать приходить въ пруднику, а прудникъ стаў надъ рякой и давай вить вярёўку; чортъ и гаворить:— Прудникъ, што ты ета дѣлаишь?“ — А я ўсю кавязу, усихъ чартей зъ вады завязу! — Вотъ чортъ и гаворить пруднику:— „Братъ прудникъ, здѣлай миласть, на вей! — Што ты ў мяне денги занимаў, то я у тебе ужу на буду спрашивить!“ — Вотъ съ тѣхъ поръ прудникъ съ чортымъ и раздружѣся.

№ 5.

Жадный бобыль.

По приказанію какого-то существа, сидящаго въ липѣ, исполняются всё желанія прихотливаго бобыля; но когда онъ пожелалъ, чтобъ его сдѣлали богомъ, а дѣтей боженятками, то былъ обращенъ въ медвѣдя, а дѣти въ медвѣжатъ.

Жіў сабѣ бабыль и ни имѣў у себя лошади. Пашоў у лѣсъ дровы рубить. Нашоў июнь сухую липу, падходить къ ей и стукаить у яе разъ, два и три. Яму хто-та изъ липы и гаворить: „Мужучокъ, што табѣ нада?“ Июнь испужаўся етыга челавѣка, атдаліўся атъ липы и думайть, што ета бъ значила? Падумаў, падумаў, падходить ипать къ липы и твичайть тòму голасу:— „Хачу липу срубить сябѣ на дровы, атапляютъ печь и сагривать дятей!..“ Голасъ яму ипать гаворить:— „Иди дамой: у тебе, у тваемъ доми, усяго давольна: и ската, и дроў, и изба твая типла, и дѣти сагрѣлись.“ — Приходить дамой, жина

яго устрѣтила на дварѣ и гаворить яму:— „У насъ ать разу у дома нашимъ усяго многа: и ската, и хлѣба, и дроу. и изба наша такая теплая; хадн скарѣи да хаты и сагрѣйса!“

Пасидѣу мужучоъ ѣ сваей теплой хати, палюбуваѣся сѣатишкаю, да и гаворить жанѣ:— „А што ты думаешъ? насъ усѣ бизпакоють нашій дярѣуни выбарныи: давай имъ и то, и то. Пайду-ка я къ липи.—Пришоу къ липи и стукнуу у липу разъ и два. Съ липы челаѣческой голасъ яму и гаворить:— „Што табѣ нада, бабыль?“—Мужучоъ и гаворить:— „Прихадіу я тяди рубить ету липу сабѣ на дровы, а якъ ты якей-та сказау мнѣ: ни руби липы на дровы, иди дамой! у тебе усяго давольна: и ската, и хлѣба, и дроу, и теплая хата—такъ и запрауду злучилась. Я тяперь думаю, якъ бы мнѣ быть выбарнымъ—ни хачу я лумать шанки пирѣдъ дрявеньскимъ нашимъ выбарнымъ.“—Голасъ яму въ отвѣтъ:— „Иди пята дамой, и будить па тваяму жиланію.“—Іонъ и пашоу дамой.

Приходить дамой, жана гаворить яму:

— „Прихадіу къ намъ стараста — требуютъ тебе на гасподскій домъ.“ — Іонъ пашоу туды, а тамъ была дрявеньская сходка, и избрали усею дярѣунию выбарнымъ.

Прахадіу нямнога мѣсяцыу у должности выборнага, — наскучила ему ета сабачая доужность — бѣгать па дярѣуни, выбирать деньги на валасныхъ и писарей. Пайшоу ипять къ той липи:— „Знать ужу, што у той липи не прастой голасъ!..“ Приходитъ и стукъ у липу,—изъ липки голысь спрашнть:— „Што пришоу, и што табѣ нада, бабыль?“ — Хачу гаворить: бытъ старастаю у сваей дярѣуни.—Изъ липы яму голасъ авичапть:— „Иди дамой: будишь и старастаю.—На тотъ жа день и ўпрауду яго усею дярѣунию паставили старастаю. Нямнога іонъ пабыу у етый доужности, падумываить, што у етый доужности не наживешъ денегъ; задумау атказатца и атказаѣся. Приходнтъ къ липи и просить доужности упраўляющага у багатаго гаспадина. Стукъ тапаромъ у липу, изъ липы голасъ спрашнть:— „Што нада?“—Хачу бытъ упраўляющимъ у багатага пана.— „Ну, иди: заўтри будить твае дѣла.“—На заўтри требуютъ яго багатый гаспадинъ и спрашнть у яго сагласія бытъ въ имѣннй упраўляющимъ; іонъ сагласіѣся съ радкстію и стау распаряжатца хазяйствамъ барскимъ. Тутъ-та іонъ нѣскальки гадоу пражіу и нажіу бальшей капиталъ, а, нажіуши многа денегъ.

атказаўся ать доўжнасти. Задумаў бабыль быць багатымъ гаспадинымъ. Приходить дамой и гаворить жанѣ:—Ти цѣла тая лица, ти ни срубіў-то хто яе? Ти даўно ты была у лясу?—Жана авичаить:—„Цѣла, ни хто ни зрубіў!..“ — Ну, пайдѣ къ липи!—Стукнуў у лицу.—Што табѣ нада?—„Хачу быць багатымъ гаспадинымъ и завладѣть имѣніемъ тога багатага гаспадина, адѣ быў я многа гадоў упраўляющимъ.“—Иди—и будить па твайму жиланію!—Атправіўся у домъ тога гаспадина и зарандаваў яго имѣнія. Начаў распарязатца имѣніемъ, стаў ва ўсё ўсмаатриватца, перелечивать свае даходы. Пажіўши большіе годы, зашумѣў бабыль. Задумаў гаспадинъ бабыль быць царемъ. Идетъ къ липи и стукъ тапаромъ у лицу. Тутъ спрашиць голась:—„Што нада?“—Хачу быць царемъ, штобы мнѣ винились усе народы.—„Иди, и будишь царемъ.“ — Пришоў во имѣнія, и требують яго во сталицу каранавать во царя. Накрасаваўшись на бѣлымъ свѣти царемъ, захатѣў быць богамъ, а жина была бѣ багвинію, а дѣтки бажинятками. Пріѣхаў на родину, пашоў гулять па полю и заходить къ липи и стукнуў у лицу. Голась громга и сардита гаворить яму:—Бабыль царь, што табѣ нада?—„Накрасаваўся я на бѣлымъ свѣти царимъ, а хачу таперь быць раўнымъ богу.“—„Нѣтъ, царь, раўнымъ богу быць табѣ нельзя, а будь таперь мядвѣднимъ, штобы табе на лаяцугѣ павадили, да вязинаю пувазили!.. Будуть табе люди баятца, но будишь и ты людей баятца.—Аташоў бабыль царь, сдѣлаўся мядвѣднимъ, жана мядвѣдницый, а дѣте мидвѣжинятами и пашли по лясу и таперь ходють страшилищамъ.

№ 6.

Абъ лисавымъ и ахотники.

Адинъ мужикъ пашоў у лѣсъ рубить дровы. Вотъ іонъ рубіў, рубіў дровы, засадіў у кряжъ клинъ, ня выніў яго и пашоў дамой. Черизъ нѣскалька ўремя адинъ ахотникъ хадіў па етому лѣсу и ўслышаў чилавѣцкскій голысь—крячить чилавѣць.—Патомъ іонъ и давай туда падхадить, пасмотрить: чилавѣць! а ета хазяинъ лисавой, стаў етытъ клинъ вынимать и увязаў іонъ туда свае руки: клинъ выніў, а руки тамъ и астались. Вотъ іонъ и гаворить на ахотника:—Братъ, сдѣлай ми-

ласть, пади суда, вынь мае руки. — Ахотникъ надашоу и выніў яму руки съ етага кряжа. Лисавэй хазяинь и гаворить на ахотника:— „Ну, братъ, благодарю я тябе, прихаді ў такоў-то и такой день суда: я табѣ заплачу.“ — И приказаў:— „Сматри, штоба адинь ни прихадіў, а привади съ сабою вѣрнаго чилавѣка.“ — Пришоў ахотникъ дамой и думанть, каво тутъ узять:— „Матку узять—баюсь, што срадить, батьку—то жа;—вазьму я луччій жонку: ина, кажитпа, вярнѣй усехъ будить, патаму што я яе мужикъ, а ина мнѣ жонка; а што намъ заплатить, то ўсё наша ўмѣсти.“ Патомъ и гаворить на жонку:— Ну, жонка, пайдемъ са мною!.. Пашли. Приходють на тоя мѣста, тога хазяина ища нѣту. Вотъ яны сѣли нямнога пасядѣть. Патомъ іонъ и гаворить на жонку:— На-ка, ты ў мяне пайщи ў галавѣ!.. Уклаў іонъ ей галаву ў калѣни, и давай ина яму искать воші. Патомъ іонъ и заснуў ў яе на калѣняхъ.—Вотъ идетъ тотъ хазяинъ и нясетъ бальной мѣхъ денигъ. Ина давай яго будить, будила, будила: никакъ ни магла разбудить. Вотъ хазяинъ и гаворить на бабу:—Стой, маладуха, ни буди, а вѣ што ты мнѣ сдѣлай! какъ іонъ твой мужъ, то я яму атдамъ эти денъги. то іонъ табѣ ни дастъ; а ты вѣ што сдѣлай: нѣ табѣ тапоръ, атруби яму галаву.—то я табѣ атдамъ эти денъги. и будишь ты ими пользаватца, какъ табѣ нужна!“.—Ина и сагласилась. узила ў яго тапоръ и только замахнула, а іонъ цапъ за тапоръ и гаворить:— „Ой, братъ любезный чилавѣкъ, устань: што ты ета привеў нявѣрнаго чилавѣка на смерть сваю? Ежли ба ни я, то и прапаў ба!— Скажи, братъ, мнѣ спасиба, што я тябе памилуваў ать нахальный смерти: таперь я табѣ довольна заплаћу.“ — Патомъ и гаворить: „Ты ба пришоў луччи съ сабакую: никада іонъ табѣ ни зрадить и вярнѣй яго ў тябе дома нѣту.“ — Лисавэй хазяинъ ушоў. Вотъ етытъ ахотникъ, какъ узяў зѣ валасы сваю жонку, и да самага дому біў, и усё приказываў: — Вѣ табѣ денъги: вѣ табѣ и золыта. и серибра. и мѣдныя мидяки!

А бѣднымъ и багатымъ брати.

Багатый братъ отказываетъ у помощи бѣдному брату и даетъ яму у крайній нужди мѣрку хлѣба съ тымъ, штоба бѣдный братъ дозволю выкалатъ сабѣ воки. Сляпѣй ужэ, ходючи у темнымъ лѣси, падслушишь разговоръ незнама чей, якимъ ета родымъ здѣлать можна, штобъ яго глаза видили, якъ денхъ заробить (мельницу пастроить, дупечпесую дачку выличить). Сляпѣй усе ихъ таўхи сибѣ на усъ заматаў: стали видить яго воци, и душа іонъ разбагатѣў. Братъ завидышь сляпцу, вялить выкылатъ сабѣ воки, и деть у тѣй жа темный лѣсь. ну тамъ гибнуть атъ тѣй жа самый силы, што пумагла яго брату: тамъ яму и канецъ.

Жили два радныхъ брата. У пднаго брата было многа дятей, а другога не была никѣга. Меньшій братъ гаворить старшему:— „У тебе, братъ, дятей многа, а у мене нѣтъ никѣга—што жъ мнѣ быть батракомъ на твоихъ дятей? Хачу я съ тобой раздялитца.“ —Када ты, гаворить мнагасямейный братъ:—желашъ дялитца, то дялсь: будутъ и у тебе када нибудъ дѣти, и ты тада узнашь, якъ жить. —Вотъ яны и раздялились. разрушили сваѣ имущества. Пашли годы худѣя, прибяднѣў старшій братъ са сваими дробными дптями—не стала у яго хлѣба. Падходить праздникъ гадавѣй, и деть іонъ къ мяншому брату прасить мѣрки хлѣба у пазыкъ; жонка и гаворить мужуку:— „Адѣ іонъ табѣ дастъ муки у пазыкъ — на во шта іонъ будить табѣ вѣрить?“ —Эхъ, жонка, жонка! Дастъ Госпотъ ноў, и я тады брату итдамъ за 'дну мѣрку три мѣрки, —Жонка и кажить мужьку:—Иди сабѣ! Приходить къ брату—братъ яго абѣдаить; іонъ и гаворить: —Здрастуйтя вамъ, хлѣбъ -- соль милысти вашій! А яны яму атвищають:—Спасяба!—И ни пригласіў яго къ абѣду. Пабѣдавши, братъ пумалиўся Богу и легъ на палу и, лежа, гаворить бѣдному брату:— „Што ты ка мнѣ ходишь?“ —Бѣдный братъ и просить у багатага брата вызвалить мѣркой муки ради праздника. Братъ и гаворить брату:— Дать то дать мѣрку муки, да чимъ ты мнѣ атдаси? Табѣ дать, якъ я знаю, усе раўно, якъ у ваду усыпачъ. Ка-

ли ужъ ты такъ голоднѣ, хочешъ ѣсть — дай мнѣ выкалатъ глаза тваѣ... Палились у брата бѣдняка изъ глазъ слезы. Падумаў, падумаў и гаворить брату:— „Такъ и бытъ! Выкалывай глаза: мнѣ патомъ, якъ нязрачому, ня совѣтна будиць прайдць по міру прасить хлѣба. Но такъ какъ живому смерть страшна усякаму, то вывиди мяне на дворъ, завязи платкомъ мае глаза!..“ Братъ вывіў на дворъ брата и завязаў платкомъ яму глаза, узяў спичакъ и выкалаў яму глаза; насыпаў патомъ яму мѣрку мукы:— „Дарую табѣ ету муку за твае глаза!..“ Бѣдный братъ узяў муку и сильна заплакаў, заплакаў ужъ ни слизами, а кроўю. Ощупью ида да дому, приносить іонъ мукы, паставіў на сваю переклеть, уходить у хату и гаворить сваей жанѣ:— „Ну, баба, иди, прибери мукы: даў намъ братъ мѣрку мукы къ празднику!..“ Баба и кажить:— Спасибѣ яму за адалжэня!.. Ти публагадаріў жа ты яго за мукы, а кали нѣтъ, иди, публагадари яго!— Мужикъ и гаворить сваей баби:— А што жъ яще? Да, и якъ луччій блугадарить яго? Вить жа іонъ за ету мукы выкалаў у мене мае глаза.— Жонка и гаворить мужику:— „Хоть бы іонъ и галаву съ плечъ табѣ сняў!.. ты тога стѣпншь: ты прапіў и праматаў усѣ!..“ Стала яму больна и жалка.— „Чимъ жа я причинаю нашій бѣднати, гаворить мужикъ баби: кали Гасподь намъ ни даў!.. Ня больши жъ людей я прапиваў!..“ Заплакаў іонъ яще пуци:— „Ну, таперъ ужъ мнѣ ня совѣтна прайдць сляпому по міру: у насъ, слава Богу, іостъ дѣти, іостъ каму правестъ мяне сляпога.“— Стала баба сваритца и кажить яму:— А якъ жа дамъ табѣ свайго дитенка — хуть ты задавись, аль ба затапнись?!— Дай жа мнѣ хуть сѣмучку, кали дитенка ни даешъ.“— Пулучіў сѣмучку, итправіўся у бѣзній свѣтъ. Выходить изъ сваей дярѣни на выганъ; выганъ агарожнѣ на двѣ стораны,— и пашоў етымъ путемъ, щуная жардѣ. Прашедши далій, сѣіўся съ дароги и убіўся у темный лѣсъ. Абхватила яго бѣднага темная ночь.— „Ну, таперъ, кажитца, будить мнѣ смерть: съядуть мяне ти ваўки, ти мядвѣди!..“ Ащупаў іонъ густыя чатыри ели. Пумаліўся Богу и легъ тамъ спать. Праспавши многа— мала, слышитъ два челаваѣческіе гласы, каторые гаворють:— Вотъ што у свѣти дѣитца. Были два брата: аднѣ багатый, а друктей бѣдный съ дятми, и ни захатѣли яны

жить умѣсти—раздѣлились. Старшій братъ съ дѣтьми прияднѣу. Якъ пашли годы худѣя, — ни стала у яго хлѣба, пашоу къ брату прасить мѣрку муки: — Вызваль, братъ, муки мѣрачку: мае галадують.—А братъ спрашнѣть у брата:—Дать то дать!.. Да, чимъ мнѣ ты атдаси?—А братъ яму и гаворить:—Бада Богъ зародить, я табѣ атдамъ за 'дну мѣрку три мѣры!.. А іонъ патребывау у яго глаза яго:—„Дай я,“ гаворить братъ:—„выкалаю у тебе твае глаза,—тады и дамъ табѣ мѣрку муки.“—Братъ сагласіуся на ета, и братъ брату выкалау глаза и дау яму за ета мѣрку муки.—За ета, галасы гаворюць:—Гаспоть ни паможить у жнсти и брату багачу... А, якъ пришоу дамой, жонка напустилась на яго:—„Мала тванхъ глазъ!.. хуть ба и голаву съ тебе снау!..“ Іонъ прасіу у сваей жонки хлапца у павадырц, а жонка яго и хлапца ни дала.—Вотъ и пашоу сляпцой изъ дярѣни и зайшоу у лѣсъ, и думайть бѣднѣй: тутъ яму ужу будить смерть: ти ваўки, ти мядвѣди яго задяруць.—А хто-та и гаворить: „Яго можна яще выличить,—іонъ будить видить.“

— А якъ жа, челаѣѣческой голасъ гаворить:—якъ жа памочъ яму—варатить яму глаза?—„Тутъ атъ етыхъ еліи ннда-лѣка іостъ амчарина съ вадою—стоитъ яму прамыть тѣю вадою—іонъ и будить видить яшо арчѣй. А яшо іостъ у тавога-та памѣщика мельница ибъ шасти паставахъ—яму тады занять ету мельницу, и тады іонъ палучить бальшую казну.“

— „А яще третія статья. У аднаго кушца бальна дочъ,—іонъ можить яе выличить и палучить бальшую тожъ казну.“—Да 'тъ чаго жъ ина нздарова?—гаворить челаѣѣческой голасъ другому голасу.—„А вотъ атъ чаго. Бали купеческая дочъ гавѣла пастомъ и бѣященникъ саабщау св. тайнъ, упала частица на полъ и заранилась у щели бала алтаря;—ина съ тыхъ поръ и забалѣла. Частица дароу гнѣеть, и купеческая дочъ балить. Стоитъ вынуть тую частицу и дать ей праглытить,—ина и будить здарова.“—Гласы еты умолкли.

Іонъ усѣ ета выслушау, прашнууся, памыуся расой, пума-ліуся Богу, да и думайть и самъ съ сабою рассуждаить, што іонъ слышау. Стау шупать стежку, пашоу тою трапинкаю; дашоу да амшарины, умыу свае глаза вадою и стау видить луччи прежнява. Ваздау хвалу Богу, стау видить зорка и пашоу дамой. Жонка и спрашнѣть у яго, хто яго выличіу и

даў глаза, а іонъ кажить: — „Богъ мнѣ даў глаза — вотъ я и вижу.“

Пагаваря съ жаною, атправіўся къ памѣщнику занять а шести паставахъ мельницу. Заходить къ старости, спрашійть: „Ти дома баринъ?“ — Просить яго далажить, што іонъ пришоў занять у барина мельницу. Баринъ сагласіўся и дазволіў яму занять мельницю на такомъ условіи: вародъ атъ барина, а работа мужучка. Мужучокъ и гаворить барину: іостъ у васъ дубъ, — яго мнѣ нада распилить на двинацать кряжоў, сдѣлать изъ макушки дубовый хрѣстъ и паставить у прорву.

Баринъ сагласіўся дать дубъ; работники распилили дубъ на кряжи, а на макушки сдѣлали хрѣстъ, паставили у прорву и закатили дубовыми кряжами; тады стали хлуды хлудить и засыпать землю. Пашла мельница у ходъ. Баринъ, застаўшись мужичкомъ доводенъ, спрашійть, што будить стоить за яго труды. — „Скажи“, гаворить: „плату, и я табѣ атдамъ деньги.“ — Мужинъ атвичаить барину: — „Я сдаюсь на вашу совѣсть: што дадита, — тымъ буду и даволянъ.“ — Иди, гаворить баринъ: на маю канюшню, выбири тройку любыхъ лападей, три талѣги и падъизжай къ мамъ имбарамъ. — Наваліў яму три талѣги хлѣбнымъ, насыпаў мяшокъ денигъ и вялѣў принзжать къ яму и яще, кали ў чомъ пануждаецца. — Пріѣхаў мужучекъ дамой. привозить хлѣбъ; жана устрѣчаеть яго ласкава. — „Вотъ и ладна,“ гаворить ана: — „атрудіўся, и іостъ, што намъ ѣсть; іостъ у насъ и лошади и деньги.“

Мужучекъ гроши атдаеть жанѣ, лападей дѣтямъ. а самъ атпраўляйтца у горадъ купеческую дочку лячить. Приходить къ кушцу и гаворить яму: — „Гаспадинъ купецъ, я слышаў, што вашъ дочъ бальна.“ — Купецъ и гаворить: — „Тотна, бальна: я ужъ бальшую казну раздаў, а пользы нѣту.“ — Ну, гаспадинъ купецъ, праситя священника служить заўтри абѣдню! — Купецъ пупрасіў служить ибѣдню, и дочъ привязли у церкыў, штобъ яе приабстїть. Мужучекъ пупрасіў дазваленія у священника сказать яму слова; священникъ дазволіў гаворить слова, и іонъ гаворить: — „Не была ли у васъ у церкви якога-нибудь злучая, якъ вы ету купеческую дочъ причащали?“ — Священникъ и разказаў яму а быўшимъ случая, якъ дары упали, и іонъ ни знайшоў.

Мужинъ лѣваръ и кажить: — „Батюшка, пазвольтя мнѣ

наискать: можа, и найду яе!..“ Вотъ іонъ и находитъ у шелки частицу и гаворить:— „Багюшка, надабь ету частицу палажпть у кѣлихъ и причасциць яе!..“ Якъ пна, купеческая дочка, причасцилась, стала п здорова-здаравенька. Вышла пзъ Божья храма,—атъ бальной радости пубижала дамой. Мужучекъ припзжантъ съ яе кучирамъ на купеческихъ лашадяхъ въ домъ купца. Атець съ матирью купеческой дочери рады и благодарять Бога, што дочъ ихъ здорова, чаго яны ужъ п ни ждали. Съ радости яны стали етыга мужучка угащать, якъ няможна луччій, угащали, угащали п спрашіють у мужичка:

— „Чимъ тябе наградить, п чаго ты пть насъ желишь? Скажи намъ!“ —

Мужучекъ имъ ричить: „Чимъ вамъ угодна, што ваша желанія—я челавѣкъ нибогатый.“ Купецъ даетъ яму тройку лышадей съ тлѣгами и насыпаетъ хлѣбамъ нѣскальки мяшкоу, дау и денигъ рублей сто и двѣсти. Праваяя купецъ мужича, кажпць яму:— „Ну, братецъ, добрый мужучекъ, кали ужъ ета спаживѣшь, припзжай ка мнѣ, а я тябе па жпсть сваяю ни забуду.“ Мужучекъ публагодаріу купца, атправіуся у свой домъ. Привозитъ мужучокъ дамой хлѣбъ на дарованныхъ яму конпхъ. У варатахъ устрѣчаютъ яго п жана, п дѣти, усѣ рады и ни надивуюцца, што іонъ усяго пмногу привѣзъ имъ. Сабрались сусѣди, стали успрашивать у яго: „Атколь ты ета усє бярешъ. усяго па многу привозпшь?“ А іонъ имъ п кажитъ: „Эхъ, братцы, Богъ усє даетъ мнѣ!..“ На заўтри мужучекъ жанѣ гаворить: „Нагатуй-ка ты мнѣ усяго палуччи: пазавемъ къ сабѣ брата у гости.“

Пасылапть сваяго сына звать брата на честь. Братъ яго приходитъ къ яму на честь; іонъ яго ласкава устричантъ, пздароукалпшь, п просить брата прпсѣсть за столъ. Жана паставила на столъ усякая їдѣнія, разная снадобья, а самъ прпнесъ вина, и стали яны ппровать. Пувисялѣли два брата, падгүляли ладна, и спрашіпть братъ брата:— „Вотъ ты ташерь багачи мяне стау,—скажи ты мнѣ усяє прауду, яѣ ты нажіу такая багатства: коній, тлѣгъ, хлѣба п денегъ?“—Братъ п гаворить яму:—Богъ ета мнѣ усє дау. — „А хто жъ табѣ дау глаза?“ А во яѣ: ты мнѣ яѣ выкалау глаза, я на другой день зайшоу у лѣсь, тамъ найшоу амчарпну, памыуся вадою п стау видпть. Пагүтаріуши, братъ атправляетца дамой. Прпходитъ

дамой и гаворить жанѣ:— „Бабѣ, а бабѣ! Што ты знаишь?— Што?— „Братъ мой дужа разбагатѣѣ. Бярн-ка спичакъ и выкалывай мнѣ глаза!..“ Баба яго и кажить яму:—Што ты, бѣляны, знать, абѣѣся?—вижъ падгуляѣ ладна!.. кали яму глаза!?. Што жѣ ты будишь тады бизѣ глазѣ?!— „Ну, если ня хошь выкалывать мае глаза, то я выкалю твае!..“—Баба и гаворить яму: „Чимъ жа ты мнѣ будишь калотъ мае глаза, я выкалю твае!..“ Узяла спичакъ и вынула яго глаза. Узяѣ сумучку и пашоѣ тымъ самымъ путемъ за дярѣню, якимъ путемъ хадѣ сляпой братъ яго. Убѣѣся у темный лѣсъ, абхватила яго темная ночѣ; іонѣ улегеся падѣ тымн елями, падѣ каторымн пучуваѣ сляпой братъ яго. Ноччу слышитъ іонѣ гласы челаѣѣческіе, а людей нѣту,—адны тольки гласы:— „Вотъ тотѣ сляпой мужучекѣ чуѣ, якѣ мы разгаваривали; іонѣ нашоѣ амчарину, умѣѣся вадоею и стаѣ видить; пабыѣ у барина, запрудѣ прорву, падѣ мельница—мельница пашла работать. Іонѣ за работу пудучѣ ать барина конѣй, хлѣба многа и денегѣ,—таперѣ сдѣлаѣся у дярѣни первымъ багачомѣ.“—А што ты думашѣ, гаворѣтъ челаѣѣческіе галасы: ти нимашѣ тутѣ кѣга падѣ елями, ти ни падслушиваѣтъ хто нашихѣ рячей?—Находятъ падѣ елями сляпога мужика, акаяннага тога брата, и гаворѣтъ яму:—Ты за чимъ сюды пришоѣ, падслушиваѣешь наши рѣчи? — „А ета ты, галубчнѣ, акаянный!.. Брату выкалаѣ глаза и назавидываѣ яго багатству. Тотѣ сѣ бальшого горя захадѣ сюда, падѣ етп ели, а ты самѣ захатѣѣ выкалатъ свае глаза. Мы тябе придадимѣ смерти, и прападешь ты, якѣ пѣсѣ!.. Іонѣ татчасѣ амартѣѣѣ, и стачили яго черви.

№ 8.

Якѣ мужикѣ пиряспорѣѣ чорта, хто пѣсно падаѣжнѣй затынѣтъ, и якѣ чортѣ ать мужика ажно за воблаки утикаѣ.

Какѣ жиѣ аднѣн мужучокѣ и такей іонѣ быѣ рабатага па тапорный части, значить, плотникѣ. Вотѣ іонѣ у аднаго хазиана атдѣлаѣ домѣ, пачомѣ приходитѣ къ яму другей и гаворить:— „Приди, братѣ, ка мнѣ, якѣ кончишь тутѣ.“—А пиряходѣ быѣ у другую дярѣню, таѣкъ сказатѣ, верстѣ за пѣтъ или за шесть. Вотѣ іонѣ пакончѣѣ ѣ етыга хазиана ѣсю работу

и ращитаўся, патамъ пашоў у другую дярёўню къ тому хазяину, каторый яго заў. Вотъ іонъ прашоў вярсты двѣ или три, стричаитца зъ имъ чортъ и гаворитъ: — „Здрастуй, мужучоць!“ — Здрастуй, незнакомый члавѣкъ! — „Да, какъ такъ: незнакомый члавѣкъ?“ гаворитъ чортъ мужуку: — „ежили незнакомый, то, давай, пазнакомимся!..“ — А какъ мы съ табой будимъ знакомитца? — гаворитъ чортъ мужуку. — „А вò какъ: давай мы съ табою пѣсни пѣть.“ — Ну, давай! — гаворитъ мужикъ. Вотъ мужикъ и запѣў пѣсню, а чортъ яму ня можить падвестъ. Патамъ мужикъ и гаворитъ на чорта: — „Нѣ, вò што я табѣ скажу: сколько намъ съ табою ня пѣть, а мнѣ нада къ свайму хазяину паспѣть, а мы луччи во што здѣлаимъ: — хто будить пѣсни пѣть, тога на сябѣ и нестъ.“ — Патамъ чортъ и гаворитъ: — „Вотъ я запаю пѣсню, а ты мяне няси!“ — Вотъ мужикъ сѣў, а на яго чортъ узлѣзъ, начинайтъ пѣсню, патамъ сичасъ и канчайтъ. Мужикъ гаворитъ: — „Ну, што, твая ўся?“ — Уся. — „Ну, таперъ ты присядь: я на табе узлѣзу.“ — Вотъ мужикъ узлѣзъ на чорта, іонъ яго нясетъ, а мужикъ и начинайтъ: — „Ц-о-а-и-е.“ — Чортъ патамъ и спрасіў у мужука: — „Ну, што, ти ўся?“ — А мужикъ гаворитъ: Какъ уся? Я и ви начинаў.“ — Вотъ чортъ вочинь спугаўся, какъ броситъ етыга мужука, а самъ ва ўходъ. А мужикъ ўслѣдъ за чортымъ: — „Дяржи! дяржи!“ — Но никакъ ня могъ дагнать чорта, патаму што іонъ скрыўся за бѣлыма, а мужикъ пашоў сваей дарогуй.

№ 9.

Якъ дякинъ чорту падписаўся, а потэмъ чортывы деньги спажіў.

Какъ жиў адинъ дякинъ у какомъ-то сялѣ; іонъ жиў парядна: имѣў и скатину, и хлѣба, а такъ жа и дянжоньмъ. Вотъ іонъ, якъ запіў, такъ и праіў усѣ свае имущества, — ни аеталось и рубашки на тѣли. Патамъ приступіў ужъ къ жонкиному дабру. Вотъ яго жонка сматрѣла, сматрѣла, узла бросила яго и пашла. Вотъ іонъ дабіўся да таго, што и паѣсть нечива. Патамъ іонъ думаў, думаў, што яму дѣлать и куда яму идитъ, и гаворитъ: — Пайду къ чорту. — Вотъ іонъ и пашоў. Ишоў, ишоў; стричаитца зъ имъ чортъ. — Куда ты идешъ? — А

дякынъ гаворить: — Пайду искать чорта, ти ни пумагѣть мнѣ хуть тотъ, када атъ мене Богъ атступіѣся. — Сичасъ и яўнитимъ къ яму чортъ. — Чаго табѣ угодна? — „А вѣ што мнѣ нужна: дайта мнѣ денигъ, то я вамъ падпишусь“. — А многа табѣ нужна? — „А дайта, сколько можна“. — Вотъ чортъ и вьсѣтъ яму пляну золата: — „Ну, на табѣ денигъ и падпишесь!..“ — Я падпишусь, тольба дайта мнѣ сроку хуть на пить лѣтъ! — „Ну, ладна!“ — Цаправіѣся дякынъ, паѣхаў за жаной и гаворить: — Ну, жонка, паѣдимъ дамой: у мяне таперъ усяго давольна: и денигъ, и хлѣба, и адежи, — какъ была уяредъ, такъ и таперитка!.. Ина и гаворить: — „Пашоў ты! Аткуль у тебе будуць денгги?“ — А іонъ гаворить: — „Помни, што на цялину Богъ хлопъ родить!..“ — Ина сагласилась, пріѣхала дамой, пасматривъ: усяго давольна, и спрашнть: — Гдѣ ета ты узяў стольба усяво? — А іонъ гаворить: — „Маўчи: за еты денгги мнѣ будить тижало атвичать!..“ — Вотъ яны пражили пять лѣтъ, падходить ужъ тоя ўремя, што нужна ужъ етому дякану идить къ чиртямъ. Іонъ думаетъ, што яму дѣлать. Патомъ и гаворить: — Пайду къ пану, што іонъ мнѣ скажить. — Приходить къ пану и гаворить: — „Батюшка, сдѣлайта миласть, пумагитя вы мнѣ! я вотъ падписаўся къ чиртямъ, а таперъ ўремя падходить: мнѣ нужна явитца туда.“ — Попъ и гаворить: — „Вѣ што я табѣ скажу: ежили ты вытиришь, дамъ я табѣ книгу и настаўлю тебе у церкву на три ночи“. — Дяканъ на ета сагласіѣся. Приходить вечиръ, нужна дякану идить у церкву. Вотъ іонъ и пашоў, и приказаў яму попъ: — „Сматри-жъ, какъ будишь читать, то што будить надъ табою случатца, а ты ни сматри никуда на старану!..“ — Вотъ перваю ночь какъ идуть ети черти, стали яны яго смущать: и кричатъ, и гугають, а іонъ никаму ни слова; патомъ даеть Богъ день, идеть іонъ дамой. Попъ гаворить: — Ну, што табѣ была? — „А, маўчи, батюшка, ни спрашивай!..“ — Патомъ и другую ночь такъ тожа стершіў; третія ночь была ящо хужій; ну, усѣ вытириў. Пакончиў іонъ ету судьбу, и пристаў водку пить. Стаў жить ящо багатій тога, якъ у паредъ жиў. Такъ спажіў чартоўскія денгги.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

(Шутливый).

№ 1.

Якъ мядвѣдь, воўкъ и пятаухъ лисицу изъ зайчыга домика турили, и якъ лисица вымудрилась мядвѣдя загубить.

Какъ быў зайчикъ и лисичка. Вотъ приходитъ зима, у зайчика была избушка лубиная, а ў лисички лубиная. А када кончилась зима, лисичкина избушка растала, а зайчикыва стаить. Вить даўно сказана, што лисичка хитрица... Вотъ лисица пупраслась у зайчика на дянекъ, да и выгнула яго. Идетъ зайчикъ и плачить; стричаитца зъ имъ мядвѣтъ и спрашйтъ у яго:— „Чаго, зайчикъ, плачишь? — „Да якъ жа мнѣ ни плакать:— пупрасилась лисичка на кватеру, да й выгнула. — „Ну, падажжи, заць“, — гаворитъ мядвѣдь:— „я яе выгыню!“ — Вотъ идетъ мядвѣдь къ зайчикывый избушки и стучить, и на ўвесь лѣсъ грючить:— „Лиса, выходи вонь!“ — Ина и гаворитъ:— „Ну, падажжи! сичасъ! — только увабуюсь“. — Патомъ лисица и ни выходитъ. Идетъ зайчикъ, снова плачить; стричаитца зъ имъ воўкъ.— „Чаго ты, зайчикъ, плачишь?“ — Да какъ жа мнѣ ни плакать: — пупраслась лисица въ кватеру, да й выгнула! — „Ну, падажжи: я яе выгыню!“ — Идетъ воўкъ къ избушки и зубами ляцаить:— „Лиса, выходи вонь!“ — Сичасъ, сичасъ, сичасъ: только напрунусь! — А съ избушки и ня думатъ идить. Вотъ идетъ зайчикъ и плачить; стричаитца зъ имъ диявенскій пятаухъ.— „Чаго ты, зайчикъ, плачишь?“ — Да якъ жа мнѣ ни плакать: пупрасилась лисица у мяне на кватеру, да мяне и выгнула! — „Ну, падажжи: я яе выганю!“ — Вотъ идетъ пятаухъ и пяеть, и крнчить, а лисичка ў ашошка сматрить. А лисица гаворитъ:— „Здрастуй, петя, питушокъ! здрастуй, красный грибяшокъ!“ — А пятаухъ гаворитъ: атвари вакошка нямножка: я табѣ галоўку пакажу!“ — Патомъ и крнчить:— „Нясу касу на плечи, — хачу лису пасѣчи. Лиса выходи вонь: а то якъ пайдуть таўчки за таўчками, саўки за саўками.— Лиса, выходи вонь!“ — Вотъ она якъ выскачпть, якъ пубажить. Бижала, бижала. Какъ увидіў яе мядвѣдь, да какъ пуститца атъ яе утискать: бижаў, бижаў, — прибигаить, мужикъ дровы рубить. Іонъ, какъ бѣгъ къ яму, и легъ на калесы, и гаворитъ мужику:— „Ну, мужикъ,

када прибігить лисица и спросить:— „Што ета у тебе лижить?“ — а ты скажи:— „Драва“.— Прибіганть лисица и гаворить на мужука:— „Мужикъ, што ета у тебе на калесахъ ляжить?“ — А ета калода!— А лисица гаворить:— „Кабъ калода, то увязана бѣ была!“ — А мядвѣдъ гаворить мужику:— „Увяжи мяне тухинька“. — Вотъ мужикъ увязаў мядвѣдъ. Патомъ пятаь прибіганть лисица. — „Мужикъ, што ета такое?“ — А ета калода. — А лисица гаворить:— „Бали бѣ калода, то ў ей ба тарчаў тапоръ!“ — Мядвѣдъ и гаворить тухонька мужуку:— „Уторни патухоньку мнѣ у бокъ тапоръ“. — А мужикъ узяў, да якъ муздануў су ўсеі пары, такъ што мядвѣдъ и глаза падъ лобъ пакатиў: іонъ яго узяў. абадраў и павезъ дамой.

№ 2.

Якъ воўкъ хазяина заставіў кармить сабачку и якъ сабачка ваўка абманіў.

Быў у хазяина сабачка, жиў нѣскальба гадоў, брихаў окала двыра, абпригаў домъ ать злыхъ людей и вароў; сабачка хадіў у поля, абпригаў ать звярей разный скотъ. Адинъ разъ пришоў у стада воўкъ и паймаў аўцу. Сабачка етыва ваўка дагнаў, ирвануў яво за ляшку, — воўкъ ету аўцу бросіў и убижаў. Тады и думашть воўкъ, какъ ба етому сабаки атплатить за то, што яво іонъ укусіў, но никакъ ня могъ паймать.

Сабачка стаў старъ, пристаў брихатъ; тада ета хазяйка пристала сабачку кармить па хазяйськыму приказу, а кармила сама на сябѣ. Атацаў етытъ сабачка, стаў хадить изъ двара у дворъ, штоба найдить сабѣ пици. Шляўся етытъ сабачка и стричапца съ ваўкомъ; воўкъ гаворить на етыва сабачку:— „Ага, сабачка, ну пала ты ка мнѣ ў зубы: вотъ таперь я тебе зѣмъ!“ — Сабака гаворить:— „Вратъ, ѣшь: у мяне таперь кожа да кости;— мяне ни приказаў хазяинъ кармить“. — Воўкъ гаворить:— „Харашо ли табѣ, сабачка, бытъ ня ѣмши?— Вотъ и мнѣ такъ жа ѣсъ хатѣльсь, када я паймаў аўцу, а ты у мяне уватняў. — А хатишь сабака, што табе хазяинъ будить кармить?“ — Атчаво жа нѣтъ? — Да какъ ты мнѣ ета сдѣлапшь?“. — Ну, што мнѣ будить за труды?“ Сабачка гаворить:— „А я табѣ сашью боты“. Сабачка

абищанія сдѣлаў; воўкъ гаворить сабачкѣ:— „Есть ли у твоей хазяйки малинькій рабѣнычкѣ?“ — Юсь. — „Ну, сматри: пайдетъ хазяйка у поля жать, и ты иди за нею, да ляжъ тамъ, утайся ни падалеча атъ рабенка. Багда рабеныкъ заплачить, то я схвачу яго и панясу;— хазяйка закричитъ:— „тѹ, тѹ, тѹ, тѹ! да: „тютю, тютю!“ а тагда ты пабяги хуть нямнога ка мнѣ, да хуть адинъ разъ гарни, да сматри: ни укуси мяне, какъ ты тада укуси!“ — Сабачка такъ и сдѣлаў. Аткуль узяўся воўкъ, схватиў рабенка и панесъ. Хазяйка закричала: — „тѹ, тѹ, тѹ, тютю, тютю!“; сабачка бяжить на голысь хазяйки; хужъ и силы не была, аднака гаринуў, а воўкъ рабенка бросиў. Тада хазяйка гаворить:— „Охъ, ты мой тютичка, вотъ табѣ лусту хлѣба: а то ты атащаў“. — Пришла хазяйка дамою и злобитца на хазяина:— „Какой жа ты хазяинъ, што ни приказаў сабачку кармить: када бы ни сабачка, то нашива ба рабѣнка ни було ў живыхъ“.

Хазяинъ тада начаў сабачку кармить, сабачка начаў пуправлятца. Чиризъ нѣскалька ўремя увидаў воўкъ сабачку:

— „Ну, што, братъ, ти корьмить тябе хазяинъ?“ — „Корьмить. — „Ну, таперича мнѣ нада за труды боты сшить“. — Я спиу, ды мнѣ нада казловый таваръ. — „Ну ладна: я казла припясу“. — Воўкъ принесъ здаровыга казла и палажиў у роў. — Сабачка нашоў етыва казла, съѣў яго и растаўстѣў. Увидаў сабачку воўкъ:— „Ну, што, сабачка, боты абѣщанья? Сабачка гаворить: „Таперича нада падошвы“. — Ну, какея падошвы? — „А падошвы нада свинныя“. — Пашоў воўкъ, пыймаў вупря агромныва, и привалокъ къ дому, и палажиў у раву. Сабачка нашоў етыва вупря и усяго съѣў. Сабачка пуправіўся, стаў сытъ, легыкъ и праворинъ. Увидаў яго воўкъ:— „Ну, давай боты!“ — Но, ужъ я таперича шлыкъ! — Узяў сабачка и схуваўся падъ вароты. Значить, сабачка ваўка и абманіў. Думаить воўкъ, какъ ба сабачку за абманъ паймать и съѣсть, — ня могъ воўкъ сабачку падладить и съѣсть. Сабачка загуляўся: была свадьба сабачка, и сабачка быў на свадьби шафирымъ, и атащаў съ пьянства и пубижаў дамою, а воўкъ на сустрѣчу:— „Ага!.. вотъ таперъ ты пупаўся ка мнѣ!“ А сабачка гаворить: — „Ахъ, братъ, пдѣ ты ета быў — Я тябе занскаўся“. — Воўкъ гаворить: — „А што, братъ?“ — А вѣд што: у нашива хазяина Никольщина, пайдемъ: будимъ и сыты, и пьяны. —

„Ну, какъ жѣ мнѣ идтить: мяне пазнають? — „Пайдёмъ: ты будишь стыять у синяхъ, у патьмахъ. — А ета дѣла було позна вечиримъ. Сабачка гаворить: — Ты будишь стыять у патьмахъ, а я пайду у хату, узлѣзу на лаўку и хвостомъ святець скину. Народъ закричить: — Воўкъ тябе фшь! — А ты изъ сянепъ у патьмахъ мизъ народу ды ў хату, ляжъ падъ столъ, — во мы и пугуляимъ съ табою на Микольщини. — Народъ у хати сядить за сталомъ, пьеть водку и закусыить пирягами. Народъ, каторый закусыить, а каторый пиряги рыняить падъ столъ.

Сабачка ваўку гаворить: — „Вотъ, братъ, нацдайся!“ — Принесъ хазяинъ водки и паставиў на столъ. Народъ пьяный шатуў столъ, и разлили ету водку. Хата ета была нямецкия, а падъ сталомъ была ямка; ета водка уся у ямку стибла. Сабачка ваўку гаворить: — „Во, пей гарблѣку.“ Нациўся воўкъ гарблѣки, сколькои яму було угодна. Бабы у хати начали пѣть пѣсни; воўкъ гаворить сабачки: заляю и я? — „Нѣтъ, нямнога пагади“. — Воўкъ падаждаў, пака сабачка ушоў за парогъ, и зашѣу: — у-у-у-у, — народъ увесъ пугаўся; — паглядять: ета воўкъ ряветъ. Схватили яни вилки и убили етыва пѣсняника ваўка. Сабачка и абмануў ваўка. Начаў хазяинъ яво кармить, какъ и маладова кармиў.

№ 3.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ котъ и сабака съ ваўкомъ дружбу вадили, и воўкъ ихъ кармиў, пѣтэмъ сабачку зѣфъ.

Захатѣў сабака феть и котъ тожа, третъиѣ воўкъ. Сабачка вышѣ на дарогу, на поля; даганяить яго котъ: — „Здароў, сабака!“ — Здрастый, котъ. Дыганяить ихъ воўкъ: — „Здароўтя сабака и котъ“. — Пытаить у ихъ: — „Куды ты, сабака. Бягишь?“ — Феть хачу, воўчинька. — „А ты жъ, котъ. Куды бягишь?“ — А што, воўчинька, и я феть хачу. — Воўкъ и гаворить: — „И я феть хачу.“ — Ну, сабака съ котымъ, калѣ буди-тя мяне слухать, дакъ я васъ накармлю. — Прабѣгли яни па лясу, вышли. Ходить табунъ коний. Воўкъ на сабаку гаворить: — „Гляди жъ: я цупаўзу каня рѣзать, — якъ падымитца мяя шерсть дыбырёмъ, тады мнѣ скажи!“ — Воўкъ къ каню

падкраданца, паўзеть и спрашнть: — „Ты надыманца ма шерсть?“ — А, а, воўчинька, паднилась твая шерсть уся дыбырёмъ. — „А што, сабака, ти красны мае вочи?“ — А, а, воўчинька, такъ красны — кроўю накіпѣли! — Ухватиўся воўкъ на чатырп наги, цапъ каня за глотку и заў. Гукантъ: — „Хаді, сыбака, ёсть и зави ката.“ — Воўкъ стаў ёсть, и сыбака, и котъ. Котъ лизнуў, зьў пячонычки троху, — сытъ, надуўся и сядить. Сабака зъ голаду налізаўся крыві — ёсть негуды. Агстаецца пашти ни пачинатый конь аднаму ваўку. Іонъ гаворить: — „Ну, што жа вы прикинули аднаму лошадь убирать?“ — Воўчинька, мы такъ наѣлись, што у нашимъ раду ништо таёв ня ёў!.. — Воўкъ гаворить: — „Глядита жь: я васъ и кармлю, и частую, а вы мяне тольки слухайта.“ — Стала зырать. Наѣўся дужа воўкъ и ня злѣзить зъ етыга каня — абѣўся — и гаворить: — „Сабака, бярись зубами за котыў хвостъ, а я вазмусъ за твой: ти ни стягнита вы мяне зъ етыга каня?“ — Котикъ етый прыгъ, а сабака якъ таскануў воўка, съ каня яго скоро звалоёъ, ажнуть у сабаки хвостъ атарваўся. Якъ воўкъ быў хазяиннымъ надъ сыбакый и катомъ, іонъ и приказнытъ: — „Сыбака, вы, и котъ! Пауважыта вы мяне: бягнита патпши, — я васъ за то карміў, — а то мяне раздушайта.“ — Прайшли яны ти многа, ти мала, ледва у кусты увыйшли, гаворить воўкъ: — „Лажитесь вы спать и ни ўстывайта, пакуль я прашнусъ, — тады мы и ни такъ пайдемъ.“ — Яны гаворють: — „Будимъ спать, воўчинька, пакуль ты устанишь!“ — Котъ паспаў зъ раня да вечира и выспаўся, сабака пща спить и воўкъ тажа. Будить котикъ сабаку: — „Уставай, а то будить намъ плоха! — Прашнуўся сабака, и стали зюкытъ съ котымъ: — „Да, котъ, харашо, што ты мяне разбудіў: а то якъ прашнетца воўкъ, іонъ захочить ёсть, — перва мяне зьёсть!“ — Гаворить котъ: — „Утакемъ, сабака, атъ ваўка у дярёню, на дворъ: я черизъ заборъ, а ты падъ заборъ.“ — Яны такъ и здѣлали: котъ узлѣзъ на ганци у чулани, а сабака урыўся у сўвалку и ляжить. Прашнуўся воўкъ и гукантъ: — „Сабака!“ — Ня чутъ. Устаў іонъ и дужа долга глядѣў и патягываўся, пакампеть разыйшоўся. Узыйшоў на ихъ слѣдъ и гаворить: — „Трудна було миѣ на слѣдъ напасть, а таперъ я ихъ даганю! — Дагнаўши ихъ, раздару!“ — Бѣгъ, бѣгъ, да самый да дярёни; збунтували другея сыбаки слѣдъ: ёхаў па дярёни пранзжающій, и за имъ бѣгли сыбаки

брыхать — забунтували сляды. Ни знашоу ихъ слѣду и гаворить:— „Скольки мы, ваўки, съ собаками на выгннки гуляли, дакъ усё ваўки собагъ дыганяли.“ — Пачуу воўкъ, што на край дярёўни брешить собака.— „Пайду, у яго распытаю пра тога собаку!“ — Падходить и гаворить:— „Ты, крайній собака, ти ня быў идѣ на сабаччій свадьби, ти ни хваліўся собака, якъ ихъ воўкъ карміў?—А, а, воўчиньва, хваліўся адинъ собака, якъ ихъ воўкъ карміў; тольки іонъ гаваріў, што и съ котымъ быў.—Воўкъ дагадаўся:— „Ета импяна мае ускормники!.. Што, сабака, раскажи, идѣ мнѣ яго найдить?“ — Скажу, воўчинька, и покажу, када ня будишь мяне ёть.—Воўкъ собаки за ета бокомъ кланіўся. — „Будить зъ дярёўни“, гаворить собака: „пастухъ скотъ выганять, — будить сабака тотъ ли пастуха свинней заганять“. — Пагода стыяла няясная, и лѣзуть уси свинни дамой урозсыпъ. Собаку пастухъ зацкувдѣ. Якъ бѣгъ собака—такъ за свинку, а сяду бѣгъ воўкъ, ды хватъ собаку за спинку, гаворить: — „Што, собака-абманщикъ, абманіў мяне? — Тяперь я тебе зѣмъ!“ А собака хатѣ ваўка абманить:— „Ахъ, воўчинька, ты насъ карміў, дакъ я увидіў, што ты идешь,—дакъ я табѣ свинку паймаў...“ — Не, сабака! Врасай-ка ты свинку, а падавай-ка мнѣ сваю спинку!.. Извѣў воўкъ собаку.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 4.

Абъ хвѣрой свинки.

У хазяина свинка была хворая. Пна днѣмъ съ двара ни схадила, а, ночка пришла, свинка съ двира пашла. Вышла свинка ў чистыя поля, да ў правдѣ. Падумала, пагадала, какъ жить, какъ бытъ, какъ сваю голуу кармить: спустила хвостъ и рыла, прайшла хазяйскую пыласу мима, а ў чужую ўсышла, и ў авесь. Свиння вѣтычки снимаить, зернышки глытаить, селомку хазяину астаўлять. У аўсѣ сядить воўкъ, да й примоўкъ. Свиння спустила брови низка, падыйшла къ ваўку близка. Ваўчища устаў и калчачища сняў:— „Здравстуй, свиння, супаросыя жина!—Зачимъ тутъ ходишь, зачимъ тутъ шляпестя?— Тутъ живутъ ваўки, тутъ живутъ сѣрья, хватають авецъ, и

табѣ, свиння, будить паслѣдній канецъ“. — Ай, ваўчица, ня ўшь мяне: я табѣ стада пырысять привяду! — „Нѣтъ, свиння, хушь ты брови висока падымаишь, да мяне ни абманишь!“ — Узяў свинку за сивую спинку, падъ кустикъ сѣў и свинку сѣў, и ўсихъ свинныхъ пасынкыў пумянуў.

№ 5.

(Село Даньково Смоленскаго ўѣзда).

Якъ старикъ ваўка забіў.

Жіў сабѣ адинъ старикъ; была у яго старуха; було у яго двоя уныкаў: мальчикъ да дѣвчычка; да було у яго ящо чатыри іўцы да жирябеныкъ. Разъ дѣдъ сядить водли выѣна; падыйшоў къ яму воўкъ и запѣў:

„Жіў дѣдъ ды бабушка,
Да унукъ, да ўнучычка,
Ды чатыри 'вечички,
Пятый жирябенычикъ!“

Стала старику ваўка жалка: атдаў іонъ яму адну аўцу. Воўкъ апяць пришоў, аўцу зьѣўши, и апяць запѣў. Патуль хадіў, пакель усе у старика павыкалатыріў пѣсню: и авецъ, и жирябенка. Усердіўся дѣдъ на ваўка: узяў бальшенный каминь и сѣў для вакна. Якъ пришоў ваўкъ, старикъ камнимъ узяў ды й вуўка забіў.

Отъ кравца Лаврина Егорова.

№ 6.

Ерасть Ераставичъ и Хворасть Хворастовичъ.

— „Здрастуй, Ерасть Ерастовичъ! — „Здрастуй, Хворасть Хварастовичъ! — „Какъ жа паживаить Иванъ Крюкыў? — А живеть, паживаить, да хлѣбшукка пажимаить. — „Гаварили жь: яго павѣсили“. — Да, павѣсили. — „Зашто?“ Да 'бнакавенна за што: за шею. — „Да за какую причину?“ — Причина то нибальшая, да судъ то г.....: сняў зъ ж... партки, да у пуца съ ж... сараханъ. — „Быў ли ты ня ярмалки? — „Быў“. — Велика ярмалка?

Ня мѣриў.—Што тамъ прадаецца?—Капуста па гаршкямъ, табака па ражкамъ, а сахаръ па мишкямъ.—Што жъ ты купиў?—А я купиў сабѣ гарошку трошку, да и разсыпаў.—„А падабраў?“—Слава Богу: мѣрычку.—„Харашо тваё дѣла“.—Харашо, да ня дужа.—„А якъ?“—Да такъ.—„Да язь-жа?“—Да такъ жа: пасѣиў я тотъ гарохъ, да и урѣдиў.—„Худа, братъ, тваё дѣла“.—Худа, да ня дужа.—„А што жъ?“—А то жъ.—Да язь жа?“—Да такъ жа: узыйшоў мой гарохъ, хуть рѣдакъ, да стручистъ и пярчистъ.—„Харашо, братъ, тваё дѣла!“—Харашо, да ня дужа.—„А што жъ?“—А то жъ: якъ павадилісь ў тотъ гарохъ да паповы свинни.—„Худа, братъ, тваё дѣла!“—Худа, да ня дужа.—„А што жъ?“—А то жъ: я етыхъ свинней бить, да лупить, кадушку сала насалиў.—„Харашо, братъ, тваё дѣла!“—Харашо, да ня дужа.—„А што?“—А то: якъ пувадилісь у тоя сала да паповы кошки; я тыхъ кошкѣ лупить, да снїў жонки шубу.—„Харашо, братъ, тваё дѣла.“—Харашо, да ня дужа.—„Да язь жа?“—Да такъ жа.—„А што?“—А то: якъ пашла жонка ў тэй шуби ка бѣдни, вотъ попъ вылуциўся, дякынъ вытрициўся, а дячки ўзяли да сняли.—„Худа, братъ, тваё дѣла!“—Худа, да ня дужа.—„А што?“—А то: я судитца, да радитца,—высудиў сабѣ вала абъ тридцати рагахъ.—„Да то лось!“—У тябе ў глазахъ сдалось! У насъ то лось, што жирибятые за шію тигаить.—„Да то жъ воўкъ!“—Падъ бокъ тябе тоўкъ! У насъ то воўкъ, што асинку гложить! — „То-жъ зайць“.—Трасцу ты знаишь: у насъ то зайць, што па ёлви скачить! — „Да то бѣлка!“ — Плаваишь мелка: ж.. а видна! У насъ то бѣлка, што зямельку роить.—„Да то кротъ!“—Трасца табѣ ў ротъ.—У насъ то кротъ, што г....ы роить.—„Да то жъ грачь!“ Пашоў, ни плачь! То кукуреку пяеть.—„Да то жъ пятухъ!“—Пашоў, пратухъ,—съ табою и гаворить ни хачу.

№ 7.

Ш у т л и в а я .

(Деревня Ченницево Смоленскаго уѣзда).

Я радіўся и съ дѣдымъ нахадіўся.—Дѣдъ быў уменъ, а я умнѣй яво. А такъ сказать и хитрѣй. Мы жили багата: имѣли у сябе сорыкъ кошкѣ дойныхъ, а два ката ялавыхъ—малака въ

атвалъ: люди идять, а мы глядимъ, да паплевываемъ.... У насъ была двѣ лошади, одна кабыла, сорыкъ пѣжинъ и съ пѣжинаю: каждая пѣжина стоила па сорыкъ рублей съ палтиною. Бывала — бѣжить, дажа зимля дражить, а упадеть, дыкъ три дни лѣжить. — Дѣтъ старъ, а я малъ, сядимъ да плачимъ, покажѣсть добрый челоувѣкъ придетъ да падымитъ. — Люди ѣдутъ у Рослау пады навѣлку удваихъ па шестѣрки, а у насъ лошади хараши, у двайхъ на пари; люди валють по три кули соли, а намъ ета кладь легка; людямъ дають задатки па накладнымъ, а намъ вѣрють и такъ. — Дѣдъ нашоу искасть влады, искау цѣлый день, ня столько на нагахъ хадѣу, сколько ракамъ ползау, Нашоу. Мы валили на пару и навалили за цѣлый день семь хунтоу хмелю. — Люди пѣвязли па указанію, а я придумау, добрый унукъ, сварить пива, каторавя люди ни пили и ни знали, и сварили адияъ ковшь. — Я дѣда паслау сазвать хазяѣу на ету пирушку; дѣдъ привеу людеѣ и паказывау имъ пива; аткуда ни была сучка и выпила ета пива. Я яе за хвостъ, да въ забой, и набили мы зъ дѣдымъ три карцы пива. Какъ нашоу мой дѣдъ съ чаркью, а я съ-зади харошею палкаю: дѣдъ чарку, а я палкаю двѣ. — Къ намъ люди пришли на нагахъ, а атъ насъ ракамъ папаузли. Вотъ какъ жили! На трехъ гумнахъ малатили: на адномъ — макъ, а на другомъ такъ, а на третьимъ цапы вѣшали. — Бывала, мы пайдемъ съ дѣдымъ малатить, ажно гумно дражить. — Баба напакеть блиноу, каровій хвостъ залупить, да масла укалупить, а мы ядимъ, пу губамъ тикеть. — А бувала ляпѣшикъ напакеть, ноги свяжить, да пряма задымъ и пумажить. У насъ была карова адна. Бувала, гавядины захочить, пупаламъ карову пирисякеть: перидъ на гавядину, а задъ наставить къ стянѣ, баба такъ и доптъ; — а бувала, палянитца, вазьметъ ..... и выль-лить въ гарлачь. А при смерти ихъ астауся я, мудрецъ; а када умру, всяку расказу канецъ.

№ 8.

Село Пречистое Духовщинскаго уѣзда.

Ш у т л и в а я .

— Ты — мальчикъ! ты — малакасосъ!

— „Нѣтъ, я жилъ еще съ дѣдымъ: matka была въ дѣвкахъ, атець халастой. Мы жили багата: семь была кошикъ дойныхъ,

да два ката убойныхъ, масла набирывали многа — на цѣлму пристѣну, лапшадями таптали. У насъ кабыла была жеребна, жеребенка ни ўвидали, у масла затаптали; стали кавырять масла, и нашли жирябенка. Жалка была жирябенка: жирябенкѣ былъ вяликъ. Лошадей была па многу — чатверка, и усе хорошиа. Кабыла машастая — па три вярсты у сутки шастала. Пѣгая — зѣ двара ня бѣгала. Палавая — выиздить весь дворъ, ни ўставая. Былъ конь съ пабѣжкой — усе паганяли далбежкой. Припашикъ хлѣба былъ большой. Окала кута сами засѣвали, окала парога заставляли. Уражай былъ хороший: наклали на кажухѣ цѣлны стохъ хлѣба. Аткуда ни вазьмись котъ: какъ прыгнулъ съ палаты пряма на стохъ хлѣба. Стохъ обярнулся и цупалъ пряма въ ряжку. Дѣдъ мой загаревался.

— „Ни гарюй: наваримъ соладу, наваримъ пива“. — Надѣлали соладу, наварили пива, зазвали гостей. Дѣдъ узалъ надалбанный коўшикъ, а я дубинку. Какъ стали потчивать гостей — хто ракамъ, хто бокамъ, такъ и цупаўзели. Мы зѣ дѣдымъ плотники хорошиа были. Какъ станемъ избу рубить. — у первымъ вянци двери прарубимъ, у второмъ окны, а на третимъ вѣнци закачиваемъ хату и ў старыхъ каромыслахъ зарубки зарубаемъ.

№ 9.

Село Пречистое Духовщинскаго уѣзда.

Ш у т л и в а я.

(Пра ахотникы).

Какъ жиў ахотникъ Аниська, и была у яго три сына, и была у ихъ цатыри сабаки: занимались яны ахотыи дужа сильна.

Пачули яны звирья дужа многа въ атшыби, въ ласу. Анѣ сабрались и пашли у цатварыхъ. Пришли у лѣсъ и атамнѣли. Обняла ихъ ночь. Стали яны аганекъ развадить. Потомъ, развѣўши аганекъ, стали кушання варить. Патомъ, тольки яны зварили, приходитъ къ имъ чилавѣкъ сядой.

— Здрастуй вамъ, маладцы!

— „Здрастуй, старичекъ!..“

— Анѣ атказали, и стали садитца ужинать. Пасадили яго съ сабой. Онъ стаў ужинать зѣ ими, Паказалась яму мала.

— „Што жъ вы мене ни накармили давольна?“

— Старикъ, атдавай сваю торбу — пущай ёсть!

Зъёу — мала! Большой атдау торбу и малый — уси зряду атдали ужъ усе съ сябе — зъёу — и мала!

— Батька, атдавай собаку!

Зъёу — кричить: мала! Зъёу сынавей: аднаво за другимъ атдау ихъ батька. Батьку зъёсть хочить. Ёдитъ баринъ па дарожки; ионъ схватиу за бявення, якъ крикнуу — и прашнуёся. Ета сонъ быу. Ляжить ионъ у сваей хатъ, сыны лижать на пецы и жонки зъ ими, а сабаки уси патыри падъ столымъ.

№ 10.

Атчаго ахотникъ пиристау ахотью займатца.

Въ адномъ пумящевин жиу ахотникъ, очинь чилавёкъ харошій и опатный. Вотъ и случилась яму адинъ разъ: пашоу ионъ на ахоту и убиу лисичку, принёсъ яе дамой, [узяу яе аблущу, а гавядину выбрасиу на улицу. Ета гавядина устала и пубижала. Ионъ видить ету аказию и утарапиуся; ўходитъ у хату и гаворить сваймъ дамашнимъ: — „Што ета такая за чуда? — Выбрасывау я ужъ нёсколько штукъ. да такога чуда ня впдывыу.“ — Патомъ ў адномъ пумящени жиу ужъ старый ахотникъ, и была ў яго два сына. Вотъ аднажды ионъ стричайтца зъ имъ и рассказываетъ яму: — „Братъ, паслухай-ка маея аказии: убиу я лисицу, аблущу яе, гавядину выбрасиу на вулицу, а ина устала и пубижала“. — Вотъ ионъ и гаворить, етытъ ахотникъ: — Ета аказия — ни аказия, — а была ў мяне аказия. Пашоу я на ахоту съ двумя сынами, и ўзяли пару сабакъ, пошли далёка атъ дому вереть за пиддисятъ, — памёстия низнакомыя; хадили мы, хадили — абнимаитъ насъ ночь, я и гаварю на сынавей: — „Ну, што будимъ дёлатъ: гдё будимъ начувать?“ — А яны гаворють: — А во што, батюшка! атъ дому мы далеча, дяреўни тутъ близка нётъ, — разложимъ мы агонъ тутъ падъ елкый и пириначуимъ. — Вотъ яны здёлали приваль, поставили ружьи, расклали аганёкъ и заначували. Патомъ мае сынауя, какъ день хадили, умарились, лягли и придрямали. А атець ихъ завёсиу катялоёк и давай варить сабё вужинъ; вотъ ионъ вариу, вариу; приходитъ ёъ яму чилавёкъ, и, ни гаваря яму ни слова, вытациу етытъ

катылокъ и давай ѣсть; паѣў увесь, потомъ и гаворить: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А іонъ гаворить: — „Ну, што жъ табѣ ѣсь? Вотъ у мяне ляжить булка хлѣба. — Іонъ узяў и тую ѣсь: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А што жъ табѣ ѣсь: вунь ляжить сабака. — Іонъ узяў и сабаку зѣў, и гаворить: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А вотъ другая ляжить! — Іонъ узяў и другую зѣў: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А вотъ стыять ружьи! — Іонъ узяў и ружьи паѣў. Іонъ и думать: ндалека ужъ приходить рядъ и да сыноу и да мяне, и думать, какъ бы сыноу узбудить: талкаў, талкаў: ни адинъ ни устаў. Іонъ и думать самъ сабѣ: — „Вотъ пакуда мыя жисть была и сыноу маихъ!..“ А іонъ и гаворить: — „Ну, што мнѣ яще ѣсь? — „А што жъ табѣ ѣсь: вунь стыять катылокъ!“ — Іонъ узяў и катылокъ зѣў. — „Ну, што яще ѣсь?“ — А што жъ табѣ ѣсь: вунь сынъ ляжить! — Іонъ узяў и сына зѣў. Потомъ и гаворить: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А вунь и другой сынъ ляжить! — Іонъ узяў и другога сына зѣў. Потомъ и гаворить: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А іонъ ужъ яму и гаворить: — „А што жъ таперъ? Ъшь и мяне ужъ! — Нѣтъ ничога! — Вотъ іонъ и гаворить: — „Ну, таперъ вѣ што я табѣ скажу: я падѣў. — Ты вазьми, да на мяне сядь, а я тябе цувязу, и буду везь тябе дарогью; — тамъ будить стыять сасна; то ты сматри: какъ ня можна хватайся за яе, а то я тябе далѣка связу!..“ Вотъ іонъ такъ бижаў кала сасны, и етыть ахотниць какъ ухвѣтѣся за ету сасну абѣими руками, пасматрить: нѣтъ ничога: ни тога члавѣка, што яго нѣсь, ни той сасны, што стыяла на дароги, а пасматрить іонъ: ухвѣтѣся дома ў сваей хати за палицу; — а ўсѣ яго дома, и ўсѣ яго цѣла; потомъ прикрѣстѣся и сынамъ прибазаў: „Давольна ахотитца!..“

№ 11.

(Деревня Чепищево Смоленскаго уѣзда.)

А мужикъ, што лоўка ўрать умѣў.

Адинъ гасударъ любіў, хто врѣть. Поставить глубокою тарелку золата и паложить рядомъ мечъ: ежили гасударъ скажить, што ты, братиць, врешъ, то бяри золата, а ежили въ яго разсказѣ гасударъ не ашибетца сказать на раскащика, што ты врешъ, то галава прочь. — Адинъ старикъ, парядачна вышѣши.

ряшіўся идить къ гасударю, ня столька вратъ, сколька праўду гаварить, абы золата палучить. — По приходу яго у гасударя быў пирь, сабралися вельможи. Далажили яму, што старикъ пришоў вратъ для ихнива пиршинства; гасударь етому очинь радъ. Приказали насыпать цѣльная блюда золата и палажить мечъ; то старикъ сдѣлаў первый разказъ: — „Я, гаварить, ўчера паўхаў пахатъ падъ яравой, лошадь мая была слабая, я рана атпрегъ. Мая лошадь пакачалась и на двѣ части перервалась; перидъ пабижаў дамой, а задъ ў поли иржетъ“. —

Вяльможи гаварять:—Врѣть мужикъ!

А гасударь гаварить:—Мужикъ хитерь: всё сдѣлаить.

— „Я задъ къ периду загнаў, лыкамъ сшіў и ракитывымъ каломъ убіў, самъ лёгъ атдыхать; прабудіўся,—ракита выросла на маеи лошади не такъ высако, а да самѡга неба.— Я ўздумаў па етый ракити лѣзть на неба.“

А вельможи гаварять:—„Врѣть мужикъ: можить ли такая дерива вырасти да неба?“

А гасударь гаварить:—„мужикъ хитерь: у няго ўсё можить случитца“. — „Я пашоў па небу“...—А вельможи спрациваюць:—Видаў ли ты тамъ Бога? — „Видаў“ — Што Іонъ тамъ дѣлаить?—„А съ учиниками въ карты играить“.—Вельможи гаварять, што мужикъ врѣть, а гасударь гаворить: — Вы жъ можете са мною играить въ карты, такъ и Богъ съ учениками.— Вельможи гаварять: „Ета ни праўда: Богъ етымъ ни занимайтца“. — А гасударь гаварить, што мужикъ хитерь: усё можить придумать.— „Я, тамъ нахадя, знаю ўремя, што нада запригать лошадь: хатѣў спуститца внизъ на землю,—ракита, быўшая на лошади, падгнила и звалилась, а май полдни далжны астатца прагулянь.—Аднака я прашоў па небу, увидаў, што багатый мужикъ съ паловова аўса вѣить на чистый.— Ета млѣшка, то-есть, мякина, падъ небо лятить; я давай лавить, да сѣў вярѣўку вить“.—Вяльможи гаварять:—„Што врѣть мужикъ: можна ли съ мягины вярѣўку вить“? а гасударь гаварить:— „мужикъ хитерь: ўсё можить сдѣлатъ“.—Патомъ я вярѣўку ету привизаў на небѣ и начаў спускатца па ней,—не далѣзъ да зямли ня болій ста версть:—вярѣўка каротка. — Я ўварьху атрѣзаў, а низъ наставиў“. — Вельможи гаварять:—„врѣть мужикъ: какъ можна вварьху атрѣзатъ, а внизъ наставить?—Іонъ ба убіўся.—А царь гаворить: „мужикъ хитерь: ўсё можить сдѣлатъ“. — „Патомъ по-

лѣзь далій, вярѣўка асталась каротка—ня болій на сто сажаней,—я и падумаў, што можна саскачыць,—поляніўся паттачывать—и цупаў прима ў аржавинню па самыя шію—вылѣзць ни магу.—Пашоў ў дярэўню, ўзяў дупатку и аткапаўся.—Вяльможи гаварять, што мужикъ ўрѣть:—какъ жа іонъ вылизъ па шію и пашоў ў дярэўню за дупаткью? ана яму ня нужна,—іонъ врѣть.—А гасударь гаварить:—„Мужикъ хитѣрь: ўсѣ сдѣлаить“.—„Патомъ я пашоў ў рѣку, абмыўся и пашоў на шурокую далину, гдѣ пастухъ пасеть авецъ.—Я и гаварю:—„Здрастуй, пастухъ маладець!“ А іонъ и гаворить:—Я ни пастухъ маладець, а царскій атець!—Тада гасударь сказаў:—Врѣшь, братиць: мой атець ни пасъ авецъ!—„А хто, ваша вяличества, ўрѣть, тотъ и золыта грябѣть.

Отъ крестьянина Тимофея Воронова.

№ 12.

(Бѣльскій уѣздъ, Шонтово).

Лгала и Палагала.

Въ адно время жилъ мужикъ бѣдна. Была у яго цара дѣтей, яму пражить нечимъ. Онъ и гаварить на хазяйку, на сваю жану:

— „Варавать идить я баюся, а пайду, хазяйка, илгать: ни дасть ли што-либо хто“.

Узяль и пашоль. Нѣскальки урема прайшошь, идеть къ яму на устрѣчу чилавѣкъ; сышлись анѣ у мѣста, и гаварить адинъ на аднаво:

— „Здрастуй!“...

— Што ты ешь за чилавѣкъ?

— „Я Илгала“.

— А я, братъ, Палагала.—Вазьми мене съ сабой!

— „А пайдемъ, братъ!“

И пашли яны умѣстихъ. Нѣскальки уреми прашли у стараны—стайть пень. Илгала гаварить:

— „Братъ, вонъ волкъ пубижаль!“...

А Палагала гаварить:

— „Я два видилъ, какъ приближала, да прамаўчалъ“.

Илгала гаварить:

— „Маладецъ, гавари усе такъ!“

Нѣскальки уремя прайшли — кочка.

Илгала гаварить:

— Вонъ тамъ каўрига хлѣба!

Палагала гаварить:

— Я видѣль: двѣ ляжить, да прамаўчалъ — табѣ ни сказалъ.

— „Маладецъ, гавари упирѣдъ такъ!“

Нѣскальки уреми ишли, прайшли адно мѣста. Агародники праизжають — гряды смотрють, хочуть капусту садить пачинать. Анѣ гаварять:

— „Вохъ помачъ вамъ, агародники!“

— Благодаримъ!

Илгала спрашиваить въ агародникахъ:

— А какъ у васъ, ребяты, качання вялика радитца?

— „Ды парядашная — у ведро и у фунтыў тридцать вѣсьмъ качанъ бываить.“

А Лгала и гаварить:

— „Ета ни капуста, а капустинька! А какъ у насъ капуста радитца — рота салдатъ надъ адинъ листь атъ даждю ставитца“.

Самъ Илгала на гароду пашоль. — Палагали и гаварять:

— „Што, братъ, праўда ли ета?“

Палагала атвичаить:

— Какъ жа ни праўда? Када нашъ эгародъ близка кала бальной дароги, то ѣхали какія-то люди шастирикомъ у карети. Лошади чаво-та разгарячились, да къ гридамъ близка и надваратилися (у калесахъ жа воеи жалѣзныи) и на винтахъ воеи зачапилася за качанъ и атламалася, а качанъ стаить.

А тѣ гародники и гаварять:

— „Хто ета пашель напярѣдъ — хазяинъ?“ Палагала гаварить.

— „Хазяинъ, а я работникъ“.

— А што, какъ бы мы пупрасили яго поучить, какъ садить капусту?

— „Можна. Праситя!“

Узяли прасить:

— Научитя и насъ такъ садить!

Илгала гаворить:

— „Можна, только дорга стонтъ“.

— А што жь тибѣ за работу?

— „Триста рублей“.

На яго гаварить:

— Мы сагласны дать.

— „Дайте мнѣ двѣсти рублей задатку: мнѣ нужна у гаворть итить сямяноу кунить: ваши сямна нягодны“. Яны дали яму двѣсти рублей задатку. Илгала узялъ Палагалу и размѣрилъ агародъ на своику, зъ лукауствомъ, какъ гряды дѣлать. Илгала узялъ и пашоль, а Палагалы тихонька сказалъ: „Только да начи, а то ухади и ты!...“ Ночь прайшла, и Палагала ушоль. Тада анѣ слылись умѣста.

— „Ну, братъ, слава Богу! двѣста рублей пупала“.

Нѣскальки уреми прайли, ипять жа у ходъ. Хатять агародники садить агурцы.

— „Бохъ помачъ!“

Илгали гаварять аны:

— „Благодаримъ!“

— А што, ребяты, какъ у васъ агурцы вилики радятца?

— „А парядышныи: какъ бачоныкъ, у вупать — дакъ съ бачоныкъ съ тотъ“.

Илгала и сказалъ:

— О, какіе ета агурцы! ета ни агурцы, а шалущки. А какъ у насъ агурцы радятца: у въ абѣдъ сонца кала агурца станть — и то сонца ни видать тиряз агурець.

Самъ узялъ кала гароду пашоль. Агародники спрашиють у Палагалы:

— Прауду ли ета онъ гаварить?

„Праўда! У насъ агародъ былъ близка кала большой дароги. Агурецъ росъ, росъ и черезъ большую дарогу переросъ. Ъхали гаснада читвирикомъ, лошади разгарячилися кала агурца — кучирь ня мохъ выдиржить ихъ, а пряма на гурець. На спрядину какъ узѣхали, агурець такъ и праламился, калеска съ лашадами въ агурець и правалилась — едва кучирь мохъ далой саскачить. Ходичи рубить кучирь агурець, ня можить калеску съ лашадами найдить — правалились пасяредъ. Анѣ и спрашивають у Палагалы:

— „Хто ета тибѣ?“

— Хазяинъ.

— „А можна ли намъ яво пупрасить, штобъ насъ научилъ такимъ манерамъ агурцы садить?“

— Можна.

Анѣ сичасъ падходють ка Лгала и сказали:

— „Друхъ, научи насъ такія агурцы садить!“

— Можна, только дорга стонть.

— „Што жъ тибъ за работу?“

— Тысячу рублей.

— „Ну, мы сагласны дать“.

— Шестъ сотъ задатку мнѣ.

Анѣ шестъ сотъ рублей дали яму. Задатку узяли, съ лукаўствамъ стали гряды размирять. День правили, даждалися да начп, узяли и ушли Илгала съ Палагалый. И гаварить Илгала на Палагалу:

— „Слава Богу, восимсотъ рублей дастали“.

Наканецъ, пашли у хотъ дальши. Пришли въ горыдъ. Строятъ мастира саборъ. Анѣ и гаварять:

— „Бохъ помачъ вамъ, рибяты!“

— Благодаримъ!

„А какъ, рибяты, вашъ саборъ будить висскъ?“

— Да парядышныва.

— „Вы ня можитя, вѣрна, или сами терпѣть, или высату паднимать; а какъ мы строимъ саборъ, дакъ падъ воблаки“.

Самъ Илгала пашолъ кругомъ сабору. Анѣ у Палагалы спрашивають:

— „Праўда ли ета?“

— А какъ жа нипраўда? Када мы адно мѣста выстраили саборъ, ни сказанна высокій, а панамарёў пятухъ да на самую калакальню, на верьхъ, на крестъ узабрался...

(А мѣсицъ былъ у палавинку, на вятохъ схадилъ).

— Пасматрится: панамарёў пятухъ, какъ сндѣль, такъ палавину мѣсца аддалбалъ!

(А устаръ народъ былъ прастой, глупой: онъ ихъ, Палагала, и абманилъ).

Анѣ пасматрѣли на мѣсицъ: всяво палавинка.

— „Вить праўда! А што, рибяты, ни паучитя ли насъ такъ висока работать саборы?“

Илгала сказалъ:

— „Можна нуучить, только дорга стоять“.

— Многа жъ ли тебѣ нада?

— „Двѣ тысячи рублей“.

— Мы согласны дать

Онъ, Илгала, и гаварить.

— „Тысячу рублей мнѣ задатку пожалуйте!“

Анѣ ему дали тысячу рублей задатку.

Анѣ да вечера коя што паработали, зъ лукавствомъ—хуть примѣры дѣлали; ночь какъ пришла, ушли воуеи дамой.

Пришолъ Лгала дамой къ жаны сваей и Палагалу съ сабой привелъ. Прахадилъ Лгала цѣлыва палгода. Жана съ дѣтми съ голыда пумирала, по міру хадила и ни магла пракармитца.

Тада Илгала гаварить на жану:

— „Вотъ сколько деннхъ умъ мой принесъ!“

Тада жана яво обрадавалась и гаварила:

— „Слава Богу! А хто жъ ета съ табой пришолъ?“

— А ета таваришъ мой, памошникъ!

Узявъ съ имъ падилилъ деньги Илгала, даль сваяму таваришу пятую часть деннхъ. То нѣ друхъ друга публагадарили. и усякѣй на сваихъ мѣстахъ жить атстались.

Б Ы Т О В Ы Я.

№ 1.

О добросовѣстномъ бѣднякѣ.

Одинъ бѣднякъ служилъ добросовѣстно, нанимаясь за небольшую плату; какъ онъ женился на волшебницѣ; какъ выстроились у него богатые хоромы, какъ онъ построилъ своему барину волшебный мостъ, лядо взмотычилъ, хлѣбъ посѣялъ, на тотъ свѣтъ сходилъ и отъ покойнаго барина узналъ, куда тотъ деньги спряталъ.

Какъ жиў старичокъ; онъ ў такой жиў бѣднати: только имѣў сабѣ хазяйства одну хатку, да и та чуть только стаетъ. и быў у яго только одинъ сынъ. Вотъ наканецъ етытъ старикъ и помиръ, астаўся адинъ бѣдный сынишка. — Вотъ іонъ жиў, жиў, и думаетъ:— „Што мнѣ таперъ дѣлать? вазьму, да п пайду куда-нибудь, наймусь ў работники“. — Вотъ іонъ шапоў.

Ишоў, ишоў, пришоў ў горыдъ, падайшоў у лаўку къ кунцу и гаворить яму: — „Здрастуй, дядюшка!“ — Здрастуй, милый члавѣкъ! — „Наймиа мяне къ сабѣ“. — Пажалууй, братъ, найму, — што вазьмешъ? — „А три капѣйки сирябромъ!“ — Ну, изволь, сагласинь! — Вотъ іонъ жиў, жиў, даживаить годъ. — „Ну, дядюшка, пажалууй ращеть!“ — А изволь палучить. — Вотъ іонъ узяў ети три капѣйки, и думайть: — „Што мнѣ зъ ими дѣлать? — Вазьму: пайду къ калодисю и брошу ихъ у воду.“ — И сказаў: — „Ежели я жиў харашо, то еты деньги ни патѣнютъ; а ежели я жиў худа, то ани патѣнютъ.“ — Вотъ іонъ пришоў къ калодисю, да и бросіў ихъ туда; яны и патѣнули. — Вотъ іонъ думаў, думаў: — „Што мнѣ дѣлать? — Пайду апятъ къ яму.“ — Вотъ іонъ приходитъ изнова къ яму и гаворить: — „Братъ, найми мяне ипятъ къ сабѣ!“ — Ну, што жа таперъ вазьмешъ? — „А таперъ шесть капѣиь!“ — Ну, харашо, сказаў купецъ: живи, будить заплочина. — Вотъ іонъ атжиў и другой годъ, палучіў шесть капѣиь. Думаў, думаў: — „Гдѣ ихъ дѣтъ? — Вазьму: ипятъ пайду къ калодду.“ — Приходитъ къ калодисю, взяў и ети бросіў у воду, и ети патанули; патомъ іонъ и гаворить: — „Ахъ, я навѣрна служіў два года; пайду и третій годъ служить.“ — Приходитъ къ купцу и гаворить яму: — „Братъ, жиў я ў тябе два года, — найми, братъ, и на третій.“ — Ну, харашо, што вазьмешъ? — „А, братъ, таперъ ужъ двѣнадцать капѣиь.“ — Ну, такъ што же? дамъ! — Вотъ іонъ атжиў и третій годъ, приходитъ къ купцу: — „Ну, братъ, пажалууй ращотъ!“ — Вотъ купецъ атдаў ращотъ, публагадаріў купца, патомъ пашоў и гаворить: — „Што жа мнѣ таперъ дѣлать?“ — Вотъ іонъ пашоў у горадъ, приходитъ у лаўку и гаворить на лавашника: — „Дай, братъ, мнѣ воску!“ — Лавашникъ и спрашійть: — Скольки вамъ угодна? — „А, пажалый, на ўсѣ деньги!“ — Іонъ думаў, думаў, сколько яму дать; навѣсіў пудъ и гаворить: — Пажалууй деньги. — Іонъ атдаеть яму двинадцать капѣиь и гаворить: — „У мяне болій нѣту!“ — Ну, ступай съ Богомъ! — Вотъ іонъ ишоў, ишоў, приходитъ къ лѣсу, разлажиў агонь и гаворить: — „Ежели дымъ пайдетъ кверху, то я жиў харашо, а ежели ўнизъ, то худа.“ — Вотъ и пашоў дымъ вверхъ; приходитъ къ яму старикъ и гаворить яму: — „Што ты дѣлаишь?“ — А узнаю щастя, батюшка! я служіў у хазяина три года и выслужиў сабѣ двинадцать капѣиь, и купиў сабѣ воску; вотъ

и палажіў яго падъ дровы: куды дымъ пайдеть: уверхъ или ўнизъ?—Вотъ старикъ и гаворить:—„Што тябѣ нада: багатства или нявѣсты?“ — Нѣтъ, батюшка, я хачу жанитца: парайти-ка мнѣ нявѣсту!—„А ступай у церкву, да какъ будишь идить на крыльцо, тамъ будуть стыять нищія,—вотъ ты нагляди на правую руку: между ихъ будить стыять дѣвушка, то твая нявѣста.“—Вотъ іонъ пабижаў у церкву, падходить къ крыльцу, пасматрѣть на ету дѣвушку: а ина стаить уся ў сапляхъ; іонъ падходить къ ей и гаворить:—„Абатри сапли!“—А ина яму атвѣтила:—„Хто любить мяне, тотъ абатреть и пацалупить мяне!—Вотъ іонъ падайшоў къ ей, выніў изъ кармана платокъ, абтеръ и пацалуваў яе; патомъ ўзяў яе за руку и павеў у церкву: перевѣнчались. Патомъ ина и гаворить:—„Ну, милый мой, пайдемъ типерь: пакажи мнѣ сваѣ хазяйства.“—Ну, іонъ и гаворить:—Пайдемъ.—Вотъ аны пашли, идѣ стыяла яго избушка,—а ужъ тамъ нѣтъ ничога. Ина и спрашїить:—„Ни помнїў ли ты, ни було ли у тебе какога-нибудь хазяйства?—Вотъ іонъ и гаворить:—Да, кажитца, помню: идѣ-то було ў мяне ў памяти адинъ тапоръ, да и тотъ бизъ тапарїща.—Нука, пайщи яго!—Да на што іонъ тябѣ?—„А мы сдѣлаимъ домъ!“—Вотъ іонъ пу примѣтамъ капать, да капать на томъ мѣсти, адѣ сгыяла избушка, нашоў падъ стѣной и гаворить:—„Ну, какъ мы сдѣлаимъ? у насъ нѣту денїгъ.“ — Лажись-ка, мой милый!—утра мудрянѣй вечера.—Вотъ яны лягли на етымъ мѣсти, идѣ стыяла избушка; назаўтрига устають такія надъ ними харомы, што толька ня жить, а пасматрѣть. А прати ихъ хатки стыяў гаспоцїй дворъ; гаспадинъ старый самъ помиръ, а астаўся яго сынъ. Назаўтра устаў рана, пасматрѣў ў вакно и увидаў етыть домъ, удїўлянтца и гаворить:—„Хто ета такей домъ пастроїў?“—Ета нашага бѣдныга мужука сынъ.—Вотъ іонъ пасылаить сваихъ вѣрныхъ слугъ, чтобы привести яго. — Вотъ іонъ приходить къ гаспадину, и спрашїить гаспадинъ:—„Хто тябѣ такой домъ пастроїў?—Ваша благородїя, я самъ.—„Ну, братъ, када ты такъ умѣишь, то выстрай жа атъ майго дому да твайго сяребринный мостъ, на пять верстъ, а на бакамъ высадъ разными дїривами, и штобъ на ихъ магли ростъ яблаки: адинъ бокъ залатой, а другой сяребринный, и штоба яны магли съ сучка на сучокъ пирискакывать.“—Вотъ идеть іонъ дамой и скучаить, а жина ў яго спрашїить:—„Што ты скучишь такъ,

милый мой? — Да якъ жа мнѣ ни скучать? даў мнѣ панъ задачу, да й нималую! — „Ну, ни таскуй, милый мой, лажпсь-ка, атдыхай: утра вечира мудрянѣй!“ — Вотъ іонъ лажитца спать, назаўтри устаеъ, пасматривъ: ўсѣ гатова. — Призывантъ яго гаспадинъ. — „Ну, братъ, благодарю тябе за службу вѣрную; ну, братъ, саслужи яще: вотъ етытъ лѣсъ, што протіў майго дому, выруби, и выпали, и взматычъ и пасѣй рожь, — всё ета ў адну ночь, — и штобы ва ржи маглі бы галки спрятатца“. — Идетъ іонъ дамой и скучаитъ; жина спрашівтъ: — „Што ты, милый мой, скучаишь?“ — Іонъ ей атвичаитъ: — Да какъ жа ни скучать? приказаў мнѣ гаспадинъ етытъ лѣсъ вырубить, выпалить, взматычить и засѣить. — и штобы ў хлѣбѣ магла галка спрятатца. — „Ну, лажись жа, мой милый! утра вечира мудрянѣй.“ — Назаўтрига прашнуѣся: ўсѣ гатова. Призывантъ яго гаспадинъ: — „Ну, благодарю тябе за двѣ службы; — саслужи и третію: мой атецъ помиръ, а деньги палажіў, ни знаю идѣ: — вотъ сходи, да узнай.“ — Вотъ іонъ идетъ дамой и плачить; жина яго спрашівтъ: — „Чаго ты, мой милый, плачишь?“ — Да какъ жа мнѣ, милая мая, ни плакать? — то были задачи, ни задачи, ну, вотъ то задача: — какъ мнѣ сходить на тотъ свѣтъ да спрашівтъ у яго атца деньги? — Ну, вотъ я табѣ расказу, якъ спрашівтъ: ты вазьми съ сабой яго упраўляющаго, па дароги ты иди, — тамъ найдешъ краснинькій клубочикъ; — ты вазьми яго съ сабой: куда іонъ пакотитца, туда и ты иди за имъ“. — Вотъ іонъ шоў, шоў, находитъ клубочикъ и пустіў яго. Вотъ клубочикъ катіўся, катіўся, прикачиваитца къ избушки; іонъ пастучаў у двери, яму атварили, выходитъ къ яму дѣвўшка и гаворить яму: — „Што табѣ нужна?“ — Вотъ што мнѣ нужна, гаворить іонъ: мая галубўшка, ни знаитя ли вы, идѣ наша пань? — „Падажжи, милый члавѣкъ, я табѣ расказу. Дай ка ты мнѣ краснинькій клубочикъ, а я табѣ дамъ сининькій; вотъ ты вазьми, пусти яго: куды іонъ пакотитца, туда ты и иди.“ — Вотъ іонъ узяў яго за нитычку и пустіў; іонъ и пакатіўся. Прикачиваитца на три дароги и астанаўливаецца. — Вотъ и їдутъ ў карети, пряма яму на ўстрѣчу; іонъ и кричить. — „Здрастуйтя, гѣманы, не здѣсь ли наши пань? — Яны атвичають: — Здѣсь, кали бѣ астауся, іось! — Іонъ атвичаў: — „Іось. — Ну, давай сюды!“ — Вотъ етыга памѣщика высадили съ кареты, а упраўляющага ўсадили ў карету, да я гаворють: —

„Ну, скарѣй гавари, ну, скарѣй гавари!—Вотъ панъ написау яму расписку:— „Атдай майму сыну: іонъ деньги найдеть.“ — Вотъ іонъ приносить расписку паничу, — да нашли деньги у доми, падъ паломъ, закапанья. Вотъ аны ихъ дастали, стали жить, да паживать, да добра наживать.

№ 2.

Якъ старуха съ сынымъ деньги зарабатяла: сынъ чужіи вещи хувантъ, а старуха схову атгадаить.

У аднэй дярѣѣни жила съ сынымъ бѣдная старушка. Ина уздумала сабѣ чуднѣ зарабатять хлѣбъ. Сынъ яе варунтъ и, якъ ня можна, далій хувантъ денги, а старушка схову сыннійю людѣмъ показыить и за то денюжки сабираить съ добрыхъ людей.

— „Вяликая знахарка наша старуха!..“ кажутъ на дярѣѣни.

И прапади на ту пору кальцо у пана (ета злучилась ища ва ўремя крипаднога права). И ни такъ пану кальца тога жаль, якъ дужа абидна, што приближѣнныи слуги кальцо скрали. Пасылаить панъ карету за старухый—знахаркый. Кучирь и лакей, украўши кальцо, захатѣли спытать, ти лоўка атгадывать знахарка. Вотъ яны падлажили у ящикъ кареты, падъ сидѣнья, нѣскалькы яиць: ти пазнаить старуха, што на яйцахъ сядить. Страшна старухи къ пану фхать, ну, и ни паслѣхатъ нильзя: тады вить ни шутили. Старуха и гаворить, усѣвшисъ съ нипривычки у карети и са страху:

— „Мягка мнѣ, а сижу я, слоўна курачка на яечкахъ!..“

— Вить какъ у сукъ вяпила—старуха ты праклятая!—падумаў кучирь.

Пу пріѣзди старухи у паньскій домъ дѣлають ей новыя спытанія. Велина была ли яе зготовить супъ изъ курицы. Поварь (а іонъ римясло сваѣ знаў дужа харашо—хазь быў) такъ варону сваріў, што супъ вышіў, слова тэй куриний, ящо пачищи.

— Укусна, дужа укусна!—гаворить старуха, сама супъ нахлебываить.—Да што послѣ будить? Ахъ, пупалась я. — слоўна тая варона у супъ.

— „Тутъ и сумливатца нечига: ета шельма знахарка!..“ падумаў лакей. Сазнались старухи, што кальцо украли.

— „Ну ладна, украли сабѣ, такъ и украли; а приняситика мнѣ сюда лебидя, да падайця кальцо.“ — Принясли.

— Дайця жь яму на маихъ глазахъ праглытитъ кальцо у хлѣби, да глядита: ни 'бманитя! — Лебидь праглатіў кальцо съ хлѣбымъ. Потэмъ старуха и гаворить барину:

— „Баринь, ня извольтя панапрасну гнѣватца, сябе раздражать, а прашу васъ выслушать, што я вамъ скажу: лебидь праглытіў ваша кальцо“. — Вспароли зобъ лебидю, глянуть: кальцо! Баринь приказаў наградить старуху. А сынъ и гаворить атцу (паничи ети заужда ахотники спорить):

— „Папинька, пайзвольти-ка: я загадаю старухи: старуха васъ абманила.

— Старухъ, гаворить баринь, ну, сматри! если ты 'тгадаишь, што загадайтъ табѣ паничъ, награжу тябе якъ надаби быть; а ни 'тгадаишь, столки-та табѣ лозаныў у спину.—Паничъ павѣў старуха у садъ:

— „Угадай, што спрячу у рукѣ“. — Съ етыми славами атайшоў атъ яе. А пагода стаяла вясенняя: дярэвья распустились и ужъ твитами накрылись, пѣли птички, литали жучки и мятлушки: усякыя дыханія хвалила Госпыда Бога—а надушѣ у старухи ящо болій скрябло.

— Што-та скажу я паничу? А чуть було я и ня вырвалася на волюшку, а тутъ... Паничъ ходитъ по саду и самъ сябѣ думайть, што бы такая старухи паднясти ли атгадки. Сарвѣтъ листокъ и сійчасъ жа бросить: — Ета абнакнавенна. Твятокъ съ ябланки—тожа вочинь абнакнавенна. Лятѣў жукъ, буць паничу абъ лобъ. Паничъ падняў жука:

— Нихай старуха жука атгадайтъ—паглядимъ!“

— Ну, бабѣ, што у мяне ў рукѣ.

— „А, паничекъ ты мой!..“ гаворить старуха: „А пуналася Жучка на мучку у баривывы ручки!..“ — Ета ана жучку пра сябе сказала: яе на дярэўни усе мальчишки такъ кликали: Жучка, Жучка—и пашла ина „Жучкыю“ зватца и сама сябе звала такъ. — А паничъ што падумаў: ета старуха пра жучка, што іонъ у рукѣ дяржитъ.—Якъ махнеть тога жука падъ ноги:

— „Ахъ, угадала таки, вѣдьма!“ — Пашли къ папиньки.

Наградіў баринъ старуху, якъ няможна луччи, у карети атвезъ приказаў. Зажыла старуха са сваимъ сынымъ на славу, а вараувать прирстала.

№ 3.

Якъ попъ съ дяканымъ дянгю наживали: дяканъ чужея вещи хуваль, а попъ атгадываль.

Попъ съ дьяканымъ уздумали заниматца вотъ чимъ: дьякынъ крадить и хувать крадинныя вещи, а попъ атгадыть, идѣ тыя вещи. И праслылъ попъ знахаримъ па усей странѣ, дайжа дашоль абъ немъ слыхъ да самыга да царя.

А у царя прапаў дарагей перетинъ, и ня стольки дорагъ царю тэй перетинъ, сколько дорга узнать. „Хто изъ маихъ приближныхъ людей абманилъ мяне, украў мой перетинъ.“

Пасылаить царь за папомъ, ибъ каторымъ іонъ былъ наслышанъ. Привязли папа у дарагей карети, посадили за столъ у пышныхъ палатахъ и замкнули, поють и кормють на славу. Ну, попъ такъ и клапотить, такъ у яго на сердди и скрабуть кошки, дайжа ида на умъ найдеть.— „Харашо то мнѣ здѣсь, гаворить іонъ, пачти што у слыхъ. Сяжу мяхка, ѣмъ смашная кушання, а апасля-то што будить. Брюха наѣдайся, а ж... атдувайся!..“

А украли еты перетинъ виниралы Брюху и Ж.... Яны падашли къ двери и слушають, што знахаръ тэй, попъ, будить дѣлать. Услышали паслѣднія слава, потѣмъ и гаворють адинъ на воднаго:— Братъ, што ты знаишь? вить батька-то ета на насъ гаворить!.. (Правядлива сказана: на вори шапка гарить). Пришли къ папу и сазнались:— Идѣ намъ укрытца атъ васъ— вы вить запраўскій знахаръ— а пришли мы къ вамъ и по добраму сазнаемся у сваей винѣ: мы украли перетинъ. Хто Богу ня грѣшинъ, а царю ни винувать! Нпзвиняйти жѣ. батюшка, абъ чомъ васъ бизнакомимъ, а пакрыйтя насъ... И мы вашу милысть ни забудимъ, и будимъ вамъ благодарны— и ни якъ нибудь.

Попъ етому дужа абрадываўся и гаворить:— Ну, ето харашо, што вы сами сазнались. Палавина вины вамъ за ета пращайтна: павинную галовушку и мечъ ни сячѣть. Принясити-ка сюда лебидя!.. Принясли.— Закатайтя на маихъ глазахъ пер-

стинь у хлѣби и дайтя яму праглытити.—Потѣмъ у присутствіи царя и ѱпароли лебидю зобъ и вытигнули перстинь.

Царь и гаворить:— „Я очень даволинъ, — па крайній мѣри. ни на каво изъ васъ мнѣ думка ня будить. Тутъ лебидь усяму причиний.“ — А тблагадаріѹ царь пуна и атпустіѹ, а винырала ящо таго болій яму были благадарны. Посли таво зажилъ попъ на славу, а вѹрувать поўна.

№ 4.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Абъ убогихъ старцахъ, якъ ихъ мазурикъ надуѹ.

Ишли старцы па гораду, и було ихъ 12: 6 сляпыхъ, 5 храмыхъ, а 12-ый храмаить, да ня душа и руками троху дѣй-стуить. Ишли яны па вулицы близка къ трахтиру. Выходить къ имъ мазуриецъ:— „Здрастуйтя, убогія!“ — Здрастый, батюшка!—Приходють храмѣя напередъ, а сляпѣя—сзадѹ; мазуриецъ на сляпыхъ гаворить:— „Вотъ вамъ, сляпѣя, 100 рублей!“ А самъ и пашоѹ, ничога имъ ни даѹши. Сляпѣя астанавились и думаютъ, што деньги узяѹ хто нибудь изъ ихъ. — „Што будимъ дѣлать зъ етыми диньгами?“ — А пайдѣмъ-ти-ка у трахтеръ, палѣемъ да пагуляимъ.—Пашли у трахтирь:— „Трахтирщикъ, дай-ка намъ на 100 рублей напитокъ да пагулять!“ — Ды ти іосъ жа у васъ деньги?— „Ды іосъ!“... Сѣли. Трахтирщикъ имъ на 100 рублей падаѹ.— „Ну, што, убогія, пажалуйтя рашотъ!“ — А вотъ сичасъ.—Во яны адинъ у иднаго стали пытать:— „Ти у тебе деньги?“ — Нѣту.— Мучіѹся, мучіѹся трахтирщикъ—нѣту денигъ. Уходитъ мазуриецъ тѣй, што деньги даваѹ:— „Ну, што, ребяты убогія, чимъ вы разабижены?“ — Да вотъ такъ и такъ, батюшка!— „Ну“, гаварить мазуриецъ:— „я вамъ пуваражу, — только сабярита денигъ!“... Во еты сляпѣя, хто питачеѹ, хто капѣичѹ: набрали рублей 5, и атдали мазуриѹ.— Ну, сляпѣя, прихадитя вы заѹтри на таковую-то вулицу: я вамъ пуваражу, а сляпѣя некада.—Пришли яны назаѹтрига на тую вулицу. Приходить и мазуриецъ:— „Ну, убогія, прашу я васъ на пѹминки!“ — А куда жа намъ идить, батюшка?— „А идитя за мною“. — Привеѹ іонъ ихъ у царскій дварецъ, самъ узяѹ да и пашоѹ, куда яму нада. Яны думаютъ:— „Пришли

мы на поминки: када жь будутъ насъ частить?“... Приходить къ имъ салдатъ:— „А што вы, убогія, зайшли суды бязъ просу?“— Какъ, батюшка? Насъ адинъ завёу на поминки: будить атца пуминать.— Салдатъ далажѣ царевѣни:— „Пришли нѣйкія убогія вашига атца пуминать, а іонъ ища добръ-здароу и царствымъ вирядуютъ.“— Царевѣна ни ўзлюбила:— „Забрать ихъ у тямницу, кармить, пайтъ, пакель царь умреть“... Засадилы етыхъ сляпыхъ, кормють, поють, а яны радуютца, што харашо имъ. Царевѣна думайтъ:— „Дакуда я буду кармить етыхъ убогихъ? Эта утрата бальшая.“— Думайтъ: распустить ихъ на сваю родину, гдѣ каторый радѣся, и давать по 3 рубли у мѣсиць.— Старцы Богу молютца за етыга мазурика: „Дай яму Богъ здароуя, якъ мы таперъ спакойны!“... Стала имъ и тутъ нихарашо:— Якъ умреть царь, дакъ намъ и ни давядетца на поминкахъ пабыть: давай прашенія спишимъ, штоба ипать було можна намъ па гораду хадить, а то намъ и жалаванія царская ни нада“... Эта прашенія дайшло да царевѣны: усердилысь ина, што имъ ни наравитца лежа на баку хлѣбъ зарабатывать, ни приказала ина имъ пендіи давать, а дазволила имъ хадить па яр-малкамъ стадами и пуминать. Старцы етымъ довольны стали.

Записано отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 5.

Деревни Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ Андрея Хвадей за грошъ мучіу.

Быў Хвадей, и було у яго многа дятей, и бѣднысть уяго была бальшая: дятей питать нечимъ. А у дрѣгимъ сялѣ быў Андрей и тѣй быў бѣдинъ. Думаў Хвадей:— „Якъ ба тутъ разжитца у скорымъ рази денигъ? Пайду вичаромъ позна у церкву: выбяру тамъ денигъ“.— Вышїу на дарогу. Идетъ на сустрѣчу къ яму чилавѣкъ,— такъ яны сустрѣтились:— „Здароу“.— Здароу.— Куды ты идешъ?— А иду када бь идѣ што уварувать“.— Ну, пайдемъ умѣсти: я тожа иду варувать“. (А етый чилавѣкъ быў Андрей). Идутъ яны и радютца:

— „Куды пайдемъ?— Абварувать мужуча — плаватца будить.“— Гаварить Андрей:— „Будимъ мы аднаму Богу грѣшны: пайдемъ у храмъ, набяремъ денигъ!“... Набрали яны денигъ

примножества, вышли яны изъ церевы да лѣсу; зайшоўши у цушу, дялили деньги трай сутыкъ. Дялили яны ни на щоть, а на мѣру, и дасталысь имъ по три шапки денигъ; атстаецца адинъ грошь старинный, лишній, и Хвадей на Ндрея гаворить:

— „Што, Андрей? Иди ты на рыныкъ, размяни етый грошь, а такъ яго мы ни раздялимъ“. — Распрацалисыта и пашли каждый па сваимъ дварамъ. Какъ Андрей пришоў дамой, изъ радыети деньги еты прибраў, а пра грошь и забыўся. Были у Андрея рибятки и знашли етый грошь у яго платъти. Сталы гулять и грошь етый патирали. Уздумаў Хвадей:— „За што жъ Анрею грошь лишній?—Пайду, возьму у яго“. Приходитъ Хвадей къ Андрею: — „Ну, Андрей, падавай грошь!“ — Андрей Хвадею у первымъ рази пакариўся: — „Братъ Хвадей, пашли дѣти на вулицу гулять и грошь патирали!“...—О, нѣ, братъ Андрей, идѣ хочишь бяри грошь, а яго падавай!... Андрей Хвадею за етый грошь даваў шапку денигъ. — „Нѣ“, гаворить: — „ни нада мнѣ твае деньги, а буду у тябе спрашивать етый грошь, пакуль памрешъ“. — Андрей думайть, што Хвадей гаваріў: — „Буду спрашивать етый грошь, пакуль памрешъ“... Якъ Хвадей пашоў, Андрей и приставиўся, што бутца памеръ; адѣли яго, палажили на куть. Пачуў Хвадей, што Андрей памёръ:

— „Пайду жъ я, зъ имъ пупрацаюсь, што я зъ имъ суятіўся за грошь“. — Приходитъ Хвадей у избу: — „А што, Андрей, було бяречъ грошь, — дакъ ба ты и ня вумиръ.... Дай жа зъ имъ пупрацаюсь!“ — Узяў Хвадей у зубы иглу и давай яго у зубы калоть. Андрей тярпѣў, тярпѣў, —нада атживатца!— Судились яны за етый грошь три гады. Андрей Хвадею уси деньги за етый грошь атдаваў, а іонъ ни узяў. Думайть Андрей: — „Умру и прикажу, штоба мяне и зъ гробымъ у церьвѣву паставили“. — Такъ Андрея зъ гробымъ звязли и паставили у церькву на нычъ. Идутъ у ету ночь вары и думаютъ двери, улѣзли у двери и ходють. Думайть Андрей: — „Ти ни Хвадей ета пришоў?—Бали іонъ мяне сяредъ дня усяго скалоў, а наччу іонъ мяне саўсимъ замучить“. — Андрей стаў у грабу крышку падымать, штоба вылизть. Увидали вары, што изъ гроба лѣзить мяртвецъ, и гаворють: — „Утикайтя: будить вамъ худа“... Скольки яны денигъ набрали, уси съ пиряцугу пубрысали. Андрей вышіў зъ гробу, пирикрястиўся: — „Госпыди, грѣхъ ня грѣхъ, а еты деньги зыбару: ти ня будить тутъ граша?“ — Думайть па-

томъ Андрей:— „Уси деньги забраўши, мнѣ будить нилзя аживитца: скажутъ: у церкви начуваў и деньги забраў! Вазьму адинъ грошъ и ляжу у гробъ“.— Увидіў стороажъ, што церкьва разломана, и зазваніў іонъ тривогу. Пасбижаѣся народъ: стали гаварить, стали кричать. Кричить Андрей съ гробу:— „Народъ правослаўный, узымита мнѣ крышу!“... Вышіў іонъ зъ гроба, поць яго спрашітъ:— „Што, Андрей, ты тутъ быў, ти ня чуў ты, ти ня видіў, хто быў тутъ?“... Гаворить Андрей:— „Батюшка, я чуў, што нѣхта ходитъ тутъ, дакъ я закричѣў:— „И я тутъ!“— Дакъ вары гаворють:— „Ухадитя, рибята, а тѣ тутъ мертвыя устають!“... Приходитъ Андрей зъ гробу дамой и гаворить хазяйки:— „Ну, хазяйка, слава Богу! Таперь будимъ жить: я грошъ дастаў, съ Хвадеимъ расплачѣся!— Приходитъ Хвадей. Андрей гаворить:— „Ну, Хвадей, грошъ я дастаў, вазьми яго, да разминяй самъ:— сабѣ вазьми палавину и мнѣ палавину!... Якъ мы съ табаю были за брата, адняъ аднаго пачитали, а пѣтѣмъ я два разы за тябе умираў, за етый грошъ я табѣ три шапки денигъ аздаваў, а ты быў нямилысліў!— Гаворить Хвадей:— „Братиць мой, я тябе и калоў... Ну, братъ, бяри сабѣ шапку денигъ, а грошъ нихай мнѣ.“— „Нѣ, братъ, я табѣ и три шапки даваў, да ты ни браў!...“ Хвадей гаворить:— „Ну, бяри сабѣ 1½ шапки денигъ, только будимъ жить харашо!“— Узяў Андрей деньги, и жили яны харашо аднѣ съ аднымъ.

Записано отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 6.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ храмэй, сляпэй и глухей царю служили.

Сабрались у кучу на дарогу: храмэй, сляпэй и глухей. Сляпэй гаворить на храмага:— „Ну, идѣ намъ денихъ дастать?..“ Удругъ имъ причульсь, што глухей нѣшта сказаў:— „Пайдемъ къ царю: іонъ намъ будить деньги давать.“— Пришли къ царскому дварцу, и стали яны, идѣ чисавэя ходють на калавурн. Идетъ чисавэй на хватеру, а яны гаворють:— „Гаспадинъ чисавэй, далажитя царю, што мы пришли у работники къ яму наниматца.“— Царъ гаворить:— „Спраситя ихъ суда“.— Прихо-

дють яны налишна къ царю. — „Ну, мужучки, какою вы работою у мяне хатитя занятца?“ — Свѣтъ гасударь, дайтя намъ работу, ваторая палегчи! — Пасылаитя царь у думу: — „Якъ тамъ уздумаютя яму работу дать палегчи?“ — У дѹми уздумали: — „Сляпога пасадить картошки стяречъ; храмога живатину пастивить; глухога паставить на царскихъ варотахъ, штоба іонъ чуѹ, хто будить калакалѹмъ ѣхать.“ — Развяли ихъ усихъ: вѹжнаго на сваѹ мѣста. Нямнога яны пубыли, храмѹ думайт: — „Ну, што жѹ ета мы ни дагаварились съ царѹмъ, па сколькои вѹжному жалавання. Пайдутка я адинъ дагаварюсь.“ — Храму двѹ варсты ишоѹ два мѣсица. Далажили царю, што храму пришоѹ прасить жалавання. Царь приказаѹ назватя яго. — „Ну, што, харашо живатину пастивить?“ — Царь, вяликій аспиратырь! Я ища живатину и ни пастивіѹ и ни видаѹ яе. — „А идѹ жѹ ты быѹ два мѣсицы?“ — А, царь-гасударь, мяне туды на кани звязли, а я уздумаѹ, какою ты намъ будишь жалавання платить, и пришоѹ аттѣль пашкомъ. — Царь гаворить: — „Яму ни живатину пастивить, а яго пасадить на бахту и карьмить.“ — Сляпѹ сядѹ на картошкахъ, и узвали пра ета гаражани; даьладають царю, што атъ сляпога усѹ у гароди параскрасли. Царь приказаѹ яго привестя. — Ну, какъ ета ты, сляпѹ, калавуріѹ картошки — уси параскрасли? — Свѣтъ гасударь, я никога ни видаѹ. — „Вотъ жа, иди на хватуру къ храму.“ — Слуги звяли сляпога къ храму. — Царь приказаѹ: — „Запрягитя три тройки, и привесьтя къ жодный тройки па 3 калабалы, и ѣдтя кала глухога.“ — Запрягли и ѣдутъ кала тыхъ варотъ, идѹ глухой, — іонъ ничѹга и ня чуить. Даняесли царю: — „Іонъ и на ноги ни ѹстаѹ — ня чуить ничѹга.“ — Привестя и яго къ храму и къ сляпому. — Сабрались яны ѹ кучу, и гаворить царь на слугъ: — „Звяститя и храмога, и сляпога, и глухога у думу.“ — Гаворить тады царь на сваихъ сынаторыѹ: — „Ну, якъ вы разсудили ихъ па разнымъ работамъ, то разсудитя, хто тутъ винувать за етыхъ работникуѹ?“ — Судили, судили, паставили: — „Храму праѹ: на што яго станавили скатину пастивить, када знали, што іонъ хромъ?“ — Етыга судью, што присудіѹ храмога скатину пастивить, аштрахувать на 1000 рублей и атдать штрахъ храму на пракармленія. — Присудили съ судьи 1000 рублей и сляпому; глухому тожа съ судьи 1000 рублей, — патаму што яны знали, хто глухъ, хто слѣпъ.

Царь приказаў, штоба ихъ развязли па дамахъ на царскій щотъ, а дывьги дастаўлять ни разымъ, а па троху: а то яны разымъ зъ дивьгами збалуютца, — нечимъ будить да смерти пракармитца; а если ать ихъ дивьги атстанутца, то можна послѣ ихъ смерти сродствинникамъ палучить.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 7.

Ибъ чудакъ Микули: янъ іонъ праўчійу любоўника купчихи. патўаніу глупыхъ мужикоў, папу шутку сшутіу и ў батрачки, замѣсть бабы, у пуца наймаўся.

Янъ быў мужикъ бѣдный; худа у яго была: одна кабыленка — и тая низдарова. Такъ сусѣди яго прысгласили: — „Братъ Микулка, сбуди ты ету кабылку, а мы табѣ купимъ другую, харошую.“ — Такъ іонъ ету лошадъ завеў у кусты, забіў яе, а шкуру блушій и панесь у горыдъ прадавать (а горыдъ быў близка). Іонъ ету шкуру прадаў; дали яму за яе 70 капѣикъ на ассигнацію. Узяўши тая дивьги, зайшоў у питейный, выпіў, закусіў и сабраўся дамой идить. Пашоў дожжъ, и такей магучій, бальшей. Зайшоў іонъ къ аднаму купцу пасядѣть. пакаमितъ дожжъ пирййдить. Купецъ быў у лаўки, а жонка адна дома. Пріѣхаў къ ей любоўникъ. Жана купцова стала яму рада: давай пить, гулять, и лягли яны умѣсти спать; а жонка купцова празабыла, што купецъ скоро прйдить зъ лаўки. Мужучокъ сядить и усѣ ета видить. Патомъ таго стаў купецъ у домъ стукатца: — агу, любоўнику етому дѣтца некуды. Жана купца гаворить: — Иди у прихожію, пализай падъ печъ.“ — Мужучокъ ета видить, што харашо адѣтый чилавѣкъ падъ печъ палѣзъ ать хазяина, — убаяўся іонъ: — „Када іонъ у харошій адѣжи хувайтца, — палѣзу и я къ яму...“ Палѣзъ и мужикъ падъ печву. Захатѣў мужикъ етій у любоўника дивьгъ атабратъ, и гаворить яму: — „Братъ, сяни у мяне памѣръ батька и ни вялѣў ни плакать, ни скучать, а вялѣў виселитца...“ Любоўникъ гаворить: — „Братъ, патярпи! Вотъ табѣ 100 рублей: тольки маўчи!“ — Ну, сто рублей вазьму, да ўрядъ ти утарплю! запяю. — Узяў мужикъ у любоўника сто рублей. Троху пасядѣў, да янъ закотить пѣсни на ўвесъ домъ... Ку-

пецъ ета чуить и гаворить на жану:— „Што, любезная, катца, у нашимъ доми пѣсни играютъ!“ — Жюнка гаворить:— „И—и, ета идуть па вулицы парни и пляють“. Мужъ етому, значить, вѣры паняў:— „Тошна, знать, праўда!“ — Мужучокъ гаворить на любоўника:— „Братъ, стала мнѣ тошна: бяри свае назадъ деньги, а я пѣть хачу.“ — Любоўникъ гаворить: — „Братъ, вазьми мае сапаги, яны стоють рублей 12,—а только маўчи!“...—О-о, нѣ, братъ! и деньги бяри, и сапаги ни нада,—ня утерплю!— Ну, аднака угаваріў яго и сапаги яму атдаў—мужикъ маўчить. Надѣў мужикъ сапаги и думайть:— „У етага любоўника конь харошъ, запяю...“ Якъ запѣў іонъ пѣсню, ажну домъ трящить. Любоўникъ гаворить:— „Братъ, маўчи: у мяне на дварѣ стаить конь съ тядьгню,—сто рублей стѡить —бяри яго сабѣ,—только маўчи.“ —Мужикъ гаворить:— Ну, буду тярпѣть, — только ни знаю! батькина слова нада выпаўнить: ета вяликій ращоть.“ — Ну, патярпи! — Купецкая жана улажила мужа спать, а сама пашла вароты атчинять, любоўника выправаживать. Етому любоўнику совисна паказатца у разодранымъ жупѡни, у растоптанныхъ кавирзняхъ: усе мужуку атдаў. Во етый мужикъ лѣзить напярѣдъ, а любоўникъ сзадѣ. Купчиха думала, што напярѣдъ лѣзить яе любоўникъ: узила да й падарила яму кальцо залатоя; ина яму и лошадь паказала. Мужучокъ на ету лошадь сѣў и благодарить купчиху. А настоящій любоўникъ ни вѡпрыма и виду ей ни паказаў, што іонъ яе любоўникъ. Дуў іонъ пашкомъ вярсты три или чатыри. Мужучекъ етый, вѣхаўши, на сваѣ поля узѣвѣхаў. Мужучки ужѣ выхали пахать; старики ни знають, што ета ѣдитъ Микулка, а маладѣя гаворють:— „Ета Микулка ѣдитъ.“ — Падъизжайть іонъ къ етымъ мужучкамъ и гаворить:— „Пумагай Богъ, сусѣди!“ — Яны яго спрашиють: — „Братъ Микулка, якею ета ты судьбою сабѣ етвяку лошадь купиў?“ — Микулка гаворить:— „А, братцы, вы мнѣ сказали ету кабылу убить; — во я яе забіў, а шкуру прадаў.“ — Мужучки гаворють:— „Што жъ ты за шкуру узяў?“ — А, братцы, узяў я 170 рублей; за то купиў тядьгу, каня, да и самъ сябе адѣў. — Ныничи, братцы, кони ни па чомъ: харошая лошадь рублей 5, а харошая шкура рублей 200. — Еты мужучки сабрались у кучу и давай рѡдитца:— „Што, братцы—сусѣди, бросимъ пахать, коній пабьѣнъ, а шкуры прададимъ, а сами падѣлаимся купцами!..“ Бросили яны пахать, сохи на калѣсы, и

пупріѣхали дамой. Жюны спрашіють:— „А, што, ти видили, якъ Микулка ѣхаў?“ — А-а, и мы сваихъ коній пабьемъ, а шкуры прададимъ: ета іонъ за шкуру купіў.“ — Жюны гаворють:— „А луччи будить, калі мы бросимъ пахать, а станімъ таргувать!— Бють яны лападей ўсей дярэўній. Дни два били етыхъ коній, усихъ пабили, аставили па адномъ тольки дровы ваэить. Па-нагрузили яны шкуръ, пувязли прадавать. Узіжають яны у горадъ на площадь: ідуть тарговня мищани и гаворють, увидіўши етый абозъ:— „О, Госпади, нечій абозъ ідетъ съ кожами,— якога-то купца?“ — Сустрікаютьца яны зъ ими и гаворють:— „А што, мужуки, якога ета купца таваръ?“—Ета нашъ собствинный.—И нѣскальки мищанъ гаворить:— „Госпади, во наказаў: са ўсей дярэўни кони падохли!“ — Мужуки еты астанавились на площади и атырагли коній. Приходють къ имъ пакупатликажеўники. — „А што, мужучки, прадаеца шкуры? — А няго жъ ни прадаемъ? — „Ну, якую жъ цану будить прасить атъ шкуры?“ — „А, братъ, ни раўна: іостъ па триста, па двѣста и па 50 рублей — икая шкура. — Мищани гаворють на другога мужука:— „А што, милый чилавѣкъ, вѣрна, у васъ іонъ пубунтуваўшійся: просить за шкуру то, што за завадскую лошадь и за живую ни дають!“ — Етый мужикъ гаворить:— „Эка-та дуракъ! Да мае шкуры ища дарожи: мае кони были пабуїнѣй!“ — Мищанинъ падрядъ траихъ мужукоў папытаў: па триста, да па сто рублей. И пришоў тотъ мищанинъ, каторый у Микулки шкуру купіў, и спрасіў, пачомъ шкуры. — Яны и яму сказали: — „Іостъ па триста, па сто—ня роўна.“ — Тотъ имъ стаў гаворить, а яны гаворють:— „У насъ учора Микулка съ саўсемъ нездаровый лошади шкуру прадаў, а узіў 170 рублей: а наши кони вонъ якоя были!..“ Мищанинъ етый гаворить: — „Братцы, да я учора у Микулы купіў шкуру за 70 капѣикъ, на сїгнаціи. Када ня вѣрїта,—хадїта, шкуру паглядїта!“ — Мужучки еты шкуру пазнали. Заплакали еты мужучки: абманіў Микулка! Продали еты шкуры, ѣдутъ дамой, и плачуть, и радютьца: — „Микулу етага мы зальлемъ! А живая галава усяго наживеть,—якъ нїбудъ пнрябьемся!“ — Прїѣхали дамой, призывають Микулку: — „Ну, што, Микулка, мы тебе съ свѣту збудимъ: ты насъ спадманіў.“ — Микулка ни тїпиратца: — „Да, братцы, стдо я таго!“ — Яны яго бїза ўсякага званїя звїзали, пувязли къ рякъ.— „Ну, што, аднаму или дваимъ яго пихать, будить грѣхъ.“ — Адїнъ ста-

рикъ гаворить:— „Братцы, Микулка нихай тутъ пастаить, а мы пѡйдимъ у зарысть, высикиимъ на кѡжныга хазяина па хлудцу аднэй мѣры.“ — Вотъ яны пашли, а яго бросили. А зарысть атъ возира была зъ вярсту. Стаить Микулка и кричить: — „Ахъ, кабы хто да на маё мѣста стаў: я ня ўмѣю ни читать, ни писать, а мяне судьею ставяють: у день сто рублей, а ў надѣлю тысяччу.“ — Ъхаў вѣйкій праизжающій, ни зъ нашихъ зямель, каталическій вѣры. Услыхаў іонъ етый крикъ; пасылаить кучира:— „Иди-ка ты, узнай, чаго іонъ кричить!“ — Кучиръ пытаить у Микулки:— „Чаго ты кричишь?“ — А во чаго: поставили мяне судьею, я ня ўмѣю ни читать, ни писать, а дають мнѣ у день сто рублей, а ў надѣлю тысяччу; дакъ я хачу ета мѣста каму-нибудь пиридать.“ — Кучиръ пра ета сказаў пану. Во етый панъ абрадаваўся и ѣдитъ къ Микулки на тройки лошадей.— „Ну, пиридаеси сваё мѣста?“ — Ды пиридамъ.— Панъ яму атдаў тройку лашадей и кучира. Напрянуў панъ Микулкину адежу, а сваю атдаў яму, а самъ стаў на Микулкина мѣста. Сѣў Микулка на кѡнй и паѣхаў. Мужуки идуць зъ роши и гаворюць:— „Етыми хлудцами упихнемъ Микулку у рѣчку уси разымъ: гриха будить усимъ па троху.“ — Во яны етага пана и упихнули. Гавѡрють мизъ сабою:— „Нихай-ка іонъ тяперь чуды пачудить, а то іонъ хатѣў усю дярѣню звестъ.“ — Идутъ яны дамой. Во и Микула зъ ими суетрикайтца на тройки кѡнй, у карети, съ кучирымъ.— „А што, Микулка, ти ты жиў?!..“ — А вы думантя, што нѣ? Вы мяне за кѡнй заливали, а тамъ ихъ, кольки каму нада. Я тольки у воду пунаў, то сказаў: — „Давай тройку бурыхъ съ вупряжжу!“ — Мнѣ сичасъ и падали.— Пришли мужуки дамой и гаворюць жонкамъ: — „Мы Микулку було напрасно залили, — ня нужна було заливать. Іонъ намъ многа спосабу даў.— Якога? — спрашиють жонки.— „А во: іонъ изъ вады пріѣхаў на тройки бурыхъ кѡнй, у карети и съ кучирымъ.“ — А-а, дакъ ета усимъ нада заливатца, а мы вамъ башлыки пашимъ, штоба паскарѣй захлябнулись.— Во стали яны шить, жѡдная на свайго мужука, — нашили примножства на старыхъ и на маладыхъ, штоба кѡнй зъ вады паболій привяли. Даў Богъ тѣя часы, вада нада було заливать. Уся дярѣня вышла на биригъ, штоба пихать у вѡду. Усихъ пуцуўпихали, адны жоны пу биягу ходють и дажидають, ти скоро будутъ зъ вады на каняхъ ѣхать. Дажидали яны кѡнй атъ палночи да бѣлыга

свѣту, — нѣту. Ужу пастухъ панская стада выгнуу къ рѣчки: пытаить у ихъ:— „Што ета вы, лябедки, рана ходитя!“ — Яны ета пастуху рассказали. Пастухъ имъ отказываетъ:— „Эхъ, вы! Вамъ жа таперь свайхъ мужоу вѣкъ ни видать...“ Яны узали адна аднае за шыю, за руки, идутъ и плачуть: — „Микулка спадманіу!“ Микулка самъ быу дужа красіу, ну и жина была тожа красива — ни пызнайшь: якъ адно лицо были. Радитца Микулка съ сваею жаною:— „Таперь мужукоу у дярэуни нѣту: я пайду пахатъ на багачову паласу.“ — Выихау пахатъ на ўсйхъ свайхъ лапашахъ, — и такъ еты лошади хараши, што луччи нѣту.

Пачуу попъ, што Микулка чудѣ чудіть:— „Пайду, пупрашу Микулку, штоба іонъ мнѣ чѣду счудіу.“ — Приходитъ къ Микулки на поля: — „Я хатѣу ба тябе пубизпакоить: счуди ты мнѣ чѣду харошую?“ — Ахъ, батюшка, таперь харапо пахатъ халадкомъ, а у жаръ дрянъ...“ Ну, якъ етый попъ быу для свайго приходу дужа миласердинъ.— нильзя яму, Микулки, ни паслухатъ пуна: нада яму чуду здѣлатъ.— „Ну, вотъ, батюшка, вы пасядитя здѣсь, а я пайду и чуду счужу!“ — Атрѣхъ коній и пашоу. Пашоу бярезничыымъ, прибгаить па папоу дворъ.— „Здрастуйтя, матушка!“ — Здрастуй, Микулка. Што ты къ намъ пришоу? — „А вотъ, матушка! я ли дарози пахау, ли мяне быу батюшка.— Ну, прайзжау нѣхта и заспоріу зъ батюшкыю, што у васъ у доми нѣту 3 тысячъ денегъ. Бада іось, дакъ давайтя: я панясу батюшки, а вамъ тады дадутъ 6 тысячъ — тысяча на тысячу.“ — Пупадья яму 3 тысячи вѣдала и съ шкатулкъю. Дайшоу Микулка да гумна:— „Ну, што, ета чуда ня чуда, а нада ящо“... Варнуѣся іонъ къ пупадьдѣ: — „Матушка, я забыу: батюшка вялѣу са ўсйхъ старонъ домъ запалить, а прайзжающій вамъ выстраить каминный, трінтажый...“ У пупадьди были дочки, яны и гаворють: — „Ахъ, маминька, када такъ, дакъ запалимъ! нашъ таперь дириванный, а то будить каминный.“ — Микулка да тыхъ поръ ни пашоу, пакуда запалили домъ. Видить попъ съ поля, што яго домъ гарить. Вяжить и гаворить:— „Ай, да Микулка! Во чѣда счудіу.— чуднѣй и ни нада“... Прибгаить къ дому, стала яго пупадья ругать:— „Ну, на што ты Микули приказау ета дѣлатъ?“ — Да, ета я яго пупрасіу чуду счудить... Ну, чуднѣй етага чуда и ни нада... А ти вынила ты деньги? — „Якъ?!.. Ты жъ вялѣу

Микулки принесть къ табѣ деньги!..“ — Ну, счудиў жа іонъ, чуднѣй етыга и нѣту... И жалитца вильзя... Ну, упярѣдъ ласы были паболій: яму паны надарили лѣсу, — іонъ мѣсицы у два абстроіўся. — Микулка усѣ знаў, што будить. Разъ іонъ гаворить жонки: — „Ну, жонка, сляни придетъ къ намъ поць тябе у батрачки ванимать. Пригатуй ты мнѣ саянъ, платокъ—усю адежу, — я надѣнусь бабыю.“ — Надѣўся іонъ, сѣў падъ кудель и прядеть. Приходить поць: — „Здрастуй, Микульчиха!..“ — Здрастуйтя, батюшка. — „Ну, идѣ жѣ Микулка?“ — А, батюшка, плуту плутоўская и смерть: якъ спалиў вамъ дворъ, — дыкъ нѣкуды сыйшоў, да и нѣту. — „Ну, а што, когда ба ты нанилась ка мнѣ у работницы?“ — Атчого жѣ, батюшка? — Мнѣ ўсѣ адно: чимся такъ жить, луччи нанятца куды. — Узила пряслицу на плячо и пашла за папомъ. Приходить у домъ; пупадѣдя радаея такаея, што красива баба. Даў Богъ синакосъ. У дякана батраки, у дичка батраки, а ня 'динъ зъ паповью батрачкью ни справитца. Три гады служіў Микула за ўдаву. Ну, быў у етымъ сялѣ пристоль, пріѣхаў адинъ дячокъ къ етому папу у гости. Микула гатуить усѣ замість женщины и удавою узывайтца. Гаворить дячокъ папу: — „Батюшка, я заўдавѣў; хазяйства вадить нѣкыму. — пагаваритя вы батрачки, штоба ина за мяне пашла замужь.“ — Священникъ стаў гаворить: — „Ну, ти пѣйдидишь за дичка за мужъ?“ — Дакъ ать чого жѣ? Када іонъ мною ня гребуйть, дакъ пайду... Тады ужу узнаў поць, што эта быў Микулка, а ни Микульчиха.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 8.

Шутъ Шуткинъ, якъ іонъ пула, мужикоў и пана правѣў.

Какъ жиў адинъ чилавѣкъ, а называўся іонъ Шутъ Шуткинъ. Захатѣлась яму адннъ разъ прайдитца кала дароги. Идетъ іонъ дарогуй, а кала дароги поць пашить; іонъ и гаворить яму: — „Здрастуй, батюшка!“ — Здрастуй, Шутъ Шуткинъ! — Братъ, спути мнѣ шутку! — „Ахъ, батюшка, спутиў ба, да шутки дома пазабыў. Ежели вамъ угодна, то выпригитя мнѣ каня, а я сѣзжу за шутками.“ — Вотъ поць выпригъ каня и атдаў Шуту Шуткину. Шутъ Шуткинъ и паѣхаў за шутками. Заѣхаў у ба-

лота, утапіў каня, атрѣзаў яму галаву, хвостъ, а потомъ инять приляпіў и пашоў къ палу: — „Ну, батюшка, за шутками ня зѣвздіў, а толька каня утапіў; пайдемъ тянуть“. — Вотъ яны перва узяли за галаву, тянули, тянули, — ня вытянули. Потомъ Шуть Шуткинъ и гаворить: — „Ну, батюшка, бяри ка ты за галаву, а я за хвостъ!“ — Вотъ поць узяў за галаву, а Шуть Шуткинъ за хвостъ. Стала тянуть. Поць тянуў, тянуў и атарваў галаву прочь, и гаворить на Шута: — „Ну, братъ спугіў ты мнѣ шутку; — што мнѣ таперь дѣлать?“ — „А купи, батюшка, ящю!“ — Вутъ поць бросіў каня, а самъ пашоў дамой; а Шуть узяў ету лошадь, аблупіў, шкуру прадау и кушіў сабѣ клячу. Павеў яе ў дярвеню, да приводить къ тремъ таварышамъ и купіў ей гарниць аўса, пасыпаў ей: — „Вотъ, сматрится: паѣсь етытъ авесь, а пирядѣлантъ на сирабро“. — Вотъ ина паѣла гарниць аўса, а іонъ узяў и падемнау паць яе гарниць сирабра. — „Вотъ, пасматрится: паѣла гарниць аўса, а навалила гарниць сирабра“. — Братъ, продай яе намъ. — „А купиця!“ — „Што вазьмѣшь?“ — Три тысячичи! — „О, братъ, такъ дорага будить!... Ну, да што дѣлать? Мы свае деньги варотимъ“. — Вотъ яны купили лошадь. Адинъ и гаворить: — „дай братъ, перва мнѣ!“ А другей гаворить: — „А, нѣ, перва мнѣ!“ Третьтій гаворить: — „Да хто узяў, тотъ узяў!“ — Вотъ адинъ узяў; пиринучивала ина ў яго, падыспаў ей мѣрку аўса и гаворить: „Ну, жонка, къ заўтриму ты шій машну: деннгъ у насъ будить многа заўтри!“ — Вотъ іонъ на заўтрига пашоў падыбратъ деннгы, пасматрить: тамъ ня деннгы, а толька навозъ. Вотъ идеть къ яму другей таваришъ и спрашійтъ у яго: — „Што, братъ, какъ тваѣ дѣла?“ — А я ужъ братъ свае деннгы варатіў. — „Ну, братъ, давай таперь мнѣ: я свае варачу!“ — Вотъ іонъ приводить яе, паставіў яе на чистымъ палу, да засыпаў ей, какъ ня можна болій аўса. — „Вотъ многа деннгъ будить заўтри!“ Пашоў на заўтрига сматрѣтъ: а ина паѣла авесь да нанакастила. Приходить треттій таваришъ: — „Што, братъ, у тябе?“ — А іонъ атвпчантъ яму: — „Слава Богу! я свае варатіў“. — Потомъ и гаворить треттій — „Ну, таперь дай-ка мнѣ!“ — Вотъ и треттій такъ сдѣлаў, приходитъ и гаворить: — „Што, братцы, у васъ? у мяне г...д!“ — Ну, братъ: усѣмъ раўно! — И гаворють яны: — „Пайдемъ мы да зарѣжимъ яго!“ ... Вотъ яны приходють къ Шуту и гаворють яму: — „Ну, братъ, Шуть, мы тябе пришли рѣзать!“ —

А іонъ и гаворить имъ:— „Братцы, что вы мяне будитя голодныга рѣзать? — падаждитя: жонка блиноў напакеть, падѣмъ блиноў; тады ужу рѣзья!“ — А іонъ узяў да начиніў авечій пузырь кроўю, да падвизаў яго падъ паху, приходитъ и гаворить:— „Жонка, пяки блины!“ — Ина яму гаворить:— „Што ты ета здурѣў?“ — А іонъ схватіў ножъ, да ей падъ бокъ; ина — брыкъ и завалилась. Яны ета видють, што іонъ яе зарѣзаў:— „Братцы, ухадитя!“ — А іонъ и гаворить:— „Падаждитя: я яе атжіўлю!“ — Чимъ жа ты яе атживишь? — „А во чимъ: увидитя!“ Приноситъ кнутъ, сикануў яе три разы и гаворить:— „Пужка-живушка, атжави маю жанушку!“ — Вотъ ина ускочила и давай печь блины, падкармила ихъ усихъ. Вотъ яны и гаворють:— „Братъ Шутъ, прадай намъ ету пужку!“ — Купитя! — „Што вазмешъ?“ — А три тысячи рублей! — „Да ти ня дорыга будитъ?“ — Нѣтъ, ина стоить! — Вотъ яны купили ету пужку и и панясли съ сабой. Адинъ и гаворить:— „Дай-ка, перва я застаўлю сваю жонку напечь блиноў!“ — Вотъ іонъ узяў ету пужку, пришоў дамой и гаворить:— „Жонка, пяки блины!“ — Што жъ ты ета ашалѣў? я жъ блиноў ни ўтваряла! — Іонъ схватіў ножъ, да жонку падъ бокъ и закалоў. Патомъ узяў ету пужку — живушку, сѣкъ, сѣкъ, сѣкъ, а жонка ни ўстаецъ — няжива. На заўтрига приходитъ таварышъ: — „Ну, што? икава пужка?“ А братъ, ища разъ только сикануў-дыкъ ина падпрыгнула! — „Ну, братъ, таперъ дай мнѣ“. — Вотъ іонъ узяў пужку и приходитъ дамой:— „Жонка, пяки блины!“ — Што ты ета ашалѣў: какія я буду блины печъ? — Іонъ схватіў ножъ, да кальнуў ей падъ бокъ — ина и завалилась. — Вотъ іонъ узяў ету пужку живушку, сѣсь, сѣкъ: ни ўстаецъ жонка!... — Назаўтрига приходитъ третій таварышъ: — „Ну, што, братъ, икавѣ тваѣ дѣла?“ — А, братъ, только сикануў адинъ разъ, дакъ ина и ўскочила! — „Ну, братъ, дай таперъ мнѣ!“ — Приходитъ дамой и гаворить: „Ну, жонка, пяки блины! — А ина и гаворить: ти ты ўзбясіўся? — А іонъ схватіў ножъ и закалоў сваю жонку. Патомъ ўзяў ету пужку сѣкъ, сѣкъ: ни ўстаецъ жана! — Назаўтрига и гаворють адинъ другому: — „А мы видъ свaihъ жонкъ пакалоли! — Вотъ яны и гаворють:— „Пайдемъ, зарѣжимъ Шута Шуткина!“ — Вотъ яны и приходють къ Шуту, а яго нѣтути. Спрашивають у хазяйки: — „А йдѣ жъ ета Шутъ?“ — А ина гаворить имъ, да и заплакала: — „Мае вы галубчики, мой Шутъ памеръ!“ — Яны и гаворють

ей:— „Пагажи намъ хуть яго магилку.“ — А ина и гаворить имъ:— „А идитя на кладбища: идѣ будить парята змял. тамъ іонъ и ляжить.“—Вотъ яны приходють на кладбища: свѣжая ни атрытая магилка. (А іонъ ня помирѣ, а атъ ихъ схараніўся). Вотъ яны и гаворють:— „Вазьмемъ мы, хоть на яго магилку напакастимъ!“—Вотъ адинъ и гаворить:— „Ну-ка, перва я!“—Вотъ іонъ толька сѣў, а Шутъ какъ парьетъ яго аттуль шилымъ ў дулю,—вотъ іонъ какъ падскочить, да какъ закричить:— „Ай, братцы, іонъ жа жіў! Вазьмемъ мы, яго выташимъ вонъ!“—Вотъ яны вытащили яго вонъ, да давай яго бить, а іонъ давай ихъ прасить:— „Братцы, ня бейтя: я васъ накарамлю мѣдымъ!“—Вотъ іонъ—павеў ихъ ў пчальникъ и накарамлю ихъ мѣдымъ.— „Братцы, за што вы мяне хатѣли зарѣзать?“—А вѣ за што, Шутъ! ты перва намъ прадаў лошадь, да абмануў; ў другой разъ съ абманымъ ты прадаў намъ пужку-живушку; а ящо абмануў насъ у третій разъ, што ты помирѣ: мы стали пуминать тябе, а ты насъ шилымъ було закалоў.—А Шутъ гаворить:— „Да, паминъ вашъ харошій,—разви такъ пуминають члавѣка?“—Ну, да прости ужъ насъ, Шутъ.—ну што дѣлать?— „Да Богъ зъ вами!“—Вотъ яны нямого пагада и гаворють:— „Пайдёмъ мы ў яго пчальникъ, да вазьмемъ самыхъ харошихъ пчолъ!“—А Шутъ ета пачуў и пабѣгъ упарель за ихъ у пчальникъ и улѣзъ ў пустой улій, да ўзяў съ сабою вѣнчикъ. Вотъ яны приходють у транхъ у пчальникъ и гаворють:— „Ну, каторый будимъ выбирать?“—А каторый будить шумѣть, тотъ и вазьмемъ!—Вотъ яны надходють къ таму, идѣ сядѣў Шутъ, узяли яго на плечи и панясли дамой. Вотъ яны нясли, нясли, а іонъ сѣдючи тамъ: свись! А яны и гаворють:—Братцы, пайдёмъ паскарѣй: Шутъ даганяить!—Ишли яны, ишли, а іонъ ипать, сѣдючи, тамъ: свись!— „Братцы, Шутъ даганяить!“—Патомъ іонъ ў третій разъ: свись! Вотъ яны якъ бросили улій, да какъ пубигать ухадить, а іонъ за ими ў дагоню:— „Стой, падажди, ни ушли!“ Вотъ яны бѣгли, бѣгли, патомъ астанавились и гаворють:— „Чаго жъ мы уходимъ?—Разви мы ни справимся ўтраихъ саднымъ! Пайдёмъ, да хуть пакушимъ меду!“—Вотъ яны приходють ипать къ вульлю и гаворють:— „Ну, давайтя медъ ѣсть!“—Вотъ адинъ закалушнуў рукою, да палажіў ў ротъ, патомъ и другой, и гаворють:— „Ахъ, какъ харашо!“—А третій ўзяў и гаворить имъ:— „Ета г...о!“—А яны

и гаворють:— „Ну, братъ, усѣмь раѣно!“—Патомъ и гаворють: „Ну, братцы, ета намъ усѣ Шутъ панадѣла! давайта яго искать: іонъ тутъ нейди нидалѣка!“—Вотъ яны искали, искали, нашли яго и гаворють:— „Ну, таперь мы тябе ни прапустимъ!“ Вотъ яны ўзяли, вязуть яго и привязли къ возиру, пасадили яго ў мяшокъ и гаворють: „Пайдемъ за тапаромъ прасѣчь пролыбку“. Вотъ іонъ остаўся адинъ ли дароги ў мяшкѣ; ѣдитъ гаспадинъ, а іонъ и кричить: „Ня ўмѣю ни читать, ни писать, а на тотъ свѣтъ у карали иду!“—Памѣщикъ и гаворить:— „Давай, я за тябе ў карали пайду!“—Яго аттуда памѣщикъ выпустиў, а Шутъ усадіў яго ў мяшокъ, пихнуў яго ў ваду и гаворить: „Пиши тамъ бурыхъ и сивыхъ!“—А самъ сѣў на памѣщикавыхъ лашадей, паѣхаў дамой, стаў жить, да паживать, да добра наживать, а худа праживать.

№ 9,

Якъ мужикъ съ салдатамъ папоў губили.

Въ нѣкатарымъ царствѣ, въ нѣкатарымъ гасударствѣ, не мнина у томъ, ў каторымъ мы живемъ, жиў мужикъ, и такой багатина, што іонъ ни знаў сваей назвы.—Вотъ иднажды радила яво жана; іонъ гаворить сваей жанѣ:— „Ну, што мы таперь будимъ дѣлать?“—А жана яму гаворить:—А ступай, пазави кумоў, и пирякстимъ!—Ну, какъ мужикъ богатый, то и скупой, и гаворить жанѣ:— „Нѣтъ, жанушка, мы ни такъ сдѣлаимъ: ежили зазави кумоў, да зазави многа народу, то будить намъ многа страты, — а луччи мы здѣлаимъ во такъ: пайду я къ священнику и пазаву яго аднаго къ сабѣ ў домъ, — іонъ у насъ пиряхрестить, мы яго угастимъ, и будить намъ меншій сходу.“—А хазяйка яму гаворить:— „Ахъ, ты то уздумаў харашо, да ни такъ: будутъ насъ люди асуждать“.— „Ну, што дѣлать?“— гаворить іонъ: „видь старая пасловица гаваритца: хуть глазамъ то стыдна, да живату-то радысна: намъ будить меншій сходу.“— Ну, дѣлай, какъ хочишь!— гаворить хазяйка. Вотъ іонъ и гаворить:— „Ну, пригатоўти-ка, што тутъ нужна, а я пайду за паломъ.“— Вотъ яны и стали пригатаўлять, а іонъ папоў за папомъ. Приводить папѣ и гаворить яму:— „Ну, батюшка, пиряхрести мнѣ рабенка!“—А попъ гаворить:—А идѣ жъ твае

кумы? — „А я кумоу ни зваў: прихрыститя такъ, — и большій ничаво!“ — Поць и гаворить яму: — Ну, ета будить стоить пять рублей! — Ахъ, якъ мужуку жалка паказалась, што поць запра-сіў пять рублей! Какъ схватиў колъ, да пупа на галавѣ — и за-біў. Тада ўзяў яго, падквивуў падъ печку, патомъ сѣў. Сядить и думайт, што тяперъ дѣлать. — „Вазьму, паѣду за другимъ папомъ!“ — Паѣхаў іонъ ў другога сяло; привезъ іонъ другога пупа и гаворить яму: — „Ватюшка, прихрыститя мнѣ рабѣнка: нашига пупа нѣту дома.“ — Поць и гаворить: — Ну, штожь, мож-на. — А іонъ знаў ўпярэдъ, што ета мужикъ багатый и ску-пой, и гаворить яму: — „Ета, братъ, стоить десить рублей!“ — Ипять стала жалка етому атдать денгн. Іонъ схватиў колъ и етыга пупа убіў, да падъ печку; сѣў и думать, што тяперъ дѣлать. — И гаворить: — „Пайду за третьтимъ!“ Вотъ только іонъ хатѣў за третьтимъ папомъ ѣхать, заходитъ къ яму прихожій салдаты; іонъ и гаворить на салдата: — „Братъ, прихрысти ты мнѣ рабѣнка!“ — Салдаты сагласіўся; ўзяў съ дярѣўни куму ўдаву и павезъ рабѣнка; прихрыстиў; през-жаить аттуда; іонъ и просить сасѣдннга мальчика: — „Звѣзди, братъ, пупраси священника!“ — Призжаить священникъ на крез-бины; вотъ начали пить да гулять; патомъ послн етыга заспо-ріў поць зъ етымъ мужукомъ; іонъ схватиў колъ да и убіў етыга пупа. Патомъ сѣў и задумаўся, и гаворить етому куму салдату: — „Братъ кумъ, пасаби ты мнѣ, — што вазьмешъ, — сняси куды нибудъ етыга пупа!“ — А іонъ и гаворить: — „Дай сто рублей: снясу!“ — „Ну, што дѣлать, за етымъ ни станить: няси!“ — Вотъ іонъ и гаворить: — „Ты иди за акно, а я табѣ яго падамъ.“ — Вотъ іонъ пашоў за акно, а мужикъ вытащіў папа съ-падъ печи и гаворить етому салдату, свайму куму: — „На, братъ, няси, да сматри, штообъ назадъ ни зваратиўся!“ — Салдаты ўзяў яго и панесъ у ряку, ўкинуў яго и патаніў. Па-томъ пришоў къ етому мужуку и гаворить: — Ну, што? ти при-шоў? — А іонъ вытащіў другога съ-падъ печи и гаворить: — „Братъ, няси снова! іонъ ипять тутъ!“ — Ну, падавай! — гаво-рить салдаты. Мужикъ яму падаў. Салдаты знёсъ и приходить ипять и спрашиць: — Ну, што? — А етытъ хазяинъ гаворить: — „Іонъ ипять тутъ!“ — Ну, давай, ипять панясу! — Іонъ атдаў яму и третьтнга папа. — Патомъ идеть іонъ аттуда и зашоў за скнрду дроў, и гаворить сабѣ: — Што тутъ за такая? дай пусматрю: ня

будить ли іонъ идить апать? — А подли етый скирды стыяў священникыѣ домъ, и захатѣлысь етому священнику праидица: только іонъ вышіѣ, а салдатъ яго увидаѣ и гаворить: — А, братюга, пупаѣся! я тябе третій разъ нясу, а ты ўсѣ вылизайшь!.. “ Схватіѣ етыга пуна, паташіѣ ѣ ряку и затапіѣ. Патомъ приходитъ къ етому хазяину, свайму куму, и гаворить: — „Ну, братъ кумъ, праѣда твоя: я ня вѣріѣ, што попъ ўсѣ прихадіѣ, а я яго три раза насіѣ, а тяперь, братъ, павѣрю! Какъ жа іонъ мяне распатѣшіѣ! только я яго третій разъ знесъ и затапіѣ ѣ ряку глубока, патомъ иду назадъ. и захатѣласъ мнѣ схадить да вѣтру: я ишоѣ, ишоѣ: стаить скирда дроѣ,—я туда зайшоѣ, пасматрю: идеть попъ. Я спрашію, што зѣ люди, а іонъ гаворить: — „Свае люди!“ — Я спрашію: — Кто ты такой? — А іонъ гаворить: „Я попъ!“ — А, батюшка, пупаѣся! — Вотъ я яго схватіѣ за-касы, приташіѣ яго, затапіѣ и колымъ засунуѣ глубока падъ кустъ “ — Мужикъ и гаворить: — „Ну, братъ кумъ, таперь ужь іонъ назадъ ни зваротитца!“ — Вотъ ети куманьки, мужикъ и салдатъ распрастились, абнялись, пацалувались, патомъ стали жить, да паживать, да дабро паживать.

№ 10.

Якъ мужикъ съ цыганымъ деньги сѣили.

Какъ жиѣ адинъ мужикъ сильна багатый, и було у яго сильна многа пчоль. Патомъ іонъ и завеѣ дружбу са аднымъ цыганымъ. Радила яго хазяйка, іонъ узяѣ яго кумымъ; патомъ часта угащаѣ яго мѣдымъ, а такжа и вотачекый,—аднымъ словымъ, какъ браты радныя. — Ну, у цыгана, какъ ня кумъ, какъ ни пубратимъ, а ўсѣ дурацкія мысли, а ўсѣ думайть, какъ ба мужука абдѣлатъ. Адинъ разъ и приходитъ къ мужуку; — „Здрастуй, кумъ!“ — гаворить цыганъ. — Здрастуй, здрастуй! — гаворить мужикъ куму свайму цыгану. Патомъ цыганъ и гаворить куму свайму мужуку: — „Вò, братъ кумъ, што я уздумаѣ, — гаворить цыганъ свайму другу: давай мы съ табой займѣмся аднымъ дѣлымъ!“ — Какимъ? — „А вò какимъ: будимъ мы съ табою сѣить деньги!“ — Мужикъ и гаворить: — „Ну, давай, пасѣимъ!“ — Патомъ даждантъ іонъ цыгана. Чрызъ нѣскальки ўремя приходитъ цыганъ къ мужуку и гаворить: —

„Ну, братъ кумъ, во выбрау я ўремя: ежли мы пасѣмъ мѣрку денигъ, то будить двѣ или три.“ Вотъ яны пасѣли ирежли намнога, а потомъ цыганъ узяу да свайхъ яще прибавиу столька. — Назаўтрига приходитъ цыганъ къ мужуку и гаворить: — „Ну, кумъ, пайдемъ выбирать денги!“ Вотъ яны нашли выбрать денги: пасѣли адинъ гарниць, а выбрали три. Потомъ мужикъ и гаворить цыгану, свайму куму: — „Ну, братъ кумъ, спасибо табѣ! падажди таперь: пасѣмъ болій!“ — А цыганъ гаворить: — „Ну, кумъ, даждидай мяне!“ — Мужикъ стау аждать, пакуда придетъ цыганъ. Приходитъ цыганъ и гаворить: — „Ну, братъ кумъ, сяводни будить ночь харошая: какъ ня можна болій пасѣмъ! — Вотъ мужикъ стау такей радый: вынесъ усе сваю казну, — во и пасѣли. — А цыгану ўжъ животъ забалѣу, и гаворить мужуку: — „Братъ кумъ, сматри самъ, а мыя ўжъ нѣмычь: триханула мяне ўсяго ў дрозь.“ — Потомъ мужикъ легъ спать, а цыгану ўжъ паздаровила: пашоу да денги еты падабрау. — Назаўтри мужикъ устау и гаворить: — „Нѣшта майго кума ни слыхать!“ — Приходитъ цыганъ и гаворить: — „Ну, братъ кумъ, кажитца, што наши денги прыпали! Сяводни ўсю ночь такаа сухавѣица. Пайдѣмъ-ка, насмотримъ!“ — Пашли яны сматрѣть, а денигъ нѣтъ ни капѣйки. — Мужикъ завыу и загаласиу, и гаворить цыгану: — „Ну, братъ кумъ, въздѣлау ты мянѣ!.. Што таперъ дѣлать? — Возьму удаулюсь или утаплюсь!..“ Мужикъ и жистъ сваю кончиу, а цыганъ паѣхав дамой, стау жить да паживать, да ў мужукоу варувать.

М 11.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ попъ абманіу Тараса аднажды, а Тарасъ яго дважды.

Жиу мужучокъ бѣдный, и была у яго жина, а дтей ни було. Прижиуся да того, што хлѣба купить не за што. Была у ихъ карова. — „Ну“, гаворить мужикъ. — „жонка, пувидѣмъ, прададимъ корову да хлѣба купимъ.“ — Павѣу мужикъ карову прадавать. Ъдить священникъ съ причетымъ зъ горыца, еустрикайтца зъ етымъ мужукомъ: „Здароу, Тарасъ!“ — Здароу, батюшка. — „Куды ты ета казу вядешъ?“ — Батюшка, ета зъ карова! — „Нѣтъ, свѣтъ, ета каза: вунъ и дяканъ скажить.“ —

Дьяканъ гаворить: — „Ета каза!“ — Мужучокъ етый асуміўся. Попъ гаворить: — Братъ Тарась, прадай мнѣ ету казу — вотъ табѣ 3 рубли!“ — Нечига дѣлать мужучку: іонъ узяў и прадаў ету карову замість казы за 3 рубли, и пашоў двору. Гаворить на жану: — „Икая ты глупыя: замйсь каровы казу забра- тала!“ — Жонка на яго напустился: — „Што ты, съ ума сайшоў?!.. Козы усе дома, а каровы нѣтути..“ — „Ну, баба, што дѣлать?! я прадаў священнику, — якъ нибудь аposable разбяремся.“ — Даў Богъ другога скрысення. Ёдить Тарась у горыдъ, и знаить, што священникъ са сваймъ причетымъ зайдеть у трахтирь абѣдыть. Падгаваріў іонъ трахтирщика: — „Я выпью и закушу на гри- винникъ, а ты гавари, што на сто рублей.“ — Еты причетники сидять у другимъ нумири и гаворють: — „Вò мужикъ Тарась: за адинь абѣтъ сто рублей правеў! Ета жъ мы у чтиваромъ и то — рублей 10 правадемъ, а іонъ сто рублей!..“ Глидять яны у дирку: чимъ ета будить Тарась расплачиватца. Тарась якъ та- щить калпакъ аршина у 1½, уносить у трахтирь. Ударіў разъ на калпаку: — „Што, трахтирщикъ, заллочина?“ — Заллочи- на. — Попъ ета видить и дивитца съ причетымъ. Другей разъ ударіў Тарась на калпаку — да звиданія. Третій разъ ударіў, — гаворить трахтирщикъ: — „Ну, маладецъ, Тарась: платить умѣ- ишь.“ — Священникъ и гаворить: — „Рибяты-причетники, купимъ у Тараса етый калпакъ: іонъ намъ будить нада: у насъ жод- ную паѣздку будить дармавай абѣдъ у трахтири. Ну, дякынъ, ты клади 25 рублей, дячки паложуть умѣсти 25, а я адинь 50: за 100 рублей, можа, прадасть калпакъ.“ Тарась ёдить дамой, даганяить яго священникъ: — „Што, Тарась? Прадай етый калпакъ намъ: етый калпакъ насъ будить вызвалать. Што ты за яго вазьмешъ? Мы табѣ, Тарась, дадимъ 50 рублей сиряб- ромъ.“ — Нѣ, батюшка, ни какъ нильзя атцоўская благаславення пакидать: хуть жа разъ злучитца у горыди бытъ, дакъ пашю — пагуляю. — „Ну, паслухай, Тарась: вотъ табѣ 100 рублей си- рябромъ?“ — Нѣ, ужу, батюшка, када хочитя купить, дакъ пра- дамъ за 150 рублей. — „Ну, причетники, купимъ сейчасъ, а то хто нибудь дарожи дасть.“ — Купили етый калпакъ за 150 руб- лей. Пріізжаить Тарась двору и гаворить на хазяйку: — „Ну, хазяйка, бранились ты на мяне, што я замѣста казы карову прадаў, — прадаў и я свой калпакъ за 150 рублей.“ — Тарась етый троху цуправіўся жить. Священникъ дажидаетъ праздника,

штоба вхать у горыдъ на дармавэй абѣдъ. Паѣхали яны и зъ жонками, и зъ няньками, и зъ дятми у горыдъ. Заказали трахтирщику: — „Дай-ка намъ на 200 рублий папиль-пагулять!..“ Трахтирщикъ гатоў: падаў на 200 рублий. Якъ паѣли:— „Ну, гаспадинъ священникъ, пажалуйтя п ращотъ!“ Батюшка вылазить: — „Сичасъ, гаспадинъ трахтирщикъ!“ — Принесъ панамарь зъ двара калпакъ. Священникъ якъ удариў:— „Ну, ти у ращоти, трахтирщикъ?“ — Не-е, попь, падай деньги! — Сичасъ попь атдаў дякану бить: дяканъ біў, біў, — усё ращотъ спрашіють. Уси етый калпакъ били, а ўсе ращотъ спрашіють. Стали складыватца, заняли денегъ и заплатили у трахтирь. — Тарасъ еты денги года за два спустіў, гаворить на хазяйку: — „Што, баба? Умирай-ка ты, а я паѣду за свящэннымъ; я яму скажу: — „батюшка, пажалуйтя съ пакаяніемъ: мая хазяйка низдарова.“ — Пріэжаить къ священнику. Батюшка п пытантъ: — „Ну, што ты пріѣхаў?“ — А што, батюшка, пажалуйтя съ пакаяніемъ: хазяйка умираить. Сабраўся попь и паѣхаў съ Тарасымъ. Пріэжають. Хазяйка ужу умерла и ляжить на кутѣ прибраная: — „Вотъ батюшка, благаславити-ка вы мяне! у мяне іось старинная дубина. (ища кали свѣтъ зачинаўся): я сваю жонку три раза ударю, дакъ ина атживитца.“ — Ну, гаворить попь: када ета ища атъ старыхъ атцоў, то благаслаўляю! — Батюшка зъ вотарапу вышіў у сѣнцы, а Тарасъ примѣръ здѣлаў: жану іонъ ня біў, а удариў на лаўки вокала яе три разы — ина замичѣла. Якъ батюшка быў чилавѣкъ добрый, то абрадаваўся, што чилавѣкъ атживіўся. Уходитъ у хату: ина ужу сядить на лаўки и пакивавантца; тутъ ей дали вадины халоднинькій напитокца. Ина стала ачухаватца; батюшка публагадариў яго за ета и паѣхаў дамой. Пріѣхаў дамой и пріэсазыить свайму причету злучай, што при имъ злучіўся. — „Какъ ба намъ ету дубину купить: якъ мы на похараны ѣздимъ, то мы етью дубиную атживали ба миртвяцоў. Складёмся мы и купимъ у яго дубину.“ — А вы, батюшка, зѣздитя. патаргуйтя. — „Нѣ, паѣдимтя уси туды.“ — Пріэжають яны къ етому Тарасу. — „Што, Тарасъ, прадаси намъ тую дубину, што людеи атживантъ?“ — Прадамъ. — „Што ты за яе вазьмешъ?“ — Ахъ, батюшка, дайтя 500 рублий. — Ну, яны п радютца: „Я“, гаворить попь: „адинъ палажу 250 рублий, а вы, причеть, у трѣмъ 250.“ — Атдали денги и дубину съ сабою узали. Тольки яны пріѣхали дамой. пріѣхаў къ имъ купецъ багатый: — „Ба-

тюшка, у мяне сянні жина пумирла: пубизпакойтиса тѣла скаранить.“ — Сичасъ, гаспадинъ купецъ, пріѣдимъ. — Сабрались яны ѣхать и узали ету дубину съ сабой. Прізжають, ляжить на сталѣ тѣла. Гаворить попъ на дякана: — „О, — о, мы яе атживимъ! Няси-ка, панамарь, дубину!“ — Купецъ ета глядпть, на што ета панамарь дубину нясетъ. Ударили три разы яе — ни тжѣляйтца. Сродствинники далажили абъ етымъ купцу. Купецъ стаў на ихъ жалитца, што тѣла пабили. Папоў етыхъ пубрали на судъ да спраўки дѣла.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 12.

**Якъ папоў батракъ пупадьдѳ праўчѳ и дякана, яе спа-
любоўника, и пупа нащотъ пупадьди абразумѳ.**

Въ нѣкатарамъ царстви, въ нѣкатарамъ гасударстви, ня иминна ў томъ, у каторымъ мы живемъ, жѳ попъ. Вотъ ну-жинъ быў яму работникъ; вотъ идеть прахожѳ чплавѣкъ, и гаворить: — „Батюшка, я слышаў, што вамъ нужна работника.“ — Да, нада. — „Ну, наймитя мяне!“ — А какую плату табѣ дать, прахожѳ чплавѣкъ? — „А сто рублей, батюшка“. — Да какова ўремя? — „А пакуда за печкыю тилаты замычатъ!“ — Попъ думаў, думаў, какія ета тилаты; патомъ и гаворить: — „Ну, такъ и такъ“. — Вотъ іонъ яго наняў; патомъ и гаворить: — „Ну, братъ, паѣдимъ у поля пахатъ“. — Вотъ яны ѣдутъ на цѣлую надѣлю пахатъ. (А работникъ знаў, што дякынъ живеть съ пупадьдѳю). Вотъ яны пахали, пахали цѣлый день; патомъ приходить ночь; атпрягли лашадей, паужинали; попъ лажитца спать, а работникъ сядить. Попъ и гаворить: — „Што жа ты ни лажпестя?“ — А іонъ атвичаить: — „Нѣтъ, батюшка, мнѣ нельзя спать.“ — Чаго такъ нильзя? — А іонъ яму гаворить: — „А у меня палуношница.“ — А іонъ гаворить: — Ахъ, Божа мой, якъ мнѣ тебе жалка! — День работаў, работаў, и ночь ни спать! — Ну, што дѣлать, батюшка!“ — Только попъ заснуў, а работникъ, за што наняўся, тога и сматрѳть. Садитца на каня, и паѣхаў дамой; прізжаить дамой, а дякынъ съ пупадьдѳю пирують. Іонъ насматрѣў у вакошка и давай стучать: — „Аттварити-ка мнѣ“. —

Пупадья и спрашивает: — Кто тамъ такей? — „Я, работникъ вашъ“. — Пупадья и гаворитъ: — „А, дяканька мой, буди мнѣ тебе дѣтъ? — Пализай ты падъ полъ“. — Вотъ іонъ уходитъ у хату и гаворитъ: — „Ахъ, къ какому я бизпакойнаму папу наняѣся: день работай, а ночь ня спи! Вялѣу мнѣ, штобы я печку вытащю и тилать напайю“. — А ѣдъ ты, ѣдъ: я сама напаяю. — „Нѣ, матушка! пуцай ня грѣхъ будить пубажитца, што я свае справію“. — Вотъ іонъ затащю печку, нагрѣу повла и давай тилать паить. Вотъ іонъ пайю, пайю, и пуцаѣся яму дякань. Вотъ, іонъ какъ саскребѣ яго за гриву, ужъ іонъ яго тапю, тапю, абпачкаю яго ўсяго ў пойла, а самъ вышю и смотреть падъ вакно. Вылизайть дякань съ-падъ полу и гаворитъ: — „Вѣ, наняли работника, какого бизпакойнага“. — Работникъ и паѣхаю ипать у поля. Принзжайть къ свайму мѣсту, къ шалашу, гошъ спить, и іонъ легъ спать. Назаўтрига устаеъ поць и будить работника: — „Ну, братъ, уставай: будимъ пахатъ“. — Работникъ устаеъ и начинаитъ пахатъ. Вотъ яны пахали ипать да вечера, атпругли коній, паужинали; поць легъ спать и гаворитъ: — „Ну, братъ, лажись, да спи!“ — Нѣтъ, батюшка, вы зная: у мяне палунощница! — Поць заснуу, а работникъ ипать паѣхаю, призжайть дамой; стукъ, стукъ, падъ вакно и гаворитъ: — „Атвари, матушка!“ — (А дякань ужъ тамъ). Ина и спрашиваетъ: — „Кто тамъ такой?“ — Іонъ и гаворитъ: — „Ета я, работникъ!“ — Што ты приѣхаю? — Ина и гаворитъ: — „А, дяканька, ты мой, а йдѣ жъ мнѣ тебе дѣтъ? Дѣзь на горницу, да ўлѣзь у мяшокъ!“ — Вотъ іонъ узлѣзь на горницу и ўлѣзь у мяшокъ. А работникъ уходитъ у горницу и гаворитъ: — „Ахъ, къ какому я бизпакойнаму папу наняѣся: день пашимъ, а ночь упрауляйся!“ — Ина и спрашиваетъ: — Што жъ іонъ табѣ приказаю? — „Да какъ жа, што? — Вялѣу узлѣзь на горницу и прищитатъ мяшки съ перымъ!“ — Да я сама знаю, сколько ихъ тамъ. Паѣзжай ты у поля! — „Нѣтъ, матушка, нихай мнѣ ня грѣхъ будить пубажитца, што я свае справію“. — Вотъ іонъ палѣзь на горницу, и давай ети мяшки щитатъ, и пуцаѣся яму мяшокъ, идѣ сядѣу дякинъ. — вотъ іонъ яго збросить, збросить абъ землю, да й ипать устащитъ, патомъ прищитаю и ипать паѣхаю у поля. Вышю за вароты и смотреть падъ вакно: уходитъ дякинъ, увесъ пзбитый, и гаворитъ: — „Во, наняли работника, какого бизпакойнага: яму и ночи нѣтъ“. — Приѣхаю работникъ ипать

къ свайму мѣсту и легъ спать. Назаўтрига поць и будить работника: — „Ну, братъ, уставай, — пара пахать!“ — Пахали; пахали ипать да вечера, патомъ атпрягли коній и лягли спать. — Работникъ ипать устаў, сѣў на каня и паѣхаў ипать дамой. Вотъ іонъ стукъ, стукъ у вакошка и гаворить: — „Матушка, аттвари!“ — А ина гаворить: — „А, дяканька мой, куды жь мнѣ тябе дѣтъ? Вазьми, лѣзь за печку!“ — Вотъ ина яго схувала; патомъ и спрашітъ: — „Хто ета тамъ такей?“ — А іонъ атвичайтъ: — „Ета я, работникъ вашъ.“ — Што ты пріѣхаў? — „Да какъ жа, матушка, какой вашъ бизпакойный поць: самъ ляжить спать, а мяне пасылаитъ печку вытапитъ, вады нагрѣтъ и ўсѣхъ прусоў за печкаю павываритъ!“ — Паѣзжай ты, еси: я ўсѣ падѣлаю. — „Нѣтъ, матушка, пускай мнѣ ня грѣхъ будить пубажитца, што я сваё справіў.“ — Вотъ іонъ затапіў печку, нагрѣў вады и давай прусоў заваривать: абваріў усяго дякана; а самъ пашоў и стаў падъ вакошкымъ. Дякынъ вылизъ изъ-падъ печки и гаворить: „Ну, я таперь досытъ хадитъ къ табѣ за такимъ машенникымъ: ета ни работникъ, а ета машенникъ: іонъ мнѣ ни йдѣ ни даетъ спакойна спрятатца. А вотъ, што табѣ скажу: заўтри я паѣду пахать, а ты мнѣ приняси абѣдать! — „А йдѣ мнѣ тябе найти?“ — А я буду пахать падъ брезникымъ на пѣгымъ кани.“ — А работникъ ета и слышитъ; патомъ и паѣхаў ипать на мѣста, легъ спать и заснуў. Назаўтрига поць устааетъ и будить: „Ну, уставай: давай пахать“ — Ипать пахали; патомъ и гаворить: — „А што ты, батюшка, знаишь?“ — А што? — „Сяводни намъ матушка принясетъ палудनावать!“ — А пачемъ ты знаишь? — „А я видіў ва снѣ.“ — Вотъ приходитъ дѣла къ палудню, а іонъ пахаў на враномъ кани; вотъ іонъ узлѣ да збросіў съ себе далоў штаны, надпаясаў лошадь и здѣлаў яе пѣгую. Вотъ ина идетъ и нясетъ абѣдать дякану. Глядѣла, глядѣла съ краю, идѣ пашуть на пѣгымъ каню; патомъ идетъ прима къ имъ. Патомъ іонъ и гаворить: — „Во, батюшка, вить намъ матушка палудनावать нясетъ: мой сонъ збыўся!“ — Вотъ ина падходитъ ближи, пасматрить: ни дякынъ, а поць, то ужь ей некуда диватца; ина приносить прима къ имъ и плачить, а поць спрашітъ: — „Што ты ета сяводни ўздумала пра насъ?“ — А ина гаворить: — „А, батюшка, сяводни маей матушки день, то я принисла къ вамъ атслужитъ панахвиду.“ — Вотъ іонъ и гаворить на батрака: —

„Схади-ка за дякынымъ“. — Вотъ іонъ пришоу къ дякыну и гаворить яму: — „А што ты, дякынь, знаишь?“ — А што? — „А вить попь знаить, што ты съ пунадьдѣю живешь!“ — Патомъ пашоу къ папу и гаворить: — „Нѣ, батюшка, найдетъ: іонъ гаворить, штоба вы пришли!“ — Вотъ іонъ пашоу за дякынымъ, а работникъ гаворить: — „Батюшка, вазьми палку, а то яго сабаки укусють тябе.“ А дякынь, якъ увидіу, што попь идетъ съ палкыю, думау, што ета яго попь идетъ битъ за то, што съ пунадѣй живетъ, — да какъ пуститца на ўходъ, а попь гаворить: — „Дяканъ, дякынь, падажжи! што ты ета збясіуся?“ — А іонъ гаворить: — У тябе мысли дурнѣя! — Попъ пришоу и гаворить: — „Дяканъ нашъ, знать, ашалѣу! я кричу: падажжи! а іонъ уходитъ, якъ воўкъ.“ — Ну, што дѣлать? я и адинъ атслужу! — Вотъ, што дякану несина, то попь зъ работникомъ усѣ пакушали за здароуя дякана. Вотъ яны ў субботу пріѣзжаютъ дамой; назаўтра нада служить абѣдню. Попъ пашоу служить, а дякынь ня думайть: байтца папа.

Вотъ аднажды пунадьдя пашла ў калодисъ вады брать. пришли и другея бабы, и пашли у ихъ тамъ разгаворы. а работникъ упередъ адну ўдаву падгаваріу, штобы ана ей рассказала, чѣмъ ихъ петребить; вотъ она и гаворить: — „Матушка, у мяне іостъ такая каша, что ежели даси ихъ, то яны атъ аднаго аглохнутъ, атъ другога аслѣпнутъ, а атъ третитига падохнутъ.“ — Вотъ она и гаворить ей: — Ахъ, мая ты галубушка, дай мнѣ етыхъ капель! — Баба гаворить: — „Матушка, я дарма ни дамъ.“ А што вазьмешь за ихъ? — „А толька сто рублей!“ — Пунадьдя вынула и атдала: вотъ она приносить вады и гаворить папу: — „Батюшка, я вамъ сяводни нагатую, чаго вы хочишь?“ — Ну, гатуі! — А работникъ гаворить папу: — „Батюшка, паслухайтя мяне, што я буду дѣлать, то и вы дѣлайтя“. — Ну, харашо! — сказау попь. — Вотъ она засадила ихъ за столъ, давай имъ падавать, да усѣ еты ликарствы такъ и падыпанть. Вотъ яны аслѣпли; она паставила другою, то яны аглохли. Кричатъ адинъ на другога. А она гаворить: — „Ну, слава Богу!“ — Паставила третія, а яны фли. фли и завалились, а она зъ радости заскакала, сняла са стала, што яны фли, заслала чистую скатярѣту, пубижала зъ радости за сваймъ дякынымъ, привила и гаворить яму: — „Во, што хатѣла, то й падѣлала!“ — Вотъ яны сичасъ начали шть, гулять:

пили, пили; гуляли, гуляли; а патомъ саскребѣ дьякынь пупадью и пувалокъ за печку и замичѣли, якъ тилаты. Тады работникъ и гаворить:— „Батюшка, тилаты мичать за печкыю.“— Работникъ ускачіў, попь ускачіў: во й давай тянуть ихъ аттуда. Вотъ попь дякана біў, біў, и валасы ўси пупавырваў. Тада работникъ и гаворить папу:— „Ну, батюшка, я жиў у васъ и служиў вамъ; таперь ужъ мнѣ пажалуйтя ращотъ“.— Вотъ попь узяў: работника ращитаў, пупадью прагнаў изъ дому далоў, а самъ стаў жать, да паживать, да добро наживать. Я тамъ быў, медь—вино піў, па губамъ тьякло, а ў ротъ ни пунала; дали мнѣ калача, куда-то памача; я быў смѣль, узяў да й зьбў.

№ 13.

Якъ мужикъ свайго батюшку паднадўіу.

Въ нѣкатарымъ сялѣ быў священникъ очинь сярдитый, и магариншый, и багатый. Вотъ адинъ быў мужикъ, и такой іонъ быў шутъ и такой машенникъ. — Патомъ адинъ разъ што-та быў гадавой празникъ; вотъ іонъ и приходитъ ў церкву, пумаліўся Богу (а дила свай іонъ ужъ абстрипау). Патомъ послі абѣдни падходить іонъ къ папу и гаворить: — „А што, батюшка, ти грѣхъ ета, што я здѣлаў?“—Ну, што?—гаворить попь.— „Да вѣ што: я выгнаў сь паповыга гарошу свинью.“—Вѣ дуракъ: ну, какой жа ета грѣхъ, што ты папу здѣлаў пользу,—ета братъ ящѣ табѣ дажа спасибо!—Да патомъ ящѣ гаворить:— „Вѣ што, батюшка! што я сь паповыга калидору ваўка выгнаў?“ — Всѣ дуракъ! гаворить попь: ета жѣ какой грѣхъ, — ета ты мнѣ то-жа пользу здѣлаў: іонъ бы жѣ тама паўў мой и скотъ, и дятей, и ўсѣхъ ба майхъ дамашнихъ паразагнаў!... За ета, братъ, тожа спасибо!... Патомъ гаворить:— „Да вѣ што ящѣ, батюшка, хатѣў я вамъ сказать: толька я прихажу ў церкву, и увесь народъ стайтъ, а шаптуны такъ и шепчуть: то ти грѣхъ, што я ихъ выгнаў?“—Іонъ и гаворить: Во мужикъ, значить, дуракъ: ну, какой жа грѣхъ, сь Божжій церьквы выгнать нячистую силу?—Ета ты, значить, палучіў сабѣ спасеніе!... Вотъ попь яму ўсѣ прастіу, патомъ и пашоў дамѣй, раздѣўся, и садитца іонъ абѣдать, и ў яго быў ў доми

гость, и съѣли аны ўси абѣдать. Попъ и гаворить на пупадью: — „Намъ няси гавядины паѣсь“. — А пна и гаворить: — Я тамъ кидала у гарохъ свинину, — будитя ли вы ле ѣсть, или нѣтъ? — А іонъ гаворить: — „Давай!“ — Вотъ ина пубижала ў кухню, цапъ у гарцокъ: нѣту той свинины; тутъ ина и давай на работницу шумѣть; патомъ приходитъ у горницу и гаворить пацу: — „Мой ты папочкѣ, я кидала у гарцокъ свинину, а патомъ яе и нѣту; — я ни знаю, хто яе утащѣ.“ — А попъ кусь самъ сабе за языкъ: — „Ну, — гаворить, — пупадья, ты сваю свинину ни спрашій: яе утащѣ такей-то и такей мужучокъ, и яму прастіѣ“. — Патомъ тотъ гость и пубижаетъ у калидоръ, а тамъ лижала ваўчина шуба, и шубы той нѣту: — „Ну, братъ“. гаворить попъ на тога гостя: „а ты, братъ ни спрашивай: я ѣ тваю прастіѣ.“ — Патомъ яшо адинъ памѣщикъ у церкви хватъ у карманъ, хатѣѣ пасматрѣть, каторый часъ, а часоѣ и нѣту. Тутъ стаѣ такой розыскъ, а попъ гаворить на етыга памѣщика: — „Ну, братъ, и ты не ищи сваихъ часоѣ: ў насъ ў саводнишній день ў траихъ вышла прапажа, то я ўсю прастіѣ и разряшѣ, а нашимъ вещамъ: свиньни, ваўку и шаптунамъ, ўзвароту ня будить!..“

№ 14.

Абъ паповымъ батракѣ.

Какъ жиѣ адинъ попъ, такей чилавѣкъ быѣ добрый, благодѣтельный, а пупадья была лихая. Вотъ іонъ искаѣ, искаѣ сабѣ работника, нибакъ ня могъ найдить, патаму што пупадья была лиха. Патомъ адинъ сусѣдъ яго приближній и гаворить: — „Ну, батюшка, я вамъ, якъ ближній сусѣдъ, то я уважу васъ: возьмита майго сына къ сабѣ ў работники. — только ў такомъ палаженіи, штобы ваша хазяйка ни магла въ ёмъ распаряжатца.“ — Ну, такъ што жъ? ета можна, са ўсѣмъ удовольствіемъ. — Патомъ и гаворить: — „Ну, сматри, пупадья, ў маимъ работники ты ни распаряжайся!“ — Вотъ етому работнику такъ харашо была. Патомъ приходитъ осинъ, нужна ѣхать у каляду. Попъ и гаворить на работника: — „Ну, братъ, запригай лошадь: мы паѣдимъ съ табою у каляду!“ — Вотъ яны ѣздили, ѣздили; абнила ихъ ночь, и гаворить священникъ: — „Нужна праситца

на нашлегъ. Вотъ іонъ, канешна, какъ священникъ, ни мужику чита: пріѣхаў къ богатому мужику и гаворить:— „Пусти насъ на нычъ!“ — А іонъ и гаворить: — А, милости просимъ! Вотъ яны заначували. Ну, канешна, священнику тамъ ужъ была угащенія харошія, а на работника и позабыли; іонъ пашоу убирать лападей, а яны ужу лягли спать. Приходитъ работникъ, и паѣсь ничига, патомъ и легъ спать ня ѣмши. Лижаў іонъ—лижаў,—ня спитца, хочитца паѣсть: вѣтъ кишки ня свой братъ, ня ѣмши ня будить; іонъ устаў, идетъ къ папу и гаворить:— „Батюшка, я дужа ѣсь хачу!“ — А што я табѣ дамъ? Иди-ка, пасматри: на печки утворишь хлѣбъ,—яго ты и падѣѣшь“. — Вотъ іонъ и палѣзъ на печку, аteryў даяу, искаў, искаў ложки—ни нашоу, и давай ѣсть горстью; увесь пубмазаўся, слѣзъ аттуда и гаворить папу:— „Батюшка, што мнѣ дѣлать? я ўвесь пубмазаўся!“ — А попъ видаў, што висить рукамоиникъ для парогу,—вотъ іонъ и гаворить:—Иди: для парогу висить рукамоиникъ,—ты иди и вымыся!—Вотъ іонъ пашоу къ тому рувамоинику, а тамъ ў аббитику чистый дегать; вотъ іонъ удѣў туды руки, а оттуда ня выдвинить. Ужъ іонъ насіѣся, насіѣся съ естымъ абитикымъ: ни знаить, што яму дѣлать. Патомъ уздумаў: сяредъ избы стаяли маслабойныя жорны; іонъ и гаворить самъ сабѣ:— „Пайду да разабью абъ каминь етытъ аббитикъ!“ — Падходитъ іонъ къ етымъ жорнамъ, пасматривать: бялѣйтца каминь на жарнахъ. То іонъ у патѣмку ни разсматрѣў харашенька: думаў каминь, а тамъ лижаў лысый старикъ. Во іонъ падашоу, да какъ ляпнуть етыга старика па лысини: Вожа мой, етытъ старикъ какъ ускочить, какъ справить крикъ! Етому работнику некуды диватца: какъ бяжить къ папу и гаворить:— „Батюшка, паѣдимъ дамой, у насъ тамъ нисчастя!“ — Попъ скарѣй ускочѣў и кричить на работника:— „Праворній запригай лападей: паѣдимъ дамой!“ — Вотъ яны какъ сѣли, какъ паѣхали. Патомъ работникъ и гаворить папу: — „Ну, батюшка, я васъ спадманѣў: у насъ дома усѣ харашо, а только я сдѣлаў ниблагатапушна“. — Чимъ жа такъ?— „А во чимъ: какъ захатѣў я ѣсть, искаў, искаў паѣсть — нечива. Утворишь быў хлѣбъ, я искаў, искаў ложку—ни нашоу, я и давай ѣсть горстью: абмазаўся увесь. Впоѣў рукамоиникъ, я хатѣў вымыть руки: думаў вада, а тамъ дегать. Усадиў я туды руки, а аттуда и ня выну; я стаў искать, ба што мнѣ яго разбить. Стыяли сиради

хаты жорны, а на тыхъ жорнахъ спаў лысый старикъ. Я падашоў, хатѣ разбить абъ жорны, да какъ ударю етыга старика на лазбяню: іонъ закричѣў, да какъ справіў пиритраску! — Вотъ поць и гаворить на работніка: — „Ну, братъ, спасіба табѣ, што ты такъ здѣлаў, а то бы тамъ насъ задержали и лашадей ба нашихъ атпяртали, а таперъ, слава Богу, мы дома.

√ № 15.

Якъ поць назломъ здѣлаўся.

Якъ жиў мужикъ бѣдны, и была у яго мать — старушка старенькая. Какъ помирла яго матка, то іонъ приходить къ батюшки: — „Идѣ прикажия, батюшка, магилу вывипать?“ — А іонъ гаворить: — „Моспане, на кладбищи, падъ рябинный.“ — Мужикъ стаў капать магилу и вырыў каталоць съ деньгами; іонъ абралываўся дужа: будить, чимъ матку схаранить и чимъ справить похараны. — Послѣ пахаронъ зазваў батюшку на абѣдъ: поць видитъ, што похараны спраўляются, якъ у багатаго мужика, и гаворить: — „Скажи ты мнѣ, братъ, аткуда у тябе деньги?“ — Мужикъ рассказаў палу усю праўду. — Приходни дамой съ абѣду, поць и гаворить на пупадью: — „Ну, моспаня, вяди казла рѣзати!“ — Привела пупадля казла, поць казла зарѣзаў, мяшкомъ кужурину аблупіў и съ рагами, потѣмъ надѣўши на сябе кужурину, и приходить вечирамъ къ мужику вадъ акно, атчипіў и рукою грякѣ, грякѣ. Мужикъ таў и абамлѣу ат испугу: — „Хто ты?“ — „Чортъ.“ — „Что табѣ нада?“ — „Атдай каталоць денигъ, што нашоў!“ — Мужикъ думантъ: — „Нада атдати!“ — и атдаў. Приходитъ поць дамой, — стаў скидывать шкуру, а шкура и прирасла къ яму. Тады матушка панисла денги мужику: — „На, братъ, назадъ твае денги: за ихъ наказаў Богъ дужа батюшку.“ — Послѣ того поць и кужурину казливую сняў, а было казломъ застаўся.

Какъ попъ тяліўся.

Попъ піў малако силна. Іонъ пашоў у баню. Пупадьдя и гаворить палу, кали іонъ съ бани пришоў: — „Ватюшка, ня пейтя малако, а то вы телитись, када будитя пить болій.“ — Попъ ни няўся, а, пришедши зъ бани, стаў яще болій пить малако. Забурчѣло у яго у животѣ. Тады попъ служаўся: — „Пайду у чужоя сяло; а то стыдна будить, кали тялюсь у сва- емъ сялѣ.“ — (Попъ падумаў, што спрўдитца, што пупадьдя ска- зала). Бѣгши, попъ найшоў на задавленника, а цапаги у тога задавленника такія чудесныя. Давай скидывать цапаги—ня дѣ- зуть; тады попъ и узяў п атрѣзаў ихъ съ нагами, уварнуў ихъ и у рясу и приходит на дярѣню. — Мужикъ пустиў пу- па на нычъ; попъ палѣзъ на печку, распрянуўся и легъ спать. У то урема у ихъ карова тялилась нѣччу: попъ ужу уснуў, када къ яму палажили тяленка. — Ноччу іонъ прашнуўся, ви- дить ли сябе тяленка и дивитца:—„И ни замѣтиў, якъ тяліў- ся!..“ Прибѣгши дамой, и гаворить: Во, матушка, тяліўся — и ня ўчуў! А тутъ хазяева устали и гаворють:—„Што ета пу- па нашага ня слышна!.. Идѣ жъ ета нашъ попъ?“ — И гаворють:— Што ета ноги лижать ли телянка?—Тяленкѣ, ета ты нашага батьку зѣў? — А тяленкѣ: Ми, ми! — Нѣтъ, ня ми, а ета ты нашага батьку спатрябіў, нибяланный!..

√ № 17.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

Якъ панъ атняў у мужика пирохъ да гуся, а мужикъ за ета трожжи набіўся пана.

Ишоў мужикъ на дароги, фў пирохъ да гуся. Ъхали паны. — Мужикъ, атварачивай!

А мужикъ вратить морду па старанамъ, а съ дароги ня йдетъ. Астунувались лошади: мужикъ ни даѣтъ имъ ходу, а зваратить нильзя: абапалъ канавы.

Баринъ атвичаить на кучира:

— „Саскачи, пасматри, што ета за мужикъ такей съ да- роги ня йдетъ.“

— „Етыть мужикъ ни прастой, а ѣсть пирохъ да гуся!..“

— „Атыли, братъ кучирь! и я хачу пирата да гуся.

Кучирь узяў атняў у мужика пирохъ да гуся.

— Помни, баринь! атняў пирохъ да гуся—я тибѣ трожжи набьюся!

— „Кучирь, што іонъ гаварить?“

— А вотъ, што гаварить: Помни, баринь! атняў пирохъ да гуся—я тибѣ трожжи набьюся!

— „Паганяй, кучирь! ня слухай, што мужикъ гаварить.“

Пріизжають дамой, сѣбли панъ сѣ кучирамъ пирохъ да гуся.

Мужикъ барина знаить, а баринъ мужика ни знаить. Удрухъ мужикъ узяў пилу и идеть у гасподскій домъ наниматца рѣзать калодья, и выходить стараста:

— „Ти пильщикъ ты, братъ?“

— Да пильщикъ!—(А самъ у руки пилы ни брау).

— „А можишь ты мнѣ десить пиль сабрать народу?“

— Магу.

— „Пайду, къ барину скажу, пириталѣую“...

— Што, баринъ, пришоў къ намъ пильщикъ. — Ти ни пара намъ калодья у лѣси парѣзать?“

— Дауно я думаю рѣзать. Пришли мнѣ мужичка етыва.

— „Ступай, мужичекъ, къ барину пану дѣлатъ абъ калодью!..“

Мужичекъ приходитъ.

— Здрастуйта, ваша блугородіе!

— „Драстуй! Можишь калодья нарѣзать?“

— Магу.

— „А што, братъ, какую ты вазьмешъ пану рѣзать калодья?“

— Мы паѣдимъ у лѣсѣ: тамъ ужъ, баринъ, пану будимъ дѣлатъ.

— „Я пашлю старысту сѣ табой“.

— А то, баринъ, паѣдимъ умѣсти: я у тибѣ буду за кучира.

— „Да и праўда: чимъ яво таскаты, луччи у дваихъ паѣдимъ.“

— Прикажита старысти запречъ лошаты и узять тапарокъ.

Ну, стараста запрѣхъ лошаты, сѣў баринъ зѣ мужикомъ и паѣхавъ у лѣсѣ. Пріѣхали у лѣсѣ, абглядѣли десить кучъ и па триста калодъ у кучи. Баринъ гаварить:

— „Теперь сѣчь буду вагу.“

Мужикъ пащупаль у канцу гнилетья.

— Какъ же мы будимъ дѣлать пѣны?

— „Вотъ, баринъ, ты папробуй руку, ти праўда, што гнилая!“

Баринъ, какъ ня глупъ, а палѣзъ даставать гнилетья сваею рукой. Ну, іонъ вагу выдирнуў — руку и притиснула. И гаварить:

— Мнѣ ужъ руку нильзя вытинуть! Што ты ета дѣлаишь?

А мужикъ атвичаить:

— „Баринъ, помни, какъ ты атнимаў широхъ да гуся, я казаў: трожжи набьюся! Разъ буду бить.“ — Пашоў мужикъ, вырязаў хлудецъ лазовый, давай яво снувать, сколько улѣзла. Патомъ набіўся и ушоў прочъ. — Кучирь ждаў, ждаў и паўхаў зъ баринымъ у зыски. Пріизжаить старыста. Баринъ гаварить:

— Куда я паўду? Избить я увесь, и ящо абищайтца избить етый пражаждай.

Узяў старыста — падевириў канецъ ваги, вытинуў руку, привезъ барина дамоў бальнова. Извѣстна: бой ня медъ! Баринъ гаварить на старысту:

— „Пильнуў дахтарѣў при дароги: ти ни знаютъ яны, якъ мне папользовать?“

И ўдрухъ мужичекъ накупляў пузырькоў двадцать и идетъ серозъ гасподскій домъ; пузырьки навѣшины на шеи. И уходитъ старыста на вулицу:

— „Ти дѣхтаръ ты?“

— Значить, дохтаръ, када у мене разны ликарства навѣшаны!

— „Пагади, братъ! я дайду, барину далажу.“ — Пришоў къ барину:

— „Дохтаръ идетъ па нашему чистому двару, и ликарства у яго многа навѣшина на шеи!“

— Призави, братъ стараста, яго у домъ ка мнѣ! — Стараста гаварить:

— Мужичекъ, ступай еъ барину у домъ!

Приходитъ мужичекъ у домъ.

— „Можишь мене папользовать: я очинь болѣнь.“

— Магу, баринъ! „Талитка баню: мни тебе нада у бани лячить.“

Вытапили баню, пували барина у баню; лакей да баринъ и мужикъ у траихъ пришли у баню. Пришли у баню, а вѣника нѣтъ.

— Што, баринъ, мы пришли, вѣника жъ нѣтъ—нада намъ вѣникъ: иди, лакей, за вѣникамъ дамоу!—Лакей пашоу тady. Мужикъ и гаварить:

— „Помнишь, казау, якъ атняу пирохъ да гуся, трожжи набьюся! Вить буду бить больна.“ — Далека отъ дома узяу мужикъ барина дуть. Забіу яцо сильнѣй, самъ и ушоу. Приходить лакей.

— Забіу тэй мужикъ—вязи на лашадяхъ!

Привязли ипать у домъ барина бальнова. Какъ лехъ баринъ, палгода лижау. Стау баринъ, слава Богу, пупраулятца. Мужикъ ипать къ яму: наняу тройку лашадей бурныхъ—и ѣдитъ скрозь хутыръ.

— Ти жиу тей баринъ, што атняу пирохъ да гуся: я приѣхну, третій разъ набьюся! — И услышала дворня, што іонъ кричить ва весь горадъ, пагнались за имъ, распустіуши черны крылья. Патомъ таго, скачіу у господскій закауль, а коній пустіу — яны всѣ за ими. Хуть бы адинъ чилавѣкъ застауся у доми—толька баринъ. Онъ сейчасъ шарпъ у харомы къ барину.

— Здрастуйта, баринъ! Ти жиу ты. Якъ атняу пирохъ да гуся, я казау: трожжи набьюся.—Пачау барина бить. Баринъ гаварить:

— Вазми деньги у кутнимъ углу, —тольки атстанъ ать мине!—Мужикъ, якъ ня быу глушь, сгребъ шкатулку и ушоу. Прибѣгаитъ слуги—баринъ ляжитъ забитый.—„Зачѣмъ вы пабѣгли? Мужикъ мине саѣсѣмъ забіу. Пазавити священника:—я скоро умру.“

На третія сутки баринъ пириставіуся, и стали яго пуминать, и я быу у тоя ўремя на паминкахъ. Чарствія яму Божія!

№ 18.

Мужикъ пану шутичку сшутиль.

Панъ сказалъ мужику. „Сшути мнѣ шутичку“, а мужикъ ему сказалъ:—Привалила рыбка къ гати—некаму тигати.—Пришоль панъ къ гати, а рыбки ни водный нѣту: мужикъ шутичку и сшутиль.

✓ № 19.

Баринъ—яму мужикъ параіу—лашадей сабѣ изъ тыквѣ
высиживау.

Какъ пасѣіу адинъ мужучокъ гарбузоу, и ўдались яны
такея хорошея, и такъ довольна.—Вотъ аны пасѣли, и давай
іонъ ихъ выбирать, и павезъ ў горадъ прадавать. Падходить
къ яму памѣщикъ и гаворить яму: „Што ты ета, мужучокъ,
прадаешъ?—А іонъ гаворить:—А яйцы.—„А што зъ ихъ можна
здѣлать?“—А іонъ гаворить:—А во што зъ ихъ можна здѣлать:
ежели ты хочишь ѣздить на хорошихъ лашадахъ, сядь на еты
айцы, да на високій елки, и высидишь сабѣ такихъ лошадей,
какихъ ты никада не видишау.—Вотъ іонъ купіу сабѣ етыхъ
гарбузоу нѣскалька штукъ, патомъ и гаворить на етыга му-
жука:—„Ну, братъ, теперъ я табѣ дамъ сто рублей,—только
ты мяне сvedi, на каторый елки можна высидить лашадей.“—
А етытъ мужучокъ знау, идѣ ляжить зайць, падъ каторыю
елкаю. Вотъ іонъ и павеу яго туда, и гаворить:—„Ну, садись,
да сматри, ни слизай, павамисть съ—падъ тябе вылизуть еты
лошади“.—Вотъ іонъ идетъ къ дому и приказываитъ жанѣ:—
Принаси мнѣ заўтрикать, абѣдать и вужинить, а мнѣ дамой
хадить некада.—Вотъ жина насила яму адинъ день, и другой
день, и третій день, а патомъ каеъ-то и пазабылась.—Вотъ
іонъ сядѣу, и захатѣлась ему такъ сильна ѣсть, то и іонъ самъ
сабѣ и гаворить, сидя на елки:—„Ахъ, Божа мой, вотъ кака-
я мая жина: на хорошихъ-то лашадахъ бы ѣдила, а пра мяне то
и забыла!“—Патомъ и гаворить:—„Падажди, только дамой
пріѣду, то ина ета будить помнить, што ина пра мяне паза-
была!“—Какъ то стау паварачиватца, да какъ заgrimить іонъ
зъ етый елки, а падъ тэй елкуй лишау зайць, то етытъ зайць
какъ ускочить, какъ пубяжить, а іонъ то за нимъ ўслѣдъ и
кричить: „Ай, ни дасѣдіу я сабѣ лашадей!“—Тотъ только и
быу такоу: пубяжау у лѣсь. Вотъ іонъ пришоу дамой, и давай
сваю барыню бранить:—„Какъ ты не магла мнѣ принести па-
ѣсть; а я только стау було дасѣживать сабѣ хорошихъ ла-
шадей, и захатѣлась мнѣ дужа сильна паѣсть,—то я хатѣу
було слѣзть тихинька съ сваей насѣтки, да какъ абламіўся, да
абъ землю, а лошадь нидасѣжаная съ—падъ мяне, то я яе даганяу

даганяў,—никакъ ня могъ яе джржать; а если бы ты мнѣ при-
ншла паѣсть, то были бы у насъ лошади ни такея, какея у
насъ теперь іостъ: када я малинькага, и то никакъ ня могъ
паймать, а если бы я дасѣдїў, то имъ бы и здержи не была.—
а тыперь ты сама винувата,—усё и ѣзди на такихъ. какія
іостъ“.....

№ 20.

Калядный гость.

Сватъ къ свату пришоў у гости на калядки. Атгастїў
калядки; сватъ и спрашїить у свата:—„Ти харашо была на
каляды?“—Харашо.—„Ну, пабудь-ка ты да маслинны!.. Ета
луччїй будить“.—Даждали маслинки и маслинку атгастили.
Потэмъ сватъ и гаворить:—„Ти харашо была, сватъ, на ма-
слину?“—Да, дужа харашо, сваточекъ!... „Пабудь-ка да вя-
ликоднїа... пагляди, какъ тада будить!“.—Атгастїў гость и
Христоў день. Тамъ выхали люди у поля пахать: агу, ха-
зяинъ и гаворить:—„Братъ войтичка, прагонь ты мнѣ каляд-
ника гостя: парядкамъ іонъ мнѣ надакучїў“.—И пуцрасїў ха-
зяинъ войта, штобъ іонъ здѣлаў, што надѣби.

Потэмъ хазяинъ гаворить на гостя:—„Ну, братъ, бїрагисъ:
сичасъ ка мнѣ прїдїть войтъ звать на пригонъ „па семира зъ
двара вонъ.“ Іонъ, братъ, ня дужа—то любить калядныхъ га-
стей; дакъ я табѣ, братъ, парайю: палажу я тебе у машку, на
калѣсахъ, замѣсть тѣга хлѣба.

Приходитъ войтъ къ хазяину:—„Чаломъ вамъ! А ета
што у тебе на калѣсахъ за мяшокъ съ мякиный?.. Ахъ,
какъ бы мнѣ найти каляднага гостя?... У тебе братъ, мнѣ
казали, адинъ гость (Да пу мяшку бѣтца винарокымъ вноу-
томъ). Я-бъ яго!—(да разъ, два, три, чатыри вноутомъ). Ну,
братъ, низвиняй, што тебе бизнавоїў: казали добрые люди,
бѣтца у тебе гость калядный—я бѣ яго забизуваў бы да смерти.

Потомъ, якъ ушоў войтъ, якъ выпусїў хазяинъ гостя,—іонъ
скарѣй дамой. Іонъ ужу, самъ гость, харашо знаить, дагадаѣся,
што нада робить: абротъ у руви, саху на плечи, да у поля
пахать.

↓ № 21.

Хлѣбъ-соль!—Просимъ пакорна покушать!

Одинъ крестьянинъ былъ большой охотникъ покушать. Какъ увидить обѣдающихъ и, по обычаю, скажетъ имъ „хлѣбъ—соль“, а обѣдающіе, по обычаю, отвѣтятъ: „просимъ покушать“, крестьянинъ этотъ никогда не отказывался отъ „хлѣба—соли“, а присаживался за столъ и обѣдалъ.

Стали замѣчать его привычку и ужъ не просили его покушать, а только благодарили за доброе слово:—„Спасибо табѣ за добрыя слова, милый чаловѣкъ!“

№ 22.

Подъ порогомъ иголка.

Дѣвка все отказывалась работать подь предлогомъ, что она не довидитъ — плохо у нея зрѣніе.

Пришли сваты и положили для испытанія ея зрѣнія иглу подь порогомъ; дѣвка тотчасъ замѣтила иглу: „подь порогомъ иголка!“...

№ 23.

Химя—дренна имя.

Одна баба за перемѣну имени отдала рубль денегъ да шубку, и приказано было бабѣ сѣсть въ ступу, когда никого дома не будетъ, распустить волосы и молчать, что бы съ нею ни дѣлали; и на все это баба согласилась, потому что ей не нравилось ея имя: „Химя—дренна имя!“

Сынъ первый замѣтилъ, что какое-то чудовище сидитъ въ хатѣ, побѣжалъ, отцу рассказалъ. Отецъ не повѣрилъ, а какъ пришелъ, то испугался,—а какъ хорошенько разглядѣлъ, то и началъ бить жену кнутомъ, а она все не лѣзетъ со ступы. Ну, наконецъ вылѣзла—не стало терпѣнья—да и говоритъ съ сожалѣніемъ мужу:—„Багда-бъ ты не сѣеъ меня кнутомъ, я бы въ святыхъ аявилась“.—

№ 24.

Р о з в и с н я .

Адну бабу звали Розвисній. Баби етій ни правилась ета имя. Думалысь ей: — „У ўсѣхъ бабъ имина, каеъ имина, а у мене какою-та гадкыя, ни людскоя имя.“ — Адинъ паринь вызвался пирякстить яе; вялѣль ей лечь у лажу, да хадилъ вакрыгъ яе и пригавариваль:

„Вада махавая,
Баба маладая,
Шубушка навая!“...

Какъ абайшоль три раза съ этимъ приговоромъ, то сказалъ:

„Шуба ня шутка:
Будь ты Аксютка“.—

Шубу-то парень сабѣ узялъ, а баба стала называтца Аксютній.

Б ы л ь .

№ 1.

Дѣўна викавуха, якъ яе цыгани абманили.

Жила дѣўка-викавуха. Узышли на дворъ къ мужичку цыгани. Дѣўка выхадила на дворъ и спрашійть:

— Кто такей?

— „А сваты. Пайдешъ замужь за насъ? Бяри у матери ключи, выбирай дабро — паѣдимъ жанитца!..“ Ина ать матери забрала ключи и стала надивать усю адѣжу съ имбара.

— „Ты напратывай адѣжу палуччи!..“

Напрянула ина новыи знизъ.

— „Ну, садись на коній!..“

Садились на лападей, паклаўши дабро, съязжали са двара. паѣхали вакрыгъ дяреўни, абѣхали три раза, штообъ даўжьѣи

ѣхать. Падвозють яе (дѣўку) къ хати, къ свайму дому, пувяди яе въ хату.

— „Сядь, пасяди здѣсь у хати, пакаमितь лападей мы атвязёмь!..“ (А цыгани дамой паѣхали).

Ина ждала, сядѣла долга, скоро ль жинихи у хату придуть. Стала призывать сѣдя. Падъ тоя урема матка яе прапнулась, какъ ана називаить:

„Ахти, Божа мой, у маминихъ даўно спять, а я ня сплю, малада!..“ Мать спрашійть:

— „Чого ты ня спишь називаючи —далоўки бѣ слѣзда!..“

— Я тибѣ—нявѣстка, а ты—мая свикра!

— „Ахъ, ты с..... дочка, што ты уродуишь?! Я жъ тибѣ матка!..“ Ана, пасматрить, адѣта—напранута.

— „Куда жъ ты адѣлась, дачушка?“

— А, маминька, замужь сабралась.

Ина узила чипялу у руки, ну яе дуить.

— „Уставайти-ка, сыны! Нѣтъ ли чаво у насъ у доми: дочка жъ замужь идеть.“ Пасматрять сыны: забрадина сала, забрадина усе дабро. Вила матка яе, била, души паслушаўши.

№ 2.

Д и л ь б а.

Свара и дильба ни тиризъ мужикоў, а тиризъ бабѣ.

Жили два брата, была у ихъ шесть лападей. Паѣхали яны у извозъ на двѣ надѣли, а бабы, ихъ жоны, здѣлали бранку— и ну дялитца зѣ бранки, бизъ мужей. Узялись дялить дабро: скоть, хлѣбъ—усѣ паразмѣрили, чашки и ложки—усѣ падылили, абразоў—усѣ параздылили, — ну, и ажидають сванихъ мужей зѣ дароги. Призжають мужьё. Выхадили вонки стричати ихъ, лападей атпригаты пасабляли. Гаворить одна на мужа на свайго:

— „Вотъ нашъ хлѣў: пуцай у свой.“ А юнь гаворить:

— Вонъ колья атцоўсѣбая: сюда пуцать нада.

Пустили лападей туда, у канюшню. Узварачивались усѣ у хату, стали вабразамъ малитца, каторыя ли парогу вабраза. Та гаворить:

„Вд наши абраза: атець ставіў абразокъ ву кутѣ.“ —Стали усѣ малитца у въ одно мѣста, къ куту. Сѣли за столѣ.

Ильеть кажная свайму мужу. Пытають мужья:

— „Што, вы падыялились, жоны?“

— А мы падыялились.

— „А мы дыкь съ братымъ ни дялились.“ — Сліу варива у вадну чашку. Якъ нальютъ чашу, умѣста усё смѣшивали. Шабѣдали яны, напайли лашадей, изнову сѣли на лаўцы.

— Што, братъ, будимъ дѣлать зъ жинами?

Другей гаворить:

— „Ни нада битъ ихъ: будишь калѣкыѣ кармить, если пирябешъ руку-нагу.“

— Я знаю, што зъ ими дѣлать.

— „А што ты знаишь, братъ?“

— Пайдёмъ въ имбаръ са мною, убирай адежу зъ имбара усю вонки; я сваю раздѣну жану, и ты раздивай, пасодимъ ихъ у въ амбари галыхъ — во тутъ яны накаютца у въ имбары. — Раздѣўши, пасадили бабъ въ имбары. Яны тамъ ругались, бѣгались, смерзли ужу, а патачки нѣтути. Тада, якъ праняу голыдъ и холыдъ сильный, гукають мужей:

— „Атваритя намъ!.. Пумирились“.

— Разви пумирились?

— „Па вѣкъ вѣшний ня будимъ бранитца и дялитца.“ — Выпуццали съ имбару.

— „Ну, жонки, на вѣкъ вѣшний ни бранитесь, ни дяритесь! Вотъ вамъ наказанія: если вы другой разъ забранитесь — въ имбаръ! Во якъ!..“

№ 3.

Село Пречистое, Духовищенскаго уѣзда.

Съ зарыбыткыѣ вярнуўся.

Какъ жиў я бѣдна и пашоў у Питирь у зарыбаты. Зажіу капиталу парядышныга, надѣў калоши харошія. Была у мене на дароги сусѣдка выдядина (замужь). Я зайшоў, калоши бро-сіў у ей и адежду харошію тамъ-жа. Прихажу дамоу аборван-ный. Батька на мене съ жонкыи асирцали и у избу ни пуцають. Курица узлятить на столъ — и тую мамъ иминимъ бро-нютъ:—Кышь, арванъ Питябургская!

— Атыскаў я адежду харошію, надѣў калоши. — А жива

пагуливають, нашла пубратимнѣ хорошихъ. Пастригея я цу маскоўсь-каму и прихажу къ ей.

— „Здрастуй, маладица!“

Батька мине ни узнаѣ зъ жаною—и, ну, (на) ѣскоки батька зъ жаною. Я сяжу; да паглядаю на ихъ. Патомъ батька гаварить:

— Вывадитя чилавѣка чужистранныва паскакать съ маею снахой!—Пашоѣ я зъ ей плясать, и увидѣла ина у мине на рукѣ свае залачонныя кальцо, патомъ узнала, што я мужъ яе—схватала за шю, стала прасить прашенія. Набіѣ яе—и прочъ пашоѣ, и таперъ ни живу зъ жонкаю.

№ 4.

Деревня Медвѣдовка, Смоленскаго уѣзда.

Ш е р с т о б и т ь .

Ета було 1879 гаду. Приходит чилавѣкъ на дяреѣню Пивувку и гаворить:—„Идѣ ба ета мнѣ було хватуеру тутъ найдить, штоба було двѣ хаты?“—Абнабавенна, яму паказали:—„А вунъ у Скрабуна Ивана Данилава двѣ хаты, и хаты хорошія“.—Приходит іонъ къ етому Скрабуну Ивану Даниливицу и гаварить:—Вы Скрабунъ Иванъ Даниливицъ?“—Я.—„Ну, якъ ба ета мнѣ зъ вами пазнакомитца?“—Атчаго жѣ?—Можна.—Што жѣ вамъ угодна атъ миче?—„А я бѣ жилаѣ у васѣ хватуеру нанять:—у васѣ двѣ хаты“.—Ну, чимъ жаты будишь у маею хати заниматца?—А я думаю здѣсь аткрыть красильню и магу валинки валить—шерсть прибивать“—Я бѣ та ни жилаѣ ба сабѣ еткихъ сусѣдѣй, патаму, Богъ тябе знаить, хто ты.—Жѣнщины сьбрались и стали угаваривать яго:—„Ну, усе адно, мы возимъ за 15 верстѣ красить, а таперъ будить, када пустишь, у сваей дяреѣни красильщикъ“.—Скрабунъ етѣй гаворить:—„Вохъ, када ба іонъ вамъ ни накрасіѣ такъ, што и насить будить нечига!“... Пляменникъ яго гаворить:—Да нѣ, дядя, у насѣ, усе адно, хата такъ стаить, а іонъ будить намъ платить по 2 рубли у мѣсицѣ,—хата у два гады сама сябе выплатить!—Старикъ гаворить:—„Такъ то—такъ, братъ, ды гляди, кабъ ня вышла на маѣмъ: тяперъ ты мяне, старика, ня слушаишь, а тады можа пумянишь!“... Нявѣстка гаворить:—

„Ну, гляди: ты ня слухай старика!“... Сичась сабралісь усе бабы, хату ету вымыли, вычистили. Сябрались усе жанціны, нанясли яму аряхоў, здѣлалі жарѣху. Красильщикъ гаворить на маладога хазяина:— „Ну, вѣ што, братъ, гатуй ка ты къ заўтриму пару коній: паѣдимъ у Рослыў пакунки дѣлыть. Ды пріяси-ка ты съ кабака на свае деньги водки: ета будить ать мяне угащенія; а я послі атплачу: у мяне тапера нѣту денігъ мелкихъ“.... Маладэй гаворить на старага:— „Дядька, а, дядька, дай-ка ты мнѣ цалковый“...—На што?— „Ды вотъ, красильщикъ просить купить гарчикъ водки; іонъ послі аддасть“.— Старикъ гаворить:—На ўжу, нѣ... Усѣ 'дно—ета пропала“... Даў яму старикъ цалковый. Привязли водки. Красильщикъ гаворить на старика:— „Ну, старикъ, ты ўсе гаворишь пляменнику ни такъ, якъ слѣдуить, а вотъ мы тольки съ табой азнакомимся, то праживемъ умѣсти 10 гадоў...“—Ну, нѣтъ, гаворить старикъ: хуть ба Богъ даў намъ съ табою пиринучувать“.—Гарѣлку ету яны распили и лягли спать. Назаўтрига устали рана, гаворить красильщикъ на маладога хазяина:— „Ну, запригай, братъ, паѣдимъ.“—Ды вотъ, братъ, мае коні ня кованы!...— „А ты вазьми съ сабою деньги и пацковы: мы и пацкуемъ на дароги“... Даў яму старикъ денігъ и гаворить:— „Ну, ѣдь, ѣдь, да хоть ба самъ пришоў назадъ!“—Ну, вярзи, вярзи, дядька... Пріѣхали у Рослыў; красильщикъ гаворить:— „Ну, братъ, ты ламадей пацкуй, а я пайду закупки дѣлыть“.— Заказали яны сабѣ харошій абѣдъ на настаялики. Красильщикъ приходіть зъ горыду, а коні ужу пацкованы. Сѣли яны абѣдыть. Паабѣдыли.— „Ну, братъ“, гаворить красильщикъ: „пайдемъ у лаўки!“.. Вотъ пришли яны у ва дну лаўку, выбрали два катла; гаворить красильщикъ:—Ну, братъ, ты тутъ пасяди, а я пайду у другую лаўку куплять краску“.—Сидѣў етый мужикъ доўга на етыхъ катлахъ,—красильщикъ ня йдетъ. Лавышникъ усѣ у яго распрасіў. Патомъ гаворить:— „Коні ти іось?—Іось. (А красильщикъ, ішоўши, узяў у яго 3 рубли, што яны брали на водку). Лавышникъ гаворить:— „Ну, братъ, иди-ка ты на хватуру: тваихъ коній нейди даўно нѣту!“... Приходіть на хватуру: нѣту ничога: ни ламадей, ни калѣсь. Спрашіть у дворника;— „А идѣ жъ мае коні?“—А на коніхъ жа паѣхаў хазяинъ, а я табе и знать ни зваю.—Ну, заплаці-ка жъ абѣдъ.—Мужикъ етый аставіў жупанъ у двор-

ника за обѣдъ, помы ѣ руки, пумаліўся святымъ Раслаўскимъ ды и дамой. Приходить дамой; старикъ гаворить: — „Здароў.— А идѣ жъ кони?—А што, ни мья прауда?—А?..... Вотъ да-сель мы и видели сваихъ канѣчкы!“.. Сѣли вужинать:— „Ну, няси-ка жъ, братъ, гарѣлки Раслаўскій, пумянѣмъ сваихъ коній!..— А іонъ жа и деньги у мяне узяў! гаворить племянникъ.— Пра ўсе и расказаў старику. Старикъ гаворить: — „Ну, што жъ, хара-шо: моли Бога, што самъ ища жиў атстаўся!“.. А кони были харошія: адинъ рублей 100 стоіу, а другой рублей 70.

Отъ старика Емельяна Даниловича.

